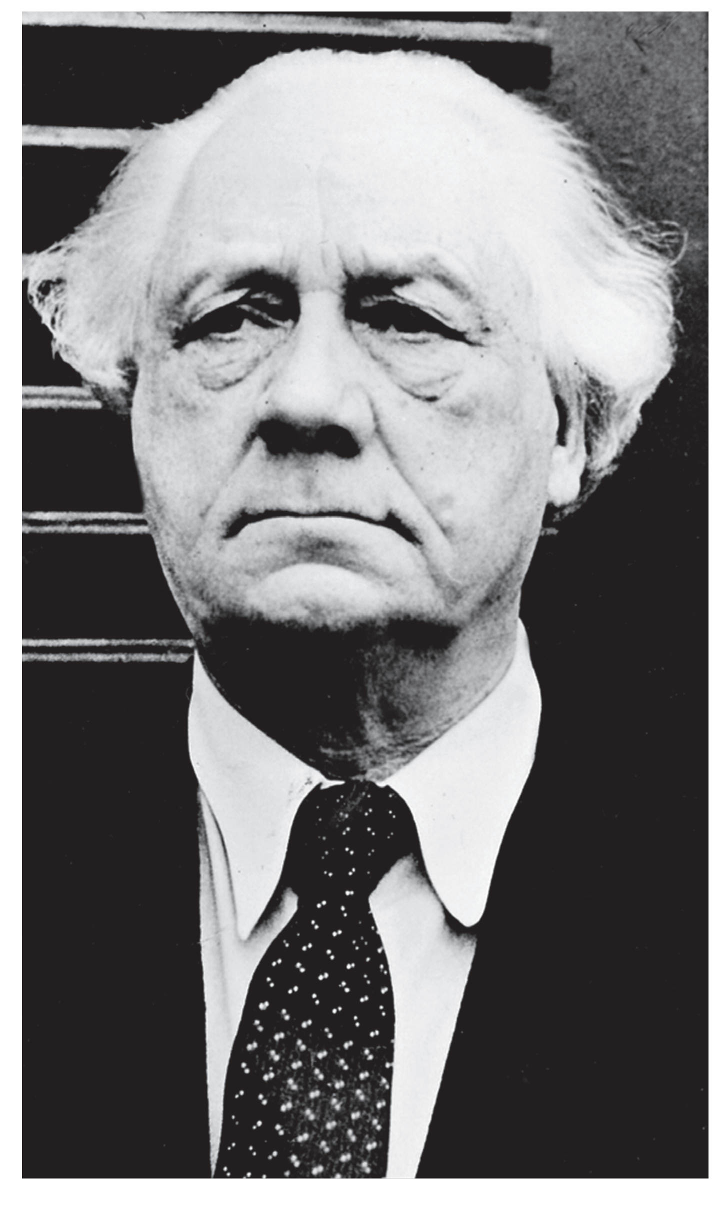
РП

Российские
Пропилеи

Федор СТЕПУН

Письма

Федор СТЕПУН

Серия основана в 1998 г.

В подготовке серии принимали участие
ведущие специалисты
Центра гуманитарных
научно-информационных исследований
Института научной информации
по общественным наукам,
Института философии
Российской академии наук

Федор СТЕПУН
Письма

Росспэн
Москва
2013

УДК 1(470)(091)(082.1)
ББК 87.3
С79

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 10-03-00064а*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 13-03-16017д*

Ответственный редактор-составитель В. К. Кантор
Научный редактор И. И. Ремезова
Серийное оформление П. П. Ефремов

Степун Ф. А.

С79 Письма / Федор Степун ; [сост., археогр. работа, коммент., вступительные статьи к тому и разделам В. К. Кантора]. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 683 с. : ил. — (Российские Пропилеи).

ISBN 978-5-8243-1796-1

В книге, подготовленной В. К. Кантором – доктором философских наук, профессором Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики (НИУ – ВШЭ) – опубликована переписка выдающегося представителя русской интеллектуальной культуры двух первых третей XX в. Федора Августовича Степуна (1884–1965) – культурфилософа, мыслителя, писателя, публициста, профессора, соединившего в своем творчестве Россию и Германию. Читатель здесь найдет его письма западным мыслителям и интеллектуалам – Г. Риккерту, П. Тиллиху, О. Шпенглеру, Г. Кульману, русским писателям и философам – И. Бунину, Б. Зайцеву, сестре и Галине Кузнецовой, С. Франку, Д. Чижевскому, Г. Федотову, В. Вейдле, Д. Шаховскому и др. Особое место занимает в книге его эпистолярный роман с княгиней А.А. Оболенской фон Герсдорф.

Книга адресована широкому кругу читателей – специалистам в области истории отечественной социально-политической мысли, а также всем тем, кто интересуется проблемами российской философии и культуры XX в.

УДК 1(470)(091)(082.1)
ББК 87.3

ISBN 978-5-8243-1796-1

Вступление

Письма Федора Степуна

Хочу начать свой текст о письмах Федора Августовича Степуна и о подготовке тома его переписки с одного занятного и важного эпизода. Немецкий коллега, занимающийся давно творчеством Степуна, сказал мне в беседе: «Если Вам будет не хватать для полноты тома текстов, возьмите несколько писем из его книги “Из писем прапорщика-артиллериста”». Соображение, пришедшее мне в голову, было нехитрым, но, кажется, точным. Я подумал, что, в сущности, все творчество Степуна есть развернутое на много книг и статей эпистолярное послание. Его роман «Николай Переслегин» — это роман в письмах, как и книга с войны, т. е. письма прапорщика-артиллериста. Его «Мысли о России», написанные в очень доверительной, совсем не академической манере, практически без ссылок и сносок, есть нечто среднее между письмом и эссе (разница не очень большая, ибо эссе — это письмо, у которого много адресатов, хотя автор эссе может и не думать о читателях, «писать в стол»). Степун думал, в стол он писать не умел и не хотел. Каждый свой текст он усиленно пробивал в печать, и, как правило, добивался успеха. Он хотел, чтобы его послания нашли адресатов, и очень радовался и гордился, получая множество откликов на свои публикации.

Разумеется, эпистолярная форма родилась не в России. Можно вспомнить хотя бы «Нравственные письма к Луцилию» Сенеки. По словам исследовательницы эпистолярного жанра в европейской литературе О.О. Рогинской, у переписки всегда есть сюжет. Особый эпистолярный сюжет. Независимо от того, реальная это переписка или выдуманная, бумажная или электронная. Наверное, впервые отрефлексирован этот тип сюжета был в таком литературном жанре, как роман в письмах. Чрезвычайно популярный в середине XVIII века, уже ближе к концу столетия он стал восприниматься как устаревший, скучный и чрезвычайно растянутый («Роман классический, старинный, //Отменно длинный, длинный, длинный, //Нравоучительный и чинный...»). Однако это уже не имело особого значения,

ибо главное было достигнуто: в литературу, а следом за ней и в быт — вошло представление о переписке как особом жизненном сюжете... О переписке, которая становится — ни много ни мало — эпистолярным романом*. В Россию эта форма пришла через французскую литературу классицизма, где с «Персидских писем» Монтескьё эта форма охватила все жанры литературы, через романы Ричардсона, «Новую Элоизу» Руссо, «Страдания юного Вертера» Гёте. В России тоже найдем несколько художественных текстов в форме писем — «Бедные люди» Достоевского, повесть «Фауст» Тургенева, но все же основной эпистолярная форма стала в русской мысли. Наверно, стихотворные послания друзьям от Пушкина до И. Бродского («Письма Римскому другу») стоят в контексте посланий Овидия, и в строгом смысле письмами именоваться не могут. Но все же жанр эпистолы начинается, быть может, именно в стихах, еще в Античности.

Однако нигде, может быть, эпистолярная форма так не прижилась в философской среде, как в России. Связано это было, очевидно, с отсутствием академических форм выражения свободной философской мысли. Нельзя в этом контексте не вспомнить знаменитые чаадаевские «Философические письма», «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя. А затем и герценовские «Письма об изучении природы» и практически все его наиболее значительные философские сочинения вплоть до его последних писем «К старому товарищу», сюда же ложатся «Письма без адреса» Чернышевского, а также два разных произведения, имевших одно и то же заглавие, — «Исторические письма» С.М. Соловьева и П.Л. Лаврова. Наиболее знаменитый трактат русской православной мысли начала XX столетия «Столп и утверждение истины» П.А. Флоренского тоже написан в эпистолярной форме. Уже после революции была создана книга, имевшая большое влияние на русскую мысль, я имею в виду «Переписку из двух углов» Мих. Гершензона и Вяч. Иванова. Но эпистолярный жанр не прервался, продолжился. «Философия неравенства» Н.А. Бердяева имела подзаголовок «Письма недругам по социальной философии».

Степун это понимал, в каком-то смысле такое отношение к выражению философской мысли было его внутренней установкой. Еще молодой Степун писал: «Русская философия никогда не была чистою, т. е. отвлеченною мыслью, а всегда лишь мыслью, углубленною жизнью. С этим характером русской философии связано и то, почему типичною формою ее выражения редко являлись толстые, заботливо и обстоятельно на главы и параграфы разграфленные книги и

* *Рогинская О.О.* Эпистолярный сюжет: мыльная опера, или роман в письмах. Первая серия // Русский журнал. 30 октября 2001 (http://www.russ.ru/netcult/20011030_roginskaya.html).

так часто письма, отрывки, наброски и статьи лично-исповедального и общественно-полемического характера»[*]. Впрочем, такой подход порой рождал и иронию. Ведь письма — это по большей части (вспомним Репетилова!) «отрывок, взгляд и нечто. / Об чем бишь нечто? — обо всем». Но это «обо всем», чаще захлебывающееся в словах, когда мысль и чувство обгоняют слова, не характерно для русского эпистолярного наследия. Это, конечно, не выверенные до последней черточки письма Томаса Манна, адресованные скорее не корреспонденту, а потомкам, но тем не менее продуманное, как правило, высказывание, хотя и не всегда ловко высказанное. Как пишет современная исследовательница, письма «являются своеобразным жизненным контекстом, тонально окрашивают философское слово автора, открывают внутренние смыслы его творчества»[**].

Очень показательна здесь фигура Василия Розанова, публиковавшего свою переписку с современниками и полагавшего, что это открытие внутреннего мира человека. Его друг Павел Флоренский в одном из своих писем заметил: «Единственный вид литературы, который я признавать стал — это ПИСЬМА. Даже в “дневнике” автор принимает позу. Письмо же пишется столь спешно и в такой усталости, что не до поз в нем. Это единственный искренний вид писаний»[***]. Эти слова Розанов поставил эпиграфом к одному из своих томов о «Литературных изгнанниках». Другой том он посвятил публикации своей переписки с К.Н. Леонтьевым и Н.Н. Страховым. Никакой историк русской мысли не может пройти мимо этих книг. С появлением Интернета становится все сложнее определять подлинность найденных и публикуемых писем людей интернетной эпохи. С тем большим интересом и благодарностью должны мы всматриваться в духовный смысл оставленной подлинности.

Надо сказать, что по письмам Степуна можно представить себе целую эпоху. Не случайно он оказался автором, пожалуй, лучших мемуаров о начале XX столетия, многое поняв в прошлом, многое угадав в будущем. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) говорил о нем как последнем представителе Серебряного века, сумевшем этот век объяснить. Его слово — как философа, как писателя, как мемуариста, как публициста, как мастера эпистолярного жанра — всегда было равно себе. Он ведь был еще и удивительный лектор, собирав-

---

[*] *Степун Ф.А.* Прошлое и будущее славянофильства // *Степун Ф.А.* Сочинения / Составление, подготовка текста, комментарии и библиография В.К. Кантора. — М.: РОССПЭН, 2000. С. 326.

[**] Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М.: РОССПЭН, 2005. С. 7.

[***] Розанов В.В. Литературные изгнанники. Кн. вторая. П.А. Флоренский, С.А. Рачинский, Ю.Н. Говоруха-Отрок, В.А. Мордвинов. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 5.

ший аудитории в триста человек, когда обычные профессора с трудом удерживали двадцать-тридцать человек на своих лекциях. Про него можно повторить слова, сказанные о Чацком: «Как говорит! И говорит, как пишет!». В письмах слышна живая разговорная интонация людей, даже принятые формулы обращения друг к другу, формулы вежливости погружают нас в эпоху писания этих писем, указывая и социальный слой, в котором существовала данная переписка. Слышна интонация, и в талантливых письмах почти виден жест пишущего человека. А талант нужен везде. Письма — своего рода дневники, хотя, может, не столь откровенные. Но все же показывают интимную сторону жизни и мысли. В русской эмигрантской философии Федор Августович Степун (1884—1965) был, так сказать, последним из могикан. Он успел увидеть закат сталинизма, эпоху хрущевской оттепели и ее крах. Всю жизнь он сохранял надежду на демократические изменения в России. На Родине, любимой им «из не очень прекрасного далека» (российская катастрофа была, по мысли Степуна, общеевропейской — мысль, подтвержденная опытом: после большевистской революции философ пережил еще и немецкий нацизм). Ушедший из жизни последним из своих знаменитых современников, он только сейчас приходит к нам. Начиная с 1922 г. он жил в Германии.

В глазах многих ставший знаменитым немецким писателем, «равным по рангу таким духовным выразителям эпохи, как "соразмерные" ему Пауль Тиллих, Мартин Бубер, Романо Гвардини, Пауль Хекер и др.»*, он писал, прежде всего, о России, хотя немецкий опыт был также его постоянной проблемой, более того, грундфоном его российских размышлений. На кончину Степуна откликнулось около полусотни немецких журналов и газет. Для немцев он был воплощением, можно даже сказать, символом свободной русской мысли, писателем и философом, который не отказался от своей культуры, не растворился в западноевропейской жизни, а остался русским, но — русским постпетровской эпохи. О Степуне последнее время издано немало работ современных отечественных и западных исследователей. Опубликовано несколько его книг. Републикуются и переводятся его статьи, выходившие на Западе — в Германии, Франции, США. Однако до сих пор корпус писем Степуна, которые содержат бесценные свидетельства об интеллектуальной жизни русской эмиграции и которые остаются практически не известными как отечественным, так и западным исследователям, не создан. Цели и задачи исследователя весьма сложны, но вместе с тем весьма важны. Введение в научный оборот огромного корпуса неизвестных текстов выдающегося русского мыслителя представляется важной и назревшей задачей.

---

* *Kuhn H.* Fedor Stepun // Stimmen der Zeit. Freiburg, 1965. № 8.

Письма позволят ярче и отчетливее представить взаимоотношения, противоречия и взаимоподдержку русских мыслителей в изгнании. Информационной базой исследования является собранный автором по разным зарубежным и отечественным архивам корпус писем Степуна. Автор также находится в переписке с хранителями многих неизданных писем Степуна. Эти письма были предоставлены автору архивами крупнейших европейских университетов, а также частными лицами для публикации в российских изданиях. Таким образом, потихоньку создается корпус писем Степуна, который был в контакте с выдающимися русскими и западными мыслителями и общественными деятелями — Н. Бердяевым, С. Франком, Б. Вышеславцевым, Г. Федотовым, В. Вейдле, Г. Риккертом, О. Шпенглером, П. Тиллихом, Г. Кульманом и др. Без творчества Степуна невозможно представить себе русскую философию XX века. Он был не только выдающимся философом, но и блистательным мемуаристом, представившим историко-культурную и философскую картину развития России в прошлом веке. В 1922 г. он вместе с другими мыслителями был выслан приказом Ленина на Запад. Публикация его писем позволяет изнутри представить философские споры, противоречия и взаимоподдержку русских мыслителей-изгнанников. Не случайно лучшая книга о Степуне — *Hufen Christian*. Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Rußland in Europa. Die Jahre 1884—1945. Berlin: Lukas Verlag, 2001 — практически полностью построена на эпистолярном наследии мыслителя и людей его круга. В этой книге автору удалось не просто нарисовать портрет Степуна, но и воссоздать эпоху, которая дышит в этих письмах.

Поразительно, насколько интенсифицировалась интеллектуальная жизнь русских изгнанников. История словно в очередной раз поставила свой эксперимент: сохраняется ли в изгнании сила и дух мыслителей и поэтов. Это уже бывало не раз: от Данте до Герцена. Русские мыслители, вышвырнутые за пределы той культуры, внутри которой они дышали, оказались в каком-то смысле в безвоздушном пространстве. Надо было создавать воздух, придумывать машины по его выработке. Они были словно в некоей реторте, но наблюдал за ними разве что Бог, они были малоинтересны западным европейцам. Приходилось тянуть внутренние связи, искать тех людей на Западе, которые все еще продолжали любить русскую культуру. Но главная задача — создать собственные духовные центры, не политические просто, а именно центры, где может возгоняться дух. У эмиграции была миссия, как это отчетливо выговорил Иван Бунин. В отличие от всех прочих эмиграций, существовавших доселе, в изгнании по сути дела оказалась маленькая страна: «Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов», — писал Бунин. И спрашивал: «В чем

наша миссия, чьи мы делегаты? От чьего имени дано нам действовать и представительствовать? Поистине действовали мы, несмотря на все наши человеческие падения и слабости, от имени нашего Божеского образа и подобия. И еще — от имени России: не той, что предала Христа за тридцать сребренников, за разрешение на грабеж и убийство и погрязла в мерзости всяческих злодеяний и всяческой нравственной проказы, а России другой, подъяремной, страждущей... <...> А кроме того есть еще нечто, что гораздо больше даже и России, и особенно ее материальных интересов. Это — Бог и моя душа»[*]. Эта внутренняя сосредоточенность и стала предпосылкой тех духовных открытий, что как бы концентрировали все те предпосылки рождения русской философии, проявившиеся в эпоху Серебряного века. Почти все самые значительные свои работы русские философы написали в эмиграции. Это и С.Л. Франк, и Н.А. Бердяев, и Ф.А. Степун, и Г.П. Федотов, и И.А. Ильин, и В.В. Вейдле. Впрочем, они и сами это понимали. Б.П. Вышеславцев писал: «Русские философы и ученые, оказавшиеся за границей, продолжали здесь свою научно-философскую деятельность и здесь, в сущности, создали свои наиболее ученые и зрелые труды»[**].

Русские мыслители были изгнаны из объявившей себя социалистической России в Германию по договоренности с германским Министерством иностранных дел, с которым у большевиков были тайные связи. Вряд ли изгнанники думали об этом, но они очень хотели передать свой невероятный для начала XX века духовный опыт приютившей их стране. Стоит привести слова, которыми С. Франк завершил свою книгу «Крушение кумиров»: «Великая мировая смута нашего времени совершается все же недаром, есть не мучительное топтание человечества на одном месте, не бессмысленное нагромождение бесцельных зверств, мерзостей и страданий. Это есть тяжкий путь чистилища, проходимый современным человечеством; и может быть, не будет самомнением вера, что мы, русские, побывавшие уже в глубинах ада, вкусившие, как никто, все горькие плоды поклонения мерзости Вавилонской, первыми пройдем через это чистилище и поможем и другим найти путь к духовному воскресенью»[***]. Беда была в том, что никто не хотел их слушать. Они не искали доходов и денег, нищая жизнь, скажем, Франка слишком известна, они хотели быть востребованными как идеологи. Но Европа русским опытом пренебрегла, пока не свалилась в кошмар нацизма. А русский опыт был

[*] *Бунин И.А.* Миссия русской эмиграции // *Бунин И.А.* Великий дурман. М.: Совершенно секретно, 1997. С. 127.
[**] *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии // *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного эроса. М.: Республика,1994. С. 158.
[***] *Франк С.Л.* Крушение кумиров. Берлин: YMCA PRESS, 1924. С. 104.

очень важен. Интересно, что, пройдя, как Данте, сквозь ад, русские мыслители чувствовали себя взрослее своих вчерашних учителей, даже в интонации их рассуждений о Германии чувствуется отныне некая снисходительность взрослых по отношению к детям. Степун пишет о России, обращаясь к европейцам, одна из его книг выходит по-немецки, и здесь существенно отметить, что с этого момента Степун начинает восприниматься не только как русский, но и как немецкий писатель. Конечно, поначалу Степун не думал еще о наступавшем на Германию новом движении, которое многие сравнивали с большевизмом, а многие видели в нем защиту от «советизации» немецкого государства. Недавно об этом написал немецкий историк Эрнст Нольте в книге «Европейская гражданская война 1917—1945 гг. Национал-социализм и большевизм». Степуна волновали проблемы покинутой им России, бытовые проблемы, воспоминания о прошлом, а также налаживание контактов с эмигрантскими журналами и издательствами. Но первое, что его насторожило, — несоответствие его представлений о сохраняющей разум христианства, верной своим базовым ценностям европейской культуре и тогдашней европейской реальности. Степун писал: «Вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонятно, и все-таки так: — изгнанием в Европу мы оказались изгнанными и из Европы. Любя Европу, мы, “русские европейцы”, очевидно, любили её только как прекрасный пейзаж в своём “Петровом окне”; ушел родной подоконник из-под локтей — ушло очарование пейзажа»[*]. Германия, как видел он, в растерянности. Степун умел общаться и дружить с самыми разными людьми. Но уровень человека определяется уровнем его друзей — с кем он дружит, кто его любит, кто ему помогает. Переписку, разумеется, активизировала эмигрантская необходимость заводить новые связи и поддерживать старые контакты. Это сложное подвешенное в бытовом смысле существование располагало к специфическим интонациям — не то чтобы просительной, но не всегда уверенной, преувеличенности дружеского жеста и т. п. Многих адресатов здесь нет. К сожалению, составителю не удалось пока подготовить письма Степуна И.И. Фондаминскому-Бунакову, легендарному человеку, создавшему два наиболее влиятельных журнала русского Зарубежья — «Современные записки»[**] и

[*] *Степун Ф.А.* Мысли о России. Очерк III // Степун Ф.А. Сочинения. С. 219.

[**] Выпущенные недавно издательством НЛО тома «“Современные записки”. Париж, 1920—1940. Из архива редакции» / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. (2012), — заполнили важнейшую лакуну в нашем знании об этом эпизоде из жизни русской интеллектуальной эмиграции. Сюда вошла и обширная переписка, в том числе переписка Степуна с А.Л. Бемом, И.И. Фондаминским и др. Тома снабжены прекрасным комментарием. Это облегчает задачу публикатора, позволяя избежать повторов и просто указать на изданные тома.

«Новый град». Степун сотрудничал в обоих. Надо сказать, что Степун при этом оставался как бы центром философско-издательских попыток своих друзей, абсолютно бескорыстно помогая им с публикациями в Германии. Он писал издателю Х. Пешке о Вейдле, о Федотове, которые жили вне пределов Германии. Скажем, Федотова он характеризует таким образом, что издатель не может не прислушаться к его словам. Вот отрывок из его письма Пешке от 08.04.1948 г.: «Я бы Вам рекомендовал обратить внимание на блестящего ученого и писателя — проф. Федотова в Нью-Йорке. Он пишет хорошо и много в русском нью-йоркском журнале, и я полагаю, что Вы хорошо бы сделали, если бы несколько его статей просто перевели бы. Сегодня я очень спешу, но охотно готов в следующий раз обстоятельнее рассказать Вам о публикациях Федотова последнего времени». И закономерно, что изгнанный в Германию мыслитель, в годы, когда на России и русской культуре ставили крест, ведет проповедь русской культуры, ее высших достижений, объясняя Западу специфику и особенности России. В 1952 г. он писал Б.П. Вышеславцеву: «Что сказать о себе? Как и все, мы всё потеряли в Дрездене. Если что и жалко, то только русскую библиотеку, которая мне сейчас была бы особенно нужна, так как я получил в Мюнхене профессуру по истории русской духовной культуры (Russische Geistesgeschichte). Этим летом исполняется уже два года моей мюнхенской деятельности. Интерес к России очень велик»*.

Он понимал, что как России нельзя без Запада, так и Западу нельзя без России, что только вместе они составляют то сложное и противоречивое целое, которое называется Европой. Степун и его друзья по эмиграции все свои силы направляли на то, чтобы фашизирующаяся Европа вернулась к своим базовым христианским ценностям, иными словами говоря, быть может, немножко торжественно, но точно, желали спасти Европу. Не случайно одна из эмигрантских писательниц, знавшая Степуна, именно в этом регистре его и воспринимала: «Что заставляло меня верить, что Европа, вопреки всему, что случилось, зиждется на камне?» И ответ поразителен: «Там был Ф.А. Степун. Монолит, магнит, маяк. Атлас, державший на своих плечах две культуры — русскую и западноевропейскую, посредником между которыми он всю свою жизнь и был. Пока есть такой Атлас, Европа не сгинет, устоит»**. Архивная переписка показывает

---

* Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Vysheslavtsev. Box 1. Stepun, Fedor Avgustovich. To Boris Petrovich Vysheslavtsev.

** *Жиглевич Е.* Безмолвные встречи со Степуном // *Степун Ф.* Встречи и размышления. Избранные статьи / Под. ред. Евг. Жиглевич. Со вступ. статьями Бориса Филиппова и Евгении Жиглевич. L.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 30—31.

напряженность не только бытовой, но духовной жизни русской эмиграции, тех русских мыслителей, которые, по слову поэта,

Не кормились — писали,
Не о муках — о деле.
Не спасались — спасали,
Как могли и умели.
Не себя возносили
И не горький свой опыт —
Были болью России
О закате Европы.
Не себя возносили,
Хоть открыли немало, —
Были знаньем России!..
А Россия — не знала.
Каталог «Современных записок»

Наум Коржавин

Сейчас мы получаем потихоньку это знание. И пафос бытия русских изгнанников, отразившийся в стиле их жизни и отношений, показывает, на мой взгляд, публикуемая переписка. Необходимо, однако, оговорить и даже подчеркнуть и объяснить, почему здесь в основном письма самого Степуна и очень мало ответов его корреспондентов. Дело в том, что архив Степуна погиб в 1945 г. во время страшной бомбежки Дрездена союзнической авиацией. Во время этой бомбежки был полностью уничтожен дом Степуна со всей библиотекой и всем архивом. По счастью, уцелел сам мыслитель, навещавший в эти дни друзей.

Читатель найдет в томе письма Степуна западным мыслителям и интеллектуалам — Г. Риккерту, П. Тиллиху, О. Шпенглеру, Г. Кульману и др. Не менее, если не более значительны письма Степуна русским писателям и философам — И. Бунину, Б. Зайцеву, сестре и Галине Кузнецовой, С. Франку, Д. Чижевскому, Г. Федотову, В. Вейдле, Д. Шаховскому и др. Особое место занимает в книге его эпистолярный роман с княгиней А.А. Оболенской фон Герсдорф*, находящийся среди лучших образцов подобного рода (Абеляр и Элоиза, Ремарк и Марлен Дитрих, Тургенев и Полина Виардо, Маяковский и Лиля Брик). Культурфилософская позиция Ф.А. Степуна — одна из самых ярких и неординарных среди далеко неординарных концепций мыслителей русской эмигра-

* Составитель весьма признателен ее дочери, Александре Николаевне фон Герсдорф-Бультман, предоставившей электронные копии этих писем и разрешившей их публикацию.

ции. Поразительно, что письма выдающихся людей, будучи свидетельством времени, выводят нас на вечные проблемы.

Завершается том приложением, где читатель найдет избранные публикации современников о творчестве мыслителя и писателя, а также наиболее репрезентативную часть откликов на его кончину и несколько небольших воспоминаний о нем. Публиковать все материалы подобного рода не представлялось возможным: только в архиве составителя находится более сотни подобного рода текстов на русском и немецком языках.

Архивная переписка показывает напряженность не только бытовой, но и духовной жизни русской эмиграции, тех русских мыслителей, которые, по слову поэта, «были знаньем России» (Наум Коржавин).

* * *

Составитель давно и долго работает с наследием Степуна, выпустил две книги его работ (2000 и 2009), том статей о его творчестве (2012), опубликовал много архивных материалов. Если говорить о письмах мыслителя, то можно с уверенностью сказать, что они дают невероятно богатый материал о зарождении многих идей Степуна, живую и очень важную информацию об эпохе. Составитель выражает благодарность тем фондам, финансовая поддержка которых позволила ему работать с эпистолярным наследим Ф.А. Степуна, — Российскому Гуманитарному Научному Фонду, французскому фонду «Дом наук о человеке» («Maison des science de l'Homme») для работы в библиотеках и архивах по исследовательскому проекту «Степун и журнал Новый град», фонду DAAD, программе Фулбрайт и Бахметевскому архиву Колумбийского университета (Нью-Йорк), католическому университету немецкого города Айхштетт (Eichstätt), Шиллеровскому обществу (Schiller-Nationalmuseum und des Deutschen Literaturarchivs) в г. Марбах (Marbach am Neckar), фонду Марион Донхофф и университету г. Гейдельберга (Heidelberg), программе Эразмус и Дрезденскому техническому университету.

Составитель очень благодарен тем друзьям и коллегам, которые тоже публиковали или готовили к публикации письма Степуна и разрешили использовать их наработки в этом томе — Александру Ермичёву, Марине Бобрик, Вадиму Сапову, Ростиславу Гергелю, Кристиану Хуфену, Владимиру Янцену. В тех случаях, когда в публикациях коллег были комментарии к одним и тем же именам и событиям, составитель не счел себя вправе приводить их к общему знаменателю, поскольку каждая публикация и каждый публикатор имели свою логику в составлении примечаний.

В.К. Кантор

Часть первая

Раздел I
Дела издательские

Как издают шедевры
Русский вариант мемуаров Федора Степуна «Бывшее и несбывшееся»

Самые лучшие книги писателя или мыслителя часто имеют сложную и странную судьбу. Известно, что Степун вовсе не собирался писать свои знаменитые мемуары. Многие события и идеи, вошедшие впоследствии в этот текст, уже появлялись в его статьях, очерке «Из писем прапорщика-артиллериста», в романе «Николай Переслегин», попутных очерках о пореволюционной России. Как замечал его ученик и биограф Андрей Штаммлер, перефразируя Гёте, «книги Степуна — это фрагменты великой “жизненной биографии”»[1]. [Повторю, что] При этом Степун вовсе не собирался писать длинных мемуаров «о времени и о себе», хотя именно его воспоминания, по мнению весьма многих историков русской культуры, наиболее полно и ярко представили русское начало XX века и перевернувшую этот век революцию. Не собирался, ибо профессорствовал, читал лекции, писал ученые и публицистические статьи. Мемуары же требуют ощутимого временного пространства, когда они — основная цель автора. Но в таких случаях говорят: «не было счастья — несчастье помогло».

Поначалу он был изгнан из Советской России в 1922 г. личным распоряжением В.И. Ленина. Поводом для решения вождя послужила книга о Шпенглере, написанная четырьмя русскими мыслителями (Освальд Шпенглер и Закат Европы. М.: Берег, 1922). Шпенглера же принес российской философской публике Степун. Впрочем, предоставим слово документам. Сначала воспоминания самого Степуна: «Дошли до нас слухи, что в Германии появилась замечательная книга никому раньше не известного философа Освальда Шпенглера, предсказывающая близкую гибель европейской культуры. <...> Через некоторое время я неожиданно получил из Германии первый том «Заката Европы». Бердяев предложил мне прочесть о нем доклад на публичном заседании Религиозно-философской академии.

<...> Прочитанный мной доклад собрал много публики и имел очень большой успех. <...> Книга Шпенглера <...> с такою силою завладела умами образованного московского общества, что было решено выпустить специальный сборник посвященных ей статей. В сборнике приняли участие: Бердяев, Франк, Букшпанн и я. По духу сборник получился на редкость цельный. Ценя большую эрудицию новоявленного немецкого философа, его художественно-проникновенное описание культурных эпох и его пророческую тревогу за Европу, мы все согласно отрицали его биологически-законоверческий подход к историософским вопросам и его вытекающую из этого подхода мысль, будто бы каждая культура, наподобие растительного организма, переживает свою весну, лето, осень и зиму. <...> За две недели разошлось десять тысяч экземпляров»[2].

Сборник, культуртрегерский по своему пафосу, вызвал неожиданную для их авторов реакцию вождя большевиков:

«Н.П. Горбунову. С е к р е т н о. 5. III. 1922 г.

т. Горбунов. О прилагаемой книге я хотел поговорить с Уншлихтом. По-моему, это похоже на “литературное прикрытие белогвардейской организации”[3]. Поговорите с Уншлихтом не по телефону, и пусть он мне напишет секретно (курсив мой. — В.К.), а книгу вернет. Ленин»[4].

И 15 мая, т. е. спустя два месяца, в Уголовный кодекс по предложению Ленина вносится положение о «высылке за границу». В результате секретных переговоров между вождем и «опричниками-чекистами» (Степун) был выработан план о высылке российских интеллектуалов на Запад[5]. Так антишпенглеровский сборник совершенно иррациональным образом «вывез» его авторов в Европу из «скифского пожарища».

В Германии собралась в результате большая русская диаспора. Вождь мирового пролетариата был уверен, что в буржуазной Европе изгнанникам придется плохо, особенно в Германии, куда и были отправлены высланные. Германия вышла с поражением из Первой мировой войны, экономические дела ее были весьма плохи, и немцам ли заботиться о русских скитальцах. К тому же с Германией большевиков связывали тайные контакты. Ленин только не учел, что изгнанники эти были особого свойства, это был цвет русской культуры, а за последнее столетие Европа прониклась (после Толстого, Достоевского, Соловьева, Чехова, русского театра, музыки и т. п.) по меньшей мере интересом к русским духовным свершениям. Да и выброшенные в Европу русские попали не в чуждое пространство, а в то, где они не раз бывали и прежде, встретились с людьми, с которы-

ми они общались, дружили, переписывались. Не говоря о Степуне с его германскими корнями и учением в Хайдельбергском университете, даже Бердяев, недолюбливавший Германию, вспоминал первые годы высылки с благодарностью по отношению к немцам: «По приезде в Берлин нас очень любезно встретили немецкие организации и помогли нам на первое время устроиться. <...> Я всегда любил Западную Европу, *с самого детства часто ездил за границу...* <...> Присутствие в группе высланных людей науки, профессоров дало возможность основать в Берлине Русский научный институт. <...> Немецкое правительство очень интересовалось этим начинанием и очень помогло его осуществлению. Вообще, нужно сказать, что немцы очень носились с высланными, устраивали в нашу честь собрания, обеды, на которых присутствовали министры»[6]. Все оказавшиеся на Западе свободно владели основными европейскими языками. И оказались в своей среде. Что касается Степуна, то высылка в Германию вернула его в дни юности, в дни обучения немецкой философии у первых философов Германии. Круг его знакомств был много шире, нежели у его сотоварищей по несчастью.

Особенно сложно стало положение Степуна, когда к власти пришли зеркальные двойники большевиков — нацисты, во главе с антиевропеистом Гитлером. Степун был по крови немец, а потому под нюренбергские расовые законы не подпадал. Более того, он был профессором (в Дрездене), а к профессорам немцы — в отличие от российского рабоче-крестьянского люда — традиционно относятся с пиететом.

Любопытно, что его коллегой по Высшей технической школе в Дрездене был знаменитый впоследствии профессор романистики Виктор Клемперер, автор книги «LTI[7]. Язык Третьего рейха. Записки филолога». Клемперер был еврей (правда, женатый на немке, поэтому так и не расстрелянный), но в 1935 г. он был, разумеется, уволен. Клемперер писал дневники, анализируя языковую ситуацию нацизма. После войны эти дневники («LTI») были им опубликованы с комментариями. Одно из наблюдений привело его к мысли, что «LTI стремится лишить отдельного человека его индивидуальности, оглушить его как личность, превратить его в безмозглую и безвольную единицу стада, которое подхлестывают и гонят в определенном направлении, сделать его частицей катящейся каменной глыбы. LTI — язык массового фанатизма. Там, где он обращается к отдельному человеку, и не только к его воле, но и к его мышлению, там, где он является учением, он учит способам превращения людей в фанатичную подверженную внушению массу»[8].

Одна из задач была для людей культуры и в большевистской России и в нацистской Германии — сохранить смысл языка. Со-

хранить его реальную семантическую наполненность. Делать это можно было преподающему профессору, ни на минуту не снижая планки преподавания, хотя, как писал Клемперер, «сейчас все курсы слабо посещаются: у студентов все время уходит на “спорт для обороны” и еще дюжину подобных мероприятий»[9].

Степуна терпели еще два года.

И все же надолго терпения нацистов не хватило. И в «Современных записках», и в «Новом граде» он писал свои русские, злые и аналитические, статьи о гитлеровской Германии, но нечто подобное он говорил и в своих лекциях немецким студентам. Конечно же, он дождался доноса. Как и большевики, нацисты терпели его ровно четыре года своего режима, пока не увидели, что перековки в сознании профессора Степуна не происходит. В доносе 1937 г. говорилось, что он должен бы был переменить свои взгляды «на основании параграфов 4-го или 6-го известного закона 1933 г. о переориентации профессионального чиновничества. Эта переориентация не была им исполнена, хотя прежде всего должно было ожидать, что как профессор Степун определится по отношению к национал-социалистическому государству и построит правильно свою деятельность. Но Степун с тех пор не предпринял никакого серьезного усилия по позитивному отношению к национал-социализму. Степун многократно в своих лекциях отрицал взгляды национал-социализма прежде всего по отношению к целостности национал-социалистической идеи, как и к значению расового вопроса, точно так же и по отношению к еврейскому вопросу, в частности важного для критики большевизма»[10].

Более того, именно «русскость» Степуна ставилась ему отныне в вину: «Степун, несмотря на свое немецкое происхождение, не может рассматриваться как “зарубежный немец” (Auslandsdeutcher), его близость с русскостью (Russentum) много теснее, нежели с немецкостью (Deutschentum). Он сам определяет себя как немецкого русского, но, во всяком случае, нигде не исповедует своей немецкости. Его близость к русскости выясняется и из того, что он русифицировал свое исходно немецкое имя Фридрих Степпун (Steppuhn), получил русское гражданство и в исполнение соответствующих гражданских обязанностей сражался в русском войске против Германии, а также женился на русской. Также будучи немецким чиновником чувствовал он и далее свою связь с русскостью и в дрезденской русской эмигрантской колонии играл выдающуюся роль прежде всего как председатель общества Владимира Соловьева»[11].

Степун был уволен с мизерным выходным пособием и крошечным пенсионом. С 1937 г. он вел сравнительно свободную жизнь, пытаясь, правда, постоянно подрабатывать лекциями. Но это, в

силу его опального положения, удавалось ему не часто. На постоянный приработок рассчитывать не приходилось. Получалось, что самое время — подвести итоги прожитой жизни, уйдя из повседневной суеты. Когда-то отставленный от политики Никколо Макиавелли написал в уединении два своих великих политико-философских трактата, а переставший быть лорд-канцлером Фрэнсис Бэкон за последние годы жизни создал свою философскую систему, положившую начало новой европейской философии. Можно привести и другие примеры. Чего стоит изгнание Пушкина в деревню, где он, несмотря на страхи друзей, что поэт «запьет горькую» (Вяземский), возмужал и окреп духовно и поэтически! А для писания мемуаров важно не только время, но и пространство, которое часто в судьбе человека играет роль времени. Отрезанный от России Герцен в общем-то совсем не старым человеком начал писать свои удивительные воспоминания. У Степуна сошлось всё: время, пространство, жизненная ситуация[12]. В мае 1938 г. Степун писал своим друзьям в Швейцарию из Дрездена: «Мы живем хорошею и внутренне сосредоточенною жизнью. Приезжавший к нам отец Иоанн Шаховской упорно подсказывал мне мысль, что это Бог послал мне времена тишины и молчания, дабы обременить меня долгом высказать то, что мне высказать надлежит, и не разбрасываться по всем направлениям в лекциях и статьях. Часто мне хочется думать, что он прав и что мне действительно надо сейчас как можно больше работать в ожидании нового периода жизни. Я затеял большую и очень сложную работу литературного порядка и очень счастлив, что живу сейчас в своем прошлом и скорее в искусстве, чем в науке»[13]. Книга получалась и впрямь необычной, возможно, он рассказал то, что пишет о. Иоанну, который вполне мог оценить замысел.

Надо сказать, что о. Иоанн Шаховской (в будущем архиепископ Иоанн Сан-Францисский) был в этот момент настоятелем берлинского православного Свято-Владимирского храма, а также благочинным всех приходов в Германии. К этому стоит добавить, что один из последних учеников Лицея, он был сам поэт, издатель в начале 20-х журнала, весьма глубокий богослов, незаурядный публицист и настоящий пастырь. Он сделал то, что только и мог сделать: поддержал духовную работу творческого человека.

И уже в октябре того же года Степун в письме тем же своим друзьям уже четко очерчивает свой замысел и невольно проводит явственную параллель с другими великими русскими мемуарами девятнадцатого века: «У нас стоит осень, — не такая прекрасная и прозрачная, как тогда в Селиньи, но все же «живописно краснеет, желтеет и облетает листва кленов, осин и каштанов». Для меня осень всегда наиболее творческая пора. Эту же осень я как-то осо-

бенно радостно ежедневно сижу за письменным столом своей комнаты. Работаю над первою частью моей книги, которая представляет собою попытку в форме своеобразной автобиографии нарисовать образ нашей с Вами, Мария Михайловна, России. За первой частью воспоминаний должна последовать вторая часть раздумий и третья — чаяний. Думаю, лет на 5-6 мне работы хватит»[14]. Как видим, в этих словах очевидная параллель — по замыслу — с гигантской мемуарной эпопеей Герцена «Былое и думы». У Степуна — воспоминания, раздумья, чаяния. Не говорю уж о явном намеке на пушкинскую [о]сень: «Для меня осень всегда наиболее творческая пора».

«Былое и думы» Герцен писал примерно десять лет, «целые годы», по словам Герцена. Но самое интересное, на что стоит обратит внимание в этом сопоставлении, это, во-первых, неоднократное обращение мемуаристов в предыдущей своей деятельности к исповедально-автобиографической теме. Это ранние повести Герцена, это «Из писем прапорщика-артиллериста» и философско-автобиографический роман «Николай Переслегин» у Степуна. Во-вторых, оба были и мыслители, философы, и одновременно незаурядные писатели. Причем именно в мемуарной прозе это слияние обоих свойств их таланта дало наиболее яркий результат. В-третьих, их мемуары писались в эмиграции, чтобы напомнить и рассказать миру не только о себе, но о судьбе России. Это слияние двух тем — личной и общественной — поразительно. И, наконец, не забудем немецкое происхождение обоих, их воспитание на немецкой философии, перешедшее в страстную любовь ко всему русскому. Серьезное отличие было, пожалуй, в том, что Степун не писал об эмигрантской жизни. Считают (Кристиан Хуфен[15]), что Степуна останавливал страх за родственников, остававшихся в Советской России. Но, видимо, дело было в другом. Он так много и резко писал о большевиках и советской власти, что рассказ об эмиграции ничего не прибавил [бы] к его репутации в глазах ЧК. Можно только предполагать, но, думается, он пытался понять причины, перевернувшие XX век, когда, как ему казалось, произошла победа «идеократии» над «интересократией». А причины эти коренились как раз в описываемой им эпохе.

Герцен скромно писал в предисловии [к своим мемуарам]: «Жизнь обыкновенного человека тоже может вызвать интерес, если и не по отношению к личности, то по отношению к стране и эпохе, в которую эта личность жила»[16]. Но не забудем, что под пером обоих авторов их личные связи силой ли таланта, силой ли реального положения вещей оказывались в центре духовных исканий русской мысли, искусства и общества. О Герцене подобное написано не раз. Стоит сослаться на самопонимание сделанного Степуном. В письме

вдове Семена Франка Татьяне Сергеевне Франк (15 августа 1952 г.) он попытался выразить смысл им написанного: «В моих воспоминаниях, которые пытаются объяснить нашу революцию, неизбежен некоторый мрак. Ведь я описываю не все, что довелось пережить и продумать, а главным образом то, из чего родилась революция. Если хотите, мои воспоминания можно, пользуясь термином Зиммеля, определить, как "молекулярную социологию большевизма". Но есть, конечно, и другое, что нас, может быть, разделяет. В Москве, во время отпуска с фронта, я видел всех тех людей, которых Вы перечисляете, присутствовал на заседаниях и прениях религиозно-философского общества, слушал доклады Сергея Николаевича Булгакова и Ильина, был и в Петербурге, был близок с Г.А. Ландау. И все же мне было грустно, я ярко чувствовал бессилие всех этих людей, близких мне по духу и миросозерцанию. А чувствовал я это бессилие потому, что я гостил в Москве и в Петербурге в качестве офицера в отпуску. Присутствуя на докладе Булгакова и разговаривая о войне с Евгением Трубецким, я все время видел перед глазами бессилие России на фронте, все растущее разложение и чувствовал, что все кончено. С этими же чувствами я работал впоследствии в Петербурге, в качестве начальника политического управления Военного министерства. Эти же чувства продиктовали мне и мою политическую программу, с которою, однако, все были не согласны: сепаратный мир с немцами, быстрый, хотя бы в правовом отношении и не корректный созыв Учредительного Собрания и немедленный арест Центрального комитета большевиков. Но Милюков, Гучков, Львов, да и Керенский еще верили в возможность победы права над Россией и России над немцами. Все это была сплошная иллюзия, основанная на том, что люди недооценивали реального положения вещей. Мне кажется, что правда моей картины в том, что она объясняет происшедшее»[17]. Именно это входило и в задачу Герцена: объяснить былое, в том числе и личные свои поступки: «семейную драму».

Сходства много. Степун тоже рассказывает о трагических любовных историях своей жизни. Хотя, как и Герцен, живет в двух мирах — сугубо личных проблем и бурной интеллектуально-общественной жизни, причем связь этих миров удивительно органична. Все окрашено личной страстью. Повторяю, сходства много. Да и на работу над воспоминаниями ушло у Степуна тоже около десяти лет. Чем очевиднее возникал текст его книги, тем яснее он начинал понимать, что создал нечто, явно превосходящее все его предыдущие[18] (а мы можем сказать, что и будущие) сочинения. Судя по всему, поначалу писался русский вариант, отрывки из русской рукописи он печатал в разных русских журналах сразу после окончания войны. Но, видимо, понимая, что главным его читате-

лем остается немецкая публика, он параллельно создавал немецкий вариант. Сам он, правда, как можно увидеть и в публикуемых письмах, уверял, что перевод сделан другими людьми, а потому он и хочет увидеть свой оригинальный текст. Но, не говоря о том, что немецкий язык у Степуна был абсолютный (Федотов даже называл его классическим), в одном из писем к В.В. Вейдле (25 июля 1949 г.) он вполне правдиво объясняет причину первоначальной немецкой публикации: «Написанные мною по-русски Воспоминания я должен был выпустить в немецком переводе[19], хотя бы уже потому, что мне решительно нечем было жить. Лишенный по политическим соображениям кафедры уже в 37 году, я после переезда из Дрездена в Баварию перестал получать и ту жалкую пенсию, которую мне выплачивали, пока я жил в Саксонии. Немедленный аванс под Воспоминания был для меня единственным выходом»[20].

Но одно дело написать, другое — напечатать. И здесь разительное отличие от Герцена, имевшего и деньги, и «типографский станок» для «тиснения» своих строк. Ничего подобного философ, литератор и эмигрант XX века не имел. Десять лет Степун писал и примерно десять лет пытался опубликовать свои мемуары. Впадая в отчаяние, обнадеживаясь и снова угасая, прося помочь близких друзей, единомышленников или казавшихся таковыми, уговаривая издателей, взывая к интересу по поводу России у русских читателей, объясняя, что он и вправду нечто видел, более того, понимал так, как другие это виденное не понимали, убеждал, что он выступает не только как мемуарист, но одновременно как художник и мыслитель. Ничего не получалось. Сегодня мы можем говорить, что, мол, лучшие русские мемуары, потрясающий язык, точные наблюдения, удивительно глубокое понимание русской истории, причем живой, недавней русской истории!.. А тогда он не подходил под формальные признаки: скажем, ИМКА не желала иметь с текстом Степуна никакого дела, поскольку текст был вначале опубликован по-немецки.

Он писал в большой тревоге к Вейдле: «Недавно были у нас парижане: Зеньковский, Шмеман, Зандер и Морозов. Лев Александрович обеспокоил меня сообщением, что ИМКА в принципе издает лишь книги, еще не напечатанные на каком-нибудь другом языке»[21]. Далее, как я уже цитировал, он пытался объяснить вынужденность публикации мемуаров по-немецки.

ИМКА отказала ему, довольно долго продержав у себя рукопись. Издательская «политика» всегда фантастична. То, что потом стало шедевром русской мемуаристики, было отвергнуто тем самым издательством, которое по логике вещей должно было поддерживать все лучшее, что было в русской эмиграции. Оно и поддерживало. Но в случае с мемуарами Степуна произошла осечка.

Мне не очень ясны подводные течения, помешавшие этой публикации, и «верные друзья», способствовавшие этой неудаче, но ясно, что они были. Слишком известно было имя Степуна в эмиграции, чтобы так им манкировать.

По счастью, русская диаспора получила прописку и за океаном, а потому там тоже возникло издательство (речь об издательстве им. Чехова), на которое возложил свои надежды шестидесятидевятилетний автор. Сроки жизни поджимали. И он, естественно, хотел увидеть свое лучшее творение опубликованным. Он вступает в переписку с американским русским издательством. И тут ему улыбается удача: практически первое письмо попадает главному редактору Вере Александровой, бывшей не то что поклонницей его творчества, но во всяком случае относившейся к нему с симпатий, в чем она сама в ответном письме и сообщает Степуну.

Любопытно и немного грустно читать и видеть, как он преисполняется надежды и хочет перейти с ней на дружеский тон. Однако везде существует субординация, и Вера Александрова хорошо ее понимает, обрезая дружеские интонации автора. И Степун сдерживает себя, свою уже старческую надежду, что все решится, наконец, быстро и безболезненно. Начинается трехлетняя эпистолярная борьба за пробивание своих мемуаров в печать. Он то льстит, то вдруг теряет голову, то бывает оскорблен, а его надежды довольно грубо пресекаются (когда на просьбу заполнить анкету, он возликовал, что пришло положительное решение о печатании мемуаров, но получил отповедь). Не цитирую, поскольку читатель сам прочтет эти грустные и трогательные перипетии [и]здания мемуаров. Любой литературный человек, имевший в своей жизни дело с издательствами и редакциями, прочтет эту переписку, как будто она относится к нему. Потом уже, на фоне положительного решения, узнает он, что издательство должно скоро закрыться. Но тут Вера Александрова проявила свое хорошее отношение к Степуну, добившись, чтобы его книга все же попала в план. Но и на этом дело не кончилось. Степун, так мечтавший увидеть свою книгу о России на русском языке, вынужден был сокращать русский вариант своих «Воспоминаний». В результате мы имеем немецкий трехтомник, но по-русски — только два тома, т. е. со значительными потерями[22]. Обнаружить исходный русский вариант мне не посчастливилось. Хотя он где-то должен быть — в Париже или в Нью-Йорке.

И вот в свои семьдесят два года Степун берет в руки книгу, которую он по праву считал своим лучшим сочинением. Строго говоря, вся его жизнь и все его писания были подготовкой (а потом продолжением или, скорее, попутными сочинениями) к этой книге. Поэтому история ее публикации, на мой взгляд, имеет свой интерес

для людей, занимающихся отечественной культурой. А также и для наблюдателя человеческого сердца, его страстей и стилистики литературной жизни (в ее, надо сказать, совсем не плохом варианте).

* * *

Конъектуры в квадратных скобках [] принадлежат публикатору, все явные орфографические и синтаксические ошибки, не несущее на себе манеры автора, исправляются без особых о том упоминаний. Все переводы с немецкого фраз и слов, встречающихся в письмах, принадлежат публикатору.

Подпись Степуна всегда рукописна.

Публикация сделана по рукописи писем, хранящихся в Рукописном отделе Бахметьевского архива библиотеки Колумбийского университета, Нью-Йорк, США. Хотелось бы поблагодарить Программу Фулбрайт, Бахметьевский архив, его руководителя Ричарда Вортмана и моего куратора, хранителя Бахметьевского архива Татьяну Чеботареву за предоставленную возможность несколько месяцев работать в Нью-Йорке с письмами и бумагами русских пореволюционных мыслителей-эмигрантов.

Владимир Кантор

---

[1] *Штаммлер А.В.* Ф.А. Степун // Русская религиозно-философская мысль XX века. Сборник статей под редакцией Н.П. Полторацкого. Питсбург, 1975. С. 330.

[2] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Т. II. London: Overseas Interchange Ltd., 1990. С. 275—279.

[3] Замечательно, что сами авторы в предисловии отмечали, что «сборник <...> не объединен общностью миросозерцания его участников» (Освальд Шпенглер и Закат Европы. М.: Берег, 1922. С. 3).

[4] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 54. С. 198.

[5] Подробнее о механизме и идейных обоснованиях этой акции см.: *Коган Л.А.* «Выслать за границу безжалостно» (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 61—84.

[6] *Бердяев Н.А.* Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. С. 246, 248. Курсив мой. — *В.К.*

[7] LTI — Lingua Tertii Imperii — Язык Третьей империи (В. Клемперер).

[8] *Клемперер В.* LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 35.

[9] Там же. С. 52.

[10] *Treiber H.* Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903—1955). Über Freundschaft- und Spätbürgertreffen in einer deutschen Kleinstadt // Treiber H., Sauerland K. (Hrsg.). Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes»: 1850—1950. Opladen: Wesdeutscher Verlag GmbH, 1995. S. 98.

[11] Ibidem. S. 97—98.

[12] Стоит, быть может, отметит то обстоятельство, что его обращение к истории было безусловным желанием противостоять откровенному антиисторизму тоталитарных режимов. Причем антиисторизму, который считал каждый свой шаг — историческим. Его коллега по дрезденскому институту Виктор Клемперер очень рельефно выписал эту особенность нацизма: «Нацизм <...> настолько был убеж-

ден в долговечности своих учреждений <...>, что любая мелочь с ним связанная, любой пустяк, его касавшийся, приобретали историческое значение. Всякая речь фюрера, пусть даже он в сотый раз повторяет одно и то же, — это историческая речь, любая встреча фюрера с дуче, пусть даже она ничего не меняет в текущей ситуации, — это историческая встреча. <...> Любой праздник урожая — исторический, как и любой партийный съезд, любой праздник любого сорта; а поскольку в Третьей империи существуют только праздники <...>, то Третья империя все свои дни считала историческими» (*Клемперер В.* Указ. соч. С. 63). Для отечественного читателя нет нужды напоминать об историческом значении каждого очередного партсъезда в нашей стране.

[13] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.

[14] Там же.

[15] См.: *Hufen Ch.* Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa. Die Jahre 1884—1945. Berlin: Lukas Verlag, 2001.

[16] *Герцен А.И.* Собр. соч. В 30 т. Т. 8. М.: АН СССР, 1956. С. 405.

[17] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Frank. Box 2. Stepun, Fedor Avgustovich. To Semen Ljudvigovich Frank. a.l.s. 2p.

[18] В письме Бунину от 16 марта 1951 г. он писал: «Я работал над своими “Воспоминаниями” целых десять лет. <...> Я хотел дать образ России и ее судьбы, понять истоки и срывы революции, нарисовать целую галерею русских ученых, писателей, актеров, политиков и, наконец, дать полную волю себе как беллетристу. <...> Я свои “Воспоминания” очень люблю, что, быть может, и простительно, и думаю, что они написаны более совершенно, чем всё предыдущее» (Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 126).

[19] Vergangenes und Unvergängliche. Drei Bände. München: Kösel-Verlag, 1947—1950.

[20] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Weidle.Box 3. Stepun, Fedor Avgustovich. To Weidle, Wladimir.

[21] Ibidem.

[22] Не могу не отметить, что даже специалисты считают прямо наоборот. Так, публикатор Степуна и автор статей о нем А.А. Ермичёв в своем послесловии к книге Степуна «Портреты» пишет, что мемуары философа, «уже дополненные, они выйдут в издательстве им. Чехова под названием “Бывшее и несбывшееся”» (*Ермичёв А.А.* Ф.А. Степун. Очерк жизни // *Степун Ф.А.* Портреты. СПб.: РХГИ, 1999. С. 406). Как показывает данная публикация, русский вариант воспоминаний вышел сокращенный по сравнению с немецким более, чем на 100 стр.

Федор Степун
Письма в издательство им. Чехова*

1[1]

3.III.53

München 13 Ainmillerstr. 30,
Prof. F.Stepun

Многоуважаемый Николай Романович[2],

Не знаю, попадались ли Вам на глаза три тома моих воспоминаний, выпущенных в Мюнхене под заглавием «Vergangenes & Unvergängliches»[3]. Но, может быть, Вы все же читали отрывки, напечатанные в «Возрождении» и в «Новом журнале». Немецкий перевод, сделанный под моим наблюдением, но не мною, хотя и хорош, но все же оригинал лучше. А, кроме того, мне естественно хотелось бы увидеть свою книгу, напечатанную на русском языке и в руках у русских людей. Кроме как в Чеховском Издании мне выпустить свои воспоминания негде. Я раньше не обращался к Вам, потому что знал от своей сестры[4], которая работает в УНО[5], что Вы формально связаны обязательством не выпускать книг, размером превышающих 450 стр. Но вот я вижу в каталоге, что вышел Прокопович, в котором 760 стр. Этим формальное обязательство как будто бы снято, что дает мне надежду появления в Чеховском Издательстве и моих воспоминаний, в которых будет, вероятно, около 900 стр. размера Ваших книг.

В Германии книга имеет очень большой успех. Первый том вышел уже вторым изданием. Критическая литература о моих воспоминаниях очень большая и не только немецкая[6]. Если хотите, я могу Вам выслать часть наиболее существенных рецензий. Я думаю, говоря откровенно, что моя книга и на самом деле заслуживает того, чтобы появиться на русском языке. Я писал ее целых десять лет, писал тщательно и с вдохновением. У Михаила Михайловича Карповича[7] имеется немецкий перевод всех трех томов. Если бы Вы захотели, Вы могли бы в несколько часов ознакомиться с содержанием. Не знаю, возможно ли это, но если бы 900 страниц все же Вам показались неудобопечатаемыми, то можно бы сделать две книги, назвав первый том «Затонувшая Россия», а второй «Две революции» (подзаголовок «Февраль» и «Октябрь»)[8]. Положа руку на сердце, я все же думаю, что если бы издательство в

* Публикация В.К. Кантора.

Вашем лице и в лице Веры Александровны захотело бы напечатать книгу, то это должно было бы удасться.

Буду с нетерпением ждать Вашего ответа.

Примите уверения в искреннем уважении и сердечный привет

Искренне Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Chekhov Publishing House. Box 3. Stepun, Fedor Avgustovich. To Nicholas Wreden. Письмо машинописное.

[2] Николай Романович Вреден — директор издательства им. Чехова. Издательство имени Чехова существовало в Нью-Йорке с 1952 по 1956 г. Примерную программу издательства составил М.А. Алданов.

[3] «Прошедшее и непроходящее», (немецкое название мемуаров Степуна); (Bd. 1—3). München, 1947—1950.

[4] Маргарита (Марга) Августовна Степун (1903, Москва — 1972, Мюнхен) — сестра Ф.А. Степуна, оперная и эстрадная певица.

[5] Речь, вероятно, идет о русском отделе ООН, где работала М.А. Степун.

[6] Известны рецензии на русском языке М.В. Вишняка (Новый журнал, 1949. № 22. С. 299—304), Н. П. Полторацкого (Возрождение. 1951. № 16. С. 171—174).

[7] Михаил Михайлович Карпович (1888—1959) — русский историк, с 1917 г. живший в США, сначала как личный секретарь российского посла Б.А. Бахметева (в Вашингтоне), а с 1924 г., когда посольство было закрыто, переехал в Нью-Йорк. Главный редактор «Нового журнала» с 1946 по 1959 г. В 1927 г. его пригласили в Гарвард, в самый престижный американский университет, где Карповичу предстояло проработать 30 лет — сначала лектором, потом доцентом, потом профессором. В 1949—1954 гг. он был деканом Славянского факультета. Читал лекции по курсу «Введение в историю России», по западноевропейской истории, по русской литературе XIX в.; разработал курс «История идейных течений в России» (хронологические рамки — от Петра I до сборника «Вехи»), ранее в США не преподававшийся. Сохранилась переписка Степуна с Карповичем.

[8] Оба эти подзаголовка сохранились во втором томе мемуаров.

2[1]

а)

3.III.53

München 13 Ainmillerstr. 30,
Prof. F.Stepun

Многоуважаемая Вера Александровна[2],

Обращаюсь к Вам с запросом, заключающим в себе и большую просьбу. Кроме как в Чеховском Издании я своих воспоминаний (немецкое заглавие «Прошлое и непроходящее») — нигде выпустить не могу, а выпустить я их хочу и даже очень. Думаю я также, что выпустить их стоит и даже должно, ибо в них рассказана и рассказана, как мне кажется, неплохо большая и сложная жизнь. Вы писали о моих воспоминаниях в Новом Русском Слове и, надеюсь, читали напечатанные отрывки как в «Новом Журнале»[3], так и в «Возрождении»[4]. Мне это кажется важным, потому что даже и хороший перевод все-таки не передает оригинала.

В свое время я просил мою сестру осведомиться о том, есть ли шансы выпустить мою книгу у Вас. Она ответила, что Вы формально связаны обязательством не печатать книг, превышающих размер 450 страниц. Но вот я читаю в Вашем каталоге, что выходит Алданов[5], в котором 684 страницы, и Прокопович[6] в 760 страниц. Это дает мне надежду, что Вы выпустите и меня.

Я знаю от Бориса Ивановича Николаевского[7], что Вы были больны, но что Вы уже поправились и что с моей стороны будет правильно написать письмо прямо Вам. Одновременно я пишу и г-ну Вредену, а также и Карповичу.

Должен сказать, что я еще до основания Чеховского Издательства предложил свои воспоминания Имке[8], которая держит их, не давая никакого ответа. Я слышу, что там какая-то организационная заминка и еще не известно, будут ли они продолжать издательство, а, кроме того, моя все же беллетристическая вещь им не ко двору.

Надеюсь получить от Вас положительный ответ.

Примите уверения искреннего уважения.

С приветом *Федор Степун*

---

[1] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Chekhov Publishing House. Box 3. Stepun, Fedor Avgustovich. To Vera Aleksandrova. Письмо машинописное.

[2] *Вера Александровна Александрова (Шварц)*, урожденная Мордвинова (1895—1966), родилась в Ковно, умерла в Нью-Йорке. Критик, литературный публицист, социолог, она работала в течение нескольких лет в группе Маргарет Мид, с 1951 по 1956 гг. — главный редактор издательства имени Чехова. Автор книги: A History of Soviet Literature, 1917—1962, Doubleday f. Co. 1963. Посмертно издана ее книга: «Очерки советского общественного развития. До конца Второй мировой войны. Избранное». Составил С. Шварц. Sponsored by the Russian Institute of Columbia Univercity. N.Y., 1969. — 510 с. По своим убеждениям В.А. Александрова была социал-демократом меньшевистского толка, а потому боролась с режимом, по словам писавших о ней, не как эмигрант, а как внутренний оппозиционер. Она была сторонницей, по ее же собственным словам, «революционной сущности демократического социализма», поэтому отделяла «режим диктатуры» от «страны социализма» (Очерки советского общественного развития. До конца Второй мировой войны. С. 219, 221).

[3] Москва и Петербург накануне войны 1914 г. // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1951. Кн. 27. С. 169—201; В русской провинции // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1954. Кн. 37. С. 165—182.

[4] В «Возрождении» главы из воспоминаний Степун печатал в 1950—154 гг. (№ 9, 21, 25, 31).

[5] *Марк Александрович Алданов (Ландау)* (1886—1957) — писатель и философ. Очевидно, речь идет о его книге «Ульмская ночь. Философия случая». Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

[6] *Сергей Николаевич Прокопович* (1871—1955) — экономист, член ЦК партии кадетов, министр Временного правительства, выслан из Советской России. Скорее всего, речь идет о его книге «История народного хозяйства СССР (1917—1952)». Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова, 1953.

[7] *Борис Иванович Николаевский* (8.10.1887, Белебей, Уфимской губ. — 1966, Нью-Йорк) — историк, архивист, эмигрант. В молодости — большевик, к 1917 г. —

меньшевик. В 1922 г. выслан за границу. Владелец одного из самых больших архивов по революционному движению в России. Его коллекция хранится в Гуверовском университете при Стэнфордском университете. Американские историки-русисты считали его своим наставником.

[8] Имеется в виду парижское издательство YMKA-PRESS.

б)

10 марта 1953 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Спасибо за письмо от 3 марта. Я уже имела возможность поговорить о Ваших Воспоминаниях в Издательстве. В принципе Ваши Воспоминания нас интересуют, и мне предложено, так как я читала все три тома по-немецки, написать краткий отчет о них, но вопрос о включении в план наших изданий — ввиду того, что мы перевыполнили план на 1953 г. — будет решаться только в конце мая, и только тогда я надеюсь, что смогу Вам написать о принятом решении.

Сегодня я говорила с Вашей сестрой по телефону, и она, со своей стороны, напишет Вам. Я рассказала ей, между прочим, что считаю себя Вашей давней знакомой, так как читаю Вас уже больше четверти века (начиная с первых глав «Николая Переслегина»[1]). Этот роман меня даже вдохновил написать одну из моих первых статей. Эту рукопись я, конечно, потеряла в странствиях, но заглавие помню: «От Накануне до Вчера».

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Вера Александрова)

П.С. Дорогой Федор Августович, прошу настоящее письмо в его первой части рассматривать также как ответ на Ваше письмо, адресованное Чеховскому Издательству на имя отсутствующего Н.Р. Вредена.

[1] Роман Ф.А. Степуна, печатался в «Современных записках», Париж, 1929.

3

а)

19.3.53

Дорогая Вера Александровна,

разрешаю себе это обращение, т. к. в П.С. Вашего письма Вы так же обратились ко мне. Большое спасибо за Ваше письмо. Очень надеюсь, что Вам удастся «провести» на редакционном за-

седании мои воспоминания. Если бы это было Вам нужно, я мог бы выслать Вам и русский оригинал. Перевод сделан очень тщательно, но говорящие по-немецки сибиряки вещь для русского уха весьма неестественна. Виктор Шкловский сказал бы, что это прием «остранения»[1].

Я не знаю, могли бы в Вашем решении сыграть некоторую роль иностранные рецензии. Если бы могли, то я мог бы прислать Вам их в большом количестве. О книге писалось очень много и очень положительно.

Через неделю мы уезжаем в Париж, где пробудем до 14-го апреля. В Париже находится у Бунина первый том моих воспоминаний[2], который я мог бы переслать Вам. Моего адреса я еще не знаю, но если бы Вы написали по адресу редакции «Возрождения», то письмо мне было бы передано.

Шлю сердечный привет.

Искренне Ваш

Федор Степун

---

[1] О Шкловском Степун писал неоднократно. См., например: Виктор Шкловский. Сентиментальное путешествие. «Геликон». 1923. // Современные записки. 1923. Кн. 16. С. 411—414. Идею «остранения», которое означало «вывод вещи из автоматизма восприятия», Шкловский впервые сформулировал в 1916 г. на материале толстовского творчества: «Прием остранения у Л. Толстого состоит в том, он не называет вещь ее именем, а описывает ее как в первый раз виденную, а случай — как в первый раз происшедший» (*Шкловский В.Б.* Искусство как прием // Шкловский В. Гамбургский счет. М.: Сов. писатель, 1990. С. 64).

[2] В письме Бунину от 2 ноября 1951 г. Степун писал: «Спасибо вам большое за то, что и болея вы все же прочли первый том моих воспоминаний» (Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. С. 132).

б)

31 марта 1953 г.

Дорогой Федор Августович,

спасибо за письмо от 19 марта. Могу только подтвердить то, что я писала Вам в первом письме. Вашими воспоминаниями Издательство очень интересуется и поэтому советовала бы Вам, не дожидаясь официального сообщения, прислать нам имеющийся у Вас русский оригинал первого тома.

С сердечным приветом

Editor in-Chief (Вера Александрова)

4[1]

а)

18 мая 1953 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Просим заполнить и прислать нам прилагаемую при сем краткую биографическую анкету, цель которой изложена в начале ее.

С искренним приветом

Секретарь

БИОГРАФИЧЕСКАЯ АНКЕТА

Мы начинаем работу над внесением в каталог Вашей книги и просим Вас помочь нам в этом. Ответы на нижеследующие вопросы будут очень ценными не только для каталога, но также для публикации и рекламы. Мы находим, что эта краткая биографическая информация очень поможет книжной торговле и будет особенно ценной для библиотекарей, которых постоянно запрашивают о таких деталях.

Дата 27 мая 1953 г.

Имя и фамилия

Федор Августович С т е п у н[2]

Ваш литературный псевдоним, если он у Вас есть

дважды печатался под псевдонимом Луганов

Адрес

Ainmillerstr. 30, München 13

Место рождения

Москва

Дата рождения (необходима только как информация для обеспечения авторского права)

19 февраля (по нов. стилю) 1884

Образование

Аттестат зрелости в реальном училище Москвы, Др. философии Гейдельбергского Университета

Гражданином какой страны Вы являетесь

с 26-го года — немецкий подданный

Если Вы женаты, укажите имя жены

Наталья Никольская

Есть ли у Вас дети?

нет

Был ли кто-либо из Ваших предков знаменит и чем?

Астроном Фридрих Аргеландер (1799—1875), прадед по матери

Возможно, что мы включим эти краткие биографические данные в предисловие к Вашей книге. В случае, если Вы пожелаете

пополнить вышеприведенные сведения, пожалуйста, сообщите таковые в этой рубрике[3].

---

[1] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Chekhov Publishing House. Box 3. Stepun, Fedor Avgustovich. To Lange. Письмо машинописное.

[2] Все ответы Степуна выделяю курсивом.

[3] Далее следуют незаполненные Степуном четыре ряда точек.

б)

27.5.53

Многоуважаемый г-н Ланге,

конечно, в Америке свои законы и своя психология, но все же мне кажется, что из анкетных данных никакой интересной для книжной торговли заметки не сочинишь. Потому добавляю: по окончании среднего учебного заведения в Москве учился семь лет в Гейдельбергском университете. В 1914 г. пошел на войну. В дни февральской революции занимал пост Начальника политического управления Военного Министерства Временного правительства. В дни Октябрьского переворота был арестован большевиками. В 1922 г. выслан из России. В 1926 г. был избран профессором дрезденского Политехникума по кафедре социологии. В 1937 г. уволен Гитлером в отставку за политическую неблагонадежность[1]. С 1947 г. состою профессором по кафедре Русской культуры в Мюнхенском университете.

С искренним приветом

Федор Степун

---

[1] Документ об увольнении был вручен Степуну 21.6.1937.

5

а)

28 мая 1953 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

По просьбе И.А. Бунина посылаем Вам его книги «Весной в Иудее» и «Митина любовь» для отзыва и просим Вас, когда этот отзыв появится в печати, прислать его нам.

С искренним уважением

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

б)

29 мая 1953 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Спешу сообщить Вам, что рукопись Ваших воспоминаний мы сегодня получили. Спасибо. О. Томилину[1], откуда мы ее получили, я не писала. Думаю, что это не обязательно, а если нужно, пожалуйста, сообщите ему.

С искренним уважением и приветом

Секретарь

[1] Указан ошибочно мужской пол. В ответном письме Степун исправляет ошибку.

в)

Мюнхен, 24 июня 53 г.

Многоуважаемая Вера Александровна,

книги Бунина мне присылать не надо, т.к., вернувшись из Парижа, я застал их у себя на столе. С удовольствием напишу о них, скорее всего в мюнхенской «За свободу», т.к. в «Возрождении» и в «Современных Записках» я уже писал о Бунине[1]. Может быть, впрочем, можно будет написать в «Гранях», о чем я спишусь с Ржевским[2].

Получил от Вашего секретаря Е. Ланге извещение, что первый том моих воспоминаний наконец-то прибыл в Нью-Йорк. Г-жа Томилина должна была отослать его около 20 апреля. Вероятно, задержала цензура. Получил я от издательства и извещение, что мои воспоминания занесены в каталог, и запрос о том, есть ли у меня знаменитые предки. Был бы Вам очень благодарен, если бы Вы написали мне, означает ли занесение в каталог принятие рукописи или только надежду на то, что она будет принята.

С искренним уважением и сердечным приветом

Ваш *Ф. Степун*

---

[1] В «Возрождении» была статья Степуна «Бунин и русская литература» (Возрождение, 1951, № 13. С. 168—175), а в «Современных записках» статья под названием «Ив. Бунин» (Современные записки. 1934. Кн. 54. С. 127—211). Судя по всему, об этих книгах Степун так и не написал.

[2] Леонид Ржевский (Леонид Денисович Суражевский; 1905—1986) — писатель-эмигрант, литературовед, мемуарист.

г)

29 июня 1953 г.

Многоуважаемый проф. Степун,

Так как г-жа Александрова находится в отпуску, я подтверждаю получение Вашего письма к ней от 24 июня. 3 июня мы послали Вам два тома коротких рассказов Бунина, которые Вы несомненно уже получили. Мы с интересом будем следить за появлением Ваших отзывов о них.

Вопросник, который мы Вам послали, имеет целью получение от Вас необходимых информаций для копирайт к Вашему предисловию к Прозе Марины Цветаевой[1]. Никакого отношения к Вашему собственному манускрипту он не имеет, так как никакого решения о Вашем манускрипте еще не вынесено.

Просим Вас сообщить нам, в каком из номеров «Возрождения» появится Ваш отзыв о Бунине.

С искренним уважением

Lilian Dillon Plante
Associate Director

[1] Речь идет о следующем тексте Степуна: Предисловие // Марина Цветаева. Проза. Нью-Йорк. Изд-во им. Чехова, 1953. С. 7—16.

6

а)

3 марта 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Давно не писала Вам и не имела известий от Вас. Спешу сообщить Вам, что в принципе наше Издательство отнеслось положительно к идее издания Ваших воспоминаний в двух томах. Однако, прежде чем выслать Вам контракт, нам необходимо иметь рукопись второго тома. Надеюсь, что Вы не задержитесь с ее присылкой в наш адрес.

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

б)[1]

Мюнхен, 19 марта 1954 г.

Многоуважаемая Вера Александровна,

простите, что с запозданием отвечаю на Ваше письмо от 3-го марта. Объясняется это тем, что меня не было в Мюнхене: читал лекции в Гамбурге и Ганновере.

Мне не надо Вам говорить, как меня обрадовало Ваше сообщение, что издательство отнеслось положительно к «идее издания» моих воспоминаний. Отнеслось оно положительно, правда, лишь к «идее» издания, а, кроме того, отнеслось положительно лишь «в принципе», но мне твердо верится, что эти отвлеченные слова не помешают конкретному осуществлению выхода моего «Вечного и преходящего»[2], над которым[3] я самозабвенно работал в продолжение десяти лет, будучи изгнанным Гитлером из дрезденского Политехникума за практикующее христианство и, главным образом, за семитофильство — «Judenhörigkeit»[4].

Вы просите не задержать высылки рукописи второго тома. Я мог бы выслать Вам первый (с имеющегося у Вас экземпляра[5] первого тома набирать нельзя, так как он неряшливо напечатан и мною не просмотрен) и второй том сейчас же, если бы знал, что не потребуется никаких сокращений и изменений, которых я никому кроме себя доверить не могу. Но так как я этого не знаю, то задерживаю высылку до Вашего письма с сообщением того, можете ли Вы напечатать все без всяких сокращений, на что я твердо надеюсь: жаль было бы из-за нескольких страниц портить очень цельно написанную вещь. К тому же, просматривая каталог издательства, я убедился, что им был выпущен ряд книг еще большего объема, чем мои 2 тома. В первом томе 415 машинописных страниц, во втором 423.

Буду с нетерпением и надеждой ждать Ваш ответ. Мне очень хочется увидеть свою книгу напечатанной по-русски. Хотя немецкий перевод и очень хорош, он все же не то, что подлинник. Как-никак, а один из немногих людей исколесивших в лекционном порядке всю Россию, один из последних старых эмигрантов, хорошо знавших русскую научную и литературную среду; да, наконец, и как свидетель политических событий я многое близко видел. Мне кажется потому, что книга, независимо от моих писательских достоинств, представляет собою документ, с которым важно познакомиться всякому русскому человеку.

Примите уверения в искреннем уважении и сердечный привет

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Письмо рукописное.

[2] Очевидно, первоначальное название русского варианта мемуаров, вышедших в результате под названием «Бывшее и несбывшееся».

[3] Вместо «которым» написано слово «котом». Бесспорная описка.

[4] Можно перевести как «зависимость от евреев». На Степуна в 1937 г. был написан донос (на имя фюрера), где среди прочих обвинений было и такое: «Степун многократно в своих лекциях отрицал взгляды национал-социализма прежде всего по отношению к целостности национал-социалистической идеи как и к значению расового вопроса, точно так же и по отношению к еврейскому вопросу, в частности важному для критики большевизма» (*Treiber H.* Fedor Steppuhn in

Heidelberg (1903—1955). Über Freundschaft- und Spätbürgertreffen in einer deutschen Kleinstadt // Treiber H., Sauerland K. (Hrsg.). Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes»: 1850—1950. Opladen, Wesdeutscher Verlag GmbH, 1995. S. 98).

[5] Слово вписано над строкой.

в)

22 марта 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Получила Ваше письмо сегодня и спешу откликнуться на него. Мы сможем послать Вам контракт только после получения рукописи второго тома, так как в принципе издательство одобрило включение в свою программу Ваших воспоминаний в двух томах. Оно смогло сделать это только потому, что я представила отчет на основании прочитанных мною Ваших воспоминаний на немецком языке. Зная их размеры, я сомневаюсь, что эти три тома можно уложить в два тома нашего размера. Поэтому, моя покорнейшая просьба: при окончательном авторском просмотре рукописи перед отсылкой, сделайте на полях тех страниц, которые могли бы быть сокращены — отметки.

С искренним уважением и сердечным приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

7[1]

München, 30 марта 1954

Многоуважаемая Вера Александровна,

спасибо за быстрый ответ.

Быстрота и точность делового общения — редкое исключение в русском редакционно-издательском мире. Я вполне отдаю себе отчет в том, что обязан принципиальному принятию моих воспоминаний Вашему отзыву и благодарю Вас за его положительность.

Судить о размере русского текста на основании немецкого перевода не приходится: одни вспомогательные глаголы и члены ощутимо удлиняют немецкий текст. Кроме того, по-немецки были мною внесены некоторые необходимые для иностранцев пояснения. А потому я предлагаю и более простой, и более точный способ расчета. Имея в своем распоряжении точные данные о размере моей рукописи (1-ый том 415 стр., 2-й 423 стр. В странице 29 строчек и в строчке в среднем 58 букв), Вы, зная Ваш шрифт и размеры Вашей страницы, можете с почти абсолютной точностью сказать мне, надо ли сокращать мою рукопись и на сколько страниц.

Очень прошу Вас произвести этот расчет и сообщить его результат, руководясь тоже и моим сердечнейшим желанием напечатать рукопись целиком. Если Ваш такой расчет был почему бы то ни было затруднителен, то не откажитесь мне сообщить, какое количество страниц (и сколько строчек и букв в странице) издательство сможет напечатать, и я пришлю Вам точно вымеренную рукопись. Сокращать же наобум, не зная размера необходимых сокращений, очень трудно.

Я думаю, стр. 15—20 можно сэкономить «подсушкой» текста, вычеркиванием придаточных предложений и т. д. Если этого не хватит, то придется вырезать целые темы, темы же разной величины. Можно, скажем, опустить при описании лекторской деятельности Казань, Астрахань, может быть, Воронеж, но нельзя сократить Нижнего Новгорода. При описании московских «салонов» можно выпустить антропософию, но нельзя пропустить Морозову[2] и т. д. и т. п.

Не сетуйте, Вера Александровна, на мою дотошливость[3]. Поймите, что мне очень важно выпустить книгу в наиболее совершенном виде. На все необходимое я согласен, хочу только произвести операцию наиболее рационально и успешно.

Завтра высылаю Вам второй том, необходимый для высылки мне контракта. Набирать с него, как и с имеющегося у Вас первого тома, никак нельзя. Оба тома мною окончательно не просмотрены, в обоих нужно исправить некоторые ошибки и смягчить характеристики умерших политических деятелей. Как только получу от Вас данные на сокращение, сажусь за отделку рукописи и в срочном порядке высылаю Вам окончательный текст обоих томов.

С искренним уважением и сердечным приветом

Федор Степун

---

[1] Письмо рукописное.

[2] Имеется в виду Маргарита Кирилловна Морозова (1873—1958) жена фабриканта, миллионера и коллекционера М.А. Морозова, давшая деньги на создание славянофильско-православного издательства «Путь», близкий друг Е.Н. Трубецкого. В ее особняке в Москве собирался салон, проходили заседания Московского религиозно-философского общества.

[3] Так слово написано Степуном.

8

а)[1]

Мюнхен, 24-го мая 1954

Многоуважаемая Вера Александровна,

17-го апреля я по воздушной почте выслал Вам заказным пакетом второй том моих «Воспоминаний». Удостоверения о получе-

нии рукописи я от Вас не получил и потому боюсь, не пропала ли рукопись.

Не получил я от Вас и ответа на мое письмо, в котором просил Вас сообщить мне, на сколько страниц мне нужно сократить мои воспоминания.

Так как в принципе оба тома уже приняты, так как второй том Вам в немецком переводе хорошо известен и так как я согласился на требуемое издательством сокращение, то я начинаю недоумевать, в чем же собственно задержка.

Буду с нетерпением ждать Вашего, по возможности скорого, ответа.

Примите уверения в искреннем уважении

Ф. Степун

[1] Письмо рукописное.

б)

24 мая 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Не получая от Вас с конца марта писем, я вчера позвонила Вашей сестре и от нее узнала, что в начале мая Вы ей сообщили о том, что послали в адрес Чеховского Издательства рукопись второго тома Ваших воспоминаний воздухом. Эта рукопись до сих пор не поступила в наше издательство. Это обстоятельство и вынудило меня, в конце концов, позвонить Вашей сестре и узнать, в чем дело.

Мне совершенно очевидно, что Ваша рукопись где-нибудь задержалась, но выяснить это можете только Вы, написав соответствующее заявление на почту и прося о расследовании. Задержка Вашей рукописи, увы, не первый случай в нашей практике. До сих пор все задержанные таким образом рукописи, в конце концов, доставлялись нам. Но предстоит, конечно, много возни.

От души сочувствую Вам, но ничем в данном случае помочь Вам не могу.

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

в)

9 июня 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Спешу сообщить Вам, что долгожданный второй том Ваших воспоминаний, наконец, поступил в наше Издательство сегодня.

На первый взгляд нашего технического директора, общая сумма Ваших страниц превышает количество страниц, которые могут быть включены в два тома воспоминаний нашего размера. Однако, по совету технического директора, мы решили послать в типографию рукописи обоих томов, чтобы там точно определили, сколько именно страниц надо сократить.

Пишу Вам об этом, чтобы Вы могли внутренне подготовить себя к тому, что кой-какие страницы Вам придется сократить.

Пока это все. Как только типография вернет рукописи, напишу Вам снова уже точно.

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

9

а)

30 июня 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Типография прислала нам расчет и смету по изданию Ваших воспоминаний в 2-х томах. По расчету типографии 1-й том нашего размера составит 472 страницы, а 2-й том — 476. Из этого следует, что каждый том должен быть сокращен приблизительно на 15 %. Само собой разумеется, что Вы по собственному усмотрению можете произвести бо́льшее сокращение в первом или во втором томе и соответственно перегруппировать материал, т. е. либо прибавив к 1-му тому из 2-го, либо прибавив из 1-го тома ко 2-му. Во всяком случае, просим об одном: как можно скорее дать нам знать, какие главы Вы сокращаете в Ваших воспоминаниях.

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

б)[1]

München, 9 июля 1954

Многоуважаемая Вера Александровна,

большое спасибо за Ваше особенно любезное предпоследнее письмо, в котором Вы, очевидно чувствуя, до чего мне хочется издать свои воспоминания полностью, писали, чтобы я душевно приготовился к необходимым сокращениям. Ваше второе письмо от 30-го июня вызвало во мне, с одной стороны, чувство радости, а с другой — некоторое недоумение.

Радость была вызвана тем, что данные Вашего письма (первый том 472 страницы, а второй 476 страниц) подтвердили мое изначальное мнение, что мне или ничего не придется сокращать, или очень немного. Так я рассчитывал, исходя из максимального количества страниц книг Чеховского издательства. Недоумение же было вызвано тем, что Вы пишете, что мне надо сократить рукопись на 15 %, в то время как из точного расчета выходит, что Вы мне предоставляете на 55 страниц больше, чем необходимо для напечатания моей рукописи полностью. В этом я убедился сам, подсчитав количество знаков в моем манускрипте и количество знаков в предоставленных Вами страницах. На всякий случай, я попросил своего немецкого издателя проверить мой расчет, который и прилагаю к этому письму.

К этому недоумению присоединилось еще и второе. Вы просите как можно скорее сообщить Вам, какие главы я собираюсь сокращать. Я не совсем понимаю, почему это для Вас важно. Я уже писал Вам, что с той непоправленной черновой рукописи, которая у Вас на руках, никаких глав набирать нельзя. Как только все окончательно выяснится, я срочно вышлю переработанный для печати экземпляр.

Хочу надеяться, что сокращать ничего не придется, но если бы по каким-нибудь, мне пока непонятным причинам некоторое сокращение оказалось бы необходимым, то я не главы буду выпускать, а отдельные куски почти во всех главах.

Жду от Вас ответа, который развеял бы все мои недоумения, которые меня очень мучают.

Примите уверения в искреннем уважении и душевный привет

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Письмо рукописное.

в)

13 июля 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Сегодня получила Ваше письмо и спешу на него ответить. К сожалению, Вы не поняли меня, думая, что раз я говорю, что первый том займет 472 стр., а второй — 476, — этим самым наше Издательство согласилось взять оба тома без сокращений. Мы это сделать никак не можем, так как максимальный размер наших книг — 416 страниц, считая титульный лист, предисловие, оглавление, копи-райт и т. д. На странице у нас только 1850 знаков. Таким образом, чистого текста в книге может быть не больше 408 страниц. Вот почему я и написала Вам, что Вам придется делать сокращение в обоих томах на 12 % в каждом.

Ваше письмо я показала нашему техническому директору, и он, со своей стороны, пишет Вам письмо, которое и посылаю вместе со своим.

Мы очень ждем присылки окончательно отредактированных обоих томов Ваших воспоминаний.

С сердечным приветом и уважением

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

г)

13 июля 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Наш главный редактор В.А. Александрова передала мне сегодня Ваше письмо от 9 июля с. г. в виду того, что его содержание относится больше всего к техническим проблемам. Мне кажется, что в Вашей переписке с Верой Александровной произошло досадное недоразумение, которое я попробую немедленно выяснить. Дело в том, что максимальный размер нашей книги выражается в 416 страниц. Если отбросить 2 белых стр. в конце таковой и 2 страницы на оглавление, то получится, что собственно на текст, включая предисловие, остается всего лишь 408 стр.

Так как Ваш труд будет издан в двух томах, то Вам предоставляется 816 стр. по 1860 печатных знаков на каждой. От этого максимального количества придется отнять еще две страницы на предисловие и резервировать известное пространство на воздух между главами, даже в случае, если таковые будут набираться подряд.

Поэтому, подтверждая точность расчета Вашего германского издателя, мне придется попросить Вас от имени нашего Издательства сократить Ваш манускрипт приблизительно на 100 страниц нашего формата, или, другими словами, выражаясь математически, — на 12 %. Только в таком случае Вы удовлетворите стандартным требованиям нашего издательства, после чего Ваш труд может быть взят в производство.

Поэтому, не откажите вновь связаться с Верой Александровной по поводу выяснения методов этого необходимого сокращения, которые выходят из пределов моей компетенции.

С совершенным почтением

Дмитрий (Иванович) Атряскин-Нейман

Отдел производства

10

а)

Мюнхен, 21-ое июля 1954 года

Многоуважаемая Вера Александровна,

получил и Ваше письмо, и письмо заведующего типографией Чеховского Издательства. Все окончательно выяснилось: очевидно, Вы в Вашем письме хотели сказать, что если бы мои Воспоминания печатать полностью, то в первом томе оказалось бы 472 страницы, а во втором 476. О размере тома Чеховского Издательства не было ничего сказано — этим и объясняется то недоразумение, в которое я впал. Теперь все ясно. Я уже произвел все необходимые сокращения, а жена уже начала вносить мои поправки в тот экземпляр Воспоминаний, который будет отправлен Вам. Я надеюсь, что самое позднее через месяц я вышлю готовый к печати текст.

Дмитрий Иванович пишет, что надо оставить еще несколько пространства «на воздух». Мне кажется, что было бы правильно сократить, спрессовать воздух до минимума. В Арсеньеве[1] Бунина уж очень много «воздухов». Кажется мне также, что можно было бы обойтись и без предисловия.

Думаю, это все.

Шлю привет и радуюсь, что дело, наконец, двинулось.

Преданный Вам

Федор Степун

---

[1] Речь идет о романе Бунина «Жизнь Арсеньева. Юность» (Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова, 1952).

б)

8 сентября 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

В письме от 21 июля Вы сообщили, что надеетесь через месяц выслать нам готовый к печати текст. Хотела бы знать, когда мы можем рассчитывать на получение обоих частей Ваших воспоминаний. Ведь их, до отправки в типографию, я должна еще раз прочитать, а это отнимет у меня тоже некоторое время, а ведь хотелось бы, чтобы эти воспоминания вышли в 55 г. как можно раньше.

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

11

а)[1]

München, 25 сент. 1954

Многоуважаемая Вера Александровна,

большое спасибо за Ваше письмо и высказанное желание в следующем году выпустить мои воспоминания. Мне не надо Вам говорить, до чего мне будет приятно увидеть их напечатанными по-русски. Мы с женой, уехав в деревню, больше месяца просидели над рукописью, чтобы и в качественном, и в количественном отношении привести ее в наилучший порядок. Я надеюсь, что сокращение на 101 страницу (12 %) не слишком обесценит книгу.

Я пишу Вам с некоторым запозданием, потому что со вчерашнего дня твердо знаю, что Вы получите рукопись не позднее, чем через две недели.

Есть у меня к Вам еще просьба: я очень хотел бы, чтобы Вы поручили корректуру моей сестре. Поправки в текст внесены рукою моей жены. Хотя они и очень отчетливы, было бы все же очень хорошо, чтобы корректуру делал человек, привыкший читать почерк Нат. Ник[2]. Но и кроме этого, сестра отнесется к корректуре не только с профессиональной добросовестностью, но и с родственной любовью. Я не знаю, есть ли у Вас постоянные корректоры и может ли издательство отдавать корректуру на сторону. Если бы это встретило какие-нибудь финансовые затруднения, то прошу оплатить работу сестры из моего гонорара.

Я вполне понимаю, что Вы считаете необходимым ближе ознакомиться с окончательным текстом, но все же надеюсь, что это не займет у Вас слишком много времени, так как Вы уже рецензировали мои воспоминания, а, может быть, и просматривали имеющийся у Вас экземпляр.

Примите уверения в искреннем уважении и сердечный привет

Федор Степун

---

[1] Письмо рукописное. Рука жены, подпись Степуна.

[2] Наталья Николаевна Степун (урожд. Никольская) — жена Ф.А. Степуна.

б)[1]

Oct 19, 1954

Многоуважаемая г-жа Александрова:

Сегодня я Вам пересылаю русский подлинник воспоминаний Федора А. Степуна. Я принес эту рукопись с собой, так как Федор Августович не хотел вверять ее почте. Я был бы очень Вам благо-

дарен, если б Вы могли мне прислать удостоверение о том, что рукопись Вами получена.

С уверениями полного моего к Вам почтения, я имею честь быть искренне преданный Вам

А.В. Штаммлер[2]

(Dr. Heinrich Stammler, Professor, Dpt. of
Northwestern University)

---

[1] Письмо рукописное на бумаге со штампом: Northwestern University, Evanstone, Illinois

[2] Heinrich A. Stammler (1912 — ?) — ученик Ф.А. Степуна, автор нескольких статей о нем. Родился в Германии, учился в Мюнхене и Праге, профессор славистики в США, автор книги «Die russische Geschichte Volksdichtung» (1939) и многочисленных переводов русских романтиков.

в)

20 октября 1954 г.

Многоуважаемый профессор Штаммлер,

Спешу подтвердить, согласно Вашей просьбе, выраженной в письме от 19 октября, получение переданных Вами в адрес издательства двух пакетов, содержащих Воспоминания Ф.А. Степуна.

С совершенным почтением

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

г)

20 октября 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Только сегодня, 20 октября, получили, наконец, рукопись обоих томов Ваших воспоминаний. Прочитав на конверте отправителя и увидав размеры рукописи, мы сначала испугались: батюшки, кто же это, несмотря на все предупреждения, шлет нам новые рукописи? Тем больше обрадовались, когда, вскрыв пакеты, увидели Вашу рукопись. Позже получили и письмо от профес. Штаммлера, с просьбой и ему подтвердить получение посланной им по Вашему поручению рукописи. Делаем это одновременно с настоящим письмом.

Хуже обстоит дело с Вашей просьбой, выраженной Вами в Вашем письме от 25 сентября. У нас в издательстве два штатных корректора. Поэтому мы не можем передать будущие гранки Вашей сестре. Само собой разумеется, что если Вы пожелаете это сделать в личном порядке, т. е. с вычетом определенной суммы за эту работу из Вашего авторского гонорара, мы против этого ниче-

го не имеем и попросим Вас только, чтобы в этом случае Вы официально обратились к нам с этой просьбой.

На днях займусь Вашей рукописью и передам ее нашему техническому директору, чтобы дать ему возможность убедиться в том, что присланные Вами оба тома по размеру войдут в наши два тома.

С искренним уважением и сердечным приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

12

а)

5 ноября 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Простите, что так долго не писала Вам, но, получив Вашу рукопись, надо было сперва выяснить, уложится ли она в те два тома, которые мы собираемся издать. Первое впечатление было, что едва ли удастся, но после тщательной проверки в типографии выяснилось, что воспоминания уложатся в два тома.

Вчера ушел Вам контракт.

Разрешите мне теперь поговорить только о том, что меня больше всего занимает: мне кажется Ваше заглавие «События и Бытие» — простите за откровенность — каким-то «заумным». Широкий русский читатель, — а ведь хотелось бы, чтобы именно он прочитал Ваши воспоминания — пожалуй, не потянется к книге с таким заглавием. Не лучше ли было бы остаться ближе к заглавию в немецком издании «Минувшее и непреходящее»? Из Вашего предисловия я вижу мотивы, продиктовавшие Вам новое заглавие. Но, опираясь на то же предисловие, мне пришло в голову третье заглавие: «Вечной памятью сердца». Само собой разумеется, я не навязываю Вам ни одного из этих заглавий, а прошу только учесть мою реакцию, как реакцию одного из первых Ваших русских читателей.

В ожидании Вашего ответа,

С искренним уважением и сердечным приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

б)

20.XI.54

Многоуважаемая Вера Александровна!

Спасибо за письмо и за на днях присланный контракт. Простите, что задержал ответ, но мы с женой были в загородной сер-

дечной санатории (у нее неважное сердце), где не было русской машинистки, а писать своей рукой не рискую — сам с трудом разбираюсь. Спасибо за участливое отношение к моему труду и к заглавию. Я и сам начал сомневаться в его удачности. Жена моя и сестра, как и Галина Николаевна[1], тоже против. Сестра с Галиной Ник. предлагали «Вечное и преходящее», но мне не хочется Вечности в заглавии. Слово отчасти претенциозное, отчасти обесцененное частым употреблением. Может быть, будет правильнее назвать «Прошлое и непреходящее», но мне опять-таки что-то мешает. Предложенное Вами третье заглавие было бы, как мне кажется, прекрасным заглавием для статьи о моих воспоминаниях, но самому говорить о своем сердце, о его памятливости как будто бы нескромно. Буду искать дальше.

Решить вопрос о том, кто будет корректировать книгу, мне отсюда очень трудно. Предлагая Вам предложить корректуру сестре и Г.Н., я представлял себе дело весьма простым: сестра корректор опытный и уже работала в издательстве, Г.Н. сейчас свободна, и потому корректура могла бы двигаться быстро; главное же, они люди свои, хорошо знающие руку жены, которая вносила все поправки, и по-родственному заинтересованные в совершенном образе моей книги. Издательству я никакого ущерба не причиняю, так как, как я Вам уже писал, я, конечно взял бы оплату корректуры на мой счет. Но, очевидно, у Вас есть какие-то свои и важные соображения, раз Вы, предлагая написать м-рс Планте, все же сомневаетесь в том, что она сможет это разрешить. Не зная всех обстоятельств дела и боясь своей настойчивостью что-нибудь испортить, я, прилагая письмо г-же Планте, прошу его передать только в том случае, если Вам это, в конце концов, покажется целесообразным.

Может быть, я слишком осторожен, но береженого Бог бережет.

Примите уверения в искреннем уважении и сердечный привет

Ваш Федор Степун

P. S. Что касается гонорара, то прошу его мне пока не высылать. Хотя моя жена, Наталья Николаевна, сейчас, в смысле здоровья, совсем не на высоте, мы все же мечтаем проехаться в Америку. Ввиду этой мечты я, быть может, попрошу значительную часть гонорара не пересылать в Германию. Все это выяснится, вероятно, в середине декабря, тогда я напишу, как поступить.

---

[1] Галина Николаевна Кузнецова (1900—1976) — поэт, прозаик, мемуарист, последняя возлюбленная И.А. Бунина, подруга М.А. Степун, к которой она ушла от Бунина.

13

а)

12.2.55

Многоуважаемая Вера Александровна,

давно не писал Вам. Пишу прежде всего потому, что хочется поблагодарить Вас за то участие, которое Вы проявили в деле выхода моих воспоминаний. Очень долго и даже мучительно искал заглавие и окончательно остановился на «Бывшее и несбывшееся». Сестра писала мне, что и Вам это заглавие нравится больше других.

Рад, что вопрос о корректуре в конце концов уладился: читает и Ваш корректор, и моя сестра. На мое счастье, кажется, улучшились и условия выплаты гонорара.

Хотел бы знать, когда выйдет книга. Ходят слухи, что Чеховское Издательство осенью 1956 г. собирается прекратить свое существование. Это было бы очень грустно. Можно ли надеяться на то, что эти слухи, как большинство слухов, — слухи вздорные?

Примите уверенье в искреннем уважении и сердечный привет

Ваш *Ф. Степун*

б)

7 марта 1955 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Ваше письмо от 12 февраля я получила. Новое заглавие «Бывшее и несбывшееся», как Вам писала уже Ваша сестра, мне действительно очень понравилось и на ближайшем заседании Совета Издательства я его предложу на утверждение.

Ваша книга из-за того, что Вы так поздно послали окончательно просмотренную рукопись, выйдет только в марте 56 г. Однако, так как у нас иногда делаются перестановки в плане, я Вашу рукопись постараюсь приготовить к печати раньше для того, чтобы в случае чего ее можно было бы раньше выпустить в свет.

К сожалению, слухи о прекращении деятельности Издательства верны. Мы, однако, не отказались еще от ставки на чудо. Позавчера говорила по телефону с Галиной Николаевной и слышала голос Вашей сестры из другой комнаты, так что считаю, что как бы и с ней побеседовала.

С искренним приветом и уважением

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

14

а)

Мюнхен, 27.8.55

Многоуважаемая Вера Александровна,

давно не писал Вам, не тревожил Вас, и вот захотелось узнать из первоисточника, в каком положении находится выпуск моих воспоминаний. Очень хотелось бы, чтобы поскорее начало сбываться то, что так долго не сбывалось. В феврале будет мое рожденье. Быть может, Вы захотели бы преподнести мне к этому дню (19 февраля) столь ценный для меня подарок в виде 2-х томов «Бывшее и несбывшееся». Сестра как-то писала, что Вы приступаете к подготовке книги к печатанию. Боюсь, что это может задержать набор, так как Вы женщина предельно занятая. Приготовлять, как мне кажется, особенно нечего, так как я все тщательно сократил по Вашим указаниям и все тщательно прочистил по велению моей писательской совести. Мне надо только прислать новое вступление в связи с переменой заглавия и изменить несколько фактических неточностей. Если бы такие встретились и Вам, то сообщите, чтобы я мог их исправить.

Буду очень рад получить от Вас несколько строк, приятных моему сердцу.

Примите уверенье в искреннем уважении и душевный привет

Ваш *Федор Степун*

б)

9 сентября 1955 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Вернувшись из отпуска, нашла Ваше письмо от 27 августа и спешу теперь ответить на него. Два тома Ваших воспоминаний «Бывшее и несбывшееся» намечены к изданию — представьте себе, какое совпадение с Вашим желанием — на февраль месяц.

Вы правы, что подготовка к печати Ваших воспоминаний не отнимет у меня много времени, тем более, что я уже начала работать над этой рукописью еще до отъезда на каникулы. Теперь, однако, занята другой, более срочной рукописью, а к Вашей вернусь только в конце сентября. В середине октября она пойдет в типографию.

Учтите эти сроки, если хотите прислать новое вступление в связи с переменой названия и исправить несколько фактических неточностей.

С искренним уважением и сердечным приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

15

а)[1]

24 сент. 1955

Многоуважаемая Вера Александровна,

большое спасибо за письмо. Очень рад, что мои желания осуществляются, что я ко дню моего рождения буду держать в руках «Бывшее и несбывшееся». По возвращении из деревни в Мюнхен сейчас же вышлю новое предисловие, это будет дней через десять.

Вы, вероятно, знаете, что моя сестра тяжело больна. Нужны деньги. Написать официальное письмо заведующей финансами, с которой я уже раньше переписывался, не могу, так как не помню ее имени (моя корреспонденция осталась в Мюнхене), а потому обращаюсь к Вам с покорною просьбой предоставить имеющиеся у меня четыреста долларов в распоряжение сестры.

Примите уверение в искреннем уважении и сердечный привет

Ваш *Федор Степун*

[1] Письмо рукописное.

б)

3 октября 1955 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Ваша сестра переслала мне Ваше письмо от 24 сентября. Спешу сообщить Вам, что я переговорила с администрацией нашего Издательства, и она согласилась переслать Маргарите Августовне $ 400.00 из Вашего первого аванса. Но эти деньги будут переданы ей после того, как Вы пришлете Издательству на английском языке «statement»[1], в котором попросите Издательство следуемые Вам $ 400.00 передать Вашей сестре.

Формулировку этого заявления издательство продиктовало по телефону Маргарите Августовне и Вы, вероятно, уже получили ее. Поэтому я не повторяю «statement», а пишу на всякий случай.

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

[1] Заявление (*англ.*).

16

а)

13 октября 1955 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

На днях оба тома Ваших воспоминаний идут в типографию. В виду того, что сроки были очень жесткие, я отдала второй том редактировать Татьяне Георгиевне Терентьевой, и обоюдными усилиями мы закончили работу к сроку. Работа была, конечно, легкая. У меня и у нее попались только отдельные выражения, которые мы, не запрашивая Вас, исправили сами.

Например, на стр. 10-й первого тома вместо «сьютившая» я исправила «сумевшая объединить вокруг себя». На стр. 31-й Вы пишете «яблочный сад»; но сад бывает только «яблоневый». На стр. 120-й Вы пишете «засидки», я поставила «бдения» в смысле продолжительных русских бесед.

Сомнение вызвало у меня Ваше замечание на стр. 128-й, продолжающееся и на стр. 129-й, о евреях. Мне казалось, что обоснование, почему Вы столько внимания уделяете евреям, — лишнее. Поэтому я это вычеркнула. Я бы этот абзац начала так: «Подчеркивая эту тему, я сознательно отдаю дань современности и т. д.» Но, если Вы настаиваете на всем абзаце, я его восстановлю.

Очень прошу Вас прислать мне перевод цитаты Виндельбанда[1]: «Sie haben Ihr Heftohen “Vom Messisias” genant, jetzt wollen Sie die Zeitschrift “Logos” betiteln? Passen Sie auf, Sie landen doch bei dem Schwarzen».

Я перевела ее сама, но меня смущают последние слова: «Sie landen doch bei dem Schwarzen». Судя по смыслу, Виндельбанд имел в виду черное монашество. Люди компетентные обращают мое внимание на то, что черное монашество заимствовано у православных. Так что дайте, пожалуйста, Ваш перевод. Также прошу Вас дать перевод стихов на стр. 285.

Есть еще несколько замечаний по второму тому. Так как Вы писали Ваши воспоминания 11 лет назад, то у Вас встречается много фраз такого рода: «заседающая сейчас в Москве конференция министров иностранных дел и т. д.», или «сейчас прошло уже 25 лет» и т. п. Мы исправляем все это на прошедшее время. Это не меняет смысла и не путает читателя. Или, напр., об Эренбурге, прославляющем нынешнего вождя. Я заменила словом — Сталина.

В ожидании Вашего ответа,

С искренним приветом и уважением

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

[1] Вильгельм Виндельбанд (1848—1915) — немецкий философ, основатель Баденской школы неокантианства, у него в Хайдельберге учился Степун.

б)

17-ое октября

Многоуважаемая Вера Александровна,

спасибо за письмо и за любезное сообщение намеченных Вами корректур. Вы правы — говорят «яблоневый сад», но деревня говорит «яблочный». С исправлением вполне согласен. «Засидки» — неудачно. Спасибо за исправление — «бдения» лучше. Согласен с заменой «сьютившая», хотя из материнского искусства объединять выпадает уют.

Насколько я Вас понимаю, Вы предлагаете на странице 128-ой пропустить 3 строчки последнего абзаца. Вполне согласен. Предлагаю только слова: «подчеркивая эту тему» заменить выражением «рассказывая об этом».

Со своей стороны прошу пропустить на странице 283-ей описание belle soeur Ф. Сологуба[1]. Я, очевидно, спутал ее с какой-то другой женщиной. Портрет вышел непохож.

Перевод цитаты Виндельбанда: «Вы назвали свою брошюру “О Мессии”, теперь Вы собираетесь озаглавить Ваш журнал “Логос”, смотрите, как бы католики реакционеры не отозвались на Ваш призыв». С монашеством выражение Schwarzen не имеет ничего общего.

Стихи перевожу прозой: «О вдохновение, в тебе мы находим блаженство могилы; в волнах твоих утопаем глубоко, тихо ликуя». Стр. 285-ая.

Может быть, Иваск[2] смог бы перевести стихом.

Что же касается исправления всего на прошедшее время, то я сомневаюсь, правильно ли это. Для читателя мемуаров важно, конечно, знать не то, когда они вышли, а то, когда они писались. Я, например, горжусь тем, что в начале 16-го года написал в своем «Прапорщике-Артиллеристе»[3], что приличное окончание войны возможно только под царскими знаменами[4]. Если бы под письмом не было даты, то это место потеряло бы всякое пророческое значение. Я писал свои воспоминания 11 лет, в продолжение которых жизнь все время менялась. В известном смысле мои воспоминания имеют характер дневника, почему я под каждой частью и ставил дату ее окончания. Я, конечно, вполне понимаю, что в голову невнимательного читателя, не дающего себе отчета во времени написания текста, этот характер дневника может внести путаницу, и он под «нынешнем вождем» может помыслить не Сталина, а Булганина.

Прошу Вас продумать этот вопрос и сделать, как Вам покажется правильным.

Я через несколько часов уезжаю в двухнедельное лекционное турне и пересматривать весь второй том с выдвинутой Вами точки зрения сейчас не могу, а задерживать набор книги не хотел бы.

Может быть, есть места безболезненно переводимые «на прошедшее время», но есть и другие, требующие точной датировки.

Вам и Татьяне Георгиевне шлю сердечный привет и благодарность.

Искренне Ваш *Федор Степун*

P. S. Надеюсь, что Вы одобрите новое предисловие[6].

---

[1] Федор Сологуб (Федор Кузьмич Тетерников, 1863—1927) — русский писатель, поэт, автор знаменитого романа «Мелкий бес» (1907).

[2] Юрий Павлович Иваск (1907, Москва — 1986, Амфёрст, США) — русский поэт, литературный критик, американский историк русской литературы, философ-эссеист, профессор славистики в Массачусетском технологическом университете. Известны две его рецензии на книги Степуна: *Иваск Ю.* Федор Степун. Встречи. Издание товарищества зарубежных писателей. Мюнхен, 1962 // Новый журнал. 1963. № 74. С. 289—292; *Иваск Ю.* Mystische Weltschau. Funf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block. Munchen: Carl Hanser Verlag, 1964, S. 442. // Новый журнал. 1965. № 79. С. 288—291.

[3] Речь идет о книге Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста», опубликованной под псевдонимом Н. Лугин) вначале в журнале «Северные записки» (1916), а в 1918 г. отдельной книгой.

[4] Скорее всего, Степун имеет в виду следующий пассаж из своей книги: «Я решительно не представляю себе, как мы доведем войну не до победного, конечно, но хотя бы до не стыдного, приличного мира. <...> Единственная сила, способная в принципе на продолжение войны, — самодержавие — стремится с откровенным цинизмом к сепаратному миру» (Степун Федор (Н. Лугин). Из записок прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей, 2000. С. 173). Правда, данный текст помечен январем 1917 г. и, конечно, в нем самодержавие аттестуется не совсем лестно.

[6] Эта строчка написана чернилами от руки.

г)

23 декабря 1956 г.

Mrs. M. Stepun
144-50 38 ave. apt. 3-A
Flushing, L.I. NY

Многоуважаемая Маргарита Августовна,

Посылаю Вам гранки и манускрипты Федора Августовича (1-й том), как Вы просили по телефону, спешной почтой, но только в двух пакетах. Просим прочесть их и возвратить вместе со вторым томом (гранки которого будут высланы 28-го декабря) с таким расчетом, чтобы оба тома вернулись к нам 10-го января.

Поздравляю Вас и Галину Николаевну с Праздником и наступающим Новым Годом, искренно желаю здоровья и всех благ.

С искренним уважением и приветом

Секретарь

д)

3 января 1956 г.

Mrs. M. Stepun
144-50 38 ave. apt. 3-A
Flushing, L.I. NY

Дорогая Маргарита Августовна,

Посылаю Вам недостающую 84-ю гранку 1-го тома. Хотела послать вместе со вторым, но до сих пор нет гранок из типографии. Не хочу задерживать эту гранку. Привет Галине Николаевне.

С приветом

е)

5 января 1956 г.

Mrs. M. Stepun
144-50 38 ave. apt. 3-A
Flushing, L.I. NY

Дорогая Маргарита Августовна,

Посылаю Вам второй том Воспоминаний Федора Августовича для авторской корректуры. Администрация просит вернуть нам корректуру не позже 16-го января с. г.

С искренним уважением и приветом

Секретарь

17

а)

8 февраля 1956 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Ваша книга выйдет, вероятно, 15-го февраля и тогда же будут посланы Вам шесть авторских экземпляров. По просьбе администрации будьте добры сообщить немедленно, не хотите ли Вы один из этих шести экземпляров передать здесь — на память Вашей сестре.

Еще гораздо важнее вопрос о Вашем авторском гонораре. Как Вы знаете, в апреле этого года наше Издательство будет окончательно ликвидировано, и поэтому на этот раз у администрации не будет времени ждать указаний авторов, куда они хотели бы, чтобы мы перевели следуемый им гонорар. От Маргариты Августовны я знаю, что она могла бы положить эти деньги в банк по месту своей службы. Лично мне кажется, что это лучшее решение вопроса. Но, чтобы провести это, Вам необходимо прислать заверенную доверенность на ее имя.

Во всяком случае, прошу Вас не откладывать ответа, ибо иначе администрация вышлет Вам деньги в Германию

Жду ответа как можно скорее по обоим вопросам.

Боюсь, что авторские экземпляры Вы получите уже после Вашего дня рождения. Сердечно Вас поздравляю от своего имени и от имени всего Издательства и желаю Вам и Вашей жене здоровья и успеха. Проведите этот день с чувством предстоящего получения Ваших воспоминаний.

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

б)

24 февраля 1956 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

На мое письмо от 8 февраля никакого ответа с Вашей стороны до сих пор не последовало. Правда, Ваша сестра звонила мне и рассказала, что Вы писали ей, прося один экземпляр Ваших вышедших воспоминаний послать за Ваш счет воздушной почтой, а также о том, куда Вы хотели бы, чтобы мы послали Ваши авторские. Но для всего этого недостаточно писать сестре, а надо во всяком случае обратиться в Издательство.

Поскольку наше Издательство все свои финансовые дела ведет через Центральную организацию Фордовского фонда, оно должно иметь на руках какие-то формальные оправдательные документы, касающиеся денежных операций.

Вот почему убедительно прошу Вас не откладывать в долгий ящик письма в Издательство по обоим затронутым мною вопросам.

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

в)

24 февраля 1956 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Согласно существующего у нас правила, издательство обязано, после выхода книги в свет, вернуть автору его рукопись, в связи с чем, одновременно с этим письмом, с благодарностью возвращаем Вам Ваши оба имеющиеся у нас манускрипты (первоначальный и основной) в четырех пакетах.

С искренним уважением

Секретарь

г)

Мюнхен, 2.3.56 г.

Многоуважаемая Вера Александровна,

Простите, пожалуйста, что я не сразу ответил на Ваше письмо от 8 февраля. Эта некорректность объясняется теми добрыми чувствами, которые во мне возбудило Ваше письмо с поздравлением ко дню моего рождения, с пожеланием, чтобы я провел его в радостном чувстве предстоящего получения моих книг и с верой, что моя книга получит широкое распространение. Так сердечно Вы мне написали в первый раз, и мне захотелось от души поблагодарить Вас за добрые слова и весь тот труд, который Вы понесли, работая над выпуском «Бывшего и несбывшегося». От сестры я знаю, что Вы оказали ей в защите моих интересов большую помощь. Написать Вам сразу же я не мог, так как русская машинка, вернее, руки, пишущие на ней, находятся в моем распоряжении только раз в неделю. Писать же своей рукой мне не только очень трудно, но, главным образом, бессмысленно, так как пишу я, даже для своих собственных глаз, весьма неразборчиво. Вот я и решил, что пока сообщу через Маргу самое главное, а именно просьбу не высылать моих денег в Германию, так как мне было бы приятней иметь их за границей. Я думал, что этого для Вас на первых парах[1] достаточно. Этим письмом официально прошу Вас о том же. Куда переслать деньги, я в данную минуту еще сказать не могу. Сестра писала, что ей советовали положить на мое имя в швейцарский банк, для чего мне нужно открыть в нем кредит, что предполагает внесение в банк некоторой суммы. Маргарита пишет, что она должна еще доисследовать это дело, и просит, чтобы я здесь навел тоже некоторые справки. Надеюсь, что числа 12-го этого месяца я сообщу мое окончательное решение, которое вынесу после консультации со специалистом по обложению немецких подданных налогами. Все это дело довольно деликатное и требующее некоторой обдумки. Надеюсь, что этого письма достаточно, чтобы не высылать денег сюда.

Жду с нетерпением высланного по воздуху экземпляра моих «Воспоминаний». Остальные, причитающиеся мне экземпляры, будут, конечно, высланы обыкновенным путем.

Г-жа Лилиан Планте запрашивала меня, были ли мною прорецензированы высланные мне тома Бунина, и просила выслать напечатанные рецензии, что я и делаю[2].

Она же спрашивала меня, согласен ли я прорецензировать последнюю книгу Варшавского[3], которую я уже получил и прочел. «Новый журнал», к сожалению, уже поручил рецензию кому-то

другому. Я пишу Иваску с просьбой оставить рецензию за мной для «Опытов».

Ну, кажется, всё. Еще раз большое спасибо и душевный привет.

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Так у Степуна.

[2] Эти рецензии не обнаружены.

[3] О книге Владимира Сергеевича Варшавского (1906—1973) «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956) Степун написал статью « “Новоградские” размышления по поводу книги В.С. Варшавского “Незамеченное поколение” и дискуссии о ней», которую опубликовал в журнале «Опыты» (Нью-Йорк, 1956, №7. С. 45—57). Переиздание этой статьи см.: Степун Ф.А. Чаемая Россия / Сост. и послесловие А.А. Ермичёва. — СПб.: РХГИ, 1999. С. 309—320).

18

а)

8 марта 1956 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Спешу ответить на Ваше письмо от 2 марта. Совершенно случайно, в разговоре с Вашей сестрой, выяснила, что она Вам так и не послала экземпляра Ваших воспоминаний воздушной почтой, как собиралась. Оказывается, она об этом сказала Татьяне Георгиевне, но та в свою очередь забыла сказать об этом мне. Поэтому один экземпляр воздушной почтой за Ваш счет ушел только вчера, один экземпляр из шести авторских получила Марг. Авг., а четыре следуемые Вам отправлены тоже вчера.

Я очень огорчена, что косвенно заставила Вас две недели зря ожидать Ваши книги. Но немножко в этом виноваты и Вы сами: вместо того, чтобы ответить непосредственно мне на Издательство, согласны ли Вы один экземпляр из Ваших авторских подарить Вашей сестре, Вы ответили не мне, а ей, да и ей тоже не написали толком, согласны ли Вы на это, а учет книг у нас поставлен на большой высоте.

Простите за ворчливый тон моего письма, особенно после Вашего милого письма от 2 марта.

Закончу свое послание приятной новостью: читателям, успевшим прочитать Вашу книгу, она очень нравится, и я не сомневаюсь, что Вас и Ваше детище ожидает большой успех.

Жду сообщения о том, куда послать Ваш авторский гонорар.

С сердечным приветом и уважением

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

б)

Мюнхен, 18.3.56 г.

Многоуважаемая Вера Александровна,

большое спасибо за Ваше письмо от 8 марта. Книги пришли и как своим внешним видом, так и безупречностью корректорской работы (я еще не открыл ни одной опечатки) доставили мне большое удовольствие.

Спасибо Вам за то, что Вы были огорчены, что мне пришлось дольше ждать моей книги, чем то было необходимо. Ради этого признания книге стоило даже и опоздать. Мне очень приятно сознание, что наша с Вами заочная совместная работа, как мне, по крайней мере, кажется, как-то сблизила нас. Если мне не изменяет память, вы уже писали о моей книге в связи с выходом немецкого перевода. О политической стороне книги, на основании переводов, судить, конечно, можно, но о художественной, несмотря на то, что мои переводчики очень близко подошли к оригиналу, все же трудно. Вы теперь так хорошо знаете работу, что, быть может, найдете возможным еще раз написать о ней, чему я был бы искренне рад.

Что касается высылки мне гонорара, то я решил поступить следующим образом. К этому письму я прилагаю официальную бумагу в той форме, которая была мне предписана Чеховским Издательством в связи с выплатой моей сестре некоторой части первой половины моего гонорара. В этой бумаге я прошу Издательство распорядиться моим гонораром согласно указаниям моей сестры. Эта широкая формула дает возможность любой манипуляции. По наведенным мною справкам самым лучшим решением вопроса было бы, если бы можно было открыть на мое имя счет в швейцарском международном банке и если бы Издательство внесло в этот банк на мое имя причитающуюся мне сумму. Марга писала мне о такой возможности, сообщая одновременно, что нужно еще выяснить некоторые детали. Так как дело спешное, то я не дожидаясь выяснения этих деталей, даю Вам и сестре широчайшие полномочия.

Кончаю и шлю Вам еще раз мою благодарность и сердечный привет.

Ваш *Федор Степун*

19

[без даты, без места]

Многоуважаемая Вера Александровна!

При сем официальная бумага с просьбой выслать мне деньги в Германию. Иначе устроиться оказалось невозможным при некоторой моей щепетильности в денежных делах. Подробности пишу сестре.

Надеюсь, что высылаемая бумага достаточна.

Набрана и напечатана книга очень хорошо.

Еще раз спасибо и привет.

Преданный Вам

Федор Степун

Вступительная статья, публикация и комментарии В.К. Кантора

Опубликовано: Вопросы литературы, 2006, № 3.

Журнал «Логос» — прерванный на полуслове диалог

Публикуемые ниже письма Ф.А. Степуна охватывают период с 1909 по 1913 г., когда жизнь и творчество этого замечательного русского философа, социолога, культуролога, публициста были тесно связаны с журналом «Логос», выходившим в московском книгоиздательстве «Мусагет». Во главе последнего стоял в те годы ныне «забытый гигант» Эмилий Карлович Метнер.

Об истории замысла и издания «Логоса» Степун подробно рассказал в своих мемуарах «Бывшее и несбывшееся»[1]. На основании этих записок, а также воспоминаний современников и архивных материалов можно реконструировать ход событий.

Началось все с формирования «гейдельбергского философского содружества» (Кронер, Мелис, Бубнов, Гессен, Степун) и выпущенного им в 1909 г. в Лейпциге сборника «О Мессии»[2]. «Обсуждались наши идеи и замыслы долго и горячо, — вспоминает об этом времени Степун, — сборник "О Мессии" писался с вдохно-

вением, почти с восторгом в убеждении, что из скромного начала выйдет настоящее дело»[3].

«Сдав докторский экзамен, — читаем в мемуарах, — мы, то есть: Сергей Осипович Гессен, Николай Николаевич Бубнов и я решили вместе с двумя немецкими товарищами, будущими профессорами, Мелисом и Кронером, основать выходивший на нескольких языках международный журнал по философии культуры»[4]. (Автор допускает здесь только одну неточность: трагическая гибель его первой жены послужила причиной того, что докторский экзамен он сдал лишь летом 1910 г.)

«Организационное заседание, — продолжает Степун, — должно было состояться на квартире профессора Риккерта во Фрейбурге. По счастливой случайности, во Фрейбурге как раз находились Дмитрий Сергеевич Мережковский и Зинаида Николаевна Гиппиус с их неразлучным спутником Философовым. Недолго думая, мы с Сережей решили пригласить наших знаменитых соотечественников на заседание к Риккерту, где должен был быть и издатель проектируемого журнала. Расчет наш оказался вполне правильным, присутствие русских известных писателей сильно повысило наш престиж, а потому и шанс на заключение выгодного контракта»[5].

В воспоминаниях З.Н. Гиппиус «Дмитрий Мережковский» посещению Фрейбурга посвящена всего лишь одна строчка, но благодаря ей мы знаем приблизительную дату «организационного заседания». «Во Фрейбурге, — пишет Зинаида Николаевна, — несмотря на конец мая, оказался такой холод, что мы переехали в Лугано»[6].

Заседание прошло вполне благополучно. «Все кончилось как нельзя лучше. Дмитрий Сергеевич произвел на Риккерта впечатление очень яркой и сильной индивидуальности. Хотя он и не мог понять, почему знаменитый писатель больше говорил о Суворове, чем о “Логосе”, как было решено назвать наш журнал. От Зинаиды Николаевна в душе Риккерта осталась “nur eine Melodie” («лишь одна мелодия». — *В.С.*), но все же он почувствовал утонченность в экзотику петербургской культуры. В издательстве Зибека присутствие знаменитых русских писателей усилило уважение к русской редакции; он поверил, что нам удастся найти в Москве столь щедрого мецената, от которого будет перепадать и ему, и согласился начать серьезные переговоры, которые Риккерту и удалось довести до благополучного конца. Вскоре после заседания мы подписали с Зибеком довольно выгодный контракт»[7].

Несколько иначе описал встречу Мережковского с Риккертом Андрей Белый. «Посетив тихий Фрейбург, он (Мережковский) грозно рычал на философа Генриха Риккерта, тихого мужа: “Вы, немцы, — мещане, а русские, мы, — мы не люди, мы — боги или

звери!” Философ, страдающий боязнью пространства, признался Ф.А. Степуну, что от этого рыка не мог он опомниться долго: “Вы, русские, — странные люди”»[8].

Следующий этап истории «Логоса» — соглашение с книгоиздательством «Мусагет». Но в мемуарах Степуна — хронологический перебой. Он вспоминает, что после подписания договора с Зибеком посетил В. Виндельбанда (который «отнесся к нам отечески сочувственно, но своего философского благословения в сущности не дал»), а затем на пять месяцев уехал в Италию, где вел переговоры с Кроче и Вариско. Кроче редактировать итальянский «Логос» отказался, хотя согласился сотрудничать и в русском, и в немецком выпусках журнала, Вариско «дал свое принципиальное согласие на редактирование итальянского “Логоса”»[9]. «Милан, Мюнхен, Берлин, Варшава, — перечисляет Степун, — и под самый Новый год, 31 декабря, к вечеру — Москва»[10].

Оговорка о пяти месяцах, проведенных в Италии, и архивные материалы заставляют усомниться в том, что приведенная дата соответствует действительности. Конечно, с момента описываемой ситуации прошло 30 лет, и автора вполне могла подвести память. Кроме того, в своих воспоминаниях он нередко забегает вперед, затем возвращается назад, причем последовательность тех или иных фактов зачастую не соблюдается. Хронологический ряд распластан по всему пространству мемуаров, поэтому синхронные события сплошь и рядом оказываются в разных главах.

Между тем в данном случае важно установить, ошибся ли Степун, поскольку здесь мы подходим к очередному этапу ранней истории «Логоса» — подписанию соглашения с книгоиздательством «Мусагет». Это произошло в ноябре 1909 г., и, судя по тому, что подпись Степуна стоит под документом, он находился в то время в Москве. Так как текст соглашения ранее не публиковался — а он представляет несомненный интерес, — приведем его полностью[11].

Соглашение международного редакционного комитета «Логос» с издательской фирмой «Мусагет» об издании периодического сборника по философии культуры «Логос».

Москва, 2—15 ноября 1909 г.

С.И. Гессен (СПб) и Ф.А. Степун (Москва), в качестве представителей международного редакционного комитета «Логоса», с одной стороны, и Э.К. Метнер (Москва), в качестве представителя издательской фирмы «Мусагет» в Москве, с другой, заключили между собой соглашение о следующем.

§ 1. Фирма «Мусагет» в Москве берет на себя издание периодического органа под названием «Логос», международные периодические

сборники по философии культуры. Русское издание. При ближайшем участии: Лосского, Лапшина, Франка, Лаппо-Данилевского, Струве, Кистяковского. Зелинского, Гревса, Вернадского[12]. *Редакторы: С.И. Гессен (СПб.), Ф.А. Степун (Москва), издатель-редактор: Э.К. Метнер (Москва), имеющего целью в доступной для широких кругов форме способствовать созданию и укреплению научно-философской культуры в России путем ознакомления России с философской традицией Запада, а также развития самостоятельных философских начинаний.*

§ 2. Русская редакция «Логоса» во всех редакционных делах пользуется полной самостоятельностью, будучи связана лишь международным редакционным комитетом. Она состоит из следующих лиц: С.И. Гессена (СПб.), Ф.А. Степуна (Москва) и Э.К. Метнера (Москва). Каждый из названных лиц равно пользуется всеми правами члена русской редакции. Рукописи принимаются по единогласному решению редакции. В случае разногласия между членами русской редакции (как по вопросу о Принятии рукописей, так и по другим редакторским делам) спор, согласно статутам международного редакционного комитета, решается этим последним большинством голосов. Из трех названных членов русской редакции Э.К. Метнер, кооптированный в члены ее лишь русской редакцией, не является впредь до кооптации его всеми членами международного комитета членом последнего. Вопрос о кооптации его в члены международного комитета должен быть решен при ближайшей к тому возможности на основании личного знакомства его со всеми членами названного комитета.

§ 3. Настоящее соглашение не устанавливает для международного редакционного комитета «Логоса» никаких ограничений в вопросе об основании в течение ближайших лет каких-либо иных изданий «Логоса», кроме уже существующих русского и немецкого.

§ 4. «Логос» выходит в России 2 раза в год (весною и осенью) книжками по 15 печ. Листов каждая (печ. лист заключает в себе 40000 букв). По особому соглашению с издательством «Мусагет», редакция может участить выход русского издания «Логоса» в случае, если к тому представится надобность.

§ 5. Шрифт, формат, бумага и обложка русского издания «Логоса» должны соответствовать немецкому. Помещаемые в каждой книжке «Логоса» обзоры иностранной филос. литературы печатаются шрифтом более мелким. Издательство может, исходя из соображений изящества и удобства, уменьшить количество букв печ. листа. В таком случае, однако, соответственно увеличивается количество печ. листов каждой книжки.

§ 6. Первая книжка «Логоса» выйдет в свет не позже 1-го марта 1910 года. Она печатается в количестве 3000 экземпляров. Ко-

личество экземпляров последующих книжек устанавливается в зависимости от условий распродажи первой книжки. Для переиздания какой-нибудь книжки «Логоса», в случае ее полной распродажи, необходимо согласие на то русской редакции. Условия переиздания вырабатываются особо.

§ 7. Издательство передает в распоряжение редакционного комитета еще до выхода в свет соответствующей книжки «Логоса» (а именно немедленно по сдаче рукописей) сумму по расчету 60 руб. за печ. лист (в 40000 букв).

Определение и выплата гонорара представляется всецело редакционному комитету. Кроме указанного в § 7 денежного обязательства, издательство «Мусагет» не несет на себе никаких денежных обязательств по отношению к редакторам «Логоса».

§ 8. Каждый сотрудник «Логоса» может получить по 25 оттисков своей статьи без особой нумерации страниц и не непременно отпечатанных на той же бумаге, что и книжки «Логоса». Дополнительные оттиски, в случае желания, издательство печатает по цене в ... коп. за печатный лист в 40000 букв.

Количество даровых экземпляров, предоставляемых редакции, а также количество рецензионных экземпляров, устанавливается совместно редакцией и издательством. Каждый член русской редакции получает не менее 3, остальные члены редакционного комитета не менее одного дарового экземпляра.

§ 9. Установление подписной платы предоставляется издательству. В случае основания философского общества «Логос» редакции предоставляется право выписывать экз. «Логоса» для членов названного общества по удешевленной цене (–25 %). В таком случае на обложке «Логос» будет обозначен органом названного общества.

§ 10. Издательство несет на себе все возможные убытки по изданию «Логоса». В случае, если по истечении 2-х лет ЧС начала издания — чистый доход с издания за 2 года превысит сумму 2000 рублей, редакции предоставляется 50 % чистого дохода. В противном случае, самому издательству предоставляется определить долю участия редакции в доходах с издания «Логоса».

§ 11. Набор, клише, отпечатанные экземпляры и т. п. составляют собственность издательства.

§ 12. Настоящее соглашение действительно в течение 2-х лет. До выхода последней книжки «Логоса», на основании настоящего соглашения, стороны решают вопрос о возможном продолжении его на новый срок. При этом издательство «Мусагет» обязано перед редакцией полной финансовой отчетностью (на основании подлинных документов, как то: счетов, книжных записей и т. д.) по изданию «Логоса». На основании этого материала редакция может искать лучших условий издания.

Идея «Логоса» составляет достояние редакции. Редакция может передать издание «Логоса» по истечении 2-х летнего срока какой-либо иной фирме. В случае, однако, если условия, предложенные этой иной фирмой, не выгоднее предложенных издательством «Мусагет», за последним (или за его правопреемником) остается право издания «Логоса». В случае, если право издания «Логоса» перейдет в иные руки, издательство «Мусагет» не может издавать никакого издания под тем же названием.

Можно было бы с известной натяжкой предположить, что текст соглашения составлялся без Степуна, который подписал его по возвращении в Москву, то есть в начале января 1910 г. Но судя по почтовому штемпелю (12 ноября 1909 г.) первого из публикуемых писем к А. Белому, а также словам «пишу Вам еще раз», в Москву он вернулся не к Новому году, а гораздо раньше, чему, кстати, нисколько не противоречит упоминание о «пяти месяцах», проведенных в Италии (июнь—октябрь). Так что же, названная Степуном дата — 31 декабря — обычная и вполне простительная ошибка памяти? Это было бы весьма вероятно, если бы не одно обстоятельство. Подробно рассказав о предыстории «Логоса» и не менее подробно — о соглашении с издательством Зибека, автор фактически опускает заключение союза «Логоса» с «Мусагетом». При этом все, что касается того периода, в частности духовная ситуация в Москве в 1910 г., описывается им очень детально и чрезвычайно интересно. Речь идет и о морозовском особняке, и о начавшемся идейном противоборстве неозападников и неославянофилов, о символистах, словом, дается, как выражается сам Степун, «многомотивный рисунок <...> духовной революции». И затем сразу: «Всем сказанным в значительной мере объясняется и тот факт, почему наш строго научный философский журнал «Логос» был радушно встречен лишь группою московских символистов, объединенных Эмилем Карловичем Метнером вокруг организованного им издательства “Мусагет”»[13].

Внимательный анализ этой части воспоминаний наводит на мысль, что автор — вольно или невольно — умалчивает об обстоятельствах заключения союза «Мусагет» — «Логос». Ничего не сказано о том, как, при чьем посредничестве группа будущих «логосовцев» вышла на Метнера. Издательство «Мусагет» к концу 1909 г. только образовалось, официально же было открыто в марте следующего года (то есть уже после подписания соглашения с «Логосом»), стало быть, оно не приобрело еще ни известности, ни авторитета, которые могли привлечь к нему молодых русских философов. Выйти на Метнера можно было лишь благодаря посредничеству какого-либо лица, и, скорее всего, им был Андрей Белый.

Верно передавая общую атмосферу взаимоотношений «Мусагета» и «Логоса», Степун опускает массу важных деталей, и в целом картина получается неточной, а в ряде случаев даже искаженной. Так, он, по вполне понятной аберрации памяти, не упоминает о роли А. Белого в «сватовстве» между «Логосом» и «Мусагетом», зато однозначно приписывает ему роль инициатора их «развода», происшедшего в конце 1913 г. (с 1914 г. «Логос» выпускался в С.-Петербурге в издательстве М. Вольфа; вышло два номера).

«Мир и любовь между “Мусагетом” и редакцией “Логоса” длились, однако, недолго, — сообщает Степун. — В третьем томе своих воспоминаний Белый сам рассказал о том, как, охладев к Канту и неокантианству, он при поддержке Блока (!) настоял на том, чтобы Метнер не возобновлял с нами контракта»[14].

В приведенном отрывке по существу все неверно. А. Белого можно, конечно, обвинить в развале «Мусагета» (хотя и с массой смягчающих оговорок), но к разрыву контракта (точнее, к его непродлению) он был не причастен.

«“Мусагет”, — пишет А. Белый, — для меня агонировал с осени 1910 года; Метнер, не понимая причин охлаждения, в пику сильней педалировал говорунам из “Логоса”; и нельзя уже было понять: “Логос” ли — “Мусагет”, иль последний — придаток при “Мусагете”. О, о, — “Мусагет”, великолепный подарок мне другом! Начал — во здравие; кончил — “заупокоем”. Как хорошо, что вовремя из него я бежал...»[15].

Отношения А. Белого и Метнера освещены в литературе достаточно полно, но, пожалуй, подробнее всех о них рассказал сам поэт. Впрочем, как хорошо известно, «заряд субъективности» его мемуаров настолько велик, что обращение к данному источнику требует от каждого исследователя величайшей осторожности. Для историка это прекрасный иллюстративный материал, превосходно передающий «аромат» эпохи (опять-таки в субъективном преломлении), — но не более того.

Имеющиеся архивные документы позволяют проследить три этапа кризиса отношений А. Белого и Метнера, которые являются одновременно и этапами кризиса «Мусагета». Первый начался в 1910 г., когда А. Белый отошел от неокантианства, и закончился в ноябре 1912 г. скандалом по поводу опубликованной в журнале «Труды и дни» (№ 4—5) статьи А. Белого «Круговое движение. Сорок две арабески». Еще до выхода в свет она попала в руки Б.В. Яковенко и вызвала его возмущение. «Можно ли мне, как представителю неокантианства, — писал он Метнеру, — быть сотрудником (близким) такого органа, одна из статей которого именует все неокантианское движение “идиотством” и вообще издевается над ним?[16] <...> Лично я думаю, что в

еще более резкой форме этот вопрос должен встать перед Гессеном»[17]. При этом Яковенко просил Метнера предоставить ему возможность ответить А. Белому «в столь же резкой и презрительной форме».

Такой возможности Метнер не предоставил, но в целом однозначно встал на сторону Яковенко. «Я вполне понимаю его, — признавался он в письме к секретарю издательства В.Ф. Ахрамовичу, — Считая Яковенко очень большой ценностью и не желая расставаться с ним, я непременно помещу его возражение в № VI, хотя бы помещение этого возражения разрушило самый “Мусагет”, ибо на фанатическом догматизме и несправедливости основанное мною издательство покоиться не должно. Бугаев, не разрешая Дон-кихотство и предлагая Арабески, поступил как непримиримый в своей экскоммуникативности сектант. <...> От редакции надо написать оговорку к Арабескам <...>. Кроме того, объявить об уходе Бугаева как редактора ввиду затруднительности действовать на расстоянии»[18].

Видимо, немного поостыв, Метнер изменил свое первоначальное решение, хотя, тем не менее, на последней странице № 4—5 журнала было помещено следующее объявление «От редакции». «Андрей Белый намеревается остаться за границей на неопределенное время; поэтому, сохраняя за собой право и обязанности члена литературного комитета издательства “Мусагет”, он вынужден (двусмысленная точность! — *В.С.*) отказаться от редактирования “Трудов и дней”, так как эта работа издалека, особенно при частых переездах, сопряжена для него с большими внешними неудобствами»[19].

Вместо Яковенко с «Открытым письмом Андрею Белому по поводу статьи “Круговое движение”»[20] выступил Степун, после него в очередном, 6-м номере «Трудов и дней» последовал «Ответ Ф.А. Степуну»[21]. А. Белого особенно покоробили выражения «безответственный жеребец» и «побежал вприпрыжку». «Единственное оправдание Вашим словам, — писал он в «Ответе...», — гносеологическая глухота по отношению к словам человеческим». Примечательно, что впоследствии ни один из них ни разу не вспомнил о том обмене колкостями, который произошел между ними в 1912 г. Зато понятной становится едкая характеристика, которую дал журналу А. Белый в своих воспоминаниях. «Совершеннейшим трупом выглядел феномен скуки, журнал “Труды и дни” <...>. Журнал этот — единственный в своем роде пример, как при наличии интересных сотрудников можно превратить и их лишь в писак: по обязанности»[22].

Не очень одобрительно отзывался о «Трудах и днях» и Степун. «Журнал был задуман как интимный художественно-философский дневник издательства, но придать ему живой, артистический характер не удалось. Книжечки выходили случайными, а подчас и бледноватыми»[23].

Менее чем через год разразился очередной скандал. На сей раз причиной послужил трактат одного из активных участников «Мусагета» Эллиса[24] (Л.Л. Кобылинского) «Vigilemus!». (А. Белый тогда сильно увлекался идеями философа-мистика, основателя антропософии Р. Штейнера. Эллис тоже какое-то время находился под влиянием «Доктора», но вскоре стал его яростным противником.) А. Белый резко протестовал против издания этой книги «Мусагетом» без необходимых, на его взгляд, изъятий. Метнер, который готовил собственный антиштейнеровский опус, был неумолим: требования А. Белого о купюрах в большинстве случаев были отклонены[25].

В конце октября 1913 г. в Берлине А. Белый узнал, что «Vigilemus!» вышел в свет. Он отправился к Эллису в Штутгарт для выяснения отношений, но тот объясняться не пожелал. «С этого дня, — пишет А. Белый, — я все отношения с Эллисом прекратил. В совершенном расстройстве мы возвращаемся в Берлин; откуда я пишу в <...> "Мусагет" о своем выходе из издательства и о прекращении всех отношений с Метнером»[26].

Сопоставляя эти известные факты, можно утверждать, что, какова бы ни была роль А. Белого в развале «Мусагета», к выходу «Логоса» из издательства он не причастен. Произошло это главным образом из-за финансовых затруднений. И хотя Степун пишет, что он «защищал Белого и Метнера от нападок <...> сотрудников»[27], «нападки», по-видимому, были не столь уж велики (если вообще были), поскольку и сам Метнер вошел в редакцию нового «Логоса» — уже петербургского...

На этом, собственно, «московский» период истории журнала заканчивается. В 1914 г. успели выйти два его выпуска, а начавшаяся война и последовавшая за ней революция поставили точку в истории «бытования» неокантианских идей в России. Теперь, спустя уже почти 100 лет можно сказать, что эта точка фактически оказалась многоточием; философский спор нельзя разрешить и прекратить штыком и гранатой, и если даже удается силой заткнуть рот его участникам, приходят новые поколения и начинают свой диалог от той точки или от той запятой, на которой остановились предшественники...

Хотя А. Белый и упомянул о «прекращении всех отношений с Метнером», фактический разрыв наступил позднее — в марте 1915 г. в Дорнахе[28]. «Мусагет» же еще продолжал формально существовать по инерции даже после того, как его покинули практически все участники и организаторы. В 1914 г., уезжая из России, Метнер оставил новому секретарю «Мусагета» В.В. Пашуканису доверенность на управление делами издательства. 9 октября 1918 г. Пашуканис направил в финансово-податный отдел «сообщение о прекращении издательством "Мусагет" своей деятельности»[29].

В заключение несколько слов о других адресатах публикуемых писем. Метнер в Россию больше не вернулся. Со Степуном у них общих дел, по-видимому, не было, но они навсегда сохранили теплые, дружеские чувства друг к другу. О присутствии Степуна и его жены при кончине Метнера (в Дрездене, в клинике для нервнобольных в ночь с 10 на 11 июля 1936 г.) известно из письма его брата, композитора Н.К. Метнера. «Присутствие русских друзей, близких не только по культуре, но и по духу, было счастьем, последним счастьем для него»[30].

Сохранились дружеские связи у Степуна и с В.И. Ивановым. Статью Степуна по поводу 70-летия великого поэта следует причислить к лучшему из того, что о нем написано. Культурно-исторический фон эпохи представлен здесь с необычайной глубиной и ясностью, а многие мысли не потеряли значения и по сей день. Одной из них и хочется закончить эти заметки.

«Возвращаясь мысленно к годам наших частых встреч с Вячеславом Ивановым, а тем самым к духовной жизни и быту довоенной России, мы, после всего пережитого и передуманного нами, не можем не видеть, что духовная элита тех лет жила и творила в какой-то искусственной атмосфере. Вершины, на которых протекала в то время наша жизнь, оказались, к несчастью, не горными массивами, прочно поднимающимися с земли, а плавучими обломками в романтическом небе. В мыслях той эпохи было много выдумки, в чувствах экзальтации, в историософских построениях будущего много отвлеченного конструктивизма. Все гадали по звездам и не верили картам и компасам. Всей эпохе не хватало суровости, предметности и трезвости. Так как за все это заплачено очень дорого, то увеличивать список грехов, пожалуй, не надо. Это можно спокойно предоставить нынешним врагам того блестящего возрождения русской культуры, которое было сорвано войной и революцией. Искренне каясь в своих грехах перед лицом Истины, мы, участники и свидетели духовного роста довоенной России, должны этим врагам <...> твердо сказать, что и на социологически радикально перепаханной почве завтрашней России культурный расцвет начнется с воскрешения тех проблем и идей, над которыми думали и страдали люди символизма»[31].

В.В. Сапов

---

[1] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990.

[2] Vom Messias. Kultur-philosophische Essays. Leipzig, 1909. См. также русский перевод: *Кронер Р., Бубнов Н., Мелис Г., Гессен С., Степун Ф.* О мессии. Эссе по философии культуры / Сост., послесл., примеч. А.А. Ермичёва; пер. с нем. А.А. Ермичёва, Н.Ю. Заварзиной, В.П. Курапиной, И.Л. Фокина. СПб.: РХГА, 2010. — *В.К.*

[3] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. С. 174.

4 Там же. С. 130—131.
5 Там же.
6 *Гиппиус З.* Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 2. С. 278.
7 *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. С. 131—132.
8 *Белый А.* Между двух революций. М.: Худож. лит-ра, 1990. С. 148—149.
9 *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. С. 175, 184, 186.
10 Там же. С. 187.
11 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 167. К. 17. Ед. хр. 27. Л. 1—3.
12 Список ближайших сотрудников может быть пополнен или изменен русской редакцией «Логоса».
13 *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. С. 267.
14 Там же. С. 282—283.
15 *Белый А.* Между двух революций. С. 343.
16 Приведем несколько выдержек из сочинения А. Белого. «Есть еще <...> до конца не изученная болезнь резвости: имя ей — современная философия, где слишком очищенный разум — кантовский разум, в котором от Канта почти ничего не осталось — кидается в пропасть, увлекая за собой философа-модерниста; модернист срывается головою вниз; и с ним летит “Критика чистого разума”, которую он продолжает читать снизу вверх и справа налево <...> “Кант был идиот”, сказал Ницше; и Ницше ошибся. Но сознание, составленное из суммы новокантианских сознаний, идиотично до очевидности. Самое строение фразы “сознание есть форма формы сознания” — строение круговое <...>. Новокантианец, коллективно составленный из в отдельности взятых остроумных и вполне разумных людей, есть именно такое чудовище: смесь младенца со старичком — ни ребенок, ни муж, а гадкий мальчишка, оскопившийся до наступления зрелости и потом удивившийся, что у него не растет бороды. Этот веселый бесстыдник — философистик, философутик — чрезвычайно начитан и мозговит. Но он — совершенный идиот» (Труды и дни. 1912. № 4—5. С. 56—57).
17 Выражение «сознание есть форма формы сознания» принадлежит Э. Ласку, о книге которого «Die Logik der Philosophie und die Kathegorienlehre» Гессен читал доклад на собрании в доме М.К. Морозовой 4 ноября 1910 г. Вероятно, именно поэтому Яковенко считал, что Гессен должен был быть задет еще больше. Последний однако, отмолчался (ОР РГБ. Ф. 167. К. 14. Ед. хр. 63. Л. 11, 12 — 12 об.).
18 ОР РГБ. Ф. 167. К. 13, ед. хр. 6. Л. 24—25.
19 Труды и дни. 1912. № 4-5. С. 149.
20 Там же. С. 74—86. См. также: Степун Ф.А. Сочинения (вступительная статья, подготовка текста, примечания и библиография В.К. Кантора). М.: РОССПЭН, 2000. С. 807—815. — *В.К.*
21 Труды и дни. 1912. № 6.
22 *Белый А.* Между двух революций. С. 343.
23 *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. С. 282.
24 Подробнее об Эллисе см. [10].
25 В архивах Э.К. Метнера сохранились материалы о выпуске трактата Эллиса «Vigilemus!» в книгоиздательстве «Мусагет» (ОР РГБ. Ф. 167. К. 9. Ед. хр. 8 — 11).
26 Белый А. Материал к биографии (интимный) // Минувшее. М.: Феникс, 1992. Кн. 6. С. 357.
27 *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. С. 283.
28 Неотправленное письмо Э.К. Метнера к А. Белому (10 апреля 1915, Zürich). ОР РГБ. Ф. 167. К. 13. Ед. хр. 8.
29 ОР РГБ. Ф. 190. К. 71. Ед. хр. 47.
30 *Метнер Н.К.* Письма. М.: Сов. композитор, 1973. С. 48.
31 Цит. по: Иванова Л.В. Воспоминания. Книга об отце. М.: РИК Культура, 1992. С. 388—389.

Ф.А. Степун — А. Белому*

1

Москва, 1909[1]

Многоуважаемый Борис Николаевич.

Несмотря на то, что мы с Вами уже уговорились, я пишу Вам еще раз. Соберутся у меня часам к 8 ½. Может быть, Вы сможете приехать несколько раньше. Я хотел бы поговорить с Вами по поводу всего предприятия. Нам надо бы было сговориться, чтобы сразу накренить все в желанную сторону. Завтра я целый день дома. Может быть, позвоните в [одно слово неразборчиво].

Искренне преданный Вам *Ф. Степун*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Москва, 35-е гор. почт. отд. 12. 11 — 09. Письмо написано на почтовой карточке. Адрес: Его Высокородию Борису Николаевичу Бугаеву. Арбат, Никольский пер., д. Новикова.

2

Москва, 2 июля 1912 г.[1]

Дорогой Борис Николаевич!

Большое спасибо Вам за Вашу открытку[2]. Был очень рад получить ее. Простите за запоздалый ответ. Но я в последнее время страшно занят многосторонними хлопотами. В «Мусагете» сильные финансовые затруднения, так что Э.К. был вынужден предложить «Логосу» выпустить следующий № не весной, как было решено, но осенью, как не хотели решать[3]. Только что было улажено это дело: мы нашли личные, сторонние средства[4], как неожиданно выросло другое осложнение, осложнение истинно русское, чудовищное и глупое, а именно: арестовали Яковенко, по горло занятого в минуту ареста обзором американской философии[5] и библиографическим отделом выпускаемого №. Арестовали кроме того человека, совершенно чуждого в данную минуту всякой политической жизни, глубоко похороненного в трансцендентализме. Арестовали и вот держат без допроса уже неделю, нелепо и бессмысленно волнуя и без того крайне нервную мать и жену, кормящую месячного ребенка. Отвратительно.

Очень рад, что Вам понравилась моя статья[6]. С нетерпением жду Вашего письма о ней. Буду также очень рад, если вы напишете также несколько слов об отделе библиографическом. Как нравится Вам их тон? Имеете ли Вы что-нибудь против рецензии Яковенко на кни-

* Письма Ф.А. Степуна к Андрею Белому публикуются по рукописям, хранящимся в ОР РГБ, ф. 25, к. 27, ед. хр. 24а. 1-е письмо — лл. 1 — 1 об.; 2-е — лл. 5 — 11; 3-е — лл. 2 — 2 об.

гу Эрна «Борьба за Логос»?[7] Имеется ли за всем библиографическим отделом некоторая солидность, увесистость? Мы думаем развивать его все больше и больше вводить между прочим отдел обзоров всех выдающихся философских журналов. В общем этот № идет хорошо и имеет безусловно и внутренне наибольший успех из всех номеров.

Теперь о «Трудах и днях»[8]. Мне представляется крайне трудным точно передать Вам мое впечатление о них. Очень бы хотелось побеседовать с Вами лично, хотелось бы потому, что считаю я «Труды и дни» органом прекрасно задуманным, правым по существу — в своей позиции, как в сфере искусства, так и по отношению к более широкой проблеме культуры; кроме того органом определенно необходимым и, наконец, это быть может самое важное, органом, собравшим вокруг себя «цвет русской молодежи». Я смело причисляю к ним и Вячеслава Иванова, ибо если он и не очень молод, то он абсолютно юн.

Итак, сильная сторона «Тр. и д.» в том, чем они хотели бы быть, и чем они по-моему и станут, слабая же в том, чем стал 1-ый №.

На нем очень неблагоприятно отозвалось создание символического отдела. Для того, чтобы его натянуть, были сделаны, на мой взгляд, 3 ошибки.

1) Была испорчена рецензия Кузмина, ибо хорошая, быть может, даже очень хорошая рецензия, помещенная наряду со статьями, стала куцей статьей.

2) Статья Вольфинга о Листе была помещена в 1-ый отдел. Это может стать понятным, если написать к такому распределению материала особый комментарий, но без него это мало понятно и затемняет физиономию журнала.

3) Была Вами принята такая определенно слабая статья, как статья Пяста. (О ее слабости я говорил многим и не встретил ни одного защищающего жеста, не говоря уже о слове.)

Вы простите, Борис Николаевич, мою искренность, но для меня статья Пяста четко распадается на широковещательные заглавия, общие места и запоздалую, ненужную и бесцветную полемику. Статья, одним словом, бутафорская: картонный меч, железный ветер и все в архивной пыли. Оговариваюсь: я Пяста не знаю и отнюдь не хочу сказать о нем, что он всего только статист символического отдела. Быть может, другая статья будет лучше. Стихи его особенны и интересны. Но, конечно, все это не важно. Быть может, Вы иначе восприняли Пяста, чем я; быть может, также Вам непосредственно ясно, что статья Вольфинга более символична, чем это сдается мне. Быть может, Вы наконец готовы признать стилистические принципы Кузминской рецензии за принципы, пригодные и для статьи.

Гораздо важнее для меня следующее. Мне очень не нравится в первом № «Тр. и д.» две вещи.

1) Тот полемический тон, который местами так блестяще взвинчивает Вашу статью и так ненужно отягчает размышления Пяста, а во 2-ых то наше самоподчеркивание, которое начинается уже в Вашей статье и заканчивается трубными звуками в статье Кузмина.

Я бы думал, что полемике в «Трудах и днях» вообще не место. Нужна сильная, догматическая, авторитетная критика всего текущего художественного материала в отделе рецензий: трибунал абсолютного вкуса. Нужна глубокая и последовательная разработка основных тем символизма в головном отделе журнала.

Вы, например, полемизируете с Брюсовым (в конце концов ведь петербургские цеховцы только карикатуры на него). Вы знаете, конечно, и не мне Вам говорить, что я всецело на Вашей стороне. Но вот мои сомнения.

Ясно и не подлежит никакому сомнению, что Брюсов теоретически абсолютно беспомощен и что авторитет поэта отнюдь не придает вескости его теоретической аргументации. Зачем же так страстно оспаривать его азбучные истины и слишком очевидные заблуждения. Если уж оспаривать Брюсова, то я думаю такому аристократическому органу, каким мне представляются «Труды и дни», надо идти иным путем. Надо исследовать брюсовскую глупость как факт Божьего сознания и проявления Божьей воли, а не как сумму сложных эстетических теорий непонимающего себя поэта.

Вот в нескольких словах то, что мне хотелось бы сказать Вам подробнее о полемической стороне Вашей статьи. Мне не надо прибавлять, что она с эстетически-философской точки зрения очень интересна и публицистически местами блестяща.

Теперь о полемике Пяста. Сам он начинает ее с заявления, что вопрос, поднятый в свое время Вячеславом Ивановым, взбудоражил всех критиков, высказался целый ряд наиболее значительных поэтов и писателей, откликнулись все толстые журналы. И вот прошел год! Пяст снова подымает тот же вопрос. Зачем? Для того, чтобы поговорить о нем, привести несколько мнений нескольких авторитетов и в сущности не сказать ничего действительно нового и окончательного. Если уж «Труды и дни» решились поднять снова больной вопрос, то они должны были из глубины и окончательно решить его. А так получилась еще одна журнальная статья тонкого журнала в хвосте многих других журнальных статей толстых и тонких изданий.

Но вот читаешь дальше, и впечатление от этой полемики еще усиливается в ее втором потоке, в нашем самоподчеркивании. Кульминирует это в статье Кузмина, поднимающей по пути все того же Вячеслава Иванов, со статьи которого с собственным эпиграфом начинается №, о котором все время говорит статья Пяста, имя которого неоднократно звучит в Ваших устах, 2-ая

статья которого еще впереди и о котором в скромной форме будет говорить еще и Топорков.

Получается какая-то назойливость, какое-то долбление по одному месту. Слагается впечатление слишком узкой кружковщины, впечатление досадного перевеса художественных мнений группы критиков и теоретиков над бытием искусства, а потому и впечатление слишком малой объективности, в смысле отданности души объекту, т. е. искусству, а тем самым и впечатление отсутствия в журнале большого стиля и абсолютного аристократизма. Он же (аристократизм) «Тр. и д.» совершенно необходим, ибо они культивируют как формы самосообщения: манифест, фрагмент и афоризм.

Что касается второго отдела, то он вышел несколько уж слишком схематичен. 4 введения, 4 программы + 2 подвески: статья Топоркова и Ваши «Синицы». А где третий отдел, такой по-моему необходимый, где хотя бы пустые места для будущего заседания Трибунала абсолютного вкуса?

В заключение один вопрос, Борис Николаевич!

Не думаете ли Вы, что № был бы много интереснее при следующем распределении материала и следующих старых отделов.

I. Отдел статей по теоретическим вопросам (аполлинический).

1) Мусагет — Метнер

2) Орфей — В. Иванов

3) Логос — Степун

4) Мысли о символизме — В. Иванов

Это отдел мог бы всегда превращаться в теперешний символический путем помещения в нем прежде всего статей по искусству. (Так бы ведь он и был — это гарантирует состав ближайших сотрудников.)

II. Отдел статей иллюстрирующих. Фрагментов, афоризмов, диалогов (дионисийский).

1) Лист — Вольфинг

2) Феноменология ландшафта — Степун

3) Идея — Топорков

4) Нечто о мистике — Белый

5) Диалог — Белый

III. О книгах — Белый

1) Кузмин — Вячеслав Иванов

2) *** Блок (новое издание)

3) *** «Зеркало теней» — Брюсова

4) Яковенко — Прагматизм

Объем № едва ли бы очень увеличился. Ибо я отложил 3 статьи и вставил 3 другие (говорю о первых 2-ух отделах)[9].

Я думаю, такой № имел бы все преимущества: 1) Он был бы многообразнее и давал бы понятие о всех формах, которые редак-

ция думает культивировать. 2) Он был бы существенней и аристократичней, ибо он был бы вне ненужной полемики. 3) Он бы четко и пропорционально распадался бы на 3 отдела и обещал бы 3-тим отделом то, что сейчас весьма крайне нужно, т. е. серьезную критику, серьезную рецензию.

Вот, дорогой Борис Николаевич, мое искреннее мнение о 1-ом № «Тр. и д.». Пожалуйста, не сердитесь на меня за мой энергичный ответ на Ваш вопрос. Я, конечно, говорил об ошибках 1-го № так подробно только потому, что я очень предан «Трудам и дням». Предан всей душой. О Вашей статье я уже писал Вам. Прекрасна, глубока статья Вольфинга, очень хороша статья Вячеслава Иванова, хотя нового она ничего не дает. Это ее большой недостаток. Статья Топоркова очень неглупа и особенна. Философски она, думается, несколько легковесна, т. е. легковерна, ибо в «Тр. и д.» это не недостаток. Трудно быть вообще Платоником, живя в 20 столетии, да еще в Москве, на Садовой.

Ну, Борис Николаевич, пока до свидания. Скоро напишу Вам мой Гейдельбергский или Фрейбургский адрес. Буду очень рад провести день, два с Вами и с Анной Алексеевной[10] в Германии.

Пока же я (и) Наталья Николаевна[11] шлем Вам и Анне Алексеевне наш привет.

Преданный Вам *Федор Степун*

Мой адрес: Остоженка, Штатский пер., д. Кан, кв. Степуна

---

[1] Датируется по содержанию. См. примеч. 5.

[2] Открытка А. Белого неизвестна. Он в это время жил у д'Альгеймов в Буа-ле-Руа (под Парижем). (См.: Минувшее. Исторический альманах. М., 1992, № 6, с. 345.) Оттуда в начале июля переехал в Мюнхен (Андрей Белый. Проблемы творчества: статьи, воспоминания, публикации. М.: Сов. писатель, 1988, с. 786.).

[3] Речь идет о «Логосе», кн. 1—2 за 1912—1913 гг.; этот номер предполагалось издать около 20 апреля 1912 г. (См.: Логос, 1911—1912, кн. 2—3, с. 320).

[4] Средства нашел С.И. Гессен, который в письме к Б.А. Кистяковскому от 9/22 июля 1912 г. писал: «Я получил от Метнера 1000 руб. гонорарных денег. Таким образом, выход “Логоса” в 1912 году обеспечен» (ОПИ ГИМ, ф. 108, ед.хр. 1, л. 122). Он же писал 20 июля 1912 г. Э.К. Метнеру: «Тысячу рублей получил (спасибо!) и за покрытием долга мне положил их на текущий счет... Так как с моими предложениями Вы согласны (с ними согласны Степун и Яковенко, который еще сидит, но обо всем узнает от жены), то о “Логосе” писать нечего: все значит в порядке» (ОР РГБ, ф. 167, к. 14, ед.хр. 2, л. 25 — 25 об.).

[5] Имеется в виду обзор Б.В. Яковенко «Современная американская философия» (Логос, 1913, кН. 3 — 4), который должен быть появиться в «Логосе» годом раньше (см.: Логос, 1911 — 1912, кН. 2 — 3, с. 320), но по вине автора не был закончен в срок.

[6] Имеется в виду статья Степуна «Трагедия мистического сознания» (Логос, 1911—1912. Кн. 2—3).

[7] Рецензия Б.В. Яковенко опубликована в том же номере «Логоса», который расценил книгу В.Ф. Эрна как «образец подлинного непонимания культурных задач философской критики» (с. 296).

[8] Журнал издательства «Мусагет». Сначала был задуман как «двухмесячник»; в 1912 г. вышло 5 номеров (1 — 6; № 4 — 5 спаренный); в 1913 г. вышел один номер («тетрадь первая и вторая»), с 1914 г. издавался под названием «Труды и дни издательства “Мусагет”» (вышли «тетрадь седьмая» — в 1914 г., и восьмая в 1916 г. На этом выпуске издание прекратилось).

В первом номере «Трудов и дней» (с. 84) были помещены статьи: В. Иванов, Мысли о символизме; А. Белый. Символизм; В. Пяст. Нечто о каноне; Вольфинг (Э.К. Метнер). Лист; М. Кузмин. «Cor ardens» Вяч. Иванова; Э. Метнер. Мусагет; В. Иванов. Орфей; А. Белый. Орфей; Ф. Степун. Логос; Ophis (А.К. Топорков). Идея; Cunctator (А. Белый). О журавлях и синицах.

В журнале фактически не было разделов. Степун имеет в виду редакционную статью, которой открывался первый номер и в которой говорилось следующее:

«“Труды и дни” ставят себе двойную роль. Первое, специальное назначение журнала — способствовать раскрытию и утверждению принципов подлинного символизма в области художественного творчества. Другое и более общее его назначение — служить истолкователем идейной связи, объединяющей разносторонние усилия группы художников и мыслителей, сплотившихся под знаменем “Мусагета”. Соответственно этой двойной цели, журнал состоит из двух частей. В первом отделе найдут себе место теоретические и критические статьи, посвященные общим вопросам и отдельным явлениям художественного творчества. Во втором — будут разрабатываться проблемы современного философского и религиозно-нравственного сознания, наравне с темами эстетики, изучаемой в общефилософской связи» (Труды и дни. 1912. № 1. С. 1).

[9] В свой список предполагаемого первого номера Степун включил ряд статей, которые были опубликованы во втором номере: Ф.А. Степун. К феноменологии ландшафта; А. Белый. Нечто о мистике; Cunctator (А. Белый). О «двойной истине» («диалог»); Б. Яковенко. О сущности прагматизма.

[10] Анна Алексеевна Тургенева (1890 — 1966) — первая жена А. Белого.

[11] Речь идет о жене Степуна. 9 августа 1911 г. С.И. Гессен писал Б.А. Кистяковскому из Фрейбурга: «Из новости сообщу, что Степун женился: все это, как всегда у Федора Августовича, не просто, а трагично. Но дай Бог ему покоя: может быть, эту зиму удастся ему ожить и крепко поработать» (ОПИ ГИМ, ф. 102, ед.хр. 45. 1, л. 114).

3

Freiburg Br. Rundstr. 62 Bei Kiesel. лето 1912[1]

Дорогой Борис Николаевич!

Я надеюсь, что мое большое письмо Вы уже давно получили. Согласно Вашей просьбе сообщаю Вам мой Фрейбургский адрес. Жду с нетерпением Ваше обещанное мне письмо о моей статье в «Логосе». Буду очень рад, если вы заедете в Фрейбург, я остаюсь здесь во всяком случае до 1 августа, а может быть и до 15-го.

Когда Вы думаете выпустить 3-и 1 № «Трудов и дней»? Хотите ли Вы, чтобы я снова написал для них статью или маленький диалог?

Ну, пока кончаю. Мой привет Вам и Вашей супруге. Крепко жму Вашу руку. Надеюсь, что эту зиму мы будем чаще видаться.

Федор Степун

---

[1] Датируется по связи с предыдущим письмом.

Ф.А. Степун — Э.К. Метнеру*

1

Фрейбург, 13 июля 1910[1]

Дорогой Эмилий Карлович.

Крайне опечален тем, что Вы попадаете в Фрейбург так поздно. В канун августа Вы застанете здесь лишь Кронера и Риккерта. Было бы крайне желательно, если бы Вы урвали несколько дней на Фрейбург в последних числах этого месяца. Тут бы весь штаб был в сборе: Риккерт, Мелис, Кронер, Гессен, Яковенко и я. Все сообща хотели бы мы обсудить дальнейшее развитие «Логоса». Хотел также приехать и Зибек. Хотели мы обсудить вопрос дальнейших изданий, расширение немецкого «Логоса», приуроченье друг к другу появления немецких и русских выпусков (пока мы затянули немцев, так что наш и их второй № выйдут вместе в сентябре) и многое другое. Я надеюсь еще несколько, что Вы быть может приедете к нам к концу июля. Приезжать же позднее едва ли стоит.

Затем. Я лично собираюсь пробыть за границей до русского Рождества. Гессен выпустит второй № один. Я хочу пробыть до конца августа во Фрейбурге, затем пробыть месяц в Париже и на последние 3—4 месяца поселиться в Риме. Если Вы сможете прислать мне те 100 рублей, которые хотели прислать по водворении меня в Москву и на построение моей философской личности, то буду Вам очень благодарен. Было бы мне очень приятно получить деньги в конце здешнего июля или в начале августа.

Между прочим, не думает ли «Мусагет» о выпуске каких-нибудь сборников по?..

Я скоро закончу статью, которую в России, собственно говоря, негде печатать — о мистике у Reiner Maria Rilke в связи с Плотином и Экхартом[2]. Впрочем, весь исторический элемент будет у меня как всегда лишь кулисой и занавесом. Тема и дух статьи, думается, близки «Мусагету». Если же нет, то я напишу Семену Владимировичу[3]. В «Логос» статья бы вполне подошла, как правый фланг, но не хочется уже в 3-ьем № снова печатать себя[4]. В «Вопросах философии и психологии» она пропадет.

Жду ответа на все вопросы и шлю свой привет.

Ваш *Ф. Степун*

P. S. Статья Кона отдана мною в полное распоряжение Гессену и пойдет во 2-ом № В нем же кроме Croce, Ziegler'a и Зиммеля, ко-

---

* Письма Степуна к Э.К. Метнеру публикуются по рукописям, хранящимся в ОР РГБ. Ф. 167, к. 14, ед.хр. 45. 1-е письмо — лл. 1—2; 2-е — л. 3; 3-е — лл. 5—6; 4-е — лл. 7—10.

торых вы знаете по 1-му немецкому «Логосу», пойдут статья Трольча «DieEntwicklungsmöglichkeit der Christentums in der neuen Kultur», Базельского Iöel'я «Über einige Gefahren der neuen Denkens» и для итальянца очень хорошая статья Вариско[5]. Прислать Вам эти статьи для согласия в немецких гранках или Вы положитесь на имена и на нас?

Да! Я рассказывал «Эмблематику смысла» Риккерту и Мелису — оба «боятся» этой статьи для «Логоса». Символ же искусства, который я им перевел, и места из «Магии слов» — произвели большое впечатление[6]. С разрешения Б.Н. они хотели бы перепечатать «Символ искусства» и под заглавием «Fragmente» места из «Магии». Я думаю, однако, что было бы лучше, если бы Б.Н. переработал эти мотивы в отдельной статье. Что Вы думаете?

Б.Н. и Александру Мелетьевичу[7] я писал. Ни тот ни другой не ответили. Знаете ли вы что-нибудь о продаже «Логоса», рецензиях и т. п.

---

[1] Датируется на основании карандашной отметки Метнера на 1л. Рукописи: «13.VII.1910».

[2] Имеется в виду статья «Трагедия мистического сознания (опыт феноменологической характеристики)», опубликованная во 2—3 книгах «Логоса» за 1911—1912 гг. (4-я по счету выпуска журнала). Рекламное объявление о статье (под названием «Плотин, Эккарт и мистика Р.М. Рильке») было помещено во второй книге «Логоса» (1910, с. 299).

[3] Вероятно, *С.В. Лурье* (1867—1927) — в то время сотрудник журнала «Русская мысль». Слова Степуна о возможности написать Лурье в свете известных фактов звучат почти как угроза. По-видимому, организаторы и будущие редакторы «Логоса» в поисках издателя обращались в 1909 г. и к Лурье. «...мусагетирование “Логоса” медленно, но подвигается, — писал Э.К. Метнер А. Белому 26—29 июня 1911 г., — и уверяю Вас, что совсем иную картину являл бы собою этот ежегодник, если бы он попал в лапы Лурье (...) Главное не надо допускать юдаистической штаб-квартиры (...) Старший и хитрый Лурье постепенно юдаизировал бы “Логос” до последней буквы» (ОР РГБ, ф. 25, к. 20, ед.хр. 7, л. 11).

[4] В 1-й книге «Логоса» (1910) была опубликована статья Степуна «Трагедия творчества (Фридрих Шлегель)».

[5] Перечисляются статьи, опубликованные во 2-й кн. «Логоса» (1910). И. Кон. Страннические годы Вильгельма Мейстера; Б. Кроче. О так называемых суждениях ценности; И. Циглер. Об отношении изобразительных искусств к природе; Г. Зиммель. К вопросу о метафизике смерти; Э. Трольч. О возможности христианства в будущем; К. Иоэль. Опасности современного мышления. Статьи К. Иоэля и Г. Зиммеля были переведены на русский язык Степуном (см. — Отчет редакции «Логос» за 1910—1911 года // (ОР РГБ, ф. 167, к. 17, ед.хр. 26, л. 1).

Статья Б. Вариско «Субъект и действительность» была помещена во 2 — 3-й кн. «Логоса» за 1911 — 1912 гг.

[6] «Эмблематика смысла», «Символ искусства», «Магия слов» — статьи А. Белого, вошедшие в книгу «Символизм» (М.: Мусагет, 1910).

[7] *Александр Мелетьевич Кожебаткин* (1884—1942) — секретарь издательства «Мусагет».

2

Карлсбад, 3 августа 1910 г.

Дорогой Эмилий Карлович.

На Вашу открытку отвечал Вам в Париже. Боюсь, что Вы не получили ее, иначе, думается, я имел бы уже Ваш ответ. Деньги, за которые Вам большое спасибо, я просил Вас направить по моему теперешнему адресу (Карлсбад-Ассерн, Дюнная 19. Близ Риги). Если Вы это не смогли сделать, то это не важно. Я оставил свой адрес во Фрейбурге и мне их перешлют. Сюда я попал случайно на 3 недели. Отсюда, как и писал, двинусь в Италию. На Ваши 100 р. очень рассчитывал. Люцинду[1], как говорили, привезу к январю готовую в манускрипте.

Через 2—3 недели Гессен будет в Москве. Всю корректуру будет вести на месте. Думаю, что так окажется удобнее и для «Мусагета» и для нас. Где Белый?[2] Нужно знать его адрес, а он не отвечает. Хочу его Потебню[3]. Просил написать о том, что он думает дать для немецкого «Логоса». Пока ни слова в ответ.

Жду от Вас нескольких слов. Шлю свой привет.

Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Имеется в виду роман Фр. Шлегеля «Люцинда», который в то время переводил на русский язык Степун.

[2] До августа 1910 г. А. Белый был в Боголюбах Волынской губ. (см.: Андрей Белый. Проблемы творчества: статьи, воспоминания, публикации. М.: Советский писатель, 1988, с. 784).

[3] Имеется в виду статья А. Белого «Мысль и язык (философия языка А.А. Потебни)» (Логос, 1910, кн. 2).

3

Карлсбад, 21 августа 1910 г.

Дорогой Эмилий Карлович!

Получил Вашу открытку и несколько дней спустя и деньги из «Мусагета». За них спасибо. Когда Вы будете в Москве? Гессен приезжает в нее недели через 2, а то и раньше[1]. Вы ведь не читали еще нескольких статей, предназначенных для 2-го №; кажется все. Кроме статьи Франка[2], вполне приемлемо. Его же статья слаба. Однако отклонить ее нельзя, ибо Франк ближайший сотрудник. Ссориться с ним опасно. Ряды друзей и так, кажется, редеют. Читали ли вы рецензии Философова и Эрна?[3] Пока привет. Жму руку.

Ваш *Ф. Степун*

P. S. Как вы думаете, когда выяснится вопрос о сборнике «Мусагета»? Когда он может выйти? Мне это важно потому, что моя

статья лишь набросана по-немецки[4]. Смотря по тому, где она будет напечатана, я придам ей ту или иную форму, ту или иную величину. Она просится листа на 3 ½, на 4. Можно будет получить столько места в сборнике «Мусагета» или нет? Затем: важно для «Мусагета», чтобы она не была раньше напечатана по-немецки или это все равно? Если это не затруднит Вас, ответьте мне, пожалуйста, на эти вопросы. Я хотел бы теперь окончательно переработать ее. В Фрейбурге обещают издать отдельной книжкой у Дитерихса.

---

[1] С.И. Гессен был в это время в Берне. 6 сентября (нов. ст.) 1910 г. он писал Б.А. Кистяковскому: «Завтра мы уезжаем отсюда». Он предполагал побывать во Фрейбурге, Берлине и 12 сентября выехать в Москву (ОПИ ГИМ, ф. 108, ед.хр. 1, л. 90). Его первое письмо из Москвы к Метнеру датировано 6 сентября (ст.ст.) 1910 г. (ОР РГБ, ф. 167, к. 14, ед.хр. 2, л. 10).

[2] Речь идет о статье С.Л. Франка «Природа и культура» (Логос, 1910, кн. 2).

[3] Имеется в виду статья В.Ф. Эрна «Нечто о Логосе, русской философии и научности» (Московский еженедельник, 1910, №№ 29—32), вошедшая впоследствии в книгу «Борьба за Логос» (М.: Путь, 1911). См.: Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 7—108. О полемике вокруг этой статьи, в которой приняли участие Франк, Яковенко и А. Белый, см. там же: С. 542.

[4] По-видимому, речь идет о статье Степуна, посвященной Р.М. Рильке. См. примеч. 15.

4

Freiburg Br., 24 июля 1912 г.

Дорогой Эмилий Карлович.

К сожалению, и это мое письмо к Вам начинаю с извинения и даже двойного. Во-первых, простите, что я до сих пор не поблагодарил Вас за присылку Вашей книги и надпись на ней[1]. Во-вторых, простите, что я без Вашего редакторского разрешения перевел свою статью, напечатанную в «Тр. и д.» («Философия ландшафта»), на немецкий язык и напечатал ее в виде фельетона в «Frankfurter Zeitung». Случилась эта досадная некорректность самым обыкновенным образом. В надежде, что вы ничего не будете иметь против появления «Ландшафта» на немецком языке в «Frankfurter Zeitung», я отослал его в редакцию. Я затянул письмо к Вам, «Frankfurter Zeitung» напечатала меня неожиданно быстро. Спустя 3 дня, после того, как отправил свою статью. Так получилось то, что я напечатал перевод моей помещенной в Вашем журнале статьи без Вашего разрешения. Я надеюсь, что по существу ничего не изменилось. Вы бы ведь вряд ли стали протестовать против перевода. Но все-таки это мне очень неприятно. Еще раз очень извиняюсь перед Вами.

С большим, с очень большим удовольствием прочел Вашу книгу. Многое профессионально-музыкальное — не понял, но это

в сущности не помешало. Книга очень странная: артистическая и педантичная; личная, но объективная; страстная и все-таки сдержанная; блестящая, полемическая по форме, но при том глубоко положительная по существу. Какой-то глухой, артиллерийский, навесной огонь из маленьких ружей неуловимого, рассыпного, казацкого фронта. Формально очень странно соотношение безусловной стилистической массивности и странной архитектонической разбросанности — и произвольности. (Конечно, эта произвольность покоится на своеобразной необходимости, но я говорю сейчас с чисто формальной точки зрения.)

Что касается существа книги, то я не могу об этом написать что-либо существенного. Наиболее интересны для меня два вопроса. Об обоих с большим бы интересом поговорил с Вами. Во-первых: проблема художественной эволюции? Конечно, говорить об прогрессе в искусстве — совершенная, абсолютная бессмыслица. Но все же нельзя отрицать, во-первых, развития средств художественного творчества, а во-вторых (в несколько ином смысле, конечно), и развития подлежащей художественному оформлению данности переживания. Отсюда интересный вопрос. Каким же образом два по своей природе динамических элемента образуют нечто третье (это произведение искусства, которое принципиально стоит выше всякой динамики и всякого развития).

Во-вторых. Проблема отношения расы и нации. Я думаю, что в этом вопросе против Вас можно спорить. Думаю, что вы страшно переоцениваете элемент расы в его значении для нации. Я уже по тому одному против такой большой оценки расы, что это понятие совершенно определенно должно быть отнесено к понятиям естественно-научного порядка. Нация же принадлежит к понятиям историко-культурного ряда. Введение же натуралистических понятий в историко-культурный цикл проблем крайне опасно. Особенно там, где они вводятся с таким сильным акцентом, как у Вас. (Это пока.)

Что касается конкретного вопроса взаимоотношения русского и немецкого национального начала, то я думаю, что для его решения необходимо выдвинуть еще один вопрос: как относится национальная вершина каждого из двух сравниваемых народов к поперечному разрезу национального духа? Я думаю, что это отношение будет для Германии иное, чем для России. Я не могу сейчас сказать Вам все, что я думаю по этому поводу. Мне важно лишь указать на то, что постановка этого вопроса могла бы легко распутать целый ряд недоразумений между Вами и Вашими оппонентами.

Ну пока кончаю эти заметки. Быть может, они Вам кое-что все же скажут.

Что делается в «Мусагете»? Как идут «Тр. и д.»? Где Борис Николаевич, который не ответил мне ни слова ни на одно из моих писем.

Пока привет Вам. Крепко жму Вашу руку.

Ваш *Федор Степу*н

RUNDSTR. 62

[1] «Книга эта вызвала в свое время много разговоров, — вспоминает М.С. Шагинян. — Блестяще написанная, верная в своей направленности против модернизма, она была в то же время полна глубоко вредных реакционных элементов <...> Тут передо мной была расистская книга с заложенными в ней теми самыми зернами, какие пышно расцвели впоследствии у теоретиков фашизма, — книга, третировавшая русскую музыку сверху вниз, возносившая в немецкой классической музыке не глубину ее общечеловечности, а какие-то качества “арийства”, унижавшие культуры и народы Азии. Я не могла не почувствовать, насколько мне ближе Рахманинов в его отношении к этой книге, чем окружавшие тогда Метнера философ И.А. Ильин и его жена, Рачинские, М.В. Сабашникова и некоторые сотрудники “Мусагета”» (Воспоминания о Рахманинове. М.: Музыка, 1988, т. 2, с. 110—111).

И.А. Ильин писал Э.К. Метнеру 6 мая 1913 г.: Сегодня встретился случайно с Шором (Давид Соломонович Шор (1867—1942) — пианист, композитор и дирижер. — *В.С.*) и сразился с ним, отстаивая антисемитизм и философическую объективность его у Вольфинга (псевдоним Э.К. Метнера, под которым вышла его книга «Модернизм и музыка». — *В.С.*). Иудейско-модернистское гнездо не на шутку растревожено Вами и <...> бессильно топорщится. И смех и грех с ними. Шор под конец сам заявил, что такой “замечательной” книги нет и не было в русской литературе» (ОР РГБ, ф. 167, к. 16, ед.хр. 14, л. 10).

Ф.А. Степун — В.И. Иванову[*]

1[1]

Москва, 3 февраля 1911 г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович.

Сейчас получил и прочел статью Лосского о Толстом[2]. Опечален очень. Статья слабая, бледная, скучная, маленькая. Отсюда: Ваша статья совершенно необходима[3]. За исключением ее — все готово к печати. Очень прошу прислать ее к пятому тому. Жду.

С большим удовольствием вспоминаю Петербург[4]. Радуюсь видеть Вас в Москве.

Жму Вашу руку. Шлю привет.

Ваш *Ф. Степун*

P. S. О Ваших стихах в «Мусагете» сказал.

[1] Письмо написано на бланке издательства «Мусагет». Конверт — издательства «Мусагет». Адрес: Е.В. Г-ну Вячеславу Ивановичу Иванову. Петербург, Тавриче-

[*] Письма Степуна к В.И. Иванову публикуются по рукописям, хранящимся в ОР РГБ, ф. 109, к. 34, ед.хр. 70. 1-е письмо — л. 1; 2-е — лл. 2 — 3; 3-е — лл. 3 — 4.

ская 25, кВ. 24. От Ф.А. Степуна. Почтовый штемпель: Москва XIX гор. Почт. Тел. Отдел. 3.2.11.

[2] Имеется в виду статья Н.О. Лосского «Нравственная личность Толстого» (Логос, 1911, кн. 1).

[3] В той же книге «Логоса» помещена статья В.И. Иванова «Л. Толстой и культура».

[4] «В зиму 1910—1911 года, — вспоминал позднее Степун, — был приглашен скорее всего по предложению Вячеслава Иванова, в Петербург для прочтения в Религиозно-философском обществе публичной лекции. Ни темы своей лекции, ни прений по ней, ни облика собравшейся публики я, странным образом, не помню. Читал я, скорее всего, о “Трагедии творчества”. По окончании моего заключительного слова ко мне медленно подошел одетый в черный сюртук статный юноша с продолговатым, усталым бледным лицом. С тех пор прошло много страшных лет, а я все еще жалею о том, что в заговорившем со мною о моем докладе юноше не узнал Блока» (*Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. L., 1990, т. 1, с. 286).

2[1]

Закавказская ветвь, ст. Цеми

Дорогой Вячеслав Иванович.

Шлю Вам корректуру моего перевода Вашей статьи с моими поправками[2]. Две сомнительные для меня цитаты отмечены карандашом. Быть может, установите точный текст.

Сделанную Вами корректуру вышлите по адресу: Freiburg, Rz. Schwinnubadstr. 19. Herrn Dr. Kroner. При вторичной редакторской корректуре Ваши поправки будут тоже приняты во внимание.

Надеюсь, что перевод удовлетворит Вас.

В лагерь, где я это лето отбывал 2-ой сбор[3], Нина Васильевна Мериакри переслала мне Ваши 25 рублей. Большое спасибо за память и заботу.

Пока всего хорошего. Жму Вашу руку.

Федор Степун

---

[1] Адрес на конверте: Заказное: Е.В. Вячеславу Ивановичу Иванову. С. Петербург, Таврическая 25. (Переадресовка) Силламяги, дача Михеля Орга (?). Почтовые шетмпели: Цеми. Закавк. Жел. Дор. С.Петербург, город. Почта. 1. 8. 11. Силламяги Эстл. 2.8.11. О пребывании В.И. Иванова летом 1911 г. на даче в Силламягах см.: Иванова Л.В. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992, с. 45.

[2] Имеется в виду перевод статьи В.И. Иванова о Л.Н. Толстом (см. примеч. 31). В «Отчете редакции “Логос” за 1910—1911 годы» под номером 3 зафиксирован гонорар: Ф. Степун (перевод статьи Иванова на немецк. Язык) — 9.75 рублей (ОР РГБ, ф. 167, к. 17, ед.хр. 26, л. 1).

[3] Летом 1911 г. Степун отбывал летние сборы как вольноопределяющийся мортирного дивизиона. Это были его третьи (а не вторые) лагерные сборы. Подробнее см.: Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Т. 1, с. 65—92.

3

1913[1]

Дорогой Вячеслав Иванович.

Посылаю Вам эстрадное место оппонента. Кроме того две моих визитных карточки, которые в кассах обменяют на билеты. Это на случай, если бы мою лекцию захотели бы посетить Вера Константиновна[2] и Марья Михайловна[3].

Шлю Вам мой привет

Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Записка написана на визитной карточке Степуна: «Федор Августович Степун. Москва, Новослободская, 13, кв. 5, тел. 4-38-28».

Она не датирована, но. Вероятно, написана не ранее осени 1913 г. (переезд семьи Ивановых в Москву) и не позже лета 1914 г. (переезд на дачу в Петровское на Оке). См.: Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992, с. 52—56.

[2] Вера Константиновна Шварсалон (1890—1920) — дочь Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака, с лета 1913 г. — жена В.И. Иванова.

[3] Мария Михайловна Замятина (1865—1919) — домоправительница Ивановых, которой посвящено несколько стихотворений В.И. Иванова.

Ф.А. Степун — С.П. Каблукову[1]

Многоуважаемый г-н Каблуков (Простите — имени и отчества не знаю)[2].

Очень извиняюсь, что отвечаю столь поздно, но письмо пролежало 5 дней в «Мусагете». Дело в том, что читать 16-ого и 20-ого я не могу, ибо 18-ого читаю в Москве. Приезжать же 2 раза в Петербург для меня было бы затруднительно. Кроме того у меня вполне готов только один доклад. Жду Вашего назначения моего доклада на 16-ое или 20-ое. 2-рое мне было бы приятнее. Заглавие и тезисы прилагаю. Мой адрес в С.П.Б. сообщу позднее.

Уважающий Вас *Ф. Степун*

Сверху рукой С. Каблукова записка В.И. Иванову: «Дорогой Вяч. Ив. Посылаю Вам это письмо Степуна, только сегодня в 12 ч. дня полученное. Я ответил ему, что он должен читать 20-го в хр<истианской> секции и 21-го или 23-го в Об-ве. С. Каблуков».

---

[1] Письмо не датировано: вероятно, написано зимой 1910—1911 г. (см. примеч. 32). Публикуется по рукописи, хранящейся в ОР РГБ, ф. 109, к. 34, ед.хр. 80, л. 1.

[2] Сергей Платонович Каблуков (1881—1919) — секретарь Религиозно-философского общества в Петербурге, музыкальный критик, по образованию математик.

В.В. Розанов в «Уединенном» писал о нем: «Хуже моей фамилии только “Каблуков”: это уже совсем позорно» (*Розанов В.В.* О себе и о жизни своей. М., 1990, с. 54). С иронией отзывался о нем и Андрей Белый (*Белый А.* Начало века. М., 1990, с. 354).

Публикация и примечания *В.В. Сапова*

Опубликовано: Вестник РАН 1993 Т. 63. № 3.

Ф.А. Степун
Три письма о пражском «Логосе»

Покинув Россию в 1913 году, Б.В. Яковенко до 1925 г. жил в Италии, а потом — и до конца дней своих — в Чехословакии. Его богатый архив бережно хранит А.М. Шитов, который уже выступал на страницах нашего журнала.

Сегодня, когда мы отмечаем столетие выхода первого номера «Логоса» — международного журнала по философии культуры, А.М. Шитов любезно предоставил «Вестнику» ксерокопии трёх писем Фёдора Августовича Степуна, написанных в разное время Борису Валентиновичу Яковенко, предложив их опубликовать, что наша редакция делает с большим удовольствием. Письма публикуются в порядке времени их написания, именуясь соответственно как «Письмо первое», «Письмо второе» и «Письмо третье». Почти двадцать лет, разделяющие первое и последнее письмо, в них сохраняется одна главная тема, которую мы пытались выразить в названии нашей публикации — о «Логосе», о пражском «Логосе».

Сохранена орфография и синтаксис писем. Неразборчиво читаемые слова отмечены прямыми скобками.

«Письмо первое» не имеет даты. Скорее всего, оно написано в конце 1924 г., когда, по-видимому, началась усиленная работа над выпуском первого номера «эмигрантского» «Логоса», который, как известно, оказался единственным. Однако из письма мы узнаем то, чего не знали — наряду с первым номером «Логоса» в Праге готовился второй! Ф.А. Степун для второго номера безусловно обещает статью о Бердяеве и не так безусловно — «О структуре философской объективности».

«Письмо второе» датировано 26 сентября 1925 г. Первый номер пражского «Логоса» вышел, прочитан и даже отрецензирован в «Воле России». Ф.А. Степун вполне нелицеприятно делится своими впечатлениями от журнала. Он, хотя и заинтересованно оценивает выпуск, но, кажется, будто со стороны. Его же недовольство «редакторской режиссурой», наверное, говорит о том, что прямого участия в выпуске первого номера он не принимал.

Скорее всего, заглавная роль не принадлежала на этот раз и С.И. Гессену — если уж он транслирует для Яковенко критические замечания своего товарища.

Степуновская оценка усилий Б.В. Яковенко по созданию научной метафизики не может не привлечь нашего внимания. Степун не скрывает своей досады и разочарования. Это недовольство отразилось и в воспоминаниях Степуна, а читатель заметит, что его претензии к другу очень похожи на те, что в своё время предъявил к Яковенко В.В. Зеньковский.

Настроением adagio deloroso последнее «Письмо третье» возвращает нас ко времени рождения «Логоса», в первое десятилетие двадцатого века... Молодые философы, воодушевленные великой культурой, задумываются над её спасением, обращаясь к ценностям древним и вечным... Но ныне, в 1944 году — какие руины вокруг!

Определённо, история «Логоса» в идее завершалась только теперь!

P. S. Когда готовилась публикация, вышел из печати первый номер журнала «Вопросы философии» с «Письмами Ф.А. Степуна к Д.И. Чижевскому». В одном из них, от 22 апреля 1950 г. Степун сообщает своему корреспонденту: «О смерти Яковенко я знаю, мне писала его дочь; просила написать рецензию в Германии, но сделать я этого не мог, отчасти потому, что у меня не было под рукой его книг, а отчасти по глубокой чуждости его метода философствования всему моему существу. (Курсив мой. — *А.Е.*). Известие о его смерти вызвало во мне большую грусть и боль».

Письмо первое

Дорогой Борис Валентинович!

Открытку Вашу получил и очень жду обещанного подробного письма. Кроме принципиальной стороны вопроса (принципиальная в данном случае значит политическая) меня очень интересует философская и стилистическая. Мне уже кое-кто из простых смертных жаловался на трудность и малопонятность четвёртого очерка «Мыслей»[1]; на это же самое указываете и Вы, предпочитая тот стиль, в котором я начал «Мысли» тому, что я пытаюсь

дать в четвёртом и пятом (который я Вам на днях вышлю) очерках. Так как я очень занят вопросом писательской формы, считая, что только очень точная форма может действительно раскрывать существенные истины, то мне очень важно, чтобы Вы мне, если хватит на это времени, указали бы на те выражения, которые Вы считаете «экстравагантными» и «затемняющими смысл».

Первый очерк я написал, как пишу письма, сразу и без больших размышлений и взвешиваний. Над четвёртым работал месяца три и, думаю, что в анализе оборотничества и его отличия от ренегатства очень точно сказал об очень существенных явлениях русской души и русской революции.

О всех Ваших сомнениях по поводу Вашего участия в «Совр. зап.» я уже давно написал в Париж, откуда недавно получил ответ. Бунаков[2] пишет, что мои сообщения несколько напугали редакцию и что гарантировать Вам напечатание всего, что бы Вы ни прислали, редакция не может; несмотря на это, Вас всё же очень просят прислать статью, так как в Вашем сотрудничестве редакция очень заинтересована.

В пятом очерке я очень нападал на демократию Временного правительства, но все мои нападки прошли гладко. Единственное, что очень покоробило Вишняка и Гуковского[3], это — высказыванная мною мысль, что избежать большевизма в 1917 году можно было бы только на путях немедленного отказа от продолжения войны. Как-никак, Борис Валентинович, а всё же «Совр. зап.» являются самым широким и что главное — самым встревоженным журналом в эмиграции. «Воля России», в которой Вы собираетесь писать, по-моему, совершенно неприемлема: в ней царствует такой затхлый, старорежимный социализм и такая тупая демократическая амбициозность, что совершенно невозможно дышать[4]. Очень страдаю и очень винюсь, что запоздал с Бердяевым, но решился на это сознательно, так как «Логос»[5] был между жизнью и смертью, а «Совр. зап.» очень просили дать «Мысли» и рецензии. Во втором номере «Логоса» Бердяев пойдёт безусловно; статью же о «Структуре философской объективности»[6] придётся, вероятно, отложить на третий. Сейчас читаю для неё Ясперса, Дильтейя, Вебера и др. Хочется также перед её опубликованием прочесть второй том Кроненровского Гегеля[7]. Как видите, дела очень много, а у меня ещё не кончен «Переслегин» и взят подряд на восемь лекций.

Наталья Николаевна и я шлём Вере Яковлевне и Вам самый сердечный привет[8]. Крепко и дружественно жму Вашу руку. Ваш Ф. Степун[9].

Как Ваши дела? Как Прага? Переезжаете ли Вы или остаётесь на зиму в Риме? Есть ли какой-нибудь шанс, что мы с вами увидимся? Очень бы хотелось. Что касается нас, то мы, по всей ве-

роятности, проживём во Фрейбурге ещё только три месяца. На январь и февраль уедем, вероятно, в Париж, а к марту приедем в Дрезден, где думаем пока что устроиться попрочнее.

---

[1] Речь идёт о цикле историософских очерков Ф.А. Степуна «Мысли о России», который он опубликовал в 1923—1927 гг. в парижском журнале «Современные записки», о котором пойдёт речь ниже. Это был лучший общественно-литературный журнал русского зарубежья, вышедший 70-ю номерами за 1921—1940 гг. По словам П.Б. Струве, журнал «впервые с успехом перестал быть партийным» и стал просто «органом русской культуры».

Цикл Степуна состоял из десяти очерков. Упоминаемый четвёртый очерк имеет подзаголовок: «Национально-религиозные основы большевизма: пейзаж, крестьянство, философия, интеллигенция». Очерк напечатан в 19 книге за 1924 г. Пятый очерк, который «на днях» обещает выслать Ф.А. Степун, печатается в 21 книге за тот же, 1924 г. Его подзаголовок: «Национально-религиозные основы большевизма: большевизм и Россия, большевизм и социализм: социалистическая идея и социалистическая идеология; Маркс, Бланки, Бакунин, Ткачев, Нечаев, Ленин».

Упоминание о «свежих» 4-м и 5-м очерках позволяет предположить, что письмо Ф.А. Степуна написано в конце 1924 г.

[2] Бунаков — псевдоним Фондаминского (Фундаминского) Ильи Исидоровича (1880—1942) — революционера-эсера, члена Учредительного собрания. В апреле 1919 г. эмигрировал. Один из основателей и редакторов журнала «Современные записки».

[3] *Марк (Мордух) Веньяминович Вишняк* (1883—1976) — революционер-эсер. Покинул Россию в 1919 г. Один из основателей и редакторов «Современных записок».

Александр Исаевич Гуковский (1865—1925) — революционер-эсер, один из основателей и редакторов «Современных записок».

[4] «Воля России» — сначала так называлась эсеровская газета, которая «переросла» в журнал в конце 1922 г. До 1927 г. журнал издавался в Праге, а потом до 1932 г. в Париже.

[5] В России издание международного ежегодника по философии культуры журнала «Логос» прекратилось в 1914 г. С 1923 г. С.И. Гессен, Ф.А. Степун и Б.В. Яковенко решили возобновить его. В Праге в 1925 г. вышел его первый, оказавшийся единственным номер. История возобновления этого издания, равно как степень участия каждого из его редакторов совсем неизвестны.

[6] Статьи «Структура философской объективности» в библиографии Степуна нет; имеется с похожим названием — «Структура социологической объективности».

[7] Речь идёт о книге Р. Кронера «Von Kant bis Hegel» — «От Канта к Гегелю», вышедшей в двух томах в 1921—1924 гг.

[8] *Наталья Николаевна* — жена Ф.А. Степуна, урождённая *Никольская*; *Вера Яковлевна* — жена Б.В. Яковенко, урождённая *Лифшиц*.

[9] Выделенные курсивом слова написаны Ф.А. Степуном от руки.

Письмо второе

Dresden, 26-го сентября 1925 г.

Дорогой Борис Валентинович, во Фрейбурге меня избаловала дружественная машинка, отвык писать своею рукой (относится, конечно, только к письмам), простите потому, что диктую письмо Наталии Николаевне, во всяком случае её почерк разборчивее.

Большое спасибо Вам за Ваше последнее послание, за привет матери на первом месте, (она шлёт Вам такой же) и за то, что Вы решили не обидеться на моё импрессионистическое выражение о Вашей статье, которое передал Вам Сергей Осипович[1]. Я человек откровенный, считаю Вас человеком мне близким и крепко верующим в себя; отсюда следует, что я и сам, конечно, написал бы Вам о том впечатлении, которое произвёл на меня «Логос» и в частности Ваша статья[2]. Всё же считаю, что Сергей Осипович был не совсем прав, передавая Вам написанное мною: моё письмо всё в целом носило характер задорный и юмористический. Выхваченная из него фраза должна была произвести на Вас впечатление более неприятное, чем произвела бы если бы вы сами прочли письмо или услышали её от меня.

Писать Вам сейчас подробно и доказательно (поскольку это возможно) о Вашей статье не могу: уж очень занят. Читал недавно в Данциге, выезжаю на днях в Падерборн, готовлю новую лекцию к 8-му октября для Аугсбурга, обременён перспективою восьми лекций в ноябре здесь в Дрездене (всё на немецком яз.), принятым на себя обязательством писать по 1000 ст. (ежемесячно) в «Дни»[3], сдать к 25-му окт. очередные «Мысли» в «Сов. зап.»[4] и проводить ежедневно часа три с матерью. В последнем № «Сов. Зап.» я, слава Богу, кончил «Переслегина»[5] и хочу сейчас сменить временно работу на заработок, чтобы сбросить с шеи «подъёмные» московские долги[6]. Бог даст, мы с вами увидимся и тогда ближе поговорим о «Мощи философии». Говоря же импрессионистично, должен сказать, что не понравилась мне Ваша статья своею суммарностью, приблизительностью и чрезмерною общностью. В ней окончательно отсутствует меткость выражений, точность формул и определённость жеста. Ещё в Вашей большой программной статье «...и дуализме вообще»[7]. Вы как бы закупили громадный пустырь под философскую крепость и обещали на нём построиться, огородив его до поры до времени проволочным заграждением Вашего критического анализа. В последней статье Вы опять-таки не приступили к построению; вся она снова восхваление и рекламирование закупленного пустыря: столб и на столбе флаг с надписью: всё можем, — чего хочешь, того просишь. Мне представляется, что такого типа статьи не своевременны и в личном порядке (от Вас ждут детальной работы, а не возвещающей жестикуляции), и в историческом (философия жаждет сейчас конкретности, а не программности).

С точки зрения наших специальных логосовских задач мне также представляется неверною взятая Вами тональность. В старом «Логосе» мы ведь с Вами упорно боролись против стиля и духа нашей «доморощенной», сверхнаучной религиозной философии. Мы

преследовали в наших рецензиях Бердяева, Эрна и др. за плакатность их философского стиля, за их: «и рукою дерзновенной хвать за вражеский венец». Не кажется ли Вам, что в Вашу последнюю статью проникла стилистика наших «исторических» супротивников. До некоторой степени можно быть может даже наблюсти перемену ролей; в Карсавинской философии истории, например, и в его «Началах» гораздо больше философского ремесла, чем в Вашей «Мощи философии». Я не сомневаюсь конечно, что Вы можете дать и следующий раз же и дадите, как Вы о том пишете, совершенно другую статью, но ведь моя критика ни минуты и не относилась к сущности Вашей философии, а только к стилю Вашей статьи. Мне кажется, что 1 № не удачен с точки зрения редакторской режиссуры[8]. Бердяеву будет нетрудно, если бы он того захотел, написать о нас в своём «Пути» довольно «крепкую» рецензию. Статья Лосского не скверна, но очень коротка и для нас не характерна. Он отпилил завиток от своего интуитивизма и подал нам на построение храма научной философии. Статья Гессена в сущности не статья, а распространённая рецензия. Масарик и позитивизм — тема более социологическая (эмиграция и Чехословацкая республика), чем внутренне русско-философская. Этот же «социологизм» подчёркивается и посвящение[м] Вашей статьи тому же Массарику. Статья Риккерта безусловно лучшая из его статей последнего времени. Но, во-первых, его «последнее время» не лучшая эпоха его философствования, а во-вторых, она появилась на немецком чуть ли не на два года раньше, чем у нас. Очень удачным таким образом мне представляется в 1 № Ваш обзор, да, пожалуй, ещё рецензия Чижевского. Статья Сеземана очень хороша, насколько я могу судить не будучи специалистом по греческой философии, но её определительное для физиономии «Логоса» значение не слишком велико.

Пока ничего больше прибавить не могу. Когда выберется свободный час, напишу Вам подробную рецензию на Вашу статью и план следующей книжки. Справлюсь ли со своею статьёй к следующему № — не знаю, зависит от того, когда Вы собираетесь его выпустить. Очень бы нужно было поговорить с Вами. Высылаю Вам свои «Мысли» V и VI и полемическую статью против Бердяева. Нижайшая просьба вернуть прочитанные «Мысли», у меня совсем не осталось оттисков. Как только соберу «Переслегина» (переплету оттиски) пришлю на Ваш суд. Очень интересно, что Вы о нём скажете и что скажет Вера Яковлевна. Но чтение требует тишины и удобного кресла.

Наталья Николаевна и я шлём Вам обоим наш самый душевный привет.

Ф. Степун

Надеюсь, что наше разногласие в отношении «Логоса» не падёт хотя бы и лёгкой тенью на дружественность наших отношений.

---

[1] Сергей Осипович — это, конечно же, Сергей Иосифович Гессен (1887—1950) — друг Ф.А. Степуна и Б.В. Яковенко со студенческих лет, один из участников гейдельбергско-фрейбургского содружества русских и немецких студентов. В этом содружестве родилась идея международного журнала по философии культуры, который стал известен под именем «Логос». Появлению этого журнала предшествовала брошюра «О мессии» (1909), в которой была обозначена главная позиция будущего издания — спасение культуры через обращение к вечным ценностям разума и гуманности. С.И. Гессен стал ведущей фигурой этих инициатив.

[2] В первой книге пражского «Логоса» была опубликована статья Б.В. Яковенко «Мощь философии» Автор посвятил её Т.Г. Масарику — президенту Чехословацкой республики и философу. Масарик способствовал переезду Б.В. Яковенко из Италии в Чехословакию.

[3] «Дни» — русская ежедневная газета, выходившая в Берлине в 1922—1925 гг., а с 1925 по 1928 год — в Париже. С 1924 г. имела подзаголовок «Русская республиканская ежедневная газета». С 1927 г. газетой руководил А.Ф. Керенский.

[4] «Николай Переслегин. Философский роман в письмах» Ф.А.Степуна печатался в восьми номерах журнала «Современные записки» в 1923—1925 годах.

[5] В последней, десятой главе своих воспоминаний «Бывшее и несбывшееся» Ф.А. Степун рассказывает о «московских долгах».

[6] Ф.А. Степун напомнил Яковенко о его статье «Об имманентном трансцендентизме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще. Второе, более специальное введение в трансцендентализм», напечатанном в «Логосе» (1912—1913. Кн. 1 и 2.).

[7] Пояснив свое отношение к «редакторской режиссуре» первого номера журнала, Ф.А. Степун называет и оценивает помещенные здесь статьи: Н.О. Лосского «Умозрение как метод философии», С.О. Гессена «Новый опыт системы логики на русском языке», действительно, бывшей пространной рецензией на берлинское издание «Логики» Н.О. Лосского, В. Шкраха «Масарик и позитивизм», Г. Риккерта «Метод философии и непосредственно данное» и, наконец, В.Э.634 Сеземана «Платонизм, Плотин и современность». Удачными он считает обзор развития русской философии «Десять лет русской философии (1914—1924)» и рецензию Д.И. Чижевского на первый том книги Р. Кронера «От Канта к Гегелю».

[8] Шестой очерк цикла «Мысли о России» был опубликован в 23 книге журнала за 1925 г. По-видимому, «полемическая статья против Бердяева» — это то, что Степун обещал редакции «Логоса» в первом письме.

Письмо третье

29.VI.44

Дорогой Борис Валентинович,

Спасибо за то, что Вы не забываете меня и время от времени присылаете свои статьи. — Удивляюсь, каким чудом Вам ещё удаётся их выпускать. — Впрочем, дело, конечно, не только в чуде, но и в Вашей энергии. Я с большим интересом прочёл Вашу направленную против Глокнера статью[1] и вполне согласен с Вами. — Существен-

ным это согласие для Вас быть не может, так как я уже давно профессионально не занимаюсь философией, к которой надеюсь вернуться по окончании своей философской автобиографии[2]. — Пишу сейчас предпоследнюю девятую главу[3]. — Начал я работу в 1937 г.

Перечитывая как-то недавно главу, озаглавленную «Первая встреча с Европой»[4], я раздумался о всех тех чаяниях и планах, с которых начиналась наша с Вами жизнь. — Как много расхаживали мы с Вами по ночам — сначала по Гейдельбергским, а потом и по Фрейбургским улицам, как много говорили чуть-ли не до утра. Как странно кончается жизнь всех нас. — Лишь случайно узнал я от некоего Кейхеля[5], который бывал у меня ещё на [ ], что недавно умер в Италии Mehlis[6]. — Жив ли ещё Кронер[7] в Америке, никто не знает. — Если и жив, то, конечно, лишь телом, но не духовно. — Темна и судьба С. О.[8] — Мы с Вами живём жизнью, которая нам ни в Гейдельберге, ни в Лианозове, ни в Москве и не снилась. Более или менее нормально прожил только Бубнов[9].

Последние годы я упорно боролся против растлевающих душу воспоминаний, строго отличая их и теоретически и опытно от той вечной памяти, которую Церковь обещает усопшим. — «Ты, память, муз вскормившая, свята. Тебя зову, но не воспоминанья»[10]. — Это мудрая строчка Вячеслава Иванова, когда-то пронзила моё сердце и моё сознание. — На эту Ивановскую тему я и до прочтения его «Деревни» писал в «Переслегине»[11]. — Наблюдение над эмиграцией, которая остротою своих личных воспоминаний предавала память о Вечной России, ещё обострила во мне ощущение разницы между памятью и воспоминаниями. — Но вот в последнее время, быть может, в связи со всё быстрее катящейся под гору жизнью, а быть может, и со смертью матери, во мне с невероятной силою поднялись воспоминания о прошлом. — Так родилась живая тоска по [ ]. И острое чувство неестественности того факта, что мы живём рядом друг с другом и ничего друг о друге не знаем. — Может быть напишется, как жив [ ], что делает Любовь Яков-на и дети[12]; над чем [ ] и сохраняете ли ещё прежнюю бодрость духа. Буду рад получить от Вас хотя бы короткое письмо. — [ ] напишу обстоятельнее о своей жизни. Наташа[13] шлёт всем Вам самый сердечный привет. — Дружеств. преданный Вам Ф. Степун.

[1] Вероятнее всего, речь идёт о какой-то из трёх брошюр «Über die Hegelische Philosophie», которые последовательно вышли в 1942 и 1943 гг. в серии «Internationale Bibliothek für Philosophie. Periodische Sammelschrift», издаваемой Б.В. Яковенко в Праге. Г. Глокнер (1896—1971) — немецкий философ-неогегельянец.

[2] Речь идёт о воспоминаниях Ф.А. Степуна. Первое их издание под названием «Vergangenes und Unvergängliches» — «Минувшее и непреходящее» — появилось в Мюнхене в трёх книгах (1947—1950). На русском языке они вышли в издательстве им. Чехова в Нью-Йорке в двух томах в 1956 г. Их название — «Бывшее и несбывшееся».

[3] В первом томе «Бывшего и несбывшегося» восемь глав. Второй том сложился из двух глав «Февраль» и «Октябрь». По-видимому, Ф.А. Степун работал над главой «Февраль».
[4] Речь идёт о четвёртой главе первого тома. В одном из примечаний к ней Ф.А. Степун называет время работы над ней — 1938—1939 гг.
[5] Публикатору имя Кейхеля неизвестно.
[6] Mehlis — Мелис Георг (1878—1942) — участник гейдельбергско-фрейбургского содружества студентов (см. примеч. 1 ко второму письму), друг Ф.А. Степуна, первый редактор немецкого издания журнала «Логос». В 1922 г. прервал академическую карьеру, уехал в Италию и написал ряд книжек, позитивно оценивающих итальянский фашизм. В «Бывшем и несбывшемся» Ф.А. Степун не раз вспоминает о доброте и отзывчивости Г. Мелиса к чужому горю.
[7] Кронер (Kroner) Рихард (1884—1974) — как и Г. Мелис, был товарищем Ф.А. Степуна и Б.В. Яковенко по инициативе создания журнала «Логос», единоличным редактором был с 1912 по 1933 г. В 1938 г. покинул Германию и до 1940 г. жил в Англии. В 1940 г. переехал в США.
[8] С.О. — это С.И. Гессен. См. прим. 1 ко второму письму.
[9] Бубнов Николай Николаевич (1880—1962) — член содружества, славист, философ. В 1921 г. принял немецкое подданство и всю жизнь проработал в Гейдельбергском университете.
[10] Ф.А. Степун по памяти цитирует первую строфу большого стихотворения Вяч. И. Иванова «Деревья». Вступление к поэме». Оно было опубликовано в журнале «Записки мечтателей» № 2—3 за 1921 г. с. 136—138.

Ты, Память, Муз родившая, свята, —
Бессмертия залог, венец сознанья,
Нетленного в истлевшем красота
Тебя зову, — но не Воспоминанья!
В них с погребов души печать снята,
Где райский хмель стал уксусом изгнанья;
В них страсти боль, все ноющей в корнях;
В них шлак руды, перегоревшей в днях...

[11] Это описка. Речь идёт о «Деревьях». О «Переслегине», которого Ф.А. Степун начал писать ещё в Советской России, см. прим. 4. ко второму письму.
[12] Безусловно это — ошибка. Надо — Вера Яковлевна. См. прим. 8 к письму 1.
[13] См. тоже прим. 8 к письму 1.

Вступительная заметка и примечания *А.А. Ермичёва*

Вокруг «Мусагета» и «Логоса»
(Ф.А. Степун и Э.К. Метнер)

Явление, судьба и внутренние противоречия «Мусагета», связанные с именами Метнера, Белого и Степуна, с их русской и немецкой судьбой, имели сложный трагический характер и продолжение самое неожиданное. Были и другие действующие лица этой драмы, но исследователь вправе выбрать свой угол зрения. Итак, главный персонаж — это Эмилий Карлович Метнер (20 декабря 1872, Москва — 11 июля 1936, Пильниц (Pillnitz) под Дрезденом) — российский публицист, издатель, литературный и музыкальный критик, старший брат композитора Николая Метнера, главный и несменяемый редактор издательства «Мусагет», с 1909 по 1914 г. В этом издательстве выходили книги А. Белого, Эллиса (Л.Л. Кобылинского), С.М. Соловьева и других. В этом же издательстве выходил журнал Ф. Степуна и С. Гессена «Логос». Во время войны Степун сражался как артиллерист на германском фронте, а Метнер уехал в Швейцарию, в 1931 г. получил швейцарское гражданство, занимался психологическими проектами, переписывался с Юнгом, жил в большой бедности. Сведения о его кончине имеются в публикуемом в этом материале письме Степуна.

По справедливому наблюдению автора лучшей книги о Метнере Магнуса Юнггрена, это был широко распространенный тип бесплодного человека, но отличавшегося от обычных закомплексованных бездарей любовью к талантам. Он поставил себя подножием таланту младшего брата — композитора Николая Метнера, уступая ему даже жену. Любовь втроем — довольно распространенный тип отношений среди творческой элиты (Герцен, Огарев, Тучкова; Тургенев и семья Виардо; Маяковский и семейство Бриков), да и в народе тип отношений достаточно характерный. Но все же сексуальный дуэт братьев с одной женщиной — «достижение» эпохи начала XX века. Второй демон его комплекса бесплодности был русский поэт и прозаик Андрей Белый, чьи «Симфонии» Метнер счел новым словом. «Метнер, ощущая собственное творческое бесплодие, <...> доверялся таланту Белого и приносил себя в жертву ради его гения»[1]. Сам Белый не без раздражения вспоминал: «Метнер — общительный и любопытный, вошел очень быстро в круг наших друзей, <...> с большим трудолюбием строил карьеру он брата; как брата, старался поставить меня на увиденный им пьедестал»[2].

Но была у Эмилия Метнера и еще одна сверхъидея, быть может, центральная его идея, оказавшаяся чрезвычайно важной для

русской культуры. «Германия, — говорил он себе, — призвана достичь духовной гегемонии. Россия (синоним темных сил в нем самом) представляет собой незрелую стадию культуры, нуждающуюся в немецкой дисциплине»[3]. Об этом написал и Белый, но уже с постреволюционной интонацией, по сути дела оправдывая русский хаос: «В словах о Москве, стреляющей-де ракетой из хаоса, прозвучала старинная тема его раздвоенья: как будто в одном отношении мы впереди; а в другом — мы — отчаянная бескультурица, взывающая к распашке ее томами немецких исследований; надо-де выстроить башню из них; и на башню ракету поднять: пусть себе фонарем освещает проспекты культуры; проповедовал Метнер гелертерство, но не с гелертерским, а с романтическим пылом»[4].

И все же ради Белого и ради пропаганды немецкого духа на деньги Хедвиг Фридрих[5], дрезденской немки с еврейской кровью, Метнер создает в 1909 г. издательство «Мусагет». Книги еще не делали погоды. Нужен был журнал. Поэтому он не мог не заключить со Степуном и Гессеном договор на издание журнала «Логос». Сохранился сам документ договора, где среди прочего говорилось:

«§ 2. Русская редакция “Логоса” во всех редакционных делах пользуется полной самостоятельностью, будучи связана лишь международным редакционным комитетом. Она состоит из следующих лиц: С.И. Гессена (СПБ), Ф.А. Степуна (Москва) и Э.К. Метнера (Москва). Каждый из названных лиц равно пользуется всеми правами члена русской редакции. Рукописи принимаются по единогласному решению редакции. В случае разногласия между членами русской редакции (как по вопросу о принятии рукописей, так и по другим редакторским делам), спор, согласно статутам международного редакционного комитета, решается этим последним большинством голосов. Из трех названных членов русской редакции Э.К. Метнер, кооптированный в члены ее лишь русской редакцией, не является впредь до кооптации его всеми членами международного комитета членом последнего. Вопрос о кооптации его в члены международного комитета должен быть решен при ближайшей к тому возможности, на основании личного знакомства его со всеми членами названного комитета»[6].

Молодые издатели вполне понимали значимость для тогдашней российской философии немецкой современной мысли. Они, по сути дела, были проводниками неокантианства в Россию. Не говорю уж о том, что само название «Логоса» было подсказано юным гейдельбергским студентам двумя немецкими профессорами — Г. Риккертом и В. Виндельбандом.

Первое известие о готовящемся журнале прозвучало из уст участника совместного собрания у Риккерта по поводу «Логоса» — Д.В. Философова. По воспоминаниям Степуна (подкрепленным другими свидетельствами), молодые неокантианцы (Р. Кронер, С. Гессен, Ф. Степун и др.), чтобы вернее получить согласие издателя, пригласили на беседу случайно оказавшихся во Фрейбурге знаменитых русских — Д. Мережковского, З. Гиппиус и Д. Философова[7]. Это оказало свое влияние. Издатель, впечатленный обликом русских знаменитостей, дал согласие. Философов так описал событие («Русское слово». 1909. 17 июня. № 137. С. 1): «Во Фрейбурге, при усиленном участии русских, затевается издание журнала “Логос”. Первое официальное совещание по этому поводу происходило у Риккерта. Кроме коллег-профессоров и молодых “докторов” философии, как немецких, так и русских, на совещание были приглашены и некоторые русские писатели, находившиеся в это время во Фрейбурге <...>: Лев Шестов (автор “Апофеоза беспочвенности”), Д.Е. Жуковский (переводчик и издатель сочинений Куно Фишера), Д.С. Мережковский, З. Гиппиус и я.

Журнал затеян небольшой группой ближайших учеников Риккерта, в которой находятся двое молодых русских. Группа эта уже успела издать на немецком языке небольшой сборник статей под общим заглавием “Мессия”[8]. Авторы мечтают о появлении новой философской системы, которая смогла бы дать синтез нашей эклектической эпохи, мечтают о пришествии философского мессии, которому они приуготовляют путь. <...> Пока предложено выпускать два издания журнала: одно, на русском языке, — в Москве, другое, на немецком, — во Фрейбурге. Задачи широкие, молодые, очень русские»[9].

В передовой статье «Логоса» 1910 г. (авторы Ф. Степун и С. Гессен) говорилось, что немецкая философия играет в Новое время ту роль, какую играла греческая философия в античности. Цитирую: «Мы по-прежнему, желая быть философами, должны быть западниками. Мы должны признать, что как бы значительны и интересны ни были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимущественно немецкая»[10]. Не случайно Канта не раз по значимости сравнивали с Платоном. Классическая немецкая философия продуцировала идеи и методы по всему миру. Продолжу цитирование: «Это доказывает не столько сама современная немецкая философия, сколько тот несомненный факт, что все современные оригинальные и значительные явления философской мысли других народов носят на себе явный отпечаток

влияния немецкого идеализма; и обратно, все попытки философского творчества, игнорирующие это наследство, вряд ли могут быть признаны безусловно значительными и действительно плодотворными. А потому, лишь усвоив это наследство, сможем и мы уверенно пойти дальше»[11].

Сотрудники «Логоса» были кто угодно, но не националисты. «Философствуя “от младых ногтей”, мы были твердо намерены постричь волосы и ногти московским неославянофилам. Не скажу, чтобы мы были во всем не правы, но уж очень самоуверенно принялись мы за реформирование стиля русской философии.

Войдя в “Мусагет”, мы почувствовали себя дома и с радостью принялись мы за работу. С “Мусагетом” нас объединяло стремление духовно срастить русскую культуру с западной и подвести под интуицию и откровение русского творчеств солидный, профессионально-технический фундамент.

Основной вопрос “Пути” был “како веруеши”, основной вопрос “Мусагета” — “владеешь ли ты своим мастерством?”. В противоположность Бердяеву, презиравшему технику современного философствования и не желавшему ставить “ремесло в подножие искусства”, Белый, несмотря на свой интуитивизм, со страстью занимался техническими вопросами метрики, ритмики, поэтики и эстетики. Это естественно сближало его с нами — гносеологами, методологами и критицистами — к тому же Белый и сам ко времени нашего сближения с “Мусагетом” увлекался неокантианством, окапывался в нем как в недоступной философскому дилетантизму траншее, кичился им как признаком своего серьезного отношения к науке, чувствуя в этой серьезности связь с отцом, настоящим ученым, философом-математиком»[12].

Как водится, дружба по принципу «против кого дружим» ничем хорошим не заканчивалась. «Мусагет» и «Логос» были проводниками немецкой культуры, противниками неославянофильства начала XX в. Но если Степун и его соиздатели по журналу опирались на идеи неокантианства, то Метнер и Белый, поначалу соблазнившись на новую немецкую философию, как выяснилось далее, находили в Германии другие тенденции: каждая культура богата и разнообразна. Не помогло даже обращение Метнера к Гёте как центру германского духа. Гораздо больше он склонялся к немецкому национализму, что впоследствии привело его в стан нацистов, а Белого к большевикам. Пока же произошел сравнительно культурный развод издательства и журнала.

«Мир и любовь между “Мусагетом” и редакцией “Логоса”, — вспоминал Степун, — длилась, однако, недолго. В третьем томе своих воспоминаний Белый сам рассказал о том, как, охладев к

Канту и неокантианству, он при поддержке Блока настоял на том, чтобы Метнер не возобновлял с нами контракта. К счастью, нам удалось сразу же устроить журнал в известном петербуржском издательстве М.О. Вольфа»[13]. Похоже, Белый и впрямь сыграл роль «черного человека» во взаимоотношениях гейдельбергских мальчиков с издательством. Совсем не остывшая неприязнь звучит в его мемуарах: Метнер «прицеплял “последышей” Зиммелей в виде троечки “настоящих” философов: Федора Степуна, Яковенко и Гессена; “настоящее” первого выявилось в карикатурнейшем комиссарстве на фронте (при Керенском)»[14].

Как писал М. Безродный, в ноябре 1909 г. Метнер заключил с редакторами «Логоса» С.И. Гессеном и Ф.А. Степуном договор, по которому «Мусагет» брал на себя выпуск со следующего года русской версии журнала. Это отвечало претензиям «Мусагета» на респектабельность: в «Логосе» объявлялось о ближайшем участии видных русских ученых. За четыре года партнерства «Логоса» с «Мусагетом» свет увидело девять номеров журнала со статьями 18 российских и 19 зарубежных авторов, в том числе В. Виндельбанда, Н. Гартмана, Э. Гуссерля, Б. Кроче, Г. Зиммеля, Г. Риккерта и К. Фосслера. Цена привлечения «профессоров» оказалась тою же, что и при переговорах с «веховцами»: Метнеру, кооптированному в члены русской редакции журнала, сразу дали понять, что в его идейном руководстве не нуждаются. (Вопреки надеждам Метнера сближение «Мусагета» с «Логосом» не принесло международной известности Белому как теоретику искусства: его участие в журнале профессиональных философов оказалось эпизодическим). Влияние Степуна на издательство и околоиздательскую молодежь нельзя было не заметить. Даже ревновавший к нему Белый вспоминал: «Уже к осени 1910 года около Степуна, явившегося в “Мусагет”, строилась философская молодежь; он завел в редакции свой семинарий, среди студентов его объявился Борис Леонидович Пастернак, чья поэзия вклад в нашу лирику»[15].

Белый в своих мемуарах без конца упрекает Метнера в том, что тот не давал ему, Белому, воли и простора, называя его стремления «хаосом». Но даже из этих мемуаров видно, что Белый очень долго ощущал себя хозяином в «Мусагете»: «“Мусагет” только что обосновался в квартире: три комнаты с ванной, кухней и комнатушечкой для служителя, Дмитрия; меблировка была со вкусом; редакция выглядела игрушечной; в комнатку с овальной стеной был заказан овальный диван, перед которым стоял круглый стол; ковер, мебели, драпировки приятного синего цвета на теплом, оранжевом фоне (обои); затворив двери в приемную (белые обои, книжные полки, два столика: для секретаря и корректора) и спу-

стивши портьеру, оказывались в диванной, куда не проникал шум; каждый день здесь сидела компания (Шпет, или Рачинский, или Борис Садовский, или Эллис, Машковцев и другие); здесь с шести до восьми принимал по делам “Мусагета”; сколько здесь протекло разговоров — с Ивановым, Минцловой, Блоком, Тургеневыми, Степуном, Шпеттом; комната стала моим домашним салоном»[16].

Сотрудники «Логоса» не учитывали важной составляющей в мировоззрении Метнера (да и не очень обращали на это внимание). Речь идет о его совершенно яростном антисемитизме[17]. Сошлюсь снова на книгу Юнггрена: «Позднее Метнер настаивал, что расовый вопрос занимал его “с детства”. Антисемитизм, развившийся в нем в Нижнем Новгороде, имел идеологические корни в традиции русской консервативной мысли, приверженцем которой он был. Он вырос в атмосфере активной политики государственного антисемитизма, проводившейся в восьмидесятых и девяностых годах. И тогда, в 1903 г., эта политика принесла свои плоды в виде жестоких погромов, петербургский журнал напечатал предварительную версию “Протоколов сионских мудрецов”, — фальшивки, претендующей на раскрытие деталей мифического международного еврейского заговора, организованного с целью установления господства над миром. Чтение немецких авторов укрепляло его расизм: антисемитские выпады имелись, в особенности, у Вагнера, в поздних полемических статьях которого ненависть к евреям является неотъемлемой частью идеи германского ренессанса. В то время у Метнера, по-видимому, появилась тенденция проецировать на евреев свои собственные инстинкты, перенося на них скрытые агрессивные и либидонозные импульсы. <...> Антисемитизм Вагнера также отчасти объяснялся подозрением о собственных еврейских корнях»[18]. Комплексов хватало и у Э.К. Все его любовные истории так или иначе были странным образом связаны с еврейками, своеобразный садомазохистский комплекс. Его национализм и расизм, как справедливо показал М. Безродный, ясны из его изданий:

«Из книг, выпущенных “Мусагетом”, эту линию манифестировали две: перевод “Arische Weltanschauung” Чемберлена и сборник статей Метнера “Модернизм и музыка”, в котором, в частности, проводилась мысль о том, что евреи вносят в арийскую музыку чуждый ей экзотизм, а в музыкальную жизнь — дух коммерции. Искуственно к этим публикациям подтягивались переводы “Wedanta und Platonismus im Lichte der Kantischen Philosophie” Дейссена и “Wibelungen” Вагнера: первое сочинение анонсировалось как “введение в миросозерцание индоарийцев”, а изда-

ние второго дало повод Метнеру сообщить в предисловии о признании современной этнографией факта «ближайшего расового родства между чистыми “германцами” и чистыми “славянами”» и заявить о своем пристрастии к “саксонскому (т. е. типичному славо-германскому) искусству”. Пропаганда Метнером его расовых симпатий воспринимается “мусагетцами” как органическая часть его апологии старой немецкой культуры: “Ваше кантианство, гетеанство, абсолютная ненависть к соврем. германской музыке, — пишет ему Эллис, — плоды глубокого, светлого и выстраданного фанатизма. Вспомните Ваш вопль на даче по поводу китайцев: “Целые расы надо загонять в море, истреблять!”»[19]. Белый поддался этому влиянию. В своей известной статье «Штемпелеванная культура» он прямо писал об извращении евреями арийской культуры, к которой он относил и русскую: «Бесспорна отзывчивость евреев к вопросам искусства; но, равно беспочвенные во всех областях национального арийского искусства (русского, французского, немецкого), евреи не могут быть тесно прикреплены к одной области; естественно, что они равно интересуются всем; но интерес этот не может быть интересом подлинного понимания задач данной национальной культуры, а есть показатель инстинктивного стремления к переработке, к национализации (юдаизации) этих культур (а следовательно, к духовному порабощению арийцев); и вот процесс этого инстинктивного и вполне законного поглощения евреями чужих культур (приложением своего штемпеля) преподносится нам как некоторое стремление к интернациональному искусству»[20].

Но и в прозе у Белого (например, в «Петербурге») ведется разговор о «семито-монгольской» опасности. Это странное соединение соловьевской монголофобии и метнеровского антисемитизма привело к расколу. «Логос», соловьевский и юдофильсий, был изгнан из «Мусагета» с помощью Белого. Бердяев считал, что «стиль романа не выдержан, окончание случайное, внутренне необязательное»[21]. Но так ли это? Контекст идейной борьбы тех лет, столкновение неокантианца Ф. Степуна и поклонника Г. Сковороды В. Эрна, развод «Логоса» и «Мусагета» позволяют увидеть законную логику концовки знаменитого романа. В конце романа «Петербург» (1913—1914), написанного в момент расхождения «Логоса» и «Мусагета», главный герой и мечтательный отцеубийца Николай Аполлонович Аблеухов, отказавшись от идеи отцеубийства, перестал читать Канта[22] («А Кант? Кант забыт»). Он опростился, «жил одиноко; никого-то не звал, ни у кого не бывал, видели его в церкви; в последнее время читал он философа Сковороду». А именно Эрн, (автор трактата о Г.С. Сковороде) писал,

что философия Канта вела к небытию: «Меонизм принципиально и окончательно закрепляется в трансцендентализме Канта»[23]. Далее он вообще выводил из Канта немецкий милитаризм (в статье «От Канта к Круппу»).

Увлекшись идеями доктора Штейнера, Белый отходит от неокантианства. Метнер пишет полемическую книгу, где пытается противопоставить своего Гёте и своего Канта штейнерианству. Поддержал его Эллис. В неопубликованной при жизни рецензии на его книгу «Размышления о Гёте. Книга I: Разбор взглядов Рудольфа Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма» (которая, однако, была автору известна) он писал о Метнере: «Он обладает даром не только говорить о Гёте, как лучший среди гётеанцев и о Канте — как лучший среди кантианцев, но также, что бесконечно ценнее, говорить о Гёте, оставаясь совершенным кантианцем, и о Канте — не изменяя ни в чем самым заветным заповедям гётеанства»[24].

Белый возражал Метнеру, но еще несколько лет оставался адептом Штейнера. Связи с Германией не прерываются, но меняют адресность.

Существенно также отметить, что в 1914 г. Метнер уехал в Германию, по сути прекратив руководство издательством: «В 1914 г., уезжая из России, Метнер оставил новому секретарю “Мусагета” В.В. Пашуканису доверенность на управление делами издательства»[25]. Метнер в Россию больше не вернулся. В Германии Метнер, пройдя много искушений (Штейнера, Юнга), пришел к культу Гитлера, в 1936 г., переживая западную критику гитлеровской политики, «видел себя и Гитлера — двух Вотанов, загнанных на край смерти враждебными им жизненными условиями»[26]. Любопытно, что в результате Метнер все же принимает швейцарское гражданство. Трудно говорить о причине, но нельзя забывать, что Швейцария была нейтральной страной. Этот его шаг вызывает соответствующую язвительную реакцию Белого: «германо-русские фантазии Метнера были разбиты войной; и он стал обитателем ему чуждой Швейцарии»[27].

По справедливому соображению Н. Плотникова, «трагедия “Логоса” и, вместе с тем, величие его замысла сказались в том, что его создатели в России и Германии — Ф.А. Степун, С.И. Гессен, Б.В. Яковенко, Р. Кронер, Г. Мелис — выступили со своим проектом “вечного мира” в философии накануне того часа, когда Европа сорвалась в пропасть межнациональной бойни, заставив редакторов в буквальном смысле слова воевать друг против друга»[28]. Не менее существенно, что идея «Логоса» была идеей наднационального журнала по культуре. Для Степуна немецкая

культура равна древнегреческой, а стало быть, несет в себе наднациональные и общечеловеческие начала. Но время было другое. Националистические тенденции в Германии победили общечеловеческие. Национализм заразил и русскую мысль. От Метнера, как я уже упоминал, Белый перенял антисемитизм. Про расовые законы нацизма, которые объявляли русских недочеловеками, категорически отказывая им в арийском родстве, еще никто не подозревал. Резкого разрыва тогда у Степуна с Метнером и Белым, очевидно, не было, Сапов скорее всего в этом прав. Расхождение было внутренним. Истинный немец Степун никогда не был националистом. Для Метнера Гитлер был реинкарнацией Вотана, для Степуна — врагом христианства (как и большевизм). Белый принял большевизм и сталинизм, собирался писать в 1933 г. статью «Социалистический реализм»[29]. Уже вне России Метнер писал новую работу о Белом: симпатии его оставались те же. Но состояние духа явно шло к катастрофе. В письме к К.Г. Юнгу (от 15.11.1917) он увязывает все свои переживания в один узел, но собственный его самоанализ печален: «Неприятная сцена с Рахилью произошла у меня не до, а после приступа. Тогда мне пришлось прервать работу над книгой о Белом, потому что я почувствовал себя совершенно измученным. <...> Я действительно сделался духовным инвалидом. Потому что все мои мысли исчезли, а умений у меня никаких нет. <...> По-видимому я иду к идиотизму»[30]. Ему нужен был поводырь, и он нашел его в Гитлере.

Позиция Степуна — позиция трезвого и разумного человека. Последователь В.С. Соловьева, он не мог не принимать его максиму, что христианство есть «торжество разума в мире»[31]. Степун слишком хорошо видел, как Германия иным путем, но скатывается туда же, куда уже скатилась Россия, по его выражению, «в преисподнюю небытия». В 1931 г. он писал своему другу Густаву Кульману[32]: «При помощи теории Ничше и Бахофена, теории мифа и органического мышления, насаждается среди немецких народных учителей такой тупоумный шовинизм, что становится прямо-таки страшно за судьбу Германии и человечества. Насаждается сознательное, натуралистическое язычество, метафизическое мышление принудительно отделяется от этического, государство изображается как мистерия крови, история преподносится в мифически-патриотическом порядке. Главы истории. Рейн, восточная граница и немецкие меньшинства. Такая помесь Ничше и Илловайского, мифа и провинциальной оперы, что прямо-таки дышать нечем. И это все забивается в головы народных учителей в порядке принудительного слушания философских курсов. Решительно иной раз кажется, что Германии, при всех ее великих дарах, не дано дара политической мысли»[33].

В эти годы он становится для русской эмиграции признанным консультантом по Германии. В «Современных Записках» и «Новом Граде» он написал несколько статей, специально посвященных немецким проблемам[34], не считая постоянных и привычных для него сопоставлений немецкой и российской мысли. Проблемы Германии не могли не волновать изгнанную из своей страны русскую интеллигенцию. Слишком много общего с большевизмом находили эмигранты в поднимавшемся национал-социализме. Россия и Германия слишком тесно сплелись в этих двух революциях — от поддержки Германией большевиков до поддержки нацистов Сталиным. Степун заметил, что и сами нацисты видят эту близость. Он фиксирует идеи Геббельса о том, что Советская Россия самою судьбою намечена в союзницы Германии в ее страстной борьбе с дьявольским смрадом разлагающегося Запада. Кратчайший путь национал-социализма в царство свободы ведет через Советскую Россию, в которой «еврейское учение Карла Маркса» уже давно принесено в жертву красному империализму, новой форме исконного русского «панславизма»[35].

Казалось бы, пути Степуна и Метнера разошлись окончательно. Но судьба играет странные шутки. По версии Юнггрена, «в апреле, как бы прощаясь, Метнер посетил в Лондоне Николая и Анну. В июне он последовал совету своего врача и отправился в Богемию на воды в Теплиц-Шёнау, которые некогда посещали Гёте и Вагнер. Проведя там несколько недель, он поехал в Пильниц, где в начале июля серьезно заболел; болезнь сопровождалась острыми приступами головокружения. Его поместили в местную психиатрическую клинику. Судя по всему, постоянно угрожавшее ему раздвоение психики теперь и впрямь настигло его. В состоянии полного регресса, бессвязно говоря исключительно о прошлом и будучи явно не в состоянии воспринимать настоящее, он умер ранним утром 11 июля 1936 г.»[36]. Версия Сапова немного иная, хотя он приводит важный факт — о том, кто проводил Метнера в последний путь.

Метнер в Россию больше не вернулся. Как пишет В. Сапов, «со Степуном у них общих дел, по-видимому, не было, но они навсегда сохранили теплые, дружеские чувства друг к другу. О присутствии Степуна и его жены при кончине Метнера (в Дрездене, в клинике для нервнобольных в ночь с 10 на 11 июля 1936 г.) известно из письма его брата, композитора Н.К. Метнера. “Присутствие русских друзей, близких не только по культуре, но и по духу, было счастьем, последним счастьем для него”»[37]. И это как бы обозначает, что же оказалось результатом жизни Метнера, к чему лежало его сердце, где оставил он больше следов. Поэтому я бы не согласился

с исследователем, что влияние Метнера было больше в Германии: «Судьба Метнера заключалась в том, чтобы быть “использованным” двумя величайшими и деятельнейшими представителями европейской культуры двадцатого столетия (Белый и Юнг. — *В.К.*), в равной мере ставших сегодня объектами неослабевающего международного интереса. Его посредничество демонстрирует глубокое родство между двумя этими людьми, каждый из которых, на свой собственный лад и своими собственными средствами, осветил кризис сознания современного человека. Парадокс же заключается в том, что Метнер, стремившийся вдохнуть в Россию немецкий дух, в конечном итоге внес нечто специфически русское в немецкую культуру»[38]. Именно русские люди хранили о нем память. Не случайно говорят, что важно, кто примет твой последний вздох. Тот и есть близкий тебе человек.

Есть письмо, сохранившее рассказ Степуна о смерти Метнера, вносящий некие уточнения, даже фактически важные. Например: реальная причина смерти не психическое заболевание (что не исключается в принципе), но воспаление легких. Письмо написано Степуном его старым друзьям Густаву и Марии Кульманам. Русский философ, немец по происхождению, уже чувствовал, что судьба готовит ему удар в меняющейся Германии, где правил новый Вотан, так любимый Метнером — Адольф Гитлер. И действительно, менее чем через год на Степуна был написан донос, где говорилось, что по прошествии четырех лет национал-социалистического режима он по-прежнему читает студентам лекции, где отрицает этот режим, что проповедует в своих лекциях «русскость» и говорит о невозможности для христианина быть антисемитом. В результате Степун, как известно, лишился работы. Снова получил кафедру он лишь после поражения Германии в войне.

---

[1] *Юнггрен М.* Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб.: Акад. проект, 2001. С. 15.

[2] *Белый А.* Между двух революций / Подг. текста и комм. А.В. Лаврова. М.: Худож. лит-ра, 1990. С. 307.

[3] *Юнггрен М.* Указ. соч. С. 20.

[4] *Белый А.* Указ. соч. С. 305.

[5] Стоит привести комментарий А.В. Лаврова к мемуарам А. Белого: «Ориентация “Мусагета” на германскую культуру была помимо идейно-эстетических симпатий Э. Метнера, непременным условием, выдвинутым Ядвигой Фридрих, финансировавшей издательство» — Лавров А.В. Комментарии // Белый А. Указ. соч. С. 539.

[6] Цит. по: *Сапов В.В.* Журнал «Логос» — прерванный на полуслове диалог // Вестник Российской Академии наук. Т. 63. № 3. 1993. С. 268—269.

[7] О степени популярности Мережковского в Германии говорят слова Т. Манна. В 1921 г. Томас Манн писал: «Я услыхал <...>, что Мережковский, бежавший из Советской России, <...> меня посетит. Дмитрий Мережковский! Тот, чья книга о Толстом и Достоевском произвела на мои двадцать лет такое неизгладимое впечатление и чьей также совершенно беспримерной работы о Гоголе я вообще

не убирал со стола! Никому не хочется показаться провинциалом, и поэтому я невозмутимо ответил, что господин Мережковский будет, конечно, желанным гостем. Но в глубине души я не верил ни одному слову. Миф не сидит запросто у тебя в комнате. Так не бывает» (*Манн Т.* Русская антология // *Манн Т.* Путь на Волшебную гору. М.: Вагриус, 2008. С. 92.).

[8] На самом деле сборник назывался «О мессии», а по-немецки: «Vom Messias. Kulturphilosophische Essays von R. Kroner, N. von Bubnoff, G. Mehlis, S. Hessen, F. Steppuhn». Leipzig. Verlag von W. Ehglehmann, 1909.

[9] *Философов Д.В.* О Фрейбурге и журнале «Логос» // О мессии. Эссе по философии культуры / Издание подготовил А.А. Ермичёв. СПб.: РХГА, 2010. С. 80—81.

[10] *Степун Ф.А.* Сочинения / Сост., вступ. ст., примеч. и библ. В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000. С. 798.

[11] Там же.

[12] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся / Послесл. Р. Гергеля. Изд. второе, испр. СПб.: Алетейя, 2000. С. 218—219.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] *Белый А.* Указ. соч. С. 342.

[16] Там же. С. 339—340.

[17] Позднее, в письме к Юнгу он пытался объяснить свой антисемитизм по Фрейду: страхом кастрации. Но, конечно, много бóльшую роль играли тут социокультурные причины.

[18] *Юнггрен М.* Указ. соч. С. 21.

[19] *Безродный М.* Из истории русского германофильства: Издательство «Мусагет» // Исследования по истории русской мысли [3]. Ежегодник за 1999 год / Под ред. М.А. Колерова. М.: ОГИ, 1999. С. 157—198.

[20] *Белый А.* Штемпелеванная культура // Империя и нация в русской мысли начала XX века / Сост., вступ. статья и прим. С.М. Сергеева. М.: Издат. группа «Скименъ», Издат. Дом «Пренса». 2004. С. 339. Надо сказать, восприятие евреев как некоей международной силы вполне было свойственно народному сознанию. В платоновском романе «Чевенгур» сторожевые мужики спрашивают двух народных революционеров-коммунистов — Копенкина и Дванова, кто они такие. «”Мы — международные!” — припомнил Копенкин звание Розы Люксембург: международная революционерка». На это следует другой вопрос: «Евреи, што ль?» На что — не менее характерный ответ: «Копенкин хладнокровно обнажил саблю <...>: “Я тебя кончу на месте за такое слово”». (*Платонов А.* Чевенгур // *Платонов А.* Собр. соч. в 5-ти т. М.: Информпечать, 1998. Т. 2. С. 115). В какомто смысле это ответ Платонова.

[21] *Бердяев Н.А.* Астральный роман. (Размышления по поводу романа А. Белого «Петербург») // *Бердяев Н.А.* О русских классиках / Сост., комм. А.С. Гришина. Вступ. ст. К.Г Исупова. М.: Высш. школа, 1993. С. 316—317.

[22] Напомню, что, по мысли Голосовкера, именно Кант является реальным отцеубийцей в «Братьях Карамазовых».

[23] *Эрн В.Ф.* Нечто о Логосе, русской философии и научности // *Эрн В.Ф.* Сочинения / Сост. Н.В. Котрелева и Е.В. Антоновой, прим. В.И. Кейдана и Е.В. Антоновой, вступ. ст. Ю. Шеррер. М.: Правда, 1991. С. 78.

[24] *Эллис.* Теософия перед судом культуры (Размышления по поводу «Размышлений о Гёте» Эм. Метнера // *Эллис.* Неизданное и несобранное. Томск: Водолей, 2000. С. 325.

[25] *Сапов В.В.* Журнал «Логос» — прерванный на полуслове диалог // Вестник Российской Академии наук. М., 1993. Т. 63. № 3. С. 272.

[26] *Юнггрен М.* Указ. соч. С. 191.

[27] *Белый А.* Указ. соч. С. 307.

[28] *Плотников Н.* Репринтное переиздание журнала «Логос» (1910—1914, 1925) //

Исследования по истории русской мысли [7]. Ежегодник за 2004 / 2005 год / Под ред. М.А. Колерова, Н.С. Плотникова. М.: Модест Колеров, 2007. С. 618—619.
[29] *Спивак М.Л.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006. С. 436.
[30] Письма Метнера к Юнгу // *Юнггрен М.* Русский Мефистофель. С. 232.
[31] *Соловьев В.С.* Христос воскрес! Пасхальные письма // *Соловьев В.С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. СПб.,< б.г.>. С. 37.
[32] Густав Густавович Кульман (1896—1961) — швейцарец, родившийся в Голландии, выпускник Йельского университета (США). Юрист по профессии, поклонник русской культуры, он встречал русских философов, высланных на «философском пароходе», помогал в их трудоустройстве; один из создателей и соредакторов (вместе с Бердяевым) журнала «Путь» (1925—1940), работал в «YMCA-пресс», секретарь американского отдела YMCA. В 1931 г. начал работать в международных организациях по интеллектуальному сотрудничеству. С 1938 г. — заместитель Верховного комиссара по делам беженцев при Лиге Наций, потом при ООН, занимался делами перемещенных лиц (DP), помогал еврейским беженцам, его именем назван один из кибуцев в Израиле. В 1920—1940-е годы Кульман был в центре русских эмигрантских судеб, состоял в переписке со многими деятелями русской культуры. Степун был его многолетним другом, начиная с 20-х годов.
[33] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann (Письмо написано на русском языке, архивная публикация)
[34] Николай Луганов [Степун Ф.А.] Германия // Современные Записки. Париж, 1930. Кн. 42. С. 413—427; Николай Луганов [Степун Ф.А.].Письмо из Германии. Формы немецкого советофильства // Современные Записки. 1930. Кн. 44. С. 448—463; Николай Луганов [Степун Ф.А.]. Письмо из Германии. (Национал-социалисты) // Современные Записки. Париж, 1931. Кн. 45 (XLV). С. 446—474 и др.
[35] *Степун Ф.* Письмо из Германии. (Национал-социалисты) // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 890.
[36] *Юнггрен М.* Указ. соч. С. 191.
[37] *Сапов В.В.* Указ. соч. С. 272.
[38] *Юнггрен М.* Указ. соч. С. 193.

Dresden, 21-го июля 1936 г.[1]

Дорогие Мария Михайловна и Густав Густавович,

вы, вероятно, удивляетесь, что мы до сих пор еще не ответили на вашу открытку. Но мы до самого последнего времени не знали, сможем ли воспользоваться вашим радушным приглашением. Нет слов, оно было бы гораздо приличнее сразу же от души поблагодарить вас, а потом уже по выяснении всех обстоятельств отвечать по существу. Но до приличной жизни, к которой мы и сами стремимся, нам, очевидно, не дойти, уж очень у нас всего много.

Сейчас выяснилось, если не случится каких-нибудь неожиданных затруднений, что мы сможем в самом начале августа выехать к вам, чему мы бесконечно рады и за что от души благодарим вас.

Кроме всяких формальных трудностей и денежного вопроса (лишь на днях выяснилось, что правительство отпускает деньги на Швейцарию) случилось тут у нас еще одно задерживающее об-

стоятельство. Приехавший из Теплица к своим старым дрезденским друзьям[2] Эмилий Карлович Метнер[3] слег с тяжелым воспалением легких в больницу. Кроме нас (его друзья — две беспомощные, больные женщины) у него здесь никого не было. Покинуть его больным было бы совершенно невозможно. В прошлую среду мы его похоронили. Так поистине трагически освободила нас судьба для Швейцарии. Я не знаю, знали ли Вы Эмилия Карловича, но для меня с ним связана, быть может, самая лучшая и светлая эпоха моей жизни: Москва, символизм, Логос, Мусагет, одним словом, все то, что было разрушено войной и похоронено революцией. Думаю, что нам удастся выехать отсюда 4-го, самое позднее 5-го августа. Был бы очень рад, если бы наше свидание осуществилось в том полном объеме, о котором вы пишете. Особенно хочется мне поговорить с Борисом Петровичем[4]. Мы тут страшно отрезаны от эмигрантской России, и поэтому мне представляется особо важным проверить себя на нем, стоящем в центре всех парижских споров. Хотя вы и пишете, что в августе устройство лекций невозможно, все же сообщаю на всякий случай, что речь может идти только о закрытых лекциях на русском языке, так как для открытых и немецких требуется разрешение целого ряда правительственных инстанций, о котором я не ходатайствовал. Да и вообще, может быть, лучше помолчать[5].

О дне и часе нашего приезда мы сообщим вам, конечно, заранее. Наташа и я шлем вам самые сердечные приветы. Еще раз большое спасибо.

Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann. (Письмо написано на русском языке, архивная публикация)

[2] Речь, видимо, идет о подруге Э.К. Метнера, помогавшей ему деньгами в создании «Мусагета», — Хедвиг (Ядвиге) Фридрих.

[3] Об Э.К. Метнере см. также работы К.Ю. Постоутенко: «Душа и маска “Мусагета” (к истории имперского сознания в России) // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М.: О.Г.И., 1997. С. 232—246; Э.К. Метнер: метаморфозы национальной идентификации // Блоковский сборник XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Тарту, 1996. С. 165—169.

[4] *Борис Петрович Вышеславцев* (1877, Москва — 1954, Женева) — русский философ, юрист, публицист, литературный критик, редактор парижского издательства «YMCA-Press», соредактор журнала «Путь», профессор Религиозно-Философской Академии и Православного Богословского Института в Париже, в котором преподавал нравственное богословие. В давние годы рекомендовал Степуну поехать учиться в Хайдельберг. В 1922 г. вместе с другими русскими деятели культуры был выслан за границу. В 30-х годах. Вышеславцев совместно с Э.К. Метнером переводил К.Г. Юнга, а после смерти Метнера в 1936 г. один осуществил 4-томное издание трудов Юнга на русском языке.

[5] Этого он сделать уже не смог, так как в 1937 г. был изгнан нацистами из Университета.

* * *

Судьба играет странные, но многозначительные шутки. Дружба творческой юности оказалась для христианина Степуна важнее идейных расхождений.

В.К. Кантор

Письма Степуна издателям*

1

Дрезден, 13.11.1929

Дорогой господин Виткоп![1]

Огромное спасибо за Вашу открытку (Postkarte). Вы доставили мне большую радость. Я очень люблю свою Военную книгу[2] (извините это мне). Может быть, она мне ближе и дороже, чем мой «Переслегин»[3]. Несмотря на то, что «Переслегин» был написан позже, ощущаю я его как более раннюю книгу, вероятно, потому, что я попытался в нем изобразить более ранний фазис моей жизни. В определенном смысле Военные письма — это письма Переслегина после катастрофы, то есть эпилог моего Переслегина. Меня очень радует, что Вы собираетесь, как Вы пишете, вскорости обсуждать мою книгу. Пошлите мне тогда, пожалуйста, рецензию.

Немецкую историю Франца Шнабеля[4] я сейчас же приобрету (достану). Я в моем курсе лекций занят как раз 19 столетием. Разумеется, мой анализ вращается в очень скромных рамках, поскольку я представляю его как главу моего курса по социологии для юношества. За доставку военных писем погибшего студента был бы я Вам очень благодарен. Я знаю их по просмотру, однажды я их целый час держал в руках, но при этом их принесли мне из библиотеки, когда я в офицерском казино взял на себя доклад о военной литературе. Я был бы счастлив, если бы Вы выслали мне

* Все опубликованные ниже письма обнаружены мною в Немецком литературном архиве г. Марбаха (Schiller-Nationalmuseum und des Deutschen Literaturarchivs Marbach a. N., Handschriften-Abteilung). Публикуя их перевод, я считаю своим долгом выразить признательность этому замечательному научному учреждению за идеальные условия работы и разрешение на публикацию писем Ф.А. Степуна.

оба тома. Если Вы хотите, могу я вполне охотно о них где-то сообщить.

С сердечными приветами от нашего дома Вашему дому (из дома в дом)

Ваш *Федор Степун*

---

[1] *Philipp Witkop* — германист (1880—1942), в 1907 г. защитил в Хайдельберге диссертацию (как раз в те годы, когда там учился Степун).

[2] Степун говорит о своей книге «Из писем прапорщика-артиллериста», опубликованной в 1918 г. отдельным изданием и выдержавшей несколько русских изданий (последнее — в 2000 г., Томск, «Водолей»), а также по-немецки: «Wie war es moglich? Briefe eines russischen Offiziers». Munchen: Hanser Verlag. 1929; то же позже: «Als ich russischer Offizier war». Munchen: Kosel Verlag, 1963.

[3] Роман Степуна «Николай Переслегин», написанный в годы Гражданской войны и опубликованный в 1923—1924 гг. в «Современных записках». Последнее русское издание в 1997 г. (Томск, «Водолей»).

[4] *Franz Schnabel*— историк (1887—1966). Речь, очевидно, идет о первом томе его четырехтомной «Немецкой истории в девятнадцатом столетии» (1929—1937). В 1937 г. как убежденный республиканец был уволен с профессорской должности университета в Карлсруэ и до 1945 г. зарабатывал на жизнь статьями во «Франкфуртер цайтунг». С 1947 г. работает в Мюнхенском университете, где в эти годы работал и Степун.

2

Дрезден, 19.7.1930

Дорогой коллега Виткоп!

До сих пор упускал я возможность поблагодарить Вас за рецензию на мою книгу. Настоящим позвольте Вам высказать запоздалую, но совершенно искреннюю и сердечную благодарность. Но поскольку мы старые знакомые, то разрешу я себе к благодарности прибавить и просьбу: быть может, тот или этот любящий Россию и философски дружественный человек обратит внимание на мою «Как это было возможно»[1]. Может быть, также, чтобы в той или иной газете она стала поводом для рецензии. На днях был у меня мой издатель, еще весьма юный доктор Ханзер[2], которого Вы, может быть, знаете по Фрайбургу (он защищался у Кона[3]), и сообщил мне, что несмотря на то, что он не смеет быть недовольным сбытом Военной книги, все же распространяется она много медленнее, чем «Переслегин». Поэтому он просил меня у какого-либо дружественного человека попросить что-либо сделать для книги. Я делаю, что я могу и пишу среди прочих также и Вам. Просить человека значит всегда много брать на душу. Тем более, что произношу я это уже вторично. Некоторое время назад была издана книга одного моего земляка, Иосифа Бикерманна[4]: «Дон Кихот и Фауст»[5]. Бикерманн, которого я немного знаю и которого я очень ценю, сочинял эту книгу более семидесяти лет. Я сам хотя эту кни-

гу еще не читал, полагаю, что это может быть неплохо, поскольку Бикерманн был всегда чрезвычайно духовно богатый и своеобразный человек. В русской эмиграции стоит он одиноко. Уже хотя бы потому, что он как еврей является великорусским националистом. На запрос автора, кому ему послать рецензионные экземпляры, я разрешил себе назвать также и Ваш адрес. Меня бы очень обрадовало, если бы Вы нашли время пролистать книгу и если бы не сами Вы ее отрецензировали, но кому-то посоветовали ее отрецензировать. Иначе может легко случиться, что книга просто утонет.

Как поживаете Вы во Фрайбурге и как поживают другие фрайбуржцы? Я часто тоскую по этому прекрасному тихому городу, который в начальные годы моей эмиграции меня так любовно приютил. Жаль, что в последнее время мои пути ведут меня мимо Фрайбурга. Я надеюсь, однако, в скором времени снова как-нибудь на пару дней к Вам заехать.

Самые сердечные приветы Вам и Вашей жене от нас обоих.

Ваш *Федор Степун*

---

1 «Wie war es moglich» — так в немецком переводе называлась книжка Степуна «Из записок прапорщика-артиллериста».

2 *Carl Hanser* (1901—1985) — издатель, основатель издательства «Carl Hanser Verlag», где первым произведением он напечатал роман Степуна «Николай Переслегин» — по-немецки «Die Liebe des Nikolai Pereslegin» в 1928 г.

3 Степун пишет Cohn, но такого философа в те годы в Германии не было, возможно, это описка, и читать надо: Cohen. В таком случае это знаменитый Герман Коген (Cohen, Herrman (1842—1918), один из основателей Марбургской школы.

4 *Josef Bickermann* (1867—1942, Ницца), *Иосиф Манассеевич Бикерман* — известный сторонник ассимиляции евреев, интересный публицист.

5 Don Quijote und Faust : die Helden und die Werke / Joseph Bickermann. Verfasser: Joseph Bickermann Berlin : Collignon, 1929, 402 S.

3

Мюнхен, 17 августа 1951

Глубокоуважаемый господин Виттковский![1]

Пожалуйста, извините, что я так бесконечно долго не отвечал на Ваше письмо. Почему? собственно не могу сказать. У меня всегда лежат на письменном столе толстые папки с не отвеченными письмами, в которых я иногда начинаю с отчаянием рыться и не знаю, на которое я должен отвечать в первую очередь. В большинстве случаев берусь я за письма, которые связаны сроками и требуют быстрого решения. Другие тонут в груде. Поскольку Ваше не принадлежит к первой категории, оно все снова и снова откладывалось и так случилось, что я сегодня устыдился неприличности моего поведения и должен просить у Вас прощения.

Содержание Вашей заметки, которую я в скором времени пошлю руководителю фельетонного отдела одной мне близкой газеты — что также я некорректным образом до сегодняшнего дня упускал из виду — как раз мне это могло быть особенно интересно, поскольку в этом семестре я сам читал о духовных связях между Россией и Германией в 19 столетии. По меньшей мере две лекции были посвящены Шиллеру. В процессе занятий сделал я небезынтересное открытие, что знаменитая фраза славянофильского мыслителя Киреевского «дело зависит не от того, как связываются абстрактные понятия, но от духовного состояния думающего человека во время философствования». Это дословный и точный перевод одного Шиллеровского изречения, которое я из книги о Шиллере узнал. Интересно при этом, что Киреевский из этой Шиллеровской фразы делает применение, что Запад всегда только связывает между собой понятия и лишь христианский Восток трудится над состоянием думающей души[2]. Я полагаю также, что Достоевский своего Шиллера как-то «христианизирует». Также его Шиллер исходит не из Канта (за исключением отдельных академических философов Кант в России вообще едва ли оказал какое-то влияние[3]). Весьма большие русские философы, вспомнить хотя бы имена Лопатина, Лосского и — прежде всех иных — то же характерно для Семена Франка: и все это связано с борьбой против трансцендентального идеализма.

С повторной просьбой извинить мое молчание остаюсь с благодарностью и приветствием.

Ваш *Федор Степун*

P. S. Как только Ваша заметка о Достоевском и Шиллере будет опубликована, я немедленно вышлю ее Вам.

---

[1] К сожалению, адресат мне не известен.

[2] Стоит привести близкое по смыслу высказывание И.В. Киреевского (1806—1856), чтобы понять контекст рассуждения Степуна: «Но в том-то и заключается главное отличие православного мышления, что оно ищет не отдельные понятия устроить сообразно требованиям веры, но самый разум поднять выше своего обыкновенного уровня... <...> Первое условие для такого возвышения разума заключается в том, чтобы он стремился собрать в одну неделимую цельность все свои отдельные силы, которые в обыкновенном положении человека находятся в состоянии разрозненности и противоречия; <...> чтобы постоянно искал в глубине души того внутреннего корня разумения, где все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное зрение ума» (*Киреевский И.В.* О необходимости и возможности новых начал для философии // *Киреевский И.В.* Критика и эстетика. М.,1979. С. 318).

[3] Уже в 1913 г. в статье «Прошлое и будущее славянофильства» Степун писал: «Как бы ни относиться к Канту, его громадной нравственной ответственности и остроты его логического анализа отрицать нельзя. <...> С момента своего зарождения школа славянофилов по отношению к Канту только и занималась тем, что произвольно искажала его мысль и легкомысленно полемизировала с соз-

даваемою этим искажением карикатурою на нее. <...> Для всех них Кант был, в сущности, всегда только одною из больших почтовых станций на широком тракте рационализма. <...> В этом невнимании к самоотверженному голосу логической совести 19-го столетия кроется причина того, почему славянофилы с чисто философской точки зрения остались всего только статистами западного романтизма» (*Степун Ф.А.* Сочинения. М., 2000. С. 834—835).

4

Зигсдорф, 21.9.1955

Уважаемый и дорогой господин Витковский!

Я охотно попытаюсь у некоторых мюнхенских антикваров заказать книгу о Достоевском, но я настроен скептически, что ее сразу удастся найти.

У меня самого есть экземпляр, но я бы весьма неохотно выпустил его из рук, поскольку я, как Вы знаете, уже долгое время работаю над длинной статьей об Иванове[1], но также нуждаюсь в этой книге и для моих начинающихся с этого года курса лекций. Стоит вообразить, что я уступил ее, как приходят мысли, что вернуть ее назад есть сложная вещь: если книга отдана, то это очень угнетает и потом назад уже все-таки не отдается.

Я сижу здесь в деревне и не могу отсюда ничего предпринять. Через две недели я снова буду в Мюнхене и там посмотрю, что остается сделать. Во всяком случае, Вы можете быть уверены, что я сделаю все возможное, чтобы достать книгу. Простейшим было бы взять ее на время в библиотеке и выслать Вам библиотечный экземпляр. Можно бы также поговорить со швейцарским издателем, правда, если у него есть интерес заниматься этим в Швейцарии. Хотя я уверен, что в огромной швейцарской библиотеке есть все книги Иванова.

Я знаю, что виноват с ответом на Вашу первую открытку. К сожалению, у меня нет ее с собой. Вернувшись в Мюнхен, я подробнейшим образом на нее отвечу.

Самым сердечным образом приветствую Вас. Приветствуйте от меня и моей жены Фламинго и братьев и сестер Иванова. Из Мюнхена напишу я подробно в Рим.

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Имеется в виду здесь и далее поэт-символист и мыслитель Вячеслав Иванович Иванов (1866—1949). Статья, которую упоминает Степун, видимо, была дописана лишь несколько лет спустя: Vjaceslav Ivanovs Lehre vom realistischen (religiosen) und idealistischen Symbolismus // Die Welt der Slawen. Vierteljahrschrift für Slawistik. 1963. Jg. 8. Heft 3. S. 225—233.

5

Мюнхен, 8.4.48

Уважаемый господин Пешке![1]

Вернувшись из длительного путешествия, обнаружил я Вашу телеграмму. Я не ответил, так как Вы ожидали мою телеграмму лишь в случае моего отказа. Поскольку я знал Бердяева близко более 30 лет и постоянно сотрудничал с ним, должен был я, несмотря на мою рабочую перегруженность, решительно согласиться. Я берусь с тяжелым сердцем, но также и с охотой за эту работу и хочу надеяться, что у меня получится правильно портретировать человека и мыслителя. Я не хочу писать никакого представления читателю его философии, но хочу лишь набросать эскиз человека на фоне московской, берлинской и парижской жизни. Здесь не удастся избежать того, что я сделаю некоторые заимствования у себя самого и места из моих воспоминаний перенесу в эпитафию. На обстоятельную оценку его философии, — что предполагало бы ее точное представление, а пришлось бы слишком многое обойти, поскольку для углубления в отдельные стадии его мысли и различные связи, которые ведут к французскому католицизму, немецкой мистике и в заключение к экзистенциализму, — остается слишком мало времени. Также не мог бы я сейчас для этого найти времени. Пожалуйста, напишите мне, согласны ли Вы с моим планом и когда нужно было бы сдать работу.

Что Вам занятия духовным богатством Восточной Европы особенно по сердцу, услышал я с большой радостью. Я крепко убежден, что разрывающие Европу силы не суть Восток или Запад, но два совершенно разных понятия свободы, которые сегодня, с одной стороны, представляют европейские либерал-демократы, а с другой — большевизм. Первое, христианское, понятие свободы известно еще из Евангелия от Иоанна: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными»[2]. Второе, большевистское, из рассказа об изгнании из рая. Это понятие свободы от искусителя: «Съешьте от дерева познания добра и зла и станете вы как Бог»[3]. К сожалению начинают все больше эти два понятия свободы на русском Востоке связывать меж собой, что ни в коем случае не правильно, поскольку большевизм — это ни в коем случае не Россия, но грехопадение России в западные учения. Все эти вещи никто так глубоко не исследовал, как Достоевский, которым я как раз теперь снова обстоятельно занимаюсь, перечитывая его. В этой связи хорошо бы также посмотреть и как-то объяснить Мережковского, который был в высшей степени необычным человеком.

Тема, что мысленно представляется Вам, — «Инкубационный период коммунизма» — крайне важная и сложная. Политическая концепция коммунизма возникает уже в 60-е годы и характеризуется выдающимися именами Бакунина, Ткачева и Нечаева[4]. Достоевский в своих «Бесах» этот мир апокалиптического нигилизма объяснил глубочайшим образом; может быть, потому, что сам в юности весьма близко соприкоснулся с ним. Лютер[5] вряд ли сможет хорошо и правдиво изобразить, я бы Вам рекомендовал обратить внимание на блестящего ученого и писателя — проф. Федотова[6] в Нью-Йорке. Он пишет хорошо и много в русском нью-йоркском журнале, и я полагаю, что Вы хорошо бы сделали, если бы несколько его статей просто перевели бы. Сегодня я очень спешу, но охотно готов в следующий раз обстоятельнее рассказать Вам о публикациях Федотова последнего времени.

Также для ответа на последний вопрос, что бы можно было на пробу из произведений Бердяева напечатать, попрошу я у Вас еще немного времени.

С лучшими пожеланиями и сердечными приветами

Ваш *Федор Степун*

---

[1] *Hans Paeschke* — издатель и редактор журнала «Меркур».

[2] Ин 8, 32.

[3] Процитированные Степуном слова есть контаминация двух фраз из книги Бытия — слов Бога и слов змея: 1. «А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь» (Быт. 2, 17). 2. «В тот день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт 3, 5).

[4] Излюбленная мысль Степуна. Одним из первых связал он ленинскую идеологию с теориями Бакунина, Ткачева, Нечаева. В 1957 г. он уже лапидарно формулировал в статье «“Бесы” и большевистская революция»: «Следы бакунинской страсти к разрушению и фашистских теорий Ткачева и Нечаева можно искать только в программе и тактике большевизма» (*Степун Ф.А.* Сочинения. М., 2000. С. 635).

[5] *Arthur Lüther* (1876—1955) — историк литературы, родился в Орле (Россия), учился в Москве, Берлине, Хайдельберге и Лейпциге, умер в Баден-Бадене. Его называли посредником между немецкой и русской литературой и духовной историей. Работал как библиограф и доцент с чтением лекций о новой русской литературе.

[6] Имеется в виду Георгий Петрович Федотов (1886—1951), выдающийся русский мыслитель, историк, публицист, создатель (вместе со Степуном и Бунаковым-Фондаминским) знаменитого эмигрантского журнала «Новый град» (1931—1938).

6

Мюнхен, 24.4.48

Уважаемый господин Пешке!

К сожалению, сообщенное Вами посещение господина доктора Мораса[1] не состоялось. Хольтхузен[2] написал мне, что сам

приедет в конце мая, но он ужасно перегружен. Сегодня читает он свое стихотворение в одном известном частном доме, но я не могу снова по той же причине идти туда. Нас всех лихорадит от этой неправильной жизни, без спокойствия и правильного мышления. У меня прекращается спешка тогда, когда я беру в руки перо. Это мое единственное спасение. Поскольку я как пишущий не могу спешить, то должен я уже теперь сообщить о своей уверенности, что к 10 номеру эпитафия может быть готова. В настоящее время занят я пересмотром перевода 2-го тома моих воспоминаний[3].

Что касается Вашего предложения, то я полагаю, что критика бартианизма[4] едва ли может иметь место в моем исполнении. Это очень сложная тема и совершенно вывела бы меня из рамок русской темы, в которых я хотел бы показать портрет Бердяева. Истолковывать критику К. Бартом Бердяева как критику восточного христианства на Западе было бы опасно, поскольку религиозная философия Бердяева ни в коем случае не является репрезентативной для восточного христианства[5]. С одной стороны, он очень сильно связан с немецкой мистикой, прежде всего с Якобом Бёме, с другой стороны, с некоторыми французскими традиционалистами.

Также не очень счастливо найден в качестве сопутствующей темы Мережковский. Как мыслителя и художника я бы не оценил его так высоко, как по всей видимости делаете Вы. Я полагаю, что он как личность много меньше значит, чем Бердяев. Он велик только как центральный вокзал русской культуры, на котором в начале столетия заезжали и выезжали все поезда, при этом еще надо бы принять во внимание, что он играл эту роль прежде всего как муж своей очень значительной жены[6]. Мережковского невозможно представить без очень обстоятельного показа всех философских и литературных течений его времени, и это должно бы быть проделано в самостоятельной работе.

С сердечными пожеланиями Ваш *Федор Степун*

---

[1] *Joachim Moras* (1902—1961) — редактор, основал в 1947 г. вместе с Хансом Пешке (Hans Paeschke) журнал «Меркур» («Merkur»), где печатался Степун.

[2] *Dietrich Johannes Holthusen* (1924—1985) — славист. В 1957 г. выпустил книгу «Studien zur Ästhetik und Poetik des russishen Symbolismus». О русском символизме писал свои последние работы и Степун.

[3] Речь идет о русском варианте мемуаров Ф.А. Степуна «Бывшее и несбывшееся», изданных в 1956 г. в Нью-Йорке изд-вом им. Чехова.

[4] Речь идет о взглядах известного швейцарско-немецкого протестантского теолога-антифашиста Карла Барта (Karl Barth; 1886—1968), создателя так называемой «диалектической теологии». Современный немецкий богослов пишет, что теологии Карла Барта «было ведомо все темное, злое, негативное и презренное в мире, но в то же время ее страницы написаны с великой верой в то, что послед-

нее слово останется за благим и милосердным Богом» (*Кюнг Г.* Великие христианские мыслители. СПб., 2000. С. 355).
[5] Аналогично высказывался о мыслителе в статье 1948 г. единомышленник Степуна Г.П. Федотов, объясняя, почему нельзя по текстам Бердяева судить о позиции православия: «Бердяев со своей философией личности, свободы и творчества более связан духовно с Западом, чем с Россией; но в то же время он вобрал в себя много ценных элементов русского миросозерцания (через Достоевского, Хомякова, Вл. Соловьева), которые являются для Запада новым откровением. Запад, конечно, ошибается, считая Бердяева типичным выразителем русского православия» (*Федотов Г.П.* Бердяев-мыслитель // Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. 1. Изд. подготовил А.А. Ермичёв. СПб., 1994. С. 437).
[6] Имеется в виду Зинаида Николаевна Гиппиус (1869—1945), поэтесса, критик, публицист, жена Д.С. Мережковского.

7

Мюнхен, 26 сентября 1948

Дорогой господин Пешке,

вернувшись в начале месяца из Швейцарии, хотел я все же Вам писать и сообщить Вам, быть может, неприятное размышление, что для эпитафии Бердяеву мне нужно еще некоторое время, если я действительно должен прислать нечто тщательно обработанное. В Швейцарии я именно узнал от его друзей и знакомых, что он незадолго до смерти издал по-русски книгу, которую я до сих пор еще не смог достать и которая принадлежит к самым значительным его творениям. Речь идет о метафизике эсхатологии. Также я не получил еще «Душу России», которая не столь важна, поскольку по содержанию она, кажется, совпадает с опубликованным издательством «Vita nova» произведением о смысле и судьбе русского коммунизма. Четыре изданных в Швейцарии книги я привез. В скором времени выйдет также его автобиография. Конечно, можно было бы нечто предварительное написать, но мне кажется, что это было бы неправильно. К этим внешним трудностям присоединилось множество внутренних. А именно для своего семинара (тема — учение о свободе у Бердяева) я заново проработал три его существенные книги: «Философию свободного духа», «Смысл творчества» и «О назначении человека» и при этом констатировал, что стиль его мысли так смутен и нечеток, что ясное его представление вообще невозможно. Оно будет хорошо через некую замещающую характеристику. Это, конечно, снова весьма рискованно. И так нагромождаются трудности.

Как Ваши дела? В этот вторник услышу я, как полагаю, в кругу Менцеля[1] читаемый Вами доклад о Фонтане, изданном Шпангенбергом[2], где после я выступаю с чтением отрывка из 2-го тома моих воспоминаний. Таким образом состоится наша беглая встреча за кулисами действительности. Но и это уже хорошо. Напиши-

те, если у Вас будет время, пару строк, что Вы думаете о проблеме Бердяева.

С самыми сердечными приветами вам и Вашей жене

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Возможно речь идет о немецком политике-антифашисте, с 1946 г. министре внутренних дел земли Нордрейн-Вестфалия: *Walter Menzel* (1901—1963).

[2] *Berthold Spangenberg* (1916—1986) — немецкий издатель, выпустивший первое большое и современное издание сочинений знаменитого немецкого писателя Теодора Фонтане (1819—1898).

8

Мюнхен, 6 марта 1949

Дорогой господин Пешке,

теперь закончил статью о Бердяеве[1]. Завтра добавлю я некоторые стилистические исправления и отправлю ее к Вам. Материал оказался очень хрупким, так что я должен был очень много времени употребить на придание ему формы. Надеюсь, маленькое опоздание не приведет к затягиванию публикации. Подсчет страниц — 20 страниц формата «Меркур» — соответствует истине.

К сожалению, я принадлежу к авторам, которые в корректуре много изменяют, потому что только зеркало набора пробуждает ощущение нюансов. Может быть, было бы неплохо, если бы Вы, прежде, чем посылать статью в типографию, отдали ее на чисто грамматическую проверку.

В надежде, что статья Вам подошла, с сердечными приветами

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Статья Степуна «Николай Бердяев» была опубликована на немецком языке в: Merkur. 1949. III. Jahrgang. Heft 10. S. 953—969. На русском языке впервые в книге: *Степун Ф.А.* Портреты. СПб., 1999. С. 277—293.

9

Мюнхен, 26 августа 1949

Дорогой господин Пешке!

Вы правы: это было бы не правильно, чтобы Бердяев был оценен очень высоко, а Иванов нет. Хайзелер[1] не сможет написать, он не знает русского языка и к тому же переводы Иванова вряд ли имеются. Пара статей в «Короне» — это слишком мало. Артур Лютер может, конечно, все, но он недооценивает Иванова и может не совладать с его сложностью. Из немцев мог бы, может быть, только Штаммлер справиться. У меня был с ним ни к чему

не обязывающий разговор, и он сказал, что охотно бы отважился на такую тему. У меня дома есть три тома стихотворений Иванова, последний том из трехтомника его эссе, переписка между ним и Гершензоном[2] и некоторые другие вещи. Также мог бы я Штаммлеру кое-что рассказать. Я бы и сам охотно написал, но у меня уже было написано огромное эссе к семидесятилетию поэта, изданное на итальянском, немецком и русском языках[3]. Совсем освободиться от него было бы мне тяжело, потому что я почти все, что мне казалось существенным в Иванове, в этом этюде проработал. Со своей стороны Вячеслав Иванов очень обрадовался своему портрету, нарисованному мной. Несмотря на все это вряд ли Вы можете взять этот этюд или даже его вариант. Если Вы не найдете согласия со Штаммлером, то могли бы Вы обратиться в Париж к Вейдле[4], который у Вас уже писал о Пушкине. Вейдле невероятно образованный человек, хороший знаток русского символизма и очень элегантный, может быть, даже слишком элегантный писатель.

Несколько дней назад я получил последнюю книгу Бердяева «Дух и реальность»[5]. Я ее еще не полностью прочел, но вижу, что там поставлены весьма существенные и частично новые проблемы. В этой связи может пойти речь, не надо ли мне перерабатывать статью. Собственно, у меня для этого нет времени. Но, может быть, оставить пока, к тому же, вероятно, будет уродливо добавлять постскриптум. Я посмотрю, что я сделаю, но я хотел бы от Вас знать, придаете ли Вы значение переработке корректуры или лучше статью так оставить, как она вышла из типографии.

Господин Завалишин хорошо мне известный человек. Принадлежит к эмиграции новой формации. Происходит из старого дворянского рода. Выглядит как Раскольников после убийства старухи. Карл Ханзер[6] боится его, когда он приходит к нему в дом. Он что-то учил, имеет идеи и определенную писательскую судьбу, знает только русский и всегда очень плохо переводит, поскольку переводы он скорее вымаливает, чтобы получать под заказы деньги. Глава, которую он Вам послал, родственна той статье, которая была опубликована в октябрьском номере «Хохланд». Я просмотрю на этих днях эту работу и потом Вам напишу. Абсолютно уверен, что никто не знает новейшую советскую литературу так хорошо, как он.

С сердечным приветом

Ваш *Федор Степун*

---

[1] *Bernt von Heiseler* (1907—1969) — писатель, сын известного переводчика русской классики, Henry von Heiseler (1875—1928), в 1943—1944 гг. издатель журнала «Корона» («Corona).

[2] Очевидно, имеется в виду знаменитая «Переписка из двух углов» Вяч. Иванова и М. Гершензона (впервые: Пг., 1921).
[3] Речь идет о статье Степуна «Вячеслав Иванов», опубликованной впервые по-немецки: Hochland. 1934. № 1, а на русском языке: Современные записки. 1936. № 62. С. 229—246. Перепечатано им в сборнике: Встречи. Мюнхен, 1962.
[4] *Владимир Васильевич Вейдле* (1895—1979) — знаменитый русский мыслитель, философ и литературовед, эмигрант. Быть может, наиболее программная его книга, посвященная взаимоотношениям России и Запада: Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк, 1956. См. также его книгу, изданную недавно в России: *Вейдле В.В.* Умирание искусства. СПб., 1996. В западноевропейской прессе не раз проводили параллель между позицией Вейдле и позицией Степуна.
[5] Указанная Степуном книга Бердяева вышла в 1937 г. Возможно, он имеет в виду другую книгу мыслителя, вышедшую в год написания этого письма и статьи Степуна: *Бердяев Н.А.* Царство Духа и царство Кесаря. Париж, 1949.
[6] См. прим. 11.

10

Мюнхен, 31 августа 1950

Дорогой господин Пешке!

Мне очень жаль, что мы с Вашего появления у меня так больше и не виделись. Но я знаю, что Вы были в тяжелых заботах и очень заняты. От Штаммлера я слышал, что за последнее время (недавно) все трудности разрешились и Вы снова твердым шагом маршируете по вершинам. Я поздравляю Вас и желаю Вам дальнейшего процветания.

Непосредственная причина моего письма к Вам — одна просьба: в следующем номере «Меркур» дать одно запоздалое исправление вкравшейся ошибки касательно Бердяева. Как я написал в статье, был я вполне убежден, что Бердяев вроде бы взял советский паспорт[1]. Мне пишет его свояченица, которая занимается его наследием[2], а также мистер Дональд А. Лурье, американский издатель его русских текстов, что Бердяев никогда не взял бы русский паспорт, так как ему в русском консульстве объяснили, что он мог бы вернуться в Россию, но он никогда бы не мог считать, что он там свободно говорил бы, а его книги были бы там изданы. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы каким-либо бросающимся в глаза способом внесли это исправление. Вы могли бы следующий дословный текст напечатать: «Профессор Степун просит нас исправить вкравшуюся ошибку. Его сообщение, данное им в статье о Бердяеве (номер журнала), что Бердяев получил советский паспорт, не соответствует фактам. Верно лишь то, что Бердяев вел переговоры с советским послом Богомоловым о своем возвращении в Россию. Но поскольку свободная продажа его книг и беспрепятственное преподавание в университете было представлено ему как невозможное, он отказался от возвращения и при этом также и от советского паспорта».

Я очень плохо сейчас все это сформулировал и буду благодарен редакции, если она то же самое скажет элегантнее.

С наилучшими пожеланиями

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Степун писал в этой статье, что Бердяев был верен себе и «последователен», когда «обменял документ Лиги Наций, удостоверяющий личность, на советский паспорт, чем резко оттолкнул от себя прежних друзей и единомышленников» (*Степун Ф.А.* Портреты. СПб., 1999. С. 281).

[2] Речь идет о *Евгении Юдифовне Рапп* (1875—1960), сестре жены Бердяева.

11

Мюнхен, 3 мая 1955

Дорогой доктор Флюгель[1],

у Вас было хорошее намерение как-нибудь посетить нас. К сожалению, из этого ничего не вышло. А теперь мы уезжаем до конца мая в Италию. К путешествию присоединяются еще несколько докладов в Эссене, Ганновере и Марбурге. Итак, я буду точно в Мюнхене к 10 июня. Но июнь — это хорошее время для прекрасной встречи. Пожалуйста, не оставляйте своего плана. Вы чаще бываете в Мюнхене, чем я в Тутцинге.

Я посылаю Вам манускрипт, который, возможно, заинтересует Вас. Это работа, может быть, значительнейшего русского философа 20 столетия Семена Франка о так мало известном в Германии Пушкине. К сожалению, последние страницы перевода я затерял и не могу их быстро в сей момент найти. На длительные поиски у меня нет времени. Но я надеюсь, что Вы и без последних страниц поймете и сообщите мне, возможно ли поместить в «Eckart» статью Франка[2]. Франк — хороший писатель, глубокий мыслитель и также знаток Пушкина. Может, пишет он слишком по-русски, т. е. слишком широко. Вы могли бы статью подсократить и также, смотря по обстоятельствам, изменить. Меня бы очень порадовало, если бы Вы смогли ближе представить Пушкина немецкому читающему кругу.

С наилучшими пожеланиями Вам и Вашей супруге от нас обоих

Ваш *Федор Степун*

---

[1] *Heinz Flügel* (1907—1993) — публицист, писатель. После Второй мировой войны редактировал католический журнал «Hochland», в 1951—1960 гг. был издателем евангелического журнала «Eckart», где сотрудничал Степун.

[2] Как следует из ответного письма Флюгеля от 21 июня 1955 г., речь шла о статье С. Франка «Пушкин как религиозный мыслитель». Статья не была опубликована в «Eckart». Флюгель счел ее слишком сложной для немецкого читателя, интересной, но лишь для тех, кто Пушкина уже знает и сможет понять причину спора о религиозности поэта.

12

Мюнхен, 24 ноября 1957

Дорогой и многоуважаемый доктор Флюгель,

огромное спасибо за Ваше письмо. Я очень хорошо помню наш разговор: Вы хотели, чтобы я написал какой-либо текст для Вашего журнала, который был бы опубликован вместе со статьей моего старейшего и, может быть, любимейшего друга, Рихарда Кронера[1]. Но чтобы мы уже конкретно договорились о каком-либо моем тексте, в этом я не совсем уверен. Если бы я твердо обещал, то я бы должен был бы уже писать, но я действительно не уверен, смогу ли я это сделать. Я, так сказать, «распродан». У меня для сборника (кажется, под названием «Европа и христианство»), который издает профессор Лортц[2], написана большая статья (54 машинописные страницы) под названием «Сущность большевизма и оборонительные силы Европы»[3]. Дальнейшая чрезвычайно интересующая меня работа «Социологическая объективность и христианская экзистенция» для юбилейного сборника[4], по формулировке Лортца, мне не очень удалась, поскольку у меня было слишком мало времени и я получил там слишком мало места. Госпожа фон Мангольдт[5] устроила, если так можно сказать, сейчас 6 докладов о «Теологии сатаны». В этой серии я излагал тему «Проявление Бога в мире под господством сатаны — в учении о свободе Бердяева». Незадолго до этого я издал доклад о софиологии Владимира Соловьева и его философии любви[6]. В юбилейный сборник для Делеката[7] наговорил я об экуменической проблеме у того же Соловьева. Если я не ошибаюсь, эту статью я мог Вам обещать. Я охотно — поверьте мне в этом — хотел бы вместе с Ричардом опубликоваться во всегда интересном Eckart'е, но в настоящий момент у меня нет ничего в голове, что могло бы легко лечь под перо и вместе с тем подойти для Eckart'а. Это письмо ни в коем случае не есть окончательный отказ, но лишь выражение потерянной мной надежды. Должно же мне что-то во время работы придти на ум, что можно повернуть как тему, тогда я тут же напишу Вам. И если что придет и Вам в голову, то сообщите мне это.

Я также думаю с большой радостью о вечере у Вас и, более того, прежде всего, чтобы послушать рассказ о Вашем путешествии.

С сердечными приветами

всегда Ваш *Федор Степун*

---

[1] *Richard Kroner* (1884—1974) — философ, учился в Хайдельберге вместе со Степуном, затем во Фрайбурге защитил диссертацию у Г. Риккерта. В 1938 г. эмигрировал в Великобританию, в 1940 в США, неогегельянец.

[2] *Josef Lortz* (1887—1975) — католический теолог, историк церкви, экуменист, выступал против нацизма, с 1950 г. директор Института европейской истории в Майнце.
[3] Статья была опубликована в 1959 г.: Der Bolschewismus und die Abwehrkrafte Europas // *Lortz J.* Europa und das Christentum. 1959. S. 33—70 [Veroffentlichungen des Instituts fur Europaische Geschichte. Mainz, Bd. 18].
[4] Soziologische Objektivitat und christliche Existenz // Festgabe Josef Lortz. Baden-Baden, 1958, Bd.2. S. 551—556. В России опубликована в переводе Р.Е. Гергеля: Социологический журнал. 1995. № 4. С. 102—115.
[5] Возможно, речь идет об известной писательнице и издательнице, племяннице влиятельного политика Вальтера Ратенау — *Ursula-Ruth Mangoldt-Reiboldt* (1904—1987), занималась хиромантией, была знакома с Райнер-Мария Рильке, Томасом Манном и Андре Жидом, переводила индийскую философию.
[6] Вероятно, речь идет о статье Степуна: Wladimir Solowjew // Merkur. Jg 11. (1957). № 3. S. 214—231.
[7] *Friedrich Delekat* (1892—1970) — теолог, антифашист, коллега Степуна по Дрезденской высшей школе, с 1946 г. профессор теологии, педагогики и политики в Майнце. См. о нем подробнее в примечаниях в письме Степуна Риккерту.

Публикация, перевод с немецкого и комментарии В.К. Кантора

Опубликовано: Вестник Европы. 2001. № 3. С. 186—191.

Раздел II
Западным интеллектуалам

«Положительно прекрасный человек», помогавший выжить (русская эмиграция и ее хранитель)
Федор Степун и Густав и Мария Кульманы

На протяжении всего XIX века русская литература и русская философия искали героя, которого без сарказма можно было бы назвать «героем нашего времени». Это и Пьер Безухов, и Платон Каратаев, это Рахметов и Лопухов, это князь Мышкин и Алеша Карамазов, это Пелагея Ниловна Горького и т. д. — разных взглядов, разных исповеданий, но ориентированных на помощь ближним. Достоевский нашел определение такого героя — «положительно прекрасный человек». Причем сверхзадача русских писателей была в том, чтобы эти герои как бы ожили, стали общественной реальностью. Под видом рахметовых во власть ворвались бесы (русским писателям жизненно удавались страшные фигуры, они-то и оживали). Эти бесы и выгнали русских писателей и мыслителей из России, чтобы не очень-то воображали себя «солью русской земли», в расчете, что эта соль растворится в европейском море и ее вкус Россия забудет. Большевики играли почти наверняка. Шанс на погибель отвергнутых Родиной был большой. Европа шла к своей катастрофе, казалось, ей не до русских изгнанников. Военное министерство Германии, с которым был у большевиков договор о проезде русских интеллектуалов, разумеется, заботиться о приехавших не собиралось.

Как мы знаем, благородных людей в мире, готовых придти на помощь, не так много, масса как таковая чувства сострадания не знает, у нее одна лишь страсть — страсть к насилию, вспомним Элиаса Канетти («Масса и власть»), и жажда фюрера. Но рыцари оставались, как всегда бравшие на себя большую ношу. Скажем, был поклонник русской духовности, сам известный мыслитель, автор трехтомника «Россия и Европа», первый президент Чехословацкой республики

Т.Г. Масарик. Он организовал приют, создал структуры для работы русских мыслителей (в Праге жили Б. Яковенко, П. Струве и др.). И все же большинство оказалось не в Чехословакии, а в Германии и Франции. А там жизнь была тяжела и скудна. В этих странах активно работала советская ЧК. Но и там эмигрантов (это ведь был почти исход — несколько миллионов) поддержали твердые и надежные руки. Разумеется, главные силы были направлены на поддержку русской интеллигенции, которую Ленин называл «говном нации». Но для кого-то на Западе задача сохранить интеллектуальную Россию как антитезу большевистской идеологии оказалась чрезвычайно важной. Какие цели были у этих хранителей — можно догадываться. Но великие тексты русской мысли и литературы они спасли. Теперь эти тексты снова в России. Как поразительно судьба русских изгнанников напоминает судьбу Данте, которую русские мыслители постоянно вспоминали. Изгнанный из Флоренции, он стал теперь ее символом. Аналогичное превращение произошло и с русской эмиграцией. Их книги, стихи, картины стали гордостью русской культуры. Кто укрывал Данте? Разумеется, противники Флоренции. Так ли это важно сегодня? Русские эмигранты сверяли свою судьбу с судьбой Данте. Это и Мережковский, и Борис Зайцев, написавшие книги о Данте. Слова Зайцева об изгнании Данте звучали как история о русских изгнанниках: «Пять дней грабил плебс дома Белых, а власть захватили Черные и Валуа. К Рождеству все вожди Белых бежали, среди них и Данте. А 27 января 1302 г. был обнародован декрет об изгнании Данте и его товарищей»[1]. Данте — это надежда, что и их слово переживет беду их времени: «Жизнь Данте была полна волнений, горечи и неудач. “Божественную Комедию” в его дни почти не знали. Тем грандиознее посмертная слава этого задумчивого и уединенного скитальца, вознесшая его на вершины человечества и осиявшая сказочным величием»[2].

Мы мало знаем о тех людях, что помогали, спасали, опекали русских эмигрантов. Они были, что называется, чиновниками в неких структурах, создававшихся Западом в противовес Советской России. Как-то Честертон написал, что люди любят рассказы о сыщиках и контрразведчиках, потому что они напоминают средневековых рыцарей, вышедших на борьбу со злом. А зла было немало, и оно было активно. Это понимали эмигранты, понимал и Запад, не просоветский (был такой, и очень влиятельный), а тот, который выступил хранителем (в какой мере это было возможно) русской культуры. Агенты ЧК выкрадывали белоэмигрантов, убивали их (это видно из писем Степуна). Характерны заметки в эмигрантской прессе, скажем, в кадетской газете «Руль» в 1922 г.: «Берлинская политическая полиция напала на след новых при-

готовлений к посягательству на жизнь проживающих в Берлине видных русских общественных деятелей»[3]. Противостояли им, разумеется, не ангелы с крыльями, а тоже сотрудники специальных органов, которые по отношению к изгнанным русским интеллектуалам выступали, однако, не как вербовщики, а как охранители. Благодаря их усилиям создавались издательства, печатные органы, институты. Скажем, Русское студенческое движение, знаменитый «Вестник РСХД», издательство «YMKA-Press» и т. д.

Но были среди них и ангелы, бросившиеся на помощь русской мысли совершенно искренне, любившие русскую культуру, выросшие на ней, ставшие друзьями русских эмигрантов. Именно так — ангелом — назвал одного из них Степун, а именно Густава Кульмана. Но прежде, чем привести слова Степуна «Памяти <...> Кульмана», стоит дать хотя бы бегло факты биографии «ангела» акцентировав подробнее то, что уже было в примечаниях.

Густав Густавович Кульман (Gustave Kullmann, 1896—1961), швейцарец, родившийся в Голландии, учился в Йельском университете. Юрист по профессии, поклонник русской культуры, он встречал русских философов, высланных на «философском пароходе», помогал в их трудоустройстве; один из создателей и соредакторов (вместе с Бердяевым) журнала «Путь» (1925—1940), работал в «YMCA-Press», секретарь американского отдела YMCA. За год до женитьбы на Марии Зерновой (впоследствии — Кульман) — в 1928 г. Г. Кульман принял православие. В 1931 г. начал работать в международных организациях по интеллектуальному сотрудничеству. С 1938 г. он заместитель Верховного комиссара по делам беженцев при Лиге Наций, потом при ООН, занимался делами перемещенных лиц (DP), помогал еврейским беженцам, его именем назван один из кибуцев в Израиле. Но это позже. В 20-е—40-е годы Кульман в центре русских эмигрантских судеб, в переписке с многими. Бердяев вспоминал: «Г.Г. Кульман поразил меня и С. Франка родственностью пережитой эволюции, близостью взглядов по многим вопросам. Это был человек высокой культуры. С ним многое впоследствии было связано». И как пример этой связи отмечал[4]: «В 26-м году начал издаваться под моей редакцией журнал “Путь”, орган русской религиозной мысли, который существовал 14 лет. Он издается от Религиозно-философской академии. Инициатива создания журнала принадлежала Г.Г. Кульману, который вообще много сделал для русских, особенно для религиозного движения среди русских».

Для понимания близости Кульмана к русской эмиграции важно добавить, что его жена — родная сестра Николая Михайловича Зернова. Сам Н.М. Зернов в 1921 г. эмигрировал к Константи-

нополь, откуда перебрался в Белград, где окончил богословский факультет Белградского университета в 1925 г. Как отмечается всеми, кто писал о Зернове, его биография вполне типична для интеллектуала-эмигранта, но не рядового. Из Белграда он переехал в Париж. Активный член Русского студенческого христианского движения (РСХД). Секретарь РСХД (1925—1932). Первый редактор «Вестника РСХД» (1925—1929). Доктор философии Оксфордского университета (1932). Преподавал основы восточной православной культуры в Оксфордском университете В последние годы жизни руководил деятельностью дома свв. Григория Нисского и Макрины в Оксфорде. Скончался 25 августа 1980 г. в Оксфорде. После него осталось богатейшее собрание книг и рукописей русских эмигрантов, которое хранится теперь в Москве, в отделе религиозной литературы и книг русского зарубежья Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы (фонд Зернова). Сохранилось письмо Степуна Зернову, где он отвечает на вопросы, которые Зернов разослал всем видным представителям русской эмиграции. Отрывок из этого письма любопытен, как самохарактеристика Степуна: «Писать обо мне очень трудно, потому что мою философию, нигде систематически не изложенную, но представляющую собой вполне законченную систему, надо почти по крохам собирать из всех моих книг»[5].

Кстати, встреча Степуна и Кульмана сразу определила их интеллектуальные интересы. Автор самой значительной немецкой книги о Степуне (биографически-проблемной) Кристиан Хуфен замечает, что знакомство и «важная дружба» произошла у Степуна и Кульмана на докладе Макса Шелера 18 марта 1923 г. в Берлине в Религиозно-философской академии[6]. Существенно, что в этот момент «приехавший из Швейцарии Кульман руководил образовательной программой YMKA в Берлине»[7]. Как известно, Берлин очень близок к Дрездену, где жил Степун. А уже с 1929 г. Кульман становится в Дрездене директором Международного института студенческой взаимопомощи. Отсюда идет не только знакомство, но и возможная совместная работа Степуна и Кульмана. Надо сказать, что дружил не только Степун с Кульманом, дружили, естественно, и их русские жены. В 1931 г. Кульманы уезжают из Германии, но переписка не обрывается, напротив, усиливается. Скажем, в том же 1931 г. Наталья Степун пишет Марии Кульман о том, что происходит в их городе — о «ежедневных уличных боях в Дрездене с убитыми и тяжело раненными»[8].

Именно Кульману он рассказывает очень личное — о встрече с умирающим Эмилием Метнером, издателем «Мусагета», за которым Степуны ухаживали и которого похоронили[9]. К Куль-

ману Степун писал, советуясь и прося помощи (скажем, в связи с изданием «Нового Града»), обсуждал общих знакомых — Федотова, особенно много занимает в его письмах имя Пауля Тиллиха. С Тиллихом Степун подружился давно. Надо сказать, что преодоление трудностей с получением профессорской кафедры в Дрездене вчерашним русским эмигрантом связано с письмом-рекомендацией Э. Гуссерля и прямой поддержкой именно П. Тиллиха: «На заседании Ученого совета отделения культурологии выступил незадолго до этого занявший кафедру теологии протестантский философ П. Тиллих и охарактеризовал кандидата как серьезного исследователя, после чего Степун был утвержден на должность экстраординарного профессора социологии»[10]. Судя по переписке, они дружили вместе, и судьба Тиллиха, не вернувшегося в послевоенную Германию, занимала их мысли. К Кульману Степун обращался, когда решил тоже эмигрировать, опасаясь прихода на Запад Красной армии.

Сохранилось что-то вроде некролога Степуна на Кульмана, написанного по просьбе Марии Кульман. Приведем его, хотя и не целиком, выделяя лишь ключевые моменты. Именно здесь он и называет Густава Кульмана «ангелом-хранителем», пытавшимся хранить русскую и еврейскую нации.

«ПАМЯТИ ГУСТАВА ГУСТАВОВИЧА КУЛЬМАНА

Свое критическое отношение к западноевропейской культуре Иван Киреевский выразил словами: “Запад — это рационализм мысли и атомизм жизни”.

В своей критике отвлеченных начал Соловьев развил это положение и выдвинул как начало русской культуры религиозно укорененное положительное всеединство. Эту идею Достоевский уточнил требованием ее осуществления: “может быть главная идея России и состоит в осуществлении ее идей”. Миросозерцание и жизненное дело Густав Густавовича легко и округло вписывается в треугольник, над тремя углами которого вписаны эти три формулы.

<...>

Если бы Густав Густавович родился типичным западным европейцем, он, блестяще окончивший юридический факультет и получив предложение остаться при университете, стал бы знаменитым профессором, написав книгу “о положительных и отрицательных сторонах идеи автономии, как главного принципа новой культуры”. Но он таковым не родился. Какая-то трепетная звезда с Востока заглянула в его колыбель и породнила с Россией. Науки он не бросил; каждый читавший его статьи или слышавший его

лекции не мог не ощутить в его устном и печатном слове больших, широких и к тому же лично окрашенных знаний, постоянно исполненных тяги к соседствующим наукам, к искусству, которое Кульман очень любил и понимал и, главное, к обязанности разрешения насущных проблем жизни. Этим разрешением он и занимался всю свою жизнь, не становясь профессиональным дельцом, суетливым функционером и политиканствующим демагогом, которые дружно разлагают современную Европу. Для Г.Г. характернее всего может быть то, что пройденный им жизненный путь не отделим от того пути, которым шла окружающая его трудная и сложная жизнь.

В Европе уже несколько десятилетий нарождается общеевропейский тип, для которого характерно как в культурной, так и в социальной жизни отрицание национального начала. Эта тенденция интенсивнее всего проявилась в большевизме, провозгласившем тезис, что субъектом культурного творчества является не нация, а пролетариат. К счастью, этот догматический тезис не осилил русского литературно-художественного творчества, в котором все сильнее пробиваются национальные черты. Не в столь радикальной формулировке, но тот же тезис завладевает и современною западноевропейскою, во всяком случае, немецкою литературой. На недавно прочитанном в Мюнхенском университете цикле лекций очень умный и тонкий ученый доказывал, что в современной немецкой литературе субъектом художественного творчества надо считать не нацию, а общество, распадающееся на левое и правое крыло и порождающее левую и правую литературу, враждующие между собой. Несостоятельность этой теории доказывается, как мне кажется, прежде всего тем, что ни у западноевропейского общества, ни у русского пролетариата нет своего языка, а есть только терминология, которой для художественного творчества недостаточно. Да и сам Господь заключил союз с еврейской нацией в целом, а не с ее отдельными частями. Среди католических профессоров-старозаветников существует, между прочим, мнение, что на Страшном Суде будут судиться не только отдельные личности, но и нации. Такое понимание Страшного Суда возможно только, если нацию считать живою соборною личностью, имеющую своих ангелов-хранителей. Эту точку зрения в наше время защищал еще Вячеслав Иванов.

В Г.Г. меня всегда привлекало, что, живя во многих культурах, как по долгу службы, так и по широте своих интересов, он никогда не производил впечатления национально обезличенного человека, а всегда лишь национально многоликого. В качестве шутливого указания на это свое свойство он как-то, помнится, говорил

мне, что научные статьи он охотнее всего пишет по-немецки, застольные речи произносит по-английски, интересные и остроумные разговоры ведет по-французски, а о сердечных делах, о любви охотнее всего говорит по-русски. Эти характеристики можно, при некоторой фантазии, превратить в образы упомянутых 22-х европейских наций. Россию Г.Г. чувствовал очень глубоко и знал очень хорошо. Особенно ее богословскую науку и ее религиозное миросозерцание. Если бы не легкий акцент в разговоре, его можно было бы подчас принять за подлинно русского человека.

Я не помню, где и когда мы с женой познакомились с Г.Г. Мои воспоминания о Кульманах начинаются с полученного нами в Дрездене письма с просьбой найти для них квартиру, что в то время (это был, вероятно, 29 или 30 год) было не так легко. Квартира нашлась не вполне обыкновенная: небольшой домик, напоминавший помещичий флигель в густом саду; в памяти качаются головки каких-то больших цветов. Помню первый разговор у нас — сразу же интересный, живой, особенный и очень серьезный. Начавшаяся в Дрездене дружба продолжалась на протяжении всей нашей жизни, вплоть до последнего свидания в Прине.

Дар дружбы особый дар. Г.Г. был им одарен в особенно сильной степени. Мы жили у Кульманов в Женеве, в Босси. И несколько сложных и бурных дней провели с Г.Г. в Мюнхене, куда он приехал после окончания Второй Мировой войны. Вспоминая дни, недели и месяцы, проведенные с Кульманами, я испытываю нежность и глубокую благодарность за все полученное от Г.Г. Вспоминаю его мощную, но и изящную фигуру, его живые серые глаза, уютную трубку в зубах и вспоминая, всегда заново волнуюсь тем духовным и душевным началом, которое всегда ощущалось в нем. <...>»[11].

Это хорошее завершение вступительной заметки, дающее высокий духовный настрой для восприятия писем Степуна Кульману. Стоит в завершение напомнить, что сохранились только письма самого Степуна, все ответы его адресатов погибли в страшной бомбардировке англо-американской авиацией Дрездена (1945), когда дом Степуна был уничтожен до основания. Сам любимец Фортуны в этот момент был в отъезде. Но и без ответов понятны по письмам самого Степуна взаимоотношения адресатов. А они были высокие и достойные.

---

[1] *Зайцев Б.* Данте и его поэма. М.: Вега, 1922. С. 11.

[2] Там же. С. 32.

[3] *Макаров В.Г.* Историко-философский анализ внутриполитической борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России. М.: Русский путь, 2010. С. 306.

[4] *Бердяев Н.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2012. С. 292, 300.

[5] Bakhmeteff Archive Zernov Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll. Zernov. Box 1. Stepun, Fedor Avgustovich. To Nikolai Mikhailovich Zernov.
[6] *Hufen Ch.* Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Rußland in Europa. Die Jahre 1884—1945. Berlin: Lukas Verlag, 2001. S. 107.
[7] Ibidem. S. 108.
[8] Ibidem. S. 341.
[9] См. в этом томе: К вопросу о закате «Мусагета» и «Логоса».
[10] *Гергилов Р.Е.* Ф.А. Степун в Дрездене. Первые годы эмиграции // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. Вып. 4. С. 151—152.
11 Bakhmeteff Archive Kullmann Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.

Федор Степун
Письма Марии и Густаву Кульманам*

1[1]

Dresden, 23-го июля 1931 г.

Дорогой Густав Густавович[2],

прежде всего о деле, с которым меня просил обратиться к Вам Илья Исидорович[3]. Боюсь, что я уже опоздал, так как ходят слухи, что Вы собираетесь в дальнее плавание. Представить себе не могу, как это Мария Михайловна[4] будет в Москве! Я сам холодею при этой мысли от волнения, восторга и отчаяния. Когда у Вас окончательно установится, что Вы едете, обязательно сообщите нам. Вы единственные, которых можно попросить повидаться с нашими. Сейчас все перестали писать. Но обо всем этом я сейчас писать не буду. Возвращаюсь к делу Ильи Исидоровича — оно же и мое.

Я Вам уже говорил о том, что мы собираемся издавать небольшой (листов на 8—10) общественно-политический волевой журнал[5]. Распространяться о его направлении сейчас не буду. Думаю, что Вам будет ясно, каков должен быть его облик, если я скажу, что в соредакторы Фондаминский пригласил меня и Федотова. Сотрудники — знакомые все лица; с одной стороны — Бердяев, Вышеславцев, Ильин (Владимир Николаевич)[6], Флоровский, а с другой — Керенский, Гессен, Руднев[7] и даже Кускова, но без Карташова[8], Ив. А. Ильина, Зеньковского, а также без Вишня-

* Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann. Письма от руки и машинописные, публикуются выборочно.

ка[9], Милюкова, Гурвича[10] и т. д. Одним словом, фронт журнала представляется, с одной стороны, борьбою против клерикально-черносотенного православия, а с другой — против догматически старорежимного либерализма и социализма.

Я лично формулирую программу в следующих четырех пунктах.

1) Журнал религиозный, не обязательно православно-церковный, но обязательно не антицерковный и не антиправославный.

2) Журнал национальный (в смысле эроса, если хотите), но не националистический в политическом своем направлении.

3) Журнал остро чувствующий кризис буржуазно-капиталистического, в этом смысли антикапиталистический, и даже больше — социалистический.

4) Журнал — европейского дыхания, который должен расширить провинциальный дух эмигрантского Парижа.

К Вам повторная и горячая просьба принять деятельное участие в журнале; в особенности необходимы Вы нам в связи с последним пунктом. Эмигрантская Россия, все еще волнующаяся спорами Струве с Милюковым и И.А. Ильина с Бердяевым, должна связаться с общественно-политическими течениями Запада. Надо конкретно и точно выяснить себе, чем живет европейская молодежь; как ветвится и перерождается социалистическая мысль; что происходит в душе европейского христианства. Конечно, наш журнал, журнал в известном смысле — славянофильский, но не надо забывать, что первый славянофильский журнал Ивана Киреевского назывался «Европеец»[11]. Может быть, вы, при всей Вашей занятости, успеете написать для нас небольшую статью (все статьи должны быть не длиннее 8—10 страниц). Может быть, Вы укажете на какую-нибудь возможность сотрудников, чувствующих нашу тему и могущих давать с наших точек зрения хронику или обзоры симптоматических европейских движений и событий под такими, например, заглавиями: «Кризис материалистического социализма», «большевизм и европейская литература» и т. д.

Кроме просьбы помочь нам духовно, Илья Исидорович просит спросить у Вас, не могли бы Вы помочь нам и материально. И.И. думает, что журнал можно будет поставить так, что он ничего не будет стоить, что он будет окупаться. Но самоокупаемость предполагает распространение не меньше, чем в количестве 500 экземпляров. Удастся ли сразу завоевать рынок — неизвестно. Чтобы продать 500, надо 200 разослать задаром. Из всего этого вырастает необходимость некого гарантийного фонда. Мы хотим его создать как бы в складчину. Илья Исидорович устраивает некоторую часть требуемой суммы в Париже. Я пытаюсь устроить

некоторую в Германии (сейчас это, конечно, невозможно), к Вам просьба достать на случай затруднений 100 долларов. Нельзя начинать, не имея в кассе некоторого обеспечения. Илюша надеется, что эти деньги, как только журнал встанет на твердые ноги, вернутся жертвователям, хотя поручиться за возврат, конечно, невозможно. Мне кажется, что при Ваших связях Вам на наше начинание достать 100 долларов будет хотя и очень трудно, но все же возможно. А начинание, по-моему, существенное.

Очень хотелось бы посмотреть, как вы устроились и как налаживается Ваша, по последним Вашим рассказам, весьма интересная работа. В конце концов, наша затея совпадает с Вашею воспитательною задачею. В последние дни я был поглощен написанной у Baeumler'а[12] докторской работой о понятиях государства и народа в новейшей педагогике. Работа очень серьезная, обнаруживающая большие знания и солидные научные способности, но одновременно совершенно антинаучная и безоговорочно догматическая. При помощи теории Ничше и Бахофена[13], теории мифа и органического мышления, насаждается среди немецких народных учителей такой тупоумный шовинизм, что становится прямо-таки страшно за судьбу Германии и человечества. Насаждается сознательное, натуралистическое язычество, метафизическое мышление принудительно отделяется от этического, государство изображается как мистерия крови, история преподносится в мифически-патриотическом порядке. Главы истории Рейн, восточная граница и немецкие меньшинства. Такая помесь Ничше и Илловайского[14], мифа и провинциальной оперы, что прямо-таки дышать нечем. И это все забивается в головы народных учителей в порядке принудительного слушания философских курсов. Решительно иной раз кажется, что Германии, при всех ее великих дарах, не дано дара политической мысли. Самое страшное ведь в том, что Baeumler, требующий политизации школьного воспитания, не читает газет и не пускает студенток в свои необязательные семинары.

Ну, что-то я расписался, мне совсем некогда писать, а Вам, вероятно, еще более некогда читать такие письма. Будьте добры, ответьте по возможности поскорее, а то Илюша очень волнуется.

Марии Михайловне и Вам наш самый душевный привет.

Искренне Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Письмо рукописное. Семья Кульманов жила в этот момент то в Женеве, то в Лондоне.

[2] О Г. Кульмане см. предисловие.

[3] Илья Исидорович Фондаминский (Фундаминский) (литературный псевдоним — Бунаков) (1880—1942). Эмигрировал во Францию в 1919 г. Историк, публицист. Редактор журнала «Современные записки». Один из организаторов «Лиги православной культуры» (1930). Вместе с Ф.А. Степуном и Г.П. Федото-

вым издавал журнал «Новый град». Перед приходом в Париж фашистов отказался покинуть Францию и погиб в Освенциме 19 ноября, приняв крещение незадолго до смерти. Канонизирован Константинопольским Патриархатом в 2004 г. и причислен к лику святых.

[4] *Мария Михайловна Кульман* (урожденная *Зернова*; 1901—1965) — сестра Н.М. Зернова, активная участница РСХД, в 1929 г. вышла замуж за юриста Густава Густавовича Кульмана (1894—1961). Сначала они поселились в Дрездене, очевидно, именно здесь они познакомились и подружились со Степуном. В 1931 г. Кульман получил пост секретаря Лиги Наций, и супруги обосновались в Женеве.

[5] Речь идет о впоследствии знаменитом журнале «Новый град». «Новый град» — журнал русской христианской интеллигенции, обосновавшейся в эмиграции в Париже. Он выходил в 1931—1939 гг., всего вышло 14 номеров, которые сначала издавались ежеквартально (1932), затем — раз в полгода (1933—1934), и с 1935 года выходили по номеру в год. Издатели журнала — Елизавета Скобцева (Мать Мария), Федор Степун, Илья Бунаков-Фондаминский и Георгий Федотов.

[6] *Владимир Николаевич Ильин* (16[29].08.1891—23.10.1974) — богослов, философ. Окончил Киевский университет по физико-математическому, историко-филологическому и философскому факультетам; закончил Киевскую консерваторию по классу композиции. В 1918—1919 гг. — приват-доцент Киевского университета. В 1919 г. эмигрировал сначала в Константинополь, затем переехал в Берлин, где в университете совершенствовался по богословию. Участник Религиозно-философской академии (1922—1940). В годы Второй мировой войны недолго жил в Германии. С 1949 г. профессор Русской консерватории в Париже. Был связан с евразийцами, им предложена идея Номогенеза, устанавливающая взаимодействие духа и материи на основе закономерностей, предустановленных Божественной волей. В России вышла только одна его книга: Эссе о русской культуре. СПб., 1997.

[7] *Вадим Викторович Руднев* (5.01.1879, Острогожск Воронежской губ. — 19.11.1940, По, Франция). Из дворян, сын чиновника. Окончил Воронежскую гимназию (1897), учился на медицинском факультете Московского университета, исключен в 1901 г. В 1905 г. — лидер московских эсеров, участник декабрьского восстания в Москве. Высылался в Иркутскую губернию, в Туруханский край. Выехал за границу, учился в Базеле. В 1914 г. вернулся в Россию, оборонец, работал врачом. В 1917 г. председатель Московского комитета ПСР. С июля городской голова. В 1918 входил в Союз возрождения России. В 1919 г. эмигрировал. Редактор «Современных записок».

[8] *Антон Владимирович Карташёв* (1875—1960) — последний обер-прокурор Священного синода; министр исповеданий Временного правительства, теолог, историк русской церкви. Как последний обер-прокурор подготовил самоликвидацию института обер-прокуратуры и передачу полноты церковной власти Поместному собору Православной российской церкви 1917—1918 гг. В 1919 г. эмигрировал через Эстонию. Занимал должность председателя Русского национального комитета в Париже, член епархиальных собраний и епархиального совета Русского экзархата вселенского престола, участник съездов Русского студенческого христианского движения (РСХД). Преподавал русскую историю на историко-филологическом факультете русского отделения Парижского университета. Был одним из основателей и профессором Свято-Сергиевского богословского института в Париже (1925—1960).

[9] *Марк Вениаминович Вишняк* (наст. имя — *Мордух Веньяминович*, пс. *Марков*, 1883, Москва — 1976, Нью-Йорк) — российский юрист, журналист, эсер, деятель культуры русского зарубежья. Постоянный оппонент Степуна. Автор известных мемуаров: *Вишняк М.В.* Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им.Чехова, 1953.

[10] Возможно, имеется в виду *Георгий Давыдович Гурвич* (Gurvitch, 1894—1965) — французский и российский социолог и философ. Учился в разных учебных заведениях России и Западной Европы. Изучал философию, социологию, право. В

1917—1918 гг. преподает в Петроградском университете. В 1918 г. назначен профессором Томского университета. В 1920 г. эмигрировал. В 1921—1925 гг. читал лекции в Пражском университете. Работал в Германии. Затем переехал во Францию, где работал в университетах Бордо (1929—1935) и Страсбурга. В 1928 г. принял французское гражданство. В России опубликовал только одну небольшую работу, посвященную исследованию творчества Феофана Прокоповича (1915), в Праге — работу «Фихтевская система конкретной этики» (1924). Основные работы Гурвича опубликованы на французском (хотя он опубликовал во Франции и несколько статей на русском).

[11] «Европеец» — «журнал наук и словесности», издававшийся И.В. Киреевским в Москве в 1832 г. В журнале приняли участие представители аристократической группы писателей: Жуковский, Баратынский, Языков, Хомяков и др., часть которых вместе с издателем входила в «Общество любомудрия» в 1823—1825 гг. Основные статьи журнала принадлежали издателю. Журнал был запрещён после первых двух номеров (третий сохранился лишь в типографском экземпляре). В основных статьях «Европейца» сказалась отчасти протославянофильская программа. Но эта позиция была еще не ясна. Не случайна острота Герцена, что, первый славянофильский журнал назвался «Европеец», а первый западнический — «Отечественные записки».

[12] Речь идет об *Альфреде Боймлере* (*Alfred Baeumler*) (1887—1968), немецком философе и педагоге, жившем в эти годы, авторе многих книг. Степун, скорее всего, обсуждает его книгу: Bachofen und Nietzsche. Zürich: Verlag der Neuen Schweizer Rundschau, 1929. Томас Манн назвал Боймлера пророком Гитлера. С 1933 г. директор Института политической педагогии в Берлине.

[13] *Иоганн Якоб Бахофен* (нем. *Johann Jakob Bachofen*, 1815—1887) — швейцарский ученый, этнограф, юрист. Внес вклад в теорию социальной эволюции, науки о семье в первобытном обществе. Выдвинул в работе «Теория материнского права» идею, что у людей первоначально существовали ничем не ограниченные половые отношения, такие отношения исключают всякую возможность достоверно установить отца, и поэтому происхождение можно было определять лишь по женской линии — согласно материнскому праву.

[14] Речь идет о консервативном русском историке *Дмитрии Ивановиче Иловайском* (1832—1920). Яростный противник Норманнской теории в вопросе о становлении Руси, антигерманист. После выхода Манифеста 1905 г. переходит на позиции радикального черносотенства, входит в «Союз русского народа». Издавал (1897—1916) крайне правую газету «Кремль», единственном автором которой был он сам. Дочь Иловайского, Варвара Дмитриевна Иловайская, была первой женой И.В Цветаева, основателя Музея изящных искусств, отца Марины Цветаевой.

2

Dresden, 8-го апреля 1936

Дорогой Густав Густавович,

за Вашу открытку из Америки большое спасибо. Хотел тогда же откликнуться на нее, но помешало чувство, что сколько ни кликай, ни до чего не докличешься. Сейчас пишу по определенному поводу, вернее, по просьбе одного знакомого. Все его дело ясно из трех прилагаемых бумаг. Его привел ко мне известный Марии Михайловне и Вам Гога Сатин. Если можете, то примите Виктора Агушевича и помогите ему, как помогли Швецову выбраться в Южную Америку. У него есть связи, знания и очевидные некоторые средства. Он имеет очень хорошие рекомендации от фир-

мы «Willis Faber und Hübner Versicherungsmakler». От Вас ему ничего не нужно, кроме помощи в его хлопотах о получении визы. Сейчас Агушевич в Париже и пробудет там до 20-го апреля. Его парижский адрес: Pension Kosier, 13 rue Washington. Если Вы паче чаяния на праздниках в Париже, то вызовите его к себе. Если же Вы в Женеве, то напишите ему, когда он может застать Вас дома в Швейцарии. Одним словом, устройте ему, пожалуйста, так или иначе возможность свидеться с Вами. Он очень об этом меня просил. Он с удовольствием заедет на обратном пути в Берлин к Вам в Женеву.

Вашу жизнь у нас всегда вспоминаем с величайшею радостью. Очень мечтается опять повидать Вас с Марией Михайловной. В этом году семестр начался раньше, а потому раньше начнутся и каникулы. Если бы Вы могли устроить мне в той или иной форме какую-нибудь лекцию в Швейцарии, лучше всего бы русскую, закрытую, которая могла бы хоть отчасти оплатить дорогу, то мы были бы Вам очень благодарны. Наиболее правильным сроком было бы начало августа.

У нас пока всё идет по-старому; Иду Федоровну не видали уже довольно долго. Она всё больше в отъезде. Зимой были много на людях. Кроме университетского курса прочел в Дрездене от имени Соловьевского общества[1] публичную лекцию о Толстом. Большой Соловьевский вечер в пользу церкви прошел очень оживленно и во всех отношениях удачно. Читал также в Аугсбурге и Бармене[2]. В Бармене и Кёльне мы были с Наташей у очень замечательных людей. Три дня подряд я читал лекции в частном доме. Кроме лекций была декламация и музыка. Слушатели, около 70-и человек, сидели и переживали сосредоточенно и восторженно и уходили домой первые два дня без маковой росинки во рту. Только в воскресенье был ужин и беседа до двух часов ночи. Очень замечательная, древняя во всем этом Германия. Марии Михайловне все бы очень понравилось.

Письмо это Вы получаете под самый Светлый праздник. Поздравляем вас обоих и от души желаем вам, нам и всему миру света и любви. Сбудутся ли эти пожелания?

Кланяйтесь, если Вы в Париже или если Вы будете там, всем добрым знакомым. Распространяйте в Швейцарии «Новый град». Сейчас я закончил для 11 № большую статью[3], в которой есть ряд мыслей, быть может, интересных и для Западной Европы. В особенности для Англии. Если у Вас будет свободное время, прочтите статью и подумайте, пожалуйста, не стоило бы ее в сокращенном и переработанном виде напечатать по-английски. Хотел бы многое еще написать вам обоим, но за поздним часом моего и

исторического дня прекращаю нашу, Агушевичем вызванную беседу. Душевно преданный Вам

Ф. Степун

Христос Воскрес, дорогие Мария Михайловна и Густав Густавович, целую вас по три раза. Наталья.

---

[1] С.М. Половинкин считает, что «Соловьевское общество» выросло из литературного кружка 1890-х годов. Надо, однако, учесть, что до дрезденского общества прошла мировая война, большевистская революция, террор, изгнание. За границей, в Дрездене, кн. А. Д. Оболенским после его эмиграции в 1920-е годы из Советской России было создано практически заново Русское общество им. Вл. Соловьева. Оно было ориентировано на поддержку русской культурной жизни города и поддержку местной православной церкви, основанной еще в начале 1870-х годов, в которой, кстати, была крещена дочь Ф.М. Достоевского. В подвальном помещении этой церкви и проводились с 1931 г. мероприятия Общества. В этом обществе принимал участие и Степун, он читал здесь — в том числе и после кончины Оболенского — благотворительные лекции. В 1934 г. Степун писал Бунину: «Читаю за зиму 5 публичных (даровых) лекций, веду основанное здесь русское Соловьевское общество и зарабатываю этим марок по 50 за вечер, а то и больше, на поддержку очень нуждающейся русской церкви» (Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину. Вступительная статья К. Хуфена. Публикация и примечания Р. Дэвиса и К. Хуфена // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С.112).

[2] Бармен (Barmen) — название бывшего города в Германии. В 1929 г. вместе с г. Эльберфельдом, Ронсдорфом и другими близлежащими пунктами объединен в один город Вупперталь (ФРГ). В Бармене в 1820 г. родился Ф. Энгельс. Очевидно, Степун так называет по старой памяти эту часть города Вупперталя.

[3] Речь идет о статье Степуна: Чаемая Россия // Новый град. 1936. № 11. С. 11—40.

3

Dresden, 21-го июля 1936 г.

Дорогие Мария Михайловна и Густав Густавович,

вы, вероятно, удивляетесь, что мы до сих пор еще не ответили на вашу открытку. Но мы до самого последнего времени не знали, сможем ли воспользоваться вашим радушным приглашением. Нет слов, оно было бы гораздо приличнее сразу же от души поблагодарить вас, а потом уже по выяснении всех обстоятельств отвечать по существу. Но до приличной жизни, к которой мы и сами стремимся, нам, очевидно, не дойти, уж очень у нас всего много.

Сейчас выяснилось, если не случится каких-нибудь неожиданных затруднений, что мы сможем в самом начале августа выехать к вам, чему мы бесконечно рады и за что от души благодарим вас.

Кроме всяких формальных трудностей и денежного вопроса (лишь на днях выяснилось, что правительство отпускает деньги на Швейцарию) случилось тут у нас еще одно задерживающее обстоятельство. Приехавший из Теплица к своим старым дрез-

денским друзьям Эмилий Карлович Метнер[1] слег с тяжелым воспалением легких в больницу. Кроме нас (его друзья — две беспомощные, больные женщины) у него здесь никого не было. Покинуть его больным было бы совершенно невозможно. В прошлую среду мы его похоронили[2]. Так поистине трагически освободила нас судьба для Швейцарии. Я не знаю, знали ли Вы Эмилия Карловича, но для меня с ним связана, быть может, самая лучшая и светлая эпоха моей жизни: Москва, символизм, Логос, Мусагет, одним словом, все то, что было разрушено войной и похоронено революцией. Думаю, что нам удастся выехать отсюда 4-го, самое позднее 5-го августа. Был бы очень рад, если бы наше свидание осуществилось в том полном объеме, о котором вы пишете. Особенно хочется мне поговорить с Борисом Петровичем[3]. Мы тут страшно отрезаны от эмигрантской России, и поэтому мне представляется особо важным проверить себя на нем, стоящем в центре всех парижских споров. Хотя вы и пишете, что в августе устройство лекций невозможно, все же сообщаю на всякий случай, что речь может идти только о закрытых лекциях на русском языке, так как для открытых и немецких требуется разрешение целого ряда правительственных инстанций, о котором я не ходатайствовал. Да и вообще, может быть, лучше помолчать[4].

О дне и часе нашего приезда мы сообщим вам, конечно, заранее. Наташа и я шлем вам самые сердечные приветы. Еще раз большое спасибо.

Ваш *Ф. Степун*

---

[1] *Эмилий Карлович Метнер* (1872—1936) — главный и несменяемый редактор издательства «Мусагет», с 1907 по 1914 г. В этом издательстве, ориентированном на немецкую культуру, выходили книги А. Белого, Эллиса (Л.Л. Кобылинского), С.М. Соловьева и др. В этом же издательстве выходил журнал Ф. Степуна и С. Гессена «Логос». Во время войны уезжает в Швейцарию, в 1931 г. получает швейцарское гражданство, занимался психологическими проектами, жил в большой бедности. Сведения о его кончине существуют в нескольких письмах, но в этом письме Степуна — свидетельство очевидца. За этим свидетельством целая история из эпохи русского «серебряного века». О Э.К. Метнере см. *Безродный М.* Из истории русского германофильства: издательство «Мусагет» // Исследования по истории русской мыл: Ежегодник за 1999. С. 157—198; *Постоутенко К.Ю.* Душа и маска «Мусагета» (к истории имперского сознания в России // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М.: О.Г.И., 1997. С. 232—246; *Метнер Э.К.* Метаморфозы национальной идентификации // Блоковский сборник XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Тарту, 1996. С. 165—169. См. также мою статью: *Кантор В.К.* Ф.А. Степун, «Мусагет», Э.К. Метнер // Кантовский сборник. 2010. № 1 (31). С. 49—59.

[2] Сохранилось письмо Степуну Н.К. Метнера, композитора, брата Э.К. Метнера. Письмо написано от 25 июля 1948 г., связано с мемуарами Степуна и Г. Кульманом, что ясно из текста. Приведем начало без разбивки на троки: «Дорогой Федор

Августович, На днях исполнилась 12-летняя годовщина смерти моего дорого брата Эмилия Карловича. В связи с этим с неизменной благодарностью мы вспоминаем о Вас и Наталье Николаевне, оказавших нам такую великую дружескую услугу участием к нему в его последние дни и похоронами. Никогда не забудем Ваших милых писем и того, как Наталья Николаевна провожала его гроб крестным знамением. Эти воспоминания совпали с тем, что на днях Густав Густавович Кульман передал нам Вашу книгу "Vergangenes und Unvergängliche", где Вы упоминаете о "Мусагете"и Эмилии Карловиче». — Письмо Н.К. Метнера к Ф.А. Степуну о «вероисповедании» Э.К. Метнера. Публикация, вступительная статья и примечания Михаэля Вахтеля (Владимир Соловьев и культура Серебряного века. М.: Наука, 2005. С. 623.

[3] Речь идет о Б.П. Вышеславцеве.

[4] Этого он сделать не мог, и в 1937 г. был изгнан нацистами из Университета.

4

Dresden, 13-го июля 1937 г.

Дорогая Мария Михайловна, —

мы непростительно долго не отвечали вам на Ваше письмо, но Вы, хочу надеяться, простите нас.

Было очень, очень грустно думать о смерти тети Мани. Каждое утро, выходя в сад к чаю, я любовался ее по-старинному благородной, портретной красотой и светлой добротой ее души, становившейся только лучистее в минуты ее сетований на непослушание Мишеньки и «левые загибы» Гюстава. И неправая в своих политических выступлениях, она в сущности была всегда права, так как всем своим существом являла совершенный образ того непроходяще-прекрасного в нашем прошлом, без чего даже я, страстный защитник пореволюционного сознания, не представляю себе нашего будущего. Как я понимаю, что Вам бесконечно дорого, что образ тети Мани останется в Мишенькиной жизни. Когда я думаю о Мишеньке, вспоминающем о своей тете Мане, я вижу его на милом фоне родного, русского заката. Наташа же так полюбила тетю Маню, что очень часто с большим волнением вспоминает о ней и подходит к своему письменному столу, чтобы позвонить в ее колокольчик...

Мы так долго не писали Вам, потому что у нас было во всех отношениях довольно сложное и трудное время. Не говоря уже о страхе за своих родных (долго не было никаких известий) у нас и здесь было не все благополучно. Болела мама[1], болела сестра в Нюрнберге, болел и я в связи со своим тромбофлебитом. В школе[2] весь семестр шли неприятности, которые к концу завершились моим удалением в отставку. Удален я внешне по весьма приличному параграфу, гласящему «об упрощении управления», но за этим нейтральным термином кроются другие мотивы, выяснившиеся в моей переписке с министерством. Был я уволен в сущности по двум

мотивам. Во-первых, за христианский антирасизм, во-вторых, за русскость, не позволяющую меня рубрицировать как «заграничного немца», вернее, как члена заграничной немецкой колонии.

Хотя материально нам будет в связи с мамой (Вы ведь имеете представление о ней, о навыках ее жизни и о нашем с Наташей ныне не исполнимом желании не жить втроем) довольно трудно справляться с внешнею жизнью (я буду получать около трехсот марок), я все же рад тому, что смогу по-настоящему засесть за бескорыстное чтение и свое любимое писательство. Думаю в ближайшее время написать большую заключительную книгу обо всем, что довелось пережить и продумать за последние двадцать лет.

Мы собираемся в последних числах июля приехать в Париж и очень надеемся застать там вас и Паулюса[3], которому просим сообщить о нашем приезде. Полной уверенности, что наш план осуществится, у меня, к сожалению, еще нет, так как я не получил еще разрешения на выезд. Думаю, однако, что эта временная задержка не превратится в окончательную.

Вы понимаете, что мне было бы помимо радости дружеского свидания весьма важно переговорить с вами о ряде с новой силой интересующих меня вопросов.

В пятницу мы будем вечером у Иды Федоровны, которая по-настоящему еще ничего не знает. Она в последнее время как-то особенно мила, даже трогательна с нами. Будем, конечно, как всегда, пить за ваше здоровье и вспоминать славные дрезденские дни... Мы было суфлировали ей мысль поехать на автомобиле на выставку, но, несмотря на то, что она очень отошла, она до такого желания все же еще не дошла. Однако из больших приманок нам с Наташей представляется Художественный театр и, главное, постановка «Анны Карениной», о которой мы слышали самые восторженные отзывы.

В надежде на скорое свидание шлем вам обоим наш самый горячий привет.

Искренне ваш *Федор*

Родная Мария, крепко, крепко Вас обнимаю и целую вас обоих. Мишеньку тоже.

Наташа

---

[1] *Мария Федоровна Аргеландер*, мать Степуна, была дочерью довольно состоятельного московского предпринимателя немецко-французского и шведско-финского происхождения.

[2] Имеется в виду Технический Университет Дрездена, где работал Ф. Степун, откуда он был уволен в 1937 г. за антинацистские взгляды и высказывания.

[3] Скорее всего, речь идет о Пауле Тиллихе (см. прим. 32).

5[1]

Париж, 6-го августа 1937

Дорогой Густав,

обыкновенно, выпивши на брудершафт, люди продолжают еще долго соскальзывать на «Вы». Что Ты без того, что мы выпили и поцеловались, написал мне Твое первое, такое отзывчивое письмо на «ты» меня и Наташу искренне обрадовало и тронуло. Принимаю внешне случайное «Ты» с искренней благодарностью за внутренне необходимое и отвечаю тем же. Когда увидимся — Бог даст в недалеком будущем — и выпьем, и поцелуемся.

За Твои добрые советы большое спасибо. Все вышло очень удачно. Я был принят и Рейнольдсом, и Роном[2]. Первый был очень любезен, но не очень обнадежил меня. Скажу даже больше: было в нем что-то ускользающее и не внушающее полного доверия. Правда, он был в этот день простужен. Боялся сквозняков, держался за уши и закрывал двери. Но и помимо этого ясно, что он всюду поддержит меня, но сам ничего не начнет. Все же прошу Тебя, при случае, через кого-нибудь напомнить ему обо мне, паче чаяния это окажется нужным.

Рон человек совершенно, конечно, другой. И Наташа, и я почти что влюбились в него. Такой чистый, круглоголовый, голубоглазый ребенок, будто его только что нянюшка губкой вымыла. Выслушал все внимательно, не торопясь и не торопя. Понимает он всё и мне и моему делу вполне сочувствует. Он долго и велеречиво объяснял мне весьма сладостные для моего уха вещи, что слава Цюрихского университета основана на эмиграции 1848 года и что он уже пытался устроить в Цюрихе некоторых немецких эмигрантов-евреев, но что это ему не удалось. Мой случай ему кажется особым и, быть может, более легко разрешимым. Человек, переживший две диктатуры и смытый со своего жизненного пути двойным накатом в сущности той же волны, быть может, и призван действовать в Швейцарии в защиту христианского гуманизма и демократии[3]. Мне показалось, что миросозерцательно мы довольно близки друг другу. Есть у него, кажется, и амбиция провести то, что ему покажется правильным. Он долго говорил о том, что настоящий деятель в наше время — это диктатор в демократической раме, суждение вполне правильное. Мы расстались на том, что я изложу ему письменно основные этапы нашего разговора. Дабы Ты был в курсе дела, прилагаю Тебе копию моего письма к нему[4]. Мне не нужно Тебе говорить, до чего я был бы счастлив переселиться на свободную территорию Швейцарии. Жить я в Дрездене пока еще могу, могу молчать и писать. Дрезден нам с

Наташей очень мил. Люди к нам относятся изумительно, но все эти благополучия решительно обессмысливаются тем, что я должен молчать и, главное, за границей не смею ничего печатать без разрешения правительства[5]. Я сейчас сажусь со страстью и даже вдохновением за завершающую книгу о России[6]. Буду писать по-русски и в свободные часы одновременно переводить на немецкий язык. Рассчитываю на английские и французские переводы, но если книжку не выпустят, с чем я должен считаться, то вся эта работа пропадет. Ну, нечего говорить. Ты сам лучше меня знаешь, что жизнь в Германии для такого человека, как я, вызывает ощущение пациента, у которого на рту лежит маска с хлороформом. Дышать трудно, предчувствуешь операцию и спрашиваешь себя по Кирке Гаардт[7], что это кризис — к смерти или к избавлению. В результате поручаем свою судьбу Тебе и очень надеемся, что Ты, зная Рона, не позволишь забыть обо мне. У меня же такое впечатление, что если он не забудет, то сделает.

Мы живем в Париже прекрасно, но безумно утомительно. Разрываемся душой и телом между Парижем и Россией. Илья Исидорович по-детски счастлив нашим пребыванием. Находит, что Наташа не хозяйничает, а колдует. Она с удовольствием ходит на рынок, искренно наслаждаясь первоклассностью продуктов и дешевизною цен (все вдвое дешевле, чем в Германии). Мы с Ильей и Федотовым провели четыре редакционных заседания «Нового Града» (к Марии Михайловне нижайшая просьба распространять в Швейцарии этот, правда, хороший журнал). Видал я, к слову сказать, отколовшихся от Казем-Бека младороссов[8]. Прекрасные ребята и совсем наши. Всё жду Тиллиха[9]. Писал ему дважды, сам ходил в «Америкен Экспресс»[10], но от него ни слуху, ни духу. Бердяев, правда, обещает, что он обязательно объявится. Выставка[11] по вечерам феерична, но давка на ней фантастична. Илье Исидоровичу это очень нравится как форма «саморегулирования толпы». Но я, боясь за свою грудную клетку, предпочел бы, чтобы толпу регулировала бы полиция. Русский павильон произвел на нас по неряшливости и провинциальности показа России потрясающее впечатление. Можно поверить во вредителя. Староэмигрантам есть, впрочем, чему порадоваться. Среди художников ни одного нового имени. Все старые деятели мира искусства: Грабай[12], Нестеров, Бродский, Крымов, Лебедева-Остроухова[13] и т. д. и т. д. Есть замечательные кустарные работы, но они копируют почему-то Беноццо-Готцоцоли[14] и других возрожденцев. Портрет Ворошилова на коне[15] типичный портрет Государя Императора, что висели в железнодорожных павильонах на Николаевских вокзалах Петербурга и Москвы. Совершенно ужасное впечатле-

ние производят громадные фотографии вождей: какие-то увеличенные дагерротипы из архива царской охранки, прямо жуть смотреть на все это. Даже изумительные русские меха скомканы в кучу в каких-то маленьких стеклянных ящиках.

С волнением ждем Художественный театр. Мой брат[16], который должен был приехать, к сожалению, не приехал. Повидаться, кажется, ни с кем не придется, грустно.

Мог бы и хотел бы еще долго беседовать с вами, но делать нечего, Вишняки, у которых мы завтракаем, уже терзают телефоны и говорят, что пригорает. Бросаю письмо и спешу.

Тебя обнимаю. Сердечный привет Марии Михайловне. Наташа целует обоих (у нее всегда поцелуйные преимущества).

Твой *Федор*

---

[1] Письмо напечатано на машинке.

[2] Лица не установлены.

[3] Это он говорит о самом себе.

[4] Копия в данном архиве не обнаружена.

[5] Это запрещение Степун постоянно нарушал, публикуясь во французской русскоязычной печати.

[6] Речь идет о книге мемуаров Степуна, названных позже «Бывшее и несбывшееся».

[7] «Кирке Гард» — это скорее всего Киркегор. Степун здесь использует принятую до революции транскрипцию датского имени Kirkegaard. Фраза о кризисе — это тоже аутентичная киркегоровская мысль.

[8] *Александр Львович Казем-Бек* (1902—1977) — глава Союза Младороссов (потом Младоросской партии). В 1957 г. вернулся в СССР, работал в отделе внешних сношений Московской патриархии. Основным лозунгом Казем-Бека, как младоросса, был «Царь плюс Советы», он думал сочетать монархию с советскими учреждениями. Младороссы стали интеллектуальным штабом великого князя Кирилла Владимировича, как претендента на российский престол.

[9] *Пауль Йоханнес Тиллих* (нем. *Paul Johannes Tillich*; 20.08.1886. Штарцеддель, Пруссия — 22.10.1965. Чикаго, США) — немецко-американский протестантский теолог и философ, представитель диалектической теологии. Существует переписка Тиллиха и Степуна, с которым он дружил. В России недавно издана книга: *Лифинцева Т.П.* Философия и теология Пауля Тиллиха. М.: Канон+, 2009. К сожалению, тема взаимоотношений Степуна и Тиллиха там опущена. В «Вопросах философии» в ее переводе опубликована автобиография Тиллиха: «Кто я такой?» (2002, № 3. С. 160—172).

[10] American Express (сокращенно: AmEx или Amex) — американская диверсифицированная финансовая компания, работающая на рынке международного туризма и финансовых услуг, была основана в 1850 году. Компания широко известна во всем мире благодаря своим кредитной и расходной картам, а также фирменным дорожным чекам. Первое время American Express функционировала как курьерская служба, занималась транспортировкой наличных средств между физическими лицами, банками и различными компаниями. К 1929 г. American Express стала крупнейшим американским турагентством и начала занимать европейский рынок.

[11] Имеется в виду «Всемирная выставка искусств и техники» 1937 г. (фр. Arts et Techniques dans la Vie moderne), которая проводилась в Париже накануне Второй мировой войны. Рассматривается историками как показ достижений человечества накануне Великой Катастрофы. К ее проведению было приурочено открытие Музея человека.

[12] Так у Степуна, речь, видимо, идет о Грабаре. *Игорь Эммануилович Грабарь* (25 марта 1871, Будапешт, Австро-Венгрия — 16 мая 1960, Москва, СССР) — русский советский художник, искусствовед.
[13] У Степуна явная описка. Имеется в виду *Анна Петровна Остроумова-Лебедева* (5 мая 1871, Петербург — 5 мая 1955, Ленинград) — российский гравёр и живописец, акварелист, пейзажистка.
[14] Правильно: *Беноццо Гоццоли* (*Benozzo Gozzoli*, 1420—1497) — итальянский художник, автор многочисленных циклов фресок.
[15] За статуи «Партизан» и скульптурный портрет «Ворошилов на коне» А.Е. Вучетич получает золотую медаль Всемирной выставки в Париже 1937 г. Других портретов Ворошилова на коне на этой выставке не было. Какой живописный портрет имел в виду Степун не установлено.
[16] *Владимир Августович Степун* (1886 — ок. 1965) был артистом студии МХАТ. Прошел ГУЛАГ, пережил его, в 60-годы знакомые Степуна встречали его в Москве (см.: Hufen Christian. Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Rußland in Europa. Die Jahre 1884—1945. Berlin, Lukas Verlag, 2001. S. 492).

6[1]

Париж, 29-го Августа 1937

Дорогой Густав,

Сегодня вечером мы отбываем в Германию. Спешу продиктовать Тебе несколько слов благодарности за хлопоты и письмо, которое получил вчера. Так как я к возможности профессуры в Цюрихе отношусь все же довольно скептически, то Твое сообщение, что ее можно было бы добиться, если бы она ничего не стоила Государству, прозвучало в моей душе как весьма положительное сведение. Мне все-таки кажется, что если полезность той моей кафедры, о которой я писал, будет признана, то внешне, быть может, как-нибудь и устроится. По приезде домой я попытаюсь поговорить с кем-нибудь из власть имущих о том, не согласилась ли бы Германия в продолжение ну, скажем, трех лет выплачивать мне пенсию в Швейцарии с тем, чтобы я потом совсем освободил бы ее от обязательства поддерживать мою бренную личность. План этот, конечно, фантастический, но без фантазии жизни не устроишь. Не знаю, допустима ли мысль, чтобы почин к реализации такого плана был бы сделан Цюриховской технической школой. На всякий случай сообщаю Тебе его. Быть может, Цюрих мог бы запросить Берлинское Министерство народного просвещения о том, не согласилось ли бы оно в продолжении 3-х лет (пробных лет) выплачивать мне пенсию в Швейцарии с тем, чтобы прекратить ее по истечении этого срока, если пробные лекционные годы удовлетворят Цюрих и я получу окончательное назначение.

Тиллих мне советует не возвращаться в Германию, а, отослав туда Наташу и устроив ее с мамой, ехать самому в Швейцарию устраиваться. Он думает, что личное присутствие единственно возможная база успеха. Независимо от того, что я думаю, что мне

прекратили бы выплату пенсии, если бы я надолго остался за границей, я не могу это сделать сейчас и по соображениям личного характера. Вы ведь знаете отношения мамы и Наташи, а потому можете учесть, как трудно их надолго оставить с глазу на глаз, в особенности в связи с тем, что мама сейчас в ужасно тяжелом положении, а Наташа физически не очень в порядке.

Предложить Тебе какие-нибудь новые меры в защиту моих интересов я сейчас не могу. Тиллих собирается поговорить с Баумгартеном[2] в Базеле. Быть может, можно переговорить с Хубером Максом[3], у которого я был и который был мил со мной. Больше сейчас ничего сказать не могу.

Марью Михайловну и Тебя любим и шлем вам сердечный привет.

Моя рука уже машет платком из вагона, и сердце слегка сжимается в предчувствии границы. О Художественном Театре напишу уже из Дрездена.

Всего, всего хорошего.

Твой *Федор*

---

[1] Письмо напечатано на машинке.

[2] *Артур Баумгартен* (*Arthur Baumgarten* (1884. Кёнигсберг — 1966, Берлин) — немецкий юрист, специалист в области философии права. С 1923 по 1930 г. учился в Базеле. В 1930 г. уехал в Германию. После прихода нацистов к власти он в 1934 г. вернулся в Базель. Там преподавал с 1934 по 1946 г. философию права.

[3] *Макс Хубер* (*Max Huber*, 1874—1960) — президент интернационального Комитета Красного Креста (1928—1944).

7

Dresden, 20-го марта 1938 г.

Дорогая Мария Михайловна,

с тех пор, как мы с Вами расстались, я много раз внутренне порывался писать Вам. Останавливали, однако, самые разнообразные мысли и чувства, о которых писать сейчас было бы и трудно, и долго. Скажу потому лишь вкратце, что мы постоянно помним вас и надеемся, что и вы о нас не забываете. В этом году мои лекции у вас не удались, но я надеюсь, что осенью могу приехать. На мое октябрьское письмо профессор Рон мне ничего не ответил. Может быть, при случае Гюстав осведомится, как обстоят дела.

Мы живем хорошею и внутренне сосредоточенною жизнью. Приезжавший к нам отец Иоанн Шаховской упорно подсказывал мне мысль, что это Бог послал мне времена тишины и молчания, дабы обременить меня долгом высказать то, что мне высказать надлежит и не разбрасываться по всем направлениям в лекциях и статьях. Часто мне хочется думать, что он прав и что мне дей-

ствительно надо сейчас как можно больше работать в ожидании нового периода жизни. Я затеял большую и очень сложную работу литературного порядка и очень счастлив, что живу сейчас в своем прошлом и скорее в искусстве, чем в науке. Мама живет с нами и, несмотря на то, что очень старается быть легкой и милой, очень обременяет нашу, главным образом, Наташину жизнь. Уж очень у нее закидистый и строптивый характер, несмотря на внешнюю мягкость жеста и стиля. Да и не привыкла она к безденежью. До того не привыкла, что даже сердится на нас временами, что мы с легкостью переносим в высшей степени ограниченный бюджет.

С Идой мы видаемся, когда она дома, довольно часто. Она неизменно мила, так как между нами почти совсем сгладились некогда острые разногласия. Вот уже шесть недель, как она в отъезде, очень интересно, вернется ли она такою, какою уезжала. Где мы будем летом, пока совсем неизвестно. Маму оставить одну нельзя, устроить ее негде. Надежда на приезд Марги[1] на каникулы к нам; тогда мы смогли бы провести хоть месяц в деревне.

В заключение вот какая к Вам большая просьба. Наши очень хорошие знакомые отправили за границу свою 17—18-летнюю дочь для изучения языков. Это очень интересная девочка, вероятно, зайдет к вам. Будьте добры, помогите ей добрым советом и поддержите ее вашими связями и знакомствами.

Мне хотелось бы знать, как вы живете, что поделывает очаровательный Мишенька, чай, растет не по дням, а по часам. Где вы будете весной и летом? Как здоровье Гюстава и Ваше собственное? Не собираетесь ли к нам? И, главное, что вы думаете о последних событиях на родине. Мне иногда кажется, что там превзойдена последняя мера лжи и безумия, так что всему или надо быстро, чудесно спастись, или куда-то окончательно провалиться. Я живу в ожидании каких-то последних вещей и событий. Страшно жутко за своих, которые даже маме вот уже год не пишут ни слова. Меня страшно испугало имя Плетнева[2], его знала вся интеллигенция. За знакомство с ним можно расстрелять кого угодно. Третьего дня мы, к слову сказать, читали письмо из Женевы. Человек первый раз попал в ваши края и пишет совершенно восторженно о красоте, легкости, удобстве и привольности своей жизни на берегу Женевского озера против великолепного дворца. За чтением мы с Наташей с нежностью вспоминали «легкое дыхание»[3] нашей жизни в башне — тоже на берегу Женевского озера — «европейскую» сложность наших бесконечных бесед и лирическую тоску нашего американца по «святым камням Европы»... [4]

Суда по письмам И.И.[5], в мире есть только одна среда, где все цветет и улучшается со дня на день — это русская эмиграция. Его последняя открытка обещает 14 томов трудов русских ученых,

третий том «Русских записок», повышение тиража «Современных», серию сборников эмигрантских поэтов! Блажен, кто верует, тепло ему на свете![6] Энергия, во всяком случае, громадная. «Пьеса Сирина расколола Париж, идет бой по всей линии...»[7]

Мы Вас и Гюстава крепко обнимаем и желаем вам обоим всех благ и всяческого процветания. Мишутку целуем тоже.

Ваш *Федор*

P. S. Были бы очень рады получить от вас весточку.

---

[1] Сестра Степуна.

[2] Профессор-кардиолог *Дмитрий Дмитриевич Плетнев* (1873—1944) — знаменитый русский советский врач. Проходил по делу об убийстве Горького.

[3] Название рассказа Бунина.

[4] Скрытая цитата из романа Достоевского «Братья Карамазовы», выражение Алеши и Ивана Карамазовых.

[5] *Ильи Исидоровича Бунакова-Фондаминского*.

[6] Раскавыченная цитата из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума».

[7] Сирин — псевдоним знаменитого русского писателя *Владимира Владимировича Набокова* (1899—1977), чьи произведения вызывали ожесточенную полемику в эмиграции. В этом — 1938 — году у него вышли две пьесы — «Событие» и «Изобретение Вальса». Какую пьесу упоминает Степун, не очень понятно.

8[1]

Dresden, 21-го октября 1938 г.

Обязательно хоть открытку, сообщите, получили ли письмо.

Дорогие Мария Михайловна и Густав,

Большое, очень большое спасибо за ваш дружеский порыв и привет. С большим удовольствием провели бы мы снова некоторое время с вами. С тех пор, как не виделись, накопилось столько существенных тем в голове и столько какого-то метафизического сиротства в душе, что было бы настоящим счастьем побеседовать с вами. К сожалению, это в данное время по не зависящим от нас обстоятельствам, как писалось в старой русской публицистике, невозможно. Хочется думать, что невозможность эта временная и что мы как-нибудь в не слишком далеком будущем с вами увидимся. Во всяком случае, для нас большое утешение знать, что ваш дом гостеприимно открыт для нас.

У нас стоит осень, — не такая прекрасная и прозрачная, как тогда в Селиньи, но все же «живописно краснеет, желтеет и облетает листва кленов, осин и каштанов». Для меня осень всегда наиболее творческая пора. Эту же осень я как-то особенно радостно ежедневно сижу за письменным столом своей комнаты. Работаю над первою частью моей книги, которая представляет собою попытку в форме своеобразной автобиографии нарисовать

образ нашей с Вами, Мария Михайловна, России. За первой частью воспоминаний должна последовать вторая часть раздумий и третья — чаяний[2]. Думаю, лет на 5—6 мне работы хватит. Кроме книги написал еще несколько статей, быть может, вам попались на глаза заметка о Шаляпине[3] (писал в волнении) и статья на тему современности в 13 № Н.Г.[4] Летом мы пять недель прожили в имении у друзей, где в альбоме — Ваша и Гюстава надпись: «странный день, не поймешь, где мы, — в России или Германии, в прошлом или будущем». Чувство земли и крови без теории там по-прежнему процветают. В разгар больших событий мы были у друзей под Кёльном. Прекрасный дом в лесу над городом. Четыре десятины сада, большая библиотека и много хорошего искусства в доме. Главное же прекрасная Германия. Мы теперь живем, как вы, вероятно, знаете, вместе с мамой. Конечно, она старенькая, больная и бедностная, но все же с нею подчас трудно, так как она по всей линии разделяет чувства и точки зрения передовиц из «Возрождения», которого не читает.

Недавно у нас в связи с печальными распрями в приходе жил три дня отец Иоанн Шаховской. За последние годы он определенно просветлел, стал очень легким в общении, хотя по лицу все еще временами проходят какие-то тени борьбы и самозащиты. Читал он у нас доклад о Толстом, быть может, все же слишком строгий к великому писателю. Строгость получилась оттого, что он нарисовал его образ на фоне церковного христианства. Мне же кажется, что к Толстому прежде всего надо подходить как к открытой ране на больном теле «христианского» общества. Толстовство в гораздо большей степени социологическая, чем богословская тема. Кстати о богословии: читали ли вы давно вышедшую, но мною лишь недавно полученную и прочтенную книжку Флоровского?[5] Очень богатая, хотя, быть может, недостаточно четко построенная и в своем последнем выводе слишком вспять обращенная книга. Но сколько блестящих характеристик, сколько остро поставленных проблем и какой минутами прекрасный, скупой и горячий, слегка архаизированный язык. Я давно не читал на русском языке такой значительной книги. Флоровский страшно вырос. Его два тома об отцах церкви[6] совсем не сравнимы с «Путями русского богословия». Очень хотелось бы прочесть «Звенья русской культуры» Вернадского, первый том вышел, второй печатается. Но выписка книг стала как-то весьма трудна. Флоровского ждал после заказа целых четыре месяца.

В середине ноября или к концу его ждем к себе сестру Маргу и Галину Николаевну Кузнецову. 11-го ноября Марга выступает в собственном концерте в Salle de Tokio. Концерт устраивает Вера

Николаевна Бунина. Бог даст, она заработает столько, что сможет оплатить проезд и жизнь здесь. Если будете писать своим или знакомым, то, быть может, вы обратите внимание на концерт. Мы думаем (а мама так уверена), что Марга свою жизнь будет строить не у нас. Мама от этой мысли впадает иногда в большую грусть.

Мы много видимся с Идой Федоровной, которая живет в очень хороших и добрых настроениях. Она взяла нам два абонемента в филармонические концерты. После концертов мы обыкновенно заезжаем куда-нибудь поужинать. Иногда к нам будут присоединяться Кюны, которые только что вернулись из длительной поездки по Италии.

С удовольствием еще о многом написал бы вам, но думаю, что пора кончать. Еще раз большое спасибо за любовь и память. Из России ни одного звука. Как у вас?

Пришлите как-нибудь Мишенькину фотографию. Он, наверное, вырос и изменился. Не собираетесь ли вы к нам? — Вот была бы радость. Простите за неинтересное письмо, крепко вас обоих целуем и обнимаем.

Н. и Ф.

Будем очень рады, если напишите. Что делает и как живет Вышеславцев?

---

[1] Письмо рукописное.

[2] В этих словах очевидная параллель — по замыслу — с гигантской мемуарной эпопеей Герцена «Былое и думы». У Степуна — «Воспоминания, раздумья, чаяния».

[3] *Федор Степун*. В последний раз. Памяти Ф.И. Шаляпина // Современные записки. Париж, 1938. Кн. 66. С. 370—377.

[4] Речь о статье: «О свободе (Демократия, диктатура и “Новый град”)» // Новый град. Париж. 1938. № 13. С. 11—45.

[5] Речь о книге Г.В. Флоровского «Пути русского богословия». Париж, 1937.

[6] Имеются в виду две книги Г.В. Флоровского: Восточные отцы IV-го века (Париж, 1931 г). и Византийские отцы V—VIII вв. (Париж, 1933 г.).

9[1]

25-IV-45

Rottach-Egern am Tegernsee (Oberbayern),
Prinz-Wittgenstein-Str. 120 ½

Дорогие друзья,

до сих пор писать вам было нельзя. Тем не менее месяца три тому назад мы попытались связаться с вами. Здешний знакомый швейцарец написал вам по нашей просьбе письмо, на которое мы, к сожалению, не получили никакого ответа. Боясь, что вы не в Цюрихе, а быть может, даже и не в Швейцарии, мы пока не пишем вам настоящего письма, а сообщаем только самое необходимое.

Слава Богу, мы живы и здоровы, если не считать Наташиной болезни сердца, которою она страдает уже много лет. Этой болезни мы обязаны нашим спасением. Уехав уже в сентябре на краткосрочный отдых сюда, в Rottach, и задержанные здесь сначала переломом моей руки, потом ухудшением Наташиного состояния, мы не пережили страшного разгрома Дрездена[2]. Наша квартира, набитая в последнее время русскими беженцами, сгорела дотла: 3.000 книг русских незаменимых. Спаслась только икона Казанской Божией матери, которою Наташина мать благословила меня, отправляя на войну. О дрезденских знакомых сведений мало. Нашу русскую колонию, которая в последнее время, когда даже самым неисправимым белогвардейцам стало ясно, что Гитлеру не спасти Россию, жила очень дружною жизнью, разметало по всем направлениям. Из тех людей, которых вы знали, большинство как будто бы живо. Гереформы (?), добившиеся шведского подданства, писали из Любека, что надеются пробраться на новую родину. Скалон с семьей находится в нижней Баварии. Сатины — неизвестно где, но живы. (Сам Владимир Александрович умер год тому назад от рака.)

После разгрома Дрездена писала нам только Ида Федоровна, отказавшаяся, хотя ее дом и уцелел, у матери своей горничной в Erdgebirge. Боимся, что она, Фриц, который только что женился на молодой парижанке[3], и целый ряд других знакомых остались в русской зоне: идущие оттуда сведения все одинаково ужасны. Как хотелось бы знать, что сейчас представляет собою наша Россия. Все, что нам рассказали два года тому назад бежавшие из Украины наши родственники, лишило нас надежд на какой бы то ни было просвет. Оба моих брата, Наташин брат, жених моей племянницы и многие знакомые — все оказались сосланными в самые далекие части Сибири, куда почта ходит два раза в год, причем без малейшей вины не только в смысле поступков, но даже и в смысле бытия. Большое количество советской интеллигенции, с которой удалось познакомиться за последнее время, дорисовали мрачную картину. Среди этой интеллигенции много дельных и знающих людей, но их знания одноколейною железною дорогою пролегают по пустыне полной духовной и культурной безграмотности. Советская молодежь, деревенские и городские девушки и парни совершенно неуловимы в своей сущности. Политически они абсолютно аморфны. О том, что бабушку расстреляли и отца сослали, они говорят без малейшего удивления и жалости: что расстрел, что тиф — им все равно. О своей советской жизни они говорят с удовольствием, но эта жизнь по-видимому заключалась вся в плясках, пении, спектаклях и клубных развлечениях. Нашу дрезден-

скую церковь (которая уцелела) они все же каждое воскресенье наполняли до отказа. Большинство приходило в церковь точно как в клуб, но была и небольшая группа, прекрасно знавшая богослужение, часто исповедовавшаяся и отдававшая священнику за исповедь весь заработок.

В Страстную пятницу во время выноса плащаницы я видел среди пожилых советских людей изумительные лица заплаканных и просветленных глаз, которых я никогда не забуду. Мой общий вывод — что Россия стала, пожалуй, еще загадочнее, чем была.

Вы знаете, что я в 37-ом году был отставлен за русскость, «практикуемое христианство» и недостаточный антисемитизм. За отставкой последовали исключение из Reichsschriftungskammer и запрет каких бы то ни было выступлений. С 37-го года я начал писать своеобразную автобиографию. Хотелось в рассказе о своей жизни раскрыть те тысячи мельчайших причин, которые привели к революции и показать те темноты в русской жизни, которые уже с конца прошлого века грозили нам. Кажется, в работе много интересного. Особенно подробно раскрыта трагедия русского либерализма в эпоху Керенского. В главе о большевизме почти отсутствуют животные зверства, которыми современного человека не удивишь. Зато очень выдвинут вперед рассказ о духовной жизни русской интеллигенции в первые годы большевицкой революции. Большая глава посвящена культурному облику довоенной России: описаны мои провинциальные лекции от Смоленска до Коканда и от Петербурга до Кавказа. Кончается книга (рассказ доводится до моей высылки) философским эпилогом, озаглавленным «Новый град». В книге будет больше тысячи страниц формата «Современных записок». Я надеюсь, если ничего не помешает, через полгода дописать ее. Пишу я по-русски. Первые семь глав (всего из 10) переведены на немецкий язык и находятся в Швейцарии. Моя мечта напечатать книгу по-русски. Сделать это в ближайшее время можно будет, вероятно, только в Америке. Знаете ли вы что-нибудь о тамошнем положении русского книжного рынка? Имеется ли у вас связь с Зензиновым[4], Керенским, Федотовым, Сириным или Алдановым?

С материальной точки зрения важнее издать книгу на немецком языке и перевести на английский. В Швейцарию вывез мои воспоминания владелец мюнхенского Reinhardt-Verlag'а швейцарец Jungck (Basel, Sommergasse 64), который очень торопится напечатать ее, рассчитывая на большой интерес Европы к Советской России[5]. Чтобы согласиться на печатание, мне нужно было бы знать, представляет ли Сталин реальную угрозу для меня и для многих людей, находящихся в Европе, об антибольшевистской деятельности которых идет у меня речь. Иной раз мне кажется,

что нет, так как книга рассказывает только о пяти годах большевизма и написана в спокойно-созерцательном тоне. Был бы очень благодарен, если бы вы ответили мне на этот вопрос: отсюда многое не ясно, что вам должно быть видно.

Кроме мечты издать книгу, меня интересует возможность переезда в Швейцарию (соответствующее прошение мною подано через здешний консулат месяцев 6 тому назад). Среди людей, которые могли бы дать обо мне благоприятный отзыв, я назвал и Гюстава. Думаю, что Швейцария не впустит, если я не смогу указать, на какие средства я буду там существовать. В связи с этим возникает вопрос. Нельзя ли возобновить хлопоты о получении профессуры или хотя бы только лекторства при Швейцарском университете по истории русской культуры? Мне все кажется, что Россия заняла такое главенствующее место в жизни Европы, что невозможно дальше не интересоваться ее духовным развитием. Очень хотелось бы знать, могли ли бы вы для меня что-нибудь сделать в этом направлении. О том же я пишу и профессору Lorenz'у во Фрибур[6]. Быть может, было бы легче получить визу сначала на временный въезд в Швейцарию и на месте попытаться что-нибудь сделать, но как реализовать поездку, не получая вот уже 2 месяца даже и пенсии в размере 360 немецких марок.

Есть у [слово не разобрано], что мне причитается некая сумма за вышедший в Америке перевод моей книги о России. Не могли ли бы вы в этом направлении навести справки через Tillich'а, а, быть может, через: Ferdinand Sigg[7], Zürich, Badenerstr. 67—73. Этот господин купил в свое время Jeremias Gotthelf Verlag и был у меня как-то в Дрездене. Был бы очень благодарен вам, если бы вы, как старые друзья, помогли мне в этом деле. Если бы причитающаяся мне сумма была бы совсем пустяковая, то, быть может, вы могли бы купить на нее каких-нибудь съестных припасов и выслать их нам с оказией, аналогичной той, благодаря которой мы пересылаем вам это письмо. Такая посылка была бы весьма кстати, так как мы очень отощали.

Не в пример нам вы прожили, как было слышно, весьма интересные годы, побывав во многих странах и перевидав много существенных людей. Очень хотелось бы услышать от вас кое-что об этой жизни и узнать, в каком свете вам рисуется будущность Европы, Германии и России. Как растет сын, как радует вас? Что делают парижские друзья и знакомые? Не унесла ли еще кого-нибудь смерть? О смерти отца Сергия Булгакова в Дрездене подробно писала мать Миши Осоргина[8], которого немцы насильственно вывезли из Парижа в Дрезден, где заставили работать в военной промышленности. Мы с ним очень сдружились. В свои 23 года он был

вполне зрелым, духовно значительным человеком. Отец Иоанн Шаховской[9] писал перед самым приходом американцев — из Мюнхена. Где он сейчас — не знаю. Крепко обнимаем и целуем вас.

Ваши *Н. и Ф. Степун*

---

[1] Письмо написано от руки.

[2] Речь о страшной бомбежке Дрездена 13—15 февраля 1945 г. английской и американской авиацией, разрушивший полностью город, погибло по подсчетам 25 тыс. человек.

[3] Слово читается предположительно.

[4] *Владимир Михайлович Зензинов* (1880, Москва — 1953, Нью-Йорк) — российский политический деятель, эсер. Издавал в Нью-Йорке журнал «За свободу». Сотрудничал в «Новом русском слове», «Новом журнале», «Социалистическом вестнике». Кремирован, урна с прахом была захоронена на кладбище Вудлон (Park West Memorial Chapel) в Нью-Йорке. Часть бумаг Зензинова хранится в центре русской культуры Амхэрст колледжа.

[5] О том, как и когда были опубликованы мемуары Степуна см мою статью: Как издают шедевры. О публикации русского варианта мемуаров Ф. Степуна «Бывшее и несбывшееся». Письма Федора Степуна в издательство им. Чехова / Вступит. статья, публикация и комментарии В. Кантора // Вопросы литературы. 2006. № 3. С. 278—319.

[6] Город в Швейцарии.

[7] Возможно, речь идет о первом швейцарском епископе Методистской епископальной церкви *Фердинанде Зиге*: *Ferdinand Sigg* (1902—1965).

[8] Точно установить лицо не удалось. Возможно, речь идет о *Михаиле Михайловиче Осоргине* (1887—1950), сыне губернатора, потом протоиерея *Михаила Осоргина*. Окончил юридический факультет Московского университета (1910). Воевал. Эмигрировал в Константинополь, затем переехал в г. Баден-Баден (Германия). Служил псаломщиком и регентом православной церкви в Баден-Бадене. В 1924 г., переехал в Париж, где занялся организацией Свято-Сергиевского прихода на улице Криме. В мае 1925 г. на территории этого прихода был создан Свято-Сергиевский богословский институт, где М.М. Осоргин преподавал. Скончался 16/29 октября 1950 г. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем.

[9] *Архиепископ Иоанн* (в миру князь *Дмитрий Алексеевич Шаховской*; 1902—1989) — архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский, проповедник, писатель, поэт. В трудные для Степуна годы, когда он был изгнан из Дрезденского университета, именно отец Иоанн посоветовал ему взяться за мемуары, сказав, что это свободное время для творчества послано ему Богом.

10[1]

München, 15-го февраля 1947 г.

Дорогие друзья,

вероятно, с месяц тому назад мы получили письмо Марии от 12-го ноября с приложением литературы и чая. За все большое вам спасибо. Первое письмо и присланные с Темномировым[2] жизненные эликсиры также благополучно прибыли в наш роттаховский подвал, напоминающий каюту океанского парохода. Еще раз спасибо за память и заботу об украшении нашей жизни.

Я сейчас страшно занят, читаю 4 часа в неделю в университете (большой интерес, около трехсот слушателей), много разъезжаю по провинции по приглашению народных университетов и церковных, главным образом католических просветительских обществ, выпускаю вслед за вторым изданием Переслегина свои воспоминания, первый том которых (всего будет три) выходит, вероятно, в апреле месяце. Все это, к сожалению, только на немецком языке, так как русских издательств в Германии еще нет, а связь с заграничным миром налаживается медленно и с большим трудом. Кроме всех этих литературных дел мы пытаемся переехать в Мюнхен, где, наконец, получили две комнаты с кухней. Устраиваться «погорельцам», какими являемся мы, так же трудно, как попасть в царствие небесное. При такой, говоря советским языком, «нагрузке», выпить во благовремение чашку крепкого кофе или душистого чаю не только приятно, но просто-таки жизненно необходимо.

Своею жизнью мы были бы вполне довольны, если была бы уверенность, что мы устраиваемся уже навсегда, что никакие исторические бури не погонят нас к еще неизвестным берегам. Интуитивно я спокоен, хотя разумом и сознаю, что будущее чревато еще неучитываемыми возможностями. Наташина интуиция поддерживает скорее мой разум, чем мое чувство, и это осложняет нашу жизнь. Напоминаем Гюставу, что он обещал подать нам знак, когда будут реальные причины для тревоги. После первого звонка еще можно будет унести ноги. После второго — будет уже поздно.

Насколько можно, я за всем внимательно слежу, слежу и за англо-американской прессой, наиболее важные статьи которой мне переводит мой ассистент. Тем не менее, у меня нету чувства, что, сидя в Германии, можно быть в курсе мировых решений. Очень хотелось бы потому, а в частности и для написания философски-социологического заключения моих воспоминаний, которые представляют собою как бы молекулярную социологию русской революции, попасть по окончании летнего семестра — в августе, сентябре в Швейцарию. Гюстав говорил, что швейцарскую визу и американское разрешение на въезд и выезд он сможет для нас достать. Затруднение было только в деньгах, но и этот вопрос благодаря издательским комбинациям оказывается разрешимым. Мы очень просим дорогого Гюстава сделать, что можно, чтобы нам попасть недель на 6 в Швейцарию. Я знаю, что у Гюстава 1000 важных дел и ему легко забыть о его обещании, а потому и напоминаю ему о себе. Если бы у меня была уверенность, что мы на осень попадем в Швейцарию, я начал бы подготовку нашего

пребывания там. Быть может, удалось бы устроить несколько докладов и чтений, если и не публичных, то по частным домам. Буду с нетерпением ждать ответа по этому насущному для нас вопросу.

Большое спасибо Марии за ее 2 обстоятельных письма. Не важно, что они не окончены, так как в обоих чувствуется то живое средоточие Марииных чувств, мыслей и решений, исходя из которого мне не трудно додумать и дописать наскоро законченные письма. Приступая к ответу, я должен, прежде всего, сказать, что чувствую себя безоружным. Мария пишет: «надо видеть представителей русской церкви — лица Николая[3], архиепископа Фотия[4], чтобы понять — каким духом они движутся». Я их не видел, но не видел я и тех парижских профессоров Подворья, которые после смерти митрополита Евлогия добились восстановления раскола. Судить я могу обо всем произошедшем, таким образом, только издали, только принципиально, что невольно ограничивает мое доверие к самому себе и заставляет с осторожностью относится к своим выводам.

Думаю, что мистика Марии мне много ближе, чем мистика мюнхенского митрополита Анастасия и парижских профессоров, если она действительно такова, какою Мария ее ощущает. Тем не менее, из моего ощущения мистики подлинных исповедников патриаршей церкви для меня не следует того вывода, к которому приходит Мария. Радостные слова митрополита Евлогия и его умиление по поводу возвращения эмиграции в лоно матери церкви, в юрисдикцию московского патриархата, повергли меня в глубокую печаль. Я всею душою жажду возвращения в лоно матери церкви, да я уже и чувствую себя возвращенным в него, но я страстно сопротивляюсь подчинению московскому патриарху. Мне твердо верится и ясно видится, что мистически живые и исповеднически твердые силы патриаршей церкви в России должны были бы быть сами заинтересованы в существовании самостоятельной, независимой от церковной политики советской власти эмигрантской церкви, дабы в религиозной и патриотической глубине России могла бы осуществиться та полнота служения Христу и его делу, которая невозможна на территории советской России.

Я всегда отрицал эмигрантски-фарисейское самовозвеличение за счет несчастной, подсоветской России и всегда признавал наличность живой, духовной связи между эмиграцией и советской Россией, как основное условие нашего православного и политического здоровья; между эмиграцией и советской Россией, но отнюдь не коммунистическою властью. Отделять советскую власть от подсоветской России механически, конечно, нельзя. Их сложного, диалектически-мистического единства я, конечно, не от-

рицаю; но если Россия и связана с Советскою властью, то лишь так, как каждый из нас связан со своим грехом. Большевизм есть не что иное, как грехопадение России. Не любить грешной России, к которой я сам принадлежу, я, конечно, не могу, но любить ее грехопадения я, конечно, не смею. Это сложное взаимоотношение между Россией и ее правительством отнюдь не изменилось. Положение русского народа и после победы над внешним врагом не стало легче, чем было до войны. На идеологическом фронте наблюдается возврат к интегральному марксизму. На художественном фронте идет энергичная расправа с певцами советского патриотизма, которые будто бы не уловили разницы между патриотизмом красной армии и кутузовскими поджигательствами Москвы[5]. Церкви, несмотря на формальное отделение от государства, очевидно становятся вполне определенные, государственно-политические задачи. Все, что говорится в оккупированной Советской зоне и в зависящих от Советов государствах отнюдь не свидетельствует о гуманизации власти. Подсоветский режим есть сплошная хитлеровщина. Как же мне при таком положении вещей не хотеть освобождения России от советской власти, от своего греха, как ежечасно не мечтать, не молиться о том, чтобы это освобождение, наконец, свершилось, чтобы открылись советские тюрьмы, в которых, между прочим, томятся и мои ни в чем не повинные братья. Я понимаю, что патриаршая церковь не может молиться о чуде освобождения России и тем не менее я уверен, что ее лучшие сыны не могут не желать, чтобы о нем молилась свободная эмигрантская церковь. Подлинная Россия состоит сейчас из двух нераздельных, но и неслиянных Россий — эмигрантской и подсоветской и должна потому неизбежно состоять из двух церквей — мистически церковь одна — но из двух юрисдикций, из которых каждая должна вести Россию своими путями к единой цели. Не думает ли Мария, что келейно, про себя, лучшие иерархи патриаршей церкви неустанно молятся об избавлении России от советского ига. Как же им не чувствовать утешения в том, что об этом чуде соборне молится свободная часть русского народа?

Может быть, мои выводы так отличаются от выводов и ощущений Марии, потому что мы разно понимаем отношение церкви к политике. Мария пишет, что патриаршая церковь ни на иоту не отказалась от полноты учения Христа. Это, конечно, вполне верно, в этом отношении православие оказалось на высоте, с которой быстро спустилась некоторая часть протестантов в Германии. Не умаляя значения Христова учения, я все же верую, что в Христианстве и в особенности в православии, как раз в этом отношении очень отличном от католичества, важно не столько евангель-

ское учение Христа, сколько Он сам, мистически пребывающий в своей церкви. Я верую, что каждая эпоха должна оставить Христу свои собственные вопросы и вправе надеяться на получение от Него нужных ей ответов. Главный религиозный, а потому и церковный вопрос нашей эпохи — вопрос политический. Ныне антихрист не занимается догматическою разработкою ересей, а политическим изничтожением Христовой свободы в мире. В связи с этим защита политической свободы становится центральною задачею церкви. Если церковь отступится от этой задачи, то антихрист победит. Пустогрудой секуляризованной демократии свободы не защитить.

Думая так, я ни минуты не осуждаю иерархов патриаршей церкви за то, что они согласились замалчивать преступления советской власти, ибо я твердо верю, что служить литургию и совершать таинства в условиях русской действительности в конце концов важнее, чем заниматься религиозно-политическим обличительством. Политическую немоту патриаршей церкви я беспрекословно принял бы. Но ведь она не молчит, а защищает власть. Журнал московской патриархии полон славословий Сталину, который непрестанно величается не только самым славным и гениальным, но даже и самым мудрым вождем народа. Один из архиепископов, цитируя сталинские слова о русском народе[6], превозносит и советскую Россию как святую Русь. Православный мирянин Янов, слагая пирамиду русской славы, увенчивает ее «великим из великих, гениальным вождем человечества Лениным», Лениным, который писал Горькому, что боженька давно помер и протух, и что всякая вера в него и любовь к нему отвратительна, как всякое труположество!

Может быть, мы и этого не имеем права осуждать (уж очень непостижима для нас, при всей внешней осведомленности, последняя сущность советской жизни), но присоединяться к юрисдикции, требующей восхваления Сталина и Ленина, как гениальных вождей человечества, мы, живущие на свободе, не смеем: что простительно на территории России, то недопустимо в эмиграции. Думать же, как очевидно думает Мария, что единство русской православной церкви должно иметь своим внешним ознаменованием единую юрисдикцию, нет никакого основания. Думать так, значит, как мне кажется, впадать в ту же ошибку, в которую, по мнению Киреевского, накануне разделения церквей впало католичество, не смогшее себе представить, что единство Церкви может быть представлено двумя епископами.

Поведение и аргументация парижских иерархов и профессоров в том виде, как о них пишет Мария, мне совершенно непонятны.

В них, как даже и в статье Карташова[7], дошедшей до меня, больше запальчивой, политической страстности, чем скорбной религиозной глубины. Мне кажется, что беседа с архиепископом Фотием могла и должна была бы протекать в совершенно иных тонах, чем она, очевидно, протекала. Мне кажется, что можно и нужно было бы предложить помощь литературой, регулярным осведомлением о церковной жизни христианского запада и вполне аполитическое сотрудничество в изданиях московского патриаршества. Можно было бы пойти и дальше: согласиться на открытие миссионерских курсов при парижском подворье, ибо кто может сомневаться, что для молодого православного священника, вооруженного нужным знанием и решимостью на все, не может быть более высокой задачи, как распространение православия среди советской молодежи. Говоря это, я, правда, думаю, вся эта, искомая Москвою помощь была бы, при несогласии формально подчиниться Москве, тем же архиепископом Фотием безоговорочно отвергнута, что и было бы доказательством, что патриарший престол зовет не в лоно материнской Церкви, а в кабалу сталинской власти. Повторяю в заключение то, с чего начал: мистическая составляющая (?) православной Церкви осуществима сейчас (поскольку она вообще осуществима) не на путях подчинения эмигрантских митрополий патриарху Алексию[8], а исключительно на путях свободного, братского сотрудничества и молитвенного общения между иерархами и мирянами обеих юрисдикций.

Вот то, как мне кажется, существенно правильное разрешение вопроса, которое у меня уже давно сложилось. Мне будет очень интересно и важно узнать, что вы оба о нем думаете. В мюнхенской церковной среде я пока еще не акклиматизировался. Чаще всего бываю у отца Александра Киселева[9]. Чувствую себя везде довольно одиноким. Когда переедем в Мюнхен, проверю свои впечатления...

От Тиллиха мы имели недавно очередное «послание» и небольшое личное письмо. Личное письмо тронуло нас сердечностью, милым, старым звуком (помните, как он в Seligny[10] завидовал нам, что мы остаемся в Европе). Послание же к европейским друзьям очень разочаровало — какое-то унижение паче гордости: ничего-де не знаю, ничего-де не могу сказать, вам виднее. Через три года начну писать богословскую систему по требованию американских студентов, а пока что, простите, дешево, по случаю купил себе домик, так как скоро по годам выхожу в отставку. Дети — американцы; о возвращении ни полслова. Чем дольше я присматриваюсь к Германии, тем непонятнее становится мне национальное чувство немцев. С одной стороны — страшный национализм, а с дру-

гой — уж очень легкое забвение своей родины. В свое время Пауль присылал нам «нарочных» с целыми программами освобождения Германии. Вот Германия свободна, наступил как будто бы его час — только и разговору, что о христианстве и социализме. Совершенно замечательная молодежь, по своей духовной глубине и зоркости совершенно не сравнимая с той, с которой я встретился в 1926-м году, страстно жаждет живого и ответственного, горячего и трезвого слова. Людей мало, каждый значительный человек на счету, — а Тиллих не едет! Я лично с величайшей радостью завтра же поехал бы в свободную Россию, если бы в ней была бы возможность того дела, которое я сейчас делаю в Германии. Обо всем этом я Paulus'у еще не писал. Как-нибудь напишу. Вы же ему пока о нашем разочаровании ничего не пишите.

Мария спрашивает об Иде[11]. Мы ее уже давно не видали. В последний раз обедали с ней в день ее рождения 29-го ноября в «Bayrischer Hof». Она очень жаловалась на невозможность совместной жизни с ее дочерью Изой. Любви между ними много, но понимания — никакого. Сейчас она в ожидании собственной квартиры живет в пансионе в Tölz'е, откуда ей скоро придется выехать. В последнее время у нее неудачи: пролетела квартира, сломалась рука, а Фриц вернулся в Дрезден, вернулся он в больших сомнениях и в страхе, исключительно из-за чувства ответственности перед отцовским делом и его наследниками. Как сложится там его жизнь — покажет будущее. У нас от него сведений нету. Писать Иде лучше всего по постоянному адресу дочери: Frau Dr. Isa Seidel. München 8 Hohenaschauerstr. 24.

Ида, конечно, очень постарела, похудела накренилась, но постарому часто оживлена, избегает печальных разговоров, не терпит воспоминаний о приволье прошлой жизни и, научившись кое-что понимать в деньгах, все еще притворяется, что ничего не понимает в годах. Она много и страстно ест и горячо благодарит за всякое внимание. Ее очень жалко, хотя ее жизнь, если не думать о ее полном одиночестве, много лучше жизни большинства наших дрезденских знакомых.

Дорогая Мария, письмо, адресованное вам обоим, я писал в третьем лице отчасти и потому, что наше «ты» с Гюставом такое простое и легкое в Мюнхене, нами как-то еще не освоилось по отношению к тебе. Дружески предлагаем освоить его и впредь писать на «ты». Нам это и легко, и естественно. Если мы сейчас отчего-либо страдаем, то исключительно от распада и рассеяния старых связей, старых друзей, в особенности русских, так как мы отрезаны как от парижской, так и от американской России, т. е. от Москвы.

Наташа очень благодарит за готовность обуть и имеет соответствующую мерку.

Крепко обнимаем и целуем вас обоих.

Федор

P. S. Если можно будет выслать какую-нибудь русскую книгу, буду страшно благодарен.

---

[1] Письмо написано от руки.

[2] Лицо не установлено.

[3] Лицо не установлено.

[4] *Архиепископ Фотий* (в миру *Борис Александрович Топиро* (1884—1952) — епископ Русской православной церкви, архиепископ Львовский и Тернопольский. С 10 по 23 октября 1945 г. архиепископ Фотий по благословению Патриарха Алексия I совершил поездку в Австрию и Чехословакию. Главной целью его визита было воссоединение с Московской Патриархией русских эмигрантских приходов.

[5] Речь о пожаре Москвы 1812 г. во время нашествия Наполеона.

[6] Этот, ныне малодоступный текст, тост Сталина на кремлевском приеме 24 мая 1945 г., стоит привести целиком: «Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа. (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики “ура”.). Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение. У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа! (Бурные, долго несмолкающие аплодисменты.)».

[7] Речь идет о статье А.В. Карташева «Соединение церквей в свете истории».

[8] Патриарх с 1945 г. (в миру *Сергей Владимирович Симанский*; 1877—1970). Занимал Московский Патриарший престол более 25 лет — дольше всех в истории Русской церкви. Сын камергера. В 1891 г. поступил в Московский лицей («Катковский») Там он сблизился с московским монархическим движением, а впоследствии, в 1908 г. в Туле был избран председателем губернского отдела Союза русского народа. Окончив лицей в 1896 г., поступил на юридический факультет Императорского Московского университета. Закончил полный курс в три года и получил ученую степень кандидата прав. В 1900 г. поступил в Московскую духовную академию, которую окончил в 1904 г. со степенью кандидата богословия. 9 февраля 1902 г. в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры пострижен в монашество епископом Арсением; 17 марта того же года рукоположен во иеродиакона, а в 1903 г. в иеромонаха. Далее пержил все трудности, выпавшие на долю Православной церк-

ви, но старался придерживаться лояльной ориентации по отношению к советской власти. 4 сентября 1943 г. был вместе с митрополитами Сергием (Старгородским) и Николаем (Ярушевичем) на встрече со Сталиным в Кремле. Результатом встречи стало указание Сталина об избрании Патриарха и дозволении открытия церковных учебных заведений; партийным куратором церковной политики стал В.М. Молотов, непосредственным ее проводником — полковник госбезопасности Г.Г. Карпов, возглавивший Совет по делам Русской православной церкви. Патриарх Сергий (Старгородсий) скончался 15 мая 1944 г. По его завещанию, составленному ещё в 1941 г., Местоблюстителем стал Преосвященный Алексий. Стоит привести письмо Местоблюстителя Сталину, чтобы понять отношение к нему Степуна и остальной русской эмиграции: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Нашу Православную Церковь внезапно постигло тяжелое испытание: скончался Патриарх Сергий, 18 лет управлявший Церковью. Вам хорошо известно, с какой мудростью он нёс это трудное послушание; вам известна и его любовь к Родине, его патриотизм, который воодушевлял его в переживаемую эпоху военных испытаний. А нам, его ближайшим помощникам, близко известно и его чувство самой искренней любви к Вам и преданности Вам, как мудрому, Богопоставленному Вождю (это его постоянное выражение) народов нашего великого Союза. Это чувство проявлялось в нём с особой силой после личного его знакомства с Вами, после нашего незабвенного для нас свидания с Вами 4 сентября минувшего года. <...> В этот ответственейший для меня момент жизни и служения Церкви я ощущаю потребность выразить Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, и мои личные чувства. В предстоящей мне деятельности я буду неизменно и неуклонно руководиться теми принципами, которыми отмечена была церковная деятельность почившего Патриарха: следование канонам и установлениям церковным — с одной стороны, — и неизменная верность Родине и возглавляемому Вами Правительству нашему, — с другой. <...> Прошу вас, глубокочтимый и дорогой Иосиф Виссарионович, принять эти мои заверения с такою же доверенностью, с какою они от меня исходят, и верить чувствам глубокой к Вам любви и благодарности, какими одушевлены все, отныне мною руководимые, церковные работники» (Известия, 21 мая, 1944 г, № 120; ЖМП,. 1944, № 6, стр. 48).

[9] *Александр Николаевич Киселёв* (1909, Тверская губерния — 2001, Москва) — священник ЗАПЦ, РПЦЗ, Православной церкви в Америке. Известен своим служением при храме Русской освободительной армии (РОА), в отроческие годы Патриарха Московского Алексия II — один из духовных наставников последнего.

[10] Город в Швейцарии.

[11] Речь идет о художнице, хозяйке салона в Дрездене *Иде Бинерт* (*Ida Bienert,* 1870—1965). В ее салоне собирались художники Пауль Клее, Вальтер Гропиус, Оскар Кокошка и др. Эти люди входили в дрезденский круг общения Степуна.

11[1]

24-X-49

Дорогие друзья Мария и Густав,

Большое спасибо вам за желанье повидаться с нами и за повторное предложенье провести у вас две последние октябрьские недели. Нам очень мечталось осуществить этот соблазнительный план, но осуществить его было никак невозможно. И Марга с Галиной Николаевной, и наши друзья Минченко живут накануне отъезда в Америку. Когда они уедут, в точности неизвестно, но из-

вестно то, что это может случиться почти что каждую минуту. При таких условиях нам ехать невозможно, не по сердцу. Кроме этой причины есть и другая: мое воспаление вен стало, как говорится, в копеечку. Докторские счета ждут оплаты. Добыть деньги я могу только «отхожим промыслом», т. е. иногородними лекциями. Летом лекции не устраиваются, с первого Ноября начинается семестр, во время которого ездить трудно, так что не оставалось, как назначить лекции на вторую половину Октября. К тому же и душа сейчас перед семестром занята лекциями, да еще корректурами третьей части Воспоминаний, которые должны выйти к Пасхе. Будем надеяться, что удастся свидеться, если вы к этому времени будете в Женеве, по окончании семестра, весной.

Живем мы тут преступно хорошо. Уже недель шесть, как стоит совершенно замечательная осень. В восемь часов утра я уезжаю с Ханзером[2] в автомобиле на верховую езду. В залитой солнцем комнате уже сервирован кофе. Отпив, иду заниматься в кабинет. В это время начинаются звонки. Наташа не пускает посетителей. Сейчас я пишу, конечно, опаздывая, книжку о России, вариант той, что уже давно вышла в Швейцарии. Читали ли Вы большой этюд И.А. Ильина: Сущность и Особенности русской культуры (по-немецки)?[3] Странная вещь. Какое-то не совсем русское прославление России. Все как-то верно и все-таки получается какой-то мистический сироп, с назиданием иностранцам[4]. При чтении мне вспоминалась строчка Вильг. Буша: «Учитель Лемпель так судил и часто детям говорил». В предисловии заявлено, что о недостатках России он будет говорить только на ухо русским людям, немцам же надо говорить только о ее положительных сторонах. Моя тенденция как раз обратная. Не то, чтобы я в своей книге[5] считал правильным говорить только о темной России, но я думаю, что необходимо исходить из нее и объяснить ее с наиболее выгодной стороны. Мне хочется попытаться показать, что теневые стороны современной России связаны с каким-то источником света в ней. Книга меня очень занимает. Надеюсь, что она выйдет вместе с третьим томом Воспоминаний.

Моя русская деятельность осуждена здесь, кажется, на умиранье. Мюнхен разъезжается со все ускоряющейся быстротой. О. Александр Киселев уже давно в Америке. Два наших других священника тоже на отлете. Думаю, что издание Студенческого Вестника в Мюнхене прекратится. Я еще два раза в месяц читаю русские лекции. Слушателей не уменьшается, но нет постоянной аудитории, так что можно лишь радовать людей, занимать, но уже нельзя с ними работать и нельзя их оформлять. Пройдет полгода — и это прекратится.

Приезжавший к нам Вл[адыка] Иоанн Шаховской без внешнего насилия, но все-таки с упорным нажимом, советовал нам

уезжать из Европы. В том же духе пишет о. Александр из Нью-Йорка. Положенье здесь и впрямь становится все менее уютным и спокойным. Советы борются за коммунистическую Германию с невероятной последовательностью и упорством. Лозунги у них, как всегда, весьма соблазнительные: мир и единая Германия. Быстрота действия поразительна. В противоположном же лагере нет ни единства, ни темпа, хотя, по-моему, есть и мысли, и воля. Франция три месяца без правительства. Англия продолжает демонтажи, что экономически с ее точки зрения, быть может, и оправданно, но что политически верх безумия. И даже Америка, словно под диктовку Москвы, вдруг заявляет, что протест немецких церквей против методов дознания в политических процессах есть лишь часть нацистского заговора против американской демократии. Все это, на глазах большевиков, совершенное безумие. Иногда, даже и в залитой светом комнате, даже и после верховой езды, на меня находит отчаяние. Под влиянием всех этих мыслей, подсказываний и настроений, мы все же решили предпринять некоторые шаги для выезда в Америку. С вопросом, можно ли мне выехать, я заехал как-то к Шауфус, которая сразу же загорелась каким-то профессиональным интересом к моей личности и нашему выезду. Высказав надежду, что война начнется уже через год-полтора, она твердо заявила, что нам надо уезжать. Узнав, что я немецкий подданный и считаю для себя невозможным перечисление в рабье сословие Ди-Пи[6], она на минуту впала в уныние, но, познакомившись с моей биографией, решила, что меня можно подвести под закон о пострадавших от Хитлеровского режима. В этом смысле она переговорила с мисс Биланд, которая и вызвала меня к себе. Она была не слишком многословна, но все же внимательна и любезна. Посмотрев соответствующий параграф, она усомнилась, можно ли меня считать за жертву национал-социализма, так как я не сидел в концлагере и не претерпел никакого физического насилия. Тем не менее она мне не отказала, а решила написать в какую-то высшую инстанцию и попросить как бы санкции на предмет причисления меня к «жертвам». Одно время она было думала, что самым лучшим было бы, если бы я написал Густаву, но потом решила пойти каким-то иным путем. Так мы и сидим и ждем у моря погоды.

Всё мое несчастье в том, что мое сердце как-то не очень тревожится о нашей судьбе. Всё кажется, что настоящей войны не будет, а что дело будет развиваться на путях внутренней инфильтрации Германии советским элементом и упорной борьбы против Америки во всевозможных международных институтах. При таком развитии было бы достаточно пока что постараться переехать

в Швейцарию, что для меня было бы, конечно, гораздо удобнее. Я мог бы легко удержать связь с Германией, читать наездами лекции во всевозможных городах и тем добывать себе на прожитье.

Пишу я вам обо всем этом не для того, чтобы вы помогли нам решить, куда идти и что делать. Я знаю, что за кого бы то ни было принимать решение в важных вопросах жизни и трудно, и ответственно, но если вы сами, которым все же виднее положение мира, захотели бы посоветовать, то мы были бы, конечно, весьма благодарны. Иной раз я боюсь, что мы все еще держимся за Германию, потому что нам здесь хорошо и интересно жить, держимся за Европу, потому что она постепенно открывается нам. Парижане уже дважды приезжали в Мюнхен. Мог бы и я с Наташей по приглашению парижского богословского института, быть может, проехать в Париж. Леонтович[7] уже был в Италии. Целый ряд немецких профессоров все время путешествует. Очень гостеприимно приглашает Швеция. Все это страшно заманчиво, все это дает чувство какого-то продолжающегося цветения жизни и потому так не хочется немым существом сесть в квартире непонятного тебе американца и оттуда устрашенно выползать с протянутой ручкой: дайте хлебушка, примите статейку!

Получает ли Мария наш Вестник[8] и что она думает о нем? Конечно, уровень можно было бы легко поднять, но тогда он стал бы непонятен советскому молодняку, для которого мы здесь главным образом пишем. В выходящем через месяц номере будет помещен мой диалог с очень влиятельным католиком[9], который дважды передавался по радио. Для нашей синодальной церкви этот номер со вступительной статьей вл[адыки] Иоанна[10], которого здесь, к слову сказать, страшно поносили в литографированном юмористическом журнале, носящем характерное заглавие «Кузькина мать», и с моим диалогом, будет совершенно неприемлем [слово читается предположительно]; хотя о. Аверкий, как представитель митр. Анастасия, всегда присутствует на моих лекциях и очень благоволит к нам, наши отношения все же не налаживаются.

Удалось ли Густаву, а, может быть, и Марии, заглянуть во второй том моих Воспоминаний? Я ряд экземпляров выслал в Америку, но никто еще не отозвался. Пока кончаю. Буду рад, если пришлете несколько слов. Я коротко как-то писать не умею. Наташа и я шлем вам самые наши сердечные приветы и повторную благодарность.

Ваш *Федор Ст.*

---

[1] Письмо напечатано на машинке.

[2] Издатель немецких книг Степуна.

[3] Сущность и своеобразие русской культуры. Вышла по-немецки в Швейцарии в

1942 г. В 1944 г. была переведена на французский и английский, но не напечатана.
[4] Степун не очень точен в передаче позиции Ильина, который не раз заявлял, что после того, что произошло в России, русские люди не имеют никакого основания гордиться тем, что они ни в чем не передумали и ничему не научились, что остались верны старым доктринам и заблуждениям, прикрывавшим просто недомыслие и наши слабости. России, писал Ильин, не нужно слепое западничество, но ее не спасет славянофильское самодовольство! России нужны свободные умы, зоркие люди и новые, религиозно укорененные творческие идеи.
[5] Скорее всего, речь здесь идет о книге Степуна: Dostoevski. Weltschau und Weltanschauung. Heidelberg: Carl Pfeffer Verlag, 1950. Она и вправду вышла в том же году, когда вышел третий том воспоминаний Степуна по-немецки: Vergangenes und Unvergängliches. Aus meinem Leben. Bd. 3. München, 1950.
[6] Как известно, термин ДИ-ПИ (DP) образован из первых букв английской фразы dysplace person, что переводится на русский язык как «перемещенное лицо», то есть лицо без гражданства, вынужденный переселенец, беженец. О статусе Ди-Пи и пр.: журнал «Библиография», 1997, № 3 (рецензия).
[7] *Виктор Владимирович Леонтович* (1902—1959) — юрист, историк, публицист, эмигрировал, жил в Германии. Его знаменитая книга «История либерализма в России. 1762—1914» была написана на немецком языке, переведена на русский И. Иловайской. См. современное издание: М.: Русский путь, 1995.
[8] Очевидно, «Вестник РСХД».
[9] Диалог был опубликован под названием «Католичество и православие» в Вестнике РСХД. Мюнхен. 1949. № IX—X. С. 8—20. Это беседа Степуна с католическим патером Лангом, профессором Богословского факультета Мюнхенского университета. См. также: Степун Ф.А. Чаемая Россия / Сост. и послесловие А.А. Ермичёва. СПб.: РХГИ , 1999. С. 276—287.
[10] Иоанн Шаховской.

12[1]

1 декабря 1950 г.

Милый друг Мария,

Большое спасибо за краткое письмо. Вспоминая, как ты целыми утрами писала в Женеве письма, никак не могу жаловаться на твою краткость. Мое личное несчастье, что я как-то кратких писем писать не умею. Печальный результат этого неумения то, что со многими близкими людьми у меня замерла переписка.

Что мы делаем? Живем, живем интересно, успешно и напряженно. Сентябрь провели с Наташей в горах. Я много гулял, много думал, подготовлял большой реферат для Социологического конгресса по социологии эмигрантства и беженства. После этого я отбыл в «отхожий промысел» и в двадцать дней прочел по разным городам и весям Германии девятнадцать докладов, из них пятнадцать на русские темы. Поездка дала много для изучения Германии и ее отношения к России. Вернувшись, начал читать свой университетский курс на тему о духовном взаимоотношении России и Германии в 19-м веке. Между первой и второй лекциями мы с Наташей на четыре дня слетали в Швейцарию, где я

читал в Цюрихе по приглашению студентов и в Базеле в Русско-Швейцарском обществе. В Цюрихе я читал о русской литературе 19-го века[2]: группа Горького, символисты, футуристы, «Бродячая собака», отражение октября в русском искусстве и историю советской литературы, начиная с Серапионовых братьев и кончая современной. Слушали очень хорошо. В Мюнхене к сорокалетию со дня смерти Толстого я прочел большой и даже торжественный доклад о жизненной трагедии великого писателя земли Русской. Торжественность заключалась в том, что мой доклад перемежался с музыкой, иллюстрировавшей отдельные фазы толстовской жизни: были исполнены — «Думка» Чайковского, три выставочных картины Мусоргского и в заключение «Траурный марш» Бетховена, который любил играть сам Толстой. Когда я читал, я вспоминал Остоженку, Хамовники, дом Толстых и две мои беглых встречи с ним, вспоминал любовь Наташиного отца к Ясной поляне, куда он ездил снимать Толстого. Ты знаешь это состояние: «душа сжимается лирическим волненьем»[3]. От этого волненья говорится, если не переволнуешься, лучше обыкновенного. Кажется, я и говорил довольно удачно. После окончания вечера в зале ощущался настоящий захват.

Сейчас я очень занят подготовкою окончательного русского текста моих воспоминаний. Надеюсь, что ИМКА их напечатает[4], если мир останется в том относительном спокойствии, в котором был до сих пор. Боюсь, однако, что мы переживаем начало конца нашей покойной жизни. Хожу по своей уютной комнате, смотрю на книги, портреты и невольно вижу покинутость всей этой творческой тишины. Ты пишешь, что тебе все еще не верится в войну. Мне до сих пор тоже не верилось, но что-то постепенно меняется в душе. На самом деле, что делать Западу? Увести американские войска из Кореи и сдаться на милость победителя? Это такой окончательный урон всякого престижа, на который Объединенные нации пойти не могут. Итак, американцам надо продолжать корейскую войну, превратившуюся в войну против Китая. Это потребует такое напряжение сил на Востоке, что Советам будет не слишком трудно захватить Германию. Вся моя надежда только на то, что они не соблазнятся этим планом. Зачем на самом деле рисковать наметившейся победою холодно-партизанской войны в то время, как победа в тотальной атомной, по меньшей мере, спорна, а, скорее всего, даже и маловероятна. Но и это соображение подкашивается мыслью, что Советы не верят в миролюбие американцев. Все эти соображения приводят к решению смываться.

Судьба как будто бы и сама наметила нам такой путь. В начале октября я познакомился с комиссаром (американским) Баварии,

профессором Шустером[5]. Он встретил меня весьма дружелюбно и через несколько недель после нашего разговора прислал ко мне свою секретаршу, которая спросила меня, что бы Шустер мог сделать для моего благополучия. Я ответил: организовать в случае необходимости наш отъезд в Америку. С тех пор Шустером было сделано несколько попыток устроить меня в Америке, как научного работника. Пока, однако, все не пошло дальше обещаний и возможностей. Думаю, что я на днях пойду к нему с вопросом: нельзя ли мне устроить переезд на свой счет в ускоренном порядке. Имея американский паспорт в кармане и нужные для оплаты проезда деньги, можно, быть может, и подождать переезжать. У меня тут четыре докторанта, которых мне не хотелось бы бросать на произвол судьбы. Но, конечно, и рисковать головой ради учеников бессмысленно.

Недавно был у нас Мельгунов[6], был и Карпович. И с тем, и с другим мы беседовали, как со старыми знакомыми, не без приятности, но и только.

Ты спрашиваешь о настроении в Германии. Ответить на этот вопрос очень трудно. Мне кажется, что я не ошибусь, если выдвину на первое место нежелание воевать. Это нежелание, этот деплясированный[7] пацифизм очень сложен по своей структуре: националисты и национал-социалисты не хотят воевать под знаменами американской демократии. Если бы им восстановили суверенное немецкое государство, собственный генеральный штаб, то и они, вероятно, охотно пошли бы защищать родину и изничтожать насильнически заведенную в ней демократию. Социал-демократы и профсоюзы не хотят воевать, потому что война грозит ослаблением тех социальных и частично социалистических реформ, за которые они сейчас борются; крупные промышленники в тайне мечтают получить через Советы заказ на индустриализацию Китая и втайне верят, что там, где вертятся деньги, сгущается и перестает литься кровь; обыватели трясутся за потерю только что заново оборудованных квартир. Наиболее воинственно и ответственно настроены, с моей точки зрения, католические круги и те пролетарские массы, которые явились из советского плена. Все это я говорю без абсолютной уверенности, что я прав, но такой уверенности при замученности немецких душ и типично немецкой сложности внутриполитического положения ни у кого быть не может. Очень сложен вопрос о силе коммунистических настроений. На выборах коммунисты провалились. Они не получили, например, в Баварии ни одного парламентского места, но я в эту неудачу не очень верю; быть может, это даже расчет. Коммунистам гораздо важнее иметь большие запасы в подвалах, чем выставлять их в витринах.

Американцы ведут тут среди новой эмиграции какую-то очень сложную политическую игру, организуют какой-то политический центр, в который входят мельгуновцы, сочувствующие лиге Керенского, солидаристы[8] и левые власовцы; монархисты и правые власовцы отвергнуты. Хорвартский[9] университет прислал сюда 18 молодых социологов, которые почти все говорят по-русски. Некоторые из них были в Советском Союзе. Председатель университетской группы — автор, говорят, дельной работы о психологии советского человека[10]. Эти хорвартские социологи организовали здесь «русский исследовательский институт», к работе в котором меня не привлекают. Всем делом заправляет некто Яковлев[11], фаворит Николаевского[12]. При Русском исследовательском институте собираются издавать журнал научный. Кроме того, собираются издавать и литературный журнал. Вокруг всего этого начинания струится какой-то денежный Гольфштром[13]. Американские социологи расспрашивают ДИ-ПИ о положении в России. За консультацию платят 20 марок. Наши рассказывают, кое-кто «заливает», чтобы получить вторые 20 марок. Устроили американцы и библиотеку, за что я им очень благодарен. Основная политическая линия всего начинания мне не совсем ясна, так как я приезжих американцев почти что не вижу. Думаю, однако, что они видят будущую Россию в очень чуждых и тебе, и мне тонах. Иной раз мне кажется, что установка орудующих здесь американцев очень антисталинская, то есть антифашистская, но все же какая-то интернационалистически-троцкистская. Это не мое впечатление, но таковы доходящие до меня сведения. Собираюсь во всем этом разобраться получше. Тебя же серьезно прошу обо всем этом пока не распространяться, так как Институт по исследованию Советской России при Хорвартском университете одна из моих надежд.

Ну, кончаю. Наташа и я тебя сердечно обнимаем.

Да, забыл сказать, что в конце января мы, вероятно, снова будем в Швейцарии. Я читаю в Базеле.

Еще раз всего хорошего. Как хотелось бы, чтобы в последнюю минуту мир отказался от безумия. Не могу думать об атомных бомбах над Россией.

Твой *Федор*

---

[1] Письмо напечатано на машинке.

[2] Судя по идущему далее перечислению общественно-литературных группировок, у Степуна описка. Надо — 20-го века.

[3] Правильно: «Душа стесняется лирическим волненьем». Строчка из стихотворения Пушкина «Осень».

[4] В издательстве ИМКА воспоминания Степуна опубликованы не были. Они вышли в свет в американском издательстве им. Чехова спустя шесть лет.

[5] Шустера Степун не раз поминает в своих письмах, очевидно, возлагая надежды на его помощь. В 1950 г. в письме сестре (Марге Степун) Ф.А. писал: «Америк. комиссар в Баварии проф. Шустер, которого и знает и очень ценит Карпович, прислал мне на днях очень любезное письмо, в котором просит, чтобы я связался с американцем, заведующим обменом ученых, которому он сказал все нужно[е], чтобы тот проявил энергию» (Федор Степун. Русские письма // Вестник Европы. 2001. № 3. С. 187 (публикация В.К. Кантора).
[6] *Сергей Петрович Мельгунов* (1879, Москва — 1956, Франция) — известный русский историк, политический деятель, публицист. Его беспристрастные и одновременно страстные исторические исследования посвящены истории русской революции и Гражданской войны, они и обеспечили ему особое место в русской историографии. Наиболее сильная его книга, рассказавшая о ленинском Гулаге, — «Красный террор в России 1918—1923». Впервые книга была опубликована в Германии в конце 1923 г. Выход книги обошелся Мельгунову в «шесть недель бессонницы и официальное лишение российского гражданства». Уже в 1924 г. она была переиздана 2-м изданием, существенно дополненным. В 1990 г. «Красный террор в России» вышел в СССР. В предисловии к книге Мельгунов писал: «Нельзя пролить более человеческой крови, чем это сделали большевики; нельзя себе представить более циничной формы, чем та, в которую облечен большевицкий террор. Это система, нашедшая своих идеологов; это система планомерного проведения в жизнь насилия, это такой открытый апофеоз убийства, как орудия власти, до которого не доходила еще никогда ни одна власть в мире» (М.: СП “PUICO”, PS, 1990. С. 6).
[7] Депляссированный — слово образовано по типу «деклассированный». Происходит из термина DP, dysplace person.
[8] Одной из политических организаций, основанных белым движением, стал Народно-трудовой союз российских солидаристов. Движение употребляло термин «солидаризм» в значении, близком к значению, используемому христианскими демократами. Сами солидаристы определяли свою идею так: Солидаризм — это учение об обществе, утверждающее солидарность разных его частей. Солидаризм противостоит тоталитарным учениям классовой или расовой борьбы. В центре его стоит человеческая личность: она может быть только целью, никак не средством. Неизбежные общественные конфликты надо решать не стремлением одной стороны подавить другую, а нахождением общих для обеих сторон ценностей и соподчинением столкнувшихся интересов этим ценностям.
[9] Имеется в виду Гарвардский университет.
[10] Может быть, речь о Г.Л. Смирнове, авторе книги «Советский человек».
[11] Лицо не установленно.
[12] *Борис Иванович Николаевский* (1887—1966) — историк, политический деятель. С 1906 г. меньшевик. С 1920 г. член ЦК РСДРП (меньшевиков). Работал в историко-революционном архиве в Москве. Сотрудничал в журнале «Былое». В феврале 1921 г. был арестован и после одиннадцатимесячного заключения, вместо предложенной ему ссылки в Вятку, принял предложение ГПУ о высылке, наряду с другими членами ЦК, за границу. С 1922 г. в эмиграции. Жил в Берлине. Печатался в 1922—1923 гг. в «Новой русской книге», в 1924—1925 — «На чужой стороне», сотрудничал также в советских изданиях («Каторга и ссылка», «Летописи марксизма», «Летопись Маркса и Энгельса»). Собирал материалы по политической истории России. С 1940 г. в США. Автор знаменитой книги: *Николаевский Б. И.* Конец Азефа. Берлин: Петрополис, 1931.
[13] Так он называет знаменитое теплое течение Гольфстрим.

13[1]

14-8-52

Дорогие друзья Мария и Густав,

мы очень виноваты перед вами, что так долго не писали вам (просительное письмо к Густаву, конечно не в счет, так как о нас в нем ничего не было; за печальный отказ, то есть, вернее, за ответ с извещением об отказе, большое спасибо). Не писал я просто потому, что, проведя каникулы в Швейцарии, я оказался загружен невероятным количеством работы. Ну и потом люди, которые идут вожжей[2] и которые оставляют просьбы, то есть рукописи, которые надо устраивать или, по крайней мере, просматривать. Обо всем этом я рассказывал и повторяться не стоит.

Из интересных посетителей были у меня некоторые американцы. Редактор Times и его немецкий корреспондент, с которым я недавно очень интересно разговаривал во Франкфурте, обедал у него. За последнее время видел я опять-таки несколько очень влиятельных американцев. Нашего нового американского «генерал-губернатора» проф. Шустера и исключительно осведомленного человека, знающего и понимающего историю русской революции чуть ли не лучше Николаевского, и еще кое-кого. Был я совсем недавно на докладе мистера Emmer'a[3] на тему о недоразумениях между немцами и американцами, участвовал в прениях и сидел весь вечер с американцами и немцами в ресторане, где продолжалась оживленная беседа «заполночь» на все современные политические темы. Сообщаю все это в качестве предисловия к ответу на вопрос Марии, каковы настроения в Германии. Самое главное, что вместе с американцами, или, вернее, за ними идет только политически зрелая, правительством и крупными партиями представленная Германия; обыватель же, безразлично капиталист ли он, мелкий ли буржуа, или рабочий, находится в весьма иных настроениях. Эти обывательские настроения защищали, однако, в разговоре с американцами и некоторые довольно известные публицисты.

Должен сознаться, хотя знаю, что Мария будет, вероятно, против меня, что я все больше чувствую, что в американцах, по крайней мере, в тех, с которыми в последнее время встречался, есть очень мне родная стихия, которую покойный Илюша[4] называл интеллигентским «орденским сознанием». В них есть какая-то субстанциальность, какое-то реальное ощущение воздуха свободы и какая-то готовность борьбы за этот воздух. Я думаю, что в их борьбе против большевизма главную роль играет все-таки не политическая корысть, а ощущение своей исторической призван-

ности исповедовать и защищать свободную сущность человека. Я понимаю, конечно, что свободолюбие и корысть не отделимы в них друг от друга, но я против этого слияния не протестую. Если бы американское свободолюбие не было связано с их жизненным практицизмом, то оно очень скоро превратилось бы в идеалистический ладан над тем царством зла, которое большевизм пытается уготовить миру.

В немцах, раздавленных и, главное, дезориентированных гитлеровщиной и средневековым нюрнбергским процессом американцев, никакого орденски-рыцарского служения правде и свободе не чувствуется. Политически сознательная Германия идет с Западом, потому что рационально считает, что лишь этот путь может ее спасти. Обывательщина же живет страхом войны и желанием любою ценой, хотя бы и игрою в поддавки большевикам, сохранить свои вчера только заново отделанные дома и предприятия.

---

[1] Это длинное письмо частично (2 страницы) напечатано на машинке и написано от руки очень скверным почерком.
[2] Идут вожжой — идут потоком (см.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М.: Русский язык, 1981. С. 224).
[3] Лицо неустановленное.
[4] *И.И. Бунаков-Фондаминский*.

14[1]

20 февраля 45[2] г.

Дорогая Мария,

пожалуйста, не сетуй на нас, что мы на два письма, несмотря на Твою просьбу быстрого ответа, откликаемся с таким опозданием. Объясняется это только тем, что вопрос о нашем приезде в Англию очень для нас сложный вопрос. На первом месте стоит забота о Наташином здоровье и докторское требование как можно более тихой и регулярной жизни, с обязательным, по крайней мере 2-х часовом послеобеденным отдыхом в постели и ранним отходом на сон грядущий. Получив Твое письмо, мы советовались с доктором, у которого Наташа была в санатории в продолжении двух с лишком недель, и он считал бы более правильным, если бы мы не ездили в новую страну с ее волнующей обстановкой, обилием впечатлений, с постоянными разговорами и т. д. Конечно, он не запретил ехать, но все же сказал, что было бы правильно, если бы мы перед отъездом приехали посоветоваться с ним. (Санатория находится в 60 км от Мюнхена). Вторая проблема была проблема моей работы. Я должен срочно закончить книгу русских

портретов (философов и писателей — от Соловьева до Есенина)[3] и ради этой работы решил в этот семестр не читать в университете. Поездка в Англию требовала, конечно, подготовки и стоила бы поэтому довольно много времени. Наконец, не лишен значения и денежный пункт, т. к. билет в Лондон стоит больших денег. Я все поджидал ответа от Чеховского издательства, где уже давно лежит оригинал моей автобиографии[4]. Если бы ответ был положительным, денежный вопрос не играл бы роли. Но, к сожалению, дело не налаживается. Третьего дня получил письмо от Марги, что в ближайшем году американских денег хватит только на 9 книг, а потому мне предлагают контракт только на сокращенное издательство[5] в размере 450 страниц. Это значит, что я могу выпустить или I том под заглавием «Затонувшая Россия» или II «Февраль и Октябрь». Мне такое куцее издание не улыбается, т. к. все три тома представляют целостное единство. Попытаюсь предложить выпуск I-го тома без гонорара, но будет ли эта жертва иметь желанное действие — мне еще не ясно.

Из всего этого взятого вместе мы с Наташей пришли к выводу: от всяких публичных лекций и выступлений во всяком случае отказаться. Вопрос же о приезде к Вам в гости и прочтении доклада в Твоем пушкинском доме оставить открытым. Если Наташа будет чувствовать себя вполне хорошо и если моя работа пойдет успешнее, чем я ожидаю, то недели на две в мае приедем. Если же Наташино здоровье будет требовать тишины и медицинского надзора, то еще раз сердечно поблагодарив за любовь и память — откажемся.

Сейчас Наташа чувствует себя очень усталой, т. к. в связи с моим семидесятилетием[6] было много хлопот, работы и забот. Уже за неделю постоянно приходили какие-то интервьюеры. Все интересовались, прежде всего, моим политическим прошлым, описанным мною во II томе автобиографии и моими взглядами на будущее России и Европы в связи с берлинской конференцией. Газетчики народ опасный и ради красного словца не пожалеют никого. Наташа была очень озабочена, как бы они не написали лишних вещей, что неприятно отозвалось на ее сердце. Вчера, в самый день рождения, у нас было около 50 человек. Больше 30-ти ужинало. Так как мы никого не приглашали, то было трудно решить, сколько заготовлять яств и пития. Наташа все боялась, что будет мало. И хотя ели крепко, осталось еще очень много всяких съестных радостей.

Не знаю, как буду справляться с корреспонденцией, т. к. получил около 40 телеграмм и больше 100, частично и очень длинных и очень интересных писем. Идут, конечно, и отдельные чествова-

ния-ужины в моих издательствах, у частных знакомых и в дружественной мне части русской колонии. Все это снова нарушило доброе состояние Наташиного здоровья, и я твердо решил жить так, чтобы не осложнять ее сердечной болезни.

Ну, кончаю, Мария. Еще раз Тебя и Густава сердечно благодарим и шлем Вам самые наилучшие пожелания.

Твой *Федор*

---

[1] Письмо напечатано на машинке.
[2] Очевидно, опечатка. Судя по контексту излагаемых в письме событий, надо датировать письмо 1954 г.
[3] В результате в эту большую книгу вошло пять имен. Она вышла через десять лет: Mystische Weltschau. Funf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block. Munchen: Carl Hanser Verlag, 1964. S. 442.
[4] Рукопись мемуаров была отправлена Степуном в издательство имени Чехова в 1953 г. Подробнее см. прим. 62.
[5] Так у Степуна.
[6] Из этих строк окончательно очевидно, что речь идет о 1954 г. Степун родился в 1884 г.

Публикация и комментарии *В.К. Кантора*

Опубликовано: Вопросы философии. 2011. № 8. С. 111—143.

На взгляд изгнанника
(письмо Ф. Степуна Г. Риккерту 1932 г.)

Эмигрант — это, как правило, человек междумирья. Он поневоле живет в положении постоянного сравнения отечественной культуры и той, которая приютила его. Причем трудность его ситуации тем больше, когда он не добровольный эмигрант, а изгнанник. Возможно, такая жизнь в позиции «находимости-вненаходимости», которая характерна всегда для великих художников[1], обостряла остроту зрения и мысли у людей, попавших в чужой мир и вынужденных к тому же полагаться только на себя. Остроту как по отношению к покинутой Родине, так и по отношению к стране-приюту. Это, кстати, объясняет повышенный сегодняшний интерес к духовным открытиям русской эмиграции. И не только к опубликованным ими в эмиграции текстам, но и к дневникам и переписке. Действительно, порой оценка общественной

и духовной ситуации, звучащая в переписке, дает историку мысли весьма много поводов для размышлений и понимания.

Конечно, определение «чужой мир» не вполне подходит для русских писателей и мыслителей, изгнанных большевиками в 1922 г. за рубеж, в Западную Европу. Практически все они раньше бывали в Европе, свободно владели европейскими языками, имели старые связи и контакты, не говоря уж о том, что Запад поначалу весьма приветливо отнесся к непривычным изгнанникам, высланным в большом составе за образ мыслей. Конечно, такое в истории уже бывало. Но серьезность намерений большевиков прозвучала для Запада в этой сравнительно мягкой акции новой власти России весьма отчетливо. Не надо также забывать, что Германия, куда поначалу попали все изгнанники, переживала времена нелегкие. Бердяев вспоминал: «Начиналась новая эпоха жизни. По приезде в Берлин нас очень любезно встретили немецкие организации и помогли нам на первое время устроиться. Представители русской эмиграции нас не встретили. Я всегда любил Западную Европу, с самого детства часто ездил за границу, хотя меня всегда отталкивала западная буржуазность. Я ходил по Берлину с очень острым чувством контраста разных миров. Я не испытывал подавленности от изгнания, но у меня все время была тоска по России. Германия в то время была очень несчастной. Берлин был наполнен инвалидами войны. Марка катастрофически падала. Немцы говорили: “Deutschland ist verloren”[2]. Мне пришлось в моей жизни видеть крушение целых миров и нарождение новых миров. Я видел необычайные трансформации людей, первые делались последними, последние делались первыми»[3]. Быть может, увереннее прочих чувствовал себя Федор Степун, немец по рождению, несколько лет проучившийся в Хайдельбергском университете[4], имевший немало немецких друзей, коллег и хорошо помнивших талантливого студента немецких профессоров, которые охотно возобновили с ним общение. Почти сразу же (1924 г.) он посетил и Хайдельберг[5], и Фрайбург, даже написал об этом статью «Два Гейдельберга». К немецкой теме мы еще вернемся. Она в каком-то смысле центральный мотив этой публикации. Но необходимо еще сказать несколько слов о причинах высылки русских философов, в том числе и Степуна, и удивиться прозорливости чекистов.

* * *

В мае 1922 г. в Уголовный кодекс по предложению Ленина вносится положение о “высылке за границу”. В 2003 г. в журнале «Отечественные архивы» (№ 1. С. 65—96) была подготовлена подборка материалов, из которой видно, насколько тщательно Политбюро и

ВЧК готовили систему высылки и подбирали имена высылаемых, давая на каждого подробную характеристику. Так, в «Постановлении Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении списка высылаемых из России интеллигентов» от 10 августа 1922 г. Степун, попавший в дополнительный список, характеризовался следующим образом: «7. Степун Федор Августович. Философ, мистически и эсеровски настроенный. В дни керенщины был нашим ярым, активным врагом, работая в газете правых с[оциалистов]-р[еволюционеров] "Воля народа". Керенский это отличал и сделал его своим политическим секретарем. Сейчас живет под Москвой в трудовой интеллигентской коммуне. За границей он чувствовал бы себя очень хорошо и в среде нашей эмиграции может оказаться очень вредным. Идеологически связан с Яковенко и Гессеном, бежавшими за границу, с которыми в свое время издавал "Логос". Сотрудник издательства "Берег". Характеристика дана литературной комиссией. Тов. Середа за высылку. Тт. Богданов и Семашко против»[6]. Замечательно понято, что в эмиграции он может оказаться серьезным противником. А чуть позже (23 августа) он оказался восьмым номером в «Списке не арестованных»[7]. Это выглядит еще более страшным, чем список арестованных. Человек живет, ходит, думает, а его дни уже расчислены. Ситуация трагического черного юмора тоталитарной эпохи. Как у Высоцкого: «Но свыше — с вышек — все предрешено: / Там у стрелков мы дергались в прицеле — / Умора просто, до чего смешно» («Был побег на рывок»). Существенно отметить, что высылаемые страстно не хотели покидать Родину. По недавно опубликованным архивам ВЧК можно увидеть их однозначно негативное отношение к эмиграции.

Итак, из протокола допроса Ф.А. Степуна от 22 сентября 1922 г.: «К эмиграции отношусь отрицательно. И больная жена мне жена, но французу-доктору, который ее лечит, она никогда не жена. Эмиграция, не пережившая революцию дома, лишила себя возможности действенного участия в воссоздании духовной России»[8]. Можно сослаться и на более поздние свидетельства, например, Бердяева: «Высылалась за границу целая группа писателей, ученых, общественных деятелей, которых признали безнадежными в смысле обращения в коммунистическую веру. Это была очень странная мера, которая потом уже не повторялась. Я был выслан из своей родины не по политическим, а по идеологическим причинам. Когда мне сказали, что меня высылают, у меня сделалась тоска. Я не хотел эмигрировать, и у меня было отталкивание от эмиграции, с которой я не хотел слиться. Но вместе с тем было чувство, что я попаду в более свободный мир и смогу дышать более свободным воздухом. Я не думал, что изгнание мое

продлится 25 лет»[9]. Здесь очень точно указано, что дело было не в политических причинах, а в идеологических. Большевики словно бы испугались на какой-то момент чуждых идей, еще сохраняя иллюзию, что сами победили силой идеи, хотя опирались на самом деле не только на идею, а на разбуженные ими первобытные инстинкты масс, на разрешение «грабить награбленное».

Вернемся, однако, к оценке чекистами «идеологического облика» Степуна. Заключение СО ГПУ в отношении Ф.А. Степуна от 30 сентября 1922 г.: «С момента октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности в моменты внешних затруднений для РСФСР»[10].

Интересно здесь, что сами чекисты называют Октябрьскую революцию «октябрьским переворотом», но еще интереснее, как этот текст совпадает с доносом на Степуна в нацистской Германии. Как и большевики, нацисты терпели его ровно 5 лет своего режима, пока не увидели, что перековки в сознании профессора Степуна не происходит. В доносе 1937 г. говорилось, что он должен бы был переменить свои взгляды «на основании параграфов 4-го или 6-го известного закона 1933 г. о переориентации профессионального чиновничества. Эта переориентация не была им исполнена, хотя, прежде всего, должно было ожидать, что как профессор Степун определится по отношению к национал-социалистическому государству и построит правильно свою деятельность. Но Степун с тех пор не предпринял никакого серьезного усилия по позитивному отношению к национал-социализму. Степун многократно в своих лекциях отрицал взгляды национал-социализма прежде всего по отношению к целостности национал-социалистической идеи, как и к значению расового вопроса, точно также и по отношению к еврейскому вопросу в частности важного для критики большевизма»[11].

* * *

Но, прежде чем им занялись нацисты, он и сам вполне четко отнесся к нацизму и к Германии. Конечно, сначала он не думал еще о наступавшем на Германию новом движении, которое многие сравнивали с большевизмом, а многие видели в нем защиту от «советизации» немецкого государства, немецкую реакцию на большевистский опыт, как писал, например, в своей провокативной книге Эрнст Нольте[12]. Я, скорее, согласен с современным немецким историком Леонидом Люксом, который показывает уникальность каждого явления (при общем безумии «эпохи

движения масс»): «Чтобы именно в Германии, крупнейшей индустриальной державе Европы, могло придти к власти НСДАП, движение, отвергавшее модернизацию и мечтавшую об “аграрной Германии” — такого большевики не могли понять»[13]. Надо сказать, немного забегая вперед, что именно эта прокламировавшаяся нацистским движением почвенность послужила искушением для многих немецких интеллектуалов, включая даже мыслителей масштаба Мартина Хайдеггера.

Степуна, конечно, волновали проблемы покинутой им России, бытовые проблемы, воспоминания о прошлом, а также налаживание контактов с эмигрантскими журналами и издательствами. И первое, что его насторожило, — несоответствие его представлений о сохраняющей разум христианства, верной своим базовым ценностям европейской культуре и тогдашней европейской реальности. Степун писал: «Вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонятно, и все-таки так: — изгнанием в Европу мы оказались изгнанными и из Европы. Любя Европу, мы, “русские европейцы”, очевидно, любили её только как прекрасный пейзаж в своём “Петровом окне”; ушел родной подоконник из-под локтей — ушло очарование пейзажа»[14]. Цикл своих статей «Мысли о России» он печатал в парижских «Современных записках», журнале, в котором он издал и свой роман «Николай Переслегин». Германия, как видел он, в растерянности.

В 1924 г. он пишет статью, описывая свои впечатления от немецкой современности, сравнивая ее со своим студенческим прошлым. Конечно, первым показателем для него явилась жизнь университетских городков, а в них — жизнь вчерашних его преподавателей. Он посещает Хайдельберг[15], про который говорит, что это не город, а баллада, вспоминает В. Виндельбанда, А. Дитриха, Г. Еллинека, то есть обучавших его профессоров, и сравнивает их тогдашнюю жизнь с тем, как теперь живут немецкие профессора: «Очень изменилась жизнь студентов, не менее изменилась и жизнь профессоров. Во все профессорские дома вошла скучная, унылая, будничная нужда. <...> Холодная передняя, холодный коридор. В холодной квартире две-три отапливаемые комнаты. Маленькая печка, сверлящая жаром в спину, но не согревающая ног. По ногам ходит стужа — дует от окон и из-под дверей. К обеду и ужину почти не приглашают. Приглашают или к чаю, или после ужина. Иногда в последнем случае добавляют “aber bitte nur halb angegessen”, — это значит, или будет холодный рис с сиропом, или вынесут бутерброды на маргарине. Все это производит очень тягостное впечатление. Пожалуй, более тяжелое, чем в

России. <...> Немцы этой своей нужды стыдятся и, не смотря на экономическое убожество своего “светского” бытия, пытаются сохранить традиционное приличие. Есть нечего, но посуды, которую и подать-то некому — бездна. Лица над чашками зелены, но воротники крахмальные. Комнаты так тщательно прибраны, что кажутся холоднее той температуры, что показывает градусник»[16].

Один из тех людей, с которыми Степун сразу возобновляет контакт, это знаменитый философ, хайдельбергский профессор Генрих Риккерт[17], подаривший в свое время молодым школярам прекрасное название для основанного ими журнала — «Логос». Стоит, наверно, напомнить современному читателю, что философская работа Степуна была в самом начале замечена Риккертом. В своей программной книге «Философия жизни» он писал: «Здесь делались попытки, определенно примыкающие к романтическому ходу мыслей. Характерен в этом отношении “опыт философии жизни” русского автора Федора Степуна, стоящего на точке зрения Фридриха Шлегеля. “Ценности жизни”, как “ценности состояний”, противополагаются всем “ценностям осуществления” и тем самым всем ценностям культуры. Сама жизнь почитается больше всего, и особенно религия только и может обнаруживаться в чистом переживании»[18]. Переписку с ним Степун начинает в первый же год высылки, в 1922 г. Сохранилось несколько его писем Риккерту, но я останавливаюсь и публикую последнее из имеющихся в университетском архиве, письмо 1932 г. Оно и наиболее информативно, достаточно упомянуть рассказ о судьбе брата Ф.А., вернувшегося из Германии в Советскую Россию и попавшего там в тюрьму, а потом в лагерь, не говоря уж о прочих «русских печалях». Но в этом письме Ф.А. поднимает и весьма многие вопросы тогдашней бытовой и философской немецкой жизни в предштормовую эпоху. В частности, там задолго до послевоенных разоблачений прозвучал мотив о нацистских настроениях Хайдеггера.

Что же это за предштормовое состояние, ныне почти забытое, а тогда не всеми оцененное? В своих мемуарах автор знаменитого романа «Слепящая тьма» Артур Кёстлер в главе «Закат либерализма» писал: «До 14 сентября (1930 г. — *В.К.*) у партии национал-социалистов было 12 мест в германском парламенте; в этот день она получила 107 мандатов. Партии центра были сокрушены, демократическая партия практически перестала существовать. Социалисты потеряли 9 мандатов. У коммунистов прирост голосов составил 40 %, у нацистов — 80 %. Конец надвигался. Развязка наступила спустя два с половиной года. <...> Через несколько дней паника улеглась <...>, люди вернулись к обыденным делам, уже не замечая, что страна превратилась в бомбу замедленного дей-

ствия. Мы то слышали, как тикает часовой механизм, отсчитывая нам последние минуты, то забывали о нем. Ко всему привыкаешь, а этот процесс растянулся на два с половиной года»[19]. Конечно, привыкаешь ко всему, но некоторые начали искать контактов с нацизмом. Чуть позже Геббельс будет иронизировать, говоря об интеллектуалах, лихорадочно принявшихся вступать в партию. Геббельс, писал Альберт Шпеер, 2 ноября 1931 года «опубликовал в "Ангриф" ("Наступление") передовицу, касавшуюся множества новых членов, вступивших в партию после сентябрьских выборов 1930 года. В своей статье он предостерегал партию против проникновения в нее буржуазных интеллектуалов, заявлял, что представителям обеспеченных и образованных слоев общества нельзя доверять так же, как "старым борцам", ибо по своему характеру и принципам они стоят неизмеримо ниже добрых старых партийных товарищей. Правда, Геббельс учитывал интеллектуальный потенциал новообращенных: "Они полагают, что лишь болтовня демагогов привела движение к величию, и теперь готовы присвоить и возглавить его. Вот что они думают!"»[20].

Степун в начале тридцатых уже вполне серьезно относится к нацистам, более того, публикует в «Современных записках» и «Новом граде» ряд статей, посвященных этой проблеме. Почвенническая составляющая нацизма для него достаточно очевидна: «Своеобразное национал-народничество немецкого младодвиженства было одною из наиболее духовных и благородных сил, способствовавших победе вульгарного национал-социализма»[21]. В этой же статье 1931 г. Степун так оценивал выборы 14 сентября: «Без учета того факта, что национал-социалисты шли в бой с твердою верою в непоколебимую верность своей идеи, с "лютой" (grimmig) решимостью во что бы то ни стало победить и с повышенным чувством мессианских задач грядущего немецкого государства, их головокружительный успех необъясним»[22]. Победа нового движения уже близится. И здесь каждый выбирал свою позицию. Когда Карл Ясперс написал свою книгу «Вопрос о виновности», он там говорил о виновности тех, кто жил в Германии во время нацизма, но не желал знать о его преступлениях. Для Степуна противостояние нацизму интеллектуала определялось двумя понятиями: вера в Бога и верность подлинной философии. И тут поразительным образом он берет в союзники Хайдеггера, как противника режима — не политического, но сущностного, какими были высланные большевиками русские философы.

И это при том, что в это как раз время эмигрантская русская философия практически на корню отвергала Хайдеггера, не находя в его творчестве ничего философского. Сошлюсь на статью

Н.С. Плотникова, который приводит много уничижительных высказываний русских философов о Хайдеггере, в частности Н. Лосского, со своим комментарием: «"Страх, подавленность социальною обыденностью (безликим das Man), деградация индивидуальности, затерянность в мире, покинутость и, наконец, тоскливый ужас, особенно перед лицом смерти — вот основное содержание жизни человека, по Гейдеггеру. Он почти не выходит за пределы кругозора немецкой хозяйки (Frau Sorge), снедаемой заботами о повседневных мелочах жизни. Высшую онтологическую основу и смысл заботы, а, следовательно, и человеческого Dasein он находит в таком элементе бытия как время. Отсюда понятно, что выйти из обезличенной потерянности, найти себя человек может, по Гейдеггеру, только путём осознания своего бытия как "бытия для смерти" и путём решимости примирения со смертью. И в самом деле, то жалкое человеческое бытие, которое описывает Гейдеггер, по самому существу своему, слава Богу, обречено смерти. Но кроме этой смертной стороны в глубине человеческого духа нетрудно найти способности и цели, абсолютно ценные, дающие основание философу взойти путём умозрения к началам сверх-человеческим и в конечном итоге к Абсолютному как творческой основе мира. Только отсюда сверху можно понять смысл бытия и строение его; только исходя из Абсолютного можно дать ответ на вопрос о необходимой множественности мирового бытия (in-der-Welt-Sein человека), о положительных сторонах времени, о многообразии путей жизни, о драматизме её, о телесной смерти человека и, несмотря на неё, сохранении абсолютных ценностей и т. п.". В такой свободной от всякого сомнения натужно оптимистической гносеологии растворяется возможность не только позитивного обсуждения вопросов, поставленных Хайдеггером, но вообще критического философствования, рефлектирующего о собственных предпосылках. В этой "интерпретации" Лосского негативное отношение большинства русских мыслителей к "фундаментальной онтологии" выражено в предельной форме, граничащей с абсурдом»[23].

Для Степуна в это же время имя Хайдеггера оказывается своего рода символом подлинной философии, противостоящей нацизму. В уже цитированной статье 1931 г. он пишет: «В книге Гитлера есть характерная фраза: "юноша, занимающийся сейчас философией — не немецкий юноша"! Верно как раз обратное: лучшие немецкие юноши занимаются сейчас философией и богословием, Гейдеккером (Хайдеггером. — *В.К.*) и Бартом. Духовный уровень Гитлера и всего созданного им движения не по-немецки низок и убог. Существует преданье, что, когда древние германцы крести-

лись, они высовывали из реки руку, в кулаке которой был зажат меч, дабы эта рука осталась не крещенной. Не подлежит никакому сомнению, что миросозерцание Гитлера родилось не в немецкой голове, а в некрещенном германском кулаке»[24].

Разумеется, он и подозревать еще не мог о будущей ректорской речи великого философа «Самоутверждение немецкого университета», в которой Хайдеггер, замечая о «неподлинности» существовавших ранее академических свобод, потребует от студенчества «готовности отдать все свои силы без остатка, готовность же обеспечена знанием и умением и укреплена дисциплиной. Впредь такая связь будет обнимать и проникать собою все существование студента в виде воинской повинности»[25]. Тем более не мог он предвидеть и его вступление в нацистскую партию, о чем пишет Н.В. Мотрошилова: «Вновь избранный ректор должен выполнить важнейший пункт предвыборного соглашения с фашистами. 1 мая 1933 года, во вновь учрежденный Праздник труда, Мартин Хайдеггер торжественно вступает в члены национал-социалистической партии — партии Адольфа Гитлера. Получив поздравление от профессора Ферле из министерства культуры в Карлсруэ, Хайдеггер отвечает: “Я сердечно благодарю Вас за поздравление по случаю моего вступления в партию. Мы должны теперь все направить на то, чтобы завоевать мир образованных и ученых людей для нового национально-политического духа. Этот боевой путь не будет легким. Зиг хайль. Мартин Хайдеггер”. Письмо помечено 9 мая 1933 года»[26].

Интересно, однако, что и обвинители Хайдеггера, и его защитники[27] основное внимание уделяют 1933—1934 гг. Между тем, очевидно, что такого рода выбор вряд ли был фактом мгновенного ослепления, очевидно, что Хайдеггер, как и многие другие интеллектуалы, над которыми иронизировал Геббельс, к нему шел. И в этом смысле удивление нацистскому колориту его дрезденского доклада в письме Степуна 1932 г., еще год назад готового взять Хайдеггера в союзники, весьма интересно. Любопытно описан и доклад, и возражения теолога Фр. Делеката, и растерянность, и бегство Хайдеггера с начавшегося диспута, что говорит об известной нетвердости позиции. Тема Бога весьма волновала Хайдеггера, но до самой его смерти он так и не решил для себя эту проблему. Противостоя технической цивилизации, в которой он видел одну из причин тоталитаризма, Хайдеггер противопоставлял ей открытость «почвенной истине», но указывал на «нетость Бога». Как пишет исследователь: «Даже в интервью, данному журналу “Шпигель” в 1966 г., в словах “Nur ein Gott kann uns retten” остаётся характерная для Хайдеггера неясность относительно Бога, выраженная неопределённым артиклем»[28].

Чувствительность, чуткость и зоркость русского философа-эмигранта, оказавшегося способным услышать те ноты, которые, быть может, не были внятны еще самому Хайдеггеру, но весьма ясны для русского, пережившего уже одну тоталитарную (русскую) революцию и всматривавшегося в черты новой, уже германской, заслуживают, на мой взгляд, внимания. Вот почему я осмеливаюсь предложить эту публикацию любознательности философски ориентированного читателя.

* * *

В заключение я хотел бы выразить признательность немецкому фонду «Marion-Dönhoff-Stiftung» за финансовую поддержку моего пребывания в архивах Германии, г-же Ирэн Брауэр, г-ну Карлу-Хайнцу Корну, г-же Дагмар Херрманн (Кёльнский университет), а также директору Института славистики Хайдельбергского университета профессору Урсу Хефтриху (Urs Heftrich) за предоставленную возможность работать в библиотеке и архиве университета.

---

[1] Не могу здесь не согласиться с весьма точным наблюдением Николая Вильмонта: «Вторжение инородного начала (расового или культурно-сословного) обычно только и делает большого человека полновластным хозяином национальной культуры. Тому первый пример — Пушкин, потомок “арапа Петра Великого” и правнук Христины фон Шеберх...» (*Вильмонт Н.* О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли. М.: Советский писатель, 1989. С. 49.).

[2] Германия потеряна (*нем*.).

[3] *Бердяев Н.А.* Самопознание. М.: Книга, 1991. С. 246.

[4] 1902—1909, с перерывом в один год. В 1910 г. на кафедре Вильгельма Виндельбанда он защитил диссертацию о философии Вл. Соловьева, а в 1910—1914 гг. вместе с Р. Кронером, Г. Мелисом, Э. Метнером, Б. Яковенко и С. Гессеном издавал знаменитый международный журнал «Логос».

[5] Я пользуюсь написанием «Хайдельберг» вместо привычного «Гейдельберг» в расчете на то, что вполне возможно в русском языке вернуться к естественному звучанию. Так поначалу русские философы писали и произносили «Гейдеггер», что не помешало сегодня вернуться к естественному «Хайдеггер». А проработав несколько месяцев в архивах университета в этом городе, ежедневно слыша и произнося это слово в нормальной огласовке «Хайдельберг», я просто не могу себя заставить писать по-иному.

[6] «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. Публикацию подготовил А.Н. Артизов // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 74.

[7] Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921—1923 / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. М.: Русский путь, 2005. С. 110.

[8] Там же. С. 337.

[9] *Бердяев Н.А.* Самопознание. С. 241.

[10] Высылка вместо расстрела. С. 338.

[11] *Treiber H.* Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903—1955). Über Freundschaft- und Spätbürgertreffen in einer deutschen Kleinstadt // Treiber Hubert & Sauerland Karol (Hrsg.). Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes»: 1850—1950. Opladen: Westdeutscher Verlag

GmbH. 1995. S. 98.

[12] См.: *Нольте Э.* Европейская гражданская война. Национал-социализм и большевизм. М.: Логос, 2003.

[13] *Люкс Л.* Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М: Московский Философский Фонд, 2002. С. 168—169.

[14] *Степун Ф.* Мысли о России. Очерк III // *Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 219.

[15] Он пишет: «В годы, когда я учился в Гейдельберге, вся его жизнь до самых мельчайших подробностей определялась почти исключительно университетом. Он был больше, чем университетским городом, он был городом при университете» (Два Гейдельберга // Ежедневная газета «Дни» от 06.01. 1924 г.).

[16] Там же.

[17] Конечно, в своей статье он не мог не помянуть Риккерта, но упоминание о нем говорит все о той же навалившейся на Германию бедности: «Тридцать лет ездил признанный вождь научной философии Генрих Риккерт в наемной карете в университет. Теперь у него не хватает средств, чтобы нанимать карету. Министерство денег на карету не дает. И вот Риккерт в университет больше не ездит. Он теперь читает у себя на дому. Научная философия Риккерта не может оплатить кареты» (Там же).

[18] *Риккерт Г.* Философия жизни. Киев: Ника-Центр, Вист-Са, 1998. С. 297.

[19] *Кёстлер А.* Автобиография // Иностранная литература. 2002. № 7. С. 207.

[20] *Шпеер А.* Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 38.

[21] *Степун Ф.* Письма из Германии (Национал-социалисты) // *Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 897.

[22] Там же. С. 886.

[23] *Плотников Н.С.* С.Л. Франк о М. Хайдеггере. К истории восприятия Хайдеггера в русской мысли // Вопросы философии. 1995. № 9. С. 171.

[24] *Степун Ф.* Письма из Германии (Национал-социалисты). С. 900.

[25] *Хайдеггер М.* Самоутверждение немецкого университета // *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет / Пер. с нем., составл., вступ. статья, примеч. А.В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. С. 227.

[26] *Мотрошилова Н.В.* Драма жизни, идей и грехопадения Мартина Хайдеггера // *Мотрошилова Н.В.* Работы разных лет: избранные статьи и эссе. М.: Феноменология-Герменевтика, 2005. С. 459.

[27] См., например, текст Ал. В. Михайлова: «В 1933—1934 гг. Хайдеггер в течение десяти месяцев был ректором Фрейбургского университета; от этого времени остался его доклад Самоутверждение немецкого университета, в котором Хайдеггер в самом начале гитлеровского времени сделал почти отчаянную попытку повернуть немецкую науку (и даже культуру) к бытийным основаниям мысли. Он попытался наложить печать смысла на происходящее и, следовательно, изменить его силой мысли в роковой час истории. Поскольку Хайдеггер как ректор вынужден был идти на уступки властям, сложилась легенда о близости Хайдеггера национал-социализму. Хотя Хайдеггер открыто говорил о самоутверждении университета, хотя вскоре он вынужден был уйти с поста ректора и подвергался нападкам в официозных органах печати, легенда оказалась стойкой» (*Михайлов А.В.* Вместо введения // *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет. С. XXXI.).

[28] *Плотников Н.С.* С.Л. Франк о М. Хайдеггере. К истории восприятия Хайдеггера в русской мысли. С. 178.

Письмо Г. Риккерту

Dresden, den 8.6.1932[1]

Дорогой и глубокоуважаемый профессор Риккерт!

Наташа и я благодарим Вас за Ваше любезное письмо. Мы тоже консервативные люди и становимся все более консервативными. И поэтому было для нас особой радостью вдруг в Дрездене услышать (erklingen) голос из нашей юности. Мы думаем очень часто о нашем первом зарубежном путешествии и первом посещении, которое мы с ней вместе совершили за границей: это было у Вас в предобеденном Фрайбурге[2]. Наташа ужасно боялась и в последний момент хотела убежать, предоставив мне идти одному.

Хотел бы ответить на Ваши вопросы, которые Вы мне задали. Только коротко и предварительно. Чтобы все точно рассказать, как и что у нас происходило и еще происходит, я должен потратить слишком много времени. Это получилось бы, если бы мы снова однажды смогли вместе посидеть в Хайдельберге. Может, это как-нибудь и удастся сделать. Но при сегодняшних обстоятельствах это было бы возможно, если бы я получил приглашение на доклады в Баден.

У Наташи, чтобы начать с нее, последнее время дела не очень хороши. Январь и февраль она бесконечно терпела опоясывающий лишай (Guertelrose). Врач сказал, что он никогда такого тяжелого случая не видел, но также никогда не лечил такого терпеливого пациента. У Наташи этот опоясывающий лишай идет по всей половине головы. Вам, наверно стоит узнать, что свое имя эта болезнь носит несправедливо, ибо это не кожная, а нервная болезнь. Это ослабление нервов головы. Чтобы описать мне эту боль, врач предложил вообразить, что все зубы одновременно получили бы нервное воспаление. Дело это все еще не закончилось. Голова остается чувствительной и к этому надо добавить невероятную чуткость ко всем космическим и душевным изменениям в окружающем воздухе. Все-таки дела обстоят уже много лучше. Да, можно сказать, что дело идет отлично в сравнении с тем, как оно шло сначала. Только начало было таким плохим, что даже большое улучшение не означает еще абсолютно счастливого состояния.

Откуда это все пришло, неизвестно. Врач сказал, что причины появления опоясывающего лишая не исследованы. Предположительно, что этой причиной были душевные волнения. Может быть, Вы знаете, что мой брат[3], который учился со мной в Хайдельберге, теперь уже примерно два года назад был совершенно неожиданным образом арестован. Обвинение звучало совершенно бессмысленно: за связь с немецким генеральным штабом и ре-

акционными кругами эмиграции. Публичный процесс проведен не был. Мы не знали, что там происходит, и должны были ожидать самого худшего. Наташу волновали все эти заботы и мучили укусы совести. Мой брат как раз последние полгода перед арестом был у нас, и именно меня каждый год вызывали в рейхсвер. У нас есть основание предполагать, что брата посадили из-за меня.

Уже полгода как он выпущен из заключения; как темно говорят (писать невозможно), совершенно больным. То есть врачи (читай: чекисты) не стали скрывать, что исход болезни может быть очень скверным. Приговор звучит: 10 лет ссылки на дальний Восток или на Север. Так непостижимо это звучит или, скорее, постижимо, что мы были удовлетворены этим исходом. В последнее время пришло известие, что мой брат сослан только на два года в маленький провинциальный город. Он сам написал записку. Совершенно спокойную, человека, совершенно смирившегося со своим положением, но все же не без сильного желания к новой организации своей жизни. Он должен теперь все по-новому построить. У моего брата было большое положение как профессора Московского университета и как научного эксперта в области советской экономики. Все это, разумеется, закончено. Он получил совсем маленькую должность, которая его самого кормит весьма скудно. Его жена осталась в Москве и преподает немецкий, английский и французский советским величинам. Само собой разумеется, что при этих обстоятельствах мой брат ничего моей матери посылать не может и что я не только один должен поддерживать мою мать, но также посылать деньги в Россию. Из 600 рейхсмарок оклада 300 отправляются родственникам. Отсюда объясняется, почему мы не можем больше заехать в Хайдельберг. Из кошачьего прыжка (Katzensprung)[4] он превратился в львиный прыжок, и мы не прыгаем. О других русских печалях я хочу написать в следующий раз. Положение в России очень сложное. Эта сложность достигает высшей точки для меня как политика в эмиграции в ясном понимании, что всякая активная, тем более военно-террористическая борьба против Советов может быть только вредной. С экспроприацией и коллективизацией крестьянства, последнего социального базиса, в связи с которым можно было хотя бы ставить вопрос о контрреволюции. Отсюда мы не можем делать ничего другого, как только разрабатывать мировоззрение будущей России, на котором она должна строиться[5]. Мы должны, таким образом, выступить в роли своего рода Руссо для будущего исторического процесса России. Это решение, которое примиряет нас с работой на длительный срок, далось мне и моим друзьям нелегко.

После того как мы внутренне приняли это трудное решение, мы перешли к соответствующему образу действий. Мы основали журнал под названием, которое очень трудно передать по-немецки, примерно так: «Новая крепость» («Neuburg»), «Новое дело» («Neuwerk»)[6]. На этот журнал и на наше направление идет страстное нападение со стороны правоориентированной радикальной эмиграции, и наше положение совсем нелегкое. Я пишу в каждый номер статью (журнал выходит раз в два месяца) и вследствие этого очень занят. И все же, как я уже сказал, должен я обо всех этих вещах говорить очень точно, чтобы они были ясны. Моя здешняя работа при этом не сокращается, и я развиваюсь в некую рабочую машину, чего я от себя не ожидал. Моей здешней работой могу я быть скорее доволен. Мы имеем, как Вы знаете, не совсем свободный академический воздух. Предметы здесь делятся на основные и предметы по выбору. На основные предметы должны ходить все студенты, на предметы по выбору являются только их выбравшие, все остальные должны иметь увеличение за счет основных предметов, отбрасывая факультативные, так что времени у них совсем не остается. Несмотря на это в прошлом зимнем семестре был у меня семинар с 200 слушателей. Я читал, однако, тему: «Россия и Европа как проблема русской философии истории и социальной философии». В летний семестр некое затишье. Я читаю скромное введение в социологию. Все-таки присутствуют 70—80 человек. Такие вещи доставляют мне много радости. Особенно семинар, который я веду совместно с проф. Шпамером[7], о методике этнографии и социологии. Многие мои коллеги также удивляются, почему я так интенсивно занимаюсь методологическими вопросами, когда я имею столь непосредственное отношение к материи и жизни. Я однажды сам занимался этим вопросом и пришел к выводу, что, во-первых, во мне еще сохраняются воспоминания юности, которые еще сильно на меня воздействуют, и, во-вторых, совершенно определенный стиль ума. Все больше и больше я чувствую методологическую грязь и нечистоплотность в бесформенности и все больше и больше становлюсь сторонником методологичности, исходя хотя бы из моего собственного художественного опыта. Я могу, может быть, даже сказать, что эстет Переслегин[8] есть во мне собственно своего рода теоретик познания.

В связи с этим я с особенным чувством прослушал доклад Хайдеггера, который в здешнем философском обществе говорил о сущности истины[9]. Я уже Хайдеггера видел и слушал во Фрайбурге. Позднее читал его «Бытие и время». Но только в последнем

докладе, как кажется, мне совсем стал ясен феномен Хайдеггера. Основное чувство, с которым я покидал зал, было чувство с очевидностью высказанной враждебности. Это очень тяжело, это впечатление, которое я получил, которое стремительно диктую в машине, чтобы точно все описать. Главное в том, что в докладе не было ничего, абсолютно ничего нового, ничего существенного и ничего глубокого. Убеждение, которое я сначала и весьма против всех представлял, что Хайдеггер безмерно переоценен и означает не философский, но социологический феномен, духовную форму сегодняшней ситуации, — для меня лично, — полностью подтверждается. И все же остается ощущение, что я видел и слышал абсолютно своеобразного человека, что я получил впечатление, которое во мне удерживается уже долго, которое я не могу уже угасить несколько дней[10]. Оба момента объединяются в переживание и в понятие как-то неугасимого здесь-бытийствующего Ничто. По технике мышления и языковой силе доклад сработан блестяще. В фактуре самой структуры предложения, в обходах проблем было что-то от мастерства совершенно великого ремесленника. Я с большой радостью чувствовал и наслаждался этой мастеровитостью и ремесленным искусством. При этом парадоксальным было то, что материал, который представал и обрабатывался на моих глазах, был не что иное, как Ничто обычного опыта жизни в духовном познании, в новой демонстрации.

Если бы доклад был бы передо мной отпечатанным, мог бы я в частности доказать, что он логичен только стилистически, но как мыслительное руководство абсолютно нелогичен и что он новое привносит только в форму отчужденного выражения, но не в свое содержание мысли. Я не знаю, до какой степени сознательно Хайдеггер совсем старые, а именно — от Вас идущие вещи спокойной рукой в свое строение вставил. Суждение о треугольнике, само при этом есть не треугольно, ведет к суждению о пяти марках, на которые ничего нельзя купить. А вот как он дальше к своей основной дефиниции пробивался: истина суть именно свобода, он говорил о рискованном предприятии, как ввести в теорию понятие свободы, которое философия всегда употребляет только в этической сфере как свободу воли. Я не знаю, что он воображал о людях среди своих слушателей. Действительно ли он предполагал, что никто из нас ничего не знал о Фихте и о Вашем предмете познания[11], о знании как совести, о суждении как предрассудке? Слушая его, я непроизвольно подумал об эстетическом понятии, которое осмеливается брать у других старое имущество мысли с объяснением, что привносится нечто никогда не бывшее. Это что-то от мужества банальности, которая перенесена в мужество

парадокса. И самое странное при этом: дело удалось. Хайдеггер звучит оригинально. Может быть, потому, почему в рамках его духовности существует действительный парадокс — не бояться банальности.

Заключение логицистически бронированного доклада было совершенно неожиданным. Вдруг Хайдеггер с совершенно огненными, налившимися кровью глазами юного зверя бросил взгляд в правый угол зала и объявил, что он приходит теперь (истина есть свобода) с миссией уже не сгибаться, а ломать, не во имя финансов, но во имя сознания Германии, ради свободы. Это политическое движение маятника в национал-социалистическую стратосферу он закончил в почти большевистской манере призывом «штурмовать небо»[12]. Истина, которая есть свобода, была сознательно противопоставлена освобождающей истине Евангелия от Иоанна (познайте истину, и истина сделает вас свободными)[13]. Этим атеистическим аккордом окончился доклад.

После доклада собрались в большой круг. Наш теолог Делекат[14], которого Вы, вероятно, знаете по имени — очень медлительный, очень серьезно знающий, но как раз не очень способный, проникающий и грациозный духом, который в данное время работает над очень большим произведением, в котором он хочет, это, насколько я знаю, открыть христианские основы современной немецкой культуры[15], перешел сразу же к своего рода «допросу» Хайдеггера, в котором он с сократической въедливостью предложил ему ответить на вопросы. Делекат — сын вестфальского крестьянина[16] и при этом решительный христианин. Он для начала пошел на Хайдеггера со своего рода христианскими навозными вилами, не пускаясь ни в какие филолого-исторические аналогии и ни в какие логические определения[17]. Все дело стало скоро совсем неуютно. Янентский[18] написал мне записку, что я должен вмешаться, чтобы разрядить настроение. Но прежде, чем я сумел придумать методику снятия напряжения, Хайдеггер вскочил, взял подмышку свою папку, объявил, что должен прервать дискуссию, потому что Делекат слишком мало знает философию и убежал, даже не попрощавшись с нами. Этим актом морального дезертирства закончилась для зрителей очень показательная борьба между рафинированным нигилистом и весьма неуклюжим защитником Бога.

Исходя из моей собственной позиции, которая понимает философов не только как бытие-сознающих, но прежде всего как творящих в бытии дух, было это все-таки чрезвычайно типично, что мыслитель, ставящий свободу как истину, но игнорирующий освобождающую религиозную истину, актом окончания разгово-

ра, который по терминологии Тённиса[19] — я социолог — оказался принадлежащим сфере гимнастики, но не сущности воли.

Ну, я настолько слишком много написал, что почти боюсь чрезмерно перегрузить Вас моим письмом.

О том, что Вас перевели в официальную отставку, разумеется, я слышал, и меня при этом порадовало, что Вы все еще в старой манере учите и действуете. 170 машинописных страниц, которые характеризуют волю Вашей системы, я Вас прошу мне прислать. Меня живо интересует все, что Вы пишете, хотя сам я пишу сегодня исключительно только о России как религиозной проблеме. Если быть искренним, то должен еще сказать, что я, может быть, потому так долго ничего не давал о себе слышать, что хотел Вам всегда написать о Вашей Логике Предикатов. Я ее читал, но так и не нашел времени самому себе ее как следует разъяснить, чтобы Вам точнее написать. Этот груз остается моей виной. Статью Кронера[20] и еще некоторых о «религиозном смысле революции» посылаю вам этой же почтой. 14.6. в 19 часов я опять делаю доклад о театре и кино. Быть может, у Вас будет время. Это совсем маленький отрывок весьма популярной и степенной социологии культуры.

Я сердечно приветствую вместе с Наташей Вас и Вашу жену и остаюсь с чувством внутренней тесной взаимосвязи.

Всегда Вам преданный Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Архив Хайдельбергского университета: Heid. Hs. 2740. Erg. 93, 1.2 Stepun (Stepphun), Fedor, 5 Br., 1922—1932. (Оригинал письма — на немецком языке, напечатан на машинке, некоторые слова вписаны поверх строки пером — их я выделяю курсивом, все подчеркивания в тексте принадлежат Степуну).

[2] Генрих Риккерт был с 1894 г. профессор Фрайбургского, с 1916 — Хайдельбергского университетов, где он сменил В. Виндельбанда, у которого учился Степун. Существенно отметить, что и Виндельбанд и Риккерт поддержали в 1909 г. идею о создании журнала «Логос», связав молодых русских и немецких студентов с издателем Паулем Зибекком, а название журнала предложил Риккерт. Как пишет исследователь, «инициаторы создания журнала — Николай Бубнов, Сергей Гессен, Федор Степпун и Борис Яковенко, а также Рихард Кронер, Георг Мелис и Арнольд Руге были знакомы друг с другом. Они вместе учились в Гейдельберге у философа Вильгельма Виндельбанда, а затем во Фрайбурге у его коллеги и ученика Генриха Риккерта» (См.: *Крамме Р.* Творить новую культуру — «Логос». 1910—1933 // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 122—137).

[3] Скорее всего речь идет о брате Ф.А. Степуна — Оскаре (1885— ?), второй брат Владимир (1886—ок. 1965) был артистом студии МХАТ. О.А Степун был профессором химии и бактериологии (ср. письмо Степуна И.А. Бунину от марта 1934 г. // С двух берегов. Русская литература ХХ века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 108). Однако в этом письме Ф.А. называет его экспертом в области советской экономики. То ли это превратности судьбы Оскара Августовича, то ли оговорка Ф.А. в каком-либо случае.

[4] Степун обыгрывает идиоматический оборот: nur ein Katzensprung — рукой подать; Katzensprung в буквальном переводе — кошачий прыжок.

[5] Эти слова написаны ручкой над строкой.
[6] Речь идет об основании знаменитого эмигрантского парижского журнала «Новый град» (Париж, 1931—1939, №№1—14). Соиздателями было три человека: И.И. Бунаков-Фондаминский, Ф.А. Степун и Г.П. Федотов, при участии матери Марии.
[7] *Адольф Шпамер* (1883—1953) — германист и этнолог, в 1926—1949 гг. — профессор Дрезденского высшего технического училища. См. о нем.: *Клемперер В.* LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 146—147.
[8] Речь идет о герое романа Степуна «Николай Переслегин». Париж: Современные записки, 1929.
[9] В своем знаменитом труде Хайдеггер так писал об этой проблеме: «“Дефиниция” истинности как раскрытости и бытия-раскрывающим не есть и голое словесное пояснение, но вырастает из анализа тех установок присутствия, которые мы ближайшим образом обыкновенно именуем “истинными”» (*Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 220). Это, по мысли исследователей, основная проблема Хайдеггера: «Все сочинения Хайдеггера посвящены осмыслению истины как открытости, как разверзания бытия» (*Михайлов А.В.* Вместо введения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Пер. с нем., составл., вступ. статья, примеч. А.В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. С. XXIII).
[10] О феномене Хайдеггера-лектора писал Гадамер: «С давних пор сложилось так, что лекции и доклады Хайдеггера вызывали всеобщий интерес; в списках, в виде рефератов они получили столь широкое распространение, что о Хайдеггере как о философе пошла “молва”» (*Гадамер Г.Г.* Введение к Истоку художественного творения // *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет. С. 120.
[11] Речь идет о работе Риккерта (лекции которого, кстати, Хайдеггер слушал во Фрайбурге) «Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания». На русский эта работа была переведена Г.Г. Шпетом.
[12] Кажется, все споры о нацистских мотивах в творчестве и социальном поведении Хайдеггера достаточно трезво резюмировал современный немецкий историк (сам склонный к оправданию нацизма): «Крупнейший философ Германии сражался на стороне национал-социализма точно так же, как ее наиболее знаменитый юрист. Впрочем, Хайдеггер одумался уже в 1934 году, а Карл Шмитт в конце концов тоже проникся подозрительностью в отношении своей партии» (*Нольте Э.* Европейская гражданская война (1917—1945). Национал-социализм и большевизм. М.: Логос, 2003. С. 347).
[13] Очень часто приводимая Степуном цитата: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин 8. 32).
[14] *Фридрих Делекат* (1892—1970) — теолог и педагог, был сначала священником в Берлине, затем преподавал в Берлинском религиозно-педагогическом институте, в Дрездене, Майнце. В 1936 г. отправлен нацистами в отставку 1946—1960 гг. профессор систематической теологии и философии в университете Майнца, в 1957 г. выбран ректором университета Майнца.
[15] Скорее всего, речь идет о следующей книге: *Delekat F.* Die Kirche Jesu Christi und der Staat. Berlin: Furche-Verlag, 1933. Смысл этой работы ясен из «Воспоминаний» Делеката: «Таким образом я пытался постоянно обучить их (студентов. — *В.К.*) разнице между государством, имеющим настоящий авторитет, и авторитарным государством. Я разъяснял, что призыв к авторитарному государству только тогда звучит, если не хватает настоящего авторитета, но что настоящий авторитет не может быть установлен через простое изменение конституции и внешнее насилие. Но понимали ли меня мои слушатели?» (*Delekat F.* Lebenserinnerungen. Bonn, 1971. S.159. Alle Rechte vorverhalten. Universitätsbibliothek Heidelberg. Geschenk von Prof. Dr. Lienhard Delekat. Это переплетенная машинопись, возможно, ксерокопия.) И далее он поясняет: «В фанатических ура-призывах, с которыми Гитлер был приветствуем на своих манифестациях, принимались эти ура-требования

политического воздуха, в котором отсутствовал настоящий руководитель. Они, те, что уже не имели церкви, сделали церковь из государства» (Ebenda, S. 166).

[16] Фридрих Делекат так писал о своем происхождении: «Мой отец был — также как дед и прадед — учитель в народной школе, он был женат так же, как и они, на дочери простого крестьянина» (*Delekat F.* Lebenserinnerungen. Bonn, 1971. S.1).

[17] В главе, посвященной годам жизни в Дрездене (1929—1943), он говорит о напряженности политической обстановки в учебном заведении, в том числе пишет о проблеме свободы и истины, как проблеме, волновавшей тогда умы. Эта тема интересовала и его самого. В своих воспоминаниях он писал: «Учение о свободе и несвободе воли с ее выходами в психологию, характерологию и этику, отношение гуманизма и христианства со всеми их системными осложнениями и историческими вариантами, это отношение церкви и государства в одном важном пункте их взаимного соприкосновения вплоть до специальных вопросов катехизиса. Я исходил из того, что необходимо распутать запутанную пряжу моей проблемы: сначала вопрос о свободе, потом о Боге и действительности, потом о человеке и человеческом обществе» (Ebenda. S. 157).

[18] Речь, по всей видимости, идет о *Христиане Янентском* (1886—1968), штатном профессоре немецкого языка и литературы в Дрезденской Высшей технической школе, авторе известной в то время работы: *Janentsky Ch*. Johann Caspar Lavater. Published Frauenfeld, Huber,1928.

[19] *Фердинанд Тённис* (Tönnies) (1855—1936) — один из крупнейших немецких социологов и историков, антифашист. Ему принадлежит впервые выдвинутая, задолго до Шпенглера, дихотомия «культура — цивилизация» (Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriefe der reinen Soziologie. Leipzig, 1887).

[20] *Рихард Кронер* (Richard Kroner, 1884—1974) — немецкий философ, один из крупных представителей неогегельянства. Друг и сокурсник Степуна по Хайдельбергскому университету. Во Фрайбурге защитил диссертацию у Г. Риккерта. Вместе со Степуном готовил сборник «Von Messias» («О Мессии», 1909). Занимался изданием немецкого «Логоса». Профессор во Фрайбурге (1919—1924 гг.), в Дрездене (1924 г.), Киле (1929—1935 гг.). В 1938 г. эмигрировал в Великобританию, в 1940 в США. В 1941—1952 гг. — профессор юнионистской теологической семинарии в Нью-Йорке. Основная идея его культурфилософских разработок заключается в выяснении сущности и смысла культуры. По его мнению, они коренятся в потребностях человеческого духа, присущих ему противоречиях природного и божественного, чувственного и разумного, в полюсах единства и множественности духа. Наиболее известны его работы по культурфилософии: «Самоосуществление духа. Пролегомены к натурфилософии» (1928); «Культурфилософская база политики» (1931). О какой статье идет в данном случае речь установить не удалось.

Публикация, перевод с немецкого и примечания *В.К. Кантора*

Опубликовано: Вопросы философии. 2007. № 1. С. 131—144.

Переживая немецкую катастрофу: Степун и Тиллих

Стоит наверно еще раз (для дальнейшего рассуждения) акцентировать то обстоятельство, что в трагические и предгрозовые эпохи увеличиваются, с одной стороны, массы жаждущих общей идеи, подчинения общей воле, с другой — растет число творческих и независимых умов, отвечающих на вызов времени. Часто они концентрируются в каком-либо историко-культурном локусе. До Первой мировой это и Париж, и Петербург, и Москва, и Берлин, и Вена, про которую эссеист Карл Краус писал, что это была лаборатория для сотворения катастроф. В послевоенный период, когда Россия уже была взорвана двумя революциями, Запад, переживая трагедию пережитой войны, еще не видел наступления новой и более страшной катастрофы, продолжившей истребление человеческого в человеке. И Москва, и Петербург опустели интеллектуально, даже вернувшиеся потом, скажем, Андрей Белый, Илья Эренбург, Марина Цветаева покинули русские столицы. Не говорю уж о трех миллионах сознательных и навсегда эмигрантах вроде Ивана Бунина или Семена Франка. Эти умы создавали новые интеллектуальные локусы, оживляли прежние. Большинство русских эмигрантов сосредоточилось в Париже. Но немало их было и в Германии. Среди прочих значимых городов был и Дрезден, где состоялось знакомство, а затем и дружба героев моей статьи — великого немецкого теолога Пауля Тиллиха (1886—1966), ставшего после эмиграции американским теологом, и великого русского культурфилософа Федора Степуна, ставшего после высылки из Советской России немецким мыслителем, передумывающим и переживающим русско-европейские проблемы, как Тиллих остался в США при вопросах, заданных ему немецкой ситуацией.

Степун и Тиллих познакомились и сошлись в одном локусе (Дрезден) и вроде бы в одном временном промежутке (они знакомы и в дружбе с 1925 года), но за спиной Степуна была другая эпоха, которой не было у Тиллиха. Оба они прошли Первую мировую войну, но Степун пережил еще две революции, давшие ему жизненный и интеллектуальный опыт, которого был лишен Тиллих. А даже для великих мыслителей жизненный опыт значит немало. Так, Тиллих мечтал о религиозном социализме, Степун, однако, уже видел реальное поражение аналогичной идеи в России. Хотя переживание войны было немалым опытом для западноевропейцев, опытом, заставившим Тиллиха поднять проблему демонического как реаль-

ной силы истории, сближающейся с сатанизмом[1]. Стефан Цвейг так описывал эпоху своей юности: «Девятнадцатое столетие в своем либеральном идеализме было искренне убеждено, что находится на прямом и верном пути к “лучшему из миров”. Презрительно и свысока взирало оно на прежние эпохи с их войнами, голодом и смутами как на время, когда человечество было еще несовершеннолетним и недостаточно просвещенным. Теперь, казалось, счет шел на какие-то десятилетия, оставшиеся до той минуты, когда со злом и насилием будет покончено. <...> В такие рецидивы варварства, как войны между народами Европы, верили столь же мало, как в ведьм и привидения; наши отцы были убеждены в прочности связующей силы терпимости и дружелюбия»[2]. Пришлось искать причины появления этих ведьм. Поначалу, правда, Тиллих причину овладевшего миром демонизма видел в капитализме.

Но пойдем все же по биографическим вехам. После высылки Степун осел в Дрездене, где он нашел друзей, общество, атмосферу. Но, прежде всего, он нашел работу. В 1926 г. он занял кафедру по социологии в Дрезденской высшей технической школе при содействии двух влиятельных друзей и коллег — Рихарда Кронера, профессора кафедры философии, и Пауля Тиллиха, профессора кафедры теологии, из Фрайбурга письмом поддержал его кандидатуру Эдмунд Гуссерль. Кафедра дала ему профессорскую должность и возможность жить. Ближайшим другом в 20-е годы стал для него Тиллих. Его коллегой оставался Рихард Кронер, соученик Степуна по Гейдельбергскому университету, там же работал и специалист по романской литературе, злоязычный Виктор Клемперер, автор знаменитой книги «LTI. Язык Третьего рейха». Как пишет немецкий исследователь: «Гениальный дуэт, который играли в Дрездене Тиллих и Степун, существовал не только на светских научных вечеринках. Он входил в некое общее артистическое представление неподражаемой духовной атмосферы Дрездена двадцатых годов, где образованное общество кристаллизовалось вокруг философа Рихарда Кронера и группы значительных художников — таких, как Отто Дикс, Георг Гросс и Пауль Клее»[3]. Сам Тиллих вспоминал: «В 1925 г. я был приглашен в Дрезден, а немного позже — также и в Лейпциг. Я уехал в Дрезден и стал отходить от более традиционной теологической позиции Гиссена по причине большей открытости Дрездена как в пространственном, так и в культурном отношении. Дрезден был центром визуального искусства, живописи, архитектуры, танца, оперы, — и со всем этим я близко соприкасался»[4]. К сожалению, дрезденский период жизни Тиллиха, его многолетней дружбы со Степуном, не упоминается ни в одном отечественном исследовании, в отличие от многочисленных текстов западноевропейцев (жены Пауля Тиллиха — Ханны, К. Ху-

фена, К. Пинггеры, В. Штелина, М. Юнггрена, А. Кристоферсена и др.), где тема их дружбы и полемики есть непременный предмет анализа. Интересно замечание современного марбургского профессора теологии о полемике Степуна с Тиллихом: «Несмотря на личную симпатию к Тиллиху, Степун резко критиковал его теологию. В этот период своего творчества Тиллих обратился к концепции “религиозного социализма”. Такой ход мыслей своего друга Степун не мог поддержать. Его критика была фундаментальной, в том числе и в теологическом отношении. В конечном счёте она касалась протестантизма в целом. Если говорить о “Степуне и протестантизме”, то это значит говорить о его критике протестантизма»[5]. Действительно, Степун не раз обращался к теме разного подхода к миру у протестантизма и православия[6].

Это была эпоха свободы, сравнимой со свободой между Февралем и Октябрем в России. Но длилась дольше. И национал-социалисты именно в эти годы набирали силу. Как вспоминал в своей знаменитой книге «Язык Третьего рейха» Виктор Клемперер: «Республика дала слову — устному и письменному — фактически самоубийственную свободу. Национал-социалисты открыто обливали грязью всё и вся, они пользовались дарованными конституцией правами исключительно в своих целях, нападая в своих изданиях (книгах и газетах) на государство, разнузданной сатирой и захлебывающимися проповедями черня все его учреждения и программы. В сфере искусства и науки, эстетики и философии не было никаких ограничений. Никто не был связан какими бы то ни было моральными предписаниями или эстетическими нормами, каждый делал выбор, руководствуясь своими вкусами. Эту многоголосую духовную свободу охотно прославляли как небывалый и радикальный прогресс в сравнении с кайзеровской эпохой»[7]. Именно в эти годы, а именно в 1926 г., Тиллих пишет свою знаменитую работу о демоническом, в которой указывает двух демонов современности — замкнутый в себе капитализм и национализм, как нечто ужасное, надвигающееся на Европу. Будучи убежденным рационалистом, Тиллих, тем не менее, как философ понимал, что если существует «рациональное», то по закону диалектики существует и его антиномия — «иррациональное», с которым он боролся. Он писал, что демоническое по сути своей амбивалентно, что в гуманистические моменты в нем сильна созидающая, творческая струя, но в эпохи повышенного социально-религиозного брожения: «демоническое так сближается с сатанинским, что вся его творческая потенция исчезает»[8]. Как уже отмечалось в нашей литературе, фанатично настроенные нацисты-протестанты организовали в 1932 г. «движение немецких

христиан». «Немецкие христиане» активно проповедовали нацистские идеи расового превосходства, стремясь привить их церкви рейха и тем способствовать вовлечению всех протестантов в единую конгрегацию. В 1933 г. из 17 тысяч протестантских пасторов около трех тысяч приходилось на долю «немецких христиан».

Существенную роль в этом движении играла и нацистская установка на религиозный смысл своего движения, устраивая нечто вроде травестийного христианского богослужения. Клемперер писал: «При всей затасканности средств, при всей своей вопиющей лжи, пропагандистская обработка обрела особую силу, и новый прилив ее связан с одним приемом, который я отношу к удачным, а среди них — к выдающимся в своем роде и решающим. В объявлениях говорилось: “Торжественный час с 13.00 до 14.00. В тринадцатый час Адольф Гитлер придет к рабочим”. Всякому ясно, это — язык Евангелия. Господь, Спаситель приходит к бедным и погибающим. Рафинированность режиссуры вплоть до указания времени. Не в тринадцать часов, а “в тринадцатый час” — пусть это и содержит в себе некоторую неточность, запоздание, — но ОН совершит чудо, для него запозданий не существует. “Знамя крови” на партийном съезде в Нюрнберге — из той же оперы. Но теперь ограниченность церковного ритуала нарушена, старомодный наряд сброшен, легенда о Христе транспонирована в текущую современность: Адольф Гитлер, Спаситель, приходит к рабочим»[9].

В 1929 г. он переезжает во Франкфурт. Во Франкфурте Тиллих становится одним из ведущих профессоров. «Уже в начале тридцатых годов, по мере усиления нацистов, над Франкфуртским университетом стали сгущаться тучи: он получил прозвище “красного университета”. Отношение Тиллиха к национал-социализму было безусловно отрицательным; его друзья, в частности Теодор Адорно, попросили его выразить свою позицию публично. Так в 1932 г. появилась работа “Социалистическое решение”. В ней Тиллих характеризовал национал-социализм как политический романтизм, способный вернуть европейское общество в эпоху варварства. Когда в 1933 г. Гитлер пришел к власти, “Социалистическое решение” было сразу же запрещено и изъято из продажи. Книга не оказала сколько-нибудь заметного влияния. В том же 1933 г. Тиллих в числе других профессоров был отстранен от преподавания»[10]. Если говорить о теме надвигающегося на Европу варварства, то немалую роль в таком понимании протекающей истории, кажется, сыграли его русские знакомые, прежде всего, Степун, переживший варваризацию России, которая произошла стремительно и основательно. Тема России вообще была одним из предметов размышлений немецких мыслителей — от Томаса Манна до Пауля Тиллиха.

В 1933 г. ему пришлось эмигрировать из нацистской Германии, где его работы перестали печататься. Но из далекой Америки он продолжал внимательно следить и реагировать на события в Германии. Уже из США в 1937 г. Тиллих написал открытое письмо своему бывшему другу и коллеге — теологу Эммануэлю Хиршу, который стал сторонником *немецких христиан*, «нашедших, — по словам Т.П. Лифинцевой, — как им казалось, идеальный компромисс между христианством и нацизмом. Хирш провозгласил, что нацистское движение — это “священная буря”, “благословенная мощь”, “новое откровение”, а в фюрере узрел “нового Христа”. С точки зрения Тиллиха Хирш, а также Рудольф Бультман, кощунственно использовали его терминологию — в частности, понятие “малый кайрос” применительно к 1933 году. Тиллих назвал взгляды Хирша и Бультмана “демоническим извращением христианства”»[11].

Надо сказать, что понятие «кайрос» стало для Тиллиха одной из важнейших опор его теологии — и когда он был лидером религиозного социализма, и осталось таковым много позже. Сошлюсь на Степуна: «Содержание пророческого созерцания истории религиозные социалисты именуют “кайросом”. Это новозаветное слово звучит в их писаниях и речах как-то особенно суггестивно. Они интерпретируют его как “исполненное мгновение”, как вечностью исполненное мгновение»[12]. Степун полагал, что в идее религиозного социализма Тиллих был близок Г.П. Федотову, тоже в юности испытавшему влияние социалистических пророчеств. Но русский мыслитель в тот период шаг к вечности видел только в христианстве, слишком печальный опыт к 30-м годам явил собой исполненный в России социализм. И в том же бердяевском журнале «Путь»[13] он в 1932 г. писал: «На совершенно революционной позиции по отношению к существующему строю стоит группа Тиллиха, так наз. религиозные социалисты, которые готовы сочувствовать даже русскому коммунизму, поскольку он обещает им революцию. Несомненно, в этой группе утеряно должное христианское равновесие, она сорвалась с церковной, даже христианской орбиты»[14].

Между тем религиозная жизнь в Германии не утихла. Более того, после прихода Гитлера к власти и возникновения пронацистского движения «немецких христиан» рождается христианское сопротивление нацизму — «Исповедальная (исповеующая) церковь», среди основателей которой называют Карла Барта, Оскара Нимёллера, Дитриха Бонхёффера и других видных немецких теологов. Известно, что некоторые лидеры Исповедующей церкви (Мартин Нимёллер и другие) были отправлены в концлагеря, где часть из них погибла. Один из лидеров движения Дитрих Бонхоффер был заключен в тюрьму Тёгель, откуда он был перемещен в концлагерь

Флоссенберг и 8 апреля (мая?) 1945 г. повешен. Тиллих выступал против немецких христиан, принимать же участие в деятельности Исповедальной церкви он не стал, слишком далеко были США от Германии. Он участвовал, как мог, теоретически осмысляя возможность современной теологии, которая могла бы противостоять тоталитарным режимам. Начну с того, что любой социальный или политический строй для Тиллиха американского периода не мог носить звание божественного. Тем более, нацизм и коммунизм. И главным проявлением «демонического» стало для великого теолога погружение в языческий, племенной национализм.

Впрочем, эту эволюцию друга предугадал еще в 1931 г. Степун. Отметив «безусловно отрицательное отношение религиозных социалистов ко всем формам фашизма»[15], он сформулировал позицию Тиллиха следующим образом: «В связи со всем этим особое значение приобретает в концепции религиозного социализма понятие *демонизма,* употребляемое в совершенно определенном и не совсем обычном смысле. По мнению Тиллиха, демонизм представляет собою такое обнаружение потустороннего бытия (Seinsjenseitigkeit), которое разрушает человека. “*Демонизм — это единство потусторонности и разрушения*”. Яркий свет проливает на это понятие то толкование, которое Тиллих дает гуманизму. <...> Все острие гуманистической борьбы было всегда направлено против демонизма. <...> Он всегда боролся за человека и его подлинно *христианский* путь. Разрушая явления демонизма, гуманизм осуществлял реальную теономию. Считать гуманизм за восстановление язычества потому коренным образом не верно. Гуманизм, по крайней мере, гуманизм христианской эры, представляет собою существенную форму развития христианской жизни и христианского сознания»[16].

Сегодня это не раз повторяют исследователи творчества Тиллиха: «Сам Тиллих полагал, что его философия истории <...> была в значительной степени связана с этими идеями “религиозного социализма”, и прежде всего, — с учением о “кайросе”. Однако уже на рубеже 20-х и 30-х годов Тиллих наглядно убеждается в демонизме “квазирелигиозных” движений, подобных социализму и нацизму. В их языческой природе»[17].

Правда, в своей рубежной книге 1934 г. (до сих пор не переведенной на русский) Степун писал о «развитии славянофильского христианств к языческому национализму»[18]. И пояснял, что национализм не может быть заимствован, что он почвенное производство: «Последователи первых славянофилов оказываются неверны их духу христианского гуманизма и универсализма, подштукаривают христианством националистическую реакцию и заканчивают прославлением Ивана Грозного (который злодейски приказал за-

душить Московского митрополита) как идеала христианского государя»[19].

Поразительное дело, что бесы потому и побеждают, что приходят изнутри, как *свои,* а потому они против пришлой иудео-христианской религии. Не случайно Тиллих опасался демона национализма. А в своей русской статье 1933 г. «Германия “проснулась”» Степун писал примерно то же, но уже о Германии: «Программа национал-социалистов определенно говорит о христианстве, но христианского духа в национал-социализме нет ни грана. Не только что христианин, ни один человек христианских настроений не примет за христианство идеократический монтаж Гитлера с утверждением свастики вместо креста, германской крови вместо крови крестной и борьбы с чужеродным еврейством вместо борьбы с первородным грехом»[20]. Переклички с предреволюционной российской ситуацией вроде бы нет. И далее Степун добавляет, что «в большевизме есть всемирность и потому острый соблазн для народов всех материков. Ничего подобного в национал-социализме нет. Кого кроме немцев может увлечь идея превосходства германской расы над остальными. В чьих сердцах может в XX столетии загореться чуждая нашему времени идея *биологически* обосновываемого национализма?»[21]. Не случайно, что в свидетельстве об увольнении Степуна говорилось, что он критикует большевизм не с точки зрения национал-социализма, а с точки зрения христианства. Процитируем это определение: «Его позиция — подчеркнуто христианская, и именно вопреки его официальной принадлежности к евангелическо-реформаторской вере — православно-клерикальная. Только христианству Степун даёт право на целостность»[22].

В одной из своих последних и самых популярных книг «Мужество быть», уже после войны, именно национализм увидел Тиллих как главный грех эпохи (любопытно, что и марксизм, на его взгляд, может потерять свой интернациональный пафос — здесь его явная полемика со Степуном 30-х годов): «Рецидив племенного коллективизма легко заметить на примере нацизма. Основой этого стала немецкая идея “Volksgeist” (духа нации). Мифология “крови и почвы” укрепила эту тенденцию, а мистическое обожествление фюрера довершило процесс. По сравнению с нацизмом коммунизм в период своего зарождения был рациональной эсхатологией, движением критики и надежды, во многом подобным профетическим направлениям мысли. Однако после создания коммунистического государства в России рациональный и эсхатологический компоненты были отброшены и вовсе исчезли, а рецидив племенного коллективизма затронул все сферы жизни. Русский национализм в его политической и мистической формах слился воедино с ком-

мунистической идеологией. Сегодня в коммунистических странах самый страшный еретик — "космополит". Коммунисты, несмотря на профетические элементы своего учения, почитание разума и поразительные производственно-технические достижения, также пришли к племенному коллективизму»[23].

Степун продолжал переписку с Тиллихом и его женой Ханной до последних дней. В эпоху нацизма он пользовался возможностью писать свободно при редких выездах в Швейцарию. Их переписка обильна. Представляемые отечественному читателю письма — лишь ее небольшая часть, это те письма, которые попали в руки публикатора. Надо в заключение заметить, что Степун очень ждал после войны возвращения Тиллиха в Германию, даже писал в 1947 г. их общим друзьям — Марии и Густаву Кульманам, что молодежь «страстно жаждет живого и ответственного, горячего и трезвого слова. Людей мало, каждый значительный человек на счету, — а Тиллих не едет! Я лично с величайшей радостью завтра же поехал бы в свободную Россию, если бы в ней была бы возможность того дела, которое я сейчас делаю в Германии. Обо всем этом я Paulus'у еще не писал. Как-нибудь напишу. Вы же ему пока о нашем разочаровании ничего не пишите»[24]. Разумеется, позиция переживших нацизм в реальности и из далекого далека не могла не различаться. У Тиллиха была задача, которую он хотел решить до конца своей жизни — создать свою теологическую систему. Он ее создал и мог с гордостью писать в мемуарах, говоря, что его тексты обильно переводятся на немецкий: «Такой способ возвращения в Германию был лучшим, что я мог себе представить, и это делало меня очень счастливым»[25]. В этом с ним можно согласиться.

---

[1] *Tillich P.* Das Dämonische. Ein Beitrag zur Sinndeutung der Geschichte (1926) // *Tillich P.* Ausgewählte Texte. Berlin; New York. Walter de Gruyter. 2008.

[2] *Цвейг С.* Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М.: Вагриус, 2004. С. 11—12.

[3] *Bossle L.* Fedor Stepun — Der Begründer der Soziologischen Lehrtradition in Dresden // Dresdener Hefte 1991. Beiträge zur Kulturgeschichte. Nr. 25, Jg. 9. Heft 1. S. 49.

[4] *Тиллих П.* Кто я такой? (Автобиографическое эссе) // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 168.

[5] *Pinggèrra K.* Fedor Stepun und der Protestantismus // Kultur als Dialog und Meinung. Specimina Philologiae Slavicae. Beiträge zu Fedor A. Stepun (1884—1965) und Semen L. Frank (1877—1950). Herausgegeben von Holger Kuße. Band 153. München: Verlag Otto Sagner. 2008. S. 77.

[6] *Stepun F.* Zwischen Protestantismus und östlichen Christentum // Gottesjahr. 1933. № 13. S. 73—77.

[7] *Клемперер В.* LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М: Прогресс-Традиция, 1998. С. 31.

[8] *Tillich P.* Das Dämonische. Ein Beitrag zur Sinndeutung der Geschichte (1926) // *Tillich Paul.* Ausgewählte Texte. Berlin. New York. Walter de Gruyter. 2008. S. 142.

[9] *Клемперер В.* LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. С. 55.

[10] *Лёзов С.* Теология культуры Пауля Тиллиха // *Лёзов С.* Попытка понимания. Избранные работы. М.; СПб.: Университетская книга. 1999. С. 163.

[11] *Лифинцева Т.П.* Философия и теология Пауля Тиллиха. М.: Канон, 2009. С. 67—68.
[12] *Степун Ф.* Религиозный социализм и христианство // Путь. Париж, 1931. № 29. С. 21—22.
[13] Там, кстати, печатался и Тиллих: *Тиллих П.* Диалектическая теология (пер. с нем.) // Путь. Париж, 1925. №1.
[14] *Федотов Г.П.* Христианство перед лицом современной социальной действительности // *Федотов Г.П.* Собр. соч. в 12 т. Т. 2. М.: Мартис, 1998. С. 214—215.
[15] *Степун Ф.* Религиозный социализм и христианство. С. 30.
[16] Там же. С. 33—34.
[17] *Зоткина О.Я.* «И этому испытанию никогда не приходит конец...» // *Тиллих П.* Систематическая теология. Т. 3. М.-СПб.: Университетская книга, 2000. С. 387.
[18] *Stepun F.* Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Gotthelf-Verlag. Bern/Leipzig. 1934. S. 28.
[19] Ibidem.
[20] *Степун Ф.А.* Сочинения (*Вступительная статья, составление, комментарии и библиография В.К. Кантора*). М.: РОССПЭН, 2000. С. 491.
[21] Там же. С. 493.
[22] *Treiber H.*. Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903-1955). Über Freundschafts- und Spätbürgertreffen in einer deutschen Kleinstadt // Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Hrsg. von H. Treiber und K. Sauerland. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1995. S. 98.
[23] *Тиллих П.* Мужество быть. М.: Модерн, 2011. С. 121—122.
[24] *Кантор В.К.* «Положительно прекрасный человек», помогавший выжить (русская эмиграция и ее хранитель (письма Ф.А. Степуна Г.Г. Кульману) // Вопросы философии, 2011. № 8. С. 129—130.
[25] *Тиллих П.* Кто я такой? (Автобиографическое эссе). С. 172.

Переписка Федора Степуна и Пауля Тиллиха*

1

Циркуляр (Rundbrief) Федора Степуна[1]

Мои дорогие!

Уже давно мы ничего больше о вас не слышим. Последний третий циркуляр был от 1 февраля 34 г. и рассказывал о Рождественских днях. Потом — короткое письмо от Ханны[2] с некоторыми соображениями о Кронере и запросом, насколько благоразумно приехать Паулюсу в Германию, чтобы самому убедиться в том, что происходит в стране. Отвечать на эти вопросы из Германии было

* Nachlaß Paul Tillich: Harvard University (Andrew-Harvard Theological Library); eine Kopie des Briefes befindet sich im Deutschen Paul Tillich-Archiv an der Universitätsbibliothek Marburg/Lahn. Briefe. 008. 008 G. Stepun, Fedor an PT 1934 (?), 27.3.1935, 6.6., 24.6., 30.7.1948, PT an F.St. 2.7.1948. Письма ксерокопировал и передал В.К.Кантору профессор теологии Karl Pinggera (Marburg). Публикация представляет собой результат исследования, проведенного В.К. Кантором в рамках европейской стипендии Эразмус-Мундус в Дрезденском техническом университете (Германия) с 01.04.2011 по 30.09.2011 г .

невозможно, и поэтому я молчал. Но вот уже скоро две недели я в Швеции и использую свое пребывание там, чтобы написать вам как можно точнее и откровеннее. Факты знаете вы сами, может быть, даже лучше, чем мы, обреченные все больше и больше блуждать в темноте и гадать на авось. Всё, что я вам могу предложить, это описание настроения в котором живется. Я должен сказать, что только здесь в Швеции, где так легко дышится, я окончательно понял, какая спертая и душная атмосфера в Германии. Круг людей, с которыми можно быть откровенным, все меньше, собраться обществу 8—10 человек все менее возможно. События все больше и больше напоминают Россию. Разумеется, с той разницей, что я всегда ощущал коммунизм как судьбоносную тяжесть безумия, но национал-социализм я не могу не переживать как прихоть судьбы, как безумие скорой руки. Мятеж Рёма[3] не только для нас, стоящих далеко от партии, но и, в конце концов, и для «ПГ»[4] и «СА»[5], случился абсолютно неожиданно и непостижимо. Несмотря на то, что я приложил величайшие усилия, чтобы глубже понять его социологический фон, это мне не удалось, поскольку при огромнейших усилиях иностранную прессу я вижу слишком редко, а немецкая так лжет, что ей не верят, даже когда она говорит правду. Только совсем глухо раньше было слышно, что вожди саксонского СА ужасно кутили, что в Обербэренбурге был арендован на одну ночь за 10 000 марок огромный отель для пирушки, что назначенное там совещание вождей СА из-за кутежа и празднества не состоялось, что господин Хайн нашел другое место для проведения совещания, и утром куда-то умчался на своем авто, и что низшие чины то ли его не поняли, то ли не последовали за ним. Это рассказ одного низшего чина СА, который сам на совещании присутствовал. Я даю вам снова не более чем характерную картину настроений.

Наряду с этим есть и совсем другое. Простая прислуга, которая работает у нас несколько лет, пришла к нам взволнованная примерно за месяц до восстания[6] и рассказала, как она на тайном собрании, где были люди из S.P.D. («СДПГ»)[7], слышала, что фюрер продался богачам, чем вызвал неудовольствие у СА[8]. Шепчут, что он скоро улетит к Муссолини, как в свое время бежал из страны кайзер[9]. Тогда СА поделили бы деньги богатых среди народа; при этом, разумеется, защищали бы еврейский капитал, потому что евреи во всем мире крепко держатся вместе и потому что атака против еврейства может повредить созданию нового богатства с помощью СА. Сколь бессмысленны все эти разговоры, стало ясно очень скоро, но болтовня о «второй революции» заключает в себе определенную тоску народа, а слова Гитлера о национальном ка-

питализме вызывают отклик в народе. Правительство сделало попытку перевести все восстание из социологического регистра в патологический, что поначалу мне показалось обыкновенной глупостью. Но позже я должен был осознать, что команда фюрера понимает менталитет немецкого мещанства лучше, чем я, и что она с демонстративным моральным негодованием очень быстро заполучила на свою сторону всех мясников, зеленщиков и парикмахеров. Может быть, это не так глупо, потому что в большинстве средних немцев, включая и профессорские круги, скрывается много мещанства. Сразу после мятежа однозначно была видна победа реакции, то есть союза рейхсвера и крупного капитала. Что придет теперь, после кончины Гинденбурга[10], мне не ясно. Я сам видел бы спасение только в тактичном проведении сверху второй революции, в примирении с Францией и в упразднении идеократии в духовной области. Это само собой разумеется. Но, с другой стороны, мне ясно, что правительство этим путем не пойдет. Все идеократические диктатуры — это «Болезни к смерти»[11].

Что касается ближайшего мне окружения Высшей школы, то учебный процесс протекает относительно неплохо. Конечно, много меньше студентов (у Кюна[12] 14 человек, у Янентского 20, побольше у Делеката, влияние которого определенно растет[13], но больше всего, возможно, у меня — между 40 и 50 слушателей); студенты по большей части переутомлены, поскольку они заняты до чрезвычайной степени службой в СА и военно-принудительным спортом, политической и общественной работой. Министерство государственного образования уже запросило, не вредит ли учебный процесс политическому развитию студенчества, на что мы все, конечно, отвечали положительно и подтвердили это уверенно, что, на мой взгляд, не скоро приведет к улучшению ситуации. Но, несмотря на все это, не хотел бы я жаловаться, поскольку совершенно определенно именно в новейшее время под давлением политических обстоятельств образовалась студенческая элита, с которой хорошо работать. Постепенно пустые политические разговоры утомляют, и имеется тенденция, с одной стороны, к научному углубленному знанию, с другой — к углубленному пониманию политической ситуации современности. Кюн говорит, что его немногие, но преданные ему ученики, как раз в последний семестр представили выдающиеся работы. И я нахожу отзвук и интерес к моему изложению Парето[14], Сореля[15], Карла Шмитта[16]. Также соответствующее настроение и стилистика новых национал-социалистических студентов весьма симпатичны и во многих вещах они соображает намного энергичнее[17], чем студенты-бурши из обычных студенческих корпораций[18].

В заключение этого семестра студенческий совет специалистов по народному хозяйству пригласили на выходные в Бланкенштайн[19]. Нас было примерно 30 мужчин, которые приняли приглашение. Наряду с уютной вечеринкой первого вечера, с плаванием и занятием физкультурой занимались также политическими вопросами. Национал-социалистические студенты пили — и это типично — по большей части — молоко и воду, студенты-бурши и беспартийные в основном пиво. Национал-социалисты хотели дискутировать, объективисты — плавать. Я ни в коем случае не упускаю из виду, что в определенном смысле эта разница объясняется тем, что одни могли говорить открыто, а другие не раз откровенно молчали. Все же это не все объясняет. Партийные[20] студенты некоторым образом напоминают русских студентов-социалистов давних времен; все беспартийные тянулись к контакту с неполитическими студентами-буршами, которые со всем достоинством читали газеты. Партийные — глупее, примитивнее и более неуклюжие, чем беспартийные. Но дух беспартийных не обязательно предпочтительнее, потому что он часто несет в себе настроения находящейся в опасности буржуазии. В первый вечер совместного пребывания очень разочаровал меня «вождь» студентов-буршей — длинный, краснощекий, неповоротливый парень с медленными, скрипучими, как крестьянское колесо, мыслями (гоготавший, пивший пиво и игравший в скат). Он жаловался мне во время вечерней прогулки, что вся отрава якобы шла из комнаты в пивной и нужно-де, чтобы прийти в хорошее настроение, купить для студенческого совета палатку и разжечь костер. Я взял его под руку и повел его подальше от других господ доцентов, чтобы я мог быть уверен, что никто не шпионит за нами. И говорил с ним абсолютно откровенно о духовной ситуации национал-социализма, о различии христианской свободы совести и открытой либеральной свободы мнений, о народе, как о предстоящем сообществе вины перед Богом, из чего следует, что марксисты и, так сказать, «чужое искусство» принадлежат немецкому народу, об антисемитизме как греховном падении христианского мира и еще о многом другом. Наш длинный разговор закончился тем, что я ему откровенно сказал, мол, что это от него зависит донести утром на меня в министерство и уволить меня. Он был очень взволнован и говорил, что он никогда прежде не слышал никого, кто жил бы в такой заботе о национал-социализме и что лишь такие люди, как я, могут сегодня помочь студенчеству. Он также сказал, что он как «вождь» охотно слушал бы меня под ночным звездным небом, но он не может допустить того, чтобы я открыто говорил такие вещи студентам. Так как на следующее утро в лесу должно состояться со-

брание студенческого совета, на котором будет зачитана статья из газеты НСБО[21], выражающая чисто социалистические тенденции. В ней написано, что партию еще следует заставить вести хозяйство по-капиталистически, так как пока нет специалистов по ведению социалистического хозяйства; задача же студенчества состоит в том, чтобы готовиться стать такими специалистами. Статья заканчивается такими словами: или немецкий студент станет социалистом, или же его не будет вообще. Также предлагалось создать рабочие сообщества, объединяющие студентов и рабочих.

Один пылкий национал-социалист и сибарит из академической среды, приват-доцент Бёсслер из Лейпцига, пытается вытеснить Гериха, взявшего отпуск и подавшего заявление в дисциплинарный суд на «вождя» студентов. Во время дискуссии между рабочими и студентами он разглагольствовал об обобществлении и страстно нападал на меня как на интеллектуала и идеалиста.

Я пришел в ярость и разъяснил, что не вчера появился на этом свете и что мое желание жить не исчезает, когда я за 10 пфеннигов преподаю студентам экономическую науку. Что я остаюсь при своих твердых убеждениях в том, что и немецкое студенчество научится соединять жизнь и мышление. Моя атака была очень удачной. Из всей этой переделки я вышел как преподаватель, пользующийся доверием студентов. Было решено в следующем семестре каждый понедельник проводить дискуссии по вопросам культуры и политики, а потом вместе идти обедать. Было предложено подробнее изучать мировоззренческие основы национал-социализма и проработать три книги: «Моя борьба»[22], «Миф XX века»[23] и «Третий рейх»[24]. Если бы я один был вынужден возглавить это дело, я бы уже справился с ним, но так как среди студенческих «вождей» — преподавателей отделения народного хозяйства были, по меньшей мере, две «темные лошадки», я опасался, что из всего этого предприятия выйдет лишь перекрестный допрос. Но и замять все это дело тоже не удастся. Ты видишь, Паулюс, что положение наше, как теологов и социологов, небезынтересно, но весьма трудно. Перед лицом всех этих трудностей я выработал позицию, исходящую не из личных соображений — из того, что со мной будет, а из одной лишь заботы о том, чтобы стоять на своем и поступать верно. Это ни в малейшей степени не является героизмом, а лишь следствие моих убеждений. Но я сам не могу знать, что для меня и Наташи, исходя из чисто практических соображений, будет лучше: оставаться в Германии или улетать из нее. Так что я пребываю в приятной ситуации внутренней убежденности, предопределяемой гармонией между порядочностью и целесообразностью моих действий. Большего и ожидать не приходится. На нашем отделении наук о культуре все идет по-своему очень прилично. Дело Гериха, кажет-

ся, может вернуться в свою колею. Холлдак[25] лишился права принимать экзамены — так он решил сам. Он получил полное пенсионное содержание и переселился в свой загородный дом под Мюнхеном. Вся его семья приняла католичество; он теперь занимается изучением церковного права и конкордата. Все это не совсем эффективно в плане образа мыслей, но очень понятно. Лихтенберг, Кюн, внутренне также Янентски, я и Бесте[26] образуют теперь бастион, очень хорошо и прочно защищенный от нападок времени. Несмотря ни на что, у нас есть определенное взаимопонимание (историко-психологическое, но не политическое).

Ханне[27] я хотел бы еще кое-что сказать по пунктам Рихарда Кронера: я определенно считаю, что она неправа в отношении него. Его заманили в коварную ловушку. Так как его нельзя было свергнуть законным путем, то это было сделано с помощью студенческого бунта. Дело дошло до жестоких драк в аудитории, до разногласий между Кронером и руководителями министерства. Внешне Кронера защитили. Студенты-крикуны были удалены; казалось, что все теперь хотят, чтобы было так же хорошо, как раньше. Но это была лишь видимость. Через некоторое время ему дали понять из министерства, что было бы нехорошо, если бы он остался в Киле. Вы знаете, что последовал его перевод во Франкфурт, что, по моему мнению, означало лишь изменение места выплаты ему пенсии и предоставление ему академического отпуска для поездки в Италию. Все это было весьма обидно для Кронера, в особенности из-за некоторых деталей — на них я не хочу останавливаться подробно, так как это уведет нас слишком далеко. Я поехал в Хале (Галле), чтобы с ним там попрощаться и проводить его в Италию. Мы провели с ним вместе полтора дня у семьи Штенцелей и затем совершили долгую прогулку. У меня снова сложилось впечатление, что он очень значительная фигура. Самое важное в его позиции — то, что он не превратился в семитского антипода национал-социализма. Он всю свою жизнь чувствовал себя немцем и не позволяет внешним обстоятельствам убедить себя в том, что он еврей. У него нет внутренней борьбы, психологического приспособленчества, а есть естественное самоощущение. В отличие от многих, затронутых Законом о чиновничестве[28], он не путает Германию с национал-социализмом. Он чувствует и говорит с полным на то правом, что он в большей степени немец, чем Розенберг или Геббельс[29]. Так как я эти вещи сотню раз пережил на себе и проверил тем, что я неоднократно защищал избранную мною «русскость» от русских националистов, я знаю совершенно точно, что я такой же русский, каким был русский царь, и такой же русский, как сейчас Сталин. Поэтому я глубоко разделяю позицию Кронера. Он также многогранно рассматривает проблему немецкого антисемитизма и

при этом видит ее с обеих сторон. Он видит не только вину Германии в отношении еврейства, но вину определенной части евреев перед Германией. Прежде всего, он глубоко рассматривает антисемитизм как христианский грех и очень страдает от этого антисемитизма не только как еврей, но и как христианин, точнее, как мыслитель христианско-идеалистического происхождения. Он чувствует себя жертвой и ее преследователем в одно и то же время. В этом — настоящая трагедия его человеческой и философской ситуации. Но одного ему не хватает, прежде всего, — это силы; не внутренней позиции, а непосредственного чувства жизни. Он ужасно устал и не имеет действенного стимула к дальнейшей работе. Я попытался придать ему сил и посоветовал ему работать над вопросами, которые мы с ним обсуждали и о чем я писал выше.

Его жена — совсем иная. В ней погасло все немецкое. Она объята безграничной ненавистью и хотела бы, как она мне сказала, схватить каждого белокурого ребенка за уши и оторвать ему голову. Конечно, в этом сказывается сильное перенапряжение очень утомленной и уставшей души[30]. Но даже если и учитывать это, такое желание говорит само за себя. Особенно тяжело Алисе[31] в ситуации, сложившейся между мужем и дочерью. Дочь вернулась в веру Моисееву и вышла замуж за раввина. Рихард, вопреки добрым словам, которые он должен был сказать, чувствует себя не в своей тарелке. Тем самым для него вновь ожил дух еврейских предков, подрывающий подлинность его «германства», которым он столь дорожит. Все это чрезвычайно сложно.

После ужина к Штенцелям зашли Фантель, историк искусства из Халле, и его жена. И этого человека уволили; его положение очень тяжелое: на его иждивении 10 детей и тёща. Говорили о разном; речь зашла о том, как жить дальше. Кронер сидел как голубоглазый призрак, возвышаясь на своем стуле. Алиса дремала, лежа на диване. Семья Фантель жаловалась, причитала и была особенно беспокойна, как отъезжающие со своими узлами где-нибудь на дальней станции (они уже в Германии превратились в эмигрантов). Перед распахнутыми окнами росли цветущие яблони, но дом наполнял ужасный запах: на бумажной фабрике варили старое тряпье. Казалось, что так пахнут эти цветущие деревья, создававшие странное и призрачное впечатление немецкой весны. Все это вместе имело какой-то особый символический смысл.

Большое вам спасибо за добрые слова о моей книге и усилия по ее переводу. Я недавно услышал от моего издателя, что дело уже завершается и что речь теперь идет об отдельных оговорках. Должно выйти в свет одно английское и одно американское издание[32]. Уже давно некоторые люди пытаются издать «Переслеги-

на»[33] в Америке. У меня нет четкого представления о менталитете американцев и я не знаю, будет ли «Переслегин» иметь в Америке успех. Если Вы полагаете, что это могло бы быть так, то я был бы Вам чрезвычайно признателен, если бы Вы через свой круг знакомых поспособствовали его передаче и изданию. У меня вполне определенное чувство, что я не могу быть вполне уверенным в прочности моего положения здесь и что для меня было бы весьма существенно закинуть удочки в разных странах.

Я, возможно, еще пробуду здесь в скандинавских странах до 15 сентября. Если Вы хотите мне что-либо написать из того, что в Германию писать не следует и получить мой ответ о том, на что я не мог бы ответить из Германии, то сразу же пишите мне в Осло по адресу: Dobrowen, Bennechesvei 10, Oslo-Bygdö. Туда мы прибудем, я полагаю, 7—8 сентября или несколькими днями ранее. Добровейны[34] будут зимой в Нью-Йорке, и я рекомендую им посетить вас. Я уверен, что вы принесете друг другу радость. Паулюс знаком с фрау Добровейн, пусть даже и поверхностно. Мы будем очень рады, если Вы при встрече будете много рассказывать о себе, о том, какой Вы видите Германию, так как можно предположить, что весной мы снова увидим Добровейнов. Итак, я сообщил Вам кое-что о том, что нам кажется важным. Разумеется, я мог бы болтать бесконечно, но мне нужно работать. Я пишу сейчас статью о моем умершем в России друге и великом русском поэте Андрее Белом[35]. Я этой зимой опубликовал еще две другие статьи о русских писателях в [журнале. — *Б.Х.*] «Hochland»[36]. Если Вы хотите и Вам это интересно, я мог бы присылать Вам все, что я написал.

С наилучшими пожеланиями от нас обоих, с живейшим стремлением скоро обнять вас еще раз, остаемся верными своим убеждениям и Вам

Ваши *Натадоры*[37]

P. S. Я, к сожалению, не знаю адреса семьи Улихс и не могу им написать. Если вы увидите их или напишите им, то передайте сердечный привет. Прежде всего, привет Эльзе Брандстрём[38] из ее прекрасной страны. Мы очень счастливы здесь. У нас была возможность из Гемеркхейма посетить великолепные места на равнине. У нас были замечательные дни, проведенные в старом замке Грипсхольм — красивой резиденции графа Розена, а также большой праздник с угощением из раков со всем положенным церемониалом, тостами и застольными песнями. Мы провели за столом более двух часов. Здесь еще старая Европа. Всюду видны лица либералов и гуманистов. Все это имеет свои большие преимущества.

Волнующее сообщение из России: коммунисты подготавливают большую амнистию для эмигрантов[39].

---

[1] Письмо датируется 1934 г.

[2] *Ханна Тиллих* (Hannah Tillich) — вторая жена Пауля Тиллиха, его бывшая студентка, с которой он прожил до смерти. Ханна Тиллих пережила своего мужа и умерла в возрасте 92-х лет. Оставила дневник, опубликованный по-английски (*From Time to Time*. N.Y, 1973) и по-немецки (*Ich allein bin. Mein Leben*. Gütersloh, 1993) и полный интимных признаний, в частности она писала, что в течение нескольких лет жила в начале 20-х годов в тройственном браке с Паулем Тиллихом и Генрихом Гешем (см.: *Юнггрен М*. Генрих Геш: эпизод из жизни Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 2000. № 43). Но если Тиллих был вынужден покинуть нацистскую Германию, то Геш увидел символ свободы в Адольфе Гитлере.

[3] Речь идет о «ночи длинных ножей» (нем. *Nacht der langen Messer*; путч Рёма — нем. *Röhm-Putsch)* — расправе Гитлера над готовившими путч штурмовиками СА, произошедшей 30 июня 1934 г. Кодовое название — «операция Колибри». Поводом для расправы послужила нелояльность штурмовиков во главе с Эрнстом Рёмом и подозрение в подготовке путча. В подчинении Рёма было около 3 миллионов штурмовиков, и он все время твердил, что Гитлер предал революцию, а также о необходимости «второй революции национал-социализма». Мятежа Рёма, по сути, не было, но нацистская пропаганда утверждала, что он готовился.

[4] Parteigenossen (PG) — товарищи по партии. Официальное обращение, принятое в нацистской партии — НСДАП.

[5] Sturmabteilungen (SA) — штурмовые отряды (СА) во главе с Рёмом. СА часто называли «коричневорубашечниками» за цвет их униформы. В 1921 г. в помощь партии были созданы штурмовые отряды — СА. Практически это была неофициальная армия. В 1934 г. их верхушка во главе с Рёмом, была уничтожена отрядами СС.

[6] 30 июня 1934 г.

[7] Sozialdemokratische Partei Deutschlands — Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), основана в 1875 г., играла важную роль в политической системе Веймарской республики, при Гитлере в 1933 г., после принятия Законодательного акта о чрезвычайных полномочиях, была запрещена.

[8] Как пишет современный исследователь, у большинства немцев с конца 1932 г. «складывалось впечатление, что антикапиталистически-революционные компоненты национал-социалистического движения сосредоточились в основном в батальонах Рёма. <...> Размеры и состав этой организации как будто сами по себе сделали ее средоточием пролетарских интересов и революционных надежд» (*Фрай Н*. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933—1945. М.: РОССПЭН: ГИИМ, 2009. С. 14). И далее: «Особенно негативно партийная организация (НСДАП. — *В.К.*) воспринимала вечные разговоры, будоражащие людей. <...> Разгульная жизнь вожаков СА, компенсировавшая им неудовлетворенность и скуку, все чаще вызывала у партийцев такое же отвращение, как у многих добропорядочных граждан». Сюда стоит прибавить «неприкрытую, чуть ли не смертельную вражду Мартина Бормана и некоторых других лидеров НСДАП с гомосексуалистом Рёмом» (Там же. С. 15).

[9] Вследствие Ноябрьской революции 1918 г. кайзер Вильгельм II отрекся от германского престола и бежал в Голландию.

[10] Второй президент Веймарской республики генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург умер 2 августа 1934 г.

[11] Название последнего произведения Сёрена Киркегора, где сформулирована диалектика отчаяния, ведущая к мужеству. И Степун, и Тиллих много читали в конце 1920-х годов Киркегора, мода на которого началась после Первой мировой войны. Об этом писал Тиллих в мемуарах: «Мы ощущали мощные влияния

на наше теологическое существование и с других сторон. Одним из них было наше открытие Кьеркегора и потрясающее воздействие его диалектической теологии. Это было прелюдией к происходившему в 20-е годы, когда Кьеркегор стал святым как для теологов, так и для философов». — *Тиллих П.* Кто я такой? (Автобиографическое эссе) // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 166.

[12] *Johannes Kühn* (1885—1972) — штатный профессор истории Дрезденской Высшей технической школы с 1928 по 1946 г. С 1949 г. профессор Хайдельбергского университета.

[13] Смысл его успеха ясен из «Воспоминаний» Делеката: «В фанатических ура-призывах, с которыми Гитлер был приветствуем на своих манифестациях, принимались эти ура-требования политического воздуха, в котором отсутствовал настоящий руководитель. Они, те, что уже не имели церкви, сделали церковь из государства». — *Delekat F.* Lebenserinnerungen. Bonn, 1971. S.159,166. Alle Rechte vorberhalten. Universitätsbibliothek Heidelberg. Geschenk von Prof. Dr. Lienhard Delekat.

[14] *Vilfredo Federico Damaso Pareto* (1848—1923) — итальянский инженер, экономист и социолог. Один из основоположников теории элит. Степун в 1936 г. писал: «Свои антипарламентарные теории однопартийные диктатуры обосновывают прежде всего на утверждении, что парламентарный либерализм не способен к уразумению и осуществлению подлинной народной воли. По учению Сореля и Парето, творящие историю идеи-силы раскрываются в правящих “элитах”». — *Степун Ф.А.* Чаемая Россия // *Степун Ф.А.* Жизнь и творчество. Избранные сочинения / *Вступ. статья, составление и комментарии В.К. Кантора.* М.: Астрель, 2009. С. 651.

[15] *Georges Eugène Sorel* (1847—1922) — французский философ-марксист, теоретик революционного синдикализма. Прямое действие, насилие во имя великой цели, не знающее при этом никаких моральных преград, — все это делало идеи Сореля привлекательными для всех, кто стремился и стремится к быстрым и радикальным средствам борьбы. Поэтому на его идеи опирались как крайние правые, так и левые радикалы. Степун о нем писал в «Новом граде» (1938 г.): «Возмущает Сореля разложение героического начала тлетворным духом торгашества и отравление этим буржуазным духом душ и воль восходящего к власти пролетариата. В этой критике либерально-буржуазного мира коренится знаменитое приветствие Сореля как Муссолини, так и Ленина. <...> Громадное количество ученых и политиков, которых никто не заподозрит в фашистском уклоне, писали почти то же самое, что и Сорель. <...> Углублять тему правды фашизма мне, впрочем, не представляется важным. <...> В том положении, в котором сейчас находится Европа, гораздо важнее острое ощущение внутренней лжи фашизма, чем его внешняя правда». — *Степун Ф.А.* О свободе // *Степун Ф.А.* Жизнь и творчество. Избранные сочинения. С. 686.

[16] *Carl Schmitt* (1888—1985) немецкий юрист и политический философ. Видный юридический мыслитель нацизма, выдвинувший, тем не менее, идеи, работающие и сегодня. Критик политики и философии либерализма, он был теоретиком тотального государства. В 1933—1936 гг. тесно сотрудничал с нацистами. Он видел именно в авторитетном решении последний источник права. На этой основе он конструирует понятие «политическое». Шмитт очень интересовал Степуна, писал он о нем не раз. Он полагал, что «Шмитт прав не только в своем анализе реальной политической жизни, прав он в своем утверждении, что заповеди Нагорной проповеди имеют в виду не общественно-политическую, а частную жизнь людей. <...> Но если так, если Шмитт действительно прав в своих размышлениях, то не следует ли из этого полная невозможность христианской политики или, говоря иначе, полная совместимость любой большевицкой и фашистской общественности с духом христианской нравственности?». — *Степун Ф.А.* Христианство и политика // *Степун Ф.А.* Жизнь и творчество. Избранные сочинения. С. 511—512.

[17] На неожиданно позитивный интерес Степуна к национал-социализму в этом письме указал мне немецкий историк профессор Леонид Люкс. Но, думается, здесь был именно интерес, ибо Степун пытался понять «внешнюю правду» фа-

шизма (как писал он о Сореле), которая организовала вокруг него молодежь. А про ложь и сатанизм нацизма и фашизма он писал не раз, понимая слабость либерализма, дающего шанс фашизму на существование. Интересно, что Виктор Клемперер (профессор-еврей, преподававший в Дрезденской технической высшей школе одновременно со Степуном), который не был уволен как заслуженный фронтовик, в записях 1933 г. замечал, что на семинарах по романистике, которые он вел, самой усердной и активной участницей была руководительница ячейки национал-социалистических студентов.

[18] В письме стоит «Chorbruder», далее «Chorstudenten», что означает людей из церковного хора и совершенно не имеет смысла в контексте дальнейшего рассказа Степуна. Др. Дагмар Херрманн (Dagmar Herrmann), немецкая славистка (Köln), предложила осмысленное прочтение слова, которое на слух могло быть искажено, ибо звучит очень похоже. По ее мнению, Степун произнес «Korpsstudenten», так называли студентов, входивших в традиционные студенческие корпорации «Burschenschaften». Учтем, что письмо обращено к теологу, что не могла не знать машинистка, отсюда религиозная огласовка слова. Аналогичное соображение можно найти в книге о Степуне Кристиана Хуфена, цитирующего это письмо: «Chorbruder (gemeint ist offenbar der altdeutsche Korpsstudent. — *C.H.*)». — *Hufen Ch*. Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Rußland in Europa. Die Jahre 1884—1945. Berlin: Lukas Verlag, 2001. S. 436.

[19] Возможно, речь идет о местечке Бланкенштайн (Blankenstein), расположенном на озере. Бланкештайн находится в окрестностях Дрездена. Сейчас там курорт Krillemühle.

[20] Перевод слов «unparteilich» (беспристрастный, нелицеприятный, объективный) и «parteilich» (пристрастный) здесь, очевидно, неточен, поскольку речь идет именно о политической партийности и беспартийности. Степун мог придать именно такой (российский) смысл этим словам, хотя есть и слово, обозначающее беспартийного: «parteilos».

[21] NSBO (Nationalsozialistische Betriebszellenorganisation) — Национал-социалистская организация фабричных ячеек.

[22] «Моя борьба» («Mein Kampf») — книга Адольфа Гитлера, ставшая по сути дела библией национал-социализма.

[23] «Миф XX века» («Der Mythus des XX Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit») — программная книга Альфреда Розенберга, одна из основополагающих книг, определявших расистскую политику нацизма.

[24] Речь скорее всего идет о трактате «Третья империя» — книге лидера консервативной революции Артура Мёллера Ван ден Брука.

[25] *Феликс Холлдак* (Felix Holldack, 1880—1944) — профессор торгового права в Высшей технической школе в Дрездене. В 1934 г. был уволен в отставку на основании «параграфа 3 к закону о чиновничестве» из-за своего еврейского происхождения.

[26] Перечислены профессора Высшей дрезденской технической школы.

[27] *Ханна Тиллих* — жена Пауля Тиллиха.

[28] «Закон о восстановлении профессионального чиновничества» от 7 апреля 1933 г., в соответствии с которым было предписано уволить всех, за редким исключением, чиновников «неарийского» происхождения. «Неарийцем» считался каждый, у кого хотя бы один из родителей был по происхождению евреем.

[29] Известно о лагерях смерти, существование которых скрывалось от простых немцев, которые якобы ничего не знали о политике своего нацистского правительства, но достаточно привести несколько фраз из статьи главного идеолога гитлеровской Германии, интеллектуала доктора Йозефа Геббельса 1934 г. в правительственной газете «Рейх», чтобы понять атмосферу ужаса, в которой жили немецкие евреи: «Евреи — паразитическая раса, произрастающая как гнилостная плесень, на культуре здоровых народов. Против нее существует одно средство — отсечь ее и выбросить. Уместна только не знающая жалости холодная жестокость! То, что еврей еще живет

среди нас, не служит доказательством, что он тоже относится к нам. Точно так же блоха не становится домашним животным только оттого, что живет в доме» (цит. по: *Хоххут Р.* Геббельс в своих дневниках // *Геббельс Й.* Последние записи. Смоленск: Русич, 1998. С. 21). Хоххут добавляет, что речь шла о той части немцев, из которых вышло 25 процентов нобелевских лауреатов, составивших славу Германии и т. п. Но эта защита от лукавого! А если бы не было лауреатов, если бы евреи тысячами не погибли на фронтах Первой мировой войны!.. Тут кончается всякое представление об азах гуманизма, особенно если добавить слова Геббельса 1945 года, накануне краха нацизма: «Если бы иметь власть, то этих евреев надо было бы уничтожить, как крыс. В Германии мы, слава Богу, уже достаточно позаботились об этом. Я надеюсь, что мир последует нашему примеру» (Там же. С. 177). Самое интересное, что Геббельс начинал как истово искавший Бога христианин. Как пишет Хоххут, этот «слуга Божий» перебежал к антихристу, поясняя его феномен: «Геббельс всегда принадлежал к тем верующим, которые ныне, называя себя идеологами, по сути, меняют лишь форму» (Там же. С. 41). Стоит подчеркнуть, однако, что круг, к которому принадлежали и Степун и Тиллих, выступил против нацизма, а такие священники, как Дитрих Бонхоффер, заплатили жизнью за это противостояние. Не говорю уж о молодых немцах, мюнхенских студентах — героях «Белой розы» 1942—1943, казненных в 1943 г. И для нашего сюжета имеет еще смысл напомнить, что Степун был уволен в 1937 г. из Высшей школы не только за противостояние национал-социализму с точки зрения христианства, но и за активное «жидофильство» и «русофильство».

[30] Реакция понятна. Вот наблюдения над проблемой бытовой жизни евреев при нацизме (тех, кто не попал в концлагерь) у В. Клемперера: «Если какая-нибудь еврейская супружеская пара рискнет — несмотря на все притеснения — произвести на свет ребенка, то она не имеет права дать своему отпрыску (у меня звучит в ушах крик “харкуна”, набросившегося на благородную старую даму: “Твой отпрыск улизнул от нас, жидовская свинья, за это мы тебя доконаем!” И они доконали ее: на следующее утро она, приняв большую дозу веронала, не проснулась...), своему потомству никакого немецкого имени, которое могло бы ввести в заблуждение; национал-социалистическое правительство предоставило им на выбор целый ряд еврейских имен. <...> Вот и получалось, что в списке дозволенных для еврейского употребления имен остались лишь звучащие для немецкого уха либо неприятно, либо забавно ласкательные формы вроде Фогеле, Менделе и т. п. В “еврейском доме”, последнем, где мы жили, я каждый день видел табличку на двери с характерной надписью, на ней стояли имена и фамилия отца и сына: Барух Левин и Хорст Левин» (*Клемперер В.* LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М: Прогресс-Традиция, 1998. С. 45).

[31] Жена Рихарда Кронера.

[32] Речь идет о книге Степуна на английском языке: The Russian Soul and Revolution. Translated by Erminie Huntress. New York; London.. C. Scribner’s sens, 1935. — 184 p. Это был перевод его программной книги на немецком языке: Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern; Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934. — 104 S.

[33] «Николай Переслегин» — название философского романа Ф.А. Степуна.

[34] Речь идет о семье великого пианиста Исайи Добровейна, с которым дружил Степун.

[35] Возможно, речь идет о статье Степуна: Памяти Андрея Белого // Современные записки. 1934. Кн. 56. С. 267—283.

[36] «Hochland» — католический религиозно-философский журнал. Издатель и редактор журнала — Карл Мут. Скорее всего, Степун имеет в виду свои статьи об Иване Бунине и Вячеславе Иванове.

[37] Соединение двух имен: Наташа + Федор.

[38] *Эльза Брандстрём* — дочь шведского посла в России, активная деятельница Красного креста.

[39] Слух, никак далее не подтвердившийся.

2

Люцерн, 27 марта 1935 г.

Дражайшие друзья!

Сначала хочу извиниться за то, что мы молчали в ответ на многие ваши письма. Разумеется, это частично объясняется тем, что не так просто писать о наболевшем, как то хотелось бы. К этому прибавляется и другое: я уже давно собираюсь выступить в Швейцарии. Но, как вы знаете, выехать из Германии с целью чтения лекций теперь не так просто. Дело проходит через три инстанции — ректора, саксонское министерство образования и имперское министерство иностранных дел. В моем случае дело было еще менее определенным, чем это могло быть, так как во всех трех местах ясно понимали, что я никоим образом не могу быть представителем новой Германии. Когда ректор сказал мне, что хорошо было бы явиться к послу в Швейцарии, а также послу в Париже (Париж был тоже запланирован, но я вынужден был от него отказаться, так как мой новый семестр начинается уже 1 апреля), и спросить, что мне следует и чего не следует делать, я был вынужден ответить, что я бы попросил совета, что мне «не делать», но не «что делать». С учетом всех этих обстоятельств мне казалось неуместным писать Вам и отвечать на вопрос Пауля, не собираюсь ли я за границу и увидимся мы там, или нет. Я старый революционный воробей и поэтому больше доверяю интригам революционной ситуации, чем это кажется извне. И вот с 7 числа я нахожусь в Швейцарии и прочитал 12 докладов о «Движении вызова»[1]. Я живо интересуюсь этим движением, которое пытается на основе не только христианских конфессий, но и экуменизма, создать профессионально-сословный порядок в двуединой борьбе против бесовщины идеократического фашизма и филистерства как капиталистического, так и социалистического толка. Мои доклады, могу честно сказать, прошли с большим успехом. Во Фрибуре и Люцерне я даже вынужден быть читать по два доклада, а также отклонить из-за нехватки времени еще два предложения выступить. Сегодня я возвращаюсь в Дрезден. Положение в Германии, как Вы знаете, теперь снова вызывает беспокойство. Священники «Исповедального движения»[2] несколько дней тому назад были арестованы[3], создаются трудности и для Католической церкви. Я возвращаюсь в доброй вере в то, что мои лекции будут встречены здесь, в Германии, не более неприязненно, чем моя личность вообще, что меня не вытянут на форум, где я буду вынужден защищаться и оправдываться в своей борьбе против бесовщины эксцентричного тоталитарного толка. Я говорил исключительно о русских делах,

которые, тем не менее, пытаются толковать как симптом и диагноз всего положения Западной Европы. Глава о национал-социализме рассматривается в рамках проблемы Шатова из «Бесов» Достоевского, и весьма кратко, но я думаю, все же выразительно[4].

Из немецких эмигрантов я не видел никого и даже не знакомился с их прессой (да и времени у меня было мало). Весьма любезные здесь по отношению к немцам люди не сразу сказали мне, что немецкая эмиграция не достигает такого уровня, как русская, и что в этой литературе не найдешь сколь-либо существенного и глубокого, свободного от затаенной обиды анализа положения в Германии. Зато я видел много швейцарцев из разных местностей страны, где каждые 100 км что-то новое, как в плане ландшафта, так и в духовно-типологическом, и могу констатировать, что, честно говоря, симпатий по отношению к нынешней Германии здесь бесконечно мало. Полностью повторялась одна и та же картина — проявлялось то же отношение, которое мы наблюдали прошлой осенью в Швеции и Норвегии. Большую опасность для Германии я, прежде всего, вижу в том, что заграница по отношению к Германии делает ту же ошибку, которую она сделала в отношении России. Слишком мало различают сегодняшний режим и собственно народную субстанцию, национал-социалистскую маску и национальное лицо, немецкую сущность и гитлеровское грехопадение[5]. Так что, общаясь здесь, я, несмотря на свою «русскость», переживаю что-то вроде духовного немецкого патриотизма и снова чувствую себя обязанным разъяснять вышеназванную подмену понятий. При всем водовороте событий, происходящих сегодня в Германии и России, очень трудно пройти меж двух огней. С одной стороны, понимать, что эта система, подобная посмертной маске, не имеет ничего общего с живым обликом народа, с другой стороны — прикрывать маской его лицо истинное. (Я слышал, не знаю откуда, что в настоящее время Паулюс тоже находится в Европе, вероятно, он привезет в Америку тот же опыт и те же впечатления).

В Женеве я говорил не по-немецки, а только по-русски, и, пользуясь этой возможностью, три дня очень интенсивно беседовал с Кульманом. Он показал мне помещение Лиги Наций. Мы буквально соприкасались со стульями Совета Лиги Наций. Кульман споткнулся о стул Бриана, а я — о какой-то другой, на котором часто восседала иная значительная особа. Он рассказывал мне о различных заседаниях, об отношениях наций друг к другу и о единстве стран-победителей против Германии. Он с такой впечатляющей прямотой обрисовал мне ситуацию последних лет, что я впервые потерял всякую веру в идею Лиги Наций. У меня всегда

было представление о том, что Лига Наций есть или может быть в определенной степени чем-то вроде Ватикана для светского мира. Но после долгих дискуссий с Кульманом я пришел к абсолютному пониманию того, что мое представление было слишком наивным, и что Лига Наций — это, в конце концов, лишь канцелярия Великих Держав и их союзов. На мой вопрос, понимают ли страны-победители, что Германия вышла из войны обездоленной и что народ лишь тогда может жить, когда обладает определенной идентичностью образа и судьбы, Кульман дал мне совершенно ясный ответ: «Нет!». На мой дальнейший вопрос, не было ли возможным во времена Брюнинга[6] так экономически и политически обустроить Германию, чтобы уберечь ее от национального высокомерия, он также однозначно ответил мне: «Нет!».

Мне стало ясно, что события в Германии приобрели судьбоносный ход, наперекор произволу идеократии, правящей в настоящее время. Я непрерывно думаю о том, как внушить людям, разделяющим нашу позицию, что необходимо политически выразить и институциональным образом закрепить взаимопонимание наций. Это закон природы, что все хорошее и подлинное кипит лишь при 100 °C, в то время как все ложное и злое уже при 25 °C достигает точки кипения. Мне сегодня кажется не столь существенным, если градус кипения тех или иных действительно позитивных сил мира — национальных, интернациональных или их транснациональных сочетаний — снижается. Конкретно речь идет об установлении контактов между всеми религиозными (это означает: христианскими), свободолюбивыми (это означает: действительно созидающими) социалистами мира и борьбе против окружающей нас бесовщины и филистерства. Я верю, что сегодня везде существуют условия для совместных действий; семена уже созрели, их нужно лишь заботливо взращивать, чтобы они расцвели и принесли плоды. Я теперь думаю о том, чтобы в полном виде представить в книге топографическую карту позитивной духовности и наметить план обозначенных мной действий. Я знаю, что я не смогу это сделать — не хватает необходимых для этого глубоких знаний, собранности и усердия. Но я все же начну — возможно, другие затем подхватят. Мне было бы очень интересно, как обстоят дела в американском мире, который я знаю очень плохо. Религиозный социализм истинного образца — наш «Новый град»[7]. Светский дух, в основе своей, религиозен, движение Жака Маритена[8] и многое в Англии кажется мне принадлежащим к сфере потенциального будущего, которое может быть реализовано, если мы все не перестанем действовать. Я чувствую, как утопически все это звучит, но я также знаю, что сила утопий в мире не так уж и мала.

Твое сочинение против Хирша[9] я прочитал с радостью и полностью с Тобой согласен. Наверное, Ты все же помнишь, что после вечера, когда у нас были Ульрих, Эммануэль Хирш[10], Кронер и Ты (не знаю, была ли тогда с нами Ханна), я, в отличие от всех других, был не в восторге от Хирша. Я еще тогда установил, что он религиозно не совсем искренен и что он, кроме того, наверняка еврей. В обоих случаях я оказался прав, хотя во втором случае, само собой разумеется, важно то, что Хирш всегда старался скрыть свое неарийство. Кронер полностью оспорил правильность моего диагноза. Большое спасибо Тебе также за второе сочинение, которое я прочитал. Обе части меня искренне порадовали, в особенности углубленный анализ обстоятельств осуществления ставшего необходимым процесса интеграции на территории национальной автократии, и ни на какой иной. И в своем анализе я все больше склоняюсь к этому мнению и пытался также точнее аргументировать его на последней коллегии «Христианство и мировоззрение», а потом также обосновать совершенно ясное, абсолютно само собой разумеющееся отклонение тоталитарных запросов государства. При этом мне было особенно интересно видеть, как удачно Ты представил различные конфессии в связи с защитой этих притязаний. Чем больше я теоретически занимаюсь лютеранством и чем точнее прослеживаю борьбу «Исповедального движения», тем яснее мне становится безнадежность ситуации, в которой борются протестанты. Эта злосчастная мысль, что нет авторитета, кроме Бога. Поэтому в моих глазах всякие собрания лишаются своей силы. Было странно наблюдать, как радикально нападали на имперского епископа и как, в конце концов, благодарили государство и полицию за то, что они допустили столь радикальное нападение. И особенно примечательно, что именно эта, предположительно чисто религиозная и неполитическая позиция придала всему собранию ярко выраженный политический характер, причем этот характер усиливался в моем русском восприятии до совершенно невозможного политицизма. Мне было всегда ясно, что имперский епископ это своего рода вошь в чиновничьем парике (этот образ взят из вчерашнего доклада о Достоевском) и что абсолютно бессмысленно бросать камень в вошь и при этом дрожать от страха: можно испортить прическу. Посягательства на носителя государственной прически, так же, как, если Тебе угодно, и на главу государства[11], недопустимы. Так как «Исповедующее движение», даже здесь, в Дрездене, объединяет политически совершенно разные направления, генеральный суперинтендант Хан как политически близок к национал-социализму, так в церковном плане выступает против него. Фон Кирхенбах все же офицер и к тому же антисемит. А.Е. в политическом плане со-

вершенно темная лошадка. Другие — стоят, или, во всяком случае, стояли, значительно левее. Это касается тезиса, что всякая власть от Бога. На религиозном отклонении идеократии не создашь политический капитал. Из этого ясно следует, что эта идеократия опять и опять будет сколачивать духовный капитал христианства. Формулировка, которую я однажды услышал: важно поставить национал-социалистическое государство перед выбором между христианским и национал-социалистическим мировоззрением, — упускает из виду основную структуру современности, это значит, факт, что национал-социалистическое государство — это не только государство, но и государство-партия, что означает идеократию и мировоззренческое пасторство. Конечно, это неверно в отношении многих специалистов и людей, знающих свое дело, которые стоят на втором плане, но вносят свой решающий вклад, это не верно в отношении рейхсвера, руководителей хозяйства и финансов. Но они не имеют сегодня собственной позиции. «Исповедующее движение», борющееся против партии и ее мировоззрения, не найдет в их лице своего героического защитника. Поэтому без открытого выступления против государственной идеократии «Исповедующее движение», по моему мнению, не может ни победить, ни временно показательно пострадать. Готово ли оно решиться на это, мне не ясно, однако, кажется, последние события демонстрируют эту решимость.

Из-за скорости диктовки (через час уходит поезд, на котором я возвращаюсь в Германию), я забыл упомянуть, что написал о твоем сочинении. В заключение я хотел бы только добавить, что оно, по моему мнению, может быть спокойно перепечатано в Германии. В любом случае, я передал его А.Е. и настоятельно предложил ему опубликовать его в саксонских «Теологических листках»[12]. Тебе это никоим образом не повредит, а скорее принесет пользу, так как отклонение тоталитарных запросов государства для тебя, так же как и для всех нас, дело само собой разумеющееся. Однако твоя теория интеграции оправдывает тебя в глазах правительства (если Ты думаешь вернуться, возможно, на некоторое время или совсем), в той мере, в какой Тебе это не будет неприятно.

Что бы Тебе еще рассказать? Дела мои в Германии идут хорошо. Мои занятия посещаются относительно отлично. 45 студентов и примерно 25 слушателей-горожан, так что всего около 70, в отдельных случаях — 80 слушателей. Я также прочитал в Дрездене 8 публичных докладов. Лекцию «О духе русского благочестия» я вынужден был повторить дважды. В Дрездене есть разные литературные салоны, в которые вхожи 80—100 человек. Люди духовного склада — профессура, верхний слой бюргерства, театраль-

ные круги и определенные партийные элементы — близки друг другу и гармонично общаются между собой. Конечно, нельзя говорить в полный голос, но, говоря шепотом, вполне можно оставаться самим собой. Ректор в этом семестре был если и не избран, то, по крайней мере, не просто спущен сверху, как в начале революции[13]. Это были выборы, не навязанные министерством: оно лишь давало «ориентировку». Министерство относится к нам в высшей степени любезно, можно сказать, любезнее, чем это делал Ульрих. Мы сейчас работаем над предназначением учения о народном хозяйстве; до сих пор дело шло как обычно. Последних результатов мы еще не видели. Верующих национал-социалистов заметно и слышно все меньше и меньше. Я нашел лишь одного, который правда представил мне очень краткую ясную программу: через 10 лет, когда гитлеровская молодежь[14] вырастет, последует лишение буржуазии собственности и закрытие церквей. С учетом всех идеологических положений антисемитизм, кажется мне, лишь упрочится. Я внезапно стал замечать, что он в различных формах находит отклик везде, в частности у людей, от которых меньше всего ожидаешь этого. Так как Наташа и я чувствуем себя весьма свободно и свободно общаемся со всеми приличными людьми, которые по-человечески близки нам, нас часто приглашают в гости. Например, в конце февраля мы ходили в гости 12 дней подряд. Еврейство относительно изолировано. У адвоката Зальцбурга выступал ведущий драматург государственного театра Карл Вольф[15]. Мы были единственными «христианами на показ» в этом обществе, впрочем, кроме одного партийного деятеля, который оживленно приветствовал меня как старого знакомого в этом гетто. На мое счастье, это был чиновник государственной тайной полиции, помогавший проводить обыск у меня дома. Ситуация сложилась в высшей степени странная и неловкая. Господин со свастикой провел весь вечер вместе с ненавидимыми им евреями, съел много бутербродов, пил пиво и оживленно беседовал; хорошо, что его пригласили, иначе все общество было бы сразу же разогнано безответственными партийными элементами. В сущности, это невероятно, но все же это произошло. Революция становится повседневностью, а повседневность поглощает все сущее. Но мне уже пора заканчивать. В заключение я хочу еще раз специально поблагодарить Ханну за ее теплые письма, которые мы получили, за милые воспоминания как о чудесных глазах Наташи, так и обо мне. Передаю также особый привет от Наташи, которая сейчас в Париже, и хочу Вам сказать, что мы с радостью ожидаем появления нового почетного гражданина, которому мы уже сейчас хотим пожелать

счастья. Бог даст, что он станет не только лишь американцем. Я часто вижу здесь в эмиграции этих детей, лишенных отечества, и все больше и больше ощущаю реальность этого национального облика. Нужно создать свое «Я» и в социальном, и в национальном, и в эпохальном смыслах, чтобы от всего сердца полюбить другое «Я». Я не могу писать дальше — часы бегут, на вокзале за окном — свист. Я должен заканчивать.

Мы сердечно обнимаем Вас, шлем свои поцелуи и пожелания счастья, пишите, что можно, простите, если мы не сразу отвечаем, я стану лучше и охотно напишу, что возможно, и о личном из Германии, не ожидая случая, связанного с заграничной поездкой.

Сердечно Ваш

Федор Степун

---

[1] Нем. «Aufgebotbewegung». Возможно, Степун имеет в виду Барменский (1-й) синод Исповедальной церкви, состоявшийся 29—31 мая 1934 г., который объявил о своем «чрезвычайном праве» действовать против пронацистского руководства протестантской церкви.

[2] Нем. «Bekenntnisbewegung». Речь идет об «исповедальной церкви», направлении в немецком протестантизме, противостоявшем нацизму.

[3] 4 и 5 марта 1935 г. синод Исповедальной церкви выступил против национал-социалистической расовой идеологии и «нового язычества», 700 пасторов были арестованы.

[4] Скорее всего, Степун опирался на свою статью 1913 г. о «Бесах» и Максиме Горьком, в которой писал, что «в сущности Шатов (идеолог православного национализма в романе. — *В.К.*) не верует, а лишь верует, что он верует, т. е. верует не в Бога, а лишь в свою веру в него» (*Степун Ф.А.* О «Бесах» Достоевского и письмах Максима Горького // *Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 844). В этом образе была самокритика Достоевского, «грех» которого коренился «в его чрезмерном пристрастии не только к одному православию, но, кроме того, еще к народу русскому, к идее нации <...>, а через это уже и в его определенно отрицательном, порою ненавистническом отношении к другим народам и национальностям, к еврейству» (Там же. С. 842). В этом для Степуна был один из вариантов «бесовства», который существовал и в нацизме.

[5] Карл Ясперс писал об этом же после войны в 1946 г.: «Некоторые, увидев истоки беды, сделали самые радикальные выводы. Они уже в 1933 году желали вмешательства западных держав: коль скоро двери немецкой тюрьмы захлопнулись, освобождение может прийти только извне. Будущее немецкой души связывалось с этим освобождением. Чтобы немецкая суть не была уничтожена полностью, братским государствам западной ориентации следовало в общеевропейских интересах осуществить это освобождение как можно скорее. Такого освобождения не произошло, путь продлился до 1945 года, до полнейшего истощения всех наших физических и нравственных сил» (*Ясперс К.* О политической ответственности Германии. М.: Прогресс, 1999. С. 12). И чуть далее, в этой же работе, резюмирует: «Мы в Германии могли быть освобождены извне. Когда приходит диктатура, освобождение изнутри невозможно» (Там же. С. 85).

[6] *Генрих Брюнинг* (*Heinrich Brüning*; 1885—1970) — рейхсканцлер и министр иностранных дел во время Веймарской республики.

[7] В оригинале: «Neuburg» — новая крепость (*нем.*). Из контекста следует, что речь идет об общественно-политическом и философском журнале «Новый град», из-

дававшемся под редакцией И. И. Бунакова-Фондаминского, Ф. А. Степуна и Г. П. Федотова в Париже с 1931 по 1939 гг. О замысле этого журнала под тем же немецким названием Степун писал Кульману: см. мою публикацию: «Я Вам уже говорил о том, что мы собираемся издавать небольшой (листов на 8—10) общественно-политический волевой журнал. Распространяться о его направлении сейчас не буду. Думаю, что Вам будет ясно, каков должен быть его облик, если я скажу, что в соредакторы Фондаминский пригласил меня и Федотова. <...> Одним словом, фронт журнала представляется, с одной стороны, борьбою против клерикально-черносотенного православия, а с другой — против догматически старорежимного либерализма и социализма» (*Кантор В.К.*«Положительно прекрасный человек», помогавший выжить (русская эмиграция и ее хранитель (письма Ф.А. Степуна Г.Г. Кульману) // Вопросы философии. 2011. № 8. С.116).

[8] В тексте: Jacques Maritin. Правильно: *Jacques Maritain* (*Жак Маритен*, 1882—1973) — французский философ, теолог, основатель неотомизма.

[9] *Tillich P.* Open Letter to Emmanuel Hirsch (1934) // The Thought of Paul Tillich. Harper & Row, San Francisco. 1985. P. 353—388. Это было прямое выступление Тиллиха против «немецкого христианства», пронацистского направления в протестантизме.

[10] *Эммануэль Хирш* (*Emmanuel Hirsch*) (1888—1972) — немецкий теолог, лютеранский систематик, в 1934 г. пытался обосновать, что Иисус и Евангелие свободны от еврейского духа.

[11] В оригинале: «Staatsoberhaupt» (*нем.*) — *досл.* «главная государственная голова».

[12] «Theologische Blätter».

[13] Речь идет о так называемой «национал-социалистической революции» 1933—1935 гг. — приходе Гитлера к власти и установлении в Германии нацистской диктатуры.

[14] «Hitlerjugend» («Гитлеровская молодежь») — название нацистской молодежной организации.

[15] Возможно, речь идет о муже знаменитой актрисы Ольги Чеховой, имевшей по приказу Гитлера звание «Государственная актриса Рейха». Его нашли мертвым у театра, где играла актриса, поскольку Геббельс обнаружил у него «еврейские корни».

3

Мюнхен, 6 июня 1948

Ф. Степун
Мюнхен 27, Мауэркирхе Штрассе 52

Дорогой Паулюс,

итак, наконец, Ты здесь. Это нас радует. Сразу после получения твоего письма я созвонился с президентом др. Менцелем. После продуктивного обсуждения поставили мы Твой доклад, который должен вызвать дискуссию, на среду 23 июня. Позднее не пойдет, поскольку Наташа и я в пятницу 25 отправляемся во Франкфурт и Хайдельберг (давно согласованные доклады отменить не удастся). 30-го я читаю заключительный для коллег. С 1-го до 3-го июля я в русском юношеском лагере, в котором открывается христианская конференция для русских перемещенных лиц (DPs). 4-го едем мы в Швейцарию[1]. Мы очень хотели бы просить Тебя так все это устроить, чтобы Ты оставил один день для нас, если возможно посвятить этому 22 июня.

Я еще наскоро сообщаю, что Менцель Тебя хорошо знает (литературно). Он социал-демократ, работает в религиозном социалистическом союзе, друг Гримма. Доклад не станет замечательным общественным делом, но, надо надеяться, получит хорошие рабочие часы. Все дальнейшее устно. Наташа и я приветствуем тебя сердечнейшим образом. Привет фрейлин Баринг, фрау Ренате Альбрехт.

Твой *Федор Степун*[2]

---

[1] Это предложение написано от руки в конце страницы. Значок указывает место вставки.

[2] Последние шесть слов написаны от руки.

4

Мюнхен, 24 июня 1948

Дражайший Паулюс!

Что Ты 23 не сможешь приехать, вызвало здесь большое разочарование, особенно у нас. На мое письмо Ты не ответил, так что я не знаю о случившихся обстоятельствах. Др. Менцель сказал, что ты мог бы здесь быть в первую среду июля. Но мы уезжаем, как Ты уже знаешь, после 4 июля в Швейцарию. Между 4 и 24 июля мы там, где в последний раз виделись, — у Кульманов[1]. На теологических курсах я читаю 2 доклада о Восточной Церкви.

Как быть с нашей встречей? Поезда пустые. Деньги на дорогу, надо надеяться, Ты получишь. Быть может, небольшое отклонение от маршрута для Тебя возможно. Поездка во Франкфурт и Хайдельберг отложена. Мне не хватает времени и устроителей получить новые деньги. Я здесь беспрерывно до 1-го. До этого времени были бы мы также свободны для тебя в случае, если ты телеграфируешь. Если это не подходит, то, вероятно, возможно увидеться в Швейцарии, если Ты туда приедешь. В ожидании быстрого ответа, чтобы я мог устроиться со своей работой, и в искренней тоске по Тебе и нашему общению, с лучшими приветами, также и от Наташи.

Твой *Федор*

P. S. Пожалуйста, напиши все же несколько строк Иде Бинерт[2]. Она живет у своей дочери Изе Зайдель. Адрес: Хоеншауштрассе 21, Мюнхен-Рамерсдорф.

---

[1] Кульманы жили тогда по адресу: Женева, 6 улица де Шеен 57.

[2] Речь о художнице и хозяйке салона Иде Бинерт (Ida Bienert, 1870—1965), у которой собиралась интеллектуальная и художественная элита Дрездена 20-х годов. Там бывали Оскар Кокошка, Георг Гросс, Пауль Клее, Вальтер Гропиус, Федор Степун, Пауль Тиллих, Рихард Кронер. С ее помощью Тиллиху удалось скрыться от гестапо.

5

Проф. П. Тиллих Федору Степуну
Марбург/Лаан, 2 июля 1948
Отель Риттер

Дорогой Федор!

Сердечное спасибо за твое письмо, которое я получил, когда вернулся из 10-дневной поездки в Гамбург. Это объясняет, почему я не мог ни приехать, ни написать, ни телеграфировать. Я не отвечал на Твое письмо, поскольку я думал, что господин др. Менцель Тебя тотчас информировал бы и вы вместе назначили бы дату. Мне только очень грустно, что я не встречу Тебя в Мюнхене. Через два дня я лечу в Берлин и временно буду трудно достижим. Но напиши мне, пожалуйста, сразу Твои точные даты от конца июля до конца августа с указанием мест. Я намереваюсь приехать в Швейцарию, но не могу точно сказать, как и когда. Если вообще, то вероятно между 12 и 25 августом. Мы должны тогда при всех обстоятельствах увидеться. Я полон бесконечных впечатлений и надеюсь, что теперь могу произнести нечто большее, чем скудные бормотания в моих общих письмах (Rundbriefen). Во всяком случае, буду делать все возможное, чтобы нам увидеться. 23 июня было уже потому невозможно, что я должен был держать в Марбурге общеуниверситетскую речь в актовом зале. Это было неожиданно и не было возможности это отклонить. Итак, пиши мне, пожалуйста, Твою точную программу.

Постоянный адрес: Марбург/Лаан, отель Риттер.

Сердечные приветы Наташе, пребываю верным

Твой

6

Женева, 30.7.1948

улица де Шеен, 57

Дорогой Пауль,

сердечное спасибо за Твое последнее письмо. Как жаль, что я Тебя в Мюнхене у Менцеля не могу слышать, а также говорить с Тобой. Было бы также очень мило, если бы мы Тебя приняли в нашем новом, разумеется, очень аскетическом жилище. Ну, дела идут не всегда так, как хотелось бы. Теперь дело в том, чтобы мы здесь друг друга не упустили. Мы живем в настоящее время, как говорит адрес наверху, у Густава Кульмана. Мария[1] приезжает сюда только 5-го через Париж из Лондона. Мы собираемся здесь оставаться до 12-го, а потом через Люцерн и Цюрих примерно к 20-му

вернуться в Базель. Там мы у нашей подруги Руперти[2], Arlsheim im See bei Basel, Bodenweg 16. 28-го едем мы домой. Было бы весьма замечательно, если бы Ты нас застал или в Женеве или в Базеле. Может, мы могли бы ждать Тебя здесь до 15-го. Это зависит еще от одного издателя из Люцерна, с которым у меня переговоры.

В ожидании Твоего сообщения приветствуем Наташа и я Тебя самым сердечным образом. Я здесь в Bossey и в экуменическом совете Женевы сделал по-настоящему интересные наблюдения, но уже нет времени что-то еще писать.

В величайшей спешке

Твой Федор

[1] Жена Густава Кульмана (см. мою публикацию переписки Степуна и Кульманов в журнале «Вопросы философии», 2011. № 8).

[2] Знакомая Степунов по Дрездену.

Перевод с немецкого 1-го письма В.К. Кантора и Б.Л. Хавкина
Перевод с немецкого 2-го письма Б.Л. Хавкина
Перевод с немецкого 3, 4, 5 и 6 писем В.К. Кантора
Публикация и комментарии ко всем письмам В.К. Кантора

Опубликовано: Вопросы философии. 2012, № 11. С. 121—135.

Русский европеец и закат Европы (письмо Степуна Шпенглеру)

Это небольшое письмо Степуна заслуживает серьезного вступления, поскольку за ним стоит целая история, биографическая, мыслительная, политическая.

Явление Шпенглера было неожиданностью, как и многое в XX веке. Невероятные технические открытия: радио, телефон, самолет, динамит; — немыслимые ранее события: открытие Северного полюса, мировая война, удушающие газы, русская революция, миллионная эмиграция в Европу иностранцев... Книга Шпенглера «Закат Европы» попала в этот фантастический ряд. Книга его была кем-то встречена с восторгом, кем-то с ужасом, во всяком случае интеллектуальной части европейцев показалось, что она отвечает на многое непонятное, вдруг проявившееся в европейской истории. Ощущение конца Европы, точнее конца Запада, чувствовали многие. Ведь конец Европы для многих европоцентристов — конец развития человечества. Скажем, Владимир Соловьев в своих «Трех разговорах» это предвидел, Томас Манн, прочитав книгу Шпенглера, несмотря на свою близость идеям «консервативной революции», назвал своего соотечественника, ставшего в момент самым знаменитым немецким мыслителем, «пораженцем рода человеческого»[1]. Неожиданно русские эмигранты из тела шпенглеровской книги родили целое течение — евразийство, которое как бы получило немецкую санкцию, ибо немец объявил о закате (даже гибели) Запада. Хотя Шпенглер противопоставил идею истории идее природы, евразийцев это не смутило. «*Мир как история*, понятый, наблюденный и построенный на основании его противоположности, — писал немецкий мыслитель, — *мира как природы*, — вот новый аспект бытия, которого до настоящего времени никогда не применяли, который смутно ощущали, часто угадывали, но не решались проводить»[2]. Но все острие шпенглеровской критики было направлено против идеи *западоцентризма*. Это и смутило евразийцев.

В 1920 г. как бы независимо от книги Шпенглера «возник, — как писал Степун, — таинственный слух» в Москве, что Н.С. Трубецкой выпустил «небольшую, но очень содержательную работу» «Европа и человечество». Трубецкой уверял, что книгу Шпенглера не знал, хотя с 1918 по 1920 г. вышло 32 издания 1-го тома «Der Untergang des Abendlandes». Степун говорит о сочинении Трубецкого лишь в контексте книги Шпенглера, при этом замечая, что, слушая рассказ молодого ученого о работе Трубецкого, «ловил себя на мысли, что не вполне доверяю ему»[3]. Впрочем, если говорить о дальнейшем, ев-

разийцев он категорически не принимал, ставя евразийство в один ряд с большевизмом и нацизмом. Приняв многие соображения Шпенглера, евразийцы вместе с тем взглянули на Европу и на «мир истории» с точки зрения «мира природы», противопоставив «логику пространства» «логике времени»: все исторические изменения, по их мнению, ничего не определяют, определяет все «месторазвитие», бог данного места, *идея вполне языческая.* Поэтому-де важно, что большевики восстановили и снова соединили в некое целое бывшее пространство монгольской орды. Впрочем, Бердяев не случайно задавал вопрос: «Но существует ли история у самого Шпенглера, у него, для которого мир есть прежде всего история, а не природа? Я думаю, что для Шпенглера не существует история и для него невозможна философии истории. <...> Историческая судьба, судьба культуры существует для Шпенглера лишь в том смысле, в каком существует судьба цветка»[4]. Если так, то основания для такого вычитывания аисторичесого начала в его книге у евразийцев были. Ход, характерный для русской ментальности. Так же в этот момент подтверждали свои злодеяния русские социалисты ссылкой на немецкий марксизм.

Короче, русские вновь открыли некую истину в немецких теоретических построениях. Но не столь восторженные, как евразийцы, русские религиозные философы приняли трактат Шпенглера с осторожностью. Если так можно сказать, с восторженной осторожностью. Даже Степун, внесший книгу Шпенглера в пространство русской культуры: «Я неожиданно получил из Германии первый том «Заката Европы», — вспоминал Степун. — Бердяев предложил мне прочесть о нем доклад на публичном заседании Религиозно-философской академии. Я с радостью согласился и с чувством пещерного жителя, к которому через узкую щель чудом проник утренний свет, принялся за изучение объемистого тома. Волнение, с которым я работал над Шпенглером в своем деревенском кабинете, и поныне каждый раз оживает во мне, как только я открываю “Закат Европы”. <...> Обдумывая доклад, я медленно ходил по саду и подолгу просиживал на скамейке в конце парка. <...> Неужели, — спрашивал я себя, — Шпенглер действительно прав, неужели к Европе и впрямь приближается смертный час? Но если так, то кто спасет Россию? Вместе с болью о России (повсюду горели имения, со злобой изничтожался сельскохозяйственный инвентарь, бессмысленно вырезывался племенной скот и растаскивались на топливо и цыгарки бесценные библиотеки) — росла в душе и тоска по Европе. Самый вид, самый запах полученной из вражеской Германии книги волновал каким-то почти поэтическим волнением»[5].

Прочитанные Степуном доклады инициировали интерес к книге немецкого мыслителя. Надо к этому добавить, что, по

справедливому замечанию современной исследовательницы, «сама идея заката Европы для русской мысли традиционно несла в себе множество самых противоречивых мировоззренческих и идеологических значений, связанных со сложным отношением к Западу. Вольно или невольно Шпенглер затронул одну из самых чувствительных струн русской души, тайно мечтавшей, как писал Мандельштам, о “прекращении истории в западном значении слова”»[6].

Но первое знакомство с текстом Шпенглера русской публики все же состоялось после лекций Степуна и сборника, им подготовленного: «Освальд Шпенглер и Закат Европы», в котором были опубликованы четыре статьи: «Освальд Шпенглер и Закат Европы» Федора Степуна; «Кризис Западной культуры» Семена Франка, «Предсмертные мысли Фауста» Николая Бердяева; «Непреодоленный рационализм» Якова Букшпана. Поэтому прежде всего знакомство со Шпенглером шло через этот вполне культуртрегерский сборник.

Статья Степуна, открывавшая сборник, начиналась словами: «Книга Шпенглера — не просто книга: не та штампованная форма, в которую ученые последних десятилетий привыкли сносить свои мертвые знания. Она создание если и не великого художника, то все же большого артиста. Образ совершенной книги Ницше иной раз как бы проносится над ее строками. В ней все, как требовал величайший писатель Германии, “лично пережито и выстрадано”. <...> Книга Шпенглера творение — следовательно, организм — следовательно, живое лицо. Выражение ее лица — выражение страдания»[7]. И далее, с уважением, но жестко русские мыслители доказывали, что говорить о гибели Запада пока не приходится, даже о гибели России не стоит думать.

Степун вспоминал: «Нет, — возражал я мысленно Шпенглеру, — подлинная, то есть христиански-гуманитарная культура Европы не погибнет, не погибнет уже потому, что, знаю, не погибнет та Россия, которая, по словам Герцена, на властный призыв Петра к европеизации уже через сто лет ответила гениальным явлением Пушкина. Самый факт быстрого расцвета русской культуры 19-го века, в результате встречи России с Западом в годы Отечественной войны, представлялся мне неопровержимым доказательством таящейся в Европе жизни. <...> Даже и большевизм не подрывал моего оптимизма, так как казался не столько русскою формою того рационального марксистского социализма, в котором Шпенглер усматривал симптом гибели Европы, сколько **скифским пожарищем**, в котором сгорал не семенной запас европейской культуры, а лишь отмолоченная солома буржуазно-социалистической идеологии»[8]. И далее, может, самое принципиально важное: «Не верил я в неиз-

бежную гибель Европы еще и потому, что ощущал историю не царством неизбежных законов, а миром свободы, греха и подвига»[9].

Похоже, что В.И. Ленин, сделавший сборник о Шпенглере отправной точкой для высылки в 1922 г. инакомыслящей интеллигенции из Советской России, о Шпенглере узнал именно из этого сборника. Если Шпенглер с гордостью и твердостью стоика говорил о закате Запада и о приходе новой цезаристской эпохи, то Ленин уловил из русского сборника о немецком культурфилософе, что тот страдает по поводу гибели Западной Европы. Поэтому Ленин, первый европейский Цезарь XX столетия, ликующим тоном утверждает все преимущество большевистского мировоззрения. 5 марта он написал на сборнике, что это «прикрытие белогвардейской организации»[10], а 5 мая, уже, как человек, проникнувший в суть дела, заявил в «Правде», обозвав в очередной раз русских интеллектуалов «образованными мещанами»: «Старая буржуазная и империалистская Европа, которая привыкла считать себя пупом земли, загнила и лопнула в первой империалистской бойне, как вонючий нарыв. Как бы ни хныкали по этому поводу Шпенглеры и все способные восторгаться (или хотя бы заниматься) им образованные мещане, но этот упадок старой Европы означает лишь один из эпизодов в истории падения мировой буржуазии, обожравшейся империалистским грабежом и угнетением большинства населения земли»[11]. А 15 мая, т. е. спустя два месяца, в Уголовный кодекс по предложению Ленина вносится положение о «высылке за границу». В результате секретных переговоров между вождем и «опричниками-чекистами» (Степун) был выработан план о высылке российских интеллектуалов на Запад[12]. Так антишпенглеровский сборник совершенно неожиданно «вывез» его авторов в Европу из «скифского пожарища».

Большевизм, строго говоря, был первым победившим в Европе «восстанием масс», уничтожившим элементы вестернизации в России. Не случайно накануне расцвета нацизма утвердились в той же Германии идеи *контрвестернизации*. Лидеры «консервативной революции» (Эрнст Юнгер и др.) требовали уничтожения индивидуалистического «западного» сознания в Германии, ибо это сознание низводит все великие *культуры* до *цивилизации*. Скажем, Шпенглер как представитель окраинной, менее западной страны, нежели другие европейские страны, был одним из вдохновителей, быть может, последней попытки Германии пойти своим особым, «немецким» путем. На почве *особых путей*, почве *отказа от общечеловеческих ценностей*, вырастали «волки площадей» — человеческие стаи, где определяющим составом становился «человек массы», описанный западными философами (Элиасом Канетти, Шпенглером, Ортегой-и-Гассетом, Романо Гвардини) как персонаж, определя-

ющий судьбу XX столетия. В 1950 г., еще полный переживания от недавнего господства фашистского машиноподобного человека в Германии, немецкий философ утверждал: «Масса в сегодняшнем смысле слова <...> — не множество неразвитых, но способных к развитию отдельных существ; она с самого начала подчинена другой структуре: нормирующему закону, образцом для которого служит функционирование машины. Таковы даже самые высокоразвитые индивиды массы. Более того, именно они отчетливо сознают этот свой характер, именно они формируют этос и стиль массы... <...> Применительно к этим людям нельзя больше говорить о личности и субъективности в прежнем смысле. Такой человек не устремляет свою волю на то, чтобы хранить самобытность и прожить жизнь по-своему. <...> Для него естественно встраиваться в организацию — эту форму массы — и повиноваться программе, ибо таким способом "человеку без личности" задается направление. Инстинктивное стремление этой человеческой структуры — прятать свою самобытность, оставаясь анонимным, словно в самобытности источник всякой несправедливости, зол и бед»[13].

Это положение дел вызывало у русских эмигрантов то настроение, которое гениально передала в своем трагическом стихотворении 1939 г. Марина Цветаева:

О, черная гора
Затмившая — весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет,

Отказываюсь — быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей
Отказываюсь выть.

Русские европейцы не приняли существующий кровавый мир во имя выработанной европейским гуманизмом идеи. Как это формулировал философ, «против фашизма и коммунизма мы защищаем вечную правду личности и ее свободы — прежде всего свободы духа»[14].

Пессимизм немецких культурфилософов был категорически не принят русскими мыслителями-эмигрантами, бежавшими от такого же почти, как и в Германии, «восстания масс», только из страны с еще большей традицией внеличностного, общинного состояния культуры. И именно они, понимая и говоря, что православие оказалось бессильно утвердить христианскую идею личности в России,

были глубоко убеждены в конечной победе христианского идеала личности. Ибо, как писал Г.П. Федотов, «в тех странах, которые сейчас являются ведущими в борьбе за демократию, христианские корни свободы еще живы; есть еще люди, способные умирать не только за родину, не только за равенство, но и за свободу»[15].

Подводя итоги страшной эпохи, Федор Степун писал: «Тотчас после Первой мировой войны на Востоке европейского континента началась новая <...> средневековая эпоха: безбожная и полная веры, насильственная и жертвенная, враждебная духу и вдохновляющая — она резко отличалась от мира XIX столетия. Навстречу большевистской идеократии поднялось на Западе содержательно враждебное, но по многим параметрам родственное структурно — “идеократическое” строение итальянского и немецкого фашизма»[16]. В книге «Незамеченное поколение», в главе «Погибшие за идею»[17] Владимир Варшавский назвал десятки (если не сотни) имен погибших участников Сопротивления — молодых русских эмигрантов, русских европейцев, выступивших на защиту Запада Европы от поразившей его болезни. Посмертно они получили ордена героев Сопротивления. Все-таки Степун был, похоже, прав, написав в полемике со Шпенглером: «Не верил я в неизбежную гибель Европы еще и потому, что ощущал историю не царством неизбежных законов, а миром свободы, греха и подвига».

Книга, которую он послал вместе с письмом Шпенглеру[18] в декабре 1933 г., рассказывала о России и ее трагической судьбе, о своих надеждах, о том, почему будущие герои слишком поздно поняли, что история, кроме объективных законов (к которым апеллировали большевики и идеологи консервативной революции, требовавшие от молодежи мужества в отстаивании идей «крови и почвы»), которым-де следуют массы, именуемые в эпохи глобального обмана «народом», — как писал Томас Манн, — дает возможность и личного выбора. И задача была в том, чтобы суметь удержаться на стоическом отказе от пути, которым шли массы. Ибо, как полагал Степун, большевизм был порождением народного безумия, которым просто воспользовались бесы, то есть большевики. То, что это — безумие, что нет надежды договориться с безумцами, поняли образованные слишком поздно, многие погибли в России, в борьбе, как всегда, неравной, но уцелевшие и успевшие уехать, потом, не щадя жизни, боролись в других европейских странах против того зла, от которого пала свобода их Родины.

Собственно, ответить на эту книгу Шпенглеру было нечего, поскольку он, как и марксисты, и нацисты, и фашисты, искал объективные данности, которые действовали поверх личностных стремлений простых людей. В том же 1933 г., в августе, он выпу-

стил книгу «Годы решений» («Jahre der Entscheidungen»), которую Степун не мог не прочитать. А Шпенглер там уже совсем открыто публицистически писал «История никогда не имела дела с человеческой логикой. Гроза, землетрясение, поток лавы, без разбора уничтожающие жизнь, родственны простым спонтанным событиям мировой истории»[19]. Это высказывание очень напоминает позицию Герцена, как человека, породившего Нечаева, прототипа русского, ленинского цезаризма: «Или вы не видите новых христиан, идущих строить, новых варваров, идущих разрушать? — Они готовы, они, как лава, тяжело шевелятся под землею, внутри гор. Когда настанет их час — Геркуланум и Помпея исчезнут, хорошее и дурное, правый и виноватый погибнут рядом. Это будет не суд, не расправа, а катаклизм, переворот...»[20]. Не случайно так любил Герцена Ленин, странно, что он не увидел в Шпенглере его немецкий извод. Шпенглер в отличие от Ленина откровенен: «Печальное шествие по пути совершенствования мира, со времен Руссо бредущее сквозь столетия и оставившее после себя — как единственную отметину своего существования — горы напечатанной бумаги, завершилось. На этой дороге появятся новые цезари. <...> Это и есть судьба»[21]. Античные герои, как и христианские герои, с судьбой спорили, пусть и погибая. Трагические герои, по Гегелю, двигали историю.

Русские философы видели будущее Европы иначе, они чувствовали неоднозначность, ширину и глубину европейской культурной истории. Поэтому в грядущем видели они не торжество цезарей, а торжество духовности. Семен Франк писал в этом сборнике про Шпенглера и Закат Европы: «Христианство оказывается у Шпенглера вообще отсутствующим в роли фактора, определяющего культуру. <...> Концепции Шпенглера мы можем здесь только противопоставить иное понимание истории западной культуры. <...> Сочетание величайшей духовной свободы с глубочайшей непосредственностью и органической укрепленностью в духовной почве, сочетание, которое изумляет нас в особенности в Данте и в Николае Кузанском, длилась недолго. По причинам, которые лежат в таких глубинах творящего духа, что их, быть может, вообще нельзя анализировать и выразить в определенных понятиях, эта великая попытка *не удается*. В глубинах духа совершается какой-то надлом; он отрывается от корней, прикрепляющих его к его духовной почве, связывающих его с объединяющим центром духовного света. <...> Таким образом, несомненная “гибель западной культуры” есть для нас гибель лишь одного ее *течения*, хотя и объемлющего несколько веков. Это есть конец того, что зовется “новой историей”. Но этот конец есть вместе с тем и начало, эта смерть есть одновременно рождение. <...> Старое “возрождение” изжито

и умирает, уступая место *новому возрождению*. Человечество — вдалеке от шума исторических событий — накопляет силы и духовные навыки для великого дела, начатого Данте и Николаем Кузанским и неудавшегося, благодаря роковой исторической ошибке или слабости их преемников. То, что переживает в духовном смысле Европа, есть не гибель западной культуры, а глубочайший ее кризис, в котором одни великие силы отмирают, а другие нарождаются»[22].

В посланной Шпенглеру книге Степун все-таки тоже уповает на христианство, а также на интеллигенцию (на «образованных, знающих»). Он писал здесь о «христианской истине, которую предала Россия, о гуманистической свободе, которую не смогла усвоить Россия», однако, добавлял он, «было бы малодушием потерять надежду на победу образованных. Было бы при этом легкомыслием не видеть, что шансы на борьбу у невежественных больше. <...> Не в последнюю очередь потому, что вся христианская Европа потеряла себя, спеша по направлению к темным[23] (средневековым. — *В.К.*) горизонтам»[24]. Но идеи христианства и гуманизма совсем не входили в концепт Шпенглера, видевшего в СССР восстановление монгольского ханства[25], а потому ожидавшего, что «легионы Цезарей снова выйдут на сцену. <...> Перед этими решениями цели понятия сегодняшней политики совершенно ничтожны. Господином мира будет тот, чей меч завоюет победу»[26]. Разумеется, ответа быть не могло. Позиция Степуна была слишком прекраснодушна для Шпенглера, который был, по слову Томаса Манна, «всего лишь фаталистичен»[27]. Скрытого мужества книги Степуна, рассказавшего о причинах большевистской диктатуры[28], немецкий философ не оценил, вероятно, и не мог оценить.

---

[1] *Манн Т.* Об учении Шпенглера // *Манн Т.* Собр. соч. в 10 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1960. С. 613.

[2] *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. Образ и действительность. Новосибирск: Наука, 1993. С. 37.

[3] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. В 2 т. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. Т. II. С. 275.

[4] *Бердяев Н.А.* Предсмертные мысли Фауста // Освальд Шпенглер и Закат Европы. М.: Берег, 1922. С. 61. Кстати, спустя годы, уже в эмиграции, Бердяев общался со Шпенглером, но отозвался о нем весьма нелестно: «Однажды я встретился в Берлине и со Шпенглером, но встреча не произвела на меня впечатления. Внешность его мне показалась очень буржуазной» (*Бердяев Н.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. С. 291). Это, разумеется, не более, чем штрих. Бердяев, как известно, был капризен в общении. Но штрих характерный. От Шпенглера, даже от его внешности, ожидалось нечто необычное.

[5] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. В 2 т. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. Т. II. С. 275—276.

[6] *Тиме Г.А.* Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX—XX веков. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 249.

[7] *Степун Ф.* Освальд Шпенглер и Закат Европы // Освальд Шпенглер и Закат Европы. М.: Берег, 1922. С. 5.

[8] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. В 2-х т. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. Т. II. С. 277. Выделено мной. — *В.К.*
[9] Там же.
[10] *Ленин В.И.* П. с. с. Т. 54. С. 198.
[11] *Ленин В.И.* К десятилетнему юбилею «Правды» // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 174.
[12] Подробнее о механизме и идейных обоснованиях этой акции см.: *Коган Л.А.* «Выслать за границу безжалостно» (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 61—84.
[13] *Гвардини Р.* Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 145.
[14] *Федотов Г.П.* Новый Град // *Федотов Г.П.* Россия, Европа и мы. Paris: YMKA-PRESS, 1973. С. 139.
[15] *Федотов Г.П.* Рождение свободы // *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. В 2 т. Т. 2. СПб., 1992. С. 275.
[16] *Stepun F.* Der Bolschewismus und die christliche Existenz. Munchen: Kosel Verlag, 1962. S. 19.
[17] *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь, 2010. С. 261—302.
[18] Книга имела несколько рецензий в эмигрантской прессе. См., например: *Бицилли П.М. Stepun Fedor.* Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern; Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934 // Современные записки, 1934, № 56. С. 436—438; *Г.Ф. (Федотов Г.П.*). *Stepun Fedor.* Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern/Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934 // Новый град. Париж. 1934. № 9. С. 94—95.
[19] *Шпенглер О.* Годы решений. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 30.
[20] *Герцен А. И.* С того берега // *Герцен А.И.* Собр. соч. В 30 т. Т. VI. М.: АН СССР, 1955. С. 52.
[21] *Шпенглер О.* Годы решений. С. 31.
[22] *Франк С.Л.* Кризис Западной культуры // Освальд Шпенглер и Закат Европы. М.: Берег, 1922. С. 50—54.
[23] dunkel — темный, но в культурфилософском контексте может значить также «средневековый», имеются в виду «темные века». Если вспомнить книгу Н.А. Бердяева «Новое средневековье», то смысл фразы Степуна становится очевидным.
[24] *Stepun F.* Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern; Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934. S. 94.
[25] «Большевистская власть не является государством в нашем смысле, каким была петровская Русь. Она состоит, как Золотая Орда времен монгольского владычества, из правящей орды, называемой коммунистической партией, с главарями и всемогущим ханом и почти в сто раз большей угнетенной, безоружной массы. От настоящего марксизма, кроме названия и программ, здесь осталось очень мало. На самом деле это татарский абсолютизм, подстрекающий и использующий в своих целях весь мир, угрожающий границам, будь то даже границы предостерегающие, лукавый, жестокий, прибегающий к убийству как повседневному средству управления» (*Шпенглер О.* Указ. соч. С. 66). Поразительно, насколько внятно изложил здесь Шпенглер программу евразийцев, будто бы незнакомых с его концепцией, только его восприятие современной «монгольской орды» резко отрицательное, в отличие от евразийского.
[26] *Шпенглер О.* Указ. соч. С. 205.
[27] *Манн Т.* Об учении Шпенглера. С. 613.
[28] Вот что писал об этом анализе Федотов: «Большевизм для автора есть “псевдоморфоза”, или отрицательная форма этой русской религиозности. В анализе русской революции и особенно идей ленинизма, которому посвящена вторая часть, Степун вполне оригинален и вполне свободен от возможного упрека в схематизме. Убийственно вскрыты все парадоксы марксизма в крестьянской революции, дана мастерскими штрихами философия революции, как таковой, с ее гибелью

реакционных и революционных идеологий, и даже нарисован конкретный образ большевистской диктатуры первых лет, беспощадный и правдивый» (*Г.Ф. Stepun Fedor*. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern; Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934 // Новый град. Париж, 1934. № 9. С. 94).

Письмо[1] Шпенглеру[2]

Проф., д-р. Ф. Степун
Дрезден, 16 декабря 1933.
Шнорштр<acce> 80

Глубокоуважаемый господин д-р Шпенглер[3],

Совсем недавно в издательстве «Готтхельф» (Gotthelf-Verlag) вышла моя маленькая книжечка с названием «Лик России и лицо революции» («Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution»)[4]. Она небольшая и представляет собой лишь расширенный доклад. Издательство известило меня о том, что ему было бы очень важно получить Ваше письменное суждение (о том, что таковое мне еще важней, — говорить не нужно) и, поэтому, я обращаюсь к Вам с просьбой, если у Вас будет возможность, пролистать 100 страниц текста и отписать мне о нем пару слов. Обычно я так не поступаю, но в данном случае позволю себе отступить от моего правила.

Во-первых, потому, что я в высшей степени ценю Вас как мыслителя и автора, не смотря на мою иную точку зрения (зимой 1919/20 годов в голодающей и замерзающей Москве я прочитал четыре доклада о Вашем «Закате», который прослушало более 2000 человек. Книга о Вас, составленная Бердяевым, Франком и мною[5], тиражом в 10000 экземпляров была раскуплена в Москве и Петербурге).

Во-вторых: потому, что я думаю, мое понимание предмета может Вас заинтересовать. Я пережил революцию в России и был выслан лишь в 1922 г.[6]

В-третьих: потому, что моя книга открывает «серию религиозных русских»[7]. От ее успеха зависит многое в деле распространения русской культуры в Германии. Поэтому я считаю своим долгом от имени остальных участников русской серии обратиться к Вам с просьбой дать Вашу оценку.

С выражением моего совершенного почтения, преданный Вам Ваш

д-р Федор Степун

Профессор социологии отделения научного исследования культуры Дрезденской Высшей технической школы.

---

[1] Bayerische Staatsbibliothek. München. Archiv von Oswald Spengler. Signatur: Ann 533. Обнаружено, скопировано и передано публикатору Ростиславом Гергелем. Перевод на русский его же.

[2] Немецкий оригинал:
Prof. Dr. Stepun
Dresden, den 16. Dezember 1933
Schnorstr. 80.
Sehr geehrter Herr Dr. Spengler,
Im Gotthelf-Verlag ist eben ein kleines Büchlein von mir unter dem Titel «Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution» erschienen. Es ist ganz kurz, ist eigentlich nur ein ausgebauter Vortrag. Der Verlag schreibt an mich, es wäre ihm sehr wesentlich von Ihnen ein Urteil schriftlich zu erhalten (dass mir ein solches Urteil noch wichtiger ist — brauche ich wohl nicht zu sagen) und so wende ich mich an Sie mit der Bitte, wenn es Ihnen irgendwie möglich ist, die Schrift von 100 Seiten durchzublättern und mir zwei Worte darüber zu schreiben. An und für sich tue ich so etwas nicht. In dem vorliegenden Falle glaube ich aber von meiner Regel abweichen zu dürfen.

Erstens, weil ich Sie als Denker und Schriftsteller, trotz meiner anderen Standpunktes, überaus schätze (ich habe im Winter 1919/20 über Ihren «Untergang» im hungerden und frierenden Moskau 4 Vorträge gehalten, die von über 2.000 Mensche gehört worden sind. Ein Buch über Sie, mit Beiträgen von Berdiajew, Frank und mir, ist daraufhin in 2 Monaten in 10.000 Exemplaren in Moskau und Petersburg ausverkauft worden).

Zweitens, weil ich der Meinung bin, dass meine Auffassung der Dinge Sie interessieren dürfte. Ich habe die Revolution sehr intensiv in Russland erlebt, bin erst 1922 ausgewiesen worden.

Drittens, weil mein Buch als N. 1 einer «Reihe religiöser Russen» erschienen ist. Von dem Erfolg dieser ersten Schrift hängt für die Verbreitung des russischen Gedankens in Deutschland sehr viel ab. Ich halte es darum für meine Pflicht, mich im Namen der anderen Mitarbeiter der russischen Reihe an Sie zu wenden und Sie um Ihr Urteil zu bitten.

Mit dem Ausdruck meiner vorzüglichen Hochachtung, bin ich Ihr Ihnen sehr ergebener

Dr. Fedor Stepun. Professor für Soziologie an der Kulturwissenschaftlichen Abteilung der Dresdner Technischen Hochschule.

[3] Ответ не сохранился (если был). Рецензия Шпенглера составителю также неизвестна.

[4] Интересно, что на книге Степуна («Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution») стоит дата издания 1934 г. Но, как часто бывает, издатель обозначает следующим годом выходящие накануне в декабре книги. Для нас тут существенно отметить, что посылка этой книги Шпенглеру была моментальной реакцией Степуна сразу по выходе издания.

[5] Речь идет о сборнике: Освальд Шпенглер и Закат Европы. М.: Берег, 1922. Сборник назван по названию статьи Степуна, открывающей книгу. На сборник была рецензия в Париже: *Шлецер Б.* Закат Европы // Современные записки. 1922. № 12. С. 344.

[6] Причиной высылки послужил как раз этот сборник о Шпенглере, на котором Ленин написал: «литературное прикрытие белогвардейской организации» (*Ленин В.И.* П. с. с. Т. 54. С. 198). И предложил чекистам подумать о внесении в Уголовный кодекс положения о высылке за границу инакомыслящих.

[7] На титуле стоит: «Reihe religiöser Russen. Band 1». Как известно из переписки русских философов-эмигрантов, действительно, должна была быть издана серия русских религиозных мыслителей — Д. Чижевского, С. Франка, Г. Федотова и т. д. Но осуществилось только издание книги Степуна.

Перевод с немецкого языка Ростислава Гергеля
под редакцией В.К. Кантора
Предисловие, публикация и комментарии В.К. Кантора

Часть вторая

Раздел I
Русским философам

Русские европейцы на Западе
Письма Ф.А. Степуна к Г.П. Федотову и В.В. Вейдле

Поразительно, насколько интенсифицировалась интеллектуальная жизнь русских изгнанников. История словно в очередной раз поставила свой эксперимент: сохраняется ли в изгнании сила и дух мыслителей и поэтов. Это уже бывало не раз: от Данте до Герцена. Русские мыслители, вышвырнутые за пределы той культуры, внутри которой они дышали, оказались в каком-то смысле в безвоздушном пространстве. Надо было создавать воздух, придумывать машины по его выработке. Они были словно в некоей реторте, но наблюдал за ними разве что Бог, они были малоинтересны западным европейцам. Приходилось тянуть внутренние связи, искать тех людей на Западе, которые все еще продолжали любить русскую культуру. Но главная задача — создать собственные духовные центры, не политические просто, а именно центры, где может возгоняться дух.

У эмиграции была миссия, как это отчетливо выговорил Иван Бунин. В отличие от всех прочих эмиграций, существовавших доселе, *в изгнании по сути дела оказалась маленькая страна*: «Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов»[1], — писал Бунин. И спрашивал: «В чем наша миссия, чьи мы делегаты? От чьего имени дано нам действовать и представительствовать? Поистине действовали мы, несмотря на все наши человеческие падения и слабости, от имени нашего Божеского образа и подобия. И еще — от имени России: не той, что предала Христа за тридцать сребренников, за разрешение на грабеж и убийство и погрязла в мерзости всяческих злодеяний и всяческой нравственной проказы, а России другой, подъяремной, страждущей... <...> А кроме того есть еще нечто, что гораздо больше даже и России, и особенно ее материальных интересов. Это — Бог и моя душа»[2].

Эта внутренняя сосредоточенность и стала предпосылкой тех духовных открытий, что как бы концентрировали все те пред-

посылки рождения русской философии, проявившиеся в эпоху Серебряного века. Почти все самые значительные свои работы русские философы написали в эмиграции. Это и С.Л. Франк, и Н.А. Бердяев, и Ф.А. Степун, и Г.П. Федотов, и И.А. Ильин, и В.В. Вейдле. Впрочем, они и сами это понимали. Б.П. Вышеславцев писал: «Русские философы и ученые, оказавшиеся за границей, продолжали здесь свою научно-философскую деятельность и здесь, в сущности, создали свои наиболее ученые и зрелые труды»[3]. Разумеется, была внутренняя эмиграции, тексты свои писавшая в стол, причем разных философских ориентаций. Скажем, с одной стороны можно назвать П.А. Флоренского, с другой Г.Г. Шпета. Часто кажется, что теперь, когда мы знаем их тексты, мы просто можем продолжить их открытия, встроившись в прерванную традицию. Вряд ли это возможно. Конечно, есть некая структурообразующая русской мысли, проявлявшаяся в разные эпохи. Но не надо забывать, что в данном случае речь идет о таком уровне духовного напряжения, которое рождается определенной социально-исторической ситуацией. Так что стоит говорить не о продолжении, а о внимательном и тщательном усвоении того опыта, который и формировал русскую мысль Зарубежья. Этот опыт должен дополнять наш собственный, создавая некое новое единство.

Очень спокойно и трезво возражает современная исследовательница тем, кто полагает, что в эпоху философского Ренессанса начала XX века «философская Русь <...> успела взлететь в своем мыслительном восхождении высоко-высоко над землей. Поэтому, когда открылась возможность вернуться, довольно долго думали, что нам остается только найти точку прерывания, продолжить оттуда траекторию интеллектуального движения, и связь с русской философской традицией возобновится». Однако, продолжает Т.Г. Щедрина, специфика русского философствования «в том, что мысли не дали раскрыться в полную силу, не дали полностью выйти из “ученичества”. <...> Русская мысль была прервана на взлете, она только-только начинала свое саморефлексивное восхождение. <...> Прерванный полет русской интеллектуальной традиции — это ее недосказанность, требующая внимательного прочтения, актуализации и проблемного исследования»[4].

Как можно погрузиться в ту эпоху, когда и в самом деле на земле установился ад, когда каждый мыслящий человек вынужден был стать Данте, чтобы пройти этими кругами и осмыслить их? Предельное напряжение жизни рождало предельное напряжение мысли. В стихотворении «Перед зеркалом» В. Ходасевич абсолютно гениально описал это духовное смятение русского эмигранта:

Впрочем — так и всегда на средине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины — к причине,
А глядишь — заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами, -
Только есть одиночество — в раме
Говорящего правду стекла.

18—23 июля 1924, Париж

Вергилия, действительно, не было. Приходилось брести ощупью, наугад, поддерживая друг друга. Наверно никогда люди не писали столько писем. Обсуждения заслуживало все: идеи, статьи, проблемы публикаций (это для пишущих людей было самое важное), ибо хотелось донести до мира свой опыт. Эмигрантская переписка огромна. Мне уже приходилось писать, что эмигрант — это, как правило, человек междумирья. Он поневоле живет в положении постоянного сравнения отечественной культуры и той, которая приютила его. Причем трудность его ситуации тем больше, когда он не добровольный эмигрант, а изгнанник. Возможно, такая жизнь в позиции «находимости-вненаходимости», которая характерна для великих художников[5], обостряла остроту зрения и мысли и у людей, попавших в чужой мир и вынужденных к тому же полагаться только на себя. Остроту как по отношению к покинутой Родине, так и по отношению к стране-приюту. Это, кстати, тоже объясняет повышенный сегодняшний интерес к духовным открытиям русской эмиграции. И не только к опубликованным ими в эмиграции текстам, но и к дневникам и переписке. Действительно, порой оценка общественной и духовной ситуации, звучащая в переписке, дает историку мысли весьма много поводов для размышлений и понимания.

Конечно, определение «чужой мир» не вполне подходит для русских писателей и мыслителей, изгнанных большевиками в 1922 г. за рубеж, в Западную Европу. Стоит отметить, что все они в молодости прошли учение в Европе, прежде всего в Германии. В 30—40-е годы XIX века русские студенты, желая повысить свой уровень, ездили учиться в немецкие университеты. Потом некоторое затишье в этом германском влиянии, пока русские вместе со всей Европой не увлеклись идеями Маркса, Ницше, Маха. В русской мысли произошел тогда своеобразный немецкий ренессанс. В 1890 г. С.Н. Трубецкой писал брату Е.Н.: «Не бойся

писать, но написавши проверь свой труд в Германии. А то нет ничего опаснее этого чисто субъективного, безапелляционного творчества без всякой другой поверки кроме книг, которые под конец и читаешь-то под субъективным углом зрения. У нас кто за что взялся, тот в том и специалист. <...> Здесь научная жизнь имеет общественный характер, существует *наука* как живая общественная инстанция. И поверка этого коллективного сознания необходима; в каждом дельном ученом немце ты увидишь члена этой живучей умственной корпорации и если ты захочешь учиться, то почувствуешь ее отрезвляющее действие. Я испытал это уже отчасти»[6].

В передовой статье в «Логосе» 1910 г. Федор Степун писал, что немецкая философия играет в Новое время ту роль, какую играла греческая философия в Античности. Цитирую: «Мы по-прежнему, желая быть философами, должны быть западниками. Мы должны признать, что как бы значительны и интересны ни были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимущественно немецкая»[7]. Классическая немецкая философия продуцировала идеи и методы по всему миру. Продолжу цитирование Степуна: «Это доказывает не столько сама современная немецкая философия, сколько тот несомненный факт, что все современные оригинальные и значительные явления философской мысли других народов носят на себе явный отпечаток влияния немецкого идеализма; и обратно, все попытки философского творчества, игнорирующие это наследство, вряд ли могут быть признаны безусловно значительными и действительно плодотворными. А потому, лишь усвоив это наследство, сможем и мы уверенно пойти дальше»[8].

В Хайдельберге он учился вместе с С. Гессеном, Н. Бубновым и другими русскими студентами. Степун слушал лекции Виндельбанда[9], который преподал ему первый урок о разности подхода немцев и русских к высшим вопросам бытия («разность наших духоустремлений», как назвал это Степун). Молодой студент «приехал в Европу разгадывать загадки мира и жизни»[10], он требовал от профессора личного соучастия в вопросах о Боге, бессмертии и т. д., но Виндельбанд, «ласково улыбнувшись мне своею умно-проницательною улыбкою, <...> ответил, что <...> у него, конечно, есть свой ответ, но это уже его “частная метафизика” (Privatmetaphysik), его личная вера, не могущая быть предметом семинарских занятий»[11]. Степун во многом усвоил эти уроки. Сошлюсь на слова Л. Зандера: «В структуре его души и творчества европейская и в частности германская традиция имеют огромное значение и можно сказать определяют собой

его духовный лик. Он — европеец в лучшем смысле этого слова, он — представитель западной культуры, западного трудолюбия, западной честности и ответственности, и эта печать лежит на всем, что он делал, говорил и писал»[12]. Потом при помощи Г. Риккерта Степун вместе с русскими и немецкими друзьями организовали международный философский журнал «Логос». В журнале печатались Зиммель, Риккерт, Гуссерль. Сам он писал о немецких романтиках, Фридрихе Шлегеле, Рильке. Это был период, когда Степун считал основной своей задачей усвоить русской философии немецкие идеи последних лет, полагая в этом фактор европеизации России. Сам Степун был типичный «русский европеец», как определял русского мыслителя его ученик профессор А. Штаммлер.

Друг его юных лет Л. Зандер писал уже в конце жизни Степуна об этом увлечении русских философов Германией: «В этой нашей устремленности к культуре был однако один большой пробел, вернее односторонность. Европа являлась нам в своем немецком аспекте; Германия была для нас не только представительницей Европы, но едва ли не заслоняла собою другие лики Европы — французский, английский, итальянский, испанский — не менее значительные, чем германский. Эта аберрация была очень распространенной; как на пример ее укажем на описку такого глубокого ума, как о. Сергия (тогда профессора Сергея Николаевича) Булгакова. В своем предисловии к “Свету Невечернему” он пишет: “С тех пор, как Петр прорубил свое окно в Германию...” (sic!) и далее сетует на “засилие” Германии над русской душой. И правда — все мы ехали учиться в Германию, все мы увлекались неокантианством; и никто не думал и даже не знал имен Леона Блуа, Шарля Пеги, Маритена...»[13]

Но призыв учиться у Германии, как некогда средневековая Европа училась у древних греков, вызвал резкое возмущение у славянофильски ориентированных русских мыслителей. Отстаивание немецкого принципа философствования в тот момент, когда шла война с Германией, когда, по выражению Владимира Эрна, «время славянофильствовало», а движение немецкой культуры шло «от Канта к Круппу» (Эрн), требовало определенной стойкости. Не забудем, правда, и того, что Степун в отличие от «патриотических философов», был в действующей армии на германском фронте как русский прапорщик-артиллерист. Впоследствии в нацистской Германии это будет поставлено ему в вину.

Разве что такую же позицию, как у Степуна, можно найти у великой русской поэтессы Марины Цветаевой, писавшей в декабре 1914 г.:

Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый Vaterland,
Где всё еще по Кёнигсбергу
Проходит узколицый Кант.
«Германии»

Затем пришла эпоха двух революций, когда разрушение России происходило под прикрытием марксистских тезисов. Степун и здесь не сдает позиций, отвергая вину немецкой философии в происходящем: «Совсем не марксисты <...> большинство низовых советских администраторов, из которых многие помешаны на имени Карла Маркса, но из которых никто, конечно, никакого Маркса не знает, уже хотя бы уже по одному тому, что он совсем не понятен вне Гегеля, манчестерства и тысячи других весьма сложных вещей»[14]. Более того, он и в социализме, как порождении европейской культуры, не видит вины: «Из того, что заболевшая грехом революции Россия, не переставая бредила социализмом, право, нельзя делать выводы, что она осуществила его»[15].

Тем не менее, русские мыслители были изгнаны из объявившей себя социалистической России в Германию по договоренности с германским министерством иностранных дел, с которым у большевиков были тайные связи. Вряд ли изгнанники думали об этом, но они очень хотели передать свой невероятный для начала XX века духовный опыт приютившей их стране. Стоит привести слова, которыми С. Франк завершил свою книгу «Крушение кумиров»: «Великая мировая смута нашего времени совершается все же недаром, есть не мучительное топтание человечества на одном месте, не бессмысленное нагромождение бесцельных зверств, мерзостей и страданий. Это есть тяжкий путь чистилища, проходимый современным человечеством; и может быть, не будет самомнением вера, что мы, русские, побывавшие уже в глубинах ада, вкусившие, как никто, все горькие плоды поклонения мерзости Вавилонской, первыми пройдем через это чистилище и поможем и другим найти путь к духовному воскресенью»[16]. Беда была в том, что никто не хотел их слушать. Они не искали доходов и денег, нищая жизнь, скажем, Франка слишком известна[17], они хотели быть востребованными как идеологи. Но Европа русским опытом пренебрегла, пока не свалилась в кошмар нацизма.

А русский опыт был очень важен. Интересно, что, пройдя, как Данте, сквозь ад, русские мыслители чувствовали себя взрослее своих вчерашних учителей, даже в интонации их рассуждений о Германии чувствуется отныне некая снисходительность взрослых по отношению к детям. Степун пишет о России, обращаясь к ев-

ропейцам, одна из его книг выходит по-немецки, и здесь существенно отметить, что с этого момента Степун еще начинает восприниматься не только как русский, но и как немецкий писатель.

Конечно, поначалу Степун не думал еще о наступавшем на Германию новом движении, которое многие сравнивали с большевизмом, а многие видели в нем защиту от «советизации» немецкого государства. Недавно об этом написал немецкий историк Эрнст Нольте. Степуна волновали проблемы покинутой им России, бытовые проблемы, воспоминания о прошлом, а также налаживание контактов с эмигрантскими журналами и издательствами[18].

Но уже в статье 1932 г. он настроен совсем пессимистически: «Натиск двуединого красно-черного фашизма, правда, отбит, но предаваться ликованию демократии не приходится. <...> Потому, что национал-социализм, у которого за душою нет ни одной разумной и практически выполнимой политической мысли, вырос вдвое. <...> Почему зрелой германской демократии так трудно дается борьба с национал-социализмом? Ответ только один: потому что у национал-социалистов есть свой человек, резко оформленный целостным национал-социалистическим миросозерцанием. Потому что на их **страшных** собраниях есть **свой** дух, потому что им удаются народные празднества»[21].

Он полагал, что, несмотря на самообольщение молодых национал-социалистов о возврате страны в Средневековье (христианское по своей сути), на самом деле Германия прыгнула в новое варварство. Степун вспоминает предание, что, «когда германцы крестились, они высовывали из реки руку, в кулаке которой был зажат меч». И добавляет, что *идеократический монтаж Гитлера* с утверждением свастики вместо креста, германской крови вместо крови крестной, ненавистью к немецкой классической философии, к «лучшим немцам типа Лессинга и Гёте» *родился «не в немецкой голове, а в некрещенном германском кулаке»*[22] (курсив мой. — *В.К.*). Как профессор он это говорил своим студентам, противопоставляя нацизму классическую немецкую философию.

Наконец, его позиция вызвала то, что должна была вызвать — возмущение нацистских чиновников от образования, на него поступил донос, и он был изгнан из Дрезденской высшей технической школы. Сам он так откомментировал свое изгнание в письме к Кульману: «В школе весь семестр шли неприятности, которые к концу завершились моим удалением в отставку. Удален я внешне по весьма приличному параграфу, гласящему “об упрощении управления”, но за этим нейтральным термином кроются другие мотивы, выяснившиеся в моей переписке с министерством. Был я уволен, в сущности, по двум мотивам. Во-первых, за христиан-

ский антирасизм, во-вторых, за русскость, не позволяющую меня рубрицировать как “заграничного немца”, вернее, как члена заграничной немецкой колонии»[23]. Жизнь его стала не очень предсказуемой, что он и сам понимал, замечая в письме к тому же адресату: «Ты сам лучше меня знаешь, что жизнь в Германии для такого человека, как я, вызывает ощущение пациента, у которого на рту лежит маска с хлороформом. Дышать трудно, предчувствуешь операцию и спрашиваешь себя по Кирке Гаардт, что это кризис — к смерти или к избавлению»[24].

Он действительно выжил чудом. Имел все предпосылки погибнуть от нацистов, но не погиб. Потом в день, когда англичане свирепо разбомбили Дрезден, не щадя мирных жителей, дом Степуна был полностью уничтожен, там погибли его архивы и годами собиравшаяся им библиотека. Но он и его жена в эти дни были за городом — и уцелели[25]. Катастрофа была серьезная, но «любимец Фортуны», как иногда называли Степуна, в эти годы написал свои шедевр — свои мемуары, рукопись была с ним, и тоже уцелела. Но одновременно с этой страшной бомбардировкой стало понятно, что война подходит к концу, а вместе с этим приходит конец нацизму.

Все эти годы «русские европейцы», бывшие в эмиграции, так или иначе поддерживали друг друга. Необходимо, мне кажется, подчеркнуть, что термин «русские европейцы» объединял людей, во многом не согласных друг с другом. Но их позиции как бы корреспондировали, дополняли друг друга, сходясь в главном — в вере в европейскую судьбу России. Их сравнивали и западные авторы, находя много общего. Так, в рецензии на книгу Степуна «Большевизм и христианская экзистенция» («Der Bolschewismus und die christliche Existenz»), сравнивая ее с книгой Вейдле «Россия: верный и неверный путь» («Russland — Weg und Abweg», Deutsche Verlagsanstalt, Stuttgart), немецкий публицист писал: «Степун считает Россию не аванпостом Азии, а, напротив, точкой опоры Европы в Азии. Он согласен с Вейдле, когда тот пишет: “В мире духовного Россия находится на обочине Европы, в мире действительного — Европа на обочине России”. Тот, кто представляет себе политическо-военно-экономическую карту нашей части света, приходит к неприятному выводу, что существование Европы очень сильно зависит от того, что Россия и Америка сделают из своего европейского наследия»[26].

С Вейдле Степун придерживался некоей дистанции, не был так близко знаком, как с Федотовым, соредактором по «Новому Граду». О Федотове написал впоследствии немало теплых и проникновенных строк. Определяя его талант, он нашел удивитель-

но точные слова: «Покойный Федотов был <...> одним из самых талантливых последователей Достоевского. Свои мысли о России он последовательно раскрывал в образах русских людей и русской истории, правильно чувствуя, что художественно-интуитивное созерцание мира ведет к более глубокому постижению его, чем то доступно научно-рационалистическому познанию»[27]. Он посвятил соратнику монографическую статью, из которой, однако, выясняется, что, несмотря на восхищение талантом Федотова, он понимал разницу их позиций. Это видно даже в его удивительно точной и любовной характеристике: «Среди наиболее крупных и значительных людей, перешедших от марксизма к Церкви, Федотов занимает, как мне кажется, совершенно особое место. Читая Бердяева, Булгакова, Франка или Струве, чувствуешь, что, придя к вере, они отошли от своего прошлого, претворили его в своем новом религиозно-философском утверждении веры и Церкви. Федотов единственный, который, придя в Церковь, не отказался от своего интеллигентски-революционного прошлого. Читая его, иной раз видишь перед собой типичного русского интеллигента-радикала марксистского толка, поселившегося в келье старца, и в этом не чувствуется раздвоение личности, а как бы религиозная двухполюсность ее»[28]. Он даже вынужден оговориться: «Моя характеристика федотовского творчества отнюдь не означает отрицательного отношения к нему. Наоборот: первая же прочитанная мною статья Федотова превратила меня в его поклонника, каким я поныне и остался. Только что перечитав почти все работы Федотова, я с новою силой почувствовал, до чего меня волнуют его образы и его ритм, его мысли и его двусмысленности, его страстность и его пристрастия. Все же скажу: чтобы с пользою читать Федотова, надо научиться его читать, что невозможно, если не найти ключа к стилистике его творчества»[29].

Надо сказать, что Степун при этом оставался как бы центром философско-издательских попыток своих друзей, абсолютно бескорыстно помогая им с публикациями в Германии. Он писал издателю Х. Пешке о Вейдле, о Федотове, которые жили вне пределов Германии. Скажем, Федотова он характеризует таким образом, что издатель не может не прислушаться к его словам. Вот отрывок из его письма Пешке от 08.04.1948 г.: «Я бы Вам рекомендовал обратить внимание на блестящего ученого и писателя — проф. Федотова в Нью-Йорке. Он пишет хорошо и много в русском нью-йоркском журнале, и я полагаю, что Вы хорошо бы сделали, если бы несколько его статей просто перевели бы. Сегодня я очень спешу, но охотно готов в следующий раз обстоятельнее рассказать Вам о публикациях Федотова последнего времени»[30].

И закономерно, что изгнанный в Германию мыслитель, в годы, когда на России и русской культуре ставили крест, ведет проповедь русской культуры, ее высших достижений, объясняя Западу специфику и особенности России. В 1952 г. он писал Б.П. Вышеславцеву: «Что сказать о себе? Как и все, мы всё потеряли в Дрездене. Если что и жалко, то только русскую библиотеку, которая мне сейчас была бы особенно нужна, так как я получил в Мюнхене профессуру по истории русской культуры (Russische Geistesgeschichte). Этим летом исполняется уже два года моей мюнхенской деятельности. Интерес к России очень велик»[31]. Он понимал, что как России нельзя без Запада, так и Западу нельзя без России, что только вместе они составляют то сложное и противоречивое целое, которое называется Европой. Степун и его друзья по эмиграции все свои силы направляли на то, чтобы фашизирующаяся Европа вернулась к своим базовым христианским ценностям, иными словами, говоря, быть может, немножко торжественно, но точно, желали спасти Европу. Не случайно одна из эмигрантских писательниц, знавшая Степуна, именно в этом регистре его и воспринимала: «Что заставляло меня верить, что Европа, вопреки всему, что случилось, зиждется на камне?» И ответ поразителен: «Там был Ф.А.Степун. Монолит, магнит, маяк. Атлас, державший на своих плечах две культуры — русскую и западноевропейскую, посредником между которыми он всю свою жизнь и был. Пока есть такой Атлас, Европа не сгинет, устоит»[32].

Архивная переписка показывает напряженность не бытовой, а духовной жизни русской эмиграции, тех русских мыслителей, которые, по слову поэта,

Не кормились — писали,
Не о муках — о деле.

Наум Коржавин

И пафос бытия русских изгнанников, отразившийся в стиле их жизни и отношений, показывает, на мой взгляд, публикуемая переписка.

---

[1] *Бунин И.А.* Миссия русской эмиграции // *Бунин И.А.* Великий дурман. М.: Совершенно секретно, 1997. С. 127.

[2] Там же. С. 128—129, 134.

[3] *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии // *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного эроса. М.: Республика,1994. С. 158.

[4] *Щедрина Т.Г.* Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М.: РОССПЭН, 2008. С. 108.

[5] Не могу здесь не согласиться с весьма точным наблюдением Николая Вильмонта: «Вторжение инородного начала (расового или культурно-сословного) обычно только и делает большого человека полновластным хозяином национальной

культуры. Тому первый пример — Пушкин, потомок “арапа Петра Великого” и правнук Христины фон Шеберх...» (*Вильмонт Н.* О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли. М.: Советский писатель, 1989. С. 49.).

[6] Из переписки князей С.Н. и Е.Н. Трубецких (публикация Н.В. Котрелева) // Вопросы философии. 2007. № 11. С. 96.

[7] *Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 798.

[8] Там же.

[9] У Виндельбанда позже, в 1913 г., занимался и близкий Степуну Лев Зандер.

[10] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. (I— II). London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. T. I. C. 104.

[11] Там же. С. 105.

[12] *Зандер Л.* О Ф.А. Степуне и о некоторых его книгах // Мосты. 1963. № 10. С. 322.

[13] Там же. С. 321.

[14] *Степун Ф.А.* Мысли о России. Очерк VI. (Большой смысл и малые смыслы. Коммунистическая идеология и советская литература. Эмигранты и большевики) // *Степун Ф.А.* Сочинения / Составление, вступительная статья, примечания и библиография *В.К. Кантора.* М.: РОССПЭН, 2000. С. 284.

[15] *Степун Ф.А.* Мысли о России. Очерк IX. (Национально-религиозные основы большевизма: большевизм и Россия, большевизм и социализм; социалистическая идея и социалистическая идеология. Маркс, Бланки, Бакунин, Ткачев, Нечаев Ленин) // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 338.

[16] *Франк С.Л.* Крушение кумиров // *Франк С.Л.* Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 180.

[17] Сын Франка вспоминал: «Свои лучшие труды он создал именно на чужбине, в труднейших бытовых условиях и, большею частью, в полном духовном одиночестве» (*Франк В.С.* Семен Людвигович Франк. 1877—1950 // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка. Мюнхен, 1954. С. 3).

[18] Германия, как видел он, в растерянности. В 1924 г. он публикует статью, описывая свои впечатления от немецкой современности, сравнивая со своим студенческим прошлым. Конечно, первым показателем для него явилась жизнь университетских городков, а в них — жизнь вчерашних его преподавателей. Он посещает Хайдельберг, про который говорит, что это не город, а баллада, вспоминает В. Виндельбанда, А. Дитриха, Г. Еллинека, то есть обучавших его профессоров, и сравнивает их тогдашнюю жизнь с тем, как теперь живут немецкие профессора: «Очень изменилась жизнь студентов, не менее изменилась и жизнь профессоров. Во все профессорские дома вошла скучная, унылая, будничная нужда. <...> Холодная передняя, холодный коридор. В холодной квартире две-три отапливаемые комнаты. Маленькая печка, сверлящая жаром в спину, но не согревающая ног. По ногам ходит стужа — дует от окон и из-под дверей. К обеду и ужину почти не приглашают. Приглашают или к чаю, или после ужина. Иногда в последнем случае добавляют «aber bitte nur halb angegessen», — это значит, или будет холодный рис с сиропом, или вынесут бутерброды на маргарине. Все это производит очень тягостное впечатление. Пожалуй, более тяжелое, чем в России».

[21] *Степун Ф.* Третья Россия (*рец.*) // Новый град. 1932. № 3. С. 81.

[22] *Степун Ф.А.* Письма из Германии. (Национал-социалисты) // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 900.

[23] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.

[24] Там же.

[25] Как сказал в юбилейной речи («Речь о Степуне») Д.И. Чижевский: «К концу войны враждебный Степуну огненный элемент превратил в развалины его город — Дрезден. Степун спасся почти случайно — во время одной поездки ему после небольшого “несчастного случая”, оказавшегося счастливым, не удалось вернуться домой в Дрезден. Потом возвращаться оказалось некуда! И поток жиз-

ни вынес его в любящий искусство город на берег Изара, где мы празднуем его 80-летний юбилей» (*Степун Ф.* Встречи. М.: Аграф, 1998. С. 250).

[26] Рецензия была опубликована в дюссельдорфской газете «Полдень» — Dusseldorf, («Der Mittag»), 31.10.1959.

[27] *Степун Ф.А.* «Новоградские» размышления // *Степун Ф.А.* Чаемая Россия. СПб.: РХГИ, 1999. С. 314. H{UB

[28] *Степун Ф.А.* Г.П. Федотов // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 749.

[29] Там же. С. 754—755.

[30] Deutsches Literatuearchiv Marbach a. N., Handschriften-Abteilung. Перевод с немецкого мой.

[31] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Vysheslavtsev. Box 1. Stepun, Fedor Avgustovich. To Boris Petrovich Vysheslavtsev.

[32] *Жиглевич Е.* На путях эмигрантских. Безмолвные встречи со Степуном // *Степун Ф.* Встречи и размышления. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. С. 30—31.

Ф.А. Степун
Письма Г.П. Федотову*

1[1]

Dresden, 17-го ноября 1928 г.

Многоуважаемый Георгий Петрович,

Большое спасибо за присылку вашей книги[2]. Конечно, Илья Исидорович[3] насильник большой, т. е. не столько он, сколько его энтузиазм. Все же мысль о переводе Вашей работы на немецкий язык не была им внушена мне, а пришла мне самому в голову в связи с полученным мною письмом, в котором некий Кресслинг (переводчик Булгакова) сообщил мне, что вскоре в Дрездене будет известный Вам, вероятно, Рейхель. Рейхель уже и раньше советовался со мною по поводу переводов русских работ на немецкий яз. Правда, Рейхель пока у меня не был, но все же я думаю, что издать Вашу книгу по-немецки надлежало бы. Основная трудность в том, чтобы найти переводчика, который стал бы переводить пока что задаром, в твердой уверенности, что книга до своего издателя дойдет. Читал я Вашу статью «Революция идет». В ней очень много интересного и поучительного. Мечтаю, что она появится в «Совр<еменных>. Зап<исках>»[4]. Есть в ней, правда, места весьма затруднительные для рядового интеллигентски-демократического сознания. Все же, мне кажется, что между Вами и редакцией «Совр<еменных>. Зап<исок>» никаких непреодолимых разногласий нет. У Ильи Исидоровича есть блестящая мысль, мысль о том, чтобы Вы написали у нас большую статью о современной советской литературе. Надеюсь, что Вы за эту работу возьметесь. Она очень важна и увлекательна. Привет Вам от Натальи Николаевны и меня.

Преданный Вам *Федор Степун*

[1] Текст рукописный.
[2] В этом году Федотов выпустил книгу «Святой Филипп, митрополит Московский». Париж: YMCA-PRESS, 1928.
[3] Имеется в виду *Илья Исидорович Фондаминский*.
[4] Статья была опубликована: Современные записки. Париж, 1929. № 39. С. 306—359.

* Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Fedotov. Stepun, Fedor Avgustovich. To Georgij Petrovich Fedotov

2[1]

Dresden, 27 января 1934 г.

Дорогой Георгий Петрович,

Вильгельма Гейне[2] я очень хорошо знаю. Никакого основания переводить Вашу книжку он не имеет. Человек он недостаточно образованный, философскими и религиозными интересами не живущий и с издательским миром не связанный. Думаю, что решил он переводить на авось, рассчитывая, быть может, что-нибудь подработать. Вашего письма я ему поэтому не передавал. Предлагаю Вам написать ему, чтобы он обратился ко мне, я ему сообщу сущую правду, что я веду переговоры с «Gotthelfverlag'ом»[3] о переводе Вашей книги[4], и чтобы в случае удачи, на которую я твердо рассчитываю, я дам переводить книгу под моей редакцией опытному и уже имеющемуся у меня переводчику. Так мы дело, я думаю, благополучно рассосем. По существу же мои переговоры со Швейцарией касательно Вашей книги еще не очень продвинулись. Пока они выпускают «Человека» Бердяева[5], затем Булгакова «Христологию»[6]. Приняли, кажется, твердо «Сковороду» Чижевского[7], ведут переговоры со Штейнбергом[8] о выпуске в сильно сокращенном виде его «Системы свободы у Достоевского». Предложил я им еще и небольшую книгу Франка, за которую он только что садится[9]. Я видел его в Берлине, говорил с ним, и по моим представлениям, он хочет сформулировать систему своей религиозной философии, систему негативного богословия на православной почве. Против всего этого плана ничего иметь нельзя, я его всячески поддерживаю, но в последнем письме в издательство написал, что после Булгакова следовало бы пустить Вас, как автора способного по своему писательскому дарованию захватить более широкие круги немецкой и швейцарской публики. Посоветовал я издать и «Есть и будем»[10], как книгу, затрагивающую все острые и живые вопросы современной русской жизни на той религиозной и научной глубине, вне связи с которой они не разрешимы. О переводчике Вы не беспокойтесь. Если удастся провести книгу, то я переводчика найду и за переводом послежу.

Что моя книга[11] Вам понравилась, доставило мне большое внутреннее удовлетворение. Хотел бы знать, удержалось ли Ваше благоприятное впечатление до конца. Что касается первой части, то она написана не столько мною, как Бунаковым и Вами[12]. Во всяком случае, поскольку она представляет собою не историко-философскую конструкцию, а историческую живопись. Мне принадлежит по существу лишь вторая часть, т. е. построение идеи революции и переключение ленинского интернационализма в на-

циональную тональность. Буду очень рад, если Вам удастся издать ее по-французски. Так как лик революции написан вприглядку и на европейские события, то книга может быть интересной и для французов. Я пишу об этом еще и Бердяеву, у которого, думается, тоже есть связи. Говорить об этом, конечно, еще рано, но все же уже сейчас хочу просить в случае, если бы дело удалось, найти абсолютно первоклассного переводчика, ибо я очень долго и страстно работал над ее языком.

Жалею, что Вы страдаете, как и Илья, эпистолофобией. Я в последнее время очень страдаю от чувства нашей бездеятельности и нашего бессилия. Мне кажется, что эмиграция консолидируется на каких-то фашистских основаниях, что по всему пореволюционному фронту намечается водораздел религиозно-этического сознания и звериной бессознательности, что сейчас необходимо откликаться на все вопросы и бороться за каждую отдельную, в своем маленьком кругу ведущую человеческую личность. Грустно, что наша прошлогодняя атака Праги осталась без последствий. Обо всем этом хотелось бы слышать Ваше мнение, хотелось бы знать, есть ли у нас еще аудитория в Париже. С удовольствием написал бы Вам обо всем этом подробно, если бы Вы могли писать обстоятельные письма. Всего хорошего, сердечный привет от нас обоих Вам и Нине Николаевне[13], и дочке тоже.

Ваш *Ф. Степ.*

---

[1] Текст письма рукописный.

[2] Личность не установлена.

[3] Речь идет о цюрихском издательстве Gotthelf-Verlag, специализировавшемся на книгах, посвященных вопросам морали и религии.

[4] Точно сказать, о какой книге Федотова писал Степун, затруднительно. Ближайших по времени к этому письму было две: 1. И есть, и будет. (Размышления о России и революции). Париж: YMCA-PRESS, 1932; 2. Социальное значение христианства. Париж: YMCA-PRESS, 1933.

[5] Речь идет о книге: *Бердяев Н.А.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки , 1931.

[6] Возможно, речь идет о начатой С.Н. Булгаковым трилогии: О Богочеловечестве. Трилогия («Агнец Божий», 1933; «Утешитель», 1936; «Невеста Агнца», 1945).

[7] Эта книга в результате вышла по-украински в Варшаве: Философия Г.С. Сковороди. Праці українского наукового інституту. XXIV. Серія філологічна. 1. Варшава. 224 с.

[8] *Аарон Захарович Штейнберг* (1891—1975) — эмигрант, исследователь творчества Достоевского, много писал о еврейской культуре и судьбе еврейства в России. Штейнберг принадлежал в равной степени к еврейской и русской культуре. Упоминаемая книга «Система свободы у Достоевского» (Берлин, 1923) была переведена на немецкий. Очевидно, Степун запамятовал о русском первоисточнике и читал ее уже по-немецки, поскольку в 1962 г. он упомянул о «замечательной книге» Штайнберга, «по-русски, кажется, не вышедшей» (*Степун Ф.А.* Миросозерцание Достоевского // *Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 643). Не случайно он называет здесь статью Штейнберга «Идея свободы у Достоевско-

го», что является прямым переводом названия немецкой книги: *Steinberg A.S.* Die Idee der Freiheit. Ein Dostojewskij-Buch. Luzern: Vita Nova Verlag, 1936. 159 p. Сам Штейнберг о появлении этой книги на немецком языке вспоминал, что перевод и издание его книги были сделаны по настоянию и при постоянной поддержке Карсавина: «Я всецело обязан Карсавину тем, что моя книга о Достоевском на немецком языке вышла в швейцарском издательстве. Лев Платонович, несмотря на то, что было трудно найти переводчика, нашел его и непосредственно оказывал на него давление каждый раз, когда приезжал из Парижа в Берлин в течение почти двух с половиной лет. Он интересовался и занимался этим, прямо как своим собственным делом» (*Штейнберг А.З.* Лев Платонович Карсавин // *Карсавин Л.П.* Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 1994. С. 491).

[9] Видимо, из этого замысла вырос основной религиозно-философский трактат С.Л. Франка «Непостижимое», опубликованный: Париж: Дом книги и Современные записки, 1939.

[10] Степун ошибся в названии. Правильно: И есть, и будет. (Размышления о России и революции). Париж: YMCA-PRESS, 1932.

[11] *Stepun F.* Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern; Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934.

[12] Имеются в виду общие всем «новоградцам» идеи.

[13] Правильно: Елене Николаевне (жена Г.П. Федотова, урожденная Нечаева).

3[1]

Dresden, 2-го июня 1935 г.

Дорогой Георгий Петрович,

я очень виноват перед Вами, что по возвращении из Швейцарии не написал Вам сразу же о моем разговоре с Люцом[2], руководителем того издательства, в котором выходит серия русских религиозных мыслителей. Моя вина отчасти смягчается тем, что, расставаясь со мною, Lutz сказал, что сразу же напишет в Париж Lieb'у[3] и Бердяеву о нашем с ним сговоре приступить к изданию Вашей книги. То, что Вы узнали о таковом плане Lutz'а только от Федоровского, а не от Николая Александровича — меня несколько смущает, как смущает и то обстоятельство, что на мое письмо, касательно Вашей книги, отправленное мною недели две тому назад Lutz'у, я все еще не получил ответа. Должен сказать, что Lutz вообще производит несколько странное и в каком-то смысле не совсем серьезное впечатление. Дело, значит, было так: во время своего швейцарского турне (я прочел целых 14 лекций в 10 городах) я посетил, конечно, и Lutz'а и имел с ним долгую и обстоятельную беседу о нашей издательской деятельности. Так как ему с первым № серии, т. е. с моей книгой[4] (за Вашу дружескую и блестящую рецензию[5] приношу Вам свою запоздалую, но искреннюю благодарность) повезло (книга выходит в английском, французском и, вероятно, итальянском переводе), то он был весьма предприимчив. Во время нашей беседы он сам выразил, на мой взгляд, вполне правильную мысль, что после моего анализа

большевизма, а также и в связи с двумя книгами о большевизме Бердяева (Vita nova Verlag) надо дать швейцарскому читателю углубленное представление о православно-русской религиозности. На этом повороте его мысли я и предложил ему Вашу книгу о русских святых[6]. Мысль ему страшно понравилась и мы с ним дело принципиально покончили. Я должен был Вам предложить дать книгу на 200—250 страниц, содержащую ряд жизнеописаний русских святых, наиболее крупных, типичных и разных. Lutz'у представлялось необходимым написать к этим жизнеописаниям обстоятельное религиозно-психологическое и историко-философское введение с указанием типических черт русской святости в отличие от католической. Сейчас об этом подробно писать не буду, но мне кажется, что для успеха дела было бы важно переработать Вашу русскую книгу; дать меньшее количество имен и образов, но зато более обстоятельно изобразить жизнь и подвиг тех немногих святых, на которых Вы остановите свой выбор. Я лично был бы и за то, чтобы освятить[7] не первые столетия, а последующие, начав с Сергия Радонежского и кончив Серафимом Саровским, а может быть, даже и Иоанном Кронштадтским, хотя он и не канонизирован. Для всех иностранцев «Святая Русь» важна сейчас не как древность и история, а как дыхание новой жизни. Святой — как современник, или как почти современник, вот, что для них совершенно невозможно. В возможности чего их нужно убедить. Таковы были мои разговоры с Lutz'ом. Мы расстались на том, что дело кончено и что рукопись Ваша принята, независимо от того, понравится ли она Lutz'у. На этом последнем условии я особенно настаивал, понимая, что писать на авось Вам будет очень тяжело. Предполагали мы, что Вы к концу сентября сдадите рукопись уже в немецком переводе, и что книга выйдет в начале ноября. Ответственность за перевод я взял на себя.

В Берлине я встретил совершенно голодных Федоровских, которым, рассказывая о Швейцарии, сообщил и о Вашей книжке. Они схватились за мысль ее перевода на немецкий язык. Я согласился в принципе. Думаю, что, как люди серьезные, философски образованные и уже долго живущие в Германии, они справятся с задачей хорошо. Конечно, я попросил бы дать себе перевод первой главы, и, конечно, лишь просмотрев его, дал бы свое окончательное согласие.

В заключение я должен сказать, что хотя мною все было окончательно улажено и устроено, я в данную минуту имею какое-то ощущение неуверенности. Боюсь, не передумал ли Lutz, боюсь, есть ли у него деньги. Как только получу ответ, напишу Вам. Бердяев в июле выходит. Он уже всюду публикуется. Я получил в

большом количестве подписные листы. Постараюсь сделать все, что могу, хотя боюсь, что помешает запрещение последней книжки Николая Александровича в Германии.

19-го июня 1935 г.

С ужасом убеждаюсь, что между началом этого письма и его продолжением прошло целых две недели, даже больше. Как они пролетели, и сказать не могу. Дело в том, что 27-го наше соловьевское общество устраивает в пользу церкви, и потому на немецком языке большой литературно-музыкальный вечер. Надеюсь на приличный доход, а то церковь у нас тут совсем погибает. Но проведение такого вечера требует громадного напряжения сил и заполняет дни страшною суетою. Простите, пожалуйста, этот долгий перерыв.

Что касается «Нового града», то я считаю необходимым напрячь все силы и продолжать начатое дело. Внутренних трудностей я не вижу. Линия взята нами правильная. Внутренне мы все больше сходимся и объединяемся. Развитие как культурное, так и политическое, как в России, так и в Европе подтверждает, по-моему, правильность взятой нами линии. Группа наша имеет в своем распоряжении достаточное количество и знаний, и способностей, чтобы вести большое дело. Моя последняя швейцарская поездка убедила меня, что наши русские мысли являются всеевропейски значительными принципами. Из всего этого следует, что все наши трудности — трудности внешнего порядка. Нам нужны деньги и аппарат. Вопрос — можно ли найти первое и создать второе. Деньги найти, по-моему, можно. И у меня, и у Бунакова, и у Кульманов, думаю, есть возможности добыть небольшие начальные деньги, чтобы выпустить десятый №. Все дело только в том, чтобы выпущенный № не остался бы на книжных полках, а дошел бы до читателей. Это дохождение почему-то нам не удается, и не удается не только нам, но и «Современным запискам». Я не раз убеждался, что люди не подписываются просто потому, что они не знают о существовании журнала, что они не знают, как переслать за границу деньги, главное же, я убеждался, что экспедиция «Нового града» не высылает книг по сообщенным ей адресам. Мы неизбежно погибнем, если не найдем настоящего технического организатора, который был бы связан с представителями «Нов. гр.» в разных странах, которые держали бы в свою очередь связь с наиболее живыми людьми своих стран. Думаю, что отец Александр Рубец[8] в Стокгольме мог бы взять на себя распространение нашего журнала в скандинавских странах, в Брно мог бы кое-что делать секретарь движения Виссарионов[9], в Швейцарии надо серьезно запрячь Марию Михайловну Кульман, в Германии скорее

всего Федоровский[10]. Есть под Берлином молодые и очень талантливые ученые Чарапкин и Тимофеев[11], которые нам сочувствуют и, собирая у себя наиболее ценных людей Берлина, могут нам помочь. Правда, они несколько более крест-российского[12] и евразийского толка, а потому подчас наводят на нас серьезную критику. Я об этом подробно писал Илюше, но он тогда отмахнулся, написав мне, что берлинские настроения не характерны. Думаю, что он не прав. Сейчас Тимофеевская группа предлагает нам слиться. Они хотели бы участвовать в журнале и распространять его и как свой орган. Но они придали бы ему несколько геополитический и экономический характер. Люди они церковные и очень определенно примыкают к Сергиевской советской церкви. Илюша должен был со всеми представителями вести неустанную переписку. Всем нам надо объезжать паству и, главным образом, паству лимитрофную. Без такой планомерной работы ничего не выйдет. Если она не возможна, то лучше отказаться от журнала и издавать солидные сборники, серьезно разрабатывающие основные проблемы мирового и российского положения.

8-го июля, 5 г.

Вот уже снова прошло три недели с тех пор, как писал Вам. 27-го июня прошел с успехом наш соловьевский вечер (день русской культуры). Несмотря на 30º жары было 500 человек. Доход только еще подсчитывается, но уже ясно, что он превысит 500 марок. 50 % мы передаем церкви, но на остальные можно было бы прекрасно выпустить десятый №, если бы у нас была иная культурно-политическая конъюнктура в русской колонии. Но все же я надежды не теряю.

С большим удовольствием и с полным согласием прочел Вашу статью в последнем № Совр<еменных> зап<исок>[13]. Я давно думаю и утверждаю, что нашим реальным эмигрантским делом и подвигом может быть только культурное творчество, одновременно традиционно упроченное и пророчески к будущему обращенное. Важно найти только какой-то новый действенный стиль и тон этого творчества. Я сейчас много думаю над темой заказанной мне в Швейцарии книжки о самоутверждении Европы и чувствую, что надо писать не так, как большинство писало раньше. Книжка, которая способна захватить людей пореволюционного сознания, должна быть относительно краткой, очень четкой и исполненной быстрого поступательного движения. Я сам лично не люблю или, по крайней мере, не в первую очередь люблю волю. В воле есть что-то глупое, потому что воля всегда верит в какой-то исход. Но современный человек этой вульгарности и глупости воли не чувствует, как он не чувствует

своеобразной мудрости растерянного чувства и безысходной грусти. В новой Германии совсем нет скорбных людей и скорбящих глаз; есть радостные, бодрые, волевые, ясные и жестокие глаза; есть также растерянные, испуганные, злые, замученные, но скорбных нет. Я думаю, что к Новому граду надо найти какой-то волевой стиль слова и мысли, если мы хотим влиять. В своих лекциях я, кажется, коечто нашел, но пишу еще слишком лично и тонко. Думаю, что моей статьи о Белом молодым людям уже не понять. Может быть, хотя это и очень прискорбно, сейчас надо как-то сознательно отделять в себе свое словесное творчество от культурно-политической службы устным и письменным словом. Обо всем этом очень хотелось бы и с Вами, и со всем нашим кругом поподробнее поговорить. Бог даст, мы с Вами как-нибудь все же увидимся.

В свое время крестроссы[14] очень интересовались Вами и все мечтали выписать Вас в Прагу. О том же самом еще больше мечтаем и мы, новоградцы. Я сейчас очень отрезан от внешней эмигрантской жизни и не представляю себе, возможна ли в принципе Ваша поездка в Прагу или в Прибалтику, куда меня очень приглашали два года тому назад. Если бы такая возможность была, мы с Нат. Ник. были бы очень рады, если бы Вы некоторое время прожили у нас. Я сейчас чувствую глубокое духовное одиночество и почти полную отрезанность от России, так как здешняя русская колония отчасти мало духовна, а отчасти гораздо ближе Германии, чем России. Ехать же в Париж пока еще трудно.

Если бы мог еще долго писать Вам, то охотно побеседовал бы на затронутую Вами в статье тему о международности науки и о чужой языковой форме. В этом семестре у меня был очень интересный и высококачественный профессорский семинар на тему о национальных миросозерцательных и религиозных предпосылках «международной по самой идее» науки, в котором я весьма нападал на эту международность и доказывал, что на пути к этой международности стоит прежде всего языковая форма. Я очень долго практически разрешал для себя эту проблему и пришел к убеждению, что даже мне, действительно знающему немецкий язык, не просто переходить с русского на немецкий. Если мои последние немецкие книги о театре и о русской революции словесно удались, то только потому, что они являются совершенно вольными переводами-переделками русских книг. Все эти мысли меня очень остро волновали и на протяжении всего моего летнего курса, в котором была целая глава, посвященная социологии языка. Приезжайте, обо всем этом мы с Вами поговорим.

Пока кончаю. От швейцарца Лутца за все это время не поступило ни строчки по поводу Вашей книги. Он мне присылает свои

издательские проспекты, рецензии на мою книгу, но писать — ничего не пишет. Решительно происходит нечто загадочное. На днях пишу ему снова. Чижевский свою книгу взял у него обратно[15]. Вам и Елене Николаевне[16] наш самый душевный привет.

Искренне Ваш *Ф. Ст.*

---

[1] Текст письма рукописный. Это большое письмо, как видно по датам внутри текста, писалось больше месяца.

[2] *Эрнст Лутц* (*Ernst Lutz*) — ответственный редактор швейцарского издательства Gotthelf-Verlag, где через посредство Ф. Либа готовилась «Серия религиозных русских» («Reihe religiöser Russen»).

[3] Имеется в виду швейцарский протестантский теолог *Фриц Либ* (*Fritz Lieb*; 1892—1970). Был близок и с Бердяевым, и Степуном. Профессор в Бонне (1930—1933). После прихода к власти нацистов был выслан из Германии, с 1937 — профессор в Базеле.

[4] *Stepun F.* Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern; Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934.

[5] Рецензия Георгия Федотова, отражающая взаимопонимание двух русских мыслителей была опубликована в журнале «Новый град». Париж, 1934. № 9. С. 94—95. В ней он писал: «Это небольшая, блестяще написанная книжечка двояким образом связана с “Новым Градом”: именем автора, одного из его редакторов, и той общностью историко-философских идей, которая его связывает с двумя другими. Об этой связи свидетельствуют и цитаты из их книг в первых главах, дающих схематический портрет старой России: природа, крестьянство, интеллигенция, монархия. Но и здесь, конечно, вклад самого автора весьма значителен, и русский читатель узнает многое из “Мыслей о России”, печатавшихся годами в “Современных Записках”. Такова основная степуновская интуиция русской религиозности, которая непосредственно связывается им с созерцанием русской земли: как бесконечность (максимализм) и бесформенность (варварство). Большевизм для автора есть “псевдоморфоза”, или отрицательная форма этой русской религиозности. В анализе русской революции и особенно идей ленинизма, которому посвящена вторая часть, Степун вполне оригинален и вполне свободен от возможного упрека в схематизме. Убийственно вскрыты все парадоксы марксизма в крестьянской революции, дана мастерскими штрихами философия революции, как таковой, с ее гибелью реакционных и революционных идеологий, и даже нарисован конкретный образ большевистской диктатуры первых лет, беспощадный и правдивый. Ярко вскрытые безумия и мнимость революции, как идеологии, не отбрасывают автора в контрреволюционный стан. По-новоградски он борется против большевизма и слева и справа за новую Россию, трезвую и очищенную страданием, призванную к “примирению идей” на почве, удобренной пеплом “идеологий”. Нужно ли говорить о мастерстве, с которым написана книга? Тем из наших читателей, кто знает лишь русского Степуна, скажем, что, по-видимому, немецкий язык дает полную меру всех возможностей его стиля. Этот пьянящий кубок, где философские абстракции играют и искрятся с легкостью, не отнимающей ничего у глубокой, порой трагической серьезности, только и возможен для языка Гёте и Ницше. Степун владеет им, как артист и как мыслитель». Как видим, Федотов во много согласился с самооценкой Степуна из предыдущего письма по поводу этой книги.

[6] Речь идет о книге Г.П. Федотова «Святые древней Руси». Париж: YMCA-PRESS, 1931.

[7] У Степуна именно так!

[8] *Протоиерей Александр Рубец* (*Рубец Александр Александрович*; 1882—1956).

В 1918 г. эмигрировал в Швецию. Профессор русского языка и литературы Упсальского университета и Правительственной гимназии в Стокгольме, затем Стокгольмского университета.

[9] *Виссарионов А.С.* В эмиграции в Чехословакии. Доктор медицины. Один из организаторов и руководителей кружков Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Словакии (Брно, Худобин и др.).

[10] Личность не установлена.

[11] Вероятно, речь идет о *Н.В. Тимофееве-Ресовском* (Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович (1900—1981), российский биолог, генетик, один из основоположников популяционной и радиационной генетик, в Германии возглавлял отдел в Институте мозга) и его соавторе Л.С. Царапкине. После войны оба были арестованы НКВД и осуждены как невозвращенцы, приговорены к работам в ГУЛАГе (1946—1954).

[12] Имеется в виду организация «Крестьянская Россия — Трудовая Крестьянская Партия» (ТКП), существовала с 1921 г. до 1939 г.

[13] Речь идет о статье «Новый идол»: Современные записки. Париж, 1935. № 57. С. 397—411.

[14] Крестьянская партия.

[15] Очевидно, речь о книге Д.И. Чижевского о Сковороде.

[16] Жена Федотова.

4[1]

1-го июля 1949 г.

München 27. Mauerkircherstr. 52

Дорогой Георгий Петрович,

уже давно собираюсь написать Вам и думаю — скоро соберусь. Об очень многом хотелось бы поговорить, отчасти и в связи с Вашими статьями в «Новом журнале», который я всегда читаю с величайшим удовольствием, но не всегда с абсолютным согласием, хотя в общем наши точки зрения в основном совпадают. Сейчас пишу Вам по конкретному поводу, хочу просить у Вас покровительства нашему другу и моему слушателю Петру Александровичу Муравьеву. О себе, своих разочарованиях в мюнхенской эмиграции и о своих надеждах на Америку он расскажет Вам сам. Я же хочу лишь рекомендовать Вам его, как горячего и талантливого человека.

Наташа и я шлем Вам и Вашей жене наши самые сердечные приветы.

Ваш *Федор Степун*

[1] Текст письма рукописный

Публикация и комментарии В.К. Кантора

Ф.А. Степун[*]
Письма к В.В. Вейдле[**]

1

25-го июля 1949 г.

Prof. Fedor Stepun, München 27, Manerkirchesstr.

Дорогой Владимир Васильевич,

Высланные Вам книги Вы, надеюсь, получили. Надеюсь и на то, что Вы уже успели хотя бы заглянуть в них.

Недавно были у нас парижане: Зеньковский[1], Шмеман[2], Зандер[3] и Морозов. Лев Александрович обеспокоил меня сообщением, что ИМКА в принципе издает лишь книги, еще не напечатанные на каком-нибудь другом языке. В связи с этим известием спешу сообщить Вам, написанные мною по-русски Воспоминания я должен был выпустить в немецком переводе[4], хотя бы уже потому, что мне решительно нечем было жить. Лишенный по политическим соображениям кафедры уже в 37 году, я после переезда из Дрездена в Баварию перестал получать и ту жалкую пенсию, которую мне выплачивали, пока я жил в Саксонии. Немедленный аванс под Воспоминания был для меня единственным выходом. Может быть, вы сочтете правильным сообщить об этом Дональду Ивановичу[5]. В разговоре с ним было бы, быть может, правильно упомянуть и о том, что я был лишен кафедры, во-первых, за русский национализм[6], во-вторых, за «практикующее» христианство и, в-третьих, за семитофильство[7], на что у меня есть письменные доказательства. Говорю об этом лишь потому, что боюсь, как бы даже и меня не заподозрили в коллабораторстве. Я не знаю ближе Дональд Ивановича, но знаю многих американцев, страдающих коллобораторским психозом.

Знаю от Пешке[8], что в 17 ном. Меркура[9] появится Ваша статья о Пушкине[10], которую жду с нетерпением. Думаю, что Вы могли бы интенсивировать Вашу писательскую работу в немецких журналах. Как-никак они весьма прилично платят. Французы же, кажется, весьма скупо.

Вчера был у нас Роман Борисович Гуль[11], с которым много говорили о парижских делах. Слышно, что у вас подготовляется

[*] Данная работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-03-00064а)

[**] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Weidle.Box 3. Stepun, Fedor Avgustovich. To Weidle, Wladimir

большая общественно-литературная газета, которую будет редактировать, кажется, Алданов, а политически лидировать Екатерина Дмитриевна Кускова[12]. Боюсь, что выйдет немножко лебедь и щука. Не дай Бог, если присосется еще и какой-нибудь рак.

Спасибо за Ваше интересное письмо. Буду очень рад, если как-нибудь при случае еще напишете. Мне тут во всех отношениях хорошо, но все же я испытываю некоторое одиночество, так как в Дипийной[13] жизни почти не участвую — есть в ней страшноватые черты, а из своих людей здесь почти никого нет, кроме Галины Николаевны, сестры очаровательного Габричевского[14], и, пожалуй, еще Цурикова[15], милого, но несколько провинциального русского барина, для которого весь мир клином сошелся на разногласии Струве и Милюкова. По нашим временам, маловато.

Шлю самый сердечный привет.

Искренно преданный Вам

Федор Степун

P. S. В июне — я, конечно, выслал русский оригинал. Но он, хоть и напечатан на машинке, трудно читается. Много карандашных исправлений и вставок[16].

---

[1] *Василий Васильевич Зеньковский* (1881—1962) — философ, богослов, публицист, мемуарист. Эмигрировал в 1920 г. С 1926 г. — в Париже. Самый известный его труд — «История русской философии» (Париж, 1948—1950).

[2] *Протопресвитер Александр Шмеман* (*Шмеман Александр Дмитриевич*; 1921—1983).

[3] *Лев Александрович Зандер* (19.02.1893—17.12.1964) — философ, религиозный мыслитель, видный деятель экуменического движения. Родился в Петербурге в семье придворного врача императорской фамилии. Со Степуном познакомился в Германии, где занимался философией под руководством Виндельбанда в Хайдельбергском университете (как и Степун) до начала Первой мировой войны. Один из создателей Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД) в 1922 г. в Праге. Заведовал библиотекой президента Масарика. В 1923 г. переехал в Париж, где читал лекции по философии для русских эмигрантов. Автор большой и весьма значительной статьи о творчестве Степуна: *Зандер Л.* О Ф.А. Степуне и о некоторых его книгах // Мосты. 1963. № 10.

[4] Vergangenes und Unvergängliche. Drei Bände. Im Kösel-Verlag zu München.

[5] *Дональд Иванович Лаури* (Donald Lowrie; 1899—1974) был чистопородным американцем. Один из руководителей издательства «Имка-Пресс». Будучи американцем, он использовал свои связи с американским YMCA и добился для русских крупной материальной помощи из Америки.

[6] В доносе 1937 г. говорилось: «Степун, несмотря на свое немецкое происхождение, не может рассматриваться как “зарубежный немец” (Auslandsdeutcher), его близость с русскостью (Russentum) много теснее, нежели с немецкостью (Deutschentum). Он сам определяет себя как немецкого русского, но во всяком случае нигде не исповедует своей немецкости. Его близость к русскости выясняется и из того, что он русифицировал свое исходно немецкое имя Фридрих Степпун (Steppuhn), получил русское гражданство и в исполнение соответствующих гражданских обязанностей сражался в русском войске против Германии, а также женился на русской. Также будучи немецким чиновником чувствовал он и далее свою связь с русскостью и в дрезденской русской эмигрантской колонии

играл выдающуюся роль прежде всего как председатель общества Владимира Соловьева» (*Treiber H.* Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903—1955). Über Freundschaft- und Spätbürgertreffen in einer deutschen Kleinstadt // Treiber Hubert, Sauerland K. (Hrsg.). Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. *Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes»: 1850—1950.* Opladen: Wesdeutscher Verlag GmbH, 1995. S. 97—98).

[7] В том же доносе весьма забавно Степун обвинялся в том, что он должен бы был переменить свои взгляды «на основании параграфов 4-го или 6-го известного закона 1933 г. о переориентации профессионального чиновничества. Эта переориентация не была им исполнена, хотя прежде всего должно было ожидать, что как профессор Степун определится по отношению к национал-социалистическому государству и построит правильно свою деятельность. Но Степун с тех пор не предпринял никакого серьезного усилия по позитивному отношению к национал-социализму. Степун многократно в своих лекциях отрицал взгляды национал-социализма прежде всего по отношению к целостности национал-социалистической идеи как и к значению расового вопроса, точно так же и по отношению к еврейскому вопросу, в частности важному для критики большевизма» (Ibidem. S. 98).

[8] *Hans Paeschke* — издатель и редактор журнала «Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäischen Denkens». Степун состоял с ним в переписке. Опубликовал там статью о Бердяеве: Nikolaj Berdjajew // Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäischen Denkens. 1940. Jahrg. III. H. 10. S. 953—969. В письме к Пешке от 26 августа 1949 г. советовал для написания статьи о Вячеславе Иванове «обратиться в Париж к Вейдле, который у Вас уже писал о Пушкине. Вейдле невероятно образованный человек, хороший знаток русского символизма и очень элегантный, может быть, даже слишком элегантный писатель» (Deutsches Literatuearchiv Marbach a. N., Handschriften-Abteilung). Перевод на русский мой.

[9] Имеется в виду журнал «Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäischen Denkens».

[10] О какой статье идет речь, не установлено.

[11] *Роман Борисович Гуль* (1 августа 1896, Киев — 30 июня 1986, Нью-Йорк) — русский писатель, эмигрант, публицист, критик, мемуарист, общественный деятель. Первопоходник, участник Гражданской войны и Белого движения. С 1920 г. жил в Берлине. После прихода к власти нацистов был заключен в концлагерь. Через некоторое время освобожден и эмигрировал в Париж. Во время немецкой оккупации Франции, скрываясь от ареста, жил на ферме на юге Франции, работал на стекольной фабрике. С 1950 г. жил в США. Сотрудник, а затем главный редактор (с 1966 г.) «Нового журнала». Автор книг «Ледяной поход», «Я унес Россию. Апология эмиграции», автобиографического романа «Конь рыжий» (Нью-Йорк, 1952).

[12] *Екатерина Дмитриевна Кускова* (1869—1958) — российская политическая деятельница. В конце 1880-х — начале 1890-х годов народница, затем марксистка. Автор «Кредо» (не предназначалось для печати). Кускова, обвиненная В. И. Лениным и другими ортодоксальными марксистами в «предательстве рабочего движения», «экономизме» и т. п., порвала с социал-демократами. Участница «Союза освобождения», в числе организаторов и руководителей «Союза Союзов». После Октябрьской революции в оппозиции к большевикам; была одним из руководителей Помгола (Комиссии помощи голодающим при ВЦИК). В 1921 выслана на Север, в 1922 — за границу.

[13] Д.П. — Displaced persons («перемещенные лица»). О статусе Ди-Пи и пр.: журнал «Библиография», 1997, № 3 (рецензия).

[14] *Г.Г. Габричевский*. Выступал с лекциями вместе со Степуном в Русской гимназии в Мюнхене Дом «Милосердный Самарянин».

[15] *Николай Александрович Цуриков* (1873—1957) — общественный деятель, публицист, автор мемуаров, статей о Пушкине.

[16] Примечание написано от руки.

2[1]

21.IV. 50

Дорогой Владимир Васильевич,

большое спасибо за Вашу книгу[2] и за дружественную надпись на ней. Я с нетерпением в свое время ждал очередного номера «Нового журнала» в надежде прочесть Вашу рецензию о моих воспоминаниях. С горечью прочел рецензию Марка Вениаминовича[3]. Важно не то, что он меня ругает (к этому я привык), а то, что он все-таки меня не понимает. В свое время я с Карповичем сговорился, что писать будете Вы. Так как это дело прошлое, то перехожу к будущему. Один мой мюнхенский знакомый, пребывающий ныне за океаном, предложил мне и Мельгунову, что он напишет о моих воспоминаниях. Я написал Сергею Петровичу[4], что попрошу Вас, с чем он согласился, не будучи, кажется, вполне уверен, что согласитесь Вы. Если его сомнение не основательно, то буду рад прочесть Вашу рецензию в «Возрождении»[5]. Предлагавший мне написать человек рожден в Белграде, старой России не знает, да и по образованию своему не в силах справиться с темой.

Что будет происходить дальше? Достаточна ли Ваша оценка моей работы для ее принятия IMC-ой или обязательна еще дальнейшая экспертиза? Вопрос этот имеет для меня только тот смысл, что если Вашего суждения достаточно, то я сейчас же засел бы за окончательную отделку текста (Вы сами знаете, какая это большая работа). Если же вопрос еще не решен, то я, быть может, выслал бы текст первой части в том виде, в каком он находится у меня, с поправками, но и с недоделанностями. Затем мне очень хотелось бы знать следующее: не мешает ли принятию рукописи ее частичное опубликование в журнале? В Германии это приветствуется, т. к. способствует распространению книг. Но, может быть, у Вас в IMC другие нравы и мысли. Буду очень благодарен за ответ.

Думаете ли Вы выпустить Вашу присланную мне книгу на немецком языке у Вашего швейцарского издателя Rässler'a? В ней, как во всем, что Вы пишете, очень много интересного. Сейчас я перечитываю для подготовки университетского курса о России и Европе Ваши статьи в «Современных записках». Перечитываю с сочувствием, ибо, как и Вы, уверен в том, что, несмотря на интересные открытия евразийцев, мы все-таки не Азия, а Восточная Европа. К сожалению, Гитлер весьма укрепил и, конечно, вульгаризировал Евразийское понимание России в Германии[6]. С этим приходится бороться. Даже толпу в «Борисе Годунове» гримируют под Татар и Черемисов, разрушая тем самым всю глубину пушкинской религиозно-нравственной концепции.

Ну, пока, кончаю.

Шлю Вам самый сердечный привет. Кажется, Вы были во Франкфурте? Я бы попытался с Вами увидеться, но мы уже 11-го были в Швейцарии.

Искренне Ваш *Федор Степун*

P. S. Не удивляйтесь грязновато-малограмотному облику этого письма. Писала случайно оказавшаяся здесь в деревне неоэмигрантка. Писать самому бесконечные письма трудно. Дабы меня можно было прочесть, я должен буквы почти что рисовать.

С середины мая мы опять в Мюнхене.

---

[1] Все письмо написано от руки черными чернилами и чужим почерком, правка и приписка в конце письма написаны зелеными чернилами рукой Степуна.

[2] Скорее всего, речь идет о книге: *Weidlé W.* La Russie absente et présente. Paris: Gallimard, 1949 («Россия отсутствующая и присутствующая»). Книга принесла автору Риваролевскую премию и была переведена на ряд языков.

[3] Речь идет о *Марке Вениаминовиче Вишняке* (2 января 1883, Москва — 31 августа 1976 г. Нью-Йорк), российском юристе, публицисте, бывшем эсере, эмигранте, постоянном оппоненте Степуна. Его рецензия была опубликована: Новый журнал. 1949. № 22. С. 299—304.

[4] *Сергей Петрович Мельгунов* (1879—1956). В 1906 г. член партии кадетов. С 1907 г. член Народно-социалистической партии. В 1911 г. один из основателей кооперативного издательства «Задруга». В 1913—1923 гг. редактор-издатель журнала «Голос Минувшего». Октябрьскую революцию не принял. По делу «Тактического центра» в 1920 г. был приговорен к смертной казни, замененной 10 годами тюремного заключения; освобожден в 1921 г. под давлением научной общественности. В октябре 1922 г. выслан за рубеж. Самая известная его книга «Красный террор в России. 1918—1923». С 1926 г. несколько лет издавал журнал «Борьба за Россию». Во время Второй мировой войны, находясь под Парижем, решительно отверг любую форму сотрудничества с Германией. В 1949—1954 редактор журнала «Возрождение».

[5] «Возрождение» — литературно-политический журнал консервативного направления (1949—1974), издавался при финансовой поддержке нефтепромышленника А.О. Гукасова.

[6] Возможно, Степун имеет в виду следующий пассаж из книги «Mein Kampf»: «Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия была обязана германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой культуры. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. <...> В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. <...> Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель» (*Гитлер А.* Моя борьба. Каунас: Ода, Б.г. С. 556).

3

Мюнхен, 1 ноября 1956 г.

Дорогой Владимир Васильевич!

Пересылаю, как обещал, мою радиорецензию на Вашу прекрасную книгу. Читая ее, установил очень большую близость наших точек зрения на Россию и ее культуру. Может быть, во мне несколько больше московской сдобы, а [в] Вас петербургского гранита[1].

В скобках места, которые пришлось выпустить, дабы не превысить разрешенные 10 минут.

Наталия Николаевна и я шлем Вам и Вашей жене наш сердечный привет.

Посодействуйте тому, чтобы на вечере Зайцева[2] было побольше людей. Вечер будет или 28 или 29 ноября, после дня Русской Культуры, который состоится в воскресенье 25.

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Речь идет о книге: *Вейдле В.* Задачи России. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956. Там говорится (в очерке «Петербургские пророчества») о разнице московского и петербургского начала. На этой теме и играет Степун, говоря о себе как о москвиче, а о Вейдле как о петербуржце.

[2] *Борис Константинович Зайцев* — русский писатель (1881—1972). О его творчестве Степун написал статью: «Борису Константиновичу Зайцеву — к его восьмидесятилетию». См. также в этом томе переписку Степуна и Б. Зайцева.

К анализу большевизма и нацизма: Степун и Бердяев (с приложением пяти писем Степуна Бердяеву)

Настоящий писатель, мыслитель всегда находится в ситуации *находимости-вненаходимости*. Иными словами, он видит жизнь *изнутри, но одновременно как бы извне*. Это *извне* дается либо происхождением из иной культуры (как у Гоголя), негритянским предком (как у Пушкина), образованием (как у всех дворянских писателей), каким-либо поворотом судьбы, каторгой, к примеру (как у Достоевского или Шаламова). Оно обостряется эмиграцией. Это состояние души рождает у пишущего то *бинокулярное зрение*, которое дает объемность и рельефность изображаемому. Только настоящий

художник обладает таким зрением. Им обладал знаменитый эмигрант, русский философ и писатель Федор Августович Степун.

Стоит обратить внимание на его происхождение, которое во многом предопределило траекторию его биографии. «Мой отец, — писал Степун, — <...> был выходцем из Восточной Пруссии, где Степуны (исконное начертание этой старо-литовской фамилии Степунесы, т. е. Степановы) с незапамятных времен владели большими земельными угодьями между Тильзитом и Мемелем»[1]. Как видим, по крови, по происхождению Степун был немцем. Но родился в России и рос как русский ребенок, хоть и с немецкими корнями. Правда, позднее он не без иронии замечал, что прусское происхождение его семьи уже было не совсем немецким: «Вся исконная, т. е. юго-западная Германия <...> не считает пруссаков за настоящих немцев, что они чуть ли не наполовину славяне»[2]. Таким образом, сам Степун подчеркивал свое изначальное двумирье, позволявшее ему пристально и без патетической восторженности подойти к обеим культурам.

Поэтому биография его и удивительна, и поучительна. Немец по крови, родившийся в России, учившийся в Гейдельберге у Виндельбанда, один из основателей и издателей международного (прежде всего российско-немецкого) журнала по философии культуры «Логос», русский артиллерийский прапорщик, сражавшийся на германском фронте и написавший об этом блестящие очерки («Из записок прапорщика-артиллериста»), начальник политуправления армии при Временном правительстве, поначалу уцелевший и ставший театральным режиссером, а затем все же изгнанный большевиками из России в 1922 г. С этого момента и до самой смерти — житель Германии, равно не принимавший коммунизм и нацизм (нацисты запретили ему преподавать за проповедь «жидо-русофильских взглядов»), и страстный, как говорили в старину, *пропагатор* на Западе русской культуры и философии. Не забудем и того, что в 20-е и 30-е годы он активный участник двух самых знаменитых журналов русского зарубежья — «Современные записки» и «Новый град» (он был и соиздателем последнего вместе с И. Бунаковым-Фондаминским и Г. Федотовым).

Немцы ставили его в ряд с весьма значительными западными мыслителями — П. Тиллихом, М. Бубером, Р. Гвардини. Но основная его тема — Россия, ее духовные достижения и трагическая судьба. Немцы признавали его как своего, но одновременно он был для Германии символом свободной русской мысли. Он принадлежал тому культурно-историческому типу людей (Пушкин, Тургенев, Вл. Соловьев, Бунин, Столыпин), которые именуются **русскими европейцами**, где прилагательное не менее важно, чем существительное.

Разумеется, тип этот был уже распространен в русской культуре: отсчет можно вести от Пушкина, вспомнить и Чаадаева, и Чернышевского, и Чехова, очень много людей этого типа оказалось в эмиграции — как забыть Алданова, Милюкова, Федотова, Вейдле!.. Но в их любимой Европе наступал на демократию фашизм. В передовой статье первого номера «Нового Града» (1931) Федотов писал: «Против фашизма и коммунизма мы защищаем вечную правду личности и ее свободы — прежде всего свободы духа»[3].

На что они рассчитывали? Только на одно: выстоять, остаться верными себе и своей идее. Голос их не был слышен — ни в Европе, ни тем более в России. Но теперь мы можем его услышать. Приведу одно соображение Степуна: «Я определенно и до конца отклоняю всякую *идеократию* коммунистического, фашистского, расистского или евразийского толка; т. е. всякое насилование народной жизни. <...> Я глубоко убежден, что «идейно выдыхающийся» сейчас демократический парламентаризм Европы все же таит в себе более глубокую идею, чем пресловутая идеократия. Пусть современный западноевропейский парламентаризм представляет собою *вырождение свободы*, пусть современный буржуазный демократизм все больше и больше скатывается к мещанству. Идущий ему на смену идеократизм много хуже, ибо представляет собою *нарождение насилия* и явно тяготеет к большевицкому сатанизму»[4]. Но как пришел этот сатанизм? Откуда он?

При отказе от рацио, от разума, «сознательно стремясь к синтезу, русская мысль бессознательно двигалась в направлении к хаосу и, сама хаотичная, ввергала в него, поскольку ею владела, и всю остальную культуру России»[5]. Поэтому борьба за философию стала для Степуна борьбой за русскую культуру, в конечном счете — за Россию, ибо он опасался, что русская философия окажется не защитой от хаоса, а тем самым «слабым звеном», ухватившись за которое можно ввергнуть всю страну в «преисподнюю небытия»[6]. Слова Ленина о России как «слабом звене» в европейской (в его терминологии — капиталистической) системе — не случайны. К этой теме мы еще вернемся, пока же стоит показать, какое лекарство предлагал Степун. Выученик неокантианцев, пытавшихся преодолеть почвенничество и этатизм немецкой философии, он, разумеется, заявил о необходимости для русской мысли школы Канта: «Если, с одной стороны, есть доля правды в том, что кантианством жить нельзя, то, с другой стороны, такая же правда и в том, что и без Канта жизнь невозможна (конечно, только в том случае, если мы согласимся с тем, что *жить* означает для философа не просто жить, но *жить мыслию,* то есть *мыслить*). Если верно то, что в кантианстве нет откровения, то ведь верно

и то, что у Канта гениальная логическая совесть. А можно ли верить в откровение, которое в принципе отрицает совесть? Что же представляет собою совесть, как не *минимум откровения*? Рано или поздно, но жажда откровения, принципиально враждующая с совестью, должна неизбежно привести к откровенной логической бессовестности, т. е. к уничтожению всякой философии»[7].

Надо сказать, это был явный период неприятия Канта в русской, особенно *православно* и в духе *российского марксизма* ориентированной философии. В «Философии свободы» (1911) ставший православным мыслителем бывший марксист Бердяев грубо недвусмыслен: «Гениальный образец чисто полицейской философии дал Кант»[8]. В своих мемуарах Степун выразил оставшееся, видимо, в нем сквозь годы удивление от придания кантианству полицейской функции и называл это самоуправством Бердяева. В.Ф. Эрн (как и Бердяев, автор православно-славянофильского издательства «Путь»), отвечая на редакционно-программную статью «Логоса», просто называл Канта высшим выразителем «меонизма»[9] (т. е. тяги к небытию) западной мысли и культуры. А «сердечный друг» Эрна П.А. Флоренский вполне богословски-академически тем не менее резко противопоставил Канта Богопознанию: «Вспомним тот “Столп Злобы Богопротивныя”, на котором почивает антирелигиозная мысль нашего времени. <...> Конечно, вы догадываетесь, что имеется в виду Кант»[10]. В конце концов не этатист Гегель, а отстаивавший самоцельность человеческой личности Кант был объявлен православной философией идеологом немецкого милитаризма (в статье В.Ф. Эрна «От Канта к Круппу»). На самом деле отказ от идей рационализма вел к оправданию язычества как, по словам Бердяева, *весьма важной составляющей* православной церкви, что «приняла в себя всю великую правду язычества — землю и реалистическое чувство земли»[11]. Не случайно В.И. Ленин, откровенный враг христианства и идеолог «неоязычества» (С. Булгаков), в эти годы столь же категорически требовал («Материализм и эмпириокритицизм», 1909) «отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта»[12].

Оценивая эпоху двух революций, когда разрушение России происходило под прикрытием социалистических и марксистских тезисов, Степун был убежден, что дело не в пришедших с Запада идеях: «По целому ряду сложных причин заболевшая революцией Россия действительно часто поминала в бреду Маркса; но когда люди, мнящие себя врачами, бессильно суетясь у постели больного, выдают бред своего пациента за последнее слово науки, то становится как-то и смешно, и страшно»[13].

В стране взяли власть большевики. И возобладала под видом рационализма абсолютная иррациональность жизни: «С первых же дней их (большевиков. — *В.К.*) воцарения в России все начинает двоиться и жить какою-то особенной, химерической жизнью. Требование мира вводится в армию как подготовка к гражданской войне. Под маской братания с врагом ведется явное подстрекательство к избиению своих офицеров. Страстная борьба против смертной казни сочетается с полной внутренней готовностью на ее применение. <...> Учредительное собрание собирается в целях его разгона; в Бресте прекращается война, но не заключается мира; капиталистический котел снова затапливается в “нэпе”, но только для того, как писал Ленин, чтобы доварить в нем классовое сознание недоваренного пролетариата»[14]. Степун назвал это торжеством «**стихии русского безудержа**»[15].

Кто же мог руководить этим безудержем? Кто был вождь, фюрер? Очевидно, тот, кто принял эту стихию, использовал ее в своих интересах. Но натравить на Россию безудерж насилия мог только преступник. Первым увидел в Ленине «прирожденного преступника», который не остановится ни перед чем и выполнит все затаенные желания массы, великий русский писатель Иван Бунин. Бунин говорил, что большевики убили чувствительность. Мы переживаем смерть одного, семи, — писал он, — допустим, труднее сопереживать смерти семидесяти, но когда убивается семьдесят тысяч, то человеческое восприятие перестает работать. Он писал: «Это Ленины задушили в России малейшее свободное дыхание, они увеличили число русских трупов в *сотни тысяч* раз, они превратили лужи крови в моря крови, а богатейшую в мире страну народа пусть темного, зыбкого, но все же великого, давшего на всех поприщах истинных гениев не меньше Англии, сделали голым погостом, юдолью смерти, слез, зубовного скрежета; это они затопили весь этот погост тысячами “подавляющих оппозицию” чрезвычаек, гаже, кровавее которых мир еще не знал институтов, это они <...> целых три года дробят черепа русской интеллигенции»[16].

Самое интересное, что Бунин не выделяет особенно Ленина из череды разбойников, хитровцев и босяков, *он тот самый, кого и ждала эта масса*. Степун замечал: «Как прирожденный вождь он инстинктивно понимал, что вождь в революции может быть только ведомым, и, будучи человеком громадной воли, он послушно шел на поводу у массы, на поводу у ее самых темных инстинктов. В отличие от других деятелей революции, он сразу же овладел ее верховным догматом — догматом о тожестве разрушения и созидания и сразу же постиг, что важнее сегодня,

кое-как, начерно, исполнить требование революционной толпы, чем отложить дело на завтра, хотя бы в целях наиболее правильного разрешения вопроса. На этом внутреннем понимании зудящего "невтерпеж" и окончательного "сокрушай" русской революционной темы он и вырос в ту страшную фигуру, которая в свое время с такой силою надежд и проклятий приковала к себе глаза всего мира»[17].

Вот это восстание масс требовало не идей, не мысли, а **власти идеи**, той, которая может быть переварена массой. Массы требовали господства идеи, которая становится верой, идеократией. Они ее и получили — в России и в Германии. В России идеократическую идею дал массам Ленин, как впоследствии ее дал такой же водитель масс в Германии — Гитлер.

* * *

В мае 1922 г. в Уголовный кодекс по предложению Ленина вносится положение о «высылке за границу». Ленин давно думал о методе расправы с инакомыслящей интеллигенцией. Террора он не боялся, но, как потом признался Троцкий, не хотел портить налаживающиеся отношения с Западом. Стоит вдуматься в его строчки – «дополнения» к Уголовному кодексу (от 15 мая 1922 г.): «Добавить право замены расстрела высылкой за границу. <...> Добавить расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы. <...> Надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу). <...> Найти формулировку, ставящую эти деяния (т. е. писание книг и статей. – *В.К.*) в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами»[18]. Смысл этих слов прозрачен: очень хотелось бы расстрелять и при первом удобном случае это сделаем, но сейчас иная ситуация, временно заменим расстрел высылкой. Тех, кто в этот год не уехал, как мы знаем, потом расстреляли. И еще через несколько дней (19 мая 1922 г.) в письме к Дзержинскому так характеризует русских мыслителей: «Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи»[19]. Ощущение абсолютного бешенства в этих словах, как позже слышалось такое же бешенство в речах Гитлера.

И все же русские независимо мыслившие философы и писатели были изгнаны из России в Германию по договоренности с германским министерством иностранных дел, с которым у большевиков были тайные связи. Вряд ли изгнанники думали об этом, но они очень хотели передать свой невероятный для начала XX века духовный опыт приютившей их стране. Беда была в том, что никто не хотел их слушать. Они не искали доходов и

денег, нищая жизнь, скажем, Франка слишком известна, они хотели быть востребованными как мыслители и своего рода спецы по историческим катастрофам. Но Европа русским опытом пренебрегла, пока не свалилась в кошмар нацизма.

* * *

«Пребывание на чужбине оправдывается только борьбою за родину»[20], — писал Степун. Но эта борьба была связана с предупреждением Европе: *такое же* может произойти и здесь. Пять лет в Советской России дали будущим изгнанникам ясную точку отсчета, они всеми силами пытались противостоять давлению нового, необычного деспотизма, впервые в истории возникшей идеократии, а потому именно мыслители, носители идейного начала, оказались противниками большевистского режима. Более того, можно сказать, что в эти годы произошел их своего рода духовный рост. Скажем, о Бердяеве, человеке, постоянно волновавшем его мысль, с которым он полемизировал, о котором написал потом не одну статью, Степун написал в своих мемуарах слова, позволяющие представить масштаб этой фигуры, проявившийся в страшные годы после Октября: «Одною из наиболее центральных фигур философской, да и вообще духовой жизни советской Москвы был вплоть до нашей с ним высылки Николай Александрович Бердяев. Большевистский вихрь не только взволновал его, как всех нас, но и оплодотворил, как немногих. В его голове и сердце неустанно клокотали тысячи мыслей и страстей. Ни раньше, ни позже не чувствовал я вулканической природы бердяевского духа так сильно, как в последние годы нашей жизни в Москве»[21]. Что не мешало ему полемизировать с ним.

В Европе Степун продолжал свою критику большевизма. К этому он призывал и других изгнанников. Поэтому своему гениальному современнику и тоже изгнаннику он пенял («Современные записки», 1925. Кн. 24): «Если Н.А. Бердяев действительно думает, что коммунизм гораздо хуже гуманистической демократии, то он, по-моему, нравственно обязан в борьбе между этими двумя силами стоять на стороне последней. Ведь нельзя же в самом деле в борьбе между врачом и смертью быть со смертью против врача на том основании, что смерть онтологичнее, глубже медицины, что смерть священна, а наука только гуманна. Не ясно ли, что ощущать правду и смысл победы смерти над врачом имеет право лишь тот, кто до конца боролся всеми доступными ему средствами за сохранение жизни ближнего. Отчетливое признание этой присущей нравственному сознанию антиномии совершенно неизбежно, чтобы от ощущения сакральности смерти и профанности науки не дойти до предпочтения палача врачу и от ощущения

метафизичности коммунизма и меоничности всякой политики до предпочтения коммунистической “сатанократии” всякому другому гуманистическому строю»[22]. Это был ответ на идеи Бердяева, прозвучавшие в эмиграции[23]: «Эта внешняя общественность и есть та фантасмагория, которую признают за единственную реальность жизни. Тот объявляется стоящим вне жизни, кто не погружен в эту фантасмагорию. Утверждать, что можно и должно “сделать” революцию против большевиков, есть злоупотребление словами и самообман. Большевизм и есть квинтэссенция мирового революционного движения, предельное его выражение. Революция именно к этому ведет, а не к тому прекрасному, о чем мечтали»[24]. И хотя Бердяев далее говорит, что в большевистской России «действует последнее зло», он тем не менее не принимает демократии, ибо «в демократиях нет свободы духа и что демократии обычно означают ослабление и умаление духа и духовной жизни»[25]. Проблемы эти обсуждались русскими эмигрантами, пересекая границы, становились темами бесед всей русской зарубежной мысли. Вот отрывок из письма Степуна (от 8 июня 1925 г.) Вяч. Иванову, жившему уже в Италии: «Проповедь аполитизма, которою занимается Николай Александрович Бердяев, по-моему, также глубоко неверна, потому что на территории политики разрешаются сейчас величайшие вопросы русской жизни: бегство от политики представляется мне потому не только политическим, но и нравственным дезертирством. Так и прихожу я к своим скучным демократическим убеждениям»[26].

Степуну нравилось, что большевизм Бердяев выводил не из марксизма, а искал его корни в русской истории и культуре. Но, надо сказать, что год спустя после смерти философа, в 1949 г., Степуну вспомнилось, что антитезу Гитлеру в какой-то момент Бердяев искал в большевизме: «Постепенный переход теоретического объяснения большевизма в его практическое оправдание у Бердяева становится заметным с появлением Гитлера. У меня такое впечатление сложилось при последнем посещении Кламара во время бурного разговора об отношении коммунизма к национал-социализму, в котором особенно активно участвовал один очень образованный и красноречивый русский, приверженец Гитлера. Ненависть Бердяева к новоявленному национал-социалистическому безумию, в мгновение ока придуманному одним-единственным человеком, была так велика, что сотворенное коллективное безумие большевизма с его противоречивым происхождением от христианского коммунизма и маккиавелизма, от царской деспотии и бакунинской революционной мистики показались ему аристократией духа»[27].

Проблемы Германии не могли не волновать изгнанную из своей страны русскую интеллигенцию. Слишком много общего с большевизмом находили эмигранты в поднимавшемся национал-социализме. Правда, не все. Изгнанный нацистами в 1934 г. из Германии русский эмигрант Иван Ильин в 1933 г. пытался нацизм оправдать, как антитезу большевизму: «Что сделал Гитлер? Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе»[28]. Он писал: «Европа не понимает национал-социалистического движения. Не понимает и боится. И от страха не понимает еще больше. И чем больше не понимает, тем больше верит всем отрицательным слухам, всем россказням “очевидцев”, всем пугающим предсказателям. Леворадикальные публицисты чуть ли не всех европейских наций пугают друг друга из-за угла национал-социализмом и создают настоящую перекличку ненависти и злобы. К сожалению, и русская зарубежная печать начинает постепенно втягиваться в эту перекличку; европейские страсти начинают передаваться эмиграции и мутить ее взор»[29]. Надо сказать, что в отличие от большевистской революции немецкие нацисты старались избегать хаоса, опасаясь уже виденного Европой русского безудержа. Как писал Степун: «Революционный беспорядок длился в Германии всего только несколько дней. С тревогою “древнего хаоса”, которая охватила Россию осенью 1918-го года, немецкий беспорядок не имел ничего общего. Это был тот простой профессиональный беспорядок, что неизбежен на всякой фабрике во время расширения дела и установки новых машин. Наскоро установив свои узкоколейные организационно-административные рельсы, национал-социалисты так быстро вынесли сор и вымели двор, что приехавшему извне человеку никак нельзя было догадаться, что в Германии только что произошла величайшая революция»[30].

Но тем страшнее было внутреннее сходство, ибо, в отличие от Ильина, он слишком много схожего с большевизмом находил в нацизме. Позиция Ильина была неприемлема для него по многим причинам. И первую он выговорил отчетливо и повторял не раз: «С занятой мною точки зрения освобождение родины хотя бы и вооруженной рукой дружественного государства надо считать лишь в принципе допустимым, фактически же всегда и очень опасным и маложелательным. Не революционное минирование своей родины и не подготовка интервенций является поэтому главной задачей эмиграции, а защита России перед лицом Европы и сохранение образа русской культуры. К сожалению, старая русская эмиграция успешно исполнила лишь эту вторую задачу. Нет сомнения, что все созданное ею в научной, философской и художественной

сфере со временем весьма ценным вкладом прочно войдет в духовную жизнь пореволюционной России»[31]. Более того, Россия и Германия, полагал он, слишком тесно сплелись в этих двух революциях — от поддержки Германией большевиков до поддержки нацистов Сталиным. Степун заметил, что и сами нацисты видят эту близость. Он фиксирует идеи Геббельса о том, что «Советская Россия самою судьбою намечена в союзницы Германии в ее страстной борьбе с дьявольским смрадом разлагающегося Запада.

Он понимал, что обе идеократии пытаются разрушить христианство, создавшее когда-то европейскую культуру. Только непонятно, что страшнее для христианства. Он фиксирует это различие: «Государственная власть России вскрывает раки с мощами, налаживает скоморошьи потехи вокруг алтарей, взрывает церкви, расстреливает священников; а государственная национально-социалистическая партия Германии развешивает по церквам флаги со свастикой, полупринудительно насаждает “коричневое, солдатское христианство” и проповедует Христа как арийца, восставшего против еврейского закона Моисея»[32].

Стоит остановиться на анализе Степуном позиции Эрнста Юнгера, выдающегося представителя так называемой «консервативной революции», пришедшего к концу 30-х годов к конфликту с нацистским государством, но до этого по сути дела создавшего (не он один, конечно) метафизику национал-социалистического государства. Уже в 1923 г. он писал о грядущей националистической революции: «Ее идея — идея почвенническая (völklisch), заточенная до невиданной прежде остроты, ее знамя свастика, ее политическое выражение — сконцентрированная в одной точке воля, диктатура! Она заменит слово делом, чернила — кровью, пустые фразы — жертвами, перо — мечом»[33]. В 1927 г. он соглашается с Гитлером, что «сама национал-социалистическая идея должна приобрести такую глубину и такое значение, чтобы только она и никакая другая была признана в качестве германской идеи»[34]. И, наконец, в 1929 г. формулировка Юнгера приобретает окончательную завершенность: «Национализм, поскольку он подразумевает *политическое* решение, стремится к созданию национального, социального, вооруженного и авторитарного государства всех немцев»[35]. Страсть и энергия, как видим, фантастические. Поскольку Юнгер на корню отвергал возражения «либеральных еврейских публицистов», как чуждых на корню почвенному «германскому духу», то возразить ему должен был немец.

И немец Степун, прошедший опыт русской революции, отмечая, что в текстах Юнгера он имеет дело с «глубокими и честными страницами»[36], тем не менее уже в 1930 г. выстраивает систему весь-

ма серьезных возражений. Он констатирует позицию Юнгера, который «пророчествует о том, что мы только еще вступаем в эпоху небывалых жестокостей, и, забыв о кресте, восторженно призываем к мечу, который правдивее и миролюбивее... трусости. Его последние слова — родина и жертвоприношение»[37]. И возражает: «В этих мыслях Юнгера таится темный соблазн. Корень в трагическом непонимании того, что для осуществления религиозного подвига, именуемого жертвоприношением, мало приносимого в жертву существа и алтаря; что необходима еще и живая вера в Бога. Родина может быть алтарем, на котором мы приносим себя в жертву Богу. Но она не может быть Богом. Утверждение родины в достоинстве Бога равносильно отрицанию Его, а тем самым превращению алтаря не только в простой стол, но, что гораздо хуже, в ту плаху, которою обыкновенно кончают исповедники религии патриотизма. Возможность такого превращения, такого национал-социалистического коммунизма наизнанку явно чувствуется в книге Юнгера»[38].

Он сравнивал ситуацию двух стран, в эти годы с такой похожей судьбой: слабость демократии, вождизм, умелая спекуляция тоталитарных партий на трудностях военной и послевоенной разрухи. И, прежде всего, отказ от рационализма и подыгрывание иррациональным инстинктам масс. Именно здесь видит он близость фюрера немецкой революции вождю русской, оба они сильны как выразители настроений масс: «Гитлеровские речи, не производящие в чтении никакого впечатления, решительно гипнотизировали массу. Достигал Гитлер такого влияния своею исключительной медиумичностью. Его речи захватывали массы потому, что, обращаясь к массам, он отдавался им, не боясь ни хаоса, ни бойни. Эта демагогическая самоотдача не была для него однако ложью: ведь историю делают личности; задача же массы — вынести вождя на то место, с которого он сможет начать свой творческий путь»[39]. Надо сказать, что к власти Гитлер, в отличие от Ленина, пришел вроде бы демократическим путем. Но суть оставалась одна — опора на инстинкт толпы: «Ленин ни минуты не чувствовал себя левым флангом многофракционного социалистического фронта, а с самого начала утверждал себя всеопределяющим центром событий. ...Ближайшим его товарищам по партии его первые петроградские речи показались полною идеологической бессмыслицей, не имеющей ничего общего с марксизмом. Но Ленин знал, что делал: его “глупые” речи были вовсе не так глупы, так как они были не речами, а парусами для уловления безумных вихрей революции»[40].

Об отношении народа к демократии в XX в. замечательно сказал русский эмигрант и большой писатель Марк Алданов: «Демократической идее, однако, придется пережить тяжелое время:

она, по-видимому, пришла в некоторое противоречие сама с собой. Опыт показал, что ничто так не чуждо массам, как уважение к чужому праву, к чужой мысли, к чужой свободе»[41]. Строчки эти были написаны до гитлеровского вхождения во власть, но, по сути дела, предсказали эту возможность.

Когда Карл Ясперс написал свою книгу «Вопрос о виновности», он там говорил о виновности тех, кто жил в Германии во время нацизма, но не желал знать о его преступлениях. Для Ясперса это незнание было равно соучастию в преступлениях нацизма. Для Степуна противостояние нацизму интеллектуала определялось двумя понятиями: вера в Бога и верность подлинной философии.

После войны и победы над гитлеризмом, которая эмигрантами воспринималась зачастую как победа Советского Союза, выросшего на большевизме, в очередной раз начались колебания у влиятельных русских эмигрантов по поводу возвращения в Россию. Чуть не уехал Бунин, в Бресте поворотив назад. В уже цитированной мною статье о Бердяеве, доверяя непроверенным слухам, которые, однако, подтверждали его сложившееся мнение о философе, Степун писал, что Бердяев «обменял документ Лиги Наций, удостоверяющий личность, на советский паспорт»[42]. Основания у него были. Не фактические, а идейные. Их подтверждает одна из знаменитых книг русского послевоенного зарубежья. Владимир Варшавский, публицист из поколения русских эмигрантов, прошедших через героическое и трагическое движение антинацистского Сопротивления Второй мировой войны, в книге 1956 г. рассказал об опасности для демократии позиции Бердяева. Хотя Бердяев семь лет как умер к этому моменту, но автор просто оценивал разные позиции, которые были наиболее влиятельны в его молодости: «Антидемократические и противоречившие всему духу “персонализма” утверждения Бердяева имели наибольшее влияние на идейные искания эмиграции, толкая евразийство и пореволюционные течения к соблазнам красного, черного и коричневого фашизма. Опасность скатывания то в большевизм, то в русский национал-социализм постоянно подстерегала участников этих движений. Многие из них последовательно прошли через искушения фашизма и советского патриотизма. <...> Некоторые написанные ими романы были проникнуты таким же, как в “Новом средневековье”, духом гневного пророческого обличения всей современной демократической цивилизации, такой же безумной и легкомысленной жаждой ее гибели, таким же максимализмом и страстной тоской по конечному радикальному преображению мира, <...> порожденным идеей, что, вопреки своей воле, большевики творят нужное дело»[43].

Степун это понимал, он и сам полемизировал с по этому поводу с Бердяевым: «Изживаемая нами эра так называемой “новой истории”, безусловно, восходит в своих истоках, как на то в последнее время неоднократно указывал Н.А. Бердяев, к двуединому явлению Возрождения и Реформации. Нет сомнения, что культура европейского человечества стоит сейчас под знаком гуманизма. Но сущность гуманизма, вопреки Н.А. Бердяеву, конечно, не в безбожном самоутверждении человека, что было бы непонятным отступничеством Бога от сыновей Своих, а в *Божьем утверждении свободного человека как религиозной основы истории*. Демократия — не что иное, как политическая проекция этой верховной гуманистической веры четырех последних веков»[44]. Автор «Философии неравенства» вполне мог показаться обольщенным пусть и на момент сталинским тоталитаризмом, сильной деспотической властью. Тем более, что в своем «Самопознании» он написал: «У меня всегда была советская ориентация, несмотря на то, что я всегда критиковал и продолжаю критиковать коммунистическую идеологию и проповедую свободу. Ничего существенно нового не произошло в моем отношении к Советской России. Советскую власть я считал единственной русской национальной властью, никакой другой нет, и только она представляет Россию в международных отношениях»[45]. Но, конечно, надо было проверить, а не доверять слухам. За это непроверенное утверждение Степуну пришлось вскоре извиняться перед свояченицей Бердяева Е.Ю. Рапп: «Мою ошибку, — писал он в 1950 г., — в которой я, однако, не повинен, так как мне многие, даже и близкие Н.А. люди говорили, что он принял советский паспорт, я с удовольствием исправлю...»[46].

И дело было не только в политической окраске их споров, а в глубинной метафизике затрагиваемых через политику проблем человеческого бытия. Эти споры русских мыслителей находились на самом острие не только русских, но и европейских проблем, где демократия и вправду испытывала кризис.

---

[1] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. В 2-х т. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. T. I. C. 49.

[2] Там же. С. 50.

[3] *Федотов Г.П.* Новый Град // *Федотов Г.П.* Россия, Европа и мы. Paris: YMKA-PRESS, 1973. С. 139.

[4] *Степун Ф.* Мысли о России. Очерк X. Демократия и идеократия; буржуазная и социалистическая структура сознания; марксистская идеология как вырождение социалистической идеи; религиозная тема социализма и национально-религиозное бытие России // *Степун Ф.А.* Сочинения / Составление, вступительная статья, примечания и библиография *В.К. Кантора*. М.: РОССПЭН, 2000. С. 354 (курсив Ф. Степуна).

[5] Там же. С. 791.

[6] *Степун Ф.* Мысли о России. Очерк IV // Там же. С. 248.

[7] *Степун Ф.* Прошлое и будущее славянофильства // Там же. С. 834 (курсив Ф. Степуна).

[8] *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 19.

[9] «Ratio в своем последовательном завоевании европейской мысли приводит таким образом к пышному, яркому расцвету универсального *меонизма*. Этот расцветший в Беркли и Юме меонизм принципиально и окончательно закрепляется в трансцендентализме Канта» (*Эрн В.Ф.* Нечто о Логосе, русской философии и научности. // *Эрн В.Ф.* Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 77—78).

[10] *Флоренский П.А.* Разум и диалектика. // *Флоренский П.А.* Сочинения. В 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 135.

[11] *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. С. 34.

[12] *Ленин В.И.* П. с. с. Т. 18. С. 138.

[13] *Степун Ф.* Мысли о России. Очерк VI (Большой смысл и малые смыслы. Коммунистическая идеология и современная литература. Эмигранты и большевики) // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 283.

[14] *Степун Ф.* Мысли о России. Очерк IV // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 249—250.

[15] *Степун Ф.* Мысли о России. Очерк I // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 205 (Выделено мной. — *В.К.*).

[16] *Бунин Ив.* Несколько слов английскому писателю // *Бунин Ив.* Великий дурман. М.: «Совершенно секретно», 1997. С. 69—70.

[17] *Степун Ф.* Мысли о России. Очерк IX // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 342. Интересно, как эту зависимость Ленина от массы ощутил Андрей Платонов в романе «Чевенгур», где один из персонажей так рассуждает: «Что я тебе масса, что ли? — обиделся Чепурный. — Ленин и то знать про коммунизм не должен, потому что это дело сразу всего пролетариата, а не в одиночку... Умней пролетариата быть не привыкнешь...».

[18] В.И. Ленин и ВЧК. М.: Политиздат, 1975. С. 353.

[19] ВТам же. С. 507.

[20] *Степун Ф.А.* Родина, отечество и чужбина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн. 43. http://www.krotov.info/lib_sec/18_s/ste/pun.htm

[21] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. В 2 т. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. Т. II. С. 269.

[22] *Степун Ф.* По поводу письма Н.А. Бердяева // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 855.

[23] Надо сказать, их связывали достаточно близкие отношения. Степун к концу жизни написал о Бердяеве большую работу (на русском языке опубликована ее часть: «Учение Н.А. Бердяева о познании», где он по-прежнему пеняет Бердяеву по поводу его отношения к Канту: «Учение Николая Бердяева о познании — это сознательный отказ от западноевропейской гносеологии, особенно от Канта» (Н.А Бердяев: pro et contra. (*Издание подготовил А.А. Ермичёв*). Кн. 1. СПб.: РХ ГИ, 1994. С. 483). Хотя сам Бердяев в своей автобиографии на склоне дней писал другое: «Из мыслителей прошлого более всего я обязан Канту» (*Бердяев Н.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. С. 408).

[24] *Бердяев Н.* В защиту христианской свободы (*Письмо в редакцию*) // Современные записки. Париж. 1925. № 24. С. 291.

[25] Там же. С. 293, 294.

[26] Иванов — Степун (избранная переписка). *Подготовка текста А. Шишкина, комментарии К. Хуфена и А. Шишкина* // Символ. Журнал христианской культуры. 2008. № 53—54. С. 416.

[27] *Степун Ф.А.* Николай Бердяев // *Степун Ф.А.* Портреты (*сост. и послесловие А.А. Ермичёва*). СПб.: РХГИ, 1999. С. 280.

[28] *Ильин И.А.* Национал-социализм. Новый дух. I. // Возрождение. Париж, 1933. 17 мая. http://iljinru.tsygankov.ru/works/vozr170533.html

[29] Там же.

[30] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. В 2 т. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. Т. II. С. 208.
[31] *Степун Ф.А.* Родина, отечество и чужбина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн. 43. http://www.krotov.info/lib_sec/18_s/ste/pun.htm
[32] *Степун Ф.* Христианство и политика // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 399.
[33] *Юнгер Э.* Революция и идея // *Юнгер Э.* Националистическая революция / Перевод, составление и комментарий и послесловие *А.В. Михайловского*. М.: Скименъ, 2008. С. 10.
[34] *Юнгер Э.* Национализм и национал-социализм // *Юнгер Э.* Там же. С. 117.
[35] *Юнгер Э.* «Национализм» и национализм // *Юнгер Э.* Там же. С. 164.
[36] *Степун Ф.* Германия // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 873.
[37] Там же.
[38] Там же.
[39] *Степун Ф.А.* Письма из Германии (Национал-социалисты) // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 899.
[40] *Степун Федор.* Бывшее и несбывшееся. В 2 т. Т. II. С. 45—46.
[41] *Алданов М.* Армагеддон // *Алданов М.* Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников. М.: НПК «ИНТЕЛВАК», 2006. С. 85.
[42] *Степун Ф.А.* Николай Бердяев. С. 281.
[43] *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь, 2010. С. 45.
[44] *Степун Ф.* Мысли о России. Очерк V // *Степун Ф.А.* Сочинения / Составление, вступительная статья, примечания и библиография *В.К. Кантора*. М.: РОССПЭН, 2000. С. 272 (курсив Ф. Степуна).
[45] *Бердяев Н.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2012. С. 401.
[46] Цит. по: *Гаман Л.А.* Некоторые аспекты концепции советской истории Н.А. Бердяева // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 310. Май. С. 71.

Федор Степун
Письма Бердяеву

1[1]

Freiburg im Br<eisgau> 5 января 23

Дорогой Николай Александрович.

Большое спасибо за письмо. Очень рад, что книга моя Каганом принята[2]. Как только приеду, сдам ее в набор. К восьмому вернуться в Берлин не смогу. До восьмого включительно роздал здесь все свои часы. Выедем мы из Фрейбурга во вторник девято-

го. В среду 10 в 7 утра будем в Берлине. Очень, очень жалею, что поздно узнал от Вас о лекции И.А. Ильина, очень хотелось бы и послушать и участвовать в прениях.

Время здесь мы проводим очаровательно. Берлин все-таки отвратительный город. С Риккертом проговорили часов 25, 30. В таком же темпе философствуют во Фрейбурге. Обо всем подробнее при свидании.

Вам и Вашим от нас с Натальей Николаевной самый сердечный привет. Рецензию, конечно, напишу, ибо в мертвую продаваться сейчас не собираюсь.

Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Письма с 1 по 3-е предоставлены публикатору Т.Г. Щедриной и публикуются по архиву: РГАЛИ 27, Фонд № 1496, ОПИСЬ « 1, Ед. хр. № 741.

[2] Книга «жизнь и творчество». *Абрам Самуилович Каган* (1889—1983) — владелец нескольких русских издательств в Берлине — Обелиск, Петрополис, Парабола. Печатал русских мыслителей и писателей, изгнанных из России.

2

Дорогой Николай Александрович!

Во вторник в академии Лев Платонович предложил мне издать у Кагана мою книгу «Жизнь и творчество»[1]. Я должен был позвонить Льву Платоновичу[2] вчера от 2—3. и узнать о результате его разговоров с издателем.

Мне созвониться не удалось. А между тем ответ мне важен, так как у меня есть вероятно и другая возможность устроить книгу. Потому просьба: попросите Льва Платоновича написать мне два слова во Фрейбург о том, состоялось ли принятие книги или нет.

Завтра утром мы с Наташей уезжаем в Гейдельберг. Очень я этому рад. К Берлину совсем не лежит сердце.

Дай Вам Бог счастливых праздников. Примите сердечные приветы от меня с Нат. Ник. Домашним всем шлем приветы и поздравления.

Ваш *Ф. Степун*

P. S. Пишу Вам, потому что адреса Л<ьва> П<латоновича> не знаю.

Мой адрес: Freiburg Br. Schwimmbadstr. 19. Prof. Dr. Kroner für F. Stepun

---

[1] Книга Степуна вышла в 1923 г. в издательстве «Обелиск». Основано в 1922 г. в Берлине историком Нестором Александровичем Котляревским (1863—1925) и философом *Львом Платоновичем Карсавиным* (1882—1952). Владелец — *Абрам Самуилович Каган* (1 889—1983). Выпускало нравственно-философскую и исто-

рическую литературу, в том числе произведения философов: Н.А. Бердяева, Б.П. Вышеславцева, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского. С.Л.Франка; историков: Н.А. Котляревского, С.Ф. Платонова.
[2] Речь о *Льве Платоновиче Карсавине*.

3

22 XII — 24. Bayerartgasse 12. Freiburg im Br.

Дорогой Николай Александрович,

Тиллих, которого Вы помните по Берлину, издает Jahrbuch für gestaltende Philosophie, под заглавием «Kairos»[1].

Он обратился ко мне с просьбой дать ему статью; больше всего ему хотелось бы, чтобы я написал на тему: «православие и история». Я очень занят и дать к 15-му января ничего не могу; православие и история к тому же не моя тема, а Ваша. Я предложил потому Тиллиху написать Вам, что сам и исполняю. Мне кажется, что Ваша статья в «Проблемах рел<игиозного> сознания»[2] подошла бы к тому, что хочет Тиллих. Переводчик тут у меня есть хороший. Терминологически ему надо ориентироваться по Греговскому переводу Вашего Достоевского[3] Редактировать перевод мог бы профессор Гейшана, друг Тиллиха и сотрудник «Кайроса». Если бы Вы захотели написать небольшую (листа 2—3) статью прямо на тему: «Православие и история» это было бы лучше. Но это, по-моему, невозможно, так как совершенно неизбежно, чтобы статья была самое позднее 31-го декабря в руках у переводчика, иначе он опоздает со сдачей перевода, а дело ведется строго. Для того, чтобы Вам было ясно, в чем дело, посылаю Вам список тем и сотрудников, а также обращение издателя к авторам.

Очень надеюсь, что Вы согласитесь и не убоитесь сотрудничества с «религиозными социалистами». Прошу ответить по возможности срочно. Я первого января уезжаю читать лекции в Кёльн и Бремен, и должен был бы организовать перевод и редактирование до своего отъезда. Тиллиху тоже нужен ответ, так как за Вами оставлена тема и листы. Гонорар очень пустяковый. 50 д. марок лист. Половину пришлось бы отдать переводчику.

О себе писать сейчас не буду. 10-го мы выезжаем в Париж, Увидимся, расскажу. В последнее время я много читаю лекций. Читал во Франкфурте, в Дортмунде, в Миндене, в Вене, здесь во Фрейбурге. Уже давно пишу я для Логоса (русского) статью о Вас. Писать мне ее очень трудно: уж очень я душою влекусь к Вашей философской теме и волнуюсь недостаточностью в воплощении. Моих мыслей о России[4] не высылаю, думаю, Вам попадаются под руку «Сов. Записки». Мне пишут из Парижа, что Ваша статья о русской революции весьма в плане моих «Мыслей».

В России грустно. Всё умирает и умирает. Месяц тому назад скончалась и мать Наталии Николаевны.

Примите и передайте всем Вашим наши самые сердечные приветы.

Искренне Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Бердяев в этом журнале не печатался. В своей статье «Религиозный социализм и христианство» Степун так определял это основное понятие Тиллиха: «Содержание пророческого созерцания истории религиозные социалисты именуют «кайросом». Это новозаветное слово звучит в их писаниях и речах как-то особенно суггестивно. Они интерпретируют его как «исполненное мгновение», как вечностью исполненное мгновение. В кайросе «соприкасаются настоящее и будущее, святыни данные и святыни заданные». Из этого касания рождается «новое *творчество,* осуществляющее святое содержание в новой и должной форме». Так в профетическом сознании кайроса объединятся сакраментальное и критическое отношение к истории» (Путь, 1931, №29. С. 21—22).

[2] Речь идет о статье Бердяева «Русская религиозная идея» в сборнике «Проблемы русского религиозного сознания». Сборник статей. Берлин. 1924.

[3] В письме Льву Шестову Бердяев писал о своей книге «Миросозерцание Достоевского», что «Книгу о Достоевском взялся переводить очень хороший переводчик на немецкий язык Грегер». http://wvw.krotov.info/library/02_b/berdyaev/198112000.html

[4] Речь идет о цикле статей Степуна «Мысли о России».

4[1]

Dresden, 17 ноября 1928 г.

Дорогой Николай Александрович,

Вы правы, что мы очень приблизились друг к другу; причем в самом главном не Вы приблизились ко мне, а я, конечно, к Вам. У меня пропал интерес к объективной гносеологии и вкус к субъективной метафизике. Чисто научный интерес мой все больше склоняется к истории, а метафизический — к религии. Из всего этого следует, что я не чувствую никаких затруднений писать в «Пути»[2]. Большое спасибо за Ваше приглашение. Пока я очень занят, но к февралю, думаю, будет посвободнее. Тогда, быть может, смогу написать о духовных течениях в современной Германии[3]. Протестантское богословие, по-моему, очень интересно, но церковной жизни нет никакой. Конгресс протестантского духовенства произвел на меня ужасное впечатление, но конгресс народных учителей был религиозно очень интересен.

Я очень рад, что Вы пишете вторую статью для «Совр<еменных> зап<исок>»[4]. Очень хотелось бы углубленной встречи между «Вами и нами».

Передайте, пожалуйста, Евгении Юдифьевне[5], что я весьма чувствую свою вину перед нею: не ответил на ее письмо и на повторную просьбу похлопотать за «Грасс». Боюсь, что редакция

рассказ все же забаллотирует. Хотя я лично и высказался за него, я все же понимаю, что он с чисто редакционной точки зрения для нас не слишком подходящ. Наша редакционная «ставка» с одной стороны — творчество маститых мастеров, с другой открытие молодых талантов. Ни под ту, ни под другую категорию «Грасс» не подходит. Это очень интересная зарисовка очень сложного душевного процесса, но это в сущности не рассказ, совсем не беллетристика и не совсем искусство. По получении письма Евгении Юдифьевны я вторично писал в Париж с просьбою скорее порешить судьбу рассказа.

Надеюсь, что Ваше здоровье улучшается. Вам и всем Вашим от нас обоих самый душевный привет[6].

Искренне Ваш *Ф. Степун*

---

[1] 4 и 5 письма публикуются по Нью-йоркскому архиву: Columbia University Libraries. Bakhmeteff Arkhive. Ms Coll Berdiaev. Stepun, Fedor Avgustovich. To Nikolaj Alexandrovich Berdiaev.

[2] За два года до этого письма Степун написал довольно резкую статью: Об общественно-политических путях «Пути» // Современные записки. Париж. 1926. Кн. 29. С. 442—448. И, очевидно, возник вопрос о том, приемлемо ли для него сотрудничество в «Пути». Возможно, как раз это письмо было своеобразной прелюдией к публикации статьи Степуна о Тиллихе: «Религиозный социализм и христианство».

[3] Все статьи на эти темы он опубликовал в начале 30-х годов в журнале «Современные записки. См. *Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 865—920.

[4] Первая статья Бердяева в «Современных Записках» была опубликована в 1925 г.: *Бердяев Н.* В защиту христианской свободы *(Письмо в редакцию) II* Современные Записки. 1925. № 24. С. 285—303.

[5] *Евгения Юдифовна Рапп* (1 875—1961) — свояченица Бердяева, которая вела его дом.

[6] Имеется в виду сам Степун и его жена Наталья Николаевна (урожденная Никольская; 1886— 1961).

5

Dresden, 9-го сент. 1931 г.

Дорогой Николай Александрович,

я очень виноват перед Вами — до сих пор не поблагодарил Вас за приглашение сотрудничать во франц<узском> журнале. Принося запоздалую благодарность прошу Вас в свободную минуту написать мне, какую из моих статей Вы считали бы наиболее пригодной для перевода. Я написал кроме известных Вам статей еще не очень большую, но густую статью о религиозном смысле русской революции для “Orient’a и Occident’a”, которую Lieb[1] очень хвалил. Боюсь Вас затруднять, но если бы из этих моих статей, что Вы читали, ни одна не показалась бы Вам подходящей, я мог бы

выслать еще и эту. Присланные мне тезисы не дают точного представления об облике журнала. Они говорят о направлении, но мне не ясен стиль писаний. Вероятно, это моя вина: — я имею лишь слабое представление о перечисленных сотрудниках. Редакцию я тоже еще не поблагодарил, но сделаю это на днях.

Оттиски своей статьи[2] получил — спасибо Вам за них. К сожалению, в статье есть ряд опечаток, и что хуже, в первой части ряд тяжеловесностей. Если бы я успел просмотреть корректуру, я бы улучшил статью. Свою рукопись прочесть объективно невозможно. Я вижу написанное мною только в печати. Но знаю, опять таки вина моя, — поздно выслал статью.

В заключение еще вопрос. Могу ли я рассчитывать на получение гонорара (мы с Вами об этом не договаривались), и когда контора «Пути» сможет его выслать. Если это возможно, поторопите пожалуйста высылку. Наши дела внезапно очень ухудшились. Жалованье сократили на 33 %, студент тоже перестал платить, а налогами прямо таки душат. Я же уклада своей жизни сразу изменить не могу, так как всюду закабален Ratensahlung'ами[3].

Вам и всем Вашим сердечный привет от нас обоих.

Читаю Ваше назначение человека[4]. Мне кажется, это одна из самых концентрированных и удачных Ваших книг.

Искренне Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Имеется в виду швейцарский протестантский теолог *Фриц Либ* (1892—1970). Был близок и с Бердяевым, и Степуном. Профессор в Бонне (1930—1933). После прихода к власти нацистов был выслан из Германии, с 1937 — профессор в Базеле. См. переписку с ним в этом томе.

[2] Статья Степуна: Религиозный социализм и христианство // Путь. 1931. № 29. С. 20—48.

[3] Очевидно, описка Степуна. Нужно Ratenzahlung (f), что означает — уплата в рассрочку, от дельными взносами и т. п.

[4] *Бердяев Н.А.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные за писки , 1931. На эту книгу сразу откликнулся статьей «О назначении человека и о путях фило- софа» (Путь, 1931. Дек. № 31. С. 53—69) о. Иоанн, архиепископ Сан-Францисский и Западно- американский (тогда еще иеромонах, в миру — князь Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902— 1989). Бердяев в том же номере ответил статьей «О гордости смиренных» (С. 70—75).

Перекрестья эмигрантских судеб (письма Ф.А. Степуна к Б.П. Вышеславцеву с приложением речи Степуна о большевизме)

Среди исторических судеб человечества часто бывают фигуры, которые промелькнут мимо друг друга, может, и заденут друг друга, но потом разойдутся навсегда. И их контакт — лишь строчка в историко-философском исследовании. Но бывает, когда судьба связывает людей более крепкой нитью: и тому много причин. Эпоха, предполагавшая испытание на твердость духа и характера. А также и близость духовной структуры, когда человек живет надличным бытием, не очень заботясь о быте. Впрочем, русская эмиграция доказала глубину принятого духовного пострига своей судьбой, живя в дикой бедности, как С.Л. Франк, умирая порой и в нищете (как П.Б. Струве).

Я хочу посмотреть и показать пересечение взглядов двух русских мыслителей, ставших гордостью отечественной философии и закончивших свою жизнь в эмиграции — Ф.А. Степуна (Кондрово, 1884 — Мюнхен, 1965) и Б.П. Вышеславцева (Москва, 1977 — Женева, 1954). В истории философии Степун, немец по крови, остался как русский философ. Однако трудно представить себе его фигуру без Германии, без немецкой школы, без немецкого опыта, а далее и сорокатрехлетнего эмигрантского пребывания в Германии (из восьмидесяти одного года жизни), куда, впрочем, стоит приплюсовать и его восьмилетнее обучение в Хайдельберге. Вообще надо сказать, что школа немецкого философствования была характерна для всех русских философов. Началось это еще с конца XVIII века. Германия конца XVIII века была еще экономически и политически раздробленным полуфеодальным государством с отсталым производством и помещичьим землевладением. Однако эта раздробленность, как в античной Греции и возрожденческой Италии, способствовала пробуждению энергетики мысли. Это была эпоха величайших немецких мыслителей, поэтов, композиторов: Гёте, Шиллер, Лессинг, Гофман, Фридрих и Август Шлегели, Людвиг Тик, Новалис, Гёльдерлин, Глюк, Моцарт, Бетховен... И, надо сказать, проснувшаяся к европейской жизни Россия сразу это тогда заметила, отметив и то, что немцы ныне выполняют роль греков. Карамзин, посетивший Канта, Гердера, Виланда, наследниками древних греков назвал немцев: «Гердер, Гёте и подобные им, присвоившие себе дух древних Греков, умели и язык свой сблизить с Греческим и сделать его самым богатым и для По-

эзии удобнейшим языком»[1]. На Гегеле и Шеллинге, как известно, вырастала русская мысль, гегельянцами и шеллингианцами были поначалу весьма многие большие русские философы. В 30—40-е годы XIX века русские студенты ездили учиться в немецкие университеты. Потом некоторое затишье в этом германском влиянии, пока русские вместе со всей Европой не увлеклись идеями Маркса, Ницше, Маха, неокантианства. В русской мысли произошел тогда своеобразный немецкий ренессанс. Стоит еще раз процитировать фразу из переписки братьев Трубецких. В 1890 г. С.Н. Трубецкой писал брату Е.Н.: «Не бойся писать, но написавши проверь свой труд в Германии. А то нет ничего опаснее этого чисто субъективного, безапелляционного творчества без всякой другой поверки кроме книг, которые под конец и читаешь-то под субъективным углом зрения. У нас кто за что взялся, тот в том и специалист. <...> Здесь научная жизнь имеет общественный характер, существует *наука* как живая общественная инстанция. И поверка этого коллективного сознания необходима; в каждом дельном ученом немце ты увидишь члена этой живучей умственной корпорации и если ты захочешь учиться, то почувствуешь ее отрезвляющее действие. Я испытал это уже отчасти»[2].

Слова Степуна в начале XX века буквально рифмуются с мыслью Карамзина. В передовой статье в «Логосе» 1910 г. Федор Степун писал, что немецкая философия играет в Новое время ту роль, какую играла греческая философия в Античности. Цитирую: «Мы по-прежнему, желая быть философами, должны быть западниками. Мы должны признать, что как бы значительны и интересны ни были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимущественно немецкая»[3]. Надо сказать, что тогда и впрямь была необычная эпоха, напоминавшая первый проблеск русского Возрождения в карамзинско-пушкинскую эпоху. Рождался русский Серебряный век, когда русские мыслители едва ли не впервые почувствовали, что они могут научиться у немецких учителей не с тем, чтобы повторять уроки, но чтобы творить самим. Более того, утверждалась и научная преемственность и забота о младших товарищах. Поэтому с такой охотой молодой философ Вышеславцев, уже сам побывавший в Германии, отправил своего юного коллегу в лучший по тем временам немецкий университет на реке Неккар. Как он сам вспоминал, «посоветовавшись с доцентом Московского университета Борисом Петровичем Вышеславцевым, я остановил свой выбор на Гейдельберге и, недолго думая, решил запросить ректора, не могу ли я в порядке исключения быть немедленно же принятым на философский фа-

культет с аттестатом реального училища. Очевидно, моя твердая уверенность в своем праве на изучение философии произвела на чье-то чуткое ухо должное впечатление»[4]. Так первый раз перекрестились их пути.

В эти годы было в Германии два центра высокой немецкой метафизики, влиявшей на молодые русские умы, вводившие их в философскую проблематику эпохи. Это Марбург и Хайдельберг. Немецкое и русское неокантианство вышло из этих двух центров. Стоит добавить, что эти два города оказали огромное влияние и на русскую поэзию. Марбург прошел Борис Пастернак, школу Хайдельберга получил Осип Мандельштам. В Хайдельберге в эти годы звездой был Вильгельм Виндельбанд, уже известный русским интеллектуалам. В 1904 году в переводе Семена Франка вышел сборник его статей «Прелюдии». В своем предисловии к сборнику переводчик (С.Л. Франк) писал, что Виндельбанд представляет собой одну из центральных фигур современного неокантианства. И сила его позиции была не в простом следовании идеям Канта, но, как формулировал сам Виндельбанд: «Понять Канта — значит выйти за его пределы»[5]. Эта открытость философскому слову и отказ от догматизма были усвоены его учениками. Степун предпочел Хайдельберг. Его рассказы о беседах с Виндельбандом впечатляют задором молодого русского студента и мудрыми ответами немецкого профессора. Именно из Хайдельберга он перенес идею учебы у немецкой классики, которая направлена против догмы, на русскую почву, основав вместе со своими хайдельбергскими друзьями знаменитый международный журнал «Логос», способствовавший созданию мыслительного русского европеизма. Немецкая школа определяла, как и в 30—40-е годы XIX века, духовный рост «русских мальчиков».

Это и был контекст эпохи, превратившийся, по точному слову исследовательницы, в «архив эпохи» (Т.Г. Щедрина). Но тогда все было живо и полно надежд. Русские философы Серебряного века, пишет Щедрина, «еще надеялись и верили в то, что культурное будущее России напрямую зависит и от реальных практических усилий. Поэтому они издавали философские журналы, писали философские статьи, ехали учиться к немецким профессорам и переводили научную и философскую литературу»[6].

Именно поэтому Вышеславцев направил так уверенно юного студента в Хайдельберг к неокантианцам, самому живому явлению германской мысли начала XX века. Сам Б.П. Вышеславцев учился в Московском университете на юридическом факультете у знаменитого философа-юриста П.И. Новгородцева. Сошлюсь на биографический очерк Н.К. Гаврюшина, который писал, что

благодаря поддержке П.И. Новгородцева Вышеславцев стал профессорским стипендиатом и после сдачи магистерских экзаменов был направлен в двухгодичную заграничную командировку. Вышеславцева и его друга, будущего шурина Н.Н. Алексеева привлек Марбург. Это был город, где пребывали студентами Джордано Бруно, потом Ломоносов, а далее Пастернак, где Вышеславцев учился у марбургских неокантианцев П. Наторпа и Г. Когена; а из молодых философов, находившихся в то время в Марбурге, друзья сблизились с Николаем Гартманом, Вл. Татаркевичем, В.Э. Сеземаном[7]. В Марбурге Вышеславцев написал свою диссертацию «Этика Фихте», с блеском защищенную позднее в Московском университете, книга вышла в Москве: Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М., 1914[8].

О его преподавании в Москве Степун вспоминал почти с восторгом: «Одним из самых блестящих дискуссионных ораторов среди московских философов был Борис Петрович Вышеславцев, приват-доцент Московского университета, живший в Париже и работавший в секретариате женевской Экуменической лиги.

Юрист и философ по образованию, артист-эпикуреец по утонченному чувству жизни и один из тех широких европейцев, что рождались и вырастали только в России, Борис Петрович развивал свою философскую мысль с тем радостным ощущением ее самодовлеющей жизни, с тем смакованием логических деталей, которые свойственны скорее латинскому, чем русскому уму. Говоря, он держал свою мысль, словно некий диалектический цветок, в высоко поднятой руке и, сбрасывая лепесток за лепестком, тезис за антитезисом, то и дело в восторге восклицал: “Поймите... оцените...”.

Широкая московская публика недостаточно ценила Вышеславцева. Горячая и жадная до истины, отзывчивая на проповедь и обличение, она была мало чутка к диалектическому искусству Платона, на котором был воспитан Вышеславцев. Среди большой публики у нас были весьма серьезные знатоки и ценители самых разнообразных явлений культуры от Апокалипсиса до балета, но серьезных знатоков философии было немного даже среди профессиональных философов; вероятно, это объясняется сравнительно невысоким уровнем русской научной философии. Ни Пушкина, ни Толстого, ни Тютчева, ни Мусоргского среди русских философов нет»[9].

Словно напророчил. Вышеславцева-таки сравнили с одним из великих русских композиторов. Склонный к хлестко-красивым характеристикам солидарист С.А. Левицкий, написавший, к примеру, что «если Достоевский — золото нашей литературы, то Соловьев — серебро нашей мысли»[10], не обошел своим определе-

нием и Вышеславцева: «По тонкости его мысли, по богатству ее оттенков, Вышеславцева можно назвать Рахманиновым русской философии. Без его яркой фигуры созвездие мыслителей русского религиозного Ренессанса было бы неполным»[11]. Итак, Рахманинов русской философии...

Впрочем, он точно так же, как композитор Рахманинов, оказался эмигрантом, более того, соседом Степуна по Дрездену. Вышеславцев был выслан в 1922 г. Судьба его складывалась, как и у всех эмигрантов, непросто. Бывший организатор и участник Вольной академии духовной культуры, в Берлине Вышеславцев преподавал в Религиозно-философской академии, основанной Н.А. Бердяевым, работал в Богословском институте в Париже, редактором в ИМКА-ПРЕСС, а с 1925 г. редактировал бердяевский журнал «Путь». Вообще он тесно был связан с Бердяевым, как позднее с К.Г. Юнгом, четыре тома которого он издал на русском языке. Степун Бердяеву оппонировал, но это не помешало их профессиональным контактам. Тем более, что в том же 1922 г., как Вышеславцев, Бердяев, Франк, был выслан из России и Степун. Россию захлестнул перекинувшийся в Европу хаос, стихия иррационализма.

Стоит отметить, что некую струю иррационализма в позитивистский век, даже у классического немецкого философа, одним из первых почувствовал Вышеславцев. Поначалу он даже, опираясь на Бергсона, воздал ей хвалу: «Интуиция является постоянным *коррективом* несовершенства и ограниченности в работе понятий. Когда догматический рационализм готов замкнуться в самодовольных комбинациях понятий, интуиция заставляет нас *почувствовать*, что море действительности не измерено лотом разума, таинственным образом она угадывает, предчувствует его глубину»[12]. Очень удачно определил пафос его ранней философии В.В. Зеньковский: «Основной антиномией, с которой приходится иметь дело философии, является, по Вышеславцеву, антиномия системы и бесконечности, рациональности и иррациональности. <...> Его гораздо более интересует в бытии иррациональное, чем рациональное»[13]. Иррационализм Вышеславцев начинает постепенно (в «Этике преображенного эроса») понимать как основу, основание рационального.

Естественно, что кризис рационализма был общеевропейским явлением, включая и Восточную и Западную Европу. Артур Кёстлер написал в своей автобиографии: «Я родился в тот момент (1905 г. — *В.К.*), когда над веком разума закатилось солнце»[14]. И вправду — недалеко уже было до фашизма и национал-социализма. Гуссерль именно в закате разума увидел первопричину

европейского кризиса: «Чтобы постичь противоестественность современного “кризиса”, нужно выработать *понятие Европы как исторической телеологии бесконечной цели разума;* нужно показать, как европейский “мир” был рожден из идеи разума, т. е. из духа философии. Затем “кризис” может быть объяснен как *кажущееся крушение рационализма*. Причина затруднений рациональной культуры заключается, как было сказано, не в сущности самого рационализма, но лишь в его *овнешнении,* в его извращении “натурализмом”. <...> Есть два выхода из кризиса европейского существования: закат Европы в отчуждении ее рационального жизненного смысла, ненависть к духу и впадение в варварство, или же возрождение Европы в духе философии благодаря окончательно преодолевающему натурализм героизму разума»[15]. И возникает вопрос, что происходит — в Западной Европе и в России как части европейского духовного пространства.

Россия казалась загадкой, и именно об этом слова Вышеславцева, с которых он начал свой доклад «Русский национальный характер», прочитанный им в 1923 г. в Риме на конференции, организованной Институтом Восточной Европы[16]: «Далекая таинственная Россия <...> ее всегда боялись и не понимали. Теперь она выкинула какую-то невероятную штуку, которая *волнует, пугает или восхищает весь мир*. <...> Из того, что пишется и говорится на Западе, я вижу, что русский народ и русская судьба все еще остается *полной загадкой* для Европы. Мы интересны, но непонятны; и, может быть, поэтому особенно интересны, что непонятны. Мы и сами себя не вполне понимаем, и, пожалуй, даже непонятность, иррациональность поступков и решений составляют некоторую черту нашего характера»[17]. Но причины все же стоило поискать. Для Степуна в этом было явное проявление варварства, которое впоследствии увидел он и в евразийстве. И при отказе от рацио, от разума, «русская мысль бессознательно двигалась в направлении к хаосу и, сама хаотичная, ввергала в него, поскольку ею владела, и всю остальную культуру России»[18].

Поэтому борьба за философию стала для Степуна борьбой за русскую культуру, в конечном счете — за Россию, ибо он опасался, что русская философия окажется не защитой от хаоса, а тем самым «слабым звеном», ухватившись за которое можно ввергнуть всю страну в «преисподнюю небытия»[19]. Слова Ленина о России как «слабом звене» в европейской (в его терминологии — капиталистической) системе — не случайны. К этой теме мы еще вернемся, пока же стоит показать, какое лекарство предлагал Степун. Ему кажется, что наступила в России эпоха устроения правового демократического общества. Но идея демократии есть идея

рационально организованной жизни. А все прошлое воспитание русской культуры было направлено против подобного рационализма. В России разгорается и торжествует хаос. И что делать, если **действительность неразумна?..**

В этом контексте стоит вспомнить старый спор русских мыслителей о поразившей их формуле Гегеля, что «все разумное действительно, а все действительное разумно». Искренний и неистовый Белинский сразу же восславил николаевский режим, потому что это была самая что ни на есть, на его взгляд, действительность, а стало быть, она была разумной. Споры продолжались до тех пор, пока Герцен не назвал эту формулу «алгеброй революции», призвав всех к революции. Но, в отличие от активного радикала Герцена, все же стоит понять сегодня хитроумие формулы, *ее философский смысл*, ибо не всякая действительность действительна, т. е. находится в пространстве разума. Страна настолько действительна, насколько разумна. За пределами разума начинается хаос, *внеисторическое существование* и «тьма кромешная». И если Россия не разумна, она и не действительна, ибо находится вне сферы исторических законов. И с этой недействительностью, неразумностью надо бороться. Герцен в своей борьбе стал опираться на мистически понятые идеи общинности как специфической российской сути, неподвластной западноевропейским рациональным расчислениям. Волей-неволей он сошелся идейно со своими прежними оппонентами — славянофилами, даже превзошел их, увидев *в отсталости* России ее великое преимущество, позволяющее обогнать Запад.

А Россия и в самом деле оказалась первопроходцем в этом кризисе, в этой катастрофе. Россия и русский иррационализм мышления и самопонимания оказались тем самым «слабым звеном в цепи», за которое ухватился Ленин, чтобы свалить буржуазную Европу. И свалил, но прежде свалил Россию — в сатанизм и «в преисподнюю небытия» (Степун), в пространство той самой меоничности, которая приписывалась сугубо западной жизни.

Деятельность Степуна оказалась той первопричиной, что побудила Ленина задуматься о высылке на Запад российской духовной элиты. После издания Степуном книги о Шпенглере было принято Лениным решение об изгнании интеллектуальной элиты из России.

Можно, конечно, предположить, что Ленин старался избежать идеологического соперничества, строя непоколебимую идеократию. Но, тем не менее, уже эта идея (пусть и победившая Россию на несколько десятилетий) вряд ли имеет рациональный характер.

В группу высланных писателей попали и Степун, и Вышеславцев.

Началась новая жизнь, решение тяжелых бытовых проблем и попытка сформулировать внутреннюю сущность большевиков, найти им по возможности точное обозначение.

Поразительно, что почти все русские мыслители-эмигранты объяснения происшедшей с Россией катастрофы искали в строчках Достоевского. Можно напомнить тексты Бердяева, Булгакова, Мережковского и др. Почти сразу после Октябрьской революции 1917 г. именно тему стихийности Борис Вышеславцев назвал важнейшим художественным открытием Достоевского: «Теперь, когда русская стихия разбушевалась и грозит затопить весь мир, — мы должны сказать о нем, что он был действительным ясновидцем, показавшим нечто самое реальное и самое глубокое в русской действительности, ее скрытые подземные силы, которые должны были прорваться наружу, изумляя все народы, и прежде всего самих русских»[20]. Весьма близок ему в этом понимании русской революции и большевизма Степун. Интересно, что Степун, боевой офицер, прошедший всю германскую, очевидный противник большевиков, видный деятель Временного правительства, не ушел в Добровольческую армию или еще куда-то бороться с «дьяволизмом». Но именно потому и не ушел на борьбу (в страхе смерти его не упрекнуть), что увидел не случайную победу враждебной политической партии, а сущностный срыв всего народа, которому большевики лишь потворствовали да который провоцировали. В 1923 г. в начальной статье своего знаменитого цикла «Мысли о России» («Современные записки») он писал: «Большевизм совсем не большевики, но нечто гораздо более сложное и прежде всего гораздо более *свое,* чем они. Было ясно, что большевизм — это географическая бескрайность и психологическая безмерность России. Это русские “мозги набекрень” и “исповедь горячего сердца вверх пятами”; это исконное русское “ничего не хочу и ничего не желаю”, это дикое “улюлюканье” наших борзятников, но и культурный нигилизм Толстого во имя последней правды и смрадное богоискательство героев Достоевского. Было ясно, что большевизм — одна из глубочайших стихий русской души: не только ее болезнь [,но] и ее преступление. Большевики же совсем другое: всего только расчетливые эксплуататоры и потакатели большевизма. Вооруженная борьба против них всегда казалась бессмысленной — и бесцельной, ибо дело было все время не в них, но в <...> **стихии русского безудержа**»[21].

Оба они указывали важнейшее, что увидели в XX веке, — взрыв подсознательного, которое стало определять дневную и земную жизнь людей. Помимо статей, которые писали оба, Вы-

шеславцев издал два весьма солидных труда, где дал резкую критику не просто советской власти, но марксизма, который, на его взгляд, не случайно столь легко сросся с русским безудержем. В 1952 г. он издал книгу «Философская нищета марксизма» (игра с названием книги Маркса о Прудоне «Нищета философии»), а в 1953 г. книгу «Кризис индустриальной культуры: Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм». Сейчас эти книги переизданы, наконец, в России. Основной мотив его критики — изгнание из жизни страны духовной вертикали, понятия трагизма, а стало быть, и понятия личности, приведшее даже способных к мысли и чувству людей к погружению в своего рода метафизическое небытие. В другой своей статье о Достоевском 1932 г. он фиксирует эту ситуацию: «Инфантильная философия марксизма не додумалась до мысли о смерти. <...> Пролетариаты и коллективы, народы и земли, планеты и светила — умирают. Пафос пятилеток и классовой борьбы есть вздор перед *проблемой энтропии*. Как бы ни была задавлена личность в коллективизме, личное горе и личный трагизм имеют для нее абсолютное значение. Отсюда невероятное количество самоубийств в коммунизме и притом со стороны лиц наиболее значительных и талантливых. Марксизм не может утешить в трагизме, ибо он не знает трагизма: это бестрагическое миросозерцание инфантильного активизма»[22]. Говоря о самоубийстве, скорее всего он имел в виду гибель Маяковского (1930), смерть его была у всех на памяти. А постоянная тема творчества — как отдать свою личность в услужение пролетариату, массе, прямо отвечала теме статьи Вышеславцева. Поэт не выдержал этой душевной раздвоенности и покончил с собой. Именно эту его раздвоенность, разрыв между высокой личностной культурой и грядущим массовым обществом угадала Цветаева.

Марина Цветаева увидела в самоубийстве Маяковского трагедию личностной культуры в России, создала в 1930 г. цикл «Маяковскому». Приведу несколько строк, имеющих отношение к теме статьи:

Правнуком своим проживши,
Кончил — прадедом своим.

То-то же, как на поверку
Выйдем — стыд тебя заест:
Совето-российский Вертер.
Дворяно-российский жест.

Об этих «жестах» и писал Вышеславцев. Стихия «рационалистически организованного иррационализма» составляла смысл

происходящего. Степун дал свое определение: «Самая страшная и нравственно неприемлемая сторона большевицкой революции, — утверждал он, — это гнусный, политический размен религиозной бездны народной души: апокалипсис без Христа, апокалипсис во имя Маркса. В результате бессмысленный срыв разумного социалистического дела обезумевшею сектою марксистов-имяславцев»[23]. Можно ли так назвать убежденных атеистов? Но вспомним рассуждение Степуна о том, что большевики оседлали иррациональную народную стихию безудержа и большевизма. Чтобы эту стихию оседлать, надо внутренне ей соответствовать. Это простое рассуждение требует, тем не менее, серьезных пояснений.

Как бы ни относиться к имяславию, нельзя забывать, что это было течение внутри христианства, точнее сказать — православия. По формуле весьма крупного выразителя этого течения А.Ф. Лосева, «имяславие — одно из древнейших и характерных мистических движений православного востока, заключающееся в особом почитании имени Божьего. <...> Имя Божье есть энергия Божия, неразрывно связанная с самой сущностью Бога, и потому есть сам Бог»[24]. А потому, по словам Лосева, когда эта энергия сообщается человеку, в нем также действует Бог. В конечном счете, когда имя подменяет Бога, то вполне можно это имя подменить другим именем и направить на него сгусток энергии верующего народа, которая будет заряжать это имя энергией, а потом народ сам от этого имени (от своей же энергии) будет подпитываться. Так и случилось. «По целому ряду сложных причин заболевшая революцией Россия действительно часто поминала в бреду Маркса; но когда люди, мнящие себя врачами, бессильно суетясь у постели больного, выдают бред своего пациента за последнее слово науки, то становится как-то и смешно, и страшно»[25]. Но бред-то был, и имя Маркса наполнилось невиданными энергиями.

А кто мог им противостоять, кто мог понять, что, в сущности, произошло с Россией; и откуда и о чем был ее бред и ее бунт? — задавал вопрос Степун. Дело не в марксизме как научной теории. Для Степуна совершенно ясно, что к научному марксизму происшедшее в России не имеет ни малейшего отношения. Не случайно не раз он противопоставлял *коммунистический рационализм* и *большевистское безумие*. Социалистическое дело — разумно, считал Степун, а здесь произошло противное разуму: «Вся острота революционного безумия связана с тем, что в революционные эпохи сходит с ума сам разум»[26]. И Ленин не был ученым, каким безусловно был Маркс, Ленин «был характерно русским *изувером науко접верия*»[27].

В России произошла невероятная вещь: народ, не теряя, так сказать, «психологического стиля своей религиозности», т. е. сочетания фанатизма, двоеверия, обрядоверия, подкрепленного невежеством и неумением разумно подойти к церковным догматам, изменил вдруг вектор своей веры. Отдал эту веру большевикам — атеистам и безбожникам. И потому, как пишет Степун, «все самое жуткое, что было в русской революции, родилось, быть может, из этого сочетания безбожия и религиозной стилистики»[28].

Поэтому он думал, что задача русской эмиграции была не военная борьба с большевизмом, как считал, скажем, П.Б. Струве, но политическая борьба, не просто философские рассуждения о природе большевизма, но политическое противостояние. Здесь он разошелся с Бердяевым, который в своем журнале «Путь» отстаивал аполитичность русской эмиграции. Вышеславцев же и житейски, и идейно был близок Бердяеву. Поэтому Степун полемизировал не только с Бердяевым, но и с Вышеславцевым, редактором и автором «Пути». Степун был сотрудник «Современных записок», и в 1926 г. мы можем в его текстах увидеть иронический пассаж по поводу позиции Вышеславцева в контексте полемики с бердяевской установкой: «На политической территории решаются сейчас религиозные судьбы народов. Не верно, что консерваторы никого не консервируют, либералы никого не освобождают и радикалы не делают ничего радикального, как то на основании французских наблюдений утверждает Б.П. Вышеславцев. Уже в Германии дело обстоит иначе. Консерваторы в ней определенно консервируют язычество древних германцев; радикалы делают весьма радикальный четвертый интернационал, т. е. подготовляют по терминологии "Пути" царство антихриста»[29].

Если можно с некоторым допущением сказать, что большевистская революция была результатом западных влияний, то последствием Октября была страшная европейская *революция справа — национал-социализм*. «Возникновение на Западе фашизма, — замечал Бердяев, — который стал возможен только благодаря русскому коммунизму, которого не было бы без Ленина, подтвердило многие мои мысли. Вся западная история между двумя войнами определилась страхом коммунизма»[30].

В эти годы он становится для русской эмиграции признанным *консультантом по Германии*. В «Современных записках» и «Новом граде» он написал несколько статей, специально посвященных немецким проблемам[31], не считая постоянных и привычных для него сопоставлений немецкой и российской мысли. Проблемы Германии не могли не волновать изгнанную из своей страны русскую интеллигенцию. Слишком много общего с большевизмом

находили эмигранты в поднимавшемся национал-социализме. Россия и Германия слишком тесно сплелись в этих двух революциях — от поддержки Германией большевиков до поддержки нацистов Сталиным.

Содержание *немецких статей* Степуна самое простое: обзоры современной немецкой литературы (о Ремарке, Юнгере, Ренне и т. п.), анализ политических событий (выборы президента и т. п.). Но второй смысл — сравнение двух стран с такой похожей судьбой: слабость демократии, вождизм, умелая спекуляция тоталитарных партий на трудностях военной и послевоенной разрухи. И прежде всего отказ от рационализма и подыгрывание иррациональным инстинктам масс: «Как всегда бывает в катастрофические эпохи, в катастрофические для Германии послевоенные годы стали отовсюду собираться, подыматься и *требовать выхода в реальную жизнь иррациональные глубины народной души* (курсив мой. — *В.К.*). Углубилась, осложнилась, но и затуманилась религиозная жизнь. Богословская мысль выдвинулась на первое место, философия забогословствовала, отказавшись от своих критических позиций»[32]. Перекличка с предреволюционной российской ситуацией очевидная.

Религиозная проблема работала как в России, так и в Германии. Резонно соображение исследовательницы: «Темы философов русского зарубежья пронизаны религиозными сюжетами, <...> религиозность оказалась единственной реальностью, которая оставалась для них настоящей, родной, самой интимной сферой»[33]. Но дело в том, что тоталитарные режимы весьма серьезным своим врагом считали христианство с его демократическим утверждением каждой личности (все души имеют свое место у Бога). Поэтому тема христианства остается одной из важнейших для Степуна и его сотоварищей по эмиграции.

В своих мемуарах автор знаменитого романа «Слепящая тьма» Артур Кёстлер в главе «Закат либерализма» писал: «До 14 сентября (1930 г. — *В.К.*) у партии национал-социалистов было 12 мест в германском парламенте; в этот день она получила 107 мандатов. Партии центра были сокрушены, демократическая партия практически перестала существовать. Социалисты потеряли 9 мандатов. У коммунистов прирост голосов составил 40 %, у нацистов — 80 %. Конец надвигался. Развязка наступила спустя два с половиной года. <...> Через несколько дней паника улеглась <...>, люди вернулись к обыденным делам, уже не замечая, что страна превратилась в бомбу замедленного действия. Мы то слышали, как тикает часовой механизм, отсчитывая нам последние минуты, то забывали о нем. Ко всему привыкаешь, а этот процесс

растянулся на два с половиной года»[34]. Конечно, привыкаешь ко всему, но некоторые начали искать контактов с нацизмом. Чуть позже Геббельс будет иронизировать, говоря об интеллектуалах, лихорадочно принявшихся вступать в партию. Геббельс, писал Альберт Шпеер, 2 ноября 1931 года «опубликовал в “Ангриф” (“Наступление”) передовицу, касавшуюся множества новых членов, вступивших в партию после сентябрьских выборов 1930 года. В своей статье он предостерегал партию против проникновения в нее буржуазных интеллектуалов, заявлял, что представителям обеспеченных и образованных слоев общества нельзя доверять так же, как “старым борцам”, ибо по своему характеру и принципам они стоят неизмеримо ниже добрых старых партийных товарищей. Правда, Геббельс учитывал интеллектуальный потенциал новообращенных: “Они полагают, что лишь болтовня демагогов привела *движение* к величию, и теперь готовы присвоить и возглавить его. Вот что они думают!”»[35].

Степун в начале тридцатых уже вполне серьезно относится к нацистам, более того, публикует в «Современных записках» и «Новом граде» ряд статей, посвященных этой проблеме. В 1931 г. он так оценивал выборы 14 сентября: «Без учета того факта, что национал-социалисты шли в бой с твердою верою в непоколебимую верность своей идеи, с “лютой” (grimmig) решимостью во что бы то ни стало победить и с повышенным чувством мессианских задач грядущего немецкого государства, их головокружительный успех необъясним»[36]. Победа нового движения уже близится. Для Степуна противостояние нацизму интеллектуала определялось двумя понятиями: вера в Бога и верность подлинной философии.

Вышеславцев, напротив, одно время видел в гитлеровцах освободителей России от коммунизма. Не только у него, такие же иллюзии были у И.Ильина, у Д. Мережковского, у Э. Метнера и др. Тем не менее он продолжал общаться со Степуном, а Степун с ним. Известно, что в 1939 г. Вышеславцев навестил Степуна в Дрездене. Довольно быстро потеряв свои иллюзии относительно рыцарского начала у Гитлера и его бескорыстной борьбы с коммунизмом в Советской России, Вышеславцев пытается перебраться в Швейцарию, что ему, наконец, удалось с помощью К.Г. Юнга, четыре тома которого он издал на русском языке. Это ему удалось. Степуна же ждали еще большие испытания.

Впрочем, здесь я немного забегаю вперед, ибо хочу предложить читателю письма Степуна Вышеславцеву, переписка их восстановилась с конца 40-х годов. Из этой переписки ясно по крайней мере одно: что тяжелая судьба не давала людям разбегаться. Они чувствовали себя потерпевшими кораблекрушение, но оста-

вавшимися в одной лодке. Пересечение и близость их судеб — не пустые слова. Слава Богу, осталось реальное свидетельство этого пересечения — публикуемые ниже письма.

---

[1] *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 78.

[2] Из переписки князей С.Н. и Е.Н. Трубецких (публикация Н.В. Котрелева) // Вопросы философии. 2007. № 11. С. 96.

[3] [*Гессен С., Степун Ф.*] От редакции // *Степун Ф.А.* Сочинения / Сост., вступ. статья, примеч. и библиография В.К. Кантора. — М.: РОССПЭН, 2000. С. 798.

[4] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. С. 73.

[5] *Виндельбанд В.* Прелюдии. Философские статьи и речи. М.: Гиперборея. Кучково поле. 2011. С. 8.

[6] *Щедрина Т.Г.* Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М.: РОССПЭН, 2008. С. 114.

[7] См. *Гаврюшин Н.К.* Вышеславцев и его философия сердца // Вопросы философии, 1990. № 4. С. 55—62.

[8] Стоит упомянуть мнение об этой книге Г.Г. Шпета, весьма строгого и разборчивого ценителя русской мысли: «В большую заслугу нужно, поэтому, поставить философам-юристам школы П.И. Новгородцева делаемые ею усилия <...> приблизить свои исследования к типу исследований историко-филологического характера. <...> Само собою напрашивается в особенности сравнение исследований Вышеславцева «Этика Фихте» и «Философии Гегеля» Ильина, — и по тяжести тем: оба из истории немецкого идеализма, и по близости метода: интерпретация отдельного автора, главным образом, из него самого — имманентное, так сказать, ему исследование. Правда, именно в смысле и стиля и преодоления дилетантизма — преимущества на стороне работы Вышеславцева. Интереснее и богаче она также содержанием: Вышеславцев более подходит как философ, не скрывает себя, не боится сам ставить вопросы, на которые ищет ответа не только у Фихте, но и в современной философской мысли. Его работа, я бы сказал, и по приемам его научнее, так как автор не претендует сделать из своей интерпретации какого-либо философского "открытия". По языку она — спокойнее, деловитее, также можно сказать, ученее» (*Шпет Г.Г.* Опыт популяризации философии Гегеля. Отзыв о книге И.А. Ильина «Философия Гегеля». Реконструкция текста Т.Г. Щедриной // *Шпет Г.Г.* Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры. Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 222—223).

[9] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. С. 203.

[10] *Левицкий С.А.* Вл. Соловьев и Достоевский // *Левицкий С.А.* Свобода и ответственность. «Основы органического мировоззрения» и статьи о солидаризме / Сост., вступ. статья и коммент. *В.В. Сапова*. — М.: Посев, 2003. С. 338.

[11] Цит. по: *Сапов В.В.* «Рахманинов русской философии» // *Вышеславцев Б.П.* Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. С. 15.

[12] *Вышеславцев Б.П.* Этика Фихте: Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М.: КРАСАНД, 2010. С. 74.

[13] *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. II. Часть 2. Л.: ЭГО, 1991. С. 117.

[14] *Koestler A.* Arrow in the blue: an autobiography. N.Y. 1952, P. 9.

[15] *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 115.

[16] Стоит добавить воспоминания писателя Бориса Зайцева об этой конференции, из слов которого ясна невольная близость изгнанных русских писателей и мыслителей: «Той осенью оказался в Риме как бы съезд русских: Вышеславцев, Осоргин, Муратов, Чупров (младший, сын профессора. Тоже экономист), Бердяев, Франк, я — каждый выступал перед публикой римской по своей части» (*Зайцев Б.К.* Бердяев // *Бердяев Н.А.* Самопознание. М.: Книга, 1991. С. 387).

[17] *Вышеславцев Б.П.* Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 112. Публикация подготовлена Л.И. Куглюковской.
[18] [*Гессен С., Степун Ф.*] От редакции // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 791.
[19] *Степун Ф.* Мысли о России. Очерк IV // Там же. С. 248.
[20] *Вышеславцев Б.П.* Русская стихия у Достоевского. Берлин: Обелиск, 1923. С. 10.
[21] *Степун Ф.* Мысли о России. Очерк I // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 205 (Курсив Ф. Степуна, выделено мной. — *В.К.*).
[22] *Вышеславцев Б.П.* Достоевский о любви и бессмертии // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881 — 1931 годов. Сборник статей. М.: Книга, 1990. С. 398—399.
[23] *Степун Ф.* Мысли о России. Очерк VIII. (Национально-религиозные основы большевизма: пейзаж, крестьянство, философия, интеллигенция) // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 328—329.
[24] *Лосев А.Ф.* Имяславие // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 53, 59.
[25] *Степун Ф.* Мысли о России. Очерк VI (Большой смысл и малые смыслы. Коммунистическая идеология и современная литература. Эмигранты и большевики) // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 283.
[26] *Степун Ф.* Религиозный смысл революции // Там же. С. 386.
[27] *Степун Ф.* Мысли о России. Очерк IX (Национально-религиозные основы большевизма: большевизм и Россия, большевизм и социализм; социалистическая идея и социалистическая идеология; Маркс, Бланки, Бакунин, Ткачев, Нечаев, Ленин) // Там же. С. 347 (курсив Степуна).
[28] *Степун Ф.* Мысли о России. Очерк IV // Там же. С. 349.
[29] *Степун Ф.А.* Об общественно-политических путях «Пути» // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 864.
[30] *Бердяев Н.А.* Самопознание. (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. С. 231.
[31] Германия // Современные записки. 1930. Кн. 42. С. 413—427; Письмо из Германии. Формы немецкого советофильства // Современные записки. 1930. Кн. 44. С. 448—463. (Подп. — *Николай Луганов*); Письмо из Германии. (Национал-социалисты) // Современные записки. Париж. 1931. Кн. 45 (XLV). С. 446—474. (Подп.: *Николай Луганов*) и др.
[32] *Степун Ф.* Германия «проснулась» // Там же. С. 484.
[33] *Щедрина Т.Г.* Архив эпохи: тематическое единство русской философии. С. 123.
[34] *Кёстлер А.* Автобиография // Иностранная литература. 2002. № 7. С. 207.
[35] *Шпеер А.* Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 38.
[36] *Степун Ф.* Письма из Германии (Национал-социалисты) // *Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 886.

Федор Степун*
Письма Б.П. Вышеславцеву**

1[1]

10-IV- 48

Münich 27, Manerkirchenstr., 52

Дорогой Борис Петрович,

уже давно, но как-то глухо слышали мы, что вас отнесло в Швейцарию. Конечно, можно было бы уже давно запросить тех же Кульманов о месте вашего пребывания, но это как-то не сделалось. Не знаю почему, но я вообще медленно, несмотря на тоску по старым друзьям и знакомым, связываюсь с ними. Очевидно, в душе подсознательно живет гоголевская тема: «отсюда хоть три года скачи, — никуда не доскачешь». Спасибо, что Вы написали, чем очень обрадовали нас. Надеюсь, что за это время Вы получили мои «воспоминания»[2] и второе издание Переслегина[3]. Жалею, что то и другое имеется в данную минуту лишь на немецком языке. Думаю, однако, что и немецкий перевод «воспоминаний» заинтересует Вас, так как почти все содержание книги в такой же мере моя, как и Ваша биография. Мне очень хотелось бы продвинуть «воспоминания» в Европу. Если у Вас есть связь со Швейцарской прессой, то был бы Вам очень благодарен, если бы Вы устроили рецензию в какой-нибудь газете или литературном журнале. По моему плану все три тома вместе должны дать, пользуясь выражением Зиммеля[4], некую молекулярную социологию нашей революции. Второй том выйдет, вероятно, к Рождеству. Простите, что сразу же обременяю Вас просьбою. Я Вам выслал два экземпляра «воспоминаний». Второй перешлите, пожалуйста, Нелли Викторовне Кимляетам[5], которая, как нам рассказывал недавно гостивший у нас Asmuss[6], очень тоскует о прошлом, а я ведь был очень близок с ее покойным братом.

Что сказать о себе? Как и все, мы всё потеряли в Дрездене[7]. Если что и жалко, то только русскую библиотеку, которая мне сейчас была бы особенно нужна, так как я получил в Мюнхене профессуру по истории русской культуры (Russische Geistesgeschichte). Этим летом исполняется уже два года моей мюнхенской деятельности. Интерес к России очень велик. Меня слушают около 250 человек. Студенчество гораздо серьезнее, чем то, с которым я имел дело в

---

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-03-00064а

** Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Vysheslavtsev. Box 1. Stepun, Fedor Avgustovich. To Boris Petrovich Vysheslavtsev.

Дрездене. Два католических патера пишут у меня докторские работы. Предложений публичных лекций не оберешься. В предстоящем летнем семестре я опять читаю во Франкфурте, Гейдельберге, Тюбингене, Штуттгарте и Гейльбронне[8]. Могу сказать, что если бы не перспектива возможной войны и необходимого в связи с ней бегства отсюда, то мы были бы своей жизнью вполне довольны. Правда, я лично не верю ни в то, что война, безусловно, неизбежна, ни тем паче в то, что мы стоим накануне ее. Но все же и при моем неверии нет безусловной веры в то, что все обойдется благополучно.

Пока я еще воздерживаюсь от участия в культурно-просветительской работе среди новой эмиграции: уж очень сложно ее лицо и многообразны среди нее всевозможные политические течения. С отдельными людьми мы довольно близко общаемся. Читаю я также и русские лекции в прицерковных организациях, но от политики воздерживаюсь, да и не верится мне как-то в политическое значение неоэмигрантских толпищ. Но это тема большая, о которой ближе — при свидании.

Мы уже давно собираемся на месяц в Швейцарию, которая мне прежде всего необходима, чтобы собрать материал для написания историософски-социологического послесловия к моим «воспоминаниям»; но до сих пор все встречались какие-то неожиданные препятствия, о которых рассказывать долго. Теперь дело будто бы налаживается, и мы живем надеждой по окончании семестра, т. е. в начале июля, попасть к вам. К сожалению, наше с Наташей здоровье не так хорошо, как оно должно было бы быть: у нее сердце — у меня желчный пузырь. Мечтаем в Швейцарии не только духовно, но и физически напитаться. Конечно, надо еще устроить, или вернее, расширить ту очень узкую материальную базу, которую мне гарантирует знакомый издатель. Надеюсь, однако, что это как-нибудь уладится.

Были ли Вы на том международном съезде в Швейцарии, на котором выступал Николай Александрович[9], о смерти которого мы узнали с большим опозданием. Мне очень хотелось бы знать поточнее и поглубже о его просоветских настроениях (статью Федотова «Старый, ослепший орел»[10] я читал). Я взялся написать о нем статью-некролог для одного немецкого журнала и мне трудно писать, не зная подробностей его духовного поворота. Если что знаете — напишите; если были о нем интересные статьи — то, пожалуйста, пришлите, очень обяжете. Жива ли еще Евгения[11] Юдифовна. (Ведь жена, Лидия, умерла давно!)

Ну, кончаю, дорогой Борис Петрович. Наташа и я крепко обнимаем Вас и Наталью Николаевну[12].

Ваш *Федор Степун*

P. S. Нельзя ли как-нибудь получить Вашу книгу «Диалект. материализм»[13]. Мне она была бы нужна.

---

[1] Письмо написано от руки.
[2] Речь идет о немецком варианте мемуаров Степуна: «Vergangenes und Unvergangliches».
[3] Die Liebe des Nikolai Pereslegin. Munchen. 1951.
[4] *Георг Зиммель* (1858—1918) — немецкий философ и социолог, один из главных представителей поздней «философии жизни». Разрабатывал преимущественно проблемы философии культуры и социологии. Пользовался поддержкой учителя Ф. Степуна Г. Риккерта. В своем преподавании курса философии в Дрезденском институте технологии Степун опирался на идеи Зиммеля.
[5] Данного человека определить не удалось.
[6] Скорее всего речь идет о *Валентине Фердинандовиче Асмусе* (1894—1975), которого Степун знал с 1910 г.
[7] Речь идет о бомбежке Дрездена англо-американской авиацией в феврале 1945 г., уничтожившей дом Степунов, где погиб весь архив и вся библиотека мыслителя.
[8] Гейльбронн (Heilbronn) — город в земле Баден-Вюртемберг на реке Неккар.
[9] Речь об Н.А. Бердяеве (1874—1948), великом русском философе.
[10] Так Степун обозначил статью Федотова «Ответ Н.А. Бердяеву», опубликованную в 1946 г. в журнале «За свободу», № 17. Федотов писал, что в ситуации победы в войне с Гитлером Сталина «идейное значение русского патриотизма совершенно меняется. Он теряет остатки благородства, наследие героической обороны, и приобретает хищный, волчий оскал, который был свойствен и немецкому патриотизму гитлеровской эпохи. Боюсь, что и русскому народу придется расплачиваться за патриотов, сплотившихся ныне вокруг Сталина-завоевателя. <...> Сталинизм есть просто русская форма фашизма. <...> В этой борьбе Бердяев — конечно, сам не подозревая о том, — занял позицию в стане фашизма против социализма, в стане рабства против свободы. <...> Бердяев живет в воображаемом, нереальном мире. Однако это не оправдание. У русского писателя в эмиграции имеются лучшие возможности информации, чем у кого-либо другого. Мы понимаем по-русски. Бердяев не знает фактов, потому что не хочет их знать.<...> В этот решающий одиннадцатый час так много зависит от немногих — мужественных и честных. Горе, когда эти немногие слепнут» (*Федотов Г.П.* Собр. соч. В 12 т. Т. 9. М.: Sam & Sam, 2004. С. 206, 208, 209).
[11] Зачеркнуто слово «Лидия», сверху написано «Евгения».
[12] Жена Б.П. Вышеславцева (урожденная Алексеева, младшая сестра Н.Н. Алексеева).
[13] Речь идет о первом разделе книги Вышеславцева «Философская нищета марксизма» под названием «Диалектический материализм». Вопрос загадочный для 1948 г., поскольку книга вышла только в 1952 г.

2[1]

25.XI.53

Милый друг, Борис Петрович,

большое спасибо за присылку Вашей книги[2] и за недавно полученное письмо. Как жалко, что Вы живете в Женеве, а не в Цюрихе или даже Базеле. С тех пор, как мы с Вами видались, мы с Натальей Николаевной уже не раз бывали в Швейцарии. Приблизительно год тому назад я читал две лекции в Гларусе. Десятого декабря мы

опять через Цюрих направляемся туда же. Знаю от г-жи Губерт, что и Вы читали у нее. Если бы Вы жили в Цюрихе, мы попутно обязательно, хоть на несколько часов заглянули бы к Вам: побеседовали о том нашем, своем, непроходящем[3], о котором Вы пишете в Вашем письме. Книгу Вашу я наскоро по диагонали пробежал сейчас же по ее получении, читал я и статью Юрьевского[4] в Социалистическом Вестнике[5]. Уверен заранее, что я с Вами во многом согласен, уверен и в том, что в очень многом окажусь несогласен с Вашими критиками. Само собой разумеется, что я охотно напишу статью о Ваших книгах для Нового Журнала. Хотел бы написать ее, предварительно ознакомившись с полемической литературой. Кроме Юрьевского я ничего не читал. Напишите, пожалуйста, где были напечатаны дальнейшие, интересные, хотя бы и дальнейшие[6] отзывы. К сожалению, должен сказать, что до конца семестра я до того завален, задушен работой, что раньше, чем к концу февраля я всерьез приступить к работе над Вашей книгой не смогу. Каждую неделю я по 4 часа читаю в университете. Кроме того, во время семестра, т. е. до конца февраля читаю еще по одной лекции для студентов всех факультетов. Россия вопрос важный, я как лектор пришелся Германии по вкусу, и потому меня часто приглашают как спеца по российским вопросам. Читаю я много и о фильме. Тоже тема, которая сейчас интересует немецкое студенчество. Даже в католическом Мюнхене министерство предложило ассигновку для ординариата по фильмологии, по примеру парижской Сорбонны. Много у меня также и письменных обязательств. Все это сообщаю Вам, чтобы Вы не посетовали на меня за отсрочку статьи.

А впрочем, номера Нового Журнала появляются настолько редко, что может быть раньше, чем к началу марта, статья Карповичу[7] и не придется к двору. Во всяком случае, я сейчас же напишу Карповичу и узнаю, как обстоят дела. Несчастье только в том, что он медленно отвечает на письма. Вероятно, страшно завален работой.

Незадолго до получения Вашего письма мне кто-то говорил о Вашей болезни[8]. С радостью узнал от Вас, что Вам стало легче, что кризис разрешился положительно. Дай Вам Бог быстрой поправки. Так как мир управляется ныне людьми Вашего возраста, то Вы имеете полное право считать себя молодым. Да и помним мы Вас в Женеве совершенно таким же, каким Вы были в Дрездене[9], а, в конце концов, и таким, каким Вы были в Москве. Мне сдается, что люди, живущие духовной жизнью, гораздо медленнее стареют, чем люди, питающиеся исключительно земными радостями. В совершенно особом состоянии был Бунин, которого мы видели в апреле этого года. Несмотря на свой громадный талант, он все же не был, в подлинном смысле этого слова, духовным человеком,

оттого, быть может, он и так страшно состарился к своим 82 годам. Но талант его был так же силен, как и в лучшие его годы. Только талант этот еще больше и даже страшнее озлился[10]. Слова его были полны невероятной меткости. Я сказал, между прочим, что мы собираемся навестить Сергея Яблоновского[11], как старого москвича, на что он тут же ответил: «зачем это Вам? ведь он "гавно в слезах"». То же самое он говорил о многих из своих старых друзей. И все же очарование его было бесконечно. Вообще в Париже было грустно. Несмотря на то, что Гитлер разочаровал русских гитлеристов, а Сталин — большевизанов, оба лагеря все еще живут враждою друг к другу. Мы «циркулировали» сквозь оба лагеря и, кажется, никого этим особенно не возмутили. На моем докладе о Бердяеве было около 200 человек. Я мог и хотел бы еще многое написать Вам, но должен кончать письмо, т. к. должен продиктовать по крайней мере еще десять писем. А завтра у меня семинар.

Крепко обнимаю Вас и шлю сердечный привет Наталье Николаевне и Вам от нас обоих.

Искренне Ваш *Ф. Степун*

P. S. Кланяйтесь, пожалуйста, Николаю Николаевичу[12] и скажите, что мои попытки устроить его статью не увенчались успехом. В ней много очень интересного, но в ней не чувствуется, что она написана для немцев. Да и в смысле языка надо было бы многое «германизировать».

---

[1] Письмо напечатано на машинке на двух оборотах страницы. Последний абзац впечатан сверху второй оборотной страницы.

[2] «Кризис индустриальной культуры». New-York: Изд-во им. Чехова, 1953. Книгу в частном письме Вышеславцеву очень хвалил митрополит Киприан. Епископ Иоанн Сан-Францисский по поводу этой книги писал Вышеславцеву 24 марта 1953 г. : «Дорогой Борис Петрович, приехал я на юг своей епархии, и, в том доме, где остановился, узрел Ваше новое детище, книгу о марксизме... И вот хочу, с другого конца земли, с двух сторон обнять Вас, — правой рукой через Тихий и индийский океаны, а левой рукой — чрез Атлантический, и сказать автору, посланцу добрых и *умных* сил: спасибо!.. Как овчарка вгрызлись Вы в волка мысленного, и по всем статьям пошли от него клоки шерсти, весьма характерной для сего волка. Очень, очень хорош сей пир мысли, на котором угощаете Вы весьма многих. Мысль наша не избалована анти-марксизмом. И язык Ваш (так же, как и более твердые орудия уст) — силен. Точный и тонкий русский язык "серебряного века" российского, каждой фразой своей попадающий в цель; без обывательской злобности, камешки свои в *глаз* великану из пращи своей запускающий. По образу Архангела Михаила спорите с диаволом "из-за Моисеева тела" (сиречь, творенья Божьяго), без произнесения "укорительного суда" ...Судит Истина а не мы... Книга Ваша — *светский язык Церкви*.

Если же говорить на марсовом наречии, то книгу можно уподобить "водородной" и, одновременно "кислородной" бомбе, — убивающей множество бесов разных категорий, с оживлением умов и сердец...

Книга требует продолжения, развития *по всем направлениям*. Это, конечно, могли бы сделать и другие; но лучше, если сам автор посвятит свой греческий

“досуг” этой христианской “школе”. С любовью обнимаю Вас и призываю на Вашу жизнь и слово Божье благословение. Еп. Иоанн» (Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Vysheslavtsev. Shakhovskoi, Dmitrii Alekseevich. To Boris Petrovich Vysheslavtsev).

3 Намек на немецкое название мемуаров Степуна, по-русски звучащее как «Прошедшее и непроходящее» («Vergangenes und Unvergänglihess». Verlag Jozef Kösel in München, 1947).

4 Речь идет о *Вольском Николае Владиславовиче* (по др. источнику *Владимировиче*): 1879—1964. Родился в Моршанске Тамбовской губернии в помещичьей семье. Журналист, философ, наиболее частые псевдонимы *Н. Валентинов, Самсонов, Е. Юрьевский*. После 2-го съезда РСДРП (1903) примыкал к большевикам, с 1904 г. меньшевик. Считал необходимым обогатить марксизм идеями Э. Маха и Р. Авенариуса. В 1928 г. возглавлял советское торгпредство в Париже, с 1930 г. эмигрант. Автор воспоминаний «Мои встречи с Лениным», «Наследники Ленина», «Два года с символистами». Умер в Плесси-Робинсон под Парижем.

5 *Юрьевский Е.* О «кризисе» индустриальной культуры // Социалистический вестник. Нью-Йорк; Париж, 1953. № 7, июль-август. С. 138—141.

6 Так у Степуна. Можно назвать следующие статьи по поводу этой книги Вышеславцева: 1. *Вишняк М.* О старом социализме, неосоцииализме и неолиберализме // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953, № XXXIV. С. 269—278. 2. *Денникe Ю.П.* Социализм и хозяйственная демократия // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953, № XXXIV. С. 279—286. 3. *Тимашев Н.С.* В защиту промышленной культуры // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953, № XXXV. С. 280—287. 4. *Карпович М.* По поводу книги Б.П. Вышеславцева // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953, № XXXV. С. 288—295.

7 Впрочем, Вышеславцев сам был связан с Карповичем и обсуждал с ним эту проблему. В письме к Вышеславцеву от 20 апреля 1953 г. А.В. Тыркова-Вильямс сообщала ему: «Была я на днях на лекции Карповича о современных событиях. Он начал ее с Вашей книги, сказал, что он только что прочел для Чеховского Издательства книгу проф. Вышеславцева о Кризисе Индустриальной культуры, расхвалил ее и, насколько я помню, даже процитировал несколько слов относительно значения морали. Как видите, Ваша книга еще до рождения имеет значительных хвалителей» (Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Vysheslavtsev. Tyrkova-Williams, Ariadna Vladimirovna. To Boris Petrovich Vysheslavtsev. Box 1).

М.М. Карпович писал Вышеславцеву в письме от 19 января 1953 г.: «Что касается нашей дискуссии по Вашей книге (речь о «Философской нищете марксизма». — *В.К*), то она меня очень разочаровала. Я начал с Вишняка и Денике, потому что видел в них тех «неосоциалистов» (во всяком случае, по сравнению с другими русскими социалистами в эмиграции, к-рых Вы в своей книге приглашали к «диалогу»). Написали они совсем не то, что я ожидал. Вместо обсуждения проблем по существу — разбор отдельных Ваших утверждений, оторванных от контекста, и при том (особенно у Вишняка) разбор придирчивый. Раз заказав им эти статьи, я уже не считаю себя вправе от них отказаться или менять их по существу. В статье Вишняка я кое-что изменил <...>, но некоторые пассажи <...> мне так и не удалось устранить. Я очень долго думал о том, кого попросить написать “в противовес”. <...> Из названных Вами лиц, Степун безнадежен (из него трудно было что-нибудь извлечь)» (Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Vysheslavtsev. Karpovich, Mikhail Mikhailovich. To Boris Petrovich Vysheslavtsev. Box 1).

8 Скорее всего говорил это Степуну Г.П. Федотов, которому Вышеславцев писал: в 1949 г. «Мне пришлось вернуться в Париж, чтобы делать операцию. Она была довольно тяжелой, месяц я пролежал в клинике, не зная, поправлюсь ли, и два месяца пролежал дома» (*Федотов Г.П.* Собр. соч. В 12 т. Т. 12. Письма Г.П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы. М.: Sam & Sam, 2008. С. 407.

9 В письме к Бунину от 24 июля 1939 г. Степун писал: «Живем мы в Дрездене, в

сущности, очень хорошо, Гостившему у нас Борису Петровичу даже показалось, что он попал в довоенную Москву» (Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину. Вступительная статья К. Хуфена. Публикация и примечания Р. Дэвиса и К. Хуфена // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ, 2002. С. 121).
[10] Отношения с Буниным у Степуна были довольно сложные. Бунин полагал, что лучшие статьи о его творчестве принадлежат Степуну. Но в их отношения вмешалась судьба: родная сестра Степуна Марга Степун увела в середине 30-х годов последнюю любовь Бунина — Галину Кузнецову. Отношения на время прервались, но в начале 50-х восстановились. Степун, да и другие мемуаристы не раз отмечали возраставшую с годами желчность Бунина. Скажем, в 1952 г. Степун писал Бунину: «О Блоке я с вами, милый друг, говорить не могу. Ваша страстность мне не под силу» (Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину. Вступительная статья К. Хуфена. Публикация и примечания Р. Дэвиса и К. Хуфена // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ, 2002. С. 134).
[11] *Сергей Яблоновский* — наиболее известный псевдоним *Сергея Викторовича Потресова* (1870—1953), журналиста, литературного и театрального критика, поэта.
[12] Скорее всего, речь идет о Николае Николаевиче Алексееве (1879—1964), философе и правоведе, одно время примыкавшем к евразийству, который с 1950 г., покинув Белград, жил, как и Вышеславцев, в Женеве. Младшая сестра Алексеева была женой Вышеславцева. Алексеев не раз печатался по-немецки, но о какой статье в данном случае идет речь, установить не удалось. Алексеев, как и Степун, учился у Виндельбанда.

Публикация и комментарии В.К. Кантора

Приложение

Федор Степун

О корнях большевизма, о демократии, свободе и будущем России[1]

Тепло встреченный аудиторией проф. Ф.А. Степун говорит:

Заранее должен просить извинения, что вначале буду говорить как будто совсем не на тему. Но мое «не на тему» есть все-таки на тему, потому что мне хочется первый доклад, его тему, осветить совсем с другой стороны. Сторона другая, а тема все-таки та же самая.

Я все время спорил с одним абсолютным предрассудком или же с большой, по-моему, социологической неверностью, Я считаю, что в большевизме и в ленинизме очень незначительную роль сыграл Карл Маркс, и всякое рассматривание большевизма как применения марксизма к революции ведет к пониманию, которое проходит мимо наиболее существенных явлений этого своеобразного, страшного, жуткого, грозного, большого и очень русского явления.

В действительности Ленин обрусил Маркса и тем самым от него удалился. Возьмите самую основную формулу Маркса: обоб-

ществление средств производства. А что сделал Ленин? Уничтожил общество. Превратил общество в департамент, в государственный задворок. Что он сделал с государством? Он государство оцерковил. Потому что превратил государство в исповеднический институт с совершенно определенными исповедническими положениями и с утверждением абсолютной истины. Это с Марксом не имеет ничего общего, кроме терминологии.

Возьмем этот вопрос с другой стороны. Ленин в своих исследованиях о капитализме в России писал, что Россия это, к сожалению, 80—90 процентов крестьян[2]. Если Ленин сам за два года до наступления XX века признает, что крестьян в стране от 80 до 90 процентов, то сколько же у него пролетариев? А ведь нужно учитывать еще и то, что, помимо крестьян и пролетариев, были дворянство, священство, торговцы и целый ряд других слоев.

Следует напомнить, что еще Вера Засулич обращалась к Энгельсу или Марксу и спрашивала: можно ли делать в России пролетарскую революцию, хотя у нас нет пролетариата? И ей ответили, что нельзя. И этот ответ, запрещающий в России делать пролетарскую революцию, опубликован в предисловии ко второму переводу «Капитала» Карла Маркса. Там только сказано, что если в Европе будет революция, то плечиком можно подтолкнуть[3].

Совершенно другая, следовательно, концепция. Но Ленин, хорошо понимавший, что в стране 90 процентов крестьян, все-таки последовал требованиям Верховенского в «Бесах». А там сказано: если у нас нет пролетариата, то мы его выдумаем.

И Ленин выдумал пролетариат. И это написано у него совершенно точно. Он все крестьянство разделил: бедные крестьяне, безлошадные — это пролетариат, а кто побогаче — буржуазия. И, расколов крестьянство на две части, он заставил бедную играть в пролетариат, а зажиточную играть в буржуазию.

Так что, если вы от этого перейдете к структуре большевизма, то вы увидите, — и это Ленин и сам признает, — что предком большевизма, в конце концов, является «Катехизис революционера»[4].

Откуда попало к отцам большевизма слово «катехизис»? Катехизис к ним попал все-таки из уроков Закона Божьего. Значит, в конце концов, основная грамота ленинизма — из урока Закона Божьего.

«Набат»[5] издавался в 1872-ом году и никакого капитализма тогда, конечно, не было. Только что освободили крестьян.

Какие же в «Катехизисе революционера» требования?

Первое — уничтожение Господа Бога.

Второе — изничтожение монастырей, как рассадников лени и безнравственности. О безнравственности можно спорить, но ленивыми монахи не были, огороды возделывали, кормились вполне честно.

Затем — освобождение женщин от ярма брака и государственное воспитание детей.

И самое главное, что было сказано Ткачевым, который называл себя первым марксистом, это то, что мы не можем делать массовую революцию, что это в России неприменимо, что революцию у нас могут делать только профессиональные революционеры.

Слова «профессиональный революционер» на тысячах страниц повторяются у Ленина. Он не ведал никакими пролетарскими массами, делали революцию профессиональные революционеры.

Что такое профессиональный революционер — написано у Ткачева. Он сам им был. Это — человек одинокий, не связанный узами семьи, презирающий всякую нравственность, обязанный умереть за свои идеи, получающий право убить каждого, кто ему помешает[6].

И получается партия совершенно иерархическая. Ветхозаветное начало — Маркс и Энгельс. Непогрешимый папа — Ленин. Затем крут епископов — членов партии, членов советов. Дальше: объективный революционер — пролетариат и субъективные революционеры — пролетарии. Важен только объективный. А субъективные — это просто рабочая скотинка, которую мы потом по-марксистски прижмем к стенке... Все это — совершенно иерархическая структура.

Если вы хотите искать по-настоящему корни большевистской идеократии, то она больше всего похожа на теократию Ивана Великого Грозного. Это абсолютная интенсивная исповедническая вера.

Теперь другой вопрос. Кто же возможные наследники большевиков?

Из слова доклада А.В. Светланина[7] как будто можно было понять так, что большевизм может быть заменен чем-то, подобным западноевропейской демократии. Он даже сказал: мы — демократы.

Вот это — проблема, которая ни в одном реферате не была затронута. А это, собственно, наша главная задача как эмиграции. Нам надо додумать и как-то уловить, как же будет построена будущая Россия?

К монархии не вернемся. Какую-нибудь разнузданную диктатуру а ля Гитлер или Ленин нам тоже нельзя. А можно ли нам эту демократию здешнюю? Я думаю, что ничего не выйдет. Почему? Потому что не может теперь восторжествовать то, что было разбито. А западноевропейская демократия была разбита в лице Временно-

го правительства. И трудно представить, что то, что было разбито, снова восторжествует. А, кроме того, я этого вовсе не желаю.

Ведь, в конце концов, большевизм является очень серьезной критикой этой демократии. Какая ее основная вина? Вина всей западноевропейской демократии в том, что она сорвалась со своих исторических корней. А исторические корни всей западноевропейской демократии — это, конечно, христианство с его двумя Ветхими Заветами: еврейским и античным. И все понятия: понятие свободы, понятие личности, понятие права — все они своими корнями в антично-еврейском мире.

И эти корни теперь изничтожены. И наша свобода, и наша личность, и наше право — это сорванные со своих корней цветы. А сорванные цветы всегда гниют. А когда гниют, то воняют...

Это вот то страшное будущее, которое над нами уже нависает. И я очень боюсь того, что из этого получится. Я не могу сейчас подробно об этом говорить, об этом надо было бы прочесть целый доклад... Но взять, например, вопрос о свободе. Что такое свобода? Она корневым образом связана с Евангелием от Иоанна. Познай свободу и свобода освободит тебя. Это определение дошло до марксовского Гегеля, у которого сказано: свобода причиняется истиной.

И вот этот брак Истины и Свободы, который в английском парламенте сохранялся еще до XVI века, расторгнут. Когда брак расторгается — всегда одно и то же. Категория единства заменяется категорией множественности. Не хочу жену — хочу любовницу. То же самое произошло и с западноевропейской демократией. Она к черту послала жену Истину и завела любовника, а любовник — это Мнение. У нас свобода мнений, ни к чему не обязывающих, кроме защиты своих интересов. Этот пустогрудый либерализм не может заменить трагические события, которыми внесено столько восторга, муки, крови...

Замена большевизма строем, подобным западноевропейской демократии, — это была бы гора, которая родила мышь. Совершенно непредставимо, чтобы на хоботище дикого советского слона сидела такая мышь...

То же самое и с личностью. Личность есть, так сказать, индивидуализированное богоподобие. А мы личности боимся. У нас только индивидуум. Интересно, что западноевропейская пресса не отличает личности от индивидуума. А что значит индивидуум? Неделимый. И современный демократ ни с кем и ничем не делится, он только соединяется в массы для того, чтобы таранить получше подобного ему — своего врага... Никто не пытается другого переубедить, а только переголосовать. Никакого качества, одно

только количество, т. е. наследие того начала рационалистической науки, которое сменило церковь во французскую революцию.

Меня интересует: что вы предлагаете? Насколько я знаю вас, ваше движение, вы все-таки этот пустогрудый либерализм, эту материалистическую демократию, которая уже была сменена большевизмом, отвергали.

Значит, нам надо думать: что же делать? Я не могу на этом останавливаться, но я все-таки думаю, что такие явления, как Аденауэр и де Голль, это какая-то правильная поправка. Но только они не институты, а личности. Когда я так говорю в своих лекциях немцам, они мне говорят: проф. Степун, вы — диктатор. Я говорю: нет. Меня большевики выгнали из страны и заставили подписать, что я подлежу высшей мере наказания, если вернусь. А Гитлер также выгнал меня из университета и дал мне за то, что я молчу, 300 марок в месяц, так сказать, помирай с голоду, и запретил печататься и запретил разговаривать.

Нет, я совершенно не сторонник диктатуры. Но нужно ли из-за того, что мы выбрасываем к черту насилие лжи (ибо диктатура есть власть лжи), выбрасывать из нашего искания власть истины? Я думаю, что в России должна быть продумана какая-то очень уверенная демократия, с усилением власти истины, и не только в порядке свободной проповеди, но как институт твердого начала...

Теперь по поводу второго доклада — о широком фронте. Я стопроцентный защитник широкого фронта. Представлять себе, что какая-нибудь одна революционная партия, особенно такая, которая находится вне пределов страны, может взять себе монополию на проведение революции — это совершеннейшая утопия. Это было бы переоценкой своих сил.

Обращаясь к А.Н. Артемову, проф. Ф.А. Степун говорит: в вашем докладе были две вещи, которые меня в личном порядке интересуют.

Вы затронули тему террора. Возможен ли террор? Об этом я очень много думал, а кроме того и писал в свое время, когда был начальником политического управления военного министерства при Керенском.

Я совершенно определенно защищал во время войны смертную казнь. В правовом государстве я бы ее никогда не защищал. С точки зрения права смертную казнь защищать нельзя, но с точки зрения живой политической борьбы она совершенно неизбежна.

Когда я был — простите меня за воспоминания — призван на названный мною выше высокий пост — неизвестно, как я туда попал, потому что никогда не был эсером, никогда не был эсдеком, Баумана не хоронил, «Интернационала» не пел, а был

каким-то другим человеком, из другого мира, занимался философией, искусством, и революционером меня сделала вот только эта самая революция, — то я сделал тогда Временному правительству и, в частности, Керенскому, три предложения, которые потом были опубликованы в моей книге «Бывшее и несбывшееся».

Первое: чтобы Временное правительство потребовало от союзников немедленного открытия мирных переговоров с объявлением им, что если через пять месяцев мирные переговоры не будут закончены, то мы заключаем сепаратный мир с немцами. Лучше мы заключим, чем Ленин. Если мы не заключим этот мир, то немцы с Лениным его заключат. Надо быть слепым, чтобы этого не видеть.

Второе: быстрый созыв Учредительного собрания для того, чтобы передать крестьянам — что было уже решено — всю землю, чтобы их держать еще пассивно на фронте и чтобы они перестали убивать помещиков.

Третье: арест Центрального комитета большевиков с указанием на то, что если заговорщическая деятельность большевистской партии пойдет дальше, то они подлежат высшей мере наказания.

Я это к тому говорю, что я тогда это защищал и сейчас защищаю. Формула этого — долг греха. В политике существует долг греха. Можно душу свою продать для того, чтобы спасти других. Нужно исполнить этот долг греха. И если бы Временное правительство взяло на себя тогда этот долг греха, то не было бы ни большевизма, ни национал-социализма.

С этой точки зрения, я думаю, нам сейчас о терроре заботиться не нужно, особенно после четвертого доклада. Но все-таки неизвестно, как пойдет. Во всяком случае, политический активизм этого требует.

Теперь вот о чем. Вы употребили выражение «народная революция». Конечно, нам нужны народные начала, но как вам сказать? Народ — это не множество мужиков, а народ — это Достоевский, это Толстой, это народ, собранный в какую-то творческую силу. Вот мне нужен только этот народ — не большое количество людей, а чтобы я жил с народом, чтобы во мне он жил, чтоб я его любил, чтобы я любил образ родины, России; любил, как он, народ живет, даже, как он ругается. В общем все вместе. И это в больших людях существует. И это мне только и нужно...

Я думаю, что власть сегодня находится в процессе разложения и, конечно, нужно теснить ее всеми возможными средствами широким фронтом. Но одновременно моя постоянная забота о том, что же мы будем строить. Очень интересны приведенные в докладах настроения нынешней молодежи в России. Но мне кажется,

что в этих настроениях много шепотно-дилетантского. Ищут Бога у кого? Максвелл был назван, Ремарк... А надо возвращаться к каким-то определенным религиозным истокам...

---

[1] 10—11 октября 1964 года в Мюнхене происходило расширенное заседание «Посева», на котором и сделал свой доклад Ф.А. Степун. Опубликован он был в газете «Посев» 6 ноября 1964 г. № 44. С. 5—6.

[2] Речь идет о книге Ленина 1899 г. «Развитие капитализма в России».

[3] Маркс полагал, что «одновременное существование западного производства, господствующего на мировом рынке, позволяет России ввести в общину все положительные достижения, добытые капиталистическим строем, не проходя сквозь его кавдинские ущелья» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 400).

[4] «Катехизис революционера» явился, по мнению исследователей, результатом коллективного творчества — С.Г. Нечаева, М.А. Бакунина и П.Н. Ткачева. Лидером написания текста был Нечаев.

[5] Журнал П.Н. Ткачева.

[6] Раскавыченная цитата из «Катехизиса революционера»: «Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. <...> Денно и нощно должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к это цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ея достижению» (Катехизис революционера // Революционный радикализм в России / Под. ред. Е.Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997. С. 244—245).

[7] *Андрей В. Светланин* преподавал в Кембридже на русском языке, затем стал журналистом и, наконец, редактором русского эмигрантского журнала «Посев» (1955—1965 гг.).

Публикация и комментарии В.К. Кантора

Опубликовано: Философский журнал. 2010. № 4. С. 53—78.

Историософская концепция «Очерка развития русской философии» Г.Г. Шпета в письме Ф.А. Степуна к А.Л. Бему (1944)

Переписка философа Фёдора Августовича Степуна (1884—1965) с литературоведом Альфредом Людвиговичем Бемом (1886—1945) не является для знатоков их биографий и творчества новшеством: она давно известна пражским исследователям Бема[1], неоднократно цитировалось в литературе[2] и вскоре все письма Степуна Бему будут опубликованы в сборнике международного Бохумского проекта, посвященного журналу «Современные записки». К сожалению, ответные письма А.Л. Бема погибли вместе с ранней частью личного архива Ф.А. Степуна во время одного из воздушных налетов на Дрезден в начале 1945 года.

Отдельная публикация последнего письма Ф.А. Степуна из этой переписки оправдывается тем, что в основной своей части оно посвящено «Очерку развития русской философии» Г.Г. Шпета и заполняет досадный пробел в реконструкциях философского диалога между Степуном и Шпетом. Соглашаясь с плодотворностью для истории русской философии эпистемологических метафор «архив эпохи» и «сфера разговора», теоретически обоснованных и практически применяемых в работах Т.Г. Щедриной[3], хотелось бы подчеркнуть, что это письмо как раз и является тем «камешком» уже в значительной степени шпетоведением восстановленной[4] и исследователями творчества Ф.А. Степуна проанализированной «мозаики» их духовных взаимосвязей[5], который по воле случая в ней до сих пор отсутствовал: речь идет о положительном восприятии Степуном ряда ключевых историософских идей Шпета. Эти же идеи в несколько другом контексте уже затрагивались в моей статье «Д.И. Чижевский, Е.Д. Шор и Г.Г. Шпет»[6]. Наличие нескольких опубликованных в печати реконструкций «сферы разговора» Степуна и Шпета освобождает меня от необходимости повторения их выводов, давая возможность сконцентрироваться на иных темах.

Прежде всего несколько слов о характере отношений между корреспондентами.

Познакомились они в 1925 г. в связи с неудавшейся попыткой А.Л. Бема наладить постоянное сотрудничество с «Современными записками» (в журнале вышли две его небольшие статьи и восемь рецензий). Ф.А. Степун, которому статьи Бема посылались на «экспертизу», всегда поддерживал их публикацию, а после личного знакомства с Бемом в сентябре 1931 г. даже предложил

редакции поручить Бему регулярные обзоры советской и эмигрантской литературы. Предложение это редакцией принято не было. Но между Степуном и Бемом с тех пор установились доверительные деловые отношения: они постоянно обменивались оттисками статей, информацией о повседневной жизни, творческих планах, общих знакомых, сообщениями о наиболее интересных новых публикациях в области литературы, философии и богословия. Письма Степуна к Бему ценны прежде всего автобиографическими реминисценциями и информацией о хронологии его работы над воспоминаниями, сокращенная русская редакция которых под названием «Бывшее и несбывшееся» вышла в двух томах в 1956 г. в Нью-Йорке.

Вероятно, последней присланной Степуну работой А.Л. Бема и была гектографированная рукопись его доклада «Церковь и русский литературный язык», послужившая поводом для написания комментируемого письма Степуна. Но в интересующем нас шпетоведческом контексте эта работа Бема не играет почти никакой роли: с одной стороны, она представляет собой довольно популярный, компилятивный историко-языковедческий доклад[7], основной целью которого было продемонстрировать вклад православной церкви и церковнославянского языка в формирование русского литературного языка, с другой, — из-за отсутствия писем Бема нам неизвестны мотивы, по которым эта не совсем «профильная» для Степуна работа была послана именно ему. Тем не менее она сыграла роль своеобразного катализатора, побудившего Степуна, при всей его симпатии и к автору и к православию, посоветовать Бему познакомиться с историософской концепцией Г.Г. Шпета, сформулированной в «Очерке развития русской философии».

Степун, слишком далекий от историко-языковедческих проблем, интуитивно не разделяя оптимистической точки зрения Бема, более интересовался «духовным генезисом русской революции и революционного сознания» в связи с вопросом о степени вины «догматического рационализма и некритичности» синодально-монархического православия в возникновении революционного сознания. И на этом проблемном фоне склонялся к признанию правоты историософской концепции Шпета. Во всяком случае, в воспоминаниях Степуна работа А.Л. Бема никаких следов не оставила. Аллюзия на основной ее мотив и даже солидаризация с ним, правда, без упоминания имени Бема, встречается только через много лет (1959) в его книге «Большевизм и христианская экзистенция»[8]. Интересует его здесь и вопрос о революционном сознании и степени ответственности за него православной

церкви[9]. В этой же работе впервые после письма Бему снова, но на этот раз в критическом ключе («историко-философская колумбиана», «приписали очень большое значение давно известному факту») упоминается теория Шпета и Федотова о пагубности для русской мысли принятия христианства от Византии на болгарско-македонском наречии[10].

Вряд ли Бем последовал совету Степуна обратиться к работе Шпета: эта точка зрения не была нова, с ее упоминания он, собственно, и начинает свою работу[11]. Но для него «не подлежало сомнению, что через Византию установилась связь Руси с остальным культурным миром, и Русь была втянута в общий поток европейского культурно-исторического развития. Совершенно исключительное значение при этом имело дело свв. первоучителей Кирилла и Мефодия. <...> И если еще раздаются отдельные голоса, берущие под сомнение самое дело Кирилла и Мефодия, которое, по их мнению, привело к отрыву от классической культуры, то все же не приходится сейчас уже ставить вопроса об оценке самого факта христианского просвещения славян в его определяющем влиянии на его дальнейшие исторические судьбы. Это стало настолько общепризнанным, что вошло во всеобщий оборот науки»[12].

Однако Ф.А. Степуна эти аргументы, по-видимому, не удовлетворили: он обратился с сообщением о докладе Бема, о своих впечатлениях от прочтения «Очерка развития русской философии» Шпета и, вероятно, о желании прочесть и другие его книги к своему другу философу и слависту Дмитрию Ивановичу Чижевскому (1894—1977)[13]. Работы Шпета и Бема были хорошо знакомы Чижевскому и его ответ Степуну от 1 июля 1944 года содержит не только их критику, но и изложение собственной историософской концепции: «Шпетовский Герцен у меня есть и я Вам его охотно с оказией пришлю. Но книга в совсем другом стиле, чем “Очерки”: Герцен рассмотрен как <u>чистый</u> философ, с полным игнорированием всего “мировоззрительного” и всей личности Герцена. Книга вышла полезная, но скучная. Между тем, как очерки — книга интересная, но вредная: вредная прежде всего своей полной ошибочностью! Это памфлет против советской философии, одетый в форму истории русской мысли (почему вообще “мысли”? по содержанию следовало бы назвать “бессмыслия”) (или лучше “без-мыслия”). Бема брошюра совсем плоха (главное незнанием материала). Но ее устремление — доказательство христианской <u>образованности</u> древней Руси, конечно, правильнее доказательства “невегласия” у Шпета. Старые русские переводы отцов церкви — вовсе не из легких — вполне осмысленны и содержательны! Ареопагитики переведены прекрасно (хотя и

не в России, а на Балканах). Может быть, и примитивные мысли старой русской проповеди — вполне прозрачны и осмысленны. Почти нет чисто философских тем, но их и не могло быть тогда в литературе на не-ученом (не греческом и латинском языке). Еще более несправедливо освещение философского обучения в Киеве и Москве в 17—18 вв. Здесь Шпет просто блещет незнанием предмета: таким образом, его книга сама — пример некритического (и неисторического) рационализма! Значительно выше всего этого брюзжания соответственные страницы в “Судьбах русского богословия” Флоровского. <...> История русской философии у Шпета почему-то история проселочных дорог русской мысли, а столбовые остаются без рассмотрения и даже без упоминания (я, кстати, писал о книге в “Современных Записках” — не помню как, но, во всяком случае, в этом же духе, — может быть, посмотрите рецензию — тогда я писал, а Современные Записки печатали еще весьма обстоятельные рецензии по 6—8 страниц петита)»[14].

В комментарии к первой публикации этого письма Чижевского я уже писал о том, что обе его рецензии на «Очерк» были написаны совсем в ином — более сдержанном и объективном тоне. Но оценки «невегласия», в конечном счете выводимого Шпетом из принятия христианства от Византии на болгарско-македонском наречии, и в письме и в рецензиях Чижевского совпадали. Он прекрасно понял, что за концепцией «невегласия» и критикой прошлого русской мысли стоит скрытый вызов Шпета советской философии («памфлет»). Главным же объектом его критики было превращение теоретической схемы («невегласие — усвоение результатов чужого философского мышления — самостоятельное мышление») в историческую, придание ей смысла периодизации истории русской философии и как следствие — постоянное игнорирование или недооценка философской и внефилософской «периферии» (литературы и религиозной мысли), без которой именно в России нельзя понять почвы и условий для возникновения профессиональной философии, исследованием которой в основном ограничивался Шпет. Тем самым, сравнивая и по глубине анализа и по полноте привлечения исторического материала заведомо несравнимые работы Шпета и Бема, Чижевский солидаризируется с более слабой работой Бема, поскольку исследовательская задача в ней была поставлена верно: доказательство христианской образованности, а не «невегласия» древней Руси.

Сила аргументации Чижевского в том, что он опирался на тщательное изучение источников древнерусской письменности. Будучи к тому времени автором нескольких работ по истории философии на Украине, книг о Г.С. Сковороде, о Гегеле в России,

заметки «“Жидовствующие“ и гуситы», статей «Платон в древней Руси», «Объем философского чтения в Киевской академии XVII—XVIII вв.», «Ренессанс и украинская духовная жизнь» и других, Чижевский, конечно, мог бы рассеять сомнения Степуна о существовании в русском языке понятий, необходимых для переводов Платона не только в XIX веке, но на гораздо более ранних стадиях развития русского литературного языка. Но вопрос этот в их переписке, очевидно, не ставился, а Степун не настолько хорошо знал работы своего друга, чтобы использовать их в своем письме к Бему. Примечательно, однако, что заключительные страницы статьи «Платон в древней Руси» Чижевский посвящает именно тематике, заинтересовавшей Степуна в «Очерке» Шпета:

«По поводу всех приведенных сопоставлений можно, пожалуй, сделать замечание, что они-де показывают, что в древней Руси было только очень поверхностное, неточное и неясное знакомство с Платоном, что учение Платона часто тенденциозно искажалось с целью возвеличить Платона при помощи указания на мнимую близость его учения к христианству или, наоборот, с целью опровергнуть его, подчеркнув неприемлемые для христианства моменты платонизма. Это замечание нужно признать в общем и целом верным. Тем не менее и такое “поверхностное”, “неясное” и “неточное” знакомство с философией Платона представляется не лишенным интереса фактом. Ведь обычные представления о философской образованности древней Руси сводятся к утверждению о том “невегласии”, которое один из наиболее серьезных и основательных исследователей истории русской философии[15] объявил основною чертою древне-русской философской культуры... правильнее сказать, бескультурности... Как ни элементарны разобранные нами в этом очерке сведения древнерусской литературы о философии Платона, они весьма далеки от “невегласия”.

Старинный читатель читал не так, как современный, пробегающий глазами десятки страниц. Стационарное чтение помогало отдельным мелким замечаниям и фразам прочно удерживаться в памяти и в уме читателя из нескольких мимолетных указаний слагалась яркая и выпуклая картина.

Представление о Платоне, как мы то уже сказали, не было детальным и глубоким, в частностях — иногда весьма важных — оно было ошибочно. Но были известны отдельные учения Платона, в том числе довольно существенные. Для самостоятельного философствования, может быть, эти отдельные membra disjecta[16] не могли служить исходною точкою, но могли быть применены в том или ином случае вместе с учениями отцов церкви и духовных пи-

сателей в помощь главному источнику всех умствований древней Руси о Боге, мире и человеке — Священному писанию.

Мы не хотим преувеличений, — в древней Руси не было “философии” в таком смысле, как средневековая философия на Западе — чистой, хотя бы и зависимой от богословия, теоретической работы мысли. Но отрицать существование в древней Руси некоторых философских сведений и прочного “мировоззрения”, отдельные пункты которого были не лишены философской окраски, нам думается, нет никаких оснований.

Дальнейшее исследование должно разрешить, главным образом, три задачи. Во-первых, необходимо осветить пути проникновения сведений о Платоне в древнюю Русь, — это значит, вскрыть византийские (для периода, начиная с XVI века и в особенности для Украины) и западноевропейские (иногда влиявшие через польское посредство) источники сведений, сообщаемых о Платоне в древнерусской литературе.

Во-вторых, необходимо к исследованию сообщаемого о Платоне и других философах explicite[17] присоединить обозрение всего материала, так или иначе связанного с философиею Платона, но без упоминания его имени. Идеи Платона имели такое прочное и глубокое влияние на патристику, в частности, на такого почитаемого в древней Руси писателя, как Псевдо-Дионисий-Ареопагит, что такие *посредственные* влияния Платона несомненно окажутся и более широкими и более глубокими, чем проанализированные здесь *прямые и непосредственные* указания на Платона (также ведь заимствованные почти исключительно из вторых рук).

Наконец, едва ли не наибольшего интереса заслуживает исследование отражений идей Платона и его языческих и христианских последователей в оригинальной литературе древней Руси, а затем Московской Руси и Украины. В этом направлении еще ничего не сделано. Указания на *влияния* Платона в *оригинальной* литературе важны в первую очередь тем, что они не только поставят конкретно вопрос о философской *“образованности”* древней Руси, но и, быть может, покажут существование в ней определенной философской *культуры*.

Непосредственным продолжением работы над Платоном должно быть изучение всего философского “книжного репертуара” древней Руси»[18].

Хотя в одной из последних книг Чижевского — его «Истории русской мысли» имя Шпета не упоминается, первые три дополнения ко второму ее изданию («Русский язык», «Из истории русской религии и церкви», «Пути науки»[19]) могут рассматриваться как последний отклик на «Очерк развития русской философии»

Г.Г. Шпета, поскольку в них идет речь о русском литературном языке на самых ранних стадиях его развития.

Рукописные автографы писем Ф.А. Степуна к А.Л. Бему хранятся в личном фонде последнего при Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге под шифром 27/G1/b 7. Основная их часть, в том числе и публикуемое письмо, записана под диктовку женой Ф.А. Степуна Натальей Николаевной по старой орфографии, исправленной в публикации на современную.

В заключение отмечу примечательный факт из биографии Степуна, связанный с именем Шпета: во время бомбардировки Дрездена в начале 1945 года погибла вся личная библиотека Степуна, но по какой-то счастливой случайности среди немногих уцелевших книг сохранился и «Очерк развития русской философии»[20].

Галле, 4 сентября 2009 г.

---

[1] Прежде всего М. Магид, С. Магиду и М. Бубениковой.

[2] *Поляков Ф.* Заметки Федора Степуна о русском эллинизме (из переписки с Альфредом Бемом) // A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes / Ed. by. L. Fleishman, H. McLean. Stanford, 2006. С. 454—456. *Он же*. «Я живу в двух культурах, русской и немецкой»: Письма Федора Степуна к Бернту фон Гейзелеру // Диаспора. Новые материалы. Париж; СПб., 2002. Вып. 3. С. 681—682. В статье Ф. Полякова «Заметки Федора Степуна о русском эллинизме» глубокий анализ этой темы и связанной с ней литературы дан параллельно с публикацией основной части письма Ф.А. Степуна к А.Л. Бему от 24 февраля 1944 г. Шпетоведческий аспект играл в ней подчиненную основной теме роль. За указание части библиографических данных, относящихся к публикуемому письму Степуна, выражаю признательность немецкому литературоведу Манфреду Шрубе.

[3] *Щедрина Т.Г.*: «Я пишу как эхо другого». Очерки интеллектуальной биографии Г.Г. Шпета. М., 2004. *Она же*: Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М., 2008.

[4] См. особенно главу «Разговор пятый. Мысли о России: Федор Степун и Густав Шпет» в книге Т.Г. Шедриной «Архив эпохи: тематическое единство русской философии». С. 108—124, являющуюся ничем иным, как реконструкцией «сферы разговора» Ф.А. Степуна и Г.Г. Шпета.

[5] Всесторонний анализ основных историософских тем Шпета и откликов на них в работах Степуна был осуществлен В.К. Кантором: *Кантор В.К.* Густав Шпет как историк русской философии / *В.А. Лекторский, Л.А. Микешина, Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина (Ред.).* Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М., 2006. С. 269—301. Тем самым эта статья, наряду с упомянутыми работами Т.Г. Щедриной, дает наилучший комментарий к публикуемому письму Степуна.

[6] *Янцен В.* Д.И. Чижевский, Е.Д. Шор и Г.Г. Шпет. / *В.А. Лекторский, Л.А. Микешина, Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина (Ред.).* Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М., 2006. С. 357—382. Приложение 1: *П. Прокофьев* <Д. И. Чижевский:> Густав Шпет. Очерки развития русской философии. Первая часть. Петербург, 1922. Стр. XVI—350. Публикация *В. Янцена* / Там же. С. 385—389. Приложение 2: <*Д.И. Чижевский*:> Рецензия на Г. Шпета: Очерк истории русской философии. Ч. I. СПб., 1922. Публикация *В. Янцена* / Там же.

С. 390—402. Приложение 3: *Е.Д. Шор*: Письма Г.Г. Шпету и неизвестному парижскому корреспонденту. Публикация *В. Янцена* / Там же. С. 403—412.

[7] Приведем все же содержание этой работы Бема: 1. Дело свв. первоучителей Кирилла и Мефодия. 2. Церковно-славянский язык в XI—XIV вв. и роль Церкви в его оформлении в качестве языка литературного. 3. Архаизация русского литературного языка в связи с усилением влияния югославянского духовенства в конце XIV — нач. XV в. 4. Перенесение центра духовной жизни на северо-восток и роль Москвы в формировании русского литературного языка. 5. Влияние южно-русского духовенства в XVII в. на русский литературный язык. 6. Церковное пение и его значение для проникновения церковнославянизмов в разговорный язык. 7. Язык богослужения и его место в теории трех стилей Ломоносова. 8. Церковь и современный русский литературный язык. 9. Итоги. Авторитетами, на которых А.Л. Бем в своем докладе ссылается и фактический материал из работ которых использует, были Е.В.Петухов, Г.В. Флоровский, А.А. Шахматов, В.М. Истрин, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, С.П. Обнорский, Л.А. Булаховский, В. Поржезинский, В.В. Виноградов, Н.С. Тихонравов, Г.П. Федотов и Д.И. Чижевский.

[8] «Несколько месяцев назад один из представителей советской религиозной делегации делал доклад в институте славистики при Кёльнском университете, тема которого еще недавно была для Москвы невозможна: “Русский монастырь как воспитатель русского народа“. Докладчик повторил в своем изложении мнение, которое высказывал отлученный от церкви Толстой. Ввиду таких по меньшей мере независимых свидетельств вряд ли можно сомневаться, что настоящим воспитателем простого русского люда действительно была церковь. Это подтверждается большим числом верующих из народа в произведениях великих русских писателей XIX и даже XX столетий, если даже не говорить о литературе более раннего периода». — *Степун Ф.А.*: Сочинения / Под ред. В.К. Кантора. М., 2000. С. 587. Последние предложения являются почти дословным пересказом основных положений работы А.Л. Бема.

[9] «Русская революция и те большевицкие формы, в которые она вылилась, имеют, конечно, очень много причин политических, географических, экономических и социальных. В связи с моей темой меня интересует прежде вопрос, не является ли одною из существенных причин победы большевиков не только подчинение церкви государству, но и добровольное приятие ею на себя защиты узкополитических, частично сословных и классовых интересов в ущерб общерусской культурной и социальной жизни. Этот вопрос со средины прошлого века тревожил многих близкик церкви людей. <...> Если бы синод сумел отстоять свою самостоятельность по отношению к государству, если бы он не допустил пленения церкви и взял бы под свою защиту назревшую тему духовной и социально-политической свободы, то, быть может, церковь и смогла бы на полпути встретиться со свободолюбивой интеллигенцией и тем уберечь ее от религиозного мракобесия ленинизма. <...> Но разрешая себе это сопоставление, необходимо знать и чувствовать, что большевизм отнюдь не является эманацией древней Москвы, а ее имитацией (в Библии дьявол именуется Imitatur Dei». — Там же. С. 602, 604.

[10] «Эта способность жить в христианстве и говорить о нем имеет, естественно, свои глубокие исторические корни. Мы найдем их объяснения в истории русской церкви, на что впервые указал профессор Шпет (Москва), а позднее — эмигрировавшнй Федотов. Теория обоих ученых — это, собственно говоря, разновидность философско-исторической колумбианы. Они не сделали ничего иного, как приписали очень большое значение давно известному факту, что Россия получила свое христианство не от Рима, а от Византии и, следовательно, не на латинском языке, а на болгарско-македонском диалекте, и придали ему далеко ведущий смысл. По мнению Федотова, западное христианство было определено

тем, что церковь училась молиться на том же языке, который открывал для всех образованных людей философские и поэтические работы классической древности. Федотов подчеркивает, что римско-католический монах даже в темные столетия Средневековья “читал Вергилия, чтобы найти ключ к священному языку церкви, читал римских историков, чтобы на них выработать свой стиль. Стоило лишь, — пишет Федотов, — овладеть этим чудесным ключом — латынью, чтобы им отворились все двери”. Из этой, опосредованной общим языком, встречи античности с христианством выросла мощная средневековая культура. Совсем иначе обстояли дела в России. Величайшую из всех книг — Библию — Россия получила на том языке, на котором более ничего не читалось. Отделенное языком от античного мира и поэтому им не тронутое, ни разу не обеспокоенное, русское христианство не нуждалось в защите. Поэтому не приросло к нему никакого понятийного оформления веры, никакого учения и никакой апологии. Путь Запада к высокой схоластике остался нехоженым. Аристотель на Востоке не играл никакой роли». — Там же. С. 588—589. Из этой цитаты становится очевидным, что проблема, впервые затронутая Ф.А. Степуном в письме к А.Л. Бему, занимала его и более чем через десятилетие. Но, как видим, формулировка ее приняла более обтекаемые и даже несколько скептические тона. Что же случилось? Оказывается, в правильности теории Шпета — Федотова он уже не был уверен, о чем свидетельствует письмо, с которым он 13 июня 1959 г. обратился к Д.И. Чижевскому после прочтения его немецкой работы «Святая Русь. Истории русской мысли I (10—17 столетия»: «Я несколько раз вдумчиво читал 70 страницу, но до конца в ней все-таки не разобрался. То, что Вы, как и Флоровский, называете загадкой, Федотов, как и Шпет, объясняет отсутствием в России античного наследства, что он связывает с отсутствием латинского языка. Эта тема Вами не затронута. Я в своей книжке придаю ей большое значение. Полувозражения Флоровского в начале его “Путей”, по-моему, не очень убедительны. Убеждение, что мир во зле лежит, впервые появившееся в XII веке, проходит ведь красной нитью через все дальнейшее развитие России, вплоть до “Крушения кумиров” Франка. <...> В дальнейшем развитии этой темы Вы пишете, что для разрешения этого кризиса культуры Россия обращается к какому-то иностранному врачу, но кто этот врач, из текста неясно. — В результате этих поисков вне российской помощи появляется представление святой Руси. Я опять-таки недоумеваю, как это случилось, что искание помощи вне России привело в XV веке к теории Святой Руси. В дальнейшем эта святая Русь определяется как идеал, но как нечто соотвествующее тогдашней действительности. Но разве Святая Русь была когда-либо действительностью? Но если бы она ею была, то она вряд ли была бы подушкою для духа. — Я уверен, что у Вас на все это есть свои ответы, но написана вся эта страница с такой большой передачей (думаю о велосипеде), что Ваше настоящее понимание остается даже для меня неясным. Уяснить же мне это очень хотелось бы, чтобы избежать в моем собственном мышлении каких-либо ошибок или каких-либо интуиций, не оправдываемых фактами. Я же в первой главе моей книги определенно требую такого оправдания: сначала-де правильность, лишь потом интуитивно добываемая правда». — Tschi II, Heid. Hs. 3881. Abt. C / Kasten — St-Sz, Mappe 05—07. В письме от 13 июня 1959 г. Чижевский ответил на эти сомнения Степуна: «Что касается латинского языка, то он, конечно, совершенно не нужен для развития культуры. Нужно было другое: создание класса ученых, что в средние века было возможно только на почве какой-то академии или университета. Если бы члены такой группы хорошо знали греческий язык и известную в Византии литературу, — и того было бы достаточно. Но этого не было, и те образованные славяне (каких до 13-го века было немало; я вовсе не разделяю ошибочного представления Федотова о незнании греческого языка; существование культурных переводчиков вплоть до конца 13-го века это подтверждает), которые учились <u>только</u> в Византии, возвращаясь домой, заставали

“пустое место”, т. е. отсутствие местной хотя бы самой примитивной научной (вероятно, была бы возможна главным образом богословская) традиции. Какова бы ни была Киевская Академия (существовавшая к тому же только с начала 17-го века), из нее вышли в 18-м и до половины 19-го века — сначала 75 %, а в 19-м половина всех профессоров русских университетов; если Вы отнимете иностранцев, то на долю русских (великороссов) не останется почти никого! — Не помню, где я говорю об “иностранном враче”. Но ведь “иностранный врач” оказался нужен и в 14/15 вв. — византийский, и в 17-м — украинско-латинский (переводы латинской литературы при Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче), греческий (через Никона) оказался “знахарем”! И в 18-м — литература масонов, и в 19-м — богословие славянофилов, в котором гораздо больше немецкой теологии, чем греческого святоотеческого богомыслия. А “теория” (если только пару случайных фраз можно так назвать) “святой Руси” возникла именно на почве “иностранной культуры“: если все из заграницы, то от нас, “по крайней мере“, святость. Да вообще распространилось самое выражение “святая Русь” только после раскола — именно в оппозиции к греческим “исправлениям”; и “светлую Русь” Курбский превратил в “святую” также за границей, на Волыни, где, как мы знаем из его частной переписки, процветало социнианство (именно среди бывших православных дворян и князей). О том, что святая Русь была “действительностью” у меня ничего нет (не нашел)! Или есть неясная фраза? Хотелось бы ее знать (страницу), т. к. уже намекают на необходимость приготовлять новое издание». — Fedor Stepun Papers, Gen Mss 172, Box 34, Folder 1172 // The Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University Library, New Haven, Connecticut, USA.

[11] «Как известно, некоторые ученые держатся того мнения, что принятие христианства от Византии вредно отразилось на состоянии нашей образованности и имело отрицательные последствия для нашего культурного развития. Такого мнения держались, например, А.Н. Пыпин, О.Ф. Миллер и др.». — *Бем А.Л.* Церковь и русский литературный язык. Доклад, сделанный в заседании Русского Научно-Исследовательского Объединения в Праге. Прага, 1944. С. 1, прим. 1.

[12] Там же. С. 1—2.

[13] Довоенные и военные письма Степуна к Чижевскому в его личном архиве пока не найдены, поэтому об их содержании можно судить только по ответным письмам Чижевского.

[14] *Янцен В.* Д.И. Чижевский, Е.Д. Шор и Г.Г. Шпет. / *В.А. Лекторский, Л.А. Микешина, Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина (Ред.).* Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М., 2006. С. 364—365.

[15] *Шпет Г.Г.* Очерк истории русской философии. Том I. Петербург. 1923. Глава 1-ая. — Прим. Д.И. Чижевского.

[16] Membra disjecta — разрозненные части (лат.).

[17] Explicite — в развернутом виде (лат.).

[18] *Чижевский Д.*: Платон в древней Руси // Записки русского исторического общества в Праге. Прага, 1930. Кн. 2. С. 71—81.

[19] *Tschižewskij D.* Russische Geistesgeschichte. 2., erw. Auflage. München, 1974. S. 315—330.

[20] 7 августа 1946 г. Степун писал Чижевскому: «В сущности я нахожусь в совершенно безвыходном положении. Зимой я собираюсь объявить курс о России и Европе как проблеме русской историософии. Из пальца его не высосешь, а книг никаких. Нет ли у Вас хотя бы книги Зеньковского “Россия и Запад” или нечто в этом роде? Нет ли хотя бы Масарика и двух томов Эренберга и Бубнова? У меня на руках только “Пути русского богословия” Флоровского и “История русской философии” Шпета». — Tschi II, Heid. Hs. 3881. Abt. C / Kasten — St-Sz, Mappe 05—07.

Ф.А. Степун — А.Л. Бему

24-II-44

z<ur> Z<eit> «Sonnenhof» Rottach-Egern am Tegernsee
Oberbayern[1]

Дорогой Альфред Людвигович,

Большое Вам спасибо за добрую память обо мне. Я уже очень давно — сразу же после присылки — прочел Вашу брошюру[2], прочел с живым интересом и с преклонением перед обилием вложенных в нее труда и знаний. Я собрался было уже отвечать Вам, но затронутая Вами тема, правда, в ее историософском, а не в языковедческом аспекте, настолько увлекла меня, что я стал перечитывать Флоровского[3] и Федотова[4]. Одновременно мне случайно подвернулся под руку «Очерк развития русской философии» Г. Шпета[5], ранее мне неизвестный.

Так как Вы Шпета не цитируете, хотя в его книге есть очень многое, непосредственно связанное с Вашею темою, то я допускаю, что он неизвестен Вам, что было бы неудивительно, так как книга попала в эмиграцию, кажется, в очень ограниченном количестве экземпляров. Если бы это оказалось так, то очень советую Вам познакомиться со Шпетом. Книга и сама по себе очень интересна, правда, она написана очень неровно, привередливо, а местами даже туманно, но все же в ней много знаний, много таланта и много «ума холодных наблюдений и сердца горестных отмет»[6].

Шпет для Вас очень важен, так как он является, насколько я вижу, наиболее серьезным противником Вашей положительной оценки древне-славянского языка в развитии русской культуры. Для него дело обстоит как раз наоборот. Предельно заостряя шпетовскую мысль, можно, пожалуй, сказать, что в факте принятия Россией греческого христианства на болгарском наречии он видит корень всех недостатков русской культуры, а <может> быть, и злоключений нашей новейшей истории. Каким-то боком своей историософской концепцией он явно соприкасается с Чаадаевым[7]. Разница только в том, что для Шпета трагедия России заключается не в отрыве от католичества, а в отрыве от античной традиции, которая веками животворила католическую культуру на Западе. Мне кажется, что в этой мысли много верного. В свое время, в давно прошедшее блаженное время, московские греколюбы, сгруппировавшиеся вокруг журнала «София»[8] — Муратов[9], Грифцов[10], Нилендер[11] и Сергей Михайлович Соловьев[12], настойчиво проповедовали мне в редакции «Мусагета»[13], что Россия через православие глубже связана с античным миром, чем Запад. Но мне это всегда казалось несколько вымышленной концепцией. Византия — не древняя Греция.

Работая сейчас над предпоследней главой своих воспоминаний, над главою о большевизме[14], я даже пришел к мысли, что в обскурантизме синодально-монархического православия и в мракобесии «Духовного ведомства» надо искать объяснения столь характерного для левой русской интеллигенции, и главным образом для большевизма, сочетания догматического рационализма и некритичности. В России вряд ли был бы возможен «революционный протопоп Аввакум», как Ленина называл Горький[15], если бы догматизм Духовных академий не воспитывал скептического отношения к божественному разуму, т. е. к логосу античной философии.

Простите, дорогой Альфред Людвигович, что в ответ на Ваши языковедческие исследования я пишу Вам о своих историософских волнениях. Но, во-первых, я слишком слаб в языковедении, чтобы разрешать себе беседу с Вами на эту тему, а, во-вторых, известно, что «что у кого болит, тот о том и говорит». Последним же оправданием служит мне моя уверенность, что Вас духовный генезис русской революции и революционного сознания интересует не меньше меня.

Возвращаясь к Шпету, могу, однако, отметить, что у него есть целый ряд не только историософских, но и языковедческих утверждений, идущих вразрез с Вашими положениями. Так, он, например, утверждает, что русская художественная литература все время героически боролась с Кирилло-Мефодиевским наследием в языке и что с появлением Пушкина навсегда рассеялся болгарский туман[16], — чему Вы, правда, противопоставляете утверждение, что после известного упадка славянской стихии в второй половине 19-го века, поэзия символизма вновь обрела ключ к тайне славянского слова. Все отмеченное Вами в этой связи у Ремизова, Замятина, Вяч. Иванова, отца Павла Флоренского, Чехова и даже Бунина — весьма интересно и своею новизною живо заинтересовало меня.

Утверждению Шпета, что для перевода Платона в России не было достаточно разработанного языка (наш известный перводчик Платона Карпов[17] в этом отношении поддерживает Шпета, утверждая, что с русско-славянским языком 18-го века переводить Платона было нельзя)[18], Вы противопоставляете идею платонизма, т. е. идею двупланности русской речи. Получается весьма интересная мысль, что, не имея в себе достаточной для передачи философских глубин словесной энергии, русский язык приобрел, благодаря своему происхождению от церковно-славянского языка, некую специфическую самой структуре философичность.

В связи с этими размышлениями во мне поднялось еще очень много мыслей, за порождение которых я приношу Вам свою искреннюю благодарность.

Очень жаль, что, живя под боком друг у друга, нам не удается видеться. Судя по отчетам в «Новом слове»[19], у Вас в Праге все еще теплится какая-то русская жизнь, а у нас в Дрездене ее мало. Есть много милых людей, теплых отношений, но не получаешь никаких творческих импульсов. В своей брошюре Вы упоминаете, между прочим, Плетнева[20], с которым я в свое время познакомился и который остался у меня в памяти весьма интересным человеком. Где он теперь и что делает? Рядом с ним туманится еще фигура молодого писателя, имя которого забыл, но талантливый рассказ которого «Суд Вареника» хорошо помню[21]. В Праге ли он и работает ли дальше? Сейчас, невольно живя в каком-то духовном одиночестве, так хочется переклички с людьми, на которых возлагал какие-то надежды. От Бориса Валентиновича Яковенко получил недавно две тонкие книжечки со статьями о Гегеле[22]. Удивляюсь, как он удержался и как продолжает печататься. Из Парижа давно нету известий, хотя и писал Зайцевым[23] и Лихошерстову[24], очень милому человеку, которого Вы, вероятно, не знаете. Он служил в «Последних новостях»[25]. Вы пишете, что несколько времени тому назад к Вам приехал из Парижа с некоторыми литературными планами Б. П. Вышеславцев[26]. Видаете ли Вы его?

Мы сейчас живем в тишине и спокойствии у наших друзей в Баварии, где пробудем еще недели две. К сожалению, мы отчасти потому живем здесь, что в последнее время пошатнулось здоровье Натальи Николаевны (сердце). Причин на то много, но поводом послужила наша дрезденская жизнь. В нашей квартире живут сейчас, кроме нас, семь человек. Все беженцы, последние трое прибыли сравнительно недавно из Украины и привезли много сведений о наших родных. Но тут надо было бы начинать новое и очень страшное письмо. А потому кончаю.

Наталья Николаевна и я шлем Вам самые лучшие пожелания. Бог даст, увидим Вашу работу в расширенном и прекрасно напечатанном издании. Крепко жму Вашу руку.

Искренне Ваш Ф. Степун

---

[1] Адрес пансиона, в котором тогда проживал Степун: «в настоящее время: “Зонненхоф” Роттах-Егерн у Тегернзее, Верхняя Бавария» (*нем.*).

[2] *Бем А.Л.* Церковь и русский литературный язык. Доклад, сделанный в заседании Русского Научно-Исследовательского Объединения в Праге. Прага, 1944. Речь идет о гектографированной в немногих экземплярах машинописной рукописи.

[3] *Флоровский Прот. Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937.

[4] *Федотов Г.П.* Святые древней Руси (X—XVII ст.). Париж, 1931. *Он же*: Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). Париж, 1935.

[5] *Шпет Г.* Очерк развития русской философии. Первая часть. Пг., 1922.

[6] Цитата из последних строк посвящения к «Евгению Онегину»: «Ума холодных наблюдений / И сердца горестных замет».

[7] Речь идет о чаадаевской концепции аномальности России, представленной в ряде антитез западно-европейской культуре и, в частности, католической тради-

ции христианства в первом из «Философических писем»: «Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру». — См.: *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и писем. М., 1991. Т. 1. С. 326. «В то время, когда среди борьбы между исполненном силы варварством народов Севера и возвышенной мыслью религии воздвигалось здание современной цивилизации, что делали мы? По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов». — См.: Там же. С. 331.

[8] «София. Журнал искусства и литературы», основной целью которого было сравнительное изучение древнерусского и западновропейского искусства и литературы, издавался в Москве К.Ф. Некрасовым под редакцией П.П. Муратова в 1914 г. Печатался журнал в Ярославле. Всего вышло 6 номеров.

[9] *Павел Павлович Муратов* (1884—1950) — переводчик, публицист, критик, историк искусства.

[10] *Борис Александрович Грифцов* (1885—1950) — писатель, литературовед, искусствовед.

[11] *Владимир Оттонович Нилендер* (1883—1965) — поэт, переводчик, литературовед, музейный работник.

[12] *Сергей Михайлович Соловьев* (1885—1943) — поэт-символист, переводчик, священник, племянник Владимира Соловьева.

[13] «Мусагет» — московское издательство символистов, существовавшее с 1909 по 1917 год и специализировавшееся на издании русской и перводной поэзии, а также религиозно-философской литературы. Об издательстве, его сотрудниках и изданиях см.: *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Гл. VII. Судя по письму Д.И. Чижевского А.Л. Бему от 22 февраля 1943 г., Степун уже закончил посвященную «Мусагету» седьмую главу своих воспоминаний: «Степун был у меня в начале года два дня. Читал дальнейшие части своих воспоминаний (первая напечатана в Современных Записках, в последнем их вышедшем номере). Это очень интересная попытка дать в форме воспоминаний очерк литературной и духовной истории России в начале 20 века (до войны). Часть, которую он мне читал, посвящена почти целиком литературе и издательствам (Мусагет и Логос, а также и Путь)». — См.: Письма Д.И. Чижевского в личном фонде А.Л. Бема, коробка № 1 // Литературный архив Музея национальной письменности в Праге.

[14] В печатном варианте русской редакции книги глава «Октябрь» стала последней главой воспоминаний Степуна. Завершение работы над ней датировано 20 декабря 1948 г., а над предыдущей главой «Февраль» работа была завершена 18 октября 1943 г. Точная датировка работы над отдельными главами воспоминаний, которые, по словам Степуна, «с самого начала были задуманы, как своеобразный дневник», приводится в послесловии к их однотомному немецкому изданию: *Stepun F.* Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Aus meinem Leben. 1884—1922. München, 1961. S. 509.

[15] Вероятно, имеются в виду слова из первоначальной редакции воспоминаний А.М. Горького «Владимир Ленин» («И был он насквозь русский человек — с “хитрецой” Василия Шуйского, с железной волей протопопа Аввакума, с необходимой революционеру прямолинейностью Петра Великого»). Поскольку Ф.А. Степун общался с Горьким во время проживания последнего во Фрейбурге в 1923 г., возможна аллюзия на какие-то его устные сравнения Ленина с Аввакумом, вероятность которых подтверждается приведением такого сравнения в беседе с Н. Валентиновым летом 1916 г.: «Что я написал Ленину? <...> Я написал: Владимир Ильич, Ваш духовный отец — протопоп XVII века Аввакум, веривший, что дух святой глаголет его устами и ставивший свой авторитет выше постановлений Вселенских Соборов». — См.: *Валентинов Н.*: Малознакомый Ленин. М., 1992. С. 74.

[16] Почти дословная цитата из «Очерка развития русской философии»: «Русская

художественная литература героически боролась с кирилло-мефодиевским наследием в языке, и когда воссиял Пушкин, болгарский туман рассеялся навсегда». — См.: *Шпет Г.Г.* Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 38.

[17] *Василий Николаевич Карпов* (1798—1867) — выпускник Киевской духовной академии, профессор Петербургской духовной академии, автор перевода основных сочинений Платона и оригинальных сочинений по введению в философию и логику.

[18] Степун не случайно в своей свободной передаче приводит мнение Карпова — именно в этом месте книги Шпета идет речь об отсутствии русского литературного языка в период работы над русскими переводами Платона в XVIII веке: «В.Н. Карпов, переводчик Платона в XIX веке, сам в своем слоге не освободившийся от "словено-российского" стиля, в оправдание того, что переводчики Платона в XVIII веке (Пахомов и Сидоровский) выражались "слишком педантски, без нужды облекая мысль философа в славянские формы", и яснее видели и выдерживали "значение слов, нежели мысли", — справедливо задается вопросом: "с тогдашним русским языком можно ли было сделать что-нибудь удачнее?". В этом, думается мне, вся суть. Россия не вышла еще из того состояния, когда у народа нет своего литературного языка». — См. *Шпет Г.Г.* Сочинения. С. 39.

[19] «Новое слово» — русская пронацистская еженедельная газета, издававшаяся в Берлине с 1933 по 1944 г. под редакцией В. Деспотули.

[20] *Ростислав Владимирович Плетнев* (1902—1985) — славист, литературовед, исследователь творчества Достоевского, выпускник и доктор Пражского университета (1932), действительный член Международного общества имени Ф.М. Достоевского в Праге, с 1933 г. — учитель сербского и латинского языков в различных гимназиях в Сербии, после заключения в немецких и титовских лагерях эмигрировавший сначала в Германию, а затем в Канаду. Со второй половины 1950-х годов — профессор русской литературы и славянских языков Монреальского и Макгилльского университетов. Автор «Истории русской литературы», а также лишь частично напечатанной большой работы «Достоевский, Св. Писание и духовная литература», опубликованные части которой были процитированы в докладе А.Л. Бема «Церковь и русский литературный язык».

[21] *Василий Георгиевич Федоров* (1895—1959) — писатель, поэт, публицист, участник литературных кружков молодых русских литераторов в Чехословакии «Далиборка» и «Скит». Упоминаемый в письме рассказ был опубликован в 1930 г. в одноименном пражском сборнике рассказов В.Г. Федорова.

[22] Речь идет скорее всего о переплетенных под отдельные обложки оттисках статей Б.В. Яковенко о русском гегельянстве (например, «Aus der Geschichte der russischen Philosophie. M.N. Katkow u. W.P. Botkin als Hegelianer». Prag ,1935 или «Ein Beitrag zur Geschichte des Hegelianismus in Russland: Hegel und die Anfänge des Slawophilentums (1839—1849)». Prag, 1935), так как его книга «Geschichte des Hegelianismus in Russland», вышедшая первым изданием в Праге в 1938 г. и переизданная там же в 1940 г., представляла собой объемистый том (446 стр.).

[23] *Борис Константинович Зайцев* (1881—1972) — писатель, переводчик, мемуарист.

[24] *Александр Александрович Лихошерстов* (1874—1958) — полковник лейб-гвардии Финляндского полка, возглавлявший Объединение бывших служащих этого полка во Франции.

[25] «Последние новости» — эмигрантская газета, выходившая в Париже с 1920 по 1940 год.

[26] В личном архиве А.Л. Бема сохранилось одно письмо Б.П. Вышеславцева за 1944 год.

Публикация и комментарии В.В. Янцена

Впервые опубликовано: Густав Шпет и его философское наследие. У истоков семиотики и структурализма. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 486—502.

Русская философия в Германии: проблема восприятия (письма Степуна Семену Франку и Татьяне Франк)

Мой текст будет посвящен двум проблемам, которые внутренне весьма между собой связаны.

Первую можно обозначить как проблему достойного выживания русских мыслителей в Германии 20—30-х годов, достойного, то есть сопряженного с колоссальным духовным усилием, чтобы остаться на уровне своих российских интеллектуальных достижений, а может, в чем-то и превзойти их. Как уже упоминалось, они были изгнаны из России в Германию по договоренности с германским генеральным штабом, с которым у большевиков были тайные связи. Вряд ли изгнанники думали об этом, но они очень хотели передать свой невероятный для начала XX века духовный опыт приютившей их стране. Стоит привести слова, которыми С. Франк завершил свою книгу «Крушение кумиров»: «Великая мировая смута нашего времени совершается все же недаром, есть не мучительное топтание человечества на одном месте, не бессмысленное нагромождение бесцельных зверств, мерзостей и страданий. Это есть тяжкий путь чистилища, проходимый современным человечеством; и может быть, не будет самомнением вера, что мы, русские, побывавшие уже в глубинах ада, вкусившие, как никто, все горькие плоды поклонения мерзости Вавилонской, первыми пройдем через это чистилище и поможем и другим найти путь к духовному воскресенью»[1]. Беда была в том, что никто не хотел их слушать. Они не искали доходов и денег, нищая жизнь, скажем, Франка слишком известна[2], они хотели быть востребованными как идеологи. Но Европа русским опытом пренебрегла, пока не свалилась в кошмар нацизма.

Читая письма Степуна Франку, нетрудно заметить, что их основная тема — это возможность (или невозможность) публикации русских текстов (прежде всего текстов самого Франка) в европейской печати. И это естественно приводит меня к попытке понять, почему немецкая культура почти напрочь, вплоть до 90-х годов прошлого века, отвергала тексты Франка. А также заставляет задуматься о тщете усилий, которые предпринимал Степун для их публикации, и его соображениях о том, что же мешало немецким издателям и интеллектуалам воспринять философию большого русского мыслителя, ныне признанного, переводимого, издаваемого, комментируемого... Причины на то были связаны, на мой взгляд, со спецификой западноевропейского восприятия русской культуры. Но — по порядку.

* * *

Надо, однако, сказать хотя бы пару слов о предыстории контакта двух мыслителей. В журнале «Логос», одним из организаторов и издателей которого был Федор Степун, в 1910 г. в первом номере была опубликована его небольшая рецензия на книгу по экономике, а во втором номере за этот же год большая статья Франка «Природа и культура». В том же году в «Логосе» появилась и рецензия Степуна на книгу Франка «Философия и жизнь», книгу, сохранившую свое значение и поныне. Заметим, что в этом же номере была напечатана программная статья «От редакции», написанная С. Гессеном и Ф. Степуном. Именно это философское credo редакции нового журнала вызвало резкую отповедь со стороны славянофильски ориентированных мыслителей, чью позицию выразил В. Эрн[3] в статье «Нечто о Логосе, русской философии и научности», опубликованной в нескольких номерах «Московского еженедельника». Эрну ответило несколько человек[4], но задел его прежде всего отклик Франка под названием «О национализме в философии», которому он ответил очень резко в заметке «Культурное непонимание».

Именно в этой полемике обозначилась позиция Франка, которая в дальнейшем, как мне кажется, мешала его восприятию у западного читателя. Запад любит экзотику, как мы знаем: Таити, Гаити, кольца в ноздрях и таинственную русскую психею, которая во много раз превосходит западную рассудочность. Мне не раз приходилось сталкиваться с немецкими славистами, которым откровенно импонировала *самобытность*, *русскость* позиции Эрна, а более всего его инвективы в адрес Запада, обвинения его в «меоничности», в том, что реальным предшественником пушечного магната Круппа был философ Кант и тому подобные экстравагантности, которые фиксируются и по сути дела... оправдываются[5].

Степун был учеником неокантианца Виндельбанда, многому научился у Риккерта, и главный его упрек русской философии был в том, что она миновала Канта как воплощенную «интеллектуальную совесть философии». Но примерно той же природы было и философствование Франка, хотя Кант и не был среди его любимых философов. Сын С.Л. Франка писал об отце: «Будучи прочно укорененным в русских духовных традициях, он вместе с тем был *убежденным западником* (курсив мой. — *В.К.*) и был во многом обязан европейской, в частности, немецкой культуре: Маркс разбудил его интеллект, Ницше — его духовную жизнь, а Гёте помог ему осознать его основную философскую интуицию. И не случайно, что своим единственным учителем в философии он признавал тоже немецкого учителя — философа и богослова XV века, Николая Кузанского»[6]. Надо учесть, что Кузанец в из-

вестном смысле был тот мыслитель, в построениях которого можно уже увидеть предвестие немецкого классического идеализма, в том числе и кантовских конструкций.

К этому мы еще вернемся, пока же напомню второй эпизод их совместной деятельности. В 1922 г. вышел сборник четырех авторов «Освальд Шпенглер и Закат Европы». Степун так вспоминал об этом: «Книга Шпенглера <...> с такою силою завладела умами образованного московского общества, что было решено выпустить специальный сборник посвященных ей статей. В сборнике приняли участие: Бердяев, Франк, Букшпанн и я. По духу сборник получился на редкость цельный. Ценя большую эрудицию новоявленного немецкого философа, его художественно-проникновенное описание культурных эпох и его пророческую тревогу за Европу, мы все согласно отрицали его <...> мысль, будто бы каждая культура, наподобие растительного организма, переживает свою весну, лето, осень и зиму. <...> За две недели разошлось десять тысяч экземпляров»[7].

Сборник, культуртрегерский по своему пафосу, вызвал неожиданную для их авторов реакцию вождя большевиков: «Н.П. Горбунову. С е к р е т н о. <...> О прилагаемой книге я хотел поговорить с Уншлихтом. По-моему, это похоже на "литературное прикрытие белогвардейской организации". Поговорите с Уншлихтом не по телефону, и пусть он мне напишет *секретно* (курсив мой. — *В.К.*), а книгу вернет. Ленин»[8].

И 15 мая, т. е. спустя два месяца, в Уголовный кодекс по предложению Ленина вносится положение о «высылке за границу».

Заключение СО ГПУ в отношении Ф.А. Степуна от 30 сентября 1922 г.: «С момента октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности в моменты внешних затруднений для РСФСР»[9].

Был составлен «Список литераторов, характеристики которых обсуждены на заседании 22 июля в ГПУ под председательством т. Уншлихта в присутствии специально приглашенных товарищей Ю.М. Стеклова, Знаменского, Ионова и Лебедева-Полянского». И вот, скажем, что говорилось там о Франке, который был занесен под номер 48: «Франк Семен Людвигович. Профессор, философ-идеалист, проходит по агентурному делу "Берег", принимал участие в конспиративных собраниях у Авинова. Противник реформы высшей школы. Правый кадет направления "Руль". Несомненно вредный. Он был из Саратова снят за противосоветскую деятельность. По общему своему направлению способен принять участие в церковной контрреволюции. Франк не опасен как не-

посредственно боевая сила, но вся его литература и выступления в юридическом обществе и в Петроградском философском обществе направлены к созданию единого философско-политического фронта, определенно противосоветского характера. Тов. Семашко за высылку. Главпрофобр за высылку».

В результате — заключение ГПУ от 22 августа 1922 г. по делу Франка: «С момента октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в момент внешних затруднений для РСФСР гражданин Франк свою контрреволюционную деятельность усиливал»[10]. Далее стоит привести выдержку из протокола допроса С.Л. Франка за тот же день — 22 августа 1922 г.: «Эмиграция еще сохраняет свои умственные и духовные силы в условиях вынужденного бездействия и оторванности от родины, должна сосредоточиться на культурной подготовке себя к моменту, когда условия позволят ей снова работать на родине»[11].

В тот же день у Франка была взята подписка следующего содержания: «Дана сия мною, гражданином Семеном Людвиговичем Франком, ГПУ в том, что обязуюсь не возвращаться на территорию РСФСР без разрешения Советской власти. Ст. 71 Уголовного кодекса РСФСР, карающая за самовольное возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания, мне объявлена, в чем и подписуюсь. Москва, 22 августа 1922 г.»[12].

* * *

Высылка состоялась. Татьяна Сергеевна Франк очень просто повествует об этих событиях: «Были много раз на краю гибели и от тифа, и от безумия толпы — от зеленых, от красных. Могли быть повешены и тут, и там, могли быть брошены в тюрьму, но рука Провидения выводила нас из всех испытаний и вела нас все дальше и дальше. Арест, освобождение — наконец, свобода, мы за гранью бессовестной сатанинской власти»[13]. Надо сказать, что Франк боялся эмиграции. В декабре 1917 г., словно предчувствуя свою высылку, он писал Гершензону: «Наши слабые интеллигентские души просто неприспособлены к восприятию мерзостей и ужасов в таком *библейском* масштабе и могут только впасть в обморочное оцепенение. И исхода нет, п. ч. нет больше родины. Западу мы не нужны, России тоже, п. ч. она сама не существует, оказалась ненужной выдумкой. Остается замкнуться в одиночестве стоического космополитизма, т. е. начать жить и дышать в безвоздушном пространстве»[14].

Но никакого примирения (даже ради России) он не искал, это была абсолютная бескомпромиссность позиции. Впрочем, судя

по подписанному им протоколу, возврат в Россию означал путь на тот свет, означал смерть. Возникла экзистенциальная ситуация, из которой, как понятно, нет выхода. Точнее, выход один — пытаться ее преодолеть, причем не только бытовым образом, т. е. выживанием, но и сохранением своей сущности, несмотря на удары судьбы. Сегодня мы часто повторяем: зато они выжили и сохранили уровень русской мысли.

Они жили в дешевых меблированных комнатах и в мансардах, «парижских чердаках» (В. Ходасевич). Нужно также понять, что мансарда была придумана архитектором Мансаром для почти последних бедняков. Это крутая лестница на самый верх, все удобства во дворе, невозможность бытового жизнеустройства — в крайнем случае спиртовка, чтобы согреть воду. Такой жизнью и жила русская эмиграция. Были исключения, вроде Бунина, но это были именно исключения. Голод, холод и «стоический космополитизм», сыгравший в свое время немалую роль в становлении христианства, религии гонимых и скитальцев, — вот жизнь русской интеллектуальной элиты в диаспоре. Молодые пошли работать так называемой «второй профессией» (Гайто Газданов был шофером), но почти пятидесятилетний Франк[15] уже не мог искать подобного рода работы. В 1925 г. Франк писал своему старому другу Петру Струве: «Я и в прежние времена, в юности, никогда не “делал карьеры” и не умел ее делать, а теперь, на старости лет и в чужой стране, это тем более трудно»[16].

Что касается Степуна, то высылка в Германию вернула его в дни юности, в дни обучения немецкой философии у первых философов Германии. Он вступил в переписку с хорошо знакомой ему немецкой профессурой[17]. Круг его знакомств был много шире, нежели у его сотоварищей по несчастью. Почти сразу возникли русские издательства[18]. В русском берлинском издательстве «Обелиск» в 1923 г. вышли две книги Степуна «Жизнь и творчество» и «Основные проблемы театра».

В Германии у Франка вышло в 1922 г. «Введение в философию в сжатом изложении», в 1923 г. сборник статей «Живое знание». Затем немецкие издательства стали печатать его все неохотнее: в 1924 г. его знаменитая книга «Крушение кумиров» вышла уже в американском издательстве YMCA PRESS[19]. Продолжение этой книги («Смысл жизни»), написанное в 1925 г., вышло в 1926 г. в Париже. «Духовные основы общества» тоже в Париже в 1930 г. Эта книга стала своего рода «учебником обществоведения» для эмигрантской молодежи. Говоря о необходимости солидарности и соборности общественной жизни, Франк вместе с тем отстаивает основную парадигму либерального миросозерцания — парадиг-

му личности и свободы: «Существо человека лежит в его свободе, и вне свободы немыслимо вообще человеческое общество. Какую бы роль в общественной жизни ни играл момент принуждения, внешнего давления на волю, в последнем итоге участником общества является все же личность. <...> Самая суровая военная и государственная дисциплина может только регулировать и направлять общественное единство, а не творить его: его творит свободная воля»[20]. Франк очень много преподавал и писал для русской молодежи. Как вспоминал его сын, «с 1931 по 1933 г. С.Л. читал лекции по-немецки в Берлинском университете при кафедре славянской филологии по истории русской мысли и литературы. За 15 лет жизни в Германии С.Л. много разъезжал для чтения публичных лекций и по-русски и по-немецки (немецким он владел в совершенстве). Бывал в Чехословакии, в Голландии, ездил в Италию, в Швейцарию, во Францию, на Балканы, в Прибалтику»[21].

Жизнь была нелегкой, но особенно страшно стало после прихода в Европе к власти нацистов, но и в этой ситуации и Франк, и его жена сохраняли абсолютную верность самим себе, не склоняясь перед обстоятельствами, не идя ни на какие поблажки себе. После прихода Гитлера к власти Франк был поражен поддержкой, которую немецкий народ оказал нацистам. Он видел в этом вульгаризацию культуры, называл «новым варварством», но думал, что покидающие Германию евреи слишком преувеличивают опасность. Однако почти сразу после установления нацистского режима Франка, как еврея, лишили права преподавать. Начался почти настоящий голод. В последней квартире в Берлине, которую они снимали с 1933 по 1937 г. не было ни холодильника, ни горячей воды. В 1937 г. Франка дважды вызывали в гестапо. Стоит подчеркнуть, что Т.С. Франк была стоически тверда, стоически, но очень по-русски, в духе типичной русской преданной жены. Об этом сама она пишет так: «В мире появился новый, небывалый, страшный по сравнению с властью на нашей родине, изувер-безумец Гитлер. <...> И вот опять неравная страшная борьба, в которую я должна вступить, страх за самое дорогое в жизни давал нечеловеческие силы и изощренность в способах спасения. Угроза гибели только за то, что родился в народе Его и стал Его учеником — этого не могло вместить ни мое сердце, ни мой разум... Все отдать, но только не потерять его, спасти, и спасла»[22]. Самой серьезной проблемой военных лет, где жизнь стоила ровным счетом нуль, было не впасть в отчаяние. Франк рассматривал эти годы как очередное посланное ему интеллектуальное искушение.

В конце 1937 г. они спешно уехали, скорее даже, бежали из Германии. Сам философ шутливо сказал дочери Наталье: «Главное

в жизни — помнить, что жизнь это путешествие». В 1938 г. с помощью Бердяева Франк получил вид на жительство во Франции и маленькую стипендию на два года от Национальной кассы научных исследований. Здесь он дорабатывал свой труд «Непостижимое», самим Франком написанный по-немецки, ему казалось, что немецкий язык даст ему как мыслителю более широкую аудиторию. Но на этом языке тогда эта книга так и не вышла. Франк очень переживал эту издательскую неудачу, но тем не менее взялся сам переводить этот текст на русский язык. «Непостижимое» было опубликовано издательством «Дом книги и Современные записки» в авторском переводе на русском языке в Париже в 1939 г.

По рекомендации французского правительства после падения Чехословакии все евреи выехали из Парижа в провинцию. Франки сначала уехали в Нормандию, потом в Гренобль. Шла страшная жизнь во Франции, где они переживали бесконечные облавы на евреев, а жена прятала Франка на лесной горе, нося ему туда пищу и питье. Жене он говорил: если она умрет раньше него, то он умрет на ее могиле, как верная собака. Начиная с 1942 г. Франки пытались выбраться в Англию. Однажды чудо чуть не случилось: они купили билет в Лондон через Лиссабон, но португальская транзитная виза опоздала. И снова начались бедствия беженцев. По воспоминаниям Л. Бинсвангера, Франк «неоднократно повторял, что двух революций слишком много для одной жизни» [23]. Но именно в этих условиях он и создал свои основные труды, отвечая на вопрос, поставленный им еще в России. Более того, быть может, постоянное размышление над причинами, породившими апокалиптический взрыв в октябре 1917 г. в России, позволило Франку в эпоху интеллектуальной растерянности западноевропейских философов сформулировать и развернуть принцип бытия человека на Земле, чтобы он мог осознанно и достойно быть хранителем света во тьме. По воспоминаниям сына: «Много тяжелого пришлось перенести С.Л. и его жене во время войны. Голод и смертельная опасность со стороны немцев, пэтеновского правительства, тревога за детей, от которых почти не было вестей, и сознание, что Европа попала во власть разбушевавшихся сил зла — вот неизменный фон страшных лет 1939—1945 гг. Спасли его, с одной стороны, героическая и самоотверженная любовь жены, а с другой — его глубокая и спокойная вера»[24].

Париж, разумеется, и в самом деле оказался центром русской диаспоры. Но книги дохода не приносили. Алданов писал: «Тираж в пятьдесят тысяч для имевшей успех книги известного писателя в последнее пятилетие перед войной у нас исключения не составлял. Теперь, за рубежом, он в 50 или 100 раз меньше. Результаты налицо. За самыми редкими исключениями, эмигрантские писа-

тели на свой литературный заработок не могут существовать даже самым скромным образом»[25]. На русские издания жить было невозможно. Хотя и писались эти статьи и книги не для заработка, а чтобы поделиться с Западом своими духовными прозрениями, которые были результатом страшного исторического опыта.

Поразительно, однако, что прозрений этих не хотели замечать. Вера Пирожкова, на мой взгляд, удачно объяснила это неприятие российских прозрений: «Несмотря на интенсивную интеллектуальную жизнь Германии в 1918—1933 гг., несмотря на живой интерес к России, многие доклады и лекции тех, кто остался в Германии, и их личные дружбы с немецкими мыслителями (укажем хотя бы на дружеские отношения между С. Франком и Николаем Гартманом), интерес к русской философии и русским философам оставался более интеллектуальным, чем экзистенциальным. Феномен “Россия” изучался со всех сторон как некий привлекающий или пугающий объект, не имеющий, однако, отношения к непосредственному ходу собственной жизни и собственных интеллектуальных построений»[26]. Отстраненный взгляд давал «возможность заглушить свою собственную смутную тревогу, смутное предчувствие, что происшедшее имеет фундаментальное значение не только для одной России». Происходило «сведение большевистской катастрофы на узко национальное и чисто русское явление»[27].

Это поняли уже первые русские эмигранты. В 1921 г. в период первого советофильского оживления в связи с призывом Горького помочь голодающим в России, Мережковский обращался к Гауптману, пытаясь показать, *что* скрывается за этим призывом: «Как же не видите вы, г. Гауптман, из-за бесстыжих слез, из-за “планетарных” пошлостей Горького спокойной и хитрой усмешки Ленина. <...> Закинул удочку и ждет, не клюнет ли рыба. Знает, что если дадут, то очень мало, как раз только, чтобы снова подкормить своих, а над остальными властвовать голодом, вести быка на железном кольце»[28]. Но Запад (да и остальной мир) не желал знать реальности происходившего в России: «Не тот или другой народ, а все народы, все человечество в русской трагедии оказалось бессовестным, — вот, что самое страшное»[29].

В 20-е годы немцы однако потихоньку переводили и публиковали тексты русских авторов. Но далеко не всех. В основном это были советские писатели. Из эмигрантов наиболее печатаемым и переводимым автором был Бердяев. У Степуна по-немецки в эти годы вышло несколько книг: Wie war es moglich? Briefe eines russischen Offiziers. München: Hanser Verlag, 1929; Die Liebe des Nikolai Pereslegin. München, 1928; Theater und Kino. Berlin. 1932; Das Anlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Berlin; Leipzig: Gotthelf-Verlag,

1934. Заметим, что в основном это были книги художественные, связанные при этом с Первой мировой войной, где Степун описывает свое пребывание на германском фронте. Не забудем при этом и того обстоятельства, что Степун был немец по крови, обстоятельство весьма существенное для немецкой ментальности, особенно в период явно набиравшего силу национализма. Да и издательских связей у него было больше, чем у других русских эмигрантов.

* * *

Судя по его переписке, он прилагал немало усилий, пытаясь помочь своим товарищам по несчастью. Что-то удавалось, что-то не очень. И практически полная неудача постигла его с текстами Франка. Нет, статьи его по-немецки в журналах выходили. Скажем, в немецком «Логосе», которым заведовал Рихард Кронер, старый приятель Степуна, удалось издать весьма важный текст Франка: «Erkentniss und Sein» (Logos. 1928. Bd. 17. № 1. S. 165—195; Bd. 18. № 1. S. 231—261). Именно о нем он писал Франку в январе 1927 г.: «С Кронером я переговорил о Вашей статье для «Логоса». В Вашем распоряжении 2 листа, т. е. 32 страницы. Ближайшие два № «Логоса» уже составлены. Ваша статья сможет появиться, вероятно, лишь через ½ года. Все же было бы приятно иметь ее месяца через 2; есть шанс напечатать её и раньше, небольшой, но есть. Гонорар, кажется, 100 д. мр. [Deutshe Mark] за лист, я еще справлюсь. Я получил Ваш предмет знания: мне кажется, было бы весьма интересно, если бы Вы изложили свой Птоломеевский переворот в гносеологии»[30]. Также с его помощью Франк издает статью о Леонтьеве (статья «Konstantin Leontjew, ein russischer Nietzsche» была опубликована у Карла Мута: Hochland. 1928/1929. N 6. S. 613—632), где Степун был постоянный автор. Вот строчки из письма Степуна: «Что касается Вашей статьи о Леонтьеве, то очень прошу прислать мне ее переписанную на машинке, или, если от руки, то очень четко. Это почти основное условие успеха. Я приложу к ней письмо к Muth'у и отправлю в Мюнхен. Если там не уладится, то могу переслать еще Мартину Буберу»[31].

Можно согласиться со словами немецкого исследователя Кристиана Хуфена: «Федор Степун хотел работы этого авторитетного представителя русской религиозной философии (С. Франка. — *В.К.*) распространить среди русской эмиграции и при этом поддержать их действие и в Германии в целом. Одновременно пытался он повлиять на Семена Франка в своем духе»[32]. Действительно, ему хотелось удержать Франка от бердяевских фантазий, которые так нравились западным читателям, но, на взгляд Степуна, имели мало отношения к реальности: «Я написал маленькую статью о “Пути”

для “Совр<еменных> Зап<исок>”[33]. Во время изучения четырех № очень волновался пленительным, но по мне вредоносным сочетанием выдумки и мысли, свойственным русской философии. Очень много выдумки и выдумки очень большого масштаба; хотелось бы больше детали, больше работы через лупу. Особенно все это чувствую, читая любимого мною Бердяева. Есть в нем какое-то кустарничество, вещь, конечно, святая и артистическая, но все же не могу я уйти из-под гипноза высокодифференцированного западноевропейского мышления. Ваша статья в 1 №[34] очень верная, если хотите, даже мудрая, но в ней нету приводного ремня к современности, не к категории современности, а к тому, что будет “завтра” в России, на съездах либералов, демократов, с. р. и с. д...»[35]. Но в текстах Франка, как показал дальнейший опыт писания, все же «бердяевского» было немного. Напротив, в своих текстах он был слишком западноевропеец. Это и стало препятствием к изданию его текстов на Западе. Когда в предисловии к «Непостижимому» Франк писал, что считает себя последователем Николая Кузанского, это казалось не новым.

Ни одной книги Франка издать Степуну не удалось. Хотя текст «Непостижимого» рассылал он в разные издательства. В интересной статье Веры Пирожковой, реального свидетеля событий тех лет и большого знатока, возникают странные аберрации: «Появились на немецком языке и почти все произведения С. Франка»[36]. Вместе с тем мы знаем, что первая публикация большой работы Франка (трактата «Непостижимое») в немецком издательстве Wilhelm Fink Verlag произошла в 1971 г. двадцать лет спустя после смерти философа, сначала на русском языке. А по-немецки эта книга вышла лишь в 1995 г.: Das Unengründliche / Übersetzt von A. Haardt, V. Ammer u.a. und Vorwort von A. Haardt. Freiberg; München: Alber, 1995. Сейчас, как известно, в немецком переводе выходит большое, хорошо продуманное издание Семена Франка в восьми томах (Verlag Karl Alber, Freiburg; München) благодаря прежде всего инициативе профессора Леонида Люкса.

Между тем, рекомендуя тексты С.Л. Франка разным издательствам, готовым работать с русскими авторами, Степун очень внятно писал о его значении. В письме издателю журнала Eckart он пытался дать немецкому читателю с помощью Франка представление о Пушкине: «Я посылаю Вам манускрипт, который возможно заинтересует Вас. Это работа, может быть, значительнейшего русского философа 20 столетия Семена Франка о так мало известном в Германии Пушкине. К сожалению, последние страницы перевода я затерял и не могу их быстро в сей момент найти. На длительные поиски у меня нет времени. Но я надеюсь, что Вы и без последних страниц поймете и сообщите мне, возможно

ли поместить в «Eckart» статью Франка. Франк — хороший писатель, глубокий мыслитель и также знаток Пушкина»[37]. Значительнейший русский мыслитель эмиграции! После смерти Франка это было уже понятно. Мода проходила, подлинное оставалось, а, по словам Б.П. Вышеславцева, «Франк никогда не искал быть модным мыслителем, и потому он останется подлинной гордостью русской философии»[38]. Но любопытно, забегая вперед, указать на причину медленного понимания и восприятия Франка через такое же непонимание Пушкина. Сошлюсь опять на Степуна: «Разговаривая с иностранцами, прежде всего с немцами, знающими русский язык и читавшими Пушкина, я часто встречался с мнением, что он, конечно, величайший поэт, но что в нем мало типично русского. Это глубоко неверное и русскому человеку непостижимое суждение объясняется тем, что в Германии за подлинную Россию считают прежде всего Россию Толстого и Достоевского»[39].

Почему так? Впрочем, понятно. От России ждут тайны, загадки, всех пленяют тютчевские строки, что «умом Россию не понять», что «нет в творении творца и смысла нет в мольбе». Так и должны рассуждать дикари, *неевропейцы*, это должно быть то место, где можно отдохнуть от рацио и послушать затейливую мифологическую историю — вроде тех, что рассказывались в Обломовке маленькому Илюше про Ивана-дурака, который живет без труда и без труда же преобразует окружающий мир «по щучьему веленью, по своему хотенью». И вперекор этим представлениям — страстная, очень личная, почти декартовская фраза Пушкина: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Таким не умилишься — он равноправен, он чувствует и думает как Шекспир, Данте, Гёте! Запад не желает принять Пушкина за то, что он *европеец*, что он с Западом — на равных, что «равным был неравный спор». Легче принять нечто чудесное. Как Россия искала на Западе «страну святых чудес», так точно Запад подобные чудеса нравственной и социальной гармонии, подлинной общинности или чистого христианства (скажем, Гакстгаузен или Рильке) думал найти в России. Пушкин этим упованиям не отвечал. Слишком он был реалист.

Примерно то же самое можно сказать и о Франке. Во всяком случае, именно так объяснял Степун вдове философа уже в 1963 г. нежелание печатать его труды: «Должен не без грусти сообщить Вам, что доктор Вильд вернул мне обе книги Семена Людвиговича. Его оценка “Непостижимого” была очень высока, но бюджетные соображения не позволили ему все же принять книгу к изданию: нельзя будет продавать. Она по своей сущности чужда настоящему времени. Она в прошлом и, может быть, в будущем, но не в настоящем. В известном смысле это, быть может, верно.

Потому что настоящее время чуждается спокойной, уверенной, долготерпеливой и по своему голосу ровной и тихой истины. Вот Бердяев кричит: утверждает, что Бог открылся миру, но что миром управляет черт. Утверждает, что образ Бога, как хранителя и устроителя мира, неприемлемый социоморфизм, ведущий прямо к атеизму. Считает, что творчество в христианстве важнее послушания и даже требует бессмертия для своей кошки[40] и за все это его печатают, потому что он не длительно-значительный, но сейчас остросовременный. Это все, конечно, мои слова, но все-таки, я думаю, что они правильно интерпретируют решение Вильда с благодарностью отказаться от печатания книг Семена Людвиговича. Я могу, конечно, посоветоваться еще кое с кем и попытаться обратиться в другое издательство, но начинаю терять оптимизм»[41].

С издателем Вильдом по поводу Франка Степун вел весьма долгие переговоры. В 1952 г. он с грустью в очередной раз констатировал: «Издание “Непостижимого” (des “Unerkennbaren”)[42] было бы для западноевропейской философии довольно значительным и явилось бы истинной заслугой издательства Кёзель. Мне очень жаль, что Вы не смогли решиться на эту публикацию»[43]. Тем не менее усилий он не оставлял, поддерживая попытки своих эмигрантских приятелей и коллег напечатать Франка. Так, в 1963 г. он писал Д.И. Чижевскому: «Татьяна Сергеевна была осчастливлена Вашей готовностью издать “Предмет знания”. Она все спрашивала меня: окончательно ли это решение. На всякий случай я сказал, что Вами решено окончательно, но что Вы все-таки зависите от людей, с которыми Вы до сих пор не считались, но как знать — не придется ли посчитаться?»[44].

* * *

Однако Запад не видел тогда интереса в работах Франка. Причины этого я отчасти уже назвал. Он казался слишком западным, не экзотичным, а потому не интересным. К этому надо добавить не остывавшее в Германии советофильство. Опыт Советской России привлекал больше, чем ламентации мыслителя, работавшего, как казалось, в западноевропейской парадигме. Генрих Манн, не заметив сталинской тирании, в 1937 г. написал, что «при всей своей реальности СССР для чужестранца представляется иногда сказкой»[45]. Именно сказки, чудес преображения ждали от русских. Как вдруг Россия построила социализм, добилась в несколько лет того, о чем мечтал Запад несколько столетий!.. В статье 1930 г. в «Современных записках» Степун писал: «Гораздо хуже и прежде всего для нас, русских, гораздо оскорбительнее та третья форма немецкого советофильства, которую я назвал бы формою советофильства снобисти-

ческого. <...> Величайшей же и преступной ошибки их отношения к России им не объяснишь; они не понимают, что нельзя со скуки интересоваться казнями, от европейского рационализма лечиться подкожными вспрыскиваниями русского безумия и, пребывая в атмосфере пока еще длящегося европейского благополучия, рукоплескать героям-лицедеям мировой трагедии»[46].

А именно в рационализме обвинял Франка в свое время В. Эрн: «Новая философия Запада, определив с самого начала принципом своего философствования ratio, во имя этого принципа стала уже с Декарта и Бекона подрубать как корни живого дерева человеческой философии, так и ветви. <...> С. Франк в духе Риккерта, Виндельбанда и прочих "культурных" философов Запада утверждает культуру как *отвлеченное начало*»[47]. Франк был и вправду вполне определен в своих симпатиях, возражая Эрну: «Вообще говоря, начало ratio характеризует не какую-либо отдельную ветвь или историческую эпоху философии: оно есть конститутивный признак *понятия философии*. Философы могут быть мистиками и рационалистами (в узком, точном смысле этого слова), эмпиристами и скептиками, но если они — *философы* и хотят строить *философию*, то все они рассуждают и доказывают, осуществляют божественное искусство диалектики, т. е. оперирует отвлеченными понятиями и опираются на логические нормы. В *этом* отношении нет разницы между античной и новой, западной и восточной философией»[48].

Сам он не принимал крайностей ни славянофильства, ни даже западничества, несмотря на большую критичность собственной мысли и учебу у немецкой философии. На Западе Франк вычленяет стиль и способ неприятия России и ее культуры. Речь идет о статье Рейнольда фон Вальтера «Русский взгляд на мир» (1929), на которую в 1930 г. (кстати, по-немецки) и отвечает русский философ: «Специалисту становится ясно, что свое оружие для борьбы со своеобразием русского духа автор заимствовал из арсенала *русской* же мысли. <...> Сначала ему такое оружие предоставили русские западники — от Чаадаева до Вл. Соловьева и их тогдашнего эпигона Салтыкова. Автор просто некритически воспринял чрезмерность "западнического" отрицания русского прошлого. <...> Но непонятно, как автор опирается также и на славянофилов: его критика Петра Великого и петровских преобразований, представление о Петербурге как фактически сказочной нереальности прямо заимствованы у славянофилов и Достоевского. <...> Из соединения "западнической" и "славянофильской" критики различных русских духовных явлений у автора складывается суммарное осуждение всей русской истории, в которой он уже ничего не может заметить, кроме бессодержательного формализма и вандализма»[49].

Конечно, такой несказочный философ был неинтересен, даже безумия в нем незаметно, тем более русского варварства. Да к тому же от варварства бежал. А в Западной Европе такого быть не может. Поэтому так любопытны взрывы русского неистовства. Степун с яростью писал об этой черте западной культуры: «За китайскими пойдут японские, малайские, негрские и всякие иные, — лишь бы только не европейские пластинки, под экзотический стон, вой и щебет которых обязательно вспыхнет где-нибудь в углу глубокомысленный разговор, в котором доктор философии со ссылками на “христианского гностика” Бердяева будет доказывать, что винить за ужасы религиозного фронта большевиков совершенно невозможно, ибо еще Достоевский пророчествовал о том, что Россия способна во имя одной только дерзновенности расстреливать свои святыни. <...> Надо сказать, что в этих кругах вообще хорошо знают советскую литературу (Леонова, Гладкова, Эренбурга, Федина, Катаева) и поголовно увлекаются русской кинематографией. Эйзенштейн представляется самым настоящим гением и изумительный “Potemkin-film” — явлением вполне достаточным для оправдания стрельбы крейсера “Аврора” по Зимнему дворцу. Вообще левое советское искусство в очень большом почете»[50].

Возможно, Степун имел в виду и рассказ Лиона Фейхтвангера «Panzerkreuzer Potemkin», где описывалось, как баварский министр Кленц, весьма предубежденный против этого фильма, против всяческих забастовок и революций, вдруг в процессе восприятия фильма принимает революционную правду Эйзенштейна. Текст Фейхтвангера, конечно, все из той же серии советофильства, когда на рассказы о большевистском порабощении русского народа, отвечают, «что лучше рабство во имя идей, чем свобода отрицания всяких идей; что Запад оттого и гибнет, что у него нет ни одной живой политической мысли»[51].

За год до смерти, 2 мая 1964 г. Степун писал Т.С. Франк: «Очень грустно, что с изданием “Непостижимого” так ничего и не вышло. Я боюсь, что это связано с современным состоянием западноевропейской или, во всяком случае, с немецкой философией. Даже и духовным людям чуждо спокойствие, тишина, душевный мир и духовная твердь. Ищут парадоксального, взволнованного, отчаивающегося и, во всяком случае, по стилю нового. Чем и объясняется то, что вышли почти все книги Бердяева, но кроме “Трагедии философии” ни одной книги Булгакова. (Только статьи)»[52].

Сегодня, как я уже поминал, ситуация меняется. Франка издают, проводят, как видим, конференции, пишут о нем статьи, даже больше, чем об остальных русских философах. Объяснение сему факту двояко. Возможно, это связано с тем, что вместо сказок в русской мысли стали искать реальный анализ мира. А возможно, стали и тек-

сты Франка читать, как нечто специфически русское и эрноподобное, рассказывающее о специфике таинственной «русской души». Если последнее предположение верно, то это весьма грустно.

* * *

Конъектуры в квадратных скобках [] принадлежат публикатору, все явные орфографические и синтаксические ошибки, не несущее на себе манеры автора, исправляются без особых о том упоминаний. Подчеркивания слов в текстах писем принадлежат только Степуну.

Все переводы с немецкого фраз и слов, встречающихся в письмах, сделаны публикатором. Подпись Степуна всегда рукописна.

Публикация сделана по рукописи писем, хранящихся в Рукописном отделе Бахметьевского архива библиотеки Колумбийского университета, Нью-Йорк, США. Хотелось бы поблагодарить Программу Фулбрайт, Бахметьевский архив, его руководителя Ричарда Вортмана и моего куратора, хранителя Бахметьевского архива Татьяну Чеботареву за предоставленную возможность несколько месяцев работать в Нью-Йорке с письмами и бумагами русских пореволюционных мыслителей-эмигрантов.

---

[1] *Франк С.Л.* Крушение кумиров // *Франк С.Л.* Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 180.

[2] Сын Франка вспоминал: «Свои лучшие труды он создал именно на чужбине, в труднейших бытовых условиях и, большею частью, в полном духовном одиночестве» (*Франк В.С.* Семен Людвигович Франк. 1877—1950 // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка. Мюнхен, 1954. С. 3).

[3] Г. Шпет называл его «самым прямолинейным представителем» «нашей славянофильствующей философии» (*Шпет Г.* Философия Джоберти (По поводу книги В. Эрна «Философия Джоберти») // В.Ф. Эрн: Pro et contra. СПб.: РХГА, 2006. С. 557).

[4] Сам Степун непосредственно не отвечал, но в рецензии на книгу Эрна о Сковороде весьма иронически отозвался об общефилософской позиции Эрна: «Начинается работа Эрна с выяснения его точки зрения на русскую философию и на метод ее изучения. Тут снова высказываются те же мысли, которые г. Эрн высказывал уже не раз. Русская философия существенно “логична”. Наследница античной и средневековой мысли, она в корне противоположна “рационализму” новой западной философии. Сущность рационализма Эрн видит во всесторонней серединности, в принципиальной посредственности. “Ratio — это среднее арифметическое между разумами всех людей”. Рационализм есть двойное отречение от высот Небес и глубин Земли. <...> Что вся концепция глубоко ошибочна, мы здесь доказывать не будем. Каждому трезвому и хотя бы только несколько осведомленному читателю само собою ясно, что *Ratio* Канта и Гегеля (поскольку вообще можно о высшем философском принципе кантианства и гегелианства говорить как о Ratio) отнюдь не есть “среднее арифметическое между разумами всех людей”. Равно известно каждому и то, что все развитие “рационализма” от Канта до Гегеля свершалось отнюдь не путем полного разрыва с поэзией и религиозною мыслью, но, наоборот, в теснейшей связи с той и с другой. О чем свидетельствуют: Шиллер, бр. Шлегель, Новалис, Гёте, Шлейермахер и Шеллинг. Конечно, я говорю общие места, конечно, я говорю лишь то, что и сам Эрн прекрасно знает. Но ведь и говорю я о них не потому, что думаю, что Вл.Ф. Эрн их не знает, а лишь потому, что уверен, что он их *не хочет* знать» (*Степун Ф.* Русские мыслители. Г.С. Сковорода Вл. Эрна. К-во «Путь» // Логос, 1913. Кн. 3—4. С. 353—354).

[5] См., к примеру, предисловие Ю. Шеррер «Владимир Францевич Эрн» к книге: *Эрн В.Ф.* Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 3—8.
[6] *Франк В.С.* Семен Людвигович Франк. С. 3.
[7] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Т. II. London. Overseas Publications Interchange Ltd. 1990. С. 275—279.
[8] *Ленин В.И.* П. с. с. Т. 54. С. 198.
[9] Там же. С. 338.
[10] Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921—1923. С. 388.
[11] Там же. С. 386.
[12] Там же. С. 387.
[13] *Франк Т.С.* Память сердца // *Франк С.Л.* Саратовский текст. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. С. 228.
[14] Цит по: *Буббайер Ф.* С.Л. Франк: Жизнь и творчество русского философа. 1877—1950. М.: РОССПЭН, 2001. С. 138—139.
[15] «К моменту революции моему отцу было 40 лет, к моменту эмиграции — 45» (*Франк В.С.* Семен Людвигович Франк. С. 3).
[16] Цит по: *Буббайер Ф.* С.Л. Франк. С. 146.
[17] См., например, мою публикацию: На взгляд изгнанника (письмо Ф. Степуна Г. Риккерту 1932 г. // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 131—144.
[18] «Согласно произведенному в 1925 году подсчету, за границей существовало 364 периодических издания на русском языке» (*Алданов М.* О положении эмигрантской литературы // *Алданов М.* Соч. В 6-ти книгах. Кн. 6: Ульмская ночь. Литературные статьи. М.: АО Изд-во «Новости», 1996. С. 452—453).
[19] Кстати, на эту книгу тут же откликнулся Степун, постоянно и с живым интересом следивший за творчеством С. Франка, которого он почитал и с текстами которого соотносил свои взгляды, хотя и споря порой с ними: «Эта маленькая (104 стр.) книга С.Л. Франка производит большое впечатление. Простая, подлинная и глубокая, она <...> исповедь пройденного пути. <...> Конечно, она кое-что упрощает. Вряд ли русская революционная интеллигенция в эпоху Чехова, Бунина и Горького представляла себе народ в “сусальном” образе Антона Горемыки; вряд ли она когда-либо считала революцию абсолютною ценностью, и уже во всяком случае она неповинная в чрезмерном увлечении идеалом культуры. Пафос русской революционной интеллигенции всегда был в гораздо большей степени пафосом мессианским, чем культуртрегерским. Не думаю, чтобы С.Л. Франк стал это отрицать. Неточность его зарисовки духовного образа русского революционного интеллигента явно связана с тем, что его исповедь не только исповедь типичного русского радикала, пришедшего ко Христу, но и высококультурного европейца, — пришедшего к России» (*Степун Ф.* С.Л. Франк. Крушение кумиров. Американское издательство. Берлин, 1924 // Современные записки. 1924. № 21. С. 407—408).
[20] *Франк С.Л.* Духовные основы общества // *Франк С.Л.* Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 115.
[21] *Франк В.С.* Семен Людвигович Франк // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка. Мюнхен, 1954. С. 15.
[22] *Франк Т.С.* Память сердца // *Франк С.Л.* Саратовский текст. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. С. 228—229.
[23] *Бинсвангер Л.* Воспоминания о Семене Людвиговиче Франке // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка. С. 27.
[24] *Франк В.С.* Семен Людвигович Франк. С. 15.
[25] *Алданов М.* О положении эмигрантской литературы. С. 457—458.
[26] *Пирожкова В.* Русские философы-изгнанники в Германии // Русская религиозно-философская мысль XX века. Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского ун-та, 1975. С. 138.
[27] Там же. С. 139.

[28] *Мережковский Д.С.* Гергарту Гауптману // *Мережковский Д.С.* Царство Антихриста. СПб.: РХГИ, 2001. С.165—166.
[29] Там же. С. 164.
[30] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Frank. Box 2. Stepun, Fedor Avgustovich. To Semen Ljudvigovich Frank. a.l.s. 2p.
[31] Там же.
[32] *Hufen Ch.* Fedor Stepun. Ein politischer Inellektueller aus Rußland in Europa. Die Jahre 1884—1945. 2001. Berlin: Lukas Verlag,. S. 380.
[33] Степун пишет о своей статье: Об общественно-политических путях «Пути» // Современные записки. Париж, 1926. Кн. 29. С. 442—448.
[34] Речь идет о статье Франка: Религиозные основы общественности // Путь. 1926. № 1. С. 9—30. Об этой статье Степун писал так в «Современных записках» (1926, кн. 29): «Посвященная религиозным основам общественности, статья С.Л. Франка всецело зиждется на пафосе раскаяния бывшего общественника. Она очень мудра в своем устремлении к вечности, но и совершенно слепа в смысле конкретного ощущения завтрашнего дня» (*Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 864).
[35] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Frank. Box 2. Stepun, Fedor Avgustovich. To Semen Ljudvigovich Frank. a.l.s. 2p.
[36] *Пирожкова В.* Русские философы-изгнанники в Германии. С. 139.
[37] Deutsches Literatuearchiv Marbach a. N., Handschriften-Abteilung. Опубликовано также: Вестник Европы. 2001. Т. III. С. 197.
[38] *Вышеславцев Б.П.* Памяти философа-друга // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка. Мюнхен, 1954. С. 42.
[39] *Степун Ф.* Духовный облик Пушкина // *Степун Ф.* Встречи. М.: Аграф, 1998. С. 11.
[40] Степун имел в виду фразу Бердяева из его мемуаров: «Я очень редко и с трудом плачу, но, когда, умер Мури, я горько плакал. И смерть его, такой очаровательной Божьей твари, была для меня переживанием смерти вообще, смерти тех, кого любишь. Я требовал для Мури вечной жизни, требовал для себя вечной жизни с Мури» (*Бердяев Н.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. С. 400).
[41] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Frank. Box 2. Stepun, Fedor Avgustovich. To Semen Ljudvigovich Frank. a.l.s. 2p.
[42] Под таким названием немецкий текст «Непостижимого» не известен.
[43] Universitatsbibliothek Eichstatt. NL. 46. I. S. 57.
[44] Архив Гейдельбергского университета: Heid. Hs. 3881. 2. Stepun, F. (1946—1958). Репринтное издание этой книги (по первому изданию: Пг., 1915) вышло в Бельгии в 1971 г. с предисловием Д.И. Чижевского.
[45] *Манн Г.* Велик образ СССР // *Манн Г.* В защиту культуры. Сборник статей. М.: Радуга, 1986. С. 84.
[46] *Степун Ф.А.* Письмо из Германии (Формы немецкого советофильства) // *Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 878.
[47] *Эрн В.Ф.* Культурное непонимание (Борьба за Логос) // *Эрн В.Ф.* Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 122—124.
[48] *Франк С.Л.* О национализме в философии // *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 107.
[49] *Франк С.Л.* Это не «русский взгляд» на мир! // *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 196.
[50] *Степун Ф.А.* Письмо из Германии (Формы немецкого советофильства) С. 880.
[51] Там же. С. 880.
[52] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Frank. Box 2. Stepun, Fedor Avgustovich. To Semen Ljudvigovich Frank. a.l.s. 2p.

Письма Ф.А. Степуна С.Л. Франку и Т.С. Франк*

1

Дорогой Семен Людвигович.

Простите, пожалуйста, мое неприличие: не умею я справляться с техникой жизни — своевременно отвечать на письма, не терять адреса и т. п.

Вашу, очень интересную, статью сейчас же передал Кронеру[1]. Он очень благодарит, но просит не сетовать, если она пойдет не сразу. Ближайшие три книги[2] уже окончательно составлены.

Что касается второй статьи, то «Логос» её тоже конечно охотно напечатает. Вопрос — только в сроках. Живя в Дрездене, я, впрочем, пока жму на Кронера и в этом смысле. Простите краткость заметки. Сегодня очень некогда. В следующем № Совр<еменных> Зап<исок> идет интересная заметка Чижевского[3] о Вашей статье (русск. философия)[4].

Пересылаю Вам свою статью о романтизме и Славянофилах[5]. Третьего дня читаю доклад о русской Интеллигенции в социологическом Институте Лейпцигского университета. Познакомился с Фед. Алек. Брауном [?]. Очень кажется милый и живой человек.

Сердечный привет Татьяне Сергеевне[6] и Вам от нас обоих.

Ф. Степун

---

[1] *Richard Kroner* (1884—1974) — философ, учился в Хайдельберге вместе со Степуном, затем во Фрайбурге защитил диссертацию у Г. Риккерта. Вместе со Степуном готовил сборник «Von Messias» (1909). Занимался изданием немецкого «Логоса». В 1938 г. эмигрировал в Великобританию, в 1940 — в США.

[2] Имеется в виду немецкий вариант журнала «Логос», который был возобновлен после войны и революции.

[3] *Дмитрий Иванович Чижевский* (1894—1977) — выдающийся мыслитель — филолог, философ, культуролог, вошел в мировую науку как крупный славист — русист, украинист, богемист, полонист, кроатист. Друг и многолетний корреспондент Степуна, эмигрант, работал в Праге, очень много в Германии — в Галле, Марбурге, в 1950-е годы в Гарвардском университете (США), затем вернулся в Германию, последние годы — директор Института славистики в Хайдельбергском университете. Многие его работы написаны по-немецки.

[4] Речь идет о рецензии Д. Чижевского на статью С. Франка «Die russische Weltanschauung» (Scharlottenburg, 1926). Рецензия была опубликована под псевдонимом П. Прокофьев в «Современных записках». 1927. Т. 33. С. 534—537.

[5] Степун написал несколько статей на эту тему. Но поскольку речь в письме идет о немецком варианте «Логоса», логично предположить, что он послал Франку

---

* Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Frank. Box 2. Stepun, Fedor Avgustovich. To Semen Ljudvigovich Frank. a.l.s. 2p. (Далее все письма С.Л. Франку и Т.С. Франк из этой коллекции). *Публикация и комментарии В.К. Кантора.*

свою статью из этого журнала. Deutsche Romantik & Die Geschichtsphilosophie der Slawophilen // Logos. Band XVI. 1927. Heft I. Таким образом, данная публикация, как и публикация рецензии Чижевского, позволяет определить и примерную дату письма.

[6] Жена С.Л. Франка.

2

Дорогой Семен Людвигович,

виноват — всё время помнил, но в последнюю минуту — забыл.

Согласен читать в Субботу 29 или 22 января. Смогу прочесть только одну лекцию Тема согласно Вашему желанию: «Hauptrichtungen der russischen Bühnenkunst»[1].

С Кронером я переговорил о Вашей статье для «Логоса»[2]. В Вашем распоряжении 2 листа, т. е. 32 страницы. Ближайшие два № «Логоса» уже составлены. Ваша статья сможет появиться, вероятно, лишь через ½ года. Все же было бы приятно иметь ее месяца через 2; есть шанс напечатать её и раньше, небольшой, но есть. Гонорар, кажется, 100 д. мр. [Deutshe Mark] за лист, я еще справлюсь. Я получил Ваш предмет знания[3]: мне кажется, было бы весьма интересно, если бы Вы изложили свой Птоломеевский переворот в гносеологии[4].

Прочел Вашу статью о русском миросозерцании[5]. В последнем счете я с ней согласен. В последнем счете очень верно подчеркнутость духовной трезвости как конститутивной категории русской духовности, но верно и то, что у Достоевского «идее» всегда противостоят исступление и восторг. Не согласен я с пониманием немецких романтиков; они тоже были трезвенниками: они писали и любили сказки; сказки же действительность, а не мечта. Я уверен, что многое, что Вы в Славянофилах относите на счет Православной онтологии, необходимо отнести на счет немецкой романтики[6]. Величайшее доказательство этому язык.

Но обо всем этом писать не возможно.

Татьяне Сергеевне и Вам от нас обоих сердечный привет.

Ваш *Ф. Степун*

P. S. Lenerer'у[7] на днях напишу.

---

[1] Основные направления русского театрального искусства (*нем.*). Степун был, как известно, признанным теоретиком театра и режиссером в пореволюционной России. К тому времени он выпустил книгу: Основные проблемы театра. Берлин: Слово, 1923.

[2] Известна одна статья Франка, опубликованная в двух номерах немецкого «Логоса»: Erkentniss und Sein // Logos. 1928. Bd. 17. № 1. S. 165—195; Bd. 18. № 1. S. 231—261.

[3] Речь идет о книге С.Л. Франка «Предмет знания».

[4] Надо отметить контекст: гносеологический переворот Канта был назван «коперниканским». Стало быть, движение Франка шло в докантовскую эпоху (как извест-

но, любимый философ Франка был Николай Кузанский). В устах неокантианца Степуна этот интерес к докантовским моделям сознания особенно выразителен.

[5] Имеется в виду работа С. Франка, вышедшая на немецком языке: *Frank S.* Die russische Weltanschauung. Scharlottenburg, 1926. На русском языке см. в книге: *Франк С.Л.* Русское мировоззрение / Составитель, автор предисловия и примечаний А.А. Ермичёв. СПб.: Наука, 1996. С. 161—195.

[6] Это была любимая мысль и тема самого Степуна. Одна из первых его статей посвящена как раз данной проблеме: «Немецкий романтизм и русское славянофильство» // Русская мысль. 1910. № 3. Март. С. 65—91.

[7] Персонаж не установлен.

3

Дорогой Семен Людвигович,

Спасибо за письмо. Хотелось бы очень написать Вам в ответ на него настоящее послание, но очень некогда. Главное: 1) — я ничего не имею против упрощения, как формы изложения; тут Вы правы, нам писать не для кого. Но я протестую против упрощения, как формы созерцания явлений. Я тоже складываю свои философские сложности в ящик... если и не письменного стола, то сознания, но зато сложно пишу о Струве, Пешехонове, Бердяеве, грехах демократии и т. д. Вероятно, Вам эти писания представляются излишними. Вы пишете, что вопросы политики сейчас вопросы практики, а не философии. Вот тут у нас с Вами расхождение. Я уверен, что все вопросы политики — вопросы философии, ибо в основе всякой практики всегда лежит философия. Образ будущей России безусловно будет зависеть от того, сколько жалованья будет получать священник, сколько учитель и сколько жандарм. Соотношение вместе этих цифр центральная философская проблема. Пока на этом прерываю мои намеки. Бог даст, поговорим при свидании поподробнее. Теперь о деле. В качестве темы одной публичной лекции я предложил бы «die Dämonen von Dostoevskiy & die bolschewistische Dämonie»[1]. Что же касается лекций о театре, то при всём моем желании прочесть курс даже в том усеченном виде, как Вы предлагаете, в этом семестре не могу. Очень завален, задушен работой.

С удовольствием возьмусь за это дело в следующем зимнем семестре.

Наталья Николаевна и я шлем Вам и жене Вашей душевный привет.

Искренне Ваш *Ф. Степун*

[1] «Бесы» Достоевского и большевистская бесовщина (*нем.*).

4

Dresden, 12-го сент. 1926

Дорогой Семен Людвигович,

Большое спасибо за письмо: рад, что Вы прочли «Прапорщика»[1] с интересом. При свидании мне будет важно побеседовать с Вами о нем. Да и вообще очень хочется побеседовать о многом. Я написал маленькую статью о «Пути» для «Совр<еменных> Зап<исок>»[2]. Во время изучения четырех № очень волновался пленительным, но по мне вредоносным сочетанием выдумки и мысли, свойственным русской философии. Очень много выдумки и выдумки очень большого масштаба; хотелось бы больше детали, больше работы через лупу. Особенно все это чувствую, читая любимого мною Бердяева. Есть в нем какое-то кустарничество, вещь, конечно, святая и артистическая, но все же не могу я уйти из-под гипноза высокодифференцированного западноевропейского мышления. Ваша статья в 1 №[3] очень верная, если хотите, даже мудрая, но в ней нету приводного ремня к современности, не к категории современности, а к тому, что будет «завтра» в России, на съездах либералов, демократов, с. р. и с. д... Ужасно необходимо, чтобы из политики исчез политиканствующий публицист и вообще всякий профессиональный политик, с утра вспухающий от набивающих его карманы газет. Для того, чтобы он исчез, надо, чтобы было кому его заменить. Вот этой заботы в «Пути» нет. «Путь» игнорирует политику, а политика (не политиканство) сейчас та сфера, та территория, на которой разрешаются вовсе не политические, а религиозные и метафизические проблемы. Простите это неожиданное вступление.

Что касается Вашей статьи о Леонтьеве, то очень прошу прислать мне ее переписанную на машинке, или, если от руки, то очень четко. Это почти основное условие успеха. Я приложу к ней письмо к Muth'у[4] и отправлю в Мюнхен[5]. Если там не уладится, то могу переслать еще Мартину Буберу[6] для его журнала «Die Kreatur». Во всяком случае постараюсь сделать все, что могу. Темою своей берлинской лекции я выбрал бы: «Romantik und Slawophilentum»[7]. О дне предполагаемой лекции прошу мне сообщить заранее. Имейте в виду, что я свободен только во вторую половину недели.

С душевным приветом Вам и жене от нас обоих

Ваш *Ф. Степун*

P. S. О теме подумаю. Только что получил письмо от Либерта (Karl Sedellschnap) и вспомнил, что на предложенную Вами тему читаю 6 Ноября в Берлине.

---

[1] Речь идет о книге военных очерков Степуна «Из записок прапорщика-артиллериста».

[2] Степун пишет о своей статье: Об общественно-политических путях «Пути» // Современные записки. Париж, 1926. Кн. 29. С. 442—448.
[3] Речь идет о статье Франка: Религиозные основы общественности // Путь. 1926. № 1. С. 9—30. Об этой статье Степун писал так в «Современных записках» (1926, кн. 29): «Посвященная религиозным основам общественности, статья С.Л. Франка всецело зиждется на пафосе раскаяния бывшего общественника. Она очень мудра в своем устремлении к вечности, но и совершенно слепа в смысле конкретного ощущения завтрашнего дня» (*Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 864).
[4] *Карл Мут* (*Carl Muht*) — публицист (1867—1944) и издатель (с 1903 по 1941) основанного им католического ежемесячника «Hochland» («Хохланд»), в котором часто печатался Степун.
[5] Статья Франка «Konstantin Leontjew, ein russischer Nietzsche» была опубликована у Карла Мута: Hochland. 1928/1929. N 6. S. 613—632.
[6] *Мартин Бубер* (*Martin Buber*) (878—1965) — религиозный философ, в 1924—1933 гг. профессор философии в университете во Франкфурте. В 1933 г. эмигрировал в Швейцарию, затем в Палестину. С 1938 г. профессор философии Иерусалимского университета.
[7] Название лекции зачеркнуто чернильной чертой. О влиянии немецкого романтизма на русское славянофильство Степун писал не раз.

5

Dresden, 6-го ноября 1927 г.

Дорогой Семен Людвигович, простите ради Бога, что так долго не отвечал Вам. Много на это причин, но главная — все же моя корреспондентская неряшливость. Дело в том, что я получил Ваше письмо незадолго до моего отъезда в Данциг[1], Ригу и Двинск[2]. Накануне отъезда успел только переговорить насчет Вашей лекции в Дрездене со здешней Schopenhauer-Gesellschaft. Председатель оной обещал мне переговорить с членами правления и ответить лично Вам. Вернувшись, я узнал, что вопрос еще не решен; третьего они отказались пока что от устройства лекции. Но «русское собрание» решило просить Вас прочесть Вашу лекцию на немецком языке в кругу своих русских и прежде всего немецких членов. Об этом деле Вам еще будет писать подробнее Алексей Дмитриевич[3]. Зал снят на 18-ое ноября. Заплатят Вам, к сожалению, только 50 марок, но «собрание» само нищее. Надеюсь, что Вы и на этих условиях не откажетесь заехать к нам. Было бы хорошо, чтобы Вы познакомились с Кронером. Вашу статью можно будет, кажется, скоро напечатать[4]. Я постараюсь собрать на доклад интересную публику.

Что касается Вашего большого дела, то тоже Ваш заезд сюда был бы не лишним: здесь есть кое-кто из крупных финансистов, с которыми можно было бы поговорить. К тому же Кронер очень близок с Кемплером, зятем Мендельсона[5], и если бы он дал Вам письмо к нему, т. е. «зятю», — это было бы много действеннее

моей рекомендации. Но если Вы хотели бы переговорить с Кемплером раньше, то я мог бы конечно и сам написать ему.

О своем участии в предполагаемом журнале хотел бы поговорить с Вами лично несколько ближе. Будьте добры, ответьте срочно, согласны ли Вы читать 18-го и сколько времени Вы можете пробыть в Дрездене.

Татьяне Сергеевне и Вам искренний привет от нас обоих.

Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Ныне — Гданьск.

[2] Теперь — Даугавпилс.

[3] Князь *Алексей Дмитриевич Оболенский* (1855, Петербург — 1933, Дрезден) — государственный деятель, правовед, товарищ министра внутренних дел, сенатор, товарищ министра финансов, член Госсовета (1905), обер-прокурор Св.Синода (1906), составитель Манифеста 17 октября (иными словами, им была написана первая конституция в истории Российского государства, превратившая Россию из абсолютной в конституционную монархию). Добрый знакомый Степуна, земляк по Калужской губернии, в Дрездене — председатель Общества Владимира Соловьева до самой своей смерти.

[4] Вероятно, речь идет о статье Франка «Erkentniss und Sein».

[5] Хозяин банкирского дома «Мендельсон».

6.

Dresden, 12-го ноября 1927 г.

Дорогой Семен Людвигович,

Как всегда в эмигрантских делах, так и в деле устройства Вашей лекции «Русским собранием» завертелась какая-то путаница. Оказалось, что 18-го читать нельзя, потому что 18-го надо танцовать. Князь[1] хотел было взять на себя устройство Вашей лекции, но я побоялся, что выйдет всего только второе расстройство, и отсоветовал ему. Рассказывать Вам в письме, почему вдруг все сорвалось скучно: тут не без большой и не без малой политики. В результате положение вещей сейчас таково: уже не «Русское собрание», а студенческий союз предлагает Вам прочесть в будущем пока отставленную лекцию. Серьезность своего намерения он обеспечивает авансом 30—50 марок.

Мы же очень Вас просим не менять своего маршрута. 16-го вечером здесь в частном доме берлинский приват-доцент читает доклад о будущности Сов. России. На докладе Вы познакомитесь с Кронером и, может быть, с тем банкиром, который устраивает доклад и, кажется, заинтересовался Россией. В четверг 17-го князь претендует на монопольное обладание Вашей личностью и, кажется, хочет ехать с Вами во Фрейберг. Я в этот день очень занят — читаю в Дрездене и Хемпице. В пятницу 18-го Вы, быть может, повидаете ближе Кронера и Тиллиха, хотя пятница вообще день не удобный — Тил-

лих читает в Лейпциге (с 2-х часов дня). Жду от Вас по возможности срочного ответа на это письмо. Получив его, я буду ближе договариваться с Кронером и Тиллихом. Князь просил передать Вам (кажется, он и сам пишет), что он не то, что не приглашает Вас, а лишь переуступает Вас нам. Я думаю, Вам у нас будет удобнее. По приезде на вокзал, если бы я Вас не встретил, садитесь на трамвай № 5 в направлении Zertnitz (Чертниц) и выйдя на остановке Zellischer Weg приходите прямо к нам. Сердечный привет.

Ваш *Ф. Степун*

[1] Очевидно, речь идет все о том же князе Алексее Дмитриевиче Оболенском, у которого был свой дом в Дрездене, где он принимал известных русских эмигрантов: от Н.А. Бердяева до С.В. Рахманинова. А.Д. Оболенский был одним из основателей общества Вл. Соловьева, где заметную роль играл Степун.

7

Dresden, 26-го декабря 1927 г.

Дорогой Семен Людвигович,

так как Вы не раз говорили мне, что Вам онтологически претит всякая спешка, то, надеюсь, Вы простите меня, что я с такою медлительностью хлопочу о Вашем журнале. У меня очень рассеянные руки, и, говоря откровенно, я все эти дни никак не мог найти кронеровского письма, которое использовал в качестве книжной закладки. Кронер написал Кемплеру все, что нужно, за исключением темы Каминки[1], так что я ему особо писать не буду. Чем больше я думаю о Вашем предприятии, тем яснее мне, что главное дело — издатель. Что касается моих лекций, то могу предложить Вам только 2 темы: «Die Weltanschaung Dostoevskij»[2] и «Die russische Intelligenz in ihrer Bedeutung für die Revolution»[3]. В религиозно-философской академии могу прочесть по-русски «Лицо и истина». Очень прошу заранее написать мне, когда Вы предполагаете назначить мои лекции. Вы вряд [ли] помните, что я могу читать только понедельник, вторник и среду. Занят я кроме этого 14-го, 29 и 30-го января и 9 февраля.

Вам и Татьяне Сергеевне от нас обоих сердечный привет и искренние пожелания всяческих благ к Новому Году.

Ваш *Ф. Степун*

[1] Возможно, речь идет о профессоре А.И. Каминке. *Август Исаакович Каминка* (1865—1940) — общественно-политический деятель, публицист, издатель, приват-доцент Петербургского университета (1904—1912), профессор права Высших Бестужевских курсов (с 1909), член ЦК партии кадетов, в 1918 эмигрировал в Финляндию, с 1920 жил в Берлине, соучредитель издательства «Слово», сотрудник редакции газеты «Руль» (1920—1931).

[2] Миросозерцание Достоевского (*нем.*). Позднее на эту тему Степун написал статью.

[3] Русская интеллигенция и ее значение в революции (*нем.*).

8

Dresden, 5-го января 1928 г.

Дорогой Семен Людвигович,

31-го читать никак не могу, так как читаю не только 30-го, но и 31-го. Очень прошу потому уступить мне 24-е или перенести меня на какой-нибудь другой день.

Читать я предполагаю только по-немецки о Достоевском, об интеллигенции читать в Академическом союзе мне не представляется интересным и правильным, так как лекция определенно сделана для немцев. В ней есть и «Вехи» и Богданов. Переделывать мне сейчас некогда; то же, что важно, я напечатал в Мыслях о России[1]. «Лицо и истину» мы с Вами думали ведь для религиозно-философской академии[2], для Союза[3] она, конечно, не подходит. Я буду только рад, если заседание академии превратится в нашу беседу с Вами.

Что касается журнала, то я представляю себе Вас редактором, а себя, как и Бердяева и др., о ком мы говорили, ближайшими сотрудниками. В этом смысле я и писал о «Вашем» журнале. Но дело, конечно, не в этом разграничении, а в том, что должен быть во главе каждого предприятия некий главно и неустанно озабоченный им человек, который ложился бы спать, а утром вставал бы с мыслями о нем. При всем сочувствии затеваемому журналу я таким вращением вокруг него заболеть сейчас не могу и потому ничего настоящего не сделаю. У меня очень много ежедневных необходимостей, а ведь работать надо прежде всего технически: писать издателям, ездить к ним, выработать для них платформу, составить список сотрудников, описать достоинства всех сотрудников, искать путей к этим издателям — это страшная заваруха, которая мне сейчас не под силу. Об этом еще поговорим при свидании.

Сердечный привет от нас обоих Вам и Татьяне Сергеевне.

Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Цикл статей Степуна, печатавшийся в парижских «Современных записках» в 20—30-е годы XX в. Полностью опубликован в: *Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. Составление, предисловие, комментарии и библиография *В.К. Кантора*.

[2] Религиозно-философская академия была открыта в Берлине 26 ноября 1922 г. Ее основателем считается Бердяев при содействии Американского христианского союза молодых людей. И Степун, и Франк принимали активное участие в ее работе.

[3] Русский Академический Союз в Германии, или Берлинская академическая группа была основана проф. А.И. Каминкой. 3 июня 1920 года профессор А.И. Каминка собрал всех находившихся в то время в Берлине преподавателей высших учебных заведений для организации в Берлине общения русских ученых. Это собрание и явилось учредительным. Цель Союза — объединение русских ученых в Германии, защита их научных, правовых и профессиональных интересов, забота о русских студентах в Германии. Первая конференция состоялась в Праге в 1923 г.

9

Obrany, 16 апреля 1930 г.

Дорогой Семен Людвигович,

Большое спасибо за статью[1]. Получил ее накануне отъезда в Прагу и Obrany и сейчас же прочел. Переслал в «Совр. Зап.», написал Вишняку[2], что голосую за помещение и прошу его отнестись внимательно к Вашим мыслям. Пойдет ли статья — сказать ничего не могу. Бунаков[3] будет, конечно, голосовать «за», но не знаю, как отнесутся другие члены редакции. Для меня лично в Вашей статье мало парадоксального и очень много верного. Все деление на «левых» и «правых» в предреволюционном смысле, конечно, устарело и только путает и мутит нашу эмигрантскую общественность. Аналогичные Вам мысли я и сам высказывал в «Мыслях о России». Очень верно, конечно, и очень ценно, по-моему, указание на исконную биполярность социализма и левого и правого по существу. Если бы социализм не был и правым, т. е. если бы в его основе не лежала столь популярная ныне идея нового средневековья[4], я не имел бы ни малейшего основания считать себя социалистом. Всякий русский человек не реакционер по духу, предпочитающий ныне Бердяева Милюкову, должен числить себя социалистом. Это, конечно, очень коротко, но я думаю, Вы поймете меня. С одним я потому с Вами глубоко и по существу не согласен, а именно с тем, будто бы большевики осуществили в России социализм. Они всего только сделали попытку перевести на практику марксову идеологию, которая по существу является транскрипцией весьма буржуазного мироощущения. На мой взгляд то, что большевики натворили в России, похоже на социализм не больше, чем «трепанация черепа на логическую операцию». Думаю, что это будет и единственным камнем преткновения для Вишняка и Руднева[5], ибо они не увидят, что Вы «моего социализма» не отрицаете, а отрицаемый Вами «Современным зап.» защищать не приходится. Левые люди почти все догматики и потому для них социализм есть всегда социализм, т. е. их с.р.-ый [социал-революционный] социализм.

Надеюсь, Вы в свое время получили моего «Переслегина», «Жизнь и творчество» и оттиски статей. Спасибо Вам большое за Вашу книгу[6], в следующем письме или при свидании поговорим о ней; сейчас письмо и так очень затянулось.

Сердечный привет Вам от нас обоих и лучшие пожелания к Светлому празднику.

Ваш *Ф. Степун*

P. S. Мы пробудем в Обжанах до первого мая.

P. P. S. № журнала, в котором должна была быть Ваша рецензия, на днях выходит. Будьте добры, вернуть мне назад книгу, так как она была дана мне для дела без возврата в случае написания рецензии.

---

[1] М. б., речь о статье Франка «По ту сторону правого и левого».
[2] *Марк Вениаминович Вишняк* (1882—1975) — эсер, эмигрант, сотрудник «Современных записок», «Русской мысли», мемуарист, оппонент Степуна в течение сорока лет. Это важно отметить, чтобы понять некоторую неуверенность Степуна в реакции Вишняка. Даже в некрологе тот не удержался от полемической интонации: «Мои отношения к Степуну базировались всегда на откровенности. <...> Он всегда был со мной исключительно корректен, предупредителен и любезен, — даже когда моя, можеть быть чрезмерная, откровенность не могла его не задеть. Он был оппонент-джентельмен, оперировавший рапирой, а не дубиной. <...> Хотя от большинства взглядов и оценок Ф. Степуна я всегда отталкивался, он тем не менее сыграл в моей жизни благотворную роль идейного “катализатора”, способствовавшего уяснению и формулировке моих собственных взглядов и оценок» (*Вишняк М*. Памяти Ф.А. Степуна // Русская мысль, № 2277, 4 марта 1965. С. 5).
[3] Речь идет о И.И.Фондаминском.
[4] Намек на работу Бердяева «Новое средневековье». Была сразу переведена на несколько европейских языков.
[5] *Вадим Викторовыич Руднев* (1879—1940) — эсер, в 1917 г. московский городской голова, эмигрант, один из ведущих редакторов «Современных записок».
[6] В 1930 г. у Франка вышла книга «Духовные основы общества» (Париж: ИМКА-Пресс, 1930).

10[1]

Dresden, 13-го февраля 1934 г.

Дорогой Семен Людвигович,

опять я не осилил неурядицы своей внешней жизни. Получив Ваше письмо, сейчас же написал Кассиреру[2]. Четвертого февраля получил от него ответ. Он пишет: «ich werde mich selbsverständlich freuen Herrn Prof. Frank zu sehen und mit ihm über seinen Vortrag zu sprechen»[3]. В разговоре с Кассирером в случае, если бы речь зашла о переводе, поддерживайте Лютера[4], Оцупа[5] и меня. Мы ведем тяжелую борьбу со стаей малограмотных переводчиков. Даже литературно способная Штейнберг[6] переводит иконостас — алтарь, наваждение — наводнение, агний — агнец и т. д. К тому же пропускает чуть ли не целые страницы и сокращает описания природы. Кассирер нас слушает, но вполуха. Он, кажется, немного обидчив. О Вашем сыне только писал Чижевскому и буду писать Lieb’у[7] в Париж. Пока сердечный привет Вам и Татьяне Сергеевне от нас обоих.

Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Маленькая открытка, густо исписанная, адресованная: Herrn Prof. Dr. Frank. Berlin Kalensee, Nestorstrasse 11.

[2] *Эрнст Кассирер* (1874—1945) — немецкий неокантианец. Сохранилась переписка Степуна с Кассирером.
[3] «Само собой разумеется, я с удовольствием увижусь с проф. Франком, чтобы поговорить с ним о его докладе» (*нем*.).
[4] *Arthur Lüther* (1876—1955), историк литературы, родился в Орле (Россия), преподавал Степуну русскую литературу в немецкой школе в Москве, учился в Берлине, Хайдельберге и Лейпциге, умер в Баден-Бадене. Его называли посредником между немецкой и русской литературой и духовной историей. Работал как библиограф и доцент с чтением лекций о новой русской литературе.
[5] *Николай Авдеевич Оцуп* (1894—1958), родился в Царском Селе, сын придворного фотографа, поэт, ученик Н.С. Гумилева. В 1922 г. Оцуп эмигрировал. Первое время жил в Берлине, затем переехал в Париж. В начале войны он был арестован за антифашистские убеждения, отправлен в концлагерь, откуда бежал и вступил в итальянское Сопротивление. Умер в Париже. Автор сборников стихов, романа «Беатриче в аду» и нескольких томов мемуаров.
[6] *Ида Штейнберг* — переводчица с русского на немецкий, в частности переводила прозу И. Бунина — «Жизнь Арсеньева».
[7] Имеется в виду швейцарский протестантский теолог *Фриц Либ* (*Fritz Lieb*, 1892—1970). Был близок и с Бердяевым, и со Стипуном. Профессор в Бонне (1930—1933). Издавал журнал «Orient und Occident» («Восток и Запад»). Владелец одной из лучших в Европе библиотек по славянской религиозной мысли. После прихода к власти наци стов был выслан из Германии, с 1937 г. — полфессло в Базеле. Автор книг: Revolution, Kirche und Christentum, Basel o.J. (1921); Baader und Kant (Diss. theol., Basel, ungedr. 1923); Franz von Baaders Frühentwicklung (Habil. 1924); Franz Baaders Jugendgeschichte. Die Frühentwicklung eines Romantikers. München, 1926; Die Stellung der russischen orthodoxen Kirche zur revolutionären Staatsgewalt. (Antrittsrede anl. der Umhabilitierung von Basel nach Bonn, 1930. In: Theol. Blätter, 1931, 89—98); Christ und Antichrist im Dritten Reich. Der Kampf der deutschen Bekenntniskirche, Paris, 1936.

11[1]

29.7.34

Dresden — A.24. Snorstrasse 80.

Дорогой Семен Людвигович!

Собираюсь ехать в отпуск, на этот раз на север, в Швецию и Норвегию, и перед отъездом привожу в порядок свою корреспонденцию. Надо было бы опять начинать с извинения, но, дабы не повторяться, извиняться не буду. Вашу просьбу касательно Вашей статьи в Logos'е мне довелось исполнить сейчас же по получении Вашего письма, так как в Halle[2] я встретился с Kroner'ом, спешившим в Италию. От него я узнал, что Logos выходом прекращен, что у него, Кронера, была весьма неприятная переписка с Siebeck'ом[3], и что, к сожалению, Rickert[4] оказался не вполне на высоте. Logos будет, вероятно, выходить дальше под редакцией Glockner'a и под другим заглавием. Kroner предложил Siebeck'y назвать его или «Утренней Зарей» или «Светлой Бестией». Оба заглавия звучат хорошо, соединяя Нитше и современность. Из всего этого следует, что напечатать Вашу статью в Logos'е не придется, и гонорара за нее Вам, по мнению Кронера, не получить.

Насчет Вашей статьи о Пушкине я писал месяц тому назад Рудневу и недавно, правда, несколько дней назад, напоминал ему о ней. Ответа пока не имею. Быть может, Руднев за это время писал непосредственно Вам.

Что касается Вашей книги в Gotthelf-Verlag'е, то я виноват перед Вами тем, что напомнил об этом деле Бердяеву лишь совсем недавно. На днях напишу еще раз Lutz'у, который после долгого пребывания во Франции снова вернулся в Швейцарию. У меня впечатление, что издательство все же будет действовать с оглядкой. Скоро выходит Бердяевский «Человек», а затем, почти что наверное, «Сковорода» Чижевского[5]. Мне вообще не ясна компетенция нашей редакции (Бердяев, Либ и я) во всем предприятии. Тут нужно еще много выяснить. Быть может, я в октябре буду снова читать в Швейцарии и тогда в личной беседе с Lutz'ом смогу добиться большего для нашего русского дела.

В Лозанне начинается новое издательское дело, во главе которого стоит некто Rössler[6], бывший редактор берлинского National Theater. У них новоградская установка. Заказывают мне книгу «Die Form europäischer Selbstbehauptung»[7]. Я еще не знаю, возьмусь ли за ее написание. К издательству довольно близко стоит Евсей Давыдович Шор[8], который сейчас в Риме. С Вашего предполагаемого разрешения я пишу Шору, чтобы он связал Вас с Rössler'ом. Быть может, Вас заинтересует сотрудничество в новом деле. Rössler пишет, что они рассчитывают на небольшой круг сотрудников, который будет ими по мере возможности не только оплачиваться, но и оплачиваться хорошо. В середине сентября мы будем возвращаться из Норвегии через Берлин. Надеюсь увидать Вас. Пока, сердечный привет Вам и Татьяне Сергеевне от Наталии Николаевны и меня.

Жму Вашу руку — Искренне Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Письмо напечатано на машинке.

[2] Галле (Halle) — университетский город Восточной Германии.

[3] *Paul Siebeck* — руководитель знаменитого издательства в Тюбингене «J.C.B.Mohr (Paul Siebeck)», оплота юго-западного немецкого неокантианства и либерального культур-протестантизма. Зибек был первым издателем журнала «Логос».

[4] *Генрих Риккерт* (1863—1936), неокантианец, был с 1894 г. профессором Фрайбургского, с 1916 — Хайдельбергского университетов, где он сменил В. Виндельбанда, у которого учился Степун. Существенно отметить, что и Виндельбанд и Риккерт поддержали в 1909 г. идею о создании журнала «Логос», связав молодых русских и немецких студентов с издателем Паулем Зибекком, а название журнала предложил Риккерт.

[5] *Чижевский Д.И.* Философия Сковороды. 1934.

[6] *Рудольф Рёсслер* (Rössler) (1897—1958) — издатель.

[7] Формы европейского самоутверждения (*нем.*).

[8] *Евсей Давидович Шор* (1891—1974) — двоюродный брат О.А. Шор, близкий друг семьи Степуна и семьи В.И. Иванова, доверенное лицо В. И. Иванова. Ученик Гуссерля, музыкант, искусствовед, философ, историк русской мысли.

12[1]

[Münich, 1945]

Дорогая Татьяна Сергеевна,

Письмо это до некоторой степени случайно. Я вторично пишу Виктору Семеновичу[2], не зная его адреса, вторично адресую письмо Вам. К русскому Рождеству напишу Вам по-настоящему. Сейчас очень много дела и очень много суеты. Предполагаю, что Вы вполне в курсе дел Вашего младшего сына[3]. На днях он был у меня и просил, чтобы я подумал о его судьбе. Перед отъездом в Париж была у меня (что Вася не должен знать) Галина Николаевна Митина. Сущность Васиной просьбы сводилась к желанию, чтобы я назвал ему хорошего доктора, психолога или даже психоаналитика, в котором он сейчас, по его мнению, нуждается. Постараюсь сделать все, что могу. Я надеюсь, что я поступаю правильно, сразу сообщая Вам обо всем этом. Как-то мне неудобно и кажется неверным скрывать все это от Вас. Да и думаю я, что Вы все это знаете. Ваш совет будет мне тоже, конечно, важен и ценен. Пока ни о чем больше писать не буду, так как на настоящее письмо в данную минуту нет времени.

С Рождеством Христовым поздравлю Вас к нашему празднику. А с Новым Годом поздравляю уже сейчас. Я буду доволен, если он окажется не хуже прошедшего. Положение мира все же очень трудное.

Знаете ли Вы, что наша церковь переехала в новое помещение, которое я снял в качестве председателя нашего общества по воспитанию русских детей. Мне очень нравится новое помещение: уединенно стоящий дом в восемь комнат. Алтарь помещается в небольшой комнате, освещенной только свечами и лампадами. Священник в нем присутствует как бы силуэтно. Это производит очень особое впечатление.

Ну, кончаю, дорогая Татьяна Сергеевна. Всегда с радостью вспоминаю наше Мюнхенское сосуществование и благодарю Вас за наши встречные беседы. Обнимаю Вас.

Сердечно Ваш *Федор Степун*

Очень прошу как можно скорее передать прилагаемое письмо[4] Виктору.

Васе об этом письме пока лучше не говорите.

---

[1] Письмо напечатано на машинке.

[2] *Виктор Семенович Франк* (1909—1972) — журналист; сын С.Л. Франка, работал на радиостанции Би-Би-Си.

[3] *Василий Семенович Франк* (1920—1996) — младший сын С.Л. Франка

[4] Письмо не обнаружено.

13

9 августа 1951 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна,

спасибо за письмо от 31-июля. Жду высылки «Непостижимого» и сообщения об издательстве, которое в свое время собиралось его печатать[1]. До присылки работы ничего предпринять не могу. Пока что поговорю с моим издателем, он же и издатель католического журнала «Хохланд»[2], в котором были напечатаны, по крайней мере, две статьи Семена Людвиговича: одна о Константине Леонтьеве, а другая, кажется, уже после войны, об еретичности социальных утопий[3]. Я не считаю исключенным, что издательство это заинтересуется книгой. Сейчас католики много работают над запросами русской литературы. Только что вышла книга иезуита Шульца о русских мыслителях. В ней 25 статей, посвященных разным мыслителям, среди которых имя Франка, к сожалению, не встречается[4], но названы, почти что впервые в Германии, имена Федорова, Розанова, а из наших современников Булгакова, Бердяева, Шестова, Карсавина, Иванова и Мережковского.

Если у меня дело с католическим издательством сорвется, то думаю переговорить с Зибеком в Тюбенгене. Отец Зибека был издателем немецкого Логоса; у него же вышел и ряд книг Николая Александровича Бердяева. Нет ли у вас рецензий на работы Семена Людвиговича, в особенности на немецком и английском языках? О значении творчества Франка для России достаточно свидетельствует история философии Зеньковского, да и мне поверят.

Очень жалею, что Мария Михайловна неправильно информировала меня о здоровье Семена Людвиговича. В сущности, я оттого и не послал вам моей автобиографии, что был уверен, что 1000 страниц мелкого шрифта С.Л. и не прочесть.

Наташа и я шлем вам и детям наш сердечный привет.

Искренне Ваш: *Ф. Степун*

---

[1] В 1948 г. Степун был уверен, что «Непостижимое» должно выйти, о чем с уверенностью извещал архиепископа Иоанна Сан-Францисского: «По моей рекомендации выходит книга о. Георгия “Пути русского богословия” и “Непостижимое” Франка» (Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Fedotov. Stepun, Fedor Avgustovich. To Vladyka Ioann.).

[2] *Heinz Flügel* (1907—1993) — публицист, писатель. После Второй мировой войны редактировал католический журнал «Hochland», в 1951—1960 гг. был издателем евангелического журнала «Eckart», где сотрудничал Степун.

[3] «Ересь утопизма».

[4] Интересно, что Франк сейчас один из самых известных русских философов в Германии, уже подготовлен и выходит в переводе на немецкий язык его восьмитомник.

14

Мюнхен, 15 Августа 1952 года

Дорогая Татьяна Сергеевна,

простите, ради Бога, что я целых 2 месяца не отвечал на Ваше письмо. Ужасно быстро текут перегруженные работою дни. Английскую книгу Семена Людвиговича я получил. Большое Вам спасибо. Прочесть не смог, т.к. по-английски не читаю. Не думайте, что я ничего не делаю для издания «Непостижимого»[1]. Сейчас оно находится в третьем издательстве. Сначала я предложил книгу католическому издательству Kösel, в котором вышли мои воспоминания[2] и в журнале которого «Hochland» Семен Людвигович напечатал две статьи: одну о Константине Леонтьеве и другую об утопии. Я начал с этого издательства, потому что его редакция имела все же определенное представление о творчестве Семена Людвиговича. Они держали книгу очень долго, давали ее читать двум экспертам, нашли ее очень интересной, но после всяких колебаний и сомнений все же не решились на выпуск[3]. Конечно, по материальным соображениям. После этого книга была мною, по рекомендации Кёзелевского издательства, отправлена в новое, материально хорошо подкованное, издательство в Берлине, откуда она вскоре вернулась с отрицательным ответом. Теперь она уже довольно долго лежит в третьем[4] издательстве и в 1-ом[5], которое книгою действительно интересуется. Очевидно только, что эксперты этого третьего издательства чрезмерно добросовестны и чрезмерно медлительны. Я все еще жду ответа. Как только получу, сообщу его Вам. Думаю, однако, что ежели бы и тут получился отказ, то унывать не должно, а надо продолжать поиски.

Михаил Михайлович Карпович писал мне, а потом написали и Вы, что мои воспоминания о Москве навеяли на Вас грусть и показались Вам неверными и односторонними. Я думаю, что воспоминания всегда окрашиваются точкою зрения вспоминающего. В моих воспоминаниях, которые пытаются объяснить нашу революцию, неизбежен некоторый мрак. Ведь я описываю не все, что довелось пережить и продумать, а главным образом то, из чего родилась революция. Если хотите, мои воспоминания можно, пользуясь термином Зиммеля, определить как «молекулярную социологию большевизма». Но есть, конечно, и другое, что нас, может быть, разделяет. В Москве, во время отпуска с фронта, я видел всех тех людей, которых Вы перечисляете, присутствовал на заседаниях и прениях религиозно-философского общества, слушал доклады Сергей Николаевича Булгакова и Ильина[6], был и в Пе-

тербурге, был близок с Г.А. Ландау[7]. И все же мне было грустно, я ярко чувствовал бессилие всех этих людей, близких мне по духу и миросозерцанию. А чувствовал я это бессилие потому, что я гостил в Москве и в Петербурге в качестве офицера в отпуску. Присутствуя на докладе Булгакова и разговаривая о войне с Евгением Трубецким, я все время видел перед глазами бессилие России на фронте, все растущее разложение и чувствовал, что все кончено. С этими же чувствами я работал впоследствии в Петербурге, в качестве начальника политического управления Военного министерства. Эти же чувства продиктовали мне и мою политическую программу, с которою, однако, все были не согласны: сепаратный мир с немцами, быстрый, хотя бы в правовом отношении и не корректный созыв Учредительного Собрания и немедленный арест Центрального комитета большевиков. Но Милюков, Гучков, Львов, да и Керенский еще верили в возможность победы права над Россией и России над немцами. Все это была сплошная иллюзия, основанная на том, что люди недооценивали реального положения вещей. Мне кажется, что правда моей картины в том, что она объясняет происшедшее. Провинция была здоровее столиц (в ближайшем номере «Нового журнала» будет, вероятно, напечатана моя «Провинция»[8]). Но она, к сожалению, не имела никакого значения и не оказала влияния на судьбу России.

Наталья Николаевна и я шлем Вам сердечный привет.

Ваш *Федор Степун*

P. S. По получении письма пришлите, пожалуйста, только открытку в свидетельство о его получении.

---

[1] Степун чрезвычайно высоко ценил этот трактат Франка. Он писал о нем в «Новом журнале» (1965, № 81): «Являясь последним словом теоретической философии, “Непостижимое” все же не является у Франка последним словом его религиозного миросозерцания. Закрытый *разуму* вход в Непостижимое открывается вере, которая, войдя в Непостижимое, *обретает* его как живого Бога. Этот акт превращения Непостижимого в опыт постигаемого верой Бога является *мистическим центром* философии Франка. Неразрешимый в порядке отвлеченного богословствования вопрос *теодицеи,* т. е. вопрос оправдания мирового зла, разрешается у Франка данным ему опытом, что Бог узнается только в трагическом борении и в муках человеческого существования. Этот спасительный опыт неосуществим, однако, односторонними человеческими усилиями; он возможен только потому, что Бог сам открывается человеку, молитвенно устремленному к Нему как к своему спасителю» (Вера и знание в философии Франка // *Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 787).

[2] Vergangenes und Unvergängliches. (Bd. 1—3). München: Kösel Verlag, 1947—1950.

[3] 23 ноября 1951 г. Степун получил следующий отзыв из издательства по поводу рукописи «Непостижимого»: «Рукопись, которую Вы любезно нам передали, мы прочитали с большим интересом и, по нашему мнению, она, пожалуй, заслуживает того, чтобы быть напечатанной. Однако, к сожалению, господин д-р. Вильд не может решиться взять рукопись в издательство, так как издательство

перегружено большим объемом продукции на длительный срок, по этой причине он позволил себе отослать Вам назад рукопись, приложив отзывы о Франке, с сердечной благодарностью» (Archiv der Stadtsbibliothek Munchen / Архив мюнхенской городской библиотеки (Германия). Ana 390 II. A. S. 54).

[4] Verlag des Rauher (Rawher) Hanser, Hamburg (примечание Ф.А. Степуна).

[5] Степун не оставлял усилий опубликовать в этом издательстве книгу Франка. 6.12.52 он писал издателю: «Издание “Непостижимого” (des “Unerkennbaren”) было бы для западноевропейской философии довольно значительным и явилось бы истинной заслугой издательства Кёзель. Мне очень жаль, что Вы не смогли решиться на эту публикацию» (Universitatsbibliothek Eichstatt / Архив университетской библиотеки г. Айхштетт (Германия). NL. 46. I. S. 57). Эта переписка с издательством «Kösel» по поводу рукописи С. Франка была опубликована мной в журнале «Вопросы философии». 1999, № 4.

[6] Скорее всего, речь идет о ровеснике Степуна философе *Иване Александровиче Ильине* (1883—1954).

[7] *Григорий Адольфович Ландау* (1877—1941) — философ, публицист, эмигрировавший после Октябрьской революции в Германию, автор знаменитой ныне работы «Сумерки Европы» (1914), во многом предвосхитившей шпенглеровский «Закат Европы». Под тем же названием в Берлине вышел сборник его статей в 1923 г. Арестован в 1941 г. органами НКВД в Риге и умер в тот же год в лагпункте Усольлага. См. о нем статью: *Цимбаев Н.И.* Михаил Гершензон и Григорий Ландау: спор и согласие (историософия на развалинах империи) // Мировой кризис 1914—1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М.: РОССПЭН, 2005. С. 369—384.

[8] Текст был опубликован позже: *Степун Ф.* В русской провинции // Новый Журнал. Нью-Йорк. 1954. Кн. 37. С. 165—182.

15

3 декабря 1955 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна,

простите великодушно, что мы не поблагодарили Вас за письмо ко дню Наташиных имянин. Я хоть и стараюсь вести себя прилично, но это мне с трудом удается. Уж очень много самых разных требований предъявляет ко мне каждый день. Много читаю лекций и вне Мюнхена. Веду сейчас три докторские работы. Председательствую в правлении фильмового института. Пишу свою книгу о русских мыслителях и поэтах XX века[1] и почти каждый день подолгу разговариваю с разными проезжими людьми и диктую письма. Каждый день приходят от 5—8, требующих быстрого ответа. Так иной раз и не напишу человеку, которому и хотелось бы написать. Нина Евгеньевна[2] передавала мне, что Вы остались довольны моею статьей о Семене Людвиговиче[3]. Мне было очень приятно услышать этот отзыв. Я довольно долго над нею работал, что по статье, конечно, не видно, так как я мог написать только распространенную рецензию. Со временем я еще подробнее засяду за изучение системы Семена Людвиговича, что требует, конечно, и углубления знаний всей современной европейской философии, от которой я, получив мюнхенскую кафедру, несколько отошел.

За последний месяц написал по-русски две статьи. Одна пойдет в 6 номер Опытов — «Искусство и современность» и одна в «Новом журнале», быть может, уже в декабрьском номере «О родине, отечестве и чужбине».

Должен, к сожалению, сообщить, что статьи Семена Людвиговича о Пушкине как религиозном мыслителе, мне устроить не удалось. Три лучших журнала вернули ее. Придется заплатить переводчице гонорар за работу, о чем я уже говорил с Вашим сыном, и стараться дальше.

Очень грустно, что Вашему Алеше[4] не лучше. Мы не точно себе представляем сущность его болезни и потому не знаем, можно ли рассчитывать на улучшение его здоровья и его душевного состояния. Что говорят пользующие его врачи? Думаете ли Вы, быть может, на Рождество, прилететь в Мюнхен или Вы надолго остаетесь прикованной к Лондону.

Наташа и я шлем Вам самый сердечный привет и благодарим за память и любовь.

Душевно преданный Вам

Федор Степун

---

[1] Можно предположить, что эта работа в конечном счете была реализована в книге Степуна «Mystische Weltschau. Funf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block. (Carl Hanser Verlag, Munchen, 1964. S. 442)».

[2] Не установленное лицо.

[3] Видимо, имеется в виду рецензия Степуна на «Сборник памяти Семена Людвиговича Франка», (Мюнхен, 1954), опубликованная в «Новом журнале», 1955. Кн. 42. С. 284—290.

[4] Речь идет об *Алексее Семеновиче Франке* (1910—1969), втором сыне Франков. Сами родители называли его трудным ребенком, неудачником с золотой душой. Учился балету, гастролировал, был женат на балерине. Участвовал в движении Сопротивления, воевал в американской армии, лишился глаза и двух пальцев на правой руке. Остался инвалидом, жена от него ушла, до конца жизни был на попечении матери.

16

10.2.57

Дорогая Татьяна Сергеевна,

мы бесконечно виноваты перед Вами. Вы нам писали, хоть и кратко, но душевно, поздравляя нас с праздниками, а мы, словно рыбы, уткнувшиеся ртом в тину, — ни слова не промолвили Вам в ответ. Не сетуйте, дорогая: у нас осталось о свиданиях с Вами очень теплое воспоминание, но жизнь моя все усложняется, сеть обязанностей и неотложностей все уплотняется. Каждый день пишу письма, требующие срочного ответа, и эта суета во времени невольно отодвигает на второй план чувства и слова, которые не безусловно связаны с текущей минутой.

Затянулся мой ответ и потому, что я пытался собрать точные и солидные сведения у знакомых мне врачей о г-не Кютемайере, который будто бы специалист по тем анормальностям, которыми страдает Ваш сын. Окончательный ответ я получил, правда, почти что месяц тому назад от руководящего психиатра и невропатолога, моего большого друга д-ра Штаудера. Он пишет: ради г-на К. нет ни малейшего смысла ехать из Англии в Германию. Врачей его знаний и умений можно найти в любом месте Европы. Никакой известностью он не пользуется. Штаудер очень преданный мне человек и отнесся к моему запросу очень серьезно. Что ответ будет отрицателен, я сразу же понял потому, что он не знал имени г-на К. Знать же имя всякого значительного врача-специалиста он должен был бы, так как уже много лет редактирует журнал по вопросам психиатрии.

Как живете и как Ваше здоровье? Нина Евгеньевна говорит, что Вам, быть может, придется подвергнуть себя операции. В чем дело?

Вашего сына видаю сравнительно редко. Последний раз мы были вместе на праздновании Татьяниного дня, а тем самым и Ваших имянин. Было довольно уютно и сердечно. Было много речей. Говорил Вейдле, Михайловский, я и главным образом Лоллий Львов[1], в сущности, он говорил непрерывно и наши речи вставлялись в его поток, как отдельные медальоны, или охватывались потоком его речи, как небольшие острова. Говорила и советская молодежь, между прочим и один студент, совсем недавно из Москвы, очень образованный и начитанный даже и в европейской литературе.

Ну пока кончаю. В конце этой недели мы с Наташей уезжаем на несколько дней, вероятно дней на 10 в Швейцарию, где я читаю ряд лекций.

Барат[2] звонил мне и просил написать рецензию о последней книге Семена Людвиговича[3]. Я, конечно, согласился.

Наташа, я, и пишущая эти строки Нина Евгеньевна шлем Вам наш самый сердечный привет и пожелания быстрого выздоровления, мира душевного и дальнейшего успеха в Ваших трудах по увековеченью памяти Семена Людвиговича.

Ваш *Федор Степун*

---

[1] *Лоллий Иванович Львов* (1888—1968) — литературовед, критик, член Центрального Пушкинского Комитета и Комитета по сооружению памятника А. С. Пушкину в Париже.

[2] Лицо не установлено.

[3] Речь идет об изданной посмертно книге Франка: «Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия». Париж, 1956.

17

Мюнхен, 2 июля 1957 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Ради Бога, простите, что с таким запозданием, преступным запозданием, исполняю Вашу просьбу. Не справляюсь я со своей корреспонденцией. Думаю, что вчера получил письмо — а оказывается прошло уже две недели, как оно пришло. Так было и с Вашим. Если бы Вы мне сразу напомнили, я бы устыдясь тут бы и написал. Ну, все это дело прошлое. Надеюсь все же, что ВЫ внутренне не упрекнете меня в нерадивости.

Рецензию на последнюю книгу «Человек и реальность» Семена Людвиговича я написал[1]. Она пойдет в немецком сборнике Института по исследованию советской России, редактором которой, к слову сказать, назначен проф. Мирчук — убежденный враг России и воинствующий украинофил.

Виктора Семеновича видаем мало, и он и я очень заняты. Но вот в конце этого месяца будет конференция, на которой мы, вероятно, встретимся, а на этой неделе будет прием у высшего начальства г-на Сержанта.

Не посетуйте, что ничего больше не пишу. Очень поздно, необходимо написать еще несколько писем, а глаза моей машинистки закрываются над ее усталыми руками.

Всего хорошего

Ваш *Ф. Степун*

Диктую не Н. Евг., которая страдает глазами, а ее заместительнице.

---

[1] Эта рецензия Степуна не известна.

18

Мюнхен, 17 февраля 1958 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Большое спасибо за Ваше письмо и за то настроение, вернее за то состояние духа, которым оно исполнено. Верно, что к старости, к приближению к последней черте, все в душе меняется и что смысл всякой помощи друг другу приобретает новую глубину. Не знаю, где-то я недавно читал, что всякий умирающий завещает своим близким радость и тяжесть не осуществленной им при жизни любви и тем обязует их как бы долюбить за него все то, что он не успел согреть и осветить своим сердцем. Я наскоро пишу, но эта мысль была тем, от кого я ее получил, сказана как-то очень хорошо.

Я, конечно, с радостью сделаю для Вас и для Вашего сына все, что могу. По получении Вашего письма я позвонил Виктор Семеновичу, чтобы узнать, что он думает предпринять, и как я могу быть полезен. Я, конечно, мог бы заново проконсультировать моего друга д-ра Штаудера и продумать вместе с ним, как бы улучшить положение Вашего Алексея Семеновича в Бетеле. Мне думалось, что может быть можно было бы связать его с каким-нибудь умным психологом или психоаналитиком в Ганновере, который мог бы раз в две недели или хотя бы раз в месяц посещать его и беседовать с ним. Но Виктор Семенович решил пока что ничего не предпринимать, а подождать решения Вашей знакомой, проживающей, кажется, в Голландии. По его сведениям, санатории или больницы для душевнобольных составлены там лучше, чем в Германии, так что может быть имело бы смысл перевести Вашего Алешу туда. Мы сговорились, что по получении более детальных сведений из Голландии, мы снова подумаем, что надо предпринять. Но, конечно, нельзя закрывать глаза на то, что всякий душевнобольной человек чувствует себя неустроенным в заведении для нервнобольных. Брат Габричевского вот уже 15 с лишним лет сидит здесь в больнице и чувствует себя очень тяжело. Он шизофреник, на которого часто накатывают припадки, но в промежутках вполне здоровый человек: много читает, много работает (он по профессии биолог), а кроме того и рисует. Сейчас после 15—20 лет он как бы начинает выздоравливать, идут даже слухи о том, что можно попытаться устроить его с близкими людьми на частной квартире. Насколько я понимаю, в случае Алексей Семеновича важно то, что его состояние является результатом тяжелого ранения, а не только душевного недуга. Телесные же изменения, произведенные оружием, должны трудно поддаваться, как я слышал, психологическому воздействию.

Спасибо Вам за книгу Семена Людвиговича[1]. Она пришла как раз кстати. Я долго не решался читать о Пушкине немцам, но недавно попробовал прочесть о нем в Швейцарии. Попытка очень удалась. В рецензии большой газеты даже напечатали, что лекция о гениальном Пушкине была и сама не лишена гениальности[2]. Это, конечно, зря, но все же свидетельствует о том, что Пушкин в моем понимании и изложении дошел до немецкой аудитории.

Наташа и я шлем Вам наши наилучшие пожелания и сердечные приветы.

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Очевидно, речь идет о книге статей Франка: «Этюды о Пушкине». Мюнхен, <1957>. 127 с.

[2] Можно предположить, что из этого доклада вы росла известная статья Степуна о Пушкине: «Духовный облик Пушкина» (1962).

19

Мюнхен, 5 сентября 1958 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Последнее время было бесконечно много всяческих дел и больше чем дел — всяческих проезжих людей, милых расхитителей времени. Были мы с Наташей и в санатории, чтобы поправить ее сердце, а на днях только что вернулись из Швейцарии и южного Тироля, где я читал лекции.

Совсем мельком и в суете я говорил насчет книги Семен Людвиговича во время институтского конгресса, на днях говорил более настойчиво и обстоятельно. «С нами Бог» я не читал, так как у меня имеется только подоренный Вами английский экземпляр. По-английски же я не читаю. Но мне и не надо знать эту книгу, чтобы рекомендовать ее издателю. Зная Семен Людвиговича, я заранее согласен рекомендовать всякую его книгу. Окончательно дать свое согласие Леонид Иванович[1] еще не может. Но он уже говорил со своим Ученым Советом, который как будто бы все же упирается, как бык, которого ведут, обмотав рога веревкой, на убой. Все же Леонид Иванович надеется, что, быть может, что-нибудь и выйдет. Сейчас в Институте отпуск, 11 сентября снова начинаются заседания. Разговоры, решения и нерешительности. О результате своих переговоров он напишет Вам сам.

Наташа и я шлем Вам наш самый сердечный привет.

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Персонаж письма не установлен.

20

Мюнхен, 29 апреля 1959 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Не посетуйте на меня, что я так поздно отвечаю на Ваше такое сердечное, такое теплое письмо, которое очень тронуло и Наташу, и меня.

С 75-летием поздравлять, конечно, нет оснований, хотя я должен сказать, что жизнь в старости, поскольку человек остается духовно живым и более или менее здоровым, мне нравится отнюдь не меньше, чем жизнь в более молодые годы. Как-никак с годами отмирает все лично мучительное, связанное с субъективностью чувств и страстей. Становишься объективнее, — психоаналитик сказал бы экстровертированнее. Естественно стоишь спиною к себе и лицом к миру. Единственно трудное это предчувствие бо-

лезни и смерти. Самого процесса умирания я не боюсь, но загробная тайна — вещь сложная и, быть может, не только светлая.

Своей жизнью я доволен. Конечно, можно было бы сделать больше, чем мне удалось, но я думаю, что всякий мало-мальски творческий человек уходит из этого мира с сознанием, что он не исчерпал себя. В конце концов это ведь понятно. Божий творческий акт настолько глубже человеческого, что человеку невозможно исчерпать в этой жизни того, что было в него вложено Творцом. На основании этих соображений Гёте, не бывший христианином, защищал бессмертие: не может же Бог разбрасывать по человеческим духам семена, которым не даны всходы.

Письмо это Вы получите в конце Страстной недели, а может быть, и на самую пасху. Наташа и я от души обнимаем Вас и желаем душевной тишины и света.

Недавно я во сне умирал. Вероятно потому, что в церкви часто слышал: непостыдный и мирный конец. Умирал под музыку, под какое-то нездешнее пение. Это было очень светлое и радостное умирание.

Ваш *Федор Степун*

21

Мюнхен, 1 февраля 1961 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Я бесконечно виноват перед Вами. Мы получили от Вас несколько писем, и я ни на одно из них не ответил Вам. Каюсь и искренне прошу простить сие прегрешение. Отчего не ответил, даже трудно сказать. Конечно, я очень занят, с трудом справляюсь с обилием всяких присылок, с запросами многих русских людей, как бы им устроиться, где бы им напечататься и что им делать с собой. Говоря между нами, было не совсем просто писать Вам и об Алеше. Из Вашего письма понял, что он Вам писал о моих хлопотах о нем. Он был раза два-три у нас, мы с ним оживленно разговаривали и мне показалось, что, быть может, было бы правильно устроить его на работу в Институте, если не на постоянную службу, то в качестве переводчика. Но очевидно эти хлопоты были с моей стороны психологической ошибкой, обусловленной моим недостаточным знанием о его болезни. Во всяком случае, Виктор Семенович остался моими стараниями по устройству брата недоволен, и я не понял, что мне надо устраниться. Пишу это я Вам к сведению, но никак <u>ни к обсуждению</u> с <u>Виктором Семеновичем</u>. Это было бы мне неприятно по целому ряду соображений.

Теперь вероятно Вы уже знаете, что Нина Евгеньевна умерла после долгой и тяжелой болезни. Было что-то злое и даже ироническое в этом долгом страдании. Когда она поступила в больницу, она боялась за рак позвоночника. Оказалось, что его нет. Боялась, так как была опухоль, и за рак в женских органах. Оказалось, что это безвредная миома. Два момента счастья. А потом оказалось, что все-таки кроме миомы сидит и рак. Ее долго облучали, вкладывали радий. Она очень страдала. Но все надеялась, что, может быть, все образуется. Поехала на поправку к сестре в Белград. Вернулась как будто слегка поправившейся, но потом все покатилось под гору. Я ее посещал. Иногда она была очень грустна, иногда, вплоть до последней недели, оживлена. Но оживление было очевидно от возбуждающих средств. К счастью могла приехать ее сестра, которая оказалась очень милой, хотя гораздо более простой женщиной, чем Нина Евгеньевна. Перед самым концом случился страшный сердечный припадок. Вода подступила к сердцу. Доктор сделал шприц, и под утро она тихо умерла. Говоря объективно, это лучшее, что с ней могло случиться. Но лучшее только потому, что было уж очень плохо. Она очень, как Вы знаете, надеялась на расцвет своей духовной жизни и своего творчества. Ее роман, который Вы, вероятно, знаете, не лишен литературных достоинств[1]. Но я все же не решился предложить его к печатанию. Уж очень он личный, женский. В сущности, интимный дневник в форме романа. Я боялся, что журналы откажут, что ее очень огорчило бы.

Вы пишете, что любите мои слова о разнице между воспоминанием и памятью. Они принадлежат изначально не мне, а Вячеславу Иванову. Ими открывается его незаконченная поэма «Деревья». Вот они, поистине замечательные строки:

Ты, Память, Муз родившая, свята, —
Бессмертия залог, венец сознанья,
Нетленного в истлевшем красота!
Тебя зову, — но не Воспоминанья!
В них с погребов души печать снята,
Где райский хмель стал уксусом изгнанья;
В них страсти боль, все ноющей в корнях;
В них шлак руды, перегоревшей в днях...

Вы знаете, может быть, из газет, что мы с Наташей ездили в Париж, куда меня пригласили для прочтения доклада о Толстом. Моею темою была «Религиозная трагедия Толстого»[2]. Я очень радовался провести неделю в Париже. Повидать старых знакомых и

познакомиться с еще неизвестными мне людьми. Собирался я и почитать отрывки из моих воспоминаний «Бывшее и несбывшееся». Но, к сожалению, я в дороге простудился, читал уже охрипшим, что было, конечно, трудно, так как без голоса нет и интонации, а в интонациях содержится и много содержания. От чтения воспоминаний пришлось отказаться, как и от целого ряда уже наметившихся свиданий с друзьями и знакомыми. Просидев два дня в гостинице, мы вернулись в Мюнхен, где разыгрался довольно-таки канительный грипп, но сейчас, Слава Богу, все пришло в порядок. Должен кончать. Еще много надо написать довольно сложных писем.

Наташа и я сердечно обнимаем Вас и желаем, как и себе, не слишком бурного 61-го года, относительного здоровья и опять-таки, как себе, духовной крепости.

Искренне Ваш *Федор Степун*

---

[1] Не установлен ни автор, ни роман.

[2] На эту тему у Степуна есть статья под тем же названием.

22[1]

а)

Der Tod meiner Frau brachte mir hunderte von Briefen ins Haus. In ihnen fanden sich Worte von so tiefen Verständnis vom Wesen der Verstorbenen und für die Nacht des Schmerzes, die mich umfängt, daß ich am liebsten sofort allen persönlich und ganz individuell antworten würde. Dies ist wenigstens zur Zeit leider völlig unmöglich. Und so sehe ich mich gezwungen, mit diesem knappen und notwendig kalten Drucktext all denen zu danken, die mir mit liebevollen Worten und Blumen schon geholfen haben und, ich weiß, auch weiter helfen werden.

FEDOR STEPUN[2]

München, im August 1961.

---

[1] Сложенный вдвое лист бумаги в траурной рамке. На первой странице текст типографски набран по-немецки, внутри — письмо Т.С. Франк на машинке.

[2] Смерть моей жены принесла в мой дом сотни писем. В них находятся такие глубокие слова понимания сущности покойной и ночи боли, которая меня охватила, что я охотнее всего тотчас же ответил бы всем персонально и очень индивидуально. Это, по меньшей мере в настоящее время, совершенно невозможно. Таким образом, как я вижу, я вынужден кратким и по необходимости холодным печатным текстом поблагодарить всех тех, которые мне полными любви словами и цветами так помогли и, я знаю, будут помогать дальше. Федор Степун (*пер. с нем. В.К. Кантора*).

b)

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Среди многих полученных мною писем (несколько сотен) Ваше письмо одно из самых мне дорогих. Да, Наташа ушла таинственно и неожиданно. Умерла на подъеме своего выздоровления, светлым утром, первым утром, когда нам с ней было так радостно, что опасность миновала. Я живо чувствую ее присутствие и как будто бы не только в моей человеческой памяти, но и в той вечной памяти, которую панихида обещает отошедшему. Я уже не раз думал, что бессмертие человека может быть только в том и состоит, что Бог о нем помнит.

Обнимаю Вас с теплым дружеским чувством.

Ваш *Федор Степун*

23

Мюнхен, 8.9.1961 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Спасибо за Ваши строки к 9-му дню Наташиной смерти. Лучше Вас никто не может понимать то, что во мне сейчас делается. Может быть, между тем, что Вы и переживали и переживаете, и тем, что приходится переживать мне, есть и некая разница, которая причиняет мне много сомнений и много мучений. Наташа очень хотела, чтобы я в случае ее смерти не погрузился бы в мрак, а высветлил свою скорбь, вернулся бы к своему творчеству, к тем книгам, которые мы вместе задумывали, а отчасти и писали. Но писанию мешает живая скорбь, мешают образы всей прожитой жизни, чтобы вернуться к творчеству или просто к работе, нужно как-то освободиться от своей боли, но эта свобода ощущается и каким-то недопустимым рабством у злободневности, хотя бы и злободневности высшего порядка, т. е. работы над своими книгами и лекциями.

Обнимаю Вас и еще раз благодарю.

Ваш *Федор Степун*

24[1]

Мюнхен, 15.10.62

Дорогая Татьяна Сергеевна,

Я бесконечно виноват перед Вами. Только что просил Василия Семеновича сообщить Вам, что моя квартира свободна, и вот снова вынужден взять свое слово обратно. Вся эта путаница связана с семейной — глубоко трагической жизнью нашего (включая Наташу) ближайшего друга — доктора В[ильда], у которого мы первое

время жили и в судьбе которого принципиально мое ближайшее участие. В.С. и просил сообщить после того, что Dr. W. решил купить дом просторный с садом для ребенка и попробовать увлечь этим письмом жену, но внезапно по причинам, о которых касаться не могу, всё это рухнуло и [привело] к возникновению плана опытно разделить жизни: в данную минуту они — любя друг друга — друг друга не переносят. При этих обстоятельствах я отказать В. в смысле квартиры не мог. Я знаю и чувствую, что грешен перед Вами, но в данном случае вступает в силу жизненная, известная Вам категория: «долго ли до греха» — не обессудьте...

По приезде из Голландии у меня житье даже нормализовалось. Приехала Синьорелла с дочерью, была два дня подряд (а знаете — это ближайший друг Буре и автор лучших книг о нем). Потом была у Игоря Земского Софья Евгеньевна Трубецкая[2].

И т. д. Разобрать не могу никакого смысла.

---

[1] Письмо написано от руки, малоразборчивым почерком.

[2] Очевидно, дочь философа Е.Н. Трубецкого.

25

28 декабря 1963 г.

München 13, Ainmillerstrasse 30, Telefon 33 99 19.

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Не посетуйте, что до сих пор не отозвался на два Ваших последних письма: первое — из Вены, второе — уже из Лондона. Благодарю за оба, но особенно за начальные строки лондонского. Я тоже чувствую, что глубоко привязался к Вам и что во мне живет не только теплое, но и дружественное отношение к Вам. Одно время, когда в Вашей квартире никого не было, у меня было как-то пусто на душе. Теперь там Марга и Галя[1]. Сестра приехала в очень тяжелом состоянии: физически больная артритом и желудком, а душевно очень не уравновешенная. Теперь, слава Богу, она начинает поправляться. Выяснилось вполне, что никакой страшной болезни у нее нет, но что на восстановление душевного равновесия придется еще долго работать. Бог даст, работа эта увенчается успехом.

Спасибо за то, что в письме из Вены Вы шлете Ваш привет и любовь и мне, и Наташе, прибавляя крепко верующие слова «не все ли равно, где кто находится — тут ли, там ли у Бога». Вы на том пути, на котором мы встретились и на котором Вы помогли мне, ушли уже дальше. У Вас вера крепче и у Вас нет никаких соблазнов мира сего. Во мне много неизничтожаемой живучести и я — каюсь — хоть и очень жду встречи с ушедшей, но не спешу

покинуть мир и, страшно тоскуя о Наташе, живо ощущаю все, что творится во мне и вокруг меня. Вот книгу кончил, и вот в дверь души уже стучатся какие-то новые замыслы. Много вокруг меня и людей, которым я очевидно что-то даю.

Должен не без грусти сообщить Вам, что доктор Вильд вернул мне обе книги Семена Людвиговича. Его оценка «Непостижимого» была очень высока, но бюджетные соображения не позволили ему все же принять книгу к изданию: нельзя будет продавать. Она по своей сущности чужда настоящему времени. Она в прошлом и, может быть, в будущем, но не в настоящем. В известном смысле это, быть может, верно. Потому что настоящее время чуждается спокойной, уверенной, долготерпеливой и по своему голосу ровной и тихой истины. Вот Бердяев кричит: утверждает, что Бог открылся миру, но что миром управляет черт. Утверждает, что образ Бога, как хранителя и устроителя мира, неприемлемый социоморфизм, ведущий прямо к атеизму. Считает, что творчество в христианстве важнее послушания и даже требует бессмертие для своей кошки и за все это его печатают, потому что он не длительно-значительный, но сейчас остро-современный. Это все, конечно, мои слова, но все-таки, я думаю, что они правильно интерпретируют решение Вильда с благодарностью отказаться от печатания книг Семена Людвиговича. Я могу, конечно, посоветоваться еще кое с кем и попытаться обратиться в другое издательство, но начинаю терять оптимизм.

Хотя я кончил книгу, мне дышать все же некогда. Надо срочно написать радиодоклад на полчаса об Андрее Белом, что, между прочим, важно и для распространения моей книги. 8-го я под Мюнхеном читаю доклад о Гёте и Шиллере в русском понимании, а через день уезжаю в Кёльн, откуда разъезжая на автомобилях, читаю пять лекций подряд. Дальнейшие месяцы тоже очень занят, а тут еще много подкинутых работ, которые требуют хотя бы поверхностного прочтения и отзыва. Трудно со всем этим справляться, но отчаиваться тоже нельзя. Вчера была у меня Анна Алексеевна Герсдорф со своим шведским знакомым, братом той Зинаиды Рудольфовны, у которой все время работала Аленька. Она сегодня попросила у меня Ваш адрес, очень собиралась написать. Сюда приехала, между прочим, вместе со своим мужем (в данную минуту имя его забыл) [дама], которая была последней длительной секретаршей отца Василия Зеньковского. В прошлое воскресенье после церкви и в связи с проповедью отца Анатолия о том, что причастие должно не только соединять человека с Богом, но и объединять всех причащающихся, я говорил с ним о том, что у нас как-то распадается приход, что в сущности нет прихода, а есть только отдельные прихожане, а, быть может, можно было бы попытаться его создать. Все-таки есть несколько людей живой

веры, как, например, Туся Пляер, Ирина Гёниг и вот теперь эта секретарша и т. д. Он на словах очень сочувствовал, но я все же боюсь, что при его административном деспотизме это ему вряд ли удастся.

Ну, родная, кончаю. Шлю Вам сердечный привет и благодарность за рождественскую скатерть, которую фрау Штурмаум в связи с ее коричневыми тонами постелила на мой стол под большое блюдо с яблоками и мандаринами.

Обнимаю Вас и шлю наилучший привет Вам и всем Вашим

Сердечно Ваш *Федор Степун*

---

[1] Речь идет о Марге Степун, сестре философа, и Галине Кузнецовой, последней возлюбленной Ивана Бунина, от которого она ушла к Марге.

26

Мюнхен, 2-е мая 1964 г.

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Давно бы мне следовало написать Вам, но, поверьте, действительно как-то не выходило — и времени у меня было немного, и машинистки мои утратили резвость. Лидия Александровна, которая мне больше всего писала — переезжала на новую квартиру и ухаживала за больным сыном. Ее временная заместительница устроилась на станции «Свобода», то есть обуржуилась и стала жалеть свои пальцы. Последние письма писала Валентина Николаевна Крылова, но вчера она спотыкнулась, вывихнула ногу и в кровь разбила оба колена — дело затяжное. Сразу после моих празднеств, прошедших с редкой теплотой[1]... (Если бы я из полученных писем вырезал наиболее сердечные и глубокомысленные места, то действительно[2] получился бы образ совершенного человека, в котором мне было бы трудно узнать себя). Сразу же после чествования уехал в отхожий промысел. Между Ганновером и Аугсбургом прочел за 8 дней 6 лекций, а, вернувшись домой, через несколько дней уехал в Данию, где пробыл 10 дней. Там я прочел в университете две лекции: о миросозерцании Достоевского и о немецких и русских корнях большевизма. Снова все были со мной очень любезны и приглашали меня нарасхват: за 10 дней я только три раза обедал за свой счет. Сейчас главным образом работаю над письмами: благодарю за полученные поздравления. Напечатать краткий текст и рассылать всем, как это обыкновенно делается, — я не могу. Писем пятьдесят придется написать в личном интимном порядке, а на остальные сто, если не считать телеграмм, придется все же ответить казенным печатным текстом.

Марга в общем улучшается, но все же улучшается толчками, постоянного улучшения нет, если не считать то, что она сейчас все

может есть. Наиболее упорно держится некая нервная неуравновешенность, на которую отзываются то сердце, то температура, то артрит. 14 июля они[3] едут в Америку для возобновления паспортов.

Сына Вашего Васю я с тех пор, как Вы уехали, видел только мельком. На моем «чествовании» в Академии Искусств он не был. Кажется, не мог быть, потому что уезжал к Вам.

Очень грустно, что с изданием «Непостижимого» так ничего и не вышло. Я боюсь, что это связано с современным состоянием западноевропейской или во всяком случае с немецкой философией. Даже и духовным людям чуждо спокойствие, тишина, душевный мир и духовная твердь. Ищут парадоксального, взволнованного, отчаивающегося и во всяком случае по стилю нового. Чем и объясняется то, что вышли почти все книги Бердяева, но кроме «Трагедии философии» ни одной книги Булгакова. (Только статьи).

Должен кончать, дорогая Татьяна Сергеевна; откликнитесь на это письмо, чтобы я был уверен, что Вы не сетуете на мое молчание. На Ваше первое, такое сердечное, на нас обоих объединяющую тему, я Вам сразу же откликнулся.

Обнимаю Вас и шлю Вам и всему Вашему миру, поскольку я его знаю, самые сердечные поздравления к Светлому Христову Воскресенью. Христос Воскресе, дорогая Татьяна Сергеевна!

Душевно Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Речь идет о праздновании восьмидесятилетия Ф.А. Степуна, которое при этом весьма широко отмечалась и в немецких газетах. Далее тщательно вымараны три строчки.

[2] Слово зачеркнуто карандашом.

[3] Т. е. Марга Степун и Галина Кузнецова.

27

Мюнхен, 24 января 1964 года

Дорогая Татьяна Сергеевна!

В одном из Ваших писем Вы назвали меня «далеким и немым другом». В немоте виноват, но отдаленность только железнодорожная или аэропланная, вернее. Часто вспоминаю вас и наши сложные философские и «душеспасительные» беседы. Слово это в современной речи снижено, я же употребляю его в точном смысле. В конце концов, всякая человеческая душа спасается общением с другой душой. В одиночестве человек гибнет, если ему не дан дар живого общения с Богом. Вы пишете, родная, что Вам, иногда по крайней мере, становится в тягость общение даже и с близкими людьми и что Вы ищете тишины, которая как-то нарушается волнениями, которые вызываются заботами о тех же близких. У кого-

то из отцов церкви я читал, что когда он не общается с людьми, ему хватает трех сухарей на пропитание в день, а растрата сил от общения требует десяти сухарей; душа тяжелеет, и молитва трудно поднимается к Богу. Где-то это у меня цитировано[1]. Ради Бога, не примите это сообщение как ответ на Ваше письмо, — скорее я Вам его привожу для оправдания себя. У меня все-таки Господь Бог и Сын Его все же живут на деловом горизонте жизни, ощущение этого горизонта меня никогда не покидало. Многословные просительные молитвы с некоторых пор отлетают от меня. Но просьбы о спасении, даровании мира, непостыдного конца и укрепления веры во встречу с ушедшими растут. Ваше стремление к тишине мне не свойственно, но, конечно, потому, что во мне гораздо сильнее интересы жизни и даже соблазны о ней. Но у каждого свой путь. Будем дополнять друг друга своим личным опытом. Этим мы можем, быть может, и помочь друг другу.

В понедельник я уезжаю на отдых. Снял комнату по направлению к Боденскому озеру: природно, одиноко, комфортабельно — хочу отдохнуть.

Последнее время написал три небольших статьи и маленький фельетон о Чижевском[2], который Вы можете прочесть в «Русской мысли», если ее получаете. Отослал больше двухсот писем в ответ на поздравления: шестьдесят полновесных, личных, а остальные — печатный текст, но с большими дополнениями. Заняло это очень много времени, а потому не описываю Вам моих странствий по Германии и очень приятного и успешного десятидневного пребывания в Копенгагене. Может быть, когда-нибудь напишу и об этом. В католической академии был очень интересный краткодневный съезд по вопросу о зле. Я читал доклад о зле в русской религиозной философии и политике XX века; были большие прения. Завтра еду читать в Нюрнберг, где был и несколько дней тому назад в связи со съездом по вопросу о христианском гуманизме.

Васю ни разу не видал. На моем чествовании он тоже не был, вероятно, не мог быть; приглашение ему, во всяком случае, было послано.

В свое время Вы собирались приехать к баронессе, у которой пребывал или пребывает Алеша. Сообщите заранее, когда собираетесь: может быть, мы могли бы там встретиться.

Самый сердечный привет Вам, дочери и Виктору, который ко мне собирался заехать, но не успел.

Дружески жму Вашу руку.

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Не найдено.

[2] *Степун Ф.А.* Дмитрий Иванович Чижевский // Русская мысль. 1964. № 4.

28.

22 октября 1964 года

München 13, Ainmillerstraße 30, Telefon 33 99 19

Дорогая Татьяна Сергеевна!

Разрешаю Вам сердиться на меня, так как Вы действительно имеете на то основание, но, к сожалению, и у меня основания сердить Вас. Моя жизнь, отчасти быть может, в связи с празднованием моего восьмидесятилетия, пошла галопом. Сидя на ней верхом, я иногда боюсь, что сия старая, но все еще горячая кобыла сбросит меня у препятствия в канаву. Сей образ означает, что количество писем, частично от неизвестных людей, количество запросов, прежде всего американских студентов в связи с разрабатываемыми ими темами, превосходит все нормальные размеры. Странным образом почему-то обращаются ко мне, хотя пишут они свои докторские у американских профессоров. Даются темы, на которые ничего путного написать нельзя. Так, например, философия Владимира Эрна[1]. Недавно пришло громадное письмо: докторант работает по новому методу анкетных вопросов. Мне он поставил вопросов пятьдесят на тему моих личных знакомств и отношений с немецким ученым миром, но и простым людом. Известно, что каждый дурак может задать самому умному человеку столько вопросов, что ответить на них умному невозможно. Очень много едет и народу, который, несмотря на закрытый телефон, все же до меня доходит. Все это не извинение, а только объяснение.

Пришлось написать и ряд статей. Навязали и четыре радиовещания. В известном смысле это хорошо, потому что радио и телевидение — единственный легкий заработок, а я, пока Марга и Галя еще не работают, считаю правильным не отказываться от легких денег. Это опять только объяснение.

Конечно, я мог бы давно прислать Вам книгу Позова[2]. Если это не сделано, то только потому, что такие просьбы, а их очень много, всплывают в моей памяти как щепки на воде: нырнут и унесутся. Сейчас напишу письмо здешнему книжному магазину с просьбой немедленно выслать Вам просимую книгу. Я не без труда провел ее в нашем издательстве.

Очень приятно было узнать, что в России не игнорируют русского религиозно-философского творчества. Знаю я, что частными путями в Советы проходят довольно много книг. Только что, между прочим, я получил письмо от Стахович из Зальцбруна, в котором она сообщает, что Александр Леонидович Пастернак[3] очень жалеет, что не может со мной переписываться, хотя во Францию, Англию и Австрию он пишет без особых затруд-

нений, правда, лишь родным или людям, не играющим роли в культурном мире. Очень обрадовало меня сообщение Стахович, что Александр Леонидович считает мою статью о брате, как и сам брат, лучшей из тех, которые попали ему в руки[4]. Думаю, что через Женеву, быть может, можно будет обменяться письмами.

Были у меня Ваши дети: Алеша с Васей и его спутницей. Алеша выглядел очень хорошо. Судя извне по крайней мере, был и в хорошем настроении. Много острил и острословил, не всегда вполне удачно. Вася был худ. Спутница со мной очень мила. Спрашивали, приду ли я к ним в гости, на что я согласился. Затем была Ваша дочь с мужем[5]. О моих симпатиях к дочери Вы знаете, муж мне тоже очень понравился. Понравился он и сестре и Гале, но рассказчик он не слишком красноречивый. Образа России или хотя бы Ахматовой, с которой два раза ужинал, не создал. Может быть, я ошибаюсь, но иной раз казалось, что он еще скован советской привычкой не слишком вольно раскрывать свои мысли и чувства.

Знаете ли Вы что-нибудь поближе о заместителе митрополита Анастасия?[6] Он в прошлом член патриаршей церкви, раз он очутился в эмиграции, надо предполагать, что он в ней ощущал себя ее противником, то есть был подлинно духовным пастырем. Но как подлинно духовный пастырь может возглавлять реакционнейшую юрисдикцию, мне не совсем понятно, как не понятно и то, что автокефальный осколок победоносного синода может канонизировать Иоанна Кронштадтского. Это может только церковь.

Ну вот, дорогая Татьяна Сергеевна, я и написал Вам большое письмо. Что я совсем не откликаюсь на Ваши письма, все-таки мне кажется легкое преувеличение. Кажется, в последнем было несколько робких соображений о Вашем раздвоении между здешним миром и христианской сверхздешностью.

Сердечный привет.

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Известно, что В.Ф. Эрн (1862—1917) — дореволюционный и самый жесткий оппонент Степуна. Очевидно, что некоторое раздражение Степуна, связанное с данной диссертационной темой, объясняется именно этим обстоятельством. В свое время он даже восклицал: «Почему Вл.Ф. Эрн всюду и всегда творит произвол. Мне кажется, что причину надо искать в том, что сила убежденности Эрна в правде *интуитивизма* отнюдь не соответствует глубине и широте его *интуиции*» (*Степун Ф.* Русские мыслители. Г.С. Сковорода Вл. Эрна. К-во «Путь» // Логос. 1913. Кн. 3—4. С. 354).

[2] Скорее всего речь идет об *Аврааме Самуиловиче Позове* (1890—1984), авторе нашумевшей в свое время книги с предисловием Фёдора Степуна: «Логос — медитация древней Церкви» (Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1964).

[3] *Александр Леонидович Пастернак* (1893—1982), архитектор, брат поэта Бориса Пастернака.

[4] В письме к Г.П. Струве от 12.09—16.10. 1962 г. А.Л Пастернак писал: «Конечно, Вы читали статьи Франка, Степуна — последняя (в "N Rundschau" 59 г.) очень верная и нужная. Думается, что Б.Л. ее читал (я обнаружил ее у Б.Л. в архиве) и м.б. что-либо писал Степуну» (Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive, Ms. Coll Weidle, Struve, Gleb Petrovich. To Wladimir Weidle). Известно два письма Б.Л. Пастернака Степуну — от 30 мая 1958 г. и от 10 июня 1958 г.
[5] Речь идет о *Наталии Семеновне Франк* (1912—1999), дочери С.Л. и ее муже *Питере Нормане*, хорошо знавшем русский язык, литературоведе, часто бывавшем в СССР, известном в литературных кругах Москвы.
[6] Заместитель не установлен. А митрополит *Анастасий* (*Александр Александрович Грибановский*; 1873—1965) — известный религиозный деятель русского Зарубежья. Покинул Россию в 1919 г. Управлял русскими православными общинами в Константинополе. С 1924 по 1935 г. возглавлял русскую миссию в Палестине. Митрополит (1935). С 1936 по 1964 г. стоял во главе Русской Зарубежной Церкви (Синодальной) в сане митрополита. Осенью 1944 г. эвакуировался вместе с Архиерейским Синодом и канцелярией в Вену, в 1945 г. — в Мюнхен, а с 1950 г. — в США. С 1964 г. на покое. Скончался 9 (22) мая 1965 г. в Нью-Йорке.

Публикация и комментарии В.К. Кантора

Опубликовано: Историко-философский ежегодник. 2007. М.: Наука, 2008. С. 404—458.

Возможна ли дружба интеллектуалов в эмиграции? (Степун и Чижевский)*

Степуна не раз сравнивали с Герценом. Действительно много общего: невероятное количество друзей, непримиримость в борьбе с большевизмом и нацизмом, неизменная верность себе. Но как разнятся эти дружбы: скажем, дружба Степуна и Чижевского и дружба Герцена с Огаревым с момента, как она зародилась на Воробьевых горах, проходила при несомненном первенстве, даже подавляющем первенстве Герцена. Начну с того, что деньги Огарева были украдены русскими радикалами, а Герцен сумел сохранить свое состояние и даже отбиться с помощью Ротшильда от попыток Николая прибрать его состояние к рукам. Огарев жил в его особняке в качестве друга-приживала. Не случайно Герцен не постеснялся увести молодую жену Огарева (Наталью Тучкову-Огареву) едва ли

* Работа подготовлена при финансовой поддержке научного фонда ГУ-ВШЭ (грант № 09-01-0041).

не из постели друга. Огарев на это отвечал бешеным радикализмом, стараясь хоть в этом превзойти своего друга-покровителя.

Отношения пореволюционной эмиграции были другие. Либо вражда, либо взаимоподдержка, иначе выжить было невозможно. Они были приговорены к дружбе. Пока Карл Шмитт говорил о политике как системе дружбы-вражды, русская эмиграция инстинктивно почувствовала, что опереться ей не на кого, поэтому принцип наиболее благородных людей был в эмигрантской политической жизни — дружба. Фантастический пример, когда Владимир Дмитриевич Набоков закрыл собой Милюкова от пули убийцы. Поневоле вспомнишь о римских добродетелях. Степун во много признавал правоту немецкого юриста-философа[1]: «Но Шмитт прав не только в своем анализе реальной политической жизни, прав он и в своем утверждении, что заповеди Нагорной проповеди имеют в виду не общественно-политическую, а частную жизнь людей. Доказывается это не только филологическим анализом текстов и приведенным Шмиттом примером борьбы христианства с исламом, но и тем, что большинство учителей христианства и христианских мыслителей защищали и защищают патриотические войны и власть государства с ее жестокостями и насилиями. Толстовская проповедь непротивления злу потерпела на наших глазах величайшее поражение. Причем не внешнее, а внутреннее: несостоятельность толстовства проявилась не в том, что при объявлении войны многие толстовцы подчинились государственной власти (это дело житейское), а в том, что проявившим геройское упорство удалось всего только самим отойти от греха, но не удалось не только изъять войны из мира, но хотя бы сократить ее ужасы и размеры. Трагедия толстовства и всякого христианского пацифизма есть убедительнейшее доказательство того, что безотносительное к состоянию мира исполнение заповедей Христовых далеко не всегда ведет к его христианизации. Любовь к своему врагу и готовность лучше самому умереть, чем поднять на него руку, навсегда останется верховной нормой личной нравственности. Но осуществление этой нормы очевидно теряет свою правду при условии, что разящая рука врага оказывается занесенной не над тобою, а над головою твоего ближнего. При такой постановке вопроса речь идет уже не о том, умереть ли самому или убить другого, а о том, убить ли низменного врага или, спасая свою душу (спасаешь ли ее этим?), допустить убийство ни в чем не повинного существа. Вопрос этот ни в коей мере и степени не отвлечен и не казуистичен. Всем нам, активным участникам войны и революции, приходилось его не только теоретически ставить, но и практически решать. Когда взбешенные дезертиры обнажали окопы, вешали на телеграфных

столбах начальников станций и, грозя машинистам расстрелами, самовольно подавались в тыл, громя по пути деревни, насильничая и грабя, тогда и для ответственной христианской власти не оставалось ничего кроме пулеметов и смертных казней. Боязнь поднять меч, дабы от него не погибнуть, была бы при указанных условиях не чем иным, как казнью многих тысяч ни в чем не повинных людей. Большевики, начавшие с отмены смертной казни, не только как лжецы, но и как утописты, кончили невиданными еще в мире казнями»[2]. Однако принимая реализм формулы Шмитта, Степун выдвигает против нее формулу христианской политики, идущую в России еще от Вл. Соловьева, но модифицированную под влиянием времени: «Правильное положение Карла Шмитта, что сфера политики не только лежит во зле, как вся человеческая жизнь, но злом, т. е. враждою и войною, только и держится, не только не погашает поэтому идеи христианской политики, но, наоборот, делает ее самоочевидной, ибо где же и селиться христианству, как не на территории зла, ибо что же ему и делать, как не превращать зло, не в добро — это Божье дело, — но в грех»[3]. Среди ожидавшейся большевиками вражды между русскими эмигрантами (которая тоже была, разумеется) торжествовала тем не менее дружба, несмотря на разность именно политических взглядов, которые, по мысли Шмитта, не оставляли выбора: либо вражда (на уничтожение), либо дружба, среди литературно-философской элиты вражды на уничтожение не замечалось. Если не считать евразийские эксы, спровоцированные агентами ЧК.

Как писал Цицерон, любимый русскими авторами, начиная с Чаадаева: «Дружба же заключает в себе множество благ. <...> Говорю не о ходячем понятии дружбы, вернее, не о повседневных отношениях дружбы, хотя и они приятны и полезны, но об истинной и совершенной дружбе, какой была дружба между теми людьми, которых называют в числе немногих. Ибо счастливые обстоятельства дружба украшает, а несчастные облегчает, разделяя их и принимая в них участие» (Цицерон. О дружбе. VI, 22)[4] Дружба эмигрантов облегчала им несчастные обстоятельства их жизни. В этой публикации можно увидеть, с какой прямотой и резкостью выступил Степун в защиту Чижевского, когда над тем грянули весьма неприятные громы, когда он был отстранен от преподавания по клевете, тем самым был лишен средств к существованию. Выступил, не убоявшись чиновников весьма большого калибра.

Чижевский был младше Степуна. Познакомились они во Фрейбурге. Как вспоминал Степун в юбилейной речи в честь Чижевского: «Если не ошибаюсь (ведь хронология всегда была моей слабейшей стороной), с Дмитрием Ивановичем Чижевским я по-

знакомился в 1923 году во Фрейбурге в Брейсгау. Уже с первых встреч мне стало ясно, что на своем жизненном пути я повстречался с человеком, в мозгу которого мир отражался совершенно иначе, чем в головах других людей, и совершенно иначе мир отражался не только в его мозгу, но и в его сердце, в его манере говорить и держать себя. Все в нем имело свой собственный стиль, все было высечено словно по специальному заказу»[5]. Степун, говоря о многосторонности Чижевского, заметил, что в этом они похожи. Чижевский как бы подхватывает эту тему, говоря о своем друге: «Прежде всего надо отметить многосторонность деятельности Степуна, — мы знаем его философские, публицистические, социологические, богословские и поэтические произведения. И мы можем все его произведения считать также поэтическими, если будем помнить о его несравненном даре слова»[6].

Интересно при этом, где проходило первое время их знакомства. Личный ассистент Гуссерля Людвиг Ландгребе (1902—1991) вспоминает: «В летний семестр 1924 года *Гуссерль* взял за основу своего семинара “Проблемы философии истории” *Зиммеля* — и сегодня еще во многих отношениях достойную прочтения книгу! В этом семинаре принимали участие также русский философ культуры, эмигрант *Федор Степун* и славист *Дмитрий Чижевский*. Это был впечатляющий круг, дискуссии которого проходили на головокружительной для новичка высоте»[7].

Этот тандем закрепился в сознании их выдающихся немецких коллег. Гадамер вспоминал: «Когда в 1923 году я приехал в Гейдельберг, случилось так, что у меня на всю жизнь завязалась дружба прежде всего с двумя русскими молодыми учеными: Ф. Степуном и Д. Чижевским»[8].

Очень важно понимать историко-культурный контраст между жизнью в эмиграции (где бывало всякое) и жизнью в метрополии (где все решалось однозначно). Существенно, что в оставленной эмигрантами России в условиях сталинской диктатуры понятие дружбы абсолютно обесценилось, вчерашние друзья по партии, да и личные, оказывались политическим врагами, которых, по логике Карла Шмитта, надо было уничтожать, где личное подчинялось политическому. А там, где торжествует политика, дружба посторанивается. «Смысл сталинских репрессий сводился к тому, чтобы сделать общество полностью податливым властным решениям, чтобы политическое действие проходило сквозь социальную материю так же легко, как нож сквозь масло. Для этого нужно было лишить людей крепких “горизонтальных” связей, подорвать прочность человеческих привязанностей, чтобы любой (даже самый близкий друг, отец, муж), если власть вдруг сочтет

его врагом, не избег наказания и не смог найти защитников среди своих близких»[9].

Октябрьская революция, как ни странно, разделила интеллектуальную Россию на две части — эмигрантскую и неэмигрантскую. Это всем понятно. В эмигрантской части было тоже две линии — внешние и внутренние эмигранты. Скажем, такие поэты и писатели как Ахматова, Мандельштам, Евг. Замятин, Мих. Булгаков были эмигрантами внутренними. При этом часто внутренние эмигранты, не выдержав напряжения, покидали (пока это было возможно) Родину (кажется, последним в 1929 г. уехал Замятин). Потом они попадали в ГУЛАГ, откуда выходили уже редко. Хотя два фантастических явления — Шаламов и Солженицын — как-то объединили судьбой и творчеством обе России. Ахматова все же была из прошлого. Но характерны строки о неизбежности вражды из уст внутренней эмигрантки. Гулаговская поэтесса Анна Александровна Баркова (16 июля 1901 — 29 апреля 1976). Стихотворение «Эмигранты» (1974)

Эмигранты внутренние, внешние,
Все мы эмигранты навсегда.
Чем бы мы порой себя ни тешили,
Гаснет дружба и растет вражда.

Эмигранты внутренние, внешние,
Не зовут нас и не ждут нигде —
Лишь в одном отечестве нездешнем,
На незародившейся звезде.

Нечто другое мы все же наблюдаем во внешней эмиграции первого потока. Подчеркиваю — первого! Далее нравы советской родины были перенесены и в Русское зарубежье. А вот в первые годы отношения трогательны порой до умиления. В 1923 г. трое русских эмигрантов, Александр Креслинг, Федор Степун и Дмитрий Чижевский, слушавших во Фрейбурге Гуссерля, «поселились вместе в одном доме на Блазиусштрассе, 4, в Церингене. Роза Баумгартнер — жена врача и мать троих детей, рано овдовев, решила сдавать квартиры студентам»[10]. И далее мемуаристка продолжает: «Русские гости жили весьма скромно, как почти и все тогда, во времена инфляции. Часто они подолгу не могли заплатить даже за квартиру. Федор Степун за отсутствием наличных денег расплатился однажды с госпожой Баумгартнер небольшой золотой брошью. Когда же появлялись деньги, они покупали книги. <...> По вечерам сидели за большим столом у Баумгартнеров, ночью еще раз пили чай. Ради экономии угля и дров основную часть време-

ни проводили в столовой. По-русски почти не говорили, в присутствии же других по-русски не говорили никогда. А дискуссии о Гегеле и других философах, которые возникали за ужином и к которым присоединялись зашедшие в гости однокашники, всегда велись на немецком языке»[11].

Русских мыслителей, в данном случае говорю о Степуне и Чижевском, в принципе все любили, несмотря на возникавшие порой трудности. Очень пленяла немцев их славянская открытость (не забудем, что по крови Степун был немцем). Но эта открытость складывалась как раз в их дружеском общении. По словам мемуаристки: «Все то, что потом постоянно вызывало восхищение и прославлялось немецкими коллегами в университетских речах и юбилейных сборниках в честь Александра Креслинга, Федора Степуна или Дмитрия Чижевского — их дар свободной импровизированной речи, их шарм и их многостороннее, непременно *дружески-общительное* мышление, — все это наложило свой отпечаток уже на их совместную фрейбургскую жизнь»[12].

Но к русской культуре, к России, несмотря на значительность каждого из них, они относились по-разному. Чижевский мог гневаться, сердиться, но страстные чувства, подобные Степуну, были ему не свойственны. Он был аналитик. Они, как рассудительный Онегин и романтик Ленский, были лед и пламень.

Степун болел о России как о бросившей его женщине, выгнавшей его вон, его, так ее любившего. Все его «Мысли о России» — попытка понять, почему так случилось. Он ли был виноват или в любимой была какая-то червоточинка. «Почему она его, так ее любившего, выгнала?» — вот тема всех его пореволюционных текстов. Чижевский много рациональнее, он чистый ученый, хотя жизнь била его не меньше, чем Степуна, гоняла по свету, грозила смертью. Но Россия, Украина, славянство, Германия — все это предметы его исследования. Кажется, единственный человек, который вызывал в нем теплые чувства, был Степун. Почти во всех его письмах другим адресатам, интонация нежности возникает при упоминании имени Степуна. Степун — философ любви. О любви его философский роман «Николай Переслегин», о любви «Письма прапорщика-артиллериста». Причем интересно, что тема любви у него сплетается как с религиозной темой, так и с темой России. Если Бунин твердо заявил, что ради любви к России он не изменит себе, это было его кредо, более того, современную ему Россию он Россией не считал, то Степун многое прощал, и интерес его к советской России был силен. Но еще больше у него любви к дореволюционной России, в которую был влюблен, как можно быть влюбленным в женщину. И все еготексты — это по-

пытка понять, почему любимая его отвергла. А интерес к Советской России — интерес посмотреть, чем она стала.

Если говорить о теоретической подоплеке их разности и близости, не забудем, что Степун был еще писателем, мемуаристом, автором блестящей книги, воскресившей и закрепившей в сознании читателей дореволюционную Россию. Сам он размышлял не раз об этой проблеме, замечая, что какая должна быть произведена ворожба над пережитым, чтобы оно превратилось в художественное произведение? Поставить этот вопрос, значит поставить вопрос о профессионально-художественной сущности творческого акта. Ответ на него уже давно дан. Ворожба, превращающая переживания в художественные произведения, заключается в его закреплении в каком-либо материале, в камне, в бронзе, в красках, в звуках, самый же акт этого закрепления в оформлении материала. За этим, многими философами искусства всесторонне разработанным ответом, подымается более глубокий вопрос: не предполагает ли успешное оформление художником своего материала некоторой предоформленности его переживаний, не начинается ли искусство творчества в самой жизни, в ее немой глубине, не является ли, говоря языком Фридриха Шлегеля, подлинным художником лишь тот, кто являет собою как бы художественное произведение самой жизни. И добавлял, что такой взгляд на связь жизни с творчеством защищали многие крупные мыслители, причем сфера эротической любви, начиная с Платона, чаще других сфер выдвигалась на первый план высокого жизнетворческого искусства. У Владимира Соловьева философия любви является частью, вернее, даже фундаментом эстетики. Сущность любви заключается, по Соловьеву, в преображении земного образа любимого существа, в интуитивном прозрении в нем исконного божьего лика, бессмертного по своей природе и потому порождающего и в нас веру в наше бессмертие[13]. Преображение России, воссоздание образа любимого существа — проблема всех работ Степуна. И хотя Соловьев замечал, что сильная и трагическая любовь бесплодна, ведет к самоубийству[14], думаю, это была аберрация великого философа, перенос житейской сферы в сферу творчества. В жизни мы знаем много самоубийств людей, изгнанных из России, страдавших от неразделенной любви к Родине. Но в творчестве трагическая любовь как раз продуктивна, создавая «из тяжести недоброй» высокое (О. Мандельштам).

Эту позицию Степуна Чижевский угадал еще в рецензии на раннюю его книгу «Из писем прапорщика-артиллериста». Он писал: «Романтической философии Степуна представлялся случай созерцать жизнь в двух различных аспектах, сохраняя единство

самосознания»[15]. И далее: «Я не хочу упрекать Ф.А. Степуна в том, что он будто бы сделал трагедию мировой истории фоном для собственной судьбы или судьбы собственного мировоззрения. <...> “Письма прапорщика” — своеобразное введение в философию культуры»[16]. Романтизм Степуна оказался не менее продуктивен, чем аналитика Чижевского. Более того, они как бы подпитывали друг друга своей интеллектуальной энергией, такой разной, но в обоих случаях такой подлинной. У Степуна есть статья о Бунине, где он пишет, что главное и отличающее его от всех других — даже очень хороших — писателей было чувство подлинности. То же самое относится и к мыслителям. Чувство подлинности — странное чувство, оно дается абсолютной верностью себе. Такой верностью обладали Степун и Чижевский. Это чувство подлинности, которое они ощущали друг в друге, и соединило этих двух таких разных мыслителей.

Очень хочется, чтобы это чувство дружбы в условиях к ней не располагавших, чувство подлинности и взаимопомощи читатель увидел в публикуемых письмах. А ведь, по словам Цицерона, дружба может соединять лишь достойных людей («О дружбе»).

---

[1] *Карл Шмитт* (Carl Schmitt, 1888—1985)— немецкий юрист — философ, с 1921 г. профессор в Грайфсвальде, с 1926 г. — в Берлине, с 1932 г. — в Кёльне, в 1933 г. — член Герингского сената, один из ведущих юристов Третьего рейха. Представитель возникшей между Первой и Второй мировыми войнами теории о тотальных (всеобщих, все подчиняющих себе) государствах, теоретик консерватизма. Его исследования и труды остаются и сегодня предметом живых споров.

[2] *Степун Ф.А.* Христианство и политика // *Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 406—407.

[3] Там же. С. 412.

[4] *Цицерон Марк Туллий*. О дружбе // *Цицерон Марк Туллий*. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 75—76.

[5] Застольная речь профессора, доктора Федора Степуна, произнесенная 3 апреля 1964 года на праздничном обеде в гейдельбергском ресторане «Рыцарь» // *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. Т. 1. Материалы к биографии: (1894—1977) М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье: Русский путь, 2007. С. 464.

[6] *Чижевский Д.И.* Речь о Степуне // *Степун Ф.* Встречи. М.: Аграф, 1998. С. 246.

[7] *Ландгребе Л.* Философская автобиография // *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. Т. 1. Материалы к биографии: (1894—1977) М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье: Русский путь, 2007. С. 284.

[8] *Гадамер Х.-Г.* Воспоминания о Чижевском // *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. Т. 1. Материалы к биографии: (1894—1977) М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье, Русский путь, 2007. С. 713.

[9] *Пущаев Ю.* Политика и дружба. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2009. С. 113.

[10] *Ботт М.-Л.* От клецок к Гегелю: воспоминания о пестрой кучке русских ученых во Фрейбурге двадцатых годов // *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. Т. 1. Материалы к биографии: (1894—1977) М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье, Русский путь, 2007. С. 276.

[11] *Ботт М.-Л.* От клецок к Гегелю... С. 278.

[12] Там же. С. 279.

[13] См. одну из его последних статей: *Степун Ф.А.* Искусство и современность // *Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 921—922.
[14] «Сильная любовь большею частью бывает несчастна, а несчастная любовь ведет к самоубийству в той или другой форме» (*Соловьев В.С.* Смысл любви // *Соловьев В.С.* Собр. соч. В 10-ти т. Т. 7. СПб.: «Просвещение», б.г. С. 8.
[15] *Чижевский Д.И.* (*П.П.*) Ф. Степун. Из писем прапорщика-артиллериста. Прага. 1926 // Современные записки. Париж, 1928. Кн. 34. С. 511.
[16] Там же.

Письма Ф.А Степуна к Д.И. Чижевскому[*]

1[1]

7 августа 1946

Роттах

Дорогой Дмитрий Иванович,

Наша корреспонденция все как-то не налаживается. Не удалось, к сожалению, и наше свидание. В свое время я телеграфировал Вам в Аугсбург и выехал из Мюнхена в надежде понастоящему побеседовать с Вами, но телеграмма вернулась с надписью, что адресат в Аугсбурге не проживает. Телеграмма была послана по указанному Вами адресу. Почему так случилось, мне до сих пор непонятно.

Очень грустно, что Ваша марбургская профессура все как-то не налаживается[2]. Не знаю всех деталей, но все же думаю, что Вам надо там укрепляться, так как лекционный заработок Вас не удовлетворит, Вы как-никак прежде всего ученый, а ученостью широкой аудитории не захватишь[3].

Вашу просьбу позаботиться о лекциях я с удовольствием, конечно, исполню. У меня невероятное количество предложений и мне никак невозможно читать всюду, где предлагают. В частности, в Мюнхене просят прочесть о Влад. Соловьеве. У меня сейчас нет ни его произведений, ни необходимых книг о нем. Да и не могу я в данную минуту готовить новые лекции. Если не сегодня, то через неделю я напишу устроителям и предложу, чтоб они обратились к Вам. О гонорарах сейчас как-то принято не говорить, быть может, в виду боязни чрезмерных налогов. Если это Вас не устраивает, то Вы можете запросить о том, как будут платить. Мне до сих пор все организации, словно сговорившись, платили по две-

[*] Архив Хайдельбергского университета Heid.Hs. 3881. 2. Stepun, F. (1946—1958).

сти марок за лекцию. Иногда и дорогу, но не всегда. В Мюнхенском Народном Университете только что организовалось особое отделение по вопросам России и Славянства. На днях я увижу заведующего этим отделом и предложу ему, чтобы он выписал Вас. К сожалению, Народный Университет в Мюнхене платит, как я слышал, всего только по тридцати марок за час. Читать в нем имеет смысл лишь тогда, если устроятся и другие лекции в Мюнхене, и если будет предложен небольшой курс.

Есть еще предложение прочесть в «Католическом Культурном Обществе» лекцию о сущности православия. Я за эту тему взяться не берусь. Необходимо, по-моему, серьезное знание Отцов и всех догматических отличий обеих церквей. Если хотите, я и в Фюрт напишу о Вас. Приехав в Фюрт, надо было бы, конечно, устроить лекции так же в Нюрнберге и Бамберге, может быть, и в Аугсбурге. Третье гнездо, в котором я уже дважды читал и в которое 12 снова еду, это Штутгард, Гоппинген, Ессинген и Ульм. Во всех этих городах я смогу лично поговорить о Вас.

Как сложится моя дальнейшая жизнь мне самому еще не вполне ясно. Недели три тому назад я получил предложение читать в Мюнхене в качестве (? *здесь пропуск на странице. — В.К.*) Историю Русской Культуры[4].

Устроили это партии и американцы при некотором сопротивлении Философского факультета. В Мюнхене страшное засилье Филологов, очень боящихся всяких новшеств и всяких посторонних им людей. В противоположность Факультету Министерство старается сделать, что можно. В данный момент я еще борюсь за более или менее приличный гонорар. По старым ставкам мне было предложено девять тысяч в год, но по новым я не могу получать больше пяти. В последнем счете это не так важно, и я, в сущности, уже решил принять предложение. Есть, быть может, еще шанс попасть в Тюбинген, где меня и глава правительства, государственный советник проф. Шмитт, и ректор Штейнбюхель, и министерство приняли с невероятной любезностью, но, кажется, обещали больше, чем исполнимо. Думаю так на том основании, что со времени моих тюбингенских переговоров прошло уже около двух месяцев и оттуда ни слуху, ни духу. Хотя и город и Факультет совершенно очаровательны, благодаря незатронутости войной, я, пожалуй, все же предпочел бы Мюнхен, Не по академическим, а по политическим соображениям: американцы кажутся мне более надежными людьми, чем французы (недавно мы получили несколько номеров парижского Советского Патриота и пришли в очень грустное настроение. После таких газет и напечатанного там интервью с Бердяевым я вполне понял Ваше нежелание писать в столицу русской эмиграции).

Как обстоят дела с Вашей библиотекой? Удалось ли Вам вывести книги из Халле?[5] Как обстоят дела с русскими книгами и с книгами о России в немецких библиотеках? В сущности, я нахожусь в совершенно безвыходном положении. Зимой я собираюсь объявить курс о России и Европе как проблеме русской историософии. Из пальца его не высосешь, а книг никаких. Нет ли у вас хотя бы книги Зеньковского «Россия и Запад»[6] или нечто в этом роде. Нет ли хотя бы Масарика[7] и двух томов Эренбурга[8] и Бубнова? У меня на руках только «Пути русского богословия» Флоровского[9] и «История русской философии» Шпета[10]. Кроме того, в Мюнхенской Семинарской библиотеке есть два тома Хомякова и Герцен.

Вы оказали бы мне громадную услугу, если бы могли на время хотя бы с октября до декабря прислать какие-нибудь пособия по интересующему меня вопросу. Слышал, что Швейцария завалена советскими изданиями, но отнюдь не только большевистскими книгами. Там меняют часы на книги. Отдельные книги, я надеюсь, мне оттуда пришлют, но когда и сколько — не знаю. В одном из немецких журналов прочел, что в Женеве вышла книга Ивана Ильина по Истории Русской Культуры[11]. Надеюсь ее получить.

Конечно, я мог бы выйти из положения, объявив курс по Истории Русской литературы, так как русские классики в Мюнхене все имеются, но это было бы не совсем корректно по отношению к здешнему слависту Дильсу[12], довольно кажется сухому и скучному, но любезному человеку, который сказал мне, что он в Бреславле читал лекции не только в качестве филолога-слависта, но и историка русской литературы. Другим выходом было бы объявление курса о миросозерцании Достоевского, для которого ничего не нужно, кроме полного собрания его сочинений и собственной головы, но мне кажется, что это не то, чего сейчас жаждут студенты и мюнхенская интеллигенция, которая собирается меня слушать.

Сообщаю Вам все эти свои мысли и нужды с надеждой на дружескую помощь.

Недавно мне кратко писал Зензинов[13]. Я еще не успел ответить ему, так как завален работой и перепиской, но на письмо Р.Н. Кузнецовой (может быть, Вы еще помните ее по Геттингену) он уже успел сообщить некоторые нью-йоркские новости. Там веют несколько иные ветры, чем в Париже. Историк Карпович[14] и Алданов издают нечто вроде парижских Совр. Записок[15]. В Нью-Йорке же продолжает выходить как Социалистический вестник, так и Революционная Россия. Все это, вероятно, глуховатая эмигрантская провинция, но все же провинция, не лишенная для меня некоторого очарования. Выходят и русские книги. В ближайшее

время надеюсь узнать от Зензинова, возможно ли там издание моих воспоминаний, первый том которых, вероятно, к Рождеству выйдет в немецком переводе в Мюнхене. Второй том, если он будет пропущен (глава о Феврале вызывает сомнение у американских властей), выйдет спустя полгода после первого, а третий спустя год после первого. Получить бумаги на все три тома сразу издательству не удалось, но м. б. оно так и лучше: есть все же надежда, что со временем проблема России будет поставлена шире.

Второе издание Переслегина заканчивается печатанием[16], и недели через три поступит в продажу. К весне появится, надеюсь, второе издание книги о театре и фильме. Пишу я еще несколько трудных статей для католических журналов. Двигается все это довольно медленно, но работать в Роттахе трудно. Во-первых, потому, что нет книг, а во-вторых, потому, что прекрасное лето располагает к созерцательности. Но самое главное — бесконечное количество людей, которые самотеком подходят к окнам: мы живем в подвальном этаже, как в Фонаре, и скрыться нельзя.

Наташино здоровье то лучше, то хуже. Боюсь, что с переездом в Мюнхен будет еще труднее, но и здесь оставаться невозможно. Наша главная забота — получить две комнаты и собственную кухню. Последнее почти невозможно. Все же я надеюсь, что и это удастся.

Наташа и я шлем Вам самый сердечный привет.

Ваш *Ф. Ст.*

Списываясь о лекциях, имейте в виду, что между 10 и 25 сентября меня не будет в Баварии, а повидаться мне очень хочется.

---

[1] Письмо напечатано на машинке.

[2] Чижевского оттуда выжила немецкая профессура — слишком он был для нее крупен. Ср. у В. Янцена о конце работы мыслителя в Марбурге (1945—1949): «В результате доносов и интриг университетских коллег, закулисного влияния американских спецслужб, скандала с гессенским министром культуры, публично объявившим Чижевского в прессе “шпионом”, “коммунистом” и “неквалифицированным славистом”, последний не получает предложенных ему кафедр ни в Марбурге, ни в ряде других немецких университетов (Франкфурт, Мюнстер) и по настоянию Р.О. Якобсона, В.В. Зеньковского и Б.И. Николаевского покидает Германию, приняв приглашение Гарвардского университета» (*Янцен В.* О наследии Дмитрия Ивановича Чижевского // *Чижевский Д.И.* Избранное: В 3 т. Т. 1. Материалы к биографии: (1894—1977) М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье, Русский путь, 2007. С.8). См. в этой публикации письмо Степуна в газету «Франкфуртское обозрение».

[3] Сам Степун зарабатывал во время отлучения его нацистами от преподавания выездными лекциями. Говорить, рассказывать он умел и любил.

[4] В 1947 г. Степуна пригласили возглавить созданную специально для него кафедру истории русской культуры в Мюнхенском университете Людвига Максимилиана.

[5] См. работы В.В. Янцена о судьбе библиотек Чижевского. В данный момент

В.В. Янцен обладает самой большой коллекцией книг и рукописей Чижевского. Особенно: *Янцен В.* Спасти, сохранить и освоить! О судьбе книжных собраний и архивов Д. И. Чижевского в Германии // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2003 / Под ред. *М. А. Колерова*. М., 2004. С. 232—278.

[6] На самом деле работа Зеньковского называлась «Русские мыслители и Европа». Париж, 1926.

[7] Очевидно, речь идет о Т.Г. Масарике (1850—1937), чешском исследователе, впоследствии первом президенте Чехословакии (1918—1935). Его книга о России и Европе, предрекавшая крах Российской империи «Russland und Europa. Studien über die geistigen Strömungen in Russland» (1913), пользовалась огромной популярностью на Западе.

[8] Возможно речь идет о «Черной книге». В 1944—1945 гг. Эренбург и Гроссман составили два тома «Убийство народа» о геноциде еврейского народа. Либо о трехтомнике Эренбурга, собравшем его статьи военных лет «Война» (1942—1944).

[9] Эта книга Флоровского была опубликована в Париже в 1937 г.

[10] Имеется в виду трактат Г.Г. Шпета «Очерк развития русской философии. Пг.: Колос, 1922. Как я сказал уже — книга о Герцене (в 100 стр.) — совсем иного стиля, но также вполне отвергает все не “наукообразно-философское”, а наукообразное (рассмотренное и в моей книге о Гегеле в России) — вообще хотя и интересно, но на поверхности философской личности Герцена, и притом только для юного Герцена имеет какое-то *существенное* значение. История русской философии у Шпета почему-то история *проселочных* дорог русской мысли, а столбовые остаются без рассмотрения и даже без упоминания (я, кстати, писал о книге в “Современных Записках” — не помню как, но, во всяком случае, в этом же духе, — может быть, посмотрите рецензию — тогда я писал, а Современные Записки печатали еще весьма обстоятельные рецензии по 6—8 страниц петита). Когда я получил книгу Шпета, я был поражен сходством моих оценок тогдашней (до 1924 г.) русской современности с его оценками (как “просвещенства”), — очевидно, предпосылки — “феноменология” — у нас были общие, — но освещение его меня совершенно не удовлетворило. С того времени у меня собралась масса материала, совершенно подрывающего всю концепцию Шпета. Вообще я — против меряния философской культуры по “генералам”, — “генералы” в духовной области — явление случайное и бывают генералы без армий и армии без генералов. В России были (бывали), если и не армии, то, во всяком случае, энергичные отдельные отряды, и если не нашлось “генералов”, то это такая же случайность, как, например, отсутствие генералов в английском платонизме 17 в., в значительной степени определившем собою такого генерал-фельдмаршала, как Лейбниц, вообще целиком выросшего из не-немецких корней. Впрочем, в истории русской философии очень многое надо еще пересмотреть: я начал писать когда-то для Фасмера (издававшего полезный “Гандбух”) историю философии у славян в отдельных томиках — там было бы много нового, но издание прекратилось и книга не кончилась. А печатать ее на неудобочитаемом языке, вроде чешского, вряд ли полезно». — См.: Fedor Stepun Papers, Correspondence between Fedor Stepun and Dmitrij Tschižewskij // Yale University Library. New Haven, Gen. Mss 172, Box 34, Folder 1170).

[11] Ильин И.А.

[12] *Пауль Дильс* (1882—1963) славист, специалист по церковнославянскому языку, ординарный профессор в университете в Бреслау.

[13] *Владимир Михайлович Зензинов* (1880, Москва — 1953, Нью-Йорк) — российский политический деятель, эсер. Учился в юности в университетах Берлина, Хале, Хайдельберга. Активный революционер. В ноябре 1917 г. избран депутатом Учредительного собрания. После ноябрьского переворота в Омске и установления власти Колчака выслан в Китай. Во время войны уехал в Нью-Йорк. Издавал журнал «За свободу». Сотрудничал в «Новом русском слове», «Новом

журнале», «Социалистическом вестнике».

[14] *Михаил Михайлович Карпович* (1888—1959) — русский историк, ученик В.О. Ключевского. До революции эсер, вместе с посольством Временного правительства выехал в США, где и работал всю жизнь.

[15] Речь идет о знаменитом журнале русской эмиграции в Нью-Йорке: *The New Review / Новый журнал*. Основатели М. Алданов и М. Цетлин. С 1946-го по 1959-й редактор М. Карпович.

[16] Речь идет об издании: Die Wandlung des Nikolai Pereslegin. München, 1946.

2[1]

В редакцию
Фракфуртского обозрения (Frankfurter Rundschau)
лично в руки господина фон Е. Лесснера
Марбург, Роттенберг 1б

Господин гессенский министр культуры доктор Штайн[2] выдвинул весьма далекоидущие обвинения против господина Чижевского как ученого и как человека (мотивы этой борьбы остаются для меня непрозрачными).

1. Господин министр утверждает, что Чижевский не полноценный славист, а всего лишь «философствующий славянский эмигрант». И 2. Что он находится в подозрении «деятельности в пользу Советского союза», проще выражаясь, означает, что он платный агент Москвы.

Поскольку сам я не славист, возможно, мне не разрешено собственное суждение о слависте Чижевском. Но по всему, что я слышал от первых авторитетов в персональных разговорах о деятельности Чижевского в области славистики, должен я добавить, что дисквалификация профессора Чижевского со стороны господина министра есть очевидная проверка его несостоятельности. Я беседовал о Чижевском однажды с Фасмером[3], с моим умершим земляком — профессором славистики в Вене, князем Трубецким[4], а также с очень известным ученым, живущим в настоящее время в Америке, — профессором Якобсоном[5]. Они отзывались о слависте Чижевском всегда только самым похвальным образом. О том, что Чижевский дилетант в области славистики я никогда ничего подобного не слышал. Я также категорически не могу подумать, что человек духа, большой добросовестности и работоспособности, такой как у Чижевского, занимающегося в этой области как исследователь долгих 20 лет, не стал господином в этой области. В заключение хотел бы я еще заметить, что если также квалификация профессора Чижевского в избранной им сфере деятельности могла бы вызывать некие трудности в силу его многосторонности; это не имело бы никакого основания ставить под сомнение его квалификацию как ученого, ибо в обширных пространствах исследования

России он сделал больше, чем кто-либо другой. Углубленное знание славянского Востока и, прежде всего, предмета отношения России и Украины сегодня имеет особенно большое значение.

2. Что же касается уязвимого момента, то я здесь осмелюсь как социолог и русский эмигрант заступиться за прославленного и авторитетного профессионала и специалиста. «Шпиономания» — весьма типический симптом политически запутанного положения, в котором сегодня находится почти вся Европа и особенно русские эмигранты. Уже десятилетие наблюдаемые советскими шпионами русские эмигранты почти вынуждены оглядываться, чтобы разглядеть вблизи себя шпионов, и если ситуация для настоящих «пахла жареным», они заявляли в соответствующие места об этих мнимых шпионах (эмигрантах. — *В.К.*) чтобы избежать опасности (сами настоящие шпионы оставались, как правило, нераскрытыми). Но как раз потому, что национал-социализм погряз в «шпиономании», что стало в результате своего рода эпидемическим заболеванием в социальном пространстве, нам должно быть настороже и делать все необходимое, чтобы не поддаться этой заразе. Для министра культуры это необходимо в высшей степени.

Много лет назад я сам благодаря известному русскому писателю Арцыбашеву[6] был очернен в прессе как «ультрафиолетовый коммунист» лишь на том основании, что объяснял большевизм как грехопадение русской идеи и псевдоморфозу русской религиозности и делал это не для немецкого генерального штаба и не для русского еврейства. Эта клевета имела результат после захвата власти Гитлером — в нацистских комиссиях для борьбы против революции и привела к ряду указаний против меня, и я должен был отвечать перед тогдашними национал-социалистическими отделениями в Дрездене за мою просоветскую позицию.

Что подобные вещи имели место при господстве национал-социалистической диктатуры, не удивительно. Почему, однако, должно такое же происходить в демократической Германии?

Федор Степун

Мюнхен, 27 марта 1949

[27.04.49]
Prof. Dr. Fedor Stepun
München 27
Mauerkircherstrasse 52

Дорогой Дмитрий Иванович!

Большое спасибо за письмо. Если будет очень нужно и для окончательного очищения Вашей личности[7] безусловно необходимо мое свидетельское показание в Марбурге, то я, конечно,

приеду, но очень просил бы Вас все же избавить меня, если только это возможно, от этой поездки, так как я решительно задыхаюсь от всего того, что еще необходимо осилить до начала семестра. Главная задача это сдать вовремя, т. е. до 1-го июня третий том воспоминаний, немецкий перевод которого я еще не начал просматривать[8]. А тут еще гости едут: целых две дамы, очень приятные, но весьма несвоевременные.

Самое главное, будьте другом, и вышлите, взяв, быть может, на свое имя Полнера о Толстом[9], сборник Пути о нем и если есть Шестова: Толстой и Ницше[10]. Эти вещи мне нужны как можно скорее, так как я 5-го мая начинаю читать и хочу первую лекцию посвятить общей характеристике миросозерцания Толстого и его месту в русской духовной жизни. Обо всем остальном жду от Вас указаний, так как у меня самого, кроме самого Толстого, Нетцеля, Мережковского и Бирюкова, ничего нет.

Будьте другом, не задержите с книгами, а то мне тревожно на душе.

О Вашем деле слышал много с разных сторон. Между прочим, и в Бремене от профессора Обста.

Очень сейчас спешу, так как вернувшись домой, застал груду писем, на которые надо в срочном порядке отвечать.

Надеюсь, что у вас все благополучно, шлю Вам самые сердечные приветы от Натальи Николавны и себя.

Искренне Ваш *Федор Степун*

---

[1] Письмо написано по-немецки. Перевод публикатора, т. е. мой. — *В.К.*

[2] *Эрвин Штайн* (1903—1992) — министр культуры земли Гессен, выступивший против утверждения Чижевского ординарным профессором в Марбургском университете.

[3] *Макс Фасмер* (1886, Санкт-Петербург — 1962, Берлин) — немецкий славист, родившийся в России, ученик и зять великого русско-польского языковеда И.А. Бодуэна де Куртенэ, создатель знаменитого Этимологического словаря русского языка.

[4] *Николай Сергеевич Трубецкой* (1890, Москва — 1938, Вена) — великий русский лингвист, один из ведущих теоретиков евразийства.

[5] *Роман Осипович Якобсон* (1896, Москва — 1982, Бостон, США) — один из крупнейших лингвистов XX века.

[6] *Михаил Петрович Арцыбашев* (1878, Харьковская губерния — 1927, Варшава) — русский писатель, автор прославленного романа «Санин». В эмиграции как публицист считался непримиримым, выступал с резкими статьями против многих русских эмигрантов.

[7] См. предыдущее письмо. Чижевского обвиняли, что он агент Москвы.

[8] Речь идет о немецком варианте знаменитых мемуаров Степуна: Vergangenes und Unvergängliches. (Bd. 1—3). München, 1947—1950.

[9] Имеется в виду книга Тихона Полнера «Лев Толстой и его жена. История одной любви» (1928).

[10] Речь идет о трактате Л.И. Шестова «Добро в учении гр. Толстого и Ницше (философия и проповедь)».

3[1]

Den 22.IV.1950

Дорогой Дмитрий Иванович,

Я бесконечно виноват перед Вами. Получил целых три письма и еще ни на одно не ответил Вам. Отвечать мне, впрочем, не на что, но ведь важен не ответ, а беседа. Спасибо за память и желание таковой. Все, что Вы пишете, наводит на меня грусть. Уж одно то, что Вы, имея настоящую профессуру и получая солидные сотни долларов, стремитесь вернуться в Германию, чтоб посидеть в Штутгартском кафе и пройтись вдоль Некара[2], не возбуждает во мне желания ехать за океан. Недавно был тут у меня ученик Карповича; русский американец по фамилии, кажется, Fischer, как мне показалось, умный, осведомленный, живой и справедливый человек. Мы виделись накануне нашего отъезда в Швейцарию накоротке, но все же я выяснил, что для процветания в Америке надо быть, во-первых, молодым, а во-вторых, американцем, хотя бы по стилю и духу личности. Я стар и глубокий Европеец. Ехать в Америку значит для меня таким образом понемногу угасать. Тем не менее, я все же своего плана о переезде не оставляю, т. к. постепенно прихожу к заключению, что Западу без войны с Советами не справиться[3]. Его политические деятели никак не могут сговориться, в особенности не могут сговориться в отношении Германии. Демонтажи родят коммунистов. Продолжающееся перевоспитание гальванизирует «национал-социалистов». Доверие к американцам постепенно падает, а боязнь Советов растет. Растет, к сожалению, не только боязнь, но и чувство, что сопротивляться почти не стоит. При таком унынии у Советов растут шансы на успех холодной войны. Иной раз я какою-то дрожью в позвоночнике чувствую, что пора собирать манатки. Потом это чувство, конечно, проходит. Жизнь вокруг так быстро улучшается, работа в Университете идет так хорошо, книги мои распространяются весьма быстро, постепенно приоткрывается и Европа, то есть Швейцария и Париж, что невольно начинаешь терять чувство бдительности.

Недавно был у меня Гурьян[4], толстый, астматический, с лицом то очень брезгливым, то детски улыбчатым; он не верит ни в какую войну и очень советует оставаться в Германии. Сначала я было обрадовался его мнению, а потом, поговорив, убедился, что он не очень разбирается в политических вопросах. Главное же, [больше] боится мертвых нацистов, чем живых большевиков. Такая точка зрения по мне гиблое дело для Европы.

На днях я познакомился здесь с Федором Ивановичем Либ’ом[5], который, несмотря на свою советофилию, которая, как он мне

написал, сошла с него, оказался очень милым человеком. Проведя час в его библиотеке, я пришел в отчаяние, т. к. у нас [в] Мюнхене почти ничего нет. Все спасение в Марбурге. Я связался с Frl. Apel[6], которая недавно была у меня с Гурьяном, и она помогает мне в работе. Следующий семестр я читаю о культурных взаимоотношениях, «Geistige Beziehungen»[7] между Россией и Германией в XIX и XX веках. Курс этот очень волнует меня, но и интересует. Читаю Веселовского: «Западноевропейское влияние в Русской литературе»[8]. Я вспоминаю Ваше волнение по поводу русского просвещенства[9]. Это поистине мракобесная книга. Слова: мистика, средневековье, католицизм, все это означает у него в конце концов сплошную глупость и обскурантизм[10]. А ведь книга вышла в 1910 году.

Вы пишете, что к 80-летию Лосского[11] будет издан, быть может, в честь него сборник. Мне очень хотелось бы написать в нем философскую статью, т. к. я уже давно не печатал ничего философского на русском языке и т. к. печатать философию, кроме как в таком сборнике, негде. Если сможете, то сообщите редакции сборника о таковом моем желании, за что буду Вам очень благодарен.

Очень хотел бы знать, успели ли Вы прочесть второй том моих воспоминаний. Единственный дошедший до меня из Америки отзыв, это две рецензии Вишняка. Оно, конечно, лестно, что он меня сравнивает и с Шатобрианом, и с Герценом, но тем не менее в рецензии много подводных шпилек, и главное, мало понимания; даже где-то усмотрел во мне антисемитизм, хотя он только в том и состоит, что я признаю существование евреев, но ведь это необходимо, хотя бы только для того, чтоб их любить. В свое время мы списывались с Карповичем, что в «Новом журнале» напишет Вейдле[12], но, к сожалению, и в нем, как и в «Новом русском слове» появился Вишняк[13].

Через несколько недель выходит мой третий том[14], который в продажу поступит только в августе[15]. Я, конечно, сейчас же вышлю его Вам и в редакцию «Нового журнала». Думаете ли Вы, что есть какая-нибудь возможность заинтересовать моей автобиографией американского издателя? Мне было бы бесконечно важно запастись в Америке хотя бы несколькими тысячами долларов.

Сейчас, готовя курс, читаю по-русски Вашего Гегеля[16] и очень радуюсь европейской солидности русской работы. Видали ли Вы, к слову сказать, книгу Schelting'а "Russland u. Europa"[17]. На первый взгляд, она тоже сделана очень солидно, но солидность скорее стилистическая, чем существенная. Киреевского[18] вообще нет, а Шевырев[19] очень выпячен. На протяжении двух страниц утверж-

даются противоречивые вещи: один раз утверждается, что славянофилы были гегельянцами, а другой раз, что они ими не были, т. к. были шеллингианцами. И.А. Ильин, конечно, зря его заподозрил в желании перевести Россию в католичество и в полном незнании философии, но все же книга хуже ее славы, а прославилась она в Германии быстро.

О смерти Яковенко[20] я знаю, мне писала его дочь; просила написать рецензию в Германии, но я сделать этого не мог, отчасти потому, что у меня не было под рукой его книг, а отчасти по глубокой чуждости его метода философствования всему моему существу. Известие о его смерти вызвало во мне большую грусть и боль. Какова, в конце концов, его чешская история русской философии[21]? Стоило бы ее перевести на немецкий язык, или она рядом с работой Зеньковского не имеет смысла?

Ну, дорогой Дмитрий Иванович, пора кончать, а то не хватит швейцарских франков на отправку этого запоздалого, но зато уж очень длинного письма. Не казните меня молчанием, а напишите поскорей. Во-первых, у Вас почерк читабельный, а во-вторых, у Вас машинка есть. Я же диктую письма случайно встретившейся в трамвае соотечественнице, чем объясняется незнакомость Вам почерка этих строк.

Наташа и я шлем Вам самый сердечный привет.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш *Федор Степун*[22]

P. S. Простите грязь и безграмотность письма. Здешние знакомые (О.Э. Макер) порекомендовали стенотипистку. Вот результат этой (слово неразборчиво) работы. Единственное утешает, что она очень нуждалась в заработке.

---

[1] Все письмо написано черными чернилами от руки, очевидно, переписчиком. Зелеными чернилами правка орфографических ошибок рукой Степуна. Некоторые орфографические ошибки, пропущенные Степуном, исправляем без специальных на то указаний.

[2] Река, протекающая через Хайдельберг.

[3] Эта тема не раз поднималась Степуном в его письмах, он очень боялся, что советские войска оккупируют всю Германию, в таком случае он видел для себя один исход — концентрационный лагерь в Сибири.

[4] Очевидно, имеется в виду *Вальдемар Гуриан* (1902—1954) — родился в России, публицист, социолог, деятель католического молодежного движения. В 1914 г. перешел из иудаизма в католичество, в 1923 г. под руководством М. Шелера защитил кандидатскую диссертацию.

[5] Имеется в виду *Фриц Либ*.

[6] Фройляйн Апель. Очевидно, речь идет об ученице Чижевского по университету в Халле — *Гудрун Апель* (в замужестве *Бирнбаум*). В примечаниях к тому материалов по Чижевскому В. Янцен приводит шутливое рекомендательное письмо Чижевского (начало 1948 г.) Степуну о своей ученице: «Свидетельство. Подательница сего Нина Рудольфовна Апель никогда не была в России, и ее хорошее произношение

объясняется только тем, что она страдает фонетическим психозом. Дмитрий Чижевский. Директор Славянского семинара при Марбургском университете» (цит. по: *Чижевский Д.И.* Избранное: В 3 т. Т. 1. Материалы к биографии: (1894—1977) М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье, Русский путь, 2007. С. 556).

[7] Духовные связи (*нем.*).

[8] Речь идет об известном литературоведе *Алексее Николаевиче Веселовском* (27 июня 1843, Москва — 25 ноября 1918, там же) и его книге «Западное влияние в русской литературе», 1-е изд., М., 1883; 5-е изд., М., 1916.

[9] Имеется в виду много страниц в работе Чижевского «Гегель в России», посвященных этой теме. Например: «Внешняя форма, какую приняло русское просвещенство, был политический и еще более глубокий социальный радикализм. Он был не случайным, и русская жизнь совершила на практике огромный поворот. <...> Но просвещенство настойчиво пыталось подменить все эти реально данные вопросы нереальными: освобождение крестьян — социализмом, политическую реформу — “социальной республикой” или “анархией”, решение национальных вопросов — преодолением национальной узости, “свободу совести” в ее конкретной постановке — атеизмом и т. д. Эта замена или подмена возможных ближайших целей возможными или невозможными последними целями-идеалами характерна для мыслительного стиля русского просвещенства. <...> Это была борьба культурного небытия против культурных ценностей» (*Чижевский Д.И.* Гегель в России. СПб.: Наука, 2007. С. 281, 284).

[10] Чижевский как раз пишет о вражде «просвещенства» к мистике, средневековью, христианству и т. п., что Степун увидел в книге Веселовского.

[11] Речь идет о Н.О. Лосском.

[12] Вейдле был добрым знакомым Степуна, с которым он состоял а переписке. См. мою публикацию: Ф.А. Степун. Письма к В.В. Вейдле (*публикация и комментарии В.К. Кантора*) // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 123—127.

[13] Известны рецензии на русском языке М.В. Вишняка (Новый журнал. 1949. № 22. С. 299—304), Н.П. Полторацкого (Возрождение. 1951. № 16. С. 171—174).

[14] «Ваш третий том меня, конечно, чрезвычайно интересует. Может быть, мне следовало бы написать о нем? Особенно если есть опасность, что снова будет писать Вишняк, который неадекватен всем видам произведений, кроме безнадежно скучных», — писал в ответ Чижевский (*Чижевский Д.И.* Избранное: В 3 т. Т. 1. Материалы к биографии. С. 191).

[15] Речь идет о немецком варианте мемуаров Степуна.

[16] Степун имеет в виду книгу Д.И. Чижевского «Гегель в России» (Париж, 1939). В последние годы книга переиздана: СПб.: Наука, 2007.

[17] Речь идет о книге: *Schelting A. von*. Russland und Europa im russischen Geschichtsdenken. Bern: A. Francke AG-Verlag, 1948. 404 S. Автор дифференцирует направления русской мысли по их отношению к проблеме «Россия и Европа». В ответном письме Чижевский написал о Шельтинге: «Книга Шельтинга не плоха, но содержит случайный материал, как автор уверяет, потому, что у него не было русских книг. Возможно» (*Чижевский Д.И.* Избранное: В 3 т. Т. 1. Материалы к биографии: С. 191).

[18] *Иван Васильевич Киреевский* (1806—1856) — один из лидеров раннего славянофильства, религиозный философ и литературный критик.

[19] *Степан Петрович Шевырев* (1806—1864) — литературный критик, историк литературы, поклонник итальянской культуры, поэт, академик Петербургской академии наук, сторонник так называемой «официальной народности». Совместно с М.П. Погодиным издавал и редактировал журнал «Москвитянин» (1841—1856).

[20] *Борис Валентинович Яковенко* (1884—1949) — философ, исследователь русской философии, соиздатель «Логоса» со Степуном и Гессеном. Затем главный редактор «Russische Gedanke» («Русская мысль»). Эмиграцию провел в Чехословакии.

[21] Dějiny russké filosofie. Praha. 1938. Чижевский в 1950 г. писал Степуну: «История

философии Яковенки, конечно, очень плоха: самый крупный русский философ — Белинский (крупнее и Соловьева, и всех... даже Яковенко самого). Все философы раскритикованы по пунктам 1, 2, 3 и т. д. — иногда до 10—15 пунктов. А главное: с какого языка переводить? Чешский текст очень плох (плохо переведено, с недоразумениями). Число собственных ошибок Яковенки (фактически) невелико: но его не интересовала плоскость реальности, т. е. был ли Де Местр француз или швейцарец, в каком городе кто родился и умер, а в конце концов, это можно было бы исправить» (*Чижевский Д.И.* Избранное: В 3 т. Т. 1. Материалы к биографии: С. 191).

[22] Подпись и постскриптум (не всегда разборчивый) написаны зелеными чернилами рукой Степуна.

4[1]

9 августа 1951 г.

Дорогой мой Дмитрий Иванович,

большое Вам спасибо за Ваше обстоятельное, интересное, но и бесконечно грустное письмо[2]. Я уже слышал и от Карповича и от других «американцев», что Вам не полюбилась Америка. Кто-то хорошо рассказывал, что ваш протест против «Нового света» проступил даже и в Вашей внешности: длинноволосый и более медленный, чем раньше, с какою-то русско-интеллигентской старинностью во внешности, ходит-де Дмитрий Иванович около Харвардского университета живым обвинительным актом бездушной динамики американского столпотворения. Ваше последнее письмо подтвердило это описание, которое мне казалось все же преувеличением.

Вы пишете, что обо мне ходят противоречивые слухи: многие будто бы ждут моего приезда в ближайшее время, а другие говорят, что мне не хочется ехать. Оба сведения вполне правильны и противоречия в них нет. Я хочу ехать, но мне до смерти не хочется покидать Европу и переселяться в новый мир, в котором я буду себя чувствовать, вероятно, еще хуже, чем Вы, или, говоря точнее, в котором у меня будет еще больше причин, чем у Вас, чувствовать себя «выходцем с того света», т. е. живым покойником.

Решили мы с Наташей с год тому назад, то есть в первые дни корейских событий, ехать, потому что вдруг стало ясным, что напряжение между Москвой и Вашингтоном не сможет иначе разрешиться, как на путях войны. Оставаться в Германии — значило при этих условиях попасть в лапы большевикам в советскую тюрьму и подвергнуться пыткам, которые, быть может, окончились бы восхвалением Сталина в общемировом масштабе. Такого конца жизни я не только не хотел для себя, но я и не считал себя вправе разрешить его себе из-за нежелания расстаться с хорошей, сытой и интересной жизнью.

Но этот «категорический императив» не лишал меня мечты, что, может быть, как-нибудь пронесет мимо. Мне тут живется

очень хорошо, если бы не годы, то есть не сознание своей приближающейся старости, то я сказал бы, так хорошо, как мне еще никогда не жилось: аудитория интересна и все еще достаточно многочисленна (около 200 человек). Одна советская студентка написала у меня очень хорошую работу о категории мещанства в русской философии, идут и другие докторские работы. Моя автобиография распространяется по нынешним временам достаточно быстро: первый том вышел уже вторым изданием. Печататься можно в любом количестве и в Германии и в Швейцарии. В «Социологическом ежегоднике» Леопольда фон Визе[3] я написал статью «Родина и чужбина»[4]. К социологии эмиграции, беженства и советского патриотизма. Сегодня у меня был профессор Штегеман с предложением-просьбой согласиться прочесть доклад на ту же тему на международном социологическом конгрессе в Стамбуле. В сборнике Бринкмана «Социология и жизнь» набирается статья под заглавием «Структура объективности социологического суждения». К Рождеству выходит третье издание «Переслегина»[5]. Весною второе, расширенное, издание книги «О театре и фильме»[6]. С издательством Шваба в Штуттгарте подписан контракт по изданию моей «Социологии революции». Кроме того, выпускаю у Кёзеля сборник статей (350 стр.) под заглавием «Стружки»[7] и у Ханзера «Русские портреты»: старые статьи о Бунине, Вячеславе Иванове, Белом, Бердяеве, которые дополняю портретами Блока, Горького, Алексея Толстого и четы Фундаминских[8]. Предложение лекций бесконечно. И вот все это бросить и ехать в Америку вызывает в душе, конечно, отчаяние, тем более, что все более открываются возможности поездок и в Швейцарию, где я раза 2—3 в год читаю, и в Париж, и в Рим.

Здешний возглавитель американской администрации, милейший профессор Шустер, ученик Фосслера, очень хорошо относящийся ко мне, пытался было устроить меня в Америку; он писал целому ряду людей и познакомил меня с некоторыми американцами, занимающимися русским вопросом, между прочим, и с профессором Мосле. О том же хлопотал и Михаил Михайлович Карпович и мои немецкие друзья Кронер[9] и Тиллих[10]. Но из всех этих хлопот не только ничего не вышло, но вышло то, что я окончательно понял, что я окончательно убедился, что мне в Америке приличной жизни, при которой я мог бы продолжать свою работу, так же не видать, как своих ушей. Профессура для меня исключена, так как мне минуло уже 67 лет. Исследовательские институты старых эмигрантов не принимают, до сих пор старавшийся об этом Николаевский[11], живущий в Америке уже 25 лет, этого не добился, рокфеллеровские стипендии[12] даются только молодым

людям, могущим подписать бумагу, что по истечении 4 лет они будут распространять в своей стране американскую культуру. Своей страны у меня через четыре года не будет, да и американская культура не станет для меня своей. Кроме того, я очевидно и по стилю своего писательства и по всей структуре своей личности не американец. Самое же главное препятствие в том, что я не знаю английского языка. Читать и понимать науку с грехом пополам я, конечно, выучусь, но говорить я, конечно, не смогу. В результате я понял, что мне придется пробиваться статейками в русско-немецкой прессе и каким-нибудь подсобным ремеслом, вроде резания бананов для американских салатов. Говорят, за это платят довольно хорошо. Можно, конечно, рассчитывать на счастье: попала же моя сестра после нескольких месяцев прислуги и маяты в секретариат ОН[13], но если надеяться на чудо, то не обязательно ехать в Америку: чудеса могут случаться и в Европе.

Описание всех этих моих задерживающих чувств не отменяет моих хлопот о выезде. Сейчас мы проходим процедуру выезда как фолькс-дейтш. Думаю, что к весне дело будет закончено. На что я тогда решусь, мне самому еще не ясно, так как мне начинает сдаваться, что мир приходит в состояние некоторого равновесия. Целый ряд американцев, а также и немцев, ученых и политиков, убеждают меня, что мир живет на вулкане, но одновременно переживает весьма мирные времена. На вулкане в том смысле, что все готовятся к войне, но мирные времена потому, что ее не будет. Американцы не начнут превентивной войны, во-первых, потому, что они потеряют своих европейских союзников, не желающих драться, а, во-вторых, и по причине того, что американская демократия, готовая защищать себя до последней капли крови, по своему почину ни одной капли крови не прольет. Сталин же не романтик, не Гитлер, не Вильгельм Второй, а старая мудрая крыса Онуфрий, который прекрасно знает, что выиграть войны он не может, а проиграв ее, похоронит все дело и России, и коммунизма, и себя самого. Мне кажется за последнее время, что в этих рассуждениях есть некоторая доля правды. Весьма пессимистично писал мне о шансах нашего устройства в Америке также и Тиллих. Он также думает, что войны еще долго не будет, а если она начнется, то теперь большевикам парадным маршем за Рейн не перейти. В таком случае можно было бы еще укрыться и в Швейцарии, с которой у меня хорошие связи. Вот, дорогой Дмитрий Иванович, разгадка противоречия в слухах обо мне. Я, действительно, и сам охвачен противоречием. Ответил Вам сразу же, ибо был бы весьма рад, если бы между нами наладилась переписка. Читали ли Вы «Бесноватых» Ремизова?[14] Я, зная о Грудцыне только из Вашей

истории литературы, кот. прочел с большим удовольствием, был очень увлечен ремизовской транскрипцией: в ней изумительно единство филолога и поэта, истории и исповедания.

Наталья Николаевна и я шлем Вам наш самый сердечный привет.

Искренне Ваш *Федор Степун*

---

[1] Письмо машинописное.

[2] Речь идет о письме Чижевского Степуну от 30 апреля 1950 г. из США. Тоска была связана и с состоянием славистики в Америке, где профессора путали «Дантеса с Данте», а также Чижевский приводит историю, как «пришлось удалять из университета преподавателя русского языка и славянской филологии, издавшего книгу, в которой стояли такие примеры русского языка: “Я лопнул стакан! Какая жаль!”. Уйдя из университета, этот господин стал экспертом по русским делам в Вашингтоне» (*Чижевский Д.И.* Том I. Материалы к биографии (1894—1977). С. 188.

[3] *Леопольд фон Визе* (Wiese) (1876—1969) — немецкий социолог. Представитель формальной социологии, профессор в Ганновере (1908—1911), основатель (вместе с Шелером) и профессор Института социальных наук Кёльнского университета (с 1919 г.), основатель и издатель журнала по социологии и социальной психологии (1921—1954). С 1933 г. жил и работал в США, с 1945 г. — в Западной Германии. Подобно М. Веберу, трактовал человеческое общество как сумму отношений людей, существующих через посредство действия, главной задачей считал исследование отношений людей и складывающихся на их основе социальных преобразований.

[4] На самом деле статья называется «Родина, отечество, чужбина» (1955).

[5] Die Liebe des Nikolai Pereslegin. Munchen, 1951.

[6] Theater und Film. Munchen, 1953.

[7] Книги Степуна под таким заглавием не существует.

[8] Видимо, последний замысел реализовался в сокращенном варианте в книге: Mystische Weltschau. Funf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block. Munchen: Carl Hanser Verlag, 1964. S. 442.

[9] Как пишет исследователь о создании русского «Логоса»: «инициаторы создания журнала — Николай Бубнов, Сергей Гессен, Федор Степун и Борис Яковенко, а также Рихард Кронер, Георг Мелисс и Арнольд Руге были знакомы друг с другом. Они вместе учились в Гейдельберге у философа Вильгельма Виндельбанда, а затем во Фрайбурге у его коллеги и ученика Генриха Риккерта» (См. *Крамме Р.* «Творить новую культуру — “Логос”. 1910—1933» // Социологический журнал, 1995. № 1. С. 122—137).

[10] *Пауль Тиллих* (1886—1965) — выдающийся протестантский богослов, многолетний друг и корреспондент Ф. Степуна.

[11] *Борис Иванович Николаевский* (1887, Россия — 1966, Нью-Йорк) — с 1903 по 1906 большевик, затем убежденный меньшевик, приятель И.Г. Церетели. В 1918 г. был представителем меньшевистского ЦК в Поволжье и на Урале, а в 1919 — в Сибири. После возвращения в июле 1919 г. из колчаковской Сибири в Москву призывал к совместной с большевиками борьбе против Колчака. В феврале 1921 г. был арестован и после одиннадцатимесячного заключения, вместо предложенной ему ссылки в Вятку, принял предложение ГПУ о высылке, наряду с другими членами ЦК, за границу. Жил с 1922 г. в Берлине. Собирал материалы по политической истории России. Представитель Русского заграничного исторического архива (Прага) в Берлине. С декабря 1924 по 1931 г. — заграничный представитель московского института Маркса-Энгельса, собирал для него материалы по истории Интернационала, Маркса, Энгельса, Парижской коммуны и др. В феврале 1932 г.

за критику коллективизации и политики репрессий был лишен советского гражданства. После прихода в Германии к власти нацистов в 1933 г. переехал в Париж. В 1940 г. переехал в США, собрал огромный архив по русской эмиграции.

[12] Рокфеллеровские стипендии давались для научной работы за рубежом, прежде всего в США.

[13] Имеется в виду ООН.

[14] *Алексей Михайлович Ремизов* (1877, Москва —1957, Париж) — купеческий сын, великий русский писатель, внесший фольклорное начало в высокую литературу, мистификатор, создатель своей игровой «обезьяньей» мифологии. Им были составлены и изданы книги пересказов, обработок, переложений сюжетов старинных русских легенд (*Бесноватые*, 1951). «Бесноватые» основывались на мотивах русской повести XVII в. «Повесть о Савве Грудцыне». В эмиграции жил в страшной нищете. Степун не раз упоминает о нем в своих статьях.

5

8 января 55 г.

Дорогой Дмитрий Иванович,

«во первых строках моего письма», как писали солдаты, позвольте Вас от души поздравить с минувшим Рождеством Христовым и, по русскому календарю, с только еще наступающим Новым годом. Бог даст, ничего особенно злого он нам не принесет. Темных предчувствий у меня на сердце нет, но нет и радостных ожиданий. Великое и грозное стало скучным — это подлинная трагедия.

Спасибо Вам за быстрый ответ и напоминание о Шаберте. Читая в Кёльне, я попросил его навестить меня в отеле, а недавно он был у нас в Мюнхене. Нет сомнений, что он человек очень знающий, очень живой, хорошо говорящий и что вокруг него не умерла бы окончательно та жизнь и тот интерес к России, который мне удалось вызвать в Мюнхене. Недавно вспомнил и о Вашем ученике, имя которого в данную минуту не могу вспомнить (вспомнил: Dietrich Gerhardt)[1] читал его работу о Гоголе и Достоевском, но, несмотря на то, что он работал в Нюренберге, как-то не познакомился с ним. Вы, следящий за всеми людьми и за всеми работами, вероятно, знаете, что было им сделано и сможете поэтому посоветовать, надо ли и о нем подумать как о профессоре по русской культуре в Мюнхене. Буду очень рад, если Вы и на этот раз не задержите ответа. Мне хотелось бы еще в этот семестр созвать факультетский совет для обсуждения моих планов.

Меня очень поразило то, что Вы написали о Штаммлере[2]. Что он не использовал в своей докторской работе новейшей литературы, я Вам, конечно, на слово верю. Вы тут специалист. Но чтобы он на Вас где бы то ни было доносил — в этом я очень сомневаюсь. Я его очень хорошо знаю, первые годы в Мюнхене он был моим ассистентом и я считаю его человеком глубоко порядочным и со-

вершенно неспособным на какой бы то ни было донос. Я знаю, что он был очень опечален Вашей рецензией и считает ее жестокой, но от печали и до доноса все же еще «дистанция огромного размера»[3]. Будьте добры, напишите мне поподробнее, откуда у Вас сведения о доносе и в чем он состоял[4]. С тех пор, как Вы мне об этом написали, я испытываю какую-то вину перед Штаммлером, но говорить с ним мне об этом не хочется, не имея точных сведений.

От Татьяны Сергеевны Франк[5] я знаю, что Вы ведете с нею довольно оживленную переписку. Очень рад за нее, так как она только и живет, поскольку дышит тем воздухом философии, которым дышал ее муж. В этом семестре я читаю историю русской философии и надеюсь посвятить часа четыре изложению системы Семена Людвиговича. Прочел в сборнике и Вашу, как всегда исключительно осведомленную статью. Вслед за нею прочел и статьи Франка о Пушкине — в «Пути» и белградском сборнике[6]. Статьи, конечно, хорошие, но в них все же больше обстоятельности, чем новизны. Татьяна Сергеевна просит, чтобы я в Новом Журнале написал рецензию на сборник[7], что я, конечно, с удовольствием сделаю, если Карпович не поручил эту работу уже кому-нибудь другому. Видите ли Вы у Вас в библиотеке Hochland?[8] В февральской книге будет моя статья «о пролетарской революции без пролетариата»[9]. Новыми для Вас будут разве только детали, так как Вы основную мою концепцию знаете. Не знаю, высылал ли я Вам оттиск моей небольшой статьи о природе объективности социологических суждений, а также о смысле искусства. Это только наброски, которые, может быть, в будущем смогу разработать. Если не посылал — черкните, и я вышлю.

Ну, дорогой, мне надо кончать. Необходимо написать еще целый ряд писем, а я диктую уже больше двух часов.

Шлю сердечный привет от Наталии Николаевны и меня и крепко жму Вашу руку. Знаете ли Вы Метцгера? Я с ним познакомился в 23 году в семинаре у Гуссерля. По-моему, и Вы в этом семинаре участвовали. Он написал уже давно книгу о метафизике и феноменологии. Скоро выходит его книга о свободе и смерти. Ум острый и богатый, но, как мне кажется, уж очень курчавый и без гранитных пластов в глубине. Сегодня пил утром у меня чай и страшно ругал последнюю книгу Тиллиха «О мужестве к Бытию»[10]. Я все подозрительнее отношусь к философии, которая портит человеческие души.

Крепко жму Вашу руку

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Слова в скобках написаны поверх строки. *Дитрих Герхардт* (р. 1911) — профессор, ученик и друг Чижевского, инициатор его юбилейных сборников.

[2] *Андрей Штаммлер* (*Heinrich A. Stammler*) (р. 1912 —) — ученик Степуна. родился в Германии — учился в Мюнхене и Праге, профессор славистики в США, автор книги «Die russische Geschichte Volksdichtung» (1939) и многочисленных переводов русских романтиков, автор нескольких статей о Степуне.

[3] Цитата из грибоедоаского «Горя от ума».

[4] Публикатор этими сведениями не располагает.

[5] *Татьяна Сергеевна Франк* — жена С.Л. Франка. См. мою статью и мою публикацию писем Степуна С.Л. Франку и Т.С. Франк, где обсуждалась как раз проблема публикации текстов С.Л. Франка: «Русская философия в Германии: проблема восприятия (письма Степуна Франку, по архивным материалам) // Историко-философский ежегодник. 2007. М.: Наука, 2008. С. 404—423». См. также его переписку: «Письма Ф.А. Степуна С.Л. Франку и Т.С. Франк (предисловие, публикация, составление и примечания В.К. Кантора) // Историко-философский ежегодник. 2007. М.: Наука, 2008. С. 424—458».

[6] Имеются в виду статьи С.Л. Франка: 1. Религиозность Пушкина // Путь. Париж, 1933. № 40. С. 16—39; 2. Пушкин как политический мыслитель. Белгад, 1937; 3. О задачах познания Пушкина // Белградский пушкинский сборник. Белград, 1937. С. 151—180.

[7] Имеется в виду книга С.Л. Франка «Этюды о Пушкине». Мюнхен, 1957.

[8] Баварский ежегодник, основанный Карлом Мутом и издаваемый в те годы Францем Шонингом.

[9] *Stepun F.* Die proletarische Revolution ohne Proletarier // Hochland. 1954 / 55. Im Kösel-Verlag zu München. S. 209—223.

[10] См. *Тиллих П.* Мужество быть // Символ. Париж, 1992. № 28. С. 7—119.

6

28.5.55

Дорогой Дмитрий Иванович,

несколько дней тому назад мы с Натальей Николаевной вернулись из Рима. Кроме Рима, который я уже и раньше поверхностно знал (провел я в нем в свое время всего только 6 недель), я изучал литературное наследство Вячеслава Иванова: его роман и его стихи, озаглавленные «Дневник». Ольга Александровна Шор[1] показывала нам Рим и много рассказывала о последних годах поэта и ученого. Она пишет о нем большую книгу, очень интересную.

В Риме мы были в гостях у тамошнего слависта, который, по существу, вовсе не славист, а, как мне кажется, довольно глубокомысленный философ, хотя, вероятно, и мало творческий дух. Фамилию я его сейчас забыл, но Вы его, конечно, знаете. За чайным столом я сидел рядом с Вашей невесткой, которая преподает русский язык где-то в Америке, а также и с Вашей парижской невесткой. Мы много говорили о Вас, а в частности и о ее тетушке — Маршак[2], с которой я учился в Гейдельберге и которая, так же как и я, жила на поэтическом «Гремящем озере». Туда же в Рим я получил открытку от Шилкарского, в которой он сообщал мне, что Вы, кажется осенью, приезжаете в Европу и будете профессорствовать в Лейдене. Верно ли это и окончательно ли

Ваше решение? Сегодня пишу Вам по совершенно конкретному поводу. Большое венское Издательство подготовляет нечто вроде энциклопедии по вопросам литературы, понимая этот термин в расширенном виде, т. е. включая в сонм литераторов и некоторых философов, а, быть может, и историков-литераторов. Задуман и русский отдел. Кто составлял список авторов, о которых должны быть довольно большие статьи, и авторов, о которых будут только суммарные заметки, я не знаю, но составляли это бесспорно хорошо знающие русскую литературу люди. Если Вы заинтересуетесь делом ближе, то я могу прислать Вам список имен, о которых должны быть написаны статьи. Думаю, что издательство, вероятно, обращалось уже и к Вам.

Обо мне должна быть написана особая статья. И вот издательство меня спрашивает, кого я могу предложить в качестве автора такой статьи. В виду многомерности и многосторонности моих писаний, мне очень трудно найти автора, который мог бы охарактеризовать меня и как философа, и как социолога, а, если хотите, и как беллетриста, потому что и в «Письмах прапорщика», и в «Переслегине», и, главным образом, в «Воспоминаниях», которые осенью должны выйти в Чеховском Издательстве[3], очень много самой подлинной беллетристики. Сколько я ни думал, я не мог никого предложить кроме Вейдле и Вас. Но Вейдле работает сейчас, как раб, на русско-американском радио и ничего писать не может. Остаетесь таким образом только Вы, который меня, в конце концов, хорошо знает. А потому и спрашиваю Вас, могу ли я издательству предложить Вас как автора. Был бы Вам очень благодарен, если бы Вы могли согласиться. Я мог бы, конечно, попросить написать немцев или таких пол-русских[4] писателей, как Отто фон Таубе, но мне очень не хотелось бы предлагать их, потому что для меня важно включение меня в русскую философию и русскую литературу. Как-то недавно я случайно пересмотрел свою книжечку «Жизнь и творчество» и убедился в том, что я за много лет до выхода «Философии творчества» Бердяева, высказал целый ряд высказанных и им впоследствии мыслей. В «Хохланде» я напечатал уже после войны целый ряд статей по социологии русской революции, в которых углубил, как мне кажется, мои мысли, развитые впервые в «Современных записках» и вошедшие впоследствии в мою немецкую книгу «Лик России и личина революции»[5]. «Переслегин», понятый как философия любви, очень многими нитями связан, конечно, с соловьевской эротологией, от которой я, в лице моего героя, все же в эпилоге открещиваюсь. О моих статьях о Белом, Иванове, Бунине — немцы ничего сказать не могут, так как они этих авторов не знают. Но мне, в конце концов,

не надо ничего говорить Вам о себе и моей укорененности в том, что в последнее время стали называть «серебряным веком русской литературы». Вы сами все это и без меня знаете. Буду очень рад, если Вы не задержите ответа, так как издательство торопит меня. Сам я, вероятно, буду писать о Бердяеве, Белом и Бунине.

Наталья Николаевна и я шлем Вам сердечный привет и с радостью ждем к нам в Европу.

Искренне Ваш *Федор Степун*

---

[1] *Ольга Александровна Шор* (1894—1978) — ближайшего друг и «совопросник» Вяч. Иванова в римский период.

[2] Девичья фамилии жены Чижевского.

[3] См. об этом издании мою публикацию: Как издают шедевры. О публикации русского варианта мемуаров Ф. Степуна «Бывшее и несбывшееся». Письма Федора Степуна в издательство им. Чехова / Вступительная статья, публикация и комментарии В. Кантора // Вопросы литературы. 2006. № 3. С. 278—319.

[4] Так слово написано у автора.

[5] Речь идет о книге «Das Anlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Berlin; Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934».

7

23.7.55

Дорогой Дмитрий Иванович,

большое спасибо за Ваше письмо от 3-го июня, исполненное все того же мрачного пессимизма по отношению к американской культуре и в частности к университетской науке. Жалею, что слухи о Вашем переезде в Лейден — преждевременны, ибо думаю, что при Вашем отношении к Вашей американской профессуре Вам всякое европейское место было бы более по сердцу. Да и к нам Вы были бы ближе. Особенно рад, что получение «умеренной» стипендии даст Вам возможность побывать в Европе. Надеюсь, что Вы будете в Мюнхене, так что нам с Вами доведется по-настоящему увидаться. Хорошо было бы, если б Вы приехали на рождественские каникулы. Я был бы свободнее, и мы могли бы по душам поговорить. Только что с удовольствием, как всегда, прочел Вашу рецензию на две книги о Гоголе. Что касается книги Сечкарева, то общий похвальный отзыв несколько снимается разбором деталей, в чем я Вам вполне сочувствую. Я не так давно был в Гамбурге, куда по приглашению университета езжу читать почти что каждый год. Обедал я, конечно, у Сечкарева, который очаровательно приветлив и по-русскому радушен. Но, по-моему, он все же духовно как-то сплющен формализмом Шкловского[1]. Для него искусство начинается там, где кончается эпоха, нация и, как он мне сказал, даже язык. Он эту мысль развил в небольшой

брошюрке, которую я только что прочел. Читая, вспоминал Гоголя: «Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать»[2]. В его кабинете стоит бюст Вольтера, которого он любит много больше Достоевского, ему, впрочем, чуждого. У Брауна есть аналогичные «загибы». Он недавно читал здесь лекцию об Аввакуме, центральной мыслью которой была жалость, что в России было много жалости, но мало гуманизма. Но в анализе Аввакума, как мне кажется, было много нового и интересного. Кажется, эта лекция уже появилась в первой книге «Нового журнала» Кошмидера.

Большое Вам спасибо, что Вы охотно согласились написать обо мне. По этому вопросу я не писал Вам, так как ждал ответа Венского Издательства о возможном размере статьи. Недавно получил уже третье письмо от редакции с указанием того, что она все еще ведет переговоры с издательством Гердера об увеличении количества страниц для русского отдела. Я просил редактора Круа, чтобы он сам написал Вам, сообщил бы, что извещен мною о том, что Вы напишете обо мне, написал бы, какое количество строк может быть Вам предоставлено и к какому сроку статья должна быть в редакции. Очень надеюсь, что это письмо Вами уже получено и что дело наладится. Повторяю, кроме Вас из русских обо мне никто написать не может. Передавать же статью в немецкие руки мне бы не хотелось, так как все-таки немецкий автор не мог бы ощутить всей той атмосферы «серебряного века», из которой я вырос, а кроме того, ни мои статьи в Современных записках и Новом граде, ни «Жизнь и творчество» не переведены на немецкий язык.

Ну, кончаю. Наташа и я шлем Вам самый сердечный привет и радуемся свиданию.

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Очевидно речь идет о советском писателе и литературоведе *Викторе Борисовиче Шкловском* (1893—1984), лидере формалистического движения «Опояз».
[2] Фраза из «Ревизора».

8

Дорогой Димитрий Иванович,

к сожалению был принужден послать Вам телеграмму, что мы на Троицу уезжаем отдохнуть за город. Погода помешала выполнению этого желания, но ежедневно возникавшие надежды помешали отмене телеграммы.

Когда же Вы все-таки думаете попасть в Мюнхен? Очень нужно было бы знать это не в последнюю минуту, дабы освободить для Вас нужное время. Я уже писал Вам, что 15 июня я читаю в

Бонне, где пробуду, вероятно, еще и субботу, а 29 в Констанце, откуда приезжаю к Вам в Гейдельберг, из которого выеду только во вторник утром, рано, так как в половине шестого читаю в Университете. Для меня было бы приятно, если бы Вы приехали в июле, так как весь июль я в Мюнхене. 24-го — последняя лекция. По окончании семестра можно было бы, конечно, повидаться с облегченной душой. Может быть, и Вы к тому времени окончите всякие разъезды. Но, конечно, все эти соображения для Вас ни в какой мере и степени не обязательны. Исходите из своего расписания и сообщите, повторяю, не в последнюю минуту, когда собираетесь к нам.

Что касается моей статьи для Вас, то сделаем так: недели через две, а может быть, и раньше я Вам пришлю моего Соловьева. Если он не понравится, то я уже в конце семестра засяду за Белого, которого, думается, безусловно смогу закончить к нужному сроку. Я сам предпочел бы напечатать у Вас о Белом, но должен еще спросить моего издателя Ганзера, согласен ли он, чтобы эта статья, которая должна войти в мой сборник, была бы напечатана до его выхода отдельной брошюрой. Конечно, он будет только рад, если бы брошюра вышла не на немецком, а на французском или английском языке.

Очень жду сведений о том, останетесь ли Вы в Гейдельберге.

Было бы очень приятно хотя бы изредка встречаться с Вами.

Мои «Воспоминания» под измененным заглавием «Бывшее и Несбывшееся» вышли по-русски[1].

Был бы очень рад, если бы Вы смогли написать на них рецензию. В Новом Журнале пишет Карпович, но Гуль[2] сообщает, что они могли бы дать и не один отзыв. Думаю, что для Вас нашлось бы всегда место. В них все же много философии, беллетристики и лирики. До сих пор же о них писали исключительно политики, для которых вся эта сторона не представлялась особенно важной.

Наталья Николаевна и я шлем Вам сердечный привет и крепкую надежду, что Ваши лета не помешают Вашему назначению на гейдельбергскую кафедру.

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Бывшее и несбывшееся. New-York: Изд-во им. Чехова, 1956.

[2] *Роман Борисович Гуль* (1896—1986) — русский писатель, эмигрант, публицист, критик, мемуарист, общественный деятель. Первопоходник, участник Белого движения. Участвовал в Ледяном походе генерала Корнилова. Эмигрировал вначале в Европу, потом в США, с 1966 г. главный редактор «Нового журнала».

9

Мюнхен, 14 декабря 1956 г.

Дорогой Дмитирий Иванович!

Уже очень давно о Вас ничего не слышал и письма не имел. В последней открытке Вы писали, что в октябре собираетесь в Мюнхен. Я, правда, в октябре, как и в ноябре, много разъезжал, много читал лекций, но все же думаю, что если бы Вы собрались в это время в Мюнхен, то написали бы мне открытку. Сейчас у Вас семестровая горячка, и Вы вряд ли соберетесь к нам. Все же хочу Вас спросить, не могли бы Вы приехать в Мюнхен и прочесть здесь на русском языке в Библиотеке в приятном помещении в 10 комнат и с небольшой залой, где могут собраться человек 100 здешней духовной элиты. Как-никак здесь сейчас Вейдле, Ржевские, Газданов и еще целый ряд интересных слушателей. Мне это особенно хочется и по особой причине. По целому ряду причин в Мюнхенской колонии создалось какое-то ненужное напряженно-враждебное отношение между украинцами и русскими. Библиотека, принципиально аполитичный Институт, которой я сочувствую и помогаю, старается, поскольку возможно, преодолеть темные стороны этого враждования. Было бы очень хорошо, если бы Вы, как украинец, приехали бы по приглашению Библиотеки и прочли в ней на русском языке доклад о Гоголе. Дорога Вам будет, конечно, оплачена. Думаю, что может быть будет уплачен и небольшой гонорар. Мы сейчас праздновали День Русской Культуры, на который из Парижа выписывался Зайцев с женой. Я был очень рад с ним повидаться, так как давно не видел его и так как в старости становятся особенно милы тени прошлого.

Вполне согласен с Вами, что начинать Вашу серию со статьи, которая уже предназначена к печатанию, было бы неправильно. Если Вам удастся пристроить Соловьева на французском и английском языке — буду рад. Пока же прошу выслать мне назад рукопись, так как я обещал переслать ее Шилкарскому. Боюсь, как бы он не обиделся, если я этого не сделаю. Да мне и интересно услышать его возражения.

Как живете? Как довольны Германией и Гейдельбергом? Наташа и я шлем Вам сердечный привет и наилучшие поздравления к празднику.

Ваш *Федор Степун*

10

Мюнхен, 2 сентября 1957 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Должен признаться, что я до сих пор еще не исполнил Вашей просьбы, перепечатать фототипическим способом первый том Вячеслава Иванова. Только на днях я вспомнил об этом и поручил моей секретарше узнать, где это лучше всего сделать. Она служит в каком-то учреждении, где все это хорошо знают и где, может быть, можно будет получить даже скидку.

Дабы не было недоразумения, хочу на всякий случай еще раз спросить Вас, желаете ли Вы иметь только первую часть, т. е. первые 70 страниц Мусагетского тома, озаглавленного «Горящее сердце».

Через два с половиной часа уходит наш поезд, и потому писать больше ничего не могу, так как накопилось громадное количество неотвеченных писем.

Если будут какие-нибудь уточнения с фототипическим (может быть, это и неверный термин) воспроизведением первой части Ивановского тома, то напишите срочно, чтобы я мог снестись с моей секретаршей, которая все оборудует. Она живет в нашей квартире, и я с ней связан телефоном.

Всего Вам хорошего. Был очень рад встрече с Вами. Надеюсь, что Ваш институт получил книги. Я пока заплачу из своих, так как, вероятно, семинар не сразу уплатит.

Наташа и я шлем Вам наш сердечный привет.

Ваш *Ф. Степун*

P. S.[1] Напишите, какой Вам желателен размер: размер подлинника или уменьшенный.

---

[1] Постскриптум написан от руки.

11

Мюнхен, 17 октября 1957 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Я бесконечно виноват перед Вами. В деревне получил Вашу открытку, записал в адресную книжку Ваш адрес, но ответить Вам не ответил. Причина в том, что окончательно разучился писать своей рукой. Что пишу, то иной раз и сам разобрать не могу. Решил отложить до машинки, и вот, вернувшись в Мюнхен и успев уже съездить в Ренландию, где прочел пять лекций, сообщаю Вам: что я послезавтра уезжаю опять на три лекции в ту же Ренландию (в Гагене —

неделя, посвященная исключительно вопросам России). Организовано в общем хорошо. Читают все серьезные люди. Не нравится мне только славист Нейман из Майнца, которого я, правда, как ученого не знаю, но есть в нем — несколько раз встречался с ним — нечто не симпатичное. Вернувшись, буду дома до 26 ноября. В конце ноября читаю в Гамбурге и Ганновере. Если приедете, застанете меня.

Деньги за купленные Вами книги со скидкою пять марок здесь получены. Получил и Ваши очаровательные книжечки: Чертей и святого Николая. Читал и смотрел их в деревенской тишине, в полное свое удовольствие.

Были ли Вы за это время в Мюнхене или нет?

Наталия Николаевна и я шлем Вам самый сердечный привет.

Ваш *Федор Степун*

12

Мюнхен, 2 февраля 1958 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Простите, что до сих пор не выслал Вам стихотворения Пастернака. Но дело в том, что все мюнхенские русские машинистки перегружены работой в русско-американском институте и на радиостанциях, к тому же грипп. Сегодня я передаю моей русской секретарше стихотворения Пастернака и надеюсь, что еще на этой неделе вышлю их Вам.

Недавно была у меня студентка, которая пишет довольно трудную работу об образах староверцев в русской литературе. Девушка исключительно серьезная, много прочитавшая и продумавшая, знает китайский и японский языки, вообще страстная востоковедка. Тема у нее разрослась страшно, так как от нее как будто требуется не только исследование староверческих образов в русской литературе, но и упоминания всяческих писательских размышлений, хотя бы кратких намеков на проблемы старовечества в русском художественном творчестве. Мне кажется, что такое расширение работы лишит ее целостности и значительности.

Хотя всякий студент, сдающий докторский, расписывается в том, что он работал без всякой чужой помощи, я не считаю грехом оказать дельному человеку библиографическую помощь. Так как Вы знаете русскую литературу XIX века (я посоветовал ограничиться только одним веком), то и хочу Вас спросить, у кого из русских писателей даны живые и существенные портреты представителей старой веры. Студентка разработала пока что в деталях Мельникова-Печерского, Лескова, Мамина-Сибиряка, а также и Короленко, которого я слабо знаю и у которого староверов не помню, а также

и первый том «Чураева» Гребенщикова, хотя это уже в сущности XX век. Если Вы могли бы указать на какого-нибудь другого автора или вернее на каких-либо других авторов, которыми надо было бы заняться, не откажите мне сообщить, был бы очень благодарен.

Недавно у нас была жена Николай Николаевича Бубнова[1]. Мы узнали, что состояние Николай Николаевича довольно тяжелое. Он, очевидно, не оправился от воспаления легких, очень апатичен, слаб и мало чем заинтересован. Жена его, ни в чем не обвиняя Вас, все-таки жаловалась, что Вы не заглянете к ним и не утешите ее мужа. По ее словам, он принимал горячее участие в Вашем назначении профессором Гайдельбергского университета. Мне кажется, было бы хорошо, если бы Вы как-нибудь заглянули к нему.

Кроме Бубновой были у нас и Кюн с женой. Очень оживлены, очень горячи и горячо живущие культурными интересами и даже вкусами к современности: в вопросах искусства, архитектуры и музыки он гораздо современнее меня. Политически он в отчаянии от создавшегося положения. Но выхода из него не видит.

Удачны ли оказались Ваши мюнхенские закупки? Кончаю. Поздно. Наталия Николаевна и я шлем Вам наш сердечный привет.

Ваш *Федор Степун*

---

[1] *Николай Николаевич Бубнов* (*нем.* *Nicolai von Bubnoff*) (1880—1962) — русский философ. Славист. Жил и работал в Германии. Со Степуном стоял у основания журнала «Логос».

13

Мюнхен, 13 июня 1959 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Уже давно, конечно, прочел Вашу «Святую Русь»[1]. Узнал много мне неизвестного. Уточнил свои знания в областях, которыми сам ближе не занимался. Очень заинтересовало меня сближение жидовствующих и хусситов. Читая, радовался тому, что в целом ряде вопросов мы с Вами вполне согласны: в оценке татарского ига, в понимании Иосифа Володского[2] и т. д. Если есть в Вашей, как всегда научно-питательной, книге какой-либо недостаток, то он заключается, как мне кажется, в том, что отдельные главки построены на разных масштабах. Некоторые выписаны очень тщательно, другие «поданы», как пишут советские авторы, гораздо более суммарно. Наиболее тщательно выписаны главки биографически-исторические, в наиболее общих чертах те, что касаются историософских проблем.

Я несколько раз вдумчиво читал 70-ю страницу, но до конца в ней все-таки не разобрался. То, что Вы, как и Флоровский, называете загадкой[3], Федотов, как и Шпет, объясняет отсутствием в России

античного наследства, что он связывает с отсутствием латинского языка[4]. Эта тема Вами не затронута. Я в своей книжке придаю ей большое значение. Полувозражения Флоровского в начале его «Путей»[5], по-моему, не очень убедительны. Убеждения, что мир во зле лежит, впервые появившиеся в XII веке[6], проходят ведь красной нитью через все дальнейшее развитие России, вплоть до «Крушения кумиров» Франка[7]. Не знаю, хватит ли у Вас время написать мне об этом, так как ответы требуют гораздо больше времени, чем постановка вопросов, но при свидании хотел бы поговорить более подробно.

В дальнейшем развитии этой темы Вы пишете, что для разрешения этого кризиса культуры Россия обращается к какому-то иностранному врачу, но кто этот врач, из текста не ясно. В результате этих поисков внероссийской помощи появляется представление святой Руси. Я опять-таки недоумеваю, как это случилось, что искание помощи вне России привело в XV веке к теории Святой Руси. В дальнейшем эта святая Русь определяется не как идеал, но как нечто соответствующее тогдашней действительности. Но разве святая Русь была когда-либо действительностью? Но если бы она ею была, то она вряд ли была бы подушкою для духа.

Я уверен, что у Вас на все это есть свои ответы, но написана вся эта страница с такою большой передачей (думаю о велосипеде), что Ваше понимание остается даже для меня неясным. Уяснить же мне это очень хотелось бы, чтобы избежать в моем собственном мышлении каких-либо ошибок или каких-либо интуиций, не оправдываемых фактами. Я же в первой главе моей книги определенно требую такого оправдания: сначала-де правильность, лишь потом интуитивно добываемая правда.

Теперь следующие две просьбы к Вам. Ганноверское радио под редакцией Менерта готовит десять двухчасовых передач о России. Я готовлю тему «Влияние Германии на русскую культуру». На общем собрании было решено, что авторский текст должен прерываться большими цитатами из русских писателей, которые свидетельствовали о немецком влиянии или о борьбе против него. У меня довольно много материала в памяти и лекциях, но такого пребывания материала недостаточно — нужны тексты. Читая лекцию на ту же тему, я между прочим пользовался томом «Литературного наследства», выпущенным к юбилею Гёте. У нас в семинаре этого тома не оказалось, заказывать его в библиотеке, не зная какой это том, затруднительно. Был бы Вам очень благодарен, если бы Вы могли мне сообщить, какой том посвящен Гёте. Самое лучшее было бы, если бы Вы могли на месяц мне его прислать.

Затем у меня в тех же лекциях много цитат из Блока о его путешествии в Германию, где он говорит о сродстве немецкого и

русского духа и объясняет малое влияние Пушкина его французской ориентацией. Пишет он и о том, что он в Германии мог бы занимать любое малое место, чувствуя себя «на посту». Есть очень интересные мною процитированные места и у Белого, о влиянии немецкой культуры на русский дух. Цитаты в курсе есть, а откуда они, не указано. Был бы очень благодарен, если бы Вы могли мне помочь и указать со своей стороны, что можно было бы вставить в мой текст более или менее удобное для чтения актерам.

Наталия Николаевна у меня немножко расхворалась. 33 мы уезжаем на месяц в санаторию в Виззее. Шлю Вам наши наилучшие пожелания.

Искренне Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Речь идет о книге Чижевского: Das heilige Russland. Russische Geistgeschichte I. 10—17. Jahrhundert. Hamburg: Rowohlts deutsche Enzyklopädie. 1959. 176 S.

[2] Имеется в виду *Иосиф Волоцкий* (1440—1515) почитается Русской Церковью в лике преподобных. Обличитель ереси жидовствующих, автор книги «Просветитель» и ряда посланий, в которых он, дискутируя с другим подвижником — Нилом Сорским, доказывал законность монастырского землевладения, отстаивал необходимость украшать храмы красивыми росписями, богатыми иконостасами и образами.

[3] Флоровский писал: «В истории русской мысли много загадочного и непонятного. И прежде всего, — что означает это вековое, слишком долгое и затяжное русское молчание?.. Как объяснить это позднее и запоздалое пробуждение русской мысли?..» (*Флоровский Г.В.* Пути Русского Богословия. Вильнюс: Литовская Православная Епархия, 1991. С. 1.

[4] У Степуна явная аберрация. Шпет говорил не о латыни. По словам Шпета, «нас крестили по-гречески, но язык нам дали болгарский. Что мог принести с собой язык народа, лишенного культурных традиций, литературы, истории? Солунские братья сыграли для России фатальную роль... И что могло бы быть, если бы, как Запад на латинском, мы усвоили христианство на греческом языке?» (*Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. М.: РОССПЭН, 2008. С. 55). Иными словами, Шпет полагал, что Древняя Русь могла прикоснуться к самому первоисточнику Античности, у которого учился позже латинский Рим.

[5] Флоровский вроде бы принимает посыл Шпета и Федотова о недостатке классического образования в Древней Руси как негативный момент, но находит, говоря словом Степуна «полувозражения»: «О том, что “отсутствие классического наследия” есть одна из главных черт различия между русской и “европейской” культурами, говорили уже давно. <...> Однако и здесь не годится упрощать. То верно, что в древнем Киеве не знали ни Гомера, ни Виргилия. Но ни откуда не видно, что этому помешал именно славянский язык богослужения. <...> Это было становление и образование самого “славянского” языка, его внутренняя христианизация и воцерковление, преображение самой стихии славянской мысли и слова, славянского “логоса”, самой души народа. “Славянский” язык и сложился и окреп именно в христианской школе и под сильным влиянием греческого церковного языка, и это был не только словесный процесс, но именно сложение мысли» (*Флоровский Г.В.* Пути Русского Богословия. С 5—6).

[6] Тоже не очень понятная оговорка Степуна. Впервые это выражение появляется еще в Евангелии в Первом соборном послании Иоанна Богослова: «Мы знаем, что мы от Бога, и что весь мир во зле лежит» (1 Ин. 5,19).

[7] Книжка «Крушение кумиров», вышла в 1924 г. и возникла на основе лекций, читавшихся С.Л. Франком для эмигрантской молодежи в 1923 г.

14

Мюнхен, 26 июля 1959 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

На мои два письма от Вас не было никакого отклика. Правда, они такого отклика и не требовали, так как я только сообщал Вам, где мы проводим наши летние каникулы. Про себя же я думал, зачем Вам ехать в отдаленные места, когда у Вас поблизости от Гайдельберга наверное есть много прекрасных пансионов с живописными видами и необходимой тишиной.

Пишу Вам сейчас потому, что вчера узнал от Мелицы Киселевой, которая проездом на Венский фестиваль была у нас (произвела очень милое впечатление), что здесь в Мюнхене был отец Георгий Флоровский, который потом целую неделю жил у Вас. Приезжал будто бы на ту же, какую-то таинственную конференцию и Зандер. Мне очень жаль, что я об этом ничего не знал. Вы знаете, что мне очень хотелось бы познакомиться с отцом Георгием. Правда, я три недели был не в Мюнхене, а в санатории в Виззее, но это недалеко. Если бы я знал о приезде Флоровского, я бы мог всегда приехать повидаться. Куда же собираетесь отдыхать?

Сердечный привет от Наталии Николаевны и меня. Она в санатории поправилась, но все-таки мы должны жить более осторожно, чем раньше.

Ваш *Федор Степун*

15

Мюнхен, 21 ноября 1959 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Спасибо за Ваше милое письмо. Было очень приятно, что оно началось с описания природных красот и что к нему был приложен лист.

Ваше письмо пришло как раз в то время, когда я собирался написать Вам и попросить у Вас прощения за мои резкие слова в ответ на Ваше суждение о «Записках охотника». Я сам их не заметил и не запомнил, но Наталия Николаевна напомнила мне о них.

Мое волнение было вызвано не только Вашим[и], как мне кажется, очень несправедливыми [нападками] на «Записки охотника» и романы Тургенева, но и тем, что всюду кругом, со всех сторон слышатся такие нападки. Идет какой-то погром все же больших ценностей. Незадолго до Вашего посещения я прочел в статье Чеботаревской слова все же очень культурного и тонкого Набокова о том, что писания Бальзака, Томаса Манна и Горько-

го — все это нелепая штукатурка, которую пора разбить молотком (цитирую наизусть). За несколько дней до Вас я спорил с убежденным представителем абстрактного искусства, который чуть ли не под Маяковского считал необходимым «расстрелять» все искусство Возрождения. Что касается Тургенева, то я с Вами все же согласиться не могу. Я говорил уже в тот вечер, что считаю его подлинным певцом любви и печали, который в этом отношении дал больше, чем Достоевский и Толстой. У Достоевского во всех романах приливы жалости и муки страсти, но нет ни одного образа целостной благодатной любви. У Толстого такие образы есть, но все же он обругал Соню пустоцветом, потому что она не родила ребенка, лишил чудесную Наташу голоса и как-то назидательно заставил ее показывать мне детские пеленки сомнительной чистоты. В конце концов такой мастер романа, как Флобер, не только положительно, но определенно восторженно отзывался о его творчестве и Фонтане учился прежде всего писать у Тургенева.

Теперь несколько слов о беспредметном и абстрактном искусстве. Вы совершенно правы, что большинство из них не только начинали как импрессионисты, но и очень долго писали как импрессионисты. И тем не менее почти все отошли от импрессионизма и причалили к беспредметности. Вот это «почти все» и наводит меня на мысль, что эти переходы были продиктованы им не муками и борениями личного развития, а невольным подчинением социальному заказу. Еще лет 8 тому назад на мюнхенских выставках было не больше 20 % абстрактников. А сегодня их — 80 %. Причем частично вы встречаете среди нынешних абстрактников людей, которые уже вполне определенными мастерами[1] выставляли натуралистические и импрессионистические картины. Я ни минуты не сомневаюсь, что среди беспредметников много настоящих художников, но я не сомневаюсь и в том, что среди них большинство приспособленцев. В искусстве больших беспредметников очень много трагической правды. Их правда та же, что и правда войны, т. е. правда о той лжи, муке и изломанности, которыми полна наша жизнь. Пока человечество живет тою жизнью, которою оно живет, утопично отрицать войну, и пока человечество живет тою жизнью, которою оно живет, невозможно требовать иного искусства, чем то, которое сейчас творится самыми талантливым людьми. Когда-то в Вене баронесса Рапоппорт, находившаяся в очень близких отношениях с Бекманном, с увлечением показывала мне написанный им ее портрет. Он был блестяще написан, но ее и внутренний и внешний облик был явно искажен. Хваля мастерство, я спросил ее, послала ли бы она фотографию этого портрета молодому человеку, объявившему в газете, что он ищет подругу жизни.

Она расхохоталась, сказала: «Господь с Вами! Разве такую, как на портрете, меня кто-нибудь сможет полюбить?» В этом ответе громадная проблема современного искусства. И ее, конечно, нельзя рассеять указанием на то, что портрет не фотография и что нельзя от художника требовать воспроизведения действительности. Я, конечно, этого и не требую, хотя бы уже потому, что мое требование было бы неисполнимо. Вы, конечно, не назовете ни одного большого художника-портретиста, который просто бы воспроизводил «натуру», тем не менее они создавали женские образы, в которые можно было бы влюбиться.

К Полякову я отношусь отнюдь не отрицательно, его формы кажутся мне и случайными и назойливыми, но в его красочной гармонии есть тишина и успокоение.

Ну, кончаю.

Наталия Николаевна и я шлем Вам самый сердечный привет.

Федор Степун

---

[1] Последние четыре слова вписаны от руки поверх строчки.

16

Мюнхен, 7 июля 1960 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Простите, что до сих пор не поблагодарил Вас за Ваше любезное письмо от 14 мая. Дело в том, что мы с Наташей уехали в санаторий, где не было русской машинки и куда приходило много писем, что и привело меня к решению не отвечать до возврата в Мюнхен.

Рад, что мне удалось достать для Вас билеты в театр и прошу и в будущем в этом отношении пользоваться мною. Между прочим произошло некоторое недоразумение. Вы пишете, что не понимаете, почему ругали «Одержимых». Но ругали не «Одержимых», которых, наоборот, хвалили, а «Живой труп» Толстого. Согласен с Вами, что Ставрогин, хотя по внешности не имеет ничего общего с красавцем Ставрогиным Достоевского, но все же хорош. По внешности изумительным Ставрогиным был Качалов.

Кстати, о Вашем указании в прениях, что русские крестьяне в XV веке не были кочевниками, как утверждает Бунаков. Я просмотрел Гитермана и установил, что он тоже не считает их кочевниками, потому что они жили не только охотой и рыболовством, но и обработкой земли. То же утверждает и Бунаков. Расхождение очевидно в понимании термина «кочевник». Будьте другом и назовите какое-нибудь новейшее исследование по этому вопросу, дабы я мог внести нужное исправление во второе издание моих

воспоминаний. Оно выходит по-немецки в сокращенном виде. Но, кажется, не в испорченном образе.

Сейчас мне звонил Струве, который был на Международном конгрессе о Толстом. Там ждали Вашего приезда, так как в программе находился Ваш доклад, и были удивлены, что Вы не приехали. В чем дело?

Сердечный привет от Наталии Николаевны и меня.

Ваш *Федор Степун*

17

Мюнхен, 6.11.1961 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Вы куда-то пропали! Я писал Вам сначала по поводу Вашей статьи о Чехове, потом прислал биографию Ржевского и список его работ, сообщил о смерти Наталии Николаевны, но Вы как-то ни на что не ответили. Узнал накануне Вашего чтения в Тутциге о том, что Вы будете там читать. Дочка Гадамара сообщила мне, что Вы 10-го какого-то месяца (не вспомню сейчас) будете снова в Мюнхене и собираетесь позвонить и зайти. Я держал телефон открытым, но звонка не последовало. Был у меня Кюн, спрашивал у меня, буду ли я читать в Гайдельберге, на что я ответил, что Вы об этом подумывали, но от Вас опять-таки ничего не имею. С тех пор, как Вы читали в Тутцинге, я уезжал дней на 10 к сестре в Женеву, а потом ездил читать лекции в Рейнландию. 15-го и 16-го буду во Франкфурте и Ашафенбурге. Откликнитесь при случае. Положение Ржевского в Швеции, кажется, улучшилось, но мне все-таки было бы очень приятно, если бы этот исключительно талантливый писатель и все же и интересный ученый попал бы в Германию. Недели две тому назад вышла у Ганзера моя брошюра о Толстом и Достоевском[1], пересылаю Вам ее.

Сердечный привет.

Ваш *Федор Степун*

[1] Dostoewskij und Tolstoj: Christentum und soziale Revolution. Munchen, 1961.

18

Мюнхен, 9 августа 1962 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Второго августа я выехал в санаторию Шварцвальдскую к Кронеру, где мы с ним в углубленных беседах провели четыре дня. Он всегда защищает Америку, приютившую их, но сердце его лежит

больше к Германии. Не столько к людям, как к природе. А дни были в Шварцвальде прекрасные: не очень жаркие, душистые и светлые. Получил я, между прочим, от Кюна почти что восторженный отклик на мой доклад о Толстом. Самому судить трудно. Знаю только, что когда я говорил, во мне жило все то, чем я мучился и восторгался, когда заново изучал мыслителя и писателя Толстого. Было и много воспоминаний. Отец Наталии Николаевны бывал несколько раз в Ясной Поляне. Там же бывал и Волжский-Глинка, с которым я познакомился в Нижнем Новгороде. Цитируя его, я почти что обонял Волгу. Затем лекция в Париже, где я заболел и, приехав в Мюнхен, почувствовал себя совсем плохо. Моя болезнь мучила Наташу, а в меня на несколько дней под влиянием каких-то слишком сильных средств вошла чуждая мне толстовская смерть. С чего это я вдруг растрогался и расписался?

Непосредственный повод письма была просьба выслать мне на несколько дней «Пепел» Белого. Буду очень благодарен.

Сердечный привет

Ваш *Федор Степун*

19

6.6.63 г.

Дорогой Дмитрий Иванович,

Получил «Русских поэтов». Совершенно замечательная книга, в которой оказались для меня несколько неожиданностей. Первая: — это пушкинские лошади, которые во многом упредили современное искусство: обе без линии живота, одна и без головы, все-таки обе полны анатомической точности и подлинной жизни. Второе — это автопортрет Толстого; эти две черные точки — глаз и ус — дают что-то очень точное в нем. И, наконец, автопортрет Дельвига. Тут самый штрих, очевидно не карандаша, а угля, очень индивидуален и, я думаю, мало характерен для эпохи. Приятна какою-то душевностью и тишиной и деревня Лермонтова, чего нет в более совершенном, но конвенсиональном, кавказском пейзаже.

Татьяна Сергеевна[1] была осчастливлена Вашей готовностью издать «Предмет знания». Она все спрашивала меня: окончательно ли это решение. На всякий случай[2] я сказал, что Вами решено окончательно, но что Вы все-таки зависите от людей, с которыми Вы до сих пор не считались, но как знать — не придется ли посчитаться?

Сговорилась она и с нашим издательством Зарубежных Писателей о выходе одной из книг Франка. Но цена у Андреева-Хомякова выходит, хотя и много низшая, чем в НТС, но все же ей, быть мо-

жет, и непосильная. Я подал ей мысль, может быть, фотографировать книгу. Она просила меня запросить Вас, насколько это дешевле и, если возможно, прислать какую-нибудь сфотографированную брошюру, или даже страницу, чтобы она могла посмотреть, как оно выглядит. Буд[у] очень благодарен, если Вы исполните ее просьбу.

Прочел первый том «Москвы» и нахожу, что в них уже начинается разложение языка, которого в «Котике Летаеве» еще нет.

Переписку получил от Трубецкой. Заплатил на 75 марок дешевле, чем запросил другой парижский антиквар, т. е. 375 марок.

От Зальцбурга я хочу, кажется, отказаться. Белый очень труден, я подвигаюсь медленно. Где мне достать «Луг зеленый»? Может быть, можно было бы его сфотографировать.

Сердечный привет и спасибо за Вашу помощь в работе

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Жена С.Л. Франка.

[2] Подчеркнуто зелеными чернилами, такими же, как и подпись Степуна.

20

без даты

Дорогой Дмитрий Иванович, с издательством моей книги[1] я по доброй воле попал в несколько затруднительное положение: четыре портрета уже в типографии. Блока и вступительную статью я должен, дабы не было перерыва в наборе, сдать к 1-му ноября — это удастся, но что меня затрудняет — это библиография. В одном из Ваших писем *от первого августа*[2] Вы писали, что Вы (вернее, Ваш институт) могли бы прислать мне библиографию Белого[3]. Сейчас просмотрел Ваше письмо и увидел, что речь идет только о романах Белого. Мне, конечно, <u>полной</u> библиографии не надо. Хотелось бы назвать только главные работы. При Вашей институтской библиотеке и библиотеке, размещенной на полках в Вашем жилье, это, я уверен, сделать не трудно. Я живу при закрытом телефоне и отставленном дверном звонке — собрать данные времени и места перечитать их к моей книге я не могу. Выйти совсем без библиографии невозможно. Моя <u>нижайшая</u> просьба, в которой Вы, надеюсь, мне не откажете, заключается в том, чтобы Ваш институт прислал бы мне все пять библиографий: Соловьев, Бердяев, Иванов, Белый и Блок. Главное, я совсем не знаю американской и английской литературы. Для немцев же английская и <u>французская</u> наиболее важна. Небольшую немецкую сами знают, а широкая публика по-русски не читает. Может быть, Вы можете заказать нужную мне библиографию какому-нибудь из Ва-

ших второстепенных сотрудников. Я, конечно, напечатаю не как свою, а как институтскую, готов заплатить любой гонорар — пожалуйста, не откажите! С большим интересом прочел Вашу статью, она возбудила во мне несколько существенных вопросов, об этом поговорим при личном свидании.

Татьяна Сергеевна несколько обеспокоена отсутствием ответа на ее письмо. Она 29.10 покидает Мюнхен, ей очень не хочется уезжать без того, чтобы окончательно знать судьбу «Предмета знания». Шлю Вам самый сердечный привет, к которому присоединяется и Татьяна Сергеевна.

Искренне Ваш *Ф. Степун*[4]

---

[1] Речь идет о книге Степуна: Mystische Weltschau. Funf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block. München: Carl Hanser Verlag, 1964. S. 442. По дате издания можно предположить, что письмо написано осенью 1963 г.

[2] Слова, выделенные курсивом, написаны ручкой над строкой.

[3] Со следующего слова «сейчас» и до слова «невозможно» — вставка чернилами над шапкой письма.

[4] Слова подписи — черными чернилами.

21

Мюнхен, 21 мая 1964 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Прежде всего хочу еще раз от души поблагодарить Вас за Вашу речь к моему 80-летию. Прочтя ее в русском оригинале в «Новом журнале»[1], я еще глубже оценил все ее достоинства и особенности.

Простите, ради Бога, что совершенно забыл о данном Вам обещании переписать последние страницы второго тома с перечислением изобретенных Бенедиктовым новых слов. Сейчас моя переписчица принесла три экземпляра, которые я Вам и пересылаю.

Вскоре после моего юбилея я уехал в лекционную поездку, читал в милых старинных немецких городах вблизи Ганновера: в Вольфсбютеле, где Лессинг был библиотекарем, как Вы знаете, и в Гельмштадте, где ближе познакомился с совершенно очаровательным человеком, характернейшим остатком теперь уже допотопной Германии. Он весь в музыке и в литературных восторгах, в комнате у него клавесины и спинет. Он меня буквально утопил в Бахе и его сыновьях. Временами вскакивал со стула и бежал к своим книжным полкам, где, сидя четверть часа на корточках (ему 70 лет), отыскивал письмо Лессинга о том, как Бах за клавесинами прощался по какому-то поводу с этим любимым инструментом. Любезность его чудовищна. Он рассказал мне о какой-то заме-

чательной статье английского литературоведа о Тургеневе. И так как содержание статьи меня заинтересовало, то он перевел ее для меня на немецкий язык и переписал собственной рукой. Почерк удивительный — музейный. После этого я десять дней пробыл в Копенгагене, где читал одну лекцию в Датско-немецком обществе и одну в университете. Познакомился там со славистом, Вашим учеником американского периода Вашей научной деятельности. Возили меня на автомобиле, показывали замок Гамлета, где, как на еснеровской декорации, стоит на высокой стене, смотря в даль, вооруженный часовой. Простите, что разболтался.

Лишь вернувшись из Дании (надеюсь, меня не обманывают хронологические даты, в которых я не силен), я между прочим запросил Водова — редактора «Русской мысли» — был ли у него в газете какой-нибудь отчет о Вашем юбилее. Ответа от него я еще не получил, что он сегодня объяснил тем, что он решил обо многом поговорить лично. Ответ был по телефону из Мюнхена. Но Вы, вероятно, знаете, что и где о Вашем юбилее писали. Время, конечно, несколько ушло, но все-таки статья о гайдельбергском праздновании была бы и сейчас еще, по-моему, в газете возможна. Я ее с удовольствием, конечно, написал бы.

Теперь вот еще какой вопрос. Мой друг и приятель Беста, обедая со мной, на следующий день после моего чествования в Кюнстлерграузе, выразил мысль, что хорошо бы несколько речей, сказанных по поводу моего 80-летия, выпустить особою книгою. Эту идею очень подхватил Кюн, который чуть ли не целый год работал над моими писаниями и знал целый ряд статей, которые я давно забыл. Нет у меня ни оттисков, ни списков, даже нет просто записей. Кюну очень хотелось бы напечатать свою работу, но в ней целых 30 страниц, ни в какой журнал этого не поместить. Мой друг и приятель Земиш обратился с этим предложением к Ганзеру. Но пока что большого сочувствия не встретил. Я сам пока еще разговора не подымал, но на днях вероятно буду у Ганзера и тогда это дело так или иначе решится. К Вам просьба прислать, если можно, немецкий текст Вашего слова. Может быть, с припиской, что оно будет расширено. Кроме Вас и Кюна была еще не очень большая, но хорошо написанная статья вышеупомянутого Земиша. Потом статья Штамлера. Найдется и еще кое-что существенное. Сегодня звонил мне Хомяков и сказал, что Вы обещали ему статью для следующих «Мостов», которые, кажется, выйдут. Лично я уверен, что это безусловно удастся. Вы предложили статью обо мне, но так как у него была недавно очень большая статья от Ганзера, то он предпочел бы получить нечто другое. Если Вы ее, как Вы ему предложили, посвятите мне, то это будет для меня, конечно, радостно.

Сердечный привет и наилучшие пожелания

Ваш *Федор Степун*

Ханзер от издания речей и (*два слова неразборчиво написаны*) отказался. Ради Kühn'а мне это жаль[2].

---

[1] Речь идет о следующем тексте: *Чижевский Д.* Речь о Степуне, произнесенная на юбилейном вечере, организованном Баварской Академией изящных искусств в Мюнхене 20 февраля 1964 г. // Новый журнал. 1964. № 75. С. 283—288.

[2] Постскриптум написан зеленой ручкой, как и подпись.

22

Мюнхен, 16 июня 1964 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Отсылаю Вам копию моего фельетона о Вас в «Русскую Мысль». Ничего нового в нет. Все главное мною было уже сказано в моем «слове». В начале и к концу вставлены личные воспоминания о Гайдельберге для увлажнения фельетона. Хотел бы между прочим знать, правильно ли я сказал, что в русской эмигрантской прессе отклик на Ваше семидесятилетие был вялым, не знаю, что было напечатано в «Новом Русском Слове», да и было ли что.

Мне очень жалко, что план профессора Бесте напечатать произнесенные по поводу моего восьмидесятилетия речи, показался Ганзеру неосуществимым. Прежде всего жалко Кюна (Kuhn[1]), который очень долго работал надо мною и знает все, написанное мною, гораздо лучше меня, у которого ничто не собрано и даже не записано, где что было напечатано. Я лично уверен, что такая брошюра максимум в 120 страниц была бы раскуплена хотя бы теми же слушателями, что были в Доме Искусств. Что это должно стоить очень дорого, я не понимаю. Мои «Встречи»[2] обошлись в 2700 марок, которые я внес в наше издательство и которые уже почти целиком вернулись.

В Вашем письме Вы обмолвились мыслью, что, быть может, выпустить нам самим. Но как это сделать, я не представляю. Ганзер имени своего издательства не даст, даже если бы ему были внесены на это издательство деньги, потому что деньги все-таки не главная причина, а главная в том, что он может издавать только книги, которые будут успешно распроданы. Уважающий себя издатель не может пускаться на неудачные предприятия. Подумайте на эту тему, может быть, что-нибудь и выдумаете. В ответном письме Ганзер писал, что лучше сделать в порядке издаваемых им бюллетеней сводку всех наиболее существенных рецензий. Но это совсем, конечно, не то. Да и когда появятся рецензии? Имею несколько сердечных отзывов. Среди них от Рудольфа Мюллера, который только проглядел пока

книгу, от Кюна, который только собирается ее изучать, и одного из редакторов Christ u. Wellt.

Несколько неприятно и как-то неожиданно мне было сообщение от имени Вильда, что он, Вильд, в принципе не печатает никаких праздничных преподнесений, но в газете я только что прочел, что Кёзель выпускает такое преподнесение мюнхенскому педагогу. Зачем так неточно выражаться? Такая неточность уже приближается к неправдивости, а мы с Вильдом находились в очень близких деловых отношениях. Вышла ли преподнесенная Вам книга? Надеюсь увидать ее.

Сердечный привет

Ваш *Федор Степун*

---

[1] Имя вписано зелеными чернилами.

[2] *Степун Ф.* Встречи. Издание товарищества зарубежных писателей. Мюнхен, 1962. 202 с.

23

1 января 1965 г.

Дорогой Дмитрий Иванович,

Меня спрашивают из Америки, где можно достать Вашу статью «Ранние футуристы», помещенную в выпуске 7-ом Гейдельбергских славянских текстов (Висбаден 1963 г.).

Самое лучшее будет, если Вы сами ответите по следующему адресу: Mrs Catherine Elène 144 — Columbia Rd N.W. Washington D.C. 20069. U.S.A.

Сегодня получил письмо от моей знакомой певицы Буш, которая сообщает, будто бы Вы собираетесь устраивать в Гайдельберге мой доклад в январе или феврале месяце. От Вас я таких планов не слыхал и боюсь, что моя знакомая интересуется этим докладом не только с чисто научной точки зрения. Будьте любезны и напишите, чьи это планы: Ваши или г-жи Буш. Я, конечно, с удовольствием приеду прочесть доклад, но тогда надо нам с Вами обсудить тему и установить день чтения. У меня уже есть несколько докладов в январе.

Была у меня переписка с издателем Вашей «Истории русской литературы». Он прислал мне выписку из какой-то весьма недоброжелательной оценки Вашего труда. Упрекали Вас в том, что Вы не занимаетесь проблемой перевода, а только отрицательной оценкой переводческой работы. Издателю хотелось, чтобы я возразил. Я попросил, чтобы он прислал не выдержку критики, а весь текст. Он обещал это сделать, но не сделал. Так дело пока и замерло. Но ведь я буду писать рецензию, в которую можно будет тогда включить и выдвинутую злостным рецензентом проблему.

Кстати, я получил исключительно лестную оценку моей последней книги от Гюнтера. Между прочим, он пишет, что, близко зная Вячеслава Иванова и прожив у него гостем целых восемь недель, он лишь после прочтения моей статьи понял, кто был его друг. В заключение он, однако, прибавил, что ему известно, что я к нему дурно отношусь. Очень сердечно поблагодарив за рецензию, я сказал, что к нему лично я никогда дурно не относился, но, что я не понимаю, как он, любящий Блока, мог опубликовать свои переводы. Странным образом он ответил, что только я так отрицательно отношусь к ним. Не могу себе представить, чтобы он действительно мог считать их мало-мальски приличными.

Ну, кончаю, дорогой Дмитрий Иванович. Сердечный привет.

Ваш *Ф. Степун*

* * *

24

Мюнхен, 18 мая 1965

Многоуважаемый Дмитрий Иванович,

Спасибо за Ваше письмо, за заботу. Дело в том, что я в данное время никому ничего ни продавать, ни отдавать не могу.

Есть надежда, что мои родственники в Москве откажутся от наследства. В письме брата из Москвы были такие намёки. Я жду письма из Москвы с «отказом», вот и всё. Сколько времени пройдет, пока все это выяснится, я понятия не имею.

Если Вы будете в Мюнхене, заходите к нам, будем рады Вас видеть.

Издатель Финк сперва хотел прийти, чтобы посмотреть библиотеку, потом позвонил, что откладывает свой визит, и так и не пришел.

Шлю Вам душевный привет.

Ваша *М. Степун*

Опубликовано: Возможна ли дружба интеллектуалов в эмиграции? (Степун и Чижевский) Письма Ф.А. Степуна к Д.И Чижевскому (*публикация и примечания В.К. Кантора*) // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 84—117.

Человек судьбы: Д.А. Шаховской и Ф.А. Степун

Начну об этой духовной встрече немного издали. Конец XIX и начало XX века родил в России особую плеяду русских священников, небывалую в нашей Отчизне до сих пор, не знавшей ни Августина, ни Абеляра. которые были столь же священники, как и мыслители. Поначалу были дети священников, так называемые семинаристы, порвавшие со своим священническим прошлым — Михаил Сперанский, Николай Надеждин, Николай Чернышевский, Николай Добролюбов и фигуры меньшего масштаба. И вдруг появляется в середине XIX века архимандрит Феодор (А.М. Бухарев), священник, публицист, литературный критик (кстати, автор первой положительной статьи о романе «Что делать?»[1]), затем о. Павел Флоренский, священник, мыслитель, прозаик, поэт, о. Сергий Булгаков, начинавший как мыслитель, но принявший после революции сан, В.П. Свенцицкий, священник и писатель, и т. д. Из этой же плеяды был и князь Д.А. Шаховской, к концу жизни архиепископ Сан-Францисский, но еще поэт, издатель, публицист, автор статей о Толстом и Достоевском. Их деятельность была очень важна для становления русской религиозно-философской мысли[2]. Да и для бытия ее за рубежом, для ее выживания в эмиграции.

Степун с князем Шаховским познакомился, будучи уже популярным автором «Современных записок». Шаховской решил привлечь его к своему детищу — журналу «Благонамеренный». Название шутливое, апеллировавшее к пушкинской эпохе, к А. Измайлову, тогдашнему необязательному издателю «Благонамеренного». С намеком, что и он позволит себе быть необязательным, в смысле аккуратности выпусков. Стоит добавить, что случилось это накануне иноческого пострига князя. Надо отдать должное Степуну, что он, понимая православные устремления главного редактора и подозревая, что он может мыслить в стиле Эрна и Флоренского, то есть антикантиански, решил высказать свое кантианское кредо, которое, на его взгляд, должно было строить позицию человека мыслящего. Шаховской принял его позицию и опубликовал эти «Не афоризмы» в первом номере «Благонамеренного» за 1926 г. Приведу несколько:

«**I.** Критицизм (тема софистики, Декарта, Канта) — конечно не хлеб насущный; скорее яд. Питаться им здоровому духу нельзя, но лечиться больному — неизбежно. Почти все лекарства — яды. Сомнения в том, что мы больны — вряд ли возможны. Потому отрицание критицизма пока все еще или легкомыслие или лицемерие.

II. Кант никогда не думал, как то иногда утверждают наши русские мыслители, отказываться от постижения Абсолютного. Он лишь так переложил горизонт философии, что Абсолютное осталось за ее горизонтом. Для дерзкого ума в этом подвиге самоограничения должны, конечно, звучать ноты скепсиса и отчаяния, но для верующего разума отнюдь нет. Разве ночь менее абсолютна, чем день? Разве значение солнца для мира и жизни днем понятнее, чем ночью? Разве тождество не верховная категория познания и разве ночь не глубочайший символ тождества?

Кант один из самых строгих подвижников, когда-либо спасавшихся в бесплодных пустынях разума»[3].

Собственно говоря, трезвость мысли князя-поэта, понимавшего важность разума в ночи, понятна из его стихотворения 1922 г.

Хотя прекрасны дни былые,
А ныне чужд родимый край,
Но ты молчи, моя Россия,
И голосов не подавай.

Пройдут года, ты скажешь слово,
Тобой зажженное в ночи...

Шаховской был мыслитель и аналитик русской культуры совсем не тривиальный. Мы привыкли к не раз продуцировавшимся идеям о мучительной религиозной трагедии Льва Толстого, а также о том, что в Великом инквизиторе изображен Достоевским лидер будущего тоталитарного общества и т. п. Но Шаховской видит в позиции Толстого бесовскую одержимость, а «его уход никак не был приходом к чему-нибудь. Это был уход, никуда не ведущий, никуда не приведший»[4]. Такого Толстого мы редко видим в трудах наших специалистов, да и философов. Шаховской понял и правду Великого инквизитора, осознавшего смысл бытия Церкви на грешной земле, где масса не способна следовать подвигу Христа: «Через Инквизитора иногда говорит сам Достоевский, взлетает его светлая мысль, любовь к Богу и вся глубина этой любви...»[5]. Не случайно Христос целует Великого инквизитора «в его бескровные девяностолетние уста». Здесь тоже неплохой урок нашим достоеведам.

В судьбе Степуна Шаховской сыграл роль немалую. Да и в последний путь проводил его, быть может, лучшим анализом его творчества. После доноса, в котором он обвинялся в «русофильстве» и «жидофильстве», Степун был уволен из Высшей Дрезденской технической школы с крошечным пенсионом. С 1937 г. он вел сравнительно свободную жизнь, пытаясь, правда, постоянно подрабаты-

вать лекциями. Но это, в силу его опального положения, удавалось ему не часто. На постоянный приработок рассчитывать не приходилось. Получалось, что самое время — подвести итоги прожитой жизни, уйдя из повседневной суеты. Когда-то отставленный от политики Никколо Макиавелли написал в уединении два своих великих политико-философских трактата, а переставший быть лорд-канцлером Фрэнсис Бэкон за последние годы жизни создал свою философскую систему, положившую начало новой европейской философии. Можно привести и другие примеры. Чего стоило изгнание Пушкина в деревню, где он, несмотря на страхи друзей, что поэт «запьет горькую» (Вяземский), возмужал и окреп духовно и поэтически! А для писания мемуаров важно не только время, но и пространство, которое часто в судьбе человека играет роль времени. Отрезанный от России Герцен, в общем-то, совсем не старым человеком начал писать «Былое и думы», книгу воспоминаний, оправданий и инвектив. У Степуна сошлось всё: время, пространство, жизненная ситуация[6]. В мае 1938 г. Степун писал своим друзьям в Швейцарию из Дрездена: «Мы живем хорошею и внутренне сосредоточенною жизнью. Приезжавший к нам отец Иоанн Шаховской упорно подсказывал мне мысль, что это Бог послал мне времена тишины и молчания, дабы обременить меня долгом высказать то, что мне высказать надлежит, и не разбрасываться по всем направлениям в лекциях и статьях. Часто мне хочется думать, что он прав и что мне действительно надо сейчас как можно больше работать в ожидании нового периода жизни. Я затеял большую и очень сложную работу литературного порядка и очень счастлив, что живу сейчас в своем прошлом и скорее в искусстве, чем в науке»[7]. Книга получалась и впрямь необычной, возможно, он рассказал, о чем он пишет, о. Иоанну, который вполне мог оценить замысел.

Надо сказать, что о. Иоанн Шаховской был в этот момент настоятелем берлинского православного Свято-Владимирского храма, а также благочинным всех приходов в Германии. К этому стоит добавить, что, один из последних учеников Лицея, он, помимо того, что сам был поэт, весьма глубокий богослов, незаурядный публицист и аналитик русской духовности, был он еще и настоящий пастырь. Он сделал то, что только и мог сделать: поддержал духовную работу творческого человека. И в данном случае оказался в полном смысле слова *человеком судьбы*.

И уже в октябре того же года Степун в письме тем же своим друзьям уже четко очерчивает свой замысел и невольно проводит явственную параллель с другими великими русскими мемуарами девятнадцатого века: «У нас стоит осень, — не такая прекрасная и прозрачная, как тогда в Селиньи, но все же “живописно красне-

ет, желтеет и облетает листва кленов, осин и каштанов". Для меня осень всегда наиболее творческая пора. Эту же осень я как-то особенно радостно ежедневно сижу за письменным столом своей комнаты. Работаю над первою частью моей книги, которая представляет собою попытку в форме своеобразной автобиографии нарисовать образ нашей с Вами, Мария Михайловна, России. За первой частью воспоминаний должна последовать вторая часть раздумий и третья — чаяний. Думаю, лет на 5—6 мне работы хватит»[8]. Как видим, в этих словах очевидная параллель — по замыслу — с мемуарной эпопеей Герцена «Былое и думы». У Степуна — *воспоминания, раздумья, чаяния*. Не говорю уж о явном намеке на пушкинскую осень: «Для меня осень всегда наиболее творческая пора».

«Былое и думы» Герцен писал примерно десять лет, «целые годы», по словам Герцена. Но самое интересное, на что стоит обратить внимание в этом сопоставлении, это, во-первых, неоднократное обращение мемуаристов в предыдущей своей деятельности к *исповедально-автобиографической теме*. Это ранние повести Герцена, это «Из писем прапорщика-артиллериста» и философско-автобиографический роман «Николай Переслегин» у Степуна. Во-вторых, оба были и мыслители, философы, и одновременно незаурядные писатели. Причем именно в мемуарной прозе это слияние обоих свойств их таланта дало наиболее яркий результат. В-третьих, их мемуары писались в эмиграции, чтобы напомнить и рассказать миру не только о себе, но о судьбе России. Это слияние двух тем — личной и общественной — поразительно. И, наконец, не забудем немецкое происхождение обоих, их воспитание на немецкой философии, перешедшее в страстную любовь ко всему русскому. Серьезное отличие было, пожалуй, в том, что Степун не писал об эмигрантской жизни. Считают (Кристиан Хуфен[9]), что Степуна останавливал страх за родственников, остававшихся в Советской России. Но, видимо, дело было в другом. Он так много и резко писал о большевиках и советской власти, что рассказ об эмиграции ничего не прибавил бы к его репутации в глазах ЧК. Но мне кажется, что он писал о первой трети XX века, поскольку (это одна из основных его проблем) пытался понять *причины*, перевернувшие XX век, когда, как он утверждал, произошла победа «идеократии» над «интересократией», а демократические лидеры и теоретики спасовали перед демоническими и магическими обращениями к толпе тоталитарных идеологов.

* * *

Приведу отклик на смерть Степуна этого удивительного священнослужителя: «Те, что будут сейчас и потом писать о Федоре Августовиче, расскажут о многом в нем и историю всей его жизни;

он нес, и в старости своей твердо и величаво, творческий блеск российского Серебряного Века. И выйдя из сего века, как Самсон, он ворочал его колонны и нес их чрез толщу германской современной интеллектуальной жизни, являя в Германии последние звуки этого века. Его эпоха — богатая и, может быть, слишком расточительная... Общественник, социолог, философ, неутомимый лектор высокого стиля, он был более социально-лирическим, чем политическим выражением "русского европейца", несшего в себе и Россию, и Европу, чтобы говорить России и Европе о "Новом Граде", о том обществе и устройстве социальном, в котором живет правда, и где курочка могла бы вариться в горшке всякого человека, и, сквозь всю культуру мира и всяческое человеческое общение, проступало, просвечивало настоящее добро, несущее Божий Свет и Вечность... Он был от плеяды тех верующих русских мыслителей первой половины этого века, которых зарядила на всю жизнь светлой верой в Бога и действием этой веры мысль Владимира Соловьева»[10]. Пожалуй, более точных и понимающих слов ни в одном другом некрологе сказано о Степуне не было.

---

[1] Не могу не процитировать: «В романе "Что делать?" русская мысль успела высказаться, по крайней мере, чутьем истины» (*Архимандрит Феодор*. О духовных потребностях жизни. М.: Столица, 1991. С. 148).

[2] Своего рода завершением этой плеяды был трагически погибший в 1990 г. в России о. Александр Мень, убитый по дороге в храм на службу неизвестным (как всегда бывало у нас в таких случаях).

[3] *Степун Ф.А.* Не афоризмы // Кант: pro et contra. Рецепция идей немецкого философа и их влияние на развитие русской философской традиции. Антология. СПб.: РХГА, 2005. С. 123. (Как видим, текст Степуна сохранил свою научную ценность для нынешних кантоведов).

[4] *Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)*. Революция Толстого // *Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)*. Избранное. Петрозаводск: Святой остров, 1992. С. 332.

[5] *Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)*. Великий инквизитор Достоевского // Там же. С. 346.

[6] Стоит, быть может, отметит то обстоятельство, что его обращение к истории было безусловным желанием противостоять откровенному антиисторизму тоталитарных режимов. Причем антиисторизму, который считал каждый свой шаг — историческим. Его коллега по дрезденскому институту Виктор Клемперер очень рельефно выписал эту особенность нацизма: «Нацизм <...> настолько был убежден в долговечности своих учреждений <...>, что любая мелочь, с ним связанная, любой пустяк, его касавшийся, приобретали историческое значение. Всякая речь фюрера, пусть даже он в сотый раз повторяет одно и то же, — это историческая речь, любая встреча фюрера с дуче, пусть даже она ничего не меняет в текущей ситуации, — это историческая встреча. <...> Любой праздник урожая — исторический, как и любой партийный съезд, любой праздник любого сорта; а поскольку в Третьей империи существуют только праздники <...>, то Третья империя все свои дни считала историческими» (*Клемперер В.* LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 63).

[7] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.
[8] Там же.
[9] См.: *Hufen Ch.* Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa. Die Jahre 1884—1945. Berlin: Lukas Verlag, 2001.
[10] *Архиепископ Иоанн С.Ф. (Сан-Францисский).* Русский звездопад (Памяти Федора Степуна) // Русская мысль. 8 апреля 1965 г. С. 4.

Переписка Ф.А. Степуна и Д.А. Шаховского

I
Ранняя переписка 20-х годов*

Степун — Шаховскому

Дрезден, 2-го сентября 1925 г.

Князю Д.А. Шаховскому

Большое спасибо, князь, за приглашение участвовать в «Благонамеренном». По тому, что Вы написали мне, образ затеваемого Вами журнала представляется мне хотя и не очень четко, но все же весьма интересным. Был бы очень благодарен Вам за некоторые добавочные разъяснения. Думается мне, многое уяснилось бы, если бы Вы сообщили мне имена участников, заглавия и размеры статей. Особенно хотелось бы знать, что Вы мыслите под отделом «благородной иронии»: может быть, Вы могли бы назвать мне несколько «жертв» такого Вашего отношения.

В принципе я, конечно, согласен на участие в журнале, но для того чтобы взяться за перо, мне очень нужно было бы уточнить свое представление обо всем предприятии. Пока я еще не чувствую, что бы Вы хотели иметь лично от меня. Я мог бы себе представить «Благонамеренного»[1] в романтических тонах, но мог бы сдвинуть его и несколько в сторону современной политики. Представляется мне также на основании Вашего письма возможным видеть в Вашем журнале задачу прежде всего стилистическую, но

* Эти письма опубликованы в книге: Архиепископ Иоанн Шаховской. Биография юности. Установление единства. Париж: YMCA-PRESS, 1977. С. 379—386.

можно повернуть все и в сторону более действенного нравственного пафоса.

Примите уверения в искреннем уважении. *Федор Степун.*

P. S. Может быть, будете так добры и сообщите мне Ваши имя и отчество[2].

---

[1] «Благонамеренный» — русский журнал, издававшийся Александром Измайловым в 1812—1826 гг.

Пушкин в «Евгении Онегине» шутил:

«Я знаю: дам хотят заставить
Читать по-русски. Право, страх!
Могу ли их себе представить
С Благонамеренным в руках».

Соответственно, понятна и романтическая ирония Шаховского, давшего журналу имя, заведомо вызывавшее множество шутливых ассоциаций. Журнал Шаховского издавался в Брюсселе.

[2] Судя по этим словам, с данного письма началось их знакомство.

Шаховской — Степуну

Брюссель, 4-е сентября

Глубокоуважаемый Федор Августович,

Мне очень приятно и лестно, что слово «Благонамеренный» вызвало у Вас некоторую плеяду, если можно так выразиться, образов. Назвать журнал было труднее, чем найти на него издателя (имя последнего — Григ. Соколов). Я перебирал и просил перебирать все отклики и все комбинации и только совсем недавно набрел на «Благонамеренного».

Здесь именно, кажется, сплетались два единственно возможных рода названия журнала. Когда название значит и — когда оно ничего не значит.

К романтизму журнал несравненно ближе, чем к политике, потому что политики в нем не будет, за исключением... романтической. Подзаголовок «Трехмесячник Русской Литературной Культуры» всецело определяет физиономию Благонамеренного. Вы просите сообщить хотя бы небольшой списочек «жертв» отдела «Благородной иронии». Это мне очень трудно, но отнюдь не из-за каких-либо редакционных тайн. Но Вы можете уточнить потом: 1) Он мне мыслится большим. 2) Он будет представляться «задумчивыми шутками» всех, кто пошутил в минуту какой-нибудь грусти... 5) Вряд ли это все будет с подписями. 6) Приглашаются все. 7) Мочульский пишет, и если напишет, то даст две-три пародии на кого-нибудь (он уже печатал в Звене, очень талантливые, на Бальмонта, Гумилева). Главным, я думаю, будет отдел статей.

Прозу и — отчасти — поэзию хотелось бы предоставить молодым, отчего эти отделы не будут значительными... вероятно — скажем, по размерам.

К отделу статей первого номера привлекаются: М.А. Алданов, Кн. Святополк-Мирский, М.Л. Гофман[1], Л.И. Шестов, Бахтин[2], З.Н. Гиппиус (но она еще ничего не ответила), кн. С. Волконский, Ходасевич (еще не знает, что даст: стихотв. или статью), Н.А. Пушкин («сын почетного опекуна Александра Александровича»). Весьма возможно, один московский поэт пришлет «Романтические письма из Москвы» — о поэзии сегодняшней.

Некоторую трудность имеют вынужденные размеры журнала. Статьи не смогут быть большими (минимум 2—3 среднепечатные страницы, максимум пол печатного листа — «синтетическая» статья Святополк-Мирского[3], тоже «культурно-историческая», по его выражению).

Возвращаясь к главному вопросу Вашему — «Хотелось бы, чтоб журнал любил прошлое извне». Нащупывать и общупывать «провал» между... Буниным, скажем, и теми, кто где-нибудь в Петербурге, не без бунинского влияния... Благонамеренность в общупывании, посильная любовь к святому вообще, к неинтернациональному, в частности, — вот одно из выражений «программы», ее можно только честно формулировать. Кстати, Благонамеренный, кроме всех отделов своих имеет еще один — уже иронический — некоторые ответы на запрещение «Русского Современника».

Очень надеюсь, глубокоуважаемый Федор Августович, что Вы не откажетесь принять участие в журнале и прислать — не позже конца этого месяца — для первого номера хотя бы небольшую статью о том, что Вы не писали. Льва Исааковича Шестова я просил дать то, о чем он никогда не писал: предчувствие какого-нибудь странствия в душе какого-нибудь русского поэта! (От Гофмана жду «Клевету на Боратынского», а если не подойдет по размерам — «О клубе парижских поэтов и литераторов»...)

Преданный Вам

Шаховской (Дмитрий Алексеевич)

---

[1] *Михаил Гофман* — экономист, родом из Петербурга, эмигрировал в Германию.

[2] Речь о Н.М Бахтине, филологе и философе, родном брате М.М. Бахтина.

[3] *Дмитрий Петрович Святополк-Мирский*, князь (1890—1939) — литературный критик, участник Белого движения, в 20-е годы сблизился с евразийцами. В 1932 г. вступил в компартию Великобритании и вернулся в СССР, был арестован в 1937 г. Погиб на Колыме.

Степун — Шаховскому

Многоуважаемый Дмитрий Алексеевич,

Сделал больше чем мог, чтобы оправдать мое благое намерение дать статью для «Благонамеренного».

Посылаю Вам свои «Не афоризмы»[1].

Был бы очень благодарен за присылку корректуры. Если это за отсутствием времени невозможно, был бы очень благодарен за тщательность корректуры.

С искренним приветом *Ф. Степун*

[1] Опубликовано: *Степун Ф.* Не афоризмы // Благонамеренный. 1926. № 1. С. 113—118.

Степун — Шаховскому

Многоуважаемый Дмитрий Алексеевич,

При всем желании я Вам статьи написать для первого № не смогу. Я кругом в долгу. Под рукой статья о Бунине, о Вл. Соловьеве и много лекционных обязательств. Все же я постараюсь прислать Вам несколько кусков из моих записных книжек. Если мне удастся сгруппировать их так, как думается, и стилистически отделать — они, вероятно, подойдут Вам.

Все же раньше, чем дней через пять я и их выслать не смогу. Но Вы ведь, вероятно, опоздаете. Очень рад, что у Вас издатель, стоящий за расширение. Обыкновенно издатели за сокращение.

С искренним приветом *Ф. Степун*

P. S. И кто это выдумал «Эолову Арфу»? В прошлом году я прочел в «Дилхо», что написал роман для кинематографа «Гвадалквивир». То была шутка Ремизова. Он перед напечатанием сам же читал им заметку.

Степун — Шаховскому

Дрезден, 19-го фев. 1926

Многоуважаемый Дмитрий Алексеевич, давно собирался написать Вам и приветствовать № 1 «Благонамеренного», который меня поразил своей не только благонамеренной типографской внешностью, но и превращенностью намерения в действительность. Удивляюсь Вашей мужественности. Мне казалось бы, что с появлением 2-го надо было бы повременить, или Вы *уже* распродали первый? Написать Вам в ближайшее время никак ничего

не могу. Я страшно занят. Пересылаю Вам философский фельетон некого Хмелевского. Снестись с ним Вы можете через Сергея Иосиф. Гессена (Pradosoiree u Prahy č. 60 Tschechoslowakei). Я на днях уезжаю на юг.

С приветом *Степун*

P. S. Охотно написал бы Вам по существу о «Благонам.» и Ваших статьях, но сейчас решительно некогда.

Степун — Шаховскому

14-го марта 1926

Grasse (A.M.)
Villa Belvédère

Многоуважаемый Дмитрий Алексеевич, как мне ни грустно, но для 2-го № я дать Вам ничего не смогу, — я ужасно занят. Третьему, если он несколько запоздает, я быть может и смогу что-либо написать, быть может, маленькую статью, а скорее только распространенную рецензию.

По существу о «Благонамеренном» напишу Вам после второго №. Озабочусь также и рецензией о нем в «Соврем. Зап.»[1].

Хмелевского Вам по моему поручению выслали из Фрейбурга. «Письма прапорщика» высылаю Вам вместе с этим письмом. Простите чрезмерную краткость этой записки: очень много приходится писать. По-моему, Вы очень энергично, не слишком ли, выпускаете свой журнал № за №-ом. Если у журнала так много денег, то я ничего не буду иметь против высылки мне обещанного гонорара.

С искренним приветом

Федор Степун

---

[1] *Степун Ф.А.* Благонамеренный: Журнал русской литературной культуры / Ред. Д.А. Шаховской. Брюссель, 1926. Кн. 2 // СЗ. 1926. № 28. С. 483—486.

II
Письмо архимандриту Иоанну (Шаховскому)[1]

16-го окт. 1948

München 27 Mauerkircher str. 52

Дорогой Владыка Иоанн[2]

Я бесконечно виноват перед Вами. На Ваше обстоятельное письмо я до сих пор ничего не ответил Вам. Не знаю, как Вы, при Вашей занятости, памятной мне еще по Берлину, успеваете собственною рукой и отчетливым почерком отвечать на письма.

Верьте, что мне очень дорога наша беседа, самый факт ее непрерывности, и что если я подолгу не пишу, то только по совершенно фантастической и мне по природе не свойственной занятости. Университет, четыре часа лекций в неделю, докторские работы на русские темы, лекции по другим университетам, все время проезжающие через Мюнхен старые знакомые из советской зоны, которые нуждаются в совете и помощи, печатанье своей автобиографии, первый том которой вышел год тому назад, (второй выходит к Рождеству, третий дописываю)[3], лекции у о. Александра[4] и многое другое до того расхищают время, что для общения, не связанного с заботами текущего дня, почти не остается никакого времени. Но, может быть, есть и еще более тайная причина моей ленивой переписки с заокеанскими людьми. Ни Федотову, ни Зензинову, да никому из парижских друзей я не написал еще ни одной строчки, думается, отчасти потому, что по нашей отрезанности от всего мира как-то погасла вера, что они есть, что с ними можно по-старому общаться. Лишь теперь после приезда сюда Николаевского[5] и Далина[6], после нашего двухмесячного пребывания в Швейцарии во мне начинает слагаться ощущение, что я живу не на заколдованном одиночеством острове, а в том мире, в котором некогда жил. Все это пишу не в оправдание себе, а в объяснение. Своею жизнью и деятельностью здесь я все же очень доволен. Не думаю, что в каком-нибудь другом месте я мог бы жить духовно столь же живой и питательной жизнью, как живу здесь. Как-никак я уже с двадцать третьего года в Германии, и если она и не стала мне второй матерью (второй матери быть не может), то все же какой-то весьма близкой родственницей, которая, кажется, довольно искренно полюбила меня. На моем прошлогоднем курсе о Достоевском было как-никак около 400 человек. В семинаре около 30. Также очень хорошо посещаются лекции в больших центрах немецкой жизни. Интерес к России здесь, несмотря на отвращение от большевиков, слава Богу, не ослабевает. Лекции Зандера и о. Флоровского, как Вы, вероятно, знаете, вызвали среди протестантского студенчества Гейдельберга очень большой интерес. По моей рекомендации выходит книга о. Георгия «Пути русского богословия»[7] и «Непостижимое» Франка[8]. Зандеру, как Вы опять-таки, вероятно, знаете, удалось устроить все три тома богословской системы о. Сергия Булгакова и свою работу о нем[9]. Мой I-й том[10] разошелся в год и сейчас уже подготовляется второе издание. Странным образом нельзя сказать, чтобы христианская и в особенности католическая молодежь были бы совершенно недоступны коммунистической пропаганде. Целый круг моих лучших слушателей и учеников с год тому назад перешел по мостику Мунье[11] (редактор Еспри) на

христиански-советические позиции. Ватикан и Папу они видят уже окончательно в свете католического фашизма и перепечатывают в своей газете книжку Франца Либа[12], базельского богослова и социал-демократа, книгу чудовищную по своему голубоглазому утопизму и идеологической беспредметности.

Сделать с этим почти что ничего нельзя, так как во всей этой установке есть какая-то доля правды, имеющей своим истоком инквизиторские (Достоевский) мотивы институционального католицизма. Марья Михайловна Кульман-Зернова, женщина весьма пристрастная, но отнюдь не слепая, рассказывала мне о своем приеме у Папы[13], который проговорил с ней и с ее мужем более получаса. Папа произвел на нее громадное впечатление святейшего человека. Вдохновенная пламенность его молодых глаз на старом лице и какая-то особенная одухотворенность его рук, созданных как бы только для благословения, на всю жизнь поразили ее. Но одновременно она и ощутила его, по крайней мере, в такой же степени пленником Ватикана, в какой и патриарх Алексей[14] является пленником Кремля. Сравнение это, конечно, страшно преувеличивает реальное соотношение вещей, но все же вероятно в нем есть какая-то доля истины. Ведь были же однажды Шарлем Морра[15] сказаны потрясшие меня слова «Мир только тогда придет в порядок, когда органическое католичество победит анархию Евангелия». Мои обольшевичевшиеся католики требуют упразднения великодержавного стиля в жизни и прежде всего монастырской жизни католического духовенства, требуют уплотнения монастырей ютящимися по развалинам беженцами, одним словом, переключения стиля католической жизни на более францисканский лад. К сожалению, однако, духовное нищенство Франциска[16] у них сливается с пролетарской бедностью и пролетарской требовательностью рурских углекопов, молитва с забастовкой, а в последнем счете христианство с коммунизмом. Самое страшное, однако, что на этой стадии развития защитники католического коммунизма прекращают всякое общение с инакомыслящими людьми. Недавно у меня по моему приглашению был такой левый католик, но настоящего разговора уже не вышло, так как, говоря и споря, он все время ощущает все мои мысли лишь идеологическою надстройкой над эмигрантским бытием бывшего помещика и капиталиста. Я думаю, что наиболее совершенное определение коммуниста есть определение его как существа, с которым нельзя говорить. Я сознательно говорю существа, а не человека, потому что вся сущность человека в том и заключается, что он есть существо разговаривающее. Немногим лучше обстоит дело и в нашей православной церкви. Но об этом не мне Вам го-

ворить. Здесь в Мюнхене у нас с внешней стороны как будто бы благополучно, потому что у нас существует только синодская церковь[17]. Лично митрополит[18], с которым я мельком говорил после моей лекции, на которой он присутствовал, был со мною внимателен и любезен, просил — заходить, чтобы ближе познакомиться. В сборнике, посвященном ему, я даже напечатал отрывок из моих воспоминаний, о котором прошу, если это Вас не очень затруднит, Вашего отзыва. Ваши замечания к Переслегину[19] дали мне в свое время так много, что мне было бы очень ценно узнать о Вашем впечатлении. Несмотря на приглашение митрополита, я в Синоде еще не был, так как чувствую, что это не всем членам было бы приятно. При Синоде существует свой богословский религиозно-философский кружок. Там уже все читали рефераты, но меня на эти заседания никогда не приглашают. Мне же идти немножко страшновато, так как там можно столкнуться со взглядами и мнениями, против которых спорить с высокопоставленными иерархами мне не уместно, а молчать в каком-то другом, духовно-философском плане мне опять-таки нельзя. Да и не совсем там ясная атмосфера. С одной стороны, митрополит благословляет организацию христианского студенческого движения, а с другой — не отмежевывается от людей, поносящих его как масонство и разложение православия. В доме о. Киселева тоже творится нечто несусветимое. Я держу себя человеком нейтральным и защищаю себя от сплетен тем, что передаю все дурное, что слышу, тем, о которых это дурное говорят. Нельзя же в самом деле существовать какою-то запертой копилкой, в которую каждый проходящий имеет право бросить всякую гадость.

Был я, как Вы, вероятно, слышали, с Натальей Николаевной два месяца в Женеве. Принимал участие в богословских курсах, на которых русское православие было представлено только Павлом Николаевичем Евдокимовым[20]. Очень жаль, что кроме него и меня (я был случайным гостем, прочитавшим только один доклад о русском православии и революции), других представителей не было. Курсы были подготовкою к Амстердамской встрече. Был бы очень рад, если бы Вы, хотя вкратце, могли объяснить мне, почему Ваша Американская церковь не участвует в Экуменическом движении? Так как никто уже давно не думает о формально юридическом соединении церквей, а лишь о взаимном понимании и общем христианском деле, то участие России мне кажется не только вполне возможным, но и очень желательным. Патриаршая церковь участвовать, конечно, не может и ожидание ее депутатов в Женеве было непонятным мне иллюзионизмом, но эмигрантское православие участвовать, как мне кажется, должно. Весьма

важною задачей кажется мне с одной стороны, борьба против синодальной церкви, которая видит в патриархе чуть ли не дьявола и отрицает всякое действие благодати в московской юрисдикции, а с другой — борьба против психологии советских патриотов, которые подчас признают патриаршую церковь не как литургическое сопротивление советскому государству, а как защитницу Сталинской политики, и потому, находясь в свободных странах, защищают не только благодатность литургии московских соборов, но и правильность чудовищной лжи патриарших епископов: в 48 ном[ере] Патриаршего Вестника митрополит Илья, если я не ошибаюсь, благодарит Сталина за единственную справедливость созданного им социального строя. Я думаю, что вполне можно признавать благодатность литургического действия патриаршей церкви и отрицать епископскую ложь, которая, не смею спорить, для священнослужителей, находящихся в Советской России, быть может, и позволительна, но в наших устах преступна.

В Вашем последнем письме Вы писали мне, что если бы я мог найти какие-нибудь тропочки, чтобы перебраться из Германии в Америку, то было бы правильно перебираться. По причине моего довольства здешней моей жизнью, по какой-то усталости и жажде окончательной формы жизни, я до сих пор как-то отстранял от себя мысль о переезде за океан. Но тучи уж очень грозно собираются на горизонте. В душу невольно закрадывается тревога, и с каждым днем все определеннее чувствую себя сидящим на стуле с подпиленной ножкой. Так созрело во мне решение попытаться при случае перебраться в новый мир. Слышу, что у Вас там устраивается богословский институт, ближайшими сотрудниками в который привлекаются, кажется, Карпович, Федотов, о. Георгий Флоровский и Арсеньев. Я, конечно, не богослов, но все же мог бы читать, быть может, историю русской философии, историю русской литературы, социологию или что-либо в этом роде. Но может быть (Вам виднее) осуществимы и еще какие-нибудь формы моего существования. Быть может, кроме богословского Института существуют у Вас еще какие-нибудь другие ученые общества или организации, при которых можно хотя бы впроголодь кормиться. Я всю жизнь прожил весьма самостоятельным человеком, и потому мне очень не хотелось бы на старости лет ходить с ручкой и просить редакцию напечатать статейку. Не знаю я также, как вообще попадают в Америку и какие русские организации могут в этом деле мне помочь. Вы все это, конечно, знаете, в Ваших добрых чувствах ко мне я не сомневаюсь и потому очень надеюсь на скорый и добрый совет. Знаю, что отсюда едет очень много народа. Некоторых как-то вывозит Синод, который, думается, рас-

полагает в Америке гораздо меньшими связями, чем Феофиловская церковь.

Когда-то, во время Гитлера, Вы одним из первых сказали мне, что война неизбежна. В Вашем последнем письме Вы подтвердили мои сомнения довольно твердым словом о неизбежности и третьей войны. Быть может, Вы поговорите потому обо мне с моими парижскими знакомыми и профессорами Вашего института. Собираюсь я и сам написать Федотову или Карповичу, но было бы приятней, если бы инициатива исходила от Вас.

Простите, что обременяю Вас заботами о себе. Делаю это только потому, что уж очень не хочу попасться в лапы соотечественников. Если бы я был уверен, что они не захватят Германии, я бы не бежал из нее. Не смерть страшна, а советское издевательство и полная беззащитность перед охамившимся современным чертом. Слухи, идущие из Сов[етской] Зоны, совершенно ужасны, и люди бегут оттуда, бросая все и рискуя жизнью. Самое страшное, что там есть, это полная беззащитность человека от абсолютного произвола. Завтрашний день не таит в себе никакой уверенности, что он будет повторением вчерашнего.

Ну, конечно, дорогой Владыка Иоанн, Наталья Николаевна и я шлем Вам глубокую благодарность и самый душевный привет.

Искренно преданный Вам

Федор Степун

---

[1] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Fedotov. Stepun, Fedor Avgustovich. To Vladyka Ioann. Письмо машинописное с рукописными вставками. Письмо таже опубликовано С.С. Бычковым в: *Федотов Г.П.* Собр. соч. в 12-ти т. Т. 12. М.: Sam & Sam, 2008. С. 447—457. В данной публикации отчасти используются также комментарии С.С. Бычкова.

[2] Письмо адресовано архимандриту Иоанну (Шаховскому: 1902—1989). В этот момент он был инспектором Свято-Владимирской академии.

[3] Речь здесь идет о трехтомном немецком варианте мемуаров Степуна: Vergangenes und Unvergängliches. (Bd. 1—3). Munchen: Verlag Josef Kösel, 1947—1950. Именно о. Иоанн Шаховской был тем человеком, что по сути дела благословил Степуна на написание этих мемуаров.

[4] Речь идет об отце *Александре Киселеве* (1909—2001), служившем в эти годы в Мюнхене. Во время войны он был духовником генерала Власова. Из Германии эмигрировал в США. После распада СССР вернулся в Россию. Похоронен в Донском монастыре. Панихиду отслужил патриарх Алексий II.

[5] *Борис Иванович Николаевский* (1887—1966) — сын священника, социалист. В 1921 г. как член ЦК партии меньшевиков был арестован и после 11-месячного заключения выслан из страны. В 1932 г. лишен советского гражданства. Историк социалистического движения и архивист.

[6] *Давид Юльевич Далин* (наст. фам. — Левин) (1889—1962). В 1921 г. выслан за границу. Сотрудничал в основанном Мартовым в Берлине «Социалистическом вестнике». С 1940 г. в США (Нью-Йорк).

[7] Экземпляр этого издания одно время хранился в архиве радиостанции «Свобода» с пометками Степуна.

[8] Трактат Франка «Непостижимое» был опубликован в 1939 г. в Париже. Более после войны он не издавался, несмотря на все усилия Степуна. См. его переписку с Франком в этом томе. Издан в России в 1990 г. в серии «Из истории отечественной философской мысли» на основе имевшегося у меня парижского издания. В начале этого столетия переведен на немецкий и издан в Германии.
[9] Речь о монографии Льва Александровича Зандера (1893—1964) «Бог и мир (Миросозерцание о. Сергия Булгакова)», 1948.
[10] Vergangenes und Unvergängliche. Im Kösel-Verlag zu München, 1947.
[11] *Эммануэль Мунье* (*Emmanuel Mounier*; 1905—1950) — католический мыслитель, основоположник французского персонализма. Мунье говорил о кризисе христианства: «В этом мире не все принадлежит христианству. Вне его рождаются сегодня новые реальности и очевидные ценности, получают жизнь новые моральные требования, свершаются героические подвиги и даже святые деяния» (*Мунье Э.* Персонализм / Пер. с фр. и примеч. И.С. Вдовиной. М. Искусство, 1992. С. 139). Редактор журнала «Esprit».
[12] Описка Степуна в имени. Речь идет о базельском теологе Фрице Либе (1892—1970). Переписку с ним Степуна см. в этом томе. Возможно, речь идет о книге Ф. Либа «Россия в пути».
[13] Имеется в виду папа Пий XII (Эудженио Пачелли). Занимал папский престол с 1939 по 1958 г. Осудил нацистскую расовую теорию, антисемитизм и, соответственно, преследование евреев.
[14] Патриарх Московской и всея Руси Алексий I (Симанский) (1877—1970). Избран по приказу Сталина на патриарший престол в 1945 г.
[15] *Шарль Моррас* (*Charles Maurras*; 1868—1954) — французский консерватор, националист и роялист, был осужден как идеолог вишистского режима. См. его русскую публикацию: *Моррас Ш*. Будущее интеллигенции / Пер. с франц. и послесл. А.М. Руткевича. М.: Праксис, 2003. 160 с.
[16] *Франциск Ассизский* — католический святой, с которым Достоевский сравнивает старца Зосиму из романа «Братья Карамазовы». Иван Карамазов называет старца Зосиму Pater Seraphicus: «Ну иди теперь к твоему Pater Seraphicus», — говорит он Алеше. В комментариях к этим словам Ивана замечается, что Pater`ом Seraphicus`ом именуют Франциска Ассизского (1181—1226). Так у Гёте в «Фаусте». Интересно, что и Алеша, любимый герой писателя и, как уверяет большинство исследователей, рупор идей Достоевского, принимает характеристику Ивана: «Pater Seraphicus» — это имя он откуда-то взял — откуда? — промелькнуло у Алеши. — Иван, бедный Иван, и когда же я теперь тебя увижу... Вот и скит, Господи! Да, да, это он, это Pater Seraphicus, он спасет меня...”. Иными словами, Достоевский в высших точках христианской духовности видит единство Востока и Запада Европы.
[17] Степун имеет в виду Русскую православную церковь за рубежом.
[18] *Митрополит Анастасий* (*Грибановский Александр Алексеевич* 1873—1965) — предстоятель Русской православной церкви за рубежом.
[19] Роман Степуна «Николай Переслегин».
[20] *Павел Николаевич Евдокимов* (1901—1970), родился в Петербурге. Эмигрировал из России в 1920 г. В 1928 г. закончил Свято-Сергиевский богословский институт. С 1953 г. — профессор нравственного богословия в этом же институте. См. также его книгу: *Евдокимов П.Н.* Таинство любви: тайна супружества в свете православного Предания. М.: Лепта, 2008. 336 с.

Вступление, публикация и комментарии В.К. Кантора
(с использованием комментариев С.С. Бычкова)

Раздел II
Последние годы

Трудное сближение (Зайцев и Степун)*

Все как-то просто и непросто с этим писателем. Вроде все, пишущие о Борисе Зайцеве (1881—1972), называют его классиком, позиция его человеческая и писательская всегда была бескомпромиссна, вызывает уважение, чувство достоинства (что так важно для художника) он всегда сохранял. Но определения его творчества как-то смутны и расплывчаты. Акварелист, импрессионист, истинно русский писатель. И даже Федор Степун написавший одну из самых больших прижизненных статей о Зайцеве (причем, юбилейную — в 1961 г.!), чтобы сказать о писателе — ставит его в контекст, в сравнение, чего он никогда не делал, когда писал о Бунине или Андрее Белом, Александре Блоке или Вячеславе Иванове. Три четверти статьи заняты анализом то Шмелева (в связи с Зайцевым), то Л. Андреева (в связи с Зайцевым), то Блока (опять в той же связи), а потом пытается понять Зайцева через тексты самого писателя о Жуковском, Тургеневе и Чехове.

Время их реальных первых встреч определить трудно, хотя круг общения был общий («Мусагет»), но тогда — до революции — они прошли мимо друг друга. Степун был начинающий философ, неокантианец, а потому по общему представлению чуждый родных российских проблем. Как правило, общее мнение обманчиво, и Степун стал одним из самых ярких описателей и толкователей пред- и пореволюционной России. Но в то время он был мало кому известен. А Зайцев был уже весьма известным писателем, автором многих рассказов и нашумевшей повести «Аграфена» (1908), переводчиком Флобера, в 1916 г. начало выходить его семитомное собрание сочинений. Еще до революции знаменитый критик Ю. Айхенвальд включил очерк о Зайцеве в свой третий выпуск «Силуэтов», где писал: «На горизонте русской литературы тихо горит чистая звезда

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-03-00064а.)

Бориса Зайцева. У нее есть свой особый, с другими не сливающийся свет, и от нее идет много благородных утешений. Зайцев нежен и хрупок, но в то же время не сходит с реалистической почвы, ни о чем не стесняется говорить, все называет по имени; он часто приникает к земле, к низменности, — однако сам остается не запятнан, как солнечный луч. Он душою своей возносится над "миром тесноты и тьмы", поднимается к Филону-философу, к предвечному божеству гностиков, но не гнушается и тем, что внизу. Это удивительное сочетание натурализма и поэтичности, эта наивная небрезгливость уверенного в себе хрустального писателя вызывает и в душе читающего то очищение, то аристотелевское "катарзис", от которого бесконечно далеки многие произведения современного слова. Чистый, насквозь пронизанный солнцем, верный сын его, Зайцев и сам пронизывает жизнь светом тихим, светом славы; он чувствует святость природы и человека, и это именно составляет его охрану, его палладиум в жизненных скитаниях, сквозь гущу грубой обыденности»[1]. В 1918 г. был опубликован самый известный его роман «Голубая звезда», роман странный, до сих пор, на мой взгляд, не проанализированный как следует. Но о нем позже.

Зайцев был писатель чеховско-бунинской школы, у Степуна же на всю жизнь осталось пристрастие к немецкому романтизму, соответственно, в России — к символистам. Уже за рубежом он открыл для себя, задолго до Нобелевской премии, Ивана Бунина как самого крупного русского писателя современности. Надо сказать, что Бунин и его окружение высоко ценили художественный вкус Степуна. Бунин считал, что он лучше всех сумел объяснить его прозу. Его домочадцы разделяли мнение мэтра, часто посылая Степуну для оценки свои рукописи еще до публикации. Имеет смысл привести дневниковую запись Галины Кузнецовой 1932 г., пославшей философу текст своего романа «Пролог»: «Одобрительно благожелательный отзыв Степуна о моей рукописи. Самое приятное то, что он услышал и запомнил мой собственный голос, который он называет "печальным и задумчивым"»[2]. Хочу сразу оговориться, что здесь я не собираюсь комментировать отношения Степуна и Бунина в связи с уходом возлюбленной нобелевского лауреата к сестре Степуна — Марге. Об этом слишком много написано, отчасти об этом сказано в предисловии к письмам (да и в самих письмах) Степуна Марге и Галине Кузнецовой в этом томе. В данном случае тема моя другая, для меня существенно, что через восприятие прозы Бунина, вживание в нее, романтик и аналитик символизма Степун воспринял реализм Зайцева.

Хотя не сразу. Сохранилось его письмо к Бунину, где о Зайцеве он отзывается совсем без восхищения. 16 марта 1951 г. Степун писал Бунину из Мюнхена: «Боюсь, что Зайцев обиделся на меня,

так как я отказал Мельгунову написать статью о нем, но мне это было бы трудно, так как моя любовь к нему как к калужанину, выросшему, как и я, на Оке, сильно превышает мою оценку его как писателя, но это между нами»[3]. Возможно, это было связано с размолвкой между Буниным и Зайцевым. Не совсем пустяковой, когда М.С. Цетлина из Нью-Йорка прислала Зайцеву письмо, в котором описывала, что Бунин «перекинулся» на сторону Советов. Основания были, Бунин почти вернулся в Советскую Россию, но вовремя повернул обратно. Беда была в том, что Зайцев показывал это письмо без разрешения Бунина эмигрантской диаспоре. И Бунин в эти годы разорвал с Зайцевым все отношения. Помирились они перед смертью Бунина. И к семидесятилетию Зайцева Степун не написал ни строчки. Но, как говорят, писатель в России должен жить долго. И вот к восьмидесятилетию писателя Степун пишет одну из лучших статей о Зайцеве.

В тексте статьи он дает, быть может, лучшее определение художественных особенностей прозы Бориса Константиновича Зайцева: «Природа лиризма родственна природе музыки. “Голубая звезда” и “Дом в Пасси” исполнены зайцевской музыки. С этой музыкой связана и степень пластичности выведенных им персонажей. Они очень видны, очень пластичны, как в психологическом, так и в социологическом смысле. Но они пластичны пластичностью барельефа, а не скульптуры. Они как бы проплывают перед читателем, но не останавливаются перед ним. Они не скульптурны. Их нельзя обойти кругом. В искусстве Зайцева, взятом в целом, нет толстовского начала. Но это не недостаток его творчества, а его особенность, связанная прежде всего с религиозной настроенностью его души. Двухмерное изображение Алексея — Божьего человека на иконе вполне естественно, но Божий человек, трехмерно высеченный из мрамора, уже проблематичен»[4]. Итак, барельефность, но барельефность предполагает и некую прямоту изображения, без погружения в душевные изломы. Все трагические судьбы своих героев Зайцев дает как бы извне, глазами наблюдателя, изображает то, что видит. Но эта прямота придавала силу его публицистике.

Но все же вернемся в Серебряный век, время становления и Зайцева, и Степуна. Это было, пожалуй, самое свободное для культуры время. Правда, как потом стало понятно, скорее всего, это был танец на краю пропасти. Впрочем, и Достоевский, и Соловьев, и Леонтьев в будущем России провидели катастрофу и наступление режима, который будет много жестче и мрачнее, чем засыпающее самодержавие. Вообще уходящая эпоха, уходящий дракон позволяет подопечному населению некие вольные деяния. И вот царь-освободитель взорван бомбой, террор становится бытом русской

жизни. Достоевский увидел в русском будущем «шигалевщину», бесов, кровавые пятерки, в общем то, что надвинулось на Россию. Леонтьев в 1891 г. произнес мрачные слова, что именно Россия родит из своих недр антихриста. В 1900 г. Вл. Соловьев по сути дела подтвердил его слова в своей «Краткой повести об антихристе» расписал это явление в символических, но вполне внятных образах. Повесть была переведена на много языков. В 1908 г. был опубликован роман-трактат «Антихрист» знаменитого писателя и богослова Валентина Свенцицкого. Сроки близились. Но накануне европейской катастрофы — Первой мировой войны — никто не хотел верить в мрачные пророчества. Поставленные Художественным театром «Бесы» Достоевского были восприняты некоторыми с восторгом, но так называемой прогрессивной общественностью с недоумением. Горький увидел выражение мещанской психологии в поисках Достоевским ответов на роковые вопросы человеческого бытия.

Степун довольно резко выступил против Горького, стилистически и мировоззренчески тот был ему абсолютно чужд. Зайцев, казалось бы, как реалист должен бы по-другому отнестись к писателю, с ницшеанским напором взявшему на себя патронаж русского реализма. Но Зайцеву всегда претили властные призывы. Как справедливо заметил о нем А.А. Кара-Мурза: «Можно сказать, что Борис Зайцев стал одним из интеллектуальных лидеров процесса, важного для русского "Серебряного века", — во многом спонтанного, но со временем все более акцентированного. Это характерный процесс размежевания двух пространств — "пространства власти" и "пространства культуры", создающегося в значительной степени переживаниями "паломничеств" в Европу. То было движение, однозначно плодотворное для самоопределения русской культуры, но весьма неоднозначное для российской политики. Ведь значительная часть творческих сил периодически (и иногда надолго) как бы самоустранялась с арены политики, оставляя "один на один" официозное охранительство и нарастающий русский радикализм, другими словами, — Реакцию и Революцию»[5]. Действительно «пространства власти» он и впрямь не принимал, от кого бы это ощущение власти ни исходило. В общем-то, настоящий христианин, — как сказал когда-то Лютер, — отдает свою волю Богу, зато независим от земного начальства.

В эти годы в России происходила в интеллектуальных кругах своего рода переориентация православия на протестантские принципы. Самая влиятельная и знаменитая книга тех лет — сборник «Вехи» (1909) — призывала к созданию протестантской этики труда на основе православия. Поэтому так претило Зайцеву всякое земное властное начало. Он мог бы вполне повторить следом за гиппонским епископом, что все правительства на земле суть разбойничьи шайки.

Скажем, о Горьком он написал позже, в 1932 г., так: «Встретиться с Горьким пришлось очень скоро, у Леонида Андреева. Высокий, сутулящийся, в блузе с ремешком, слегка закинутая голова с плоскими прядями волос, небольшие бойкие глаза, вздернутый нос, манера покручивать рыжеватые усики, закладывать руку за пояс-ремешок блузы, что-нибудь изрекать, окая по-нижегородски... — таким он помнится. Большая, все растущая слава. И некоторое уже "знамя", наклон влево. Чехов — чистая литература. Горький — вывеска для некоего буревестничества. В этом смысле он роковой человек. Литературно "Буревестник" его убог. Но сам Горький — первый, в ком так ярко выразилась грядущая (плебейская) полоса русской жизни. Невелик в искусстве, но значителен, как ранний Соловей-Разбойник. Посвист у него довольно громкий... раздался на всю Россию — и в Европе нашел отклик. Не удивляюсь, что сейчас Сталин так приветствует его: сам-то Сталин, со своими экспроприациями, бомбами, темными друзьями, был всегда двоюродным братом Горького. Горький лишь вращался в более приличном мире. (Этот просвещенный мир, увы, долго не распознавал истинного его лица...)»[6].

Вот здесь и возникает вопрос. В его лучшей, по общему мнению, вещи, «Голубой звезде», изданной в 1918 г., совершенно отсутствует тема умирающей власти в атмосфере больной и сходящей с ума России. Не увидел он и грядущей власти нового и жестокого мира. Возможно, ему застил глаза патриотический мираж. Не забудем, что уже четыре года идет страшная война, на которой Степун воевал как артиллерист, а потому (да и не только потому) ненавидел патриотические призывы к войне. А Зайцев в 1917 г. издал брошюру «Беседа о войне», где обвинял Германию в агрессивности, призывал к войне до победного конца и т. п. В романе Зайцева рассказывается об изломанной и нервической жизни в эти годы московских миллиардеров, интеллигентных дам, которые словно не видят, что уже три года идет страшная война, по сути дела, бойня, что Россия на краю пропасти, а среди этих дам, то строгого, то сравнительно легкого поведения, три мужских персонажа. Первый — это некто Никодимов, шулер, бывший военный разведчик, альфонс, мистически боящийся лифтов (постоянный непонятный сон о швейцаре перед лифтом) при этом еще и гомосексуалист, пытающийся картами обеспечить своего любовника. Погибает он глупо, раздавленный лифтом, упав в лифтовую шахту, куда указал ему рукой таинственный швейцар из сна. Потом некто Ретизанов, словно вышедший из романов Федора Сологуба, беседующий со «своими гениями», стреляющийся с Никодимовым на дуэли из-за русской танцовщицы, вроде Айседоры Дункан, и умирает, когда узнает, что она, оставив его, уезжает с каким-то англичанином в

Европу добывать себе мировую славу. И, наконец, вроде бы главный герой с характерными и говорящими именем и фамилией — Алексей Христофоров, стилистикой речи очень напоминающий князя Мышкина или Алешу Карамазова. Видно, сам Зайцев это чувствовал, ибо в тексте указал рифмовку с романом Достоевского: «— А скажите, — вдруг спросил Ретизанов, — когда вы читаете “Идиота”, то чувствуете вы некоторую атмосферу, как бы ультрафиолетовых лучей всюду, где появляется князь Мышкин? Такая нематериальная фосфоресценция...» Но ультрафиолет у Достоевского дан в контексте великих страстей, русской трагедии, которая выворачивает наизнанку души героев, в том числе и у князя Мышкина. А Христофоров и в самом деле из того типа людей, которых иронически зовут «христосиками», который и в самом деле может только говорить слова о голубой звезде Веге красивой барышне Машуре, всем послушный, ни с кем не входящий во внутренний контакт. Поэтому все смерти романа кажутся случайностью. Я бы назвал одну здесь явную удачу Зайцева: образ гимназиста «из простых», жениха Машуры, явное предвестие влюбленного в Лару Стрельникова из «Доктора Живаго». В этом смысле и Степун, и Бунин, и, что самое интересное, послереволюционный Зайцев-публицист, конечно, были другими, видевшими не только изысканную, изломанную и богатую богему, но реальность общественных разломов, проходивших по России.

Находившийся в действующей армии Степун писал по поводу ура-патриотических философствований: «Ужаснейшая ложь нашей идеологии. “Отечественная война”, “Война за освобождение угнетенных народностей”, “Война за культуру и свободу”, “Война и св. София”, “От Канта к Круппу” — все это отвратительно тем, что из всего этого смотрят на мир не живые, взволнованные чувством и мыслью пытливые человеческие глаза, а какие-то слепые бельма публицистической нечестности и философского доктринерства»[7]. А реальность, или, по словам Степуна, «эмпирия» войны была другой: «Они вряд ли узревают, что здесь над миллионами людей, поставленных в ряды защитников родины, отнюдь не созерцанием идеи, а принудительной силой государственной власти ежедневно приводятся в исполнение неизвестно кем по какому праву вынесенные смертные приговоры. Они не узревают, что подавляющее большинство воюет только потому, что попытка избежать вероятной смерти в бою ведет прямым путем к неминуемой смерти по суду через повешение»[8]. Отсюда, безусловно, вырастала вся чудовищная жесткость будущего большевизма. Во всяком случае, в этом действе и жертвы, и кровь были уже настоящие и готовили Россию к большевистским теургическим дей-

ствам. Степун видел вокруг себя то состояние умов, которое он позднее назовет «*метафизической инфляцией*»[9]. Напомню наблюдение Бердяева: «Новый антропологический тип вышел из войны, которая и дала большевистские кадры»[10].

В 1918 г. вернувшийся с фронта в Петроград Степун вовлекается в политическую борьбу, пытаясь отстоять идею демократического представительства. Становится начальником политуправления военного министерства с Борисом Савинковым во главе при Временном правительстве. Ему кажется, что наступила в России эпоха устроения правового демократического общества. Но в России разгорается и торжествует хаос. Степун чудом несколько раз как бывший офицер избегает гибели. Как и Зайцев, как и большинство русских интеллектуалов, он остается в России, ответив как-то допрашивавшему его чекисту, что нельзя сыну бежать от постели больной матери. Зайцев и Степун оказываются и единомышленниками, людьми, пытающимися выстоять в бесовском разгуле, о котором Зайцев позже написал так: «Та осень девятнадцатого года была удивительна, ни на что не похожа. Грозная, страшная осень даже в природе. Метели начались в октябре. Все задувало, заносило, рвало, разбрасывало. Погибала в свисте вьюг вековая Россия. Как описать, что сказать о сердцах наших в те дни? Чем выразить глубину отчаяния? Разве плачем на реках Вавилонских...»[11].

Бытовая жизнь ладилась плохо. В московской Лавке писателей русские литераторы были вынуждены сами продавать свои книги. Степун в мемуарах писал: «Приезжая из деревни, я каждый раз заходил на Большую Никитскую, где торговали Бердяев, пристрастный поклонник Флобера и несправедливый хулитель его друга Тургенева Грифцов, милый Борис Зайцев, нежный беллетрист с душою поэта и профилем Данте, эстетически обесцененным жиденькою бородкою земского врача»[12]. Здесь все точно ухвачено — чеховское начало в творчестве писателя и его бесконечная любовь к Италии, к Данте. Стоит напомнить, что Зайцев всю жизнь работал над переводом «Божественной комедии», и в 1961 г. опубликовал первую часть — «Ад». Он прекрасно понимал и видел, каков есть ад на земле. Русский изгнанник чувствовал духовное родство с флорентийским изгнанником. Даже в большевистской разоренной Москве он пытался показать близость русского ада дантовскому. Зайцев вспоминал: «В Лавке Писателей вывешивается плакат “Цикл Рафаэля”, “Венеция”, “Данте”. Председатель этого учреждения Муратов. Члены — Осоргин, Дживелегов, Грифцов, я и др. читаем в аудитории на углу Мерзляковского и Поварской, там были Высшие Женские курсы. В Дантовском цикле у нас и “дантовский пейзаж”, и Беатриче, и дантова символика»[13].

В эти же годы начинается более тесный контакт Степуна и Зайцева. Поневоле люди, занимавшие близкую позицию, пытавшиеся противопоставить большевикам не партийную или вооруженную борьбу, а духовную независимость, оказывались рядом. Степун вспоминал: «В 1922 г. в книгоиздательстве “Шиповник” вышел под моей редакцией номер одноименного журнала». Рассказывая об усилиях, которые ему пришлось приложить, Степун с гордостью замечает, что это был «литературно-философский сборник, ни одним словом не свидетельствовавший о том, что он вышел в советской Москве, а не в эмигрантском Париже»[14]. Он, правда, не сообщает, что одним из текстов сборника был лучший рассказ Зайцева «Улица Св. Николая», рассказ об Арбате, как выражающем христианскую суть Москвы. И этот рассказ, как и статья самого Степуна «Театр будущего (Трагедия и современность)» были заявлением той позиции, которая в те годы казалась единственной альтернативой большевизму — попыткой понять и спасти, как формулировал это Степун, «религиозный смысл пронесшейся над нами катастрофы»[15]. В 1922 г. оба они оказались в эмиграции. Степун был среди изгнанных мыслителей, писателей, историков, которым была предложена эта «высшая мера» с предупреждением, что в случае их незаконного возвращения на Родину им грозит смертная казнь. Любопытно, что поводом к ярости Ленина послужил выпущенный Степуном сборник «Освальд Шпенглер и Закат Европы». Вполне культуртрегерский сборник был назван вождем «литературным прикрытием белогвардейской организации»[16]. В результате была выработана политика по высылке инакомыслов за пределы Советской России. Зайцев в начале 20-х чуть не умер от тифа, был спасен женой, не отходившей от него ни на минуту. И, как бывало в хаосе тех лет, был отпущен на лечение за границу. Думаю, это было вариантом все той же высылки неугодных властям деятелей культуры. Высылали, понимая, что Зайцев не вернется. Он и не вернулся.

Дальше, в сущности, вся жизнь эмигрантов была посвящена одной проблеме — осмыслить, что же такое эта выгнавшая их Россия, почему народ принял сторону антихристианского, даже антихристова, движения, как сознавать себя в этом контексте. Степун пишет большой цикл философско-публицистических статей «Мысли о России», печатая их в «Современных записках». В 1929 г. он там же печатает свой роман «Николай Переслегин», который вчерне закончил еще в большевистской России. Здесь стоит сказать, что Степун, как многие русские мыслители (Леонтьев, Герцен, Чернышевский, Соловьев, Мережковский), был еще и писатель (впрочем, было и наоборот, вспомним имена Толстого и Достоевского). Разумеется, его волновало, как отнесутся к его художе-

ственному творчеству сотоварищи по эмиграции. Роман похвалил Томас Манн, скупо, но похвалил Бунин, вдрызг разругали Мережковский и Гиппиус, увидевшие в Степуне соперника. Интересно, что категорически не принял его Струве. В письме к Бунину 1929 г. Степун писал, пересказывая дошедшие до него сплетни: «Недавно обругал Струве. Степун с тепуном на языке пишет повести (!) и романы (?), плохо, по-суздальски, но зато как беллетрист занимается политикой (и с чего это люди так злятся, — очень мне это трудно понять!?)»[17]. Причина этой злости, однако, понятна. Струве призывал по-прежнему к вооруженной борьбе против Советской России, разойдясь в этом пункте даже с С.Л. Франком, своим старинным другом. Одним из главных оппонентов Струве в этом пункте был Степун, твердо стоявший на позициях идейного неприятия большевизма, но отметавший как вздорную мысль о вооруженной экспансии, поскольку большевизм — это народная стихия, а воевать с народом бессмысленно. Свою неприязнь к Степуну, придуманные им клише Струве помнил долго, и в 1932 г. в статье «“Беллетристическая” политика» он выступил против речи Степуна, в которой тот протестовал против «методов активизма», повторил свои определения творчества Степуна уже печатно. Помянув, что есть поговорка «Степун тебе на язык», так определил творчество оппонента: «Как беллетрист он пишет повести и романы. <...> Но Степун и политикой занимается как — “беллетрист”, и притом несомненно беллетрист именно в кавычках, т. е. плохой, по-суздальски»[18].

В понимании народной стихии как большевистской Степун нашел союзника в лице Зайцева, который шагнул еще дальше, назвав эту стихию антихристианской. Именно Зайцев высказал одну существенную мысль для понимания развития и русского православия, и русского образованного общества — по отношению к христианству. Пожалуй, после Соловьева никто с такой резкостью не говорил о христианском пафосе русской интеллигенции в контрасте с народом. Но это соображение было, конечно, выстрадано судьбой России и своей скитальческой судьбой: «В России же удивительно следующее: в довоенное время опорой православия считался простой народ, в значительной степени крестьяне. Большинство церквей — по сельской России. Большинство верующих были мещане, серые купцы, крестьяне. Теперь все изменилось. Крестьяне, оказалось, очень мало *сердцем* были преданы вере. Я знаю русскую деревню и не удивляюсь массовому закрытию там церквей. Помню и довоенное сельское духовенство...

А интеллигенция при мне, в мои ранние годы, — сплошь находилась вне веры — теперь она главный оплот ее — и в России, и в эмиграции»[19].

То, чему в революцию удивился православный мыслитель С. Булгаков, что русский народ оказался вне церкви («На пиру богов»), что совершенно не видел Струве, оказалось внятно русскому православному писателю. Конечно, в нем не было силы Достоевского. Его упрекал в этом Федотов: «Уместно поставить вопрос, важный для нас, русских: почему трагедия Достоевского не нашла себе последователей у нас? Достоевский оказал огромное влияние на все наше православное возрождение и на поколение символизма вообще. Им в значительной мере питалось новое богословское сознание. И вот, те православные художники слова, которые ныне составляют особый, ясно очерченный сектор русской литературы, чужды трагедии. В своей религии они нашли покой от суеты и безумия мира: в церковном ли благолепии быта (Шмелев), в чистой ли элегической красоте тварного и уже закатного мира (Зайцев). Зло и мрак оставлены в удел безбожникам или людям без догмата. Те живут этим мраком, но без материи нравственной борьбы не могут претворить мрак в материал для подлинной трагедии»[20]. Но кому что дано! Достоевский был великий визионер, предчувствовавший катастрофы России, обличавший свой народ, предупреждавший его, как ветхозаветный пророк, а Зайцев жил в эпоху, когда катастрофа уже свершилась, когда важнее, быть может, была стойкость и выдержка. Как когда-то писал любимец Зайцева Тургенев, «твердость держать знамя». И Зайцев его держал. Строго говоря, именно вокруг него, как бессменного с 1947 г. председателя Союза русских писателей и журналистов, собирались русские литераторы-изгнанники.

Именно эту твердость либерала-христианина выделил Степун. Он указал в своей статье на то, что в эмиграции особенно было важно — религиозную стилистику писателя. Религиозность держала русских эмигрантов как некое единое целое, как некогда евреи в диаспоре группировались вокруг Ветхого Завета. Но Ветхий Завет суров. Такая суровость в русской эмиграции из писателей была, пожалуй, лишь у Бунина, который прочитал Россию как период трагической любви («Темные аллеи»). Любовь к женщине столь же трагична, как любовь к Родине. Зайцев иной: «“Святая Русь” — термин славянофилов, еще в большей степени термин Достоевского, но у Зайцева он значит нечто иное. В зайцевском патриотизме нет ни политического империализма, ни вероисповеднического шовинизма, ни пренебрежительного отношения к Европе. Его патриотизм носит чисто эротический характер, в нем нет ничего, кроме глубокой любви к России, даже нежной влюбленности в нее, тихую, ласковую, скромную и богоисполненную душу русской природы, которую Зайцев описывает отнюдь не как “передвижник”-реалист, но с явным налетом творче-

ской стилизации. То, что он говорит о русском яблоневом саде, распространимо на всю русскую природу. Вся Россия для Зайцева — некий "скромный рай". Метель у него не просто метель, а некое "белое действо". Ока впадает у него не в Волгу, а в вечность, жеребенок на холме — не просто жеребенок, а призрак. "Орион", "Сириус", "голубая звезда Вега" вечно сияют у Зайцева над скромной нищетою русской земли, удостаивая ее и украшая за ее тишину»[21].

Однако именно потеря рая предполагала некие усилия по отстаиванию его принципов в кромешном мире. Нельзя тишину понимать как бездеятельность, это то состояние внутреннего мира, которое означает твердость и уверенность в себе, несет в себе силы духовного преображения, жажды свободы, сближавшей Степуна и Зайцева. Слова Адамовича можно поставить либо как эпиграф, либо как заключение к судьбе Бориса Константиновича: «Надо, однако, помнить, что среди писателей, покинувших родину ради свободы, Зайцев — один из тех, кому свобода действительно оказалась нужна, ибо никак, никакими способами, никакими уловками не мог бы он там выразить того, что говорит здесь. Не у всех есть это оправдание. Если мы вправе толковать о духовном творчестве в эмиграции, то лишь благодаря таким писателям, как он. Судить и взвешивать, каково это творчество — необходимо и важно. Но самое важное то, чтобы действительно было о чем судить и что взвешивать»[22]. Детали жизни Зайцева порой символически комичны. Когда в 1971 г. (год смерти Зайцева) в Париж приезжал Брежнев, Зайцев был признан «опасным элементом» и парижская префектура потребовала от глубокого старика отмечаться дважды в день в комиссариате своего квартала. Девяностолетний писатель казался советским деятелям опасным, как террорист. Просоветские настроения французских левых известны (вспомнить хотя бы интеллектуала Сартра), но тут не общество, а французские власти, как часто весь Запад, легли под Советы. Можно по поводу этого события сказать, что парадоксы истории комичны, когда не смертельны.

В 1965 г. восьмидесяти одного года от роду умер Степун. В 1967 г. старик Зайцев в очередной мемуарной книге, вспоминая прошлое, мимоходом помянул Степуна: «Жизнь Буниных несколько изменилась. Галина Николаевна уехала в Гёттинген, где выступала в опере Маргарита (Марга) Степун, сестра известного писателя, ее новая приятельница. А затем и вовсе покинула Буниных»[23]. Уже умерший к этому времени Степун для Зайцева не философ, а «известный писатель». Степун очень хотел, чтобы он был признан не только как философ, очень трепетно относился к своей прозе, не раз переиздавал свой роман и очерки. Его мемуары «Бывшее и несбывшееся», конечно, великое художественное произведение, не в меньшей

степени, чем для своего времени «Былое и думы« Герцена. И если к его роману отношения были весьма разные, порой резко неблагоприятные, у Мережковского, у Струве, то книга его воспоминаний всеми была признана шедевром. И посмертно заслуженное, как само собой разумеющееся, — «известный писатель». Но забыта его вторая ипостась, ипостась философа. Это понимание двойного состава творчества Степуна приходит спустя годы. Современникам трудно увидеть целостность человека.

---

[1] *Айхенвальд Ю.* Борис Зайцев. Наброски // *Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. С. 437.

[2] *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник / Сост., вступ. ст., комментарии О.Р. Демидовой. СПб.: Міръ , 2009. С. 296.

[3] Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину. Вступительная статья К. Хуфена. Публикация и примечания Р. Дэвиса и К. Хуфена // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 128.

[4] *Степун Ф.А.* Борису Константиновичу Зайцеву — к его восьмидесятилетию // *Степун Ф.А.* Сочинения. *Составление, вступительная статья, примечания и библиография* В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000. С. 735.

[5] *Кара-Мурза А.А.* «Пространство культуры» versus «пространство власти» (Историософские размышления Бориса Константиновича Зайцева) // *Кара-Мурза А.А.* Интеллектуальные портреты. Очерки о русских мыслителях XIX—XX вв. Выпуск. 2. М.: ИФ РАН, 2009. С. 43—44.

[6] *Зайцев Б.* Братья-писатели // *Зайцев Б.* http://royallib.ru/read/zaytsev_boris/bratya_pisateli.html#20480

[7] *Степун Ф. (Н. Лугин).* Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей, 2000. С. 75.

[8] Там же. С. 68—69.

[9] *Степун Ф.* Путь творческой революции //*Степун Ф.А.* Сочинения. С. 430.

[10] *Бердяев Н.А.* Самопознание. М.: Книга, 1991. С. 230.

[11] *Зайцев Б.К.* Памяти погибших // *Зайцев Б.К.* Дневник писателя. М.: Русский путь, 2009. С. 82.

[12] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. С. 516.

[13] *Зайцев Б.* П.П. Муратов // *Зайцев Борис.* Далекое. Washington: Inter-Language Literary Assosiates, 1965. С. 91.

[14] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. С. 507.

[15] *Степун Ф.* Театр будущего // *Степун Ф.А.* Сочинения. *Составление, вступительная статья, примечания и библиография* В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000. С. 198.

[16] *Ленин В.И.* П. с. с. Т. 54. С. 198.

[17] Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину. С. 93.

[18] *Струве П.Б.* Дневник политика (1925—1935). М.: Русский путь; Париж, YMCA-Press, 2004. С. 664.

[19] *Зайцев Б.К.* Об интеллигенции // *Зайцев Б.К.* Дневник писателя. М.: Русский путь, 2009. С. 91.

[20] *Федотов Г.П.* Христианская трагедия // *Федотов Г.П.* Собр. соч. в 12 т. Т. 9. Статьи американского периода. М.: Мартис, 2004. С. 335.

[21] *Степун Ф.А.* Борису Константиновичу Зайцеву — к его восьмидесятилетию. С. 736.

[22] *Адамович Г.В.* Борис Зайцев // *Адамович Г.В.* Одиночеств и свобода. СПб.: Алетейя, 2002. С. 204.

[23] *Зайцев Б.К.* Повесть о Вере // *Зайцев Б.К.* Золотой узор. Роман. Повести. М.: Интерпринт, 1992. С. 322.

Письма Ф.А. Степуна Борису и Вере Зайцевым*

Дорогие Вера Алексеевна и Борис Константинович[1],

Ты, память, муз вскормившая, свята,
Тебя зову, но не воспоминанье[2].

Зная себя, я всю жизнь боялся воспоминаний, этого недуга всех романтических душ, но начинающаяся старость берет свое, и воспоминания все плотнее окружают душу. Вы, как москвичи, да еще как москвичи, связанные с Калугой, под которой прошло мое счастливое детство[3], сейчас как-то особенно близки моей душе. Об этой близости я почти что с нежностью писал вам в ответ на запрос Веры Алексеевны[4] о нашей жизни и об адресе Марги и Галины[5]. К сожалению, письмо не дошло до вас. Повторять написанное я не могу. Мое тогдашнее лирическое излияние было внушено повторным чтением «Путешествия Глеба»[6], быть может, самой мне близкой книгой из всех ваших книг, дорогой Борис Константинович.

Хотя война и кончилась, хотя и сгинул, рассыпался в прах чудовищный национал-социализм, мы здесь конца войны по-настоящему еще не чувствуем. В каком-то смысле еще больше, чем под грохотом бомб, среди горящих городов гнетет наша полная отрезанность от мира, незнание, что в нем происходит, что таит в себе завтрашний день. Величайшей загадкой стоит перед завязанными глазами Россия. Великое множество советских людей, с которыми пришлось за последние годы встретиться сами впотьмах. Все они по-разному отражают темную тайну современной России, но все одинаково не раскрывают ее. Может быть, вам виднее, может быть, ваша интуиция прозорливее. Очень хотелось бы знать, в каких вы живете настроениях, куда клонит вас ваша любовь к России. И не только вас, но и всех тех, с которыми мы с вами связаны общей традицией и общими воспоминаниями. Чем больше живешь, тем отчетливее сознаешь, что по-настоящему близки могут быть только те люди, которые на вопрос «А помните ли?» могут сразу же ответить «Ну, конечно же, помним».

За последние годы войны, за годы полной отрезанности от нашей эмигрантской нации, моим величайшим утешением была моя большая русская библиотека, все же около тысячи томов и

* Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll 1 Zaitsev. Stepun, Fedor Avgustovich. Munich, 1949—1956. To Boris K. & Vera A. Zaitsev. Письма напечатаны на машинке.

томиков. Каждый вечер можно было снять с полки или Тургенева (не самого значительного русского писателя, но самого крупного среди наших прозаиков поэта любви и перечесть несколько страниц «Дыма», «Дворянского гнезда», «Поездки в Полесье») или лесковского «Очарованного странника» или Пушкина, Толстого, «Улицу св. Николая»[7], с изображением Кривоколенного переулка на обложке, Тютчева, Анненкова, Блока, Белого. Теперь все это сгорело[8], и временами я чувствую себя деревом с подрубленными корнями. Утрата книг гораздо печальнее, чем утрата квартиры. А все же жаль, что вы у нас так и не были. Вы провели бы несколько дней почти что в русской усадьбе. В больших комнатах с большими голландскими печами стояла старинная мебель красного дерева, а под окнами — яблони. Помню, как наша квартира приятно поразила Марью Михайловну Фидлер[9], дочь Маргариты Кирилловны[10], когда она впервые приехала к нам из Берлина. Это не жалоба, а только лирический вздох навстречу лирическому Зайцеву.

Главное, что делается в Париже? Существует ли еще эмиграция как духовное начало и социальное тело, есть ли уже газеты и журналы? Есть ли свобода в них? Собирается ли кто-нибудь продолжать Современные Записки, возможно ли издание книг? Меня все это интересует и в общем и в частном порядке, так как я заканчиваю большую книгу, смесь воспоминаний, раздумий и вымыслов, в которой пытаюсь нарисовать и облик России и облик революции[11]. В книге более тысячи страниц, очень хотелось бы выпустить ее на русском языке[12]. Что делается среди парижских знакомых? Один швейцарский издатель[13] мне писал, что Николай Александрович[14] пользуется ныне большим признанием Советской России. Если это верно, это было бы очень важно. Что делает Алексей Михайлович[15] и Шмелев[16]. Растет ли писательская молодежь? В Париже ли Бунин? Что всеми вами написано и чем вы все живете?

Ну, кончаю. Буду страшно ждать вашего ответа. Бог даст, вы словчите как-нибудь переслать его.

Наташа и я крепко обнимаем и целуем вас.

Ваши *Н. и Ф. Степуны*

22.6.56

---

[1] Письмо не датировано. Предположительно — 1949 г.

[2] Строчка Вячеслава Иванова, которую любил цитировать Степун. В своих мемуарах он так комментировал это двустишие: «Вячеслав Иванов в своей поэме “Деревья” высказал, быть может, наиболее глубокие мысли на тему, о которой мы <...> так часто говорим: на тему о двоякой памяти — созидающей и разрушающей жизнь» (*Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. С. 609).

[3] Детство Степуна прошло в маленьком городке Кондрово, где 25 сентября 2009 г. на его родном доме была установлена (автором этих строк вместе с коллегой

А.А. Кара-Мурзой) памятная доска с надписью: «В этом доме с 1887 по 1894 г. жил Федор Августович Степун, выдающийся русский философ, писатель, профессор, большую часть жизни проведший в вынужденной эмиграции, идейный борец с тоталитаризмом».

[4] *Вера Алексеевна Зайцева* (урожденная *Орешникова*, 1879—1965) — жена Б.К. Зайцева.

[5] Речь идет об адресе пары — сестры Ф.А. — Марго Степун и Галины Кузнецовой, после ухода последней от Бунина. Степун состоял с ними в переписке.

[6] Автобиографическая тетралогия Б.К. Зайцева под общим названием «Путешествие Глеба», состоящая из четырех романов: Заря. Berlin, 1937; Тишина. Paris, 1948; Юность. Paris, 1950; Древо жизни. New York, 1953. Конечно, в имени главного героя слышится парафраз имен двух первых русских святых — Бориса и Глеба.

[7] Рассказ Б.К. Зайцева. Впервые опубликован в: Сборники литературы и искусства «Шиповник». Под ред. Ф. Степуна. М.: Шиповник, 1922. № 1. Рассказ есть художественно-социологический срез московского Арбата в пред- и пореволюционную эпоху. На взгляд Зайцева, эта улица — символ христианской городской души России, где «Никола Милостивый, тихий и простой святитель, покровитель страждущих, друг бедных и заступник беззаступных», распростер «над улицей три креста своих, три алтаря своих». Любопытно отметить, что первый сборник прозы Зайцева стал первой книгой дореволюционного петербургского издательства под тем же названием. Писатель вспоминал: «В 1906 г., осенью, возникло в Петербурге новое издательство “Шиповник” — его основали молодой художник З. И. Гржебин и С. Ю. Копельман. Первою же книжкой “Шиповника” оказались как раз мои “Рассказы”» (*Зайцев Б.* Молодость — Россия // *Зайцев Б.* В пути. Париж: Книгоиздательство Возрождение — La Renaissance, 1951. С. 17).

[8] Дом Степуна был уничтожен в результате страшной бомбежки Дрездена 13—15 февраля 1945 г. англо-американской авиацией. В результате бомбардировок около четверти промышленных предприятий города и около половины остальных зданий (городская инфраструктура и жилые дома) было уничтожено или серьезно повреждено. По утверждениям американских ВВС, на несколько недель было парализовано движение транспорта через город. 17 марта 2010 г. был представлен официальный отчет комиссии, работающей с 2004 г. Согласно отчету, в результате бомбардировки Дрездена авиацией союзников в феврале 1945 г. погибли 25 тысяч человек. Степуна и его жену спасло счастливое стечение обстоятельств. В эти дни они уехали за город, где Степун хотел спокойно поработать над своими мемуарами. Таким образом, уцелели не только они, но и рукопись лучшей книги Степуна.

[9] *Мария Михайловна Морозова* (Маруся) — младшая дочь М.К. Морозовой (1905— ?). Сестра знаменитого шекспироведа М.М. Морозова. Во второй половине 1920-х годов ей удалось уехать в Германию под видом гувернантки детей итальянского посла в СССР. Вышла замуж за Александра Фидлера, сына директора известной гимназии. После прихода Гитлера бежала из Германии в Италию, затем в Южную Америку и в США.

[10] *Маргарита Кирилловна Морозова*, урожденная Мамонтова (1873—1958), жена М. А. Морозова, фабриканта и коллекционера. Известная московская просветительница, меценатка, благотворительница. На ее деньги существовало издательство «Путь». Возлюбленная знаменитого русского философа Е.Н. Трубецкого.

[11] Речь идет о мемуарах Степуна, в русском варианте озаглавленных «Бывшее и несбывшееся».

[12] Первоначально книга вышла на немецком языке (более полный вариант, чем русский) и называлась «Vergangenes und Unvergängliches. (Bd. 1—3). Munchen. 1947—1950».

[13] Речь, очевидно, идет о Фрице Либе. Fritz Lieb (1892—1970) — швейцарский протестантский богослов, ученик К. Барта, издатель совместного немецко-русского религиозного журнала «Orient und Okzident», профессор протестантско-

го богословия Боннского и Базельского университетов, большой знаток истории славянской религиозной мысли, владелец одной из лучших в Европе библиотек по данной тематике. Он состоял в переписке с Н.А. Бердяевым.

[14] *Николай Александрович Бердяев* (1874, Киев — 1948, Кламар под Парижем, Франция) — русский религиозный мыслитель, персоналист, создатель русского варианта эсхатологического экзистенциализма. Стоит процитировать письмо Бердяева Д.И. Чижевскому, чтобы убедиться в близости Либа и Бердяева и обоснованности слухов о советской ориентации Бердяева: «У меня самого патриотически-советская ориентация, но это совсем не значит, что я все одобряю и отказываюсь от критики. Книгу Фр. Либа (1) я считаю лучшей книгой о России и очень хорошо документированной» (Русский журнал, публикация В. Янцена:. http://magazines.russ.ru/nj/2007/246/be17.html). О взаимоотношении Степуна и Бердяева см. мою статью: *Кантор В.К.* Ф.А. Степун: анализ большевизма и национал-социализма (с приложением двух писем Степуна Н.А. Бердяеву, публикация писем и комментарии В.К. Кантора) // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2009. Том 10. Вып. 4. С. 156—173.

[15] *Алексей Михайлович Ремизов*.

[16] Иван Сергеевич Шмелев (21 сентября 1873 г., Москва — 24 июня 1950 г., близ Парижа) — один из самых знаменитых русских писателей эмиграции. Еще до революции прославился романом «Человек из ресторана» (1911). Роман имел фантастический успех. После прихода к власти большевиков жил в Крыму. В 1920 г. его единственный сын Сергей, белый офицер, был взят в Феодосии из лазарета и без суда расстрелян. В 1922 г. Шмелев и жена эмигрировали во Францию, где в 1923 г. он написал совершенно апокалипсический роман «Солнце мертвых» о большевистском терроре. Роман был пронизан личной болью, а потому произвел на западных читателей очень сильное впечатление. В 1932 г. был одним из кандидатов на получение Нобелевской премии. В годы эмиграции очень тесно дружил с русским философом Иваном Ильиным. Начиная с тридцатых годов пишет православно-сентиментальные романы, с сочно выписанными деталями московского православного быта.

Дорогой Борис Константинович,

Большое спасибо за Ваше письмо, которое меня очень обрадовало. Что Вы не отвечали, тому я не удивлялся: сам часто собираюсь откликнуться, но не откликаюсь. Заедает страшная напряженность и динамичность моей жизни. Четыре часа в неделю читаю в Мюнхенском университете. Раза два в неделю — где-нибудь в другом городе. Недавно читал в Бонне, в университетском семинаре. На вокзале меня встретил проф. Шилкарский[1] — не знаю, знаете ли Вы его. Он большой почитатель Соловьева, редактирующий сейчас полное собрание его сочинений — и сказал, что в Бонне сейчас «действуют» три православных богослова из советской России. Они объезжают немецкие богословские факультеты, в порядке ответного визита слегка большевизанствующим немецким богословам. Пройдя в директорский кабинет славянского института, я застал там трех очень разных соотечественников. Вождем делегации был, по-видимому, инспектор Ленинградской духовной Академии, проф. Лев Николаевич Па-

рийский[2]. Плотный мужчина, в старомодном черном пиджаке, сытый, ласковый, как кот, с умными и пристальными глазами. Когда мы ему были представлены, я и Шилкарский и еще один московский немец, служащий в министерстве иностранных дел, он попросил разрешения записать наши имена, отчества и места работы. Когда я назвал свое имя, он без всякой двусмысленности и подчеркнутым положительным отношением сообщил, что мое имя хорошо известно в советской России. Доклад по-русски для студентов-славистов читал проф. Константин Андреевич Зборовский[3]. Человек лет 65, очень русский, очень мягкий, сердечный и даже умилительный. Тема доклада была «Роль русского монастыря в воспитании народа». Доклад был из рук вон слаб. Полон ошибок, но и полон восторга. Татьяна Ларина, Лиза Калитина, Анна Каренина, преступившая закон брака, — обо всех их он говорил не то как о сестрах, не то как о женщинах, которых он в молодости любил. Немцев удивило, что он ни разу не произнес «святых» имен, как будто бы никогда советская Россия не чтила Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина. Весь доклад был прямо-таки засироплен монастырским духом и бытовым исповедничеством. После доклада были объявлены прения. Один из участников спросил, какова была судьба русских монастырей за последние 30 лет. На этот вопрос бедный Зборовский прочел будто бы пропущенное им в докладе слово патриарха Алексия при открытии какого-то монастыря. К этому он прибавил, что сейчас в России существует 69 монастырей. На этом прения и кончились, ибо всем стало ясно, что они невозможны.

Фамилию третьего богослова, человека с приятной и видной наружностью, я не помню. Это был очень бледный, худой человек с горячими, темными глазами и с поповски-нигилистической шевелюрой темных волос. Очень молчаливый, очень печальный и явно как-то вокруг себя осматривающийся. По кафедре — догматик.

Мы жили в одной гостинице, стена об стену. Сойдя утром пить кофе, я сознательно сел за маленький столик, думая, что соотечественникам может быть будет неуместно фамильярничать со мной. Но я ошибся. Как только они сошли вниз и поздоровались со мной, Лев Николаевич Парийский сразу же попросил меня перейти к ним. Я сел и Лев Николаевич тут же стал меня любезно расспрашивать о церквах и священниках в Мюнхене (в Германии странным образом все церкви находятся в карловацкой юрисдикции[4]). Я рассказал ему, как у нас обстоят дела, и он сразу же перешел к принципиальному вопросу об эмигрантской церкви, т. е. по существу к вопросу, не пора ли всем истинно верующим переходить в патриаршую юрисдикцию[5]. На что я ответил, что, не

осуждая патриарха, которому видней, какими путями лучше всего возвращать советский народ к Церкви, я все же думаю, что у эмигрантской Церкви свои задачи и свои пути[6], что для меня, регулярно читающего журнал Московской Патриархии, такой переход невозможен, ибо Патриаршая Церковь уж слишком усердствовала в прославлении Сталина, и как будто бы и ныне не замечает, что советские тюрьмы и концлагеря полны духовными лицами, о чем у меня точные сведения. На этом разговор прекратился. Не желая его прекращать, я рассказал, что уже два года тому назад я, через советского представителя в Восточной Германии получил приглашение проехаться в Ленинград для прочтения ряда лекций по вопросам германской культуры, на которое я не ответил, так как о таковой поездке для меня не могло быть и речи. Коллега Парийский очень оживился и стал мне упорно доказывать, что я напрасно отказался, что встретили бы меня очень радушно и что такая поездка, во всяком случае сейчас, никакой опасности для меня не заключает, так как все бывшее быльем поросло и советская Россия настолько сильна, что бояться свободного эмигрантского слова ей не приходится.

Я не стал оспаривать того, что весенние ветры, которые веют над Европой, с явно пропагандистскими целями, когда-нибудь и впрямь переменят взаимоотношения между эмиграцией и советской Россией. Но мне кажется, до этого дело еще не дошло, так как у нас в Мюнхене, да и в Берлине все еще продолжается умыкание людей на ту сторону[7]. Как только я это сказал, проф. Парийский страшно взволновался и стал стыдить меня, как это я, такой умный и осведомленный человек, верю таким эмигрантским сплетням. Его волнение было столь искренне, что я склонен думать, что он и впрямь о похищении Трушновича[8] в Берлине и попытке покушения на директора здешнего научного института — Яковлева[9] ничего не знает. Конечно, я не преминул детально рассказать ему о том, как все было проведено. Он снова умолк.

Немым доказательством того отсутствия свободы, которое тяготело над всей делегацией, был тот страх, с которым проф. богословия принял в подарок завернутую книгу от одного участника богословского совещания в славистском институте. Оный участник преподнес ему книгу, завернутую в бумагу, и сказал, что хотел бы иметь мнение о ней. Печальноокий богослов никак не хотел принять этот подарок, отговариваясь тем, что в Германии ему не будет времени прочесть эту книжку, на что немец, прекрасно говоривший по-русски, предложил ему взять книжку в Россию и написать ему оттуда. В конце концов, богослов книжку взял, но явно с чувством, как будто он взял бомбу. На следующее утро за

кофе он спросил меня, что это за книга. Осведомленный о том, что это была работа хорошего знатока вопроса о положении катакомбной церкви в России[10], хорошо известного мне автора, я сказал, что врученная ему книга и не научная и не нейтральная, что в ней много нападений на патриаршую церковь и т. д. На это растерявшийся богослов попросил меня взять книгу обратно, так как ему с нею нечего делать. При прощании он вернул мне ее не распечатанной и на мой вопрос, не заглянул ли он в нее, ответил, что — нет, нет, этого он не сделал, так как ему очень хотелось спасть. Вид у него при этом был несчастный.

Самое же грустное это то, что этот бесспорно духовный и научно заинтересованный человек решительно ничего не знал о всем том сложном и новом, что творится в западном богословии. Я назвал ему 5—6 крупных имен и ряд выдающихся работ, о которых он решительно ничего не знал. Странным образом, он не записал себе названных мною работ. Вероятно, не надеясь на то, что он сможет их выписать в Россию. Я пытался расспросить богослова (фамилию его я забыл) о русских писателях, в частности о Леонове, которого я впервые напечатал в советской России[11]. Но он опять-таки не без испуга сказал: мы от всех этих кругов очень далеки. В заключение должен сказать, что я чувствовал себя в обществе впервые мною увиденных советских ученых, в конце концов, очень хорошо. Испытывал к ним приязнь и жалость и ни малейшего налета недоброжелательства.

Садясь за письмо, никак не думал писать Вам обо всем этом. Но, почувствовав себя входящим в Вашу квартиру и садящимся за чайный стол, неожиданно для себя разговорился. Всегда чувствую близость к Вам и к Вере Алексеевне, конечно. Оба мы из Калужской губернии[12]. Ваш отец, как и мой отец, были директорами фабрик[13]. Оба мы связаны с Окой и с паромом. Да и в Москве жили при Арбате[14]. Все это как-то связывает.

А теперь о рецензии: Ваше письмо по этому вопросу кончается так, как будто бы у Вас писать некому. Кому Вы поначалу предложили рецензию, я не разобрал. Вы ясно начертали: «говорил с Водовым»[15]. Но я Водового не знаю. Очевидно я не разобрал фамилии. Сведения, что будет писать Вишняк — не верные. Я недавно получил от Вишняка письмо, в котором он сообщает, что заканчивает чтение Воспоминаний по-русски и собирается писать о них в Новом Русском Слове. Он уже два раза писал о них, прочтя немецкий перевод, в «Новом Русском Слове» и в «Новом журнале». Конечно, его я интересую, прежде всего, как общественный деятель в связи с судьбами Временного правительства. Написать обо мне, как о философе, социологе и, главным образом, как о

художнике, он не может. Я не знаю, заглядывали ли вы в «Бывшее и Несбывшееся»?[16] В нем много и мистического бытия и русского быта, целая галерея русских писателей и философов. Все то мне гораздо важнее, чем нападки на большевиков и защита Временного правительства. Я думаю, что и Адамовичу[17] и Терапиано[18], а может быть и Померанцеву[19] было бы что о них сказать. Я не получал до сих пор Русской Мысли, но может быть в ней обо мне уже что-нибудь и писалось. Из 800 страниц, как-никак 200 были напечатаны в Новом Журнале.

На Тройцу к нам приезжает Лев Александрович Зандер, объезжающий Германию на своем вроде-автомобиле. Он прочтет русский доклад о Достоевском и немецкий об о. Сергие Булгакове.

Вере Алексеевне и Вам от нас с Натальей Николаевной самый сердечный привет.

Ваш *Федор Степун*

---

[1] *Владимир Семёнович Шилкарский* (27.01.1884 — 20.08.1960) — специалист по теории философского знания и по истории философии. Приват-доцент, профессор Юрьевского (Дерптского) университета. После Октября 1917 г. — профессор Ковненского университета в Литве, затем — профессор Боннского университета. Участвовал в подготовке к изданию сочинений В.С. Соловьева на немецком языке. Умер в Бонне.

[2] *Лев Николаевич Парийский* (20 февраля 1892 г. — 23 ноября 1972 г.) — магистр богословия, профессор Ленинградской духовной академии по кафедре патрологии. Арестован в мае 1922 г. по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей» и приговорен к 5 годам заключения. Условно-досрочно освобожден осенью 1923 г. В дальнейшем — псаломщик и регент церковных хоров различных храмов Ленинграда. С 15 августа 1950 г. по август 1967 г. — инспектор Ленинградской духовной академии. С августа 1950 г. — доцент. Преподавал патрологию в Ленинградской ДА и практическое руководство для пастырей в Ленинградской Духовной семинарии. 25 января 1951 года Совет Ленинградской духовной академии присудил Л. Н. Парийскому степень магистра богословия за совокупность трудов по изъяснению богослужения православной церкви. Одновременно он был утвержден в звании профессора. В августе 1967 г. по прошению, в связи с болезнью, Указом Святейшего Патриарха Алексия Л. Н. Парийский был освобожден от должности инспектора Ленинградских духовных школ. Судя по всему, чины для советского времени были немалые.

[3] *Константин Андреевич Зборовский*.

[4] В 1921 г., по приглашению Сербского Патриарха Димитрия Павловича (*серб. Димитрије Павловић*), Высшее Церковное Управление Русской православной церкви за границей переехало в Сербию, в Сремски Карловцы, где оставалось до эвакуации в 1944 г. Сербский патриарх Димитрий предоставил свою резиденцию в распоряжение русских архиереев. 8—20 ноября (ст. ст.) 1921 г. в Сремских Карловцах состоялось Всезаграничное Русское Церковное Собрание, впоследствии переименованное в Собор (в современной литературе часто именуется *Первым Всезаграничным Церковным Собором*). Решения и участники получившего в советской печати наименование *Карловацкого Собора* были подвергнуты в советской России осуждению. 3 марта 1922 г. Патриарх Тихон официально поблагодарил сербского Патриарха Димитрия за то, что он предоставил убежище русским архиереям. В сан митрополита был возведен Евлогий (Георгиевский).

[5] За этим пожеланием стояли серьезные процессы в Русской Православной Церкви за границей. В начале сентября 1945 г. в Московский Патриархат перешли митрополит Евлогий с 75-ю приходами в Западной Европе и Северной Африке.
[6] Определением Священного Синода РПЦ МП от 10 августа 1945 г. епископат и клир РПЦЗ преданы суду собора епископов и запрещены в качестве священнослужителей.
[7] Начиная с 20-х годов работа чекистов по уничтожению лидеров белого движения, обосновавшихся на Западе, приобрела размах. К их работе были причастны такие люди, как Сергей Эфрон, Вера Гучкова (дочь депутата Гос. Думы Александра Ивановича Гучкова, 1862—1936, и т. д.). Были похищен генерал Александр Павлович Кутепов (С 1928 г. возглавлял "Русский общевоинский союз", объединявший русскую военную эмиграцию В 1930 г. исчез среди бела дня на парижской улице. По утверждению В.Л. Бурцева и мн. др., Кутепов был похищен агентами ГПУ). Затем был похищен советской разведкой его преемник генерал Евгений Карлович Миллер 22 сентября 1937 г. Реально все белое эмигрантское движение находилось под присмотром ОГПУ.
[8] *Александр Рудольфович Трушнович* (14 декабря 1893, Триест, Словения — 1954, Берлин) — словенец, общественный деятель русской эмиграции, один из руководителей НТС и председатель Комитета помощи русским беженцам. Во время Первой мировой войны был офицером Сербской добровольческой дивизии. В бою у Кокарджи был тяжело ранен, попал в госпиталь в Екатеринославле. Там же познакомился со своей будущей женой, работавшей медсестрой. В июле1917 г. добился перевода в 8-ю армию генерала Корнилова, участвовал в боях. Летом 1917 г. служил в Корниловском ударном полку. Рота под командованием Трушновича осталась верной Корнилову после провала мятежа, вплоть до отъезда генерала в Быхов охраняла его от возможного нападения. Во время Гражданской войны командовал пулеметной ротой Корниловского полка, попал в плен к красным, бежал, скитался по России. В 1934 г. как бывший подданный Австро-Венгрии добился через посольство Польши в СССР выезда с семьей в Югославию, жил в Белграде. Вступил в НТС, работал врачом. В конце 1944 г. уехал в Германию. В мае 1945 г. сумел избежать насильственной репатриации в СССР. Жил в Западной Германии. 13 апреля 1954 г. Александр Трушнович, на тот момент председатель Комитета помощи русским беженцам, был похищен советскими агентами. Как выяснилось позже, он оказал активное сопротивление и на советскую сторону был доставлен уже «без признаков жизни». Похищение и убийство Трушновича признаны Службой внешней разведки только после распада СССР.
[9] Речь идет о директоре Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР (1950—1972) как внепартийного, вненационального учреждения академического толка, «свободной корпорации ученых, покинувших Советский Союз». Учредители Института — Н.А. Троицкий (псевд. Б. Яковлев), К.Ф. Штеппа, А.П. Филиппов, А.Г. Авторханов и др. Первый директор — Н.А. Троицкий (руководитель и организатор Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР, 1947—1962), основатель Русской библиотеки в Мюнхене в 1949 г.). В 1955 г. в связи с реорганизацией американскими спецслужбами Института Н.А. Троицкий ушёл с поста директора.
[10] Катакомбная церковь.
[11] *Леонид Максимович Леонов* (1899—1994) — русский советский писатель. Речь идет о сборнике «Шиповник» (М.: Шиповник, 1922, № 1), где одновременно с рассказом Б. Зайцева «Улица святого Николая» Степун опубликовал рассказ Леонида Леонова «Бурыга». Леонова Степун считал одной из звезд советской литературы и, полемизируя с А.К. Воронским, писал: «Леонов пишет о том страшном, что в революции случилось с Россией, а Воронский хочет, чтобы Леонов писал о том пошлом, что большевики силились и силятся сделать с Россией» (*Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 290). Интересен его рассказ,

как он открыл для себя Леонова, об этом Степун пишет в предисловии к своей книге «Встречи» (1962 г.): «С Леонидом Леоновым я познакомился, вероятно, в зиму 20—21 года. Было это на Садово-Кудринской в просторном особняке, стоявшем посреди одного из тех больших московских дворов, о которых, сравнивая Москву с Петербургом, писал еще Герцен. Встретились мы на каком-то домашнем празднестве, в богатой квартире Булышкина, выпустившего впоследствии в Чеховском издательстве книгу о московском купечестве. Народу было очень много. Среди гостей мне сразу бросился в глаза Леонов, совсем еще молодой человек с внешне простоватым, но очень живым и милым лицом. Достаточно было поговорить с ним, чтобы почувствовать его большой и какой-то неожиданный по своему звуку талант. Я сразу же заинтересовался им и пригласил зайти к нам попить чаю и что-нибудь прочесть. Он охотно пришел и прочел свой изумительный, неизвестно откуда взявшийся рассказ “Бурыга”, который я и напечатал в сборнике “Шиповник”» (*Степун Федор*. Встречи. М.: Аграф, 1998. С. 9—10). Леонов стал предметом весьма темпераментных споров среди литераторов русского Зарубежья, смысл которых сводился к вопросу: где находится подлинная русская литература — в изгнании или в метрополии? Леонов был очень талантлив, переводился на европейские языки, а потому был объектом пристального внимания. Зайцев не принимал его, как писателя, поставившего свое перо в услужение советской власти. В 1931 г. он писал: «И вот у меня на столе “Соть”. Это еще новый поворот. Самое в ней, пожалуй, интересное (но и страшное) — это: как за десять лет сумели *обработать* и сломить человека даровитого, настоящего, быть может, даже крупного писателя. “Соть” есть открытый, совсем ничем не вуалированный “социальный заказ”. Собственно, автору это и совсем неинтересно. Приказали — сделал». (*Зайцев Б.К* Леонов и Городецкая // *Зайцев Б.К.* Дневник писателя. М.: Дом Русского Зарубежья: Русский путь, 2009. С. 135. Возражал ему Г. Адамович, заметив, что статья Зайцева против Леонова «должна была бы огорчить тех, кому дорога литература, и тех, кто любит Зайцева» (Там же. С. 179).

[12] Детство свое Борис Зайцев провел в селе Усты Жиздринского уезда Калужской губернии. Первоначальное образование получил под руководством гувернанток. В Калуге учился в классической гимназии, окончил Калужское реальное училище. 15 октября 2003 г. по проекту доктора философских наук А.А. Кара-Мурзы на главном фасаде одного из корпусов Калужского педагогического университета (Воскресенский пер., д. 4) (бывшее здание реального училища) Фонд «Русское либеральное наследие» (АКМ) и «Открытая Россия» (МБХ) установили мемориальную доску с надписью: «Здесь в Калужском реальном училище в 1894—1898 гг. учился писатель Борис Зайцев (1881—1972)».

[13] Отец Степуна был директором бумажной фабрики в Кондрово (город в Калужской области). Отец Зайцева — директором Московского металлического завода Гужона.

[14] Зайцев посвятил теме Арбата один из лучших своих рассказов «Улица св. Николая».

[15] Персонаж не установлен.

[16] Мемуары Степуна: Бывшее и несбывшееся. New-York: Изд-во им. Чехова. 1956. *То же, изд. второе*. (I—II). London. Overseas Publications Interchange Ltd. 1990. 431 стр.; *То же*: СПб., 1994.

[17] *Георгий Викторович Адамович* (7 апреля 1892, Москва — 21 февраля 1972, Ницца) — поэт-акмеист, литературный критик; переводчик. Со Степуном отношения у него были напряженные, поскольку Адамович не раз резко высказывался о «Новом граде», журнале, одним из создателей и редакторов которого (наряду с И.И. Фондаминским и Г.П. Федотовым) был Степун, который отвечал на критику по весьма важному вопросу: «Мне сейчас не хочется спорить с Г. Адамовичем в правильности или неправильности его характеристики новоградско-утвержденческого сознания. По-моему, она неверна, но это не важно. Важно признание Адамовича, что у христианства нет будущего, что христианство уходит

из мира. <...> Но если так, то что же делать молодому писателю эмиграции, верящему (это очень важно) вместе с Г. Адамовичем, что хотя христианство, конечно, и не опровергнуто, но навсегда обескровлено и обессмыслено. Не означает ли такое настроение, с одной стороны, полного разрыва с прошлым России (хорошо ли, худо ли бывшей все же страной православной), с другой — и с ее будущим? — ибо какое же будущее у страны, не могущей жить *неопровергнутой* истиной своего прошлого?» (*Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 510).

[18] *Юрий Константинович Терапиано* (21.10.1892, Керчь — 3.07.1980, Ганьи близ Парижа), поэт, прозаик, мемуарист. В эмиграции с 1920 г. В Париже — с 1922. Один из организаторов Союза молодых писателей и поэтов (январь1925—1940) и его первый председатель. Один из учредителей поэтического кружка «Перекресток» (1928—1937). Участник литературных собраний «Зелёная лампа» (с 1927 г.). Сотрудничал с газетами «Дни» и «Последние новости» (с 1926), редактировал журналы «Новый дом» и «Новый корабль» (1927—1928). В послевоенные годы печатался в основных эмигрантских журналах и альманахах: «Новоселье», «Новый журнал», «Возрождение», «Опыты», «Грани», «Мосты», «Современник» и др., в газетах: «Новое русское слово» (1945—1955), «Русская мысль» (1955—1978), где вел критический отдел. Инициатор литературного объединения «Медонские вечера» (1971). Оставил воспоминания из литературной жизни эмиграции.

[19] *Кирилл Дмитриевич Померанцев* (1906—1991) один из видных молодых поэтов Русского Зарубежья. Сын нотариуса, в 1919 г. вместе с родителями оказался в Константинополе. С 1927 г. он в Париже, работает на разных работах. С началом войны он переезжает в Лион, где принимает участие в движении Сопротивления. По словам поэта Александра Радашкевича, хорошо знавшего Померанцева в последние годы жизни, с 1946 г. в квартире Померанцева регулярно устраивались литературные вечера, постоянными участниками которых были Иван Бунин, Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Борис Зайцев, Юрий Одарченко, Владимир Смоленский и другие поэты и писатели. К. Померанцев скончался в Париже в ночь на 5 марта 1991 года, на 85-м году жизни. Урна с его прахом замурована в колумбарии огромного кладбища Пер-Лашез.

2.10.56

Дорогой Борис Константинович,

Снова пишу Вам по поводу, по которому уже дважды писал. Здешняя русская «читалка» снова устраивает День русской культуры. Читалка эта, честное слово, дело хорошее и нужное. Это не наш Научный Институт, где украинцы терзают русских, и всякая отсебятина поощряется как наука. Но и не Радио «Освобождение»[1], где все-таки делается определенно политическое дело, — а действительно, как говорили в старину, «Русский культурный очаг». Оплачивают все дело американцы, но в работу не вмешиваются. Но любят, правда, большие имена. А потому снова от имени «читалки» и американского комитета обращаюсь к Вам с вопросом: не приедете ли прочесть какой-нибудь рассказ или поделиться воспоминаниями о дореволюционной России. Ведь новая эмиграция никого не знает, но относится к нам, старикам, по-моему, все же с интересом и с симпатией. Я уже раз пять читал на Днях русской культуры после второй войны и читал в нашей Библиоте-

ке. Читал о Достоевском и Зандер. Вечера проходили с большим успехом. Вечер предполагается в воскресенье, 25 ноября. Будет мой доклад, вероятно, об особенностях русской культуры, затем Ваше выступление, а во второй части — провинциально, но надеюсь мило, три отрывка из Достоевского под режиссурой старого актера Камерного театра Елина[2].

Нам с Наташей лично очень хочется, чтобы наша Москва приехала в Мюнхен. Посидим вместе, вспомним и все же и помечтаем. Тут сейчас Вейдле[3] и Газданов[4]. Можно устроить уютный вечер. Забот у Вас никаких не будет. Американцы купят Вам билет (Вам — значит Вере Алексеевне и Борису Константиновичу). Вы в Париже сядете в спальный вагон, утром мы Вас встретим и привезем в гостиницу. Вы отдохнете, прочтете, посмотрите Мюнхен, проветритесь все же, а потом уедете обратно. Подумайте, пожалуйста, все же у вас есть, наконец, и ответственность — прибегаю к совершенно мне не подобающему педагогическому тону — перед новой эмиграцией.

Подумайте, и напишите, что едете. Если же Вы все же, несмотря на все доводы и просьбы не согласитесь, то напишите Валентине Николаевне Крыловой[5] по нижеследующему адресу, что не можете, и сообщите адрес Алданова. Если он находится в Европе, то его можно будет тоже, конечно, привезти. Но это будет, я думаю, много хуже. Отнюдь не потому, что Алданов плох, а потому что он, может быть, и не сможет близко подойти к новой эмиграции.

Забыл сказать, что Вам за выступление, конечно, заплатят. Во всяком случае не меньше 100 марок, но быть может и я смогу и понажать, чтобы прибавили полтинник.

Не задержите, пожалуйста, ответа, но и не отказывайтесь сразу.

Наташа и я шлем Вам наши самые сердечные и дружественные поклоны.

Ваш *Федор Степун*

Адрес Крыловой
München
Zessingstr. 4
Frau W. Krylowa

---

[1] 1 марта 1953 г., на несколько дней раньше смерти Сталина, начинает свою работу радиостанция, ориентированная на Советскую Россию. Согласно официальной истории, «Освобождение» было задумано «Американским комитетом по освобождению от большевизма» как эмигрантское радио, рупор «Координационного центра антибольшевистской борьбы для освобождения Родины от коммунистической диктатуры». С самого начала финансовое и административное содействие работе радиостанции оказывал Конгресс США. Финансирование

осуществлялось из американского бюджета через Центральное разведывательное управление (ЦРУ), которое контролировало деятельность радиостанции. В мае 1959 г. радиостанция меняет свое название на Радио «Свобода». Радиовещание велось из Германии: в студии Мюнхена передачи записывались на магнитофон, затем катушки доставлялись в Лампертхайм, где и находился радиопередатчик.
[2] Личность не установлена.
[3] *Владимир Васильевич Вейдле* (1 марта 1895 г., Петербург — 5 августа 1979, Париж) — историк русской культуры, поэт, литературовед, культуролог, «русский европеец», мыслитель, близкий по своей позиции Степуну, что не раз отмечалось современниками. Автор книг: «Les albeilles d'Aristée» (1936 — «Пчелы Аристея»), на русском языке «Умирание искусства» 1937 (имела большую прессу), «La Russie abcente et présente» (Paris, Gallimard, 1949), на русском звучит как «Россия отсутствующая и присутствующая», книга получила Риваролевскую премию, «Задача России» (N.Y.: Изд-во им. Чехова, 1965) и др. Степун постоянно общался с Вейдле, переписывался с ним. См. мою публикацию: *Кантор В.К.* Русские европейцы на Западе. Письма Ф.А. Степуна к Г.П. Федотову и В.В. Вейдле (*публикация и комментарии В.К. Кантора*) // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 106—115.
[4] *Гайто (Георгий) Иванович Газданов* (23 ноября 1903, Санкт-Петербург — 5 декабря 1971, Мюнхен) — русский писатель-эмигрант, осетин по происхождению. В 1919 г. присоединился к Добровольческому движению, через Крым эмигрировал в Константинополь. С 1923 г. в Париже. Был грузчиком, мойщиком паровозов, рабочим на заводе «Ситроен». Четыре года учился на историко-филологическом факультете Сорбонны, изучал историю литературы, социологию, экономику. Долгие годы, уже будучи известным писателем, был вынужден работать ночным таксистом. Первый же его роман «Вечер у Клэр» принес ему признание среди эмиграции. Критика сравнивала его с Набоковым. Во время оккупации Парижа принимал участие в движении Сопротивления. Автор многих романов.
[5] Крылова В.Н., писала под диктовку Степуна его письма, была вдовой дабендорфского инструктора. Дабендорфская школа Русской Освободительной Армии (РОА), или «отдел восточной пропаганды особого назначения» — единственный кадровый орган и учебный центр власовцев.

Письма Б.К. Зайцеву*

Мюнхен, 25 мая 1959 г.

Дорогой Борис Константинович!

Сердечное спасибо за Ваши строки. Бог даст, Ваши пожелания здоровья и деятельности, хотя бы и не в полной мере, все же исполнятся. Наташа от души благодарит Вас и также шлет любовь и привет.

Пастернак меня очень мучает[1]. Он уж давно написал мне две открытки и прислал перевод «Фауста» с трогательной надписью. Просил ответить. Я было сразу же бросился отвечать, но Наташа, вечно осторожная, и всем и всеми озабоченная, решила, что этого делать не надо. То, что я его люблю и ценю, он, по ее мнению, и так знает, письмен-

* Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zaitsev. Box 2. Stepun, Fedor Avgustovich. Munich, 1958—1964. To Boris K. & Vera A. Zaitsev. Письма напечатаны на машинке.

ного подтверждения не требуется, ухудшить же его положение письмом все же можно. Так я и не написал.

Поощренный Вашим письмом, я совсем было уже решил написать ему, но встретился неожиданно с Менертом[2], москвичом, немцем и очень известным во всем мире публицистом, который только что был в Переделкине. Он уже и раньше знал Пастернака, переписывался с ним, тем не менее встреча была не прежняя. Оставив автомобиль у леска, вдали от дачи Пастернака, Менерт пешком пошел к нему. Как только он открыл калитку, Пастернак появился на террасе, но в комнаты к себе не пригласил. Рассказав о подлости журналиста, который напечатал его частное письмо в многих переводах во всех газетах, Пастернак сказал, что это очень ухудшило его положение. Во время разговора он не в пример прежнему времени, был нервен, взволнован и все смотрел на дорогу за забор: не приближается ли кто-нибудь.

Вот я и опять не знаю, писать или не писать.

П. С. Недавно одно немецкое издательство запросило меня, переводить ли на немецкий язык Вашего «Чехова»[3] или нет. «Нет» значит, конечно, — не пойдет, не будет продаваться. Выход книг ведь прежде всего определяется деньгами. Меценатов среди издателей сейчас нет. За ответом ко мне приедет лектор издательства, который раньше служил у Фишера, в издательстве которого вышел «Живаго». Мы с ним исправляли первые 50 страниц перевода, и он очень привязался к нам. Надеюсь, что мне удастся уговорить его выпустить Вашу книгу.

Читал с удовольствием, хотя и не с полным согласием, Ваши заметки-раздумья о серебряном веке[4]. О том, что люди этого века были отравлены всяческими ядами, я сам писал в своих воспоминаниях[5]. В их жизни было, конечно, много надуманного, не подлинного, не целомудренного и распущенного; не было крепости быта и духовной трезвенности, но это все относится к психологии декадентства, рожденный же в начале века символизм, как новая форма художественного творчества, неизбежно будет продолжаться. Тот же Пастернак продолжает не Толстого или Бунина, но является, конечно, порождением, теоретически, Вячеслава Иванова, а художественно Андрея Белого, перекликаясь с Рильке, а может быть даже и с Прустом. Обо всем этом было бы хорошо поговорить, но некогда.

Вам и Вере наш самый сердечный привет. Обнимаем и любим.

Душевно Ваш

Федор Степун

---

[1] Степун написал о поэте статью: Б.Л. Пастернак // Новый журнал. Нью-Йорк. 1959. №56. С.187—206. *То же.* В сб. статей, посвященных творчеству Бориса

Леонидовича Пастернака. Изд. Института по изучению СССР. Мюнхен, 1962. Зайцев несколько раз писал о Пастернаке, понимая его как писателя, принадлежащего вечности: «Время идет. Пастернак все далее отходит в Вечность. Три сосны над его могилой все так же шумят в московском ветре. Зимой бюст его будет поставлен на могиле». (*Зайцев Б.* Еще о Пастернаке // *Зайцев Б.* Далекое. Washington: Inter—Language Literary Assosiates, 1965. С. 122.)

[2] *Клаус Менерт* (*Klaus Mehnert*, 1906, Москва — Ааахен) — советолог, путешественник, публицист, советник бундесканцлера. Общался и писал о крупных непримятых советской властью литераторах — Пастернаке, Солженицыне и т. д. В Калининграде открыт в сентябре 2005 г. по инициативе Аахенского университета Европейский институт им. Клауса Менерта (ЕИКМ).

[3] Очевидно, речь идет о беллетризованной биографии Чехова, написанной Зайцевым: Чехов. Биография. New York, 1954.

[4] Очевидно, Степун имеет в виду следующие размышления Зайцева: «А Россия, несмотря на явно неудачное правительство и вымирание ведущего слоя, росла бурно и пышно (тая все же в себе отраву) — росла и в промышленности, земледелии, и торговле, народном образовании. Все это на наших глазах, хотя тогда, по беспечности наших юных лет, мало мы этим занимались. <...> Некоторые называли даже начало века русским “ренессансом”. Преувеличенно, и не нес ренессанс этот в корнях своих здоровья — напротив, зерно болезни. Все-таки, в своем роде полоса замечательная» (*Зайцев Б.К.* Молодость — Россия // *Зайцев Б.К.* В пути. Париж: Книгоиздательство Возрождение — La Renaissance, 1951 С. 8). А неполное согласие, видимо, означают слова Степуна в его мемуарах по поводу зайцевской книги Москва!: «У Бориса Зайцева довоенная Москва — иконостас за синью ладана» (*Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. С. 198).

[5] Главу мемуаров «Россия накануне 1914 года» о так называемом «русском ренессансе», созданную в разгар Второй мировой войны, он закончил словами: «Час исполненья страшных русских предчувствий настал» (*Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. С. 253).

Мюнхен, 2 мая 1964 г.

Дорогой Борис Константинович!

Завтра Светлое Христово Воскресение. Христос Воскресе! От всего сердца обнимаю Вас и Веру Алексеевну. На заутрене буду думать о Вас.

От души благодарю Вас, дорогой Борис Константинович, за Ваши два письма: в газете и личное. Да, действительно, странно, что мы так поздно сблизились, как-то нашли друг друга, — два последыша нашей России[1]. Вы правильно пишете, что я больше общался в философских кругах, но все же «Логос» издавался в «Мусагете»[2], где царствовал Андрей Белый, изданы Блок и Вячеслав Иванов. Кроме философии нас как-то разделила и борьба между реалистами и символистами. В Литературном кружке я все же бывал и даже читал в нем дважды лекции: одну «О трагедии творчества» с подзаголовком «Шлегель»[3], а вторую о Бунине; что я о нем тогда говорил — я не помню, но как-то в дни грассовской дружбы[4] он погрозил мне пальцем — «знаю, мол».

Только что вышла на немецком языке моя большая книга (450 страниц), заглавие у нее изобретено издателем завлекательное для

немецкой публики «Мистическое миросозерцание — 5 обликов русских символистов: Соловьев, Бердяев, Вячеслав Иванов, Андрей Белый и Александр Блок»[5]. Я всегда хорошо знал и Блока, и Белого, но лишь работая над этой книгой, почувствовал весь ужас трагического срыва соловьевской мистики в большевистскую бездну, как у Белого[6], так и у Блока. В конце концов у меня создалось впечатление, что творчество этих двух великих лириков (у Белого, впрочем, проза сильнее) представляет собою нечто вроде небесного пролога к большевистской революции[7]. Разница только в том, что Белый к концу жизни как-то нравственно загрязнился, а к Блоку — какие бы он гнусности ни говорил — никакая грязь не приставала. Поразило меня и то, что Россия дважды пыталась его спасти от его безответственного мистицизма. В «Поле Куликовом»[8] он ждет голоса подруги вечной, а на ручке его меча оказывается облик Богоматери. В «Двенадцати» он не хочет Христа, в «Дневнике» признается, что ненавидит Его, пишет, что должен был бы быть антихрист, но вот не выходит. Как ни старается увидеть антихриста во главе красноармейцев — видит Христа[9]. Новая попытка России спасти своего блудного сына. Книжка вышла с очень хорошими портретами и выпущена очень изящно. Теперь я не знаю, что мне делать дальше. Хотелось бы написать ее по-русски, но это потребует много времени: просто переводить нельзя, а хочется писать новое.

Праздновали меня и немцы, и здешние русские очень сердечно. О чем я послал маленькую заметку Водову, которую Вы, может быть, уже и прочли.

В Париж и Лондон едет Художественный театр. Иной раз мечтается съездить посмотреть. Но это зависит от того, когда он будет в Париже, так как у меня впереди ряд лекций. Кстати, я только что вернулся из Копенгагена, где читал в университетах о миросозерцании Достоевского[10] и о русских и немецких корнях большевизма. Пробыл я там 10 дней. Перевидел много людей. Ездил к морю и побывал в замке, на котором также, как и на берлинской постановке «Гамлета», стоит вооруженный часовой.

Должен кончать, дорогой Борис Константинович, последние дни я все пишу благодарственные ответы[11]. Конечно, не на все полученные мною письма (их 150, да еще 50 телеграмм), а потому должен быть краток, что мне с трудом удается.

Еще раз обнимаю Вас, еще раз благодарю. И очень надеюсь еще повидаться. Вере Алексеевне сердечнейший привет и благодарность за ее несколько строк. Душевно Ваш

Федор Степун

Простите, что письмо так запоздало, но у меня страшный хаос в переписке — 250 писем[12].

---

[1] С этими строчками перекликаются слова Б. Зайцева 1971 г.: «Была горсть, осталась после войны полугорсть, а теперь четверть, и скоро все станем воспоминанием» (*Зайцев Б.К.* Изгнание //). Но, строго говоря, таково было общее настроение уцелевших в революцию писателей и мыслителей. Примерно об этом же писал Степуну Пастернак. Для Пастернака очевидно — они оба последние. «Я полон счастья при мысли, что мы оба, Вы и я, еще живы в такое время, когда <...> так дорого стоит и оплачивается каждое движение души, когда все так реально» (*Пастернак Б.* Собр. соч. в 5-ти т. Т. 5. С. 560), — писал он Степуну 30 мая 1958 г.

[2] См. об этом мою статью: *Кантор В.К.* Ф.А. Степун, «Мусагет», Э.К. Метнер // Кантовский сборник. 2010. № 1 (31). С. 49—59.

[3] Впервые этот текст был опубликован под названием «Трагедия творчества (Фр. Шлегель)» в: Логос. Международный ежегодник по философии культуры. М.: Мусагет, 1910. Книга первая. С. 171—196. Вошел в его сборник: Жизнь и творчество. Берлин: Обелиск, 1923. В полном составе этот сборник был включен в книгу: *Степун Ф.А.* Сочинения. *Составление, вступительная статья, примечания и библиография* В.К. Кантора. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.

[4] Годы до ухода Галины Кузнецовой к сестре Степуна Марге Степун, очевидно, до 1934 г.

[5] Mystische Weltschau. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block. München: Carl Hanser Verlag, 1964.

[6] О Белом Степун так написал в своих мемуарах: «Превратившись в последние годы своей жизни если и не в большевика-коммуниста, то все же в интеллигента-коммуноида, А. Белый весьма односторонне изобразил начало века как эпоху разложения феодально-буржуазного общества» (*Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. С. 206).

[7] В своей немецкой книге Степун писал о Блоке: «Отношение Блока к европейской цивилизации, которая, по его мнению, руками временного правительства сделала попытку завоевать Россию, крайне негативно, настолько негативно, что на вопрос, должно ли цивилизовать массы, он отвечает однозначно Нет» (*Stepun F.* Mystische Weltschau. Funf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block. Munchen: Carl Hanser Verlag, 1964. S. 409). Это, конечно, было прологом, к антиевропейской, враждебной западной цивилизации революции большевиков.

[8] Стихотворение Блока, точнее, стихотворный цикл, называется «На поле Куликовом» (1908). Очевидно, Степун имеет в виду следующие строфы:

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде, свет струящей,
Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.

И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

[9] Интересно, что Зайцев увидел поэму совсем по-другому, кажется, точнее в проблеме Христа, чем Степун: «Чтобы Христос действительно сошел, чтобы действительно была оправдана, возведена трагедия, нужно, чтобы Блок действительно полюбил и революцию, и Христа. Этого не было. Христос мелькнул ему, призрачный и туманный, потому что зова настоящего в нем не было — исчез. Мелькнуло и видение революции, как ложная незнакомка» (*Зайцев Б.* Побежденный // *Зайцев Б.* Далекое. Washington: Inter-Language Literary Associates, 1965. С. 12). И далее уточняет: «И один отрывок — величайшей важности для понимания Блока. Набросок пьесы из жизни Христа (“Русский Современник”). Может быть, Блок сам почувствовал, что нехорошо говорить об Иисусе: “ни женщина, ни мужчина”, о св. Петре: “дурак Симон с отвислой губой” или “все в Нем (Иисусе) значительное от народа”, “апостолы крали для него колосья” — все-таки он написал. Это, скажем, не литература. Но... что же, и не Блок? Увы, именно Блок, и помечено: 1918 г. Блок эпохи “Двенадцати”. Вот еще новый поворот, новый свет на загадочную поэму. Вот в каком настроении она создавалась. Что же, “настоящий” Христос вел “Двенадцать” или “блоковский”, “ни женщина, ни мужчина”, у которого “все значительное от народа”? Я говорил уже, что настоящий Христос вовсе не сходил в поэму. А теперь видно, какого Христа Блок пристегнул к своему писанью» (*Зайцев Б.К.* Побежденный. С. 16).

[10] Доклад, очевидно, делался по статье: Миросозерцание Достоевского. См. книгу: *Степун Ф.* Встречи. Мюнхен: Изд. тов-ва зарубежн. писателей, 1962. С. 11—37.

[11] В связи со своим юбилеем Степун получил несколько сотен поздравлений, в основном из Германии и Франции.

[12] Последняя фраза написана от руки красными чернилами.

Публикация и комментарии В.К. Кантора

Опубликовано: Вопросы литературы. 2012. № 1. С. 346—382

Сплетение судеб

Переписка эта находится в контексте одной из самых необычных любовных историй XX века. Речь идет об уходе Галины Кузнецовой, последней возлюбленной великого Бунина, его ученицы, прекрасной писательницы, «грасской Лауры», прожившей в его семье, во французском Грассе, пятнадцать лет (1926—1942), и ушедшей (с временными возвратами) от него к сестре Федора Степуна — певице Марге Степун. Причем необычным было не только то, что она ушла *к женщине*, с которой прожила в счастливом союзе до конца жизни, но и то, что уход этот произошел в период наивысшей международной славы Бунина — после получения им Нобелевской премии. Писательница Галина Кузнецова прекрасно понимала значение этой премии для литератора, прекрасно понимала и величие Бунина. И тем не менее предпочла

полную неожиданностей, неукорененности и необеспеченности жизнь с невыдающейся певицей. Не говоря уж о том, что для обывательского сознания тех лет, несмотря на прививку фрейдизма, да и прививку эпохи Серебряного века с его перверсными любовными связями, эта связь выглядела странной — прежде всего своей крепостью и серьезностью.

Догадываясь о любопытстве широкого читателя к интимным подробностям, сразу скажу, что в данном случае интерес представляет не эта сторона жизни, а то психологическое напряжение, которое несет эта история, поиски самостоятельности молодой женщиной, которые привели ее к разрыву с великим писателем. Помимо книги рассказов, книги стихов и романа «Пролог» Кузнецова известна читателю как создательница так называемого «Грасского дневника», где день за днем она описывала свою жизнь в семье Буниных, его рассуждения об искусстве, о литераторах и его жесткие высказывания о весьма многих известных деятелях политики и искусства. Получается вроде бы Эккерман XX века. Эккерман оставил свои записи разговоров с Гёте, Кузнецова — с Буниным, причем во втором случае эти записи вроде бы дают взгляд на великого писателя с точки зрения любящей женщины. Но все не так просто, ибо отношения были не простые. Кузнецова ушла к Бунину от мужа, белого офицера-эмигранта, бывшего юриста Д. Петрова, который даже хотел убить Бунина. По счастью, в тот день, когда Петров готов был к убийству, писателя он не дождался, а потом убивать раздумал. Очень трудно было и Галине Николаевне, влюбленной в мужчину старше ее на тридцать лет, жить в его семье, улыбаться его жене, и так долгие годы, будучи сразу и ученицей и любовницей. Поэтому, по точному выражению О.Р. Демидовой, написавшей предисловие к «Грасскому дневнику», перед нами «дневник как пространство умолчания». И вместе с тем Демидова справедливо замечает: «Опубликованная версия текста вполне позволяет утверждать, что Бунин мыслится автором и представлен читателю как Герой, Гений, пусть и не лишенный некоторых — вполне человеческих — слабостей»[1].

Конечно, для Бунина Галина Кузнецова оказалась роковой женщиной, но, соблюдая человеческую и историческую справедливость, надо сказать, что совсем из другого ряда, чем Аполлинария Суслова или Лиля Брик, не женщина-вамп. Она была скорее жертвой — жертвой любви, оба партнера были сильнее ее. В обоих случаях это было несладко. Вначале жить в семье любовника, старше ее на тридцать лет, потом оказаться в союзе с сильной женщиной, что вызывало осуждение окружающих. Для Бунина ее уход был катастрофой, может, ему было бы легче, если б она ушла

к мужчине. Такое он уже переживал, об этом писал. Он даже поначалу сгоряча обвинил в этой истории Федора Степуна. Потом успокоился. Степун писал письма обеим женщинам, объяснял своему великому другу возможность и такой любви.

Эти строки стоит привести. Степун писал: «И тут я подхожу к единственному пункту, в котором Вам, быть может, будет трудно понять меня и одобрить мое поведение. Я сам человек эротически не только абсолютно нормальный, но даже элементарный. Всякая однополая страсть (мужская, впрочем, больше, чем женская) вызывает потому во мне вполне определенное чувство отталкивания, я сказал бы даже тошноты, в том двойном душевно-физическом смысле, который оно имеет в просторечии. Толстой предсмертную тоску ведь тоже называет душевной тошнотой. Но таковое мое ощущение не мешает мне признавать, что на почве той болезни, той ненормальности, того злосчастия, что представляют собою все половые аномалии, могут вырастать большие, весьма ценные пожизненные отношения. От этого моего убеждения, что норма любви заключается не в так называемой нормальности, а в степени ее духовной и творческой напряженности, я отказаться не могу. Половая ненормальность всегда очень тяжелая судьба, но не всегда и не обязательно разврат. Как нормальная любовь может быть развратна, так и ненормальная может быть духовна и целомудренна. Для меня развратна (вспомните мою статью о «Митиной любви») всякая безликая похоть и праведна всякая страсть, связанная с откровением о лице человека и взращением его (лица) в любимом существе. Окажется ли связь Галины Николаевны с Маргой только развратом или любовью, для меня еще неясно. Боюсь, что большой, пожизненной любви не выйдет, но и надеюсь, что будущее опровергнет меня, хотя, положа руку на сердце, и эта перспектива меня инстинктивно мало радует»[2]. Жизнь показала, что союз двух женщин оказался неразрушимым. Бунин думал, что для Галины Николаевны, помимо любви, много значит их писательское взаимопонимание. 8 марта Бунин записывает в дневнике: «Разговор с Г<алей>. Я ей: “Наша душевная близость кончена”. И ухом не повела»[3]. Поэтому, быть может, философская пропедевтика Степуна была так важна: «Так называемая “противоестественная” любовь, как таковая, ни с “гнусностью”, ни с “грязью” ничего общего не имеет: бывает грязь естественных и бывает чистота противоестественных отношений. Что Вам тот мир, в который ушла Галина Николаевна, должен казаться таким, каким он Вам кажется, мне ясно. Ясно и то, что все Ваши безудержные словоизвержения по отношению к этому миру являются бунтом эротического самолюбия и жалости к себе (страшные

силы). Я понимаю, мне, по крайней мере, искренне так кажется, и Вашу муку, и Ваш гнев, и Ваше отвращение, и все же не в порядке “благородной прописи”, а в порядке горячего желания как-нибудь выйти всем нам из создавшегося положения, прошу Вас в трезвую минуту подумать и умом и сердцем, — не правильнее ли прекратить Вам Вашу борьбу против Марги? Ведь не хотите же Вы вогнать в гроб ту самую Галину Николаевну, на которую Вы потратили “девять лет великой любви и заботы”. Мне кажется, ей, как и Марге, сейчас бесконечно тяжело жить. Правда, не легче, чем Вам»[4]. Надо сказать, разрыв с Буниным и Степуну дался нелегко, слишком много сил он приложил, завоевывая его дружбу. Но он был верен своей позиции бескомпромиссного выбора в любви.

Как ясно из писем и воспоминаний, со временем Бунин примирился со сложившейся ситуацией. Если это могло бы успокоить его самолюбие, то стоит отметить, что Кузнецова после того, как она уехала от Бунина, перестала писать. Но, похоже, ее покинуло желание «оставить в мире память о себе», как она когда-то мечтала в своих стихах.

Эта проблема уже не занимала ее. Она ездила повсюду с Маргой, жила с ней в разных странах, порой снова гостя в Грассе у Буниных, но в основном в Германии, рядом со Степуном, одно время в США, после смерти жены Федора Августовича они окончательно переехали к нему в Мюнхен, оставшись после его смерти в его квартире. Как рассказывала автору этих строк А.Н. фон Герсдорф, дочь Анны Алексеевны Оболенской, эпистолярной возлюбленной Степуна последних лет, она иногда навещала обеих женщин, и до сих пор помнит женственную фигуру Галины Николаевны, хлопотавшей на кухне, и сидевшую в кабинете брата за книгами и много курившую Маргу Степун. Причем произносила она ее имя с ударением на первый слог. Как видим, память о двух необычных женщинах все же осталась. Но будучи ведомой в этом союзе, Галина Кузнецова оказалась более значима в области духовной реальности. Ее проза, ее «Грасский дневник» существуют и поныне как факт отечественной культуры.

Эпизод этих отношений читатель найдет в публикуемых письмах.

---

[1] *Демидова О.Р.* Дневник как пространство умолчания // *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник / Сост., вступ. ст., коммент. О.Р. Демидовой. СПб.: Міръ, 2009. С. 11.

[2] Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину. Вступительная статья К. Хуфена. Публикация и примечания Р. Дэвиса и К. Хуфена // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 114 (см. также настоящее издание: с.)

[3] Там же. С. 154.

[4] Там же. С. 117.

Письма сестре и Галине Кузнецовой*

1
Письмо Г.Н. Кузнецовой[1]

Дорогая Галина Николаевна,

Простите, что так долго продержал Ваш роман. Если бы я мог переслать Вам в Грасс киноленту моих дней, Вы бы обязательно простили. Ужасные дни: какие-то неотложности, неизбежности и неотклонимые ненужности. И все это наряду с очень большой работой.

Роман Ваш я прочел уже давно. Дал, как всегда делаю, полежать ему в памяти. Для оценки художественного произведения это очень существенный метод. Есть вещи — читаются как самое настоящее искусство, а через месяц исчезают начисто. «Тесные врата»[2] — остаются. Первую половину я прочел сразу же по получении. Пока все до мелочей помню. А кроме того знаю, что

* В Историческом архиве (ИА) Института Восточной Европы при Бременском университете (Германия) (Historisches Archiv, Forschungsstelle Osteuropa an der Universitat Bremen — HA FSO) хранится небольшой фонд писательницы Галины Николаевны Кузнецовой (1900, Киев — 1976, Мюнхен). Это имя уже давно известно российскому читателю, особенно по ее «Грасскому дневнику», и шире — по биографии исторического И.А. Бунина или Бунина — «олитературенного, окиношенного».

Бумаги, составившие фонд Г. Кузнецовой (HA FSO, F. Z1, картоны 1—2), переданы в ИА в 1995 г. на временное, «ответственное хранение» душеприказчиком Г.Н. Кузнецовой Василием Семеновичем Франком. Эти бумаги оказались у В.С. Франка, потому что Г.Н. не оставила завещания о судьбе своего архива, а ее законная наследница (сводная сестра, жившая в Южной Америке) не высказала интереса его получить. Василий Семенович взял то, что оказалось в ее квартире, которую надо было срочно освободить.

После смерти В.С. Франка в 1996 г., право собственности на бумаги Кузнецовой перешло к его наследникам, которые позволили нам сделать фонд Г.Н. Кузнецовой доступным для исследователей. Это бескорыстное решение вызывает искреннее чувство благодарности семье покойного Василия Семеновича Франка.

Судьба всего архива Г.Н. Кузнецовой нам не известна. По-видимому, какая-то его значительная часть, — главным образом документальные материалы 1940—1970-х годов — находятся в распоряжении известного французского коллекционера зарубежной русской культуры энтузиаста Рене Герра (см. его интервью в: ЛГ-Досье, 1995. N 11—12).

В бумагах Г.Н. Кузнецовой естественным образом отложились и материалы, принадлежавшие сестре философа Маргарите Августовне Степун (15.04.1903? — официальная дата, Москва — 24.12.1972, Мюнхен). Среди них — и публикуемые здесь письма.

(Справка подготовлена при участии архивиста Исторического архива Института Восточной Европы при Университете г. Бремена *Габриэля Суперфина*.)

Подготовка текста и комментарии В.К. Кантора.

и забыв содержание, а быть может и действующих лиц, удержу воспоминание об услышанном голосе: низком, печальном и задумчивом. «Тесные врата» безусловно существуют. В них есть то, без чего для меня нет искусства — в них есть настоящее. Сверх этого в «Тесных вратах» есть настоящая поэзия — своя мелодия. К сожалению, этой своей мелодии не соответствует столь же своя пластика. Пластика описания у Вас, конечно, Бунинская. Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, что отчетливость Ваших мастерских описаний не вполне соответствует вечернему и туманному голосу Вашего романа. Представляя себе Вас за работой, я вижу сквозь Ваш роман — что у Вас в глазах музыка, в руке резец. Лишь кажется, если бы Вы взяли кисть, Вам было бы легче.

Конец романа (точнее, расхождение Вашей героини с мужем) показался мне слабее остального. В нем все правильно, ничто не детонирует, но он написан как-то жиже. В нем другая степень художнической плотности. Усложнению темы не соответствует усложнение фактуры письма.

Все это я говорю Вам, Галина Николаевна, во-первых, в порядке дружественном, а во-вторых — профессиональном[3]. Чисто читательское впечатление мое гораздо проще и положительнее. Я читал «Тесные врата» с очень большим удовольствием, словно бродишь по родным местам. Читал и многое отмечал, но о деталях говорить не могу — некогда. Н.Н.[4] и я шлем Вам и Вашим бельведерцам[5] самый душевный привет. Искренне

Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Хранится в фонде Кузнецовой — HA FSO Bremen, F. 141. Публикатору письмо передано Габриэлем Суперфином.

[2] Очевидно, так первоначально назывался единственный роман Галины Кузнецовой «Пролог», впервые опубликованный: Париж: Соврем. записки, 1933. Отмечу весьма положительную рецензию на роман жившего в Праге выдающегося русского мыслителя: *Бицилли П.М.* Кузнецова Г.Н. Пролог. Роман. Париж: Соврем. записки, 1933 // Современные записки. 1933. № 53. С. 453—454.

[3] Имеет смысл привести дневниковую запись Галины Кузнецовой от 2 июля 1932 г., пославшей философу текст своего романа: «Одобрительно благожелательный отзыв Степуна о моей рукописи. Самое приятное то, что он услышал и запомнил мой собственный голос, который он называет “печальным и задумчивым”» (*Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник / Сост., вступ. ст., комментарии О.Р. Демидовой. СПб.: Міръ , 2009. С. 296). Эта запись позволяет датировать письмо Степуна 1932 г.

[4] Имеется в виду Натаья Николаевна, жена Степуна.

[5] Так называли живших на бунинской вилле Бельведер.

2

22 Сент. 1950 г.

Милый друг, Маргуня[1],

Хоть ты и очень мило и деликатно пишешь мне, я все же чувствую глубину твоей обиды на меня. Право, не надо обижаться. Я ведь писал Минч.[2] не философское а житейское письмо и употребил то слово, которое, мы обыкновенно употребляем, говоря о счастливом повороте вещей в нашей жизни. Я очень хорошо знаю и живо чувствую, какими напряженными усилиями и сознательными решениями вы шаг за шагом добились улучшения вашего положения. Рассказывая тут знакомым о твоем новом положении и контракте, я каждый раз сам заново удивлялся Твоему мужеству, Твоей энергии, Галиной[3] жертвенности и трудоспособности, благодаря которым вы разрешили проблему вашей американской жизни. Все же удалось Вам это не без некоторых случайностей, которые, говоря рационально, могли бы и не случиться. Самое примечательное среди них — это ваш въезд в квартиру члена ОН[4]. Все случайности — конечно не случайности; для верующего человека случайность — только псевдоним чуда. Если бы я писал Минч. в том философском настроении, в котором пишу сейчас Тебе, и, вероятно написал бы, что Марга и Галя удостоились чудесного ведения судьбы. Поверь мне, что я именно так ощущаю пройденный вами путь. Верую, что ваши горячие молитвы вам помогли. Раз мы подняли такую большую тему, то попытаемся по дружбе договориться до полной ясности. Оно, конечно, верно — «на Бога надейся, а сам не плошай», но в твоем письме звучит больше того, что вот, я де не плошала. В нем есть и тот пафос, который был и у мамы, когда она говорила «я знаю, что это сработаю».

Мне кажется, что этот пафос не вполне православен. И я себя спрашиваю — не остаток ли это в твоей душе того волевого начала, которое характерно для волевого пуританского кальвинизма. Если ты перечтешь в моем первом томе страницы о дедушке[5], то ты поймешь, о чем я говорю. С точки зрения родственной дипломатии с моей стороны было бы вероятно разумнее не писать тебе об этих моих мыслях, но я не люблю дипломатии и верю в творческую созидательную силу откровенности между близкими друг другу и любящими друг друга людьми.

Здесь мы живем очень тихо, очень спокойно и во всех отношениях хорошо, если не считать за нарушение нашей приятной жизни то, что я по 10 часов в день сижу за письменным столом, подготовляя [доклад] для большого социологического конгресса, на котором меня будут слушать специальные ученые, а не обыкновенная образованная публика. Сегодня я кончил свой доклад и вот пишу вам.

Поселились мы здесь, под Трауэнштейном, по совету Екат. Алекс.[6], крестьянский двор которой находится в шести верстах от нас. Мы живем в прекрасной большой комнате в баварском стиле и спим на хороших постелях в маленькой спальне. Есть и балкон. В большой комнате — большое окно до полу, перед ним ящик с цветами. За окном — зеленое пастбище, скот и куры. Около дома старые яблони — урожай удивительный — все усеяно яблоками: и деревья и земля под ними. За пастбищем старинная романо-барочная церковь на фоне многопланных гор. Мы наслаждаемся тем, что в доме не только нет телефона, но даже и звонка, и что к нам никто не может неожиданно прийти. Екат. Алекс. не в счет. Она очень счастлива нашей близостью и трогательно нежна с нами. Была у нас уже два раза, я тоже был у нее, в понедельник мы вместе идем уже прощаться с ней, а 4-го окт. я «отбываю» в турнэ и читаю 18 дней (15 лекций). Собственно говоря, это безумие, но есть несколько долгов, и кроме того надо на всякий случай иметь хоть маленькую сумму про запас на случай всяких неожиданностей.

Америк. комиссар в Баварии проф. Шустер, которого и знает и очень ценит Карпович[7], прислал мне на днях очень любезное письмо, в котором просит, чтобы я связался с американцем, заведующим обменом ученых, которому он сказал все нужно[е], чтобы тот проявил энергию. Надеюсь, что мне удастся поговорить с ним еще до моего лекционного путешествия. Кроме того, о. Александр[8] писал мне, что в Пазинг приехала некая г-жа Фишер, занимающаяся тем же делом, которую он просит меня посетить, что я тоже сделал сейчас же по приезде в Мюнхен. Кажется, все указательные пальцы гонят нас из Европы.

Я до сих пор не написал пробного текста для Татьяны Федоровны (Шаляпиной) и решил пока что и не писать. Как я тебе писал, это вещь трудная и ответственная, и мне становится как-то не по себе, когда я прикидываю текст. Рад, что и ты пишешь, что может быть правильнее сохранять свою свободу.

Настроение немцев здесь иное, чем то может показаться, читая немецкие газеты, хотя и в них проскальзывает нежелание поддаваться американской панике[9], «нужной главным образом для развязывания кошельков налогоплательщиков». Вооружаться все окончательно не хотят и потому охотно говорят о необходимости «миросозерцательного» сопротивления.

Ну, дорогие, пора, кончаю. Сегодня надо диктовать еще очень много писем, так как в Мюнхене, куда мы едем через 4 дня, сразу же начинается старая суета. Крепко обнимаем и целуем вас.

Федор

[1] Маргуня — Маргарита (Марга) Августовна Степун — сестра Ф.А., оперная и эстрадная певица. После смерти жены Степуна Наташи перебралась вместе с Га-

линой Кузнецовой в Мюнхен к Степуну, где ухаживала за ним все его последние годы. В траурном извещении, разосланном друзьям и коллегам покойного было написано: «23 февраля 1965 г. нас навсегда неожиданно оставил **Проф. Др. Федор Степун**, родившийся 19 февраля 1884 г. в Москве. От лица его родственников и друзей — МАРГА СТЕПУН. Погребение: пятница 26 февраля 1965 г. в 13.00 на Северном кладбище (Nordfriedhof)» — Архив университетской библиотеки г. Айхштетт (Eichstatt) в Германии. NL., 46, I. Лист 147. *Перевод с немецкого В.К. Кантора*.

[2] Минч. — возможно, *Яков Арсентьевич Минченко* (*подсказано Г. Суперфином*), друг Степунов.

[3] Речь идет о *Галине Николаевне Кузнецовой* — поэтессе, писательнице, мемуаристке, известной широкой публике как последняя любовь и подруга И.А. Бунина. С 1942 г. покидает Бунина и живет вместе с Марго Степун в Германии, США и с 1962 г. снова в Германии.

[4] ОН — очевидно, имеется в виду Организация Объединенных Наций. Г. Кузнецова работала в издательском отделе ООН.

[5] Степун писал о своем деде, что тот «был самым настоящим кальвинистом не в религиозном, а в раскрытом Максом Вебером социологическом смысле этого слова. Непоколебимою основою его жизни была фанатическая вера в роль труда. Он не для того работал, чтобы жить, но жил для того, чтобы работать» (*Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Изд. 2-е. Т. I. London: Overseas Publications Interchange Ltd. 1990. С. 52).

[6] Вероятно, жена Я.А. Минченко.

[7] Скорее всего, речь идет о профессоре Гарвардского университета, историке Михаиле Михайловиче Карповиче (1888—1959), который «придерживался историографической ориентации либерально настроенных эмигрантских ученых — Милюкова, Кизеветтера и Маклакова» (*Раев М*. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919—1939. М., 1994. С. 219).

[8] Возможно, имеется в виду о. Александр Шафрановский, настоятель Данцигского прихода в Германии.

[9] Имеется в виду начало холодной войны, когда американцы были напуганы появлением у Советского Союза атомной бомбы. Слово подчеркнуто Ф.А. Степуном.

3

22 Сент. 1950 г.

...Большое спасибо Вам, Галя, за Ваше дружественное взволнованное и очень интересное письмо. Мне очень радостно представлять себе Вас в Вашем заокеанском имении за книгой, которую я писал в поповском флигеле и первая статья которой была, странно подумать, впервые напечатана в литературном сборнике, основанном Луначарским, Академии, секретарем которой состоял Евсей Шор. «Я не помню, когда это было, может быть, никогда...»

Вопрос отношения художественного творчества к религии очень сложен и до сих пор не дает мне покоя. Разрешать его так просто, как он в свое время разрешался для меня под влиянием немецкой мистики (обоснование этого решения мною дано в «Жизни и Творчестве»[1], которую Вы, кажется, читали), я ныне

считаю не правильно. Если бы христианство требовало отречения от творчества[2], то христианская культура была бы невозможна. Я же к ней снова стремлюсь. Этот поворот в мыслях не означает, однако, утверждения полной гармонии между религиозной жизнью, скажем для усиления, монашеской, и жизнью художника. Мы об этом много в свое время, как вы может быть помните, говорили и даже переписывались с Владыкой Иоанном[3], который не признает моей антиномии. По-моему, христианство требует сердца чистого и высокого, а искусство, прежде всего, сердца богатого. Богатое же сердце должно опытно знать и темные стороны жизни. Как решение всей этой сложности я в «Жизни и творчестве» развивал теорию о культуре как о предназначенном для заклания агнце. Я думаю, что как нет христианского государства и христианской политики, а есть только политика и государство христиан[4], так нет в сущности и христианской культуры, но должна быть, должна твориться культура христиан.

Все эти вопросы меня сейчас очень волнуют, так как я неустанно думаю о какой-то последней философской книге, которую вряд ли успею написать, ввиду надламывающейся перспективы жизни.

Спасибо Вам за Ваши хорошие слова о постоянно напряженной духовной атмосфере нашего дома. Собираясь со всей возможной интенсивностью и в очень смешанных чувствах за океан, я как единственную светлую точку только и вижу Вас с Маргой, к сожалению уже не в вашей усадьбе, за фотографию которой мы от души благодарим. Нельзя поверить, что это Америка — сад, деревянный дом, лесенка и вы обе, пополневшие и очень милые. Как сложится жизнь — никто конечно не знает, но я думаю, я верю, что духовная связь между нами никогда не оборвется. Часто я потому только и не пишу, что мне слишком мало письма. Я до сих пор еще на написал Олечке Шор[5] по поводу смерти Вячеслава Иванова, и Евгении Юдифьевне написал с громадным опозданием и то лишь в связи с ее просьбой исправить вкравшуюся в мою статью об Николае Александровиче ошибку: оказывается, он никогда не брал советского паспорта[6]. По всему миру разбросаны близкие люди, с которыми я, по своей природе, ежедневно общаюсь, и которым я от тоски не пишу. Очень хочу написать Ивану Алексеевичу[7], к восьмидесятилетию которого я обещал статью в «Возрождение»[8], что мне не легко сделать, так как я уже много писал о нем. Новое я мог бы сказать только о «Темных аллеях», но эта была бы критика, в которую мне не хочется, конечно, вдаваться в юбилейной статье, хотя интересующая меня, в связи с «Темными аллеями» тема и очень интересна. Я определил бы ее

как начало музыки и пластики в эросе. В «Тем. аллеях» Бунин все время пытается описать то, что можно только воспеть, отчего получается какой-то бескрылый соблазн.

(*окончание письма отсутствует в оригинале. — В.К.*)

---

[1] Сборник статей Степуна под таким названием вышел впервые в Берлине в 1923 г. Статья под аналогичным названием, вошедшая в сборник, впервые была опубликована в журнале «Логос», М., 1913, кн. 3-я и 4-я.

[2] В «Жизни и творчестве» он писал: «Если мы ведаем, что Бог есть, а равно и то, что в творчестве Его нет, то это значит, что мы ведаем уже и то последнее, к чему призвано человечество, — это полный отказ от всякого творчества» (*Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 126).

[3] Очевидно, имеется в виду архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) (1902—1989), весьма крупный религиозный мыслитель, не раз писавший о проблемах русской культуры.

[4] На эту тему Степуном написана статья «Христианство и политика» («Современные записки», Париж, 1933. Кн. 53. С. 335—352; 1934. Кн. 55. С. 308—325. Переиздано: *Степун Ф.А.* Сочинения. М., 2000. С. 399—422.

[5] Имеется в виду *Ольга Александровна Шор* (1894—1978), помогала Степуну при эмиграции из Советской России, жила в Риме в семье Вяч. Иванова, где ее прозвали «Фламинго»; Вяч. Иванов посвятил ей несколько стихотворений, опубликованы также отдельные письма из переписки Ф. Степуна и О. Шор.

[6] Об этой ошибке см. письмо 10 из «Немецких писем» в данной публикации.

[7] Бунину.

[8] *Степун Ф.* И.А. Бунин и русская литература // Возрождение. 1951. Тетрадь 13. С. 168—175.

4

1 декабря 1950 г.

Милый друг Галина.

Только что прочел Ваше интересное и милое письмо. Большое спасибо. Очень обрадовали нас. Девятого Ваши именины. Наташа и я от души поздравляем Вас. Я мечтаю о том, чтобы вы вернулись к художественному творчеству, чтобы вам удалось написать настоящую вещь, в уровень вашей личности и в уровень вашей судьбы. Сейчас пишет громадное количество людей и все пишут (говорю прежде всего о немцах) внешне весьма умно, опытно и грамотно. Но писателей становятся все меньше и меньше. В Европе безусловно происходит какое-то умаление чувства, какой-то отлив души.

Я недавно, готовя статью о Бунине, перечитывал «Темные аллеи». Первый рассказ. Может быть, я был душевно утомлен, нервен и чуток той особенною чуткостью, которая связана с расшатанностью нервной системы. Но я с такою силою увидел приезд худого генерала и с такою галлюцинирующею силою и точностью вслушивался в его разговор с тою, которую он некогда любил, что

не мог прочесть Наташе неожиданно сильно потрясший меня рассказ: перехватило горло и навернулись слезы. Я знаю, что это у меня от какой-то тоски по России, по ее дорогам, дождям, осенней грязи и лошадям с подвязанными хвостами. Россия, это и детство; и Кондрово, и мать, и влюбленность 14-ти летнего мальчика в женщин Тургенева и Толстого. Но вот я взял после «Темных аллей» «Тишину» Зайцева. Читал с удовольствием тоже как свое, в известном смысле даже более свое, чем Бунинские рассказы. Калуга, Ока, Сызрань, гостиница «Кулон», ресторан «Кукушка», паром через Оку — все это уже сугубо свое, лично свое. Все это не только слова о России, но и обо мне лично и все же того наслаждения и того потрясения, которое я получил от Бунина, Зайцев мне не дал. Мне кажется, что Бунин пишет как большой актер, который сливается со своими образами, раскрывает их чувства совсем изнутри из последней глубины своей души, а Зайцев пишет как пейзажист. У него в руке кисть, на палитре краски, перед ним холст и потому не получается того, что, быть может, наиболее важно во всяком творчестве, не получается творчества из ничего, то есть того творчества, о котором рассказывается в книге Бытия. Бунин, конечно, особенно горяч, страстен и волшебен. Никогда не забуду того позднего вечера, что-то около двенадцати, когда я по какому-то поводу пришел в Бельведер[1]. Его окно еще светилось. Я не то выкликал его, не то он услышал мои шаги. Во всяком случае, он сошел вниз весь охваченный творчеством, весь во вдохновении и в ожогах фантазии. Он писал, кажется, о юге, об Украйне. И вот он, сойдя, начал рассказывать, что-то намеком пропел, что-то притоптыванием протанцевал и все это было так ярко, что мне этого никогда не забыть. Сошли ли вы тогда тоже вместе с Буниным, или нет, были ли вы с нами, или не были — я, простите, не помню. Но если я об этом забыл, то в этом виноват не я, а Бунин.

Пишу я это все к тому, чтобы сказать, что на мой слух и на мое ощущение в вас есть что-то от стихии Бунинского творчества. Если и не его размеры, не его интенсивности, то все же его подлинность, настоящность. Это очень много, так как в искусстве важны не масштабы, а подлинность и настоящность. Важно, чтобы писателю его искусство было нужно. Лишь искусство, нужное писателю, нужно и читателю. Вот потому, что мне нужно ваше писательство, я бы и хотел, чтобы вы продолжали писать.

После Вашего письма пришло и Маргино. Поблагодарите ее от нас за ее готовность приютить нас, примите и сами нашу благодарность за такую же и вашу готовность. Мысль о том, что мы приедем не к чужим, а к своим, не в небоскреб, а в небольшой

дом, в тихую улицу с садами, весьма и весьма утешительна. С Эренвиртом я буду завтра же созваниваться. Он, конечно, выдаст нужную бумагу и я сейчас же вышлю ее вам. Бог даст, Марга получит место корректорши и вы начнете помаленьку что-нибудь откладывать на черный день. Хотя я человек и храбрый, мне все же представляется страшным жить так, чтоб в случае какой-нибудь катастрофы, болезни, усталости не иметь возможности дальше жить. В Германии, где мы обросли людьми и симпатиями, мне это не было бы страшно, а в Америке — неуютно. Кончаю, так как очень спешу. Это 25-е письмо, которое я диктую со вчерашнего вечера. Простите за краткость и за то, что я не смог, быть может, сказать вам того, что хотелось сказать.

Наташа и я крепко обнимаем и целуем Вас и Маргу.

Душевно преданный вам *Федор*

Вас обеих крепко обнимаю и поздравляю.

Дай Бог вам обеим доброй судьбы[2].

---

[1] Речь о вилле Бунина «Бельведер» в Грассе.

[2] Последние две фразы написаны чернилами рукой Степуна на первой странице письма между датой и обращением к адресату.

5

Мюнхен, январь 1953 г.

Дорогая моя Маргуня. Твое скорбно досадующее письмо прочел с полным сознанием своей вины. Буду очень стараться исправиться, но исправлюсь ли не знаю. Дело в том, что я не замечаю, как быстро несется время: думаю, что писал с месяц тому назад, а оказывается, что ты уже целых 4 месяца без известий от меня. Завел особую тетрадь, в которую отныне буду записывать отправляемые вам письма, положил ее на письменный стол под стекло и собираюсь каждую субботу заглядывать в нее. Это внешняя сторона вопроса, что же касается внутренней, то я не думаю, родная, вернее верую, что есть между близкими людьми какие-то первозданные чувства, какие-то подпочвенные родники, которые не мелеют, оттого что не смешиваются друг с другом на поверхности земли. В силу этого первозданного притяжения между нами я очень верю. Думаю, что в конце концов в нее веришь и ты. Конечно, я мог бы часто писать несколько слов: здравствуйте, как живется, мы, слава Богу, живы, здоровы, тянем лямку, как волы, и мечтаем о лебединых крыльях: но я как-то не люблю или, вернее, не умею писать такие «весточки». Может быть, потому что я и получать их не очень люблю, как мама. Помню, как она говорила, что не любит

открыток. Это как туннель — вскочишь и выскочишь, а она любила пожить чужой жизнью, и сама всегда писала длинные и обстоятельные письма. Последнее длинное и обстоятельное письмо Гале к именинам, надеюсь, вы его получили, как и фотографии. К Рождеству Наташа написала открытку, я не смог выкроить ни одного часа. Сейчас тоже очень спешу. Вчера несколько неожиданно пришла телеграмма от Софьи Оттовны, что она вечером приезжает. Все утро пробегал, отыскивая ей дешевую комнату недалеко от нас. Пансионов бездна, но дешевых и свободных комнат нет. Вчера ездили ее встречать. Сегодня она почти целый день у нас. Как ей устроиться, вернее, как ее нам устраивать — неизвестно. За 4 месяца сын прислал только 16 марок. Она не раз писала ему. Писали ему и мы, у которых она гостила, но он не отвечает. Сонечкин приезд нарушил весь мой временный бюджет. К завтрашнему дню я должен был прочесть большую докторскую работу моего ученика. Отставить ее неудобно. Это довольно солидный католический патер[1], проработавший над русскими темами уже шесть лет в восточном отделе Ватикана. Придется читать ночью.

Не знаю, писала ли Вам[2] Вера Шис, что 12 декабря скончалась Фанни Маврикиевна. За месяц до смерти я еще разговаривал с ней, после тяжелого сердечного припадка. Она была очень оживлена и мужественна в своей досаде, что ее, никому не нужную старуху, задерживают в жизни, мешают умереть и тратят деньги на врача и дорогие средства. Все это было совершенно искренне и я еще позавидовал ей в такой готовности к смерти. У несчастной мамы этого не было: она все повторяла: «и жить не хочу, и умереть боюсь». Недавно трогательная Бинерт[3] (Еси) прислала письмо, что могила в полном порядке, дубок у головы разросся. Она прислала и засушенный лист. Прислал, уже довольно давно — и Миша[4] просьбу передать Тебе, чтобы ты не забывала о нем и незамедлительно сообщила бы, если бы американская медицина нашла бы какое-нибудь средство против его болезни. Может быть, Ты как-нибудь напишешь, как обстоят дела — я бы переслал ему эти сведения окольным путем — это будет ему большим утешением. Все люди за железным занавесом страдают от сознания своей покинутости. Это эпидемия. Недавно получили мы новости об «Новом журнале». Отзыв Горького обо мне меня очень обрадовал. Я и сам все сильнее чувствую себя почти последним из «стаи славных» настоящих московско-русских интеллигентов и земли русской «праведников». Единственное, что в отзыве могло бы огорчить меня, это мысль, что я и мне подобные сейчас никому не нужны. Ибо нужны не цветы, а сапоги. Но эта мысль не огорчила меня, так как я своей ненужности не чувствую, если бы я был никому не нужен, меня не рвали бы на части, как меня рвут.

А кроме того, чем существеннее сапоги в их противопоставлении цветам, — ведь только тем, что они топчут цветы, тем, что они выше или важнее Пушкина. Без Пушкина и цветов сапоги не вошли бы в Философию Истории. Ведь сапоги нами живут, как грех — добром, как атеизм — Богом. Но это сознание не мешает мне чувствовать мое нарастающее одиночество, как в Германии, так и среди эмиграции. «Нейе Цейтунг» напечатала в рождественском номере анкету двадцати пяти немецких писателей. Спрашивалось: какое литературное, музыкальное и художественное произведение произвело на каждого из них наиболее сильное впечатление. Типичность ответов была удручающа. Во-первых: кокетство, забота о том, как бы обрисовать себя весьма интересным и известным человеком. Кто только мог — писал, что самую интересную выставку или фильм он видел — в Чикаго, в Филадельфии, Париже или Амстердаме. Во-вторых — повторяемость суждений, оценок. Среди музыкантов на первом месте — Стравинский и Барток. Среди художников — Пикассо и Бентамт[5] или Бекман[6]. Среди писателей — Хемингвей, Торнтон Уайлдер и... Томас Манн. Кроме этих типичностей, нарочито-неожиданностей название никому неизвестных имен — я, мол, самостоятельная личность. Во всем очевидна сервировка, во всем тщательно скрываемый снобизм литературного гурманства, европейской осведомленности модного духовного покроя со стоящей за всем этим духовной пустотой. Я знаю многих из отвечавших и многих им подобных, вращаюсь среди них, вижу, как они одиноки и завистливы, как борются друг с другом из-за мест в журналах и гонораров, и очень чувствую свою русскую инакопородность. Конечно, и у нас, в старой Москве враждовали друг с другом, но совсем иначе — горячей, откровенней, убежденней и объективней. В известном смысле все-таки — не за страх, а за совесть. Московская жизнь 1910—1914 годов, главными узловыми станциями которой были: Московское Психологическое общество и Общество Вл. Соловьева, Редакции — «Пути», «Весов», Мусагета[7], «Софии» и «Русской мысли» и «Малый Художественный и Камерный Театры» — представляется мне и по своей объективной художественной значительности и по своей напряженности и подлинности какой-то затонувшей Атлантидой[8]. Бывал я в немецком, очень дружественно к нам расположенном и милом обществе — и все чаще вспоминал Мусагетские вечера, заседания Религиозно-Философского Общества и «Пути» в особняке Маргариты Кирилловны[9] и испытывал сосущее душу одиночество. На второй день мы с Наташей были Ханзерами[10] приглашены к ужину, в их замечательно отделанную квартиру, в которую вошли и наши бывшие комнаты. Было очень шикарно. До ужина аперитивы. Перед каждым прибором стакан французского шампанского, лососина, угорь, ома-

ры, провансаль, паштет из гусиной печенки, запеченый холодный гусь, холодная оленина, копченая гусиная грудь и т. п. и т. п. Вина без конца. Кроме нас были со своими женами три писателя: лирик Бриттинг, юморист и новеллист Рот и Хехофф[11]. Просидели до часу ночи — много курили, много пили и оживленно разговаривали «о том, о сём, а больше ни о чем»: — о перспективах в искусстве и его идеях, по сравнению со средними веками, причем Рот проявил грандиозные специальные знания по этому вопросу, — затем о том, стоит ли издавать Клопштока[12] и Фонтеня[13], или Ханзер на этом деле прогорит. Слегка коснулись политики, выругав с лирической высоты гнусное ремесло журналистов, — все со смешком, с остроумием, но все без страсти, без чувства ответственности за судьбы Германии, и вернее все в духе какого-то скептического безразличия. Я помню, как мы с Наташей завтракали в Париже у Алдановых. Кроме нас и хозяев были: Демидов[14], Бунин (один), Ходасевич и Дон-Аминадо[15]. Это было весело, горячо, очень талантливо и лишено всякой карьеристической осторожности, осмотрительности. Но так уже и в Париже нынче не позавтракаешь. Старики с их духовной щедростью, с их полубарской, полубогемской талантливостью, выпестованной московским досугом, творческим дилетантизмом, и с их профессиональным ощущением форм и настроений жизни, сходят со сцены, а идущие им на смену дети в бытовом отношении уже иностранцы, выходцы из иной страны, которую Есенин пытался было воспеть как «Инонию»[16], но которая все же осталась советской. Им никто не поставит в упрек их способы есть симпо[17] «обедать и завтракать». Не до того было. Но иногда и в их обществе чувствуешь свое одиночество.

Ну, родная, кончаю. С праздником вас обеих. Пишите. Ведь русская духовная жизнь больше всего у вас.

Ваш *Федор*

---

[1] Возможно, речь идет о патере Фальке, которого Степун поминает не раз в своих письмах, как своего аспиранта и ученика, переводившего на немецкий ранние работы Вл. Соловьева (см.: Федор Степун: письма и отклики // Вопросы философии. 1999. № 3. С.145, 150), защитившего под руководством Степуна докторскую диссертацию.

[2] Очевидно, описка. Поскольку обращено к обеим дамам, то нужно «вам».

[3] Имеется в виду Ида Бинерт.

[4] Возможно, друг артистического периода жизни Степуна (начало 20-х) — артист *Михаил Францевич Ленин* (*Игнатюк*).

[5] Над этим именем в письме стоит сделанный чернилами знак вопроса, поставленный, видимо, рукой адресата. Видимо, описка Степуна; речь может идти об известном американском живописце и графике — *Томасе Харте Бентоне* (1889—1975).

[6] Имеется в виду *Макс Бекман* (1884—1950) — знаменитый немецкий художник-экспрессионист.

[7] Об этом издательстве он в мемуарах отзывался так: «С “Мусагетом” нас объ-

единяло стремление духовно срастить русскую культуру с западной и подвести под интуицию и откровение русского творчества солидный, профессиональный фундамент» (*Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Т. I. С. 282).

[8] В своих воспоминаниях о предреволюционных годах он писал об этом же: «Конечно, русская культурная жизнь была менее разветвленной, чем европейская, но мне кажется, что она в некотором смысле была духовно более напряженной» (*Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Т. I. С. 263).

[9] Имеется в виду *Маргарита Кирилловна Морозова* (1873—1958) — жена фабриканта, миллионера и коллекционера М.А. Морозова, давшая деньги на создание славянофильско-православного изд-ва «Путь», близкий («сердечный») друг Е.Н. Трубецкого. В ее особняке в Москве собирался салон, проходили заседания Московского религиозно-философского общества.

[10] Семья издателя Карла Ханзера. См. прим. 11 к «Немецким письмам».

[11] Над этим именем стоит сделанный чернилами знак вопроса, поставленный, очевидно, кем-то из адресатов Степуна.

[12] Знаменитый немецкий поэт *Фридрих Готлиб Клопшток* (1724—1803), автор поэмы «Мессия», которого любимый Степуном Фридрих Шлегель сравнивал с Данте, Тассо и Мильтоном (*Шлегель Ф.* История древней и новой литературы // *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика. Т. II. М., 1983. С. 311).

[13] Очевидно, имеется в виду *Теодор Фонтане* (*Theodor Fontane*, 1819—1888), великий немецкий романист и поэт.

[14] Видимо, упомянут И. Демидов, русский эмигрантский критик.

[15] Настоящее имя — *Аминад Петрович* (*Аминодав Пейсахович*) *Шполянский* (1888—1957), поэт, мемуарист.

[16] «Инония» — хулигански-богоборческая поэма (1918) С. Есенина с нападками на христианство («Даже Богу я выщиплю бороду / Оскалом моих зубов»; «Ныне ж бури воловьим голосом / Я кричу, сняв с Христа штаны») и, как ни странно, на Америку («И тебе говорю, Америка, / Отколотая половина земли, — / Страшись по морям безверия / Железные пускать корабли!»). Бунин был много жестче Степуна. «Инония, — писал он, — не совсем нова. Обещали ее и старшие братья Есениных, их предшественники, которые <...> тоже носили на себе печать, в сущности единую. Ведь уже давно славили “безумство храбрых” (то есть золоторотцев) и над “каретой прошлого” издевались. Ведь Пушкины были атакованы еще в 1906 году в газете Ленина “Борьба”, где Горький называл “мещанами” всех величайших русских писателей. <...> Большевицкой власти, конечно, было очень приятно, что Есенин был такой хам и хулиган, каких даже на Руси мало, что “наш национальный поэт” был друг-приятель и собутыльник чекистов, “молился Богу матерщиной”, по его собственному выражению, Европу и Америку называл “мразью”» (*Бунин И.* Великий дурман. М.: Совершенно секретно, 1997. С. 189, 243).

[17] Смысл слова неясен.

Публикация, предисловие и комментарии В.К. Кантора

Опубликовано в основном: Вестник Европы. 2001. № 3. 192—199.

Степун и Оболенские

Хочу начать этот раздел с небольшой журналистской заметки.

20 сентября 2011 г. Дрезден посетила Александра Николаевна фон Герсдорф, внучка знаменитого князя Алексея Дмитриевича Оболенского. Пригласил ее В.К. Кантор, а принимали Вольфганг и Валерия Шелике (Институт немецко-русской культуры). Все вместе они посетили православный храм св. Симеона Дивногорца, где настоятель храма, отец Георгий Давыдов, показал архивные материалы, в том числе церковно-приходские книги 1930-х годов.

Участникам этого визита посчастливилось прочитать «Постановления приходского собрания Дрезденской церкви за 1930 г.», где в записи от 2 февраля было принято решение (в присутствии членов общины С.В. Рахманинова, Ф.А. Степуна и др.) о слиянии «студенческого» кружка и «кружка изучения Слова Божия» в «кружок Русской культуры». В постановлении написано: «Судьба этого кружка обеспечена участием в нем таких деятелей, как князь А.Д. Оболенский (создатель его), профессор Ф.А. Степун, супругов Г.Г. и М.М. Кульман, Н.Д. Скалон» [Постановления 1930]. Позднее этот кружок (не без влияния Степуна) стал именоваться Обществом Владимира Соловьева. После смерти князя Оболенского в 1933 г. председателем Общества стал Степун.

Стоит сообщить, что князь Алексей Дмитриевич Оболенский (1855—1933) был автором первой российской конституции — Манифеста 1905 г., написанной совместно с С.Ю. Витте. Будучи в 1905—1906 гг. обер-прокурором св. Синода, он оказался инициатором прихода во власть П.А. Столыпина, родившегося в Дрездене, крещенного в этой церкви, о чем сохранилась запись в крестильных книгах. А.Д. Оболенский дружил с премьер-министром до его гибели. Уже в эмиграции он дружил с Федором Степуном, знаменитым русским философом-эмигрантом, его земляком по Калужской губернии. Стоит добавить, что общество проводило свои заседания в подвале дрезденского православного храма Святого Симеона Дивногорца, где А.Д. Оболенский был старостой церковной общины. В эту общину входили весьма известные люди: князь Д.А. Оболенский, С.В. Рахманинов, Ф.А. Степун и его жена, Г.Г. Кульман, швейцарец, влюбленный в русскую культуру, создававший структуры, помогавшие выжить русским эмигрантам.

После беседы в храме поехали на кладбище, где находятся могилы А.Д. Оболенского, Д.А. Оболенского и сестры А.Н. Герсдорф, маленькой Елены, погибшей в нацистской больнице. Фотографии посещения храма и кладбища читатель найдет в этом томе.

Степун дружил с семьей Оболенских, а с Дмитрием Алексеевичем Оболенским был еще и коллегой по Дрезденской технической высшей школе (сохранилась их переписка). В начале 40-х годов князь Д.А. Оболенский был арестован гестапо и скончался в 1945 г. в концлагере. С дочерью князя Степун состоял в длительной переписке в начале 1960-х годов. Его переписка с Д.А. Оболенским и А.А. Оболенской публикуется ниже.

Письма Д.А. Оболенского и Ф.А. Степуна

В университетском архиве Дрезденского Технического университета хранится переписка князя Дмитрия Алексеевича Оболенского[1] и Федора Августовича Степуна в фонде Nachlass Erich Trefftz, Nr. 43 (Наследие Эриха Треффтца[2], №43). Среди нескольких десятков писем Д.А. Оболенского проф. Э. Треффтцу находится очень небольшая переписка князя Д.А. Оболенского со Степуном, у которого он искал помощи и поддержки своих математических штудий. Степун не был специалистом в этой проблеме, ответ его очень аккуратен, но очень краток. К тому же мне удалось обнаружить лишь это письмо-ответ, других не нашлось. Скорее всего, Степун избегал рассуждать на тему, в которой не считал себя компетентным.

Князь Дмитрий Оболенский и Федор Степун были коллегами по работе в Техническом университете. Их также связывали и более тесные отношения — семейная дружба. К тому же и Степун, и Дмитрий Оболенский входили в церковную общину Дрезденского православного храма св. Симеона Златогорца, возглавляемую князем Алексеем Дмитриевичем Оболенским, отцом Дмитрия Алексеевича. Но в университетских делах, как видно из писем, Степун был старшим товарищем, пытавшимся опекать своего соотечественника. Я публикую всего два письма, носящих наиболее полную информацию об их близких дружески, но профессионально далеких отношениях. Степун доброжелателен, но осторожен в своих оценках, не считая, видимо, себя компетентным в данном вопросе. На другое письмо к нему Д.А. Оболенского он не ответил (во всяком случае, письменно). Кн. Дмитрий Алексеевич Оболенский погиб в нацистском концлагере.

Публикатор хотел бы выразить признательность профессору Технического университета Хольгеру Куссе (Holger Kusse), доценту Марине Шарлай (Marina Sharlay) и архивариусу университетского архива Веронике Хайман (Veronika Heymann) за помощь в работе. Ниже публикуются письма.

---

[1] *Дмитрий Алексеевич Оболенский* (1894—1945) — гвардии офицер, в эмиграции

инженер фирмы «Цейс», погиб в концлагере. Жена с 1936 г. (Дрезден) Irmgard Elisabeth Hirschfeld (1897—1957).

[2] *Эрих Треффтц* (1888—1937) — немецкий математик и механик. Работал в Ахене и Дрездене. Основные труды относятся к аэро- и гидродинамике, теории упругости.

* * *

Письмо Дм. Оболенского Ф. Степуну

Князь Дмитрий Оболенский
Дрезден-А, 19, 5.8.
Карловицштрассе, 15
Г-ну профессору д-ру Федору Степуну
Дрезден №6, Лёбауерштрассе, 13

Дорогой Федор Августович!

Вы были так любезны, что много раз помогали мне в моем деле и теперь я снова обращаюсь к Вам с просьбой о помощи, впрочем, немного необычной.

Не могли бы Вы однозначно сказать мне, что Вы думаете о моем деле, не прибегая к дипломатическому принципу «la parole est faite pour cacher la pensée»[1]. Специальное дело требует специальных знаний — это прописная истина. Мой вопрос принял, кажется, весьма «специальную» форму, а именно в той сфере, в которой Вы высоко компетентны. Не нужно быть физиком для того, чтобы точно знать, что трение никоим образом не может увеличить скорость. Также не надо быть зубным врачом, чтобы понимать, что два человека (Св. Петр и Св.Павел), никоим образом не могут иметь общий зуб. После того, как Вы прослушали мои доклады, Вы наверняка можете вынести суждение о том, соответствует ли фактам утверждение, что опыты по моей теории никакой связи с действительностью не имеют. Полностью в Вашей компетенции дальнейшее подтверждение обоснованности очень существенного тезиса г-на проф. Треффтца об отрицательном отношении к моим намерениям. Проф. Треффтц утверждает именно то, что «наука это не коллекция истин, а только лишь занятие для профессионально обученных людей». Иными словами, не имеет смысла без профессионального образования заниматься вещами, которые можно назвать научными.

В своей последней стадии мое дело состоит почти исключительно из таких «социологических» случаев, для вынесения суж-

дения о которых нужен не специалист-профессионал — физик, или, например, зубной врач, а непредвзятый, честный человек — присяжный на суде присяжных. Я считаю возможным определенно сказать, что признание моего дела будет исходить от непрофессионалов; в дальнейшем же профессионалам не останется ничего другого, как присоединиться.

В интересах обеих сторон, чтобы решение этого вопроса как можно быстрее привело к однозначному результату. Связь с прессой была бы очень полезна в этом деле. Однако в настоящее время я не вижу способа возможного детального сотрудничества и не знаю, достижимо ли оно в Германии или за границей. Буду Вам весьма обязан за помощь в этой связи.

С сердечными приветами Вам и Наталье Николаевне
преданный Вам Д.О.

[1] «Слово нужно для того, чтобы скрывать мысль» (*франц.*). — *Прим. перев.*

Письмо Ф. Степуна Дм. Оболенскому

Дрезден, 15 сент. 1931 г.

Дорогой Дмитрий Алексеевич!

Простите, что я слишком поздно отвечаю на Ваше письмо. На вопросы, поставленные Вами передо мной, ответить намного труднее, чем Вы возможно полагаете. Чтобы глубоко вникнуть в Вашу проблему, требуется большое усердие. Что касается Вашего эпистемологического спора с моим уважаемым коллегой г-ном профессором Треффтцем, то я склонен предположить, что оба мнения не настолько несоединимы, как Вы это себе представляете. Если позволите, мне представляется, что было бы правильным в формуле «Наука — это коллекция истин», слово «коллекция» рассматривать как не очень удачную лингвистическую формулировку. Наука, конечно же, не коллекция истин, а система отдельных научных комплексов истин. Если профессор Треффтц на самом деле полагает, что наука не имеет ничего общего с истиной, то я с ним совершенно не согласен. Определять науку как «занятие для профессионально обученных людей» кажется мне уже потому невозможным, что тогда нельзя будет отличить психологически обоснованные заблуждения отдельных ученых от того, из чего состоит наука. Имеет ли смысл профессионально неподготовленным людям искать научную истину — это отдельный вопрос. От-

вет на него полностью зависит от того, что понимается под термином «профессиональное обучение». История науки доказывает, что многие дилетанты были призваны двигать науку. Но биографии этих подвижников науки доказывают, что они всегда занимались своим делом, имея к этому необходимые способности. Ясно, что для того чтобы заниматься наукой, не нужно обязательно защищать докторскую диссертацию, но важно, чтобы ученый понимал суть вещей.

Мне очень трудно ответить на Ваш второй вопрос, связаны ли по сути своей Ваши математические теории и опыты[1]. Я уже много раз, как Вы знаете, выражал свою безмерную готовность ответить на этот вопрос утвердительно и не могу ничего нового добавить по сути проблемы.

Желаю Вам успеха в выполнении Вашего плана апеллировать к прессе, чтобы привлечь внимание общественности к Вашему делу. Однако хотелось бы высказать Вам одно предостережение: будьте осмотрительны. Современная большая европейская пресса — это не только весьма значительная, но и в высшей степени капризная власть.

С сердечными приветами и наилучшими пожеланиями

Ваш *Ф.С.*

---

[1] Как видим, ответ Степуна очень осторожен, он не хочет обидеть доброго знакомого. Хотя скорее всего в научных кругах Дрезденского научного сообщества к идеям князя относились с сомнением. Очевидно, стоит на всякий случай привести специальные взгляды Оболенского: «В математическом трактате я исхожу из возможно произвольной предпосылки <...> и на ее основе вывожу новое уравнение сил. Этот математический процесс г-н профессор д-р Г. Ковалевски счел безупречным. Физический смысл этого уравнения: допускается, что действие силы (импульс) может быть больше, чем вызванная им величина движения. Если исходить из результирующих последствий, то это кажется правдоподобным. Это противоречит элементарному физическому чувству, что природа в своих возможностях предположительно должна быть так ограничена, что при так называемых неэластичных ударах (когда оба тела после удара остаются соединенными) множество возникающей здесь непоступательной энергии никоим образом не зависит от молекулярной структуры и от формы тела. Наличия плохо скрываемого математического и физического чувства конечно же еще не достаточно, чтобы рассматривать ощущение как факт. Чаще в классической механике приводится доказательство, которое, в случае обоснованности, подавило бы в зародыше все такого рода спекуляции. Это доказательство исходит из двух следующих постулатов» (Письмо Д.А. Оболенского от 6 сентября 1931 г. в Горную академию саксонского города Фрейберг тайному советнику профессору д-ру Папперитцу — Nachlass Erich Trefftz, Nr. 43).

Письмо Д. Оболенского Ф. Степуну

Князь Дмитрий Оболенский
Дрезден-А, 8.10.31.
Карловицштрассе, 15
Г-ну профессору д-ру Федору Степуну
Дрезден — №6,
Лёбауер Штрассе, 13

Дорогой Федор Августович!

Большое спасибо за Ваше письмо от 15.9.31, содержащее много высказываний, полезных для моего дела.

1) Вы признаете факт моего спора с г-ном проф. Треффтцем, а именно в области эпистемологии.

2) Вы придаете термину «истина» однозначно решающее значение в науке.

3) Вы склонны рассматривать отказ от взаимосвязи между опытом и теорией как необоснованный.

То, что Вы в этой связи формально признаете, должно иметь большое значение, так как проф. Треффтц придает особое значение позиции коллег по моему делу. В этом проявляется существенное различие между его и моими взглядами. В то время как авторитетные суждения, например, в письме проф. Эйнштейна, имеют для меня значение лишь тогда, когда я могу делать свои собственные обобщения, проф. Треффтц выводит сущность науки из высказываний влиятельных специалистов. Эту точку зрения он высказывал многократно и пытался внушить ее мне. Из этого выясняется его позиция в отношении моих намерений. Опыты и сущностную аргументацию г-н проф. Треффтц воспринимает весьма холодно, однако же, любое авторитетное суждение вызывает его большой интерес. Как и безвинный приговор, вынесенный г-ном проф. Ковалевски более двух лет назад, «у него» сложилось впечатление, что здесь «проявились зачатки новой теории, которая, возможно, вероятно проявится в модифицированной форме», — ничего не подозревая, прочитал вслух г-н проф. Треффтц. Его возмущение было столь велико, что я в первое мгновение опасался, что у него не выдержат нервы. Разъяснение этого вердикта вскоре от него последовало. Во-первых, проф. Ковалевски не механик, а лишь математик; во-вторых, его вердикт был вынесен не на основе веры в теорию, а лишь из личных причин — в пику проф. Треффтцу. (Именно в области философских основ механики, где требуется историческая перспектива, проф. Ковалевски является специалистом. Именно личные мотивы имеют противоположное действие. Чтобы избежать любых упреков, проф. Кова-

левски в оценке моего дела очень сдержан и осторожен. Меня же проф. Треффтц считает «quantité negligeable»[1] — поэтому неправомочным спорить с авторитетными господами — и пытается сделать эту позицию всеобщей. Мнение, что возможно я могу быть прав, а мои противники запутались в противоречиях, обусловлено его предвзятым отношением к своим соотечественникам. Когда американец мистер Бассетт Джонс благоприятно высказался о моем деле, приговор ему проф. Треффтца был уже готов: «Это человек, который ничего не понимает в механике». Это значит, он осмеливается противоречить господствующему мнению).

Мне действительно очень неловко, но обстоятельства вынуждают меня выступать против г-на проф. Треффтца, которого я очень высоко ценю как человека. Я убежден, что поиск научной истины, если это не пустые слова, с одной стороны уходит корнями в область духовную[2]; там где затронут дух, там агапе[3] гносеологически конститутивна. Любая борьба против людей содержит в себе опасность уменьшить агапе или заменить ее на противоположное чувство. Допускаю, что на сто процентов прав по отношению к г-ну проф. Треффтцу. Однако агапе утрачена; так происходит в главе XIII первого послания к Коринфянам[4] — это мое глубокое убеждение.

Что же я должен делать в данных обстоятельствах и исходя из названных предпосылок? Так как моя настойчивость явно болезненна для проф. Треффтца, должен ли я отказаться от всего этого дела? Когда я прямо пишу ему или с ним говорю, находясь в его глазах в положении «quantité negligeable», возникает ситуация, о которую проф. Треффтц сформулировал в следующих словах: «С Вами поговоришь десять минут, а потом из-за этого злишься больше двух часов». Если это дело не прекратится, и игра с агапе будет продолжаться, я считал бы целесообразным, чтобы глубоко уважаемые профессором Треффтцем люди сочли бы возможным вступить с ним в обратную связь по этому вопросу. Я просил бы их сделать это.

Честно говоря, в последнее время у меня сложилось впечатление, что вопреки Вашему внутреннему желанию помочь мне встать на ноги, Вы считаете Ваше выступление в этой связи излишним, так как, во-первых, данный человек так энергичен и красноречив, что он вопреки всему, так или иначе прорвется. Во-вторых, поддержка со стороны соотечественника может привести к тому, что нас обоих назовут сумасшедшими русскими. Что касается первого пункта, то я боюсь, что Вы переоцениваете мою энергию. Впрочем, я чувствую в себе силы осуществить свое дело; но не хватает посторонней помощи, да и какой ценой! Второе —

это чересчур, чтобы быть правдой. Однако я не вижу причин устрашать себя перед лицом весьма либеральных и великодушных германских отношений.

С наилучшими пожеланиями Вам и Наталье Николаевне

Ваш весьма преданный и благодарный.

---

[1] «Незначительной величиной» (*франц.*) — прим. переводчика.

[2] Πνευμα (*греч.*) — пневма (дух). — Прим. перевод.

[3] Αγάπη (*греч.*) — агапе. Любовь к ближнему. — Прим.перевод.

[4] Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий» — Новый Завет. Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла. Глава 13. — Прим. перевод.

* * *

На это письмо Степун не ответил, очевидно, согласившись, что выступление его в поддержку Оболенского по многим причинам было бы излишним.

Публикация и комментарии В.К. Кантора, перевод с немецкого Б.Л. Хавкина

«А что делать с неотвеченной любовью?»

И далее: «Куда вылить, вынести, во что преобразить?». Эти вопросы заданы в одном из практически последних писем (№ 87 от 13 июня 1963 г.) Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф к Степуну, где еще звучит надежда влюбленной женщины на взаимность. Потом переписка прерывается почти на год, возникает вновь незадолго до смерти Степуна, когда корреспондентка находит человека, Анатолия Рудольфовича Реннинга, так же, как и она, влюбленного в творчество Степуна. Она пишет Ф.А. стихи на его восьмидесятилетие, добавляя, что сочинять стихотворение ей помогал «Толя». Это уже говорит об особой близости, ведь она считает себя поэтом, стихи ее хвалил Степун. И в своем последнем письме к ней 25 июня 1964 г. Степун желает «своей Анюте» счастья *без него*: «от всей души желаю Тебе светлых вечерних зорь» (Письмо 93). Реннинг и вправду становится ее мужем.

После такого немного интригующего зачина попытаюсь рассказать трогательную, возвышенную и поучительную историю несостоявшейся любви.

Предлагаемая вниманию читателя реальная переписка, можно сказать, открывается давним романом о любви Степуна «Нико-

лай Переслегин», который читает и перечитывает героиня переписки[1], и завершается рассказом Степуна о последней любви под названием «Ревность», написанном им за несколько месяцев до смерти и опубликованном уже посмертно. Поначалу их переписка — в сущности, второе издание романа «Николай Переслегин». Только там мужчина, пишущий любовные письма и тщетно ждущий ответного любовного письма, а здесь эту роль играет женщина. Это не раз замечает Анна Алексеевна. Абсолютная женственность, абсолютная возвышенность чувств, редко встречающаяся у женщин, явлена нам в ее письмах во всей непосредственности.

Но это не только правда любви, но и правда жизни, рассказывающая нам об очень непростой и небогатой жизни русской эмиграции. Дочери князя Оболенского, баронессе фон Герсдорф приходилось зарабатывать на жизнь почти ремесленным рисованием (порой до десятка в день) детских портретов. У нее часто нет денег, чтобы приехать из Стокгольма, где она живет, в Мюнхен, где живет Степун, мужчина ее мечты и страсти. Нет денег послать дочери («Аленьке» писем), кое-как существующей тоже в Мюнхене, которой время от времени финансово помогает Степун, начиная от постоянного приглашения на обед до сообщения, что его портмоне всегда для нее открыт. Существующая до сих пор подленькая легенда об очень богатой жизни эмигрировавшей русской аристократии разбивается простыми строчками (не на публику написанными) писем. Вот письмо № 12, где она пишет о друзьях: «Люди не богатые (слава Богу, — не люблю богатых)».

Эта строчка напомнила мне одну из самых страстных русских женщин-поэтов — Марину Цветаеву: «Два на Земле у меня врага, два близнеца неразрывно слитых / голод голодных и сытость сытых». Поразительно, но факт, что аристократка, очень ценившая свою родословную, по умонастроению принадлежала к типу людей, чье кредо было выражено этими словами Марины Цветаевой. Еще для подтверждения — цитата из писем. Скажем, письмо 23: «Так соблазнительно снова приехать в Мюнхен, но что делать, когда находишься в тяжелых тисках безденежья! Только в октябре, возможно, будет облегчение. <...> Сейчас у меня два детских портрета, над которыми я работаю, но это — капля в море против того, что нужно».

Кажется, что эти письма показывают, как жизнь реализует себя по лекалу романной формы. В сущности, перед нами роман, хотя это обычная переписка, но чем-то напоминающая его роман в письмах «Николай Переслегин», написанный в период первых лет любви и брака с Наталией Николаевной Степун (урожденной Никольской), на всю свою жизнь ставшей преданной

спутницей Степуна. И вот в последние годы жизни, после смерти жены, снова вспыхивают и звучат темы и мотивы его первого и единственного романа. «Николай Переслегин» был и роман, и философский трактат о любви, чем-то напоминавший переведенную Степуном «Люцинду» Фр. Шлегеля. В романе «Люцинда» Шлегель рассказал о своей любви к Доротее, вольной и свободной женщине, в нем звучала и тема любви Шеллинга к Каролине, жене Августа Шлегеля, ушедшей к Шеллингу. Роман о страсти и любви, имеющей право на реализацию. Что поразило современников в романе Шлегеля, что раздражало современников в романе Степуна, это, говоря ученым языком, его приватность, за героями узнавались реальные лица. Роман Степуна был своеобразной рифмовкой шлегелевского романа, ибо строился на теме его любви к Наталье Николаевне Никольской, которую он отбил у мужа и с которой прожил всю жизнь. «Николай Переслегин» писался в трудные российские годы, в голоде и тесноте. Когда ему необходимо было сосредоточиться, нормальная потребность писателя, Наталья Николаевна либо уходила гулять, либо залезала в шкаф, где терпеливо сидела часами. За годы счастливой супружеской жизни, вместе пережитыми опасностями двух войн, двух революций, Степун так ни разу и не вернулся к собственно художественному творчеству. Хотя его великие мемуары есть, в сущности, сплав искусства, образной и пластической зрелости, философского анализа эпохи и исторических наблюдений: «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет».

Ничего удивительного, что к завершающему художественному произведению, рассказу «Ревность», написанному за год до смерти, привел его (на взгляд публикатора) эпистолярный роман последних трех лет — переписка с очаровательной женщиной, талантливой художницей[2], дочерью его земляка и старшего друга, князя Алексея Дмитриевича Оболенского. Женщиной, покоренной его талантом, очевидно, уже в эпоху дрезденского знакомства, заметившей его тогда и как мужчину, и как очень талантливого и яркого человека, но теперь после смерти его жены позволившей себе не скрывать своих чувств, хотя и готовой вроде бы подавить свою женскую страсть. Эта переписка по сути дела — рассказ о несостоявшемся романе, о нереализованной женской любви. Но пойдем по порядку, по ходу размышлений над корреспонденцией.

Поначалу этот сюжет напомнил мне историю Элоизы и Абеляра (хотя возраст корреспондентов совсем другой), но любят друг друга двое абсолютно верующих христиан. И письма женщины и нежнее, и религиознее, напоминая тексты абеляровской воз-

любленной, недаром образ Элоизы и ее женская глубина прошли сквозь историю мировой культуры. Через Руссо («Новая Элоиза») до пушкинской Татьяны и Онегина.

На излете Средневековья монахиня Элоиза пишет удивительные письма возлюбленному — знаменитому теологу Абеляру. Их отношения — символ первой ренессансной любовной пары, решавшей своей судьбой важные философско-теологические и моральные вопросы. Элоиза думала о духоподъеме Абеляра, сознательно искупала грех Евы. По словам современного исследователя, «взаимоотношения Элоизы и Абеляра выдвинули еще одну проблему, одну из центральных для XII века — проблему связи и противоречия между любовью человеческой и Божественной»[3].

Элоиза по-своему решила ее, служа Богу во имя любви к Абеляру, всячески желая способствовать его богословской славе: «Бог свидетель, что я никогда ничего не искала в тебе, кроме тебя самого. <...> И хотя наименование супруги представляется более священным и прочным, мне всегда было приятнее называться твоей подругой, или, если ты не оскорбишься, — твоею сожительницей или любовницей. Я думала, что чем более я унижусь ради тебя, тем больше будет твоя любовь ко мне и тем меньше я могу повредить твоей выдающейся славе»[4]. И подписывала свои письма: «Своему единственному после Христа и его единственная во Христе»[5].

Как и в ситуации Элоизы и Абеляра, возникает тема монашества: «Монашеский клобук, Ты спрашиваешь, улыбаясь? От всего отреклась? Нет, отвечаю я, не от всего. И клобука еще нет. Но нет сейчас тех осенних ярких цветов, тех красок и запахов, кот. так волновали душу (не тело, — знай это!) еще месяц или полтора тому назад» (Письмо 47).

Тут звучит и тема Беатриче и Данте. Ведь Беатриче не обладает и сотой долей дантовского таланта, *но именно она ведет Данте* вверх, из Ада через Чистилище в Рай. Было бы кого вести. *В этом великая метафизика отношений мужчины и женщины*. Женщина ищет достойного, *но не всякий есть Данте, иной ведет женщину в пропасть, ибо женщина усваивает духовную потенцию мужчины, а потом разжигает ее в яркий костер.* Так и Анна Алексеевна готова служить своему избраннику, ибо только он кажется ей достойным ее любви: «Я Вам, кажется, уже писала, как много Вы мне дали и даете, в особенности дали во время этой Мюнхенской встречи. Если это все расписать, то получатся не строчки, а страницы... Страницы, конечно, чудесные. Но меня очень смущало одно обстоятельство: что же даю я Вам, что могу дать? Восхищение, преданность, любовь, дружбу, — что хотите, — но всего это-

го, я чувствовала, у Вас много кругом. Много, и мож. быть гораздо ценнее, потому что активно, близко, осязаемо. Но что я «своя», что за мной «стоит Россия, ее природа, ее история, имена... созданных русск. творчеством женщин» и т. д., это такие дары, — от меня независящие, кот-ым и я умиляюсь. За отыскание их во мне — нижайший Вам поклон, — и опять — спасибо!» (**Письмо 19.** 17.8.62). И чуть позже еще яснее: «Любовь на старости лет, совсем особая, просветленная, совсем не конкурирующая с той большой единственной любовью. Помочь друг другу дожить, помочь еще творить, закончить задание от Бога!» (**Письмо № 38.** 23. 10. 62). В этой переписке звучит и тема «Евгения Онегина».

Мужчина смутил покой женщины, более того, дал ей право надеяться, поскольку она явно ему понравилась, как Татьяна Евгению. Что Онегин и сообщает Ленскому: «Будь я, как ты, поэт, я выбрал бы другую». В Татьяне он чувствует поэтическую натуру, как Степун в Оболенской-Герсдорф. И он ей пишет, подтверждая ее надежду: «Правды стыдиться не надо. Ваши письма были для меня большою радостью. И Вы правильно уловили в моем голосе какие-то еле уловимые нотки, давшие Вам право писать мне. Нет, Вы не ошиблись» (**Письмо 17.** 7 августа 1962 г.). Из писем ясно, что намек на чувство зародился между ними еще в Дрездене, 25 лет назад. Она вспоминает: «Есть ли это тот “настоящий яд”, о кот-ом Вы мне как-то признались на балу в Hotel Bellevue лет 25 тому назад? Вопрос был поставлен так: я тогда спросила, после нескольких минут очень содержательного, хоть и краткого, разговора с Вами, — почему мы никогда не можем вести более продолжительного разговора и в более спокойном месте, чем на балу. На это Вы мне ответили, что если так разговаривать, то может случиться, что не захочется и расстаться! Потом Вы неожиданно прибавили, что уже были у нас с Вами ситуации, пропитанные “настоящим ядом”, и что надо остерегаться» (**Письмо 19.** 17.8.62).

Но далее он отступает и в ответ на ее все более и более страстные письма следует обескураживающий ответ, о котором она ему напоминает, ощущая при этом двойственность его чувств: Ты «сказал мне тогда, сидя со мной последний раз в ресторане, как бы ловя последние минуты, что мы были одни: “Ты понимаешь, все это хорошо, но я не могу и не хочу иметь с Тобой романа. Это было бы прекрасно, но это невозможно. *Я не свободен, я менее свободен, чем был когда бы то ни было...*” Что-то вроде Евг. Онегина. “Когда бы” и т. д. А с другой стороны, что-то чувствуется искреннее, — привязанность ко мне, даже какая-то невысказанная нежность» (**Письмо 38.** 23. 10.62; курсив мой. — *В.К.*).

Но дело здесь было все же не в «Онегине», а в особом, прямо скажем, мистическом настрое его души. Не случайно последняя его книга называлась «Мистическое мировидение». И все же этот кантианец был одновременно выучеником немецких романтиков и мистиком[6]. Его посещали видения. К нему стала являться его покойная жена. Напрасно А.А. пыталась воззвать к его рационализму: «Мне кажется она не может ревновать ко мне, кот. любит его совсем особой, совсем допустимой любовью. Любовью, кот. была бы утешеньем, радостью, рассветом и ему, и мне, и кот. могла бы совсем не связываться со страстью и даже не быть телесной. <...> Я верю, — она, там, видит больше и лучше. Увидит, — самообман ли это с моей стороны, хитросплетения греховной любви под личиной святости и бесстрастности, или действительно какое-то особое чистое чувство. Дружба, привязанность, благоволение — с подъемом. Веришь ли, — нет у меня других и больших мечтаний» (**Письмо 38.** 23. 10.62).

Он не принимает ее религиозной светлой трактовки (немецкая мистика мрачновата): «Ты спрашиваешь Твоего немого собеседника, что он, — т. е. я — думает. Хотя мы уже много говорили с Тобой — и говорили до дна откровенно — я все же хочу еще раз ответить Тебе на Твой не мне заданный вопрос. Я и думал и думаю много — но ответить хочу только на главный вопрос, возникший во мне в связи с Твоим пониманием померещившегося мне появления Наташи. Тут между нами единственное расхождение, Тобою, впрочем, осознанное, но не признанное. В Твоем понимании Наташино появление означало некое “Да будет” нашим отношениям. В моем же оно означало скорее “да не будет”. Тебе оно принесло оправдание и успокоение, мне тревогу и предупреждение. Это, родная, не иная точка зрения — а просто передача того чувства, которое неожиданно возникло во мне» (**Письмо 59.** Сочельник, 63).

Человек пишущий невольно переводит в слова происходящее с ним, причем в слова, по возможности имеющие смысл общезначимый — в статьи или художественные тексты. Степун, после «Переслегина», прозы не писавший, вдруг пишет рассказ под названием «Ревность». Последнее его письмо Анне Алексеевне написано 25 июня 1964 г., где он еще раз объясняет ей свое поведение и желает счастья с новым избранником (при этом поклонником творчества Ф.А.): «Хочу дополнить машинный текст рукописным. Пишу его не без боязни, что Ты не поймешь меня — истолкуешь письмо не в том направлении, в котором оно пишется. Я говорил Тебе, да и писал, думается, что полноценная любовь, дар ее во мне умер с Наташиной смертью. Вход в монастырь

любви закрыт. На алтаре черное великопостное сукно. Но под церковной стеною, где продают бублики и крестики, я все же испытывал к Тебе некое нежное чувство» (**Письмо 93**. 25 июня 1964).

Очевидно, с этого момента он начинает писать свой рассказ. Чувство нежное он испытывал, хотя и не дал ему развиться, а его избранница в результате избрала другого, пусть и поклонника его творчества: «Я очень ценю Твоего друга и его ум и его страстное искание правды жизни, и его доброе отношение ко мне, — я от всей души желаю Тебе светлых вечерних зорь» (**Письмо 93**. 25 июня 1964). Мужская психология — жуткая вещь, даже у людей благородных. Пожелав Ей счастья, он все же не смог избавиться от чувства ревности, которое и выразил в своем мистическом рассказе. В октябре этого же года рассказ был готов, что ясно из его письма редактору «Нового журнала» Р.Б. Гулю. Это письмо приводит редакция перед посмертной публикацией рассказа: «Рассказ “Ревность” мы получили от Ф.А. месяца за два до смерти. Вот что писал о нем Ф.А. 22 октября 1964 г. Р.Б.Гулю: “В ближайшее время пришлю Вам нечто для Вас неожиданное. Я недавно кончил небольшой рассказ, 18 машинных страниц, озаглавленный “Ревность” — чувство, которое я реально никогда не переживал. Фабула — роман героя с фотографией — взята из жизни, но развивается она в рамке моих философских размышлений о сущности любви. Не думайте, что рассказ безбытно витийственный, то есть чисто философский; там есть и сцена, и парки, и музыка — Шопен и Рахманинов, и так далее”»[7].

Но современникам был не очень внятен подспудный смысл рассказа, который становится очевидным только с публикацией предлагаемой читателю переписки.

Рассказ написан абсолютно в духе немецкой романтической прозы эпохи Шлегеля и Шеллинга, где сюжетом являются мысли и переживания героя, на фоне некоего мистического (или кажущегося таковым) события. Сюжет удивительно прост, хотя и наполнен ложным мистическим переживанием. В Германии живет пожилой уже русский эмигрант (с несколько странной, хотя и говорящей далее фамилией — *Исцеленов*) со своей женой Мариной. Марина для него в сущности его всё. Вот он идет по улице: «Попадались аллеи еще голых берез, молоденьких, не больше тридцати лет, как дома в Подмосковье. Дома? Но есть ли у него еще дом? Вот только Марина!»[8]. Очевидно, он чем-то знаменит. К нему приходит фотокорреспондент, сообщив, что его фотопортрет будет на стенде знаменитостей. Исцеленов идет смотреть и, подойдя к фотостенду, попадает в некое мистическое пространство: «Он уже издали увидел в нитеобразном углублении стены фотовитрину

с его собственным портретом, в правом нижнем углу которого, к его удивлению, была помещена фотография молодой женщины, с как будто бы простым, но пленительным и зовущим куда-то вдаль лицом, скорее славянского, чем германского типа. Стоя у витрины вот уже десять, а может быть и пятнадцать минут — время для него как будто бы остановилось — и все глубже проникая в глубину заворожившего его лица, Исцеленов взволнованно чувствовал, что за холодным стеклом свершается какая-то таинственная жизнь»[9].

Она ему нравится, он ходит регулярно смотреть эту далекую от него красавицу. Интересно, однако, что он утаивает это свое ощущение от жены, думая при этом: «Если бы все было во мне простой игрой художественного воображения, наверное, не только все рассказал бы, но и повел бы Марину посмотреть на мою *бумажную красавицу*»[10]. Но не забудем, что пишущая ему письма Анна Алексеевна в фантазии мистически настроенного художника и есть бумажная красавица. Фотография — это нечто иное. Интересно, что пишущая ему женщина еще и художница, рисующая для заработка портреты. Не забудем и того, что покойная его жена ему *является*, оставаясь частью его жизни. Поэтому в рассказе она вполне живая, хотя и наделенная невероятным даром понимания.

Он, в сущности, здесь описывает свое отношение к переписке с А.А.:

«Душевное состояние Исцеленова становилось все мучительнее, все сложнее. Зовущий вдаль фотопортрет с каждым днем все самоувереннее и самовольнее превращался в живое существо, *стремящееся, если не сегодня, то завтра войти в его жизнь. Чувство вины перед Мариной, трагической вины без вины, неустанно росло у него в душе.* Но поделиться всем с женой он все же не мог, может быть, потому, что она силой своей любви и своей духовной трезвенности могла бы освободить его из плена, а освобождения он не хотел: уже любил свой плен, таящееся в нем единство счастья и страдания»[11]. Исцеленов называет эту свою странную любовь «последним актом его *сюрреалистической драмы*»[12].

Но все же не зря называется Исцеленовым. Усилием воли он исцеляется от наваждения: Он вдруг понимает, что изображенная на фотографии актриса сходится со своим режиссером. И он топит ее портрет, принося символическое жертвоприношение, о чем и рассказывает, наконец, жене: «К моему и твоему счастью, она подло изменила, и я возненавидел ее и, приревновав ее, решил, что она должна умереть. Она! Но пойми, Марина: *она — это не только ее застекленный образ, а и та живая женщина, которую я ощутил сквозь фотографию и в которую, признаюсь,*

по-настоящему, влюбился. Это единство образа и реальности тебе, пожалуй, трудно понять. Да и я эту странную магию понял только совсем недавно в моем общении с портретами. Но древняя магия эту тайну давно знала, всегда верила, что во всяком отображении человека: в портрете ли, в сновидении ли, в зеркальности вод таится и он сам. Это правда, Марина. Если бы эта вера не была правдой, я не мог бы пережить моего романа»[13]. После этого преодоления, художественного преодоления несостоявшегося романа, он, очевидно, успокоился и прекратил переписку, легко уже принимая добрые слова и поздравления с юбилеем от своей эпистолярной возлюбленной.

Пожалуй, слова жены героя могут быть естественным завершением этого эпистолярного сюжета. Жена подводит итог его метаниям (причем не забудем, что реальному Степуну она, покойная его жена, являлась как дух): «Когда ты блуждал среди твоих мистических теней, я очень боялась за нас, за конец нашей жизни, о котором я в последнее время много думаю. *Ведь если в час последнего расставания людям может быть дарован свет, то он только и может быть светом за всю жизнь ничем незатемненной любви…*»[14].

Степун остался при этом свете ничем не затемненной любви.

* * *

Исправления синтаксиса и очевидных орфографических описок и ошибок не оговариваются. Текст был перепечатан с рукописей и проверен Мариной Анатольевной Бобрик, профессиональным лингвистом-филологом. Публикатором не оговариваются исправления, сделанные для удобства чтения. А.А. Оболенская фон Герсдорф пишет везде *кк.* вместо *как, тк.* вместо *так*. М.А. Бобрик как лингвист оставила это написание. Публикатор счел возможным исправить это без объяснений, как и многие специфически орфографические и синтаксические неправильности. У Степуна везде *и* вместо *й*. Везде публикатор ставил *й*. Тем более без объяснений правились описки. Убраны также яти и еры, тем более, что их написание в достаточной мере случайно.

Когда публикатор получал разрешение на публикацию этих писем от наследницы и хранительницы архива Александры Николаевны фон Герсдорф-Бультман, она специально оговорила, чтобы имя Марины Бобрик стояло в публикации, по возможности были бы сохранены ее соображения о тексте и постраничные комментарии. Собственно, публикатор и не мыслил другого варианта. Сохранены вступительная заметка и примечания к тексту, они помечены инициалами МБ. М.А. Бобрик предложила назвать эту переписку «Крылатая дружба», так ее называла и А.А. Оболен-

ская фон Герсдорф. Но это заглавие оставляет нас внутри текста переписки, не выводя на общие проблемы творчества Степуна, которые становятся внятными только в соотнесении этих писем с романом «Николай Переслегин» и рассказом «Ревность». Но я оставляю эти слова как заглавие к тексту М.А. Бобрик, который следует ниже (с некоторыми сокращениями замечаний собственно лингвистических, невозможных при соблюдении нынешних правил публикаций текстов).

---

[1] Приведу несколько отрывков из ее писем:. Поначалу она чувствует яд этой романтической истории любви и думает как-то защититься от нее: «Все время читала Переслегина, т.что невольно продолжала беседовать с Тобой. Кажется напрасно. Лучше мне было бы сейчас читать св. отцов» (Письмо 31. 8 окт.62). Энергия романа завораживает ее: «Сяду на скамеечку и буду читать Твою книгу Переслегина. Всюду и везде подчеркиваю и пишу свои замечания. Очень много (в особенности в самом начале) могла бы и я написать» (Письмо 32). Далее наталкивает влюбленную женщину на попытку решения: «У Переслегина где-то сказано, что русские талантливы на любовь, но не на дружбу, а вот посмотрим! Дружбу, с маленьким привкусом, — согласен?» (Письмо 33. 8 окт.). Эти цитаты можно множить, мне было важно подчеркнуть литературный фон разворачивавшегося эпистолярного романа.

[2] См. книгу о ее творчестве: *Малинина Т.А.* А.А. Оболенская фон Герсдорф и ее творчество. СПб.: Центр искусств «Авит», 2002.

[3] *Брук К.* Возрождение XII века // Богословие в культуре Средневековья. Киев, 1992. С.144.

[4] Первое письмо Элоизы Абеляру // *Абеляр П.* История моих бедствий. М., 1959. С. 67, 70.

[5] Второе письмо Элоизы Абеляру // *Абеляр П.* История моих бедствий. С. 80.

[6] См. об этом статью: *Мелих Ю.Б.* Ф.А Степун — кантианец и мистик // Вопросы философии. 2010 № 7. С. 102—116.

[7] Новый журнал. 1965. Кн. 79. С. 25. См. также: Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 973—974.

[8] *Степун Ф.А.* Ревность // *Степун Ф.А.* Сочинения / Составление, вступительная статья, примечания и библиография *В.К. Кантора*. М.: РОССПЭН, 2000. С. 931.

[9] *Степун Ф.А.* Ревность. С. 932.

[10] *Степун Ф.А.* Ревность. С. 933 (курсив мой. — *В.К.*).

[11] *Степун Ф.А.* Ревность. С. 933 (курсив мой. — *В.К.*).

[12] Там же. С. 937 (курсив мой. — *В.К.*).

[13] Там же. С. 938 (курсив мой. — *В.К.*).

[14] Там же (курсив мой. — *В.К.*).

Марина Бобрик
«Крылатая дружба»

Материалы к публикации переписки
Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф
и Федора Августовича Степуна
(1952—1965 гг.)

Федор Степун (1884, Москва — 1965, Мюнхен) и Анна фон Герсдорф (урожденная Оболенская) (1898, С.-Петербург — 1973, Стокгольм) были связаны многолетним знакомством. Пути их несколько раз расходились и потом вновь скрещивались. Как дар судьбы оба они восприняли встречу в Мюнхене весной 1962 года, когда из сорокалетнего знакомства возникла дружба, удачно названная корреспонденткой Степуна «крылатой».

В 1922 г. оба оказались в эмиграции. Степуна выслали из Советской России, и вместе с женой Натальей Николаевной (урожденной Никольской) он выехал в Германию и поселился в Дрездене, где чуть позже, в 1926 г., получил место профессора социологии. В Дрездене оказалась и семья Герсдорф-Оболенских, т. к. муж Анны Алексеевны Николай Николаевич фон Герсдорф получил назначение вице-консулом при шведском консуле Клипгене. Знакомство Степуна и Герсдорф состоялось, по всей вероятности, в 1922 г. в Дрездене, хотя мы не знаем, когда именно и при каких обстоятельствах это произошло. Не совсем ясно также, каковы были маршруты обеих семей по пути в Дрезден, выехали ли Герсдорфы прямо в Германию или сначала в Швецию, к какому времени относится важная для отношений корреспондентов встреча в Вершболово, о которой идет речь в последнем письме Степуна к Герсдорф. В Дрездене семьи соседствуют и тесно общаются в течение 19 лет. Дом отца Анны Герсдорф, бывшего обер-прокурора Синода Алексея Дмитриевича Оболенского был одним из центров русской колонии. В переписке с А. Герсдорф Степун вспоминает традиционные многолюдные розговины на Пасху в доме Оболенского. Дружбой с Оболенским Степун дорожил как мостиком к значимой для него личности Владимира Соловьева.

Начало переписки приходится на 1952 г. В это время Степун занимает в Мюнхене место Honorarprofessor (Hon. Prof.) — почётного профессора университета по специально для него созданной кафедре истории русской культуры и переезжает с женой на свою последнюю квартиру — Ainmillerstraße 30. В квартире напротив

живет вдова С.Л. Франка Татьяна Сергеевна, о которой несколько раз говорится в переписке.

В феврале 1945 г. во время страшной бомбардировки Дрездена семье удается спастись буквально с последней машиной Красного Креста. Вторично все потеряв, семья переехала в Швецию. В 1953 г. умер Н.Н. фон Герсдорф, и Анна Алексеевна осталась с родителями и четырьмя детьми — Елизаветой, Николаем, Марией и Александрой (дочь-инвалид Елена погибла в 1943 г. в одной из нацистских клиник и похоронена в Дрездене).

Затактом переписки служат первые четыре письма Степуна, датированные 30 мая и 22 августа 1952, 26 июня 1959 и 29 декабря 1960 гг. Письма А. Герсдорф за этот период не сохранились. Далее проходит цезура — извещение о смерти жены Степуна Натальи Николаевны, скончавшейся от инфаркта 30 июля 1961 года. Письма за период с мая 1962 до февраля 1965 года составляют основной корпус публикуемой переписки. Переписка обрывается письмом Герсдорф от 17 февраля 1965 г., написанным ко дню рождения Степуна, три дня спустя после которого он умер.

В эпистолярном наследии Степуна переписка с Анной Герсдорф занимает, думается, особое место. «Вы же — своя. За Вами стоит Россия, ее прир<о>да, ее история, имена тех созданных русским творчеством женщин, в которых мы все были влюблены четырнадцати-шестнадцати лет. Мой язык и весь утраченный, а потому и особенно близкий мир» (письмо от 7 августа 1962 г.). Революция расколола для Степуна Россию на «свою» и враждебную (большевистскую, советскую), русских — на «своих» и «чужих». В последние годы жизни тема своего и чужого в восприятии Степуна обостряется. Интенсивно и подчас с большим трудом пишет он в это время работы о деятелях «серебряного века» — Блоке, Вяч. Иванове, Андрее Белом. Он живет жизнью своих героев, которая есть одновременно и его собственное прошлое. Мучительно для него отсутствие собеседников, с которыми бы его объединяли общие воспоминания, общий язык. Во всей эмиграции, сетует Степун, не осталось почти никого, кто бы лично знал все то, чем он живет (письмо от 4 марта 1963 г.). Анна Герсдорф относилась к тем немногим людям в его окружении, которые «на вопрос “А Вы помните?” сейчас же утвердительно кивают головой» (письмо от 22 августа 1952 г.). Их объединяли воспоминания о деревенской жизни в Калужской губернии, где находились имения обеих семей, жиздринский пейзаж, духовный ореол Тихоновой и Оптиной пустыней, атмосфера дрезденского дома Оболенских. Об отце Герсдорф Алексее Оболенском Степун напишет в письме от 26 июля 1959 г.: «От него осталось впечатление чего-то очень своего.

В его образе и во всем его душевно-духовном складе к нам в Дрезден заходила та Россия, с которой с годами все крепче чувствуешь себя связанным».

Еще более остро, чем исчезновение собеседников, Степун переживал смерть жены. Он вдруг остался один, хотя и был окружен множеством добрых друзей, внимательными и любящими его людьми. Одинока и Герсдорф. У старших ее детей собственные семьи и они живут самостоятельной жизнью — Елизавета и Николай в Стокгольме, Мария в Лондоне.

Встреча в мае 1962 года с Анной Герсдорф обнаруживает притягательность их друг для друга. «Мы с Тобой, свои, родные, — ничего тут не поделаешь, и это очень отрадное чувство», — вторит она ему в письме от 12 марта 1963 г.

Степун ценит в Герсдорф ее необыкновенную жизненную энергию, проникнутое светлым религиозным чувством приятие жизни, восторженную открытость природе и людям, душевную чуткость и эстетическую одаренность. Она видит в нем не только человека близкого склада, но и крупную интеллектуальную фигуру, в общении с которой она могла бы удовлетворить свои духовные запросы. В возникшей между ними коллизии чувств непросто отделить друг от друга «крылатое переживание», «некую нежность», родственное чувство, «дружбу с подъемом», любовь, боязнь греха и «красных огоньков вожделения», тень литературных образцов. Сложное сплетение чувств присуще скорее Степуну, чем Герсдорф, чувства которой ясны и цельны.

Кроме этой «личной», в переписке есть и «объективная» часть. Именно так Степун обозначает два плана своего разговора с Герсдорф. В его письмах это разделение имеет отчетливое графическое выражение: «личное» пишется от руки, «объективное» диктуется секретарше на машинку.

В «объективной» части Степун рассказывает о своем времяпрепровождении, о впечатлениях от поездок с лекциями, конгрессов, общении с разными людьми, в т. ч. общими знакомыми, о своих аспирантах, темах их работ и самих работах, наконец, о своих собственных трудах. Мемуарные фрагменты писем Степуна иногда пересекаются с его книгой воспоминаний «Бывшее и несбывшееся» (немецкая версия: «Das Antlitz Rußlands und das Gesicht der Revolution»). Эпистолярную редакцию отличают от литературно-мемуарной не только объем и характер деталей, но и тон изложения (ср., например, эпизод с Волоховой-Дальгейм). Особую постоянную тему писем составляет младшая дочь Герсдорф Александра (Аленька), которая в это время изучает в Мюнхене живопись и которую Степун заботливо опекает. Конкретная ситуация

подчас наталкивает его на воспоминание или общее рассуждение. Так, комментируя Аленькину поездку в Париж на Пасху 1963 г., Степун сравнивает отношения между русскими эмигрантами и коренными жителями во Франции и Германии; покинутость Герсдорф ее детьми удивляет его, наталкивая на рассуждение о «первозданной категории» матери и воспоминание о традиционной в их семье процедуре празднования его дня рождения.

В письмах Герсдорф выделить «объективное» труднее, быть может, потому, что само по себе разделение на «объективное» и «личное» ей едва ли присуще, а событие и переживание составляют для нее единство. Если облик писем Степуна складывается из сочетания машинописи и «зеленых чернил», письма Герсдорф — это сочетание текста и рисунков. Сделанные зачастую с натуры зарисовки цветов или пейзажа естественным образом дополняют слова ее письма, стремящегося «спасти впечатления от небытия» (письмо 9—10 октября 1962 г.). Если и выделять «объективное» в письмах Герсдорф, то нужно назвать яркие описания русского прихода в Стокгольме, рассказ о заседании русского исторического кружка, о русских и украинских эмигрантах-крестьянах из шведской провинции, о праздновании 80-летия шведского короля.

Ценность их переписки осознавала сама Анна Герсдорф. «Пиши почаще, — пишет она своему корреспонденту, — эту нашу переписку (пропустив большую часть излишних моих писаний) может издать потомство, — себе в назидание и в наслаждение!» (письмо от 26 ноября 1962 г.)*.

[Об источнике]

Публикуемые письма А.А. Герсдорф и Ф.А. Степуна хранятся в той части семейного архива Герсдорф-Оболенских, которая находится в Берлине у младшей дочери Анны Алексеевны — Александры фон Герсдорф.

Письма А.А. Герсдорф собраны в картонную папку с виньеткой работы автора писем (подпись: А. Г. О, т. е. Анна Герсдорф Оболенская) и надписью ее рукой «Письма мои к Ф.А.Степуну 1962—1965». Публикуемые письма Степуна хранились в папке светлого картона с надписью «Письма Ф. Степуна ко мне 1959—64». В приложении публикуются три письма 1965—66 гг. от М. Степун к Герсдорф, сохранившиеся в архиве последней в конверте с надписью «Марга Степун», сделанной рукой мужа Герсдорф Анатолия Реннинга.

---

* Ср. немногим позже в письме от 19 декабря того же года: «...А выдержки из писем мы (или не мы) сможем напечатать».

Кроме названных, в архиве есть следующие документы:

копии писем Степуна к Герсдорф и список их по датам (21 письмо);

несколько конвертов от его писем;

две почтовых квитанции — о получении бандероли (2 книги) и заказного письма;

копии писем Герсдорф к Степуну и список их по датам;

некрологи и отклики на смерть Степуна.

Письма А.А. Герсдорф после смерти Степуна вернулись к отправительнице, присланные, по-видимому, сестрой Степуна Маргой (см. Приложение, письмо № 3). В них есть множество помет, свидетельствующих о том, что после возвращения писем из Мюнхена их не раз просматривала и перечитывала как сама Анна Алексеевна, так и ее муж Анатолий Рудольфович Реннинг. Эти позднейшие пометы, отличающиеся почерком и цветом чернил от основного текста, отмечены в подстрочных примечаниях или в ломаных скобках.

Герсдорф пишет от руки, ясным хорошим почерком. Степун часто диктует письма секретарше, которая печатает их на пишущей машинке, однако тексты личного характера (будь то приписка или добрая половина письма) он пишет от руки. Почерк Степуна неразборчив (в одном из своих писем Степун пошутил, что сам не разбирает своего почерка) и требует привычки. В спешке или волнении он пропускает буквы, не дописывает слова.

ПЕРЕПИСКА
Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна (1952–1965 гг.)

1[1]

30—V.—52

Дорогая Анна Алексеевна — мне не надо Вам говорить, как я радъ возможности Вашего приезда в Мюнхен. Не ответили мы сразу, потому что я еще был в отъезде, когда пришли Ваше письмо и открытка (фильмовой конгресс на Боденскомъ озере). В Роттахе я получил Ваше письмо. Ответил в Бремен, но Вы его уже не получили. Из Мюнхена неоднократно собирался Вам писать, но так и не собрался, как не собрались и Вы — оно понятно и объяснять не надо. В Мюнхене Вы будете нашим гостем. Только сообщите заранее, когда приедете, чтобы подыскать поблизости комнату (скромную).

Клавдия Гавриловна — ныне матушка — проживает вместе с отцом Анатолием на: Mauerkircherstr. 5. Haus der Samariter. Всю неделю она проводит в качестве учительницы русского языка в Oberammergau (Американская школа), а субботу и воскресенье в Мюнхене. Отец Анатолий может вырасти въ настоящаго богослова — он умен и горяч — вырастет ли он въ настоящего священника, я еще не знаю. Пока ему не хватает тишины, доброты и ласковости.

Иду Гиперт[2] Вы тоже застанете здесь. Сегодня мы у нее обедаем вместе с ее сыном, который впервые с большим трудом приехал из Дрездена.

Должен кончать. Черезъ 5 минут у меня начинается экзамен. Надеюсь твердо, что Вы осилите приезд в Мюнхен. Как знать, когда снова представится возможность встречи. Наташа и я шлем Вам сердечный привет. Душевно преданный Вам

Федор Степун

Наш новый адресъ. München 13. Ainmillerstr. 30 / o.

---

[1] Письмо написано от руки. Конверт сохранился вместе с письмом (МБ).
[2] Лицо не установлено.

2[1]

Мюнхен, 22 Августа 1952 года

Дорогая Анна Алексеевна,

мне не надо говорить Вам, что я так долго не писал Вам не потому, что мне не хотелось писать, а потому что мне хотелось не только написать, но повидаться и по душам поговорить. Как жалко, что мы не повидались в дни Вашего пребывания в Германии. Вышло все глупее, чем Вы знаете, т. к. во время Вашего пребывания во Франкфурте я дважды проезжал через Франкфурт. По пути в Аахен, где я читал лекцию и на обратном пути. Время у меня было и если бы я знал, что Вы во Франкфурте, я с удовольствием заехал бы повидаться и воскресить прошлое. Чем старше становишься, тем более ценишь людей, которые на вопрос «а Вы помните?» сейчас же утвердительно кивают головой. Те же, что твоего не помнят, потому что они его не знали, несмотря на самые свои лучшие качества, остаются все-таки вдалеке. Можно каяться в такой несправедливости чувств, но исправляться как-то не хочется. В каком-то смысле свое навсегда остается ближе хорошего. Вот сейчас наехало в Мюнхен много новых эмигрантов. По-первоначалу я старался знакомиться с кем только мог, даже ездил не раз читать лекции в лагеря. Подолгу беседовал с людьми новой России у нас за чайным столом. Нашел среди советской молодежи много интересных, бесспорно талантливых, вероятно хороших людей, и все же настоящей близости ни с кем не получилось. Почему? По той простой причине, что на вопрос, «а Вы помните?» — они отрицательно кивали головой. Я очень ценю глубокомысленнейшую строчку Вячеслава Иванова:

«Ты, память, муз родившая, свята, —
бессмертия залог, венец сознанья,
нетленнаго в истлевшем красота!
Тебя зову, но не воспоминанья»[2].

И все же я часто обращаюсь не только к памяти, к которой обращается панихида, но и к воспоминаниям. Как странно и страшно, что Дрездена в памяти больше нет, как немецкого города, в котором мы с Вами соседствовали целых 19 лет, а что он и город находится в моем ощущении по крайней мере в отрезанной от нас России. Не знаю, как Вы ощущаете, но во мне вся окупированная большевиками зона совершенно сливается с Россией, вернее, конечно, с СССР. Недавно у нас был Фриц Винерт. Внутренне, духовно он вырос, упростился, созрел, внешне же остался

как будто тем же, которым вы его знали, и все же он совсем другой. Разговариваешь с ним и чувствуешь — на его плечах пуды и пуды его, с каждым днем, темнеющей судьбы. Каждую субботу у него на мельнице происходят, обязательно в его присутствии, митинги, на которых вожди пролетариата последними словами «кроют» кровожадных капиталистов и грозят сокрушить весь не-коммунистический мир. Хотя он все еще собственник своего предприятия, он получает так мало, что не может себе купить интересующие его книги. Жена его жить в восточной зоне не может, т.к. она пианистка и лишь во вторую очередь жена, жить с ним не может, так что они вероятно разводятся. С Клипгеном[3] Вы, вероятно, переписываетесь, так что рассказывать Вам о нем не надо. Не знаю, почему он не переехал вовремя в Гамбург, где у него есть дело, которое как будто могло бы его питать. Он много пишет, а раньше еще больше писал моему бывшему ученику, д-ру Мюллеру[4]. Странным образом, все находящиеся за железным занавесом обвиняют людей западной зоны в том, что здесь о них забыли. Все как будто бы ждет избавления, на что нет никаких шансов. А здесь, в Западной Германии помнят, прежде всего, в аспекте политической борьбы, но не в аспекте живой тоски по несчастным. Но может быть и мы имеем основание упрекать себя в том. Добрые знакомые, бежавшие из России вместе с немцами, разсказывают страшные вещи о том, что там происходило, ты слушаешь и тут же ловишь себя на том, что по-настоящему, кровью и скорбью всего этого не переживаешь: не хватает вместительности души. Она как сосуд, может воспринять только то, что заполняет ее до краев. То же, что ее переполняет, вытекает из нее, умирает для нее.

Мы живем напряженно и интересно. По окончании войны мне была предложена ординарная профессура по социологии в новом университете, основанном французами в Майнце. Мне не захотелось туда ехать, да и не очень влекла социология, я сразу же решил сосредоточиться на России, чтобы объединить все свои интересы и сконцентрировать свою работу. План мой удался и я получил профессуру по лично для меня созданной кафедре, «История Русской культуры». Дело оказалось рискованным, но оно удалось. У меня очень много слушателей — человек 200, а то и 250, и есть интересные докторанты: два Иезуита, из которых один пишет работу о философии свободы Бердяева, а другой о пяти новых, найденных в Москве письмах Чаадаева. Несколько времени тому назад у меня хорошо кончила студентка из советской России, написавши работу о «Мещанстве, как категории русской социологии» (Герцен, Константин Леонтьев, Достоевский). Недурную работу написал галицийский украинец на тему «Гоголь и Юнг-Штиллинг»[5]. Последний

докторант подал работу о философии Льва 6-го[6]. Как-никак через меня проходят каждый год от восьмисот до тысячи студентов, в сознании которых все западает чувство важности русской темы. Кроме как в университете я читаю довольно много публичных лекций в разных культурных обществах и народных школах. Довольно много также и пишу по разным журналам. Недавно напечатал статью о русском цезарепапизме и московском Патриархате, высказав гипотезу о связях патриарха Алексия с философией византийца Константина Леонтьева. К сожалению, дают очень мало очерков[7], но если бы Вас статья заинтересовала, я прислал бы Вам номер журнала. Напечатал я также и большую статью об Александре Блоке, стараясь понять его путь от Соловьева к Ленину[8]. Еще раньше напечатал статью, освещающую отношение православия к католичеству, озаглавлена она «Лик и Учение, как два образа Истины», и, наконец, довольно парадоксальную о частной собственности. Ну вот Вам моя краткая библиография моих писаний за последние пять лет. То, что я выпустил три тома воспоминаний[9], к сожалению, пока только по-немецки, Вы, вероятно, слышали. Мне очень грустно, что до сих пор не удалось напечатать их по-русски. Хоть перевод и очень хорош, он все же перевод. Впрочем, в двух номерах «Нового Журнала» была напечатана глава о Москве[10], а в «Возрождении» (Париж) очень мне дорогая глава о русской деревне в первые годы русской революции. Я не знаю, получаете ли Вы, или по-крайней мере имеете ли Вы возможность видеть эти журналы («Новый Журнал» выходит в Нью-Йорке), если имеете, то прочтите эти отрывки: все-таки протянется ниточка из Стокгольма в Мюнхен. Стыдно сказать, что «Новый Журнал», продолжение «Современных Записок» расходится в количестве 800 экз. Это на эмиграцию на полмиллиона людей. Стоит журнал — 2 доллара, а «Возрождение» полтора. Выходит «Новый Журнал» 4 раза в год, заплатить восемь марок за 3 месяца могут очень много и много людей, но не платят, что является признаком, отчасти, отмирания всяких духовных интересов, а отчасти все растущей денационализацией. У украинцев дело обстоит гораздо лучше. У них до сих пор процветает в Мюнхене украинский университет и хорошо расходятся все издания. Разница конечно не в том, что украинцы духовнее нас, великороссов, а в том, что они живут ненавистью к России, мы же скорее любовью к ней. И вот любовь пожертвовать не может, а ненависть жертвует. Это парадокс всей жизни 20-го века. Большевики ненавидели и боролись с Россией, как львы, Хитлер[11] ненавидел Францию, Россию, да вообще всех кроме себя и поднял громадное дело, гибель которого все же не уничтожает его размеры. Я все яснее вижу, что беда в том, что зло кипит уже при 30 градусах

Цельсия, а добро требует 100 градусов согревания оттого зло и обгоняет добро. Когда же мы закипим?!

Мы уже несколько раз бывали в Швейцарии. Весной я по случаю выставки икон читал лекцию о богословии икон. Читаю довольно часто и <на> цюрихском радио. Осенью, быть может, недели на две съездеем в Париж. Я переписываюсь с бельсер Бердяева[12], которая очень просит приехать и прочесть о нем лекцию. Отношение церкви к Николаю Александровичу[13], пусть во многом и еретику, но все <же> крупнейшему русскому мыслителю, глубоко возмутительно. Меня очень волнует тема все растущего отрыва богословия от философии и все растущего срощения его с историей, но об этом напишу, может быть, в следующий раз, пока же кончаю. Наташа и я шлем Вам наш самый сердечный привет. Конечно, также Николай Николаевичу, Лизочке[14], бабушке и всем остальным.

Искренне Ваш *Ф. Ст.*[15]

---

[1] Письмо напечатано на пишущей машинке под диктовку Степуна (МБ).
[2] Часто цитируемая Степуном строфа из поэмы Вяч. Иванова «Деревья».
[3] Шведский консул в довоенной Германии.
[4] Имеется в виду известнейший впоследствии славист Людольф Мюллер, издавший по-немецки собрание сочинений В.С. Соловьева.
[5] *Иоганн Генрих Юнг-Штиллинг* (1740—1870) — немецкий мистический писатель. Наряду с Эккартсгаузеном главный авторитет русских мистиков начала прошлого века.
[6] Секретарша Степуна так поняла имя философа Льва Шестова (МБ).
[7] Т. е. оттисков (МБ).
[8] *Stepin F.* Alexander Blocks Weg von Solowjow zu Lenin // Eckart. 1951—1952. S. 140—167.
[9] *Stepin F.* Vergangenes und Unvergängliches. (Bd. 1—3). Munchen: Verlag Josef Kösel, 1947—1950.
[10] *Степун Ф.* Москва и Петербург накануне Войны 1914 г. // Новый журнал. Нью-Йорк. 1951. Кн. 27. С. 169—201.
[11] Гитлер (Hitler).
[12] Свояченица Н.А. Бердяева Евгения Юдифовна Рапп, ставшая душеприказчиком философа, сохранившая его архив.
[13] Бердяеву.
[14] Дочка А.А. Оболенской.
[15] Подпись от руки (МБ).

3

Мюнхен, 26 июля 1959 г.

Дорогая Анна Алексеевна!

Очень Вы нас обрадовали своим неожиданным письмом. Неожиданным потому, что я уже перестал ждать отклика на мое письмо, о котором Вы упоминаете в приписке. Да, Вы, конеч-

но, правы вспоминая слова Иоанна Златоуста: «Мы разделяемся пространством, но соединяемся любовью». Правы, однако, Вы и в том, что немая любовь теряет свою субстанцию, свою жизнь и может в конце концов даже и умереть от недостаточного питания словом, ибо сказано в Евангелии: «вначале бе слово и слово бе Бог»[1]. Любовь же есть Божий ставленник на земле. Итак, мы с Вами теоретически во всем согласны. Важно только, чтобы теоретическое согласие перешло в жизнь, т. е. чтобы мы хотя бы изредка друг с другом перекликались. Я, конечно, понимаю, что писать Вам было трудно. Часто и со мной так бывает, что ежедневная веялка отвеивает в сторону самые ценные душевные цветы.

Вы пишете, что живется трудно. Как будто бы это надо понимать и в материальном отношении. В письме ничего нет о том, процветает ли Ваш сын, зарабатывает ли и помогает ли Вам. А что с Лизочкой? Не знаю, кто-то говорил, что она развелась с мужем. Обо всем этом мы ничего не знаем, а хотелось бы знать. Лиза была все-таки очень талантливый человек и с настоящей глубиной, не только художественных, но и религиозных запросов. Мы с ней иногда подолгу говорили о самых существенных вещах. Что из нее сделала Швеция? страна и муж? А быть может и не та сцена, к которой она душевно стремилась. Конечно, писать обо всем этом трудно, но быть может Вас какие-нибудь попутные ветры занесут в Мюнхен. Мы с Наташей часто вспоминаем Вашего незабвенного отца[2]. Он частенько заезжал к нам на велосипеде, уютно, со вкусом ужинал и постоянно горел духовными вопросами. От него осталось впечатление чего-то очень своего. В его образе и во всем его душевно-духовном складе к нам в Дрезден заходила та Россия, с которой с годами все крепче чувствуешь себя связанным. Очень как-то странно: с одной стороны, я все глубже затягиваюсь в немецкую жизнь, а, с другой стороны, все больше ухожу в свои отроческие и детские годы. Тоскую тоже и о той Москве, которая после японской войны расцвела такою богатою творческою жизнью. Между прочим, Николай Сергеевич Арсеньев[3], которого Вы, вероятно, знаете, (сейчас он как раз гостит в Мюнхене) выпустил в издательстве «Посева» очень душевную и даже благоуханную книгу: «Из русской культурной и творческой традиции»[4]. В ней Вы найдете живые описания русской жизни, начиная со славянофилов. Много о Толстом, о Тютчеве и о других писателях. Много монастырей, салонов, много дружбы, писем, речей и т. д. Для тех, которые опоздали рождением, чтобы увидеть эту коренную Россию с дворянскими библиотеками в 30 тысяч томов, набитую энциклопедистами, немецкими мистиками, французскими богословами, книга дает многое. Так как вся эта арсеньевская Россия у

Вас в крови, а по рассказам отца и всего Вашего круга и сознания, она, я думаю, доставит Вам большое наслаждение. С радостью ждем Вашу младшую[5].

Наталия Николаевна и я шлем Вам наш самый сердечный привет.

Ваш *Федор Степун*[6]

П.С. К сожалению, и у нас ничего не осталось из того, что было в Дрездене, кроме иконы, которая была со мной на войне и нескольких книг, которые случайно спаслись у знакомых.

---

[1] Евангелие от Иоанна: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1,1).

[2] Речь идет о князе *Алексее Дмитриевиче Оболенском* (1855—1933).

[3] *Николай Сергеевич Арсеньев* (1888, Стокгольм — 1977, США) — русский философ, историк религии и культуры, поэт. Родился в семье российского генконсула в Швеции. В 1910 г. закончил историко-филологический факультет Московского университета. Учился еще в Мюнхене, Берлине, Фрайбурге. 1912—1914 — приват-доцент кафедры западноевропейских литератур Московского университета. После революции — профессор кафедры романо-германской филологии Саратовского университета (1918—1920), читал курсы также по кафедре философии. В 1919 дважды арестовывался, в 1920 г. эмигрировал, нелегально перейдя польскую границу. До 1944 г. преподавал в Кенигсбергском университете. В 1945—1947 гг. читал лекции в Сорбонне (Париж). С 1947 г. в США.

[4] *Арсеньев Н.* Из русской культурной и творческой традиции. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1959.

[5] Очевидно, *Александра Николаевна фон Герсдорф*, художница и владелица данного архива.

[6] Имя от руки. Письмо, напечатанное секретаршей, было, очевидно, просмотрено Степуном, о чем свидетельствуют его поправки от руки (МБ).

4

Мюнхен, 29 декабря 1960 г.

Дорогая Анна Алексеевна!

С наступающим православным Рождеством Христовым и со стоящим у двери Новым Годом. Мы с Наташей сердечно поздравляем Вас. Дай вам всем Господь Бог доброго здоровья, душевной тишины и покоя судьбе. Мир до того страшен, до того взбаламучен, что без развития в себе этих сил и даров прожить сейчас невозможно.

Спасибо сердечное за присылку Аленькиной подруге и за шоколад, который она нам передала. Простите, что с таким запозданием благодарим Вас. Рванулся было сейчас же откликнуться на Ваше письмо, но, верите ли, такое приходит количество писем, брошюр, запросов и требований, что на дружескую переписку, как это ни грустно, почти не остается времени. Но Вы ведь знаете, что

и без слов много думаем о Вас и о той дрезденской жизни, которая нас связала. И Ваш собственный дом, и сад, и русские вечера, и церковь, и розговены в Вашем доме со всякими кулинарными сверхрадостями и пышными разноцветными гиацинтами.

Очень жалко, что печень и скрытые в ней камушки помешали Вашему прилету в Мюнхен. Будем надеяться, что Вы все же осуществите Ваш план. Раз Вы можете жить у Вашей подруги в Берхтесгадене, то это уже не будет Вам непосильным расходом. Мы были бы очень рады видеть Вас у себя.

Вы пишете, что хотели бы получить мою последнюю книгу[1]. Я, конечно, с удовольствием пришлю Вам ее. В свое время Вы писали мне, как Вам было приятно получить мою книгу о театре[2]. Но занятые, быть может, еще больше, чем я, Вы не написали о ней тех нескольких слов, которые обещали.

Владыка Иоанн[3] был у нас недавно. Мы с ним очень хорошо, хотя и кратко поговорили. Вероятно, он прислал Вам свой стихотворный дневник[4]. Там есть очень хорошие вещи. Даже талантливая и привередливая Адоевцева[5] написала об этой книге большой фельетон в «Русской Мысли».

Ну, кончаю. Шлю Вам и всем Вашим наш самый сердечный привет и привет братьев Арсеньевых, которые несколько дней тому назад были у нас. Кто-то из них видел, кажется, Алечку[6] в Гамбурге.

Ваш *Федоръ Степун*[7]

---

[1] Вероятно, речь идет о его самой популярной в те годы книге: *Stepun F.* Der Bolschewismus und die christliche Existenz. Munchen: Kosel Verlag. 1959. S. 296.

[2] *Stepun F.* Theater und Film. Munchen: Carl Hanser Verlag. 1953, 164 S.

[3] Архиепископ Иоанн (Шаховской) Сан-Францисский, переписку с ним см. в этом томе.

[4] Как известно, Владыка Иоанн постоянно писал стихи (псевдоним «Странник»).

[5] Имеется в виду: *Ирина Владимировна Одоевцева* (наст. имя *Ираида Густавовна Гейнеке*, 1895—1990), поэтесса, мемуаристка.

[6] Александра Николаевна фон Герсдорф.

[7] Имя написано от руки (МБ).

5[1]

Am 30. Juli ist meine Frau
NATALIE STEPUN
geb. Nikolskaja

an den Folgen ihres Herzleidens nach einem akuten Anfall gestorben.

Fedor Stepun

Beisetzung: Mittwoch, den 2. August 1961, um 11 Uhr im Nordfriedhof[2].

[1] Траурное извещение, напечатанное типографским способом. Конверт также сохранился (МБ).
[2] 30 июля моя жена Наталья Степун, урожденная Никольская, скончалась вследствие болезни сердца после острого приступа. Федор Степун. Погребение в среду 2 августа 1961 г. в 11 часов на Северном кладбище (Nordfriedhof). (*Перевод с немецкого В.К. Кантора.)*

6

9.5.62 г.

Дорогая Анна Алексеевна!

Какие-то враждебные силы сопротивляются нашей встрече. Несколько лет тому назад и Вы и я были во Франкфурте, но не знали об этом. Второй раз Вы собирались заехать в Мюнхен после свадьбы сына, но заболели. Теперь Вы собираетесь позвонить мне 17-го мая, а я завтра, 10-го, уезжаю недели на три в Рим для работы над Вячеславом Ивановым[1]. Вся моя надежда, что Вы погостите не одну неделю в Берхтесгадене, куда я с удовольствием приехал бы, чтобы повидаться с Вами. Напишите пожалуйста сейчас же по получении этого письма, до каких пор Вы собираетесь погостить у Марьяны Ностиц. Я думаю пробыть в Риме недели три, но окончательный срок зависит от того, как пойдет работа. О Вашей операции я слышал, не знаю только, от кого.

Отец Анатолий за последние годы как богослов и историк церкви очень развился. Мы с ним дружны и ведем общую работу, так как я числюсь председателем общества по религиозному и национальному воспитанию детей. Собираемся даже строить летние воздушные помещения, в которых наши ребята могли бы проводить каникулы, учась и молясь. С матушкой последнее время я долго не виделся. Уже с год, как она не поет в хоре. В последний раз по старой дружбе пела на похоронах Наташи. Ну, кончаю, дорогая, буду очень рад, если удастся <sic> увидеться, все же мы много лет, и не худших лет нашей жизни, провели вместе, сердечный привет.

Душевно Ваш

Федоръ Степун[2]

[1] Речь идет о главе в его последней книге: *Stepun F.* Mystische Weltschau. Funf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block. Munchen: Carl Hanser Verlag, 1964. 442 S.
[2] Подпись от руки (МБ).

7

Май 1962-го г.[1]

Дорогая Анна Алексеевна!

Все обстоит вполне удачно. Я самое позднее возвращаюсь в Мюнхен 5. Іюня, а может быть уже и 1-аго. Раз Вы не спешите, то было бы, думается, лучше, если бы приехали в Мюнхен дня на 3 — конечно, моим гостем. Мы провели бы время уютнее и содержательнее, чем в Berchtesgadene, где будет почти не знакомая мне v. Nostitz.

Попытайтесь мне позвонить 2-о числа. Если я не откликнусь — то позвоните вторично 5-ого — тогда сговоримся.

Очень рад повидать Вас. — Всего Вам хорошего.

Сердечно Ваш

Федор Степун

Мои[2] № 33. 99. 19.

Вечером Вы можете застать мою секретаршу. Frau v. Wienskowsky

P. S. Может, пришлете и Ваш телефон.

---

[1] Карандашная надпись рукой А.А. Герсдорф (МБ).

[2] Т. е. *мой*. Степун обычно пишет *й* как *и* (МБ). Далее такое написание исправляется без специального указания.

8

22.5.62

Дорогой Федор Августович!

Очень обрадовалась Вашему письму. Рада, что Вы уже до здешней Троицы будете в Мюнхене.

Меня отсюда «вышибают», как раз в это время, и мысль спокойно повидаться с Вами в Мюнхене мне очень улыбается.

Впрочем, здесь я почти все время одна, т. к. моя приіятельница Марианна Ностиц, находится чуть ли не во главе этих учрежденій и страшно занята, — еле урывает для меня минутку. Она меня об этом предупредила, т<ак> что обижаться не приходится.

В эту субб. и воскр. ко мне должна приехать Клавдия Древинг, т. е. матушка. Я для нее нашла комнату в прелестном домике поблизости и то же самое могла бы сделать и для вас, если бы Вы оказались в Мюнхене в самом начале июня, т. к. самое позднее 7-го я должна отсюда уехать.

Местность здесь конечно очаровательна. У меня чудная отдельная комната, но в общем конечно пахнет «общежитием» набожного протестантизма (т. е. лютеранства), обеды и ужины общие с се-

страми, — диакониссами, ученицами и т. д. За отдельным столом сидят «главные», к кот. м<ежду> пр<очим> относится пастор, толстый, красный, но изучающий Достоевского, другой пастор, котого величают «Herr Kirchenrat», худой и бледный, какия-то женщины из администрации, иногда Марианна и всегда я.

Еда, можно сказать, «аскетическая» и несмотря на интерес к Достоевскому, проходит быстро и без всякой изюменьки! Молятся конечно и до, и после.

Описав все это, мне действительно кажется, что уютнее будет в Мюнхене, и для Васъ менее утомительно. Все же тащиться сюда не так уж быстро и легко.

Напишите или позвоните, как Вы думаете. Во всяком случае я буду рада побыть в Мюнхене после пребывания здесь. Здешний тел. 2192.

Еще раз спасибо!

Душевно Ваша

А. Герсдорф

9

8.6.62

Заметила, что у Вас в вазе на письменном столе стояли завядшие красные розы. Хотела, чтобы к Вашему приезду они были заменены свежими, — от благодарного сердца!

С приветом

Душевно Ваша

А. Герсдорф

10

Unterwössen
Chiemgau
9.6.62.

Дорогой Федор Августович!

«От избытка чувств уста глаголят...» Поэтому не могу Вам сейчас не написать.

Я еще совершенно под впечатлением «благоухания» этих дней в Мюнхене, нашей встречи, после кот-ой в руках у меня осталась Ваша книга, со знаменательным названием «Встречи», и с надписью от руки, где встречается то же слово.

Это поистине была для меня большая Встреча.

Помните ли Вы, что 6-го июня (если не ошибаюсь) день св. Симеона Дивногорца, храмовой праздник Дрезденского храма[1],

где мы с Вами иногда часами простаивали Преждеосвященную обедню и другие богослужения о. Михаила?[2] И в этот день я приехала в Мюнхен… Не постарался ли наш святой?

Не зная хорошо Четьи-Минеи, т. е. «Жития Святых», не знаю также, чем объясняется слово Дивногорец. Дивные ли горы или дивный Симеон на горах[3], для меня в Мюнхене это были «дивные дни»! Дивные, от слова «диво» или «чудо».

Странно, — с самого начала нашего знакомства в Дрездене, я мечтала именно так с Вами поговорить, — т. е. вернее я не смела об этом мечтать, — но, прибегая к сослагательному наклонению со словечком «бы», — все же где-то в подсознании не совсем погасла надежда.

И вот вдруг… Я только могу еще и еще раз сказать, — спасибо Вам, добрый, милый друг, за все, что Вы мне дали в эти дни.

Хорошо, что мы не попали в Englischer Garten, а застряли в кофейне. Я довольно люблю гулять в одиночестве, смотреть и думать. Но разговаривать по-настоящему, а наши разговоры (не сказать ли лучше «беседа», чем «разговор»?) были настоящие, нрзб (?) сидя и глядя друг на друга.

Многое еще мне хочется у вас спросить, о многом дослушать, что не было досказано.

Темы о Влад. Соловьеве, о г-же Шмидт[4], о его отношении к эротике, были затронуты еле-еле, да и еще многое и многое из личных переживаний. Но даже в чуть затронутых темах и суждениях меня очень радовала моя полная «созвучность» с Вами, кот<орую> я раньше даже не так ощущала и кот<орая> по-моему, расширилась в своем диапазоне. Также поразило меня приятно некоторое сходство во вкусах и в характере, что бывает так редко!

Думаю много о всем сказанном, иногда о еле затронутых темах, в эти «дивногорские» дни. «Не тебя целую, а страданье Твое целую…» Помните? А я бы еще прибавила, как одно из сильных переживаний последнего времени (моих личных) «Твое русское страданье целую…» Это русское страданье, т. е. русского человека, попавшего в нашу эпоху, так дорого и свято. Для меня оно уже переходит в какие-то ощущения особо остро-волнительного характера.

Единственная тень, — а если солнце так ярко светит, то не может не быть тени, — это то, что Вы стоите на горе, а я только у подножья (но как будто той же самой горы), — я у Вас учусь, я вас спрашиваю, — Вы мне даете… а я что? Что могу Вам дать, кроме благодарности?

Впрочем, нет, — мне кажется, что и Вы радовались, хоть немножко, — моей радости!

Еще что-то общее нас соединяет: мы оба потеряли наших самых любимых и близких[5], мы оба знаем, что это такое, оба чув-

ствуем их доброе и благожелательное «присутствие», если можно так назвать это особое ощущение.

Поверьте, что и Ваше страданье сейчас, еще такое острое, — и я чувствую остро, — и знаю, — и ему тоже «кланяюсь», с любовью и нежностью.

Еще раз спасибо и за прочитанные стихи о России из России, — м. б. когда-ниб. я их смогу получить?

Вы сейчас в Меране, где, у кого, — я ничего не спросила!

Я в чудном баварском местечке, кругом очаровательные горы. Еще доцветает сирень, тут же где-то пахнет крапивой, — как в России, и в двух шагах уже косят мои любимые цветущие луга, — так жаль!

Живу среди родственников, кузин, и славной молодежи. Все просто, естественно и душевно.

Должна буду вернуться в Мюнхен, чтобы там достать заказанный мной билет, но когда именно, еще не знаю, т. к. сейчас праздники и узнать ничего нельзя.

Впрочем, если появлюсь, — не бойтесь! Я постараюсь не занимать Вашего времени. Я знаю, что «дивногорские» дни были единственны и вероятно, — неповторимы, и их благоуханием можно еще некоторое время жить.

Вот уже 2 ч. ночи! Не сетуйте на меня за это длинное писание, а только простите.

До свидания. Да хранит Вас Бог!

---

[1] Церковь св. Симеона Дивногорца в Дрездене освящена в 1874 г. В ее церковноприходских книгах и сейчас можно найти данные о семье Оболенских и Степуне. В «Постановления приходского собрания Дрезденской церкви за 1930 г.» в записи от 2 февраля можно прочитать о принятом решении (в присутствии членов общины С.В. Рахманинова, Ф.А. Степуна и др.) о слиянии «студенческого» кружка и «кружка изучения Слова Божия» в «кружок Русской культуры». В постановлении написано: «Судьба этого кружка обеспечена участием в нем таких деятелей, как князь А.Д. Оболенский (создатель его), профессор Ф.А. Степун, супругов Г.Г. и М.М. Кульман, Н.Д. Скалон» (Постановления приходского собрания Дрезденской церкви с 1930 по 1939. Архив Дрезденской православной церкви Св. Симеона Дивногорца). Позднее этот кружок (не без влияния Степуна) стал именоваться обществом Владимира Соловьева. После смерти князя Оболенского в 1933 г. председателем Общества стал Степун.

[2] По информации Вольфганга и Валерии Шелике (Schälicke, «Институт немецко-русской культуры» в Дрездене) это был Михаил Радзюк. Он служил, возможно, в Берлине, а в Дрездене «по совместительству».

[3] Византийский святой из Антиохии, спасался на Дивных горах под Антиохией.

[4] *Анна Николаевна Шмидт* (1851—1905), нижегородская журналистка, считавшая себя воплощение Софии, визионерка, осталась ее переписка с В.С. Соловьевым.

[5] Речь идет о кончине жены Степуна и более давней смерти мужа Анны Алексеевны барона Николая Николаевича фон Герсдорфа (одно время шведского вице-консула в Дрездене).

11

12.6.62

Bichlhof
Unterwössen

Дорогой Федор Августович!

То <u>годами</u> — ничего, — а то, как из рога изобилия!

Но сегодня только несколько слов, — хотела лишь сообщить, что прямо проехать через Мюнхен мне не придется, а надо будет ненадолго застрять, — вероятно, до Воскресенья утра. Почему так получилось, — сейчас долго объяснять, — да и скучно!

Приеду в Пятницу когда-ниб. днем и позвоню Вам около 4-х час<ов> дня, если буду уже в городе. Остановлюсь где-ниб<удь>, где будет место в пансионе, но уже самостоятельно. За прошлое гостеприимство, — благодарю сердечно, — но пора и честь знать!

Вспомнила, что Вы в Пятницу, 16-го, идете вечером к г-же Франк и мило пригласили меня (на свой ответ) туда же. Если возможно и Вы думаете, что это вполне удобно, я бы с удовольствием пошла с Вами.

Отвечать мне никуда не надо, я просто позвоню в Пятницу и узнаю, как обстоит дело.

Я заказала плацкарт на поезд из Гамбурга в Стокгольм на 20-ое июня. Где я буду в промежутке, еще не точно известно. Очень рада Вас снова увидеть

Привет сердечный

А.Г.

12

Köln, 18.6.62

Дорогой Федор Августович!

Завтра уезжаю отсюда и уже без дальнейших свиданий, — лишь с ночевкой в гостиннице в Hamburg'е, еду назад в наш красивый холодный Стокгольм. — Сегодня меня катали на автомобиле по поразительно красивым местам, с такими мягкими ласковыми линиями далей и возвышенностей, такими нежными переливами красок, что просто «в зобу дыханье сперло»! Я никогда этих мест еще не видала и переживанья новых пейзажей у меня очень остры, почти до боли.

А вчера чудно уехала в драгоценном «Gambrinus»е, — там ведь только I кл., сидела в вагоне-ресторане — одна, — без соседей, — на этот раз, слава Богу, — не хотелось разговаривать. Хоте-

лось лишь впитывать в себя пролетающий летний пейзаж, красные маки в хлебах, золотой «чинстер» на склонах у полотна жел. дор., горизонты, синеву, зелень, думать о нашей вечерней беседе и знать, что Вы на следующий день в том же вагоне мож. быть увидите и этот мак, и эти ярко-желтые кусты...

Видели ли Вы их?

Затем в Bad-Godesberg'е меня встретили добрейшие и ласковые люди, кот., кажется, искренне обрадовались моему приезду и поистине совершенно незаслуженно «заклали для меня тельца»: в саду, полном самых чудных разноцветных ирисов, роз, гвоздик и всяких других цветов подали кофе с каким-то особенно изысканным домашним тортом со всякими фруктовыми сооружениями разных цветов, — причем больная старушка-мать, из-за кот-ой я туда приехала, — сидела там же и сияла, а потом, через некоторое время, часов около ½ 6-го, закатили обед с красным шампанским и ванильным мороженым — на сладкое! А больная старушка, почти парализованная, и тут присутствовала — и сияла.

Люди не богатые (слава Богу, — не люблю богатых), простые, но сколько радушия и старанья. Отвезли на поезд, усадили, махали. Я была тронута до слез. А потом новые «старые» друзья, здесь в Köln'е, уже стояли на вокзале и ждали.

Всего этого слишком много. Я начинаю захлебываться и становится совестно принимать столько благ, видеть столько доброжелательных и ласковых жестов, гостеприимства и т. д. — Теперь этому конец, — теперь остается длинный путь по железной дороге, размышления и одиночество. Reisebekanntschaften[1] я в этот раз делать не буду.

Сегодня вечером Вы читали лекцию во Франкфурте и опять, вероятно, чувствовали, как Ваши слова захватывают, будоражат и зажигают. Дай Вам Бог и дальнейшего во всем успеха и радостного окончания задуманной задачи.

Простите, если я мешала Вам, — я несколько этим смущена. Обещала не отбирать времени, а вместо этого вдруг стала рассказывать то, о чем и не думала говорить и о чем обычно глубоко молчу. — Спасибо за Ваше внимание. Вы не представляете себе, что это для меня значит. Ваше такое необычайно точное и верное понимание «странного» моего поведения в ранней юности меня поразило и очень тронуло. Я уже слагаю мысли для первой главы[1].

Берегите себя, пожалуйста.

Если найдете минутку черкнуть хоть несколько слов, — буду бесконечно рада. Это будут толчки в сторону задуманной работы, — настоящие для меня благодеяния! И большая радость к тому же.

19.6.

Пишу уже по дороге. Доехала до Hannover'а. Тут везде смотрели в окна сине-лиловые и палевые «лупины». Надо кончать, вернее оборвать письмо, а то я могу писать еще много и долго, и Вам надоем, да кроме того не успею отправить еще из Германии.

Правда, на душе еще много, много.

Ну пока — до свиданья, хотя бы письменного!

Как я люблю путешествовать!

Планы и предвкушения...

Бесконечно благодарная Вам

Анна Герсдорф Оболенская

---

[1] Дорожные знакомства (*нем.*).

[2] Судя по всему, Анна Алексеевна собиралась писать свои мемуары. Творческий пример (мемуары Степуна) заразителен.

13

Стокгольм, 27.6.62

Дорогой Федор Августович!

20-го числа, на прошлой неделе, добралась домой, после посещения друзей в Godesberg'е, и в Köln'е, потом, — ночевки в гостинице в Гамбурге и целого дня в поезде, от 7 утра до 11-ти веч. Приехала, нисколько не устав, — полная прекрасных и даже умилительных впечатлений. Зато тут начался какой-то ни на что не похожий, неописуемый водоворот, и рассказать то в двух словах невозможно! В результате я на следующий день сразу опять уехала и попала к шведским знакомым в имение, где 3 дня подряд, — нет, даже больше, — стоял дым коромыслом, — справляли здешний «Midsommar», по-нашему «Ивана-Купалу», также день рождения хозяина. Длинные столы на 42 чел. в саду под каштановыми деревьями (в цвету), хороводы, игры и танцы днем на лугу, причем участвует и стар и млад, а вечером танцы под гармошку на скотном дворе, в этот же день, а потом и в последующие, — бесконечные завтраки и обеды с вином и речами. В Понедельник гости доставили «второе удовольствие» (как мой отец говорил, — первое, когда приходят, а второе, — когда уходят), — а я, увы, застряла до сегодняшн. дня (среды), т. к. во вторник богатые соседи просили меня приехать и что-то у них нарисовать, — а сегодня в автомобиле отвезли домой.

Все это бурное «веселье» было мне не так уж по душе, хоть я и честно старалась «mitmachen»[1] и даже каких-то людей забавля-

ла, все же с ужасом чувствуя, что я нигде по-настоящему не дома, везде где-то сбоку-припёку, и вспоминались невольно Ваши слова в день какого то моего «юбилейного» рождения — (не то 30 не то 40 л.) за большим обедом, кажется у Klippgen'ых, — Где Вы меня назвали «ein Grenzmensch»[2]. Говорят, что люди, живущие на границах различных стран, почти всегда жулики или, во всяком случае, народ ненадежный и плутоватый. В переносном же смысле быть на границе различных эпох, положений, классовых установок и пр., — с одной стороны как будто обогащает, а с другой дает чувство одиночества, — везде на границе, нигде не в середине. Люди в большинстве случаев живут обществами, кликами, цехами, партиями и т. д. и там друг другу угождают и радуются. А для меня существуют лишь отдельные люди, кот-ым я радуюсь, — но почти везде чувствую еле заметный холодок, когда эти люди в своих «цехах», где я не считаюсь вполне «своей», — несчастный пограничник.

Зачем надоедаю Вам глупыми рассуждениями о себе, — простите, пожалуйста! И без того заняла столько Вашего времени и внимания своими рассказами. За это внимание и понимание горячо благодарю. Дай Бог, чтобы оно было плодотворным! Читаю «Встречи»[3] с увлечением. Жду весточки, хоть самой маленькой.

Хотела Вас перекрестить на прощанье, но смутилась. Да хранит Вас Господь и дорогую Нат. Ник. «в селениях праведных да учинит».

Преданная Вам *А.Г.*

P. S. Можно еще писать или это Вам обременение?

---

[1] Участвовать (*нем.*).

[2] Человек границы, пограничный человек (*нем.*) — термин экзистенциалистской философии.

[3] *Степун Ф.* Встречи. Издание товарищества зарубежных писателей. Мюнхен. 1962. — 202 с.

14

9.7.62

Дорогой Федор Августович!

Последний раз, что я виделась с Вами, было в Субботу 16-го Іюня вечером.

По дороге в Köln уже писала Вам письмо. Дошло ли оно до Вас?

Из Стокгольма написала Вам еще раз 28-го Июня. С тех пор было у меня и много интересных встреч и разговоров, м. проч. и с младшей дочерью, показавших мне ее со стороны «русскости» ее характера: неудовлетворенность, искания и пр.

Ловлю себя на том, что обо всем хочется Вам написать и поделиться впечатлениями. Но теперь я уже сдерживаю себя, пока не получу от Вас хоть двух слов.

Все-таки и читать письма может быть обременительно, и этого я очень боюсь.

Такое полное молчание меня немножко беспокоит, хоть я и знаю, как Вы заняты и все понимаю. Главное, надеюсь, что Вы в полном здоровье и можете писать Вашу книгу. Если бы я это знала, то мне не надо никаких ответов ни на какие мои письма, но как это узнать?

Теперь у меня к Вам один конкретный вопрос: когда Вы будете в Мюнхене этим летом, и если не в Мюнхене, то где? Вопрос, кажется, вышел нескромный, но вот, — что его вызвало.

Аленька (моя дочь) едет в Баварию в горы, а потом и в Мюнхен уже в конце этого месяца и мож. быть я к ней присоединюсь. Мы хотели бы остаться около месяца (она м.б. и дольше, чтобы учиться немецк. яз. и еще как.-ниб. премудростям).

Все дело в том, каково будет финансовое положение, получу ли я те заказы на портреты, кот. мне обещали и т. д. В общем, конечно, риск, — но риск благородное дело, говорят!

Мне, конечно, хотелось бы, чтобы ищущая душа Аленьки прислонилась и к Вам и к о. Анатолию, как в свое время это делала Лиза, с той только разницей, что там, в Дрездене, это было значительнее ближе (!) и доступнее. Так вот, — едем к Вам, как паломники...

Ведь русская молодежь и ее духовные нужды должны лежать близко Вашему сердцу, а Аленька чувствует себя русской, хоть она, увы, по-русски почти безграмотна. Думаю, при ее способностях, это дело быстро поправимое.

Едем мы (или только она) сначала в горы, — Unterwössen, к родственникам Либич-Голицыным — по их приглашению, чтобы встретить еще других родственников, приезжающих из Америки и Германии с молодежью в самом конце Июля месяца. Потом вся компания отправляется в Зальцбург, а потом надеюсь — в Мюнхен или... куда-ниб. еще.

Поэтому поставила этот нескромный, но очень важный вопрос, — где будете Вы?

Ведь Вы, Федор Августович, титан духа, даже «крохи, падающие с Вашего стола» — это огромные ценности.

Ответьте мне, пожалуйста, по возможности поскорей, — все равно как, коротко и через кого.

Искренне преданная Вам и благодарная

Анна Герсдорф-Оболенская

15

18.7.62

Как приятно было услышать Ваш бодрый, милый, яркий голос и знать, что «все в порядке»!

Я уж начала сомневаться. Человек может молчать по многим причинам и вот гадаешь, — какая из них наиболее вероятная? В зависимости от погоды и настроения меняются и предположения...

Вот и в стихотворении «Я жду письма»[1] Вы увидите одно из таких настроений. Конечно, это не письмо в стихах, а это переживание несколько усиленное, превращенное в что-то, что мож. быть общечеловеческим. Как видите, «рог изобилия» еще не истощился и вот опять в вашем ящике толстое письмо.

Мне даже совестно, но как будто какие-то еле уловимые нотки в Вашем голосе дали мне на это право. Ошибаюсь ли я?

Как жаль, что Вы мне ничего не написали! Гадать на кофейной гуще в общем, конечно, скучновато.

У Вас, верно, неважная русская секретарша? Я могла бы ее иногда заменять, — пишу быстро и, кажется, разборчиво. На машинке могу научиться. Ведь вот Владыка Іоанн взял, как секретаршу, Мар. Павл. Толстую, рожд. Шувалову, в свое время известную в Петербурге нашумевшую красавицу.

Мама пришла в ужас, узнав об этом, сказала: «Какой стыд Епископу брать такую красивую секретаршу», совершенно забывая, что ей под 70 лет и от красоты ничего не осталось, кроме благородства черт лица и осанки.

Но это, конечно, все шутки, хотя могли бы и не быть ими, если бы я не жила в Швеции.

Из кучи дрянных моих стихов выбрала наугад несколько, вовсе не лучших, а просто так. При случае могу показать и еще. К счастью, они не длинные. С большим интересом прочитала Вашу статью о Пастернаке[2], особенно об «экспрессионизме» в стихах, кот. Вы так ясно выявляете.

Кончаю, а то опять заеду слишком далеко за пределы «удобочитаемого» письма.

Итак, — если Бог даст, — скоро увидимся.

Я рискую, совершая такие длинные путешествия с малыми средствами... Как какой-то монах рассказывал на Валааме, что он прибыл туда с Афона «по благодати» и спрашивала о. Іоанна, также ли он доехал? (Слышала это от самого Влад. І.) Приезжаем из Гамбурга ровно в 6 час. веч. 27.7. Насчет комнаты пишу племяннице Ангелине, чтобы она Вам позвонила и сговорилась.

До свиданья, милый Федор Августович!

Ваша *А.Г.*

P. S. Тел. оказался очень дешевым! 8.75 кр. = 6. DM.

---

[1] Этого стихотворения у публикатора нет.
[2] *Степун Ф.* Б.Л. Пастернак // Новый журнал. Нью-Йорк, 1959. № 56. С.187—206.

16

Стокгольм, 26.7.62

Дорогой Федор Августович!

Аленька передаст Вам подарочек, кот., я надеюсь, понравится: старинный (XVII-го в.) русский серебр. крестик.

Спасибо за телефон, за все хлопоты и дружбу.

Радуюсь за Аленьку, что она едет.

Очень хотелось бы знать, как Вы ее нашли?

Также очень хотелось бы знать, когда годовщина смерти дорогой Наталии Николаевны?

Обнимаю Вас и еще раз от всей души благодарю!

Сердечно Ваша

А.Герс<дорф>

<На кусочке картона выписки из письма Ф. Степуна, помеченные 31. 7. 62:>

Цитаты из письма.

...Любовь же есть Божий ставленник на земле.

...Немая любовь теряет свою субстанцию, свою жизнь и может в конце концов даже и умереть от недостаточного питания словом...

(*Федоръ Степунъ*. 26 июля 1959 г.)

(Подлинник в Стокгольме)

17

Мюнхен, 7 августа 1962 г.

Дорогая Анна Алексеевна!

Не сетуйте, родная, что я еще не откликнулся на пять Ваших писем и на присланные стихи. Последние дни, вернее даже последние недели я был совершенно непостижимо занят всячески-

ми неотложными делами и свиданиями. Спешно кончал статью для «Нового журнала»[1], опровергал благожелательных к России евразийцев и ненавидящих Россию европейцев, считающих, что Россия — Азия, которую надо прогнать за Урал. Только сегодня я дописал эту довольно большую статью, но предстоит еще и переписка. 30-го июля был день Наташиной смерти. Служили панихиду на могиле, хорошо пели два мужских голоса. После панихиды было у нас человек пятнадцать: все милые и знакомые люди, которые, как и я, чувствовали ее присутствие в ею созданной квартире.

2-го августа я уехал на пять дней в шварцвальдскую санаторию, где гостил приехавший из Америки профессор Кронер[2], с которым я познакомился 62 года тому назад и который личными усилиями учинил мне профессуру в Дрездене. Несмотря на то, что он христианин, исповедующий немецкую христианскую философию, и офицер, заслуживший под Верденом два железных креста, его все-таки выгнали, предварительно обокрав, из Германии[3]. Встреча была тяжелая, но трогательная. Его жена, больная сердцем, боясь умереть, до мужа, подробно расспрашивала о Наташиной болезни.

23-го я еду — надо подготовиться — во Франкфурт, а затем в Голландию. Уже после Вас у меня перебывали: три писателя из Парижа, Ржевский из Люнда, экономист Ремминг из Стокгольма и известная Вам по Дрездену графиня Толстая, сын которой часто бывал у Клипгена и был ему, кажется, близок. Сын очень развился и произвел очень хорошее впечатление. Ваша Алинька — совершенно очаровательное существо. Она уже в первый приезд очень понравилась Наташе и мне, но сейчас она на меня произвела еще большее впечатление. Очень она русская девушка: живая, теплая сердцем, может быть и мучимая какими-то вопросами, как Вы пишете, но несмотря на это все же очень доверчиво относящаяся к людям и жизни. Сразу же после своего приезда она встретилась у нас с Медэмом и его дочерьми. Сегодня она вернулась совершенно восторженная из Зальцбурга, где познакомилась с «прекрасными», «интересными» и «милыми» людьми. Хотела придти ко мне сегодня же вечером, но я не мог исполнить ее желание, так как мне было совершенно необходимо диктовать письма. От шести до половины девятого писал немецкие, теперь пишу русские. Вероятно, осилю только два письма — сестре и Вам.

Вы пишете, что Вам даже совестно, что Вы, не получая от меня ответа, написали мне четыре письма и прислали ряд дополнительных и пояснительных к Вашим письмам стихотворений. Правды стыдиться не надо. Ваши письма были для меня большою радостью. И Вы правильно уловили в моем голосе какие-то еле

уловимые нотки, давшие Вам право писать мне. Нет, Вы не ошиблись.

Когда Вы написали, что Вы приезжаете и просите найти Вам комнату, я не вполне знал, в каком Вы приедете настроении и каково будет Ваше отношение ко мне. На мои несколько писем от Вас не было настоящего ответа, а на присланные Вам книги не было, в сущности, никакого отклика. А ведь о «Бывшем и несбывшемся» нам можно было бы хорошо поговорить друг с другом. Но уже при первой встрече я почувствовал, что Вы не писали только потому, что уж очень практически сложна была Ваша жизнь и что не было у Вас того досуга, который необходим, чтобы углубленно вести непрерывающийся диалог. Несколько дней, проведенных с Вами здесь, очень приблизили нас друг к другу, что и понятно. У меня тут много людей, которые меня глубоко любят, заботятся обо мне, проявляя осмотрительность и дружескую нежность. Я этому очень рад, очень всем этим утешан, если Вы будете здесь, Вы познакомитесь с Земишем и его женою, с дочерью моего московского врача, у которого я раненым пролежал одиннадцать месяцев в московской больнице и еще с некоторыми людьми.

Но все это все-таки люди здешнего мира. Вы же — своя. За Вами стоит Россия, ее природа, ее история, имена тех созданных русским творчеством женщин[4], в которых мы все были влюблены четырнадцати-шестнадцати лет. Мой язык и весь утраченный, а потому и особенно близкий мир. К счастью, Вы остались человеком редко живым, горячим, исполненным противоречий и борющемся с ними. Об этих противоречиях Вами хорошо сказано:

«И хочется тонуть в иллюзиях любви,
Но встань — иди тропою светлой духа
Найдешь в вещах простых привет святой зари»[5].

Должен кончать. Скоро одиннадцать и моя несчастная русская секретарша шатается в оглоблях, как говорим мы, конники, о лошадях. Пора ее распрягать.

Письмо не кончено, а оборвано, так как замученная Лидия Александровна не могла больше писать. В Ваших письмах — много волнующихся между строчек теней. Привет им. Особое душевное спасибо за замечательно тонко исполненый крест. Крест даст право приветствовать тени. Господь с Вами[6]. *Федор*.

---

[1] Речь идет о статье: *Степун Федор.* Россия между Европой и Азией. // Новый журнал. 1962. Кн. 69. С. 251—276.

[2] Рихард Кронер, соученик по Хайдельбергскому университету и коллега по Дрезденскому университету.

[3] Рихар Кронер был изгнан из университета по статье нацистского устава, не разрешавшей евреям преподавать в университетах. См. примечание к переписке с Тиллихиом.

[4] Русских европеянок, среди создателей образов идеальных русских женщин называли прежде всего И.С. Тургенева, потом, конечно, Чехова и Бунина.
[5] Очевидно, отрывок из стихотворения А.А. Оболенской-Герсдорф.
[6] Приписка от руки (МБ).

18

15 Авг. 62-го г.

имение Hogtorp
почт. ст. Stjärnhov
c/o Hallström

Дорогой Федор (итак, я пропускаю отчество!)

Спасибо за письмо от 7-го Авг., полученное мною вчера. Вы можете себе представить, как я ему обрадовалась. Я уже начала думать, что «еле уловимые нотки» были только моим воображением и что письма, в конце концов, понятным образом, являются лишь обузой; оттого я и перестала писать.

Очень меня окрыляет мысль, что они были Вам радостью. Спасибо за доброе слово.

Сегодня, к сожалению, не могу реагировать, как бы хотела, на Ваше письмо.

«Волнующиеся тени» между строчек, заставили меня сильно задуматься. Неужели надо сказать: «с нами крестная сила!» Неужели Вы думаете, что это (говоря языком Вяч. Иванова) не осознанные мною «Содом и Гоморрские бездны подсознания» на кот. надо проливать «очистительные воды»?.. Но об этом другой раз. Сказать по этому поводу хотелось бы мне много.

Но сегодня сделаю страшное усилие над собой, чтобы быть краткой, чтобы сказать поскорее главное, а это вот что: Вы будете в конце Августа в Голландии. Я посмотрела на карту и на расписание поездов: чтобы доехать до Стокгольма поездом, требуются лишь сутки (приблизительно), тогда как из Мюнхена 1 ½. Значит, одна треть пути уже пройдена.

Сейчас в моей квартире на Hägersten (под Стокгольмом) очень хорошо. «Око за око, зуб за зуб» Теперь я предлагаю Вам быть моим гостем, по крайней мере одну неделю. Могу Вам дать хорошую комнату с больш. письм. столом, с большим окном, выходящим на скалы, сосны и березки, даже с синими горизонтами, просвечивающими между веток и без всякаго дома перед носом (только сбоку). В Вашем распоряжении может быть и гостиная с книжной полкой (она же и столовая), выходящая на улицу и имеющая маленький балкон. Кроме того в той же квартире имеются еще 2 комнаты, одна из них Аленькина, а другая, около кухни, — пустая. В одной из этих по-

местилась бы я. Вы бы имели, я надеюсь, и покой и отдых. Есть конечно и ванная комната. К сожалению, проточной воды в комнатах нет.

Ближе к середине Сентября, около 3-го или 10-го я должна отправляться «на отхожий промысл» — писать детск. портреты по заказу в Гётеборге и еще где-то. Это мой хлеб, кот. должен перепадать и Аленьке.

Сейчас я в деревне у знакомых (прелестное место на берегу озера, вроде «Harpsund»а Викандеров), возвращаюсь домой около 20-го авг. и была бы бесконечно рада, если бы Вы уже «почти по дороге», заехали бы к нам! Повидали бы Лизу с семьей, Николая с женой, посмотрели бы мы с Вами вместе летнюю красавицу Стокгольм, окрестности, <нрзб.> и пр. Впрочем и у нас в Hägersten'е по-моему прекрасно. Вдоль главной улицы Sparbanksräg масса разнообразных роз, — большими и малыми кустами, а за домом, — лес-парк, с дорожками, видами, травами; недалеко чудный заход солнца над озером.

Ну вот, решайтесь, — дайте мне ответ на Sparbanksräg. Можно переночевать в Hamburg'е и ехать только днем.

Возвращаюсь кратко к Вашему письму. Вспоминаю написанное Вами мне несколько лет тому назад: «настроение мое колеблется между: ... прочее время живота моего в мире-покаяніи... и т. д. и языческим наслаждением природой...». Это не точно, но в этом роде. Ведь тоже противоречия?! Итак, как сказано, — продолжение следует — устно (надеюсь) или письменно.

Да хранит Вас Господь, милый Федор, — берегите себя!

Анюта (что-то непривычно.)

19

16-го авг. 62-го г.

Hogtorp
Stjärnhov

Дорогой Федор!

Только что отправила Вам спешное письмо, приглашая приехать из Голландии к нам в гости в Стокгольм.

Теперь, собственно, хочу по-настоящему ответить на Ваше письмо, имея его тут же на столе, и отвечая в том порядке, в каком оно у Вас написано, а не в порядке того, что меня больше всего задевает.

Пишу я также отчасти еще и потому, что мне как-то не верится что Вы приедете, и когда я получу на этот вопрос ответ, пройдет, вероятно, порядочно времени, что заставит и мои ответные мысли отчасти поблекнуть.

Итак, еще раз спасибо за письмо. Я нисколько не сетую на молчание и понимаю отлично, что значит неотложные дела и свидания. Молчание только тогда мучительно, когда не знаешь, чем оно наполнено, вернее, отчего зависит. Причин бывает иногда много. И радует меня, что это была занятость, а не что другое! Эпитет «родная», даже вскользь сказанный, — ласкает слух. Как он ценен. Чем старше становишься, тем он реже и ценнее, — все меньше на этом свете людей, кот-ым можешь это сказать и от кот-ых можно это услышать.

Постараюсь откуда-ниб. достать «Новый журнал», чтобы прочитать статью, опровергающую и евразийцев и европейцев, — не знаю, кто из знакомых получает этот журнал... Вообще, когда вернусь в Стокгольм, надо будет заняться получением газет и журналов, у меня последнее время вышел в этой области какой-то застой.

Спасибо за ответ на мой вопрос, — значит, 30-го Июля день смерти Наташи. Я запишу ее милое имя в мой «помянник» за упокой, где все имена мне близких и дорогих. Ведь у нас считается, что когда священник вынимает «часть» из просфоры, упоминая имя, то этот покойник как бы участвует в Причастии. Рада, что Вас в этот день окружали милые близкие люди, жалею, что не могла сама с Вами молиться, горевать и одновременно просветленно чувствовать ее близость. Да, — думаю, что и здесь у меня много общих с Вами переживаний...

Кронера я помню хорошо, — но как это было давно! Очень меня заинтересовало, что к Вам зашла Толстая-Милославская (Ел. Влад.) с сыном Володей. Мы надеялись с ней просватать его с моей Машенькой, но ничего не вышло. Если он в Мюнхене, не познакомится ли он с Аленькой? — А что из себя представляет «экономист Ремминг» из Стокгольма? Кажется, толковый человек и, говорят, хорошо знает русскую поэзию, хотя с виду он неказист и не поэтичен?

То, что Вы пишете об Аленьке, — это бальзам на материнское сердце, — я именно так ее ощущаю и поэтому особенно люблю, хотя и у нее тоже много изводящих недостатков!

Ну вот, теперь, следя за Вашими строками, понемножку подъехала к самой чувствительной и интересной части Вашего письма и тут мне хочется ответить обстоятельно. — Час уже настолько поздний, ½ 2-го ночи, что буду продолжать завтра. На сегодня, — спокойной ночи, — милый Федор!

17.8. Опять начну с благодарности: особенно горячее спасибо за всю эту последнюю часть письма и в особенности за последние фразы.

Я Вам, кажется, уже писала, как много Вы мне дали и даете, в особенности дали во время этой Мюнхенской встречи. Если это все расписать, то получатся не строчки, а страницы... Страницы, конечно, чудесные. Но меня очень смущало одно обстоятельство: что же даю я Вам, что могу дать? Восхищение, преданность, любовь, дружбу, — что хотите, — но всего этого, я чувствовала, у Вас много кругом. Много, и мож. быть гораздо ценнее, потому что активно, близко, осязаемо. Но что я «своя», что за мной «стоит Россия, ее природа, ее история, имена... созданных русск. творчеством женщин» и т. д. это такие дары, — от меня не зависящие, кот-ым и я умиляюсь. За отыскание их во мне — нижайший Вам поклон, — и опять — спасибо!

Здесь, как будто, никто их не видит, во всяком случае, мне об этом не говорит. Скорей м. б. завидуют и стараются как-нибудь придавить.

Это конечно «дары» не мои — Вам, а от Господа Бога (незаслуженно) — мне и мы с Вами оттуда черпаем. Ибо и в Вас все это, или подобное, — имеется. И Вы, благодаря Вашему таланту, чутью и знаниям все это тончайшим образом воспринимаете, и что главное, — передаете людям в Ваших произведениях. Так что если за мной стоит чудный бор, за белыми стенами нашей Оптиной Пустыни, и одновременно какие-то разбойничьи трущобы, — это только радостно, — и Вам и мне, не правда ли?

Разбойничьих трущоб хотелось бы поменьше, конечно. Их надо прятать и лить на них «очистительные воды». С молодости засела во мне Соловьевская мысль: дары или привилегии дают не только права, но налагают ответственности. Или «много дано, много и спросится». Теперь наступает почти что паника: ведь надо эти дары использовать, их как-то «активизировать». Способна ли я на это? Т. е., что я способна писать, я мало сомневаюсь. Но мне надо дать перо, бумагу, тихую комнату и какую-то палку. Кроме этого, понимающую и направляющую меня душу. «Внутренними очами» смотрю, конечно, на Вас, когда пишу эти слова. Но возможно ли?

Ведь сегодня мы живы, а завтра нет! Неужели эта часть такой благоуханной, благостной России, со всеми ее тенями и светом, кот. я в себе чувствую, кот-ую больно и сильно переживала, неужели она так и уйдет со мной в небытие, не отдав никому этого благоухания? Ведь это немыслимо и почти преступно. Неужели Вы не сможете мне помочь?

И вот опять это слово тени, уже в Вашей приписке от руки. Я сначала было подумала, что Вы это слово берете не в том отрицательном смысле, как оно вообще употребляется, а «между строк волнующиеся тени», в смысле «оттенки». Но когда оказалось что «крест дает право приветствовать тени», то я уже смутилась. М. б. именно стихотворения, кот. преувеличивают, усиляют, искажают, — нанесли «тени»? Но не все присланные стихи были пояснениями и дополнениями к письмам. Я, кажется, понимаю, что именно Вы усмотрели, но не совсем.

Есть ли это тот «настоящий яд», о кот-ом Вы мне как-то признались на балу в Hotel Bellevue лет 25 тому назад? Вопрос был поставлен так: я тогда спросила, после нескольких минут очень содержательного, хоть и краткого, разговора с Вами, — почему мы никогда не можем вести более продолжительного разговора и в более спокойном месте, чем на балу. На это Вы мне ответили, что если так разговаривать, то может случиться, что не захочется и расстаться! Потом Вы неожиданно прибавили, что уже были у нас с Вами ситуации, пропитанные «настоящим ядом», и что надо остерегаться [вдруг вспомнила, перечитывая эти строки, мое собственное:

«Не чиркай спички, может быть опасно...

Пусть лучше солнышком согреется земля!»]. Ваши заключительные слова были: «вот видите, какое признание я Вам сделал». Я ничего не ответила, как будто и не слышала и никогда этого разговора не припоминала, как-то его куда-то утопила. Он меня удивил, т. к. я лично не могла вспомнить никакой ситуации «с ядом». Я, по крайней мере, его не чувствовала. Я совершенно чисто, искренне и честно интересовалась лишь обменом мыслей и впечатлений, слушала с наслаждением все, что Вы говорили. Кое в чем была не совсем согласна. В конце концов, я решила, что все это было Вами сказано «просто так», в виду бальной атмосферы, и решительно ничего не значило.

Все это я «почему-то» вдруг припомнила теперь. Странно! 25 лет тому назад! Даже жутко.

Никогда я Вам не рассказывала, да и никому, кажется, о тех странных вопросах, которые мне ставила Мар. Фед.[1] по поводу моего отношения к Вам еще в самом начале нашего знакомства. Но об этом, м. б., когда-нибудь в другой раз. — Задумавшись над «тенями», все это снова вспомнилось.

А теперь скажу просто: как это назвать еще не знаю, — тени ли или яды, или свет? Милый Федор, — Вы мне стали чем-то близким, очень близким человеком. Может быть, наше общее «одиночество», земная покинутость любимыми, нас как-то соединяет?

Вы не знаете, как я хотела бы Вам помочь и пролить хоть капельку света и радости. Вы знаете, что, думая о Вас, и сейчас, пока пишу, я просто плачу. Слезы так и льются куда попало.

Ну, до свидания, мой друг! А, может быть, и прощайте! Если эта откровенность Вам тягостна и неуместна, отплатите мне такой же откровенностью, — скажите это. — Все можно вложить в совсем другое русло.

Да хранит Вас Господь!

Ваша

А —

P. S. 18. Авг. 62-го г.

Привет и спасибо «шатавшейся в оглоблях» Лидии Александровне за то, что она все-таки дописала это ценное, дорогое мне письмо.

Это «писание» отправлю Вам, лишь когда узнаю, что Вы сюда не едете.

Субб. 18. Авг. веч.

Эти строки до Вас вряд ли когда-ниб. дойдут, милый Федор, — но не писать Вам сейчас для меня почти невозможно. Перечитываю Ваше письмо, иногда начинаю с конца. Задумываюсь. «Но встань, иди. Тропою светлой духа...» Да, я стараюсь. А что в данном случае «светлая тропа духа»? Мои письма к Вам, разве они «от лукавого»? Разве письменное общение с Вами не духовная тропа? Разве мы не можем помочь друг другу и в этом отношении? Разве это какой-нибудь самообман и только трата времени, и моего, и Вашего? Я не могу этому поверить!

Поговорив с Вами письменно, хотя бы и больше в виде монолога, — но в конечный диалог я все-таки верю, — мне как-то становится легче, я получаю какой-то заряд для вдохновения и труда, для той же самой «тропы», о кот-ой сама же написала.

«Несколько дней, проведенных с Вами здесь, очень приблизили нас друг к другу...» А потом еще «Ваше письма были для меня большою радостью». Разве это не радость и для меня? Да еще какая! Я не верю, что это только «фразы», — ни в коем случае!

Если бы я могла петь, я бы пела, — да как! И весело, и грустно, и на все лады. И невольно вместо пения слагаются ритм и рифмы и получаются, как кто-то сказал: плохие и никому не нужные стихи. И всетаки это: «le cri du cœur».

Я что-то придумала: постараюсь и вдохновенье и чувства влить в другое русло: начну писать то, о чем мы с Вами говорили в последний памятный вечер на Ainmillerstr., — мою исповедь, — помните? Я буду писать, думая о Вас, м. б. для Вас, потому что только Вы до конца меня поняли.

Я вспоминаю еще что-то, вскользь Вами сказанное на мое замечание в этот последний день: Ну вот, все кончено! — «Нет, не кончено, а только начинается!..»

Дай Бог, чтобы это было так.

Я не смею об этом думать, но в самых безумных мечтах вижу начало новых взаимных вдохновений, мыслей, и совместного духовного подъема.

Может ли это быть?

Спокойной ночи, милый Федор.

Христос с Вами!

Воскр. 19-го Авг. веч.

Милый Федор! Писать сегодня не буду, хоть мыслей набралось много. Написав вчера о «светлой тропе духа», решила сегодня подтянуться хотя бы в смысле элементарного исполнения самых неотложных обязательств, поэтому выискивала и выписывала ошибки из Ал-ых писем, еще кой-кому написала и работала над заказанной картиной. Начала также и свой манускрипт. Это ужас, — сколько «побочных» дел всегда откуда-то набирается, в особенности писем, — они меня могут зарезать.

С Вами я состою в постоянном мысленном разговоре, — и вот Вы ничего об этом не знаете, а я пишу Вам так много, что Вы никогда не успеете всего прочитать.

Поэтому сегодня воздерживаюсь. Не то, что устала, или не пишется, наоборот, — а сознательно и с сожалением — воздерживаюсь.

Читаю с наслаждением «Встречи»[2], медленно, и, впитывая в себя каждую фразу, — тоже начала подчеркивать.

И все-таки сегодня молчу.

Будет ли от Вас когда-ниб. еще письмо? Или встреча?

Христос с Вами!

20.8.

Не могу не рассказать Вам, как благоухала сегодня липа, да и вообще все, после многих дней дождя и жаркого сегодняшнего солнца. Я шла через лес, потом дорогой через поля, спелая малина вдоль дороги так и валилась в руки, из рук в рот. Ах, Федор, милый и такой далекий недосягаемый друг! Друг, с кот-ым я беседую, о кот-ом думаю и кот-ый этого не знает! Всю эту чудесную природу я могла бы показать, Вас сюда приглашают приехать, но какое-то только предчувствие шепчет, что этого не будет. Я шла туда, куда подъезжает почтальон, приблизительно km. два от дома, — там такие же ящики, как, о кот-ом я как-то писала «полный пустоты», т. е. полный газет и дряни, без того, чего ждешь. Он подъехал и

привез еще письма, но все это было не то. Моя участь ждать всегда; всю жизнь чего ниб. и кого-ниб. ждала. Но есть и такие, кот. ждут от меня и не получают. Все кверх ногами на этом белом свете. Я хотела вечером позвонить, но не решилась. Мож. б. завтра, еще даю шанс почте. Зато бешено рисовала цветы. Люблю Божий мир и его красоту, хочется и это передать другим, — эту тончайшую поразительную красоту. Но муку свою никому не могу передать. Пусть сгорит она в терпении и молитве. Господи, помоги нам всем, помоги душе, «запачканной издревле»...

Во вторник, 21-го Авг., в расчетах, что Вы уже получили мое письмо с приглашением от 15-го (или 16-го) Авг; попробовала соединиться по телефону с Вами в Мюнхене. Выбрала обеденное время, т. е. 13. 45. Никто по этому номеру не отвечал. Я хотела узнать, получено ли письмо и хотя бы приблизительно, какой ответ насчет приезда в Стокгольм. Почта, конечно, ничего не принесла, а вечером снова звонить было неудобно, — приехали хозяева, кот. отсутствовали 3 дня, были соседи и т. д. — Я приняла это как знак, что, мол, не суждено.

Не буду больше писать писем, ни ждать их, ни мысленно разговаривать с Вами, сожгу все это нетерпение или пресловутые тени, — брошу все в огонь и буду только работать и работать. Одним словом — вырву зуб, чтобы не ныл.

Но он все-таки, хоть и притишенно, но продолжает ныть. К счастью, появились спешные заказы на картины и вот я засела... Заработала 240 кр. (прибл. 200 м.) предстоит еще 100. — А от Вас, дорогой Федор, — (не пристягнуть ли снова отчества?) ничего пока не жду, — т. е., конечно, жду, — но решила не ждать. — Ни писем, ни Вашего приезда.

Пусть время покажет дальнейшее. Сегодня Вы уехали во Франкфурт, 27-го будете в Голландии. Сегодня мой последний вечер в этом красивом доме, среди этой чудной природы. Я собирала много полевых цветов и рисовала их, также и вид из окна.

Стихотворение, написанное мною 8-го Авг., называемое: «День Воскресения», в 2-х частях (коротких), я слегка подчистила. Предназначалось Вам послать, но пока лежит у меня... до востребования.

Так вот, больше рассказать сегодня нечего, вернее решено, что нечего. И Вам, и мне надо работать, а не писать (в моем случае) или читать (в Вашем случае) совершенно не нужные письма.

Все-таки я молюсь за Вас: да хранит Вас Господь!

---

[1] Лицо не установлено.

[2] Книга Степуна: *Степун Ф.* Встречи: Достоевский — Л. Толстой — Бунин — Зайцев — В. Иванов — Белый — Леонов. Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1962. Возможно, именно эту книгу он подарил и надписал своей корреспондентке.

20

Мюнхен, 18 августа 1962 г.

Дорогая Анюта!

(Мне это довольно просто писать, все-таки мы с Вами знакомы почти сорок лет). Отвечаю сегодня только на беспроблемную часть Вашего письма — о тенях и кресте напишу впоследствии.

Ваше предложение приехать в Стокгольм, прожить там с неделю, повидать Вашу старшую дочь Лизочку, которая не без моей поддержки попала на сцену, при сопротивлении бабушки, а, по-моему, еще и отца Иоанна, познакомиться с женой Вашего сына и по-настоящему поговорить с Вами о Вашем художественном и литературном творчестве — очень заманчиво. Но сейчас оно, к сожалению, совершенно не исполнимо. 1-го и 2-го я читаю в том обществе, в которое еду (следующий раз сообщу Вам, где будет происходить встреча двухсот боголюбов), потом хочу проехать в Амстердам, где у меня есть знакомые, связанные с имением, в котором я вырос в Калужской губернии. А к 6-му я уже должен обязательно быть в Мюнхене, так как 7-го приезжает в Мюнхен знакомая и Вам Надя Ланге, жизнь которой была очень связана с нами, в частности с Наташей. Итак, на этот раз придется отказаться от Вашего заманчивого предложения. Но может быть его удастся исполнить в другой раз.

Дочку Вашу я видел только один раз, сразу же после ее приезда в Мюнхен. Веселая, милая и нежная, она забежала за своими вещами, сердечно обняла «Федора» и улетучилась в автомобиль, который ее ждал. Хотела вернуться в тот же вечер, но я был занят и должен был ей отказать. С тех пор она не звонила и не заглядывала. Сегодня я звонил Медему, желая навести справки о ней, но его второй дочери, которая видала Вашу, не было дома. Он мне обещал позвонить, но наверно у Вас у самой есть сведения, как она устроилась.

Сейчас у меня еще очень много писем. В среду утром я уже уезжаю под Франкфурт, а вернувшись — через несколько дней уже в Голландии. Не считайте этого письма за письмо. Это не письмо, а только сообщение. Письмо напишу по приезде.

Шлю Вам самый сердечный привет и очень надеюсь на скорое свидание (быть может у Феди Медема, с которым я сговорился, что если будет можно, то проведу у него неделю во второй половине сентября)[1] так как с теплым чувством вспоминаю встречу в Мюнхене.

Ваш *Ф. Степун*

---

[1] Далее от руки (МБ).

21

Понед. 27-го авг. 62 г.

Hägersten — Stoekhov
тел. 457145

Дорогой Федор!

Только сегодня получила письмо-сообщение, написанное Вами (т. е. продиктованное) 18-го авг. Девять дней, — это оч. большой срок для письма и я конечно недоумевала, объясняя себе Ваше молчанье «боязнью» теней (кот-ых в настоящем смысле слова, по-моему, — нет). Объяснение было неприятное и поэтому я очень обрадовалась, получив эту весточку и обратив внимание на то, что хоть письмо и датировано 18 авг., но получило почтовый штемпель 23 авг. (!). Где оно находилось все эти 5 дней, — от 18-го до 23-го? В дороге находилось лишь 4 дня, от 23-го до 27-го (что тоже довольно долго). И в первом Вашем письме, от 7-го авг. дата письма отстает [от] даты почтов. штемпеля на 2 дня. Мож. быть и другая Ваша переписка так. образ. задерживается? Или это только ко мне?

Как бы то ни было, я уже до получения «сообщения» с прискорбием поставила крест на Ваш приезд этой осенью сюда. (Вот опять слово «крест», в аспекте мрачном в этот раз, а не в приподнятом, светлом, как вообще я его ощущаю). Что касается моего возможного приезда в Мюнхен, то положение сейчас изменилось несколько к худшему, т. к. заказанные мне детск. портреты отставлены с сентября на октябрь и поэтому я до этого времени вряд ли смогу найти нужные для поездки «капиталы». Кроме того налоги, кот. необходимо уплатить (хотя бы частично) до 1-го окт., съедят все, что у меня есть.

Вот какая мрачная картина, а кроме того — буря, дождь и холод, — +12°!

Я почему-то считала, что Вы читаете в Голландии 27-го авг., а по этой последней весточке, Вы там читаете 1-го и 2-го сент., поэтому не знаю, застанет ли Вас это письмо (кот. <u>тоже</u> не письмо), но во всяком случае пробую.

Также и пробовала сегодня с телефоном (в обеденное время) и снова неудачно. Переставила на 6 час. веч. Посмотрим, что выйдет!

Мне только хотелось узнать, а это я могу через Вашу секретаршу, — в Мюнхене ли Вы и когда оттуда уезжаете в Голландию? Это на предмет возможной пересылки Вам тех писем, кот. я написала в ответ на № 1 от 7-го авг., и кот. <u>не</u> отправила, не получая ответа на приглашение.

Кстати, в этом письме есть у Вас слова: «углубленно вести непрерывающийся диалог...» Это касалось прошлых лет, когда это

фактически было мне совершенно невозможно. И Вы это поняли. Но этот диалог, — это то, о чем я мечтаю, — и даже если он бы и разыгрывался неравно, т. е. — больше чтения, чем писания с Вашей стороны. Но м. б. и это желание с моей стороны нескромно?

Не могу не затронуть под конец темы «теней и креста». Я понимаю, что Вы их учуяли, тем более этому не вполне правильно помогли стихи. «Тени» — бывают, что и говорить! Но в данном случае, по отношению к Вам, они мимолетны, легки и совсем не преобладают.

Преобладает тягота <u>вверх</u>, а не <u>вниз</u>, Вы меня понимаете? Что такое «верх», и что «низ», — понятия весьма относительные, но у меня они совпадают с нормами христианскими, а не фантастическими, а тем более современными.

О «тенях» и «ядах» я Вам пишу в неотправленном письме от 16-го авг. Если хотите его получить, то вышлю. Оно, увы, — длинное: начато 16-го и кончается 22-го авг. Все-таки, я была бы рада, если бы Вы его прочитали.

Счастливого пути, милый Федор,
Да хранит Вас Бог!

Анюта

P. S. Накануне дня Ангела Наташи (8. 9), т. е. 7. 9, — мое рожденье. Сделаю себе подарок и позвоню Вам веч. около 8-ми. Надеюсь, застану!

P. S. Аленька живет в семье «Kloepfer» и смотрит за детьми. Адр.: Helmtrudenstr. 12 München 23. Тел. не знаю! Позвоните ей!

22

Амстердам, Понедельник 3.IX.62

Дорогая Анюта,

Ваше письмо от 27 получилъ после обеда 29-ого т. е. в день отъезда в Голландию. Взял с собой чтобы отозваться. В Zeiste <?>, где читал, не было ни минуты свободной. — Общество было сердечное, внимательное ко мне, но не мое: вражда к церкви, политике и всякой христианской активности, да и не без некоторой сектантской амбициозности.

Тут тишина — и очень внимательное отношение ко мне сына 80-летней женщины, с которой у меня был литературный роман, кончившейся тем, что она прилетела к нам в Мюнхен, и вскоре

умерла. Повенчали нас общие воспоминания: через 5 лет после того, как мой отец бросил службу на писчебумажнои фабрике в Кондрове[1] и продал собственное соседнее имение Касатьино <?>, только что повенчавшись с голландцем [моя коресподентша] приехала в Кондрово где провела, симпозиональные годы своего счастья; наши описанные мною <нрзб.> — служил и у нее. Чтение моего «Бывшаго и несбывшагося» вернули ее в ее юность, а меня в мое детство.

Написав все это — понял, что написал зря — так как время у меня на письмо все же и тут мало, а в Вашем письме много вопросов — считая опять-таки только внешние, на которые хотелось бы ответить...

Письма, дорогая (только русские), часто опаздывают — независимо от адресата потому, что моя немецкая секретарша часто приходит несколькими днями позднее, чем русская, а иногда, написав адреса на машине, не бросает в тот же вечер из-за позднего времени. Тени тут, право, ни причем. — Мне очень жалко, что Вы не дозвонились до меня — но перед отъездом я был так занят, что это было действительно трудно. В субботу 25 к обеду была Татьяна Сергеевна Франк[2] — жена философа — была в больших заботах о детях, скорбях о 12 лет тому назад умершем муже. Читала даже его нежнейшие письма: кому повем печаль мою.

Пришлось закрыть телефон, а в понедельник я был за городом, чтобы повидаться с москвичкой, которая (она замужем за немцем) ездила в Россию и видела моих. Жить там легче. Брат, который за ней в свое время ухаживал — сразу же ее принял.

Кроме того, я кончал и кончил большую русскую статью. О России между Европой и Азией[3].

Я знаю, Анюта, что это письмо совсем не то, которое Вы ждете от меня — но начать настоящий разговор о «тенях», о «тяге вверх и вниз» — я здесь среди бесконечных общений, визитов к славистам, осмотра выставки Франц Гальста[4] и Рембрандта в музее я не могу — мне просто захотелось часочек беспроблемно побыть с Вами — подать голос и поблагодарив Вас за прекрасное по глубине стихотворение, поздравить Вас с неизвестным мне до сих пор талантом.

О тенях и ядах напишу Вам в ответ на Ваше письмо от 16-ого августа. — Хочу пока что только сказать, что еще в время Вашего пребывания в Мюнхене мне вспомнилось, как я провожал Вас домой (Вы были у нас). Шли мы под руку. Вы были грустны и неожиданно сказали: «*вот мы съ Вами Ф. Ав. и состарились*» — Эти слова были тенью, что прошла по Вашей душе. К этому воспоминанию хочется еще прибавить; что преобладание тяготения

вверх — не уничтожает, а преображает; подымающиеся с земли туманы, вот они уже и плывут по небу облаками — вечными странниками.

Что мы с Вами не современные люди — я знаю, как знаете и Вы. Да хранит нас обоих Бог. Ваш Федор.

P. S. Очень мешает писать боязнь, что Вы не разберете моего почерка. Я ведь сам не разбираю. А диктовать письма Вам — по духу нашей переписки мне невозможно. Жду большого письма.

Привет Вам — самый сердечный.

Привез письмо обратно, потому что на письме от 27 был как будто новый и не вполне внятный адресъ.

---

[1] Кондрово — город в Калужской губернии, где Степун провел свое детство, с 1887 по 1894 гг.

[2] Письма к ней Степуна см. в этом томе. В конце жизни они жили рядом на одной и той же улице в Мюнхене (Ainmiller Srasse).

[3] *Степун Ф.* Россия между Европой и Азией // Новый журнал. 1962. Кн. 69. С. 251—276.

[4] Т. е. Франса Хальса.

23

4-го Сент. 62-го г.

Дорогой Федор!

Ваше «письмо-сообщение» от 18-го авг., дошедшее до Стокгольма 27-го, я с благодарностью получила, пожалела о содержании, и сейчас же ответила, в надежде, что мои строки застанут Вас в Мюнхене, между поездками во Франкфурт и в Голландию. Но, м. быть, оно все еще лежит под спудом за это время пришедшей корреспонденции? Это конечно, не так важно, никаких новых «сообщений» там нет, разве что одно, а именно, что я собираюсь Вам позвонить 7-го веч., около 8-ми час., сделав этим самой себе подарок на рождение.

Но вот этот подарок, по-видимому, должен будет отпасть, не ждите моего телефона!

Дело в том, что отпущенный мною на этот случай «бюджет», придется перевести на другой телефон, тоже в Мюнхене, только не к Вам, а к Аленьке! Сегодня я получаю от нее телеграмму с извещением о новом адресе и телефоне, — без комментариев.

Что случилось, — решительно не знаю! В предыдущих письмах ничего подобного не предвиделось, — все как будто было в поряд-

ке. Писала только, что подружилась с художниками, с одним, 22-х летним — особенно, что стала писать картины и вместе с другими и одной подругой, выставили их на улице (!) и... продали! — Может быть, за это выгнали!?

Кроме того, писала, что ежели бы она могла остаться дольше в Мюнхене, то получила бы комнату с ванной и кухней за 100 DM. в месяц. Но не было вопроса об окончании «службы» в этой семье (Kloepfer), где она устроилась смотреть за детьми на 6 нед.

Так что вот, сегодня я должна звонить туда 33. 51. 53 и в течении 2-х минутн. разговора постараться возможно больше узнать. Если Вы, со своей стороны, ей бы позвонили, — я была бы оч. благодарна. У Вас тоже м. б. составится какое-ниб. впечатление, о кот-ом Вы мне напишите, когда сможете добраться до письма, кот. (по обещанию) будет не только сообщением, да еще грустным, но «настоящим» письмом, кот.- ого я, конечно, очень жду.

Кроме того, у меня лежат уже написанные мною письма Вам, — все реакции на Ваше письмо от 7-го авг., лежат и не отсылаются. Смущаюсь обременять Вас чтением, ведь и на это нужно время. Можно и подождать!.. Во всяком случае жду в этом отношении некоторого поощрения.

Просила Аленьку достать цветы и отнести Вам ко дню памяти Наташи, 8 сент., по старому 26-го авг. Вы будете, вероятно, на кладбище, — положите от нас, пожалуйста. Если нет, поставьте у себя, — «в память»! Надеюсь, что она это сделает. Еще просьба передать вложенную записочку Наде Ланге, буду очень благодарна.

Так соблазнительно снова приехать в Мюнхен, но что делать, когда находишься в тяжелых тисках безденежья! Только в октябре, возможно, будет облегчение.

Сейчас у меня два детских портрета, над которыыми я работаю, но это — капля в море против того, что нужно.

Снова принялась за «Бывшее и несбывшееся», теперь с особым интересом читаю. Эту книгу я, м. пр. купила сама, — а немецкой, сокращенной, у меня нет. Да и вообще мало, что есть.

От души надеюсь, что Вам удастся, наконец, отдохнуть. Жаль, очень жаль, что это не в Швеции, и что Бавария находится так далеко!!

Самый сердечный привет и Вам и Наде Л. Да хранит Вас Господь!

Все-таки, не могу удержаться и посылаю еще один «стих». Что делать, когда они из меня высыпаются!! Не сетуйте!

Напишите.

Анюта

24

7.9.62

Спасибо за тел. разговор, милый Федор! Весь вечер я была одна, поэтому снова «высыпались» из меня стихи. Без переделок и поправок, в сыром виде, посылаю их Вам. Они для Вас.

А за неделю писем в августе 62-го г. (16-го — 23-го) не сетуйте на меня! Эта была неделя в деревне, — цветущая липа и лесная малина очевидно завели меня куда-то слишком далеко. Но не пугайтесь, это совсем не страшно! Это ничего!..

Отсылаю все эти писания, не дожидаясь Вашего письма, потому что боюсь, что по получении его или захочу все написанное разорвать и бросить, или буду снова строчить и Вас затруднять чтением.

Ну посмотрим! День рождения прошел неплохо и закончился прекрасно. Спасибо, мой друг!

Анюта

25

11.9.62

Ответное письмо следует, дорогой Федор, — сейчас оч. много работы, — рисование и клиенты!

Была вчера на фильме (советск.) «Дуэль» по Чехову, — замечательно[1]. Я умилялась.

Как верно Зайцев оценил это произведение Чехова (из «Встреч»)[2]. Не знаю, как Вы чувствуете, но мне в телефон показалось, что «Анюта — Вы, и Федор — Вы», звучит как-то неестественно (в письменной форме легче, — а звучит — глупо). Как Вы находите? Если со мной согласны, то перейдем на Ты; поэзия, во всяком случае этого требует!..

Привет сердечный.

Анюта

---

[1] Речь о фильме 1961 г. «Дуэль» по повести Чехова с мощным актерским трио: Олег Стриженов, Владимир Дружников, Александр Хвыля.

[2] Очевидно, речь идет о словах Степуна, цитирующего Зайцева: «Переходя к “Дуэли”, Зайцев любуется военным врачом Самойленко, горячим, добрым заступником прежней России, и молодым смешливым дьяконом, который своими словами, идущими от простого сердца, сражает умного, но самоуверенного фон Керна, а в конце концов спасает обоих дуэлянтов. <...> “Вся внутренняя направленность дуэли, — заканчивает Зайцев свой анализ, — глубоко христианская”. “Радостно удивляет тут в Чехове оптимизм совершенно евангельский: “Во единый час” может человеческая душа спастись”» (*Степун Ф.А.* Борису Константиновичц Зайцеву — к его восьмидесятилетию // *Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН. 2000. С. 745)

26

Стокгольм, 13.9.62

Дорогой Федор, — захотелось мне снова тихо и «беспроблемно часочек посидеть с Вами», — это цитата из Вашего последнего письма, — какие хорошие слова! Это именно так. Но совсемто беспроблемно у нас не выходит, а то стало бы скучно! Теперь Вы уже получили письма от 18-го до 23-го авг. в одном конверте, а когда это письмо дойдет, то верно будут уже получены и послетелефонное, и «расписка в получении». И всюду эти несчастные стихи! И сегодня опять! Я хотела бы знать, что Вы думаете? Вижу, как Вы проводите рукой по волосам. Не думаете ли, — «кажется, барыня сошла с ума»...

Впрочем, я несколько обнаглела последнее время, т. к. Вы меня поздравили с талантом и я вообразила, что получать письма от талантливого человека, может быть, Вам и не так уж обременительно, хуже было бы читать полную бездарность. Не правда ли?

Конечно, историю литературного романа с 80-ти л. женщиной Вы не зря написали, это даже очень интересно. Что значит «литературный» роман? Т. е. в письмах? А она писательница? И какая-ниб. разыгралась «любва»? Обоюдная или нет? Приехать, — и умереть, — это ужасно! Не предостережение ли, так, вообще, для человечества?..

Ах, Федор, — простите; в меня вселился какой-то веселый бесенок! (м. б. лучше, чем нытик?)

Иероглифы я отлично разобрала, поэтически назвав их «вязью», что тоже всегда приходится разгадывать; но кк. видите, все поняла, все оценила.

Милый Федя Медем написал мне чудное письмо и приглашает поскорей приехать со всеми ими познакомиться. Я не знаю, что делать. В общем, хотела бы очень приехать. Чувствую, что и Аленьке я нужна.

Пока получишь ответ на письмо, проходит вечность. Звонить или бесполезно, — нет ответа, или дорого. Телеграфировать, — тоже дорого, да еще иногда непонятно, из-за экономии слов. Одним словом, положение безвыходное. От начала Октября до (приблизительно) 15-го меня ждут в Гётеборге для портретов детей, а сейчас я заканчиваю 2-х, — но поспею ли съездить до начала Октября, или лучше потом? Мне лично было бы удобнее потом, т. е. в конце Октября. Но где будете Вы? «Где Вы сейчас?..» Что бы стоило «звякнуть» по телефону! Такой хороший Nr. 457145.

Ну вот, обрываю письмо, а то напишу всякие глупости. Сегодня полнолуние, Вы тоже его видите! Милый Федор, я бы приба-

вила что-ниб. нежное, да не смею, пока не знаю Вашей реакции. Повторяю лишь Ваше:

Господь да хранит нас обоих.

Анюта

27

15.9.62

Среди размышлений и колебаний о том, приятны Вам, дорогой Федор, или неприятны мои письма и как Вы на них реагируете, преобладает все же чувство, что они приятны. Во всяком случае, я утешаю себя этим чувством, поэтому опять пишу.

Насколько помню (у меня нет ни черновиков, ни копий писем), в последнем письме из серии 18 — 23. 8, я что-то бормотала, что больше писать не буду. Но с тех пор пришло запоздавшее ответное письмо на приглашение, а потом и голландское, такое милое, от руки написанное. Еще и еще раз спасибо, друг мой!

Вчера не вложила стихотворений, потому что они как-то не подходили к стилю письма, а сегодня настроение не такое шутливое, хотя, собственно, ничего не изменилось. Наоборот, можно порадоваться, что пришел ответ из Гётеборга, что меня ждут 8-го окт. и что будет около 20 портретов детей. Выходит, словно какая-то портретная мастерская «en gros»! Будет значит и утомление и будут деньги. Если деньги, то можно будет и приехать в Мюнхен повидать... Аленьку! Опять у меня появляется шутливый тон, ну ничего! Все-таки портреты не шутки, а истинная правда, — если ничего не случится.

Воспоминаний о моих словах, насчет старости, у меня совершенно никаких нет; стараюсь припомнить, но напрасно, и даже не могу понять, почему такая мысль пришла в голову и я ее выразила. Никогда старости не боялась, всегда думала, что она несет с собой ту «святую трезвенность», кот-ой так трудно добиться в молодости. Мне еще не было 40 л., когда я одно время вообразила, что душевно состарилась, и, — слава Богу, — так и надо, так и хорошо! Всякие конфликты, осложнения с «тенями» и пр. всего этого больше не будет, наступила просветленная и тихая эпоха жизни (это в 37 л.!). Сколько раз пришлось потом убеждаться, что, увы, в этом смысле никакой старости еще нет. Да вообще, где та высокая трезвенность, кот. она должна с собой нести? За нее надо бороться; сама по себе, она вовсе не является.

Надеюсь, что Вы не ответите мне тем же, т. е. что Вы ничего не помните о «признании» на балу в гостинице Bellevue. Мож. быть, я и неверно его поняла, т. к. не переспрашивала и ничего не ответила.

Как всегда, жду весточки. От Али тоже давно не было. Милый Федор, перечитываю Ваши воспоминания с особым чувством и вниманием, умиляюсь и восхищаюсь! Для Вас Россия «величайшее счастье всей моей жизни» (стр. 57)[1], Ваша Любовь, — а для меня она — мать, к кот-ой, м.б., иногда относишься и с меньшим экстазом. Пишу свои детск. воспоминания. С болью прекращаю письмо [пот. что не хочется кончать].

Господь с Вами!

А.

P. S. Надеюсь, что Вы, м. б. привыкнете получать мои письма; если они прекратятся м. б. их будет нехватать? Беспокоюсь об Але, почему она молчит?

---

[1] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. В 2 т. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. T. I. C. 57.

28

17.9.62

Дорогой Федор, — пишу второпях, да кроме того неважно себя чувствую, что-то пошаливает сердце. Да и не удивительно: вчерашние волнения с Аленькой (2 раза звонила ей в Мюнхен!) Куда-то ее несет на неделю в Швейцарию, Ваша комната для нее куда-то сгинула, наспех найдено что-то другое, на что нужно сразу внести деньги; денег у нее нет. Если она будет ждать высылаемых мной отсюда денег, то пропадет поездка — случай на автомобиле с подругой и англичанином, — а если уедет, не заплативши, то пропадет комната, что еще хуже! Посоветовала ей взять взаймы, с тем, что я верну отсюда по почте или «eventuell», привезу, коли приеду. Посоветовала обратиться или к Вам или к Curt Ulrich von Gersdorff, председателю семейного союза. Что она сделала, не знаю. Если к Вам, то простите, — но вот какое положение дела.

Сама же я, получив огромный заказ в Гётеборге на после 9-го октября, решила воспользоваться временем сейчас и приглашением Феди Медема, — поскорей приехать, — собираюсь взять билет в Мюнхен на 26-го сент. (отсюда). 27-го, значит, буду в Мюнхене, не знаю точно времени и еду прямо в пансион Coburg, где по-видимому будет Аленька, кот-ую Вы так мило пригласили по случаю «бездомности», на 3 дня в пансион.

Можно было бы взять «Doppelzimmer»[1] и я бы туда водворилась на эти дни, заплатив разницу между двойной и одиночной. Феде Мед. я написала и «habe mich angemeldet» после 1-го на несколько дней. Около 8-го—9-го, я должна уже быть в Швеции и начать работу после 10-го. Тогда, Бог даст, я заработаю, как следу-

ет, но приезжать после работы, т. е. к середине ноября, поздновато и непривлекательно.

Теперь остался деловой вопрос:

Закажете ли Вы двойную комнату для Али и для меня или это сделать мне отсюда? Аля, кажется, собиралась приехать 26-го.

Второй вопрос: нужны ли спешно деньги, если она их у Вас взяла, или можно ждать до моего приезда?

Чувствую, что произойдет какая-ниб. «дежурная неувязка», но какая именно?.. Во избежание оной, была бы очень благодарна, если бы Вы смогли мне позвонить: Прилагаю, для удобства, дни и времена на отдельн. листке. А пока, еще раз от души благодарю и радуюсь возможному свиданию.

А.

Едете ли к Медему и когда? Как бы нам не разминуться!

---

[1] Номер с двумя комнатами (*нем.*), *пер. с нем. В.К. Кантора.*

29

19.9.62

Дорогой Федор, — обрадовалась Твоему голосу в телефон и милому Ты. Прозвучало что-то родное и настоящее. Звук последних слов: Христос с Тобой, так ярко напомнил мне моего горячо любимого отца, кот. всегда так и говорил и писал. Спасибо за ласковое слово.

А содержание разговора меня несколько огорчило. Ведь подумай, вот что Ты мне написал в письме № 2, от 18-го авг. «очень надеюсь на скорое свидание (быть может у Феди Медема, с которым я сговорился, что если будет можно, то проведу у него неделю во второй половине сентября) т. к. с теплым чувством» и т. д. Поощренная этой фразой, я на всякий случай написала Феде, хотя еще не знала смогу ли вообще поехать, по финансов. соображениям. Федя ответил быстро, очень родственно и тепло и пригласил приехать «как можно скорее».

Финансы кое-как наладились и я быстро решила ехать, т. к. надо мне и быстро вернуться.

От Тебя, тем временем, никаких по этому поводу известий; думала, — что если приеду 26-го или 27-го, — это все еще 2-я половина Сентября. Я собственно боялась, что Ты уже уехал туда (прости карандаш!), а теперь оказывается, что какая-то «бестия» (извини, я не расслышала фамилии) увозит Тебя в Берхтесгаден. Несколько минут спустя, после телеф. разговора, пришла телеграмма от Феди: буквально (ответ на мое второе письмо, где я спрашиваю, действительно ли удобно приехать) «Dein Besuch auch mit Alinka 28 September bis 3 Oktober passend sehr erfreut Medem».

Ну вот! Предвиденная мной «дежурная неувязка» уже в самом разгаре. Я еду за тридевять земель, трясусь в поезде сидя 27 ½ час. подряд, чтобы с Тобой повидаться и хоть немножко наговориться, — и что получается, если все останется так, как это сейчас выглядит: Только что приехав, — мне надо ехать в Kronwinkl, а когда я вернусь, Ты уже в Berchtesgaden'е. А в Kronwinkl не поедешь, хотя сговорился заранее с Medem'ом и меня косвенно соблазнил на далекое, неудобное и дорогое путешествие! Потом будешь сидеть в горах, потирать руки и радоваться, как все интересно получилось! — Если бы Ты знал, как мне смешно, когда я пишу все это, потому что внутри души не могу поверить, чтобы вышло так глупо.

За билет я еще не заплатила (хотя деньги отложены), но можно конечно все «abblasen»[1]. Впрочем, и это уже нельзя, слишком много народу в эту штуку вплетены. Итак, пускаюсь вплавь, с Божьей помощью во вторник 25-го Сент. Поезд приходит в München (Stockholm, Kopenhagen, Hamburg) 26-го, в 10 ч. 37 м. (утра). Т. к. Аленька знает, что комната заказана на 27-ое, (и не знает последней перемены, по моей ошибке, с 27-го на 26-ое) то она верно приедет лишь 27-го. Так. образ. весь день 26-го я в Твоем распоряжении. Или м. б. Тебя кто-ниб. куда-ниб. увезет?..

Федор, голубчик, прости мою иронию, — я ведь это, — шутя и любя.

Но серьезно, — если Аленьки еще нет в Мюнхене, — не встретишь ли на вокзале? Это ведь не слишком рано, — после половины одиннадцатого?

Так чудно было, как Ты меня прошлый раз встретил, — не могу забыть. Возможности моей поездки к Мар. Ностиц в Berchtesgaden Semb <?> (на несколько дней) довольно шатки, но не безнадежны. Но сможем ли мы хоть на полдня занять чем-ниб. другим наших друзей и побыть на лоне природы без них? Я все лето мечтала об этом, это видно по письмам, кот. катились ежедневно из деревни (18—23 авг.).

Все зависит от степени обоюдного желания, ловкости и — судьбы!

У меня за вчерашний день появилось 3 новых стихотворения, довольно грустных, я их сейчас не посылаю.

Трудно поверить, что мы скоро увидимся, как я надеюсь, что это будет на вокзале (но и не только на вокзале).

А теперь спокойной ночи, Федор милый. Христос с Тобой.

Анюта

20.9. Только что получила заказное письмо с двумя манускриптами. Теперь я так богата и так рада. Спасибо, милый, добрый друг. Не могу поверить, что мы в Мюнхене разъедемся, — этого ведь не долж-

но быть! Кого-то надо куда-то переставить или отставить или приставить, но стратегия эта мне издали не ясна. Мож. быть, Ты придумаешь? Кроме того, надеюсь на счастливую звезду. Билет мой готов: в 7 утра (во вторник, 25-го сент.) отсюда. Пересадка в Копенгагене и в Гамбурге, куда я приезжаю вечером, 22.30, и откуда беру Liegvagen[2] (тоже уже имеется) прямо до München'а. Утром 26-го в 10.37 я там!

Итак, до скорого свидания. Спасибо еще раз за все, все. Береги себя и ни в коем случае не приезжай на вокзал, если неудобно или трудно. Это была мечта, но отнюдь не необходимость!

Христос с Тобой.

Анюта

[1] Abblasen — трубить отбой (*нем.*), *пер. с нем. В.К. Кантора.*
[2] Спальный вагон (*нем.*), *пер. с нем. В.К. Кантора.*

30

22.9.62

Дорогой Федор! Вчера, день Рождества Пресв. Богородицы, день смерти отца, был хороший для меня день: утром причастилась у обедни, потом поехала рисовать незнакомого мне мальчика и сразу же его и закончила, приблиз. в 1½ час. Все были довольны, я получила 200 кр. (приблиз. 170 DM) и поехала тут же обедать к друзьям, там, где я была в Августе в деревне, — у них и в городе большая квартира. Здорово устала, — но ничего! Сегодня бегала по делам и написала 3 письма в Баварию: Медему, Мар. Ностиц (Берхтесгаден) и <нрзб.> Либич, Unterwossen. В одно из последних двух мест или в оба я бы думала поехать после 3-го, когда Ты, по-видимому, будешь в Берхтесгадене. Если паче чаяния Твоя поездка туда отложится, то и я не поеду, — написала на всякий случай. Медему также сообщила, что вряд ли приеду уже 28-го, м. б. днем или 2-мя позже, — это чтобы выгадать время в Мюнхене, пока Ты там. Но т. к. всюду «Х»ы, то и написала в таком духе, что все можно еще переменить.

Твои обе статьи прочитала с наслаждением и так во всем согласна. В особенности в докладе, — удивительно верно и точно, как раз то, что думаю и я, как раз мои мысли. Это уж не от симпатии, а совершенно серьезно. Тк. радостно, что Ты так думаешь.

Меня смутило только то обстоятельство, что в обеих статьях, какой то странноватый конец, как будто не хватает еще страницы? Упаковка была плохая, одна сторона конверта была открыта, не спер ли кто-ниб. Твою подпись, если она там была? Сохрани расписку, на всякий случай. Я привезу все назад в той упаковке, как получила. Если это так, надо будет рекламировать.

Итак, в среду утром. Если Тебя не будет на вокзале, то беру Taxi и еду на Ainmillerstr. Поезд приходит 10.37, если все будет благополучно. Дай Бог! Я так рада!

Христос с Тобой.

А.

31

8-го окт.

2.30 ч. утра (ночи)
на пароходе[1]

Дорогой Федор!

В этот раз не качает, ночь зато совершенно черная. Что-то романтичное в этом ярко-освещенном полупустом пароходе. Пустой он из-за неподходящего часа. В спальных вагонах спят, в лежачих и сидячих, — кто как! Я встала, все равно плохо спится. Народу ехало уйма, в особенности до Гамбурга. Набились так, что еле можно было пройти по коридору. Все время читала Переслегина[2], т. что невольно продолжала беседовать с Тобой[3]. Кажется, напрасно. Лучше мне было бы сейчас читать св. отцов, — но и это невозможно! Пейзаж из окна был прелестный, провизия поразительно вкусная, обильная и меня глубоко тронула! Не знаю, как благодарить. Обнимаю Тебя и Алиньку. Привет Твоим «дамам» домашним, Земишам <?>, Тузи и т. д.

Твоя *А.*

---

[1] Скорее всего, здесь всюду под пароходом имеется в виду паром.
[2] Очевидно, речь идет о русском издании романа Степуна «Николай Переслегин» (1929).
[3] Существенно для понимания камертона этой переписки, что роман «Николай Переслегин» — роман о любви, с массой философских рассуждений на эту тему.

32

8.X.62

Копенгаген
вокзал

Дорогой Федор!

Твоя «провизия» — просто изумительная! Так хозяйственно и практично все упаковано и так замечательно вкусно! Никто никог-

да меня так не баловал! Спасибо Тебе, дорогуша! Но не беспокойся, «Ich bilde mir nichts dabei ein»[1], никаких выводов не делаю, — только радуюсь и благодарю. Радуюсь совсем особенно. Ты такой добрый; в Тебе столько тепла и сияния; я забыть не могу, как Ты там стоял на вокзале. И за Аленьку я спокойнее, она Тебя любит и Тебе доверяет.

Путешествие довольно утомительное (без wagon lit), но, слава Богу, худшее уже, кажется, позади: и битки человеческие до Гамбурга и «утлый челн» до Дании, и дикая духота в купэ Liegevagen'a, где было 4 чел., из них один молодой человек, немец, и 2 датчанки, говорящ. только по-датски (я их не понимала). Вокзал в Копенгагене старый и непривлекательный, — страшно темный; ресторанчик дорогой и скверный. Неприятные стороны усугубляются из-за «неспанной» ночи и необходимости сидеть здесь от 7-ми утра до 11.45, т. е. почти 5 часов. Я переменила плацкарт более позднего поезда, уходящ. отсюда в 14.45, на плацкарт поезда 11.45, — все же — 3 часа разницы. Теперь осталось еще только часа полтора или два ждать поезда. Сяду на скамеечку и буду читать Твою книгу Переслегина. Всюду и везде подчеркиваю и пишу свои замечания. Очень много (в особенности в самом начале) могла бы и я написать... Впрочем «обрываю» письмо встречается у Переслегина, у Тебя и у меня в нашей переписке. И если бы уже не стало банальным, повторила бы и сегодня.

Милый Федор, — я все понимаю. Не беспокойся, дорогой. Пиши свою работу. Дай Тебе Бог для нее <u>особого</u> светлого вдохновения. Я с Божьей помощью тоже м. б. справлюсь со своими задачами. Во всяком случае радуюсь и благодарю Бога и Тебя, — что Ты существуешь, хотя и на расстоянии тысяч километров.

Обнимаю дружески.

Анюта

см. на обороте
«...жить-то все же хорошо,
Лишь бы <u>иногда</u> писалось
В мою сторону письмо!»

[1] Я ничего при этом себе не воображаю (*нем.*), *пер. с нем. В.К. Кантора.*

33

Стокгольм, 8-го Окт. 62

12 ч. ночи.

Милый друг Федор!

Должна все-таки Тебе сообщить, что доехала, хотя и поздно, хотя и устала. Выпила чай с Твоей чудной провизией, остатки кот-ой бла-

гополучно довезла, — выпила, снова пришла в умиление от всего, м. пр. и от прелестного ножа и вилки, кот<.> мне тк. живо напомнили «Айнмиллеровскую», съела яичко, бутерброд, ожила духом и решила черкнуть словечко, снова, конечно, благодарности. Каждая вещь, — положенная Тобою в этот дорожный пакет<,> несла от Тебя привет, питала и радовала меня! Виноград весь съеден, груши тоже. Осталось еще на завтра одно яйцо, хлеб, масло, сыр и ветчина. Как хорошо!

Страшно, что и в «Скандинавии» ехало невероятное количество народу, — все места были заняты. Народ, вопреки обыкновению, разговорчивый и даже крикливый, — мешали мне читать. Впрочем, я мило клевала носом! На вокзале меня встретили сын Николай и невестка, чему я очень обрадовалась. Привезли домой в автомобиле на мой счет и сразу ушли, не выпивши чаю, сказав, что нужно. Все-таки «фонданчики» Твои попробовали, очень восхищались. Нашла у себя письма: между проч. от Нади Ланге (очень милое) и от Кленовского, где он благодарит за мои слова, радуется и приглашает к нему приехать, когда я буду в Мюнхене. (Ein Posttag zu spät)!

У меня слипаются глаза. Побегу только к почтовому ящику, а Ты мне прости краткое и пустое письмо. Обнимаю с большой и нежной благодарностью.

Да хранит Тебя Господь!

Анюта

Впечатления о Переслегине напишу в другой раз.

9 окт. До почтового ящика ноги меня не донесли, а лишь в постель. С утра уже пошли дела и дела! Постараюсь отучить себя мысленно с Тобой разговаривать. «Спуск на тормозах». Когда это начнет удаваться, — напишу Тебе. (!) У Переслегина где-то сказано, что русские талантливы на любовь, но не на дружбу, а вот посмотрим! Дружбу, с маленьким привкусом, — согласен? — Здесь поздняя осень, но солнце[1]

[1] Письмо обрывается с концом страницы (МБ).

34

отправл. 23 ноября 1962 г.

написано 9? 10? окт.
Стокгольм[1]
<Письмо к Неизвестному>

В борьбе с желанием разговаривать, — в данном случае, — писать письмо, провела вечер зря, почитывая газету, безуспешно

прибирая разбросанные вещи. Мысли, яркие впечатления, накопившиеся за путешествие домой, за сегодняшнюю прогулку, — уже в одиночестве по Hägersten'у, среди тихого и последнего листопада, — все потускнели и начинают проваливаться в какую-то мглу. Нет, уж лучше писать, если не письмо, то хоть безымянное нечто, чтобы хоть как-ниб. зацепить и закрепить все то яркое и щемящее, что захватывало меня целый день и что теперь уже на пороге, готовое исчезнуть в небытие.

В этом отношении у меня сходство с Ник. Переслег., с теориями кот-ого я далеко не всегда согласна, но зуд писания к тому, с кем хочется обмениваться впечатлениями, у меня такой же! И мой объект приблизительно такой же! Что-то неподвижное, — каменный столб, что стоит у ворот!

Если я не «исцелюсь», то когда-ниб. разобью себе голову об него. Хорошо, если с вытекающими из разбитой головы мозгами, вытечет еще какое-ниб. сомнительное литературное произведение!

«Что-то», не без шарма, не без чувства, юмора, м. б. иронии, но без того большого дара, кот. я, странным образом, иногда в себе чувствую.

Почему его так сильно чувствуешь, а выливается — полуводичка! Итак, разобьется об каменный столб голова, м. б. выпадут свитки слабых произведений, а человек, — живая женщина, умеющая оживлять, украшать, вызывать мысли и радость, она, — она пропадет! «Столб» не оживится, останется по отношению к ней каменным и неподвижным, — а она эти свои дары так и унесет в могилу. Как это может быть, и должно ли это быть? И какая это сила, кот. ведет ее как раз к этой каменной глыбе, т. е. к человеку, кот. закрылся стеной и лишь «вещает» из крошечного окошечка; говорит, что такова судьба и что иначе быть не может...

Что сделает время? Оно может убить тяготение в ту сторону, это правда, но не завянут ли при этом расцветшие цветы? Конечно, да!

На яркие образы, на пение слов, на все острые впечатления, кот. накатываются на душу, — ляжет туман.

Он уже стелется, уже тускнеют картины путешествия, уже элегия поздней осени здесь, вокруг дома, не так больно и заостренно ложится умирающей грустью на сердце и какая-то песнь начинает затихать.

Куда унесли меня эти последние два дня в борьбе! В какую ужасную тоскливую даль, после южного расцвета и радости? Только скорбно прозрачны стали все березки. Это уже не золотые, а бронзовые кружева на бледном розоватом небе, кот. редеют с каждой минутой. Листья тихо падают на землю, как и вчерашняя моя надежда. Горькие запахи сухой листвы и стелющегося дыма будто хоронят еще вчера улыбающееся счастье.

Третьего дня и вчера еще были проблески счастья, и там, откуда я ехала, было еще тепло, зеленые густые деревья лишь чуть окрашивались красным и желтым, в садах и парках пышно красовались цветы.

Мы все почти радостно прощались на вокзале, все казалось и возможным и гармоничным; все воздержания, все трудности, вся предстоящая работа вполне преодолимыми и победоносными.

Путешествие с юга на север в течении 30-ти часов унесло меня и на север моих упований. В этот раз, в вагонах, хоть и дальнего следования, было переполненно и неудобно. Ночью я вставала и выходила на пароход. Он был ярко освещен, но пустой, так непохоже на обычный свой веселый и переполненный облик, какой бывает днем. Что-то напомнило кошмар, в кот-ом друзья вдруг исчезают и я остаюсь потерянной одна.

При мне книга, кот-ую он мне дал, даже подарил с надписью[2]. Там его переживанья, его мысли. Она написана уже давно, но, повидимому, все так же актуальна теперь, как и тогда.

Чем больше я в нее вчитывалась, тем больше холодело внутри. Еще в руках были милые практичные вещи, данные им мне на дорогу, еще так ярко вспоминались последние прогулки, последние слова, улыбки, какая-то надежда на возможность совместить несовместимое. Я знала, что его сердце в другом месте, но достаточно было мне чувствовать, что человеческий интерес у меня, неразумный оптимизм пел песни.

Книга его ясно и жестоко сказала мне: отойди! Не мешай ему жить в созданном им храме, созданном «на веки веков», не касайся дома, кот. он «только покинет, когда его оттуда вынесут!»

Как легко эти слова пишутся, как трудно переживаются и как неразумное сердце не хочет к ним привыкнуть. Север со своим жалким серым небом, с почти оголившимися деревьями поддакивал его книге, т. е. не тому, о чем там шла речь, — это было о любви, а тому, что эта книга говорила мне, — об отречении, об уходе.

Так буду стараться с горечью ронять свои чувства, как пожелтевшие листики медленно и крутясь спадают на землю. Крутясь и корчась от боли.

Осталась мне одна бумага: писать на ней пером, писать и красками. Оттого, если разобью лоб об стену его крепости, то быть может покажутся и свитки исписанной бумаги.

А все же, немножко жаль.

Немножко жаль тех ярких цветов женской преданной любви, которые, я чувствую, хотят во мне расцвести, а расцвести не должны. Неужели так и надо? Неужели для них нет другого вы-

хода, как увядание и смерть? В непокорном, почти протестующем сердце с трудом повторяю:

На все воля Божия.

---

[1] На обороте последней, третьей страницы этого письма рукой А. Герсдорф надпись карандашом: «Неизвестному № 1 (взято у Федора)». Текст не адресован впрямую Ф. Степуну, о нем говорится в третьем лице, что позволяет Анюте не только поддержать иллюзию воздержания от переписки с Федором Августовичем, но и говорить предельно открыто. Это первое из цикла «писем к Неизвестному», в которых драма отношений между корреспондентами предстает наиболее обнаженно. Все их А. Герсдорф в определенной последовательности отослала Ф. Степуну, и они составляют органическую часть переписки (МБ).

[2] Скорее всего, речь идет о «Николае Переслегине».

35

Воскр. 14.X.62

вечером.

Милый Федор!

Шесть дней ничего Тебе не писала. Не знаю, заметил ли Ты это, но я заметила, и весьма даже. Впрочем, не совсем правда, я все-таки писала, но не Тебе, а кому-то другому, воображаемому лицу, кот-ый, или кот-ая, вовсе не существует, адреса не имеет и марок не стоит, т. к. все остается у отправителя. Но и таких писем было только одно, правда довольно длинное. Я сумела за эти дни переключиться на совершенно необходимые «Марфинские» занятия, — как стирка, глажка, разыскивание предметов для отправки Аленьке, добывание себе пропитания и средств на пропитание до отъезда в Гётеборг. Портрет здесь в городе, кот-ый, предположительно, должен был меня питать, был, увы, отложен из-за простуды у мальчика, а поездка в Гётеборг до среды 17-го окт, — из за ветряной оспы там.

Итак, Марфа, скрепя сердце действовала, а Мария плакала. В результате или просто, — без каузальной последовательности, — у меня заболел живот (pardon!), пришлось лежать и думать, — как неприятно болеть одной в квартире, а ну, — как будет хуже! Но, слава Богу, сегодня, в день Покрова Пресв. Богородицы, стало понемножку лучше, и я пошла в церковь. После обедни я должна была встретиться с одним несчастным, бывшим сумасшедшим, а сейчас почти совершенно глухим. Он пришел в церковь, мы потом поздоровались, но когда я перездоровалась со всеми, то его уже, на мое счастье, больше не было. Не без некоторого угрызения совести пошла я в т. наз. «харчевню», около церкви где иногда питаются бездомные или безхозяйств. (как я) после службы. Пошли втроем: один православный

конвертит, старая дама и я. Оказалось — преинтересно. Господина этого я довольно давно знаю, а даму только видаю в церкви. И вот тут оказался сюрприз: прекрасно говорящая по-французски, живая, образованная, читающая Бердяева и Ф. Степуна, интересующаяся историческими проблемами России и т. д., она просто очаровала меня своим непосредственным умом и необыкновенной живостью, несмотря на довольно неказистую наружность, связанную с в. преклонным возрастом. Все-таки, находка на моем бедном горизонте!

Покров Пресв. Богородицы.

Перед маленькой иконой Божией Матери «Нечаянной Радости» у меня сейчас горит лампадка, расточает таинственный красный свет. Эту икону мне подарила (уже давно) одна шведка, не зная, что она дарит. Батюшка определил, что это икона Б.М. «Нечаянной Радости». Я верю ей. И вот, хоть и незаслуженно, а все же нет-нет да посылает она мне «нечаянную радость».

«Дивногорские дни» 6-го Іюня, в Мюнхене, конечно, — нечаянная радость.

А «крестовоздвиженские» 27-го Сент.?

Хотя эти последние правильно несут свое наименование: хотя и праздник, — а день постный! Ну да, поститься, дело последнее, увы, мною несколько пренебрегаемое! Зато получаю его таким образом и несу смиренно.

А что теперь значит для меня, в данную минуту «Покров Пр. Богородицы»? Общий смысл ясен, — а подробности, — покажет жизнь.

Жутко стало от одиночества, — Покров поможет и утешит, поможет и он Тебе, мой друг, Бог даст во всем!

Ну, хватит о мистическом смысле Праздников, возвращаюсь к конкретной жизни.

Видал ли Ты Юру Габри[1] по возвращении его из Москвы? Если он еще не уехал, пожалуйста, передай ему сердечный привет и скажи, как я бесконечно рада была повидать и его, и брата Еню. Они такие же близкие, как и были мне тогда в Москве. Это странно, но это так.

Буду счастлива, если Юра мне черкнет несколько слов, — когда-ниб.!

Теперь маленькая просьба: если кто-ниб. из Твоих друзей смог бы снять Тебя à la «Goethe in Italien», т. е. серая художественная одежда, шляпа и трость. Шляпа лучше в руке. На основании такого снимка я могла бы сделать набросок, мне бы это очень хотелось.

У Аленьки, по-видимому, масса перипетий: деньги, высланные ей в письме заказным из Швеции, — не дошли. Пакет, высланный мной Luftpost, m. Eilboten, и содержащий необходимое вечернее платье, не дошел (во всяком случае, вовремя), а вдогонку посланная, за-

бытая нижняя юбка, как насмешка, доехала вовремя, но в одиночестве!

Были взволнованные писки в телефон, да еще на мой счет. (Оказывается, можно при случае такую свинью подложить!). Чем все кончилось, не знаю!

Видишь, wie artig ich bin[2]. Кажется не поставила ни одного вопроса, чтобы не заставлять Тебя отвечать.

Но если, кроме «улыбки поощренья», я еще когда-ниб. получу слово поощренья, то буду бесконечно рада. Пиши пока по моему обычному адресу, — мне перешлют на почте, — мой адрес в Гётеборге узнаю лишь завтра. За эти дни только написала 1 стишок, да и тот потеряла!

Вспоминаю Мюнхен и стараюсь не унывать!

Господь с Тобой.

А.

---

[1] Очевидно, Габричевского.

[2] Какая я милая (*нем.*), *пер. с нем. В.К. Кантора.*

36

19.X.62

№ 5
(все — без ответа)[1]
Göteborg den[2]

Дорогой Федор!

Третьяго дня веч. сюда приехала и вероятно останусь здесь недели две, если ничего не случится. Уже нарисовала 2-х детей (акварелью), вчера и сегодня и еще предстоит штук 20. Это оказывается не шутки, а правда. Я все-таки устаю, — как выдержу, не знаю; надеюсь на милость Божию. В общем мне здесь не плохо, комната удобная, Марфинских забот — никаких, город красив. Лишь бы выдержать со здоровьем, не дай Бог заболеть. Очень странно совсем одной в чужом городе; всех этих заказчиков я совсем не знаю, первые из них оказались очень милыми, но ярко выраженного еврейского типа, да и фамилии такие же: Borenstein, Ruben, Goldman и т. д. ...Во-всяком случае не «графья» и не бароны...

Сегодня получила первый гонорар и сразу отправила Тебе в счет моего долга 100 DM. Осталось, по-моему, еще сто, не правда ли? (100 за Ал. комнату, 50 за половину Coburg'а и 50, данные отдельно, якобы «на чулки».)

Время совсем не летит, а тянется, потому что набито событьями и потому что, по глупости, чего-то ждешь. А Мюнхен, в этом

отношении, ужасен. Это какая-то прорва или бездонная бочка, куда пишешь и посылаешь, всякую всячину и ... ничего! Молчит Аленька, т. е. не совсем, потому что раз телеграфировала, прося теплые вещи, и раз позвонила в волнениях, насчет пропавших денег, — но писем — никаких. Молчит Ф. Медем и Юра Габрич. обещавший черкнуть словечко и т. д. Не говорю уж о Тебе, знаю, как дело плохо обстоит с русскими письмами. Все же... но нет, глупости. Буду сама дальше писать, — не тем, кот. мне должны, а кому я должна; так м.б. — скучнее, но правильнее.

Всю дорогу из Мюнхена в Стокгольм я зачитывалась Переслегиным.

При моем тогдашнем душевном состоянии это было довольно жестокое занятие. Трудно выбраться на объективное суждение. Тут я начинаю запинаться и просто не в состоянии сейчас письменно объяснить Тебе мои ощущения, передать мысли. В личной беседе, за столом, а тем более в присутствии божьей коровки, было бы, пожалуй возможнее. Кроме того, боюсь укора, насчет теней. Впрочем не все мысли по этому поводу «тенисты». Есть и совсем просветленные. Я, пожалуй, (если поспею) их запишу в письме к Тому, кот-ый не существует на самом деле, а лишь в воображении.

Ну, прощай, Мюнхен, — моя бездонная пропасть, милый молчаливый Федор!

Я не Переслегин, хотя общее то, — что он пишет и не получает ответа; — но я ничего не добиваюсь, это коренная разница. А что он бегал к ящику, или к своему прибору, ждал и томился, это, слава Богу, делал и делает не он один!

Дурацкий мой стишок, написанный скоро по приезде в Стокгольм, — прилагаю, как несерьозный, пискливый и, кажется (?) заключительный аккорд летних и осенних переживаний 1962-го года.

Надеюсь, Ты здоров и скоро поедешь отдохнуть в Kronwinkl? Оттуда бы все-таки черкнул?!

Спасибо еще раз за все и за деньги!

Не забывай! Обнимаю.

А.

(см. на обороте)

P. S. Субб. 20.X.

Почта принесла мне 3 ненужных письма, но Мюнхен молчит! Безобразие!

---

[1] Помета, сделанная А. Герсдорф (МБ).

[2] Слова на почтовом бланке гостиницы «Vasa» в Гётеборге (МБ).

37

Мюнхен, 19.X.62

Дорогая моя Анюта, ради Бога не сетуй на меня, что вот уж 10 дней Ты с надеждой подходишь к ржавому почтовому ящику и не находишь в нем моего письма. Помни наш сговор: радуюсь каждому Твоему письму, но и заранее прошу не считать отсутствие или по крайней мере опоздание ответов за нерадивость сердца. Я проводил Тебя 8. Девятаго был прием приглашенных «нашим» театром гостей — с последующим вечерним ужином. На следующий вечер 10 — Премьера, после которой как назывался подмосковныи квартет: сбор друзей на горке. 11-го открытие общества быстро вошедшего в моду — католика-естественника Таяр-де-Шарден'а[1]. Суббота — открытие нового здания католической академии. 14. — Очень у меня неприятный вечер: Очень больная, может быть, даже умирающая женщина попросила меня попытаться примирить ее с мужем ее дочери, перед которым она действительно очень виновата. Миссия не удалась. Он сказал, что он ее не жалеет и может не испытывать к ней ненависти только пока ее не видит. Вторник 16 — я читал лекцию под Мюнхеном. Среду был концерт и прием у английского консула. Завтра абонементный концерт, симфонический. Субботу премьера Софокловского Эдипа, котораго я сам ставил в Москве.

Кроме этих удовольствий, являющихся в известном смысле общественными необходимостями — целый ряд личных обязательств: непрекращающиеся хлопоты о устройстве сына Татьяны Сергеевны. Прием русских актеров, которых Ты видела, дл<я> обсуждения дальнейшего плана работы, а 13 вечером большой (14 человек) прием гостей дл<я> выслушания очень интересного доклада Габриче<в>ского о поездке в Москву.

Прибавь к этому — неотложную немецкую кореспонденцию и обязательное для меня писание <нрзб.>. И Ты пишешь, как я был занят.

Я как философ критической школы хорошо конечно понимаю, что объяснение причин не включает в себя оправдания поступков. Правда, говорят, всё понять, значит всё простить. но также верно и обратное: все простить — ничего не понять. Отдаю потому свое молчание на Твой суд. Буду рад, если простишь мое молчание и не понимая его.

. . . .

Доклад Габричевскаго очень заинтересовал бы Тебя. Больно было слушать описание комнат той квартиры, в которую я раза два заходил и которую Ты, конечно, хорошо знаешь.

При Хрущеве много легче, чем было при Сталине, но и трудней. Раньше было все запрещено, а теперь не знаешь, что можно, а что нельзя.

Молодежь живая. Политические интересы притушены, культурные горячи: — большое влечение к современному абстрактному искусству. Многие молодые люди круга Габричевских ходят и в церковь; но не понимают, что в ней происходит. Молодая девушка спросила Юру, «а почему богоматерь всегда рисуют с сыном и никогда не рисуют с дочерью». Лучше и страшнее положения не нарисуешь.

Аленьку вижу часто. О своих делах она, надеюсь, сама тебе пишет.

В академию она опоздала: приемные экзамены закончились уже в сентябре. Я переговорил с руководителем нужного ей отдела художественного текстильного производства. Вторник он ее примет в частном порядке — может быть, что и отразится.

Вчера у нее был первый русский урок — она пришла после него в десятом часу позвонить по телефону и была в восторге от учительницы и всего-всего — в ней страшно сильное чувство жизни — иной <раз> вскипающее почти восторгом. Два раза она у меня обедала — я предложил ей приходить к обеду в любой день, когда ей удобно. С квартирой все еще выбирает между милой хозяйкой и непереносимыми кошками.

Я знаю, дорогая Анюта, что все, что Ты прочла, совсем не то, что Ты хотела бы прочесть. — Все это я мог бы продиктовать моей русской машинистке, но она может приходить только после 9-и вечера, а вечера все были у меня заняты.

В будущем буду объективную часть диктовать, а от руки приписывать только наше личное.

Спасибо Тебе за Твои письма — в них так много души и трогательной благодарности за само собою разумеющиеся вещи. Я с недоумением прочел фразу: так меня еще никто не баловал. Ты тут же приписываешь: не беспокойся: ich bilde mir dabei nichts ein! Нет, я не беспокоюсь, хотя и дорожу покоем: мне было бы грустно, если бы он нарушился.

Ты цитируешь Переслегина: русские люди более способны к любви, чем к дружбе. Я думаю, это потому, что любовь, как тоже сказано в Переслегине — священна, а дружба — гуманна. Россия же религиозно более глубока, чем нравственно. Ты пишешь так трогательно — что Ты способна и на дружбу «с маленьким привкусом», и спрвшиваешь, согласен ли я? Никаких чувств я Тебе не запрещаю, родная. Живи, как хочешь, и чувствуй, как чувствуется. Моя забота только в том, как бы наша дружба не сделала Тебя еще более одинокой, чем Ты уже есть. Боюсь я этого потому, что вижу и слышу, что из Твоего одиночества Тебя могла бы вынести толь-

ко любовь. Я не хочу этим сказать, что Тебе нужны супружеские объятия, нет, но Тебе нужен человек — для которого Ты всё — как и он для Тебя.

Любовь это все-таки — нераздельность.

Прости за откровенность, но дружба ее не только разрешает, но и требует.

Обнимаю Тебя и желаю от всей души Творческого под'ема и житейского устроения.

Твой *Ф*.

---

[1] *Пьер Тейяр де Шарден* (1881—1955) — французский религиозный мыслитель, палеонтолог, философ, автор знаменитой книги «Феномен человека».

38

<Надпись на листе бумаги, служащем самодельным конвертом для письма:>

Вот письмо Неизвестному № 2.

Не знаю, хорошо ли я делаю, что пересылаю его Тебе?..

Но верь, — оно не было предназначено на чтение Тебе.

Задним числом м. б. Тебя не смутит, ведь это было 23-го окт. С тех пор я притихла и примирилась.

Это в качестве «исторического» обзора.

23.X.62

Буду стараться понемножку терять свои чувства, ронять их, как осенние листья, кот., медленно крутясь, спадают на землю. Крутясь и корчась от боли. — Так я писала Тебе недели две тому назад. Ну и что же? Еще говорила о каких-то свитках исписанной бумаги... воображала, что смогу писать. Ничего, оказывается, пока не могу. Полная тишина, ни одной весточки, ни одного привета оттуда. И чувства вовсе не падают, как листья. Наоборот, тяжелыми комками сидят на душе, никуда не падают и только растут с тревогой и недоумением. Иногда по капельке вытекают слезами, но от этого не уменьшаются.

И что это, что это? объясни мне. Простая влюбленность, — мало ли что прихватить может, в порядке болезни! Но ведь влюбленность как будто другое. Там мечты о телесной близости, объятиях, нежных словах... Этого нет, сейчас, нет! Но есть острое, очень острое желание общения. Если нельзя видеть, то хоть услышать, или голос по телефону, или слово на бумаге. А нет ни того, ни другого. Решила не ждать, а все-таки жду. Ничего не получая, не могу заняться литературой, могу только писать либо ему, либо о

нем. Вот Тебе, Ты м. б. поймешь. Я бы писала ему, но не знаю, насколько это ему приятно, раз он сам не пишет. Правда, ему трудно, это он сам говорил, — рукописно не выходит, с секретаршей — осложнения. Да нет, он м. б. просто тормозит. Он ведь сказал мне тогда, сидя со мной последний раз в ресторане, как бы ловя последние минуты, что мы были одни: «Ты понимаешь, все это хорошо, но я не могу и не хочу иметь с Тобой романа. Это было бы прекрасно, но это невозможно. Я не свободен, я менее свободен, чем был когда бы то ни было...» Что-то вроде Евг. Онегина, «Когда бы» и т. д. А с другой стороны, что-то чувствуется искренное, — привязанность ко мне, даже какая-то невысказанная нежность.

А я его люблю и жалею. Понимаешь ли? Ах эта жалость, куда она меня только не заводила в жизни!

Он связан навеки с покойной Н. Я это понимаю, я это чувствую, уважаю, — это что-то совсем особенное, светлое, даже достойное поклонения. Я ведь не это его чувство хочу испортить или разорить. Я его уважаю и ценю. Я ценю и ее. И даже люблю.

Мне кажется, она не может ревновать ко мне, кот. любит его совсем особой, совсем допустимой любовью. Любовью, кот. была бы утешеньем, радостью, рассветом и ему, и мне и кот. могла бы совсем не связываться со страстью и даже не быть телесной. Любовь на старости лет, совсем особая, просветленная, совсем не конкурирующая с той большой единственной любовью. Помочь друг другу дожить, помочь еще творить, закончить задание от Бога!

Я верю, — она, там, видит больше и лучше. Увидит, — самообман ли это с моей стороны, хитросплетения греховной любви под личиной святости и бесстрастности, или действительно какое-то особое чистое чувство. Дружба, привязанность, благоволение — с подъемом. Веришь ли, — нет у меня других и бóльших мечтаний.

Я верю, Господь устроит как лучше. Мне даже не нужно там быть, рядом с ним. Могу вполне жить вдалеке, лишь изредка видеться, но общаться письменно часто. Неужели и это он считает грехом, изменой?

Ты знаешь, я не забуду. Он тогда же, в ресторане рассказал мне: «Я ведь вчера ясно чувствовал, что там в передней была Н., потом стояла за моим стулом». Этого признания я не испугалась, наоборот. Н. не пришла меня отпугивать, она пришла показать, что она с ним. И я за него обрадовалась, что он не один. Его одиночество не так тяжело. Я положила свою руку на его руку, лежавшую на столе и сказала искренне, с радостью: «Федя, это же хорошо!» И кажется, что в благодарность за это мое чистое, безкорыстное чувство, он наклонился и поцеловал мою руку долгим, хорошим поцелуем. Ведь вот же возможно: я радуюсь, что она его не оставляет, а он благодарит

меня за это. Потом, приблизив головы друг к другу, мы стали тихо говорить. «Мы ведь люди не как все, — у нас мож. быть и чувства и отношения иные, чем обыкновенные, — мож. быть нам это удастся...» Т. е. что? Ты спрашиваешь? Удастся так выдержать, вот что!

Но что же происходит? Почему он молчит, почему ни на одно мое письмо не отвечает? Не хочет этих «особых» отношений? Передумал? Испугался? Разуверился? Решил ножом отрезать? Все может быть. Мы, мож. быть, не такие уж необыкновенные люди и лучше «не введи нас во искушение»? Если он так думает, — да будет. Я же так не думаю и не чувствую. Придется страдать. Когда-ниб. пройдет. Что Ты посоветуешь, друг мой? Как узнать, что он думает? Но и Ты не сможешь мне ответить, потому что Тебя нет.

Совесть ответит и жизнь. Не торопись, помни плоды духа: «Любовь, радость, мир, долготерпенье!»

39

№ 6
Хоть и шесть
А ответа — несть!
26. X. 62
Hotel Vasa
Göteborg C.

Дорогой Федор!

Шесть дней приличным образом не писала Тебе, — наивно думала, что м. б. получу весточку. Мюнхен весь, сплошь, молчит и я начинаю беспокоиться. Есть возможность, конечно, позвонить, но во-первых не позволяет гордость, а во-вторых, экономия.

Сегодня я письменно выругала Аленьку, ведь я вот уже по крайней мере 15 дней и утром и опять днем (когда приходит вторая почта) жду, надеюсь и разочаровываюсь. Нет и нет! Я понимаю, что Тебе трудно писать (два слова, конечно, мог бы, но м. б. не хочешь?), но она-то, мерзавка, — ведь это ее долг, по крайней мере, поблагодарить, если не за все 4 пакета, кот. я ей послала, а хоть за те, что дошли, за деньги (от 19. X) и за письма. Уж не заболела ли? Одним словом ,я огорчена, волнуюсь и стала плохо рисовать!

Стихов не пишу, воспоминания не могу вспомнить, во время чтения мысли убегают в стороны, во время рисования — вместо детей получаются старушки, вдохновение пропало, я стала — «потухшим вулканом», как меня называл отец в какой-то период жизни!

А заказов еще много, надо иметь свежесть, бодрость, меткость кисти <,> внимание к объекту и т. д., а не спрашивать два раза в

день «Что почта?..» и слышать тот же ответ — «Ничего». Иногда и бывает что-то, но не то.

Это не касается Тебя, конечно. Как я могу воображать, что Ты будешь мне писать, почему? Да разве мы уговорились? А если я пишу, то это, конечно, моя добрая воля, м. б. Тебе иногда и занятно почитать, как осыпается сад и как подходит зима, но какие же тут нужны ответы? Да что вообще случается, кроме Кубы?

Вся моя претензия направлена исключительно на Аленьку, неужели Ты не смог бы на нее повлиять, изобразить тоскующую мать, кот. скоро растеряет своих заказчиков и впадет в нищету. Кстати, в таком случае и Тебе будет плохо: еще не весь долг отдан!! Итак, в ваших же интересах поддержать угасающее пламя и потушить пламя негодования!

Окончила портреты Гольдман'ов, Ruben'ов и завтра иду к... Драпкин'ым! (Drapkin). Здорово!

Черкни только, — здоров ли Ты? Привет!

Анюта

40

№ 7
Hotel Vasa
Göteborg C.
27. X. 62

О Боже, наконец то! Бедный, милый Федор, как Ты трудился, — мне просто совестно! Но представь себе, я каждое слово разобрала и за каждое слово благодарю бесконечно!

Милый друг, мне трудно сейчас писать, потому что я в восторге и в умилении. Вчера написала почти злое письмо, — ведь Аля действительно мерзавка и, пожалуйста, ее выругай, если она придет к Тебе обедать, — но сегодня инстинкт мне подсказал — его не отправлять, и я была права. Впрочем, от нее-то как раз все еще ничего нет! Разве это не вопиющее безобразие!

Как будто я не знаю, что значит быть занятой до бесчувствия, на несколько слов всегда должно хватить времени. Плохо воспитана, вот и все, сама виновата!

Теперь я должна начать с вопроса, — когда Ты писал, дошло ли до Тебя уже длинное письмо от 14. X № 4, в день Покрова Пресв. Богородицы? Твое письмо датировано 19. X, отправлено почему-то 23-го (опять такая же история, кк. в Авг.) М. б. оно разошлось с моим, т. к. реакций на него не слышно! А я там н<е>пр<еменно> прошу передать кое-что Габричевскому, а также прошу, не может

ли кто-ниб. Тебя снять à la «Goethe in Italien»? С тем чтобы сделать рисунок.

Нисколько на Тебя не сетую за долгое молчание, оно ведь в общем совсем не такое уж долгое, если принять во внимание стоящее там число: 19. X. Писал ли Ты его 4 дня (бедный!), или оно валялось и поэтому получило почтовый штемпель только 23-го, это я не знаю, но если так, т. е. не было отправлено, то это безобразие, принимая во внимание и т. д. — не доканчиваю.

С тех пор было еще № 5 (20. X) уже отсюда, после отправки первой части долга (100 м.). И вчерашнее № 6 (хоть и шесть, а ответа — несть), кот. прилагаю сюда же.

Тем временем писала еще безымянному другу, рассказывая все, что у меня на душе и все своими словами, не стесняясь их смысла. Я думаю, поощренная Твоими словами, что дружба требует откровенности, я Тебе его перешлю на прочтение, м. б. Ты лучше меня поймешь. Откровенность — вещь очень ценная, сама по себе, что бы она ни содержала, если действительно говорится по дружбе. Нет, Федор, я Тебе уже говорила, покоя Ты Бог даст не потеряешь, — не из-за меня, во всяком случае. Мы оба люди, думающие положительно и стремящиеся к созидательному, а не разрушительному. Что от нашей не вполне «равной» т. наз. дружбы «с привкусом», где Ты пишешь один раз, а я сто пятьдесят (прости преувеличение), я буду чувствовать себя еще более одинокой, чем раньше, — не думаю. Мож. быть, Ты прав, но пока что мне этого не кажется! Меня Твои письма радуют, каждая строчка, и повествовательная, и наша личная, — и дают мне вдохновенье. Если Ты не устанешь, то мне больше ничего не нужно. Вот уже сегодня рисовалось опять замечательно, я сама удивилась: быстро и хорошо. Странно, не правда ли? Скоро, кажется, пошлю Тебе остаток долга. Тогда уже нечем будет угрожать, останется лишь «бедный нищий у ворот...»!

Как легко серьозное перемешивается со смешным, не правда ли? И в Твоем письме, я не раз улыбнулась, почти смеялась. Остроумие, вернее, юмор, — прекрасное лекарство. Умение посмотреть на все, а в особенности и на себя, со стороны, с усмешкой.

То, что мне нужна была бы любовь, вероятно, совершенно верно и иногда жаль мне этих пропадающих у себя талантов, — но что же поделаешь? Я всю жизнь привыкла получать не то, или не совсем то, что мне нужно или хотелось бы. Есть в этом м. б. и какой-то свой, высший смысл. Я стараюсь его понять, его уловить. Мож. быть, именно в ущербе что-то высшее может вырасти? Мож. быть, я бы слишком погрузилась, так сказать «завязла»

в жизненных радостях? Не знаю. Как Ты думаешь, верна ли хоть отчасти моя мысль? А потом, что же думать о невозможном? Все равно, что надеяться выиграть 100 тыс.!

Сейчас мое искреннее желание быть творчески продуктивной и в искусстве и в литературе, быть Тебе не обузой, а радостью, хотя бы в качестве ученицы и писать Тебе, чтобы Ты мог меня узнать, — со всех моих теневых и светлых сторон, и по мере возможности — помочь мне в этих моих стремлениях.

Вот и все на сегодня, милый мой Федор. Еще раз спасибо за дорогое письмо. Обнимаю Тебя дружески нежно и радостно. Повторяю, не будем забывать плоды духа: Любовь, Радость, мир и долготерпенье!

Твоя *А.*

41

29.X.62

№ 3.

Безымянному другу.

Третьяго дня пришло наконец длинное письмо, я сразу ответила. «Увы, сомненья нет!» И почерк, и вид длинного письма и его содержание меня повергло в восторг и меня расстрогало, даже пристыдило. Явно, — ему трудно писать от руки и он так старался, так много рассказал о своей жизни, — теперешних встречах и приемах, коснулся и моих чувств, не трудно ли это все ему?

Письмо дышит таким добрым сердцем, старающимся оправдать свое долгое молчание и доставить мне этим удовольствие. Буквально: «Живи как хочешь и чувствуй как чувствуется» (Знает ли он, да, знает кажется). «Моя забота только в том, как-бы наша дружба не сделала Тебя еще более одинокой, чем Ты уже есть. Боюсь и этого, потому что вижу и слышу, что из Твоего одиночества Тебя могла бы вывести только любовь... Тебе нужен человек, для которого Ты все, как и он для Тебя. Любовь это все-таки — нераздельность».

Вдумываюсь в эту многозначительную фразу.

Я на это ответила, что привыкла в жизни получать не то, или не совсем то, что мне нужно или хотелось бы. Ищу в этом свой особый высший смысл. «М. б. именно в ущербе что-то высшее может вырасти?» Да кроме того, «что же думать о невозможном? Все равно, что надеяться выиграть 100 тыс.» Эта последняя фраза касалась, конечно, любви. В ней я, конечно, чувствую способность и возможность расцвета, но что же говорить о какой-то теории, когда конкретно никакой взаимной любви нет и быть не может.

И это он мне, во-первых, два раза сказал и, во-вторых, в письме подчеркнул фразой об опасности для меня дружбы, кот. не в состоянии дать того, что мне нужно и только приведет к еще большему одиночеству. Он прав, если я буду неразумно надеяться, что дружба перейдет у него в любовь, — чего она не сделает, — я буду разочарована и огорчена! Но если это все знать и переключиться соответственно? Я уже по дороге домой переболела, — и как еще, — я все это знаю, — ничего не добиваюсь, ничего не хочу, кроме дружбы с подъемом, как я уже говорила. Не могу поверить, что это самообман!

Вот, если сравнить с прозой:

Вот, например, — захотелось есть, — Тебе приносят еду, — вкусную, лакомую, и вдруг сразу уносят... извините, мол, — мы пошутили! Это может довести до бешенства. Никакие предложения выпить чай с булочкой тут не помогут.

Но если Тебе сразу скажут: еды у нас нет, а вот, если хотите, чай с булочкой. Ну что тогда? Бежать дальше, в поисках за едой? Да м. б. условия не такие. И тебе не так уж хочется и кругом ничего нет... Ну хорошо, — выпьем чай с булочкой. Чай душистый, горячий; булочки хорошие, домашние, даже с маслецом. Что ж, ведь это тоже хорошо. Не будешь же все время думать об обеде и фыркать на булочки. Не я, по крайней мере! Потом скажу себе, — ну вот и хорошо: Господь сохранил от объядения, дал возможность невольного воздержания, поста или чего еще. И это радостно и хорошо! И за это спасибо! И где найдешь вдруг теперь такой прекрасный душистый чай!

Если верить, что Господь руководит Твоей жизнью, если знать, что в Твоем ущербе что-то для кого-то сохраняется, не вырастает ли из этого ущерба скромный, благоухающий духовный цветок, вполне заменяющий Тебе потерянный обед или что-либо другое, соответственное? Только жадные наши инстинкты, которые неизменно кружатся вокруг нас, а тем более прячутся за большими словами любви, только эти инстинкты могут затуманить нас и сбить с толку. Поэтому важно следить за собой, не допускать самообмана.

Вот это моя идея аскетизма: поскольку я к нему не особенно способна активно, — стараюсь безропотно принимать его пассивно, т. е. когда он посылается жизнью (т. е. Богом). Нести молчаливо и с молитвой. Когда такой образ несешь, всякая ноша становится легче, потому что в ней появляется крест, где присутствует и сам Спаситель.

Это все мои искренние убеждения, проверенные опытом. Где, как и когда, если хочешь расскажу позже. Во всяком случае, — опыт у меня неоднократный. И еще хочется кое-что сказать об одиночестве.

Я жалею всякого одинокого. Но о себе лично думаю, м. б. это дар? Используй его как дар, пусть и он зацветет радостно и благоуханно. Ничего не посылается без смысла, осмысли и это.

Мож. быть, Ник. Пересл.[1] бы стал протестовать, взывал бы к борьбе, а не к «преображению» посылаемого, но тут наши большие расхождения. Он боролся за «священную любовь», а я за святое в нас и вокруг нас. Впрочем, он под конец ведь и отрекся от многого[2].

---

[1] «Николай Переслегин».

[2] Письмо вложено в сложенный пополам лист бумаги. На одной стороне его рукой надписано: А.А. Герсдорф
«№ 3.
Неизвестному
Конец ноября? <октября?>» Зелеными чернилами ее же рукой приписан год — «62-й г.» (МБ).

42

1-го ноября 1962-го г.

Hotel Vasa
Göteborg C.

Дорогой Федор!

Не успела я ответить на Твое письмо от 19. X по существу, — лишь вскользь, — как получила, наконец, сначала телеграмму, потом длинное письмо от Аленьки. Спасибо Тебе еще раз за Твои заботы о ней, — Ты ведь ее спас с комнатой! Сегодня ответила ей длинным письмом (m. Eilboten), а Тебе выслала 250 мар. Из них 100 м. идет на остаток долга (верно?), а 150 для Али, на комнату, — мебель и т. д. Не знаю, что именно ей нужно, что уже уплачено, что нет. Во всяком случае, это ей подмога. Она с деньгами, кажется, еще растяпа, т. что если она Тебе что-ниб. должна, то возьми, пожалуйста, из этих. Надеюсь что Ты мои первые 100 м., отправл. 19. X из Гётеборга, уже давно получил? Так. образом, — наши финансовые трансакции будут теперь в порядке, не правда ли?

Еще раз спасибо, обнимаю Тебя за Твою необыкновенную доброту и внимание.

Слушай, Федя, не сердись на меня, но я мою дочку и в этом письме направляю к Тебе за советом. Пусть она расскажет Тебе все откровенно, как она это сделала мне в письме. Слишком долго и сложно все это повторять. Да и мне самой хочется знать, что Ты думаешь насчет предложения «Max»а ехать в Тунис на 2 мес. с какой-то группой людей (при этом 4 девицы), чтобы там вместе с каким-то «оч. известным в Германии режиссером» ставить фильм. Ал.-у могли бы взять с собой в качестве «скрипта» (что это значит,

не очень-то знаю, но ведь она по-немецки так плохо пишет!). Она бы, конечно, хотела поехать, но боится, что я не позволю и поэтому еще не дала ответа. Я же по существу ничего против не имею, если она не пропустит Академии, или чего-ниб. важного в Мюнхене и будет по дороге зарабатывать.

Конечно, не надо быть наивным, и можно предположить, что несмотря на все обоюдные добрые намерения, она свяжется серьозно с Max'ом, которого она оч. любит, но с кот-ым настоящей связи еще не состоялось и за кот-ого она еще не хочет (кажется?) выходить замуж, хотя считает его замечательным человеком и для себя подходящим, т. к., между прочим, он ее ругает — за дело! — как мать!!..

Вот и разберись, вот и посоветуй! «О, что за комиссия, Создатель» и т. д.![1]

Кроме того, есть «великосветское» предложение на праздниках (после Рождества) ехать с компанией, кот-ую собирает некий молодой человек, — гр. Kaiserling, в горы, на лыжный спорт в Италию.

Это звучит приличнее и более полезно для здоровья, чем Тунис, но где нет опасностей?! И ноги на лыжах сломаешь.

Затем она хочет приехать на Рождество ко мне домой, — но на какие деньги? Уже только не «per Anhalter»! Сумасшедшая молодежь на все способна!

А потом еще вот что: что там такое с отсутствием мебели в комнате? Просто нет, и надо все покупать? Впрочем, много ли человеку в ее возрасте нужно? Все же валяться на полу не очень-то удобно и прилично, — позорит квартиру! Нет ли у знакомых чего нибудь лишнего на складах или где-ниб., что можно было бы дешево купить или получить на прокат? Здесь старой мебели и всяких кроватей (правда, дрянных) — хоть отбавляй. Я сама не знаю, куда девать!

Бедный, бедный, милый Федор! Ну не сердись, голубчик! Сколько неподходящих для Тебя забот. Еще девицу с романами и проблемами Тебе подсунули! Все же м. б. будет интереснее и удачнее, чем стараться мирить непримиримое, о чем пишешь в последнем письме. Да кто же поможет, кк. не Ты!

Видишь, «aus Rücksicht», зная, как Ты занят, не пишу ничего о себе. Работаю, как вол, тоже и устаю, но пока, все слава Богу, идет довольно удачно. Во-вторник и среду 7-го и 8-го ноября здесь, частным порядком, устраивают для меня выставку. Тени то летают тенями, то обращаются в светлые облака.

Ну, Господь с Тобой! Вели Ал-е написать сразу, когда придут деньги. Я еще здесь числа до 10-го.

Обнимаю.

А.

<на обороте страницы:>

Решила и Тебе послать m. Eilboten, чтобы Ты уже был в курсе дела.

[1] Цитата из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума».

43

Гетеборг, 3.XI.62

Дорогой Федор! Сижу в кофейне, пью чай с бутербродом <...>[1] смотрю, — как тихо моросит дождь и проходят люди, не торопясь, — сегодня праздник, — под зонтами или макинтошами. Здесь тепло, уютно, под рукой эта карточка: подходящая марка, и вечный «зуд» Тебе писать. Обещала Тебе сообщить, когда он пройдет, но пока еще сидит, — как-то безболезненно и радостно, как будто так и надо. Надеюсь, что и чтение происходит в таком же духе?

Вчера Аленька мне звонила, откуда, — не спросила, — не от Тебя ли? Я нарочно быстро прекратила разговор, отчасти из педагогич. соображений. Передала спешное дело, — и довольно, — остальное пиши. Конечно многое, что хотела знать, не узнала и, вероятно, долго так и не буду знать. Дай, Господи, долготерпения!.. Не могу высказать, как я рада, что она попала к Тебе, это действительно перст Божий, и Господь воздаст Тебе за это. Также в восторге, что она выдержала экзамен в академию, несмотря на опоздание с «мельдовкой». Молодец! Надо бы отпраздновать и это и новоселье, скромно, по-студенчески, но все-таки! Думала прислать вам на это дело каких-ниб. съедобных радостей, шведск. специальности, как, напр., свежекопчен. лососину (вроде балыка, по вкусу) и еще что-ниб. под закуску. Воздушной почтой, да еще «Express» идет быстро. Говорю нарочно «вам», а не «ей», чтобы и Ты принимал в этом участие и послано будет на Твое имя, — делите, — или съедайте вместе! Могу себе позволить эту радость, т. к. я вчера закончила 22-й портрет, будет выставка и после того, кажется, еще 2 или 3. Впрочем, все под Богом ходим. Много кругом кашля и простуд.

Прошу Ал-у мне сейчас же написать, по получении посланных Тебе денег и ответить на поставленные вопросы. Насчет приезда сюда на Рождество, — если она хочет во время праздников куда-то улетать, — не лучше ли м. б. мне приехать к ней на Heiliger Abend? Мож. быть глупая мысль, кот. вдруг явилась, но, собственно говоря, почему нет? В Мюнхене, кроме Али, еще столько мне милых людей, а в Стокгольме я вроде, как бы, лишняя! Что Ты

сам скажешь? Не будет ли и Марга там? На Твое длинное письмо еще отвечу подробно. Много мыслей, насч. «одиночества», — положительных.

Обнимаю!

А.

[1] На этом месте в открытке дырка, проткнутая дыроколом. Наиболее вероятно, что утрачен союз *и*.

44

Мюнхен, 7 ноября 1962 г.

Дорогая Анюта!

В воскресенье 21-го октября переменилась погода, я поднял жалюзи и увидел хмурый желтый день, разбросанные по тротуару желтые листья и лужицы после ночного дождя. С вечера я забыл погасить лампу на моем письменном столе и, когда я вошел в свой еще темный кабинет, я увидел под зеленым абажуром Наташин портрет и разбросанные по столу красные и желтые лепестки роз. На сердце сразу же стало бесконечно тяжело, пытался было писать, но мои творческие силы не справлялись с пережитым.

Уже за неделю я был приглашен к обеду в самый здесь нарядный ресторан. Пригласила меня богатая женщина, с которой мы проводили последние месяцы перед концом войны под Мюнхеном в Роттахе. Марга и Галина прибежали к нам после разгрома Дрездена. Жить им было негде и я наобум вошел в богатую виллу, зная, что там живет с двумя дочерьми всего только одна нарядная барыня. Мне ее удалось уговорить, и Марга с Галей переехали к ней. Там иногда встречалась небольшая компания. Бывал и незабвенный Гагарин. Помню, как он подвыпивши танцовал с обладательницей виллы, которую я нашел для наших «девиц», как мы с Наташей говорили. Переехав в Мюнхен, я к ней не заходил, и она тоже никогда не заходила ко мне, и вообще мы друг о друге ничего не слышали, и вдруг приглашение прийти на обед вместе с ее знакомыми, четою, жившей раньше в Лодзе, а потом в Восточном Берлине. Барыня немножко состарилась, но все же была еще барыней. Человек, с которым она меня познакомила, принес ей в подарок книжку Бердяева, на бумажной обложке которой была цитата из моей статьи. Жена этого барина была совершенно защукатурена какой-то желтой массой, брови были совершенно черные, она страшно старалась говорить все время умные вещи.

От этого напряжения потела и пот разъедал ее щукатурку на лице. Было довольно противно.

Обед был замечательный. Водка и омары, фазаны со всякими осложнениями, на сладкое какая-то горькая зелень, по жолобку которой стекала какая-то пикантная масса. Разговор шел все время о возвышенных вещах. Если бы у стола стояло радио, которое бы записало мой разговор, мои остроты, всяческие реплики, тонкие нажимы на женское самолюбие дам, то получилась бы, вероятно, картина весьма опытного остроумного и пустоватого господина. Когда я пришел домой, у меня в душу влилось какое-то непостижимое отвращение к себе самому, из чего это я, который все утро был в предсмертной тоске, играл роль какого-то рыжего, качающегося в философском поднебесье на каких-то трапециях. Но вот в этом сказывается моя какая-то особенность. Отчасти было как-то жалко пригласившую меня старую знакомую, что-то очевидно у нее все-таки произошло, что-то вспомнилось, а может быть, и затеялась какая-то мысль о новом салоне — почем я знаю, — но все-таки сесть за стол, понурив голову, было бы неприлично. И не только неприлично, но было бы и стыдно в этом мире, в ресторане, среди лакеев и тарелок приоткрывать крышу своих утренних настроений. Весь остальной день было очень трудно жить.

За этой прозой повествовательной стоит у меня много дум, много чувств и углубленных самоанализов. Я всю жизнь думал о том, как важно для человека сочетать в душе «долг памяти» и «право на забвение». Память у меня бесконечно глубокая, я никогда ничего не забываю. Но и дар крылатого забвенья во мне тоже есть. Если я на время погашу свою память в разговорах и застольными наслаждениями, то в этом, конечно, никакого греха нет. Это процесс чисто поверхностный и чисто психологический. Если я придя домой испытывал угрызение совести, то, конечно, не в связи с ресторанным обедом и остроумными разговорами с чужими мне людьми, но в связи с ощущением в себе какой-то вероломной, хотя и мгновенной, крылатости переживания. При такой крылатости становятся опасными наши с тобой тени. Их появление в тебе безгрешно, но если бы они возникли во мне, то это погрузило бы меня уже навсегда в какую-то предсмертную тоску и закрыло бы мне все пути к радостному творчеству и к высветлению скорби. Ну довольно. Перейдем от бытия к быту.

Аленька уже тебе писала подробно о себе. Недавно она была у меня поздно вечером, так как я до 11 диктовал. И мы с ней серьезно и глубоко говорили о волнующих ее сейчас переживаниях, о предложении ехать в Тунис и тех условиях, которые она там мог-

ла бы получить: даровая поездка, даровая жизнь и 500 марок в месяц жалованья. Ехать ее приглашал тот ее «очаровательный» знакомый, с которым мы с тобой познакомились у скорого поезда, когда я провожал тебя в Швецию. Он же и сказал ей, что если она скажет, чтобы он не ехал, то он останется. Она была очень взволнована, но очень ясна во всех своих чувствах и мы с ней сошлись на том, что с актерами кино и камероспециалистами она в Тунис не поедет, а также и не попросит своего Макса, чтобы он не ехал. За это ей, конечно, пришлось бы дорого платить. Из ее рассказов вырос очень определенный портрет ее мюнхенского приятеля. Человек безусловно талантливый, умный, очаровательный, но очень современный и по своим взглядам (в Бога верит, но церковь и Христа отрицает) и по своему честолюбивому карьеризму с явными склонностями к педагогическому насилию, и явно ревнивый. Когда она пришла с бала, он стоял у подъезда в 4 часа утра. Аленька мне говорила, что она тебе писала подробно, так что я развивать своих мыслей не буду. Человек она очень очаровательный, талантливый, во многом духовно самостоятельный, но жить ей будет трудно.

Вероятно, она тебе уже писала, что присланные мне деньги я получил. В общей сложности 350 марок, из которых 150 я отдал Аленьке. Все денежные счеты она ведет с моей Дагмар, так как я забываю, что дал и что получил. Вчера она пришла довольно поздно вечером очень увлеченная зеленым цветом какой-то материи, которой она хочет занавесить окно. Она долго советовалась со мной, может ли она истратить нужные на это деньги, но увлечение цветом в ней было так сильно, что я решил, что истратить их ей можно. Она явно простужена, сильно кашляет и не бережется. Но обещала мне, что завтра, а может быть, и послезавтраго будет сидеть дома. Комната у них выйдет наверное со временем довольно милая. Недавно она размечталась, чтобы ты приехала на Рождество в Мюнхен, так как ее подруга, с которой она живет, 1-го декабря уезжает. Мы подумали и решили, что было бы лучше отложить твою поездку. К тебе в Стокгольм она может к Рождеству проехать задаром на автомобиле. Это будет ничего не стоить, в то время как твоя поездка сюда обошлась бы, как ты знаешь, довольно дорого. Конечно, она и в более позднее время не станет дешевле, но на Рождество у меня будут гостить Марго и Галина. Это бы очень сократило наше общение, а может быть даже и вызвало некоторую ревность со стороны Марги. Она очень ревнива, а кроме того нам с ней надо о многом поговорить и многое решить касательно конца ее службы в Женеве и приезда сюда. Еще не все ясно, но возможно, что она приедет не в апреле, а только к 1 октября.

Ну, кончаю. Все твои письма получил. Радуюсь и тому, что ты почти серьезно сердилась на то, что я не пишу, но и на то, что, получив мое первое письмо после твоего возврата в Швецию, ты написала мне столько прочувствованных и благодарных строк. Я сейчас кончаю своего Вячеслава Иванова. Очень трудно, да и люди очень мешают. Сегодня я заказал «устройство», которое дает возможность выключать звонки с улицы. Хочу в более широком кругу моих знакомых вызвать впечатление, что я уехал к черту на кулички и что докликаться до меня совершенно невозможно.

Шлю тебе самые сердечные приветы, благодарность за письма и стихи и пожелание творческого подъема.

Твой *Федор*

Дорогая моя, не сетуй за внелирич<е>скую объективность письма, но писать рукой решительно не было времени, а вливать «лирику» через чужие руки в машину — не допускала природа лирики.

Тебе за милые слова сердечное спасибо — Пиши — жду и писем к неизвестному получателю.

Обнимаю. Еще раз
Твой.

Письмо опять задержалось. Не мог установить, где Ты витаешь. Хотел узнать у Аленьки — но она тоже витала — да и у меня был конгресс[1].

[1] Приписка другими (зелеными чернилами), сделанная чуть позже (МБ).

45

Суббота 10.11.62

Hotel Vasa
Göteborg

Дорогой Федор!

Последний раз писала Тебе прошлое Воскресенье, сидя в кофейне и наблюдая прохожих под зонтами. Сегодня, Суббота, поздний вечер, и я хочу позволить себе роскошь письма к Тебе. Мне кажется, что я пишу очень редко, по сравнению с желанием это делать, — но вот оказывается, что со времени моего отъезда из Мюнхена, — немного больше месяца, — уже написано 10 раз, — послания разной длины, — минимальной была открытка с

парохода, такого пустого, ярко освещенного, слегка кошмарного, в 3 часа ночи.

На Твое письмо я еще не ответила как следует, т. е. не на все затронутые там мысли, и вот хочу это сейчас сделать.

Ты как будто удивляешься, когда я спрашиваю, согласен ли Ты на дружбу. В ответ на это Ты пишешь «...никаких чувств я Тебе не запрещаю... Живи как хочешь и чувствуй, как чувствуется». Это, мне кажется, не является ответом на мой вопрос, а особой мыслью, на кот. я сейчас и отвечу. Что же касается вопроса (моего) насчет дружбы (хочешь ли Ты ее?), то дальше идет что-то вроде ответа в словах: «моя забота только в том, как бы наша дружба не сделала Тебя еще более одинокой, чем Ты уже есть» и затем следует мысль относительно того, что мне нужна была бы любовь, а не дружба, — на эту мысль я уже реагировала в письме от 27-го окт., размазав и развив французскую поговорку (кот. мне только сейчас пришла в голову): Quand on n'a pas ce qu'on aime, on aime ce qu'on a![1]

Нет любви, нет того или другого, чего бы хотелось, этот ущерб надо принять, как «пассивный аскетизм», постараться, чтобы он зацвел духовным цветком. М. б. Переслегин звал бы к борьбе за «священную» (по Твоим словам) любовь, а мне кажется, что надо «преображать» посылаемое нам, бороться не столько за «священную любовь», сколько за святое в нас и вокруг нас. В этом отношении слова «живи, как хочется, чувствуй, как чувствуется» мне не совсем понятны. Ведь надо стараться работать над собой: преображать, а не давать ход. Разве не так? Это мож. быть и больно, но боль эта не проходит даром. Принятая должно, она даст внутреннее благоухание. Так. образ. насчет дружбы Ты отвечаешь уклончиво, боясь за меня.

На это я ответила (там же, 27. X), чтобы Ты не боялся...

Главное, что я пока что в общем не тягочусь одиночеством, оно имеет много положительных сторон, я стараюсь принять его, кк. дар... И как я когда-то писала (это тут не совсем логично, но чувствительно и правда):

...Жить-то все же хорошо...
Лишь бы иногда писалось
В мою сторону письмо!..

Хотелось бы знать, как Ты живешь, пишешь ли «Вячеслава», что думаешь и чувствуешь, продолжают ли мои письма радовать или надоели? Беседовала ли с Тобой Аленька, как она хотела, когда писала мне последнее, довольно удрученное письмо от 7.XI? О своей работе не успела сегодня написать, в общем, — успешно, но конечно не легко! Каждый раз молю Бога о помощи. Если на-

пишешь сразу, то сюда, — я ведь все-таки ждала весточки, — а то, опять в Стокгольм.

Господь с Тобой!

А.

P. S. После выставки (успешной) последовало еще 10 заказов. Что Ты скажешь?

Понед. 12-го н.

Два дня уже лежит письмо к Тебе и почему-то не отсылается, — это, по-видимому, зараза из Мюнхена: написать это одно, а отправить — другое! Вчера, в Воскр. 11-го мне хотелось приписать несколько слов по поводу актуальных событий здесь, моих собственных встреч, впечатлений и работы (очень усиленной), но так и не успела; днем смотрела в телевизию день рождения (80 л.) короля, потом писала довольно большой портрет матери 2-х уже нарисованных детей, вечером — опять телевизия: опера, — «Gala» представление опять по случаю 80-ти л. короля, — всякие красоты сцены, расфуфыренную публику, королевскую ложу, — какой-то занимательный калейдоскоп диадем, орденов, фраков, делькотажей...

Утром показывали более «душещипательный» для меня выезд короля, т.наз. «cortège» по всему городу, предваряемый взводом лейб-гвардии драгунск. полка (если не ошибаюсь) на чудных лошадях с развевающимися на касках плюмажами. Как это называется? Пышная парадная коляска с кучерами, берейторами, лакеями (стоящими на подножке сзади) в самых разукрашенных ливреях; у стоявших на коляске сзади были огромные перья [«плюмажи»] в головных уборах, а сам король и королева в простых штатских платьях, т. е. в темном пальто, но с открытой головой. (У королевы, конечно, была шляпа). Этот «демократический» штатский костюм как-то не вязался со старинной роскошью его обрамления или, мож. быть, вернее, был очень типичен для Шведского короля, — одновременно, — монарха — и ученого, специалиста во многих областях, «демократически» простого и одновременно представительного. — Народ стоял густыми шеренгами, приветствовал, размахивал флажками, всюду играла музыка, чувст<в>овался подъем и торжественность. Трогателен мне показался сидящий в коляске напротив королевской четы юноша, подросток, — шестнадцатилетний «кронпринц», внук короля. Что его ждет?!.. То же ли благополучие, что отцов и дедов?.. Непохоже! В ратуше был огромный прием, оказанный королю правительством, и социалист Erlander (здешний премьер) с трогательной, искренне прочувствованной речью, передавал королю серебряную шкатулку, содержащую собранный добровольн. пожертвованиями «дар» от народа — монар-

ху — 5 милл. шв. крон для пополнения королевского благотв. фонда в пользу культурных начинаний в Швеции.

Все это мне показалось каким-то единственным в своем роде соединением вещей, вообще несоединимых, и поэтому я об этом расписалась так подробно. Думаю, что необыкновенно одаренная, витальная и просвещенная личность короля играет в этом отношении главную роль и стяжает ему ту любовь и популярность, кот. как цемент, соединяет кирпичи совершенно различного калибра и состава.

И физически, он движется, шагает, действует, как человек во цвете лет, еще далеко стоящий от старости.

Ах, Федор, милый Федор, — я уж не хотела больше Тебе писать. У меня всегда сомненья: Ты м. б. только чтобы меня не огорчить, говоришь, что радуешься моим письмам? Ведь и чтение их тоже берет время. Можно ли м. б. так поставить вопрос: Будет ли скучнее без них, или нет? У меня еще есть кое-что рассказать, — наприм., как я попала нечаянно в какое-то ужасное сектантское радение, рассказать про свою работу, также мои впечатления об Аленьке, но боюсь Тебя обременять. Я ведь могу и не писать!

Отвечать не надо, только если Тебе самому захочется. Что мне хочется знать о Тебе не тк. уж важно, — потерплю!

Понемногу, но с большим интересом читаю Der Bolschewismus u. die christl. Existenz.[2]

Господь с Тобой.

А.

13.11.62

Совершенно замучена милой, но в данном случае несносной, бабушкой 3-х малышей, кот-ая придирается к мельчайшим подробностям в их портретах!

Вот что вспомнила: когда посылала Тебе деньги, — долг, то хотела, но забыла, — прибавить лишних на цветочки для Наташи. Сделай это, пожалуйста, для меня, купи на вложенную бумажку (приблиз. 7 м., если разменять в банке), какой-ниб. цветочек или два, чтобы поставить к фотографии или когда пойдешь на могилку.

Спасибо заранее!

Привет от очень усталой, слегка обескураженной, замученной портретистки.

---

[1] Когда нет того, что любишь, любишь то, что есть. (*франц.*) (МБ).

[2] *Stepun F.* Der Bolschewismus und die christliche Existenz. München: Kösel Verlag, 1959. 296 S; Zweite erweiterte Auflage 1962. 316 S. Какое из двух изданий читала А.А. Оболенская, неизвестно.

46

14 ноября 62-го г.

Глубокоуважаемый Федор Августович!

Сегодня получила Ваше длинное, во многих отношениях интересное письмо от 7-го ноября. К сожалению, оно так долго шло, что потеряло свою актуальность, о чем я искренне сожалею, тем более зная, сколько потрачено Вами на него драгоценного времени. Тем не менее примите мою глубокую благодарность и заверение в искренних моих чувствах. Уважающая Вас...

Хорошо? А?

А по настоящему вот как:

«...от радости в зобу дыханье сперло!..» Спасибо, милый, милый Федор!

На это письмо мне придется отвечать в два приема, один раз сейчас, сразу (я не люблю, как многие, (!) задерживать расписку в получении), а второй раз более на досуге. Эти дни меня что-то загнали, и клиенты, и работа после клиентов (заказчиков) и знакомые, кот. завелись и тут!

Странное дело: последнее мое письмо к Тебе, отправленное не далее, как вчера, — заказное, — с приложением 10-ти крон. бумажки, дышало уже почти унынием (впрочем скрытым) но кот. Ты все же, я думаю, усмотрел.

Это еще не так странно, но все же странновато, что снова стала с большими затруднениями рисовать, — и «дитяти» какие-то неуловимые, и бабушки их «приставучие», — дело перестало клеиться.

Получив Твое письмо, я как на крыльях, понеслась на работу, и в два счета на бумаге уселись две прелестные головки, один мальчик 6-ти, и девочка 5-ти л., — милы, и похожи, и вполне художественны!

После первого Твоего письма было то же самое, — закисание, а потом взлет. Неужели это только совпадение, мне не верится! Но неужели я так завишу от Твоих писем?

Но пусть это признанье или полувопрос Тебя не смущает, не хочу никак на Тебя воздействовать, не устраивать никакого нажима: пиши исключительно когда хочется, — и самому вылить набравшиеся впечатления, мысли, и другому доставить большую радость и вдохновение на всех путях.

Твои письма, — эта такая прелесть. Я не могла не хохотать, и даже громко, когда читала описание обеда с дамами, м. пр. «на сладкое — какая то горькая зелень» и т. д. я и теперь, перечитывая, опять заливаюсь. Все это тк. замечательно описано,

так смешно и невероятно живо, и последующие размышления и угрызения тк. мне понятны и близки по душе, что чтение Твоих писем, — просто большое эстетическое в смысле литературном и духовное наслаждение.

Ты извиняешься за «внелирическую объективность» письма, — или это Твоя скромность, или Ты преувеличиваешь мое тяготение к лирике («тенистой»!), или недооцениваешь моего смакования живого и талантливого изображения быта, тонких и чутких мыслей о бытии.

Я вижу, что Ты не очень-то хорошо меня знаешь, — да и откуда? Видаться часто, как мы это делали в Дрездене, не значит «знать» друг друга (хотя Тебя можно знать по Твоим произведениям, а меня — откуда?), а более близкое душевное знакомство началось не так давно. Мож. быть, теперь, благодаря письмам, Ты увидишь больше и глубже. Мож. быть, поймешь, если оценишь, — хоть что-ниб., — буду рада.

Федор, голубчик, все, что Ты пишешь, мне так близко понятно, как будто я сама это переживала. Мож. быть, мы похожи друг на друга?

Над Твоим письмом я тоже и всплакнула, — мне можешь «приоткрыть крышу Твоей скорби», я приму ее бережно и нежно, стараясь вместе с Тобой ее «высветлить» в радостном творчестве, хранить и блюсти Твою святыню. Недаром я Тебе писала, — еще до этих Твоих слов: «я не хочу бороться за “священную” любовь, а лишь за святое в себе и в других». Знать это святое и его блюсти (по отношению к Тебе), — вот это моя цель, а не разводить «тени», да еще стараться Тебя ими заразить!

Нет, нет, я хорошо и до конца все понимаю. Не будет этих теней, — они уже высветлились, в что-то совершенно особенное. Можешь ли Ты мне поверить? Дорогой мой, — как я понимаю и это: «ощущение в себе какой-то вероломной, хотя и мгновенной, крылатости переживания»... «при кот-ой становятся опасными наши с Тобой тени». Возражу только слегка: многое в жизни опасно, но если мы оба знаем, оба принимаем опасность за таковую, а не что-ниб. другое, оба ее не хотим, то ничего и не произойдет, что может затемнить наши души.

Помнишь наш последний разговор в ресторанчике, после ухода оттуда Аленьки? Я его хорошо помню полностью, но цитирую лишь последние слова: «мож. быть мы все-таки люди не как все, м.б. нам это удастся!» Помнишь?

В это я свято верю. С Божьей помощью, это так и будет. И будет хорошо.

Понимаешь ли меня?

Понимаешь ли, что я говорю лишь о чистой бескорыстной «дружбе с подъемом», высветляющей, подымающей, утешающей и вдохновляющей.

Об остальном в другой раз.

Плоды духа (посл. ап. Павла к Галатам) Любовь <,> Радость, мир, долготерпение![1] и т. д. и т. д...

Найди Аленьке хорошего человека, лучше бы русского!

Обнимаю и благодарю!

Твоя *А*.

P. S. 15. XI. Только что получила милое письмо от Ал. Между проч. пишет, что прервала сношения с Максом и после этого сидела у Тебя часами и — плакала!.. Какое счастье, что Ты там! Спасибо, дорогой! Господь Бог воздаст Тебе. Посылаю вам обоим гостинцы!

Гётеборг
15.XI.62

Хотела отправить письмо, но должна приписать еще несколько слов после Ал.- ого письма от 12. XI, полученного сегодня! Бедная девочка, как Ты говоришь, — жить ей будет не легко. Но кому из «настоящих людей» легко жить? Все мы, бедные, страдаем и скорбим, все мы лишены кого-то, по тем или другим причинам. Но в этом страдании веет и возможность «высветления», как Ты говоришь, веет и дух Божий, в особенности если есть кто-то, к кому можно пойти или написать, где не стыдно поплакать, буквально или в переносном смысле. Протянутая в эту минуту рука, — это дар Божий, та самая любовь, кот., по Твоим же словам, «есть ставленник Божий на земле». Спасибо Тебе за нее.

Она пишет, м.пр. о Тебе «er ist ein wunderbarer Mensch». Как я рада, что она это поняла и чувствует. Можно было ожидать, но с молодежью не знаешь, иногда рождается у них дух противоречия.

Слава Богу, что этого не случилось по отношению к Тебе.

Марга ревнива, Ты пишешь, но и Аленька, кажется, не без того (по отношению ко мне).

Пришлось бы наши невинные отношения скрывать, как будто они «винные»?.. Нет, я таких ревностей, при чистой совести, не боюсь!

Тебя часто видеть с глазу на глаз все равно не придется, да у меня много тем и бесед с Аленькой (отдельно), как и у тебя с Маргой.

Я как раз думала, что буду рада ее повидать, также и Галину, — впрочем, я на все согласна, и на приезд Ал. на Рождество в Стокгольм, и на встречу с Маргой, — если доживу, — через год!

Ну вот на сегодня и вся прибавка.

Крепись, мой друг, и радуйся той радости и помощи, кот. Ты даешь другим.

Дай Бог Тебе вдохновенья, сил для творческой работы.

Молюсь за Тебя.

Твоя *А*.

[1] Ср.: Гал. 5, 22.

47

17.XI.62

Неизвестному Безымянному

Друг милый! Я давно Тебе не писала, — и времени не было и как-то охота пропала. Жгучесть положения начинает, слава Богу, сдавать и в более прохладном воздухе не так безудержно тянет к словоизвержению.

Но Ты, прочитавши все предыдущее, все же вероятно интересуешься: ну что же, — написал, наконец, что Ты ответила, как справляешься со своими чувствами, что из всего этого получается?

Да, дружище, — оголились кругом деревья, в их темной строгой красоте что-то трезвенно-аскетическое. Не просто — уныние и грусть, ноябрьские темные дни, или краткосрочное холодное солнце, а именно красота и строгость оголенных деревьев. Какая раскидистая гармоничная форма у лип, не то фонтаны, не то букеты; дубы с изломанными сучьями, как будто застывшими в судорогах; березы, — тонкие кружевные, иногда грустно-плакучие, буки со своими серыми лоснящимися стволами и ветвями, — и вот, отражение всех этих прекрасных форм найдешь сейчас в моей душе. Так же она растеряла пестрые красочные свои листья, так же она облачается в трезвенную красоту.

Монашеский клобук, Ты спрашиваешь, улыбаясь? От всего отреклась? Нет, отвечаю я, не от всего. И клобука еще нет. Но нет сейчас тех осенних ярких цветов, тех красок и запахов, кот. так волновали душу (не тело, — знай это!) еще месяц или полтора тому назад. Заставляли биться ключом слова, выливавшиеся в стихи, как говорит Зайцев: «что-то остро сладостное и пронзительное... это и есть слова... Все в полете лирическом, без конца и начала, обрывок млечного пути души». Да, ушло, ушло. Т. е. вернее, было убрано мною добровольно. И вот заменилось этим строгим, графическим рисунком. И я рисую. Предпочитаю теперь карандаши

краскам, и здесь графичность преобладает. Ты что-то ухмыляешься, говоришь вполголоса, — «А жаль, — живопись дороже графики, и краски входят в полноту переживаний, зачем их отставлять?». Опять, говорю Тебе, — все хорошо на своем месте. Здесь, в этом месте, в этом случае, в это время года, — бери это символически, если хочешь, этих красок нет в природе и не должны быть и у меня. Не должны быть, потому что он их не хочет, я уже объясняла Тебе много раз, и прочтя Переслегина, я поняла глубже и яснее.

В последнем письме (втором по счету) он пишет, повторяя то, что было им сказано устно: по поводу наших т. назыв. теней, т. е. попросту «чувств». «Их появление в тебе, тебе безгрешно, но если бы они возникли во мне, то это погрузило бы меня уже навсегда в какую-то предсмертную тоску и закрыло бы мне все пути к радостному творчеству и высветлению скорби».

Это тяжелые для меня слова, потому что это значит, что он хочет «высветлять свою скорбь» в одиночестве. Я ему не нужна; я ему даже опасна. Со мной у него может явится «крылатость забвения и крылатость переживаний», — тогда катастрофа и навсегда предсмертная тоска. Значит я, пожалуй, тот яд, кот. притягивает (где-то я это чувствую), но он же и губит.

Не ошибается ли он? Правда ли я опасна? Я стараюсь его уверить, что нет, потому что я сама это искренне думаю. По моим письмам, за исключением первого, Ты можешь сам судить. Как хороши его письма и как я их люблю. Это верно. Я хочу, чтобы он ценил меня, видел все, что есть лучшее во мне, или, вернее, видел все, что есть во мне и выдвигал лучшее, направлял и рассказывал о себе, о своих делах и чувствах.

Как это назвать, — это любовь или что-то другое? Во всяком случае, не любовь в обычном смысле слова, — мне хочется назвать это «дружба с подъемом» или «дружба крылатая».

Не случайно все это и не зря это послано. Я говорила Тебе, — мне даже не так-то уж хочется его видеть, и если мы останемся на расстоянии, останется тонкая бестелесная, никому не вредящая, но прекрасная графика, — зимний особый пейзаж. Как я уже писала, чай с булочками, а не обед. Мож. быть, именно это нам послано, наша задача суметь так выдержать. Если не исцелюсь, писала я Тебе, то разобью лоб об эту каменную глыбу. Но я не разбила лба. Немного завяли цветы, вместо красок — появилась графика.

Я не поеду сейчас в Мюнхен. Зачем? Я хочу работать, писать, рисовать, учиться, совершенствоваться в творчестве. Буду его нежно дружески любить издали, буду писать ему и стараться возбуждать его желание писать. Без его писем я завяну. Это уж наверняка... Но видеться сейчас, — нет, — не надо.

Если бы даже он сейчас предложил встречу, — после написанных в последнем письме слов, я бы от нее отказалась. Только встреча невинная, дружеская, какой она была до сих пор, — приемлема. Ну, таковую не надо «устраивать». Она устроится сама.

Тебе, конечно, будет интересно знать две вещи: поймет и поверит ли он в искренность моих тихих чувств и слов, и выдержим ли мы такое положение. Завянет или расцветет? И если расцветет, каким цветком? О как я бы хотела расцвета тех особых, неповторимых, единственных в своем роде чувств, кот. являются ставленниками Божьими на земле, где присутствует чистая бесплотная любовь, тех чувств, кот. я теперь назвала «крылатой дружбой»!

48

Гётеборг, 20.11.62

Кончаются мои дни в этом городе, дорогой Федор! Исполнен долг, завещанный от Бога[1], и т. д. Послезавтра еду домой. Уже взят плацкарт. Одна страница перевернута. Ты не знал куда писать, решив, что я витаю, адресовал в Стокгольм, оттого письмо запоздало. Но я нигде не витала, сидела все на том же самом месте и выполняла заказы, — труднейшие, в области живописи и рисования, — портреты детей. После выставки, на которой я развесила 23 шт. новых, в Гётеборге выполненных портретов, я получила еще заказы, и в результате выполнила еще 12. Трудности были неровные, — иногда невероятно легко и радостно, иногда и мучительно.

Теперь, взлетев на какие-то верхи успеха, мне не хочется падать в пропасть, а наоборот удержаться там. Поэтому я решила работать не на заказ и даже учиться, чтобы удача не была бы только делом милости Божьей, а тоже и приобретенным мастерством.

Перечитывая мои письма к Тебе за последнее время (я пишу часто с копировальной бумагой), я вижу, что не рассказала почти ничего о себе бытового, даже не успела описать сектантск. радения, о кот-ом упомянула. Вчера смотрела в телевизии замечательный шведский балет, кот-ый тоже хотелось бы описать, до того он был самобытен, красив и по-настоящему прочувствован, связан со шведским фольклором и библейской темой, при современной постановке и талантливых исполнителях (прима-балерина — внучка Броссэ — б. русск. ген. консула).

Писала больше о работе над собой душевной, о стремлении к «преображению», о «пассивном аскетизме», о полезности лишений и ущербов в духовном плане, о предпочтении графики краскам, о красоте оголившихся деревьях, потерявших, собственно говоря,

все свое украшение... Вот это мои темы, — не откликнешься ли на них? Впрочем, вижу, что ошиблась: тема графики была написана не Тебе, а другому, — неизвестному. Поэтому решила, что это, — 4-ое по числу послание «чужому», могу вполне Тебе переправить.

Мои письма «ему» кружатся пока лишь вокруг темы наших т.наз. «теней».

Поэтому извини, если откровенно, и помни, что написаны были не Тебе, а только о Тебе и мне. Итак, начинаю с изнанки, — посылаю последнее, пропустив пока что первые три. Первое из них самое страшное. Они, эти письма откровенны и не противоречат тому, что я Тебе пишу, только дополняют!

На днях отправлен пакет на имя Аленьки, там есть и «утешения» для Тебя. Знаешь ли и помнишь ли запах можжевельника?

Обнимаю!

Анюта

---

[1] Слова Пимена из пушкинского «Бориса Годунова».

49

Мюнхен, 21 ноября 1962 г.

Милый друг Анюта!

Половина двенадцатого вечера. Для меня это рано, так как я все еще ложусь около часа, отчего безнадежно пытаюсь отвыкнуть, но для Лидии Александровны, которая печатает мои письма, это уже поздно, а потому пишу не письмо, а только отклик на Твое «послание». Термин слишком тяжелый, но подвернулся. Начал читать Твое последнее письмо и совсем серьезно испугался. Читая первые полстраницы, все думал, в чем это я провинился и лишь потом с радостью увидал, что все это шутка. Рад, что мое описание шикарного обеда доставило Тебе, как внимательному читателю, некоторое удовольствие и еще гораздо больше и глубже тому рад, что Ты так глубоко поняла мою проблему, проблему грешности отлета от скорби своей жизни. Когда писал, и в особенности когда читал первые полстраницы, то почувствовал некоторую боязнь, как бы Ты описание ужина не приняла за карикатуру на грехопадение моей философии теней. Но, слава Богу, на такое толкование нет в Твоем письме ни малейшего намека. Хотя, конечно, и в ужине и в тенях есть та же возможность некого грешного отлета от центральной темы жизни.

В Твоем письме очень много хорошего, понимающего, утешающего и очень много доброй готовности к укреплению жизни на ее подлинных корнях и в ее подлинных глубинах. За все напи-

санное на эту тему глубин и корней сердечно благодарю Тебя. В следующем письме, Бог даст, буду писать его не в столь поздний час, — поговорю более точно и более содержательно о том, что пока пишу только намеками.

Вчера вечером Аленька пригласила меня к себе, чтобы поговорить с ее первой сожительницей у госпожи Фальк, моей, — как я Тебе кажется уже писал, — старой знакомой. Ты, вероятно, знаешь эту молодую женщину, кажется 24-ех лет, которая, только что выйдя замуж, развелась с мужем, хотя уже был ребенок, и решила перейти к другому, который к концу развода опять-таки кем-то увлекся. Аленька принесла мне заранее ее стихи. Бесспорно талантливая и свидетельствующая, с одной стороны, о какой-то глубокой ее душевной разрушенности, но и о стремлении зацепиться за нечто твердое и как будто бы даже вечное. Я с места же нарисовал ей образ ее души, и она нашла его очень точным и верным, что мне было приятно. Может быть, можно будет для нее что-либо сделать. Главное ее желание печататься в хорошем журнале. Попытаюсь устроить это.

На днях Макс из Штутгарта приезжал в Мюнхен. Более подробно мы с Ал-ой еще об его приезде и об его реакции на ее письма, о которых я Тебе писал, не говорили. Но все же она мне мельком сказала, что ее письма его как-то удручили и он попросил дать ему время, чтобы все продумать, все перечувствовать, если он поймет свою вину и исправится. Поездку в Тунис он отложил! Едет, кажется, только еще в январе.

В моей квартире жизнь течет очень своеобразно. Можно было бы написать недурной рассказ: «Федина квартира». Татьяна Сергеевна[1] критикует девочек, но иногда все же балует их чайком, а то и супом. Особенно приятельницу Аленьки. Вообще же я думаю, что она по крайней мере бессознательно рада, что вокруг нее течет какая-то жизнь, так как ее внутренняя жизнь очень трагична и темна. Девочки против нее иногда восстают, но все-таки по существу ничего против нее не имеют; а отдельно от всех в маленькой комнатке живет наиболее фешенебельное существо — домашняя прислуга Лёмера. У нее «изящно» обставленная комната с большим креслом, хорошим письменным столом, со спальным диваном и граммофоном. Она приходит не очень поздно вечером и недавно приглашала меня к себе пить кофе. Аленьке потихоньку рассказывает о мрачном отношении ее господ и, одобряя мужа, который, может быть, ей и нравится, критикует его жену. Прости за поверхностность этого письма. Ничего, кроме желания Тебе писать, оно сказать тебе не может, но все-таки и проявление желания имеет некоторую ценность. Мог бы написать совершенно другое письмо, если бы не было бы так поздно и если бы я мог медленно писать

своей рукой, но на лету думать трудно. Если бы не горел локоть, писал бы пером, но локоть сгнивает.

Самый сердечный привет.

[2]Рад, что Ты отложила приезд. — Сейчас это было бы истязанием. Марга[3] в тяжелом состоянии. С ней надо ходить по всяким инстанциям и протекциям. К ней приезжает ее учительница пения, — которой мы все будем очень нужны. Наши с тобой встречи были бы урывчаты, — и на людях поверхностны.

Обнимаю Тебя крепко и дружествен<но>.

Твой *Федор*

---

[1] Татьяна Сергеевна Франк, вдова С.Л. Франка.
[2] Далее приписка от руки (МБ).
[3] Марга Степун — сестра Ф.А. Степуна (см. подробнее в этом томе о ней и Галине Кузнецовой).

50

Неизвестному другу. № 5[1].
Воскр. 25. XI. 62.
дома в Стокгольме.

Хотела ему написать, но воздержалась, думаю, что скоро получу письмо. Почему? Потому что снова наступает это чувство тоски и безнадежности, кот. до сих пор предваряло получения письма, — иногда в течение недели, иногда меньше, и вот она опять здесь — эта грусть и даже болезнь. Не из-за этого, но как совпадение, я действительно больна, простужена, и вчера был порядочный жар. Я даже трусила, сидя одна в квартире. А вдруг прихватит, — жар для меня непривычен и жуток. Надо и с ним примириться, он ведь только добрый друг, борется против болезни.

Бывают минуты, когда жаль себя! Что это я сочинила там про графику! Верно, конечно, но снова и снова встает какой-то протестующий голос, вопль «полноты» против «ущерба». Вопль, конечно, языческий, но такой жизненный. Вернулась домой, перед окном снежный серый зимний пейзаж. Не могу ни рисовать, ни читать, глаза и голова тяжелые. На столе цветы, присланные приятельницей-немкой, со вкусом выбранные, дорогие, изящные, — не просто безличный букет какой-ниб. гвоздики, а желтые розы на длинных стеблях, пушистая пахучая мимоза и две больших хризантемы, как огромные желтые маргаритки, с бутонами и темно-зелеными крупными листьями и еще желтая фресия —

прелестнее сочетания трудно подобрать! Но подарок этот идет от человека, кот-ого я даже не особенно люблю, а только благодарна за частое внимание. Те, кого люблю, — те все молчат. Нет, не совсем, — сын и старшая дочь приехали на станцию, а невестка встретила с чаем и домашним печеньем у меня дома.

Это сразу, — а потом умолкли. И не звонили ни на след. день ни день, после, когда я была больна. Только приятельница, узнав о простуде, прислала цветы. Горит моя лампадочка нежно-красным цветом перед образом Божьей Матери, нечаянной Радости, и тихо играет какая-то мелодичная музыка в радио.

Сейчас у меня душа вся «размякшая», в туманах, тенях и слезах! Вся графика расползлась, но ничего на ее месте не вырастает, — ни стихи, ни живопись. Только эти жалкие слова Тебе, доброй и родной Тени, которая меня хорошо знает и любит, м. б. находится в загробном мире. Может быть, видит и знает оттуда, лучше, чем я. М. б. поможет, подтолкнет, укажет, как быть, как взять себя в руки и правильно жить!

И знаю, что начинается трудная пора поджидания писем, кот. не приходят. Я говорю нарочно «писем», а не письма, в единств. числе, потому что письма от девочки моей тоже мне близки и важны, и их я тоже жду, — менее долго, менее сил на радость получения, но все же. Всякое общение с ней, — это часть моей жизни, светлой и задевающей меня сильно и всецело.

Поменьше ждать, — побольше делать — вот ответ!

---

[1] На обороте сложенного пополам письма рукой А.А. Герсдорф надпись: «Неизвестному № 5 и это в качестве "исторического обзора" последнего времени». Зеленым, видимо, более поздняя приписка: «Конец ноября 62-го г.» (МБ).

51

Стокгольм, 26 ноября 1962 г.

Спасибо, Федя милый, за письмо от 21. н<оября>, (сегодня полученное), кот. к счастью задержалось где-то в этот раз лишь приблиз. на сутки! Видишь, какая я противная! На штемпеле все рассматриваю, — и день, и час отправки! Почта все выдает! Приветствую от всей души такое исправление, благодарю и радуюсь! А в особенности радуюсь, что моя шутка удалась. Кажется, пугать шутками полагается лишь 1-го апр., непонятно почему, когда в апреле и без того весело, — а в ноябре? Надо же чем-ниб. пробить его темноту и мразь!

А «ужины» и «тени»? Ах, как я их понимаю, — но разве мы были бы вполне живыми людьми, если бы у нас их не было? Только тог-

да и ценна борьба, или в данном случае — угрызения совести, — если есть соблазны, — даром дающаяся праведность не высокого калибра, или же имеет свои особые испытания, как у настоящих святых. Рада, что Ты учуял во мне «добрую готовность к укреплению жизни на ее подлинных корнях и в ее подлинных глубинах». Спасибо за это доверие, — не сомневайся в этом, — никогда! Милый Федя, если и у меня бывают провалы, спотыкания, т. е. ужины и тени, то Ты знаешь, в каком месте они у меня стоят, — там же, где и у Тебя, — не стоит повторять уже сказанного и понятого. В конце концов, вдумываясь глубоко, между задачами наших с Тобой отдельных жизней, — не такая уж большая разница: мне тоже полезнее наполненное в духовном смысле одиночество, чем даже взаимная любовь к одному человеку, если бы такая нашлась. Я бы могла на нее соскользнуть, потакая жизненным инстинктам, но не думаю, чтобы это было бы моей истинной и внутренней задачей.

Хотела бы знать Твое мнение, но не знаю, насколько Тебе уже ясна вся моя душевная структура...

Как всегда, и повествовательная часть Твоего письма — очаровательна! Пиши почаще, — эту нашу переписку (пропустив большую часть излишних моих писаний) может издать потомство, — себе в назидание и в наслаждение!

Про Ал-у подругу я слышу в первый раз. Ни Ты, ни Аля ничего про нее не писали. Очень картинно у Тебя сочетание «девочек, трагичной Тат. Серг. и фешенебельной прислуги Лёмера» — замечательно!

Одна фраза лишь для меня непонятна по поводу Макса: «...об его реакции на ее письма, о кот-ых я Тебе писал». Ни о каких письмах Ты мне не писал, Аленька тоже нет. Я ничего про письма не знаю! — Думал — и не написал, или написал и не дошло?

Дошли ли 10 кр. в заказном письме?

Если можешь, ответь, пожал., на эти вопросы).

Что Ты скажешь про письма «неизвестному». Он выясняется: эта милая тень, кот. уже на том свете, но меня любит и понимает. Хотела бы еще послать Тебе письмо к нему № 2. Хочешь?

Спасибо, милый друг Федя, что Ты существуешь и мне пишешь. Всякое Твое слово — либо радость, либо размышление. Да здравствует «крылатая» дружба!

Обнимаю.

Анюта

P. S. Самое главное забыла спросить. Почему и с каких пор болит локоть? Что это такое? В первый раз от Тебя слышу. Желаю локтю скорейшего выздоровления!

52

14.XII.62

Милый друг — Анюта. От Тебя долго (исхожу из Твоего темпа нашей переписки) нет писем; мне это отчасти грустно, но отчасти и успокоительно: Когда «все-же нравственный» человек виноват — он одобряет наказание. Каляев благодарил суд, приговоривший его к смертной казни, считал это доказательством нравственно серьезного отношения к его преступлению. Убийство может быть долгом, но от этого оно не перестает быть преступлением. Понятие «долга греха» я в первый раз употребил в Переслегине. Впоследствии оно из эротической сферы перешло в социологическую. Видишь, к каким сложным размышлениям меня приводит не скажу раскаяние, но все же беспокойство, что так по долгу молчу — Но все же «не вели казнить, а вели слово молвить». Это слово — т. е. повесть о моей занятости — молвлю завтра более механическим способом т. е. продиктую на машинке.

. . . .

Твое последнее письмо ко мне и к моему «загробному» двойнику (сейчас не могу найти строчки, но хорошо помнится, что Ты пишешь, что твой анонимный кореспондент — умер) я получил, получил и цветы к Наташиному портрету; спасибо, милая; они долго стояли на моем письменном столе.

В обоих письма<х> много умного, доброго, и нежного — целую Твои руки. Еще раньше меня глубоко тронули слова в письме, обращенном к глубокоуважаемому Федору Августовичу

«Над Твоим письмом я тоже всплакнула, — мне можешь приоткрыть крышу Твоей скорби, я приму ее бережно и нежно, стараясь вместе с Тобоё ее высветлить в радостном Творчестве, хранить и блюсти Твою святыню»... и еще раньше: «я не хочу бороться за священную любовь, а лишь за святое в себе и других» — прежде всего, значит и во мне.

В этих словах сказано все, что мне видится как образ нашей дружбы. Если он осуществится, то тени молча отойдут вдаль — отчего им все же будет грустно, они безусловно пожалеют потом, что Ты перестала писать стихи. Но смею ли и я пожалеть об этом?! Не будем слишком строги к нашим теням. Разрешим им иной раз крылато поцеловаться с образом нашей дружбы, но сами подражать им... не будем. На этом мы можем, мне кажется, прекратить наши разговоры о тенях.

Ты спрашиваешь, что я Тебе писал об Аленьке и Максе: Ты де ничего не помнишь и даже думаешь, что письмо вероятно пропало. — Но Ты ошибаешься — оно дошло; это следует из Твоего письма, в котором Ты отвечаешь на вопрос, задетый мною в том же письме,

в котором я писал и о Максе. Писал коротко о том, что она прочла мне два своих письма, в которых делала умные и отчасти запальчивые наставления Максу. Письма меня поразили мужественностью и независимостью ее суждений. Мы сговорились, что она со сворой кинематогравщиков в Тунис не поедет, но и ему (Максу) не предложит оставаться ради нее в Мюнхене. Думаю, что она так и сделала, но он все же остался — только удалился «под тень струй» — в Штутгарт, что скорее помогает, чем мешает нарастанию лирических чувств.

Хотя Аленька отнюдь не слепа по отношению к своему Максу — она все же в него влюблена, что и не удивительно, так как он бесспорно человек с обаянием — но, к сожалению, лишь вспрыснутый из усовершенствованного пульверизатора современным культурным раствором, недостатки которого он видит, но бороться с которыми ему трудно: не хватает живого ощущения духовных корней жизни, да и образования — но может быть, все это еще исправимо.

[1]Окончив религиозно-лирическую часть, продолжаю уже на машинке свое письмо. Осталась только проза повествовательная. Последнее время была страшная суета сует. Горячо кончал статью о Вячеславе Иванове. Думал, что кончил, но получил новый материал от Ольги Александровны Шор из Рима[2], и зажглась мечта кое-что еще усовершенствовать. Удалось, к счастью, достать все три тома воспоминаний Белого и его переписку с Александром Блоком. Это уже очень много. Приезжала ко мне (она и добыла часть этих книг) очень милая славистка из Оксфорда в Лондоне, проведшая два года в советской России. И действительно глубоко вникнувшая в русскую духовную жизнь, оппозиционных кругов. Общалась много с неким Орловым[3], который пишет большую биографию Блока. Мне очень грустно, что я должен буду закончить свою работу, не ознакомившись с перепискою Блока с его женой, которая не так давно умерла, что дает возможность опубликовать эту переписку. Случилось так, что она познакомилась с Волоховой[4]. Ты ведь знаешь, что это большая любовь поэта. Когда я ставил «Царя Эдипа», я пригласил ее на роль Иокасты. Кажется, у меня в воспоминаниях написано, что я смотрел на нее теми же глазами, которыми монархисты смотрят на священную особу Государя Императора. Очень хорошо я знал только весь цикл посвященных ей стихов и в этих стихах для меня и вырос ее по-своему тоже священный образ. Он был слегка снижен, когда, придя к ней попить чайку, я познакомился с ее мужем, очень талантливым актером-комиком, но и мало красивым рыжеватым евреем. Она рассказала студентке, что очень его[5] любила, но что близких отношений между ними не было. Меня это очень удивило, но все же подумалось: может быть, стихи не были бы так изумительны, если бы были близкие отношения. В романе Оскара Уайльда «Дориан Грей»[6] актриса

теряет свой талант, уйдя с головой в большую любовь. Тема очень большая. Приезжала и другая ученица Боннского университета. Ее профессорша тоже семестр пробыла в России, где познакомилась с поэтами. Там будто бы все увлечены формальным методом. Мне это кажется неверным, но это сейчас не важно. Эта немецкая студентка пишет о Марине Цветаевой. Как симптом интереса к России это важно. Но по существу — это бессмысленно: двадцатитрехлетняя девочка, только что обучившаяся русскому языку и понимающая его, лишь читая, но не понимающая его, слыша, не может разобраться в таком духовно сложном и таком бесконечно русском существе, каким была Марина. Мучают меня, но и радуют докторские работы. Студент, который писал у меня о русской литературе и публицистике послесталинского периода, получил приглашение преподавать язык и литературу в университет, еще не сдав доктора. Удовлетворились моим обещанием, что он его сдаст. Сейчас сдает доктора на очень интересную мною данную тему другой студент — Олег Глазенап. Данная ему мною тема: «Искажение образа монархии русской революционной интеллигенцией». Обе работы настолько хороши, что печатаются Восточно-германским институтом на казенный счет. На столе уже третья работа, написанная сорокалетней женой павшего на войне немецкого офицера; тема ее: «Философия творчества у Владимира Соловьева». Осталась последняя работа, которая тоже месяца через три приносится в дом, о Пастернаке. Сообщаю тебе все это для освещения темпа моей жизни, а потому и оправдания моей медленной корреспонденции. Было, конечно, и много всего другого: читал о Франке на русском языке на ту сторону. Написал некролог о недавно умершем профессоре Бубнове, который сделал много для выяснения русской философии немецкому ученому миру.

В квартире напротив течет странная жизнь: Татьяна Сергеевна, очень скучающая в своем одиночестве, хоть и жалуется иногда на неряшливость своей соседки, но все же, как мне кажется, и рада, что не одна. Так как у меня субботу и воскресенье услужающих нет, то она приглашает меня обедать, на что я с удовольствием соглашаюсь, так как соединяю для меня приятное с полезным для нее: мне приятен хороший обед дома, а ей полезно духовное общение со мной. Все же я могу с ней поговорить о ее покойном муже. И так как я сам в грустях, то она чувствует свое душевное право как-то прислониться ко мне. Сегодня она мне рассказала, что Аленькина как бы приятельница ворвалась в дверь с взволнованным криком, даже не сразу могла объяснить, в чем дело, а стала сразу раздеваться. Оказалось, что когда она входила в переднюю, какой-то 18-19-тилетний молодой человек, вооруженный шилом или еще каким-то таким же подобным предметом, уколол ее под юбку в каком-то чувствительном месте. Сейчас

она немножко больна, лежит, но ничего страшного, кажется, нет. Я не думаю, чтобы она до Аленькиного <ухода> выехала из комнаты; таково, по крайней мере, впечатление Татьяны Сергеевны.

Перед немецким Рождеством было довольно много отчасти интересных вещей. Очень интересное заседание в католической Академии о проблеме нации, интернационализма, общества и государства. Я горячо участвовал в прениях. Потом было обоснование основания общества шумящего сейчас католика Таяр де Шардан. Было жутковато видеть, как даже и христианские верхи обрадовались некоторому разложению христианской субстанции. Писать об этом не могу — завело бы очень далеко. Потом было чествование балтийско-немецкого писателя Бергенгрюна[7]. Не думаю, чтобы ты его знала, но все-таки он достоин того, чтобы его прочесть. Было два адвента в балтийско-русских кругах. Очень сердечно, балтийцы сейчас часто тоскуют о своей Прибалтике, против русификации которой они в свое время так горячо протестовали.

Ну, дорогая, кончаю. Шлю самые сердечные поздравления к двуединому Рождеству. Жду с интересом двух дальнейших писем к твоему незнакомцу. Как твои воспоминания? Обязательно пиши. Это очень нужно и интересно. Тебе, Аленьке и Лизе мой самый сердечный привет. Тень целует дружбу[8].

Твой *Федор*[9]

По получении письма пришли только одно открыточное слово: получила. Я беспокоюсь, что так долго молчал.

---

[1] Далее печатанный на машинке текст (МБ).
[2] См. публикацию в этом томе.
[3] Владимир Орлов.
[4] *Наталия Николаевна Волохова* — большая дюбовь поэта.
[5] Т. е. Блока (МБ).
[6] Роман называется «Портрет Дориана Грея».
[7] *Вернер Бергенгрюн* (16.IX.1892, Рига — 4.IX.1964, Баден-Баден).
[8] Последняя фраза от руки (МБ).
[9] Имя и последующая приписка — от руки (МБ).

53

18.12.62.

Дорогой Федор!

Сегодня днем пришло долгожданное письмо. Спасибо, мой друг! Вернее, я уже перестала ждать, — решила, что «сглазила» нашу дружбу, называя ее крылатой, что крыльев у нее вовсе нет, в особенности с одной стороны, — а с одним только крылом не полетишь, вообще, что это не прекрасная птица, а глупая курица, да еще с подбитым крылом, ну, и т. д.

Готовила Тебе что-то послать к Рождеству (надеюсь, пряники уже доехали?). Милый Реннинг согласился взять с собой. Но сегодня, еще до полученія Твоего письма, кот. пришло днем, купила марципановую свинку и решила ее Тебе послать. Здесь, да и в Германии, свиньи как бы приносят счастье... По-русски же, — «подложить свинью» или назвать свиньей — совсем не хорошо. Впрочем и по немецки «Du hast Schwein» или «Du bist ein Schwein», как говорится, «две большие разницы»...

Как бы то ни было, купила для Тебя свинку. Но теперь передумала и подарю ее внуку, кот. моментально ее сожрет. Тебе же, Du artiges Kind, и бедному страдальцу, кот-ому совесть уже помешала дальше молчать, я посылаю красивую коробку спичек! Почему спичек? Ты спросишь: мож. быть, чтобы как-нибудь поиграть с огнем?!.. гм?! О нет! Чтобы возжигать светильники... Кстати, посылаю и нечто вроде светильника, т. е. просто свечу в простом подсвечнике. Но свеча эта доморощенная, это видно по корявой форме, и, кажется, не без воска, это заметно по запаху.

Я сейчас шучу и про себя смеюсь, но в общем все это время мне совсем было не до смеха. Подробности в следующем, настоящем письме.

Более или менее похоронив не только тени, но даже и дружбу (кот-ые почему-то у Тебя целуются, а у меня они перешептываются), — я с горя заболела уже вторично, и довольно серьезно. Вероятно, не с горя, а от переутомления (она же и официальная версия), но первая звучит драматичнее! «Фамилию» болезни я не знаю, но что-то неприятное с сердцем. — Сегодня Аленька меня огорчает, — у нее ужасно болит голова, как бы не началась какая болезнь! Бог милостив!

Итак, сегодня эти строки лишь заменяют просимое «открыточное слово». Спасибо, получила. А хочется сказать так много!

Обнимаю дружески и очень благодарю.

Анюта

54

<Текст на обороте самодельной открытки с рисунком А.А. Герсдорф — рождественский мотив и надпись «Христос рождается славите!»>

С приветом всем на Айнмиллеровской! Подарочек везет Ан. Руд. Реннинг.

Анюта

Дек. 1962-го г.[2]

[1] Дата приписана, видимо, позже зелеными чернилами (МБ).

55

19.12.62

Николин день.

а в церковь не смогла пойти!

Милый Федор!

Вчера вечером, после ухода от нас «экономиста» Реннинга писала Тебе письмо, заменяющее «открыточное слово», но так как тогда же ночью отправить не смогла, то решила сегодня утром прибавить несколько слов и всю «музыку» отправить Express'ом.

Ты хочешь прекратить разговоры о тенях, а одновременно ждешь моих писем к неизвестному другу. Но ведь там только и речь-то о тенях! Иногда это «вопли» этих самых теней, иногда рассуждения о том, как их гнать в шею, иногда разбор их младшей сестры «Дружбы», пока еще довольно худосочной, бледной, несчастной девицы, в белой одежде и с небольшим сиянием над головой (но не венчиком). В письме 2-м по числу к Неизвестному больше всего воспета она, и вот это-то письмо я и хотела, чтобы Ты прочитал [P. S. правильно ли? не знаю?]. Последнее же, № 5, прилагаю только, чтобы Ты видел, какие у меня были настроения за это время молчания. Зачем же беспокоить Тебя в таком случае? Задним числом это уж не так важно. Ты поймешь и простишь, — не правда ли?

Итак, чтобы легче было диктовать, хочу предложить «дружбу» называть «птицей». А тени остаются тенями. Птицу можно кормить (если есть письма), можно ее и совсем заморить голодом. У нее есть крылья и конечно два, они действуют по-разному, — левое — Твое, очень сильно связано, и хоть и очень красивое, но движется с трудом, — мое же — правое, — менее красивое (это мои письма) но более резвое, и при таких условиях бедной птице, хоть и крылатой, а приспособиться к полетам довольно трудно!

Вот и разберись в этой картине.

До сих пор мы прекрасно понимали друг друга, посмотрим, ясен ли Тебе этот образ? Должна снять с себя обвинение в забвении: Я вовсе не забыла, что Ты писал (все письма Твои и мои (копии) лежат в одной папке, можно сразу проверить). В Твоем письме от 7-го ноября, на стр. 3, Ты пишешь об Аленьке и Максе, о Твоих разговорах с ней, относительно поездки в Тунис, характеризуешь и того и другого, — но прости мне, — о ее письмах, — ни слова. Проверь сам, если Ты сохраняешь копии.

Кстати, добрая Дагмар, охраняя Твой покой, сказала как-то Аленьке, чтобы она не так часто к Тебе заходила, так что и ее отсутствие, и мое письменное молчание базируется исключительно на этом. Что Ты начал беспокоиться, меня, грешным делом, — по-

радовало!! Когда я это рассказала Аленьке (она знает теперь о «тенях», дружбе и т. д.). она стала тихо хихикать, потом громко и дружелюбно смеяться. — «Ах эти родители» (как ни стары, подумала она, но не сказала) «они все-таки настоящие люди, у них такое же все человеческое, как и у нас!» Разве не мило?

Твое письмо, как всегда, очаровательно. О Шардан'е[1] и о том, что он расшатывает христианство, Реннинг умно сказал, что он старается его «растворить», а ведь это то же самое, что начать растворять кристалл. Неплохой образ?

Ты еще не реагировал на мою теорию «пассивного аскетизма (невольные вериги), на празднование 80-л короля, на красоту (аскетическую) голых деревьев,

Пиши покороче, если хочешь, но м. б. почаще, тогда все темы могут быть затронуты, а выдержки из писем мы (или не мы) сможем напечатать.

Маргу, Галину и Тебя поздравляю с Рождеством Христовым. Жалею, что не с Вами!

А.

[1] Т. е. Тейяре де Шардене.

56

31.12.62

Дорогой Федор!

Вот в какой обстановке провожу последние минуты старого года[1]. Свечи на всех столах. Зажженная елочка. На полу, перед темным отверстием камина огромный букет весенних цветов. В углу перед иконой Божьей Матери «Нечаянной радости» горит красная лампадка. Граммофонная пластинка играла мне «Всеночную», — вставали воспоминанiя из давно прошедшего, когда стояла в церкви, в России, где пел хор Архангельского... потом поставила пластинку «Подмосковные вечера». Эх!.. Знаешь ли эту советскую песнь? Конечно, да. Ее знают теперь все. Сентиментально, а все-таки где-то сильно трогает и задевает...

Трудно высказать
И... не высказать
Что на сердце
У меня...

Уж очень красиво хор подпевает солисту. Как видишь, предпочла сидеть одной, чем идти в гости. Заказала телефон в Мюнхен, — получу ли, еще неизвестно.

Теперь играет радио: Шуберта Andante из скрипичного концерта a moll. Всюду «moll», или по-нашему минор.

Однако весенние цветы говорят, что «Весна не обманет...», а последние возгласы в радио всегда бывают приподнятые. Простимся со старым годом. Я его благодарю за все, что он мне дал, — это было необычайно много.

Дай Бог, чтобы Новый продолжал то, что начал старый;

«Благословиши венецъ лета благости Твоея, Господи, на сей 1963-iй годъ!»[2]

Тебе лично желаю окончания начатых трудов, продолжения всей Твоей «Линии» с новым и радостным вдохновением и большого яркого «Высветления» скорби, — не уничтожения, а преображения.

Христос с Тобой.

Анюта

P. S. Я вдруг вспомнила: а рожу мою в саду, — получил?

---

[1] В письме рисунок шариковой ручкой — цветы, свечи, елка, часы (МБ).

[2] Текст этой молитвы с добавлением «Аминь» выписан также на отдельной полоске плотного картона и прикреплен к началу письма скрепкой (МБ).

57

1 янв. 63 г.[1]

Обидевшись на слово «наводнение» по отношению к моим письмам, я написала этот стишок.

Подумав, мне пришло в голову, что м. б. это обидное слово касалось всех получаемых к Рождеству писем (телефон дальнаго следования волнует и затемняет мозги). Это было бы понятно!

У меня не то что наводнение, а целый «потоп»!

Потоп сделается болотом, в кот-ом будут сидеть угрызения совести, и никогда оттуда не выберешься. Это мой печальный опыт с корреспонденцией!

---

[1] Дата приписана, видимо, позже зелеными чернилами (МБ).

58

6.1.63

Милый, милый Федор!

Все пишу всякий вздор и шутки, а на самом деле душа болит за Аленьку.

Она со страхом и тяжелым чувством едет в Мюнхен, глав. образ. из-за завязавшейся «каши» с Максом. Она Тебе все расскажет.

Она боится и не хочет его встречать, боится также и своей слабости к нему. Она мне сказала, что в Мюнхене у нее нет настоящих подруг или друзей, есть только Ты, и это очень много. Но, конечно, она тоже и стесняется беспокоить со своими проблемами. Будь, как всегда, мил к ней, она сейчас очень в этом нуждается. У меня разрывается сердце, что не могу с ней поехать и быть с ней сейчас. — Обнимаю. Скоро напишу подробнее.

Сердечно Твоя.

Анюта

На счастие, — мышонок
с зелеными глазами,
Чтоб на столе сидел
меж мною и меж Вами.

Он должен Божию коровку
заменить
И счастья новогоднего
невидимо ткать нить!

К несчастию мышонок
ослеп на правый глаз,
Но левый, изумрудный,
блестит, что два за раз!

59[1]

Мюнхен
Русский Сочельник
15. 30

Милый друг Анюта — через 3 часа начинается всенощная. Я хотел было исповедоваться и завтра на безлюдье причаститься, но не смогу. У меня все врут категори[2], как у Ставрогина в Скворешниках, на балконе, напутав календарные затеи — я согласился уже давно прочесть завтра под Мюнхеном лекцию о религиозной трагедии Толстого. Это в 19 часов, а в 16 у меня немецкий издатель, собирающийся издавать полное собрание сочинении Герцена и предлагающий мне взять на себя редакцию. Утром надо подготовить лекцию — да и поздравители могут прийти; — в такой суетливый день причащаться трудно: не сосредоточишься. Начало письма вышло неожиданно: вероятно, подсознательно душа сосредоточена на ощущении греховности...

Я не любитель психоанализа, но иногда все же приходится призадуматься. Л.А. Зандер прислал мне письмо о моих «Встречах» — очень хвалебное, но обращает мое внимание на то, что я Кириллова назвал именем Переслегина[3].

Прочтя это, я задумался над тем, не чувствовал ли я, когда писал о <нрзб.>, некоторое сродство между моим героем — и Православным Богоборцем Кирилловым.

Продолжая психоаналитический самоанализ, я, кажется, должен спросить себя: не потому ли я начал письмо с извещения, что не пойду исповедоваться и не потому ли приравниваю себя к такому все же верующему грешнику, как Кириллов, что чувствую себя виноватым перед Тобою. Верно ли мое предположение или нет — впрочем, не важно. Верно и важно только то, что я действительно чувствую себя виноватым, что сказывается уже давно в ощущении постояннаго беспокойства, что не пишу. Очень прошу верить, что причина молчания только внешняя, очень прошу не допускать проскальзывающих в письмах другу мысли, что мое молчание есть как бы некий педагогический акт, желание показать Тебе, что я стремлюсь к охлаждению наших отношений. Почему он молчит... не хочет этих особых отношений измучился... изуверился... решил ножом отрезать.) Если бы я решил отрезать, я бы это сказал словами.

Ты спрашиваешь Твоего немого собеседника, что он, — т. е. я — думает. Хотя мы уже много говорили с Тобой — и говорили до дна откровенно — я все же хочу еще раз ответить Тебе на Твой не мне заданный вопрос. Я и думал и думаю много — но ответить хочу только на главный вопрос, возникший во мне в связи с Твоим пониманием померещившегося мне появления Наташи. Тут между нами единственное расхождение, Тобою, впрочем, осознанное, но не признанное. В Твоем понимании Наташино появление означало некое «Да будет» нашим отношениям. В моем же оно означало скорее «да не будет». Тебе оно принесло оправдание и успокоение, мне тревогу и предупреждение. Это, родная, не иная точка зрения — а просто передача того чувства, которое неожиданно возникло во мне, — и вырвало у меня всех поразившее замечание: «кто-то присутствует в передней». Ломер тотчас же встал, вышел в переднюю и закрыл дверь. Интересно — и вряд ли это беллетристический вариант — что это превратило происходившее при Тебе в мой разсказ о том, что Ты лично не пережила — добыв тем самым возможность того благодатно положительного истолкования, которое снимает все проблемы и открывает все пути.

Года за два до смерти Наташи: мы с той маскирующей легковесностью, с которой только и можно говорить о самом страшном, т. е. о

смерти, говорили о том, как мне жить, если ее не станет. И вот, помню, как она сказала: «Если я умру, Ты можешь, если хочешь, даже жениться, но только на женщине, которую я не знала». Помню утро после нашего русскаго бала, в которое мы с нею говорили на эту тему.

Есть, Анюта, в Твоем письме и еще один вопрос, вернее, еще одно сомнение: «Не самообман ли это, что мы совсем необыкновенные люди — не плетем ли мы нити греховной любви под личиной святости и бесстрастности». Тут между нами, быть может, есть некое разночувствие. Необыкновенные люди в моем понимании не те, душевно-духовные отношения которых не дорастают до страсти, а те, у которых страсть завершает Святость...

За Твои 4: безответных письма — целую Твои руки. В них много глубины, нежности и скорби. В последнем с рисунком — некой новогодней Бальности — есть понятная нота некоторой сдержанности: трудно разговаривать с немым. Только помни, родная, Твой немой не глухонемой.

Должен кончать, Анюта, — сегодня у меня издатели — собирающиеся издавать всего Герцена, а вечером лекция о Толстом. — О своей внешней жизни напишу (продиктую на машинке). — Хочу еще сказать: Будем жить свободно — совестливо, но без педагогического мундштука, радуясь нашей Встрече и благодарно блюдя то, что нам было в ней дано.

Обнимаю Тебя и жду Творческого и счастливого Восхода «Несчастного детства»[4].

Твой *Федор*

---

[1] Письмо целиком написано от руки («зеленые чернила») (МБ).

[2] Очевидно, описка. В «Бесах» у Достоевского Ставрогин говорит «все врут календари» (цитата из Грибоедова?).

[3] Кириллова, персонажа «Бесов», зовут Нил Федорович. Переслегина — Николай. См. письмо № 63 А.А. Оболенской об ошибке (или описке?) Зандера.

[4] Очевидно, предполагавшееся название мемуаров А.А. Оболенской о своем детстве.

60

13 янв. 63-го г.

Милый, милый Федор!

Три дня прошло с тех пор, что получила Твое хорошее, доброе письмо, кот. уже успела раз шесть перечитать, над которым горько плакала, потом опять радовалась, на которое, вот уже три дня, все мысленно, и все по-разному, отвечаю! Такой задержки с ответом у меня еще до сих пор не было, и чтобы Ты не думал (если заметил задержку), что что-ниб. со мной случилось, пишу сейчас

лишь «расписку» в получении. Настоящий ответ последует через день-другой, когда немножко высвобожусь из захвативших меня тисков. Я как зарезанная бегаю, по нужным и ненужным делам, главн. образ. чтобы добыть хлеб насущный, кот. вдруг весь исчез (богослужения, именины батюшки, русск. вечер в пользу церкви; заказчики, кот. все словно сговорились, — не могут сейчас платить; гости полезные и бесполезные), «благотворительные» дела; рисование по заказу, и проч. и проч., — всего не перечесть, все это нахлынуло и затерло. А на дне души, вернее, — на сердце, Твое письмо и мой ответ. Они присутствуют везде и во всем и поэтому я не могу дождаться той минуты, когда смогу засесть за ответ.

Сегодня только еще два слова.

Ради Бога, милый друг, не думай, что Ты виноват передо мной! Ни в чем решительно, не виноват! Ты мне совсем не обещал писать, а я говорила и Тебе и самой себе, что не буду ждать писем. Если такая «слабость» завелась у меня и я не сумела ее от Тебя скрыть, то это уж моя судьба, м. б. и несчастная, но в кот-ой Ты, милый, хороший, совсем не виноват.

Поэтому не терзайся этим, Федя, голубчик, — прошу Тебя!

Я знаю, что Ты не глухой. Больше того, слух «отверстый» и утонченный. Слышишь все, что сказано и что пропущено.

«Наше единственное расхождение...». Об нем я напишу в следующий раз, — много что хотела бы сказать по этому поводу. Эта точка, поставленная на и, хотя и не новая, но в этот раз произвела на меня впечатление удара (от того и слезы). Удар этот нанесен очень мягкой и нежной рукой, — спасибо Тебе, — и все же где-то, в самой глубине, я не могу не слышать музыки. Противоречие за противоречием!

А мое юмористич. стихотворение не такое уж глупое: «как не сжигая, — жечь?» Как не любить, любя? Как развести костер, но не устроить пожара?

Да хранит Тебя Господь. «Велий еси Господи, и не единого слова достаточно есть ко пению чудес Твоих!..».

Обнимаю нежно.

Твоя *Ан*

61

Стокгольм, 14.1.63

Дорогой Федор! — Дополнительно к вчерашнему письму: как здоровье Земиша? Пусть Аленька мне ответит на эти вопросы. Вообще пусть пишет, хотя бы коротко, но чаще. Вышлю деньги на марки.

Как уже писала, мы с ней совсем израсходовались, — я боюсь, не голодает ли она? Не знаю, работает ли? Если сможешь, будь ангелом, как-ниб. покорми ее, она ведь сама стесняется прийти к обеду. Прости мне эту неприличную просьбу. Издали м. б. воображаешь положение хуже, чем оно на самом деле. Как только заработаю, пришлю, что смогу.

Здесь холодища, ветер и снег. Сегодня днем приходит покупатель, хочет выбрать картину. Дал бы Бог!

Если как-ниб. вздумаешь позвонить, буду очень рада. В пятницу постараюсь пойти к Крещенской Всеночной. Тоже хотела поговеть, только не удалось. Итак, Алю — в бок!

Обнимаю.

А.

62

Стокгольм, 14-го Янв. 63-го г.

Милый друг Федор!

Посылаю Тебе огромное, толстое письмо, — прилагаю и рисунок, — вид из окна. Это, — с одной стороны нашей квартиры, туда выходят окна моей спальни, бывш. бабушкиной комнаты, кухни и ванны. С другой же стороны, — просто улица, с березой и с осиной, и нельзя заподозрить, что такая красота имеется позади дома. Хоть и холодно, а я наслаждаюсь зимой, ибо так разнообразны и прекрасны виды. То завороженное белое, кружевное, с солнцем и голубыми тенями, то такое же, но хмурое, со свинцовым небом. А сегодня просто пурга. Нас совсем занесло. У тебя такая картина висит на стене.

В комнатах уютно. Благодарю Бога, что сегодня не надо было никуда бежать!

Решила послать Тебе также и остальные письма Незнакомцу, № 1 и № 3, кот. я не хотела до сих пор Тебе показывать. Теперь уж все равно. Если Ты уже имеешь №№ 2, 4 и 5, то почему не иметь и остальные, по крайней мере так можно проследить историю раз-

вития событий и чувств. Развитие, как видишь, идет неровными шагами: тени, темные тени № 1 слегка перерождаются уже в № 2-м и совсем преображаются и в № 3-м и 4-м. В особенности № 4 гласит о трезвенной, аскетической графике, об исчезновении красок, о появлении линий и формы. Но недолго продолжается это успокоенное состояние, № 5 уже снова хочет рыдать.

А по получении Твоего последнего письма, написанного в сочельник, при чтении о «единственном разногласии» все настроение снова вернулось к № 1-му!

Вот Тебе и цикл!

Надо было писать о «несчастном детстве», а вышла «несчастная любовь на склоне лет»! Ах, Боже мой, — какое неприличное слово сорвалось с пера, — любовь! В свое время книги, в кот-ых это слово встречалось, были нам все запрещены (в детстве и юности). Когда нам читали вслух Руслан и Людмилу, то читали не «Пастух, — я не люблю Тебя», — а «Пастух, Ты мне не нравишься!» Разве не прелесть? Почему-то № 4, касающийся графики оголенных деревьев, аскетизма и проч., не вызвал у Тебя никакой реакции, — словно и не читал, или не получил?!

М. б. просто тема не по душе?

С радостью скользишь по теме: страсть завершает святость! Не совсем понятно, кто кого завершает: Страсть — святость, или святость — страсть? Что стоит в именительном, а что в винительном падеже? Пожалуй что «страсть» в винительн., т. е. не подлежащее, а прямое дополнение. Не так ли? (Ну и грамматика, при такой теме!) Думаю, что страсть дает такую полную расплавленность души, кот. уже подходит к периферии святости и рождает некое святое умиление, это, пожалуй, верно; все же Твое заявление немного парадоксально?! Если вести дальше, дойдем до хлыстовства, не правда ли?

Прости, родной, я чувствую, что овладевший мной какой-то смешливо-игривый тон, он не подходит к теме, кот-ую хочу сейчас затронуть, — поэтому лучше пойду спать т. к. уже, кстати, стало поздно.

Обнимаю Тебя и нежно крещу.

Господь с Тобой!

15.1.

Целый день радовалась, что вот засяду Тебе писать, и вот опять, только поздно вечером нашлась спокойная минута. Сегодняшняя суета была, впрочем, не бесполезной, во-первых, — рисовала снежный пейзаж из окна, а во-вторых, его же и продала! Между прочим, этот рисунок, что посылаю Тебе сейчас, не так уж хорош, и если еще его и девать некуда, то верни мне его таким же

способом, как я посылаю, т. е. по почте. Я постараюсь, пользуясь им, даже когда снег и стает, сделать легкую и мягкую акварель. Это ведь только раскрашенный рисунок и только, чтобы Тебе дать понятие, какой чудный и вдохновляющий вид у меня тут из окна!

Начало Твоего письма, милый Федя, меня тоже несколько смутило, но и тронуло одновременно. Исповедь, ощущение греховности, сходство Переслегина с Кирилловым, из-за якобы неверного имени, всякие психоаналитические изгибы, кот. приводят Тебя к выводу, что Ты передо мной виноват, что «сказывается уже давно в ощущении постоянного беспокойства, что не пишу». Милый друг, — за эти слова целую Тебя нежно в «чело», пока Ты мне за что-то другое в благодарность целуешь руку... Я серьозно смущена. Но прежде чем продолжать, хочу внести маленькую поправку: в «Встречах» Ты называешь Кириллова «Нил Федорович», — разве это неверно? А ведь Переслегин «Николай Федорович». Что же Зандер придрался?.. Это к слову, — а по существу хочу сказать совсем другое.

Знаешь что? Я перестану Тебе писать; совсем по-хорошему, совсем не меняя моего отношения к Тебе. Дам Тебе передохнуть, сниму с Тебя беспокойство, что не пишешь. Это акт совершенно бескорыстной преданности.

Согласен ли?

Буду только давать признаки жизни открытками или подобным. Ты тоже. Если, паче чаяния, на Тебя нахлынет непреодолимое желание написать и найдется время, я конечно, в восторге отвечу. Но этого и не надо. Я не буду ждать. Т. е. изо всех сил буду стараться не ждать. И во всяком случае, инициатива будет на Твоей стороне, а не на моей. Вполне добровольная и разумная сдача позиций. Что я сделаю с моей жаждой «эпистолярной» деятельности, направленной в Твою сторону, я еще не знаю. Мож. быть, будут «Briefe, die ihn nie erreichen», а мож. быть что-ниб. более благоразумное! Мож. быть, из безвыходности настоящего, из этого болота, меня бы вытащило «несчастное детство»?!.. А кк. простой, нормальный человек тянется за каким-то призраком, за кусочком небольшим счастья, и не хочется и вспоминать «о несчастном». Впрочем, верю в утонченность Твоего слуха и буду думать, что Тебе больше радости доставит повесть о былом, нежели беспокоющие совесть... письма!

Кстати, вспомнила. Ты раньше говорил: «Нет вопроса непоспевания. Все это только вопрос иерархии любви!» Я возражала. Мне кажется, что и сейчас опыт показывает, что больше, чем иерархия любви, играет роль иерархия голоса совести. Разве нет? Так что мой друг, — это последнее мое длинное письмо. Впрочем, как Ты захочешь и считаешь правильным. Я сейчас пишу так спо-

койно и благоразумно, но знаю сама, что этого «благоразумия» хватит у меня не надолго! Вот и сейчас, глядя на Твое письмо, как подумаю, что не будет больше этих милых зеленых чернил, так, — ну, да не стоит договаривать. Итак, беру себя за шиворот и говорю: Молчи!!

Теперь возвращаюсь к главной моей теме: «единственное между нами расхождение». Я расскажу Тебе все, что я чувствую и думаю по этому поводу. Во-первых, почему я «превратила происходившее при мне в рассказ о том, что я лично не пережила». Просто потому, что я в тот вечер этого так, как Ты, и не пережила. Только потом в ресторане Ты мне сказал, что ясно чувствовал, как Наташа стояла за Твоим стулом. Шорох в передней еще сам по себе мог ничего особенного и не значить. Что Наташа, любя, около Тебя, в этом нет ничего удивительного, — так и должно быть и, как я Тебе и сказала: это, хорошо, Федя!

Но что она ревниво Тебя оберегает от кого-ниб., кто не может Тебе принести вреда, — вот тут я не совсем уверена, — верно ли это.

У меня совсем другое представление о покойниках, добрых и любящих верующих христианах, кот. только желают нам добра.

Федор, ты ведь знаешь, как много очень близких мне людей я потеряла?

И даже на одной этой квартире, где я сейчас живу, — их было трое. Из них одна моя мать[1]. Все были ревнивы. При жизни много ненужного было сказано. Но при одном приближении призрака смерти уже отношения менялись. Я могу Тебе привести умилительные трогательные примеры, но не хочу излишне удлинять письма.

Есть, конечно, тяжелые нераскаянные души, кот. продолжают и ревновать и ненавидеть после смерти. Об них много писали в литературе, и Тургенев, и Гоголь, и Selma Lagerlöf.

Но не эти наши покойники. Господь сказал: «в Царствии Небесном не женятся и не выходят замуж» и мне кажется, и не ревнуют. Любят чистой бескорыстной любовью, снисходительно и нежно. Так, по крайней мере, мне чувствуется.

Высказыванья и желания покойников еще до смерти. Они святы, конечно. Но бывают высказывания, затемненные каким-ниб. не очень добрым чувством, кот. как рукой снимается по переходе туда, где все иначе и шире видится и понимается.

И тут я могла бы многое рассказать из того, что лично видела и испытала. Кстати, и антропософы имеют приблизительно такую же точку зрения.

Что же касается Твоего случая, то я вполне доверяю и Твоему убеждению и внутреннему чувству, даже если оно и расходится с моим. Тебе, конечно, лучше знать и я Тебе верю. Не исключена,

впрочем, возможность, что внутренними очами и слухом Ты можешь придти и к другим ощущениям и убеждениям.

И я опять-таки повторяю, что было уже между нами сказано или написано у меня в стихах: я совсем не хочу, совсем не собираюсь «отвоевывать» Тебя у Наташи, совсем нет!

И совсем не как сказал Земиш: sie will Dich heiraten![2] И как Ты сам сказал: не хочу иметь с Тобой романа. Чего же Ты хочешь? невольно слышу Твой вопрос. Помимо того, о чем писала, во что Ты, кажется, не очень-то веришь, а именно, помимо «крылатой дружбы», — хочу, главным образом, Тебе добра, во всех отношениях, — покоя и радости Твоей душе, — а себе — маленького «миража» счастья, кот. подымает жизненные силы, — кот. заключается гл. образ. в том, что Ты меня понял, что Ты меня (кажется) оценил, что поможешь мне в творческих начинаниях. Хотела бы, чтобы добрый ангел понимания, расположения, преданности и какой-то любви, кот. невидимо существует между нами, продолжал бы летать от одного к другому и сокращать земные видимые расстояния.

Повторяю, как сказал Іоанн Златоуст: «Мы разделяемся пространством, но соединяемся любовью!»

На это письмо я бы все-таки хотела получить «расписку в получении».

Кроме того, писать и спрашивать об Аленьке мне все же придется. Я озабочена ею, плохо, что она мало пишет.

Кажется, продадутся несколько картин, помимо сегодняшн. зимнего пейзажа. Тогда вышлю ей деньги.

Все думаю о том, как было бы хорошо Тебе прилететь на недельку-другую сюда: отдохнуть и поработать в полной тишине.

Никто Тебе мешать не будет, даже не я. Буду только стряпать еду и сама работать: и писать, и рисовать. Имеется огромный письменный стол и вдохновляющий пейзаж. Много комнат и все удобства.

При сделанных мной сегодня заявлениях, — ничего не опасно: никаких романов, связей, женитьб и пр.

Только чистая, чистая радость, и тихая работа. Подумай!

Да хранит Тебя Господь.

Твоя *Ан*.

P. S. 16.1.

Здравствуй, милый Федор! Перед тем, как отсылать это «последнее, огромное»[3] письмо, еще хочется прибавить 2 слова.

Тема, затронутая Тобой в предыдущем письме, на кот. я еще не реагировала, конечно, очень большая, цитирую: «мож. быть, стихи

Блока не были бы так изумительны, если бы были близкие отношения... В романе Дориан Грей актриса теряет свой талант, уйдя с головой в большую любовь». Вкратце говоря, в этом, конечно, доля правды, — по моему мнению. В надежде на большую любовь разыгрываются творческие силы. Птицы поют, когда зазывают, но не когда разводят и кормят птенцов. Все прекрасное выявляется, когда творится любовь, по ее осуществлении подымаются иные силы, на кот. надо умело переключит<ь>ся. Но безнадежная любовь — это почти смерть! Вот моя философия. Прости, если она глупа!

Позвоню Тебе в четв. 24. Янв. вечером, около 9 час. Разговор только на 3 мин.! Сообщи, пожал., если не будешь дома и тогда, какой день и час позвонить.

Обнимаю.

А.

---

[1] Помимо матери она могла обращаться к памяти Ф.А., знавшего и дружившего с ее отцом, Алексеем Дмитриевичем Оболенском, с ее братом Дмитрием Алексеевичем Оболенском, замученном нацистами в концлагере, о ее маленькой дочери, погибшей от рук нацистских врачей, наконец, о муже.

[2] Она хочет выйти за тебя замуж! (*нем.*) *Перевод с немецкого В.К. Кантора.*

[3] На обороте последней страницы письма надпись рукой А.А. Герсдорф: «Последнее Тебе 14—16 янв. 1963-го г.» А также позднейшие трудно читаемые пометы А.Р. Реннинга (МБ).

63

Мюнхен, 19 января 1963 г.

Милый друг Анюта!

Дополняю мое маленькое рукописное письмо более подробными сообщениями о своей внешней жизни. Она была в последнее время полна всяких случайных трудностей. На немецкое Рождество приезжала, как Ты знаешь, моя сестра с Галиной Николаевной Кузнецовой из Женевы. Мы долго не видались и им так хотелось провести десять дней, что были у них в распоряжении, не только душевно с любимым братом и добрым другом, но все-таки и в атмосфере праздников. Хотелось побывать в театре, в концерте, повидать людей, походить по городу и т. д. Из этого немного вышло. Уже началось с неудачи: поезд должен был прийти в 9.40 вечера, а пришел в 1.40 утра. Они приехали промерзшие, голодные, замученные и, приехав, Марга сразу же простудилась. Прекрасные очень дорогие билеты в старинный театр пропали. Потом у нее разгорелся артрит, который заглушили какими-то пилюлями, но все же он стучался в черную дверь. Морозы были страшные, и потому больше сидели дома, только под Новый год

были в театре и потом встречали его у себя дома под елкой и в разговорах о том, что было, но и о том, «что зачалось и быть могло и стать не возмогло». Все же было, конечно, тепло, уютно и дружественно. Сестра и Галя устраивались в своей будущей квартире: стелили ковры, красили стены, конечно, все в уме, и устраивали писательский кабинет для Галины Кузнецовой. Вскоре после того, как они уехали, случилось наводнение в квартире Земиша, затопившее его картину[1] и книги, что лежали на полу. Пришлось его вызвать из Австрии, где он отдыхал. Он приехал и в ту же ночь случился тяжелейший сердечный припадок — (инфаркт), и он попал в больницу, где будет лежать по крайней мере еще месяц и оттуда переедет в санаторию. Жена его в страшном отчаянии и мне приходится душевно опекать ее, на что, конечно, уходит много времени. Пришлось, кроме того, и написать фельетон о Станиславском[2] и провещать о Франке в советскую Россию.

По внутренней линии было лучше, но тоже не очень спокойно, потому что статью о Белом, о непостижимо талантливом Белом, прерывали все эти описанные невзгоды. Все же я ее начал и очень надеюсь через три месяца кончить[3]. Писать трудно, потому что непереводимы не только его стихотворения, но непереводима и его проза. Я не знаю, читала ли Ты его воспоминания. Это совершенно изумительно. Но все изумительное скользит по краю обрыва, в который он сам каждую минуту может низвергнуться. Да и много материала, если считать только самые необходимые вещи, то их все же книг 20. Большинство я читал, но давно — надо перечитывать. А вышедшие в Москве еще даже и не получил. Здоровье ничего. Может быть, сердце даже лучше, но одолевает иногда усталость. Мало гуляю, мало воздуха.

Аленька приехала и мы с ней во второй же вечер долго и искренне говорили. Рассказывать Тебе о том, что в ней происходит, не надо, так как она мне сказала, что Тебе все известно. Могу только сказать, что на лице, побледневшем, лежит налет грусти. Со своим героем они порешили, как она мне говорит, что хотя друг друга и любят, они все же друг другу не подходят: расставаться они не будут, потому что очень печально, но постараются свои чувства спускать на тормозах. Что они не подходят, это прежде всего думает Аленька, у которой в душе есть какие-то сдерживающие центры, он же ничего неподходящего в ней не видит, так как не считает необходимым уже сейчас связывать свои переживания и судьбы со слишком крепкими дальними планами. Рассеянна она, как и полагается влюбленной, недавно забыла ключ от квартиры, пришла в час с лишним, надеялась, что у меня свет, но его уже не было. Побоялась позвонить, что было бы очень просто и

пошла ночью бродить по своим подругам, у поэтессы устроилась. Сегодня обедала у меня и наслаждалась. Денежек у нее нет, но Ты, ради Бога, не беспокойся. Мое портмоне всегда открыто для нее. Она всегда старается как можно скорее заплатить.

За Твое письмо большое спасибо. Очень рад всему, что в нем сказано, его душевной тональности, чуткой вдумчивости и живого ощущения моей правды. Но об этом напишу как нибудь еще. Пока же жду Твоего обещанного письма.

Желаю обилия детских моделей, художественной удачи и родительской благодарности Господу Богу и тебе за Твой талант.

Ну, кончаю, родная.

Твой

P. S.[4] Карточка молодой художник среди зелени живет у меня под рукой. Против меня на полке стоит Твой Зимний сад — очень хорош. Письма пришли только сегодня. Спасибо, дорогая — еще раз.

Твой *Федор*

---

[1] Очевидно, описка, надо: квартиру.

[2] Речь о статье Степуна «Принцесса Турандот».

[3] Возможно, речь идет о его статье: Андрей Белый и Рудольф Штейнер (послесловие к письмам Бердяева Белому) // Мосты. 1963. № 11. С. 366—368. Либо о главе в его последнюю книгу (что больше похоже на истину: слишком много сюжетов он поднимает): Mystische Weltschau. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block. München: Carl Hanser Verlag, 1964. — 442 S.

[4] Далее от руки (МБ).

64

21.1.63

Вот обещанная открытка, вместо письма, дорогой Федор. Пожалуйста, не забудь <sic>, что я буду звонить в Четв, 24-го около 9 ч. веч Если Тебя не будет, пожал. — телеграфируй <последнее слово вычеркнуто> нет, это слишком дорого. Тебе позвонить из Мюнхена в другое время, — еще дороже! Что делать! В среду 23. 1 я вечер. не дома. 25-го Янв. именины Тат. Серг. Франк, я ей напишу.

Сердечн. прив.

Часть третья

Раздел I
Отклики на творчество

Л. Зандер
О Ф.А. Степуне и о некоторых его книгах

I

С Федором Августовичем Степуном меня связывает не только долголетняя дружба и сотрудничество, но и некоторая общность судьбы. Оба мы, окончив наше учение в России, поехали для дальнейшего усовершенствования в Германию (и оба — в тот же незабвенный Гейдельберг), потом, по возвращении, оба не нашли себе места в официальной академической среде и были принуждены идти «своим путем» (который в конечном итоге привел нас обоих к академическим кафедрам). Это позволяет мне сделать некоторые выводы и сравнения, выходящие из пределов личных биографий и принадлежащие к факторам «культурно-историческим», как их называл наш общий учитель Виндельбанд.

В своем устремлении в Германию мы были не одиноки. И о. Сергий Булгаков, и Б.П. Вышеславцев, и С.Л. Франк и многие другие шли этим путем, по-разному его оценивая и по-разному воспринимая то, что нам предлагала немецкая академическая жизнь. Но основной импульс был у нас один, и на нем следует остановиться.

О людях нашего стиля ядовито и несправедливо писал В.Ф. Эрн: «чтобы попасть в Афины, необходимо “перелететь”

...на крыльях лебединых
Двойную грань пространства и веков...[1]

Это далекое и трудное путешествие (некоторым философам) казалось, очевидно, “несовременным”. “Крыльям” они предпочли билеты II класса, “двойной грани” — русско-немецкую границу,

античным Афинам — современные: Фрейбург, Гейдельберг, Марбург, Вюрцбург и прочие университетские города несвященной Германской империи. Запасшись там философскими товарами самой последней выделки, они приехали в Россию и тут, окруженные варварством, почувствовали себя носителями высшей культуры...» и т. д.[2]

Если отбросить журнальный тон этих слов, то по существу они являются не только упреком и осуждением, но и ставят перед нами (даже теперь, по прошествии полустолетия) серьезную проблему. Как могли мы просмотреть, что подлинной страной философии, мудрости, Логоса является Россия? Как могли мы первородству христианской мудрости Востока предпочесть рационализм бесплодной немецкой науки? Как могли мы — искатели подлинной философии — подменить православие неокантианством? Об этом хорошо пишет о. Г. Флоровский:

«Психология философов становится у нас в те годы религиозной. И даже русское неокантианство имело тогда своеобразный смысл. Гносеологическая критика оказывается как бы методом духовной жизни, — и именно методом жизни, а не только мысли. И такие книги, как "Предмет знания" Г. Риккерта или "Логика" Г. Когена, не читались ли тогда именно в качестве практических руководств для личных упражнений, точно аскетические трактаты?»[3].

Да, Федор Августович, вероятно, подтвердит, что в Гейдельберг мы ехали с психологией паломников: что мы искали не просто знания (или, упаси Боже, дипломов), а мудрости. И я посейчас помню, с каким благоговением я подал Виндельбанду второй (систематический) том его «Прелюдий», прося написать мне несколько слов поучения. Увы, он меня жестоко разочаровал. «Что же мне написать вам?» — спросил он; потом нацарапал что-то и вернул мне книгу. Поблагодарив его, я вышел и открыл томик, думая найти в нем некое откровение, но на первой странице стояло только: «В. Виндельбанд. Гейдельберг. 1913...» Но это мелочь, только отсутствие воображения у большого ученого. А его лекции, которые открывали перед нами бесконечные перспективы, переносили нас в глубь веков, знакомили — да, лично знакомили — с Гераклитом и Платоном, с Джордано Бруно и с Декартом; его семинары, в которых он ясно понимал не только то, о чем мы говорили, но и то, о чем мы хотели, но не умели говорить, и что мы должны были бы сказать, навсегда останутся в нашей благодарной памяти...

Что же влекло нас в этот мир? Наука и только наука — отвечает современник Ф.А. Степуна, подвизавшийся не в Гейдельберге, а в Марбурге:

«Если ходячая философия говорит о том, что думает тот или другой писатель, а ходячая психология — о том, как думает сред-

ний человек; если формальная логика учит, как надо думать в булочной, чтобы не обсчитаться сдачей, то Марбургскую школу интересовало, как думает наука в ее двадцатипятивековом непрекращающемся авторстве, у горячих начал и исходов мировых открытий. В таком как бы авторизованном самой историей расположении, философия вновь молодела и умнела до неузнаваемости, превращаясь из проблематической дисциплины в исконную дисциплину о проблемах, каковой ей и подобает быть»[4].

Но вот: перечитывая воспоминания Пастернака о Марбурге и воспоминания Ф.А. Степуна о Гейдельберге, ясно видишь различие этих двух знаменитых школ. Марбург (Коген, Наторп) весь захвачен пафосом чистой науки; к жизни (к «психологизму») он скорее равнодушен: критика *чистого* разума, критика *чистой* воли, критика *чистого* чувства...[5]

«Жизнь есть метафизическая связь трансцендентальных предпосылок... они — не жизнь, а тень суждений» — (так характеризовал марбургскую философию Андрей Белый[6]); или «никто, мыслящий о ничто» — по словам о. С. Булгакова. В Гейдельберге — совсем иное; конечно, это тоже неокантианство; но все оно обращено к жизненным ценностям, к воле к их созданию, к творчеству — в конечном итоге — к культуре. В этом последнем понятии — разгадка всего. Думая о нашем прошлом, спрашивая себя, что влекло нас в Германию, чем пленяла нас Европа, мы неизменно приходим к тому же ответу: своей культурой. Эрн упрекал нас в том, что мы духовную культуру Востока подменили технической цивилизацией Запада; о. Сергий Булгаков писал:

«Пришла новая волна упоения миром... первая встреча с Западом, и первые ее восторги: “культурность”, комфорт, социал-демократия...»

Мне думается, что дело здесь не в «комфорте». Читая воспоминания о Гейдельбергской жизни Ф.А. (равными им по красочности являются только строки «Охранной грамоты» Пастернака), вспоминая собственную жизнь, видишь, что ни о каком особенном комфорте здесь речи нет. Жизнь в студенческой среде в Германии, вероятно, была даже проще, беднее, чем жизнь нашего круга людей в дореволюционной России. И все же прав был Достоевский, когда писал:

«Святая Русь страна деревянная, нищая и... опасная, страна тщеславных нищих в высших слоях своих, а в огромном большинстве живет в избушках на курьих ножках»[7].

Но этой русской безотрадности мы противопоставили отнюдь не «каменное строение» Европы, в которой еще есть на что опереться (там же), а идею культуры, понятой как достоинство че-

ловеческой личности, как благоустроение жизни, как свободу и инициативу творчества — все начала, господствовавшие, как нам казалось, в жизни Европы... Я думаю, что притягательная сила культуры, как духовного и материального устроения жизни, была сильна и у Достоевского (который вообще по отношению к Европе был несправедлив и пристрастен, знал ее к тому же поверхностно): как он описывает жизнь в Эмсе, восхищаясь трудовой дисциплиной девушек, подающих больным минеральную воду, и немецкой прислуги, работающей так, «как у нас не работают»!

«Здесь каждый принял свое состояние так, как оно есть, и на этом успокоился, не завидуя и не подозревая, по-видимому, еще ничего — по крайней мере в огромнейшем большинстве. Но труд, все-таки, прельщает, труд установившийся, веками сложившийся, с обозначившимся методом, с приемами, достающимися каждому чуть не со дня рождения, а потому каждый умеет подойти к своему делу и *овладеть* им вполне»[8].

А все очарование Версилова не является ли результатом его «европеизма», как «единственного европейца» среди ограниченных национализмом враждующих народов?.. Может быть, лучшим определением того, что нас влекло в Германию и чему мы ехали туда учиться, будет любимое слово Достоевского, которое он употреблял в совершенно ином контексте: *благообразие* жизни. А сюда входит и трудовой принцип, и дисциплина воли, и известный интеллектуальный уровень, и общие условия жизни, и все вообще, чем нас пленила и пленяет Европа, несмотря на все разочарования в ней, о которых так глубоко и остро писали и Герцен, и Леонтьев, и Толстой и которые так больно ударили и по нашей психологии и продолжают нас бить, начиная с 1914 года и по наши дни...

В этой нашей устремленности к культуре был, однако, один большой пробел, вернее, односторонность. Европа являлась нам в своем немецком аспекте; Германия была для нас не только представительницей Европы, но едва ли не заслоняла собою другие лики Европы — французский, английский, итальянский, испанский — не менее значительные, чем германский. Эта аберрация была очень распространенной; как уже было отмечено, укажем на описку такого глубокого ума, как о. Сергия (тогда профессора Сергея Николаевича) Булгакова. В своем предисловии к «Свету Невечернему» он пишет: «С тех пор, как Петр прорубил свое окно в Германию...» (sic!) и далее сетует на «засилие» Германии над русской душой. И правда — все мы ехали учиться в Германию, все мы увлекались неокантианством; и никто не думал и даже не знал имен Леона Блуа, Шарля Пеги, Маритена...

Но для чего пишу я об этом, говоря о Ф.А. Степуне? Для того, чтобы показать его философское становление и определить (насколько это возможно) духовный генезис его личности и деятельности. А в структуре его души и творчества европейская и в частности германская традиция имеют огромное значение и, можно сказать, определяют собой его духовный лик. Он — европеец в лучшем смысле этого слова, он — представитель западной культуры, западного трудолюбия, западной честности и ответственности, и эта печать лежит на всем, что он делал, говорил и писал. С полным правом он может повторить слова Достоевского: «Мы во всяком случае и прежде всего джентльмены»[9].

Однако эта «апология от культуры» (понятой при этом в качестве духовной силы и идеального устремления) не является ответом на упрек В.Ф. Эрна: «просмотрели Россию, не поняли, не увидели ее святости, которая в существе своем культурнее всякой культуры...» Но здесь имеются смягчающие обстоятельства. О культурности православия легко говорить теперь, когда о. Сергий Булгаков, о. Павел Флоренский и вся славная плеяда русских философов «серебряного века» уже прошла «трудный путь от православия к современности и обратно»[10]. Но ведь тогда этого не было! Тогда только редкие голоса (Гоголь, Федор Бухарев, Достоевский) говорили о том, что потом получило наименование «Православной культуры». Это словосочетание казалось еще столь неожиданным и странным, что даже в 1923 году берлинский издатель сборника «Православие и культура» (задуманного о. Василием, тогда профессором В.В. Зеньковским) ездил по разным «экспертам», справляясь, можно ли ставить рядом эти два слова. А когда в 1928 году мне пришлось читать доклад о «Православной культуре» на одном международном съезде, то один видный греческий богослов иронически спрашивал меня: «Что же, вы будете говорить нам о православных локомотивах и православных автомобилях? Культура может быть только одна — общечеловеческая; и православию до нее дела нет...» Мне пришлось объяснять ему, что культура и техника две вещи разные, что культура есть система ценностей (а не просто знаний и навыков), что если нельзя говорить о православных автомобилях, то можно говорить о православном отношении к автомобилям и к той духовной свистопляске, которая видит смысл жизни в быстроте движения и в преодолении пространства[11].

Этим дело не исчерпывается: в нашем историческом отрезке православие и культура находятся не только в состоянии «развода», но часто рассматриваются как начала, друг с другом несовместимые и друг другу враждебные. И на этом фронте идет ожесточенная и разнообразная борьба: церковники поносят культуру

(имея главным образом в виду ее представителей — интеллигенцию), «интеллигенты» отвечают обличениями церковной действительности в дикости и непросвещенности. И только небольшая группа «церковной интеллигенции» — людей, для которых понятия *культа* и *культуры* принадлежат к одному корню не только филологически, но и жизненно — ведет борьбу не отрицательную, а положительную, не разрушительную, а созидательную, отстаивая единство веры и знания, Церкви и всех областей культуры и утверждая всеобъемлющую полноту христианской жизни... Но борьба эта — упорная и жестокая, и коренится она не в фактических данных, а в духовных установках: в недоверии, в предвзятости, в подозрительности и т. п. И ведется она с переменным успехом в разные периоды и на разных участках фронта. В годы нашей молодости возможности «встречи» только намечались (удача и прекращение «религиозно-философских собраний»); но те, кто верил в возможность не только «народного» (вернее, «простонародного») православия, все же не могли не применить к себе стиха Мережковского:

Дерзновенны наши речи,
но на смерть обречены
слишком ранние предтечи
слишком медленной весны...

В связи с этим можно ли удивляться тому, что в жажде «культуры» мы обращались туда, где нам ее давали «в готовом виде»; в Церкви, которая ее создала и в каком-то смысле хранила, ее надо было «открывать», расчищая древние фрески и иконы, угадывая в крюках красоту старинных распевов, вычитывая в творениях отцов ответы на вопросы социальной жизни, отыскивая в богослужебных текстах истины гносеологии, этики, космологии. В то время эта работа только начиналась; но надо признаться, что и сейчас она является для нас более «проектом» и «планом», чем расчищенной картиной или отрытым в земле дворцом... В нашем увлечении западной культурой мы были жертвами той исторической трагедии, вследствие которой «Пушкин не знал Св. Серафима, а Св. Серафим не знал Пушкина»[12].

Но будучи «жертвами», мы оказались и «водоразделом». Ибо на культурно-неокантианских, нейтрально-благожелательных позициях удержались очень немногие. Путь большинства из нас определился к христианству и в этом мы видим «не наше, не смутные мерцания настроений, не “имагинацию”, но голос истории — превозмогающую силу Церкви»[13]. Однако сила эта про-

никла и проработала наше сознание не одинаково, и это определило различие типов русской религиозно-философской мысли. Почти все мыслители этой школы, или, вернее, этого направления — православные, в смысле их фактической принадлежности к Церкви. Но что касается их мысли, то некоторые из них целиком вдохновлялись православным вероучением, другие обращались к великим христианским мыслителям вне зависимости от их вероисповедания; некоторые чувствовали себя ответственными перед церковным сознанием, другие ощущали себя «свободными теософами» (выражение Н.А. Бердяева). Были, наконец, и такие, которые вполне отожествили себя с церковным сознанием и говорили, учили и обличали от имени Церкви...

Ф.А. Степун принадлежит к средней группе. Он убежденный христианин; он принадлежит к православной Церкви, но православие является для него одной из форм вселенского христианства. С некоторым приближением можно сказать, что православие является для него — «вероисповеданием», а не «Церковью». А Церковь — шире вероисповедания. В этом смысле он остается верным заветам Вл. Соловьева, который всегда боролся против провинциализма «греко-российства» и в своем искании вселенского христианства предвосхитил современные движения экуменизма. Можно поэтому сказать, что Ф.А. является христианином «убежденным», а не «бытовым»; и это обстоятельство имеет в его творчестве очень большое значение. Ибо он внес в свое христианское миросозерцание ту честность мысли и ту бескомпромиссность нравственной воли, которые так сильны в кантианстве всех оттенков. И это придает его писаниям и словам совершенно особую силу и значительность: слова у него не расходятся с делом; и компромиссов (которые часто шокируют нас в «бытовом исповедничестве») он не допускает. Христианство для него — не система теоретических истин и не институт Церкви, а жизнь, существование (слово это не передает характера термина Existenz, каковым он пользуется, противополагая безбожие христианству).

В этом смысле о нем можно сказать, что он не забыл и не изменил ничему *доброму*, чему его учили в Гейдельберге, но вознес все это на высшую ступень религиозного сознания, соединив восточное вдохновение с западной принципиальностью и показав на примере, по каким путям может плодотворно идти экуменический синтез.

Мы уже упоминали о его верности заветам Вл. Соловьева. Большой портрет последнего висит в его рабочем кабинете. Для меня каждая встреча с проникновенными глазами этого «рыцаря-монаха»[14] является подлинным переживанием. Ведь все мы в молодости увлекались Соловьевым, «шли за ним»[15]. И у всех нас висел

этот портрет... Но затем увлечения молодости прошли, и многое в Соловьеве подверглось преодолению, переработке, изменению. Но первая философская любовь осталась в душе, как благоуханное воспоминание о первых восторгах мысли, о первых взлетах души в горний мир созерцаний. И вот, входя в комнату Ф.А. и видя знакомые черты Соловьева и слыша голос самого хозяина, верного свидетеля этих прошедших годов, молодеешь, просветляешься и чувствуешь, что твоя душа снова раскрыта для философии, снова жаждет мудрости Слова, забывая обо всех разочарованиях долгой жизни. И не в этом ли тайна вечной молодости самого Ф.А., над идеализмом которого как будто не властно время — ибо знания и опыт не убили в нем юношеского энтузиазма, которым он стихийно заражает каждого, кого встречает на своем жизненном пути.

II

Для людей нашего поколения определяющей школой жизни была война. Ф.А. Степун не только пережил ее в качестве офицера-артиллериста, участвовавшего и в боях, и в отступлениях, и в вынужденном лежании в лазарете, но и осознал весь ее трагизм с точки зрения личной судьбы отдельного человека, культурного одичания целых народов и, наконец, метафизически — как страшного явления жизни, своего рода рока, перед которым человеческая мысль изнемогает и остается в недоумении и растерянности. Все это нашло место в его небольшой книжечке, скромно озаглавленной «Из писем прапорщика-артиллериста», прекрасно написанной и чрезвычайно богатой по своему содержанию. Книжку эту можно бегло прочитать, но ее можно и изучать, ибо в ней содержатся не только художественные описания фактов (а картины, рисуемые автором, остаются в памяти навсегда), но целая философия — жизненная проверка всего, что Ф.А. передумал и перечитал в годы своего «учения». И поскольку война означала вечное передвижение с места на место и от одной человеческой души к другой, можно сказать, что эта книжка содержит в себе рассказ о годах странствий (Wanderjahre), сменивших годы учения (Lehrjahre) современного нам Вильгельма Мейстера...

Три указанных плана, которые мы различаем в этой книге, соответствуют трем началам, о которых нам говорил наш учитель Виндельбанд: лично — биографическому, национально — культурно-историческому, и «прагматически» — вневременному и философскому. Первый касается жизни и судьбы самого Ф.А.; о них более подробно и систематически рассказано в его воспоминаниях. Но целый ряд замечаний о том, что он испытывал на

войне, представляет собой огромный психологический интерес. Приведем два примера:

Во Львове, в нарядном ресторане, в котором «мы топтали голубые ковры грязными походными сапогами», сосед по столу — «вынимая изо рта прекрасную сигару, изредка взглядывал на нас и на лице его сказывалось чувство безусловного превосходства над нами. Я посмотрел на себя в зеркало и почувствовал, что он прав: на меня смотрел краснорожий микроцефал с тупым выражением большой физической усталости в глазах — и больше ничего. Конечно, война громадная вещь, громадная проблема, громадное переживание — но эта проблема до поры до времени мною куда-то складывается. Я же сейчас туп, глух, глуп и замкнут. Душа лежит в груди, свернувшись ежом: извне неуязвимая, внутри снулая».

И сейчас же (то есть меньше чем через месяц, следуя датировке писем):

«Шрапнели продолжали рваться вокруг нас. Основное настроение этой минуты — безусловная и наивная радость. До чего противоречиво существо человека! Решительно можно сказать, что себя самого человеку никогда не понять. Бой — который я отрицал всем сердцем, всем разумом и всем существом своим, меня радует и веселит, веселит настолько, что, впадая в несколько преувеличенный и ложный тон, я не без основания мог бы воскликнуть, что бой для мужа — все равно что бал для юноши. Хотя, конечно, надо заметить, что наш первый бой был вряд ли одним из тех боев, что составляют и сущность и ужас войны...»

Эта неожиданность и непонятность собственных реакций на происходящее становится понемногу основной установкой Ф.А. по отношению к той реальности, которую можно воспринимать и передавать, но о которой нельзя «философствовать».

«Хуже всего (пишет он) ужаснейшая ложь нашей идеологии. “Отечественная война”, “Война за освобождение угнетенных народностей”, “Война за культуру и свободу”, “Война и св. София”, “От Канта к Круппу”[16] — все это отвратительно тем, что из всего этого смотрят на мир не живые, взволнованные чувством и мыслью пытливые человеческие глаза, а какие-то слепые бельма публицистической неточности и философского доктринерства...»

И он приводит ряд отвратительных примеров того, что он сам видел на войне и что непосредственно производимым впечатлением способно опровергнуть все аргументы, пытающиеся философски понять и осмыслить происходящее.

Но в одном он не прав: его гнев (справедливый по существу) заставляет его сплеча осуждать всех, кто вообще думает о войне, может быть ошибаясь в ее современной оценке, но безусловно честно стре-

мясь проникнуть в глубь времени и выяснить основные линии человеческой истории. Если держаться только фактов (которые нудят нас к благоговейному молчанию), то теряет смысл всякая историософия, а следовательно и принципиальная политика. С большим блеском и острой иронией описывает он заседание Московского религиозно-философского общества. Под условными буквами N, X, Y и т. п. мы легко узнаем и докладчика — С.Н. Булгакова, и других корифеев Московской школы — Е.Н. Трубецкого, В. Ф. Эрна и других.

«Мое появление на костылях вызвало по отношению ко мне громадный приток ярко выраженных симпатий, но... видел бы ты, как быстро эта прибойная волна отхлынула от меня, как только выяснилось, что я не ранен, а выброшен из саней. Мне кажется, что если бы я умер от моей ноги, мне все равно не простили бы такой ненарядной смерти... Прения по докладу затянулись далеко за полночь и мне было на этот раз определенно тяжело и неприятно их слушать. Все время перед глазами стояло озеро Бабит и бурые болота боевых участков под Ригой. Куда-то проходили цепи серых сибирских стрелков, все время в ушах трещали пулеметы, раскатывались орудийные выстрелы, стонали раненые — и не ладно врывались во все это на все лады произносимые слова о святой Софии... Несколько дней спустя после доклада я был у X и застал там профессора референта. Говорили почти все время на темы реферата. Многое, что в публичном заседании меня определенно коробило, производило в уютной и одухотворенной квартире поэта гораздо более приятное впечатление.

В этот вечер я узнал между прочим главную причину нашей войны с немцами. По словам Y, она заключается в том, что Лютер отверг культ Богоматери, на что, конечно, нельзя возражать указанием, что половина Германии католична; X же видит причину в том, что Гретхен не замолила греха Фауста. Наши сибиряки кончают таким образом молитву Гретхен и спасают душу Фауста. Я знаю, что обо всем рассказываю тебе несколько односторонне, и заранее соглашаюсь, что в формуле X есть и своя глубина, и своя красота, и своя историко-философская правда. Но все же мне сейчас глубоко чужд такой метод мышления. Реальность войны, реальность вещей и сущностей так властно стоит передо мной в последнее время, что я решительно отказываюсь рассматривать войну как дополнительную молитву Гретхен. Все это полно блестящей талантливости и субъективной виртуозности, но все это не то пред лицом суровой, трагической действительности. Гадает X “по звездам”, но иной раз я боюсь, что все его ослепительные формулы в конце концов лишь прожекторы, заливающие искусственным светом сложно отточенные грани его изощренной личности»[17].

Своеобразный русский ум, —
Как пламень русский ум опасен:
Так он неудержим, так ясен,
Так весел он — и так угрюм.
Подобно стрелке неуклонной,
Он видит полюс в зыбь и муть;
Он в жизнь от грезы отвлеченной
Пугливой воле кажет путь.
Как чрез туманы взор орлиный
Прослеживает прах долины,
Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле...

(*Кормчие звезды*, стр. 77).

Мы привели эту длинную цитату и стихотворение В. Иванова потому, что они чрезвычайно характерны для того положительного влияния, которое имела война на душу русских мыслящих людей. Она знаменовала собой обращение от переутонченной «отвлеченной грезы» к «реализму действительной жизни» (выражение Достоевского). Об этой бесполезности жизни, превращенной в систему символов и проблем, с большой болью и горечью писал еще Блок (в 1908):

«Все эти образованные и обозленные интеллигенты, поседевшие в спорах о Христе, их супруги и свояченицы в приличных кофточках, многодумные философы и лоснящиеся от самодовольства попы знают, что за дверями стоят нищие духом, которым нужны дела. Вместо дел — уродливое мельканье слов... А на улице — ветер, проститутки мерзнут, люди голодают, их вешают; а в стране — “реакция”; а в России жить трудно, холодно, мерзко. Да хоть бы все эти болтуны в лоск исхудали от своих исканий, никому в свете, кроме “утонченных натур”, ненужных — ничего в России бы не убавилось и не прибавилось!..» («Религиозные искания» и народ).

Все это характеризует эпоху и проблематику, в которых жил и к которым был причастен Ф.А. И большой его заслугой, доказательством «огнеупорности» его души является то, что во всей этой безобразной «разваливающейся людской каше» (Блок, там же), он не потерял ни чувства реальности, ни здравых оценок и вместе с тем не изменил «кормчим звездам» религии, смысла, красоты... А ведь в синтезе этих двух начал, вернее, устремлений — смысл и современной проблематики, трагедия современного человечества, двоящегося между абстрактным искусством и практическим строительством и накоплением. С полным правом можно повторить в наше время карикатурные слова Степана Трофимовича Верховенского:

«Знаете ли вы… что без науки можно прожить человечеству, без хлеба можно, без одной только красоты невозможно, ибо совсем нечего будет делать на свете! Вся тайна тут, вся история тут! Сама наука не простоит минуты без красоты — обратится в хамство, гвоздя не выдумаете!.. Не уступлю!» (Бесы, том II, часть III, главы I—III).

Мечта и красота получили в жизни и творчестве Ф.А. особую и специальную форму в его любви к театру (См. его книги «Основные проблемы театра» и «Жизнь и творчество»). О силе этой любви к иному говорят некоторые страницы и военных воспоминаний. Так — Новый год на войне, в австрийской деревне:

«О маске, мечте и соблазне была сегодня моя новогодняя речь. Когда я ее говорил, мою душу заметала метель, в снежном тумане проносилась тройка, сквозь прорезы маски на меня смотрели чьи-то давно мне знакомые, где-то за пределами жизни виданные мною глаза[18]. Звон глухих бубенцов сливался со звоном бокалов, а над всем этим миром лилась странная сладостная тревожная песнь. Было бесконечно грустно и бесконечно весело, ошеломляло и удивляло то, что удивительна вовсе не война, а эта вечная мелодия Нового года, и в душе восходила радость, что мир крови и лжи отступил перед миром великой и безбрежной лирической стихии…»

Но такая победа в поэзии возможна только в редкие минуты затишья. А в остальном: война — это

«Ночь, дождь, глина, мокрые ноги, горячий затылок, лихорадочная бредовая тоска о прошедшем и сладкая мечта о грядущем, проклятие безответного повиновения и проклятие безответственного приказания, развратная ругань, “мордобитие” перед атакой, отчаянный страх смерти, боль, крики, ненависть, одинокое умирание, помешательство, самоубийство, исступление неразрешимых вопрошаний: почему, зачем, во имя чего? А кругом гул снарядов, адские озарения красным огнем… Война есть безумие, смерть и разрушение, потому она может быть действительно понята лишь окончательно разрушенным душевно и телесно — сумасшедшим и мертвецом. Все же, что можем сказать о ней мы, оставшиеся в живых и в здравом уме, если и не абсолютно неверно, то глубоко недостаточно».

Этим смиренным признанием границ человеческого слова и человеческого суждения о грозной и таинственной реальности заканчивается книга.

III

В 1947 году под заглавием «Прошедшее и непреходящее»[19] вышли (по-немецки) три тома воспоминаний Ф.А. Степуна. Впоследствии эта замечательная книга появилась и по-русски под

заглавием «Бывшее и несбывшееся» (в Чеховском издательстве, в Нью-Йорке, т. I и II). Написанная в виде воспоминаний, она далеко выходит за пределы простого повествования и является исключительным по своей яркости монументом, отражающим целую эпоху русской жизни.

Сначала два слова о ее форме. Ф.А. любит противополагать два понятия: «глаза» и «точки зрения». (Он озаглавил так одну из своих статей, об этом же он говорит и во втором томе на стр. 123, а мы слышали это противоположение и в его устной беседе). Его книга является лучшим объяснением того, что он хочет этим сказать: когда смотришь на жизнь с какой-либо «точки зрения», то видишь не саму действительность, а только то, что в ней хочешь видеть; в результате возникает картина, которую можно назвать стилизацией, препаратом. Если же начнешь на ту же жизнь смотреть «глазами» (но для этого надо их иметь), то она предстанет во всей своей подлинности, конкретности, непосредственности и оригинальности. И тогда центр интереса перемещается в то, что видишь... Этим даром «живого глаза» Ф.А. обладает в высшей степени. Он видит то, чего другой бы не увидел, мимо чего прошел бы не заметив (в этом отношении его дар можно сравнить с единственным даром В.В. Розанова). Поэтому все, о чем он пишет — живет; все в его описании — ярко, увлекательно, интересно; все приковывает внимание, возбуждает симпатию, запоминается, как собственное переживание. Прочитав его книгу, во-первых, жалеешь, что кончил чтение, а во-вторых, — что не сможешь снова прочесть ее в первый раз...

Искусство это, однако, объясняется не только способностью «видеть». Для того чтобы приобщить к этому «видению» читателя, надо еще уметь рассказать о виденном; и здесь сказывается другой — словесный — дар автора: он — замечательный стилист. Несколькими словами, двумя-тремя чертами он рисует портрет, живописует пейзаж, рассказывает событие и притом так, что читатель чувствует себя не зрителем, не слушателем, а участником той жизни, о которой идет речь. Поэтому воспоминания Ф.А. Степуна читаются с неослабным интересом: взяв книгу в руки, не выпускаешь ее, пока не прочтешь до конца... Все это относится к форме; но не менее значительно и содержание. Оно охватывает целое полустолетие русской жизни, причем описывается очень различная среда: жизнь Ф.А. Степуна была очень богата впечатлениями. Сначала мы видим русскую деревню и фабрику (которой управлял отец автора); затем — детство и школьные годы в Москве; военная среда в провинции (отбывание воинской повинности — своего рода русский Sturm und Drang). Потом годы

учения в Гейдельберге, быт русского революционного студенчества на фоне благоустроенной буржуазной Германии. Возвращение в Россию, лекционные поездки в отдельные города (даже в Туркестан и на Кавказ), жизнь обеих столиц до 1914 года; Первая мировая война... Второй том посвящен революции (две главы: февраль и октябрь), политической работе в армии и в центре, затем — жизнь во взбаламученной деревне, и наконец — в эмиграции. В трактовке этого богатого материала сказывается широкий духовный диапазон автора. Все три плана жизни: лично-биографический, культурно-исторический и вневременно-философский находят в воспоминаниях Ф.А. свое место.

1) Воспоминания являются первым долгом автобиографией. Ф. А. пишет откровенно и порою даже страстно. Его повествование столь непосредственно и интимно, что близким становится не только он сам, но и те, о ком он с такой любовью пишет: его мать, его жена, его братья, его юношеские увлечения. При этом он не боится признаваться в своих ошибках, делится своими сомнениями, но нет в нем и ложной (почти что всегда неискренней) скромности: он говорит о себе, как о «я», а не как о каком-то постороннем «он».

2) Описать по-настоящему «канунную» Москву — значит написать историю русской культуры, говорит Ф.А. (I, 255). Но книга его и есть очерк русской культуры и при этом такой яркий и полный, что мы по нему ощущаем самую плоть русской жизни. И хотя книга Ф.А. Степуна не претендует быть исследованием, а только «материалом для будущего историка» (стр. 8), лучшего «введения» в историю русской культуры конца XIX и начала XX в. я не знаю.

3) Сам Ф.А. Степун писал свою книгу не только как историк: он хотел быть в ней и социологом, и психологом, и философом. Поэтому в ней много рассуждений, диагнозов и прогнозов русской жизни — всегда интересных, будящих мысль, волнующих чувство, но часто спорных. Книга Ф.А. Степуна легко может стать отправной точкой для интересного спора; мы и находим таковой в 46-й книжке «Нового журнала», в статье М.М. Карповича «Комментарии», в конце которой он говорит:

«Я вижу, что своему несогласию с Ф.А. С[тепуном] я уделил непропорционально много места; думаю, впрочем, что это почти неизбежно: о согласии можно просто заявить, несогласие же приходится обосновывать. К тому же воспоминания Ф.А. С[тепуна] так задевают за живое и поднимают столько “самых важных вопросов”, что спорить с ним очень интересно и для спорящего очень полезно» (стр. 237).

Вполне присоединяясь к этим словам, я хотел бы указать и на иную возможность восприятия «спорных» мыслей автора. Эта возможность прекрасно формулирована в словах Шарля Пеги:

«Настоящие философы знают, что они стоят не друг против друга, а рядом друг с другом — оба рядом — перед одной и той же действительностью, всегда более таинственной и непостижимой (чем их мысли)... Поэтому речь идет совсем не о том, чтобы "убедить противника" (в "убедить" всегда звучит "победить"). Будем лучше искать не ту мысль, с которой мы согласны, а ту, которая более глубока или более внимательна или — еще лучше — более благочестива, строга и свободна. В особенности же будем стремиться оставаться верными жизни: это выше всего...»

Переводя эти мысли на язык Ф.А. Степуна, можно сказать, что, становясь на путь спора, мы неизбежно начинаем говорить о «точках зрения» и переносим центр тяжести на наше убеждение. Если же мы встанем на путь объективного познавания (и любования) и, оставив на время наши оценки, будем только смотреть (глазами!), то мысль другого предстанет нам не как объективная истина, но как некий образ созерцания и понимания, который имеет свое значение и смысл, даже если мы с ним не согласны. Следуя этому пути, я воздержусь здесь от спора с Ф.А. по вопросу, который меня особенно сильно задевает (о возможности христианской философии); обсуждение его могло бы стать темой особой статьи или даже целой книги (подобной работе Roger Mehl'я — La situation du philosophe), но тогда мне бы пришлось говорить о самой вере и о философии, а не о взгляде Ф.А. Степуна...

Спорность философских положений в книге Ф.А. не позволяет мне отнести их к третьему виндельбандовскому плану — вневременно-философскому. В своих мыслях Ф.А. остается сыном своего времени и его диагнозы принадлежат поэтому к плану культурно-историческому. Но есть в его книге и «вечное», то, что останется и чему можно будет у него учиться и тогда, когда все исторические оценки и перспективы в корне изменятся. Это — его отношение к людям и к событиям, которое я считаю глубоко христианским — не по сознательному убеждению, не по волевой направленности, а по самому его существу, по его природе.

«Есть дурной и хороший глаз» — писал Блок. Глаза Ф.А. не только дальнозорки и остры — они хороши, потому что они умеют видеть доброе — даже там, где его как будто нет. В его характеристиках самых разнообразных людей мы почти не встречаем осуждения. Это не сентиментальное благодушие: он умеет говорить очень острые слова (ср., например, его характеристики М.М. Филоненко, II, 149, или военного министра генерала Вер-

ховского, II, 182). Но характеристика никогда не становится под его пером осуждением и в большинстве случаев он пишет о том добром, что он в человеке увидел. В этом сказывается его огромная доброжелательность и его человечность. Он любит людей, любит жизнь, а любить можно только то, что прекрасно и добро; но для этого нужно его видеть; и в этом ясновидении добра он достигает порой подлинного пафоса. Возьмите его характеристику страшных лет голода и террора, когда, по его словам, «сердце каждого человека билось не в собственной груди, а в холодной руке невидимого чекиста» (II, 203). Вот как он описывает духовную сущность пережитого:

«Не только верующим, но и неверующим становилась понятной молитва о хлебе насущном, так как вся Россия, за исключением большевистской головки, ела свой ломоть черного хлеба, как вынутую просфору, боясь обронить хоть крошку на пол. Тепло, простор, уют исчезли из наших квартир, но в новых, часто убогих убежищах, глубже ощущалось счастье иметь свой собственный угол, крышу над головой. Маленькие железные печурки, по прозванию "буржуйки", вокруг которых постоянно торчали холод и голод, благодарно и первобытно ощущались почти что священными очагами жизни. По всей линии разрушающейся цивилизации новый советский быт почти вплотную придвигался к бытию. Становясь необычайным, все привычное своеобразно преображалось и тем преображало нашу жизнь... Всем нам становилось по-новому ясно, что есть любовь, дружба, чем поэт отличается от версификатора, подлинный философ от профессора философии, герой от позера и коренной русский человек от случайного по Руси прохожего...

Жизнь на "вершинах" становилась биологической необходимостью... Без веры в свой долг, в свою звезду, в свою судьбу, в Бога нельзя было трястись в тифозном вагоне за хлебом для стариков и детей, нельзя было быть уверенным, что близкий человек не предаст тебя на допросе и что ты сам скорее умрешь, чем предашь его. Так всякий час, всякий взор, всякий жест наполнялись предельной серьезностью и первозданным значением» (II, 204—205).

Эту способность видеть добро в людях, в событиях, в природе — вопреки всему, что его скрывает и затемняет — я считаю самой ценной и непреходящей чертой в творчестве Ф.А. Степуна. Благодаря ей книга его приобретает огромную духовную назидательность — в буквальном смысле этого ответственного слова: она помогает нам созидать наш дух, сохранять в нем образ Божий, обуреваемый соблазнами, которые несет с собой наше страшное время.

И книга его, которая не претендует быть ни трактатом по аскетике, ни проповедью христианства, на самом деле является жизненным свидетельством того, что «Свет во тьме светит и тьма не объяла его» (Иоан. I, 5).

IV

Христианин, ученый, художник, политический деятель, борец за правду — все эти стихии Ф.А. Степуна слиты воедино в его книге о большевизме и христианской жизни[20]. К сожалению, книга эта вышла только по-немецки, и только несколько ее глав были напечатаны в русских повременных изданиях[21]. Это обстоятельство заставляет нас дать русскому читателю не краткую рецензию, а более подробное изложение ее содержания, чтобы ознакомить его с высказанными в ней мыслями Ф.А.

На первый взгляд кажется, что его книга состоит из независимых один от другого этюдов. Более вдумчивое отношение к ней показывает, однако, единство замысла и внутреннюю связь затронутых автором вопросов. Это единство в значительной мере определяется самочувствием и самосознанием автора: 1) как русского европейца, 2) как христианина, 3) как ответственного за свои слова и выводы ученого.

Чрезвычайно важным является то обстоятельство, что Ф.А. Степун — общепризнанный авторитет в немецкой науке; это придает его «русскому европеизму» совершенно особую значительность и убедительность. Однако автор прекрасно знает и о тех предубеждениях, с которыми ему придется бороться. Он пишет:

«Если кто-нибудь позволит себе высказать предположение, что все культурные связи Советской России являются искусственными маневрами, входящими в состав общего стратегического плана, и отнюдь не означают отказа от идейного миссионерства, то его сейчас же объявят сторонником русского мифотворчества добольшевистской эпохи, и отношение к нему будет полупочтительным, полунасмешливым» (стр. 10).

Имея это в виду, он спрашивает себя сам: возможно ли для русского («каждый русский чувствует себя в каком-то смысле виновным в русской трагедии», пишет он) объективное отношение к большевизму? И отвечает: да, возможно, если относиться к предмету своего изучения с должным вниманием и объективностью. Последнее автором безусловно выполнено: в этом главная ценность его книги. Это, однако, не все: обычная, общепринятая социологическая научность зиждется, обыкновенно, на внешних фактах, на статистике и учете; автор видит дальше и учитывает то,

что лежит позади явлений: психологию, убеждения, верования. Он враг научного релятивизма и противополагает афоризму Зиммеля о том, что «истина не является относительной только потому, что она сама говорит об отношениях», евангельское — «познаете истину и истина сделает вас свободными». Поэтому и человек для него — не феномен (экономический, психологический, социологический и, даже, религиозный), а образ Божий, как бы затемнен и искажен он ни был... Эти мысли лежат в основании двух первых глав книги: «Социологическая объективность и христианское бытие» и «Борьба либеральной и тоталитарной демократий за понятие свободы».

Следующие две главы, «Немецкая романтика и философия истории славянофилов» и «Россия между Европой и Азией», ставят вопрос о том, какому миру, европейскому или азиатскому, принадлежит Россия. Вопрос этот имеет свою историю; чрезвычайно интересными являются исторические справки о тех западных недоброжелателях России, которые стремились оттеснить ее в Азию; среди последних: французский историк Анри Мартэн (1810—1883) и современный мыслитель и общественный деятель Анри Массис, которого автор сближает с Моррассом (из-за его нетерпимого католицизма) и с Муссолини (по признаку фанатического национализма). Их мысли находят себе своеобразное продолжение и развитие в писаниях евразийцев, во главе с кн. Н. Трубецким.

«Разница между французами и русскими только в том, что русские мыслители особенно высоко ценят именно те характерные черты России, которые являются наиболее неприемлемыми для французов» (стр. 83).

Анализ этих точек зрения является для автора тем трамплином, отталкиваясь от которого он обосновывает свою точку зрения русского европейца. Россия принадлежит к Европе; Византия, которая оформила духовный лик России, не только принадлежит к тому же миру, что и западное латинство, но, более того, лежит в основе последнего. Татарские влияния, как бы глубоки они ни были, являются в русской истории эпизодами; об этом говорит вся русская культура, об этом громко свидетельствуют творения таких русских гениев, которые по справедливости могут считаться полномочными представителями России: Гоголя, Достоевского, Вл. Соловьева.

Эти же мысли автора являются предметом двух следующих глав: «Духовный лик и стиль русской культуры» и «Москва — Третий Рим».

Характерной чертой России, в отличие от Западной Европы, автор считает отсутствие в русской жизни и мысли строгих очер-

таний и твердых форм (это, однако, не является, по его мнению, недостатком, но придает русской культуре особенный характер). Отсутствие отточенных линий отмечается автором всюду: в русской природе (которую лучше всего определить словами «даль зовет»; описанию русской природы посвящены удивительные по своей художественности страницы): в крестьянском хозяйстве, не знавшем до столыпинской реформы земельной собственности, то есть точных границ «своего» участка; в жизни церкви, в которой личное влияние старцев было всегда значительнее канонических определений церковной власти; в русской мысли, для которой «мысль изреченная есть ложь»... Этот стих Тютчева развернут автором в более дифференцированную формулу Киреевского:

«До тех пор, пока мысль остается ясной и способной быть выраженной словами, она еще не может определить собою душу и волю. Только когда она углубляется до невыразимости, может она считаться зрелой и действенной»... [22]

Эта черта внешней неоформленности придает всей русской жизни особую глубину и полет и объясняет очень многое в русском характере и культуре. И если *дух* этой культуры, под влиянием большевизма, претерпевает глубокие изменения, то *стиль* ее остается неизменным. Вследствие этого лик России двоится и одновременно вызывает и большие надежды, и страх, и опасения за ее будущее.

«Москва — Третий Рим»: эта тема, волновавшая русское общество с конца XV века, еще в большей степени волнует сейчас западную науку и мысль[23]. Изучение и разрешение этой проблемы таким мыслителем, как Ф.А. Степун, является поэтому особенно важным. Ему глубоко чужда та — «натуралистически-мифологическая терминология, которая полагает, что большевизм есть псевдоморфоза русской религиозности... я предпочитаю говорить об этой теме, придавая ей этически-религиозный смысл и определять большевизм как грехопадение русской идеи» (стр. 145).

Но проблема «Третьего Рима» этим не снимается и автор показывает, как она возникла и как развивалась и раскрывалась на протяжении духовной и политической истории последних веков. С точки зрения государственной, его внимание привлекают идеологии Иоанна Грозного и Петра Великого, как в чертах их сходства, так и в различиях; с духовной стороны его особенно интересует борьба свв. Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Он признает факт своеобразного цезарепапизма Петровского периода — «мумифицирования церкви, которое способствовало развитию антитеистических демонических сил в псевдоцеркви, иерархически и авторитарно построенной большевистской партии,

которая первоначально ощущала свое призвание и свою программу не только как политическую теорию, но и как благовестие о спасении» (стр. 155).

Условия, в которые было поставлено русское христианство, повели, с одной стороны, к его внемирности, а с другой — к его духовному углублению. И это равнодушие церкви к системе «субъективных публичных прав» (термин Еллинека) дало ей силу и возможность перенести страшное гонение со стороны атеистического государства.

В заключение этой главы автор анализирует современное положение церкви в Советской России, основанное на парадоксальном признании церковью безбожной власти, с одной стороны, и на предоставлении церкви какой-то, пусть ущербленной, возможности существования в социалистическом государстве. Однако идеал Третьего Рима не покидает, по его мнению, церковного сознания и в этом его трагическом положении. Основываясь на некоторых высказываниях представителей Московской патриархии, он полагает, что Московский патриарх и в настоящее время лелеет мечту о возглавлении и руководстве всем христианским миром. Это положение кажется нам более чем спорным, ибо, основываясь на высказываниях, подобных тем, которые автор цитирует, можно было бы воскресить идею не только третьего, но и второго Рима, поскольку православие греков также претендует не только на абсолютную истинность, но и на руководящую роль в христианстве; двуглавый орел является в Греции и в настоящее время наиболее распространенным символом национально-религиозного самосознания, а король и сейчас носит византийский титул Базилевса...

Еще более неприемлемым представляется нам сближение современной мечты о Третьем Риме с идеями Константина Леонтьева (стр. 179). Сходство здесь чисто кажущееся и внешнее: по содержанию — отрицание Запада (хотя индустриализация России является, наоборот, ее дурной европеизацией); по методу — сильная и ни перед чем не останавливающаяся власть. Но Леонтьев мыслил отнюдь не формально: ему нужна была не сильная власть вообще, а власть православного монарха, может быть даже непременно русского православного монарха: «К чему нам Россия не самодержавная и не православная», — писал он. А последним критерием в оценке жизненных явлений у него, во все периоды его жизни, была красота, может быть даже красивость, какой в высшей степени лишена серая будничная жизнь современной России. И если уж ставить вопрос, «с кем» был бы Леонтьев в наши дни, то, несмотря на всю любовь к нему, мы должны предположить, что он, вероятнее всего, оказался бы в рядах зару-

бежной церкви, и притом среди наиболее острых и пессимистических ее представителей, начисто отрицающих все настоящее и живущих ожиданием конца истории... Это, конечно, нисколько не противоречит предположению автора, что Московский патриарх может в своих мыслях и высказываниях вдохновляться гением Леонтьева.

Две главы книги, «Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции» и «Пророческий анализ Достоевским русской революции», посвящены идейному анализу исторических корней большевизма. Автор ставит вопрос о том, кто является подлинным субъектом русской революции, кто ее взлелеял и осуществил. И отвечает: русская интеллигенция, понятая как своеобразный боевой орден, имеющий свою идеологию, свою мораль и свою организацию. Принятая в коммунистических кругах теория о марксистском характере русской революции, т. е. о том, что она явилась восстанием пролетариата против буржуазии, является, по мнению автора, отчасти мифом, отчасти подделкой фактов. Он доказывает это не только ссылкой на то, что в России не было ни пролетариата, ни настоящей буржуазии, но и путем анализа социологических диагнозов России, принадлежащих создателям русского марксизма — Плеханова и (раннего) Ленина. Для того чтобы революция соответствовала требованиям марксизма, пролетариат нужно было создать, и Ленин — «железной рукой заставил крестьян войти в колхозы, в которых они перестали быть крестьянами, но не стали пролетариями, превратившись в крепостных самодержавно управляемого государственного хозяйства» (стр. 87).

Основной социологической проблемой русской революции был скачок из средневековой патриархальной монархии в индустриализированный технический социализм, минуя неизбежный, по Марксу, период дифференциации и борьбы классов и развития политического сознания у пролетариата. Революция явилась поэтому результатом не диалектики истории и экономической закономерности, а, скорее, насилием над естественным развитием России, осуществленным фанатической волей революционной интеллигенции. Определяя последнюю, автор следует Анненкову, который говорил:

«Все мы образуем боевой орден, который не имеет написанного статута, но знает всех своих членов, разбросанных по всей России, и борется, не принуждаемый никем, против государственного порядка; одни его ненавидят, другие его страшно любят».

Анализу природы этого ордена посвящены интереснейшие и поучительнейшие страницы книги; они раскрывают его

культурно-политическое кредо (Европа и Свобода, борьба с самодержавием, вера в революцию), его моральный характер (абстрактная идейность и беспредельная жертвенность), его тактику (характеристика террора народовольцев, столь отличного от большевистского террора); в заключение автор дает яркую характеристику идеологов и вождей ордена: Ткачева, Нечаева, Бакунина.

Контуры революции расширяются, и она предстоит нам как огромная, страшная разрушительная сила — скорее псевдоцерковь, чем партия, скорее миф, чем программа. Результатом этого анализа является убедительное (мы бы сказали даже, научно доказанное) опровержение постоянно встречаемого в западной литературе и науке убеждения, что большевизм является, в сущности, продолжением царского режима; что церковь и при царях была подчинена государству и что то же осталось и при большевизме; что монархия была империалистичной и что коммунисты продолжают ее политику; что свободы в России никогда не было и т. д. и т. д. и что, следовательно, все осталось по-старому. Подобное воззрение (ему на Западе посвящены целые тома) автор считает «безответственно слепым». Он говорит:

«Монархия жила наследием христианской истины; она ее, правда, постоянно нарушала и искажала; поэтому справедливо обвинять монархию в тяжких грехах и возлагать на нее частичную ответственность за появление большевизма. Но именно эти обвинения монархии являются свидетельством о ее укорененности в духе христианства. Ибо видеть и сознавать греховность можно только при условии веры в истину» (стр. 220).

В связи с этим понятно, что современная советская интеллигенция имеет мало общего с прежним интеллигентским орденом. Прежние интеллигенты были «профессионалами идеологических построений и явными дилетантами в практической жизни. Представители советской интеллигенции большей частью только “спецы”». Это противоположение двух стилей национальной элиты ставит целый ряд проблем, которые автор не разрешает, высказывая только одно общее пожелание: «Старая интеллигенция должна воскреснуть, но в новом облике». Это продолжает мысль Достоевского, который своего любимого героя Алешу Карамазова (о нем автор упоминает, заканчивая эту главу) неизменно мыслил и называл «будущим деятелем».

Следующая, предпоследняя, глава иллюстрирует анализ сущности большевизма примерами героев «Бесов» Достоевского. Автор справедливо считает этот гениальный роман наиболее глубоким объяснением русской трагедии. Достоевский мыслил образами, но все его герои воплощают идеи, и в этом отношении

«Бесы» являются не только изображением русской действительности, но и диалектикой таких идей, как свобода, справедливость, власть, за которыми ясно чувствуется сознаваемая и несознаваемая сущность всякой жизни и всякой мысли — отношение человека к Богу, без Которого и вне Которого ему остается только одно: покончить с собой...

Из предшествующего изложения видно, как много тем и вопросов затронуто в книге Ф.А. Степуна. Еще более удивительным является богатство приведенных в ней данных. В книге немного страниц, а впечатление, оставляемое ею — как от большого исследования не только по истории русской культуры, но и по философии культуры вообще. Неудивительно поэтому, что внутренняя диалектика мысли привела автора к последней главе, озаглавленной «Псевдовера большевизма и малодушие западного христианства». С большим мужеством, делая соответствующие оговорки, автор показывает психологическое превосходство новой псевдорелигии, — ложной в своем содержании, но фанатически убежденной в своей истинности и жизненности, — над половинчатостью и неуверенностью современного культурного, утонченного, но усталого христианства. Особенно опасными представляются ему те течения, которые разрывают веру во Христа и веру в Церковь и стремятся или к бесцерковному христианству (он цитирует К. Ясперса) или же принимают церковь как этически культурное установление, но не верят в живого и воскресшего Христа...

Перед лицом нового варварства, которое несет с собой большевизм, пред лицом обесчеловечивания человека и отрицания тех основных начал европейской культуры, которые, — пусть в искаженном виде, — все же являются наследием христианства, автор ставит вопрос о тех принципах, держась за которые можно ожидать нового расцвета вечных истин. К ним он причисляет начала личности, свободы и права. Но он провозглашает их не в той абстрактно-обезличенной форме, каковую они получили в современном демократическом истолковании, а с глубиной и силой, которые придаются им христианским пониманием жизни. И этим исповеданием религиозной веры, воплощаемой в конкретных формах социального мышления, объясняется тот оптимизм, который дает автору возможность, — вопреки всем пессимистическим данным, изобилующим в его книге, — закончить ее оптимистическим аккордом:

«Истина всегда побеждает. Но форма этой победы зависит от человека. Эта форма приобретает положительный характер, когда люди верят в истину и стремятся к ее осуществлению. Она становится отрицательной, если люди слепо и упорно с нею борются.

В этом последнем случае истина побеждает тем, что разрушает и уничтожает то, что ей враждебно противостоит. Эта трагическая форма победы истины, по-видимому, от нас недалека».

(Мосты. 1963. № 10. С. 318—340)

---

[1] Стих Вл. Соловьева.
[2] *Эрн В.* Борьба за Логос. М., 1911. С. 73 и след.
[3] Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 485.
[4] *Пастернак Б.* Охранная грамота.
[5] Заглавия книг Г. Когена.
[6] Сборник «Урна», стр. 60.
[7] *Достоевский Ф.М.* Бесы, том II, глава VI.
[8] Дневник писателя за 1876 г., стр. 330, 332
[9] Преступление и наказание, стр. 579.
[10] Слово о. С. Булгакова в предисловии к «Свету Невечернему».
[11] Ср. по этому поводу проповедь арх. Никанора (Бровковича) «О вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни», произнесенной им в 1885 году при открытии Одесского вокзала. О ней пишет Константин Леонтьев («Восток, Россия и славянство», том II. М., 1885. С. 387), цитируя Православное обозрение, октябрь 1884, что является явной ошибкой, так как само событие помечено 1885 годом.
[12] Слова о. Сергия Булгакова.
[13] *о. С. Булгаков*. В Айя-Софии (в «Русской мысли», 1923, VI—VIII, перепечатано в Автобиографических заметках. Париж, 1946.С. 102).
[14] Так озаглавил свою статью о Соловьеве А. Блок (в сборнике изд. Путь, посвященном Вл. Соловьеву).
[15] Заключительные слова статьи о Вл. Соловьеве С.Н. Булгакова в сборнике «От марксизма к идеализму» (СПб., 1903).
[16] Серия докладов и лекций на тему «Война и культура» (изд. Сытина, Москва, 1915); кн. Е. Н. Трубецкой — Национальный вопрос. Константинополь и св. София; его же — Смысл войны (изд. Путь, М., 1914); от Канта к Круппу — статья В. Ф. Эрна (в сборнике его статей Меч и крест, М., 1915) и т. д.
[17] Характеристика, данная «любимому поэту X», самый стиль его мышления и, наконец, взятые в кавычки слова «по звездам» раскрывают псевдоним: речь очевидно идет о Вячеславе Иванове, «Вячеславе Великолепном», авторе книги «По звездам» (СПБ, 1909). Но ведь и В. Иванову была знакома тоска по реальности:
[18] Это — стихи Блока: «Вот счастие мое на тройке в сребристый дым унесено, летит на тройке, потонуло — в снегу времен, в дали веков»; и — «А под маской было звездно, улыбалась чья-то повесть, короталась тихо ночь».
[19] Vergangenes und Unvergängliches. Bd. I, II, IIIMünchen: Kösel-Verlag, 1947—1950.
[20] Der Bolschewismus und die christliche Existenz. München: Kösel-Verlag, 1959. S. 297.
[21] В «Новом журнале», «Мостах», «Гранях».
[22] То обстоятельство, что эта философская установка отнюдь не является своеобразным «русским чудачеством», но выражает собою определенный духовный тип, явствует из сравнения ее с некоторыми представителями современной французской мысли, принадлежащими антиинтеллектуалистической традиции Бергсона; в особенности см. Ш. Пеги, Ж. Онимюс.
[23] Ср. (немецкие) работы Х. Шедер (Москва — Третий Рим); де Фрис (Москва — Третий Рим); Х. Райнер (От первого до третьего Рима); Э. Саркисьянц (Россия и восточный мессианизм); И. Бохатец (Идеология империализма и философия жизни Достоевского).

Г.Ф. (*Г.П. Федотов*)
Fedor Stepun. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern; Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934

Эта небольшая, блестяще написанная книжечка двояким образом связана с «Новым Градом»: именем автора, одного из его редакторов, и той общностью историко-философских идей, которая его связывает с двумя другими. Об этой связи свидетельствуют и цитаты из их книг в первых главах, дающих схематический портрет старой России: природа, крестьянство, интеллигенция, монархия. Но и здесь, конечно, вклад самого автора весьма значителен, и русский читатель узнает многие из «Мыслей о России», печатавшихся годами в «Современных Записках». Такова основная степуновская интуиция русской религиозности, которая непосредственно связывается им с созерцанием русской земли: как бесконечность (максимализм) и бесформенность (варварство). Большевизм для автора есть «псевдоморфоза», или отрицательная форма этой русской религиозности. В анализе русской революции и особенно идей ленинизма, которому посвящена вторая часть, Степун вполне оригинален и вполне свободен от возможного упрека в схематизме. Убийственно вскрыты все парадоксы марксизма в крестьянской революции, дана мастерскими штрихами философия революции, как таковой, с ее гибелью реакционных и революционных идеологий, и даже нарисован конкретный образ большевистской диктатуры первых лет, беспощадный и правдивый. Ярко вскрытые безумие и мнимость революции, как идеологии, не отбрасывают автора в контрреволюционный стан. По-новоградски он борется против большевизма и слева и справа за новую Россию, трезвую и очищенную страданием, призванную к «примирению идей» на почве, удобренной пеплом «идеологий». Нужно ли говорить о мастерстве, с которым написана книга? Тем из наших читателей, кто знает лишь русского Степуна, скажем, что, по-видимому, немецкий язык дает полную меру всех возможностей его стиля. Этот пьянящий кубок, где философские абстракции играют и искрятся с легкостью, не отнимающей ничего у глубокой, порой трагической серьезности, только и возможен для языка Гёте и Ницше. Степун владеет им как артист и как мыслитель.

Опубликовано: *Г.Ф. (Федотов Г.П.). Stepun Fedor.* Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern; Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934 // Новый град. Париж, 1934. № 9. С. 94–95.

Д.И. Чижевский
Речь о Степуне. К его 80-летию

Дорогой Федор Августович, милостивые государыни и милостивые государи! Конечно, мое слово может быть только скромным вступлением к тому, что мы услышим из уст самого Степуна. Я надеюсь, однако, что мне удастся наметить здесь несколько тем, существенных для всей деятельности Степуна.

Прежде всего надо отметить многосторонность деятельности Степуна, — мы знаем его философские, публицистические, социологические, богословские и поэтические произведения. И мы можем все его произведения считать также поэтическими, если будем помнить о его несравненном даре слова.

При всем многообразии тематики работ Степуна во всех них есть нечто общее: он хочет своим читателям (или слушателям) указать какую-то цель и пути к этой цели. Этой задаче посвящено всегда содержание его писаний и речей, и этой же задаче служит и увлекательная художественная форма, которую он придает этому содержанию.

Степун приехал в 1902 г. как юный студент в Гейдельберг, где в те годы особенно часто звучало слово *«метод»*. Как ученик В. Виндельбанда, в кругу талантливых немецких и русских коллег-студентов Степун занимался теоретической философией, которая говорила в первую очередь о *методе* знания. Скальпель философского метода оттачивали так долго и старательно, что он был в конце концов на практике непригоден: слишком тонкое острие было неспособно резать; наилучший метод оказывается бесполезным, если его нельзя применять. Степун почувствовал очень рано бесперспективность усилий усовершенствования метода. И характерным оказался для него выбор темы для диссертации: это была философия Владимира Соловьева, которую он сблизил с философией немецкой романтики. То знание, к которому стремился молодой студент, должно было быть прежде всего «живым знанием». Стремление к «живому знанию» (о котором говорили и русские славянофилы) обнаружилось особенно ярко в сборнике, который Степун вместе со своими немецкими и русскими товарищами издал под названием «О Мессии». Особенно характерна для Степуна была тонко и изящно написанная статья о немецком романтике Фридрихе Шлегеле. В этой статье Степун особенно подчеркивает словесное искусство молодого Шлегеля и отмечает связь в его афоризмах глубокого теоретического содержания и художественной формы. Стиль Степуна развился в том же направлении к сло-

весному искусству, которое было так свойственно афоризмам молодого Шлегеля.

Но афористический стиль Степуна не сводится к нагромождению остроумных, заостренных, изящных формул, ценность которых подрывается их бессистемностью. Афоризмы Степуна, столь характерные для его стиля, и которых так много в любой его статье и книге, в каждой его речи или докладе, стоят у него в рамках определенной *системы* мыслей и служат для построения новой системы. Он всегда умеет соединить многосторонность отдельных формулировок с единством общего построения.

Многосторонность Степуна часто представляется нам постоянной сменой ролей и физиономий. Я помню старую серию фотографий Степуна (некоторые из них были опубликованы): на них мы видим различные физиономии, начиная с немецкого профессора (притом довольно сухого, скучного типа), и до парня, который легко нашел бы себе место в ночлежке «На дне» Горького. Так называемые «разносторонние» люди по большей части только играют свои различные роли или более или менее искусно лицемерят. Степун во всех своих ролях всегда остается самим собою, за всеми его серьезными и ироническими (ведь он и замечательный «ироник») физиономиями всегда виден его единый облик, очень определенное и ясно очерченное лицо «вечного Степуна». Двойственность меняющейся физиономии и устойчивого облика делает столь трудной характеристику Степуна, и все попытки дать его живописный или скульптурный портрет — действительно, как кажется, все попытки были неудачны.

Но в разносторонности или многоразличии обликов Степуна нет внутренней двойственности или разрыва. В своей деятельности он стремится всегда с одинаковой полнотой и жизненностью дать выражение тем истинам, которые принадлежат к существу его системы идей и которым он не изменяет, как это делают многие «ненадежные» русские мыслители и поэты (например, любимый поэт нас обоих, Андрей Белый). Многие почитатели Степуна прежде всего ощущают двойственность его русского и немецкого существа: немцам он представляется типично русским, очень многим русским (несмотря даже на его православие) — «совершенным немцем». Но и здесь у Степуна нет внутреннего противоречия и именно его двойная «национальная принадлежность» делает его несравнимым посредником между русской и немецкой культурой.

Что Степун работает как «строгий» ученый, это более всего знают те, кто знает его метод чтения, писания и обсуждения научных вопросов. Степун — ученый и собиратель материала. Правда,

он идет несколько иным путем, чем большинство из нас, ученых. В его университетские годы для философской молодежи особенно привлекательным было слово *«интуиция»*. Степун оставил путь своих философских учителей, не дождавшись решения вопроса о методе. В его собственном методе работы особо значительную роль играет именно интуиция. Слово это звучало как волшебное имя таинственного пути познания глубочайших тайн действительности. Самое слово имеет довольно прозаический немецкий перевод *«Anschauung»*, по-русски это нечто среднее между «созерцанием» и «наглядностью». Очень многое мы лучше всего видим «с первого взгляда». Но для познания с первого взгляда надо иметь соответствующие глаза: такие глаза, несомненно, есть у Степуна. Однако, многое, что нам бросается в глаза «на первый взгляд», требует проверки, уточнения и детальной характеристики. Те, кто ограничивается беглым «первым взглядом» и считает это интуитивным познанием, по большей части способны дать отчет о познанном ими путем «интуиции» лишь в форме совершенно безответственного «Взгляда и нечто» («о чём бишь нечто? обо всём»). Степун не принадлежит к таким сторонникам интуитивного познания. Если даже «первый взгляд» открывает ему широкие горизонты, он всегда пытается детализировать и, так сказать, «картографировать» открывшуюся ему перспективу. Он изучает вопрос в частностях; он — замечательный читатель, стремящийся проникнуть в содержание читаемого, не ограничиваясь беглым просмотром книг и статей. Точно так же он и пишет, разыскивая адекватную формулировку, меняя слово за словом и пытаясь дать такое выражение своей мысли, которое было бы более убедительным и ясным для читателя (не забудем, что его читатели принадлежат прежде всего к двум различным языковым группам: для немцев и русских ту же мысль надо часто дать в совершенно различных формах выражения). Но Степун обладает не только проницательным взором и необходимым для проверки и обработки добытого интуицией прилежанием, но и способным к выражению самого сложного содержания языком и пером. Это соединяет во всех его работах широту перспективы с детальностью анализа (вероятно, это последнее слово не очень понравится многим читателям и почитателям Степуна), который дает нам часто в его книгах и статьях то углубление в проблему и в материал, которое только и позволяет прийти к точной афористической формулировке. Конечно, не все мнения Степуна безошибочны: с работой ученого неизбежно связаны неполнота и ошибки, служащие — по вряд ли правильному, но остроумному замечанию одного историка — только к украшению облика истины.

Основная мысль мировоззрения Степуна может показаться парадоксальной — это утверждение о теснейшей связи истины с ее носителем, личностью. Здесь повторяется та же диалектика, которую мы встретили в характеристике метода работы Степуна. Если истина всегда собственность, так сказать, «частная» собственность определенной личности, то можно ли говорить об «объективной» истине? Не является ли тезис Степуна субъективизмом или релятивизмом, отнимая от истины ее существенный признак — «общезначимость». Это впечатление сначала усиливается при знакомстве с его автобиографическими («Письма прапорщика-артиллериста», воспоминания) и поэтическими (роман «Николай Переслегин») произведениями. Но перечитывая эти, как будто бы не претендующие на теоретическое значение, книги, мы открываем с изумлением, как автору удается в личных своих или своего героя переживаниях показать, что сквозь них «просвечивает» абсолютная истина, личные судьбы отдельной личности освещают общечеловеческое и общезначимое, и мы ясно видим, что «субъективное переживание» может быть носителем объективной и общезначимой истины.

Степун превращает конкретные индивидуальные образы в символы абстрактной мысли, «абстрактной» не в отрицательном значении этого слова, а в философском: его образы являются представителями *«спекулятивной мысли»*, спекулятивная мысль в русской философской традиции носит имя *«умозрения»*. Философский идеал Степуна, несомненно, «умозрительная философия», хотя бы и отличная от умозрительной философии тех представителей русской религиозно-философской мысли, которые примыкают к идеям Владимира Соловьева.

И жизненный путь Степуна был в каком-то смысле сложно-противоречивым. Конечно, нельзя принимать всерьез астрологическую символику, но ее можно использовать, как средство метафорической характеристики. Степун родился 19 февраля — в день, стоящий на границе двух зодиакальных знаков: Водолея и Рыб. По астрологической традиции эти знаки зодиака предвозвещают новорожденному счастье, успех, руководящую роль в какой-то области жизни, близость к искусству, любовь. Счастливая молодость Степуна под знаком «мирной» водной стихии оборвалась с его призывом на военную службу: как прапорщик-артиллерист он вошел в сферу влияния огненной стихии. И с того времени его жизнь проходила под знаменем бурных исторических событий: две мировые войны, революция, мрачные годы «третьего райха», когда прервалась его преподавательская деятельность (бывшая для него не только профессией, но и внутренним призванием),

и, наконец, — запрещение всяких выступлений в печати; к концу войны он должен был опасаться более решительных мер преследования. Но Степун всегда оставался самим собой: его охраняла духовно не только его семейная счастливая атмосфера (говоря о Степуне, нельзя забыть подруги его жизни Натальи Николаевны Степун), но он оставался учителем и руководителем той молодежи и круга друзей, которые, несмотря на все запрещения властей, все же собирались вокруг него — соединенные надеждой на более счастливое и свободное время. К концу войны враждебный Степуну огненный элемент превратил в развалины его город — Дрезден. Степун спасся почти случайно — во время одной поездки ему после небольшого «несчастного случая», оказавшегося счастливым, не удалось вернуться домой в Дрезден. Потом возвращаться оказалось некуда! И поток жизни вынес его в любящий искусство город на берег Изара, где мы и празднуем его 80-летний юбилей.

* * *

Юбилейное собрание, состоявшееся при огромном наплыве участников — коллег, друзей и почитателей Федора Августовича, завершилось музыкальной программой, один из друзей Степуна, пианист-виртуоз У. Даммерт, знаток русской музыки, исполнил несколько вещей Листа, Дебюсси, Рахманинова и Скрябина. В заключение юбиляр прочел несколько отрывков из своих произведений, связав чтение со свободным изложением нескольких мыслей на особенно дорогие ему, как он отметил, темы: родина, любовь и искусство.

[Комментарий]

Впервые: *Д. Чижевский.* Речь о Степуне. — К его 80-летию. Речь, произнесенная Дм. Чижевским на юбилейном вечере, организованном Баварской Академией изящных искусств 20-го февраля 1964 г. // Новый журнал. 1964. № 75. С. 283—288. См. комментарий к воспоминаниям Ф. А. Степуна о Чижевском в разделе «Мемуары».

Раздел II
Посмертные отклики

*М. Вишняк**
Памяти Ф.А. Степуна

О Федоре Августовиче Степуне писать сейчас очень трудно. Утрата чрезвычайно чувствительна, незаменима. И мне труднее других писать не потому что бы я был к покойному ближе других, хотя связан был с ним духовно — общественно-литературно и лично больше 40 лет. Труднее потому, что наиболее существенное, что я мог и хотел сказать и что говорил Федору Августовичу в лицо, с глазу на глаз, при свидетелях и на собраниях, было уже опубликовано в газетах, в «Современных записках», в книгах.

И в «Р[усской] м[ысли]» ровно год назад, когда Ф.А. чествовали по случаю его 80-летия, появилась в числе других и моя статья, «двустворчатый фельетон», в котором я выразил свои последние по времени добрые чувства и высокую оценку юбиляра, не умолчав, правда, и о том, что нас и разделяло прежде и позже. В своем «Благодарю!», напечатанном в «Р[усской] м[ысли]» 9 мая и обращенном коллективно ко всем учреждениям и лицам, приветствовавшим юбиляра, Ф.А. помянул и меня. И как обычно, одновременно с добрым словом сделал мне и некий реприманд за то, что и в день юбилея я не скрыл от него, что «в последние годы все растущая ко мне (Степуну) приязнь не умаляет его (М. В[ишняка]-ка) неприязни к моему философствующему политиканству». Как бы для смягчения этого полуупрека Степун закончил сентенцией: «В дружбе нет ничего важнее откровенности».

Это верно. Но я обобщил бы: нет ничего важнее откровенности — во всем, а не только в дружбе. Воздержание или уклонение от откровенности ведет к сокрытию подлинных чувств и мнений, т. е. к уверткам, хитрости, двуличию, лицемерию, к введению в заблуждение или к той или иной мере или стадии обмана.

---

* Как уже упоминалось, М.В. Вишняк был постоянным оппонентом Степуна. Некролог характерен как своего рода покаяние после смерти философа (*примечание публикатора*).

Мои отношения к Степуну базировались всегда на откровенности. Может быть, поэтому они не всегда и были интимно близкими. Не скажу с полной уверенностью, что и Степун со мной был всегда откровенен до конца. Но и не утверждая этого, скажу, что он всегда был со мной исключительно корректен, предупредителен и любезен, — даже когда моя, может быть чрезмерная, откровенность не могла его не задеть. Он был оппонент-джентльмен, оперировавший рапирой, а не дубиной.

Мне трудно писать сейчас о Ф.А. не только из-за чувствительной общекультурной и личной утраты, а и потому что уже год назад я рассказал читателям «Р[усской] м[ысли]», в чем была ценность и привлекательность Ф.А., и рассказал не в преувеличенно-некрологическом стиле, а с полной откровенностью и, кажется, правдиво.

Не буду возвращаться к сказанному. К большому сожалению, до меня не дошла еще последняя книжка Степуна — о символистах: Белом, Блоке, Вячеславе Иванове и др., — о которой он мне с таким воодушевлением рассказывал при последнем нашем свидании в Мюнхене в первых числах сентября 63 года. Не могу, поэтому, сказать, в какую сторону или как протекала самая последняя духовная эволюция, чтобы не сказать метаморфоза, Ф.А. Но что он в последней книге, вероятно, уже не тот, каким был во «Встречах», о которых я упоминал в прошлой статье, — следует из всей жизнедеятельности Степуна: он никогда не стоял на месте, а был в постоянном движении — физически и духовно.

В краткой памятке о человеке, с которым прожил четыре десятилетия, насыщенных духовными борениями, согласием и отталкиванием, напомню в самом общем виде о самом дорогом для него, что нас разделяло и что сближало.

Центральной идеей, к которой пришел Ф.А. Степун во второй половине жизни и из которой исходило все его миросозерцание и мудрствование, заключалось в признании христианства абсолютной истиной, единственно способной обосновать свободу. Слова евангелиста «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Иоанн гл. VIII, ст. 32) Степун раскрывает; развивает и защищает как философ, религиозный мыслитель, историк, литературовед и даже политик.

Он не довольствуется защитой религии или даже христианства. Он настаивает на определенном исповедании, на каноническом православии. Неправославное христианство он расценивает низко. Протестантизм для него — эллинизированное христианство, насыщенное рационализацией и морализированием. Он и против католичества, переставившего ударение с веры в Христа на веру в

Церковь как мистическое тело. Отсюда, по словам Степуна, инфляция веры, которую он характеризует не своими словами: «В воскресенье Христа лично я не могу верить. Но я верую в Церковь, которая в это верит, и потому верю и я».

За истиной, не претендующей быть абсолютной, Степун отрицает право считаться и называться истиной. И неспособность противников большевизма одолеть его он склонен объяснять не чем иным, как тем, что для большевиков чувство ненависти, хоть неправедно, но абсолютно, тогда как у их противников относительные ценности не способны вызвать воодушевление и одержимость.

Что хуже, Степун возлагает ответственность за вырождение революции в большевизм не на прямых виновников, а на жертвенную русскую интеллигенцию, «вышедшую из Петровской реформы». Рядом с этим он признает, что для русской интеллигенции, как и для по-европейски веровавшей либеральной демократии в России «свобода была синонимом всего истинного, доброго, — великим оправданием мировой истории перед Господом и человечеством».

Никакой непоследовательности в этом автор не усматривал.

Заглядывая в будущее, Ф.А. Степун провидел: «речь пойдет не о христианской политике, а о трезвой политике христиан, не о восстановлении святой Руси, никогда не существовавшей, а о новом устроении подлинно гуманной, о каждом человеке пекущейся, юридически и морально ответственной, чуждой классовой борьбы и партийной ненависти демократии».

Так писал Ф.А. в 1959 г. в немецкой книге «Большевизм и христианское существование».

Эта краткая «памятка» преследует ограниченную цель: объяснить, почему и далекие по своим духовным истокам люди в конкретных случаях и по отдельным вопросам могли и идейно сближаться с людьми разного толка и «духа». Этому способствовали, конечно, и лично-добрые отношения, как и обратно — сближение на общем деле укрепляло личные отношения.

Закончу признанием, сделанным в прошлогодней статье. Хотя от большинства взглядов и оценок Ф.А. Степуна я всегда отталкивался, он тем не менее сыграл в моей жизни благотворную роль идейного «катализатора», способствовавшего уяснению и формулировке моих собственных взглядов и оценок. И за это я был и остался — и, думаю, не-я один — ему признателен.

(*Русская мысль*. 1965. № 2277, 4 марта, четверг, с. 5).

Публикация В.К. Кантора

Тьма не хочет отступать*
Памяти Федора Степуна

В заключение своего жизнеописания Федор Степун написал: «Пожалуй, мы знаем <...> внешне весьма хорошо, что случилось в России после нашей высылки, а также что происходит сейчас. Но тьма перед нашими глазами несмотря на это не хочет отступить»[1]. Федор Степун написал эти слова под вечер своей жизни, которую он как раз и посвятил попытке проникнуть сквозь эту тьму.

Он теперь мертв, но по-прежнему все еще «тьма, лежащая над Россией, чувствуется и в человеческих душах». Потерпел ли Степун неудачу? Не закончилась ли с его смертью в Мюнхене просто судьба еще одного эмигранта, иллюзия которого об излечившейся Родине и ожидающем ее мессианистическом возрождении питала его до самой кончины, была мотором и бензином этого вытесненного на край истории человеческого существования?

Кто был знаком со Степуном, понимал уже при первом с ним столкновении, что он не мог предаваться ни бесплодной страдальческой тоске изгнанника, ни горечи политической тщеты, ни отчаянию из-за неконтактности иноземцев. Поскольку, хотя он и любил Россию, у нас он был у себя дома. Не только потому, что отец его был немцем по происхождению, не только потому, что годы учения он провел в Гейдельберге под руководством Виндельбанда — это было очевидно. Волевым актом он из своей собственной ситуации как из некоей модели сделал историософские выводы и отправился на поиски Европы, в которой Восток и Запад находятся в одном ранге и в сущности должны быть представлены как однородные части, — Европы, где Россия была форпостом против Азии, а не азиатским клином, вбитым в Европу.

И в этой Европе помещал Степун свою Россию, Россию великих заданий, Россию, которая, став своего рода религиозной категорией, должна была, наконец, глубоко пасть, ибо «великие народы падают глубоко». Этому «греховному падению русской идеи» Степун посвятил все свои, прямо или кружными путями идущие к делу, но весьма существенные размышления и исследования. Духовно-историческая генеалогия большевизма поставлена глубоко верующим человеком в связь с феноменом русского символизма, с переходом от веры к тотальному неверию и с амбива-

* Статья-некролог опубликована в гамбургской газете «Die Welt» 26 февраля 1965 г., спустя три дня после смерти Степуна.

лентным явлением веры в неверии, в глубочайшей одержимости, когда вера возмещается абсолютизацией понятий.

Он понимал тотальность христианской веры как ответ на тотальность извращенной противоверы. Не каждый захочет следовать этой альтернативе и не каждый захочет принять субъективные признания и опыт Степуна в качестве чего-то фундированного и того, что следует осуществить. Но едва ли кто-нибудь сможет уклониться от силы излучения и воздействия личности Федора Августовича Степуна. Он был один из немногих, чьи тезисы могли вызвать сомнение, но тем не менее достоверность их была выше, нежели у других. Он смел через три ряда студентов позвать Наташу, свою жену, чтобы попросить ее принести ему книгу, дабы удостоверить какую-либо цитату, даже если ему это для дальнейшего хода его мысли и не требовалось, поскольку он знал опасность абстрактной понятийности, а подобной импровизированной интермедией он оживлял контакт со слушателями, выглядел живым человеком из плоти и крови.

Федор Степун, мыслитель, соединивший в себе Германию и Россию, умер. Он нас многому научил. Но важнейшим, быть может, было даже не его учение, а его экзистенция, сама сущность его бытия, которое навсегда останется у нас в памяти, а потому мы уже никогда не пройдем мимо так горячо любимой им России.

Валентин Полькух
Die Welt. 26.02.1965.

---

[1] В русском варианте воспоминаний Степуна (1948 г.) эти строки звучат следующим образом: «Закончился 26-й год пребывания за границей высланных из России ученых и общественных деятелей. <...> Хотя мы только и делали, что трудились над изучением России, над разгадкой большевистской революции, мы этой загадки все еще не разгадали. <...> Зная прекрасно политическую систему большевизма и ее хозяйственное устройство, ее громадные технические достижения и ее непереносимые нравственные ужасы, ее литературу и науку, ее церковь, мы всего этого, по-настоящему, все же не чувствуем; зная факты и статистику, мы живой теперешней России перед глазами все же не видим. В голове у нас все ясно, а перед глазами мрак» (*Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Т. II. Изд. второе. London, 1990. С. 429).

Перевод с немецкого В.К.Кантора

Русский звездопад*
(Памяти Федора Степуна)

О кончине в Париже Преосвященного Кассиана я узнал в Германии от Федора Августовича Степуна. Когда я с ним говорил там по телефону и сказал, что не смогу быть в Мюнхене, Федор Августович захотел приехать в Штутгарт, где я был, и мы провели с ним целый день.

Встретившись с Федором Августовичем, мы стали вспоминать отошедших: о. В. Зеньковского, Н.О. Лосского... Федор Августович сказал: «вот и сейчас умер в Париже»... он остановился в маленьком замешательстве... «Как же его имя?.. Что-то я стал забывать имена, — этого со мной раньше не случалось, — умер... этот известный богослов...» «Зандер»? — подсказал я. (Л.А. Зандер, я знал, умер недавно). «Нет, уже после него»... Я начал тогда называть имена и назвал имя епископа Кассиана. Федор Августович сказал: «Да, он только что умер... как же я забываю теперь...» И я после заметил, что Федор Августович, действительно, «стал забывать», и это ему было стеснительно.

За два-три года, что мы не виделись, он похудел (старчески), осунулся, ему шел 81-й год, но был все такой же **душевно-полновесный, живой, милый**. Духовно он только стал более **тихим**, сосредоточенным, может быть, более внимательным к слову собеседника, прошла некоторая его увлекаемость даром своего слова (то же было у Карташева: сильный дар речи закрывал уши, глаза). Теперь у Федора Августовича фраза была не такая искрящаяся, но **главное** стало яснее в нем... Мы говорили о многом, и мысли шли около вечного и его касались.

Говоря мистически, можно сказать, что **духовность** в Федоре Августовиче заметно стала превышать его **душевность**; и «внутренний сердца человек», о котором говорит апостол Петр, начал превозмогать в нем человека «культурно-богатого».

Для меня это было радостно... Я не пишу некролога. Те, что будут сейчас и потом писать о Федоре Августовиче, расскажут о многом в нем и историю всей его жизни; он нес, и в старости своей, твердо и величаво творческий блеск российского Серебряного века. И выйдя из сего века, как Самсон, он ворочал его колонны и нес их чрез толщу германской современной интеллектуальной жизни, являя в Германии последние звуки этого века. Его эпоха — богатая и, может быть, слишком расточительная... Обществен-

* Опубликовано в газете: Русская мысль, 1965, четверг, 8 апреля, № 2292. С. 4.

ник, социолог, философ, неутомимый лектор высокого стиля, он был более социально-лирическим, чем политическим выражением «русского европейца», несшего в себе и Россию и Европу, чтобы говорить России и Европе о «Новом Граде», о том обществе и устройстве социальном, в котором живет правда и где курочка могла бы вариться в горшке всякого человека, и, сквозь всю культуру мира и всяческое человеческое общение, проступало, просвечивало настоящее добро, несущее Божий Свет и Вечность... Он был от плеяды тех русских верующих мыслителей первой половины этого века, которых зарядила на всю жизнь светлой верой в Бога и действием этой веры мысль Владимира Соловьева.

Он не знал, что за именем епископа Кассиана, в потоке Зарубежного русского звездопада, падала уже на другой берег бытия его душа... Но он осознавал краткость оставшихся дней и о многом мы говорили с ним в этот февральский день в Штутгарте, совсем незадолго до 23-го февраля, его последнего земного дня.

Из дел общественных, я почувствовал его теплую заботу о русских детях... В Мюнхене создалось хорошее церковное дело — помощи детям, его заботами, в сотрудничестве с весьма ценимым им о. Анатолием Дрейвингом.

Главной же темой нашего последнего разговора была **реальность жизни личной за пределами земного существования...** Этот вопрос стоял для него «во главе угла»; и не был он уже таким, около которого возможны какие-либо удачные словесные находки, или острые формулировки... В Федоре Августовиче открывалось другое измерение. В этом, конечно, главная цель земного существования, не только философа, но и социолога: **найти свое главное и — сделать его своей** жизнью

Кладу вечнозеленый венок веры и любви на этот близкий человеческий образ. На его горячий след жизни.

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский

Библиография Федора Степуна (1884–1965)

Книги

1. Wladimir Ssolowjew. Leipzig: Fritz Eckhardt Verlag, 1910. — S. VI; 132.
2. Из писем прапорщика-артиллериста. М.: Типогр. Т-ва «Задруга», 1918. — 187 с. (*Под псевд. Н. Лугин*). *То же*. Конволют совместно с: *Ропшин В.* (Б. Савинков). Из действующей армии (лето 1917 г.). 1918. *То же*. Одесса. 1919. *То же*. Прага: Пламя, 1926. — 267 с. *То же*: *Степун Ф.А. (Н. Лугин)*. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей, 2000. — 192 с.
3. Жизнь и творчество. Берлин: Обелиск, 1923. — 250 с.
4. Основные проблемы театра. Берлин: Слово, 1923. — 127 с.
5. Die Liebe des Nikolai Pereslegin. München: Carl Hanser Verlag, 1928.
6. Николай Переслегин. *Роман*. Париж: Современные записки, 1929. — 420 с.; *То же*: Томск: Водолей, 1997. — 224 с.
7. Wie war es möglich? Briefe eines russischen Offiziers. Munchen: C. Hanser Verlag, 1929. — 281 S.
8. Theater und Kino. Berlin: Bünen Volksbund Verlag, 1932. — 101 S.
9. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern; Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934. — 104 S.
10. The Russian Soul and Revolution / Transl. by Erminie Huntress. New York; London: C. Scribner's sens, 1935. — 184 p.
11. Die Wandlung des Nicolai Pereslegin. 2. Aufl. München: Hänser, 1946. — 368 S.
12. Vergangenes und Unvergängliches. (Bd. 1—3). Munchen: Verlag Josef Kösel, 1947—1950.
13. Die Liebe des Nikolai Pereslegin. 3. Aufl. München: Carl Hanser Verlag, 1951. — 368 S.
14. Dostoevski. Weltschau und Weltanschauung. Heidelberg: Carl Pfeiffer Verlag, 1950. — 80 S.
15. Theater und Film. München: Carl Hanser Verlag, 1953. — 164 S.
16. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Aus meinem Leben. 1884—1922. München: Kösel Verlag, 1961. — 509 S.
17. Als ich russischer Offizier war. Munchen: Kosel Verlag, 1963.
18. Бывшее и несбывшееся. New-York: Изд-во им. Чехова, 1956. *То же, изд. второе*. (I — II). London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 431 с.; *То же*: СПб., 1994; То же: СПб: Алетейя, 2000 (*Послесловие Р. Гергеля*).
19. Der Bolschewismus und die christliche Existenz. München: Kösel Verlag, 1959. — S. 296; Zweite erweiterte Auflage 1962. — 316 S.
20. Dostoewskij und Tolstoj: Christentum und soziale Revolution. Drei Essays. München: Carl Hanser, 1961. — 158 S.
21. Встречи: Достоевский — Л. Толстой — Бунин — Зайцев — В. Иванов — Белый — Леонов. Мюнхен: Тов-во зарубежн. писателей, 1962. — 202 с.
22. Mystische Weltschau. Funf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block. München: Carl Hanser Verlag, 1964. — 442 S.
23. Встречи и размышления. Избр. статьи / Под. ред. Евг. Жиглевич. Со вступ. статьями Бориса Филиппова и Евгении Жиглевич. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. — 287 с.
24. Встречи (сост. — *С.В. Стахорский*). М.: Аграф, 1998. — 256 с.
25. Чаемая Россия (*Сост. и послесловие А.А. Ермичёва*). СПб.: РХГИ, 1999. — 480 с.
26. Портреты (*Сост. примечания, послесловие и материалы к библиографии А.А. Ермичёва*). СПб.: РХГИ, 1999. — 440 с.
27. Сочинения (*Вступит. статья, подготовка текста, прим. и библиогр. В.К. Кантора*). М.: РОССПЭН, 2000 — 1000 с.

28. Бывшее и несбывшееся / Послесловие Р. Гергеля. — Изд. второе, исправленное. СПб.: Алетейя, 2000. — 651 с.
29. Russische Demokratie als Projekt. Schriften im Exil 1924—1936. (Перевод с русского). *Hrsg. von Ch. Hufen*. Berlin: Basis Druck Verlag, 2004. — 301 S.
30. Жизнь и творчество. Избранные сочинения (*Вступит. статья, сост. и комментарии В.К. Кантора*). — М.: Астрель, 2009. — 807 с.
31. *Кронер Р., Бубнов Н., Мелис Г., Гессен С., Степун Ф.* О мессии. Эссе по философии культуры / Сост., послесл., примеч. А.А. Ермичёва; пер. с нем. А.А. Ермичёва, Н.Ю. Заварзиной, В.П. Курапиной, И.Л. Фокина.— СПб.: РХГА, 2010. — 192 с.
32. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма / *Послесловие А.А. Ермичёва*. — СПб.: Владимир Даль, 2012.

Статьи

33. Solowjew // Vom Messias. Kulturphilosophische Essaye von R. Kroner, N. von Bubnoff, G. Mehlis, S. Hessen, F. Steppuhn. Leipzig: Verlag von W. Engelmann, 1909. S. 60—77.
34. Wladimir Solowjew // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. Leipzig, 1910. Bd. 138. S. 1—78, 239—290.
35. От редакции (*в соавторстве с С.И. Гессеном*) // Логос. Междунар. ежегодник по философии культуры. М.: Мусагет, 1910. Кн. первая. С. 1—16.
36. Трагедия творчества (Фр. Шлегель) // Логос. Междунар. ежегодник по философии культуры. М.: Мусагет, 1910. Кн. первая. С. 171—196.
37. Немецкий романтизм и русское славянофильство // Русская мысль. М., 1910. № 3. Март. С. 65—91.
38. Трагедия мистического сознания // Логос. Междунар. ежегодник по философии культуры. М.: Мусагет, 1911—1912. Кн. вторая и третья. С. 115—140.
39. Логос // Труды и дни. 1912. № 1. Январь—Февраль. С. 68—73.
40. К феноменологии ландшафта // Труды и дни. М., 1912. № 2. Март—Апрель. С. 52—56.
41. Открытое письмо Андрею Белому по поводу статьи «Круговое движение» // Труды и дни. М., 1912. № 4—5. Июль—Октябрь. С.74—86.
42. Проблема цирка-театра и Эдип-Моисси // Студия. М., 1912. 14 апреля. № 27. С. 4—6.
43. Об актере и творимом им образе // Маски. М., 1912/1913. Кн. 3. С. 15—26.
44. Жизнь и творчество // Логос. Междунар. ежегодник по философии культуры. М.: Мусагет, 1913. Кн. третья и четвертая. С. 72—126. *То же*: Логос. М., 1991. Выпуск первый. (*Гл. первая и вторая*) С. 98—121. (*Публикация и комментарии И. Чубарова*); Логос. М., 1993. № 4 (*окончание*). С. 239—273. (*Комментарии И. Чубарова*). *То же*: Русские философы. Конец XIX — середина XX века. М., 1994. С. 140—184. *Составители: С.Б. Неволин, Л.Г. Филонова*.
45. «Екатерина Ивановна» Л. Андреева на сцене Художественного театра // Северные записки. СПб., 1913. № 2, февраль. С. 124—131.
46. О некоторых отрицательных сторонах современной литературы // Северные записки. СПб., 1913. № 10, октябрь. С. 121—133.
47. Прошлое и будущее славянофильства // Северные записки. СПб., 1913. № 11, ноябрь. С. 121—137.
48. О «Бесах» Достоевского и письмах Максима Горького // Северные записки. СПб., 1913. № 12, декабрь. С. 120—136.
49. Революция и кадровое офицерство // Русский инвалид. СПб., 1917. 20 июня. № 142. С. 2.
50. Наступление началось // Русский инвалид. СПб., 1917. 21 июня. № 143. С. 2.
51. О политическом воспитании армии // Русский инвалид. СПб., 1917. 22 июня. № 144. С. 2—3.

52. Война и революция // Армия и флот свободной России. СПб., 1917. 2 июля. № 152. С. 2.
53. Большевизм и контрреволюция // Армия и флот свободной России. СПб., 1917. 6 июля. № 155. С. 2.
54. Твердая позиция // Армия и флот свободной России. СПб., 1917. 11 июля. № 159. С. 2.
55. Тяжелые дни. О твердой власти // Армия и флот свободной России. 1917. 18 июля. № 165. С. 3.
56. Тяжелые дни. О суде и справедливости // Армия и флот свободной России. СПб., 1917. 19 июля. № 166. С. 2.
57. Украденный мир // Власть народа. Газета демократическая и социалистическая. СПб., 1917. 21 ноября. № 166. С. 1.
58. Мысли о России. Вина и возрождение // Возрождение. Париж, 1918. 9 июня. № 7. С. 3.
59. Мысли о России. Глаза и точки зрения // Возрождение. Париж, 1918. 16 июня. № 12. С. 5.
60. Камерный театр (по поводу «Записок режиссера» Александра Таирова) // Театральное обозрение. М., 1921. 27 декабря. № 10. С. 4—6; 1922. 24 января. № 1 (11). С. 4.
61. Трагедия и современность // Шиповник (Сборник литературы и искусства) / Под ред. Ф. А. Степуна. М.: Шиповник, 1922. № 1. С. 83—94.
62. Освальд Шпенглер и Закат Европы // Освальд Шпенглер и Закат Европы. М.: Берег, 1922. С. 5—33. (*В сборнике опубликованы также статьи Н.А. Бердяева, Я.М. Букшпана, С.Л. Франка*).
63. Мысли о России // Современные записки. Париж, 1923. Кн. 14. С. 391—400.
64. Мысли о России // Современные записки. Париж, 1923. Кн. 15. С. 281—296.
65. Мысли о России // Современные записки. Париж, 1923. Кн. 17. С. 351—376.
66. Одушевленные вещи и овеществление души. По поводу гастролей Камерного театра // Дни. Берлин, 1923. 15 апреля. № 139. С. 9, 11.
67. Спектакли Камерного театра // Дни. Берлин, 1923. 25 апреля. № 145. С. 11—13.
68. Николай Переслегин. Философский роман в письмах // Современные записки. Париж, 1923. Кн. 14. С. 1—84; Кн. 15. С. 51—99; Кн. 17. С. 5—40.
69. Николай Переслегин. Философский роман в письмах (продолжение) // Современные записки. Париж, 1924. Кн. 18. С. 56—97; Кн. 20. С. 44—76; Кн. 21. С. 119—146; Кн. 22. С. 149—173.
70. Мысли о России // Современные записки. Париж, 1924. Кн. 19. С. 296—333.
71. Мысли о России // Современные записки. Париж, 1924. Кн. 21. С. 279—304.
72. Два Гейдельберга // Дни. Ежедневная газета. Берлин, 1924 г. 06.01. С. 2—3.
73. Мысли о России. Большой смысл и малые смыслы. Коммунистическая идеология и современная литература. Эмигранты и большевики // Современные записки. Париж, 1925. Кн. 23. С. 342—371.
74. По поводу письма Н.А. Бердяева // Современные записки. Париж, 1925. Кн. 24. С. 304—320.
75. Памяти Владимира Соловьева // Дни. Париж, 1925. 15 ноября.
76. Письмо С.Я. Эфрону // Своими путями. Прага, 1925. № 3—4. С. 24—26.
77. Литературные заметки. «Тонкий и чуткий г-н Воронский» // Современные записки. Париж, 1925. Кн. 26. С. 313—329.
78. Забытые истины. О нации и национализма // Дни. Париж, 1925. 20.09. С. 2.
79. Открытое письмо В.Г. Архангельскому // Дни. Париж, 1925. 02.10. С. 2.
80. Литературные заметки. И.А. Бунин. По поводу «Митиной любви» // Современные записки. Париж, 1926. Кн. 27. С. 323—345. *То же:* Встречи. Из-

дание товарищества зарубежных писателей. Мюнхен, 1962. С. 103—122. *То же*: Русская литература. М., 1989. № 3. С. 112—122.
81. Мысли о России (*О «Возрождении» и возвращенстве*) // Современные записки. Париж, 1926. Кн. 28. С. 365—392.
82. Об общественно-политических путях «Пути» // Современные записки. Париж, 1926. Кн. 29. С. 442—448.
83. Не афоризмы // Благонамеренный. Брюссель, 1926. № 1. С. 113—118. Перепечатано: Кант: pro et contra. Рецепция идей немецкого философа и их влияние на развитие русской философской традиции. Антология. СПб.: РХГА, 2005. С. 723—727.
84. Deutsche Romantik & Die Geschichtsphilosophie der Slawophilen // Logos. Leipzig, 1927. Bd. XVI. Heft I.
85. Мысли о России (Национально-религиозные основы большевизма: пейзаж, крестьянство, философия, интеллигенция) // Современные записки. Париж, 1927. Кн. 32. С. 279—310.
86. Мысли о России (Национально-религиозные основы большевизма: большевизм и Россия, большевизм и социализм; социалистическая идея и социалистическая идеология; Маркс, Бланки, Бакунин, Ткачев, Нечаев, Ленин) // Современные записки. Париж, 1927. Кн. 33. С. 337—361.
87. Der metaphysische Sinn der Revolution und die Sowjetliteratur // Hochland. München; Kempten, 1927. Jg. 24. S. 34—45, 187—197.
88. Мысли о России. Демократия и идеократия; буржуазная и социалистическая структура сознания; марксистская идеология как вырождение социалистической идеи; религиозная тема социализма и национально-религиозное бытие России // Современные записки. Париж, 1928. Кн. 35. С. 364—402.
89. Религиозный смысл революции // Современные записки. Париж, 1929. Кн. 40. С. 427—460.
90. Памяти Ю.И. Айхенвальда // *Айхенвальд Ю.И.* Силуэты русских писателей. Берлин: Слово, 1929. *То же*: *Айхенвальд Ю.И.* Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. С. 13—15.
91. Германия // Современные записки. Париж, 1930. Кн. 42. С. 413—427.
92. Письмо из Германии. Формы немецкого советофильства // Современные записки. Париж, 1930. Кн. 44. С. 448—463. (*Подп.: Николай Луганов*).
93. Письмо из Германии. (Национал-социалисты) // Современные записки. Париж, 1931. Кн. 45 (XLV). С. 446—474. (*Подп.: Николай Луганов*).
94. Путь творческой революции // Новый град. Париж, 1931. № 1. С. 8—20.
95. Задачи эмиграции // Новый град. Париж, 1931. №2. С. 15—27.
96. Религиозный социализм и христианство // Путь. Париж, 1931. № 29. С. 20—48.
97. Der religiose Sinn der russischen Revolution // Orient und Occident. Leipzig, 1932. № 9. S. 9—21.
98. О человеке «Нового Града» // Новый град. Париж, 1932. № 3. С. 6—20.
99. Еще о человеке «Нового Града» // Новый град. Париж, 1932. № 4. С. 63—72.
100. Письма из Германии. Вокруг выборов президента республики // Современные записки. Париж, 1932. Кн. 49. С. 402—421.
101. *И.В. Гессен. Письмо редакции.* Ф. Степун. Ответ И.В. Гессену // Новый град. Париж, 1932. № 5. С. 80—93.
102. Любовь по Марксу // Новый град. Париж, 1933. № 6. С. 12—27.
103. Германия «проснулась» (*От редакции*) // Новый град. Париж, 1933. № 7. С. 3—24.
104. Христианство и политика // Современные записки. Париж, 1933. Кн. 53. С. 335—352; 1934. Кн. 55. С. 308—325.
105. Zwischen Protestantismus und östlichen Christentum // Gottesjahr. Kassel, 1933. № 13. S. 73—77.

106. Иван Бунин // Современные записки. Париж, 1934. Кн. 54. С. 127—211. *То же:* Встречи. Мюнхен: Изд. тов-ва зарубежн. писателей, 1962. *То же*. Встречи и размышления. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. С. 152—169.
107. Памяти Андрея Белого // Современные записки. Париж, 1934. Кн. 56. С. 267—283. *То же:* Встречи. Издание товарищества зарубежных писателей. Мюнхен. 1962. *То же*: Русская литература. 1989. № 3. С. 133—147. *То же*. Встречи и размышления. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. С. 191—211.
108. Идея России и формы ее раскрытия // Новый град. Париж, 1934. № 8. С. 15—27.
109. От редакции // Новый град. Париж, 1934. № 9. С. 3—10.
110. Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы // Новый град. Париж, 1935. № 10. С.12—28.
111. Чаемая Россия // Новый град. Париж, 1936. № 11. С. 11—40.
112. О свободе (Демократия, диктатура и «Новый град») // Новый град. Париж, 1938. № 13. С. 11—45. *То же*. В кн.: Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 349—387.
113. Вячеслав Иванов // Современные записки. Париж, 1936. Кн. 62. С. 229—246. *То же:* Встречи. Издание товарищества зарубежных писателей. Мюнхен, 1962. *То же*: Русская литература. М., 1989. № 3. С. 123—133. *То же*. Встречи и размышления. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. С. 170—190.
114. В последний раз. Памяти Ф.И. Шаляпина // Современные записки. Париж,1938. Кн. 66. С. 370—377.
115. Die Kirche der Selbstmörder // Hochland. Münhen; Kempten, 1938/1939. Jg. 36. S. 427—488.
116. Воспоминания // Современные записки. Париж,1939. Кн. 69. С. 216—237.
117. Die Wahrheit als Lehre und Antlitz (*Истина как учение и лик*) // Hochland. Münhen; Kempten, 1947/1948. Jg. 40. H. 2. S. 125—144.
118. Памяти Н.А. Бердяева // Вестник: Орган Русского студенческого христианского движения в Германии. Мюнхен, 1949. № 3. С. 14—19.
119. Католичество и православие // Орган РСХ движения. Мюнхен, 1949. № IX—X. С. 8—20. *То же*: Чаемая Россия (*Сост. и послесловие А.А. Ермичёва*). СПб.: РХГИ, 1999. С. 276—287.
120. Christliche Kirche im Reiche Stalins // Die Neue Ordnung. Köln, 1950. № 5. S. 369—374.
121. Heimat und Fremde. Allgemein-soziologisch // Kölner Zeitschrift für Soziologie. Köln, 1950/51. Jg. 3. Heft 2. (Verhandlungen des X. Deutschen Soziologentages in Detmold vom 16. bis 18. Oktober 1950). S. 146—159.
122. Alexander Blocks Weg von Solowjow zu Lenin // Eckart. Witten; Wienna, 1951—1952. S. 140—167.
123. Москва и Петербург накануне Войны 1914 г. // Новый журнал. Нью-Йорк, 1951. Кн. 27. С. 169—201.
124. Die Objektivitätsstruktur des soziologischen Erkenntnisaktes // *Brinkmann C.* (Hrsg.). Soziologie und Leben. Die soziologische Dimension der Fachwissenschaften. Tübingen: Wunderlich, 1952. S. 63—78.
125. В русской провинции // Новый журнал. Нью-Йорк, 1954. Кн. 37. С. 165—182.
126. Die proletarische Revolution ohne Proletarier // Hochland. München; Kempten, 1954/1955. Jg. 47. S. 209—223.
127. Сборник памяти С.Л. Франка / Под ред. прот. о. *Василия Зеньковского*. Мюнхен, 1954 // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. № 42. С. 209—226.
128. Родина, отечество и чужбина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн. 43. С. 205—218.

129. Несколько мыслей по поводу международного съезда историков в Майнце // Вестник Русского студенческого христианского движения (Далее: Вестник РСХД). Париж; Нью-Йорк, 1955. № 37. С. 31—35.
130. Искусство и современность // Опыты. Нью-Йорк, 1956. № 6. С. 28—37.
131. «Новоградские» размышления по поводу книги В.С. Варшавского «Незамеченное поколение» и дискуссии о ней // Опыты. Нью-Йорк, 1956. № 7. С. 45—57.
132. Г.П. Федотов // Новый журнал. Нью-Йорк, 1957. Кн. 49. С. 222—242. *То же*: Русские философы. Конец XIX — середина XX века. Составитель *Л.Г. Филонова*. М., 1996. С. 81—98.
133. Редакционный кризис «Современных записок» // Русская мысль. 1. V. 1958.
134. Soziologische Objektivitat und christische Existenz // Festgabe Joseph Lortz. Bd. 2: Glaube und Geschichte / Hrsg. P. Ranns. Baden-Baden, 1958.
135. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции // Мосты. Мюнхен, 1959. № 3. С. 171—188.
136. Б.Л. Пастернак // Новый журнал. Нью-Йорк. № 56. 1959. С. 187—206. *То же* // Литературное обозрение. М., 1990. № 2. С. 65—71. *То же*. В кн.: *Степун Федор*. Встречи и размышления. London, 1992. С. 237—261.
137. Структура социологической объективности // Вестник РСХД. Париж; Нью-Йорк, 1960. № 56. С. 38—44.
138. Памяти Пастернака // Вестник РСХД. Париж; Нью-Йорк, 1960. № 58—59. С. 46—51.
139. Москва — Третий Рим // Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. Кн. 60. С. 245—265.
140. Религиозная трагедия Льва Толстого // Мосты. Мюнхен, 1961. № 6. С. 185—208. *То же: Степун Федор*. Встречи. Издание товарищества зарубежных писателей. Мюнхен. 1962. *То же*. В кн.: *Степун Федор*. Встречи и размышления. London, 1992. С. 121—151.
141. Миросозерцание Достоевского // *Степун Ф*. Встречи. Мюнхен: Изд. тов-ва зарубеж. писателей, 1962. С. 11—37. *То же*. В кн.: О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 годов. Сб. статей. М., 1990. С. 332—351. *То же*. В кн.: *Степун Федор*. Встречи и размышления. London, 1992. С. 70—98.
142. Россия между Европой и Азией // Новый журнал. Нью-Йорк, 1962. Кн. 69. С. 251—276; Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 307—328.
143. Художник свободной России // Мосты. Мюнхен, 1963. № 10. С. 160—164.
144. Андрей Белый и Рудольф Штейнер (послесловие к письмам Бердяева Белому) // Мосты. Мюнхен, 1963. № 11. С. 366—368.
145. О корнях большевизма, о демократии, свободе и будущем России // Посев. Франкфурт-на-Майне, 1964. № 44 [964], 6 ноября. С. 5—6.
146. Россия накануне революции // Мосты. Мюнхен, 1965. № 11. С. 253—266.
147. Ревность // Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. Кн. 79. С. 25—40.
148. Вера и знание в философии С.Л. Франка // Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. № 81. С. 225—230.
149. О будущем возрождении России // Вестник РСХД. Париж; Нью-Йорк, 1965. № 77. С. 54—56.
150. Нация и национализм // Вестник РСХД. Париж; Нью-Йорк, 1965. № 77. С. 56—61.
151. Мысли о России. Литература русского зарубежья: Антология в шести томах. Т. 1. Кн. первая. 1920—1925. М.: Книга, 1990. С. 293—324.
152. Памяти Вяч. Иванова // Литературная газета. М., 1991. 28 августа. С.11. (Упомянуто в кн.: *Каган М*. Град Петров в истории русской культуры. СПб., 1996. С. 177).

153. Мысли о России // Новый мир. М., 1991. № 6. С. 201—236.
154. Мысли о России // Русская идея. М., 1994. С. 233—293.
155. Россия накануне 1914 года (с предисловием от редакции, написанным *В.К. Кантором*) // Вопросы философии. М., 1992. № 9. С. 89—120.
156. Учение о познании у Н.А. Бердяева // Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. 1. СПб., 1994. С. 483—500.
157. Социологическая объективность и христианская экзистенция (*перевод с немецкого Р.Е. Гергеля)* // Социологический журнал. М., 1995. № 4. С.102—115.
158. Дух, лицо и стиль русской культуры (предисловие к публикации Р.Е. Гергеля, *перевод с немецкого Р.Е. Гергеля под редакцией В.К. Кантора*) // Вопросы философии. М., 1997. № 1. С. 154—165.
159. Борьба либеральной и тоталитарной демократии вокруг понятия истины (*Перевод с нем., прим. и предис. В.К. Кантора)* // Вопросы философии. М., 1999. № 3. С. 137—144.
160. Ленин (*Предисловие и комментарии А.А. Ермичёва*) // Вопросы философии. М., 2002. № 8. С. 88—92.
161. Письма Ф.А. Степуна к Б.П. Вышеславцеву с приложением речи Степуна о большевизме (*публикация В.К. Кантора*) // Философский журнал. М., 2010. № 4. С. 63—72.
162. Два отрывка из книги «Мистическое мировидение. Пять образов русс кого символизма *(Вступительная заметка и примечания А. А. Ермичёва)* // Вестник русской христианской гуманитарной академии. М., 2009. Т. 10. Вып. 4. С. 129—140.

Рецензии Ф.А. Степуна

1. *Münsterberg H.* Philosiphie der Werte. Leipziig, 1908. 480 с. // Логос. Междунар. ежегодник по философии культуры. М.: Мусагет, 1910. Кн. первая. (*подпись — Ф.С.*) С. 269—270.
2. *Гершензон М.* Исторические записки (о русском обществе). М., 1910. 187 с. (*подпись — Ф.С.*) // Логос. М.: Мусагет, 1910. Кн. первая. (*подпись — Ф.С.*) С. 272—275.
3. *Франк С.Л.* Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. СПб., 1910. (*без подписи*) // Логос. М.: Мусагет, 1910. Кн. первая. С. 278.
4. *Christiansen B.* Philosophie der Kunst. Glauss und Feddersel. 348. Hanou, 1909. (*без подписи*) // Логос. М.: Мусагет, 1910. Кн. первая. С. 278—280.
5. *Белый А.* С и м в о л и з м. Москва: Мусагет, 1910. 650 с. (*подпись — Ф.С.*) // Логос. М.: Мусагет, 1910. Кн. первая. С. 280—281.
6. *Иванов В.* По звездам. Статьи и Афоризмы. Книгоиздательство «Оры». 440 стр. 1909 г. Ц. 2 р. (*подпись — Ф.С.*) // Логос. М.: Мусагет, 1910. Кн. первая. С. 281—282.
7. *Спиноза Б.* Политический трактат. Пер. С латинского А.Б. Ставского, под ред. Е.В. Спекторского. Варшава, 1910. // Логос. М.: Мусагет, 1911. Кн. первая. С. 223.
8. *Эллис.* Русские символисты. М.: Мусагет, б.г. // Логос. М.: Мусагет, 1911. Кн. первая. С. 230—231.
9. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. К-во «Путь». [М., 1911] // Логос. М.: Мусагет, 1911. Кн. первая. С. 231—232.
10. *Бердяев Н.* А.С. Хомяков. Москва: К-во «Путь», 1912. Цена 1 р. 60 к. // Логос. М.: Мусагет, 1911—1912. Кн. вторая и третья. С. 282—284.
11. *Лансон Г.* Метод в истории литературы. Перевод с французского и послесловие М. Гершензона. М.: Тов-во «Мир». Цена 40 к. // Логос. М.: Мусагет, 1911—1912. Кн. вторая и третья. С. 303—304.

12. *Соловьев В.* Россия и вселенская церковь. Перевод с франц. Г.А. Рачинского. К-во «Путь». 1911. Цена 2 р. 25 к. // Логос. М.: Мусагет, 1911—1912. Кн. вторая и третья. С. 304.
13. О Владимире Соловьеве. Сб. первый. II+222. Москва: К-во «Путь», 1911. Цена 1 р. 50 к. // Логос. М.: Мусагет, 1911—1912. Кн. вторая и третья. С. 304—306.
14. О религии Льва Толстого. Сб. второй. III+248. Москва: К-во «Путь», 1912. Цена 1 р. 70 к. // Логос. М.: Мусагет, 1911—1912. Кн. вторая и третья. С. 307—309.
15. *Шлейермахер Ф.* Речи о религии к образованным людям, ее презирающим. Монологи. Перевод с нем. С.Л. Франк. Москва: Изд. «Русской Мысли», 1911. Цена 2 р. 50 к. // Логос. М: Мусагет, 1911—1912. Кн. вторая и третья. С. 309.
16. *Мейстер Экхарт*. Проповеди и рассуждения. Перевод со средне-верхненемецкого и вступительная статья М.В. Сабашниковой. М.: Изд-во «Мусагет», 1912, стр. 184 // Логос. М.: Мусагет, 1912—1913. Кн. первая и вторая. С. 356—357.
17. *Гершензон М.* Жизнь В.С. Печерина. М., 1910 // Логос. М.: Мусагет, 1912—1913. Кн. первая и вторая. С. 369—370.
18. *Аскольдов С.* А.А. Козлов. Кн-во «Путь». [М., 1910] // Логос. М: Мусагет, 1912—1913. Кн. первая и вторая. С. 370—373.
19. Новые идеи в философии. Непериодическое издание, выходящее под редакцией *Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова*. Сб. № 1. Философия и ее проблемы. СПб.: Изд-во «Образование», 1912. IV +181. Цена 80 к. // Логос. М.: Мусагет, 1912—1913. Кн. первая и вторая. С. 374—377. (*Без подписи, но возможно — Степун*).
20. *Dilthey W.* Das Erlebnis und die Dichtung. Lessing. Goethe. Nowalis. Hölderlin. Dritte erweiterte Auflage. Leipzig: Verl. von B.C. Teubner, 1910 // Логос. М.: Мусагет, 1912—1913. Кн. первая и вторая. С. 394—395.
21. *Христиансен Б.* Философия искусства. Библиотека современной философии. Выпуск седьмой. Издательство «Шиповник». СПб. Цена 1 р. 75 к. // Логос. М.: Мусагет, 1912—1913. Кн. первая и вторая. С. 395—396.
22. Ekstatische Konfessionen. Gesammelt von Martin Buber. Jena: Eugen Diederichs // Логос. М.: Мусагет, 1912—1913. Кн. первая и вторая. С. 400.
23. Кн. *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. К-во «Путь». 429 стр. Цена 2 р. // Логос. М: Мусагет, 1913. Кн. третья и четвертая. С. 348—350.
24. Письма и Сочинения П. Чаадаева / Под ред. М.О. Гершензона. Том I. К-во «Путь» // Логос. М.: Мусагет, 1913. Кн. третья и четвертая. С. 350—351.
25. Русские мыслители. Г.С. Сковорода. *Вл. Эрна*. М.: К-во «Путь», 1912. 342 стр. Цена 2 р. // Логос. М.: Мусагет, 1913. Кн. третья и четвертая. С. 353—354.
26. Кн. *Трубецкой Евг.* Миросозерцание Вл. С. Соловьева. Т. I и II. М.: К-во «Путь». Издание автора // Логос. М.: Мусагет, 1913. Кн. третья и четвертая. С. 358—359.
27. *Карсавин Л.* Диалоги. Берлин: Обелиск, 1923 г. // Современные записки. Париж, 1923. Кн. 15. С.419—420.
28. *Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. «Геликон». 1923 // Современные записки. Париж, 1923. Кн. 16. С. 411—414.
29. *Эренбург И.* Жизнь и гибель Николая Курбова. М.: Новая Москва, 1923. (Библиотека современников) // Современные записки. Париж, 1923. Кн. 17. С. 477—479.
30. *Горький М.* Мои университеты. Берлин: Изд. «Книга» // Современные записки. Париж, 1923. Кн. 17. С. 479—482.
31. Евразийский временник. Кн. третья. Берлин: Евразийское книгоизд-во, 1923 // Современные записки. Париж, 1924. Кн. 21. С. 400—407.

32. *Франк С.Л.* Крушение кумиров. Берлин: Американское изд-во, 1924 // Современные записки. Париж, 1924. Кн. 21. С. 407—411.
33. Проблемы русского религиозного сознания. Сб. ст. Берлин: Американское изд-во, 1924 // Современные записки. Париж, 1924. Кн. 22. С. 458—464.
34. *Penty A.* On the way to a christian sociology // Современные записки. Париж, 1924. Кн. 22. С. 484—488.
35. *Lüther* A. Geschichte der russischer Literatur. Bibliografisches Institut. Leipzig, 1924 // Современные записки. Париж, 1925. Кн. 26. С. 479—482.
36. К молодой России. Сборник младороссов. 1928 // Современные записки. Париж, 1929. Кн. 2. С. 546—549.
37. Благонамеренный: Журнал русской литературной культуры / Ред. Д.А. Шаховской. Брюссель, 1926. Кн. 2 // Современные записки. Париж, 1926. № 28. С. 483—486.
38. *Бунин Ив.* Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929 // Современные записки. Париж, 1929. Кн. 39. С. 528—532.
39. *Зайцев Б.* Анна. Париж: Современные записки, 1930 // Современные записки. Париж, 1930. Кн. 41. С. 520—522.
40. *Песков Г.* Памяти Твоей. Париж: Современные записки, 1930 // Современные записки. Париж, 1930. Кн. 42. С. 531—534.
41. О некоторых культурно-философских и общественно-политических исканиях в современной Германии // Новый град. Париж, 1932. № 3. С.74—80.
42. Третья Россия. Орган пореволюционного синтеза № 1. Париж, 1932 // Новый град, 1932. № 3. С.80—83.
43. *Бунин И.* Божье дерево. Париж: Современные записки, 1931 // Современные записки. Париж, 1931. Кн. 46. С. 486—489.
44. Князь *Сергей Щербатов*. Художник в ушедшей России. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1958 // Опыты. Нью-Йорк, 1958. № 6. С. 104—106.

Письма Ф.А. Степуна

1. Переписка Ф.А. Степуна и архиепископа Иоанна Шаховского (1925—1926) // *Шаховской Иоанн***.** Биография юности. Установление единства. Paris: YMCA-PRESS, 1977. С. 378—386.
2. Письмо к О.А. Шор // Новый мир. М., 1991. № 6. С. 237—239. (*Публикация и комментарии Д.В. Иванова и А.В. Шишкина*).
3. М. Горький и Ф.А. Степун. Переписка. (*Публ., подг. текста, предисл. и прим. И.А. Бочаровой*) // De Visu. М., 1993. № 3(4). (1923—26). С. 43—54.
4. Одиннадцать писем (*переписка Степуна по поводу «Логоса»*). *Публикация и примечания В.В. Сапова* // Вестник РАН. М., 1993. Т. 63. № 3. С. 272—279. (*Его же — вступительная статья*. С. 267 —272).
5. Федор Степун. Письмо Г.П. Струве («Последнее» письмо Пастернака) // Независимая газета. М., 1994. 13.09.94. *Публикация Ж. Шерона.*
6. Федор Степун: письма и отклики (архивные документы: *публикация и комментарии В.К. Кантора*) // Вопросы философии. М., 1999. № 3. С. 145—160.
7. Федор Степун. Немецкие письма (*публикация, перевод с немецкого и комментарии В.К. Кантора*) // Вестник Европы. М., 2001. № 3. С. 186—191.
8. Федор Степун. Русские письма (*публикация и комментарии В.К. Кантора*) // Вестник Европы. М., 2001. № 3. 192—199.
9. Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину. (Вступит. ст. *К. Хуфена*. Публ. и прим. *Р. Дэвиса и К. Хуфена*) // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 82—166.
10. *Сегал Д., Сегал (Рудник) Н.* Начало эмиграции: переписка Е.Д. Шора с Ф.А. Степуном и Вячеславом Ивановым // Вячеслав Иванов и его время. Материалы VII Международного симпозиума. Вена, 1998. Fr. a. Main; Wien: Peter Lang, 2002. С. 457—519.

11. Письма Ф. Степуна А Штейнбергу (Публ., вступит. ст. и прим. *Н. Портновой*) // Новый журнал. Нью-Йорк, 2004. № 236. С. 119—129.
12. Как издают шедевры. О публикации русского варианта мемуаров Ф. Степуна «Бывшее и несбывшееся». Письма Федора Степуна в издательство им. Чехова. (Вступит. ст., публ. и комм. *В. Кантора*) // Вопросы литературы. 2006. № 3. С. 278—319.
13. *Кантор В.К.* На взгляд изгнанника (письмо Ф. Степуна Г. Риккерту 1932 г., перевод с нем., публ. и прим. В.К. Кантора) // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 131—144.
14. *Kantor Vl.* Aus der Sicht eines Vertriebenen. Ein Brief von Fedor Stepun an Heinrich Rickert aus dem Jahr 1932 // Forum fur osteuropaische Ideen- und Zeitgeschichte. Jg. 11. Köln: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 2007. Heft 1. S. 163—175.
15. *Кантор В.К.* Русская философия в Германии: проблема восприятия, по архивным материалам. Письма Ф.А. Степуна С.Л. Франку и Т.С. Франк (Предисл., публ., сост. и прим. *В.К. Кантора*) // Историко-философский ежегодник. 2007. М.: Наука, 2008. С. 404—458.
16. Письмо архимандриту Иоанну (Шаховскому) Ф.А. Степуна (из архива Г.П. Федотова). 16 октября 1948 г. // *Федотов Г.П.* Собр. соч. В 12 т. М.: Sam & Sam, 2008. С. 447—452. (Прим. *С.С. Бычкова*, там же, с. 453—457).
17. Иванов — Степун (избранная переписка). Подг. текста *А. Шишкина,* комм. *К. Хуфена и А. Шишкина* // Символ — Simvol. Журнал христианской культуры. Париж; М., 2008. № 53—54.
18. Русские европейцы на Западе. Письма Ф.А. Степуна к Г.П. Федотову и В.В. Вейдле (Публ. и комм. *В.К. Кантора*) // Вопросы философии. М., 2009. № 6. С. 106—127.
19. Из переписки Г.И. и Ф.Д. Газдановых с Ф.А. Степуном // *Газданов Г.* Собр. соч.: В 5 т./ Под общ. ред. Т.Н. Красавченко. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 5. С.141—145. (Подг. текста и публ. *Ф. Хадоновой*).
20. *Кантор В. К.* Ф. А. Степун: анализ большевизма и национал-социализма (с приложением двух писем Степуна Н. А. Бердяеву) // Вестник РСХА. СПб., 2009. Т. 10. Вып. 4. С. 156—173.
21. Письма Ф.А. Степуна к Д.И Чижевскому (Публ. и прим. *В.К. Кантора*) // Вопросы философии. М., 2010. № 1. С. 92—117.
22. *Кантор В.К.* Перекрестья эмигрантских судеб (письма Ф.А. Степуна к Б.П. Вышеславцеву с приложением речи Степуна о большевизме) // Философский журнал. М., 2010. № 4. С. 53—78.
23. Письма Степуна к Марии и Густаву Кульман. *Публикация и комментарии В.К. Кантора* // Вопросы философии. М., 2011. № 8. С. 116—143.
24. *Christophersen Alf.* Paul Tillich im Dialog mit dem Kultur- und Religionsphilosophen Fedor Stepun. Eine Korrespondenz im Zeichen von Bolschewismus und Nationalsozialismus // Zeitschrift für neuere Theologie-Geschichte. Berlin, 2011. Bd. 18. Heft 1. S. 102—173.
25. Письма Ф.А. Степуна Борису и Вере Зайцевым (Публ. и комм. *В.К. Кантора*) // Вопросы литературы. М., 2012. № 1. С.346—382.
26. Письма Д.А. Оболенского и Ф.А. Степуна (*Публикация и комментарии В.К. Кантора. Перевод Б.Л. Хавкина*) // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 146—150.

О Ф.А. Степуне

Книги

1. *Hufen Ch.* Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Rußland in Europa. Die Jahre 1884—1945. Berlin: Lukas Verlag, 2001. — 583 S. *Монография.*
2. *Киселев А.Ф.* С верой в Россию: Духовные искания Федора Степуна. М.: Дрофа, 2011. — 364 с.
3. Федор Августович Степун / Под ред. В. К. Кантора (составление, вступительная статья и общая редакция тома). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 399 с. : ил. — (Философия России первой половины XX в.).

Статьи

4. *Эрн В.Ф.* Нечто о Логосе, русской философии и научности (впервые 1910, затем в сборнике «Борьба за Логос». М.: Путь, 1911) // *Эрн. В.Ф.* Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 71—108.
5. *Белый А.* Ответ Ф.А. Степуну на открытое письмо в № 4—5 «Трудов и дней» // Труды и дни. М., 1912. № 6. Ноябрь—Декабрь. С.16—26.
6. *Эфрон С.Я.* (*рец.*) Из писем прапорщика-артиллериста // Своими путями. Прага, 1925. № 10—11. *Подпись: С.Э.*
7. *Чижевский Д.И.* (*рец*). Ф. Степун. Жизнь и творчество. Берлин, 1923. 252 с. // Современные записки. Париж, 1926. № 28. С. 496—499. *Подпись: П. Прокофьев.*
8. *Авксентьев Н.* В интересах ясности // Современные записки. Париж, 1926. № 28. С. 393—397.
9. *Смирнов Н.* На том берегу. Заметки об эмигрантской литературе // Новый мир. М., 1926. №6. С. 141—150. [«Мои службы» М.И. Цветаевой, «Николай Переслегин» и «Мысли о России» Ф.А. Степуна, «Алексей божий человек» Б.К. Зайцева, «На пеньках» И.С. Шмелева в № 23—26 Современных Записок].
10. *Архангельский В.* Мысли о «Мыслях о России» (по поводу одной статьи Ф.А. Степуна) // Дни. Париж, 1926. 15 июля. № 1054. С. 2.
11. *Пущин Лев* [*Гиппиус З.Н.*] Два слова о двух статьях (Бунаков и Степун) // Новый корабль. Париж, 1927. № 2. С. 50—52. [«Пути России» И. Бунакова и «Мысли о России» Ф. Степуна (СЗ № 32).]
12. *Вишняк М.* О слоне, буйволе и «переливчатом многосмыслии» // Дни. Париж, 1927. 12.10. № 1204. С. 2—3. [По поводу «Мыслей о России» Ф. Степуна в СЗ № 32.]
13. *Чижевский Д.И.* (*рец*) Ф. Степун. Из писем прапорщика-артиллериста // Современные записки. Париж, 1928. Кн. 34. С. 511—514 (*подпись — П.П.*).
14. *Адамович Г.* Литературные беседы // Звено. Париж, 1928. 1 марта. № 3. С. 126—128. [По поводу «Мыслей о России» Степуна в СЗ № 33.]
15. *Талин В.И.* (*Португейс С.О.*) Орган кризиса и кризис органа // Последние новости. Париж, 1928. 10 марта. № 2544. С. 2. [По поводу «Литературных заметок» Ф.А. Степуна].
16. *Вишняк М.В.* Социализм и миросозерцание // Дни. Париж, 1928. 18 мая. № 1422. С. 2—3. [По поводу «Мыслей о России» Степуна в СЗ № 35].
17. *Милюков П.Н.* (?) Романтический социализм // Последние новости. Париж, 1928. 23 мая. № 2618. С. 1. [По поводу «Мыслей о России» Степуна в СЗ № 35].
18. *Вишняк М.* О переосмысливании Ф.А. Степуна // Современные записки. 1929. № 40. С. 461—471.
19. *Адамович Г.* (*рец.*) Николай Переслегин. // Последние новости. Париж, 1929. 29 августа.
20. *Федотов Г.П. (рец.).* Fedor Stepun. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der

Revolution. Bern; Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934. // Новый град. Париж, 1934. № 9. С. 94—95 (*подпись — Г.Ф.*).
21. *Hoentzsch F.* Fedor Stepun — ein Mittler zwischen Russland und Europa // Hochland. München; Kempten, 1936—1937. Jg. 34. Bd.2. S. 189—215.
22. *Херасков Ив.* Аура чаемой России // Новый Град. Париж, 1937. № 12. С. 102—114.
23. *Bernhart J.* Wahrheit, Lehre und Antlitz. Ein offener Brief von Joseph Bernhart // Hochland. München; Kempten, 19471948. Heft 4. Jg. 40.
24. *Полторацкий Н.П.* Философ-артист // Возрождение. Париж, 1951. № 16. Июль—август. С.171—174.
25. *Карпович М.* О воспоминаниях Степуна // Новый журнал. Нью-Йорк, 1956. № 46. С. 220—237.
26. *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956. — 387 с.
27. *Вишняк М.* Заключительное слово // Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. № 57. С. 206—235.
28. *Франк В.* Fedor Stepun. Der Bolschewismus und die christliche Existenz. Munchen.: Kosel Verlag, 1959 // Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. № 59. С. 291—292.
29. *Rainer C.* Rußland — asiatischer Vorposten in Europa? // Der Tagesspiegel. Berlin. 13.5.1959.
30. *Зандер Л.* О Ф.А. Степуне и о некоторых его книгах // Мосты. Мюнхен, 1963. № 10. С. 318—340.
31. *Померанцев К.* «Встречи». Федор Степун. Изд. Товарищества Зарубежных писателей. Мюнхен. 1962. // Мосты. Мюнхен. 1963. №10. С. 412-414.
32. *Иваск Ю.* Федор Степун. Встречи. Издание товарищества зарубежных писателей. Мюнхен, 1962 // Новый журнал. 1963. № 74. С. 289—292.
33. *Müller L.* Rez. zu: Fedor Stepun, Dostojewskij und Tolstoj. Christentum und soziale Revolution. Drei Essays. München: Carl Hanser, 1961 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Köln, 1963. № 11. S. 413f.
34. *Чижевский Д.* Речь о Степуне, произнесенная на юбилейном вечере, организованном Баварской Академией изящных искусств в Мюнхене 20 февраля 1964 г. // Новый журнал. Нью-Йорк, 1964. № 75. С. 283—288.
35. *Иваск Ю.* Stepun F. Mystische Weltschau. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block. München: Carl Hanser Verlag, 1964. 442 S. // Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. № 79. С. 288—291.
36. *Струве Н.* Памяти Ф.А. Степуна // Вестник РСХД. Париж; Нью-Йорк, 1965. № 77. С. 51—52.
37. Ф.А. Степун. 1884—1965. (*ред.*) // Вестник РСХД. Париж; Нью-Йорк, 1965. № 77. С. 52—53.
38. *Polkuch V.* Die Finsternis will nicht weichen. Fedor Stepun zum Gedenken // Die Welt. Hamburg, 1965. 26. Febr. S. 3.
39. *А. К. (Александр Киселев?)*. Федор Августович Степун // Наше общее дело. Нью-Йорк; Мюнхен, 1965. № 3.С. 3—4.
40. *Вишняк М.* Памяти Ф.А. Степуна // Русская мысль. Нью-Йорк, 1965. № 2277, 4 марта. С. 5.
41. *Архиепископ Иоанн С.Ф. (Сан-Францисский)*. Русский звездопад (Памяти Федора Степуна) // Русская мысль. Нью-Йорк, 1965, 8 апреля. С. 4.
42. *Штаммлер А.* Ф.А. Степун // Новый журнал. Нью-Йорк, 1966. № 82. С. 247—256.
43. *Тургенева А.* Андрей Белый и Рудольф Штейнер (*Ответ на заметку Степуна о Белом и Штайнере*) // Мосты. Мюнхен, 1970. № 15. С. 236—251. *То же* в кн.: Воспоминания о серебряном веке. *Сост., авт. предисловия и коммент. В. Крейд.* М.: Республика, 1993. С. 191—202.

44. *Хоружий С.С.* Степун, Федор Августович // Философская энциклопедия. Т. 5. М.: Сов. Энциклопедия, 1970. С. 133—134.
45. *Штаммлер А.В.* Ф.А. Степун // Русская религиозно-философская мысль XX века. Сб. статей под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург: Отд. славянск. яз. и лит-ры Питтсбургского ун-та,1975. С. 322—332.
46. *Raeff M.* «Novyi Grad» and Germany: A Chapter in the intellectual History of the Russian Emigration of the 1930s. // Felder und Vorfelder russischer Geschichte. Studien zu Ehren von Peter Scheibert. Freiburg: Verlag Rombach, 1985. S. 255—265.
47. *Фридлендер Г.М.* О Ф.А. Степуне // Русская литература. М., 1989. № 3. С. 109—112. (*Предисл. к публ.: Ф.А. Степун.* Литературно-критические статьи — По поводу «Митиной любви», Вячеслав Иванов, Памяти Андрея Белого).
48. *Чубаров И.М.* Зачалось и быть могло, но стать не возмогло (*Предисл. к «Жизни и творчеству» Степуна*) // Логос. М., 1991. №1. С. 88—97.
49. *Ермичёв А.А.* Степун-философ // Ступени. СПб., 1991. № 2.
50. *Борисов В.М.* Ф.А. Степун (1884—1965) // Новый мир. М., 1991. № 6. С.201—204.
51. *Bossle L.* Fedor Stepun, der Begründer der Soziologischen Lehrtradition in Dresden // Dresdener Hefte. Dresden, 1991. N. 25. Jg. 9. Heft 1. Beiträge zur Kulturgeschichte. S. 45—52.
52. *Филиппов Б.* Федор Августович Степун (19 февраля 1884 — 27 февраля [*на самом деле 23 февраля*] 1965) // *Степун Ф.* Встречи и размышления. Избр. статьи. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. С. 5—11.
53. *Жиглевич Е.* На путях эмигрантских. Безмолвные встречи со Степуном. // *Степун Ф.* Встречи и размышления. Избр. статьи. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. С. 12—31.
54. *Сапов В.В.* Журнал «Логос» — прерванный на полуслове диалог. Вестник РАН. М., 1993. Т. 63. № 3. С. 267—272.
55. *Филонова Л.Г.* Федор Августович Степун // Русские философы. Антология. М.: Кн. палата, 1996. С. 126—140.
56. *Малахов В.* Степун (Степпун) Федор Августович // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М.: Наука, 1995. С. 490—492.
57. *Bezrodnyj M.* Die russische Ausgabe der internationalen Zeitschrift für Kulturphilosophilosophie «Logos» (1910—1914) // Treiber Hubert & Sauerland Karol (Hrsg.). Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes»: 1850—1950. Opladen: Wesdeutscher Verlag GmbH., 1995. S. 150—169.
58. *Treiber H.* Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903—1955). Über Freundschaft- und Spätbürgertreffen in einer deutschen Kleinstadt // Treiber H., Sauerland K. (Hrsg.). Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes»: 1850—1950. Opladen: Wesdeutscher Verlag GmbH., 1995. S. 70—118.
59. *Крамме Р.* Творить новую культуру // Логос. 1910—1933 // Социологический журнал. М.: 1995. № 1. С. 122—137.
60. *Гергель Р.Е.* Ценностноориентированная социология Ф.А. Степуна // Социологический журнал. М., 1995. № 4. С. 101—102.
61. *Соболев А.В.* Биографическая справка // Опыт русского либерализма. Антология. М.: Канон+, 1997. С. 380—385.
62. *Fischmann V.* Fedor Stepun — Drama in vier Akten // Russische Spuren in Bayern. Portraits, Geschichten, Erinnerungen. Hrsg. von MIR e.V. München: Zentrum russischen Kultur in München, 1997. S. 175—182.
63. *Кантор Вл.* Артистическая эпоха и ее последствия (По страницам Федора Степуна) // Вопросы литературы. 1997. № 2. Март—Апрель. С. 124—166.

То же // *Кантор Вл.* «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 416—467. *То же:* в сб. «Метаморфозы артистизма». М.: РИК, 1997. С. 6—40.

64. *Гергель Р.Е.* Социология массы Федора Степуна // Журнал социологии и социальной антропологии. М., 1998. Т. I. № 3. С. 33—42.
65. *Кантор В.К.* Федор Степун: российская мысль в контексте европейских катаклизмов // Вопросы философии. М., 1999. № 3. С. 112—136.
66. *Ермичёв А.А.* Федор Августович Степун: христианское видение России // *Степун Ф.А.* Чаемая Россия. СПб.: РХГИ, 1999. С. 446—467.
67. *Ермичёв А.А.* Ф.А. Степун. Очерк жизни // *Степун Ф.А.* Портреты. СПб.: РХГИ, 1999. С. 393—409.
68. *Хёнинг И.* Бывшее и несбывшееся: личные воспоминания о последних годах жизни Ф.А. Степуна в Мюнхене // *Степун Ф.А.* Портреты. СПб.: РХГИ, 1999. С. 357—359.
69. *Кантор В.К.* Ф.А. Степун: Русский философ в эпоху безумия разума // *Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 3— 33.
70. *Rehberg K.-S.* «Seelentum und Technik» in zerrissener Zeit. Der Exilrusse Fedor Stepun als Schriftsteller, «Theologe» und früher Fachvertreter der Soziologie in Dresden // Auf dem Weg zur Universität. Kulturwissenschaft in Dresden 1871 / 1945. Hrsg. von J. Rohbeck und H.-U. Wöhler. Dresden: Thelem bei w.e.b. Univ.-Verl., 2001. S. 330—356.
71. *Ермичёв А.А.* Большевистская революция и В.И. Ленин (к статье Ф.А. Степуна «Ленин») // Вопросы философии. М., 2002. № 8. С. 88—92.
72. *Квон Ки Бэ.* Романы Ф. А. Степуна: философия. Поэтика: *Диссертация* канд. филол. наук: 10.01.01: Санкт-Петербург, 2003. — 201 с.
73. *Кантемирова Е. Н.* Проект «духоверческой» культуры и христианской общественности в философии Ф. А. Степуна. *Диссертация* канд. филос. наук : 09.00.03 Уссурийск, 2003. 46 с.
74. *Лапицкий Марк.* Заметки на полях трудов Федора Степуна // История: Еженед. прил. к газете «Первое сентября». 2003. № 1. С. 12—15.
75. *Кантор Вл.* Федор Степун: русский философ против большевизма и нацизма // Слово/Word. N.-Y., 2005. № 45. С. 80—89.
76. *Kantor Vl.* Die artistische Epoche und ihre Folgen. Gedanken beim Lesen von Fedor Stepun // Forum fur osteuropaische Ideen- und Zeitgeschichte. Jg. 9. Heft 2. Koln: Bohlau Verlag GmbH & Cie, 2005. S. 11—38.
77. *Елькин А.В.* Философия культуры Ф.А. Степуна и Г.П. Федотова. Новоградство. *Диссертация* канд. филос. наук: 24.00.01. Москва, 2005. 156 с.
78. *Kantor Vl.* Fjodor Stepun — ein Philosoph zwischen den Katastrophen in Rußland und Deutschland // Stürmische Aufbrüche und enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwieschenkriegszeit. *Hrsg. von K. Eimermacher, As. Volpert.* München: Wilhelm Fink Verlag, 2006. S. 613—647.
79. *Kantor Vl.* Aus der Sicht eines Vertriebenen. Ein Brief von Fedor Stepun an Heinrich Rickert aus dem Jahr 1932 // Forum fur osteuropaische Ideen- und Zeitgeschichte. Jg. 11. Heft 1. Köln: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 2007. S. 163—175.
80. *Kuße H.* Kultur als Dialog und Meinung. Einleitende Bemerkungen zum Denken Fedor Stepun (1884—1965) und Semen Frank (1877—1950) und der ihnen gewidmeten Tagung // Kultur als Dialog und Meinung. Specimina Philologiae Slavicae. Beiträge zu Fedor A. Stepun (1884—1965) und Semen L. Frank (1877—1950). Hrsg. von H. Kuße. B. 153. München: Verlag Otto Sagner, 2008. S. 9—40.
81. *Hufen Ch.* Lebendiges Material. Fedor Stepun als lohnendes Forschungsthema // Kultur als Dialog und Meinung. Specimina Philologiae Slavicae. Beiträge zu Fedor A. Stepun (1884—1965) und Semen L. Frank (1877—1950). Hrsg. von H. Kuße. B.153. München: Verlag Otto Sagner, 2008. S. 43—49.
82. *Udolph L.* Die russische Literatur in der Wertung Fedor Stepun // Kultur als Dia-

log und Meinung. Specimina Philologiae Slavicae. Beiträge zu Fedor A. Stepun (1884—1965) und Semen L. Frank (1877—1950). Hrsg. von H. Kuße. B. 153. München: Verlag Otto Sagner, 2008. S. 51—59.
83. *Блюменкранц М.* В борьбе с «метафизической инфляцией». Проблема демократии в мировосприятии Федора Степуна // Kultur als Dialog und Meinung. Specimina Philologiae Slavicae. Beiträge zu Fedor A. Stepun (1884—1965) und Semen L. Frank (1877—1950). Hrsg. von H. Kuße. B.153. München: Verlag Otto Sagner, 2008. S. 61— 67.
84. *Goldt R.* Демоны маскарада. Fedor Stepun und Vjačeslav Ivanov im Umfeld der Polemik zu Maske. Antlitz und Persönlichkeit // Kultur als Dialog und Meinung. Specimina Philologiae Slavicae. Beiträge zu Fedor A. Stepun (1884—1965) und Semen L. Frank (1877—1950). Hrsg. von H. Kuße. B.153. München: Verlag Otto Sagner, 2008. S. 69—75.
85. *Pinggèrra K.* Fedor Stepun und der Protestantismus // Kultur als Dialog und Meinung. Specimina Philologiae Slavicae. Beiträge zu Fedor A. Stepun (1884—1965) und Semen L. Frank (1877—1950). Hrsg. von H. Kuße. B.153. München: Verlag Otto Sagner, 2008. S. 77—95.
86. *Dietrich W.* Fedor Stepun und Nikolaj Berdjaev // Kultur als Dialog und Meinung. Specimina Philologiae Slavicae. Beiträge zu Fedor A. Stepun (1884—1965) und Semen L. Frank (1877—1950). Hrsg. von H. Kuße. B.153. München: Verlag Otto Sagner, 2008. S. 97—110.
87. *Кантор Вл.* Степун и Франк: жизнь в изгнании, или трагедия неуслышанности // Kultur als Dialog und Meinung. Specimina Philologiae Slavicae. Beiträge zu Fedor A. Stepun (1884—1965) und Semen L. Frank (1877—1950). Hrsg. von H. Kuße. B. 153. München: Verlag Otto Sagner, 2008. S. 241—257.
88. *Гергилов Р.Е.* Ф.А. Степун в Дрездене. Первые годы эмиграции // Вестник РГХА. СПб., 2009. Т. 10. Вып. 4. С. 149—155.
89. *Соболев А.В.* Федор Степун: от кантианства к славянофильству // Вестник РХГА. СПб., 2009. Т. 10. Вып. 4. С. 141—148.
90. *Кантор В. К.* Ф. А. Степун: анализ большевизма и национал-социализма (с приложением двух писем Степуна Н. А. Бердяеву) // Вестник РХГА. СПб., 2009. Т. 10. Вып. 4. С. 156—173.
91. *Кантор В.К.* Ф.А. Степун, «Мусагет», Э.К. Метнер // Кантовский сборник. Калининград, 2010. № 1 (31). С. 49—59.
92. *Кантор В.К.* Федор Степун. Философ между двух идеократий в России и Германии // Россия и Германия в XX веке: в 3 т. Т. 2. Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. М: АИРО-XXI, 2010. С. 493—517.
93. *Кантор Вл.* Русские европейцы на Западе: письма Ф.А. Степуна к Г.П. Федотову и В.В. Вейдле // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры — Русское издание: № 1, 2010. — http://www1.ku-ichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss13.html
94. *Kantor Vl.* Fedor Stepun über Deutschland // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 2010. Jg. 14. Heft 1. S. 125—138.
95. *Fischmann V.* Fedor Stepun — Drama in vier Akten // Das russische München: Erinnerungen, Portraits, Aufzeichnungen. München. Hrsg. MIR e. V.; Zentrum russischer Kultur in München. 2010. S. 154—170.
96. *Schult H.* Erinnurengen an Fedor Stepun // Das russische München: Erinnerungen, Portraits, Aufzeichnungen. München: Hrsg. MIR e. V.; Zentrum russischer Kultur in München, 2010. S. 171—176.
97. *Maier H.* Professor Fedor Stepun // Das russische München: Erinnerungen, Portraits, Aufzeichnungen. München: Hrsg. MIR e. V.; Zentrum russischer Kultur in München, 2010. S. 177-181.
98. *Schlippe I.* Von Stepun und seine Studenten // Das russische München: Erinne-

rungen, Portraits, Aufzeichnungen. München: Hrsg. MIR e. V.; Zentrum russischer Kultur in München, 2010. S. 181—185.
99. *Кантор В.К.* Возможна ли дружба интеллектуалов в эмиграции? (Степун и Чижевский) // Вопросы философии. М., 2010. № 1. С. 84—91.
100. *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына: Русский путь. 2010. — 544 с.
101. *Мелих Ю.Б.* Ф.А. Степун — кантианец и мистик // Вопросы философии. М., 2010. № 7. С. 102—116.
102. *Кантор В.К.* Перекрестья эмигрантских судеб (письма Ф.А. Степуна к Б.П. Вышеславцеву с приложением речи Степуна о большевизме) // Философский журнал. М., 2010. № 4. С. 53—72.
103. *Трайбер Г.* Рождение веберовского рационализма: Гейдельберг и знакомство Вебера с русской философией истории (размышления в связи с публикацией первого тома писем полного собрания сочинений Макса Вебера // Вестник РХГА. СПб., 2010. Т. 11. Вып. 2. С. 137—151.
104. *Christophersen A.* Paul Tillich im Dialog mit dem Kultur- und Religionsphilosophen Fedor Stepun. Eine Korrespondenz im Zeichen von Bolschewismus und Nationalsozialismus // Zeitschrift für Neuere Theologiegeschichte / Journal for the History of Modern Theology. Berlin, 2011. Vol. 18 (1).
105. *Кантор В.К.* «Положительно прекрасный человек», помогавший выжить (русская эмиграция и ее хранитель). Письма Степуна к Марии и Густаву Кульман // Вопросы философии. М., 2011. № 8. С. 111—115.
106. *Тиме Г.А.* Федор Степун: «родина на чужбине и чужбина на родине». «Мысли о России» и «Письма из Германии» (взгляд Другого) // *Тиме Г.А.* Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX—XX веков. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 365—404.
107. *Тиме Г.А.* Взгляд «русского немца» как путешественника и миссионера. Федор Степун о Берлине, Германии и России // *Тиме Г.А.* Путешествие Москва — Берлин — Москва. Русский взгляд Другого. М.: РОССПЭН, 2011. С. 86—110.
108. *Кантор В.* Трудное сближение: Зайцев и Степун // Вопросы литературы. М., 2012. № 1.
109. *Кантор В.К.* Дрезденские размышления: российские мотивы // Вопросы философии. М., 2012. № 3. С. 136-146.
110. *Кантор В.К.* Переживая немецкую катастрофу: Степун и Тиллих // Вопросы философии. М., 2012. № 11. С. 114—120.

Список иллюстраций

44. Православный храм Симеона Дивногорца, Дрезден (фото Вольфганга Шелике).
45. В своем кабинете (Мюнхен).
46. Обложка последней книги Степуна «Мистическое мировидение». Издательство Карла Ханзера в Мюнхене. 1964 г.
47. Извещение о смерти и похоронах Степуна: «3 февраля 1965 нас навсегда неожиданно оставил проф. др. Федор Степун, родившийся 19 февраля 1884 в Москве. От лица его родственников и друзей – Марга Степун. Погребение: пятница 26 февраля 1965 в 13.00 на Северном кладбище (Nordfriedhof). Мы просим венки посылать прямо на (Северное кладбище) Нордфридхоф». *Из архива Католического ун-та г. Айхштетта (Eichstätt)*.
48. Место захоронения Степуна на мюнхенском кладбище, в могиле уже другой человек.
49. Мемориальная доска в Мюнхене (2004).
50. Мемориальная доска в Кондрово (2009).

О составителе

Владимир Карлович Кантор – доктор философских наук, профессор философского факультета Национального Исследовательского Университета – Высшей Школы Экономики (НИУ-ВШЭ), член редколлегии журнала «Вопросы философии», член Союза российских писателей, прозаик, лауреат премии Генриха Бёлля (Германия,1992), нескольких отечественных премий, трижды номинировавшийся на премию Букера, историк русской культуры, автор более пятисот опубликованных работ. Лауреат премии «Золотая вышка» за достижения в науке (2009, Москва). Область научных интересов – философия русской истории и культуры. По европейскому рейтингу, публикуемому раз в 40 лет (январь 2005) парижским журналом «Le nouvel observateur (hors serie)», вошел в число 25 крупнейших мыслителей современности, как «**законный продолжатель творчества Ф.М. Достоевского и В.С Соловьева**». Произведения Владимира Кантора переводились на английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, польский, чешский, сербский, эстонский языки.

Основные опубликованные сочинения Владимира Кантора

ПРОЗА

Два дома. Повести. М.: Советский писатель, 1985.
Крокодил. Роман // Нева. 1990, № 4.
Историческая справка. Повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1990.
Победитель крыс. Роман-сказка. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1991.
Поезд «Кёльн-Москва». Повесть // Вопросы философии. 1995. № 7.
Мутное время. Из цикла «Сны» // Золотой век. 1995. № 7.
Крепость. Роман (журнальный вариант) // Октябрь. 1996, №№ 6, 7.
Чур. Роман-сказка. М.: Московский философский фонд, 1998.
Соседи. Повесть // Октябрь. 1998, № 10.
Два дома и окрестности. Повесть и рассказы. М.: Московский философский фонд. 2000.
Рождественская история, или Записки из полумертвого дома. Повесть // Октябрь. 2002. № 9.
Крокодил. Роман. М.: Московский философский фонд. 2002.
Записки из полумертвого дома. Повести, рассказы, радиопьеса. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
Крепость. Роман (*сокращенный вариант*). М.: РОССПЭН, 2004. (Серия «Письмена времени»).
Krokodyl. Roman. *Przekład: Walentyna Mikołajczyk-Trzcińska*. Warszawa: Dialog, 2007.
Гид. Немного сказочная повесть // Звезда. 2007. № 6.
Соседи. Арабески. М.: Время, 2008.
Смерть пенсионера // Звезда. 2008. № 10.
Krokodill. Romaan. Vene keelest tõlkinud Jüri Ojamaa. Tallinn: Loomingu Raamatukogu, 2009.
Смерть пенсионера. Повесть, роман, рассказ. М.: Летний сад, 2010.
Няня. Рассказ // Знамя. 2010. № 12.
Сто долларов. Маленькая повесть // Звезда. 2011. № 4.
Наливное яблоко. Повествования. М.: Летний сад, 2012.
Morte di un pensionato. Venezia: Amos Ediziooni, 2013.
Запах мысли. Повесть (*в печати*).
Помрачение. Роман. М.: Летний сад, 2013.

МОНОГРАФИИ

Русская эстетика второй половины XIX столетия и общественная борьба. М.: Искусство, 1978.

«Братья Карамазовы» Ф. Достоевского. М.: Художественная литература, 1983.

«Средь бурь гражданских и тревоги...» Борьба идей в русской литературе 40—70-х годов XIX века. М.: Художественная литература, 1988.

В поисках личности. Опыт русской классики. М.: Московский философский фонд, 1994 (Серия «Россия и Запад»).

«...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М.: РОССПЭН, 1997.

Russija je evropska zemlja. Mukotrpan put ka civilizaciji. *Prevela s ruskog Mirjana Grbic.* Beograd, 2001. (Biblioteka XX vek).

Феномен русского европейца. Культурфилософские очерки. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999.

Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: РОССПЭН. 2001.

Русская классика, или Бытие России. М.: РОССПЭН, 2005. (Серия «Российские Пропилеи»).

Willkür oder Freiheit? Beiträge zur russischen Geschichtsphilosophie. Ediert von Dagmar Herrmann sowie mit einem Vorwort versehen von Leonid Luks. Stuttgart: ibidem-Verlag. 2006.

Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. М.: РОССПЭН, 2007. (Серия «Россия в поисках себя...»)

Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. М.: РОССПЭН, 2008. (Серия «Российские пропилеи»).

Das Westlertum und der Weg Russlands. Zur Entwicklung der russischen Literatur und Philosophie. Ediert von Dagmar Herrmann. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2010.

«Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского. Очерки. М.: РОССПЭН, 2010. (Серия «Российские пропилеи»).

«Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России). М.: РОССПЭН, 2011. (Серия «Российские пропилеи»).

СБОРНИКИ

Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. Подготовка текста, составление, вступительная статья и примечания В.К. Кантора и А.Л. Осповата. М.: Искусство, 1982. – (Серия «История эстетики в памятниках и документах»).

А.И. Герцен. Эстетика. Критика. Проблемы культуры. Составление, вступительная статья и комментарии В.К. Кантора. М.: Искусство, 1987. (Серия «История эстетики в памятниках и документах»).

К.Д. Кавелин. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. Составление, вступительная статья В.К. Кантора. Подготовка текста и примечания В.К. Кантора и О.Е. Майоровой (Серия «Из истории отечественной философской мысли»). М.: Правда, 1989.

Метаморфозы артистизма. Составление, первая статья. М.: РИК, 1997.

Ф.А. Степун. Сочинения. Составление, вступительная статья, примечания и библиография В.К. Кантора (Серия «Из истории отечественной философской мысли»). М.: РОССПЭН, 2000.

Simon L. Frank. Licht in der Finsternis. Versuch einer christlichen Ethik und Sozialphilosophie. Einleitung und Kommentar von Vladimir Kantor. Freiburg; München: Verlag Karl Alber, 2008.

Юрий Михайлович Лотман. Сборник. Составление, вступительная статья В.К. Кантора (Серия «Философия России второй половины XX века»). М.: РОССПЭН, 2009.

Федор Августович Степун. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. Вступительная статья, составление и комментарии В.К. Кантора (Серия «Социальная мысль России»). М.: Астрель, 2009.

Федор Августович Степун. Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения. Вступительная статья, составление и комментарии В.К. Кантора (в печати).

Александр Иванович Герцен. Избранные труды. Составление, предисловие, комментарии В.К. Кантора. (Серия «Библиотека общественной мысли»). М.: РОССПЭН, 2010.

Федор Августович Степун. Сборник. Составление, вступительная статья В.К. Кантора (Серия «Философия России первой половины XX века»). М.:РОССПЭН, 2012.

Петр Бернгардович Струве. Сборник. Составление, вступительная статья О.А. Жуковой и В.К. Кантора (Серия «Философия России первой половины XX века»). М.: РОССПЭН, 2012.

Указатель имен

Содержание

Научное издание

Российские Пропилеи

Федор Степун
Письма

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Корректор *И. И. Ремезова*
Компьютерная верстка *Ю. В. Балабанов*

Лицензия ЛР № 066009 от 22.07.98. Подписано в печать 3.09.2013
Гарнитура Newton. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,0.
Тираж 1500 экз. Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, д. 40, стр. 1.
Тел./факс: (499) 985-15-75

Книги, подготовленные Центром гуманитарных научно-информационных исследований ИНИОН РАН

Руководитель Центра Л.В. Скворцов
Главный редактор и автор проектов С.Я. Левит

Серия «Российские Пропилеи»

Серия «Российские Пропилеи» основана в 1998 г. В этой серии представлены труды выдающихся мыслителей России и русского зарубежья, входящие в сокровищницу философской и культурологической мысли. В издаваемых работах освещается комплекс важнейших проблем: единство европейской культуры, феноменология русской культуры, история России в свете теории цивилизации, Россия на перекрестке культур, нераздельность национального и вселенского, традиции русской философии.

Серия включает работы по философии, философии истории, теологии, культурологии, истории гуманитарной мысли в России.

Издано 75 томов.

Автономова Н.С.
Открытая структура: Якобсон—Бахтин—Лотман—Гаспаров. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 503 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).

Автономова Н.С.
Философский язык Жака Деррида. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 510 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).

Буслаев Ф.И.
Догадки и мечтания о первобытном человечестве / Сост. А.Л. Топорков. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. — 704 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).

Бычков В.В.
2000 лет христианской культуры Sub specie aesthetica: В 2 т. — М.; СПб.: Университетская книга, 1999. — Т. 1: Раннее христианство. Византия. — 575 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).

Бычков В.В.
2000 лет христианской культуры Sub specie aesthetica: В 2 т. — М.; СПб.: Университетская книга, 1999. — Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия. — 527 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).

Бычков В.В.
2000 лет христианской культуры Sub specie aesthetica: В 2 т. — М.: ООО «Изд-во МБА», 2007. — Т. 1: Раннее христианство. Византия. — 575 с., ил. — (Серия «Российские Пропилеи»).

Бычков В.В.
2000 лет христианской культуры Sub specie aesthetica: В 2-х т. — М.: ООО «Изд-во МБА», 2007. — Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия. — 527 с., ил. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Бычков В.В.
Эстетика Блаженного Августина. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. — 528 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Бычков В.В.
Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства. — М.: ООО «Изд-во МБА», 2010. — 784 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Бычков В.В.
Древнерусская эстетика. — СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. — 832 с., ил. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Великовский С.И.
Умозрение и словесность. Очерки французской культуры. — М.; СПб.: Университетская книга, 1998. — 711 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Великовский С.
В скрещенье лучей. Очерки французской поэзии XIX—XX веков. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. — 415 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Веселовский А.Н.
Избранное: Историческая поэтика / Сост. И.О. Шайтанов. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. — 688 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Веселовский А.Н.
Избранное: На пути к исторической поэтике / Сост. И.О. Шайтанов. — М.: Автокнига, 2010. — 688 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Веселовский А.Н.
Избранное: Традиционная духовная культура / Сост. Т.В. Говенько. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 624 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Веселовский А.Н.
Избранное: Историческая поэтика / Сост. И.О. Шайтанов. — 2-е изд., испр. — СПб.: Университетская книга, 2011. — 687 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Габричевский А.Г.
Биография и культура: Документы, письма, воспоминания: В 2 кн. / Сост. О.С. Северцева. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 775 с., ил. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Галинская И.Л.
Потаенный мир писателя. — М.; СПб.: Летний сад, 2007. — 424 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Гальцева Р.А.
Знаки эпохи. Философская полемика. — М.: Летний сад, 2008. — 668 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Гальцева Р.А., Роднянская И.Б.
К портретам русских мыслителей. — М.: Петроглиф; Патриаршее подворье храма — домового мц. Татианы при МГУ, 2012. — 748 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Гачев Г.
60 дней в мышлении (Самозарождение жанра). — М.; СПб.: Летний сад, 2006. — 480 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Гершензон М. О.
Избранное. — М.; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. — Т. 1: Мудрость Пушкина / Сост. С.Я. Левит. — 592 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).

Гершензон М. О.
Избранное. — М.; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. — Т. 2: Молодая Россия / Сост. С.Я. Левит. — 576 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Гершензон М.О.
Избранное. — М.; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. — Т. 3: Образы прошлого / Сост. С.Я. Левит. — 704 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Гершензон М.О.
Избранное. — М.; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. — Т. 4: Тройственный образ совершенства / Сост. С.Я. Левит, Л.Т. Мильская. — 640 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Гершензон М.О.
Избранное. Мудрость Пушкина / Сост. С.Я. Левит. — М.: ООО «Изд-во МБА», 2007. — 656 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Гуревич А.Я.
Избранные труды. — М.; СПб.: Университетская книга, 1999. — Т. 1: Древние германцы. Викинги. — 360 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Гуревич А. Я.
Избранные труды. — М.; СПб.: Университетская книга, 1999. — Т. 2: Средневековый мир. — 560 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Гуревич А.Я.
Индивид и социум на средневековом Западе. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. — 424 с., ил. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Густав Шпет: Жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Отв. ред. и сост. Т.Г. Щедрина. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. — 720 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Густав Шпет и шекспировский круг: Письма, документы, переводы / Отв. ред.-сост., предисловие, комментарий, археографическая работа Т.Г. Щедрина. — М.; СПб.: Петроглиф, 2013. — 760 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Другие Средние века: К 75-летию А.Я. Гуревича / Сост. И.В. Дубровский, С.В. Оболенская, М.Ю. Парамонова. — М.; СПб.: Университетская книга, 1999. — 463 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Егоров Б.Ф.
Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. — М.: Летний сад, 2009. — 664 с. — (Серия «Российские Пропилеи).
Исупов К.Г.
Русская философская культура. — СПб.: Университетская книга, 2010. — 592 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Кантор В.К.
Русская классика, или Бытие России. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. — 768 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Кантор В.К.
Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 542 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Кантор В.К.
«Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского: Очерки. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 422 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Кантор В.К.
«Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России). — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 608 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).

Кнабе Г.
Избранные труды. Теория и история культуры. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); СПб.: Летний сад, 2006. — 1200 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Лёзов С.
Попытка понимания: Избранные работы. — М.; СПб.: Университетская книга, 1999. — 575 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Медушевская О.
Теория исторического познания: Избранные произведения. — СПб.: Университетская книга, 2010. — 572 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Мильдон В.И.
Санскрит во льдах, или возвращение из Офира: Очерк русской литературной утопии и утопического сознания. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. — 288 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Патрушев А.
Германская история: Через тернии двух тысячелетий. — М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2007. — 704 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Пивоваров Ю.С.
Полная гибель всерьез. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 319 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Померанц Г.С.
Страстная односторонность и бесстрастие духа. — СПб.: Университетская книга, 1998. — 617 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Померанц Г.С.
Открытость бездне: Встречи с Достоевским. — 2-е изд. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. — 352 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Померанц Г.С.
Открытость бездне: Встречи с Достоевским. — 3-е изд., доп. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. — 416 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Померанц Г.С.
Сны земли. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 464 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Померанц Г.С.
Сны земли. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. — 416 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Померанц Г.С.
Дороги духа и зигзаги истории. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 384 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Померанц Г.С.
Дороги духа и зигзаги истории. — 2-е изд., доп. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. — 416 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Померанц Г.С.
Выход из транса. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 583 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Пушкин в русской философской критике. Конец XIX — XX век. — М.; СПб.: Университетская книга, 1999. — 591 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Сафонов В.И.
Избранное. «Давайте переписываться с американскою быстротою...»: Переписка 1880—1905 годов / Сост. Е.Д. Кривицкая, Л.Л. Тумаринсон. — СПб.: Петроглиф, 2011. — 760 с. — ил. — (Серия «Российские Пропилеи»).
Стравинский И.Ф.
Хроника. Поэтика / Сост. С.И. Савенко. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 368 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).

Письма